Под редакцией С.Ушакина и А.Голубева

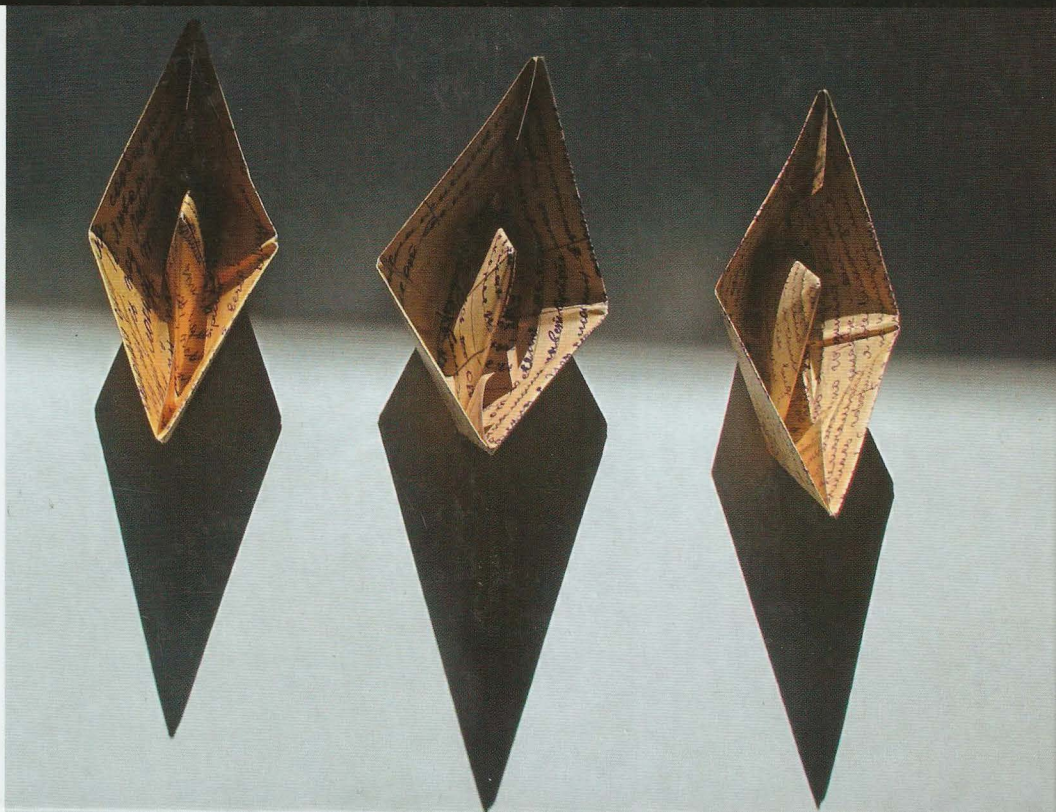
XX ВЕК: ПИСЬМА ВОЙНЫ

Антология военной корреспонденции

библиотека журнала

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный запас



Новое
Литературное
Обозрение

XX век:
Письма войны

Под редакцией
Сергея Ушакина и Алексея Голубева

Москва
Новое литературное обозрение
2016

УДК 335.01(47+57)(091)«19»(044.2)
ББК 63.3(2)6-68ю14
П35

Редактор серии
И. Калинин

Составление и редакция
Сергея Ушакина и *Алексея Голубева*
при участии
Елены Гончаровой и *Ирины Ребровой*

В оформлении обложки использованы работы из серии «Архив»
Зои Фроловой

Издание подготовлено при поддержке Комитета по исследованиям в области общественных и гуманитарных наук Принстонского университета

П35 **XX век: Письма войны** / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов.— М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 840 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0571-8
ISSN 1815-7912

Войны XX века превратили Россию и СССР в страну писем. Обязательная воинская служба, всеобщая грамотность и хорошая организация почтовой службы сделали письма основной формой коммуникации между военнослужащими и их близкими. Массовые мобилизации во время больших и малых войн XX века существенно расширили эту форму общения. Сборник «*XX век: Письма войны*» позволяет проследить зарождение и завершение феномена военной корреспонденции на протяжении столетия — от первой войны прошлого века в Южной Африке, когда устойчивая переписка стала возможной, до последней войны столетия на Северном Кавказе, когда письменная корреспонденция была окончательно вытеснена телефонной связью. Вековая экспозиция военных писем, представленная в сборнике, не только показывает, как происходит трансформация войны на письме, но и демонстрирует историческую динамику жанра военного письма. В сборник вошли подборки писем из частных коллекций, архивных и музейных фондов, а также ранее опубликованных, но малодоступных источников. За редким исключением письма представлены целиком, без купюр.

УДК 335.01(47+57)(091)«19»(044.2)
ББК 63.3(2)6-68ю14

© С. Ушакин, А. Голубев, составление, вступительная статья, 2016
© Авторы, 2016
© Зоя Фролова, фотография на обложке, 2015
© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

Благодарность

Эта книга смогла состояться только благодаря участию и помощи огромного количества людей, внесших в нее прямой или косвенный вклад. Мы выражаем нашу искреннюю благодарность за предоставление материалов, помощь в поиске, верификации и наборе

— Гульнаре Амановне Айтпаевой (Культурно-исследовательский центр «Айгине», Бишкек);

— Макке Султан-Гиреевне Албогачиевой (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН);

— Татьяне Анатольевне Балашовой (детская театральная студия «На Счастливой», Санкт-Петербург);

— Татьяне Леонидовне Барандовой (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге);

— Полине Барсковой (Хэмпшир-Колледж, Амхерст);

— Ренату Ириковичу Беккину (Казанский федеральный университет);

— Игорю Борисовичу Белому;

— Андрею Валентиновичу Бушмакову (Пермская государственная академия искусства и культуры);

— Дмитрию Константиновичу Вейну (Алтайский государственный педагогический университет);

— Анатолию Борисовичу Воробьеву (Еврейский музей и центр толерантности, Москва);

— Жанне Марковне Глозман;

— Гелинаде Геннадьевне Гринченко (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина);

— Эльзе-Баир Гучиновой (Европейский университет в Санкт-Петербурге);

— Наталье Георгиевне Дубинчик (Шемонаихинский историко-краеведческий музей);

— Оксане Дудко (Центр городской истории Центрально-Восточной Европы, Львов);

— Валентине Семеновне Дэн (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург);

— Игорю Олеговичу Ермаченко (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена);

— Ольге Михайловне Жариновой (Национальный архив Республики Карелия);

— Наталье Станиславовне Жуковой (Нижегородский комитет солдатских матерей);

— Андрию Заярнюку (Университет Виннипега, Канада);

— Роману Юрьевичу Казанкову (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина);

— Камилу Кулахматовичу Каланову (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент);

— Елене Анатольевне Калинкиной (Законодательное собрание Челябинской области);

— Магомету Мусаевичу Картоеву (Государственный архив Республики Ингушетия);

— Юрию Михайловичу Килину (Петрозаводский государственный университет);

— Нурдину Даутовичу Кодзоеву (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева);

— Тамаре Семеновне Комаровой (Красноярский краевой краеведческий музей);

— Виктору Кригеру;

— Марине Андреевне Лаврентьевой (Кубанский государственный технологический университет);

— Юкке Лехесвирта (Jukka Lehesvirta);

— Марине Алексеевне Липяниной (Европейский университет в Санкт-Петербурге);

— Исанне Михайловне Лурье (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург);

— Джареду Мак-Брайду (Jared McBride) (Университет штата Калифорнии в Лос-Анджелесе, США);

— Ольге Сергеевне Марковой (НИУ ВШЭ);

— Дареджан Диомидовне Маркович (Левис);

— Магомету Салмановичу Матиеву (Центр содействия малому бизнесу, с. Куртат (Гадаборшево), Северная Осетия-Алания);

— Марине Могильнер (Университет штата Иллинойс, Чикаго, США);

— Дмитрию Александровичу Мордвинову;

— Баатру Викторовичу Мошулдаеву;

— Олегу Рудольфовичу Николаеву;

— Наталье Алексеевне Ореховой (Красноярский краевой краеведческий музей);

— Владимиру Григорьевичу Павловскому (Краснодар);

— Заретхан Магомет-Саидовне Плиевой (Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова);

— Татьяне Сергеевне Поздняковой (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург);

— Александре Поливановой (Международное общество «Мемориал», Москва);

— Елене Тиграновне Постоян;

— Снежане Александровне Рогач (Белорусский национальный технический университет, Минск);

— Михаилу Яковлевичу Рожанскому (Центр независимых социальных исследований и образования, Иркутск);

— Елене Юрьевне Рождественской (НИУ ВШЭ);

— Александру Юрьевичу Рожкову (Кубанский государственный университет);

— Виктору Григорьевичу Руденко (газета «Коммуна», Воронеж);

— Рустаму Тагировичу Сабирову (МГУ им. М.В. Ломоносова);
— Елене Спартаковне Сенявской (Институт Российской истории РАН);
— Геннадию Александровичу Скребцову;
— Юлии Владимировне Скубицкой (Пенсильванский университет, США);
— Ольге Алексеевне Смоляк (Оксфордский университет, Великобритания);
— Александру Владимировичу Толстикову (Петрозаводский государственный университет);
— Юлии Владимировне Трофимовой (Алтайский государственный университет);
— Йохену Хелльбеку (Jochen Hellbeck) (Ратгерский университет, США);
— Геннадию Владимировичу Шубину;
— Фонду К.Г. Маннергейма (Mannerheim-säätiö, Финляндия);
— издательству Otava (Финляндия).

Данный сборник также включает большое количество текстов, написанных не на русском языке. Мы бы хотели поблагодарить за перевод Э. Абрамян, Г.Г. Гринченко, А. Заярнюка, Р.Ю. Казакова, К.К. Каланова, М.М. Картоева, Н.Д. Кодзоева, Т.А. Костоеву, В. Кригера, М.А. Матиева, А.Ю. Осипова, М.В. Пахомову и А.И.Хидриева.

Алексей Голубев, Елена Гончарова, Ирина Реброва и Сергей Ушакин

Алексей Голубев, Сергей Ушакин

ЭКС-ПОЗИЦИЯ ПИСЬМА: О ПРАВИЛАХ ЧТЕНИЯ ЧУЖОЙ ПЕРЕПИСКИ

...письмо всегда приходит по назначению.
Жак Лакан

...Жизнь, которой,
как даренной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.
От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.
Иосиф Бродский

В «Похищенном письме» Эдгара Аллана По письмо занимает странное место. Его крадут и прячут. Им шантажируют. Его ищут. За его возвращение обещают большую награду. Письмо порождает сеть сложных человеческих отношений. Оно провоцирует ряд материальных трансформаций. Наконец, письмо становится свидетельством укоренившихся — но не замечаемых — привычек и устоев. В череде запутанных процессов, инициируемых письмом, отсутствует то, что обычно считается главным. Читатель так и не узнает, о чем именно идет речь в этом письме; неясным останутся и его точное авторство, и его точный адресат. Текст и принадлежность письма остались за кулисами сцены, на которой разыгрывается моральная, политическая, психологическая, финансовая и интеллектуальная хореография, срежиссированная (спровоцированная?) письмом. Эффект письма, его влияние, его воображаемая или реальная жизнь *вне пределов текста* стали если не более значимыми, то, по крайней мере, не менее драматичными, чем само письмо.

Комментаторы и критики «Похищенного письма» отмечали не раз: вынесение за скобки вопросов о происхождении и детальном содержании документа — т.е. отказ от его так называемого «биографического»[1] прочтения — позволяет читателю (и исследователю) задать вопросы о других, не менее важных, но часто не замечаемых ролях и функциях письма: о месте письма в сложившемся символическом порядке, о позиции письма по отношению к другим формам документальных свидетельств или о тех межсубъектных отношениях, которые возникают в процессе письма. Письмо в данном случае — проводник, связующий объект, *средство связи*, а не цель. Материальность письма, его встроенность в ритуалы обмена, коммуникативные цепочки и структуры ожидания служат точкой доступа к этим самым ритуалам, цепочкам и структурам — даже в отсутствие

[1] *Felman S.* On Reading Poetry: Reflections on the Limits and Possibilities of Psychoanalytic Approaches // Miller J.P., Richardson W.J. (Eds.) The Purloined Poe: Lacan, Derrida, and Psychoanalytic Reading. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1988. P. 150.

четких представлений о содержательной стороне текста, который приводит их в движение. Письмо — это дискурсивный ключ к историческим событиям или современным явлениям, которые трудно увидеть иначе. Василий Розанов, говоря о письмах с фронтов Первой мировой войны, называл их «"дыханием" оттуда»[1]. Разумеется, по этому «дыханию» можно судить, так сказать, о содержании кислорода или углекислоты, но главное в нем все-таки не это.

Подобный отказ от «биографического» прочтения письма, разумеется, не означает сознательного игнорирования доступного (фактического) материала. В центре такого подхода — попытка работать с документами, читая не только то, что доступно и артикулировано, но и то, что осталось за рамками письма, — будь то возможные эффекты письма, провалы в тексте или разрывы в истории происхождения документа. Задача реконструкции конкретного исторического контекста оказывается здесь в тени попыток понять (симптоматически) работу тех социальных и символических структур, частью которых в конечном итоге стали и само письмо, и связанные с ним повторения, умолчания, паузы и пробелы.

«Письмо... выполняет функцию определенного договора», — убеждал Жак Лакан слушателей своего семинара по рассказу Э.А. По[2]. Сводя вместе автора и адресата, письмо обозначает поля взаимных отношений, условностей и обязательств. При таком подходе индивидуальное авторство письма становится вторичным по сравнению с его местоположенностью, с его позициональностью, определяемой не столько происхождением, сколько возможностью генерировать и поддерживать отношения, которые могут восходить к системам родства, идеологическим установкам или, допустим, религиозным верованиям. Одновременно оттиск и матрица социальных отношений, письмо — это наглядный пример структурирующей структуры: социальные связи здесь сохраняются и модифицируются в процессе (вос)производства форм и формул эпистолярного жанра.

Письма, вошедшие в этот том, — не похищенные. Они собирались в течение нескольких лет в частных и государственных архивах, в книжных и электронных публикациях. Но с «Похищенным письмом» По у них немало общего. Зачастую нам неизвестны самые элементарные вещи об авторах и/или условиях, в которых писались эти письма. Более того, в силу исторических событий эти письма тоже оказались — в конечном итоге — в руках тех, кому они не были адресованы. Их исходная траектория подверглась изменениям, и эти изменения, в свою очередь, не могут не влиять на характер восприятия писем сегодня. И сколько бы мы ни силились, и как бы мы ни пытались восстановить утраченные данные об авторах и условиях написания этих писем, наши попытки представить себе, что *именно* хотели сказать авторы, окажутся — в лучшем случае — проекциями наших собственных установок и ожиданий. «Нужно писать не о Толстом, а о *Войне и мире*», — настаивал когда-то в своем письме Юрию Тынянову Виктор Шкловский[3].

[1] *Розанов В.* Война 1914 г. и русское возрождение // Розанов В. Последние листья. М.: Республика, 2000. С. 318.

[2] *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар. Книга II (1954/55)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2009. С. 280. В более поздней версии текста (1966 г.) «функция» станет «символом». См.: *Lacan J.* Seminar on «The Purloined Letter» // The Purloined Poe. P. 42.

[3] *Шкловский В.* Письма Виктора Шкловского в ОПОЯЗ // Шкловский В. Гамбургский счет. 1914—1933. Статьи — Воспоминания — Эссе. М.: Советский писатель, 1990. С. 303.

Главное, что объединяет письма, собранные в этой коллекции, — это их общая принадлежность к одному и тому же полю социального и дискурсивного опыта. Все они — письма войны. О конкретных условиях возникновения этих писем мы можем лишь догадываться, однако *общие*, структурные и символические, контексты, в которых формировалась военная корреспонденция XX в., оставались на удивление постоянными.

Военная корреспонденция — как особый институт со своими правилами, законами и условностями — начинает формироваться довольно поздно — лишь в конце XIX в. Этому способствовало несколько важных решений. В 1874 г. Бернская конвенция о формировании Всеобщего почтового союза (The Universal Postal Union) упорядочила международный обмен корреспонденцией, превратив международную переписку (до этого осуществлявшуюся согласно двусторонним договорам) в такую же обыденность, как и внутренняя почта. Военная переписка между разными странами будет опираться на общие тарифные структуры (стоимость пересылки не зависела от длины пути) и стандарты классификации корреспонденции, которые определял Почтовый союз[1]. Еще одним важным документом, определившим развитие военной корреспонденции, стала Гаагская конвенция 1899 г., подписанная на мирной конференции, созванной по инициативе Николая II. Конвенция установила правила гуманного обращения с военнопленными, специально оговорив в одном из Приложений необходимость создания Информационного бюро для узников войны. Бюро наделялось правом сбора и бесплатной пересылки писем узников, а также корреспонденции, адресованной узникам. (Кроме того, Бюро являлось и центром сбора посылок и денежной помощи.)[2] Позднее Бюро станет существовать как часть Международного общества Красного Креста. Именно благодаря его деятельности письма пленных узников военных и трудовых лагерей будут доступны их родным и близким.

Институциональные предпосылки для развития военной корреспонденции сложились в XIX в., но собственно в нацию писем Россию и СССР превратили войны XX в. Армия была важным институтом социальной и географической мобильности и в имперском, и в советском, и в постсоветском обществе; военная служба являлась одной из основных причин, по которым люди покидали родные места. Массовые воинские мобилизации превратили военную корреспонденцию из локального, специфического института в самостоятельную форму коммуникации между военнослужащими и их родственниками, друзьями и знакомыми, а также представителями власти. Возникновение военного письма как самостоятельного жанра можно проследить по изменениям в переписке с двух первых войн XX в.: Англо-бурской и Русско-японской. С точки зрения военной истории XX в. начался Англо-бурской войной (1899—1902). Российская империя официально в ней не участвовала, но и не препятствовала участию

[1] См. подробнее: *Codding G.A.* The Universal Postal Union: Coordinator of the International Mails. New York: New York University Press, 1964. Детальное обсуждение роли Почтового союза как нового глобального института см.: *Resnik J.* Bordering by Law: The Migration of Law, Crimes, Sovereignty, and the Mail // Yale Law School, Public Law Research Paper № 520. Nomos Publishing 2015.

[2] См. статью 16 Приложения к конвенции: Convention with Respect to the Laws and Customs of War on Land (Hague), 29 July 1899, http://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp.

в войне российских добровольцев — как в качестве бойцов, так и в качестве представителей общества Красного Креста. Писем с этой войны доступно не много, но они представляют своеобразную начальную точку отсчета развития военной корреспонденции XX в. Вошедшие в коллекцию письма Леонида Покровского, подпоручика российской армии, погибшего в 1900 г. в составе одного из партизанских отрядов буров, еще пересылаются с *оказией*, а не по почте. По своей структуре и стилю письма являются скорее репортажами, и их печатает газета «Варшавский дневник». Всего через четыре года — ко времени Русско-японской войны — ситуация значительно изменится. Письма Карла Маннергейма и Александра Маслова с Дальнего Востока — это пример уже *стабильно* работающего механизма дискурсивного (письма) и/или материального обмена (посылки) между военнослужащими и их родственниками. Письма Зиновия Рожественского, командовавшего Второй Тихоокеанской эскадрой (1904—1905), добавляют еще один элемент, который станет составной частью жанра военной переписки. Некоторые имена и названия в письмах Рожественского вымараны военной цензурой: у военного письма аудитория всегда больше, чем это кажется.

Мировые войны существенно увеличили поток военной корреспонденции, сделав его подлинно массовым. По оценкам советских историков, в годы Великой Отечественной войны почта ежемесячно доставляла в действующую армию до 70 миллионов писем из тыла[1]. Для семей, разбросанных по всему Евразийскому континенту, письма позволяли отчасти компенсировать потерю привычных социальных структур и создать иллюзию если не присутствия военнослужащих, то хотя бы их участия в воспитании детей, заботе о родителях и организации быта. Военные письма были основным источником новостей о происходящем дома и на фронте, служили формой осмысления военного опыта, позволяли военнослужащим высказать свою политическую позицию и донести ее до широкой аудитории.

Неудивительно, что письма стали одним из основных символов прошедших войн (фронтовые треугольники), важной формой ее меморизации и первостепенным источником для историков, изучающих культурные и социальные аспекты войны. Составление и публикация сборников писем начинается уже в ходе конкретных войн[2], но концептуализация эпистолярного материала в исторических исследованиях происходит позднее. Интерес профессиональных историков к письмам Великой Отечественной войны заметно вырос с первой половины 1960-х гг.[3]; письма же с афганской и чеченской войн все еще ждут своих исследователей[4]. Как правило, в отечественной исторической науке военные

[1] Развитие связи в СССР / Под общ. ред. Н.Д. Псурцева. М.: Связь, 1967. С. 241.

[2] *Кравченко Н.* На войну: Письма, воспоминания, очерки военного корреспондента. СПб., 1905; *Молоствова Е.В.* Солдатские письма. Казань, 1917; Письма гнева и ненависти. М., 1942; Письма из немецкого рабства. М., 1943; *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939—1940. Нью-Йорк, 1944; и др.

[3] *Жучков Б.И., Кондратьев В.А.* Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 55—69; *Соломатин П.С.* Фронтовые письма и корреспонденции в газету «Правда», 1941—1945 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 243—255.

[4] В качестве вспомогательного источника материалы писем из Афганистана использовались в публицистике С.А. Алексиевич и военно-исторической антропологии Е.С. Сенявской: *Алексиевич С.А.* Цинковые мальчики. М.: Молодая гвардия, 1991; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

и невоенные письма используются для изучения общественных настроений. Например, составители сборника «Письма во власть. 1917—1927» уже в аннотации указывают, что их основной целью являлось изучение «характера и динамики массового сознания»[1]. Иными словами, письма традиционно воспринимаются не как самодостаточный и самостоятельный источник, но как второстепенная фактологическая «добавка» при изучении тем, сложившихся в исторической дисциплине. Структура письма, его стиль, его связь с другими формами высказываний и символизаций, уходит в данном случае на второй план. Приоритет отдается «фактической информации», (якобы) не зависящей от формы ее артикуляции.

Такой подход к письмам вылился в устойчивую традицию их публикации, где письма служат «наглядными пособиями» для той или иной авторской интерпретации истории. Логику такого подхода можно проследить на примере сборника писем довоенного периода «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг.». Сборник структурирован по главам, отражающим традиционные хронологические и концептуальные установки периода — «Военный коммунизм», «Старая и новая деревня», «"Смычка" деревни и города» и т.д. — и построен как связное историческое повествование, в котором письма играют роль расширенных цитат, иллюстрирующих понимание исторического процесса как совокупности социально-политических явлений[2].

При таком — фактологическом — подходе историк действует подобно золотоискателю, промывающему через свой концептуальный лоток большие объемы письменной породы в поисках золотых крупиц информации. Этим обусловлена и еще одна традиция публикации писем, при котором «шлак» и «пустая порода» целенаправленно отсеиваются, для того чтобы воспроизвести лишь значимые фрагменты писем. В большинстве сборников писем Великой Отечественной войны, выпущенных в советский период, письма представлены в виде «ярких» или «показательных» фрагментов-цитат. Проблематичность такого подхода не только в том, что «яркость», «показательность» и «информативность» — это категории, не имеющие устойчивого содержания. Ориентация на фактологию, ведущая к цитатной фрагментированности, становится возможной тогда, когда критерии отбора и оценки формируются *до* встречи с материалом, когда форма и процесс письма оказываются принципиально несущественными по сравнению с «содержательным» компонентом.

Исследователи языка и речи — лингвисты и филологи, философы и антропологи — во второй половине XX в. не раз подчеркивали, что установка на

[1] Письма во власть. 1917—1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лифшин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998. См. также: *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России 1917—1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. См. похожие по своему подходу исследования военных писем: *Сенявская Е.С.* Указ. соч.; *Козлов Н.Д.* С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Тесса, 2002; *Маркевич А.Н.* Солдатские письма в центральные советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Момотова Н.В., Петров В.Н.* Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2. С. 106—131; *Сомов В.А.* Письма участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 131—135; *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

[2] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998.

информирование собеседника в процессе коммуникации — это важная, но далеко не единственная цель коммуникационного обмена. Джон Остин, создатель теории речевых актов, например, утверждал, что высказывания не только несут информацию от адресата к отправителю, они содержат в себе способность побуждать адресата сообщения к действию и способность быть действием[1]. В свой классической статье «Лингвистика и поэтика» Роман Якобсон предложил базовую схему коммуникационного обмена:

Контекст
Адресант — Сообщение — Адресат
Контакт
Код

справедливо подчеркнув, что «каждому из этих шести факторов соответствует особая функция языка... Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции»[2]. Исследователи философии языка отмечают, что не бывает «невинных» или «нейтральных» высказываний: тексты меняют как их авторов, так и их читателей и тем самым могут рассматриваться как активные участники социальных процессов[3].

Ориентируясь исключительно на сообщение, фрагментирующий фактологический подход не только отказывает письму в целостной структуре и форме, но и лишает исследователя какой бы то ни было возможности проследить всю полноту динамики функциональных отношений, задаваемых письмом. Именно поэтому, следуя русским формалистам и французским постструктуралистам, мы предлагаем видеть в письмах сборника не столько дополнительное информационное пособие, позволяющее «прояснить детали» и «дополнить картину» того или иного события, сколько самостоятельный дискурсивный феномен — «часть речи вообще», используя фразу Бродского. Незнание биографии писем в данном случае освобождает от ответственности. И эта свобода позволяет увидеть в текстах писем нарративно законченные и эстетически замкнутые произведения. Иными словами, мы предлагаем рассматривать письма в рамках подхода, который можно назвать исторической поэтикой военной переписки.

Акцент на текстуальной целостности, вызванный сознательным уходом от «биографического» подхода к письмам, значительно повлиял на характер отбора

[1] *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13—135.

[2] *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 198—204. В число шести функций Якобсон включал коммуникативную (ориентация на *контекст*), апеллятивную (ориентация на *адресата*), поэтическую (направленность на *сообщение* как таковое), экспрессивную (ориентация на *адресанта*), фатическую (направленность на *контакт*) и метаязыковую (направленность на сам код).

[3] См., например: *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12—53.

писем для сборника. За крайне редким исключением письма представлены здесь целиком, без купюр. По мере возможности мы также целенаправленно отдавали приоритет материалам, которые позволяли бы увидеть письмо в его динамике. С этим связано столь значительное присутствие в сборнике коллекций писем, написанных одним и тем же автором или одному и тому же адресату. Вынужденный минимализм биографической информации позволяет сосредоточиться на том, что обычно остается в тени исторического исследования: на тех речевых особенностях, правилах и традициях, в соответствии с которым организованы эти «символы договора». Или чуть точнее: акцент на формальной стороне писем, собственно, и разрешает приблизиться к пониманию «содержания» договоров, функцией и символом которых стали эти письма.

Фактологическая информативность — не самый важный аспект собранной нами коллекции. Ее ценность в другом. Установка на организационные особенности письма обнажает устойчивую повторяемость тем, сюжетов, стилистических и структурных приемов, с помощью которых военная корреспонденция сложилась как особый жанр. Вековая экспозиция военных писем, представленная в сборнике, демонстрирует, как война трансформируется в письмо: сообщая о событиях, связанных с войной, в *процессе письма* авторы постоянно сводят разговор на тему работы, любви, денег или, допустим, еды. Военная переписка — с фронта, из плена, тыла или эвакуации — становится своеобразным механизмом и актом перевода с военного языка на мирный, и тринадцать разделов сборника — от «Военного дела» до «Утрат войны» — это первая попытка вычленить тематические якоря, которые, на наш взгляд, придавали устойчивость процессу подобного перевода. Понятно, что эти разделы условны: их число может быть увеличено, а их содержание может быть уточнено. Главным в данном случае является общий принцип исторической поэтики военной переписки, состоящий в стремлении понять роль (формы) письма в организации как личного опыта, так и дискурсивного материала, порожденного войной.

Относительная замкнутость тематических разделов, впрочем, не должна вводить в заблуждение, а акцент на законченности формы военного письма не равносилен отрицанию возможностей ее развития. Группируя хронологически письма *внутри* тематических разделов, мы старались подчеркнуть — насколько это возможно — литературную эволюцию жанра, изменение во времени его ключевых установок и конвенций. Именно это сопоставление и позволило, например, осознать, что жанр военного письма возник и развивался исключительно в рамках одного — XX — века. Система регулярной почтовой связи, сложившаяся к Первой мировой войне, дала жизнь и жанру регулярной переписки, с ее стилистическими традициями и психологическими ожиданиями. Новые технологии связи определят и пределы существования военной корреспонденции. На рубеже XX и XXI вв., во время Второй Чеченской войны, военные письма как стабильный институт символического обмена начнут постепенно исчезать: доступная сотовая связь сделала обмен бумажными письмами излишней. Начало XXI в. станет концом военного письма, и этот сборник — не только попытка исторической антологии жанра, но и своеобразный памятный знак явлению, просуществовавшему всего лишь один век.

Сводить письма о войне лишь к их эпистолярным особенностям было бы, разумеется, и неверно, и несправедливо. Резкие возражения по поводу излишне формалистской интерпретации *Похищенного письма* Лаканом, сформулированные Жаком Деррида, в данном случае уместны. Отказ от «биографического» подхода к анализу письма не означает текстуализацию его авторов, их превращение в литературных персонажей. Письмо — это не просто символ некоего договора, подчеркивал Деррида, но и отражение «отношения субъективации», которое конституировало участников (субъектов) договора[1]. Иными словами, внимание к человеку на письме требует определенного понимания того, как формируется сам человек письма. Авторская позиция, авторский замысел — это не только отражение индивидуальных целей и мотиваций. Человек письма должен был облечь свое «я» в те формы, которые были доступны ему и его адресатам, но которые создавались не ими. Таким образом, проблема авторства, выведенная за пределы биографии, в данном случае переносится в иной контекст: потенциальные *психологические мотивировки* авторского письма заменены здесь анализом *дискурсивных возможностей* автора. Субъектность в итоге проявляет себя в «снятом» виде — не как противостояние индивида и общества/режима, но как несоответствие между опытом индивида и доступными способами его выражения.

«Кому принадлежит письмо?» — задавался вопросом все тот же Лакан[2]. Автору? Адресату? Дискурсивному режиму? Идеологической системе? Как определять — спросим уже мы — степень авторства письма, написанного с расчетом на пристальный взгляд цензора? С какой позиции подходить к письмам, адресованным безличным «властям» или «редакциям»? Как читать записку, переданную из плена? Как символ договора? Как способ связи? Как знак надежды?

Письмо — всегда знак отсутствия, замещение автора знаками. Однако письма войны — это символ отсутствия вдвойне, это попытка заместить и автора, и опыт, для которого нет адекватных выразительных средств. Военное письмо как процесс перевода с военного на мирный, о котором шла речь чуть выше, — это, разумеется, перевод и вынужденный, и неизбежный. Опыт войны — это опыт субъективации на границе выразительных возможностей: «Кто сам не видел, не сможет поверить в то, что творится здесь», — пишет родным Юсуп Кодзоев с обороны Одессы в 1941 г. «Знаешь, ужасно трудно связно описать этот бой, — пишет отцу сын с Русско-японской войны, — так много надо сказать, что не знаешь, на чем остановиться, перескакиваешь с одного на другое, и ничего не выходит».

«Перескоки с одного на другое», впрочем, свидетельствуют не столько о дискурсивной недостаточности, сколько о доступном способе борьбы с ней[3]. Постоянная смена тем — это еще и очередная попытка найти чуть более точный способ описания своей жизни на языке, понятном адресату. «Я пережил за это время много тяжелого и такого, что уже никогда не забудется и не изгладится из сознания, — сообщает в письме с фронта своей семье боец Красной армии

[1] *Derrida J.* The Purveyor of Truth / Trans. Alan Bass // The Purloined Poe. P. 183.

[2] *Лакан Ж.* Указ. соч. С. 279.

[3] Подробнее о фрагментации как основной характеристике травматического письма см.: *Ушакин С.* Вместо утраты: Материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Ab Imperio. 2004. Vol. 2. С. 603—639.

в 1943 г. — Пальцы правой ноги, пятка и большой палец левой ни на одну минуту не дают забывать о себе. Не знаю, ревматизм это или обморожение. ...Фрицы, разумеется, тоже чувствуют себя не лучше. И тоже кое-что будут помнить об этих днях».

Однако то, что «не забудется», «не изгладится» и «будет помниться», остается в письмах, как правило, неназванным, проявляясь лишь как невнятный вторичный симптом (ревматизм? обморожение?), как след, последствие и часть чего-то пережитого, но так и не высказанного. «Все сглаживается одним грозным, ужасным, бесчеловечным, безжалостным, уничтожающим, наводящим ужас и бедствия словом — война, — пишет в 1941 г. с фронта своей жене боец. «Ужас» — одно из самых частых слов, которым авторы замещают конкретный опыт в своих письмах. Лишенное индивидуального содержания, это слово не проясняет происшедшего, но индексирует провал речи. «Ужас» обозначает, не раскрывая, жизнь, оставшуюся по ту сторону текста. «День ужаса, — передает в 1904 г. из Порт-Артура русский офицер, повторяя слово опять и опять. — Взрыв был ужасный. Ничего не осталось. Наш командир, адмирал, все. ...Я был случайно на Золотой горе не по службе и видел все. Ужас».

Перевод военного опыта оказывается неадекватным, точнее — адекватность — недостижимой. Эта неполноценность травматической речи, сведенной к формуле — «Видел все. Ужас», — эта ощутимая ущербность высказывания, обостренная желанием объясниться, переживается авторами писем по-разному[1]. Кто-то воспринимает и интериоризирует нехватку слов, способных описать «все», как личный изъян. Невысказанность ощущается как недосказанность или даже как неискренность; недостаток слов — как нехватка правды. Пережившая плен жена пишет в 1943 г. мужу: «Сидела я в карательном отряде СС, допытывали нас всех там очень жестоко, нам выкручивали щипцами наше тело, крутили руки, в общем, Петечка, ты не можешь себе представить, какой я перенесла ужас. Ты думаешь, что я пишу тебе какую-нибудь ложь, нет, дорогой мой Петя, это все правда». В других случаях это же ощущение дискурсивной недостаточности оформляется как гносеологический и онтологический сбой: непонимание опыта артикулируется как недостаток собственной рациональности. «Какой ужас мы все перенесли, — вспоминает летом 1945 г. женщина, пережившая Ленинградскую блокаду. — Правда, тогда мы все были иначе настроены. Мне кажется, что мы были тогда все полусумасшедшие. Потому, что мы сами тогда еще плохо понимали, что делается. А теперь, когда оглядываешься назад, то мороз по коже пробирает. ...Я удивляюсь еще, как я и Вы не сошли с ума».

Ужас и угасание — слова одного корня, предполагают этимологические словари[2]. Военные письма подтверждают это родство, если не этимологическое, то уж точно — практическое. Письмо вынуждает преодолевать онемение, вызванное ужасом, переписка заставляет искать подходящие слова, но процесс перевода производит в итоге лишь картину угасания выразительных способностей письма, угасания, отлитого в одном из писем в лаконичный оксюморон: «Просто ужасно». Этот оксюморон — и авторское признание неспособности донести

[1] Подробнее о символизации травматического опыта см.: Травма: Пункты: Сб. статей / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: НЛО, 2009.

[2] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1973. С. 151.

смыслы и оттенки своего опыта, и вынужденная просьба-приглашение адресату представить пережитое «своими словами».

Нехватка выразительных средств, впрочем, препятствием для переписки является лишь отчасти. Содержание, повторимся, в военных письмах, как правило, вторично. Письмо — символ договора; осознание именно этой глубинной связи, этого межличностного контракта, этого взаимного обязательства и взаимной готовности продолжать символический обмен во многом и определяет устойчивость военной переписки. Интерсубъективность, складывающаяся в процессе этих обменов письмами, имеет свои особенности: разделенность во времени и пространстве приводит к тому, что вопрос и ожидаемый ответ в процессе письма сплавляются воедино, заставляя автора тут же реагировать на реакцию, которой еще не было. Жена пишет из Череповца мужу, участвующему в советско-финской войне (1939 г.):

> Леня, почему ты на мои письмы не даешь ответы? Леня, я так дюжа много вынуждена тем, что тебе я посылаю уже четвертое письмо, а от тебя ответу нет. Леня, или ты не хочешь мне совсем писать письмы, или что обижается на меня, или нет время вам писать? Леня, поясни ты это все мне. Леня, или я настолько не достойна пользоваться твоими мыслями, или я не должна ждать тебя, или может кто чего плохого написал, или я не такие пишу тебе письмы? Леня, так постарайся, напиши мне хоть одну, и пропиши мне все, чтобы я знала что-нибудь одно. Леня, ты сулил мне карточку, а теперь, оказывается, тебе и письма нет охоты прислать.

Происхождение авторов, безусловно, сказывается на стилистике, но, судя по всему, сама структура опережающей реакции на возможный ответ, сам процесс постоянной рефлексии и непрерывного моделирования интерсубъективности на письме — формулировка того самого «договора», того самого поля общих ценностей, отношений и установок, которые и заставляют продолжать военную переписку, — присутствуют без изменений и в далеких от литературной нормы письмах из провинциального города, и в переписке столичной интеллигенции, как, например, в этом письме военного офицера своей жене в Ленинград в 1941 г.:

> ...я с тобой мечтаю о совершенно иной особенной счастливой жизни, а ты думаешь, что я спокойно переношу, что ты работаешь среди одних мужчин? И ты вовсе не считай меня глупым, я уже столько начитался, а особенно последняя книга Драйзера «Титан», да и вообще видал, какие случаются в жизни случайности, вот они меня и мучают, а ты, вместо того чтобы успокоить, пишешь, что если буду тебя подозревать, то уже все равно, и ты используешь мое подозрение!.. Ну представь себе: ты не получаешь от меня месяц, а может быть и больше писем, ведь это же сейчас возможно со мной... Я там, где я буду находиться, я буду с ума сходить. Думать о тебе, а ты подумаешь, что меня уже нет в живых или я не хочу тебе писать (последнего никогда не может быть), ну и на что-либо решишься? Любимая моя, ты не думай, что я тебе не верю, или подозреваю тебя в чем-либо, этого пока нет, но пойми, ведь я люблю тебя, ты понимаешь это, особой любовью, и всякое малейшее меня задевает.

Интерсубъективность, стремление автора представить модальность чтения адресата, проявляется в сборнике и еще одним любопытным образом. Письма с фронта, направленные в газеты и органы власти, в которых красноармейцы сообщают о своем патриотизме и ненависти к врагу, легко отмести как набор бессодержательных штампов, жестко заданный советской пропагандой военного времени. Однако, как показывает Йохен Хелльбек, автор вводной статьи к тематическому разделу «Штампы войны», эти же письма становятся ценным источником, если целью исследования является понимание тех дискурсивных возможностей, с помощью которых формировался и оформлялся советский человек. Осваивая стилистические конвенции и риторические приемы официального дискурса о войне, авторы писем присваивали и примеривали этот дискурс на себя. Придавая официальной речи личностные акценты и особенности, они становились субъектами этого дискурса, децентрализуя производство власти и идеологии и формируя корпус текстов, который определял советскую норму не сверху, а снизу. В итоге то, что традиционно интерпретируется как идеологические штампы, при более пристальном прочтении оказывается исторически специфическими формами работы по превращению себя в советского военнослужащего, способного говорить с властью на ее языке. Солдатские письма в газеты и властям были той дискурсивной лабораторией, в которой происходила формовка общего словаря выразительных средств. Как источники «твердых» фактов эти письма действительно не представляют особого интереса, но как пример практических *действий* — в данном случае как способ освоения и исполнения советской субъектности в процессе письма — эта корреспонденция помогает увидеть, где искались и как находились символические средства для оформления военного опыта. «Публичные» письма военных демонстрируют процесс сращивания индивидуального желания высказаться с выразительными возможностями господствующего дискурсивного режима.

Прочитанное с точки зрения интерсубъективности, военное письмо позволяет проследить и еще один важный аспект: военные письма — это материальные субстанции, эмоциональный эффект которых не сводим ни к их содержанию, ни к их форме. «Маленькое *язычество* через перо, бумагу и чернила, маленький первобытный *фетишизм*, вот что действует в корреспонденции, а не одни мысли, сообщения и известия», — писал по поводу писем с фронтов Первой мировой войны Василий Розанов[1]. Военные письма как объекты аффекта стали и важным каналом циркуляции приватных и публичных эмоций, и способом организации аффективных сообществ, и методом структурирования национального и международного пространства[2]. Как показывает Ольга Никонова, автор вводного

[1] *Розанов В.* Указ. соч. С. 319.

[2] Подробнее о роли эмоций в социальных процессах см.: *Vinitsky I.* A Cheerful Empress and Her Gloomy Critics: Catherine the Great and the Eighteenth-century Melancholy Controversy // Madness and the Mad in Russian Culture / Eds. A. Brintlinger, I. Vinitsky. Toronto: Toronto University Press, 2007. P. 25–45; Angst im Kalten Krieg / Hg. B. Greiner, Chr. Th. Mueller, D. Walter. Hamburg: Hamburger Edition, 2009; *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010; Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Eds. M.D. Steinberg, V. Sobol. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011; *Нагорная О.С.* «Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах

текста к разделу «Гнев войны», в 1917 г. письма с фронта помогли перенести фокус военной ненависти с внешнего врага на внутреннего, в период Польской кампании и Зимней войны 1939—1940 гг. — персонализировать абстрактную ненависть в ситуации, когда Красная Армия выступала агрессором, и, наконец, в годы Великой Отечественной войны — объединить СССР в единое сообщество ненависти к врагу. Письмо здесь становилось действием, и вряд ли случайным является то, что многие письма ненависти, направленные в адрес Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (созданной в 1942 г.), оформлялись авторами как мини-листовки — с подзаголовками, курсивами и выделенными жирными текстом лозунгами, такими как «Отомстим!» или «Не забудем!». Сила эмоции переводилась в графику языка, превращая текст — в жест, в символический акт.

В то же время военнослужащие отказывались воспринимать себя исключительно через призму военной идентичности и ассоциировать себя с языком военного времени. Письма давали военнослужащим уникальную возможность сохранить, воспроизводить и акцентировать свои гражданские идентичности: например, главы семьи (в переписке с женой, детьми и дальними родственниками) или сына (в переписке с матерью)[1]. Переписка между супругами превращала абстрактные ячейки общества в социальные единицы, производящие и потребляющие тесты и смыслы. В условиях военного времени, разрушающего эти смыслы с ужасающей быстротой, письма давали автору возможность формировать и поддерживать свое невоенное «я», тем самым препятствуя своему окончательному превращению в тотального субъекта войны и ненависти.

Подведем итог. Универсальность дискурсивных структур, постоянная повторяемость тем и/или сюжетов в военных письмах становится очевидной в результате серии аналитических шагов. Установка на формальную целостность письма и внимание к эволюции конвенций эпистолярного жанра дает возможность проследить внутреннюю организацию института военной корреспонденции. Признание принципиальной неадекватности процесса перевода военного опыта на язык письма заставляет обращать внимание на роль риторических сбоев, стилистических смещений и тематических «перескоков». Наконец, понимание интерсубъективности как ключевой социальной основы, обеспечивающей устойчивость жанра военной переписки, позволяет увидеть, как личное и социальное формулируются в процессе письма и формируют письмо.

«XX век: Письма войны» — не архив документов. Скорее это своеобразная текстуальная выставка, это тематически организованная экспозиция докумен-

---

у всех офицеров...»: Коммуникации эмоций за колючей проволокой // Диалог со временем. Вып. 35. М.: URSS, 2011. С. 195—205. О материальности эмоций см. тематические блоки «Объекты аффекта: к материологии эмоций», опубликованные в журнале «Новое литературное обозрение» (2013. № 120, 121).

[1] Более подробно об этом см.: Говорят живые и мертвые. Воспоминания, солдатские дневники и письма / Под ред. Г. Егорова. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. С. 587—588; Martha Hanna. A Republic of Letters: The Epistolary Tradition in France during World War I // The American Historical Review. 2003. № 108/5 (December). P. 1338—1361.

тального материала, не лишенная, впрочем, своей специфики. Экспозиция писем в данном случае — это еще и экс-позиция письма, своего рода демонстрация дискурсивной археологии исчерпавшего себя эпистолярного жанра. Предложенные выше подходы к анализу военных писем позволяют избежать традиционного стремления видеть в письме лишь повод для герменевтического упражнения или источник крупиц фактов для позитивистской версии истории. Садясь писать письма, их авторы превращались — перефразируя Юрия Олешу — в антропологов человеческих душ. В данном сборнике мы старались не перебивать эти голоса, а, наоборот, создать условия, способствующие их наиболее полноценному звучанию.

Именно эта задача и обусловила структуру и композицию нашего сборника. Тематические разделы — это итог длительного кураторского отбора: письма собирались почти пять лет, и в финальную коллекцию вошла лишь их небольшая часть. Попытка организовать письма хронологически — по войнам — была отброшена как малопродуктивная и мало что дающая для понимания жанра. Финальный список тем возникал постепенно, в ходе многократного чтения и обсуждения корпуса собранных текстов. Готовый материал был предложен авторам разделов для комментариев. Следуя общей установке, мы сознательно не ограничивали авторов введений в их подходах и формах анализа, оговаривая лишь общую тему конкретного раздела. В определенном смысле этот методологический карт-бланш был своего рода экспериментом, нашей попыткой увидеть, какие отклики и какие идеи могут возникнуть у читателя этих не-похищенных, но вырванных из своего родного контекста писем. Ирина Сандомирская, автор вводного текста к последнему разделу, назвала наш подход коллекционированием, и это, несомненно, так. Вальтер Беньямин был одним из первых, кто обратил серьезное внимание на фигуру коллекционера, занимающегося поиском редких, диковинных и выброшенных за ненадобностью вещей. Для Беньямина коллекционирование — это «смелая попытка преодолеть совершенно иррациональную природу присутствия объекта путем его интеграции в новую, подчеркнуто сконструированную историческую систему: коллекцию»[1]. Вырывая предмет из его «родного» контекста, коллекционер помещает свою «находку» рядом с близкими ей вещами, тем самым подчеркивая их общее сходство, их родство во времени, их близость в содержании. Коллекционирование — это всегда поиск неочевидных общностей и забытых связей, и Беньямин в данном случае прав: «Коллекционирование — это форма практической памяти»[2]. Но коллекционирование — это еще и форма «борьбы с рассеиванием» исторического материала[3], это активная попытка формировать *новые* контексты и *новые* категории общностей, в которых могли бы сосуществовать разнообразные «"дыхания" оттуда». Коллекционер является не просто потребителем культурных смыслов, но и их производителем. Сохраняя и воспроизводя исторические смыслы, коллекции вместе с нарративами являются культурными рамками, которые задают

[1] *Benjamin W.* The Arcades Project. Cambridge, Mass: Belknap Press, 1999. P. 204–205.
[2] Ibid. P. 205.
[3] Ibid. P. 211.

форму историческому воображению[1]. Впрочем, задать форму историческому воображению авторам введений нам удалось лишь отчасти. Все они восприняли собранные нами коллекции по-разному, и само разнообразие этих откликов и интерпретаций, их разносторонность и несовпадаемость, наверное, и есть одна из главных целей, которой мы пытались достичь, возвращая эти письма, эти забытые части речи, в круг сегодняшних дискуссий о человеке и языке, о жизни и смерти, о войне и мире.

Ванкувер—Принстон,
январь 2015 г.

[1] *Stewart S.* On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection. Durham, N.C.: Duke University Press, 1993. P. 151—166; *Clifford J.* The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. P. 215—251.

«Способы передвижения в бою». Плакат, подготовленный Курсами усовершенствования по физическому образованию Рабоче-крестьянской Красной Армии. Октябрь, 1941 г. Из фондов Российской национальной библиотеки (РНБ)

I. ВОЕННОЕ ДЕЛО

Война стала нашей профессией,
более того — нашей жизнью.

Из письма Михаила Савченко,
16 апреля 1944 г.

Елена Рождественская

ВОЙНА КАК ТРУД НАД МИРОМ

Фронтовая эпистола занимает существенное место в военной историографии: эти личные документы предоставляют доступ к индивидуально-групповому измерению важнейших исторических событий. XX в., богатый на военные события, оставил несколько волн такого эпистолярного наследия, тесно связанного с культурой письма и мемуаристики. Сложившиеся впоследствии архивные коллекции военных писем стали основой для формирования культуры историографического описания с академическими требованиями к их отбору, типологизации и анализу[1]. Письмо с фронта является ярким *личным* документом, возможно внутрисемейной ценностью; при соответствующей исторической обработке письмо также может представлять собой *социально-исторический* документ, повествующий об отношении участника событий к происходящему, к контексту фронта и его обстоятельствам, повседневности войны и т.д. Какую аналитическую оптику используют историки для анализа писем с фронта? С источниковедческой точки зрения характеристика военных писем

> предусматривает выявление информационных показателей каждого фронтового письма. Изменение этих показателей определяло эволюцию формы и содержания эпистолярного источника на протяжении всей войны, трансформацию его структуры и семантического наполнения, языка и формуляра... предполагает обязательную характеристику их происхождения, а также обстоятельств написания... определение роли и места читателя — адресата фронтового письма[2].

Более того, историку важен и фон возникновения письма — как связь между историческими фактами и событиями, описанными в письме. В этом отношении показательны приводимые в данном разделе письма мичмана Всеволода Евгеньевича Егорьева к своему отцу во время Русско-японской войны. Тесная переписка

---

[1] *Злоказов Г.И.* Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 37—46; *Локтева Н.А.* О чем рассказывают письма с фронтов Первой мировой: (По документам Госархива Самарской области) // Эхо веков. 2005. № 1. С. 31—35; *Жучков Б.И,. Кондратьев В.А.* Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 55—69; *Сомов В.А.* Письма участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 131—135; *Пушкарев Л.Н.* Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109—121; *Булыгина Т.А.* Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530—540; *Баландин А.И.* Сбор документальных памятников Великой Отечественной войны // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 1. С. 126—157.

[2] Антон Юрьевич Иванов. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник. Автореферат, диссертация. Артикул: 373048. Год: 2009. С. 19.

двух профессиональных военных моряков, более того, отца и сына содержит упоминания и подробные описания военных событий, отыгрывая тем самым важную функцию исторического документа — его информативность. Просеивая повествование на предмет упоминаний качества вооружения, обстоятельств боя, позиции гражданских лиц, мотивации моряков, особенностей досуга, военный историк может предложить существенную интерпретацию состояния воюющей армии и окружающего общества.

Фронтовое письмо как личный документ является в то же время отражением дискурсивного режима эпохи, который определяет и формирует господствующие способы письменной коммуникации. Как составная часть массовой коммуникативной практики, письмо содержит в себе ряд «обязательных» и ожидаемых структурных компонентов. Так называемый *условный формуляр* письма состоит из трех основных частей. К первой части, *или начальному протоколу* письма, относятся посвящение, поименование автора письма, обозначение адресата, приветствие; к основной части письма — преамбула, обозначение цели письма, собственно повествование, распоряжение по существу письма; финальная часть письма включает заключение, благопожелание, упоминание места, времени, а также подпись и/или печать[1]. Обычно устойчивая универсальность этой структуры обосновывается ее присутствием в личных документах различных эпох и культур, поэтому сравнительное чтение коллекций или архивных массивов эпистолярного наследия дает нам важную возможность проследить наличие (или отсутствие) значимых различий в этой структуре.

В нашем разделе, обозначенном как «Военное дело», это обстоятельство является весьма существенным, поскольку содержание профессионального отношения к военному делу менялось на протяжении XX в. В чем сходятся и чем различаются представления о военном профессионализме во время Англо-бурской войны в Трансваале от представлений времен Русско-японской войны, Первой и Второй мировых войн или относительно недавних Афганской и Чеченской кампаний? Небольшая коллекция военных писем, представленная в данном разделе, не способна ответить исчерпывающе на этот вопрос. Научная литература о военном профессионализме, прежде всего, классические книги «Солдат и государство» Сэмюэля Хантингтона[2] и «Профессиональный солдат» Морриса Яновица[3], признанные на Западе, но малоизвестные у нас в стране, предлагает свою аналитику этого феномена. Яновиц, например, связывает военный профессионализм прежде всего с военной *эффективностью*, которую ограничивает гражданский контроль. Для Яновица, тем не менее, сама возможность *аполитичных военных* — это иллюзия, поскольку военные являются активными участниками процесса поддержания национальной безопасности[4]. Хантингтон же считает, что «офицерский корпус являет профессионализм в той степени, в которой проявляются качества опыта, ответственности и корпоративности:

[1] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева / Российский государственный гуманитарный университет. М., 1998. 702 с.

[2] *Huntington S.* Soldier and the State. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

[3] *Janowitz M.* The Professional Soldier. New York: The Free Press. Original edition. London: Collier-Macmillan Limited, 1960.

[4] Ibid. P. 342.

> Функциональной задачей военной силы является ведение успешных боевых действий. Обязанности военного офицера включают: (1) организацию, оснащение и обучение этой силы; (2) планирование ее деятельности и (3) руководство ее действиями в бою и вне его. Особое мастерство офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия[1].

Кроме повышения эффективности, эти функции также способствуют росту гражданского контроля, потому что профессиональный военный стремится дистанцироваться от политики»[2].

Эти выводы, впрочем, — плод либерального взгляда на военное дело и политику сдерживания власти военных; их экстраполяция на внутрироссийскую ситуацию времен Российской империи или сталинской эпохи первой половины XX в. вряд ли возможна. В данном отношении более подходящими кажутся идеи автора, имя и авторитет которого были в ходу еще в Российской царской армии — военный теоретик, прусский офицер и военный писатель фон Клаузевиц, работы которого переиздавались в 1930-х гг.[3] Мысль Клаузевица о том, что война имеет свою собственную грамматику, закономерно ведет к выводу о том, что военные профессионалы могут и должны совершенствовать свои знания этой грамматики *без постороннего влияния*. Вероятно, поэтому Хантингтон мог впоследствии утверждать, что «качество военного дела может быть оценено только с точки зрения независимых военных стандартов»[4]. Показательно, что если для Хантингтона резервисты — явление, в общем, негативное прежде всего потому, что они не являются *профессионально обученными* военными, то Клаузевиц весьма положительно описывает народную войну, войну непрофессиональными силами, и резервные войска при определенных обстоятельствах. Иными словами, военная *эффективность* как показатель военного *профессионализма* зависит от контекста (и включает в себя оценочные характеристики солдат и офицеров, организационные структуры, вооружение, технологии, методы обучения, уровень пропаганды и целый ряд других факторов).

Возвращаясь к историческому контексту отобранных писем, мы обязаны принять во внимание ту жизненную перспективу, которую они открывают, — солдата или офицера, погруженного как в события войны, так и повседневности, в неформальное общение со своими товарищами на фронте, так и переписку с теми, кто находится в тылу. Современная военная социология развернулась лицом к «маленькому человеку»[5] на войне с его переживаниями, а в немецком контексте Второй мировой — еще и с двойной ролью агрессора и жертвы. Классический вопрос — как солдатам удается ежедневно преодолевать угрожающую жизни военную ситуацию[6], риски и неопределенности, имеет ответом описание

[1] *Хантингтон С.* Офицерская служба как профессия // Отечественные записки. 2002. № 8. Эл. ресурс: http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_08_09.html.

[2] *Huntington S.* Op. cit. P. 84.

[3] *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. Переиздание 2007 г.: М.; СПб.: Эксмо; Мидгард.

[4] *Huntington S.* Op. cit. P. 57.

[5] *Wette W.* Der Krieg des kleinen Mannes, eine Militärgeschichte von unten. München: Piper, 1992.

[6] *Ziemann B.* Front und Heimat: ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914—1923. Essen: Klartext-Verlag, 1997. S. 75.

будней войны. Они содержат и специфическую работу на войне, и отдых от нее. И, как любая работа, военная работа обладает своей военной этикой. Ее смысл — мотивировать, давать оправдания, награждать смыслом. Этос военного труда, просматриваемый в подборке писем этого раздела, складывается на пересечении трех параметров: собственно повседневности фронта с его занятиями, войны как мегасобытия национального и мирового масштаба, а также смысла, связываемого с понятием Родины. Таким образом, дискурсивная поляризация фронта и Родины в напряженном движении схождения-расхождения является тем рамочным условием, которое придает смысл военному труду, требует его интенсивности, легитимирует приносимые жертвы.

Наряду с исторической динамикой военных конфликтов XX в. менялся и сам дискурс военного письма, фиксируя исчезающие и возникающие мотивации и представления о профессиональном и служебном долге, которые сами по себе являются яркой характеристикой социальной эпохи. Так, например, раздел открывают письма-обращения по поводу добровольческого участия в Англо-бурской войне 1899—1902 гг., адресованные в Российское общество Красного Креста. Формула «Имею честь вызваться на службу именно на театр войны» содержит характерное представление о чести как этическом признаке впоследствии исчезнувшей классовой культуры. Слово «честь» промелькивает в военных письмах и в последующие периоды, но в этих текстах оно уже лишено своего индивидуального смысла и отсылает в большей степени к чести коллективов и идентификации с группой.

С точки зрения исторической социологии рассматриваемые военные эпистолы приобретают дополнительные качества. Классический сюжет социологии — человек действия и ценностное отношение к нему в предложенных обстоятельствах. Исходя из этого, объективистская сверка описанных событий в письме с фронта с внешним потоком исторических фактов уступает по своей значимости человеку переживающему, субъективно перерабатывающему события на грани экзистенциальности[1]. Именно это обстоятельство придает военным письмам статус особого *личного* документа, интерес к которому со стороны последующих поколений не иссякает. Не гаснет внимание к этому жанру и со стороны тех инстанций, которые инструментализируют память о войне, донесенную и сохраненную в персональном нарративе, для целей государственной идеологии. Фрустрация поражения или радость победы эмоционально заряжены и в этом качестве становятся основой для солидаризации (в отличие от исторических представлений, откладывающихся на когнитивном уровне сознания).

Представленные в подборке раздела письма мичмана Всеволода Евгеньевича Егорьева к отцу Евгению Романовичу Егорьеву (с Русско-японской войны 1904—1905 гг.) — пример такого личного документа внутрисемейной коммуникации. Но поводом и содержанием писем между сыном и отцом, профессиональными военными моряками, становится проживаемая авторами переписки история, в которой, их словами, «забываешь, что может существовать личное горе». При-

[1] Социологически ориентированная нарративистика ставит свои акценты, доверяя нарративу, поскольку, словами Карра, «благодаря сходству структуры действия, производимого индивидом, и структуры нарратива мы обычно можем объяснить действие, рассказывая о нем историю» (*Carr D.* Narrative Explanation and its Malcontents // History and Theory. 2008. February. Vol. 47. Issue 1. P. 19—30).

ватность семейного разговора поддерживается лишь взаимно адресованными эмоциями, но его содержание — это развернутая картина профессионально выполняемой работы, с оценкой неудач и промахов, символическим вознаграждением героев и горьким признанием поражений. Особого внимания заслуживает письмо Всеволода Егорьева от 12—15 августа, в котором мы становимся свидетелями происходящего боя, описанного в дискурсе профессионального военного, участвующего в бою и оценивающего его, подмечающего детали и не теряющего самообладания («Только потом, по приходе во Владивосток, у меня проявились человеческие чувства»).

Приватность военного письма — кочующая величина. Сменив масштаб эпохи и перейдя к другому режиму советского времени в переписке гвардейцев-панфиловцев, мы обнаружим совершенно иной дискурсивный язык. Письма пишутся в расчете на многочисленную аудиторию, вольную и невольную. Подцензурность военного письма и писем на фронт заставляет их авторов пользоваться коллективной речью. В обмен корреспонденцией зачастую вовлекаются целые коллективы военных частей и тыловых организаций: «Выполняя приказ Родины, мы без пощады и устали бьем проклятого немца... Прошу и Вас, дорогие мои земляки, не отстать в соревновании. По-фронтовому закончить все сельскохозяйственные работы, раньше установленного срока выполнить свои обязательства перед родиной». Взаимная мобилизация усилий для победы на коллективном уровне превосходит задачи информирования близких о состоянии военнослужащего, превращая письмо в публичное пространство, чему во многом способствовала непременная военная цензура[1]. Соприсутствие военно-государственных инстанций в этом пространстве приучало пишущих к нормативному языку описания военной событийности. Особенно ярко это проявлено в случае фронтовых писем по поводу гибели военного:

> Нам вполне понятна Ваша скорбь и печаль, которую Вы переживаете по любимому мужу, геройски погибшему от рук немецких варваров. Скорбь и печаль переживаем и мы, потеряв такого мужественного, стойкого и храброго героя — гвардейца... Но его смерть, смерть героя — подвиг, который прославил его имя на весь обширный Союз. Имена и подвиги 28 героев-гвардейцев, в числе которых находился и Ваш муж, знают все, их имена и подвиги воспеваются народом в песнях, про них складываются былины, их имена занесет на свои золотые скрижали история человечества.

Такой текст мог быть впоследствии опубликован в газетной периодике, оказаться на стендах музеев, неоднократно цитироваться, упрочивая культуру послевоенной памяти о войне. Военный труд такой эпохи и описанный таким языком вновь возвращает нас к упомянутой поляризации Фронта и Родины.

[1] Приказ НКО СССР № 72 «О работе полевой почты» от 18 сентября 1941 г.; Приказ НКО СССР № 0679 от 5 сентября 1942 г. «О введении в действие "Инструкции по адресованию почтовой корреспонденции в Красной Армии в военное время"»; Приказ НКО № 0105 от 6 февраля 1943 г. «О порядке адресования корреспонденции в Красной Армии и правилах сношения войсковых частей и соединений с гражданскими организациями и частными лицами»; Приказ НКО № 0451 от 16 декабря 1943 г. «О введении в действие "Положения о военной цензуре в Красной Армии (на военное время)"» // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). М., 1997. Т. 13 (2—3). С. 85—88, 172—175, 62—63, 234—236 соответственно.

Фотохроника ТАСС: «Бойцы читают сводку Советского Информбюро». Фото Г. Чертова, август 1941 г. Из фондов РНБ.

Это соотношение требует четкости и конкретности в отношении пространства (дальше от границ Родины либо вперед, пядь за пядью освобождая занятую врагом территорию) и качества исполнения воинского долга (эффективно, результативно, малой кровью):

> Дивизия, которой командует отец, за время вступления в бой уничтожила уже три немецких дивизии и ни на шаг не отступила... Кроме того, имеется у нас новое, неизвестной конструкции для немца — оружие огнеметное, которое уничтожает

> на своем пути все живое и мертвое на протяжении кубического километра, против этого оружия все бессильно. Пленные немцы называют его адской машиной и всеми силами охотятся за ней, но охота до сих пор неудачная.

Хорошо выполняемая работа — вознаграждаема, война при этом — не исключение. Более того, особый, идеологически поддерживаемый характер войны, представленной в публичном пространстве как освобождающая Родину, сказывается на практике символического вознаграждения. К социальному смыслу награды привлек внимание еще Питирим Сорокин[1], ведь она содержит потенциал социального действия, мобилизующий как политические элиты, так и народные массы. Но, пожалуй, именно Юнгер[2] поместил смысл наградного действия в контекст тотальной мобилизации, в рамках которой стираются различия между войной и миром в едином героическом порыве. Ведь не только наступление, но и оборона требуют чрезвычайного напряжения всех сил, которое смогут продемонстрировать только герои войны, а затем и труженики тыла:

> Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов, командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому назад я награжден третьим орденом Красного Знамени. Это еще, Мура, только начало. Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской, есть уже три Героя. Наш девиз — быть всем Героями. Мура, пока. Следи за газетами, ты увидишь дела большевиков... Валя себя чувствует хорошо, я думаю, что скоро и она будет орденоноска, приняли ее в партию, работой ее очень довольны.

Изменяется ли со временем характер военного труда? Малая Афганская война в тени Большой, Отечественной, показывает на подборке писем участников Афганской войны, что повседневность военной работы претерпевает мало перемен. Но значимо, что из писем уходит символическое значение войны как события национального масштаба. Нет и тени сакральности Родины и ее рубежей. В письмах Валерия Польского военный труд представлен иным дискурсом — службой. К ней нужно быть готовым, ее нужно исполнить, на войну нужно «сходить». И если, при наличии все тех же служб цензуры, что и во время Великой Отечественной войны, авторы писем тех лет ощущали пространство письма не только мостиком в круг родства и семьи, но и родом трибуны с провозглашением лозунгов и посыланием проклятий обобщенному врагу, то авторы писем — «афганцы» сошли с этих трибун. Война предстает в их письмах в ее неприкрытом виде — как решение задач по уничтожению, а субъективно — по выживанию.

---

[1] *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999.

[2] *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000.

В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА: «СМЕЮ ПРЕДЛОЖИТЬ МОЮ ГОТОВНОСТЬ» (1899)

Российское общество Красного Креста было сформировано в 1879 г. на основе Общества попечения о раненых и больных воинах (1867 г.). РОКК активно занимался медицинской и благотворительной деятельностью как в России, так и в международном масштабе. В октябре 1899 г., после получения известий о начале Англо-бурской войны, Российское общество Красного Креста объявило о подготовке санитарного отряда. В России, где были сильны антибританские настроения и открытая конфронтация бурских республик с Великобританией вызвала волну симпатии в обществе, известия о подготовке данной миссии вызвали поток писем от желающих вступить в санитарные отряды, некоторые из которых приводятся ниже. Всего в Южную Африку РОКК послал два отряда, которые сыграли существенную роль в организации медицинской помощи для бурских сил.

5 декабря 1899 г., министр иностранных дел Российской империи В.Н. Ламсдорф — председателю Российского Общества Красного Креста О.К. Кремеру

Черновик спешное
Кремеру

Милостивый Государь
Оскар Карлович.

Поспешаю препроводить Вашему Высокопревосходительству полученную мной вчера вечером из Претории ответную телеграмму исполняющего обязанности русского консула в Йоханнесбурге.

Из телеграммы этой вы изволите усмотреть, что Трансваальское правительство выражает благодарность за предложение Российского Красного Креста прислать на театр военных действий санитарный отряд с инструментами и лекарственными средствами.

Ввиду этого покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство благоволить меня уведомить, в каком составе и когда именно Общество Красного Креста намерено снарядить и отправить в Южную Африку санитарный отряд, а также каким способом и путем предложено отправить этот отряд к месту его назначения.

Со своей стороны я не премину сообщить вам немедленно по получении затребованных мною из Берлина и Гааги сведений о порядке отправки в Африку санитарных отрядов из Германии и Голландии. В случае надобности, министерство сделает сношение с Великобританским правительством относительно беспрепятственного пропуска нашего санитарного отряда на место военных действий.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Граф Ламздорф

Ответить, что на этих днях Главное управление соберется, чтобы окончательно решить вопрос о составе нашего отряда и времени отправки его и пути следования. Я буду ожидать уведомления графа Ламздорфа относительно пути и способа отправки германского и голландского отрядов. Настоящую переписку доложить Гл. Упр. в следующем заседании, которое соберется тотчас...

17 ноября 1899 г., черновик письма председателя Российского Общества Красного Креста О.К. Кремера военному министру А.Н. Куропаткину

Милостивый Государь

Алексей Николаевич.

Главное управление в заседании 13 ноября постановило командировать в Южно-Африканскую Республику (Трансвааль) санитарный отряд в следующем составе: 5 врачей, из которых один назначается уполномоченным Красного Креста и начальником всего отряда, 2-х агентов по хозяйственной и административной части, 4-х фельдшеров, 8 сестер милосердия и 12 санитаров. Всего 31 человек.

Начальником отряда предполагалось назначить доктора медицины и хирургии Вредена, но за отказом его избран доктор медицины Действительный статский советник Николай Иванович Кусков, состоящий помощником директора Мариинской больницы.

В дополнение к словесному объяснению с разрешения Вашего Превосходительства имею честь покорнейше просить о назначении в распоряжение Главного управления для означенной командировки одного отставного офицера по избранию Вашего Превосходительства и за счет военного министерства для назначения агентом Красного Креста; 2) младшего врача лейб-гвардии Гренадерского полка, коллежского асессора С.Я. Чистовича; 3) 4-х фельдшеров (желательно иметь в отряде фельдшеров, уже бывших в Абиссинии, а именно: Николаевского военного госпиталя Павлова Федора, Иванова Павла и Назарова Владимира и Константиновского артиллерийского училища — Маслова) и 10 санитаров из уволенных со службы нижних чинов, обученных уходу за больными (в числе санитаров желательно иметь знакомых с ремеслами портняжным, шорным, слесарным и столярным, а также кашевара).

От Главного управления назначено следующее содержание на все время командировки, которая предположена продолжительностью в 6 месяцев: врачам и агентам по 450 рублей в месяц и 450 рублей на подъем, фельдшерам содержание каждому в месяц 100 рублей и на подъем по 100 рублей и санитарам каждому содержания по 50 рублей в месяц и на подъем по 50 рублей, и всем сверх того довольствие пищей и проезд туда и обратно.

Все следуемые этим лицам деньги будут выдаваться от Главного управления, частью здесь до отъезда, а затем уполномоченному общества за каждый месяц вперед. Если Вашему Превосходительству угодно будет командировать одного отставного офицера агентом при отряде, за счет военного министерства, то

не изволите ли признать всего удобнее, чтобы определенное ему содержание и путевое довольствие было выдаваемо от Главного управления, как в Петербурге, так и во время командировки, с возмещением от военного министерства сделанных выдач.

Все лица, входящие в состав отряда, должны состоять в полном подчинении уполномоченного, начальника отряда, который ответствует за выполнение той инструкции, которой будет снабжен от Главного управления. Отряд предположено отправить из Санкт-Петербурга 28 сего ноября через Одессу в Порт-Саид и оттуда французским пароходом (общества) «Messageries Maritimes» до порта Лоренсу-Маркеша, куда должен прибыть 28 января нового стиля. Поэтому ввиду краткости времени имею честь просить Ваше Превосходительство не оставить уведомить Главное управление, в возможно непродолжительном времени и решении вашем, с доставлением именного списка командируемых лиц.

19 октября 1899 г.

В Главное управление Красного Креста от врача Андрея Андреевича Краузе
Заявление

Узнав из газет, что общество Красного Креста намеревается послать врачебно-санитарный отряд в Южную Африку для оказания врачебной помощи трансваальцам в их войне против Англии, честь имею просить общество, не найдет ли оно возможным принять меня в качестве врача в свою посылаемую миссию.

При этом присовокупляю, что я хорошо знаком с немецким и французским языками и в случае принятия меня в миссию согласен пожертвовать сто рублей в пользу оной. Соблаговолите ответить, изложив подробные условия.

Врач Андрей Краузе

12 октября 1899 г.

Многоуважаемая Дирекция.

Смею предложить мою готовность принять участие в оказании помощи раненым в англо-трансваальской войне. Честь имею покорнейше просить, если находите это возможным, прикомандировать меня к одной из отправляемых колонн в качестве фельдшера, врачебного помощника и чего-нибудь подобного.

Дело в том, что я выслушал полный курс медицинских наук, но вследствие студенческих волнений устранен пока от Государственного экзамена. Свидетельство о выслушивании полного курса могу предоставить.

Находясь теперь без всяческой работы, имею честь покорнейше просить исполнить мою просьбу и дать мне возможность практически приложить свои знания в пользу страждущего человечества.

Готов поехать на тех условиях, которые вам угодно будет найти уместными.

С покорностью и почтением Д. Аваркушевич.

На письме имеется резолюция:

Занесен в списки кандидатов. ГУКК. 14 октября 99.

23 октября 1899 г.

В Главное управление Красного Креста от Штатного ординатора 1-й Московской Градской больницы Петра Николаевича Александровского

Прошение

Желая отправиться в Южную Африку на место военных действий, происходящих там в настоящее время, для подания медицинской помощи раненым, имею честь покорнейше просить Управление зачислить меня врачом в имеющийся отправиться санитарный отряд. При сем считаю нужным присовокупить, что я уже более двадцати лет занимаюсь в хирургическом отделении нашей больницы и был на месте военных действий для подания медицинской помощи в сербскую войну и во время русско-турецкой войны.

Статский советник, врач П. Александровский

5 ноября 1899 г.

В Главное управление Красного Креста

Мною получена от вас телеграмма о зачислении меня в число кандидатов вашего отряда, посылаемого в Трансвааль. Прошу вас, в случае, если и окончательный выбор падет на меня, известить меня телеграммой об этом, равно как и о числе и месте, когда и куда мне нужно будет приехать со стороны нашего Военно-Медицинского начальства, по-видимому, препятствий к моему отъезду не будет — о чем уже сделан доклад в Кавказское Окружное Управление.

В случае, если бы дальность расстояния Карса от места отправления отряда служила препятствием к зачислению меня в последний, то я согласен на свой счет приехать из Карса в Петербург или же в другое место, назначенное для сбора отряда.

Врач Кубинского полка П. Тимошок

Город Карс

23 октября 1899 г.

В Главное управление Красного Креста

Препровождая при сем копию своего диплома на звание лекаря, имею честь вызваться на службу Красного Креста, именно на театр войны в Южной Африке.

Я родился в Риге и там воспитался, пока не выступил в Дерптский университет, который я закончил в 1889 г. на степень лекаря. После этого я семь лет занимался частной практикой в Ковенской, Витебской и Виленской губерниях. В это время тоже пять месяцев управлял госпиталем Гарженской пограничной бригады в м. [нрзб.] местного старшего врача.

После того я желал усовершенствоваться в хирургии, прожил почти три года в Риге, не практикуя, а занимался только изучением этой специальности при хирургическом отделении Рижской городской больницы, под руководством ординатора этого отделения доктора Бергмана, постоянно занимаясь в это время тоже с ушными, горловыми и женскими болезнями. В начале текущего года я поселился в городе Лодзь Петраковской губернии, Привисленского края и занимаюсь частной практикой в здешней амбулатории приходящих больных... отделения Красного Креста, принимаю больных по ушным и горловым болезням.

Я немецкой народности, лютеранского исповедания, 40 лет от роду, холостой, освобожден от воинской повинности и владею кроме немецкого русским языком. Выразив свое согласие выехать в службе Красного Креста на театр войны, прошу покорно не оставить меня без скорого ответа.

Лодзь

П.В. Витческий, врач

23 октября 1899 г.

В Главное управление Общества Красного Креста

Прочитав в газетах, что Главным управлением Общества Красного Креста организуется санитарный отряд добровольцев на театр военных действий в Южную Африку для оказания медицинской помощи Боэрам, прошу покорнейше Главное управление зачислить меня врачом и сообщить об условиях поступления, содержания и времени отправления.

Я окончил курс медицинских наук на степень врача в 1889 г. в Московском Императорском университете; занимался преимущественно хирургией; в 1898 г. Окончил экзамены на степень доктора медицины в том же университете в Москве.

Врач-докторант Пашуканис Бронислав Францевич

18 октября 1899 г.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста

Имею честь покорнейше просить Главное управление Общества Красного Креста записать меня в качестве студента-медика в один из отрядов, отправляемых Обществом на поле военных действий в Южную Африку, если оно найдет это возможным. В настоящую минуту я состою в числе студентов Бреславльского университета, а раньше я прошел четыре курса Московского университета.

Прошедшее лето я уже работал в Обществе Красного Креста в Самарской губернии, Бугульминского уезда, где заведовал цынгозным районом под непосредственным ведением помощника главного управляющего Главного управления Российского общества Красного Креста графа Кирилла Федоровича Берга, у которого прошу справиться обо мне, если к тому явится необходимость.

Условия, на какие я поеду, для меня безразличны. Лишь бы я был доставлен туда и обратно и мне выдавалось бы содержание или его стоимость на месте. В случае, если Главное управление сочтет возможным зачислить меня в один из упомянутых отрядов, то покорнейше прошу назначить лишь время и место, где я должен буду присоединиться к отряду, а также выслать мне денег на проезд.

Бывший студент Московского университета, кандидат медицины Бреславльского университета Александр Ильич Бакунин

21 октября 1899 г.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста

Повивальной бабки Елены Александровны Дмитриевой

Прошение

Ввиду множества акушерок в Петербурге практика редка в данное время, я совершенна свободна и потому хотела бы употребить оное с пользой не для

одной себя. Между прочим, соревную к общественным симпатиям к угнетенному населению Трансвааля, имею искреннее желание отправиться туда, дабы оказать посильную помощь воюющим бурам.

Узнав из органов печати, что Красным Крестом формируется отряд для отправки в Трансвааль на помощь раненым и их семействам, имею честь усерднейше просить Главное управление Российского Общества Красного Креста об отправлении меня в Трансвааль с отрядом сестер милосердия.

Елена Дмитриева

12 октября 1899 г.

В Главное управление Российского Общества Красного Креста крестьянина Псковской губернии, Островского уезда, Сонинской волости, деревни Дьяконово Дмитрия Ефремова Милославского

Прошение

Убедясь из многих примеров, что Русское Общество Красного Креста не только никогда не остается безучастным свидетелем бедствий вообще и порожденных военными действиями в особенности, но всегда идет впереди других, подобных по назначению, но не по деятельности учреждений, я полагаю, что Общество не останется праздным и в настоящее время — время только что закрывшейся Гаагской мирной конференции и сильно подчеркнутое Англией военными действиями в пределах ни в чем не повинного Трансвааля, и пошлет туда свой отряд на помощи боэрам (бурам), раненным в несправедливой войне, а так как для этого нужны люди, могущие выполнять возложенные на них Обществом Красного Креста обязанности, то я позволяю себе иметь честь покорнейше просить Главное управление Общества принять мои личные услуги в качестве санитара или в другой какой-либо полезной для дела службы при подаче помощи раненым воинам Трансвааля, их союзникам и врагам.

Относительно трудностей, сопряженных с деятельностью санитара, я позволю себе заметить, что эти трудности при доброй воле уменьшаются наполовину, а кроме этого, не зная, как мне, человеку бедному, придется жить, поставил себе в обязанность заниматься в свободное время от службы черными работами. Последние два года, живя в Петербурге каждое лето, до глубокой осени исполняю поденно всевозможные черные работы и таким образом развил себя в физическом отношении весьма хорошо, а подработать поденщиком в Петербурге значит сдать самый тяжелый экзамен на физический труд и сопряженные с ним лишения.

О последующей по моему прошению резолюции Управления, покорнейше прошу дать знать по месту жительства моего: Петербургская сторона, Грязная улица, дом № 11, квартира 11. Имею при себе 5-ти летний паспорт и разные документы о прежней моей службе, которые могу по требованию Управления представить немедленно.

Крестьянин Дмитрий Ефремов Милославский

Всеволод Егорьев: «БУДЕМ ЖДАТЬ И НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО И НАС КОГДА-НИБУДЬ ПОШЛЮТ В ДЕЛО, И МЫ СДЕЛАЕМ ЕГО, КАК СЛЕДУЕТ» (1904)

Всеволод Евгеньевич Егорьев родился 23 октября 1883 г. во Владивостоке, в семье морского офицера. В 1902 г. окончил Морской кадетский корпус с присвоением чина мичмана. С 1904 г. — флаг-офицер штаба командующего 1-й эскадрой флота Тихого океана и штаба командующего отдельным отрядом крейсеров в Тихом океане. Во время Русско-японской войны служил на крейсере 1-го ранга «Россия», участвовал в крейсерских рейдах отряда, предпринимавшихся с целью нарушить морские коммуникации противника. В августе 1904 г. за отличия в боевых действиях произведен в лейтенанты. После Русско-японской войны продолжил службу на Балтийском флоте, затем — при Морском генеральном штабе. После 1917 г. продолжил карьеру в советском флоте, где дослужился до контр-адмирала (1940). Умер в 1967 г. в Ленинграде.

Адресат писем — капитан 1-го ранга Евгений Романович Егорьев (1854—1905), командир крейсера «Аврора» во время похода 2-й Тихоокеанской эскадры. Погиб в Цусимском сражении 14 (27) мая 1905 г.

Даты писем приводятся по старому стилю.

Подготовка писем к печати и примечания Игоря Ермаченко

2 января 1904 г.

Теперь уже прошло две с половиною недели, дорогой папа, со дня моего перевода на «Россию», и я понемногу успел приглядеться и привыкнуть к новому нашему положению. Вижу, что не так страшен черт, как его малюют: служба не так уж тяжела, да и очень немногим отличается от службы на «Богатыре»[1], с командиром же, кроме воскресных официальных завтраков, никто никакого дела не имеет. С кают-компанией лажу и в общем своим новым местом службы пожаловаться не могу, тем более что Владивосток остался тем же самым. Немного неприятное впечатление оставляет состав кают-компании своим отпечатком долгого пребывания на Востоке (то, чего у нас на «Богатыре» не было), а именно отсутствием общей кают-компанейской жизни. Объясняю себе это отчасти большим количеством женатых: 6 офицеров, которые, конечно, живут своей отдельной жизнью, почему по вечерам, с 5 часов вечера начиная, на крейсере остаются человек 6 офицеров. Впрочем, я сам не могу похвастаться, что много сижу дома. Днем с 12 до 2 каждый день на катке, а вечера провести на берегу при моем обширном круге знакомых не представляет труда.

Праздники провел довольно тихо, несмотря на то что в городе чуть ли не каждый день было до трех разнообразных развлечений. 24-го была елка на крейсере, 27-го был на балу Восточного института[2], 29-го на маскараде в Морском собрании и 30-го на елке на «Богатыре».

[1] «Богатырь» — крейсер 1-го ранга, на котором В.Е. Егорьев начинал службу.

[2] Высшее учебное заведение востоковедческого профиля, основанное во Владивостоке в 1899 г.

Новый год встречали всемером в кают-компании крайне скромно, а в 12½ [ч.] был послан в Морское собрание для принесения поздравлений Гаупту[1], Гауптихе[2] и прочему начальству, после чего прислуживал при замечательно интересной кадрили, которую танцевали: M-me Гаупт, M-me Подъяпольская, M-me Линдерс и прочие дамы не менее 10 тысяч тонн водоизмещения каждая. Потом попал на «Богатырь», а в 2 часа уже лежал в койке. Вчера, облачившись в вицмундир, бегал по знакомым с визитами, был также у Гринбергов, она просила кланяться тебе.

На крейсерах у нас праздники прошли не по-праздничному: «Громобой» в первый день Рождества грузился углем (я ведь тебе писал об его походе, он ходил в Гензан[3], вернулся весь во льду и с ярко блестящей обшивкой), а мы принимали боевые запасы и сдавали дерево в порт.

Толки об войне без конца, в газетах половина заполнена якобы уже решенным вооруженным столкновением с японцами, и что последнее воспоследует в самом ближайшем будущем. Масса известий вымышленных, напр[имер] на днях телеграмма из Токио: «Русские военные крейсера вышли из Владивостока, вероятно в Порт-Артур, население города всполошено известиями об войне»; эту телеграмму я читал на балу в Общественном собрании. Как бы я хотел все телеграммы за последние недели издать отдельной книжкой, наверное, она бы выдержала несколько изданий. В конце концов и я начинаю, кажется, верить в возможность войны, уж слишком много тревожных симптомов, как в газетах и городе, так и в нашей судовой жизни. Между прочим, известно ли тебе, что русский десант, высаженный в Чемульпо[4], ввиду отказа японцев дать поезд, пешком прошел в Сеул и находится там для охраны посольств; но, впрочем, поживем — увидим. Если тебе интересно, в чем я не сомневаюсь, — постараюсь добыть местные газеты за последнее время и на днях вышлю их тебе.

Твое письмо из Коломбо и открытку из Сабанга[5] получил и прочел с радостью; жалею, что в Сабанге тебе мешали дожди, письмо твое из Коломбо шло через Нагасаки и оказалось распечатанным и заклеенным какой-то странной печатью с буквой N, вероятно, япошки интересуются, что может писать русский флотский офицер-отец офицеру-сыну.

Наряду со всем этим, диким диссонансом было следующее: вчера, когда адмирал [Эвальд Антонович Штакельберг] завтракал в к[ают]-компании, к нему явились с визитами два японца из консульства поздравлять с Новым годом, и страшно мило и любезно велся с обеих сторон разговор и пожимания рук — ясный пример расовой вражды перед войной!!! Просто смех, да и только. Но об войне довольно.

Сегодня сам отнес своему бывшему ст[аршему] офицеру А.И. Александрову приказ об его производстве в капитаны 2 ранга, для всех это было страшно

[1] Гаупт Николай Александрович (1846—1909), контр-адмирал (1901 г., 1906 г. — вице-адмирал с увольнением от службы), в 1901—1904 гг. командир Владивостокского порта.

[2] Екатерина Ивановна Гаупт, супруга Н.А. Гаупта.

[3] Гензан (современное название Вонсан) — порт с незамерзающей бухтой на северо-восточном побережье Кореи.

[4] Чемульпо (современное название Инчхон) — порт на западном побережье Корейского полуострова.

[5] Сабанг — порт Малайского архипелага.

неожиданно и мне никто не верил (об этих производствах ты уже, конечно, знаешь), пошло страшное ликование, сбегали к Чурину за эполетами, прилетела кузина Вера с Алекс[андром] Федоровичем[1], и теперь там идет пьянство и веселье великое. Сам Александров чуть сначала не обиделся за то, что он считал шуткой, но когда прочел приказ, то обрадовался, как младенец.

Пока до свидания, дорогой папа, крепко целую и обнимаю.

Твой Всеволод

Телеграммы поздравительной с Новым годом не посылал за незнанием места твоего. От души поздравляю; при встрече Нов[ого] года в кают-к[омпании] пили твое здоровье. Всего хорошего.

19 января 1904 г.

Владивосток

Дорогой папа! Я вчера утром был очень удивлен известием, что мы все начали кампанию. Дела с Японией, кажется, более чем серьезны, и в городе все ждут, что вот-вот объявят мобилизацию. Мы готовы, пусть макашки придут разбивать собственные лбы. По слухам судя, 18/31 января, т.е. вчера, было последним сроком, представленным Японией для ответа на их ноту; сегодня уже 19-е, но пока все «относительно» спокойно. Несмотря на такое тревожное время, настроение по-прежнему веселое у всех владивостокских, вчерашнему началу кампании все страшно обрадовались, и только флотские дамы в Московском подворье сразу по получении известия о начале кампании забили страшную горячку, но затем ввиду получаемого морского довольствия успокоились и вчера, на радостях, обедали и ужинали на судах. Каток, конечно, процветает по-прежнему, по праздникам гремит музыка, и весь Владивосток вместо Светланской улицы собирается на нем. Я уже изобрел новый спорт — нахожу, что для велосипеда лед — лучший грунт, в особенности здесь при отсутствии снега, но в присутствии огромного количества сажи и угольной пыли. На днях как-то пробовал соединить велосипед с коньками и, имея на ногах коньки, катался на велосипеде, но это оказалось неудобным, т.к. при слезании шлепнулся об лед. Вера Михайловна [Стемман], увидев меня однажды на велосипеде, ужасно обрадовалась и налетела на Ал[ександра] Федор[овича], зачем тот спрятал ее велосипед (она ярая велосипедистка). Между прочим, вчера они спрашивали твой адрес, вероятно, будут тебе писать.

Дня три уже здесь живет инвентарный генерал Дегтярев, но пока мне его видеть не удалось, т.к. мы люди маленькие, а он водится все с командирами и адмиралами.

Вот все владивостокские новости. Твое письмо от 18-го из Порт-Саида получил на днях, очень благодарен тебе, дорогой папа, за поздравления с Новым годом, за само письмо и за карточки из Сабанга. Вчера во время завтрака с адмиралом они ходили по столу и возбуждали общее любопытство. Между прочим ты пишешь, что принял 1200 тонн угля в П[орт]-Саиде, а мы-то, ввиду постоянной

[1] Стемман Вера Михайловна (урожденная Максимович, 1863—1930), супруга капитана 1-го ранга Александра Федоровича Стеммана (1856—1914), командира крейсера 1-го ранга «Богатырь».

боевой готовности, каждый почти день принимаем тонн по 60—70. Хорошо, что на «России» все угольных ям горловины с борта, и грузят уголь зимой корейцы, иначе эта постоянная погрузка была бы очень неприятна. На днях все суда спустили нижние реи — это, кажется, последняя новость. Пока больше писать нечего. Крепко целую и обнимаю до следующего письма.

Твой Всеволод

Я здоров и весел. За последние дни получил массу писем: от С.Е. Гок, С.Я. Гаккель и даже Бориса Гаккеля.

26 января 1904 г.

Владивосток, [крейсер] «Россия»

Большое спасибо, дорогой папа, за телеграмму и дождевик, который надеюсь вскоре получить. В ответ на твою телеграмму телеграфировал тебе 24-го числа. Еще раз от души поздравляю с благополучным приходом.

Сегодня перекрасились в боевой цвет, употребив на это занятие 840 пудов краски и 9 часов времени (считая сюда и 2 часа отдыху). За вчерашнюю ночь выпал густой снег и картина резко изменилась: вчера на фоне совершенно черного льда были белые крейсера, а теперь фон совсем белый, но зато крейсера черные; это все страшно заинтересовало публику, к[отор]ая благодаря хорошей погоде толпами стояла у памятника Невельского, а наиболее храбрые ходили даже на лед. Известия об делах с Японией приходят самого тревожного свойства, а сегодняшнее (говорят, что в виде правительственной телеграммы) равносильно объявлению войны: «Дипломатические сношения прерваны и японский посланник в Петербурге отозван». У вас все это, конечно, известно, наверное, уже вчера и для тебя не новость. Ну, война так война. В ней я теперь почти не сомневаюсь и совершенно привык к этой мысли. Отношусь к этому вполне спокойно, как к тому, что должно оправдать нашу, слишком хорошо оплачиваемую для мирного времени, военную службу. Очень и очень прошу тебя, дорогой мой папа, обо мне не беспокоиться и не сомневаюсь, что ты будешь спокойным, также как и я теперь. По окончании войны (если она будет), даст Бог, увидимся, я приеду в Россию, а затем покупаем вместе виллу в Нагасакской губернии, селении Инаса, а то и в самой Иокогаме, и зададим пир на весь мир.

Но это все в будущем, перехожу на настоящее: через день после того, как я отправил тебе предыдущее письмо, приехал [капитан Николай Карлович] Рейценштейн, а вечером 21 января адмирал Штакельберг спустил свой флаг, а на грот-мачте подняли плавучий брейд-вымпел «штаб-офицера, командующего отрядом». Произошло это ввиду того, что Штакельберг уже с самого прихода на Восток просился по болезни в Россию, а в последнее время серьезно расхворался (у него перерождение сердечных сосудов) и около недели лежал в каюте. Вот ввиду этого и особенно ввиду возможного разрыва с Японией он просил себе заместителя. Когда этот заместитель приехал в лице Рейценштейна (временно), он собрался ехать в Россию, но события последних дней изменили его решение, и сегодня он вернулся на крейсер, не поднимая своего флага. Так что теперь у нас плавают два флагмана, а вскоре приедет второй командир (Андреев, назначенный вместо Арнаутова).

Почти все японцы из города выехали, и третьего дня я присутствовал при отплытии английского парохода «Afridis» и 1000 японцев на нем[1]. Все эти несчастные беглецы почти дочиста разорились, т.к. в последние дни продавали весь товар за бесценок, т[ак], напр[имер], один из моих соплавателей купил 16-рублевую вазу за 5 рублей — можешь себе представить, по какой цене покупали китайцы? Говорят, что теперь в городе осталось всего около 300 японцев и сам консул г-н Каваками, к[отор]ый вчера получил телеграмму об отозвании его в Японию.

Японские прачки исчезли, к счастью, без офицерского белья; японские лавки закрыты, многие из владельцев их продали, другие оставили под надзор китайцев, причем один возмутительно нахально заявил: «Через год мы вернемся, т.к. через год наши японские войска будут в Петербурге». Когда я написал эти строки, то чуть не расхохотался. Каково нахальство? Величайший военный гений Наполеон и с ним «двунадесять» языков и то застряли, а какой-то Ямомотка думает о взятии Петербурга. В конце концов жаль японцев, как они не понимают, что даже в случае их победы покровительствующие им державы оберут их как липку и пустят по миру голенькими. Удивительно метко описал их Дорошевич в своем фельетоне в «Восточном вестнике» «Кому теперь жить хорошо» словами:

А мопсик был смышлененький,
Весь гладенький, весь чистенький,
Служить умел на лапочках;
Медведю — нешто жаль.
Сломают мопсу лапочки,
Сломают мопсу ребрышки,
Головку прогрызут...
и т.д.

Этот номер «Восточного вестника»[2] я сегодня утром тебе послал в числе других номеров с 14 по 24 января, а одновременно и открытку.

В городе среди русского населения все спокойно, все веселятся, и бегства не замечается. Собственно говоря, нечего городским жителям и беспокоиться, ведь театр военных действий, по крайней мере вначале, будет в Корее и около Артура. Говорят, что всех дам выселят в Хабаровск, в случае объявления мобилизации, хотя желание большинства (по крайней мере тех, с которыми я знаком) — остаться во Владивостоке.

Но однако, дорогой папа, буду кончать. От Дегтярева передаю поздравление по случаю твоего прихода; А.Ф. Стемман сегодня спрашивал об тебе, пришел ли ты в Россию, а на прощальном обеде Штакельбергу сам адмирал интересовался тем же. Будь здоров, дорогой папа; от души желаю всякого благополучия. Креп-

[1] В современной историографии со ссылкой на японские источники приводится более высокая цифра — 2400 человек (см.: *Зайцев Д.М.* Японцы во Владивостоке накануне русско-японской войны // Азиатско-тихоокеанский регион. 2007. № 2. С. 127).

[2] «Восточный вестник» — ежедневная общественная и литературная газета, издававшаяся во Владивостоке в 1898—1904 гг.

ко целую. Пиши часто, за мною дело не станет, и если письма будут ходить исправно, то обо мне ты будешь все знать от меня самого. Еще раз крепко целую.

Любящий Всеволод

3 февраля 1904 г.

Владивосток

Вот уже третий день, дорогой мой папа, мы стоим во Владивостоке. Сильные морозы — ледокольные пароходы выбиваются из сил, ломая слишком крепкий и толстый лед. С ужасным лихорадочным нетерпением вырываем друг от друга вновь полученные газетные телеграммы из Порт-Артура. Теперь ясно уже выяснились первые события войны; минная атака, бой при Артуре, после к[оторо]го японцы ушли в Чифу[1], уведя с собой три своих броненосца на буксире и 2 с большим креном. Говорят[2], что после боя наши крейсера «Аскольд», «Баян», «Диана», «Новик» и «Боярин» произвели атаку на уходящую японскую эскадру и будто бы «Новик» потопил какой-то японский крейсер, говорят даже, что Эссен получил уже за это Георгиевский крест. Говорят также и о геройском бое «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо с 8-ю японскими судами, окончившемся тем, что Руднев, свезя команду на нейтральные суда, взорвался, а «Кореец», после того, как на нем осталось всего 2 человека (остальные перебиты), сдался. В первое хотелось бы верить, а во второе нет, хотя это последнее и составит красивейшую страницу в истории военных флотов. Приходится верить с ужасом в несчастие с «Енисеем», на котором погиб в числе других мой товарищ мичман Хрущев, бывший богатырец, списанный с «Богатыря» почти одновременно со мною. Но, впрочем, дорогой папа, все это тебе уже известно еще раньше, чем мне, пожалуй.

Должно быть, тебе интересно знать, что я думаю и чувствую за это время. Скажу тебе по чистому сердцу, что вполне спокоен и только жду с нетерпением случая отомстить япошкам за разных «Ретвизанов», «Цесаревичей» и т.д., к[отор]ых они повредили в нечестном бою без объявления войны. Горько и обидно сидеть в стороне, когда в Желтом море кипит дело. Среди товарищей моих, соплавателей, смело скажу, настроение прекрасное, одинаковое с моим. Сегодня Рейценштейн получил телеграмму от Наместника[3] с благодарностью нам за первый поход, право, мне было неприятно слушать эту благодарность не за участие в бою, а за мирное крейсерство. Положим, что оно было тяжело из-за погоды, мы ведь выдержали два 8—9-балльных шторма с пургой и 5° мороза[4], с промежутком между ними в 5 часов, первый в продолжении часов 20, а второй свыше суток, но благодарить за это нельзя все-таки.

Штормы эти вначале были неприятны, но, за неимением свободного времени, меня не укачивало; а затем, ведь человек тем и отличается от животного,

[1] Чифу (современный Яньтай) — порт в Китае, на полуострове Шаньдун.

[2] Здесь и далее подчеркнуто автором письма.

[3] Алексеев Евгений Иванович (1843—1917), генерал-адъютант (1901 г.), адмирал (1903 г.), с 1899 г. главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана, с 1903 г. наместник его императорского величества на Дальнем Востоке (до июня 1905 г.), с начала войны — главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии (до октября 1904 г.).

[4] Вероятно, как и в температурной сводке ниже, по шкале Реомюра.

что ко всему привыкает, в кают-компании завели граммофон (пребезобразный), и он увеселял публику своим пением, пошли остроты, и в конце концов даже и в шторм было весело. На второй день крейсерства у берегов Японии встретили японский пароход «Nagoura Maru», сигналом предложили его команде и пассажирам покинуть; экипаж в числе 41 человека принял «Громобой», а пароход потопили, сделав по нему несколько выстрелов 6-дм. орудия; была довольно сильная волна, и он очень красиво потонул, сев кормой и показав на мгновенье нос; другой пароход, совсем небольшой, нарочно не уничтожали, чтобы дать о себе весть на японский материк, что и выполнилось вполне успешно. На «Громобое» японцев шикарно поместили в пустых каютах, и они были очень довольны, кажется; среди взятых были 2 мусмешки[1]. Здесь их сдали всех коменданту, а он вскоре при первой возможности их отправил на родину.

В городе довольно пусто, очень многие поразъехались в Никольск и Хабаровск, но эмиграция теперь остановилась. Около 150 дам здешних слушают лекции в музее, чтобы затем поступить сестрами милосердия. В числе их много наших общих знакомых: Воронец, Стеман[2], б[аронесса] Гревениц и многие другие. Дай им Бог здоровья за доброе дело. Работать им приходится порядочно; по утрам до 12 [ч.] дня присутствуют при перевязках больных в военном лазарете, а с 3 до 7 дня — лекция в городском музее.

Театр закрылся, артисты убежали, половина извозчиков взята для военных целей, гимназии закрылись и многих студентов взяли прапорщиками в армию.

4 февраля 1904 года. 3-й день сильные морозы до 18° R, грузимся усиленно углем. Известий из Квантуна нет, разве только о неудачной высадке японцев у Талиенвана[3]. Высадилось 600 человек, но 410 были перебиты казаками, остальные отправились обратно на суда. Подтверждений о взрыве «Варяга», слава Богу, пока нет. Хоть бы и не было.

Сейчас, дорогой папа, получил твое письмо из Grand Hotel'я в Париже. Большое спасибо.

Пока до свидания, крепко целую, дай Бог тебе здоровья и всякого благополучия. Крепко жму руку и целую тебя.

Твой Всеволод

3—16 апреля 1904 г.

Владивосток

Тяжелый был день вчера, дорогой мой папа! Просто не верилось в известие об столь тяжелых новых для нас утратах. Прямо как обухом по голове ударило при вести об гибели «Петропавловска»[4], адм[ирала] Макарова со всем штабом, со всею душою нашей эскадры, об повреждении «Победы» и гибели [«Страшно-

[1] От японского «мусумэ» — «девушка». В более поздней правке красным карандашом исправлено на «японки» (Л. 74).

[2] Вероятно, В.М. Стемман.

[3] Талиенван — бухта и порт на берегу Ляодунского залива Желтого моря.

[4] «Петропавловск» — эскадренный броненосец, флагман Тихоокеанской эскадры, 31 марта (13 апреля) 1904 г. после выхода с рейда Порт-Артура для противодействия японской эскадре подорвался на минной банке и затонул после детонации боезапаса, погибло более 600 человек, включая С.О. Макарова и художника-баталиста В.В. Верещагина.

го»], и все в один день, без боя почти, а так, здорово живешь, у своих же берегов, своего родного Артура. Тяжесть потери до такой степени ощутительна, что даже забываешь совершенно об том, каково теперь родственникам погибших на «Петропавловске» и [«Страшном»], забываешь, что может существовать личное горе, какие-то личные привязанности. Сегодня утром слушали панихиду, и как-то не вязалось панихидное пение с торжественным весенним напевом «Христос воскресе». Большинство глаз были красными от слез. Сегодня после панихиды был по делам службы на берегу, накупил массу телеграмм, полных соболезнований, со всего света и даже от япошек (подлецы, сами ведь со скрежетом зубов, визгами, криками и шипением прославляют судьбу и свои плавающие мины), даже владивостокская публика как-то призатихла и омрачилась, и только солнце весеннее светит по-прежнему и сильно благовестит собор по-пасхальному.

6 апреля

Начал писать тебе, дорогой папа, на следующий день по получении тяжелого известия об гибели «Петропавловска», и бросил, т.к. не хотел и не мог вгонять тебя в мрачное настроение. Теперь все поулеглось и все поуспокоились. Твердая уверенность в том, что в конце концов на нашей стороне будет победа, по-прежнему укрепилась во всех нас, будем ждать и надеяться, что и нас когда-нибудь пошлют в дело, и мы сделаем его, как следует, ведь не оставят же в резерве 4 лучших крейсера нашего флота. Судя по частным телеграммам, у Артура погиб на собственных минах один японский крейсер, впрочем, и к этому известию отношусь сомнительно и с осторожностью, т.к. лучше всегда неприятеля считать сильнейшим себя. Но об войне хватит.

На берегу все совсем не похоже на войну, у Яджогло[1] играет музыка, гулянье по Светланской усиленное, т.к. погоды великолепные, офицерство в накидках и летних пальто, только дам стало меньше, и взамен их часто встречаются серые офицерские пальто.

Около 20-го уезжают в Питер все мои знакомые: Воронец, Петровская и б[аронесса] Будберг. С тех пор засяду на крейсер и усиленно буду чертить и работать.

Пока, дорогой папа, до свидания, крепко-накрепко целую, всего лучшего, пиши куда писать.

Любящий Всеволод

21—24 мая 1904 г.

21 мая 1904 г., Владивосток

Прости, дорогой папа, за редкие письма, причины, собственно, нет никакой иной, как отсутствие сильных впечатлений радостных, что же до грустных, то как-то об них писать не хочется, да они известны и по телеграммам (я говорю об

[1] Правильно *Ягджоглу* Константин Семенович, российский предприниматель греческого (из турецких подданных) происхождения, один из первых организаторов кинопрокатного дела на Дальнем Востоке и в Сибири.

наших неудачах на сухом пути, как-то: взятие Кинчжоу[1], Дальнего[2], разрушения многомиллионных сооружений и трудов, даром потраченных).

У нас новостей нет, «Богатырь» продолжает сидеть[3], тщательно его разгружают и надеются скоро его снять. В городе кроме серых офицерских шинелей и публичных женщин никого нет; даже погоды испортились и перешли на летние: четвертый день туман и дождь льет как из ведра. Отношение публики к нам по-прежнему возмутительное, после аварии с «Богатырем» было несколько случаев битья физиономий господам штатским за название «самотопы». Теперь только сухопутные офицеры засохли, т.к. у самих неудачи еще почище наших. Удивительно мне то, что мы, моряки, при известии об какой-нибудь неудаче на сухом пути никогда не позволяем себе ни одного слова обвинения, при всякой [же] неудаче на море они как-то радуются даже (по крайности, видимо), как будто мы не одинаково русские люди; конечно, все это уже не так важно, но все-таки такое постоянное обостренное положение вызывает неудобства.

Начальства, как тебе теперь уже известно, у нас нынче масса. [Вице-адмирал Николай Илларионович] Скрыдлов своим приездом понемногу наводит порядки и чистку. Самое его главное действо — это удаление Яшки Подъяпольского от должности заведующего миноносцами и транспортами; говорят, что он потеряет и экипаж, — ведь это действительно человек в полном смысле слова недостойный. На миноносцы назначен кап[итан] 2 ранга Раден, на транспорты — Гинтер.

23 мая

Вчера утром в нашей неразнообразной впечатлениями жизни произошло событие; пришел германский пароход «Elsa» с грузом угля, — вот молодчина-то, последний переход он сделал из Pulo Weh'я[4], пробыв в пути 33 дня. Говорят, что он по беспечности не захватил из Европы ни одной карты Восточного океана, кроме генеральной от Сингапура до Камчатки; по этой карте дошел до Владивостока. Стоя в Pulo Weh совместно с английским военным судном, он просил его снабдить его картами, тот обещал снять копии и через 2 дня, боясь нарушить нейтралитет, ушел, не дав бедному угольщику ни одной карты. Командир, говорят, привез с собой жену и дочь.

Вчера с адм[иралом] Безобразовым ходил на миноносце к «Богатырю». Там пока все по-старому, работа кипит, измучались они все, изнервничались до крайности, дай Бог, чтобы их старания увенчались полным успехом. Вот и все новости.

---

[1] Кинчжоу (Цзиньчжоу) — населенный пункт на Цзиньчжоуском перешейке Ляодунского полуострова, в районе которого находились русские укрепления, оборонявшие подступы к Порт-Артуру.

[2] Дальний (*кит.* Далянь, *яп.* Дайрэн) — построенный в 1898 г. русскими город-порт на южной оконечности Ляодунского полуострова, важный экономический и стратегический центр, станция Китайско-Восточной железной дороги.

[3] На мели, после столкновения в тумане с подводными скалами в Амурском заливе (подробно описано в письме от 11 мая 1904 г.

[4] Pulo Weh (Pulau Weh) — остров Вех в Малайском архипелаге, к северо-западу от о. Суматры; главный город и порт — Сабанг.

Большое тебе спасибо, дорогой папа, за великолепную фотографию Ренц[а] и Шрадера[1] и не менее великолепную в полном дождевом anzug'е[2] — наши офицеры, знающие тебя, приходят в восхищение от них.

Я тоже снимался, у местного фотографа г-на Филимонова, насколько удачно — суди сам.

24 мая

Видишь, как мало новостей, — письмо растягивается на три дня; да начав на третий день, сразу приходится кончать, ибо все по-старому. Я здоров, а следовательно, и жив. Крепко-крепко целую и обнимаю; большое спасибо за исполнение поручения моего об цветах.

Всего хорошего.

Твой Всеволод

12—23 августа 1904 г.

12 августа 1904 г., [крейсер] «Громобой»

Однако, дорогой мой папа, пора мне приняться за подробное тебе письмо обо всех столь жгучих грустных событиях. Предупреждаю, однако, что писать буду долго, ибо теперь я, временно, положим, представляю из себя единственного флаг-офицера[3] Иессена[4]; произошло это по той причине, что принципал мой лейт[енант] Кумани назначен ст[аршим] оф[ицером] на «Россию», а новый еще лежит в госпитале и лечит раны (это лейт[енант] Владиславлев), а из всего этого выходит, что дел у меня много и письмам много времени уделить не могу. На «Громобое» же мы по той причине, что командир его ранен, новый когда еще придет, а «Карла» наш был когда-то к[оманди]ром «Громобоя».

Из предисловия тебе теперь ясно все; позабыл еще написать об новой мне милости: за 15-дневное крейсерство в Тихий океан влепили мне Станислава 3-й ст[епени] с мечами и бантом. Теперь все мы представлены за бой, так что если, даст Бог, вернусь после войны в Россию живым, то буду «кавалером не только дамским, но и многих российских орденов».

Ну, теперь к делу нашему, об котором Наместник выразился, что оно много выше «Варяжского»[5]; подробностей маневрирования писать не буду, об этом будут подробные корреспонденции в газетах, а личные свои впечатления постараюсь изложить по порядку; в половине пятого утра будит меня сигнальщик, докладывая, что меняем курс на вест, вылезаю я на мостик, меняем курс. Только легли на West, рассвело и севернее себя на N[ord] N[ord] W[est] приблизительно видим 4 военных судна; первое мнение, конечно, что это наша давно жданная

[1] То есть выполненную известной, отмеченной многими наградами петербургской фотографической фирмой «А. Рентц и Ф. Шрадер».

[2] Der Anzug (*нем.*) — одежда, костюм, (военная) форма.

[3] Офицер, выполняющий обязанности адъютанта при флагмане и ведающий сигнальным делом.

[4] Иессен Карл Петрович (1852—1918), контр-адмирал (1904 г.), с февраля 1904 г. — младший флагман эскадры Тихого океана и начальник отдельного отряда крейсеров эскадры Тихого океана, командовал отрядом во время описываемого ниже боя с японской эскадрой в Корейском проливе 1 (14) августа 1904 г.

[5] Имеется в виду бой в Корейском проливе 1 (14) августа 1904 г.

эскадра; я как вообще постоянно пессимист до некоторой степени, беру свою трубу и сразу, конечно, различаю что Федот, да не тот, что «наша» эскадра состоит из 4 крейсеров: «Идзумо», «А[д]зума», «Токива» и «Ивате»; долго, впрочем, они ждать себя и не заставили и к 5 часам, сблизившись на 65 каб[ельтовых], открыли огонь, мы им немедля начали отвечать (уже повернув на Ost); снаряды их с самого начала начали великолепно ложиться, первый снаряд лег у самого борта «России». Я был на заднем мостике; не скрою, что первые снаряды производили жуткое впечатление, и я с неудовольствием посматривал на кончик своего носа, который против воли сделался очень бледным; каждый снаряд на излете (со свистом) заставлял наклонять голову. Особенно неприятное впечатление производили рикошеты, к[отор]ые удивительно громко и медленно перелетали через головы в виде огромных черных ворон. Они летят так медленно, что, кажется, смело можно отойти от места падения в сторону; тяжелое впечатление произвела весть об кончине дорогого нашего ст[аршего] офицера (это было в самом начале боя); одним из первых попавших снарядов разнесло нам дымовую четвертую трубу, разнесло так, что выходное отверстие диам[етром] до 2 саженей. Конечно, и мы не оставались в долгу, видны были и наши попадания, взрывы наших снарядов и пожары на японцах. На «Azuma» был сильный пожар, мы начали орать «ура», но в ответ на это — колоссальный пожар на «Рюрике»; как-то поневоле все замолкли; в 5½ ч. «Рюрику», по-видимому, подбили руль, он вылез из строя, но все-таки продолжал идти с нами до 6 часов, до нашего поворота на обратный галс в N[ord] W[est] четверть.

15 августа

Ни вчера, ни третьего дня не имел свободного времени, чтобы написать тебе. Вчера получил твою телеграмму с уведомлением об уходе в Биоркэ[1] и недоумеваю, что это значит: уходите ли вы совсем или лишь временно. Однако буду продолжать начатое: в 6 часов повернули мы, за нами «Громобой», «Рюрик» же не поворачивает и вскоре поднимает сигнал: «руль не действует», а затем второй сигнал: «не могу управляться»; в это время неприятель, увлекшись «Рюриком», делает ошибку, отходит к Ost'у, сосредоточивая огонь на «Рюрике», и тем открывает нам свободный выход к N. Приблизительно около этого времени к нему подходят еще три крейсера — «Naniwa», «Takachiho», «Niitaka». Видя, что «Рюрик» не поворачивает за нами, возвращаемся к нему, проходя между ним и неприятелем и принимая на себя все ему предназначавшиеся снаряды, проходя в 30 кабельтовых от неприятеля. В это время несколькими влетевшими под полубак «России» снарядами производится пожар со взрывами приготовленных снарядов; горят патроны, кокора, линолеум, люди, плавятся цинковые листы; я в это время перешел к боевой рубке, т.к. с заднего мостика на передний перебит телефон. Стоял и думал, будет или не будет «Петропавловск»[2], пожар был настолько силен, что все, стоявшие в боевой рубке, чуть не задохлись, я, стоя на воздухе у рубки, избавился от обморока только тем, что побежал на самый нос и только там отдышался. Неладное делалось с командой, в это время убранной

[1] Биоркэ[-Зунд] (устар. написание) — пролив Бьеркезунд в Финском заливе Балтийского моря, в 40 морских милях от Кронштадта.

[2] То есть катастрофа, подобная взрыву «Петропавловска» 31 марта (13 апреля) 1904 г.

от мелкой артиллерии за боевую рубку, они, лишь только до них начали доставать языки огня, бросились к трапу на шкафут, но, так как он еще ранее был сбит снарядом, начали втискиваться между носовой трубой и задней стенкой рубки в пространство шириною не более аршина, а людей тут было человек 30—40; к счастью, пожар через пять минут был прекращен, но и наделал же он бед; из 30 человек прислуги от орудий под полубаком остались в живых: командир плутонга[1] лейтенант Молас, выброшенный через дверь на шкафут[2], его артиллерийский квартирмейстер и 2 матроса, выбежавшие наверх через люк; это было, впрочем, лишь в первый момент, в последующие же туда вбежали опять тот же Молас, затем волонтер прапорщик Груздев и, в этом аду, начали тушить. Теперь они оба, конечно, вознаграждены по заслугам: первый получает Георгия, второй же производится в подпоручики и уже награжден [Знаком отличия] В[оенного] Орд[ена][3] 2-й степени! После этого пожара мы еще три раза возвращались к «Рюрику», три раза защищали его собственными корпусами; на третий раз (это было уже в 8 ч. 20 м. дня), видя, что он все не оправляется, а вертится волчком на месте, усиленно работая обеими машинами, видя, что на «России» подбита или не действует почти вся крупная артиллерия, что разбиты 3 дымовых трубы, из-за чего трудно держать пар, что «Громобой» тоже не в лучшем виде; да, наконец, что если мы оттянем неприятеля от «Рюрика», тем дадим ему возможность исправить повреждения, то это будет, пожалуй, лучшим исходом. Так это и оказалось: 4 бр[оненосных] крейсера и «Niitaka», видя, что мы пошли на север, легли на параллельный курс. Идя уже этим курсом в расстоянии 30—40 кабельтовых, бой продолжался с той же энергией, как и в начале. Раза два мы склонялись вправо, дабы выбраться из N[ord]W[est] четверти в N[ord]O[st] и не быть прижатыми к корейскому берегу, но японцы не давали нам сблизиться и сами тоже уклонялись вправо, делая то, чего мы добивались. Признаться, у меня немало было моментов, что я не питал никакой надежды, что удастся увидеть Владивосток, да и никто из наших порою на это не надеялся. Особенно ясно это казалось в конце боя около 10 часов, когда они сблизились с нами до 30 кабельтовых, начали громить залпами, когда кругом творилось нечто невообразимое, грохот, треск. Зато как нам не верилось, когда вдруг в 9 ч. 50 м. повернул головной крейсер, а за ним и остальные, и вдруг прекратили огонь, — этого никто из нас не ожидал. И, как говорится, «тогда считать мы стали раны, товарищей считать»; много этих «товарищей» лежало в истерзанном виде на палубе, много крови было пролито на эту же палубу. Все это в то время не производило никакого впечатления, бродили по крови, по выброшенным мозгам, наступая на трупы. Что причиной такому бесчувственному состоянию: физическая ли усталость (которая, конечно, была громадна, ведь мы вступили в бой прямо с койки, ничего не евши, и выдержали 5 час[ов] боя, это тоже марка), или же радость, что сам остался жив и невредим, сказать трудно,

[1] Плутонг — морской термин, обозначающий группу орудий одинакового калибра, расположение которых на корабле позволяет одновременно вести огонь по одной цели и управлять действиями орудийных расчетов голосом (с 1930-х гг. заменен термином «батарея»).

[2] Шкафут — средняя часть верхней палубы корабля.

[3] Высшая награда для нижних чинов, включая унтер-офицеров (в отличие от офицерского знака ордена Святого Георгия).

вероятно, и то и другое. Только потом, по приходе во Владивосток, у меня проявились человеческие чувства. Какую дикую картину представляла палуба наша после боя, чего тут [только] не было: обломки дерева, осколки снарядов, стекла, куски железа, обгорелые койки, кровь, мозги и т.д. — все это наворочено в таком количестве, что удивляемся, откуда столько набралось; конечно, сначала было не до приборки, дали команде отдохнуть и после отдыха прибрались; к вечеру пришлось хоронить убитых, т.к. жара не позволяла везти их во Владивосток, и только тело Берлинского в запаянном жестяном гробу довезли.

Знаешь, ужасно трудно связно описать этот бой; так много надо сказать, что не знаешь, на чем остановиться, перескакиваешь с одного на другое, и ничего не выходит.

23 августа

Прямо не знаю, писать ли тебе, по твоей сегодняшней телеграмме читаю, что выходите 29-го, но, признаться, этому мало верю. Вернее, что, по нашим слухам, вы не выйдете ранее конца сентября. Да теперь и торопиться некуда и незачем. Флота почти что нет. Разве что Вирен, вновь назначенный нач[альник] эскадры, доведет остатки ее до Владивостока, тогда еще туда-сюда. На сухом пути тоже беспросветно: очистили Ляоян и отступают без конца. Впрочем, писать об этом не буду.

Из моей телеграммы ты знаешь, что я за бой 1 августа произведен в лейтенанты. Рад, конечно, этому. Только публика не дает проходу, все показывают пальцами — действительно ведь оригинально: «Несовершеннолетний лейтенант»[1]. Все это, конечно, и забавно, если бы не эти грустные тяжелые дела. Мы стоим, чинимся; стук кругом идет такой, что по временам думаешь, что сходишь с ума.

Бой наш, о котором начальство так много шумело и говорило массу пышных фраз, совершенно свели на нет. Офицеры награждены по-нищенски (я не говорю о себе, я большего никогда и не ожидал, и не хотел), мои товарищи-мичмана, представленные к Владимирам, получили Станисл[авов] 3 ст. — это за бой 5-часовой?! Команды только ¼ награждена [Знаком отличия] В[оенного] Орд[ена]. Главное же, обидно то, что телеграмму Иессена исковеркали до неузнаваемости, выставляя все наши недостатки и пряча все ошибки и повреждения японцев. Как будто там в Питере сидит японская цензура, а не наша. И, стыдно сказать, сухопутные офицеры, кажется, больше прочувствовали и поняли нас, чем свои — моряки; на заседании Георг[иевской] думы защищал Линевич, а не Скрыдлов (Командующий Флотом в «Женской гимназии», это факт: он со всем своим штабом живет в женской гимназии и не хватает только гимназисток до полного блаженства).

Прости, что пишу желчно, — прямо злость берет. Что же тебе рассказать хорошего: на днях выводят из дока «Богатырь» для установки пушек, трубы,

[1] В соответствии с правами состояния в Российской империи 20-летний В.Е. Егорьев не имел права полностью распоряжаться имуществом и заключать договоры без попечителя (до 21 года), участвовать в Дворянском собрании (до 21 года) и занимать должности в городском или сельском управлении (до 25 лет). Он считался совершеннолетним лишь для поступления на службу (с 16 лет) и заключения брака (с 18 лет, однако как офицеру ему запрещалось жениться раньше 23 лет, а до 28 лет требовалось подтверждение материального обеспечения будущей семьи).

мачты, но затем вновь введут в док для окончательных работ. На мой взгляд, крепления будут вполне солидные.

Пока до следующего письма или свидания, дай Бог всего лучшего, здоровья, сил и благополучного плавания. На днях надеюсь получить твои письма, т.к. размытую временно дорогу наконец исправили. Пиши.

Еще раз крепко целую.

Всеволод.

22—23 сентября 1904 г.

22 сентября 1904 г., Владивосток

Дорогой мой папа, твои письма от 19 и 23 августа получил в недавнем прошлом — за них тебе искреннее большое спасибо. Оружие «За храбрость» получил также и смело могу гордиться тем, что во всем Владивостоке ни у кого нет такого великолепного. Телеграммы твои получаю также исправно, последнюю — из Ревеля от 12 сентября. Судя по ней, вы 25-го куда-то идете, предполагаю, что еще только в Либаву; это, впрочем, считаю безусловно лучшим, нужно хорошо организовать эскадру, обучить личный состав и не торопиться, ибо рисковать нам нельзя, надо бить наверняка. Надо надеяться, что хотя бы в техническом отношении вы будете обставлены лучше нас, что боевые указатели у вас не будут разбиты на расст[ояния] от 0 до 40 кабельтовых — т.е. на те расстояния, к к[отор]ым они безусловно уже будут выведены из строя, что у орудий есть телескопические прицелы, что поставлены дальномеры Барра и Струда, что орудия не будут сами выводиться из строя из-за постоянных поломок подъемных механизмов и т.д., и т.д., и т.д. Надо надеяться, что уроки, нам данные, будут приняты во внимание у вас и что от вас недостатков, у нас обнаруженных, не скроют.

23 сентября

Сегодня, дорогой папа, только что получил твое письмо от 28 авг[уста] из Кронштадта. Судя по нему, у вас там настроение не из веселых, — думаю, что у нас бодрее. Были и здесь одно время все весьма кисло настроены, но теперь снова бодримся; много радует всех П[орт]-Артур (гарнизон, конечно, а не эскадра); я все еще не теряю надежды на армию и на Куропаткина, к[отор]ого так много ругают. Сам я был живым свидетелем того, что в меньшинстве побеждать трудно, а армия наша, к сожалению, все еще меньше японской.

Очень жалею я, что не знал, что вы так долго простоите в России, — следовало бы послать тебе много интересного, а все думал, что будет зря — все равно тебя не застанет. Больше всего меня беспокоит то обстоятельство, послал ли кто-нибудь из официальных лиц прямо на вашу эскадру, а не через Технический комитет, те сведения, которые мы получили собственными боками. Конечно, мог бы я и сам это написать тебе, но письмам доверять нельзя — вероятно, много теряются.

Наши исправления близятся к концу; на днях «Громобой» ходил на стрельбу — все оказалось исправным. Оба крейсера приняли приличный вид, опять все трубы на местах.

Вероятно, впрочем, что и Камимура починился, хотя, безусловно, повреждения у него и были весьма значительны. Об последнем имелись у нас сведения

(может быть, и ложные), говорили даже, что в Японии сильно сомневаются, что один из крейсеров (вероятно, «Azuma») был бы до конца войны исправлен (что, впрочем, считать за конец войны?). Думают у нас, что наши снаряды, не разрываясь на такое множество мелких осколков и имея трубки более медленные, нанесли им очень солидные повреждения. Здешний американский морской агент, осматривая наши крейсера, усиленно добивался знать, какими снарядами мы стреляли, — вероятно, ему были известны повреждения японцев. Их фугасные снаряды не наносят сильных повреждений корпусу, очень легко рвутся, даже пробивая самые тонкие листы, — один снаряд, пробив мусорный рукав на «России», разорвался и не нанес никаких повреждений борту. Но зато на личный состав действуют губительно — осколков масса. Осколки эти очень трудно пробивают койки, а поэтому против них койки — чудная защита. У нас местами она была сделана, и результат был великолепен. Делаются они в виде траверсов диам[етральных] переборок и т.д., причем кроме такой коечной стены вешаются части сетевого минного заграждения. Есть еще много важных выясненных обстоятельств, писать не буду, надеюсь, что о них вам сообщат.

Береговая жизнь здесь все такая же: Вера Михайловна [Стемман] устраивает благотвор[ительные] вечера, театр действует 2 раза в неделю, но теперь дают фарсы, а не драмы, положим, что теперешней труппе оно и лучше, да и публике также. Жительницы понемногу возвращаются, на днях приедут Воронец и Петровская, едет и Сергеева, и другие — признаться, выбрали самое бойкое время.

Больные и раненые офицеры понемногу уезжают в отпуски, уехали оба командира, и на обоих крейсерах — временно командующие: на «России» — Кумани, а на «Громобое» — Шульц. Много интересных известий из Артура узнаем у него, у него большая коллекция фотографий. Из Артура за это время много приехало: мичман Гернет, подполк[овник] Меллер, Вешкурцев, Эйкар и т.д., так что картина получается довольно полная.

Я все еще единственным флаг-офицером и жду не дождусь, когда назначат старшего. Хотя и справляюсь с этим нетрудным делом, но надоедает письменность. Иессен тебе кланяется, на днях получил Георгия и теперь ходит козырем. Большой он путаник, но человек, безусловно, храбрый, крайне энергичный и, что самое главное, порядочный.

Живу с ним хорошо, без столкновений. Пока всего хорошего, дай тебе Бог здоровья, сил на трудном и ответственном посту, всего хорошего.

Целую, любящий Всеволод

ПЕРЕПИСКА С ГВАРДЕЙЦАМИ-ПАНФИЛОВЦАМИ: «РАБОТАЙТЕ СПОКОЙНО. НИ ШАГУ ДАЛЬШЕ ВРАГУ СТУПИТЬ НЕ ДАДИМ» (1941—1942)

316-я стрелковая дивизия, получившая известность в битве за Москву, была сформирована в августе 1941 г. в Алма-Ате под командованием генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова (1892—1941), в то время военного комиссара Киргизской ССР. Дивизия набиралась из жителей Казахской и Киргизской ССР. Представленная ниже выборка открывается перепиской между И.В. Панфиловым, его женой Марией Ивановной Панфиловой (1903—1973) и дочерью Валентиной Ивановной Панфиловой (1923—1996), работавшей в годы войны в медсанбате 316-й дивизии (с ноября 1941 г. 8-й гвардейской) стрелковой дивизии. Эпизод обороны Москвы в районе разъезда Дубосеково (16 ноября 1941 г.) получил широкую известность в СССР как «подвиг панфиловцев»[1]. Во второй части выборки помещены письма между дивизией и жителями Киргизской ССР. Керимбюбю Шопокова (1917—2013) — жена Дуйшенкула Шопокова, погибшего во время боя у разъезда Дубосекова. В дальнейшем известный политический деятель Киргизской ССР, делегат XXI—XXIII съездов КПСС. Алексей Власович Вагов (1905—1971 гг.) — первый секретарь ЦК КП(б) Киргизии в 1938—1945 гг.

10 ноября 1941 г., Валентина Панфилова — матери

Здравствуйте, дорогие Мануточка, Галушки, Виса, Женя и мама. Привет Вам и моим знакомым с фронта. Мама! Была сегодня на передовой у отца, правда, он похудел, но чувствует себя бодро. Была я как раз во время затишья боя, разговаривала с ним, ему ведь, конечно, некогда писать тебе.

Дивизия, которой командует отец, за время вступления в бой уничтожила уже три немецких дивизии и ни на шаг не отступила.

Немцы пленные о папкиной дивизии говорят, что «растянулась дивизия жиденько на большое расстояние и, несмотря на это, не найти нам никак уязвимого места, они сражаются как львы». Кроме того, имеется у нас новое, неизвестной конструкции для немца — оружие огнеметное, которое уничтожает на своем пути все живое и мертвое на протяжении кубического километра, против этого оружия все бессильно. Пленные немцы называют его адской машиной и всеми силами охотятся за ней, но охота до сих пор неудачная. Один офицер пленный говорит: «Покажите, Вы, хоть перед смертью эту адскую машину, которая беспощадно крушит нас». В общем, на фронте дела неплохи, немец боится наступающего мороза, некоторые немцы не имеют даже шинелей.

Ну пока, за нас не беспокойтесь, читайте постоянно газеты и чаще пишите.

Привет бабушке и Юлии Михайловне и всем знакомым.

Крепко целуем Валя, папа

[1] Подробнее об истории панфиловцев см. справку-доклад главного военного прокурора Н. Афанасьева *«О 28 панфиловцах»* от 10 мая 1948 г. по результатам расследования Главной военной прокуратуры, хранящуюся в фонде Прокуратуры СССР (ГА РФ. Ф. Р—8131, http://www.statearchive.ru/607).

13 ноября 1941 г., Иван Панфилов — жене

Здравствуй, дорогая Мурочка!

Во-первых, спешу вместе с тобой разделить радость.

Мура, ты, вероятно, не раз слышала по радио и очень много пишут в газетах о героических делах бойцов, командиров и в целом за мою часть. То доверие, которое оказано мне — защита нашей родной столицы,— оно оправдывается. Ты, Мурочка, себе представить не можешь, какие у меня хорошие бойцы, командиры — это истинные патриоты, бьются как львы, в сердце каждого одно — не допускать врага к родной столице, беспощадно уничтожать гадов. Смерть фашизму!

Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов, командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому назад я награжден третьим орденом Красного Знамени. Это еще, Мура, только начало. Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской, есть уже три Героя. Наш девиз — быть всем Героями. Мура, пока. Следи за газетами, ты увидишь дела большевиков.

Теперь, Мурочка, как там Вы живете, как дела в Киргизии, как учатся ребята и, наконец, как живет моя Макушечка? Очень о Вас соскучился, но думаю, скоро конец фашизму, тогда опять будем строить великое дело коммунизма.

Валя себя чувствует хорошо, я думаю, что скоро и она будет орденоноска, приняли ее в партию, работой ее очень довольны.

Мурочка, я тебе послал 1 тыс. руб...

Дорогая Мура, ты очень скупа, совершенно не пишешь. За все время от тебя получил одно письмо. Пиши чаще, ты знаешь, как хорошо, когда получишь весточку из дома. Пиши. Целую крепко тебя и детей: Женю, Виву, Галочку и мою дорогую Макочку. Передай привет всем...

Пиши, адрес: Действующая армия, штаб дивизии.

Целую твой И. Панфилов

Привет от Валюшки

28 ноября 1941 г., трудящиеся Тянь-Шаньской области — бойцам-тянь-шаньцам 8-й гвардейской дивизии им. И.В. Панфилова

Дорогие товарищи! Выражаем Вам горячую благодарность за теплое, мужественное письмо, присланное на наше имя. Мы гордимся, что Вы, наши дорогие земляки, храбро, отважно сражаетесь в рядах 8-й гвардейской дивизии, беспощадно уничтожая гитлеровских бандитов.

Мы радовались Вашим успехам, успехам нашего общего боевого товарища и друга генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова. Радости, гордости нашей не было предела. Вместе со всей страной мы восхищались храбростью славного генерала. И тем печальнее, тем больнее горе, постигшее всех нас. На боевом посту, в жарких битвах с врагом погиб герой-генерал, верный сын партии Ленина — Иван Васильевич Панфилов.

Трудящиеся Тянь-Шаня вместе с Вами разделяют это большое горе, постигшее нашу страну, Красную Армию.

«Умрем, но танков не пропустим» — эти слова были боевым девизом отважного генерала. Запомните эти слова, товарищи бойцы. Пусть они послужат для Вас призывом к беспощадной борьбе с гитлеровскими разбойниками. Жестоко

отомстите за гибель славного генерала-гвардейца. Превратите подступы к нашей столице Москве в могилу для немецких гитлеровских хищников.

Заверяем Вас, что трудящиеся Центрального Тянь-Шаня приложат все силы, чтобы оказать Вам помощь в окончательном и беспощадном разгроме коварного врага. Рабочие, колхозники и служащие отдадут все силы, а если потребуется, и свою жизнь великому прогрессивному делу — уничтожению варварской банды палача Гитлера.

Под руководством партии Ленина вперед — на решительный, смертный бой с врагом!

С коммунистическим приветом!

Секретарь Тянь-Шаньского обкома партии Бошкоев.

29 ноября 1941 г., Мария Панфилова — ЦК КП(б) и СНК Киргизской ССР

Потеряв друга и отца детей, наша семья переживает невыразимо глубокое горе, постигшее нашу семью, но вместе с тем, в тяжелые для нашей семьи дни, мы чувствуем, что мы не одни.

Преждевременную гибель моего друга и отца детей, погибшего на своем боевом посту за нашу Родину в борьбе с фашистскими захватчиками, разделяют с нами все партийные и советские организации Киргизской ССР.

Мы глубоко тронуты заботой и вниманием правительства, оказанным нашей семье.

В нашей памяти никогда не изгладится та отцовская забота со стороны всего правительства Киргизии и лично Вас, дорогие Алексей Власович и Иван Павлович, которая была уделена нам в самые тяжелые минуты жизни.

Потерять друга, отца — невыносимо тяжелая потеря, огромное глубокое горе, но нам помогает пережить горе гордость за нашего отца, наша семья гордится его славной жизнью, отданной целиком делу рабочего класса, делу партии Ленина.

Его светлая память не будет омрачена, я отдам все свои силы на борьбу! Еще напряженнее буду работать для нашей Родины, для отпора ненавистного врага — фашизма!

Я даю большевистское слово воспитать своих детей достойными светлой памяти своего героя-отца Ивана Васильевича Панфилова.

Боевая подруга, жена генерал-майора Мария Ивановна Панфилова, от моих детей: Женя, Вива, Галя, Майя и фронтовой несменный боевой товарищ — Валя Панфилова.

5 февраля 1942 г., жены военнослужащих — 8-й гвардейской дивизии им. И.В. Панфилова

Дорогие мужья, сыновья, братья, храбрые воины 8-й Краснознаменной гвардейской дивизии им. Панфилова!

Примите горячий пламенный привет от жен, матерей и сестер своих из далекого Киргизстана!

Великой гордостью наполнились сердца наши при известии о тех огромных победах, которые одержала героическая панфиловская дивизия в деле освобождения советской земли от фашистских полчищ.

Мы всегда были уверены, родные, что Вы будете достойными сынами великой социалистической Родины, достойными воинами Советской Армии, и сегодня

здесь на собрании жен гвардейцев и красноармейцев мы услышали яркое подтверждение нашей уверенности.

Ей, Родине-матери, Вы отдаете все свои силы, а если нужно, и жизнь.

Родина-мать! Есть ли слова величественней и проще, торжественнее и светлее! За Родину-мать Вы умеете храбро сражаться, нагоняя смертельный ужас на врагов. За нее Вы не страшитесь и умирать.

Имена 28 панфиловцев, павших смертью храбрых, но сдержавших натиск озверелого врага, — известны всему миру. Мир никогда не забудет имени легендарного Вашего командира, народного героя Ивана Васильевича Панфилова. О них слагают песни поэты и акыны.

Вам известны имена рабочего Кантского сахарного завода, лейтенанта, командира батальона тов. Краснова, колхозников Бейбачиева, Каюда и Тарада — героев панфиловской дивизии.

Таких среди Вас тысячи. Подвиги их записываются золотыми буквами в книгу истории. Подвигов таких в борьбе с коричневой фашистской чумой Вы совершите еще много.

Родные, бейте их еще крепче, мстите этим зверям за безвинно пролитую кровь стариков и детей, за поруганную честь женщин и девушек. В этой священной борьбе мы, Ваши жены, матери, дочери, сестры — вместе с Вами. Мы заменили Вас у станков, сели за руль трактора, взялись за штурвал комбайна.

Мы клянемся Вам, что в тылу будем сегодня работать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Все от школьника до старика идут на помощь Вам, несут Вам, доблестные воины, свою горячую нежность и любовь.

Во весь свой исполинский рост поднялся, как один человек, советский народ. Этот гигант сметет с лица земли фашистскую гадину и принесет освобождение всем угнетенным.

Мы знаем, что впереди еще много трудностей, испытаний, что потребуется много жертв, и мы готовы вместе с Вами принести их на благо нашей Родины.

Бейтесь храбро, родные! Бейте крепко фашистских гадов, чтобы ни один из них не остался на нашей земле.

Помните, что Вы сражаетесь под знаменем партии Ленина, за счастье всего советского народа, за светлое будущее наших детей.

Вперед, за полный разгром фашистских захватчиков!

Да здравствует победоносная Красная Армия!

Да здравствует вдохновитель и организатор наших побед великая Коммунистическая партия!

Письмо принято на собрании жен гвардейцев и красноармейцев Первомайского района г. Фрунзе

9 апреля 1942 г., члены колхоза «Кызыл-Аскер» Фрунзенской области Киргизской ССР — Н-скому полку 8-й гвардейской дивизии им. И.В. Панфилова

Дорогие товарищи!

Недавно мы узнали, что в числе 28 прославленных панфиловцев пал смертью храбрых и наш земляк, герой-гвардеец Дуйшенкул Шопоков.

Тяжесть этой утраты трудно передать нам — колхозникам артели «Кызыл-Аскер», знавшим Дуйшенкула как примерного, трудолюбивого члена нашего

коллектива, пламенного патриота своей Родины, активного общественника, достойного кандидата в члены ВКП(б).

Интересы матери-Родины Дуйшенкул, как подлинный патриот, всегда ставил выше всего, выше самого драгоценного для человека — выше своей молодой жизни.

Мы хорошо помним, как Дуйшенкул, проходя в мирное время сборы вневойсковой подготовки, всегда получал самые лучшие отзывы командования. Дуйшенкул упорно, с любовью изучал военное дело, настойчиво готовил себя к грядущим боям. Он был искусным наездником, отважным, джигитом, умел лихо рубить, был всегда дисциплинированным и подтянутым.

Уходя в действующую армию 18 июля прошлого года, т. Шопоков на колхозном собрании поклялся: «Буду беспощадно бить озверелых фашистов. Победа или смерть — вот Вам мое обещание».

И Дуйшенкул сдержал эту клятву. Он до последней капли крови, до последнего вздоха сражался в числе 28 гвардейцев-панфиловцев против 50 бронированных чудовищ врага.

Бессмертное имя нашего Дуйшенкула вошло в славную историю Великой Отечественной войны. Родина, грядущие поколения никогда не забудут беспримерного подвига славного гвардейца.

Весть о смерти нашего товарища мы получили, когда в колхозе начались весенние полевые работы.

Мы отлично понимаем значение слов Михаила Ивановича Калинина о том, что победа на севе равносильна выигрышу сражения на войне. Мы знаем, что для быстрейшего уничтожения подлого врага нужно давать фронту и стране все больше продукции. Мы обещаем Родине и Вам, дорогие гвардейцы, работать на колхозных полях так же самоотверженно, как Дуйшенкул Шопоков сражался с заклятым врагом.

В этом году наш колхоз расширяет посевную площадь на 170 га. Несмотря на это, мы обещаем закончить сев досрочно — к 10 апреля. Сколько сил хватит, будем бороться за высокий урожай. Сохраним полностью поголовье скота, дадим фронту и стране в этом году дополнительно сотни центнеров сельскохозяйственной продукции и промышленного сырья.

А Вы, дорогие товарищи, беспощадно уничтожайте врага, не давайте ему ни минуты передышки и покоя. Мстите, ему, проклятому, за разрушенные советские города и села, за растерзанных и обездоленных женщин и детей, за кровь наших раненых и убитых бойцов и командиров, за смерть нашего Дуйшенкула.

Это будет лучшим памятником нашему земляку-герою!

Колхозники сельхозартели «Кызыл-Аскер»

14 мая 1942 г. батальонный комиссар Мухамедьяров — Керимбюбю Шопоковой

Дорогая Керимбюбю!

Письмо Ваше с фотокарточкой Вашего мужа получили, за которое очень благодарны и на которое спешим ответить.

Нам вполне понятна Ваша скорбь и печаль, которую Вы переживаете по любимому мужу, геройски погибшему от рук немецких варваров. Скорбь и печаль

переживаем и мы, потеряв такого мужественного, стойкого и храброго героя — гвардейца, беззаветно преданного делу партии Ленина и социалистической Родине, ставившего защиту свободы и счастья многомиллионного народа выше своей личной жизни.

Но его смерть, смерть героя — подвиг, который прославил его имя на весь обширный Союз. Имена и подвиги 28 героев-гвардейцев, в числе которых находился и Ваш муж, знают все, начиная с пионера-школьника и кончая седовласым стариком, их имена и подвиги воспеваются народом в песнях, про них складываются былины, их имена занесет на свои золотые скрижали история человечества.

Заботой, любовью и теплотой окружает правительство семьи 28 героев-гвардейцев. Решение правительства Каз. ССР об увековечении памяти командира 8-й гвардейской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова и 28 героев-гвардейцев, павших в борьбе с немецкими захватчиками на подступах к Москве, подчеркивает ту исключительную заботу, проявляемую правительством к семьям 28 героев-гвардейцев.

Ваш бодрый, энергичный тон письма сильно радует нас, он вселяет в нас новые силы и энергию для дальнейшей борьбы с немецкими варварами. Вы олицетворяете собой советскую женщину, какой она должна быть. Несмотря на постигшее Вас горе, Вы не склонили головы, Вы не опустили руки, Вы бодро смотрите вперед.

Так не сгибайте гордой головы советской женщины и впредь. Все силы, всю свою энергию отдайте на укрепление тыла, на оборону страны, на разгром виновника всех наших бедствий, злейшего врага человечества — германского фашизма. Мы, фронтовики, посланные Вами защищать жизнь, свободу и счастье, детей и жен, отцов и матерей, братьев и сестер, отомстим коварному врагу за все его злодеяния, за пролитую кровь, за разрушенные города, села и деревни, за все те бедствия, которые он причинил нам. Работайте спокойно! Ни шагу дальше врагу ступить не дадим! Близится день окончательной расправы с преступной гитлеровской шайкой. Тому порукой наша доблестная Красная Армия, наш сплоченный могучий народ, наша Коммунистическая партия.

Вместе с Вами, бойцами на трудовом фронте, мы выполним приказ нашего командования. В этом году мы окончательно разгромим германский фашизм и освободим нашу родную советскую землю от поганых полчищ немецких варваров.

Привет всем колхозникам! Шлем Вам, дорогая Керимбюбю, боевой большевистский привет!

Пишите, будем рады вестям с тыла.

С коммунистическим приветом военком полка батальонный комиссар Мухамедьяров.

7 ноября 1942 г., гвардейцы-панфиловцы — Секретарю ЦК КП(б) Киргизии А.В. Вагову

Гвардейцы дивизии Героя Советского Союза И.В. Панфилова в день 25-летия Великого Октября шлют боевой сердечный привет трудящимся Советского Киргизстана.

Доблестные сыны киргизского народа в многонациональной фронтовой семье гвардейцев показывают примеры мужества и героизма. В наши ряды возвратились Герои Советского Союза из числа 28 — киргизстанец Шемякин и казахстанец Васильев.

Сегодня им на гвардейском митинге вручены медали «Золотая Звезда». Герои будут участниками наших новых битв и побед над заклятым врагом — немецким фашизмом.

Под гвардейским знаменем дважды орденоносной Панфиловской дивизии дерутся героические сыны всех народов Советского Союза. Нерушима их боевая дружба — залог нашей близкой победы над врагом.

Грозно мстят сыны многомиллионного советского народа немецким извергам. Киргиз-гвардеец Шабеков, свято чтя воинские традиции 28 гвардейцев, истребил к годовщине Октября — 50 фашистских мерзавцев, узбек Мадаминов — 133, казах Абдыбеков — 208, бронебойщик Куренной подбил 5 немецких танков.

Мы восхищаемся самоотверженным трудом киргизского народа — славных гвардейцев тыла. Мы чувствуем Вашу заботу и в эти грозные для Родины дни зовем Вас: еще больше усилий для победы над врагом. Все для фронта, больше оружия, металла, мяса и хлеба. Все богатства Киргизии поставьте на службу фронту!

От имени митинга гвардейцев-панфиловцев подписали:

Чернюгов, Логвиненко, Мадаминов

Байджур Анарбаев: «ПРОШУ И ВАС, ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ, НЕ ОТСТАТЬ В СОРЕВНОВАНИИ» (1942)

Информацию об авторе письма найти не удалось. Его отсутствие в сводной базе данных советских военнослужащих, погибших в Великой Отечественной войне (obd-memorial.ru/), позволяет предположить, что Байджур Анарбаев пережил войну.

22 ноября 1942 г. Сержант Б. Анарбаев — членам сельскохозяйственной артели им. Карла Маркса Базар-Курганского района Джалал-Абадской области

Дорогие мои земляки!

Сообщаю Вам о своих успехах в борьбе с коричневой нечистью. Я уже истребил 75 немецко-фашистских солдат и офицеров. Советское правительство высоко оценило мои боевые дела. Мне вручен орден Красной Звезды. Велика честь быть орденоносцем, но велика и ответственность. На заботу Родины, на ее высокую награду я отвечу еще более упорным уничтожением презренного врага.

Выполняя приказ Родины, мы без пощады и устали бьем проклятого немца. Каждый день снайперы, артиллеристы, минометчики и бойцы выводят из строя и бьют насмерть десятки и сотни гитлеровских солдат.

Эту священную очистительную работу мы рассматриваем как помощь бойцам юга, защитникам Сталинграда и Кавказа. Включившись в социалистическое соревнование, наши красноармейцы и командиры с каждым днем улучшают свой боевой счет и увеличивают количество истребленных гитлеровцев. Только снайперами того подразделения, где я служу, убито с начала войны 600 немецких солдат и офицеров.

Прошу и Вас, дорогие мои земляки, не отстать в соревновании. По-фронтовому закончить все сельскохозяйственные работы, раньше установленного срока выполнить свои обязательства перед государством. Дайте стране и Красной Армии побольше хлеба, мяса, овощей, хлопка.

Пусть еще больше крепнет боевое единство фронта и тыла — основа нашей победы над врагом. Красная Армия выполнит волю советского народа. Немцы будут разгромлены, а фашизм будет уничтожен навсегда.

Дорогие товарищи! Пусть в пламенной нашей любви к Родине и великой партии, в нашей жгучей ненависти к врагу родятся новые дела доблести и чести. Наилучший привет и пожелания шлют Вам мои боевые товарищи.

Сержант-орденоносец Байджур Анарбаев

Газета «Советская Киргизия», 22 ноября 1942 г.

Юсуп Матиев: «ПРОШУ ВАС НЕ ПОКЛАДАЯ РУК РАБОТАТЬ НА ОБОРОНУ НАШЕЙ СТРАНЫ» (1942)

Юсуп Сандрович Матиев родился в 1918 г. в селе Гадаборшево Владикавказского округа Терской советской республики (с 1944 г. — селение Куртат Северо-Осетинской АССР). Закончил среднюю школу, учился на рабфаке в г. Орджоникидзе. Призван в ряды Красной Армии Сталинским РВК г. Грозный Чечено-Ингушской АССР в 1939 г. Рядовой. Связь родных с Ю.С. Матиевым прекратилась 24 марта 1942 г. Последнее письмо было получено из г. Канаш, п/я 38 г/ш. На обороте сохранившейся фотографии указан адрес: «Действующая Красная Армия, полевая почта № 557, п/я 48/483». По официальным документам ЦАМО, пропал без вести в апреле 1943 г.

Январь 1942 г.

Здравствуйте, мои дорогие отец и мать! Передайте всем нашим односельчанам от меня красноармейский привет.

Меня вскоре отправляют на фронт, буду уничтожать фашистов, пытающихся захватить нашу Родину. Фашисты пришли к нам, чтобы отнять у нас счастливую жизнь, поработить нас и нашу землю, но мы этого никогда не допустим. Свободолюбивый советский народ никогда не будет в рабстве у окаянных фашистских мерзавцев.

Мои дорогие земляки, труженики Пригородного района Чечено-Ингушской АССР, прошу Вас не покладая рук работать на оборону нашей страны. Фронт нуждается в танках, артиллерийских орудиях, самолетах, минометах, пулеметах, все это могут ему дать только наши труженики, работающие на промышленных предприятиях в тылу. Наши колхозники, и мужчины и женщины, должны, не щадя себя, работать на полях, чтобы фронт не нуждался в продовольствии, столь необходимом для Красной армии в это тяжелое время.

Юсуп Сандрович Матиев, красноармеец

Январь 1942 г.

Здравствуй, мой сын, Юсуп. Передай от меня самые добрые пожелания своим сослуживцам.

Твое письмо, адресованное мне и нашим односельчанам, мы получили. Ты просишь, чтобы мы, не жалея себя, трудились для помощи нашей Красной армии. Уверяю тебя, что в этом деле не может быть никакого сомнения, мы именно так и работаем — отдавая все силы для помощи фронту.

Мой наказ для тебя будет таким: драться до последней капли крови за Отчизну, ты — на фронте, а мы в тылу будем ковать нашу Победу над врагом!

Сообщаю тебе, что наш колхоз передал для фонда обороны СССР 3 тонны кукурузы, 2 тонны картофеля, одну корову и много теплых вещей. С каждой

вашей победой над врагом на фронте, крепчает наш патриотический дух, и мы с еще большим воодушевлением беремся за работу, чтобы приблизить день нашей Победы.

Помни, что ты не только мой сын, но и сын нашей социалистической Родины, неси достойно славное имя воина Красной армии.

Сандро Матиев

Январь 1942 г.

Здравствуй, дорогой отец! Во-первых, сообщаю, что я жив и здоров. И вам желаю здоровья.

Прошу тебя передать салам-моаршал всем нашим родным и знакомым и сообщить им, что я жив и здоров. Посылаю в этом письме фотографию брата. Я вышлю вам документы на пособие. Прошу вас не переживать обо мне. Я не буду бесполезным и не пропаду без вести. Заверяю вас, что Красная Армия скоро разобьет врага, недалек тот час, когда мы очистим нашу землю от этой гадины. Мы все верим, что враг будет уничтожен, потому что руководит нами и ведет нас вперед великий вождь Сталин. Я с честью выполню твой наказ, дорогой отец! Ты недавно написал мне: «Смело, безжалостно воюй с германо-фашистскими бандитами, ты не только мой сын, ты сын всей нашей великой Родины!» Еще раз заверяю тебя, что буду бить врага, не щадя себя, а если придется погибнуть, то драться за нашу Родину до последней капли крови.

Боец из села Яндиево-Гадаборшево,

Матиев Юсуп Сандрович

Перевод с ингушского языка Магомеда Матиева

Василий Шапорев: «МИЛЫМИ МОЖЕТ БЫТЬ КАЖДЫЙ, А ВОТ ТВЕРДЫМИ — НЕТ» (1942)

Василий Иванович Шапорев (1920—1944 гг.), родом из с. Рулиха Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области Казахстанской ССР. В 1944 г. был командиром 20-го гвардейского минометного Свирского Краснознаменного полка реактивной артиллерии («катюш»). Погиб 19 августа 1944 г. во время Свирско-Петрозаводской наступательной операции, похоронен в пос. Салми (Карелия).

18 июня 1942 г.

Здравствуй, сестрица!

Письмо получил, за которое от всей души благодарю.

Обрадовала известием о том, что посевная окончена, и хорошо; адрес Павла (но ты мне пришли или письмо его с адресом, или еще раз сообщи, никак не пойму). И о том, что мои (и твои) родители живут нормально.

Тебе, сестрица, понятно, а мне тем более, что у отца, матери да и всех 3-х сестер и 3-х братьев, кои живут сейчас у родителей, одно желание — дождаться сына с войны целым, с живым духом, способным оказывать помощь.

Вот встретимся после войны мы с тобой, как в молодости, обо всем подробно поговорим.

Одна к тебе, сестрица, просьба — меньше задумываться — я не хочу сказать, что вообще не думай — нет, наоборот, думать надо, но реже и враз все обдумать, а потом только делать.

Я говорю так, что знаю твой характер.

Вот я — с 1934 г. почти один живу (в вопросе воспитания), но никогда не охну. Так, думаю, хорошо.

Целую крепко, а ты поцелуй за меня Надю.

Василий

20 июля 1942 г.

Сестрица дорогая, здравствуй!

Спасибо, что догадалась написать адрес Павла. Может быть, мы, если недалеко друг от друга, увидимся.

Вот что, сестрица, я хочу тебе сказать. Мне кажется, что ты много думаешь обо всех нас, находящихся на фронте, а этим нисколько ни мне, ни Павлу, ни пятым и десятым нисколько не поможешь, ну прямо ничуть — это ясно.

Так смело заявляю я потому, что тебя знаю лучше, чем себя. Вот и советую, брось всякие раздумья — они излишние в данный момент. О, если бы мне обо всех думать — и воевать некогда бы было.

Я уже раз писал тебе, Нюся, думать нужно раз, а потом только говорить: «Я так и думала и на этот счет придумала делать так-то...» — и делай, и все.

Солдаты вермахта в окопах. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком
В данном сборнике публикуется несколько фотографий из семейного архива Василия Ивановича Чекалова, автора «Военного дневника» (М., 2004). Авторство фотографий не установлено. Скорее всего, большинство из них были сделаны самим Чекаловым. Помимо фотографий советской военной и гражданской жизни архив содержит и фотографии немецких военнослужащих, которые Чекалов, видимо, присвоил в качестве военных трофеев. Фотографии и пленки были сохранены внуком военного, Василием Чекаловым, и подготовлены к печати Йохеном Хелльбеком.

Милыми может быть каждый, а вот твердыми — нет. Переходи же хотя бы постепенно в число твердых — ведь их лучше любят, чем милых.

Береги Надежду — теперь я это имя люблю, Нюся, — надежда в скорую Победу над врагом выходит, а это главное.

Целую крепко, поцелуй еще крепче племянницу Надежду за меня.

Василий

Удивительно, как быстро доходят письма.

Владимир Умников: «ПРИСТРЕЛИЛ МНОГО НЕМЦЕВ. ГАДЫ ПРИТВОРЯЛИСЬ УБИТЫМИ» (1942—1943)

Владимир Иванович Умников (1923—1944) родился в семье рабочего в с. Абан Енисейской губернии. В 1939 г. после окончания 8-го класса школы работал сначала в качестве управляющего делами, позже — заведующим сектором райкома ВЛКСМ. Призван в ряды РККА в 1941 г., погиб 17 сентября 1944 г., на момент смерти — гвардии старший лейтенант, командир стрелкового взвода 145-й танковой бригады.

31 мая 1942 г.

Здравствуйте дорогие
папа, мама, бабушка, Коля, Люба, Шура,
Валя, Миньчик и Толик с пламенным приветом
Ваш Владимир

Сообщаю несколько слов о своей жизни.

Живу хорошо. Работаю командиром взвода. С работой справляюсь. Вообще в данное время по командной линии продвигаюсь вперед.

На этих днях жду приказ о присвоении мне звания среднего командира — мл. лейтенанта или лейтенанта. Кого присвоят сообщу.

Сейчас я уже на правах среднего командира — мл. лейтенанта или лейтенанта. Кого присвоят, сообщу. Сейчас я уже на правах среднего командира. Получаю комсоставский паек, зарплату и т.д.

Зарплату за июнь м-ц получу 615 р. Обмундирование тоже комсостава. Короче говоря живу хорошо.

В начале июня вступим в бой с кровавой бандой Гитлера.

Победа, дорогие, будет за нами. После победы приеду в родные края. Вот все, что мог описать о себе.

Писем от Вас не получаю уже полмесяца. Жду со дня на день. Пишите чаще, описывайте все о своей жизни. Сообщите какие Вам предоставили льготы согласно справки. Если не представили, сообщите мне, а сами продолжайте требовать.

Пока все. Желаю Вам всего наилучшего в Вашей жизни.

Любе с Шурой закончить учебный год с хорошими и отличными показателями. Николаю, раз уж остался самым старшим, помогать семье как можно лучше.

Я же после разгрома немецких гадов вернусь домой тоже с хорошими показателями.

Пока до свидания, мои дорогие, остаюсь жив и здоров, чего и Вам желаю. Да! Сообщите немедленно здоровье мамы.

Все. Крепко всех целую.

Ваш Владимир.

Привет Егору Степановичу с Артамоновной, бабушке Артамоновне, тете Фене с Надей и всем остальным!

Адрес: Действующая армия П.П.С. № 647. МСПб 2-я рота.

Подпись (В. Умников)

№-е направление

31 мая 1942 г.

17 часов 32 мин.

Без даты, август 1942 г.

Здравствуйте дорогие папа, мама, бабушка, Коля, Люба, Шура, Валя, Миньчик и Толик!!!

Шлю Вам свой сердечный привет с фронта борьбы с немецкими тварями. Я, как и до ранения, нахожусь опять в своей части.

В госпитале пролежал 1 месяц и 8 дней. На здоровье не отразилось. Вот теперь когда я жив и здоров я Вам опишу как и чем меня контузило. Вы представляете, дорогие, уже второй раз контузит, и ни одного пулевого ранения. За исключением осколочного в руку которое я получил при первой контузии.

А этот раз меня контузило бомбой. Разбомбили наш блиндаж и меня вместе с ним. Из-под земли и обломков бревен меня выкопали через полчаса и еще через полчаса я пришел в сознание. «Немного» были помяты поясница и грудная клетка. Теперь все прошло. На здоровье ничего почти не отразилось. Так, что прошу Вас за меня не беспокоитесь. Сообщите мне получаете ли Вы деньги по аттестату и за какие месяцы Вы получили.

Описывайте всю свою жизнь. Я за августовские бои получил орден «Кр. Знамя». Все. Целую всех Владимир. Жду ответ.

Сообщите мне что знаете об Илье Ивановиче и об остальных. Если знаете сообщите адрес Гацко М.М.

Адрес новый см. на конверте.

12 августа 1942 г.

Здравствуйте дорогие родители!

С пламенным приветом Ваш Владимир!

Сообщаю о своей жизни.

Жизнь сейчас боевая. Как я Вам писал мы вступили в бой и гоним немецкую тварь на Запад. Бои идут ожесточенные.

Немец цепляется за каждый населенный пункт, за каждую высотку, за каждый клочок нашей родной земли. Но мы огнем, штыком, гусеницами танков, гранатой и руками заставляем его все дальше и дальше откатываться на Запад. Нахожусь все время на передовой. Уничтожил уже не один десяток гитлеровцев. Наша часть освободила несколько населенных пунктов. Жители, которых мы освобождаем, встречают нас с радостью, выносят нам на встречу у кого, что есть.

Захватил пленного. Но доставить в штаб не мог. Не вынесла душа и сердце вести по освобожденной земле эту гадину и я его пустил на тот свет без причастия и молитвы. Пристрелил много раненых. Гады притворяются убитыми,

Советские военнослужащие в укрытии.
Дата, место и автор фотографии неизвестны.
Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

а когда наши части проходят они скрываются в лесах и потом шпионят. Таких «мертвых» мы расстреливаем очередью из автомата.

Выдержал очень много бомбежек и огневых налетов артилерии и минометов, но пока остаюсь невредим.

Вот пока все новости.

Пишите чаще. Остаюсь жив и здоров. Всех крепко целую

Владимир

Привет знакомым и родным.

Привет М. Смагиной.

Адрес старый.

Пишу на немецкой бумаге и шлю в немецком конверте.

9 июня 1943 г.

Здравствуй дорогой Братишка Николай!

Наконец за полугодовой период я получил от тебя небольшое письмецо.

Коля, спасибо, что не забыл. Поругать тебя, конечно надо, но я так и быть прощаю тебе.

Крепись братишка!

Переноси вместе со мною все тяжести войны. Веди хозяйство сам, т.к. папа с мамой уже не в силах это сделать. Как бы не было тебе трудно — переноси все. Ты знаешь, что я оказываю Вам маленькую помощь деньгами.

Возможно мне представится случай и самому побывать дома до конца войны. А если нет, то после войны ждите. Конец войны близок. А тебе как младшему брату приказываю делать все возможное для того, чтобы дома было все в порядке.

Возможно тебе и трудно, я понимаю это, но ты крепись. Крепись до моего приезда. Приеду я добьюсь того, что нужно для нормальной жизни.

Хотя ты и редко бываешь дома, но когда ты дома, успокаивай маму.

Она после смерти Толи наверное все еще плачет. Не давай ей этого делать. Если ее будут доводить до слез ребятишки пугни их хорошенько, а если потребуется, то и не стесняйся ремешком.

Успокаивай родителей. Знай, что если до моего приезда с ними что-либо случится, я спрошу с тебя.

Ты будешь отвечать передо мною. Вот братишка, воюй пока дома за маломальски ладную жизнь. Я знаю как живут в тылу, поэтому я тебе и говорю — воюй. Добивайся чего можешь для того, чтобы дома было легче. Обо мне дома не беспокойтесь. Я, в армии, проживу гораздо легче, чем вы. А то что воюю, так это мой долг перед родиной. Папа в 14 г. тоже воевал, тоже отстаивал свою родину, а теперь, я, сын его, отстою. Родина наша как была так и будет свободной. Правда война 1914 г. была игрушкой по сравнению с этой войной, но все же она была война. И папа знает, испытал. Спроси, он скажет тебе.

Так, что хотя я и воюю мне всеравно легче жить чем вам. Вот только по этому Я тебе Николай и приказываю, делать все возможное для того, чтобы дома было легче и лучше.

Я же до приезда домой буду помогать только деньгами, ибо ничем другим я помочь не могу. Пиши, Николай, чаще. Вырви у работы одну-две минуты и напиши.

В своих письмах описывай, как ты выполняешь мой приказ — приказ старшего брата.

Теперь немного о себе.

Жизнь идет боевая. Готовлюсь к решительному удару по этой фашистской мрази. Этот летний удар должен быть последним всесокрушающим ударом, от которого лопнут черепа у гитлеровских головорезов. После этого ждите домой. В 1944 г. мы с вами будем сидеть вместе за столом. А пока ждите.

Здоровье мое хорошее. Настроение — бить скорее немецкую сволочь и после этого приехать домой.

Как сообщал вам раньше нам присвоено звание гвардейцев. Так, что воевать будем теперь по-гвардейски. Выслал вам из Болашихи — фотокарточку.

Если будет случай, сфотографируюсь и вышлю фото в новой форме, т.е. с погонами.

Коля! А если и тебе придется побывать в боях за родину, так дерись как я. У меня на правой и левой сторонах груди правительственные знаки награды. Так добивайся, заслуживай этого и ты, если придется воевать. А если я погибну, мсти за меня. Не знай страху в бою, и ты всегда победишь.

«Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет» — есть песенка. И это верно.
Ну, братишка, Пока до скорой победной встречи.
Привет папе, маме, бабушке, Любе, Шуре, Васе и Миньчику.
Всех Вас крепко целую Ваш Владимир
9.VI.43. Подпись

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ТАНКОВОЙ КОЛОННЫ «СОВЕТСКИЙ КИРГИЗСТАН»: «ЭТИ БОЕВЫЕ МАШИНЫ МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ НА ПОЛНУЮ МОЩЬ» (1942—1943)

В годы Великой Отечественной войны жители Киргизской ССР внесли в фонд обороны СССР более 189 млн руб. деньгами и 964 млн руб. облигациями госзаймов. 17 ноября 1942 г. делегация Киргизии торжественно передала представителям Красной армии танковую колонну «Советский Киргизстан», построенную на средства колхозников республики. На деньги, пожертвованные населением республики, были также построены танковые колонны «Комсомолец Киргизии», «Колхозник Киргизии», «Киноработник Киргизии», «Осоавиахимовец Киргизии», «Сахарник» и «Шахтер Киргизии» и эскадрилья истребителей «Солнечный Киргизстан»[1]. Ниже представлены письма, направленные военнослужащими колонны «Советский Киргизстан» колхозникам, на средства которых была сформирована колонна.

23 февраля 1943 г.

Дорогие товарищи!

Прибыв на фронт, громить фашистское зверье, вооруженные боевыми машинами, которые Вы нам вручили, мы не можем не поделиться с Вами чувствами, охватившими весь личный состав.

Выражением Вашего патриотизма является врученная нам колонна танков «Советский Киргизстан», построенная на собранные киргизским народом средства. Эти боевые машины мы постараемся использовать на полную мощь. Наказ, который киргизский народ нам вручил, мы выполним полностью.

Наша часть имеет славные боевые традиции, выкованные в борьбе с немецкими фашистами. На этих традициях воспитываем мы молодое пополнение. Личный состав нашей части много работает над освоением врученной нам боевой техники, мы включились в социалистическое соревнование им. 25 годовщины РККА и взяли на себя ряд обязательств.

Мы дали слово использовать в совершенстве врученные нам боевые машины и вооружение, обеспечив правильную эксплуатацию их, не допуская никаких поломок и аварий по вине экипажа.

Каждый танковый экипаж открыл «счет мести». Мы не пожалеем ни сил, ни жизни, чтобы обеспечить за нашей частью первенство в количестве уничтоженных оккупантов и их техники.

Наступательные действия Красной Армии в районе Сталинграда, на Центральном фронте, в районе Среднего Дона, на Украине вызывают желание

[1] *Керимбаев С.К.* Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Фрунзе: Илим, 1985. С. 204—207.

в каждом из нас скорее вступить в бой. На полученных от Вас боевых машинах будем множить победы нашей славной армии и всего советского народа.

Мы призываем Вас, трудящиеся Киргизстана, еще напористее работать на помощь фронту, отлично готовиться к весеннему севу. Ваше сельское хозяйство должно дать больше хлеба, хлопка, мяса и других продуктов. Пусть Ваша промышленность дает больше продукции фронту и трудящимся советского тыла, чтобы и впредь единым вооруженным кулаком бить ненавистного врага до полного его разгрома.

Мы будем систематически Вас извещать о том, как мы на полях сражений выполняем боевые задания командования. Просим и Вас держать постоянную связь с нами.

Пусть живет и крепнет дружба многонационального советского народа!

Пусть живут и здравствуют наши дорогие шефы — трудящиеся советского социалистического Киргизстана!

По поручению личного состава подразделения подписали: командир подразделения, орденоносец, капитан Власов, заместитель командира подразделения по политчасти политрук Лейкин, пом. по техчасти подразделения, дважды орденоносец, техник-лейтенант Короткий, механик-водитель старшина Чапыга.

1 мая 1943 г.

Дорогие товарищи!

Мы, бойцы и командиры танковой части, получившие от Вас колонну танков «Советский Киргизстан», горячо благодарим Вас за подарок и рапортуем, что Ваш наказ и боевой приказ командования нами выполнен.

На Ваших машинах мы совершили боевой марш протяжением более 500 км и по приказу командования, сделали лихой 100 км рейд в глубокий тыл противника. Командование поручило танкистам первыми прорвать линию укрепления противника. Боевое задание было выполнено с честью. В результате этого рейда нами освобождено много населенных пунктов, в том числе два города. Захвачено свыше 100 паровозов, около 1000 вагонов, много автомашин, элеватор с хлебом, 3 складов с боеприпасами и продовольствием и другие трофеи, а также уничтожено большое количество живой силы и техники противника.

Начав свои действия под Сталинградом, наши танкисты пронесли победное знамя Советов далеко на запад.

За проявленное мужество и геройство отмечены правительственными наградами 22 бойца и командира нашей части.

Освобождая советскую землю, мы становимся очевидцами зверств и вандализма гитлеровских мерзавцев. В селе Первомайском Киевского района Ростовской области немецкий комендант «организовал» себе имение. Этот помещик собственноручно, плетью избивал жителей хутора Чирок только за то, что они не встали для приветствия при его появлении на току. У жителей этого хутора немецкие грабители увели 107 коров. В совхозе «Индустрия» гитлеровские мерзавцы забрали все овощи, зерно, фураж, птицу и скот. Из города К. людоеды угнали на фашистскую каторгу более 4 тыс. чел. В другом городе угнали в Германию свыше 1500 чел., из них большинство девушек. В селах Первомайское в Верхне-

Тарасовке гитлеровские палачи устроили виселицы, на которых казнили наших советских людей. В городе Н. только наш приход помешал гитлеровцам учинить расправу над 41 коммунистом.

Страдания и слезы советских людей, пепелища сожженных городов и сел вызывают к мщению, наполняют наши сердца гневом и ненавистью к гитлеровцам, зовут на новые подвиги во имя победы над ненавистным врагом.

Советский народ вооружил нас, дал нам могучую современную технику, полностью обеспечил всем необходимым для борьбы и победы. И мы неустанно, не жалея ни жизни своей, ни крови, громим ненавистных гитлеровцев. В часы затишья, когда экипажи отдыхают после боев, мы не теряем дорогого времени, проводим учения, овладеваем искусством войны, изучаем вверенную нам технику, чтобы быть подлинными мастерами своего оружия и еще вернее бить врага.

Мы уверены, что трудящиеся Советского Киргизстана, вместе со всем советским народом, будут неустанно крепить оборону Родины, давать фронту все больше и больше вооружения и продовольствия.

Мы призываем колхозников Киргизии отлично провести весенний сев, перевыполнить свои производственные планы, чтобы обеспечить страну и Красную Армию сельскохозяйственными продуктами, а промышленность — сырьем, необходимым для победы.

Да здравствует наша славная Родина!

Да здравствует нерушимое единство фронта и тыла!

По поручению личного состава части: командир соединения полковник Красноголовый, зам. командира по политчасти подполковник Громадский, начальник политотдела майор Суслов, капитан Власов, капитан Ведерников, ответственный секретарь партбюро части, ст. лейтенант Кантор, ст. лейтенант Лейкин, механик-водитель, ст. сержант Капац, механик-водитель, ст. сержант Переверзев, стрелок-радист, сержант Алехин.

Салман Маматиев: «ТЕХ ЖЕ ФРИЦЕВ, КАРЛОВ И ГАНСОВ, ЧТО ВЫ РУБАЛИ В ПЕРВУЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ, БУДЕМ БИТЬ И МЫ» (1943)

Салман Азерханович Маматиев (11.12.1912—2003) родился в с. Гамурзиево Назрановского округа Терской области. Кадровый военный, майор. Командовал взводом разведки, позже — начальник дивизионной разведки. На фронте получил семь ранений разной тяжести, был контужен. Кавалер двух орденов Красной Звезды, двух орденов Отечественной войны, к ордену Александра Невского был представлен за освобождение г. Смоленска, награжден медалями. Арестован сотрудниками органов контрразведки Южно-Уральского военного округа 12 мая 1945 г. за высказывания о депортации ингушей и чеченцев. С.А. Маматиев был лишен воинского звания и фронтовых наград. Осужден по ст. 58, п. 10 на 10 лет, из них три года провел в одиночной камере. Отбывал срок в г. Орске. Освобожден в 1955 г. Реабилитирован.

Салман Азерханович Маматиев писал стихи на ингушском и русском языках:

Илли ала сона, са доттагI — ала,
Бужабе керчу баьнна ала — бала.
Вахара Iоткъама човний хало-къизло,
ГIад а доаде са са дерзо хьувзо,
Мег из хало гIийлача оазо тхьовсо.
Илли ала сона, са доттагIала,
Бужабе керчу баьнна ала-бала.

* * *

Успокойся и ты — неспокойное сердце,
Гневным биением покой души не мути,
И осадку злобы не дай вновь подняться
Из дна истерзанной обидами груди.

21 марта 1943 г., Абдул-Беку Маматиеву

21 марта, Москва

Дорогой А-Бек.

Пишу из Москвы, куда я прибыл проездом сегодня вечером (21/III.43). Сейчас сижу в зале Ржевского вокзала. Поезд будет только завтра.

Писать по сообщенному мною адресу не надо, так как меня перебрасывают в другую часть. Ехать придется довольно долго и разными видами транспорта вплоть до «одиннадцатого номера». По прибытии на место сообщу новый адрес. Пусть и Воти [иншую — дядя], и Ахмет Куриев воздержатся писать, пока я не сообщу другого адреса.

Передай привет всем нашим: Аминат, Салимат, Зейбал, Фатима, Забифат, Тамаре, [...], Мединг, Мамедбеку, Мишке, Ани, Лейла, Цоги, Тамерлану. Особенно привет Вoти. Также передай привет Абдул-Саламу, Абдул-Азизу, Патимат, Магомет-Гирею, Умару, Касират, Дресу. Высылаю снятые в траншее фото, очень скверные (2 карточки). Я на фото вышел гораздо тощее, чем есть на самом деле. Еще раз привет всем.

Твой брат Салман.

7 августа 1943 г., Абдул-Беку Маматиеву

Действующая Армия

Здравствуй, дорогой брат!

Сегодня получил твою открытку и сразу же на нее отвечаю. Пишу я тебе очень часто — чуть ли не в каждую пятницу, но от тебя получаю редко, тогда как мне бы хотелось, чтобы ты мне писал, по крайней мере, по открытке в пятидневку. Тут тебе помогут Ани и Тамара.

Я по-прежнему здоров, чувствую бодро и уверенно, почти не скучаю, да и некогда этой безделицей заниматься.

Сейчас мы переживаем канун крупных событий и потому много делов, и не только потому. Ведь сам знаешь, что война требует того, чтобы ей отдавались все чувства, думы, мысли, силы и жизнь всю, и не терпит благодушного к себе отношения.

Вот почему я не скучаю почти что. После как-нибудь.

Погода здесь установилась подходящая для активных действий, и настроение, воодушевленное победами под Орлом и в районе Белгорода, у всех нас — солдат и офицеров в обороне не окопное, а маневренное. Мы, пехота — царица полей — желаем прогуляться по своим владениям. Довольно с нас отсиживаться в траншеях. Надеюсь, что очень скоро буду писать тебе из самой Германии. Получил от Нуряддина, от Салангирея, Израиля — зятя нашего нового, от Юнуса — бессодержательную открытку и т.д. Привет Джунаиду Курумову и жене его. Пиши, каково здоровье твое и Ахмета. Как учится Ани? Где Миша и почему он мне не пишет?

Твой брат Салман.

P.S. Пусть пишут Тамара и Мариам от себя.

23 июля 1943 г., Галихану Маматиеву

Действующая армия

Дорогой Дядя!

Вечером вчера получил я Вашу открытку, написанную Вами 3 или 4 июля, также получал аккуратно все ранее написанные письма, за что от души Вас благодарю.

Я знаю, дорогой Вoти, что для Вас эти письма доставляют много хлопот и времени Вашего отнимают много. Зато Вы не можете представить себе, сколько удовольствия и радости доставляют они мне. На это не хватит слов, да и описать это невозможно. Одно Вам скажу, что я считаю себя за одни Ваши письма в неоплатном долгу перед Вами и сожалею, что я не смогу сделать для Вас и сотой доли того, что Вы для меня сделали и продолжаете делать. Поэтому я Вас могу

«Фрицы и Гансы»: солдаты вермахта.
Дата, место и автор фотографии неизвестны.
Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

заверить, что никогда не изменю боевым традициям нашего маленького народа — презирать трусость в бою и никогда не смалодушничаю, какая бы тяжелая ни сложилась обстановка. И Вы можете быть спокойными, что тех же Фрицев, Карлов и Гансов, что Вы били и рубали на лихих кавказских конях на Карпатах в первую империалистическую войну, будем бить и мы еще хлеще, еще сильнее и собьем с них всю их спесь... навсегда. Сам я здоров, чувствую по-прежнему уверенно.

Радуюсь, что урожай там хорош. Посылку высылать не надо. Очень Вас благодарю. Привет всем. Я сделал месяц тому назад три перевода Вам 2150 руб. Пишите, когда получите. Получил письмо от Израила Мурзабекова, от Лейлы. Только Нурадин не пишет, что меня беспокоит сильно.

Любящий и уважающий Вас Ваш плем. Салман

Андрей Грабчак (Буйный): «ДЕЛОВ ДО ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ, И МЫ ОБЯЗАНЫ ВСЕ ЭТИ ДЕЛА ПЕРЕДЕЛАТЬ» (1943)

Андрей Михайлович Грабчак (1910—1973) встретил начало войны командиром пограничного батальона в Украинской ССР. Уже в августе он попал в плен, но бежал через несколько дней и вместе с группой советских военнослужащих вышел в расположение войск Красной армии в ноябре 1941 г. Летом 1942 г. Грабчак перешел под командование Украинского штаба партизанского движения в качестве командира десантно-диверсионной группы. С января 1943 г. вел диверсионную деятельность на оккупированных территориях под псевдонимом Буйный. Активно работал с местным населением, в том числе коллаборационистами. Переписка Грабчака с последними и представлена ниже.

31 августа 1943 г.
Тов. Артему. (Выполнил)
Штаб № 001
Д.П. соединения
31.8.43 года
лес. № 0288

Тов. АРТЕМ, узнав о Вас и о том, что Вы открыто вели беседу с нашими людьми, я уверен, что душевное ваше содержание не имеет ничего общего с Вашим обликом. — Большевистские зерна не искоренимы.

Однако Вы в силу особых обстоятельств пали духом и потеряли веру в том, что Вы можете снова стать тем человеком, которым были несколько месяцев тому назад, — свободным, имевшим право не только мечтать о себе как о человеке в огромной семье нашей Родины, но и действовать — дышать, трудиться, смеяться, любить все, что любо, и брать все, что положено человеку.

Вот такой недостаток у Вас. Вы говорите, что партизаны расстреляют, убьют, зарежут, да и вообще, я человек буду второстепенный — это Ваши слова — глупые тов. АРТЕМ.

Вы не знаете о партизанах ничего, а партизаны о Вас знают, знают, дорогой мой, что заставило многих склонить свою гордую голову, надеть презренный костюм и бесстыдно ходить в лагеря вешателей и душителей человечества. На это я могу сказать Вам только вот что:

— Я Командир пограничных войск, 7 августа 1941 года в районе Подвысокое попал в плен, через 10 дней бежал из Уманского лагеря, 12 декабря вернулся к своим, за утерю оружия получил строгий выговор, 17 января 1942 года КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ вызвал меня, накрутил уши и направил сюда, так что я, дорогой мой, недалек от тебя, и нас много, разница только в том, что один виноват больше, другой меньше, но причина всему этому ни в тебе и ни во мне,

и народ, и партия, и тов. СТАЛИН все это знает, в общем вот что, встречусь, все тебе перескажу, и ты сам на себя составишь протокол, сам себе дашь по носу кулаком и скажешь йоб твою мать, действительно я бусяк.

Не падай духом друг, делов до чертовой матери, и мы обязаны все эти дела переделать, так переделать, чтобы завтра Москва сказала, вот хорошо, что АРТЕМ попал в плен и сделал такую вещь:

1. Как можно больше захватить с собой хороших ребят.
2. Как можно больше захватить с собой оружие и обмундирование.
3. Постарайся добыть пишущих машин, немецкую печать, бумаги, фотоприборов особенно фотопленок к немецкому фотоаппарату.
4. Всеми мерами постарайся утащить жандарма. — Однако если это будет опасно — не надо.

А на счет того, что мы будь то бы будем спрашивать и мучить, это все немецкий вздор, вот когда мы с тобой поможем победить немца после чего проживем по 75 лет затем умрем — в силу необходимости, тогда — на том свете от нехуй делать будем разбирать, кто из нас прав, а кто виноват, а сейчас в тылу противника заниматься такими вещами некогда и не к чему.

Порядок встречи с тобой: Вы движетесь по дороге, впереди Вас за двести метров наша проводница, при встрече ее с нами подаем 3 свистка, Вы останавливаетесь в положении: колонка по два вдоль дороги и высылаете на место свистка двух товарищей, после чего мы подходим к Вам со всех сторон, не бойтесь, продолжайте стоять, затем знакомимся и уходим вместе.

С ком. приветом

Командир диверсионного партизанского соединения — подполковник /Буйный/

31.8.43

Без даты, 1943 г., полицаям м. Городница

Вот что хлопцы, возьмите себе этот листок или порвите его, но все же помните БУЙНОГО.

Вы молодые — юнцы в следствии чего пошли на удочку, не на удочку, а на крючок смертельному злейшему врагу человечества — немецкому фашисту.

СИНИЦКИЙ Володя. Я тебя понимаю, когда ты говоришь, что я бы пошел [нрзб.] и когда вспомню, что моего отца замучили большевики и подымается злоба к партизанам, — глупый ты, когда ты так рассуждаешь. Я тоже имел отца, и если бы его убили так как твоего, то безусловно у меня бы до самой смерти болело бы сердце, и это сознаю и тебе верю — однако пойми, что людей в Советском Союзе миллионы и не только ты знаешь, что твой отец погиб зря, я тебе верю и много людей есть, которые верят, и если бы тем блядям, которые убили твоего отца растолковать, что он погиб зря, то они бы тоже поверили и сожалели бы. Но ты пойми, что каждый грамотный человек, понимающий борьбу, всегда уверен, что наряду с виновными иногда люди погибают невинные потому, что среди органов, а ты об этом слышал не раз, есть ВОЛОДЯ бляди и пойми, что они будут существовать до тех пор пока будут существовать капиталисты, фашисты и до тех пор будут случаи гибели отдельных невинных людей.

Худ. П.П. Горелый, 1941 г.

Как бы НКВД ни старалось, как бы партия не следила, но все одно в отдельных случаях будут промахи, и только потому, что люди неграмотны, вот смотри: какая-то сволочь наклеветала на твоего отца, а какая-то блядь не разобралась, что это клевета, оформила дело и твоего отца убили, а ты решил, раз это мол так, так я вам покажу, поступил в полицию и охотно палишь, жгешь села, убиваешь стариков, жен, детей, создаешь нечеловеческие условия для маленьких детей — приди, послушай как они по ночам плачут в кустах, ведь для того, чтобы видеть

муки наших людей надо прийти в лес, вся жизнь сейчас цветущих наших сел перенесена в лес, трущобы.

Так вот, правильно ли ты делаешь. Это действительно ли ты отомстил сволочи за своего отца — нет. Эта сволочь возможно еще долго будет вредить нашему Социалистическому государству, и именно вредить, разве ЛЕНИН и СТАЛИН или наш народ разрешал убивать людей невинных — нет, конечно нет, наоборот ЛЕНИН и СТАЛИН в своих книгах учили нас бороться с врагами всех мастей, где бы они не были и вот для того, чтобы бороться и действительно отомстить за каждую каплю крови и за своего отца надо сделать так:

1. Верить в победу прогрессивного человечества — большевиков.

2. Поступить в партизаны и завоевать себе такую славу как завоевали целый ряд моих бойцов: КВИТИНСКИЙ, САМОСЮК, ТИМОЩЕНЯ и другие, они простые [нрзб.] ... знамени, при чем многие из них вторично награждены, а есть и такие случаи, полицейский гор. Олевск Баланчук носил немецкую форму козырял немцами, как лисица выкручивался а теперь извольте бояться — БАЛАНЧУК награжден орденом Отечественной войны. Мог ты такое сделать — конечно мог. Вот тогда кончилась война ты вышел на стену и с партизанским взором стал бы обнаруживать замаскированных блядей, которые залазят в наши органы и всеми мерами вредят не только стараются убить твоего отца и другого — нет — НЕТ. Это чепуха, они хотят потопить в крови много людей — сотни, тысячи.

Ну а теперь что ж ты думаешь. Красная Армия идет вперед. 2.9.43 г. взят город Суммы, взят город Пролетарская, гор. Верхнее, Попасная, Первомайская, Ермино, Кадеевка, Парижская Коммуна, Загрусс, крупные центры: Калиново, Криворожье, Новопавловку, железно-дорожные станции Лоскутовка, Камишеваха, Чернухино, Зуевка, Сердитая. В районе Конотоп занято 111 населенных пунктов, в том числе города: Шостки, Ворожба, Путивль, Белеполь, Глухов, крупные центры: Лечки, станции: Светлая, Маково, Новая Леновка. На Смоленском направлении занято свыше 60 населенных пунктов, на всех фронтах подбито и уничтожено 107 танков, сбито 45 самолетов. В м. Городница партизанский отряд какого-то БУЙНОГО та еще где в тылу противника захватил 4 Туркестанскую карательную пулеметную роту 789 баталлена и много оружия. И хрен положив на немцев.

Вот что ребята, если я Вас прощу, то партия безусловно простит, ибо мне поможет заступиться за Вас Ваше боевое дело, и учтите, что я не потому пишу столько много, что я вроде умоляю Вас, боюсь Вас, нет Вы можете стрелять, только точнее стреляйте, если на это дело пойдет, потому, что мои хлопцы умеют стрелять крепко, но сейчас не время Вами заниматься, с Вами если Вы не послушаете придет время займутся бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии где нибудь там на немецких полях, то лучше всего послушать меня и сделать вот что:

1. Разъяснить всем полицаям, что бы они не дезертировали и не выходили к партизанам с винтовкой, бо так или иначе их расстреляют.

2. Надо сразу искупить свою вину и вот чем, а момент сейчас последний.

3. Захватите станковый пулемет и патронов побольше, постарайтесь занять все посты своей братвой, шлепните тех блядей, которые завили к могиле Городниц-

Прочти и передай товарищу

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

В своих плакатах немецкие захватчики предлагают крестьянам оккупированных районов „удобрять землю умеренно перепревшим навозом".

По этому случаю колхозники одной из деревень, занятой немцами,

написали немецкому коменданту: „Скота у нас нет—его ваши солдаты перерезали. Навоза тоже нет. Есть только немцы. Ими мы и удобрим нашу многострадальную землю".

Население этой деревни ушло в партизаны и сейчас беспощадно уничтожает немецких угнетателей.

7271в

«Смерть немецким оккупантам!» Советская листовка, 1942 (?) г. Из фондов РНБ.

ких и других ребят, захватите полицейской формы побольше — обмундирование и махните ко мне.

Вот Ваш самый честный, самый правдивый и последний и он возможный выход, а тогда я покажу тебе на ком пометиться за своего отца. Я больше об этом знаю чем ты и родина не только простит тебе и другим ребятам, которые помогут это сделать, но и вознаградит, ибо Вы спасете больше чем навредили.

Вот так, жду после двух дней ответов не принимаю.

Захватите лошади с седлами.

Командир партизанских отрядов
Подполковник /Буйный/

ВОЕННЫЙ ВРАЧ: «АРМИЯ — БОЛЬШАЯ ЖИЗНЕННАЯ ШКОЛА» (БЕЗ ДАТЫ)

Авторство и датировку данного письма периода Великой Отечественной войны установить не удалось.

Здравствуйте, мои дорогие!

Как давно, давно я не получала от вас письма. Правда, это зависит от того, что мой адрес изменился, но мне очень хочется получить от вас письмо, узнать о вашей жизни, хотя бы просто поговорить с вами. Живу я неплохо, не беспокойтесь обо мне, работаю по-прежнему войсковым врачом (ведь я врач, дорогая, и военный при том). Буду ли я работать настоящим врачом или нет? я уже позабыла то, что знала из института, и если придется работать на участке, то пожалуй и не смогу. Но хорошо то, что отдых нам не пропал даром, я использовала его как могла и очень благодарна старичку-профессору, который потратил время на меня. Останусь живой — обязательно поеду на курсы усовершенствования рентгенологов. Между прочим, здесь, на войне, я научилась ценить каждую минуту жизни, чего раньше я совершенно не знала. Как прекрасна жизнь и как мы не умеем ее ценить! Сами же портим ее, лучшие умы людей направлены на то, чтобы уничтожать таких же людей, у которых так же имеются семьи, близкие, родные, которые ждут его домой. Будь проклят тот, кто выдумал эту войну и все средства уничтожения!!! Вот сейчас я сижу в землянке, на дворе темно и морозно. Вдали вспыхивает зарница и слышится канонада арт. подготовки. Это для нас готовят прорыв, скорее в бой! Вот так вечерами я часто взвешиваю «за и против» того, как поступила, кончив институт, что перетягивает — это гарантия сохранности жизни. А «жизнь — самое дорогое для человека». Но, вот как пишет мне однокурсница из Пензенской области, какая у нее работа: практики медицинской мало, а больше хоз. вопросы: с председателями сельсоветов, колхоза, совхозами, топка, питанием и т.д. Конечно, ее уважают в селе, с ней считается начальство. У меня — то, что я хотя бы посмотрю на мир, какой он есть, и если буду жива, то учтя все лучшее, что придется увидеть, устроим у себя. И если я раньше мало знала жизнь — то теперь знаю слишком хорошо. Армия — большая жизненная школа; да еще есть много того, что передать я не могу. Одним словом скажу — не жалею, хотя временами приходится очень и очень трудно... Да и страшно. А короче говоря, ужасно надоела эта бойня, скорее бы кончалась. Теперь я не одинока: со мной в бригаде работает однокурсница моя, в другом батальоне тоже врач из Краснодарского института. Да и сам бригадный врач в 1939 году кончил наш институт. Вечерами мы иногда собираемся, вспоминаем друзей, преподавателей, наш институт, Кубань, родной город. Придется когда-либо увидеть или

Отдых советской военнослужащей. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова

нет? Будем надеяться на лучшее. Возможно, что эта операция будет последней. Как живут в станице девушки? Мне Боря подробно описал об их жизни. И хотя в моей жизни мало хорошего, но им я не завидую и вполне понимаю Борю, что ему так не понравилось. Мне из них никто не пишет, и поэтому и я перестала писать. Наши офицеры ежедневно получают письма от незнакомых гражданских девушек, а военным девушкам ни одна не напишет, даже знакомая. Не правильно они понимают нас, да и никогда не поймут нашей жизни. Но им я не завидую, я никогда бы не стала так жить. Во всяком случае по сравнению с ними в моей жизни больше полезного: я спасла жизнь не одному, и кто знает, может этот человек, вернувшись домой, расскажет обо мне родным, которые ждут его домой; а может быть, (где бы он ни был) вспоминает иногда обо мне. Это одно уже дает внутреннее удовлетворение. Простите меня за некоторую философию, может даже резкость. Скоро услышите о нашем фронте — тогда поймете мое состояние, одно только скажу — в личной жизни я осталась такой, как и была. Так ли будет

Женщины-военнослужащие на отдыхе.
Дата, место и автор фотографии неизвестны.
Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

в дальнейшем — не знаю, не ручаюсь. Передайте привет Шуре С. и сообщите ему мой адрес, пусть напишет. Будет время, я обязательно ему напишу. Так же сообщите мой адрес всем родным и Федотовой. Ей я написала одно письмо по старому адресу. Крепко целую вас, дорогие. Галя.

Михаил Савченко: «САМ ЛИЧНО УЧАСТВУЮ В БОЮ, РАБОТА ВЕСЬМА СЛОЖНАЯ» (1943—1945)

Михаил Иванович Савченко — младший брат известного кубанского мелиоратора Николая Ивановича Савченко, личные документы которого хранятся в отдельном фонде Государственного архива Краснодарского края. О Михаиле известно только по военной переписке братьев. Воевал на южном направлении в звании капитана. Имел медаль «За отвагу», полученную за Мелитополь, и орден Красной Звезды. В 1944 г. переписка прерывается; согласно Обобщенному банку данных «Мемориал» (www.obd-memorial.ru), погиб 30 октября 1944 г. в Венгрии.

26 апреля 1943 г.

Здравствуйте, Родители, папа, мама, Женя, Антоша и Юрик!

Примите от меня большущий привет и поздравления по случаю наступающего нового праздника — дня 1 мая. Несколько недель тому назад написал Вам письмо. Вероятно, вы его получили. Но, не дождавшись от вас ответа, решил пользуясь минутой свободного времени написать сие короткое письмо. Вкратце о себе. В настоящее время я пока жив и здоров. Чувствую себя неплохо. Живется как всегда по-старому. Действую в не столь отдаленных от вас местах, в общем, в местах, где раньше работал отец. Изрядно приходится много работы. Что касается всего остального и прочего — то об этом Вы можете только иметь смутное представление и кой о чем предполагать. Погода стоит хорошая; весна в полном всем разгаре, хотя ночами бывает очень прохладно. Вот все, что можно, вкратце, сказать о себе, да о большем не скажешь.

15.4.43 г. послал вам денежный аттестат на 600 р., по которому будете получать деньги из Военкомата или где-нибудь в другом месте с 1 мая 43 г. если вы нуждаетесь в деньгах, то могу вам малость подбросить. Пишите, как живете, чем занимаетесь, что нового в вашей жизни. Что слышно о Коле, Игнате, как Антоша!

Как долго идут письма до вас, если в скором времени получите письмо, то пошлите пару карандашей и несколько тетрадей.

Пишите по адресу: Полевая почта № 26685, Савченко Михаилу Ивановичу. Пишите только так адрес. А пока до свидания. Желаю всем больших дел и всего наилучшего в жизни. Крепко жму Всем руки. Ваш Михаил.

PS: Видимо, на днях вышлю вам деньги.

24 мая 1943 г.

Здравствуйте, родители, папа, мама, Женя, Антоша и Юрик!

Посылаю Всем большущий привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни и работе. Ваши два письма от 9 и 13 мая, а также тетради с карандашом мною получено 22.5.43. За все большущее спасибо!

Хотя я вам писал в самом начале апреля м-ца, но как, видно, Вы этого письма не получили и поэтому от Вас так долго не было известий. Жизнь моя пока протекает по-старому, без особых изменений, также пока жив и здоров.

Время протекает весьма медленно в обстановке постоянных действий. Без дела ни одной минуты не сидим. Работы хватает. Живется в общем — ничего, в целом — неплохо. Вот в общих чертах и совсем немножко о своей жизни. Нового пока нет ничего. Погода, как и все остальное, часто меняется, бывает больше солнечных дней, но все-таки прохладно, особенно по ночам.

Что можно еще написать о себе. Да почти ничего. Война есть война, и о ней писать много не приходится. Как-то вы поживаете, что нового в вашей жизни и работе. Как идут дела и жизнь в колхозе, и вообще в станице.

Почему не пишет Коля, разве вы не знаете до сих пор его адреса? Писали ли вы письмо Игнаше? Что слышно о Кате? Как чувствует себя Антоша? В общем пишите почаще и можно подробней. У меня пока все. Вместе с этим письмом передаю деньги для перевода Вам. Расходуйте их на все, что потребуется Вам. Пока до свидания, жму ваши руки. Михаил

Адрес старый.

20 июня 1943 г.

Здравствуйте, родители, отец, мать и Женя, Антоша, Юрик!

Ваше письмо от 1 июня мною получено, за которое большое спасибо. Как видно из вашего письма, дела у Вас не так важные, но ничего не поделаешь — у всех они не лучше. Это хорошо, что вы сообщили о получении денег, что касается последних, то не жалейте, расходуйте на все необходимое вам.

По возможности буду присылать. Пока жизнь и работа моя протекает по-старому, без особенных изменений. Ничего нового нет, но предвидеть нужно каждую минуту. На войне всякое может случиться. Но пока живем и здравствуем. Вот все, что можно в общих словах сказать о себе.

Погода здесь очень жаркая, дождей что-то не видно. Но нас это меньшей степени интересует, т.е. какова погода.

Итак пока у меня все. В посланных ранее письме я прочил о высылке мне карандашей, постарайтесь это сделать, но при пересылке сделайте так, что она не потерялась. Собираюсь написать письмо Коле.

Пока до свидания. Желаю вам всего наилучшего в жизни, работе и хорошего здоровья. Пишите и пишите обо всем.

Михаил

4 апреля 1943 г.

Здравствуйте родители, папа, мама и Женя, Юрик!

Ваши два письма получены мною на днях. Из-за некоторых обстоятельств немного запоздал в ответе на письма.

За письма большущее спасибо. Видно, как вы, так и я пока живу по-старому. Все так здоров и чувствую себя не плохо. Дела службы идут также по-старому, с некоторыми изменениями. Все как будто в порядке. Вообщем, обстановка и положения жизни прежние, т.е. по-старому.

Вот все, что можно сказать о своей жизни. Да, в настоящей жизни может случиться всякое. На войне всегда много неожиданностей и непредвиденных случайностей. Ко всему и всегда надо быть готовым.

Давным-давно миновало, и очевидно навсегда (для нас) то все мы, когда можно было в жизни предвидеть, и строить свою жизнь по «плану». Вы спрашиваете меня, дать вам совет о том, ехать вам к Игнаше или нет? Что я могу вам посоветовать — да почти ничего. Смотрите сами, вам там виднее, что делать! О нас не беспокойтесь. Мы вернемся живыми на сей земле!!!!!!

Это очень хорошо, что вы сообщили адрес Коли, но очевидно я не смогу получить от него письмо. Постараюсь все-таки написать ему.

Передайте от меня всем, Игнаше, Коле, Антоше, и другим горячий фронтовой привет и пожелания всего наилучшего в ихней жизни и больших успехов в борьбе с немецкими оккупантами. Примите от меня привет и наилучшие пожелания в вашей жизни и работе. Привет Жене и Юрику.

Пишите почаще письма и подробнее о своей жизни и работе, а также о жизни колхоза, села. Что нового в вашей обстановке. У нас здесь начались дожди. Погода не веселая, как не весела сама жизнь.

Пока все. Да, не забудьте выполнить хотя частично мою просьбу.

С горячим приветом, крепко жму руку всем, Михаил.

Еще раз пишите.

26 октября 1943 г.

Здравствуйте, Родители, папа, мама, Женя и Юрик!

На днях, то есть 24.10 получил от вас сразу 3 письма, написанные вами 5 и 13.10. За письма большущее спасибо, ибо они меня только развеселили и обрадовали.

Право, плохо только то, что ни от Коли, Антоши и Левы ничего не слышно. Но я думаю и надеюсь, что они все живы и работают на благо нашей Родины.

Кстати, вместе с Вашими письмами я получил письмо от Коли, датированное 14.10.43. Он по-прежнему живет и служит, пока все в порядке.

Пару слов о себе. Как видите, я также пока жив и здоров, чувствую в данное время себя не плохо, а в общем живется «так себе». Что касается общей обстановки, то она вот частично известна. Добавить можно лишь только то, что и мы также действуем и не сидим на месте, а гоним с боями немецких оккупантов. Ну и достается им, хотя иногда попадает и нам!

30.09.43 я был легко ранен, но в госпиталь не пошел, а лечился на месте. Сейчас почти уже вылечился и стал полностью в строй.

За последние бои, проведенные успешно, я представлен вторично к правительственной награде, которую скоро должен получить. Также имею повышение в звании — капитан. Работаю и служу на прежнем месте, тем, кто непосредственно ведет в бой войско и полностью сам лично участвует в бою... работа весьма сложная, трудна и тем более ответственна.

Вот таково положение на сегодняшний день или час, или минуту. Ибо иногда за один час, а то и меньше может произойти большие события и все изменится. На войне именно в таком бою, какой мы ведем, постоянного ничего не бывает, а все быстро меняется.

Пока о себе все.

Погода, кстати, у нас установилась хорошая, солнечные дни, тепло. Но нам не кстати «любоваться погодой». Иногда и без теплой погоды бывает куда жарко. Пишите чаще письма, и подробней обо всем.

Передайте привет всем знакомым и родным. Собираюсь, но все некогда написать письмо Игнашке, Коле уже написал, на что получил ответ и сегодня еще напишу.

Пока, до свидания. Крепко-накрепко жму всем руки. Ваш Михаил.

16 апреля 1944 г., Николаю Савченко

Добрый день, Коля!

Твое письмо от 19.02 получил 16.04 за письмо большущее спасибо, твоему письму я был бесконечно рад, ибо от тебя, да и вообще письма я получаю очень и очень редко.

Как видишь, и твое письмо я получил почти через два месяца, как оно было написано. Что за причина? Удивляюсь...

За это время в нашей жизни многое изменилось, прошли крупнейшие события, участниками которых являюсь и я. Прежде всего мы беспрерывно гоним немецких захватчиков все дальше и дальше на Запад, освобождая села и города.

На нашу долю выпало непосредственно участвовать в освобождении двух крупнейших городов юга — Николаев и Одесса, в которые мы первые вели бои — уличные бои и первыми входили на их улицы. Это были жестокие и тяжелые бои, но, как всегда, мы выходили победителями.

За освобождение Николаева нашей части присвоено звание Николаевских. Теперь движемся дальше на Запад. Вот в общих чертах таково положение. Отсюда как говорится и все остальное. По этим событиям ты можешь представить конечно в общем и мою жизнь и деятельность. Многое о ней не скажешь. Наша жизнь целиком и полностью подчинена войне. Война стала нашей профессией, более того нашей жизней. А жизнь эта боле чем кому, тебе известна. Беспрерывные и тяжелые бои с временными и очень короткими передышками, большие походы и к тому же в условиях непогоды — вот содержание моей жизни. К этому можно еще добавить — большую и постоянную напряженность в работе. Работаю очень много. Вот пожалуй и все.

Что касается настоящего моего положения, то оно в среднем ничего, так себе, живется — по-старому — в лучшем случае хорошо, работаю на прежнем месте и в прежней части.

Мое военное звание — капитан, в этом звании и хожу уже давным-давно. В части наград имею сейчас Медаль «За отвагу», полученную за Мелитополь, и орден «Красная звезда». По части твоего вопроса об участии в защите-обороне Сталинграда — не участвовал. Гвардию [нрзб.] еще в 1942 году за разгром немцев под Москвой, под Моздоком получили Красное знамя. И теперь с честью несем гвардейское краснознаменное знамя.

Наш путь и в частности мой очень большой. Теперь же движусь по пути своего бывшего отступления. Прохожу знакомые места, где в начале войны я сражался с немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками-румынами. Вот все, что можно сказать о себе, о своей жизни.

Пару слов о другом. Из дому получил на днях письмо с подробностями обо всем. Также сообщили и об Антоше. Тебе, очевидно, известно. Пиши о Жене и Юрике. Это первое письмо за 3 или 4 месяца. Больше не от кого абсолютно не получаю писем. Хотя и сам никому не пишу. Условия обстановки не позволяют и не располагают на многую писанину. Да как-то не в моем характере писать многим и о многом о себе. В этом большая моя оплошность. Но такова привычка. Погода у нас хорошая — почти настоящая весна. Но пока не до весны.

Вот и все. Пока до свидания. Шлю тебе горячий привет и желаю замечательных успехов в твоей жизни и работе. Будь здоров.

Крепко-накрепко жму руку, твой брат, Михаил

8 августа 1944 г.

Здравствуйте, родители, папа, мама, Женя и Юрик!

На днях получил Ваших два письма, за которые большое спасибо. Если сказать точнее, то Ваши письма от 23.07 мною получены 4.08.44.

Еще раз пребольшое спасибо и благодарность за них. Это хорошо, что вы не забываете нас, но плохо то, что уж слишком сильно беспокоитесь о нас. Волноваться и постоянно беспокоиться о нас, а тем более обо мне не стоит. Вы этим делу не поможете, а лишь лишний раз расстраиваете себя. Чему суждено быть, тому не миновать — это в известной мере так. А о будущем пока не приходится говорить. Пока живу и прохожу службу по-старому в старом месте и в прежнем положении. Чувствую себя не плохо. Живется также, в среднем — ничего. Жаловаться особенно не на что не приходится, ведь на войне всякое бывает, а больше всего плохого.

Что касается настоящего момента, то пока я нахожусь на отдыхе, конечно относительном отдыхе. Ибо готовимся к грядущим, возможно, окончательным боям.

Работы еще больше, хотя свободней себя чувствуешь, т.к. не слышишь свист пуль и разрывов снарядов. Но это временно, а в какой степени временно, только знает неизвестность.

Вот в общих чертах и вкратце такова жизнь. На днях получил письмо от Коли и Игнашки, вчера получил от Антоши. Коля где-то наступает, и по-видимому успешно. Игнаша на старом месте, Антоша тоже. Думаю, по свободней написать им письма.

Вот, пожалуй, и все. Новостей у нас никаких нет. А что еще можно написать, я себе не представляю, ибо если можно написать, то необходимо выйти из рамок возможности.

Да, я нахожусь в тех местах, где застала меня война, конечно, примерно там.

Пока до свидания, с горячим приветом. Крепко жму всем руку, Михаил

12 сентября 1944 г.

Здравствуйте, Родители, папа, мама, Женя и Юрик.

Первым словом своего письма передаю вам привет и желаю всего хорошего в вашей жизни и работе. Последнее ваше письмо получил несколько дней назад. За письмо большое спасибо.

Вкратце о себе, о общем положении. Сейчас я нахожусь в Болгарии. После прорыва обороны на р. Днестр и полного разгрома южной группировки противника на юге в Бессорабии, а затем в Румынии мы стремительным наступлением вышли к границам Болгарии. В одно время форсировав Дунай оказались, как видите, очень и очень далеко от своей Родины. Сейчас находимся на марше.

Вот таково общее положение. Что будет дальше и куда судьба нас еще забросит сие неизвестно. Пока никаких военных действий не ведем, а движемся все дальше и дальше уходя на Запад.

Что касается лично себя, то могу лишь сказать, что работаю по-старому, служба на том же месте, где и раньше. Чувствую себя неплохо, в среднем ничего — хорошо. Пока всем здоров. Условия жизни и питания хорошие.

Только сильно одолевает скука по Родному краю. Но скучать нет времени и задумываться долго не приходится. Такова выпала на нас почетная и великая задача освобождения всех народов от фашистско-немецкого ига. С этой задачей мы справляемся успешно.

Пару слов о местности и природе, где мы обитаем. Местность гористая, с небольшими лесами. Климат жаркий и сухой. Вот сейчас половина сентября, а здесь стоит невыносимая жара и днем и ночью. Природа вообще красивая. Население — преимущественно болгары, встречаются и турки. Весьма отсталые народности с примитивным ведением хозяйства. Все не обычно и не так, как у нас.

В этом кратком письме о многом не напишешь и всего не обхватишь одним росчерком письма. Пока все или почти все. Поживем, увидим, что будет дальше.

Пока до свидания, с горячим приветом, Крепко жму всем руки Михаил.

Болгария. 12 сентября, 1944 г.

28 октября 1944 г.

Здравствуй, Миша!

Письмо твое, писанное тобою 12 сентября 44 г., мы получили 26 октября, за которое большое тебе спасибо, уже больно оно долго шло полтора месяца из Болгарии — теперь, по всей вероятности, ты не там, и пока это письмо к тебе попадет — то ты будешь еще дальше. От Игнаши недавно получили письмо с района Варшавы, я раньше в предыдущем письме к тебе писал, от Коли сразу 28.10 получил два письма, он в Прибалтике — догнали фрица к Балтийскому морю. От Антоши нет письма, и неизвестно, где он находится с того времени, когда воевал в районе Красногорска — этому прошло 2 месяца, а от Левы и подавно нет ни слуху ни духу. Живем мы так как и жили — только я перешел на работу в колхоз им. Буденного. Здоровье как мое, так и мамы, незавидное — нет-нет да и приболеешь. Мама и сейчас болеет головною болью и не поправляется. Назначили ей лечение, но домашние дела не позволяют полечиться. У нас уже осень и идут дожди и появилась грязь, а поля колхоз еще не убирал — не убрали подсолнухи, кукурузу, [нрзб.].

Пиши почаще. Будь здоров. Твой отец и мать

Левон Мкртчян: «ПРИШЛОСЬ ПОПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО ЗЕМЛЯМ ЧИНГИСХАНА» (1943–1946)

Левон Егишевич Мкртчян родился в г. Эчмиадзине 17 июля 1921 г. В 1938 г. поступил в Московский энергетический институт, откуда в ноябре 1939 г. был призван в Красную армию. С декабря 1940 по май 1945 г. служил командиром взвода особой войсковой части НКО 8285. Часть занималась перевозками стратегических грузов на территорию Китая. Вступил в ВКП(б) в 1944 г. С июня 1945 по июль 1946 г. периодически командировался в МНР. Участник Великой Отечественной войны и войны против Японии в составе советско-монгольских войск в Маньчжурии. После демобилизации в 1946 г. окончил лечебный факультет, затем аспирантуру Ереванского медицинского института. Защитил кандидатскую диссертацию в 1954 г., работал доцентом кафедры общей гигиены. Был женат, двое сыновей. Умер в 1966 г. Награжден медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», медалью МНР «За боевые заслуги», грамотой Президиума Верховного совета Казахской ССР от 15 августа 1945 г.

30 декабря 1943 г.

Дорогая Алиса!

Мои братские приветствия тебе и всем нашим. Очень соскучился. Давно уже не писал писем. В последнее время и от вас получаю мало писем. Не знаю от чего — от того, что вы пишете мало, или из-за того обстоятельства, что по этому номеру есть два адреса: один — мы, другой — в Ивановской области.

Алис-джан, я живу и работаю по-прежнему. Конечно, ни в чем не нуждаюсь. Последние две недели нахожусь здесь и занимаюсь, кроме всего прочего, перевозкой зерна. Все машины моего взвода перевозят пшеницу, это продлится до конца января, а после этого займемся нашей основной работой.

Алис-джан, последнее время здесь стоит холодная погода, сейчас дни становятся потихоньку теплее.

Пиши, как учишься и вообще о своей институтской жизни. Приветы всем. Пока столько.

Твой Левон.

П.с. Посылаю свою фотографию

Перевод с армянского языка Э. Абрамян

10 апреля 1944 г.

Милая сестра Алиса!

Шлю тебе мой братский, пламенный привет и наилучшие пожелания в твоей жизни и учебе.

Через 2 месяца исполнится ровно 5 лет с того времени, как я покинул вас и моих друзей. Если бы ты знала, какое впечатление производят на меня ваши

и в частности твои письма, то ты стала бы почаще писать, несмотря на то что опаздываю с ответом. С 10 декабря 1940 г. нахожусь здесь на выполнении спец. заданий. Вот уже несколько месяцев, если можно так выразиться, отдыхаю здесь после летней и осенней сверхнапряженной работы 1943 г. Почему сверхнапряженной, потому что наша работа была связана с особой обстановкой, которая сложилась в течение второго полугодия 1943 г. Сообщение, помещенное в «Красной Звезде» от 2 апреля 1944 г. о Монголо-Синдзянских отношениях, в некоторой степени касается и меня.

Дорогая Алиса, во время напряженной работы я частично отрываюсь от культурной жизни. За то время, которое простоял здесь, успел кое-что посмотреть и из культурной жизни. Посмотрел много кинокартин, и в том числе «Давид Бек». В целом картине можно дать оценку удовлетворительную. Дело в том, что действия до того замедленны, что иногда выводят зрителя из терпения, из напряженного состояния. Очевидно, замедляя темп самих действий, режиссер преследовал цель дать картине или отдельным сценам какую-то торжественность, величавость. Это ему не вполне удалось. Одним словом, «Пепо», «Зангезур» в художественном отношении гораздо превосходят «Давид Бека». Здесь больше, чем нужно, увлеклись политической стороной, забывая, что зрителю нужно преподносить подлинно художественную картину, оснащенную политическим смыслом, содержанием. Я не знаю, как вам понравилась эта картина, но у меня лично, как «жителя» плодородных земель цветущего Казахстана, такие мнения.

Дорогая Алиса, у вас, оказывается, происходили радостные события с приездом Агаси и Гриши в отпуск. Про вишневку помню и сейчас, и очень жалею, что не мог присутствовать в вашей кампании.

Когда-нибудь соберемся мы вместе.

От Гриши писем получаю очень редко.

С Ваником взаимно ведем регулярную переписку.

Дорогая Алиса, пиши о твоей жизни.

Поздравляю, Грета, с получением такого высокого ученого звания. Привет Верочке. Привет новому поколению: Грантику, Рафику, Альдику, Арочке.

Посылай интересные вырезки из местных газет. Поцелуй за меня папу и маму.

Левон

18 ноября 1944 г.

Здравствуй, дорогая моя Алиса,

как давно уже мы не переписываемся друг с другом. Может быть, это так и нужно было, но переписка с тобой мне доставляет очень и очень большое удовольствие, я бываю слишком рад, получив от тебя хотя бы скромное, маленькое письмецо. Письма твои я все получаю и сердечно рад, что так часто вспоминаешь меня и пишешь те строчки, которые я не раз перечитываю.

Алиса, вот уже прошел праздник и в 6-й раз я его встретил без вас. Уже 5½ лет мы в разлуке, не видим друг друга. Слишком многое произошло за это время, многое изменилось, каждый по-своему стал расценивать жизнь, каждый по-своему стал строить свою жизнь.

В моей памяти ты осталась такой же милой, какой тебя оставил 6 лет тому назад.

Виноват ли я в том, что Гранта (как мы его называли, «Куку») не могу представить таким, какой он есть сейчас. Чувствую я, что он вырос, находится в таком возрасте, в каком в свое время я себя считал вполне взрослым человеком. Ну что же я сделаю, если в моем представлении он остался таким же, каким был 6 лет тому назад: маленьким «куку», которого я подбрасывал до потолка, от чего бывал он в восторге.

Я уже не говорю о Рафике: с ним тем более, так как он тогда был совершенно маленьким милым мальчиком. Мне даже неудобно было прочитать письмо Гранта, где он в душе был обижен за то, что я его по-прежнему считаю маленьким. Он прав!

Какими бы я их ни представлял, пусть за это они на меня не обижаются. Грант и Рафик были и остаются моими лучшими друзьями, моими младшими братьями.

Вот, если бы выслали они свои фотокарточки мне, тогда уже я посмотрел бы на них, на их лица, на их молодецкий вид и мог бы себе представить, как выглядят Грант и Рафик в 1944 г.

Дорогая сестренка, написать тебе, как мне здесь живется, думаю, и нет никакой необходимости, так как в моем образе жизни особо больших изменений нет. Все та же работа, тот же круг людей, та же обстановка.

Праздник провел здесь на месте, провел неплохо, в хорошей кампании.

Очень пожелал бы присутствовать в вашем кругу, вместе с вами провести Великий праздник, но ничего не сделаешь.

Есть на это причины, немец еще жив. Раненый зверь не сдается; его нужно добить.

И никакие крокодиловы слезы леди Гиб[1] не остановят нашу Красную Армию. Не за то мы потерпели столько бедствий, чтобы простить немцам. Пусть не вытирает зря свои плаксивые глаза леди Гиб. Справедливо пишет Илья Эренбург.

Следующий праздник, я думаю, праздновать будем вместе.

Дорогая Алиса, пиши, как ты живешь. Чего хватает, а чего не хватает, чему нуждаешься, как с учебой.

Как живут мама и папа.

Постарайся, чтобы они себя не перегружали работой. Нужно немного и о своем здоровье заботиться: не все же время работать. Мне очень понравился, когда прочитал, что папа не работает (как бывало) с раннего утра до темной ночи.

Хорошо, что мама работает в одном учреждении только. Пиши, как поживает наша бабушка. Напиши, как проводишь свое время, какие новости оперы, театра, кино. Однажды уже просил я тебя высылать мне вырезки из местных газет с новостями, с интересными материалами. То, что, может быть, для тебя ничего особого не представляет, то для меня все интересно.

Со своими письмами высылай эти вырезки. Недавно получил письмо от Гриши. Пишет он мне очень много и во всех письмах не забывает о проведенных днях в Ереване.

---

[1] Леди Хелена Гиббс (1899—1969), младший член английской королевской семьи, стала известна советским читателям как «Леди Гибб» после полемических статей Ильи Эренбурга, опубликованных в октябре-ноябре 1944 года в газете «Красная звезда».

Просил я у него фотокарточку. Он написал, что у него дома есть. Прошу, возьми у него фотокарточку и вышли мне.

Дорогая Алиса, неужели до сих пор ничего не известно про Сурика? Нужно писать и не раз по последнему адресу, и пусть пишут где, в какой части был в последнее время и потребовать оттуда ответа.

Я сейчас изучаю американские марки машин. Скоро это пригодится мне. Ты сама знаешь, что я долго не сижу на одном месте.

Дорогая Алиса, поздравляю тебя с днем рождения и желаю наилучших успехов в твоей жизни и учебе. Всего хорошего!

Твой брат Левон

16 декабря 1945 г.

Здравствуйте, дорогие мои родители!

Добрый день, моя Алиса!

Давно уже не писал вам писем, а также не получал от вас.

Живу я по-прежнему здесь, работаю в Монголии, но за тот промежуток времени, что не было от меня писем, пришлось попутешествовать по землям Чингисхана.

Короче говоря, с самого начала и до конца со своим взводом участвовал в операциях советско-монгольских войск в группе генерал-полковника Плиева, против японцев.

Из Улан-Батора выехал к юго-восточным границам Монголии 7 августа и 9 днем уже был на границе, а войска уже перешли границу еще ночью в 24.00. Несмотря на исключительно трудные условия продвижения (бездорожье, пески, безводные пространства), войска (танковые и кавалерийские) продвигались исключительно быстрыми темпами вперед.

Какие трудные условия продвижения были можно заключить из того, что для того чтобы обеспечить бесперебойное продвижение танковых частей вперед, бензин подбрасывался исключительно на самолетах, так как автоколоны не успевали подвозить его, а то в противном случае могли получаться срывы приказов Москвы.

В приказе т. Сталина от 23 августа обо всем этом говорится.

Продвигались советско-монгольские войска, встречая слабое, а в большинстве местах никакого сопротивления. Девановская армия (армия марионеточного китайского правительства Внутренней Монголии. Деван — правитель Внутренней Монголии) с первых же дней разбежалась, рассыпалась, и оказывать серьезное сопротивление, собственно говоря, и некому было.

Наши танковые части 12 августа уже были в Долонноре (на юго-востоке Внутренней Монголии), куда и через 2 дня прибыли мы.

Долоннор походит на обыкновенный китайский городок, которые, как вы знаете, мне очень хорошо известны. Подбросив несколько раз нужные материалы для войск, поехали назад, в пути узнали о капитуляции Японии. Конечно, радостно было сознавать и быть очевидцем, что Япония капитулировала сразу же после нескольких сильных ударов Красной Армии, у которой было много опыта вести военные действия, полученные в кровопролитных боях с немцами. Япония для Красной Армии оказалась гораздо слабой и неподготовленной стра-

ной к большой войне, чем Германия. Уже тот факт, что они пачками сдавались в плен нашим, говорит о низком моральном духе всей самурайской армии. После этих операций я почти безвыездно работал в Монголии, имея возможность иногда посылать вам телеграммы.

Теперь нахожусь в Наушках и решил написать вам это письмо.

Возим в большом количестве японских пленных для Монголии. Последние ваши письма получил, а те, которые писали по адресу п/п 38030, наверное путешествуют в Манджурии, так как мы пользовались (временно) адресом другой части, которая выехала в Манджурию и сейчас находится там.

Дорогая Алиса, ты пишешь, чтобы я приехал домой окончательно. Это и вы должны понимать невозможно, т.к. по указу я к демобилизации не подлежу. А что касается к отпуску, то в настоящее время отпуска временно почему то отменили. Я думаю, что с нового года дождемся нового указа, и тогда, конечно, вопрос несколькими месяцами разрешится.

Недавно вам послал 1000 руб. на имя Алисы. Получили или нет?

С горячим приветом ваш Левон

4 февраля 1946 г.

Станция Наушки

Здравствуй, дорогая моя Алиса!

Мой горячий и пламенный привет тебе и моим дорогим родителям!

Жив здоров, служу на прежнем месте: в Наушках и в МНР.

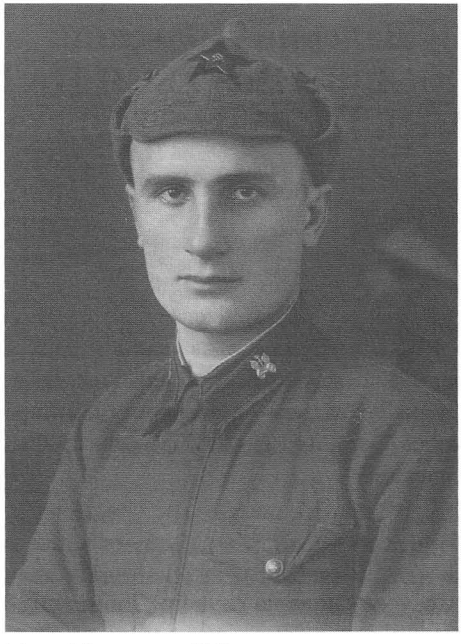
Письмо твое, последнее, получил, которому удивился и очень рад: наконец-то ты за такое долгое время набралась смелости написать простое и откровенное письмо своему брату, который кроме вас ни о чем на свете не думает и которому ты бросаешь упреки, что не хочет и т.п. домой приехать.

Дорогая моя Алиса, повторяю еще раз, что Указ о демобилизации к нам (нам, потому что вся наша часть состоит из таких как я) не подходит ни по каким статьям и поэтому не может быть и речи о моем окончательном приезде домой в ближайшее время. Другое дело насчет отпуска. Вот сейчас я расскажу тебе, как обстоит этот вопрос. Когда разрешили отпуска, из нашей части первая партия уехала в конце октября месяца. Я должен был ехать в декабре м-це. Но как раз в это время запретили отпуска на ноябрь и декабрь месяцы.

С 28 декабря по 23 января был в Сары-Озеке по служебным делам, где поговорил с командиром бригады относительно отпуска. Он мне ответил, что по возвращении в Наушки сразу же после праздника Красной Армии он предоставит мне отпуск. По приезду сюда, в конце января месяца из Сары-Озека получили радиограмму, что всякие отпуска до особого распоряжения отменены.

И в самом деле с декабря месяца никто из нашей части в отпуск не ездил. В настоящее время командир бригады находится в Сары-Озеке и я попробую у него узнать ответа на этот вопрос. Другого, по-моему, предпринять нечего и если очень скоро не будет нового Указа, то как-нибудь постараюсь добиться отпуска в ближайшее время. В настоящее время командир бригады находится в Сары-Озеке, и я попробую у него узнать ответа на вопрос. Вот все, что я могу написать по этому вопросу.

Дорогая Алиса, все-таки не пишешь, как вы живете и какие у вас в настоящее время материальные ресурсы. Этот вопрос меня очень интересует. Я в своем



Левон Мкртчян в 1940 г.
Из семейного архива Эльзы-Баир Гучиновой

прошлом письме просил написать получили ли те 1000 р., которые я вам выслал еще 2½ тому назад? Напиши без стеснения о вашей материальной, культурной жизни и вообще как живете. Смотри — напиши просто и откровенно. Папе надо любыми средствами не перегружать себя работой. А ты, как медичка, постарайся для него создать и установить определенный режим и условия. Мама почему-то молчит. Пишет... только не мне.

Передавай привет моим всем друзьям. Цолак пусть напишет письмо. Напиши адреса Ваника Хосика и если еще кого известно, тоже. Уже написана была первая страница, принесли письмо от Гриши. Тоже мне «мораль» читает, как и ты. Думаю скоро приеду к вам, тогда уж поговорим лицом к лицу. Передай привет маме, папе и всем нашим знакомым и родным.

Зимы у нас, как говорят, уже перевалило. Больших морозов уже нету. Очень часто стоят теплые дни. Работы по-прежнему продолжаются. Перевозим грузы Внешторга в МНР.

Целую, Левон

Присылаю фото: я и мой лучший друг Силов Иван Егорович. Славный парень. За войну у меня с ним создалась настоящая братская дружба.

Валерий Польский: «ПЫТАЮСЬ ВЫРВАТЬСЯ НА ВОЙНУ, НО ПОКА НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ» (1987–1988)

Валерий Геннадьевич Польский (1964–1988), на момент гибели старший лейтенант, помощник начальника отделения разведки 22-й отдельной гвардейской бригады специального назначения. В 1981 г. поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, с июня 1987 г. на службе в Афганистане. Ниже приводится переписка В.Г. Польского с его другом Геннадием Александровичем Скребцовым, переведенным из Афганистана в Вильянди (Эстония). Погиб 6 февраля 1982 г. в бою, описанном в последнем письме этой коллекции.

10 сентября 1987 г.

Здравствуй, Гена!

Вчера приехал из отпуска снова на службу. Добирался до Лашкаргаха девять дней, замучился в доску. У нас в батальоне все по-прежнему. Новый командир пока приглядывается. Из старых взводных почти никого не осталось: все поразбежались. В отпуске отдохнул я более-менее нормально. Извини, что не заехал к тебе в Эстонию. Я и так мотался по всему Союзу: два раза был у родителей в Чите (отец сейчас там служит), добирался туда первый раз через Алма-Ату, а второй через Иркутск; был в Гурзуфе, немного позагорал, да жаль, погода подвела. Еще надо учесть бабушек и других родственников, а отпуск не безразмерный. У нас во второй роте был подрыв. Два солдата погибли, четверо тяжело ранены. Серега Дымов забил четыре барбухайки[1]. Они выехали на него прямо днем. Оружия почти не было. Духи разбежались. Если тебе что-нибудь надо — пиши — вышлем. Тебе от всех наших ребят привет. Жду твоего ответа. Встретил ли ты Ольгу? Ей привет.

Валера

23 сентября 1987 г.

Здравствуй, Гена.

Получил от тебя два письма. Большое спасибо. У меня все по-прежнему. Ты сам все представляешь. После того как меня перевели из боевой роты в разведуправление бригады, сижу в основном в кабинете, дома пьем чай, вечером ходим регулярно с Володькой в наш спортзал-палатку, занимаемся там карате, метаем ножи ну и так далее. Иногда летаю на облеты местности и на досмотр караванов. Недавно летали на север: от Сангина на восток, кишлак Мальмадчина, пришлось ходить в атаку на ДШК. Но все обошлось без убитых. На днях Саня Степаненко забил на дороге у кишлака Багат два автомобиля «Симург».

[1] Барбухайка — афганский автомобиль. (*Прим. сост.*)

Автор и адресат писем: Валерий Польский (справа) и Геннадий Скребцов в Афганистане, 1987 г. Из личного архива Г.А. Скребцова

Один автомобиль взорвался вместе с экипажем, на втором была 12-ти ствольная реактивная пусковая установка, химические мины, а в остальном пустая (ты понимаешь, о чем я). Степашка даже обиделся на духов. Его представили к «Красной Звезде». Недавно был в командировке в Шахджое. Живут они там, конечно, мрачно: воды нет, света нет, в магазине пусто. Кругом одно голое поле и горы, и борзые духи, которые каждый раз обстреливают нашу броню на выходе из батальона. В нашей роте погиб твой солдат — Шамсидинов. Их разведгруппа во главе с Петей Михалевым сидела в засаде под Марджой со стороны пустыни Даштимарго прямо на самом канале. Днем на дневку от кишлака они поленились отойти. Рано утром по дороге поехали два мотоциклиста-разведчика. Одного они убили, а второй улизнул. Через часик к ним подъехали трактора, привезли несколько безоткатных орудий и минометов, и начали наших окучивать. В результате двое солдат тяжело раненных, а Шамса убили. Он прикрывал отход группы. Пуля ему попала прямо в грудь, когда он поднялся, чтобы перебежать за другое укрытие. Его потом еле-еле вытащили. Когда прилетели на помощи вертушки, одному Ми-24 духи из гранатомета прострелили подкрылок и кассету с НУРСами. В остальном все по-прежнему. Сам представляешь. На службе в штабе не устаю. Правда, кормят отвратительно, как собак. Если бы не спорт, то можно было бы загнуться. Тебе от всех наших большой привет. Сделал твои фотки. Высылаю одну. Остальные отправлю со Степашкой. Он скоро едет в отпуск. Жду твоего письма.

Валера

3 октября 1987 г.

Здравствуй, Гена!

Получил от тебя письмо. Большое спасибо. У меня все по-прежнему. На войну пока не хожу. Готовимся отмечать октябрьские праздники. Опять кучи приказов, контроль и т.п. Если слушал Би-би-си, то, может быть, ты немного в курсе наших событий. 24.10.87 г. в Кандагаре две наших диверсионных группы

из 3-й роты поехали предотвращать обстрел пункта постоянной дислокации (по информации КГБ). Это за Кандагаром где-то в 5 километрах, прямо в самой зеленке. Оказалось, что их там уже ждала засада. В результате 9 убитых наших солдат и майор Удовиченко. Анвара Хамзина ранило в руку (выбило кость выше кисти). Генка Должиков поехал с броней их вытаскивать, и его опять ранило в ту же ногу, что и в прошлый раз, еще при тебе. Во время боя их поддерживала авиация. В одну «сушку» попали из ПЗРК, но она кое-как дошла до аэродрома. После этого авиация летать отказалась. Нашим пришлось драться самим. У убитых наших солдат духи забрали оружие. После боя насчитали больше 60 забитых духов. Потом 30.10.87 в Шахджое группа старшего лейтенанта Онищука [выпускник Киевского ВОКУ] забила вечером барбухайку [машину] в 20 километрах от батальона и в 10 километрах от укрепрайона духов Сурхаган. Они досмотрели машину, там было 30 автоматов, безоткатные орудия, гранатометы, и отошли на горку, метров 500 от дороги. Из батальона им передали, что в 6 часов за ними вышлют вертушки. Всего там было 16 бойцов. У них было с собой только два пулемета и ни одного АГС-17. Утром восемь из них спустились с горки, и опять пошли туда, чтобы еще раз досмотреть. Оказалось, что из укрепрайона около 200 человек заняло все окружающие горки, установили безоткатные орудия и минометы. Этих восьмерых вместе с командиром разведгруппы забили сразу же. Тела страшно изуродовали: отрезали им половые органы и засунули в рот. Из оставшихся забили еще трех бойцов. Вертушки вышли только через полтора часа боя, так как связи не было, и вышли только потому, что увидели вспышки и взрывы в том районе. Весь батальон потом до самого вечера вел там тяжелый бой, вытаскивая 12 убитых и 14 тяжело раненных. Забили там более 100 духов. На поле боя насобирали 70 автоматов, несколько безоткатных орудий, ДШК, минометов и еще 10 ручных гранатометов. Удовеченко, Ошищука и еще одного солдата послали на Героев Советского Союза посмертно. В Фарахрудском батальоне тоже несколько убитых. Теперь, видимо, осталось веское слово за нашим батальоном. Степан лежит в госпитале — отдыхает. Леха Панин как обычно много болтает. Кстати, на твое письмо, Еремеев дал результат за Маликдуканом. Представляешь, на облете, ни одного духа не забили, так как те засели на горках и зверски отстреливались, просто из вертолетов сожгли четыре машины, ну а остальное, что болтают — фантазия. А так, в общем, все спокойно. Занимаемся с Вовкой в свободное время рукопашкой. Твоя спортивная палатка стоит нормально, только постоянно кто-то выкручивает лампочки с патронами, аж злость берет. Пиши, как у тебя дела. Жду. Передавай привет Ольге.

Валера

17 ноября 1987 г.

Здравствуй, дорогой Гена.

У меня все без изменений. Уже замучился сидеть в штабе. Удивляюсь, как здесь все не сходят с ума от всей этой нудности и бестолковости. Пытаюсь вырваться на войну, но пока не получается. Недавно приезжал из Шахджоя Антон. Он вступал в партию кандидатом. Ходили с ним в палатку на тренировку. Надрались вволю. Ему у нас ужасно понравилось, начиная от большого количества

женщин, которое должно, как он мечтает, перейти в качество отношений, до близости города и возможности там купить что-нибудь пожрать. В городе есть учитель тейквандо. Хотели организовать с ним официальную встречу, но нам отказали и при том жесточайшим образом наказали. Все вроде бы и не против, но разрешать никто не хочет (вдруг какая-то террористическая акция). Хотя мы его тайно приводили к нам в палатку. Работает он нормально. Приятно с ним подраться. Но его кто-то увидел, и начались разбирательства. Еще одна новость, думаю тебе будет интересно, нашему старому знакомому, муле Насиму (Мусакала) поступили химические 82-мм мины. С нетерпением ждем применения. Передавай привет Оле. Как у нее дела? Ходит ли она с тобой в бассейн на плавание? Где работает? Пиши. Жду ответа.

Валера

4 декабря 1987 г.

Здравствуй, дорогой Гена.

Большое спасибо за письмо. Хоть они скрашивают мою серую бытность, вносят немного радости. У нас все без изменений. На войну теперь разведгруппы ходят только с броней, конечно кроме нашего батальона. Это все из-за больших потерь. Броня идет за группой и находится не далее 20—30 километров от места засады. Леха Панин идет ротным в Кандагар. Он два раза ходил на выход с комбригом и, разумеется, его там заболтал. Ерофеевского тоже ставят ротным в Кандагар. От него там отпихиваются как от чумы, но его кто-то мощно двигает. Я уже вконец замучился сидеть в штабе. Кругом бессмысленные горы никому не нужной бумаги. Сколько людей занимается бесполезной и ненужной работой! Периодически ругаюсь со своим шефом — начальником разведки бригады, прямо высказываю ему мое отношение ко всей этой штабной работе, и говорю, что все штабные офицеры сидят на шее командиров диверсионных групп. Договорились с ним, что, может быть, в ближайшее время расстанемся. Ходил недавно на выход с первой ротой под Лой-Разай. Не дошли до дороги километра три. Дальше шли кишлаки и не подойдешь. Командира перед выходом страшно заинструктировали, поэтому он ближе к дороге идти отказался. Представляешь, за 3 дня засады там по дороге проехало около 10 машин. Правда, в кишлаках постоянно стреляли из ДШК и безоткатки. Так что немного развеялся от штабной скуки. Сейчас на улице уже стало прохладно, поэтому заниматься в палатке стало трудно, да и с помывкой тяжело, т.к. недостаток солярки. Из вашей бригады, из Вильянди, приехал к нам парень — Салим Гатаулин. Говорит, что служил с тобой в одной роте. Сейчас он в ОПО, будет жить с нами в одной комнате. Вроде бы приличный? Влад Шкиперов вчера забил трех мотоциклистов на втором канале: четырех духов убили, у них четыре автомата и пистолет. Один автомат был с нашего убитого солдата. Влад вернулся весь в крови: одного духа разорвало на части, а он его досматривал. Они на днях собираются со Степаном в отпуск. Володе Ковтуну пришел орден Боевого Красного Знамени. В остальном все без изменений: в батальоне такая же дурка, как и всегда. Тебе привет от Кости, Сани, Влада, Салима и Вовки. Пиши. Жду.

Валера

26 декабря 1987 г.

Здравствуй, Гена!

Огромное спасибо за письмо. У меня пока без изменений, но после Нового года должен перейти в 3-ю роту в Кандагар, к Лехе Панину. Ген, я все прекрасно понимаю, что ты будешь меня ругать, мол, скоро замена, да и Кандагар... Ген, просто командиром чувствуешь себя в душе человеком. Хотя другие так не считают. А здесь в штабе куча шишек на ровном месте, хотя на самом деле толпа зажравшихся моральных чмо, конечно, за редким исключением (ведь и здесь есть настоящие бойцы). Саня Степаненко поехал в отпуск, и в Кандагаре его схватила желтуха, так что Новый год ему придется встречать не дома в Союзе, а в Кандагаре в госпитале. Он тебе пришлет кассету и фотографии. Володька Сергеев уехал в отпуск. Палатку нашу (твою) комбриг приказал снять. Так что теперь осталось только качаться штангой возле столовки у Ильи. На войне сейчас затишье. Так что пошла серия наглых приписок. Удивляюсь, как только людям не стыдно и как только они не боятся влететь. Поздравляю тебя и Ольгу с Новым годом.

Валера.

22 января 1988 г.

Здравствуй, Гена.

Пишу тебе по такому поводу. К нам пришел план замены в Союз. Моя очередь весной к тебе в Вильянди. Можешь себе представить, я уже было настроился на Дальневосточный военный округ, а тут опять в Вильянди. Еще, правда, не известно, как все выйдет на самом деле. Но твоя главная задача — это проконтролировать, чтобы мой заменщик выехал вовремя, а можно даже и раньше. Ну и присмотри что-нибудь из жилья, где-нибудь рядом с тобой. А то я уже замучился жить в казармах. Я сейчас в командировке в Кандагаре. Живу у Лехи Панина. Полетаю здесь на облеты, схожу на выходы. Насчет перехода комбриг мне отказал, сказал, какой тебе переход, у тебя скоро замена, и отправил сюда в командировку проверять батальон. Пиши, как там дела в бригаде в Вильянди, на что мне настраиваться. Привет Ольге.

Март 1988 г., Салим Гатаулин — Геннадию Скребцову.

Здорово, Гена.

Наверное, мое письмо тебя удивит, но не написать я тебе не мог, зная, что был лучшим другом Валерки. Как мне ни тяжело писать эти строки, но, однако, все уже случилось, и ничего назад не воротишь, и Валерки больше с нами нет. Так обидно, что он погиб ни за что. Просто ужасно. Все по глупости. И главное прямо перед заменой в Союз. Как все это было. Сейчас проходит армейская операция против Мусакалы (все названия, я думаю, ты помнишь). Общий замысел в том, чтобы обеспечить зеленым провести ЛЭП от Каджаков до Лашкаргаха. А этому здорово мешает мулла Насим. К операции привлекаются огромные силы. Но пока мы вышли на север, все духи оттуда уже ушли. Из «Ураганов» и «Градов» все там сровняли с землей и начали второй этап операции — спустились ниже к Сангину, где река Мусакала впадает в Гильменд. Мы с Валеркой входили в состав оперативной группы нашей бригады спецназ и ходили дежурными на центр боевого управления и поочередно ходили на войну с разведгруппами вторыми офицерами. Район, сам знаешь, кишит духами. Когда мы вышли в район

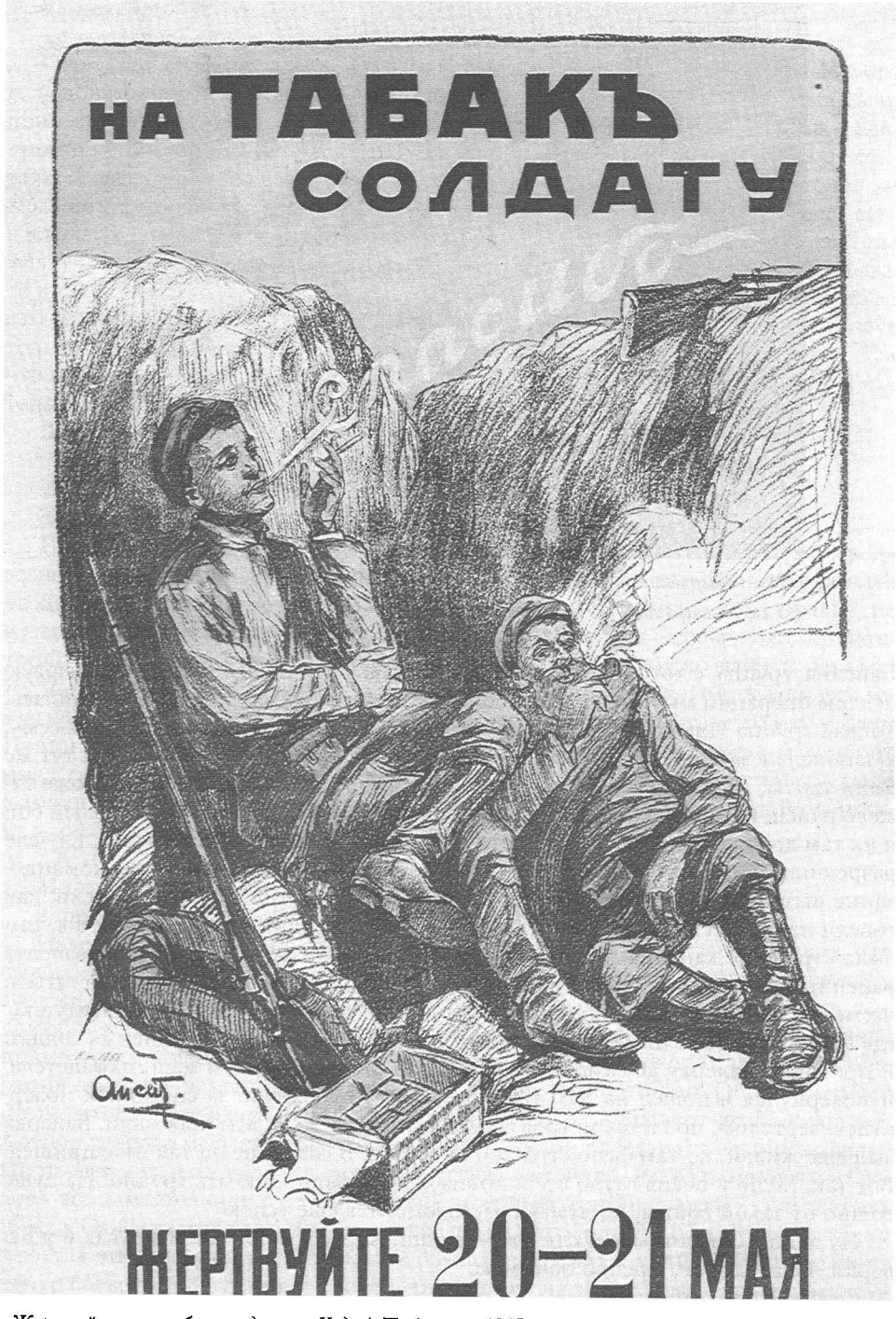
Обломки вертолета, в котором погиб Валерий Польский.
Из личного архива Г.А. Скребцова

Сангина, группа, с которой я ходил, вернулась и с ней пошел Валерка. За первую неделю операции мы уничтожили более 30 духов, но белая полоса закончилась. Только группа Ильдара Ахмедшина вышла с КП километров только на восемь, как попала в засаду. Два бронетранспортера спалили сразу же, три бойца тут же были убиты, куча раненых. Это было возле самой зеленки. Ильдар был тоже тяжело ранен, и боем руководил Валерка. Около трех часов они вели тяжелый бой и их там долбили со всех сторон, хотя на помощь им вышли две группы. Еле-еле разрешили поддержку с воздуха и огонь артиллерии, т.к. в это время командование пыталось мирным путем договориться с духами, и мы с КП видели, как горели наши БТРы. Потом, когда туда прибыл еще один отряд на помощь, там была страшная картина. Группу вытащили, пришли вертолеты, чтобы забрать раненных и убитых. У Валерки чуть-чуть пуля задела голову, он хотел остаться, но медик настоял, чтобы его отправили в стационар. Он сел в ту же вертушку, где лежали трупы, с ним был еще Костя, переводчик и еще трое раненых солдат. Я проводил Валерку до самого вертолета, посадил его туда, и машина взлетела. Я повернулся и пошел на КП. Как вдруг что-то грохнуло за спиной. Я повернулся: вертушка, пролетев метров 500, рухнула на землю. Мы побежали. Валерка был еще живой, но там было страшно смотреть. В сознание он так и не пришел. Вот так, глупо и очень глупо все и произошло. Извини, писать трудно. На душе тошно от такой войны, но думаю, что отомстить еще успею.

Ну ладно. Заканчиваю. Если что — пиши. Адрес у меня такой же, как и у Валерки. Будь здоров. Крепко обнимаю.

Салим Гатаулин.

Да, все это случилось вечером 6 февраля.



«Жертвуйте на табак солдату». Худ. А.П. Апсит, 1915 г.

II. ДЕНЬГИ ВОЙНЫ

Каждую копейку буду передавать вам.

Из письма Андрея Ипатова, 1941 г.

Елена Гапова

ЖИЗНЬ ДЕНЕГ НА ВОЙНЕ

Деньги являются частью общей «тайны человеческой жизни», считал Георг Зиммель[1], имея в виду всеобщность феномена денег и их свойство быть «проводником» и реализатором социальных отношений. В соотношении с войной деньги обычно рассматриваются как «государственный вопрос», находящийся в сфере политэкономии. Ученые подсчитывают, сколько сто́ит война, какие потери она наносит экономике или, наоборот, как стимулирует экономическое равитие. Правительства беспокоятся о том, где взять средства на ее ведение, нередко обращаясь к народу с просьбой «профинансировать» военные действия. «Покупайте 5%-ый военный заем!»,— взывало правительство к населению России во время Первой мировой войны. «Чем больше денег, тем больше оружия и снарядов, тем ближе к победе», — было написано на выпущенных в это время плакатах. «Покупайте облигации займа свободы (LibertyBonds)!» — призывал американский постер того же времени. «Сокрушим врага нашими облигациями»,— обещал другой, а еще на одном их покупка объявлялась гражданским долгом каждого американца.

Однако, если отрешиться от «политэкономии» в популярном воображении деньги с военной повседневностью связываются мало. Принято считать, что на войне «денег нет» или почти нет, т.к. военнослужащие в армии живут в условиях «военного коммунизма», находятся на содержании государства, их кормят и одевают, а оставшиеся в тылу семьи получают необходимое (но не всегда достаточное) по карточкам, оставаясь, по сути, также за пределами экономики денег. В военной литературе можно встретить упоминания, что на оккупированной территории ходили деньги старые и новые, оставшиеся от прежней власти и введенные оккупантами, что вызывает недоумение у читателей, которые пытаются представить, как это работало, если принять во внимание, что ценность денежных знаков должен гарантировать реально существующий институт (правительство, национальный банк). Учебники истории обычно тему денег на войне не разбирают, упоминая о них при перечислении нанесенного урона.

На самом деле деньги, денежные обмены — при посредстве государства или в обход его — в военной повседневности присутствуют, и письма позволяют увидеть эту «неизвестную» человеческую сторону войны. Их авторы рассказывают о довольствии в армии или плену, посылках домой или из дома, переводах аттестата военнослужащего семье, продовольственных и вещевых карточках (тоже своего рода деньгах); они обсуждают кражу или потерю денег, цены и экономию, наживу за счет войны, благотворительность и (рас)трату общественных средств; пенсии по ранению и инвалидности или гибели (какая

1 Simmel, Georg. *The Philosophy of Money*. Routledge, 1978. P. 118.

сумма «достаточна», чтобы окупить гибель близкого человека?), национальный долг, ретрибуции и многое другое. За этими повседневными денежными аспектами встают экономика и мораль, национальное достоинство и бесчестье, прошлое и будущее, частное и публичное и, более всего, отношения между людьми. Это связано с той особой функцией, которую выполняют деньги в социальной жизни.

Если отношения между людьми объективируются, опосредуются при помощи предметов, объектов, вещей, то деньги также выполняют функцию материализации связей и отношений. Однако деньги — это особая, «универсальная» вещь: в какой-то момент они «изобретаются» во всех обществах для того, чтобы служить единицей учета, средством платежа и инструментом накопления. Как разъясняет Карл Маркс, деньги — это инструмент, упрощающий и облегчающий обмен[1]. Их социальная функция состоит в обеспечении сложного, безличного обмена всех со всеми. Впрочем, экономика чистых обменов, когда свободные агенты рынка производят произвольный обмен товарами и услугами при помощи безличного «эквивалента», — вещь условная. В действительности этот воображаемый рациональный акт «прогибается» под влиянием индивидуальных обстоятельств, структурных ограничений и нерациональных желаний, например когда купить курево кажется важнее, чем купить хлеб.

Развитая денежная экономика — как указывал еще Адам Смит — невозможна без государства, которое устанавливает правила работы рынка и следит за их исполнением. Во время войны государство оказывается в особых обстоятельствах, что сказывается на условиях осуществления обменов, уровне потребления и функционировании денег в целом, поэтому обсуждение проблемы денег в военных письмах так или иначе касается того, что происходит в этот период с государством. В одних случаях оно не в состоянии обеспечить условия для рыночного обмена, в других целенаправленно регулирует экономическую жизнь вплоть до полной ее «узурпации». Практика таких военных обменов, неэквивалентных или непрямых, происходящих «под автоматом» или при отсутствии выбора, не очень широко изучена. Подборка военных писем данного раздела проливает свет на денежные заботы частных людей в военное время. За частной перепиской, просьбами и советами относительно денег и потребления встают нужды военного общества в целом и политика государства по нормализации потребления. Описывая функционирование обменов в особых, «ненормальных», условиях, письма позволяют увидеть трансформации, происходящие с деньгами как «товаром товаров».

Письма этого раздела относятся к различным эпохам и написаны людьми, принадлежащими к разным социальным группам: офицером (врачом) времен Русско-японской войны, простыми солдатами на фронтах Первой мировой; советскими военнослужащими, участвующими в Финской кампании и Великой Отечественной войне; молодым участником военного вмешательства в Афганистане. Говоря о деньгах, авторы писем невольно пишут социальную историю своего времени: какие-то темы оказываются характерны для отдельных периодов советской эпохи (например, невозможность использовать деньги для осуществления

[1] *Маркс К.* Капитал. М., 1973. Т. 1.

«Каждая облигация займа в 100 рублей — это три выстрела шрапнели. Пусть же Вашими шрапнелями наша армия засыплет сидящих в окопах германцев». Открытка «Все для войны! Подписывайтесь на 5 ½ % военный заем». Управление по делам мелкого кредита, Петроград, 1916 г. Из фондов РНБ

покупок), другие — являются сквозными для всего века (например, пересылка денег и вещей между военнослужащими и их семьями). Помимо повседневных забот, письма поднимают и более «глобальные» темы — национального (российского) долга и способов получения средств, необходимых для ведения войны и победы; распределения и социальной справедливости, полной централизации власти и т.д.

Раздел начинается с писем Русско-японской войны, написанных врачом, имени и биографии которого мы не знаем, однако можем понять, что автор — образованный человек, интеллигент. Его письма передают то беспокойство, которым живет в этот период российское общество, по крайней мере его образованная часть. Обескураженное неудачами на Дальнем Востоке, общество ищет их причины в некомпетентном управлении страной. Послания врача содержат не только информацию о повседневных личных обстоятельствах, но и рассуждения патриота и гражданина, которого беспокоит, как расходуются государственные средства. «Сколько здесь лодырей, получающих содержание (и еще какое), ровно ничего не делающих, а между тем "рискующих" получить орден», — пишет он. Автор думает о том, как наиболее рационально организовать использование денег на благо родины: «Я нашел бы вполне рациональным обязать врачей, работающих в Красном Кресте в мирное время (благодаря многим косвенным пре-

имуществам), работать и на войне...» (1904). В его представлении интеллигента, очевидно, когорты (или предшественника, старше на поколение) булгаковских Турбиных, война и нажива несовместимы: «Не находите ли Вы, что такие учреждения, как Красный Крест, существующие на пожертвования, не должны платить по 10 тысяч рублей жалования Уполномоченным?» (1904). В конце концов, фантазия автора рисует — после того как (он уверен) будет завоевана Маньчжурия и откроется выход на китайский рынок — мощную картину национального процветания: «Мои мечты достигают того, что я вижу дорогую Родину заплатившей свой пятимиллиардный долг, могучей и образованной» (1904). Единственный из всех корреспондентов этого раздела, автор (как и Маркс) рассматривает деньги как «капитал», средство производства. В других письмах эта тема не затрагивается, однако «национальное радение» присутствует.

В период Первой мировой войны и революции еще один корреспондент, также озабоченный поражением России и очевидной нехваткой средств, предлагает использовать радикальные меры для получения денег на нужды ведения войны и содержания армии: конвертировать в деньги церковное имущество. Он пишет в 1917 г.:

> Ведь это не будет называться святотатством, если мы поснимаем золотые и серебряные ризы с камнями с икон, заменим золотые и серебряные кресты, сосуды и вообще всю церковную утварь другими, из металла более дешевого. Религия наша от этого нисколько не изменится, и не должна измениться... (Миронов, 1917).

Предложение «тронуть святое», превратить реликвии в деньги возможно только тогда, когда ощущение сакральности церковных предметов утрачено: ценности оказываются ценным металлом.

В письмах, отправленных из окопов «империалистической войны» не офицерами, но солдатами, встают совсем других заботы, а за ними — инфляция, обесценивание денег, рост цен. Получая сообщения из дома о том, что все дорожает и что, по сути дела, старая жизнь (система цен, социальный контракт) разрушается, солдат, а по сути дела, крестьянин сетует:

> А особенно трудно солдаткам; потому что за все нужно платить — за пахоту и уборку, за молотьбу и за помол, потому что готовый хлеб делит с нею мельник, и все говорят, и себя оправляют тем, что нет рук. Если некому работать, то и за дорогую цену не будет, и за все должны отдуваться солдатские жены (Чудинов, 1917).

Тема *распределения,* особенно распределения несправедливого, — т.е. «классовое беспокойство» — возникает в этот период у многих корреспондентов. Видя, что семьи живут на грани голода, солдаты ищут — и находят — виновных:

> Неужели за то, что их мужья сидят в окопах, теряя здоровье и каждый час ожидая смерти, и очень довольны тем жалованьем, которое положило новое правительство, 7 руб. 50 коп. А им в тылу армии все мало, этим проклятым богачам, которым и так за войну набили карманы (Чудинов, 1917).

Обращаясь к правительству с просьбой заморозить цены, солдаты демонстрируют популярное и в наше время представление, что цены можно «назначить»:

«Прошу вас, новые правители государства, и на вас надеюсь, что вы прекратите этот грабеж и поставите на все прежние цены» (1917). Взывая к правительственному вмешательству, авторы требуют новой структуры общественных отношений: регулирования рынка и передачи функций управления им государству. Традиционные, обезличенные формы иерархических отношений между властью и населением перестают работать, и происходит попытка установления «прямой демократии» — сначала посредством прямых обращений к начальству. Часто малограмотные, солдаты просят «господ депутатов» прибавить жалованье. Попавшие в плен также обращаются к родным и членам семьи с просьбами прислать хоть немного денег («Иленька, пришли мне хоть два рубля денег, я тебе заплачу» (Иван К., 1914) или еды: «Посылки присылайте чаще — сухарей ржаных и денег. Жду ваших денег и посылок» (без даты). Через год или два прямые действия сменят эти просьбы: от смещения начальства и установления новой формы правления до передела собственности и введения других денег.

Представленные в разделе письма советского межвоенного периода являются примерами частной переписки военных со своими семьями и женами. Судя по стилю и орфографии, авторы происходят из «народа» и оказались «в должности», реализовав возможность вертикальной социальной мобильности. Очевидно, что профессия военного в Советской стране (сравнительно) хорошо оплачивается: семьи, по меркам того времени, обеспечены, и солдаты могут «воевать спокойно». Жены военнослужащих описывают повседневные заботы, указывая при этом, что денег на жизнь вполне достаточно (и что ребенку куплен деревянный пистолет — за «1 руб. 40 коп.»). Их мужья, в свою очередь, сообщают о переводе денег, справляются, дошли ли и достаточно ли суммы для безбедного проживания.

В этих повседневных эпистолярных обменах деньги служат средством «материализации» отношений между людьми. Сходное «овеществление» (или, скорее, «монетизация») отношений заботы и близости происходит и в подборке писем периода Отечественной войны, написанных военнослужащим Андреем Ипатовым. Его переписка с семьей охватывают три года — 1942—1945 гг.: практически в каждом послании автор сообщает о переведенных родным деньгах и просит «писать», «наконец написать», вспомнить про отца и мужа, прервать молчание, ответить. Учитывая длительный срок — почти три года жизни на войне, эта коллекция читается как роман в письмах. Мы следим за жизнью героя (и за датами, — 1943-й, 44-й, 45-й, — мысленно желая ему: «доживи!»), понимая, что за настойчивой, почти в каждом письме повторяющейся, просьбе «наконец ответить» на денежные переводы стоит какая-то семейная тайна. Зиммель видел в деньгах (автономную) манифестацию отношений обмена, в процессе которого объекты желания трансформируются в экономические объекты[1]. Конечно, было бы примитивно и попросту неверно рассматривать переписку Ипатова как вольную или невольную попытку «купить» доброе отношение членов своей семьи, однако настойчивое требование ответа показательно: отправляемые домой деньги становятся способом материализации на расстоянии родственных

[1] *Simmel.* Op. cit. P. 117.

связей и отношений заботы. Деньги здесь — выражение «авторского желания» близости. Прося подтвердить получение денег, автор в каждом случае стремится завершить «символический обмен».

В письмах периода Финской кампании возникает еще одна важная тема, которая в том или ином виде всплывает в разные периоды советского времени, демонстрируя «условность» денег. Это тема вещей-как-денег, тема взаимотрансформации финансового и материального. В военных условиях традиционная роль денег как всеобщего эквивалента подвергается коррекции. Рационирование («карточки» и пайки), инфляция, общая закрытость военного общества ведут к тому, чтофункция денег как мерила ценности берут на себя вещи. Эту трансформацию денежного в вещественное можно наблюдать в письмах все того же Андрея Ипатова. В конце 1944 — начале 1945г., когда советская армия воюет уже на немецкой территории, автор сообщает не о переводе денег, а о вещевых посылках, которые собираются из «экспроприированных» предметов: «Первая моя посылка, к сожалению, постельно-полотеночная. Следующие постараюсь скомбинировать посущественнее. Возможности к этому здесь совершенно неограниченные. Думаю, что будете обеспечены неплохо всем нужным» (Ипатов, 1945). Деньги замещены вещами: «оплата» труда военного берется в его собственные руки, и солдат отправляет домой не выданные ему государством деньги, а самостоятельно «собранные» товары, присвоив на какое-то время государственную функцию распределения и перераспределения.

Еще одна тенденция становится очевидна из другого письма, автор которого объясняет: «Мне деньги не нужны, потому [что] купить нечего и негде. Одна тайга. Постараюсь, чтобы перевести и зарплату на тебя, и ты будешь получать все» (Казанцев, 1940). Как Робинзону на необитаемом острове оказываются ни к чему золотые монеты, так и солдату в лесу нет пользы от (бумажных) денег, он отправляет их семье, туда, где существует система обмена и функция денег может быть реализована. Встающая за этим письмом экономическая реальность армии — полное государственное обеспечение и отсутствие необходимости в деньгах вследствие невозможности внешних (да и внутренних) обменов. Неконвертируемость денег в данном случае свидетельствует о неэквивалентности обмена между военным и государством: деньги служат знаком бесценности жизни, признанием невозможности и нежелания ее оценить[1]. Удивительным образом эта ситуация напоминает уже упомянутый лагерь для американских военнопленных, где «государство» обеспечивает (минимальное) потребление (пропитание не требуется «зарабатывать) и забирает свободу (и жизнь).

Тема невыполнения или неполного выполнение деньгами своей функции эквивалента возникает в письмах позднесоветского времени, написанных Игорем Бояриновым, участником советского военного вторжения в Афганистан. Очень молодой человек, проходящий срочную службу и, возможно, не имеющий возможности рассказывать о реальных событиях описывает окружающую местность и климат, жалуясь на скуку и мечтая об отпуске домой. Упоминания о деньгах касаются двух аспектов позднесоветской действительности. Во-первых, из писем становится ясно, что солдаты-срочники в Афганистане получают небольшое воз-

[1] Благодарю Сергея Ушакина, подсказавшего эту идею.

награждение, но не обычными деньгами, а «чеками», т.е. особыми денежными знаками. Такими квазиденьгами платили советским работникам за границей, в том числе и тем, кто участвовал в качестве советников или иных специалистов в локальных войнах. Чеки были введены для того, чтобы не платить военным валютой (что было бы более естественно): они могли быть обменены на вещи только дома («в Союзе») в специальных магазинах Внешторга, где продавались импортные товары и продукты, бывшие при социализме в дефиците. «Чеки» были «условными деньгами», обращавшимися только внутри очень ограниченной системы специальных учреждений торговли, лишающих их обладателей автономности и анонимности. Вместе с тем чеки — это «ценные деньги», они сто́ят больше их номинальной стоимости. Причины такой ситуации также обозначены в письмах. Из переписки Бояринова ясно, что «на гражданке» советские рубли, т.е. обычные деньги, имеют ограниченную покупательную способность. Купить на них модную («импортную») одежду не просто, и он просит брата «достать» символы статуса:

> Вовка, ты давай там прикидывай, что я одевать в отпуске буду, особенно на ноги, и пиши мне, а если нужны будут деньги, то ты напиши, сколько и когда, а я вышлю тебе. Ты понял меня или нет? Надо, чтобы я к отпуску был одет как нормальный человек. Размеры: одежда 46/4, обувь — 39—40, шапка 54—55. Так что я на тебя очень надеюсь в этом вопросе (Бояринов, 1986).

За этими строчками встает особая денежная реальность советского времени, когда доступность товаров (в отсутствие свободного рынка) определялась либо *возможностью* привилегированного доступа к каналам распределения и/или обмена (то, что Алена Леденева называет «экономикой взаимных услуг»[1]), либо желанием и способностью платить «сверху» («если нужны будут деньги, то ты напиши, сколько и когда»).

Письма, представленные в этом разделе, позволяют по-новому увидеть не только жизнь людей в военное время, но и «жизнь» и функционирование денег. Письма (в очередной раз) демонстрируют, что особые военные условия создают различные «лабораторные ситуации», в рамках которых деньги выполняют свои функции непрямо, сложным образом: трансформируясь в вещи или денежные суррогаты, они материализуют отношения между людьми, являясь не столько всеобщим эквивалентом, сколько средством и свидетельством неутраченной связи.

[1] *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours. CambridgeUniversityPress, 1998.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР «К ЧЕМУ, НАПРИМЕР, ТАКИЕ ЖАЛОВАНЬЯ ВРАЧАМ В КРАСНОМ КРЕСТЕ?» (1904)

Анонимный машинописный текст (очевидно, копия оригинального письма) без указания адресата сохранился в архивном фонде Лиги обновления флота — общественной организации, образованной вскоре после окончания Русско-японской войны с целью разработки и пропаганды новых принципов строительства отечественных военно-морских сил, оказания всемерного содействия российскому флоту. Лига осуществляла лекционную, экскурсионно-экспедиционную, издательскую деятельность, занимаясь также сбором свидетельств о причинах поражения флота в войне 1904—1905 гг. Письмо написано не ранее середины ноября 1904 г. (по старому стилю).

Подготовка текста к печати и примечания Игоря Ермаченко.

Вот уже 7 месяцев, как я нахожусь в Маньчжурии, и, конечно, я благодарю судьбу за громадный опыт, который я приобрел здесь.

Однако, к большому сожалению, я должен был шаг за шагом разочаровываться во многом, что еще недавно имело для меня прелесть убеждения.

Впрочем, я и ехал сюда работать и учиться, а потому все мной перенесенное так мною и понимается.

Как свежему человеку, попавшему в чуждую ему среду, мне приходилось со многим знакомиться, но зато я и воспринимал ярче. Конечно, это довольно важное преимущество.

Признаться сказать, я встретил много странных явлений, которыми я готов поделиться с Вами, если только Вы не находите этого для себя утомительным.

Я никак не мог понять, как это могло произойти, что во главе управления госпиталями стоит человек, совершенно непричастный к медицине и равно ничего в ней не понимающий.

Я говорю про генерала Езерского, если не ошибаюсь, бывшего полицеймейстера г. Иркутска[1]. Это просто непостижимо, и можно ли после этого удивляться, что постановка подвижных госпиталей и эвакуация раненых, особенно последняя, велась возмутительно.

С другой стороны, во главе всей санитарной части стоит генерал Трепов[2]. Господи помилуй! Да что это за напасть на матушку Русь! Неужели у нас нет людей науки, а универсальным средством от всех бед служит — генерал. Ну,

[1] Езерский Семен Иванович (1852—1921), в годы Русско-японской войны генерал-майор, в апреле 1904 г. назначен инспектором госпиталей Маньчжурской армии, в феврале 1905 г. — инспектором госпиталей тыла, с апреля 1905 по декабрь 1906 г. — инспектор госпиталей Владивостокской крепости.

[2] Трепов Федор Федорович (1854—1938), в годы Русско-японской войны генерал-лейтенант; с апреля 1904 г. — начальник санитарной части Маньчжурской армии, затем — исполняющий должность начальника санитарной части при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

и видел же я «генеральскую» санитарию. Это нечто такое, о чем следовало бы поговорить особо.

Тут армия просто пропадает без генералов, а они, голубчики, санитариями занимаются. Все лучше, чем быть в строю. Впрочем, это меня удивило, но я скоро нашел, что отчего же не быть Трепову, так сказать, министром санитарии, если генерал Глазов министром народного просвещения.

Вот поэтому-то и происходят некоторые странности, возможные только на Руси. Генерал Трепов учит докторов медицине и санитарии, а генерал Глазов в восьмом классе гимназии в Харькове в ноябре месяце преподавал Закон Божий и настоятельно рекомендовал ученикам и по окончании курса заниматься Четьи-Минеями (см. «Южный Край», № от 3 и 2 ноября).

Жаль только, что наших универсальных генералов приходится обучать военному делу, тем более жаль, что в учителя попадают иногда сердитые люди вроде г-на Куроки[1].

Кстати, [раз] я коснулся генералов, то, уж простите, скажу по этому поводу еще два слова.

Существует у нас опять-таки маленькая странность. Люди, привыкшие к «хозяйственной» части, идут без надлежащего контроля до генеральских чинов и вдруг, во время войны, оказывается, что они совершенно не подготовлены к настоящему[2] военному делу, и можно ли удивляться, что некоторые из наших генералов годились бы скорее для оперетки, нежели для боев. Я мог бы иллюстрировать мои слова целым рядом имен и фактов, но боюсь утомить Вас.

Слава Богу, что теперь три армии, и, кажется, теперь добираются до опереточных генералов.

Если бы Вы знали всю беспардонность некоторых функционирующих учреждений, то, конечно, согласились бы, что многое следовало бы здесь корригировать.

Сколько здесь лодырей, получающих содержание (и еще какое), ровно ничего не делающих, а между тем «рискующих» получить орден.

Есть и такие явления. Мне в ноябре нужно было получить в Харбине полушубки в складе Государыни Александры Федоровны, но их не оказалось, а вместо них прибыло 70 громадных тюков с летними костюмами и бельем.

Конечно, такое маленькое qui pro quo, т.е. летнее вместо зимнего, может служить темой для юмористического рассказа, но едва ли удобно на войне. Едва ли удобно и такое явление, что Вам отпускают из склада Езерского 5 пудов сахара и 1 пуд чаю, Вы приезжаете домой и вдруг перед Вами происходит непостижимый фокус: Вы перевешиваете и оказывается, что сахара 3 пуда, а чаю ½ пуда. Знаменитый английский экономический закон «law of diminishing returns»[3] оказывается применимым и к складам. Конечно, все это явления «трений», без которых не обходится большой механизм, а все же...!

Возьмите хотя бы Красный Крест. Это учреждение довольно бесцеремонно бросает общественные деньги, и даже не на дело, а просто на кутежи. В Харбине,

[1] Куроки Тамэмото (1844—1923), японский генерал, командующий 1-й армией.

[2] Здесь и далее, очевидно, при машинописной перепечатке скопировано авторское выделение.

[3] Закон убывающей отдачи (закон убывающей доходности).

в Главном управлении, без особой необходимости 14 ноября было устроено пиршество на «общественные» деньги с дорогими винами, фруктами и конфектами. Сколько должен стоить такой обед почти на двести человек, тогда как тех же сестер милосердия урезывают в содержании почти на каждом шагу.

К чему, например, такие жалованья врачам в Красном Кресте. Младший врач получает 300 рублей на готовом содержании, тогда как младший врач, взятый из запаса в армию, получает 170.

Положа руку на сердце, я нахожу, что 170 р. достаточно, если я смотрю на войну как на общее национальное дело, а не наживу. Но разве имеет право (конечно, моральное) Красный Крест призывать под свой стяг людей, идущих на войну ради наживы?! Я нашел бы вполне рациональным обязать врачей, работающих в Красном Кресте в мирное время (благодаря многим косвенным преимуществам), работать и на войне; тогда была бы очевидна идейность этого учреждения, столь незаслуженно рекламируемая теперь разными корреспондентами за несколько «сребреников».

Не находите ли Вы, что такие учреждения, как Красный Крест, существующие на пожертвования, не должны платить по 10 тысяч рублей жалования Уполномоченным? Между тем, Александровский[1] получает даже до 17 тысяч, а там еще серия — Михайлов, Обрютин и т.д. С какой же стати иметь столь дорогих господ, да еще платить им деньгами, собранными по грошам.

Бросим, однако, это учреждение и перейдем ... ох, боюсь, что Вас утомил. Пожалуй, Вы подумаете, что я страдаю манией писания. Что ж, может быть, Вы и будете правы.

Став военным человеком, я познал, и еще как познал, всю безысходную прелесть канцелярщины. Я стал теперь как боги, по ту сторону добра и зла. Я сделался [пропуск в машинописи] ...ем, ибо познал, как может телеграмма, посланная в армии в армию же, бродить три дня и три нощи.

Я познал, что можно быть представленным к двум орденам и в приятном ожидании провести четыре месяца и... может быть, и не получить их.

Еще секунду Вашего внимания. В газетах пишут, что земства приглашают врачей на замену товарищей в Маньчжурии. Какая ошибочная мысль. Мне кажется, что нельзя брать отсюда людей, привыкших и приспособившихся к делу, без ущерба этому самому делу.

Что касается меня лично, я счастлив, что попал на войну.

В Маньчжурию я влюблен. Экая богатейшая страна. Чего здесь можно было бы понаделать, и притом идейно.

Я, как и все здесь, убеждены, что японцы в недалеком будущем будут сломлены и тогда Маньчжурия будет наша. Попробуйте представить себе такую картину. Маньчжурия взята. Мы замыкаем ее в экономический круг (хотя бы при помощи таможен) и систематически приучаем китайцев к предметам европейской культуры. Благодаря этому является спрос, а с ним, следовательно, и рынок. Наша промышленность, главным образом сибирская, получает могучий

[1] Александровский Сергей Васильевич (1863—1907), весной 1904 г. заменил Ф.Ф. Трепова в должности главноуполномоченного Российского общества Красного Креста.

толчок, и закипает могучая работа, ведущая к экономическому освобождению из цепких лап Западной Европы.

Мои мечты достигают того, что я вижу дорогую Родину заплатившей свой пятимиллиардный долг, могучей и образованной. Какую можно создать здесь промышленность. Возьмите бумажное дело, мануфактурное, сапожное и проч. и проч. Словом, трудно Вам пересказать все то, чего здесь нельзя было бы не сделать. Я непременно после кампании сюда вернусь и поработаю. (Конечно, Вы простите мне надежду на благополучное возвращение. Так тяжело не верить в сладость увидеть свою Родину.)

ПЕРЕПИСКА ЕПИСКОПА Николая: «МЫ БЫЛИ В ПЛЕНУ, МЫ БЫЛИ БЕЗ ДЕНЕГ, И ВСЕ ЖЕ» (1905)

Епископ Николай (Киити Ямадзаки, с 1894 г. Киити Оно, 1872—1956) родился в семье бывшего самурая в префектуре Сидзуоко, Япония. В 1885 г. поступил в Токийскую православную семинарию и крестился под именем Иоанна. В 1892 г. стал катехизатором в Токио, в 1894 г. вступил в брак с Верой Оно, дочерью одного из первых православных иереев Японии Иоанна Сакаи, и принял фамилию семьи жены. В 1905 г. был назначен пастырем лагеря русских военнопленных Хамадера; приведенная ниже переписка относится к этому периоду его биографии. В дальнейшем продолжил карьеру в Японской православной церкви и в период 1941—1946 гг. был ее епископом, а в период 1947—1954 гг., во время раскола Японской православной церкви, возглавлял ту ее часть, которая оставалась в подчинении Московской патриархии. Умер 19 ноября 1956 г.

7 июня 1905 г.

Токио

Русская Духовная Миссия

Русским военно-пленным в Хомадера 4-й двор.

Любезные соотечественники!

Божее благословение, да осеняет вас всегда!

Высылаю вам книги для чтения. Для неграмотных же высылаю азбуки; пусть они непременно пользуются этим совершенно свободным временем, чтобы научиться читать-писать. Грамотных же и образованных, прошу сотворить дело милосердное своим братьям, быть их учителями. Если этих азбук мало, то уведомите, я пришлю сколько нужно. Письменныя принадлежности для обучения писанию всего удобнее покупать поблизости — там в Осака. Узнайте, можно ли это? Деньги я отсюда буду высылать на них, по первому известию о том: насколько куплено или сколько нужно купить. Если же это почему-либо нельзя, то я отсюда буду высылать и письменные принадлежности; в таком случае уведомите меня, на сколько человек надо выслать.

Господь Бог да поможет вам и да хранит вас всех в добром здравье и в мире душевном.

Ваш слуга и богомолец

Епископ Николай

Неизвестный автор: К письму Епископа Николая

Подводя итог, прожитым нами шести месяцам в плену, должен сказать с сожалением, что сделано за это совершенно свободное для нас время, очень мало. Передо мной сейчас письмо Епископа Николая, который обращается к нам с просьбой: всем грамотным людям помочь своим малограмотным товарищам в самообразовании. Он дает нам учебники и тетради, т.е. все необходимое, и те-

перь уже отказаться нельзя, и сослаться нам на то, что не на чем писать и не по чему учиться. Прошло шесть месяцев, а мы все не знаем, сколько осталось времени быть нам здесь. А что, если придется просидеть здесь еще порядочно времени? Как же будет стыдно [слово зачеркнуто] не постаравшись сделаться грамотными и опять явившись в Россию, смотреть на русскую газету и русскую книгу с таким же удивлением и так же не понимая их, как на виденныя нами в первый раз в Китае их кумирни с идолами. А время все идет — и в книгах, и в газетах теперь появилось много нового. Сам Государь призывом своим: «Правды» одной только правды требую от книг и газет! — дал возможность появиться ей перед всеми, а мы, вернувшись в Россию опять безграмотными, не можем прочесть этой великой «Правды». А что же может быть лучше на свете, как правда истина!!!

Россия теперь старается наверстать потерянное: школы, училища, серьезно берутся за дело образования, все стремятся в школы и не только за тем, чтобы знать свою родину Россию, но война затронувшая другие стороны жизни, заставила нас вздрогнуть и оглянуться, и люди хотят знать, как живут и развиваются другие государства. Особенно интересуются Японией, потому что война в настоящее время идет с ней. А как же теперь мы? Мы приедем в Россию после долгого отсутствия из нее и приехавшие не грамотными, мы не узнаем ее! Да мало этого, а может случиться, что и она не узнает уже нас, она опередит, уйдет дальше. Вот где беда! А всякому приятно приехать на родину, особенно бывши за границей, и приехать лучше, чем был. Всякий захватывает какой-либо подарок, а мы, пленные, можем привезти ей самый лучший дар: это наша грамотность. Что может быть лучше этого? Так пишет нам и уважаемый наш просветитель Японии, Епископ Николай. Приехать домой более развитым, более понимающим приятно всякому из нас, а это может сделать одна только грамотность.

Человек чего не может видеть сам, он пополнит это, прочитав в книге. Да, господа, время много и оно идет не только безполезно, но и многим кажется даже очень длинным и скучным, и только у человека занятого, у человека за работой оно летит незаметно. А работать в плену мы можем только одно, учиться, учиться и учиться.

А грамотным — учить своих товарищей. Вот что пишет Епископ Николай! Мне может быть возразят, что где же всем учиться? Где место для этого? В школе, которая уже существует у нас и основана двумя энергичными людьми (большое им спасибо за это), всем места не хватит. А заниматься в бараке, где говор, смех и шутки, — невозможно. Но я возражу на это, да и каждый из нас поймет, что все возможно при желании. Стоит только пожелать и человек всего достигнет! Положим, что нас [здесь] в этом дворе 10,000 человек, ведь в России это огромный уездный город! Вот если мы дадим по одной копейке, то получится сто рублей, дадим по две и получится цифра 200 рублей. Японские подрядчики устроят нам за эти деньги отличное помещение — вроде навеса. Здесь стен не нужно — тепло, сюда может всякий приходить и заниматься, а учителя уже найдутся, только было бы где собраться желающим. «Вдруг мы уедем?» Скажете вы мне, ведь это придется все бросить? Я скажу вам, что нет, нет и нет! Ваши деньги не брошены зря! Во-первых, с нас со скидкой за все это возьмут, они же подрядчики, а если бы эта постройка и осталась, то мы потеряем каж-

дый по две копейки, самое большое по 5 коп. и только! Но ваша надпись над крышей: «Русская школа» — останется в Японии. Слух об ней будет в печати. На нее будут указывать: что это пленные на свои гроши выстроили школу, т.е. нищие отдали на образование все, что имели. И вы через японскую печать уже заступитесь за русских и Россию, которых привыкли называть «не умытыми и необразованными».

«Нет! — крикнете вы. — Мы в плену делали все, что могли!» Наша школа, наша русская школа стоит в Японии, в Хомадера. Мы были в плену, мы были без денег и все же выстроили ее и учимся в ней...

Русский

17 июня 1905 г.

Почтенные и дорогие Соотечественники!

В письмах, получаемых мною от многих из вас, чаще всего встречаются просьбы прислать молитвенник и Евангелие. Меня всегда радуют такие просьбы, как показывающие благочестивое настроение просящих. Но, к сожалению, я далеко не всех мог удовлетворять: в миссейской библиотеке просимыя книги истощились, из России их получается недостаточно. Чтобы не оставить благочестивых желаний и просьб без исполнения, я решился здесь напечатать: «Краткий молитвослов и Евангелие». Молитвослов готов и ныне разсылается.

Прошу всех Г.г. офицеров и нижних чинов, между последними грамотных и еще не успевших сделаться таковыми, принять по экземпляру, на благочестивое употребление и душевную пользу.

Токио

Епископ Николай

19 июня 1905 г.

Токио

Русская Духовная Миссия

Русским военнопленным 4-го двора

В Такайси-Мура Осака-дзу

Дорогие соотечественники! Божье благословение, да осеняет всегда всех Вас. Деньги: сто пятьдесят рублей я получил и с радостью употребляю их сообразно вашему желанию: немедленно напишу в Петербург, чтобы там соорудили икону «Святого Алексия» с надписью: отцу Алексию Савабе от благодарных нижних чинов Артурцев, в память плена. Не думаю, чтобы икона получилась пока вы находитесь здесь, немало времени нужно туда и оттуда, да на сооружение самой иконы в Серебряной ризе и киоте, но она непременно получится, и будет доставлена отцу Алексею, — в этом вы можете быть уверены. Мне весьма приятно, что о. Алексий своею службою заслужил такую любовь вашу и что вы так свидетельствуете ему это. Господь да помогает Отцу Алексею с большею и большею душевною для вас всех пользою, совершать свое священнослужение у вас и, вас всех да хранит в здравии телесном и бодрости душевной.

Ваш брат во Христе, Слуга и богомолец

Епископ Николай

ПИСЬМА РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: «НАХОЖУСЬ РАНЕННЫЙ, ОТОРВАЛО ПАЛЕЦ. ПРИШЛИТЕ ДЕНЕГ» (1914—1915)

Приведенные ниже письма поступали в течение 1914—1915 гг. в Казанскую губернию и в течение 1916—1917 гг. были собраны и подготовлены к публикации представительницей одной из дворянских семей Казанской губернии Еленой Владимировной Молоствовой, действительным членом Русского географического общества. Авторство писем не установлено.

20 сентября 1914 г., Иван К. — родителям

1914 года, сентября 20-го дня, Венгрия.

Письмо дорогим моим родителям от сына вашего Ивана Ивановича. Кланяюсь я вам, дорогие родители тятенька и маменька, унижающее почтение и с любовью низкий поклон. И желаю я вам от Господа Бога добра здравия и всякого благополучия. Еще, дорогой тятенька, я вам извещаю, что я ранен в руку левую пулей, прошибло 4 пальцев. 24 августа ранен и взят в плен под Люблиным. Сейчас лежу в лазарете, рука моя подживает. Еще, маменька, я больно хворал, 10 дней нечего не ел, думал помру, теперь выздоравливаю. Много горя я видел, 9 раз был в боях, денег нет у меня, ни копейки нет, здесь жалованья не дают нам. Иленька, пришли мне хоть два рубля денег, я тебе заплачу. Еще пропишите мне, тятенька, где брат Леска, жив или нет, и зять Иван, пропишите все подробно, что у вас нового и кого угнали на войну и забрили новых молодых рекрутов. Пожалуйста, как можно поскорее. Нахожусь в Венгрии, в городе Естергоме, в семинарии. Пишите правильно, чтобы написал Мишка наш. Что у вас слышно про войну, скоро замиренье будет или нет?

Ваш сын Иван К.

Без даты, С.А. — родителям

Здравствуйте, дорогие родители, от сына вашего Степана Андреевича, прошу я у вас мир-родительское благословление, которое может существовать по гроб нашей жизни. Нахожусь я в плену в Австрии. Нахожусь раненный, оторвало палец. Пришлите денег.

Адрес по-немецки. С. З.

Без даты, автор неизвестен

Ваше письмо получил, пишите чаще. Посылки присылайте чаще — сухарей ржаных и денег. Жду ваших денег и посылок.

Германия, Минден, лагерь военнопленных

Без даты, автор неизвестен

Здравствуйте, дорогие мои сороднички, батюшка Егор Ильич и матушка Анна Семеновна и всему вашему семейству шлю вам вообще по низкому поклону. До-

рогие сороднички, посылку я вашу получил на другой день Рождества Христова и очень был рад, и очень вам благодарен, дорогие сороднички, и прошу вас, чтобы вы слали мне черных сухарей как можно чаще, раза три в месяц, и табачку. Затем до свиданья, остаюсь жив, того и вам желаю.

Немецкое 12 число, а наше 29. Саксония. Кенигсбрюк.

30 сентября 1915 г., автор неизвестен

Уведомляю Вас, мои дорогие, что я, по милости Божьей, жив и здоров, находясь в плену в Австрии, попал 27 апреля. Настоящее письмо пишу четвертое, но от вас не получал. Письмо пишите не открытке и пошлите 10 рублей денег, больно нуждаюсь. Живу без копейки. До свиданья. Дорогим деткам мое благословление.

Город Кнительфельд. Австрия

Без даты, автор неизвестен

Здравствуй, многоуважаемое мое семейство, а особенно многолюбящие мои детки, шлю вас из далекой Австрии свое родительское благословление, которое может существовать по гроб нашей жизни, и несчетно раз целую вас, и уже не верится, что придется увидать вас. Особенно писать нечего. Одно меня беспокоит, что я, видно, совсем забыт вами, не знаю только, за что это. Вы пишете, что мое письмо дошло первое, и, видно, оно нисколько не поколебало ваши окаменелые сердца. Все мои товарищи уже получили по второму письму и ждут в настоящее время в скором времени денег и посылок, а вы, видно, с ними вместе сочли за расчет написать мне второе письмо, нетоли послать с ними вместе денег и посылку. Видно, вам живется хорошо, но при хорошем житье советую думать и о том, кому живется хуже вашего.

До свиданья. Остаюсь жив и здоров, и еще напоминаю, не забывайте о том.

31 декабря 1915 г., автор неизвестен

Дорогое мое семейство, уведомляю вас, что получил из дому второе письмо 22 декабря, в котором вы пишете, что послали мне посылку и 3 рубля денег, за что сердечно благодарю. Но только денег очень мало, шлите больше, и шлите чаще посылки, а пуще всего еще письма и прописывайте, что делается в дому. Не пишите поклонов, а пишите, что делается в дому. Може, Господь смилуется над нами, грешными, може, и вернусь на родину. До свидания. Очень соскучился об ребятах, уже и не верится, что придется их увидать.

31 декабря 1915 года. В.Н. Австрия, город Книт[т]ельфельд, лагерь военнопленных

Василий Позняк: «Я И НА ТОМ СВЕТЕ БУДУ СЧИТАТЬ, ЧТО Я ВАМ ДОЛЖЕН» (1915)

Биографическую информацию об авторе писем, к сожалению, установить не удалось.

21 декабря 1915 г.

Письмо от известного вам вашего благодетеля Василия Кузьмича Позняка — кузнеца, дорогому своему дяде Федору Андреевичу и дорогой тете Раизе Павловне. Поздравляю я вас с Высокоторжественным Праздником Рождеством Христовым, и посылаю я вам свой сердечный поклон, и также низко кланиюсь я другу Михайле Андреевичу, и еще от меня Исааку Симоновичу и супруге вашей Феодоровне и наследникам вашим. Поздравляю я вас с высоко торжественным праздником Рождеством Христовым, и прошу я вас, Исаак Симонович, /не во гнев/ прими же от меня мой сердечный поклон, и желаю вам от всевышняго Бога доброго здоровия, скорова и счастливого успеха в делах рук ваших. И еще низко кланяюсь я своему другу Василию Николаевичу и супруге, и деткам вашим желаю от всевышнего Бога доброго здоровья, и еще много-много кланяюсь я всем любящим Барашанцам и желаю я вам всем от Бога доброго здравия и счастливого успеха. И еще уведомляю я вас, что я нахожуся на военной службе в городе Ишиме, и мне служба не очень тяжела, но только не в кузнице, а в строю обучаю ратников, так как я младший урядник, то есть, по пехотинской, младший ундер-

Раздача подарков в 31-м Сибирском стрелковом полку. Январь 1916 г. Из фондов Красноярского краевого краеведческого музея

Разгрузка санитарного поезда у распределительного госпиталя. Фото П. Павлова. М., 1916. (Альбом деятельности Московского городского управления по организации помощи больным и раненым воинам и семьям призванных, 1914—1915 гг. М., 1916)

офицер. У вас я был ничто, а по службе я усетаки начальник, но только плохо, что харчи плохие, и плохо одеют, до сих пор в своем полушубку и сапогах. И еще я вас прошу Федор Андреевич и Раиза Павловна, и вас, господа друзья, можеть, у кого милость будя, то пошлите мне денег, хотя в долг, руб. 3, а я, как даст Бог, вернуся, то с большой благодарностью отдам более. Я на вас, Федор Андреевич, буду надеяться, что вы моей прозбы не откажете. Я не надеюся сам на себя, чтобы ваши деньги пропали на мне, но как я пропаду, то и деньги ваши пропадут; но я и на том свете буду считать, что я вам должен. Затем и прощайте от сего письмо. Остаюсь жив и здоров уважаемый вас ваш друг Василий Кузмич Позняк.

Адрес: Город Ишим Тобольской губ. 711-ю Томскую пешию дружину 5-го роту 2-го взвода мл. ун. офиц. /подпись/

ПИСЬМА СОЛДАТ: «ПЕРВЫМ ДОЛГОМ ПОСТАРАЙТЕСЬ ПРИБАВИТЬ ЖАЛОВАНЬЯ» (1917)

Письма, помещенные в данной выборке, были опубликованы в 1927 г. в сборнике «Солдатские письма 1917 года» под редакцией Ольги Нестеровны Чаадаевой, позднее видного советского историка большевистской партии в дореволюционный и ранний советский период. Письма были адресованы в Петроградский Совет и ВЦИК; приведенная ниже выборка охватывает период с апреля по сентябрь 1917 г.

Апрель 1917 г.

Письмо из действующей армии господам солдатским депутатам

Господа депутаты, просим мы вас, все солдаты, которые находимся в действии: 1-м долгом постарайтесь прибавить жалованья. А потом, кто был из вас на позиции, знает, что нужно солдатам: обязательно нужно пищу улучшить, обувку, одевку. Вам там теперича, братцы, хорошо: вы не видите грязи, не видите воды. Вы сухие и чистые. Вы выработали только для себя хорошо, но для нас мало... Хотя есть немного хорошего. Наших кровопийцев всех позасажали. Ну, мы это сочувствуем. Только это ваше и улучшение для нашего брата. А больше ничего нету. Еще мы, братцы, рады новому правительству. Не думайте, что мы не рады, ежели бы мы не были рады, то бы присягу не стали бы принимать. А то нам как только сказали, все мы со всей радостью пошли присягу принимать. Ну только одно вот. Мы стоим уже 7 месяцев на одном месте, и смены нету. Для нас мы опять же ничего на это не имеем. У вас там вольные депутаты захотели по 8 часов в сутки работать. Нет, чтобы 16 часов работать, — больше пользы для нас сделать. Раз хотите воевать до победного конца, то, братцы, надо всем стараться, а не за спиной своего товарища защищать родину. Равноправие — так для всех равноправие, а не так, чтобы я живу хорошо, за сутки 8 часов работаю, а другой пусть пропадает. Притом же и деньги получают. Господа депутаты, просим вас: ежели кто только не знает нашу жизнь, то пусть приедет и посмотрит, как мы живем, и спросит нас, какие наши дела. Мы ведь только считаемся за солдат, но мы уже без ног и без спины. Мне двадцать третий год, но я не стою 60-летнего старика. Просим вас, пожалуйста, обратить внимание, еще скорее выгоните оттуда полицию. Пусть они посмотрят, как здесь матушка пехота страдает. Ежели хотите найти того человека, кто писал, обратитесь в ту дивизию, где начальник дивизии кровопиец. Затем ежели приедете посмотреть, как мы живем, то приходите на первую линию, тут все увидите.

Июнь 1917 г.

В Петроград рядовой Е. Чудинов

Заявление ратника Чудинова

Солдатских и Рабочих Депутатов

Покорнейше прошу вас принять к сведению мое заявление. Я, Чудинов, как свободный гражданин, имею право входить в интересы крестьян и прошу вас, чтобы вы постарались прекратить повышенье цен на все товары, потому что чуть не с каждым днем подымаются и на все цены, начиная с фабрик и заводов и кончая купцами и кулаками, и все стали драть вдесятеро, а на них глядя, вздорожали все продукты крестьян. Я в этом хорошо уверен, потому что, когда я был в деревне, то на моих глазах все начиналось: как только начал дорожать фабричный товар, то, на них глядя, начали драть и крестьяне, и, на это глядя, стали драть и рабочий народ и просить прибавки. У нас в Тамбовской губернии жилось очень хорошо, но по старым ценам и все были счастливы, только и мучило одно малоземелье, так как у нас больше половины земли было в господ, которые захватили в прежние годы. Затем прошу со слезами вас принять строгие меры и поставить прежнюю на все товары цену, в деревнях тоже всю работу по старой цене. У нас прежде работали пахали землю 6 руб. за десят., теперь 25 руб.; убирали 7 руб., теперь 25 руб.; лапти плели 15 коп. за пару, теперь 1 руб.; молотили 50 коп. за пару, теперь 1 руб. 50 к.; мололи мельнику 20-ю меру, теперь 7-ю дерут меру и делят хлеб пополам с бедными крестьянами. А особенно трудно солдаткам; потому что за все нужно платить — за пахоту и уборку, за молотьбу и за помол, потому что готовый хлеб делит с нею мельник, и все говорят, и себя оправляют тем, что нет рук. Если некому работать, то и за дорогую цену не будет, и за все должны отдуваться солдатские жены. Неужели за то, что их мужья сидят в окопах, теряя здоровье и каждый час ожидая смерти, и очень довольны тем жалованьем, которое положило новое правительство, 7 руб. 50 коп. А им в тылу армии все мало, этим проклятым богачам, которым и так за войну набили карманы. Прошу вас, новые правители государства, и на вас надеюсь, что вы прекратите этот грабеж и поставите на все прежние цены. Еще прошу обратить внимание на милицию. У нас все ропщут солдаты, зачем это допущено: купецкие дети служат милицией и евреи и им положено очень хорошее жалованье, там каждый раненый солдат согласится служить за 7 руб. 50 коп., — они и должны там находиться, а этих купчиков — их нужно послать в окопы, и евреев тоже, а то их вовсе нету на фронте. Я много видал: только покажется и потом уезжает вскоре на комиссию и лезет к русскому: я-де твой товарищ и тоже гражданин. Прошу обратить на них внимание, и я с ним никогда не буду товарищ. Еще прошу вас выслать постановление, чтоб каких мы изберем в делегаты, чтобы они потребовали из села аттестат, а то мы можем, в чем ошибиться, потому что у каждого адретоль [так в оригинале] только и видим солдат и больше ничего, и под серою шинелью могут быть волки в овечьей шкуре, лаская нас. Прошу покорно на все обратить внимание и пожалейте бедных крестьян, спасите их от разоренья.

14 июля 1917 г.

От нашей вкрайны Юго-Западного края

Наши вкраинцы прежде жили за старого права у руках богачов-помещиков. Так они вже поступали и з намы беднякамы, что мы вже не могли этого пере-

носить, змущались над нами. Даст бог весну, — идем богачам работать; сперва они назначают нам цену по 25 коп. у то время, когда семенят землю, потом обсеменят землю, начинают полоть свеклу, назначат цену тоже по 25 коп., потом, как собирают хлеб, была какая цена назначена полно рабочему — 45 к., а там остальным — по 30 коп. и 35 коп. Ну, кто-нибудь попросит у пана богача: это для нас мала цена, назначите нам, пане, большую немножко цену, хотя по 50 коп. А пан, правда, не отказуется, говорит: дам большую цену, сейчас садится на стол и пишет приставу протокол и сейчас же приказуе своему савули заседлать коня и отвести пакет приставу. А пан пишет у пакети, что [не] такых-то два или три человека просили, чтобы пан назначил большую цену, а пишет приставу, что такие-то роблят бунт. Сейчас же у то время выселае три или четыре барбоса, и приезжают и опрашивают, которы то бунтуют. Нет, господа стражники, мы не бунтуем, только мы пан просили, чтобы пан нам назначил хотя по 50 коп. Барбосы этого не слушают, только сейчас забирают этик три или четыре человека на зборню, бьют, а он водою отливает. А священники-космачи и еще богачам подсобляли, что мужиков быйти, чтоб они нас боялись и священники держали сторону за богачами. Как же они не имели держать стороны, как у попа сорок или пятьдесят штук скота на обори. Земство забирало у нас бедняков скот: кто имеет одну телушку, рад бы дождаться из ее коровки, то приедет земский начальник з барбосами тай забирают половину даром, — стоит тылушка 150 руб., дадут 70. А хто-то был в земстве? Паны да попы. У попа и у пана не забирали; у бедняка есть одна пара волов, то земство забирает одного вола, а другого оставит, то пан или поп у земства меняет, дает за хорошего вола негожую ему скотину тай меняет. Но сейчас, слава тебе, господи, усе это кончилось, настало тяжелое и смутное время на: ваших богатых панов, и попов, и жидов.

Спасибо нашему новому временному исполнительному правительству, что оно нас, бедняков, освободило от богачов. Конец богу — слава, а нашему новому временному правительству честь и похвалу и многие, многие, многие лета.

Писал запасный солдат, трудился за японской войны, отроду 50 год, Демья н Романов Губелюк.

24 сентября 1917 г.

В редакцию Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Путь избавления от финансового кризиса. Можно ли избавиться от финансового кризиса выпуском новых бумажных денег?

Нет, товарищи, это для каждого вполне ясно и понятно, что этим путем финансовый кризис в стране не уменьшится, а, наоборот, более увеличится, и впоследствии все эти вновь выпущенные красивые бумажки отзовутся на наших же плечах.

Не лучше ли, пока не поздно, обратить золото, серебро, и драгоценные камни на нужды войны и свободы, которых в данное время, полно в каждой церкви и монастыре.

Ведь это не будет называться святотатством, если мы поснимаем золотые и серебряные ризы с камнями с икон, заменим золотые и серебряные кресты, сосуды и вообще всю церковную утварь другими, из металла более дешевого.

ГРАЖДАНЕ!

Жертвуйте 16-му Артиллерійскому Парку.

Деньгами, лошадьми, повозками, сбруей, бѣльемъ, мануфактурой, сапогами, кожей, табакомъ, мыломъ, инструментами: кузнечнымъ, сапожнымъ, шорнымъ, столярнымъ.

Пожертвованія принимаются въ Управленіи Парка, на Спасской улицѣ, въ домѣ № 3-й.

И. д. Командира Парка,
Подпоручикъ Тряпицынъ.

Дѣлопроизводитель,
чиновникъ воен. врем. Николаевъ.

Тобольскъ. Губернская Типографія.

Листовка времён Гражданской войны. Тобольск, сент.-окт. 1919 г. Из фондов РНБ.

Религия наша от этого нисколько не изменится, и не должна измениться, раз религиозный человек твердо, верил святым угодникам в золотых и серебряных ризах, то он, без сомнения, будет верить тому же святому угоднику, изображенному на чистой доске, без драгоценных украшений.

Хотя, на первый взгляд, для каждого православного человека эта картина покажется и печальной, но для кого дорога родина и свобода, тот ничуть не задумается над этим.

Товарищи, может быть, для некоторых это и неприятно, но это самый кратчайший путь к избавлению от финансового кризиса.

Солдат В. Миронов, Д. армия

ЖЕНЫ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ: «Я В ПОСЫЛОК ПОЛОЖИЛА В ПАЛЕЦ В ПЕРЧАТКУ 12 РУБЛЕЙ ДЕНЕГ» (1939)

Владимир Михайлович Зензинов (1880—1953) до Октябрьской революции 1917 г. был видным членом эсеровского движения. Избран в Учредительное собрание, в 1918 г. участвовал в вооруженной борьбе против большевиков, с ноября того же года в иммиграции. После начала советско-финляндской войны 1939—1940 гг. приехал в Финляндию для сбора информации о ситуации в СССР. Столкнувшись с нежеланием финляндских властей предоставить ему возможности для интервьюирования советских военнопленных, Зензинов сосредоточился на копировании писем, подобранных финскими войсками с тел убитых советских военнослужащих. Собранный материал он опубликовал на личные средства в Нью-Йорке в 1944 г. Материалы Зензинова хранятся в Бахметьевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке.

15 ноября 1939 г., Анастасия Орлова — Степану Орлову

Добрый день, веселый час, пишу письма, не вижу вас. Здравствуй, дорогой мой муж Степа Иванович. Кланяется ваша жена Анастасия Кондрат своему дорогому своему мужу Орлову Степану Ивановичу, и еще кланяется ваша дочь Орлова Мария Степановна своему дорогому папушке Орлову Степану Ивановичу, и еще кланяются Павлик, и Таня, и Коля Коля малинька своему дорогому папушке Степану И. Дорогой мой муж Степан Иванович, мы ваше письмо получили, за которое очень благодарим. Дорогой лапушка, мы ваше письмо получили 15 ноября и писали 15 ноября. Дорогой мой муж, ты пишешь, что надо ли доверность, а мне доверность не надо, у меня деньги получено 300 ру 17 руб [так в тексте. — *Ред.*]. Дорогой мой муж, ты мне прислал справку, а мне она не надо, я уже получила 72 руб. Мой дорогой Степушка, деньги у нас есть, если надо, то пиши, я пришлю. Дорогой мой муж, ты пишешь, что как дети слушают. Ребята покамест все слушают, а дальше больше не знаю, как будут, а я бы тебе написала бы, но пускай не напишу, пускай, когда придешь сам дамой. Дорогой степа, я не знаю, как будем жит, я все время на работе с шести до десяти, то [нрзб.], то за сеном ездили. Собрание было и сказали, что и мужскую работу работать, а если будешь отпираться, то неочиски, и до того дошла, что и ноги не пошли. Дорогой Степушка, теперь и обуви нет, все разорвались. До свидания.

Дорогой мой муж, пиши чаще, мы твоих писем получили только два, а мы посылали 4 письма. У нас здесь Лангуев был, приехал домой на два дня и обратно скоро пойдет.

25 ноября 1939 г., Александра Колесникова — Николаю Колесникову

Пущена письмо 25 ноября 1939 год.

Письмо от известной вашей супруги Колесниковой А.Н. Пишу своему дорогому Коле. В первых строках моего письма я стараюсь передать свой низкий

сердечный привет дорогому своему Коле. Коля, еще тебе низко кланяется сынок Виктор Николаевич своему дорогому папе. Дорогой мой Коля, теперя я тебе пропишу свою жизню. Коля, моя жизня неважная, и, сказать, совсем плохая. Коля, живешь так, от горя некуда деться, и вообще у нас жизня очень плохая, и хужей быть некуда. Коля, а твоя жизня еще хужей моей. Коля, письмо я твою получила и кричу каждый день, и так об тебе думаю. Дорогой мой Коля, дажно я тебя болтай не свижу, Коля, ты бы мне хоть бы прислал карточку, я бы на тебя поглядела, а то добре скучилась по тебе и дюжа-дюжа скучилась. Коля, налоги наклодают очень большие. Коля, но с меня не спрашивают ничего. Коля, в колхозе у нас ничего не дали. Коля, я тебя прошу, как не могу, пришли ты мне свой пиджак, а то мне носить нечего, пальто моя стала вся худая. Коля, валенки я себе подшила, отдала 10 рублей. Коля, папа работает в Горочевке, мама отдохнула. Дорогой мой Коля, была я с сынком у наших у праздника у Михайлова дня, ночевала у них три ночи, они меня привечают. Коля, почему ты мне так редко шлешь письмы? Коля, жду я жду, и никак я от вас не дождусь письмо. Коля, ты мне пишешь, Шура, что, народу много у вас взяли? Коля, народу у нас взяли пока мало. Коля, Ванька́ взяли тоже в армию. Коля, ты мне пишешь, Шура, не забудь меня. Коля, тогда я тебя забуду, когда мои глазки закроются. Коля, ты мне пишешь, пришли мне Митрошкин адрес. Коля, я бы тебе прислала, он уже 3 месяца не присылал письмы. Коля, больше писать пока нечего, остаюсь жива-здорова, и того тебя желаю.

Пущена письмо 25 ноября 1[9]39 г. Коля, как твоя служба? Пропишу я вам, сообщаю, Витюшка стоит один, зовет няня и дядя, я сижу с Витей хорошо. Коля, учусь я хорошо. Мама родила девочку мертвую, сама осталась жива. Витек болел [нрзб.] отдохнул. Папаша работает в РАЙОНО, получает 250 рубль. Коля, пришли мне ответ. Писала Прокошина Лидия Порфирьевна.

29 ноября 1939 г., Матрена Никифорова — Егору Никифорову

Доброй день,

Здравствуй, дорогой супруг Егор Васильевич, с приветом к вам ваша супруга Матрена и дети Юра и Тамара. А теперь сообщаю вам, Егор, что письмо я ваше получила, за которое и спешу вас поблагодарить. Получила 1.12.39, которое у тебя писано 18.11.39. Теперь пишу, что в настоящее время мы здоровы, только Тамара болела пять дней, но сейчас поправилась, опять ничего. Юрик сейчас уж не на самолете к папе собирается, а на своем коне, я ему в магазине купила наган за 1 руб. 40 коп. Сядет на своего коня с наганом в руках и скажет: я поеду на коне с ружьем к папе воевать. Так, Егор, я пособие на детей получила полностью за сентябрь месяц, начислили с 18 числа 32 руб., а за октябрь и ноябрь получила по 80 руб. Получила только еще 28 ноября, так с л/п справки не могла дождаться, потом сходила в райисполком, сказала, что долго ли я буду ждать справки, когда они мне вышлют, люди уж по третьему разу, а я все еще не разу не получала, и мне как-то надо жить с детями. Потом из райисполкома сообщили по телефону в бухгалтерию лесокомбината, что выдать справку, я сходила, мне справку выдали, и еще взяла в военном столе справку и справку из поселкового совета, да заявление сдала, и кряду начислили и выдали деньги.

Финская листовка периода советско-финской войны 1939—1940 гг. Автор неизвестен. Из коллекции Библиотеки Хельсинского университета.

Вот еще, Егор, у нас в бараке хотят забирать заборки, сегодня уж возят доски и опилок. Попов приходил, распланировал на 4 комнаты и кухню, еще хотел поместить четвертую семью, но мы против этого, и он с нами согласился сделать на три комнаты и кухню. Дядя Петро ходил в военный стол несколько раз, так [на] Попова нажали со всех сторон, он сейчас забегал. Егор, опиши писали письмо домой, взят ли нет Яшка в армию. Я еще не написала не одного письма, и писать не смею, скажут, когда Егор был дома, так тогда не писала, а Егора забрали, так тогда писать стала, так и не пишу. А тетке от бабушки тоже письма редко ходят нынче. Харитонову Якову было письмо от Насти, там Яшкин дом продавают, и еще звать там какие новости — у Латухина Ванька парнишка застрелили свою матку Машу. Застрелил не до смерти, Ванька повез в Онегу, но она дорогой умерла, а больше ничего не слышно нового. Егор, вы еще пишете, что как мы попадали из Кустарихи — мы попали ничего, хорошо, я сначала вещи все погрузила на матаца, а сама с ребятами приехала на боте «Мателомина». Анна поехала домой, так она мне помогла с ребятами с бота [нрзб.] за биржу, и она у нас жила три дня. Она уехала домой и больше сюда не вернулась. Вот еще, Егор,

я там в Кустарихе заплатила профсоюзные и взяла у Петьки Горчакова учетную карточку, а здесь еще не платила и не знаю, платить или нет мне. Пиши, Егор, что которое письмо у тебя. Писано 31.10.39, я получила 21.11.39 и кряду отписала 22 отсюда, отправила до Кандалакши с попутчим, здесь приезжал оттуда от вас, позабыла, как ему фамилия, а звать Осипом. Он тогда же уехал с вами вместе, я к нему ходила, он сказал, что мы не все в одном месте, но недалеко, письмо у меня взял он. Приезжал — был вызван телеграммой по уважительной причине, дочка болела его, отпустили на 10 суток, он здесь жил пять дней на месте. Егор, опиши, получил или нет то письмо. Опиши, сейчас сюда почта ходит редко, пароходы уж не ходят, так то и бота сейчас, нескоро и письмо отправишь. Еще, Егор, вы пишете, что где находится Вася Харитонов, — Вася находится в Монголии, тоже письма ходят редко, и отсюда с мая месяца только еще два письма получил, и посылали посылку, тоже обратно пришла. Егор, я тебе тоже хотела послать теплые носки и рукавицы, но люди посылали многие, да все приходят обратно, так и я отдумала посылать. Писать больше нечего, пока. До свидания, Егор. От сего письма остаемся здоровы, чего и вам желаем

Никифорова М.М.

Ждем ответа.

30 ноября 1939 г., Нюра Жуликова — Николаю Жуликову

Письмо пущено 30 ноября 39 года. Письмо от известной вашей супруги Нюры. Во первых строках моего письма низко кланяется супруга Нюра, и еще низко кланяется дочка Нина. И желаем мы тебе всего хорошего прожить на белом свете. Теперьче, дорогой Коля, способию я получила только за один месяц, я ходила три раза в Горочевку насчет пособия, получила только 60 рублей. Дорогой Коля, не знаю, будут они мне каждый месяц платить, это я не знаю. Теперьче, дорогой Коля, я тебя послала посылок 26 ноября. Дорогой Коля, как получишь, пропиши. Дорогой Коля, я в посылок положила в палец в перчатку 12 рублей денег, это мы положили для испытка, а как получишь посылок, я тебя пришлю еще рублей тридцать. Дорогой Коля, я буду получать способию и буду высылать тебе, если тебе плохо. Коля, кроме я ведь нигде не заработаю, мне от дочки Нины ходу нету никакого. Теперьча, Коля, нам из колхоза топку давают, я отстарала, только привесть некому. Ты сам знаешь, какой отец: промолчит, да только скажешь, он промолчит, да и только сама шаркаешь, то в колхоз, то туда, а топку мы еще не привозили. Тимонька Грозинов дома, в армию не взяли, он сшелся с женой. Дорогой Коля, Колька Головин служит в армии, и Яхима шикарный, у нас тут ребят теперь нету никого. Дорогой Коля, добре мы по тебе скучаем. А дочка Нина большая растет, полозить начинает, я только ей и утешаюсь. Коля, к масленой у нас корова отелится, только горе, тебя нету. Знать, мы и тебя не дождемся.

Дорогой Коля, пропиши, почему ты нам редко, пропиши, будешь ты мне письма слать или нет, можбыть ты на меня обижаешься, я все глазки испровертела, почтальона гляжу. Больше писать нечего, за тем до приятного свидания, как получишь письмо, пиши обратно.

Григорий Казанцев: «МНЕ ДЕНЬГИ НЕ НУЖНЫ, КУПИТЬ НЕЧЕГО И НЕГДЕ. ОДНА ТАЙГА» (1940)

Григорий Федорович Казанцев (1914—1940) родился в с. Новиково Бийского уезда Томской губернии. В годы Зимней войны служил в звании старшины 247-го мотострелкового полка 37-й мотострелковой дивизии. Погиб 26 февраля 1940 г. в районе с. Ууксу (сейчас Питкярантский район Республики Карелия).

10 февряля 1940 г.

Здравствуй Нюся,

с приветом к вам ваш муж Гриша. Нюся я в настоящее время пока жизнь вся в порядке, доехали [нрзб.], ехали очень долго 13 суток. Заехали в глухую тайгу и глубокий снег, жизнь проходит сама знаешь какая в тяжелых условиях и суровой тайге.

Нюся, я очень скучаю об вас, и [нрзб.] жизнь меня еще заставляет больше думать о детях, о тебе и о маме. Но ничего, разобьем финнов и я приеду [нрзб.] и будем жить и наслаждаться друг другом.

Нюся очень жаль что я об вас ничего не знаю как вы живете хорошо или плохо, и вообще что произошло нового хорошего хочется знать.

Нюся я вам послал с дороги письмо и телеграмму. Получили вы или нет?

Нюся, как получишь письмо пиши ответ поскорее. Я очень беспокоюсь. Еще сообщаю о том что не сегодня так завтра мы вступаем в бой с врагами белофиннами.

Нюся если будет возможность написать вам еще письмо напишу. Ну а если не удастся писать [нрзб.].

Нюся если я к вам не вернусь живой самостоятельно не кидайся за [нрзб.], воспитывай сына и дочь.

Нюся если будет новорожденный то имя дай сама. Только хорошее и напиши мне обо всем как пройдут роды и кто родился.

Нюся пришли мне фотокарточку, я хотя на тебя посмотрю.

Нюся только прошу пиши поскорее и опиши обо всем. Взяли или нет Федора, Михаила и Ивана в армию или нет?

Пропиши о себе как живешь [нрзб.] скоро или нет. [нрзб.] до свидания. Пиши ответ по адресу:

Действующая Красная Армия, военно-сортировочный пункт № 2, полевая сортировочная станция № 377, 247 с.п. 3-й б.н. взвод снабжения Казанцеву Г.Ф.

Нюся в части денег. Как только будет возможность обязательно вышлю. Мне деньги не нужны потому [что] купить нечего и негде. Одна тайга.

ХЛЕБА И ВЕТЧИНЫ ДОСТАТОЧНО В ФИНЛЯНДИИ!

Хороша еда для пленных и здесь ее много!

ДОВОЛЬНЫ И СЫТЫ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ!

Финляндия соблюдает, в обращении с пленными, все правила предписываемые международным договором.

3 раза в день едят пленные до отвала. Они получают различные сладости, хлеб, масло, молоко, мясо, кашу и т. д.

В Финляндии никогда не будет недостатка в продуктах.

Товарищи! Зачем дольше терпеть собак политруков, гонящих вас голодными и замерзшими на смерть? Смерть им.

Товарищи! Винтовку за плечи дулом вниз и с поднятыми, в знак сдачи, руками переходите на финскую сторону. Следуйте примеру тысяч ваших товарищей.

Финская листовка периода советско-финской войны 1939—1940 гг. Автор неизвестен. Из коллекции Библиотеки Хельсинского университета.

Постараюсь чтобы перевести и зарплату на тебя и ты будешь получать все. Пиши ответ обо всем и поскорее. Жив буду вернусь и крепко поцелую вас с Толей. Работаю пока пом.нач.тыла, ну обо мне шибко не беспокойся я жив здоров того же и вам желаю. Передай привет всем родным и знакомым.

До свидания буду [нрзб.] писать и сама пиши одна за другой хотя бы одно и тоже потому [что] письма могут теряться.

Пиши больше не дожидаясь ответа. Еще пиши.

Казанцев Г.Ф.

Андрей Ипатов: «ИТАК, ЖДУ ПИСЬМА, ПЕРЧАТОК, ЧУЛОК, КУРЕВА, МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПИРОГОВ» (1941—1945)

Андрей Федорович Ипатов (1911—1968) родился в семье карельского крестьянина в д. Ламбисельга Ведлозерской волости Олонецкого уезда Олонецкой губернии. В 1935 г. окончил Карельский педагогический институт, весной 1941 г. поступил в аспирантуру физико-математического факультета Карело-Финского государственного университета. В первый год войны ушел на фронт. Прошел путь от Ленинграда до Праги, был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалями. После войны вернулся на преподавательскую работу в Карело-Финский (с 1956 г. Петрозаводский) государственный университет. Кандидат физ.-мат. наук (1950), доцент (1951), заслуженный деятель науки Карельской АССР (1965).

14 августа 1941 г.

Петруша!

Под столом на кухне в шайке — сахар. Кр. того, еще какие угодно сладости. Очки мамины. С нею проживем это тяжелое время у меня. Русе первое вышли с шофером или сам приезжай.

Андрей

25 августа 1941 г.

Когда будете читать это письмо, я буду уже находиться на выполнении долга перед Родиной. Досрочно.

Каждую копейку, за исключением самых необходимых грошей, буду передавать вам. Кроме того, получите костюм, пальто, ботинки. Приведите все в порядок, пальто перелицуйте и тогда сможете купить много продуктов. Еще раз подчеркиваю, что все усилия нужно приложить к тому, чтобы иметь их.

Что касается меня, то живу одной мечтой — после того, как все фрицы и гансы будут похоронены, может статься, я еще буду в состоянии думать и чем-либо двигать, а быть может, и весь двигаться. А если это будет так, то я, конечно, опять должен работать над делом всей моей жизни и кончить его.

Мыслю это я так:

Ламби-сельги нет. Кв. 13 нет. Но будет Ленинград, его библиотеки. Я должен с кем-либо из вас (мама, мама и Лева или еще как там) поселиться там. Скажем, двое, на год.

Вероятно, будете снимать комнату. А надо иметь на двоих 2 к.г. сл., на каждый день нужно муки 1 кг. Кр. того, после таких перипетий нужна хотя бы каша. Скажем, 1 кило на 3 дня. Не знаю, вырабатывают ли у вас гречу. Если да, то $^2/_3$ всей крупы — греча. Остальные — пшено, толокно, ячмень. Масла, грамм по 50 на день на двоих. Хорошо бы мяса (откормленного хорошего хрюна).

Т.о. получаем:

Муки 360 кг, 180 [подписано сверху, зачеркнуто 240] черн., 180 [подписано сверху, зачеркнуто 120] бел.

Крупы 120 кг.

(Муку иметь и овсяную, чтобы насладиться [нрзб.])

Масла кг 36.

Эта утопия не должна вас пугать. В первую очередь сами питайтесь вволю, забывайте черные дни. Хватит, что мы их хлебаем.

А говорю об этом потому, что хочется помечтать. Повторяю: деньги все буду переводить туда.

Не исключен, что уже зимою я заскочу к вам на неск. дней и с прямым эшелоном на Л-д перебросим эту [нрзб.].

Маша уже долго прожила там, и, вероятно, возможности реамуации моей мечты ей известны. Всегда же при общении с народом имеется случай выручить взаимно, сделать услугу, и т.д.

А если все это сделаете, а меня не будет, то это моя лебединая песнь будет напоминать вам о моем недолгом и не очень легком земном бытии.

Андрей

А куда делать посылка от Петра? Нужно сделать запрос в беломорскую почту и попросить переадресовать.

А.

28 сентября 1941 г.

Здравствуйте, дорогие!

Что мне отравляет существование:

Перчатки. Чулки. Ватник-безрукавка под гимнастерку. Сухари. Нитки. Игла. Щетка сапожная. Зубной порошок и щетка. Носовики. Безопасная бритва. Подворотнички. Зеркальце. Карандаши. [нрзб.].

Нужно разрешение на посылку выхлопотать в военкомате.

Или — через попутчиков, едущих по Горьковской дороге: оставить на ст. Ильино.

Каков адрес Владимира? Он же в Горьком. Всего 70 км. Где мама?

Пиши, ради бога.

Андрей

Здесь сосновый бор — красивый, сухой.

[приписано на обратной стороне письма]

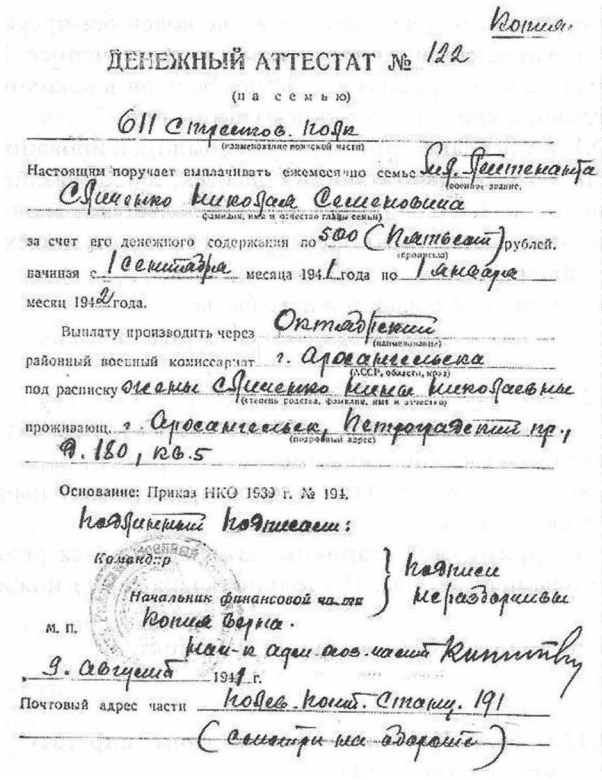
Свитер. Его мне жалко до слез. Нет ли чего-либо подобного у вас? Тогда под шинель можно просто фуфайку.

Наконец, может кто едет в Москву. Возможно, что и я буду там.

19 ноября 1941 г.

Из Алтайского края здесь много бойцов. Один мой подчиненный — Степанищев — в 13 км от вас. Мы зовем поэтому друг друга земляками.

У вас, наверное, полная зима. А здесь — слякоть. Интересно было бы вам взглянуть на меня теперь, в роли офицера. [Предложение нрзб.] Сапоги, брюки,



Копия.

ДЕНЕЖНЫЙ АТТЕСТАТ № 122

(на семью)

611 Стрелков. полк
(наименование воинской части)

Настоящим поручает выплачивать ежемесячно семье Лейтенанта
(воинское звание)
Сличенко Николая Семеновича
(фамилия, имя и отчество главы семьи)

за счет его денежного содержания по 500 (Пятьсот) рублей.
(прописью)

начиная с 1 сентября месяца 1941 года по 1 января
месяц 1942 года.

Выплату производить через Оптгадрепки
(наименование)

районный военный комиссариат г. Архангельска
(УССР, области, края)

под расписку отцы Сличенко Ники Николаевны
(степень родства, фамилия, имя и отчество)

проживающ. г. Архангельск, Петроградский пр., (почтовый адрес)
д. 180, кв. 5

Основание: Приказ НКО 1939 г. № 194.

подписали подписали:

Командир
Начальник финансовой части } подписи неразборчивы

М. П. Копия верна.

нач-к адм. хоз. части Кипятку

9. августа 1941 г.

Почтовый адрес части Ковель. почт. Стацц. 191
(санитарный поезд)

Денежный аттестат мл. лейтенанта Николая Сличенко. 1942 г.

В ходе войны для обслуживания войск действующей армии были созданы полевые конторы (на фронтах), полевые отделения (в армиях) и полевые кассы Госбанка (в соединениях). Они осуществляли расчетно-кассовое обслуживание войск и различных организаций (Главвоенторг, полевая почта и др.), а также кредитование военной торговли. Личному составу Красной Армии выплачивалось денежное довольствие по нормам мирного времени. Добавочные выплаты военнослужащим зависели от результатов боевой деятельности. Например, летчику-истребителю за каждый сбитый самолет противника выплачивались 1000 руб. Экипажу дальнебомбардировочной и тяжелобомбардировочной авиации выплачивалось за каждую успешную бомбардировку промышленных и военных объектов противника по 500 руб., при действиях по столице противника каждому члену экипажа выплачивалось по 2000 руб. Также использовалась система поощрения военнослужащих лучших частей и соединений. В частях и соединениях, получивших звание гвардейских, денежное довольствие было в 1,5—2 раза больше, чем в обычных войсках. Военнослужащие могли посылать свое денежное довольствие (целиком или частично) родным при помощи почтового перевода или к выдаче через местный районный военкомат по так называемому «аттестату». (Подробнее см. *Насонов К.А.* Социальное обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23). С. 65—70).U

шинель — серы от грязи. А грязи здесь — выше колен без преувеличений. Русский солдат от этих прелестей становится лишь ожесточеннее. Меня при этом поддерживает мысль, что и рыжему не легче. Ведь он в каких-нибудь 850 м от нас и, следовательно, в климате большой разницы нет.

Сегодня 19.XI, а последнее письмо от вас было датировано 17.VII. Пятый месяц! Может быть, я уже давно холостой человек, теперь уже на внешность далеко-далеко немолодой. Вчера получил от Лизы большущее и очень задушевное письмо. Она, видимо, жалеет меня. Ее мать, оказывается, живехонька. Письмо от нее дошло в 5 дней.

Жду подробного письма о вашем житье-бытье.

Андрей

Февраль 1942 г.

С деньгами задержался. Надеюсь, эти 1.300 сослужат неплохую службу.

К весне, может оказаться, приеду в гости.

Льву теперь, значит, 12-й год. Что он собой представляет нынче?

А Валера, а Федя, а Светлана?

Я, наверное, и впрямь стал стариком, заинтересовался ребятами. У меня горит кабелек, имею черные усы. Настоящие вчера сбрил ножиком, которым чищу карандаш.

Печурка еще не топится. Сейчас придут и затопят.

Будет теплее.

21 января 1942 г., М.Ф. Ипатова — неизвестному адресату[1]

[Надпись на письме: получено 14.2.42]

Дорогие мои!

Мой непредвиденный маршрут закончился, и завершился он Алтайским краем. Эх, если бы я знала это на сортировочном пункте в Кирове (не в самом, а не доезжая 8—10 км до последней). Я полагала приехать только к вам. Искала, справлялась в справочном бюро в Вологде — оттуда, как видимо, к вам прямым сообщением не попадают. В Кирове нас не остановили, повезли мимо. Правда, можно было ехать в Котлас, куда повезли часть нашего эшелона, но опять-таки, кажется, 400 км от ж.д. линии до вас. Мы-то выдержали бы, а ведь Светлана? Решили ехать в Челябинск. Но, увы и ах, вместо него Молотов, Свердловск, Омск (это по словам сопровождающих эшелона) и, наконец, Убинский район Новосибирской области. Посмотрев на условия — решили ехать в Барнаул — уже за свой счет, имея на руках 1200 рублей. А в Убинске люди 34—40 000 наехали, и дальше вам ясно. Да, в Барнауле действительно хорошо, но не мы здесь первые.

Получили от Край-ОНО направление в Краснощековский район — это 250 км по ж.д. и 118 км на лошадях. Можно на грузовиках — это когда вы приедете ко мне.

И представьте себе, Светлана жива и жизнерадостна. А я, думаю, поотдохну — 15 часов нагрузка. И больше после всего вышеизложенного органически не вынесла бы.

[1] Сестра А.Ф. Ипатова.

А все же ежедневно жалею, что допустили ошибку — не поехали в Котлас и к вам. Ну что же, не знали географию и не попали к вам, так изучили же географию на практике: объездили всю Сибирь.

Здесь летом в июле — помидоры величиной с блюдце, арбузы, мед по 3 руб. кг. Молоко теперь берем по рублю литр, а летом будем купаться в нем за 50 коп. Масло, правда, по 30 руб. и картофель к весне дороже, чем мы брали в Лехте. Мясо — до приезда нам подобных было по 5 руб., теперь по 7 руб., яички, сказывают, по 3 руб. десяток.

А все же стремлюсь к вам. Как хочется обо всем промолвить словечко, со всеми с вами.

Где Петр? Степан? О Петре думаю ежедневно. Сообщите ему мой адрес и мне его.

Маме напишу отдельно, если она там. Если же переехала, тоже сообщите мне. думаю, через год, два будем вместе.

А самое главное, что скребет мое сердечко в Маралихе, — это кизячки, от которых ежедневно по три таза золы. Не забыть карельских [нрзб.].

Опять сами недальновидны — за 80 км — это ближе к ж. дороге сосновые боры, электричество и прочие преимущества небольшого штатного городка. И не поехали, а это было предложено Край-ОНО нам и еще прочих 5 мест в том числе и Ойротская область, может быть, и Ойрот-Тура.

Итак, адрес:
Алтайский край
Краснощековский р-н
с. Маралиха
ср. школа. Мне.
Забыла: в пути с 26.11 по 16.1.42

13 февраля 1942 г. А.Ф. Ипатов — Власовым

Не знаю, застанет ли кого это письмо еще в Сыктывкаре или уже все уехали. Я все-таки считаю, что это последнее было бы лучше для всех вас. Вполне достаточно выпало на нашу долю всех этих прелестей. Пусть бы хоть кто-либо в какой-нибудь степени избежал их. Здесь был лишь один теплый день. Идут постоянно холодные дожди, дует пронизывающий ветер, а 11-го выпал даже снег. Жестоко мерзнут руки. Страдаю от сырости. Живем в землянках. Если удастся все это пережить, я безусловно буду закаленным и здоровым. Теперь даже удивляет, как до сих пор мы жили без противогаза, ходили без туго натянутого ремня, возились с какими-то галстуками и вообще неудобными костюмами. Отныне [нрзб.] для меня будет защитная гимнастерка. Это — замечательная вещь! Заниматься в ней будет очень даже удобно. Если, конечно, когда-нибудь удастся вернуться к моей математике. Но это маловероятно. А сколько я перестрадал, горел, сколько меня все вы ругали, называли ленивым и пр. пр. И все это лежит прахом.

Я бы у Гитлера выдрал каждый волосок один за одним и каждую жилу.

Здесь народ все здоровый, сильный, ловкий, боевой. Моего стиля мало. А — моего масштаба — ни одного. Все они продолжают заниматься своим прямым делом и все.

Пишите. Если адрес не дошел телеграммой, повторяю:
г. Арх., Исакогорка, п.я. 745, литер Б.
Андрей

14 февраля 1942 г.
Алтайский край
Краснощековский р-н
село Маралиха, ср. Школа
Ипатовой Марии Федоровне

г. Сыктывкар, госуниверситет, А. Ипатов

Милые Маша, Ал-р, Светл.!

Наконец-то сообщили, где вы. Как вы счастливы, что попали в такое место. Это какая-то сказка. Наш городок также неплохой, и если бы я оставался по-старому, то время провести было бы вполне можно. Но настал момент выступить и для меня. Еду в школу лейтенантов, и если математика там может быть применима, пусть многие фашисты считают дни. Будьте уверены, за наши мучения я постараюсь потребовать суровый ответ от этих извергов. [нрзб.] У нее скоро будет аттестат и в ваших условиях и вместе с вами вы сумеете пережить это лихолетье. Снаряжаю с Власовыми. Ждите их. Ваш адрес сообщил Петру. Заведите огородик. Ваш Андрей.

2 июня 1942 г.

Замечательное утро в Айкино!

Старушка!

Не нужно смотреть так мрачно на действительность. На пароходах имеются буфеты — обеды с 200 гр. хлеба. Билеты возьми 2 класса. Чистенькие каюты. Кажется, имеется прямой пароход Вятка—Котлас. Я бы порекомендовал сделать так: протелеграфировать маме, чтобы она выехала в Котлас и сообщила день, в какой она по расписанию будет в Котласе, а вам выехать навстречу. Только обязательно включи ее в семью. Даже — до ответа, если, конечно, это можно. Вот вам и взрослый помощник.

Пока все, отходит.

Андрей

Июнь 1942 г.

Наконец, получил телеграмму. Неужели нельзя было подробнее? Поехала ли мама и Алекс. Ив.? Поправилась ли Валера? Как ликвидировались на месте? Что Костя? Все это меня не может не интересовать. Я опять один. Кажется, Балагуров прав. Но пусть будет так. Может быть, мне повезет и когда-нибудь удастся доделать.

Вчера мне исполнилось 31 год. Буду надеяться, что след. день рожденья будем вместе и снова на старом пепелище. А пока — крепко работать. Теперь втянулся.

Время идет. Его не хватает. Нет свободной минуты. Иногда, в сырость, болят уши и при беге — легкие. В общем же я становлюсь здоровее.

Теперь я начинаю понимать, что такое солнечный день, луг, речка, голубое небо, вкусная еда. Вам, мне кажется, нужно кроме всего прочего активно, много работать в колхозе. По трудодням будут выплачивать натурой. Не исключено, что придется мне месяц-другой прожить у вас. Нужно, поэтому, иметь продукты. Должны также крепко задуматься над судьбой мамы. Моя задача очень деликатная, и на легкий, веселый исход рассчитывать приходится меньше всего — я буду командиром роты противотанковых ружей.

Не знаю, куда отправить одежду. После войны, если останусь жив, не будет даже пары белья. Где посылка Петра? Сделаю запрос на почту в Беломорск.

Жду писем. Все получают, кроме меня.

Андрей

Перевожу через жену товарища 500 рублей.

21 июля 1942 г.

Приехали 26-го, а письмо пишете через неделю. Торопливость какая! Да, раздразнили вы меня своими сообщениями. Рад, что мучениям ребят пришел конец. Надеюсь, при встрече с ними все они будут окончательно выздоровевшими и никаких там признаков рахитов у Димы и ушных болей у Валеры. кстати, с Валерой теперь, следовательно, можно бы вести переписку и заключить соглашение на более широкой основе. Этот вопрос у меня не потерял остроты. Он вертится в голове каждую минуту и даже снится.

Я прямо страдаю от холода, жаркие дни резко меняются такими, что меня продувает как пушинку насквозь. И шерстяной свитер в эти часы занимает мое воображение полностью. Руки, шея не защищены ничем. Ноги чаще всего в такие дождливые дни мокрые.

Все это не может не угнетать меня. К тому же бытовые условия часто вызывают неприятные ощущения в ушах и легких.

Вот и все мои жалобы.

Приходится сожалеть, что вы так далеко и не сможете подать мне руки помощи.

На всякий случай. Если кто-либо поедет в Архангельск, а это не исключено, то он смог бы привести мне:

1) чулки, 2) перчатки, 3) нечто вроде жилета (ватного) или из овчины под гимнастерку (подлине), 4) подворотнички, 5) сухари, 6) иголку, нитки, 7) носовые платки, 8) зеркальце, 9) бритву (?).

Повторяю, на всякий случай. Чем чорт не шутит. Он оставит где-либо у знакомых, я зайду и заберу. Это скрасило бы и облегчило мои суровые дни.

Одежонку я высылаю вам. Если я не вернусь, можете купить на нее продуктов.

Приветствую работу в колхозе. Все и ежедневно нажимайте. Нынче такое время, что каждый должен работать с таким напряжением всех сил и помогать разгрому врага. Вместе с тем, это будет полезно и для всех вас и нас.

Наберите возможно больше грибов, ягод, осенью, позднее, купите картофеля, овощей; обеспечьте себя (а вас, считая маму, не так и мало) мукой, крупами. Не исключено, что и я буду у вас. На это, правда, надежд нет.

Надеюсь, мама будет уже у вас, когда будете читать это письмо. Если нет, немедленно организуйте ей полную поддержку. Переведите телеграфом деньги на дорогу и т.д.

Ехать ей нужно со ст. Данилово на московском поезде. Билет сразу взять до Поспелих, что ли?

Все это подробно разъясните ей. С посылкой нужно иметь в виду, чтобы я не успел отсюда выехать. Это будет около конца августа.

В конце июня я перевел вам 500 руб. Не сообщаете, получили ли.

21/VII — опять 500. Все-таки сообщайте. Ведь это не такие уж малые для меня суммы.

Думаю, также, что они используются как следует. Их приток может оборваться, и поэтому обеспечивайте себя самым основным.

Напишите.

Андрей

2 августа 1942 г.

Письмо получил. Прошло оно дней 14. Быстро. Что вы предпринимаете с мамой? Одежду выслать до сих пор не удалось никуда. Решил выслать ее вам. Пока лежит. Что же, действительно, со Степаном?

С Ал-рой Ив. поделитесь оттуда. У меня до 20 авг. получки нет. О покупке, которую собираетесь совершить, высказываюсь положительно. Только не на продукты. В колхозе работайте не покладая рук. Семья у нас громадная и дорог каждый фунт. Понимаете сами. Весной нужно ехать на [нрзб.] места, где ни кола ни двора. Придется строить хижину. Жить будем вместе (или будете).

Андрей

24 сентября 1942 г.

Москва

Все изменилось самым неожиданным образом. Получил звание лейтенанта-бронебойщика и собирался ехать в часть. Понадобилось направить двоих на обучение специальности Иванова в Академию и подходящими оказались мы с Харковичем. Узнали об этом мы 22-го в 11 ч. дня, а сейчас бегаем по столице. Хороша же Москва и ее метро!

Едем к Горькому, в лагерь. На зиму, вероятно — сюда. Кажется — на преподавателей военного дела.

Ну где мама? Что известно о ленинградцах? Туда поехал Казанский. Панов окончил и остается преподавателем.

Говорят, в Архангельске была Попова. Мне связаться с ней не удалось.

Заминка с деньгами объясняется тем, что месяц был в положении отъезжающего и тем, что вся твоя месячная зарплата была бы еле достаточна на 2 кг. хлеба, без которого обойтись не удалось.

Положение с червонцами постараюсь поправить.

Кажется, мне повезло.

Целую всех.

Андрей

3 октября 1942 г.

Здравствуйте, дорогие!

Вот я и на месте. Строевым командиром. Много знакомых ребят по прошлым курсам. В частности непосредственный начальник. Расположение ко мне не оставляет желать ничего лучшего. Не знаю, как будет получаться с занятиями на местности. А они почти целиком на местности.

Чувствую себя неплохо. С купанием здесь, видно, дело обстоит вполне благополучно. И если я еще не удовлетворен абсолютно, то в этом виноваты прежние места. Теплой одеждой обеспечиваемся полностью. Уже получил хорошие рукавицы, хромовые. Теплое белье, теплые портянки. На днях получили шапки, далее — валенки, фуфайки и пр.

Так что, если еще не поздно, шапку высылать не стоит. Перчатки же и чулки не помешают. Рукавицы холодные.

Затем, здесь нет табаку, вы же прекрасно знаете, как много я курю. И чтобы к этом больше не возвращаться, прошу достать хорошего самосада и послать мне его на все время. Иначе вся зарплата до единой копеечки будет уходить на курево (большее 100 р. стакан).

Жить буду на частной квартире (как и все к-ры). Будет возможность печь и варить. Поэтому, если можно, достаньте килограмм 10—15 белой муки и махните мне. Это может очень сильно украсить мои дни. А то просто пошлите то, что просил раньше.

А курева, я думаю, там можно достать и для товарищей. Мне жалко их, и если можете, кило полдесятка его.

Итак, жду письма, перчаток, чулок, курева, материала для пирогов.

Три месяца уже не знаю, что с вами. Чертовски соскучился и стосковался.

Наверняка писали во [нрзб.]. Оттуда мне все дошлют, не потеряется.

Когда встретимся, расскажу об одной дикой подлости Кости.

Пишите. Андрей

11 октября 1942 г.

Дорогие!

Я не знаю, читаете ли вы мои письма. Или все они — глас вопиющего...

Нужно через военкомат попробовать организовать посылку. Делается это в массовом масштабе, люди получают теплые вещи из дома и мелочи, без к-рых обойтись невозможно.

Объясните военкому, что я нахожусь на обучении в летнем обмундировании, буду здесь до января, а зимнее обмундирование может быть получено лишь в части.

В пилотке и без перчаток заниматься десятками часов на местности — вещь не такая уж и простая.

Жду: бумаги (это прямо можно выслать бандеролью и обязательно сейчас же), шапку, перчатки, чулки, свитер или ватный большой жилет под гимнастерку (или — из овчины — образцы там, наверно, видите), подворотнички, иглу, нитки, носовики, бритву (ножички имею), помазок, столовую ложечку, перочинный ножичек, зубную щетку и порошок (необяз.), сухари, побольше, щетку сапожную. [нрзб.] бандеролью можно выслать книгу «Военно-химическое дело».

Работы и работы очень много. Весьма возможно, что посчастливится пожить в столице. Это уж совсем неплохо.

Жду, все же, подробного письма. Телеграмму получил еще на месте. Валерочка что-то непонятно протелеграфировала, я же переводил 1000. Что делает Лев? Как его успехи? Каковы дела почтеннейшего Ал-ра Робертовича?

Где мама? Жива ли еще? Я ей выслал справку на предмет получения льгот. Вы, кажется, имеете право на пособия или что-то подобное этому. Разузнайте.

Андрей

26 октября 1942 г.

Горький, квартира Володи

Так от вас и не удалось получить во Флорищах ни одного письма. Конечно же вы послали несколько. И, вероятно, посылку. Я попросил товарищей дослать. Теперь, говорят, стали принимать посылки в Армию и я ее буду ждать, если еще не выслали, вышлите. Адрес сообщу телеграммой.

Сегодня еду в Москву, а завтра оттуда дальше за назначением.

Теперь я чувствую себя [нрзб.] в отношении денег. Постараюсь свой трехмесячный долг уплатить в самое ближайшее время.

В моих местах очень много зарабатывают продуктов в колхозах. Как ваши успехи в этой части? Мои пожелания здесь остаются теми же, что и раньше.

Пишите.

Андрей

28 октября 1942 г.

Поезд Москва—Арх.

Итак, еду за назначением. Должен к своему полному удовлетворению сказать, что любое из них приму с готовностью и буду прилагать все усилия к тому, чтобы выполнить свой долг добросовестно и честно. В общем, быть настоящим красным офицером.

Вчера опять был в Москве. Посмотреть и полюбоваться ею не удалось: все время ушло на хлопоты — билет, продукты, обед и т.д.

А ровно год назад, в это же вот время, мы холодным утром приехали на [нрзб.]. Было действительно холодно, неприветливо, грязно и хаотично. Нынче — полный, строгий порядок. Впрочем, это теперь наблюдается на всех станциях и это радует и успокаивает. У меня создается впечатление, что фашистам каюк придет не в столь уж далеком будущем. Во всяком случае, конец им гарантирован.

Разумеется, за это придется еще заплатить достаточно дорогую цену. Быть может, собою, но это не в счет. Если я сохранюсь, вернемся на старые места и вместо сожженных гнезд совьем себе новые. Вместе. И заживем опять.

Мне неизвестно о вас вот уже три месяца ничего. что и как удалось сделать для обеспечения ребят и себя в это тяжелое время? У меня нечиста совесть в отношении помощи. Свой долг уплачу в самое ближайшее время. Будьте уверены.

Беспокоит меня судьба мамы и ленинградцев. Что с ними? Молчание с 5 февраля что-нибудь да значит. Все получают ответы из Л-да, а мне нет, хотя написано немало.

В полной силе остается все, что я писал раньше о продолжении учебы после войны, о возможностях для этого и т.д.

Рассчитываю при этом на добросовестную поддержку с вашей стороны.

Адрес сообщу телеграммой.

Андрей

9 декабря 1942 г.

С первых чисел авг. и до 6 дек. ниоткуда не имел ни слова. 6 дек. от Ал-ры Ив-ны получил, наконец, письмо, в котором она сообщает о смерти матери. Умерла она не от какой болезни, а от чувства одиночества, от тоски по своим. Для меня не совсем понятно, почему она до конца августа не смогла выехать к вам. И — совесть моя не совсем чиста: я остался перед ней в неоплатном долгу. Она долго и терпеливо растила и воспитывала меня, а я ей не смог сделать ничего приятного. Но ничего не поделаешь. Придется помириться и с этой жертвой в семье. Вы писали, что погиб Степан. Неужели же это верно и неужели это уже третья смерть в одной семье за девять месяцев. Если дело пойдет так, то Гитлерище оставит в живых только вас. Что касается меня, то я постараюсь за эти три жизни вырвать не три жизни этих гангстеров. Будьте уверены.

Но почему нет писем от вас? 1 ноября послал телеграмму с адресом и письмо. Может, они не дошли. Повторяю:

г. Арх., л/у 26, часть 2119

или г. Арх., л/у 26, переулок 7, д. 122

[нрзб.]

Я давно просил выслать вас кое-что. Из всего того нуждаюсь только в перчатках (под рукавицы, с общим указательным пальцем) и чулках. Конечно, ложечку, расческу и др. мелочи иметь неплохо. Начал сильно поправляться. И если бы килограммов 10—15 сухарей (или муки), я вернулся бы (если вообще это случится) богатырем. И — табаку. Послал 500 рубл. денег 19 ноября. И не знаю, получили ли их.

Телеграфируйте, пож-та, обо всем этом. И пишите.

Андрей

28 декабря 1942 г.

После 20 авг. это — первое письмо. А сегодня 27 дек. Гневаться, кажется, имеются некоторые основания. Хотя бы сообщили, получаете ли деньги. Переведены телеграфом 18.11 — 500 р., 20.12 — 400 р. Посылок никаких не получил. Из теплых вещей нуждаюсь только в перчатках.

В отношении сестры вопрос должен быть решен немедленно и радикально. Ни одной минуты унижения. Я ничего не ожидал уже с самого начала. После войны, если мне суждено вернуться, все будет обстоять великолепно. Маша не теряет ничего.

Твердо помните, что картофель, хлеб, квас — не «не на высоте», а — превосходно. Особенно — с поросенком «На новый год». О вызволении из этой жизни мечтать, кажется, осталось не так долго. Этот момент приближается. Внимательно читайте газеты и слушайте радио. О судьбе Степы ничего не известно, хотя я принимал все возможные меры к ее выяснению.

Поповой здесь нет. С Галей переписки не веду. Валять дурака здесь некогда. Живу 7 часов дома. Остальные на лыжах.

Переписывались с Райкерусом. Об удвоении зарплаты профессуры он ничего не сообщил. А как Гардин оказался в Белозерске? А город наш, говорят, пострадал не так сильно.

Андрей

3 февраля 1943 г.

Меня озадачивают ваши жалобы на черствость людей, ответственных за удовлетворение первостепенных запросов семей военнослужащих. Вот справка, которая должна будет помочь вам в этом. У вас должен быть военторг, и вы должны быть немедленно прикреплены к нему. И — не только военторг. Жилище, топливо, товары первой необходимости — все это должно быть доступно в первую очередь семьям военнослужащих. В случае чего — обращайтесь прямо к райвоенкому. Он, безусловно, поддержит.

Теперь пишите мне по адресу:

[нрзб.]

Видно, здесь пройдет еще порядочное время. Курево кончилось. Неужели не могли послать его раза в два-три больше?

Жду письма.

Андрей

15 февраля 1943 г.

Хорошо, что хоть один из вас оказался христианином. Это, наверное, с вами поблизости живет какая-либо древняя старушка и дает образцы. Представляю себе этого маленького святошу. Он должен быть теперь большой и забавный. Как они ладят с кузиной? Не дерутся ли?

Валера... Написала даже отцу-старику письмо. Молодец. Видно, трудолюбивая девочка и умница. Хорошо.

Ужели Лева знает все таблицу умножения. Я в 3 классе решал все задачки подряд из задачника Гольденберга и [нрзб.]. Эту традицию нужно передать по наследству, и тогда после окончания университета и аспирантуры легче будет поступать в ремесленное училище...

Как же не получили 400 руб.? Недавно перевел еще 1.100 за август, в добавку к этим 400. Сообщите, получили ли их.

Погоны надеваем на днях. Только без эмблем. Одни звездочки. Если как удастся, снимусь и вышлю. Здесь плохо дело с фотографией.

Вернулся на 26-й. В командировке поправился еще. Отъелся. Теперь уже пайка надоедаю. Самочувствие поэтому радикально изменилось. Особенно оно повышается от сообщений Совинформбюро. Вот опять — Ростов и Ворошиловград. Замечательно!

Пишите.

Отец, муж, брат и шурин Андрей

24 февраля 1943 г.

Теперь нужно бы немедленно сфотографироваться. Но негде. Мне, говорят. погоны идут чертовски. Было бы интересно и вам посмотреть. Юбилей отпразд-

новали блестяще. Получили по [нрзб.] и 1-й раз за последние 12 мес. и 10 дней клюнули. Разумеется, с прекрасным полом... Сами понимаете — офицеры.

Но почему нет писем и сообщений о получении денег? Пишите. Жду.

Андрей

(На письме детским почерком написаны два небольших рассказа — очевидно, писал сын А.Ф. Ипатова, Лев Ипатов. — *Прим. сост.*)

(1) Закаленый немец

В 1943 году октябрь был сильный мороз. Один немец притставился закаленым немецким солдатом и вышел на улицу в одних трусиках. Тогда мороз заморозил его.

(2) Закаленые германские солдаты. Как у вас с оружием (генерал).

Обер-лейтенант. Как у вас с оружием?

Превосходящее, было 18 пушек осталось 0. Ничего.

26 февраля 1943 г.

Дорогой Лева!

Отцу приятно читать твои письма. Было бы еще приятнее, если б они были написаны почище и, главное, пограмотней (здравстуй, ни чего, сесьть, хорошого, непищещь, ище). Я не понимаю, что ты хотел сказать, когда писал: «у нас будет сильный ураган». Ты пророк или ошибся?

Тотошку вырасти. Ее вывезем домой, он будет сторожить нашу дачу и огород. Я приеду за вами, и купим Диме валеночки и пальтецо. Пусть он не мерзнет.

Он еще не может, конечно, понять, что тысячи таких, как он, мерзнут на снегу и в сугробах застреленные и просто перебитые или умирают от голода. Ты это, наверное, уже понимаешь.

Скоро этому придет конец, и мы поедем домой.

У меня красивые золотистые погоны с двумя белыми звездочками и просветом (полосой посередине вдоль) и красивый ремень. Его привезу тебе. Скоро получим еще мундиры, и тогда твой отец будет еще более интересным офицером.

Ты, уверен, уже большой и годишься для правофлангового в моем строю.

Жду письма

Отец

Диму и Валерочку целую.

Папа

Я дежурю. Спать нельзя. Выходил на улицу. На всю северную половину небосклона — очаровательное северное сияние. В движении — приливах.

Вот бы посмотреть вам!

26 марта 1943 г.

Лева!

Что же ты не отвечаешь отцу?

Я тебе уже давно написал письмо, в котором подробно описал довольно много интересных вещей. Неужели ж ты не получил его.

У тебя, кажется, сегодня начались каникулы. Как закончил четверть? Какие отметки по русскому языку и арифметике?

Меня интересует, как ты проводишь свое время. Читаешь ли книжки и какие. Катаешься ли на лыжах. Не болеешь ли чем. Наверное, ты теперь большой стал. Вот бы посмотреть!

А что делает Валера? Она тоже что-то успокоилась на одном письме. Это нехорошо.

Дима-разбойник, наверное, тоже большой теперь. Как поживает этот маленький «О, господи!»? А Светлана?

Всех вас ужасно хотелось бы посмотреть, но пока нельзя.

Еще ли жива ваша мама и тетя Маша? Напишите мне что-либо о них.

Целую всех вас крепко. Папа и дядя.

25 апреля 1943 г.

Дорогая сестра!

Письмо твое я получил. Ему рад сердечно. Напрасно ты думаешь, что меня могут не интересовать твои дела. И совсем они не столь мизерны и малозначимы, как ты о них пишешь мне. Или думаешь о них. Я очень хорошо чувствую теперь, какие огромное значение имеют именно такие «мелкие» будничные дела. Миллионы и миллионы людей оторваны от производства и объяты тяжелым изнурительным трудом, изнашивающим их. Они нуждаются во всестороннем обеспечении и получают это обеспечение в полном мере. И мне только приятно знать, что в этом океане труда имеются и капли ваших усилий. Так что нажимайте в том же направлении. Это ускоряет нашу победу, ваше возвращение в страну Калевалы и возрождение еще более замечательной жизни, чем было. Быть может, и мне придется увидеть этот день.

О Валере.

Замечательное повторение того, что было со мной. Еще в начальной школе я, как ныне она, обдумывал свои задачки за спиной отца на кровати и на печке и, найдя решение, выскакивал записать его. Помню до сих пор одну задачу из Гольденберга о швейных машинках и — из задачника Вани Акимова (не помню автора) о каких-то колоколах. Это — одна из самых ярких вспышек моего детства, которые я про себя с чудной теплотой вспоминаю.

Я легко представляю Валерочку взрослой девушкой с широким и основательным образованием. Если бы я был поблизости, она в качестве пищи для своего свежего и острого мозга стала бы получать уроки иностранного языка (в меру, разумеется). И, конечно, арифметики. Ну а теперь меня нет и все это останется лишь моим пожеланием. А это очень жаль...

Как это Травянова очутилась вдруг с мужем там? Непонятно.

Пиши мне чаще. Напоминаю адрес

Пол. почта 12226-Л.

Андрей

13 мая 1943 г.

Что это такое случилось, не понимаю: второе письмо подряд. Здорово. Поздравление поступило с некоторым опозданием, но это ничего. Здесь более важен факт поздравления. Насчет огорода и других хозяйственных дел я лишь

могу выразить согласие. К сожалению, больше ничем полезными быть не могу. Денег, конечно, мог давно послать, но не делал этого сознательно. Причиной этому — то, что, как вы сообщаете, те переводы поступили с большим опозданием. У меня же возникла идея заиметь часы, без которых обходиться очень и очень трудно. Ведь мне же приходится действовать много точнее учителя и — 10 часиков ежедневно.

Заботы у меня теперь совсем новые. Редактор. Агитатор. Военкор (печатаюсь в газетах). Докладчик. Выступаю на митингах. Все это — помимо основной строевой работы. Втянулся так, что если бы сейчас сказали: «все, иди домой», я растерялся бы. Конечно, наверно, замешательство мое скоро бы прошло и я нашелся бы, что предпринять в этом случае, но факт остается фактом, что я — человек нынче военный.

Получил открытку от Регины. Она на мое предложение, высказанное в письме к ней, что, наверное, за ней увивается какой-либо офицерик, отвечает, что имеется, действительно, некий «порутчик» и что «возможно, будете родней».

Погода здесь изумительная. Тепло. Даже очень. Это бередит мое сознание, «в котором закопошились воспоминания».

Пишите. Ребятам — особое письмо.

Ваш Андрей, отец, муж, брат, дядя

3 июня 1943 г. А.И. Гордеева — Л.А. Ипатову

Милый Левик!

Письмо твое получила. Спасибо. Получали письмо и от мамы. Скажи маме, что я получила и 100 руб, и 160, и уже сообщала об этом. Получаете ли письма от папы? Мне он не пишет и карточки своей не присылал. Тете Гале пока не пишите, т.к. она оттуда выехала, адреса ее пока нет. Регина, может быть, приедет сюда, как закончил ты учебный год? Получил ли письмо от Гены Сердитова? Он брал адрес. Как Ваш огород? Я в этом году ничего не посеяла, т.к. Валерия хотела взять в начале июня к себе. Там нашу землю занял Гудков, а тут Техлинулина. Обидно будет, что не посеяла, если буду здесь до осени. Меня на июнь прикрепили к столовой связи, как иждивенку Валерии. Как вы живете? Как питаетесь? Тася посадила 7 ведер картошки. Тетя Поля все болеет желудком. Вал. пишет, что у Г.П. такой же, как у тети Поли + Галины. Мне он не нравится, но благодаря ему мы живем хорошо, а потому приходится мириться с ним как с неизбежным злом. Где у вас дядя Шура? На новой неделе пойду в общежитие института и там увижу земляков. У меня сейчас находится сын Лаакконен. Уже ночевал 2 ночи и когда уедет, не знаю. Сами-то они все отсюда уехали. Я и Гога целуем всех вас крепко. Где письма от Валеры?

Бабушка

13 июня 1943 г.

Неужели так уж сильно ты начала стареть? Жаль. Очень жаль. Значит, житишко так и промелькнуло в одних приготовлениях... Относительно разутости и прочих прелестей. Нужно изыскивать на месте ресурсы. Вторую тысячу получите вскоре после этой. Помаленьку выправляйте положение.

Я просил несколько раз ответить мне, получили ли вы справку от мамы от «Выстрела» и вторую от нынешнего места моей службы о том, что вы — семья военнослужащего. Везде они считаются документами. Почетными документами. И они должны помогать вам жить.

Что тяжело Маше, я понимаю ясно. И — сочувствую. Но это нужно перенести во имя Родины. После Победы будем брать реванш за все пережитые невзгоды. А теперь — быть бы живу.

Написал письма Марусе Акимовой и Клавдии Петровне. Марусе я написал 2—3 письма в конце 42 года, но не получил в ответ ни слова. Может быть, ее адрес теперь не Кириллов, Социальная 9? Тогда я не виноват. Оборвалась связь с Зиной и Шурой. Об остальных нет, конечно, и речи.

Что касается моего настроения, то оно больше определяется погодой. Была теплая погода, и настроение было превосходно. Наступил опять холод, и настроение ползет вниз и чтобы не обнаруживать этого, приходится храбриться. И вполне понятно, почему это именно так: так или иначе, мы воспитаны гуманизмом Пушкина и Горького, и к специальности хирургов приходится привыкать через полное напряжение нервов. А длительное напряжение оных — вещь не особенно легкая.

Что-то Региона Ивановна умолкла. Видимо, поглощена больше важными делами и страстями. Это, разумеется, естественная вещь.

Привет рыбакам (почему уха — в кавычках?), ученикам, охотникам покататься и всем, всем.

Ваш Андрей

18 июня 1943 г.

Старушка!

Вот скоро полгода, как я здесь, а от тебя получено всего одно письмо. Если еще иметь в виду, что до него был перерыв с 27 авг., то получ. около десяти месяцев бойкота. Быть может, достаточно, а? Кажется, я не сделал ничего такого, что заставляло бы тебя набираться воды в рот.

Что касается меня, то не скрываю, имею интерес к вашей жизни и положению. Особенно к ребятам. Для меня совсем небезразлично, как они переживут это тяжелое время.

С Ленинградом переписка наладилась: уже получил открытку от Лены и два письма от Степы. Нужно ли говорить, что это доставило мне подлинную радость и вселило надежду на встречу.

Где же Ал-ра Ив-на? Я что-то утратил с нею связь: или ее нет на прежнем месте, или я перепутал номер квартиры.

А прошлый год в эти дни я приближался к Сыктывкару...

Теперь это скоро не предвидится. Если вы и соблаговолите ответить, ваше письмо будет наверняка искать меня уже на новых местах.

У меня особых изменений нет. Имею много и приятного, и не особенно приятного, старящего. Весна снова шевелит и легкие, и уши. Это, видимо, уже такие спутники, от которых мне не суждено избавиться. Мое поправившееся было положение со здоровьем снова начинает давать трещины... Конечно, в сравнении с прошлыми годами чувствую себя совсем не так уж плохо.

Регина тоже замолчала.

Напишите, напоминаю адрес: пол. почта 12226-л, Ипатову (видно, забыли и фамилию?).

Ну а как живет Маша? Почему-то она так мне ничего и не написала о собственно своей жизни, а только о житейских делах. Вопрос о судьбе Маши меня интересует в равной степени с вопросом о судьбе своего семейства.

Привет зятю.

Ваш Андрей.

Сообщите, получили ли деньги 400 р. и 1100 р.

Ю.И.! [жене] У меня нет никакой твоей фоторожи. Вышли ту открытку, которая была у меня в тот раз. Обязательно.

31 июля 1943 г.

Я никак не мог ожидать, что здесь может выдаться не просто теплое, но и — знойное лето. Все прошлое лето изгладилось из памяти. Июль прожил так, как не мог рассчитывать. И если бы не пропажи вещей, в частности — полевой сумки. Тетрадей шесть. С конспектами. Работал 9 м-цев. Не мог же я прожить год одним, что предоставляет работа. Ножницы. Карточки; — все самое ценное. И — саму монографию. Ее, оказывается, нет во всем Архангельске. А может случиться, что здесь придется прожить месяцы и месяцы. Здесь — А.И. Смирнов, а рядом — Иванов.

Посылаю карточку Феде. Он, наверное, не помнит меня. Я уже давно-давно не имею писем от вас. Со старого места все они немедленно переправляются сюда. И из Л-да уже порядочное время нет писем.

Жду фотографию Светланы и Димы и писем от Льва и Валеры.

Андрей

18 августа 1943 г.

Месяца три уже не имею ни слова от вас.

Теперь уже глубокая осень и вы, надеюсь, зажили более или менее. К сожалению, я вернулся к уровню, о котором писал год назад. Вот прошло полтора месяца уже здесь. А сколько пройдет еще, неизвестно. Не имею чулок, перчаток. Если будут принимать посылки, буду ждать эти предметы в первую очередь. Получаю письма от Кл. П-ны. Она обижается на вас за молчание. Я думаю, что она вполне заслуживает того, чтобы ей отвечали. Опять забеспокоили легкие и даже уши. Похудел очень сильно, хотя работы настоящей нет.

Вы упорно не отвечаете мне, получаете ли деньги, где мои книги. Особенно — [нрзб.] «Однозначные аналитические функции».

Жду подробного письма

Ваш Андрей

[На письме — детские рисунки карандашом: стреляющий танк и состав из четырех вагонов-цистерн без паровоза.]

4 сентября 1943 г.

Это письмо шло до меня с 17.7 до 4.9 — сорок семь дней. Уже один вид его, бумага произвели на меня свое впечатление. Я не говорю уже о его содержании.

Чемодан. Портфель. Огород. Дрязги, доходящие до такого позора... Были годы, когда Власовы были убеждены, что вся мерзость мира сосредоточена в грешных И-вых. Вот и испытание. Я вообще был весьма невысокого мнения об этом субъекте и за судьбу Маши потерял спокойствие еще со времени поездки на Октябрьские праздники в первый раз. И ожидал всего нехорошего, всего, но не этого. Этого ожидать не мог. Он учился в институте. Читал (хотя, конечно, по обязанности) Горького и Ленина. И в такое время поднимает руку на женщин. Этот подлец околачивается за тысячи километров от фронта и позволяет вести себя как заправский гитлеровский молодчик... Я, если не изменяет память, в самом первом своем письме высказался перед Машей довольно определенно — это ошибка неисправимая и что считать мосты сожженными никак не следует. Льщу себя надеждой, что ошибка, наконец, исправлена. А если не исправлена, то будет исправлена сейчас же, немедленно, до прочтения этого письма до конца. Речь идет о восстановлении достоинства и чести граждан Советской страны и медлить с ним не следует ни минуты. Остальное — красивые платья, оправа, часики — чепуха совершеннейшая. Все это — дело наживное и — в самом недалеком будущем. Хуже, конечно, с огородом, но и здесь я не вижу катастрофы. Совсем и совсем нет оснований впадать в меланхолию и апатию от мысли, что лишились каких-то, пусть самых заманчивых, десертов и лакомств. Если иметь хоть какое-либо подспорье от огорода, нужно распевать песни. Приходится хуже, в тысячу раз тяжелее, сотням тысяч и миллионов людей, которым ваша жизнь со всеми горестями показалась бы чистым раем.

Что касается меня, то в общих чертах вы должны знать из открыток и писем. Все-таки, их не одно за 4 м-ца, а около 6—8. Добавить чего-либо существенного не могу. Одно лишь скажу, что завидую тем, кто так или иначе связан с тем же огородом осенью и вообще с сельским хозяйством.

С Кл. Петр. переписываемся регулярно.

Ваш Андрей

11 сентября 1943 г.

Вот уже 2 м-ца и 11 дней здесь, а от вас получил всего одно письмо от 17 июля. Да еще какое письмо. Неужели до сих пор дела ваши обстоят так уж беспросветно? Жаль, если это так.

Сегодня-завтра я должен уехать отсюда. Куда — неизвестно. Надоело чертовски, до и тяжело, очень, как прошлым летом. Новый адрес сообщу. Где Ал-ра Ив-на? Регина? Валерия? Петр Павл.? Нет писем от Степана. В общем, самая аккуратная — это Кл. Петровна. Молодец. Пишите — «куда-нибудь».

Ваш Андрей

23 сентября 1943 г.

Димка-шалун!

Как ты живешь и что делаешь?

Наверное, продолжаешь вытворять разные фигуры?

Жди меня домой, а там поговорим.

Я расскажу тебе много интересного.

Папа

23 сентября 1943 г.

Валера!

Ты мне так же, как и Лева, не удосужилась ответить. Наверное, уже большая стала. Какие читаешь книжки? И помнишь сказки? Еще ли также любишь про рыбака и рыбку? А учат ли рукоделию и работаете ли на огороде? Ведь когда приедем домой, построим дачу и устроим хороший огород и садик. А для этого нужно научиться хорошо трудиться.

Если пошла уже в школу, научись грамотно читать, писать и быстро и правильно решать задачи.

Жду письма. Отец

23 сентября 1943 г.

Светланочка!

Какая же ты есть? Я ни разу тебя не видел и очень хотелось бы посмотреть. Думаю, что ты — большая, красивая, умная девочка, а главное, не плакса.

Живи дружно с Димой — своим братом.

Дядя Андрей

18 октября 1943 г.

Добрый день, друзья!

Меня крепко беспокоит ваше благополучие. Последнее письмо особенно повлияло неприятно. Но с июля прошло много времени и обстоятельства могли и поправиться. Вероятно, уже получили тысячу с этого места. Это — получил единовременное пособие — нечто вроде подъемных при поступлении на фронт. Вычетов здесь, кроме займа, никаких. Так что если деньги у вас еще имеют более или менее значительный вес, силу, то постараюсь поддержать. Вообще я — в неоплатном долгу перед Машей и не знаю, суждено ли расквитаться с нею. Рассчитываю на днях иметь письмо от вас и узнать подробнее о вашем житье-бытье. А живу хорошо. Обеспечено.

Пишите.

Ваш Андрей

3 ноября 1943 г.

Как хорошо сидеть у горячей печурки! Я тоже собираюсь отпраздновать. Был в довольно острых переплетах. И пока что жив и почти здоров... Деньги получите сразу за 2 м-ца в конце месяца. Писем от вас не имею с июля месяца! С наступающим праздником!

Ваш Андрей

7 ноября 1943 г.

Вот и мы празднуем Октябрь. Твердо верю, что это — последний Октябрь, который проходит в таких суровых условиях. Почти 4 месяца не имею от вас ни слова. Еще ли живы хоть кто-либо и если да, то как?

Я пережил за это время много тяжелого и такого, что уже никогда не забудется и не изгладится из сознания. Пальцы правой ноги, пятка и большой палец левой ни на одну минуту не дают забывать о себе. Не знаю, ревматизм это или

обморожение. Хотя, может показаться, что последнее маловероятно. Вода, глубокая грязь, заморозки могли это сделать. Фрицы, разумеется, тоже чувствуют себя не лучше. И тоже кое-что будут помнить об этих днях.

Здесь до Степы как от Вешкелиц до нас[1]. Пишите. Андрей.

11 декабря 1943 г.

Значит, на 11 дек. 43 я имею еще сестру. А между строками ее письма можно усмотреть — еще и семью. Прямо от нее так вот уж пять м-цев письмеца нет и нет. Рад вашему изобилию. Не знаю, получили ли от меня 1000 от окт. И 1300 от ноября. Я здоров как всегда. Мечтаю об Алтае. Хотя и не знаю, придется ли когда побывать там. Разумеется, надежды не теряю. Получаю письма из Л[енингра]да и от Кл. Петровны. Жду от вас.

Андрей

17 декабря 1943 г.

Валера!

Ты теперь, кажется, ходишь в школу и, значит, грамотная девочка. А отцу письмеца так и не соберешься написать. Нехорошо это. Я хочу знать, как ты живешь и учишься.

Я пока здоров. А когда всех фрицев прогоним, приеду к вам в Алтай. Много интересного расскажу.

23 декабря 1943 г.

Ребятишки!

С Новым годом всех вас. А сколько вас, я и счет потерял. Но сколько бы ни было. Не знаю, имеете ли настоящую елку. Следующий Новый год будете ее иметь. Как, бывало, мы с Левой и Валерой ходили за елкой в дачу Лесного техникума. Было интересно.

Напишите, как вы встретили Новый год. Нам здесь мешают праздновать злые дяди — немцы.

Отец и дядя Андрей.

24 декабря 1943 г.

Получил, наконец, почт[тенная] Ю[лия] И[вановна], письмецо и от тебя. Связь была со всем, кем угодно, но только не с тобою. С приемышами неясно, но это дело ваше. На месте [нрзб.] этот Степанищев — управл. совхоза (кажется). Степа и Лена живут неплохо. Я должен попасть к ним. Вы не хотите ответить, получили ли от меня 1000, 400, 500, 1000, 1300 и 700 руб. за июнь-декабрь? Поздравляю с наступающим Новым годом.

Ваш Андрей

12 января 1944 г.

Вы начинаете баловать меня; следующее письмецо по самым осторожным подсчетам я мог ожидать в апреле, к 1 мая. И вот на тебе, 10 января. Не ожидал!

[1] Расстояние от Петрозаводска до пос. Вешкелица ок. 100 км. (*Прим. сост.*)

Я пока что жив-здоров. За последнее время поправился. Пришел в тело, так сказать.

Пишешь о «врозь» и «вместе». Да еще — по вине там чьей-то. Ну и злопамятная же ты! А знаешь, кто старое вспомнит, тому...

В части ребят: ты окружена совушкиными детками. Так? За Валеру переживаю. Получила ли она от меня письмо? В октябре всем четверым посланы самые красивые открытки, какие только я мог найти. Получены ли они?

Ну, пока, пишите. Андрей

17 января 1944 г., жене

Ранен. Осколком мины. В лоб. Еду на излечение. Деньги за январь переведут из части. Ранение получил 16-го в 11 часов.

Андрей

20 января 1944 г.

Валера взяла и написала отцу письмецо. Вот это молодец. А ты? Неужели причина в том, что не имеешься бумаги? Жаль, если это так. А меня интересует все, что касается тебя. Говорят, ты уже такой, как мама. А как ты одет? Имеешь ли красивый костюм и пальто? Какой ботинок требует твоя нога? Она, наверное, немного уступает моей. И вообще размеры всех ваших ног.

Читаешь ли ты сводки Совинформбюро и приказы Сталина? Ищи там то, что адресовано маршалу Коневу и генералу Гусеву. Твой отец воюет там. Адрес старый. Пиши, жду. У нас зима. Отец.

Куда подевали мою библиотеку, когда уезжали из Сыктывкара?

25 февраля 1944 г.

Нет, этого никто не сможет рассказать, это нужно увидеть самому, чтобы получилось точное представление... Из лесов бегут навстречу люди. Тут и дети, и женщины, и старики. Много партизан.

Женщины начинают всхлипывать при виде первого бойца. Старики выдерживают до появления знамени. Здесь и они начинают сопеть и благословлять — помоги вам Бог. Женщины окружают вас самым трогательным вниманием. Ваши валенки (этак в пуд весом) за время короткого привала приобретают свой обычный нормальный вид.

Партизаны. Это — в большинстве молодые люди, бодрые, с настоящими алыми ленточками наискосок на поле шапки.

А фриц овшивел и опоганился окончательно.

Солнышко победы — восходит.

Ваш Андрей

23 марта 1944 г.

Старушка!

Как-то неровно у вас получается. То густо-густо, то совсем пусто. Конечно, иначе и быть не может: еще раз проявилась крайняя нерасчетливость твоя. Да, да — нерасчетливость. А время сейчас такое, что она совсем необходима. Необходима, да.

Я могу лишь помогать пока что суммой около 800 целковых в месяц. Да неужели же у вас все так дорого?

Жду подробного письма. Сейчас живу в осв[обожденной] деревне. Скоро — опять в бой.

Андрей

3 апреля 1944 г.

Дорогая жена!

Из письмеца твоего я составил себе не совсем ясное представление о том, как же вы живете и что у вас там происходит. Получаете ли по крайней мере от меня деньги? Неужели ж так трудно черкнуть об этом. Каковы дела у Маши по служебной линии? У меня особенного ничего не произошло. Идут напряженные боевые будни. Почему Лев не отвечает на мои письма. Ему придется подождать моего возвращения. Тогда сможем поехать куда только вздумаем. А пока — на месте.

А Дима-шалун что там делает? Привет [Валере] и Светланочке, а также всем взрослым.

Андрей

14 апреля 1944 г.

[Письмо на оборотной стороне открытки с текстом гимна СССР.]

Школьники!

К моему приезду к вам разучить этот Гимн. Научиться правильно и красиво его исполнять. Постараться, насколько это в ваши годы посильно для вас, понять смысл, содержание.

Жду письма.

Ваш отец

30 мая 1944 г.

Дорогой Лева!

Я тебе посылал и письмо, и открытки. И очень красивые. Неужели ж ты их не получил? Жаль. Здесь не очень легко достать красивую открытку. Если найду, конечно, получишь. У тебя начались каникулы. Сообщи, как перешел в следующий класс.

Отец

4 июня 1944 г.

Что-то опять долгонько нет писем из Маралихи. Что там делается? Наверное, недоумевают, почему в мае нет перевода. Но оный будет в июне за оба месяца. Связано это с новым назначением. Оклад вместе со служебным положением делает скачок вверх. Работа тоже усложняется и увеличивается по объему и ответственности.

Из Л-да нет письма вот уже три месяца. Получил письмо от Регины. Начинают попадаться земляки. Письма из Маралихи жду.

Андрей

29 июня 1944 г.

Здравствуй, Лева!

Я не могу понять твоего почерка. Или это опять писал не ты?

Неужели ты перешел уже в пятый класс? Здорово. Значит, до ремесленного училища, если еще не оставил мечты поступить туда, остается учиться не так уж и много. Нажмешь, и готово. Я не разобрал, что же ты проверил утром, когда поднялся в 6. Говоришь, у вас там жарко. У нас прошли сильные дожди и было очень холодно. Чем заболел Дима? Ужели поправился?

Скоро поедете домой. Меня будете, наверно, встречать уже там. В квартире № 13. Помнишь? Собери мои книги. Только, наверно, их новые хозяева там разбросали.

Ну пиши мне.

Твой папа

26 октября 1944 г.

Валерочка!

Ты теперь уже большая и грамотная, а письмеца папе не удосужишься написать. Ай-яй-яй! Написала бы, как живешь и учишься.

Я живу пока что ничего. Вот взяли Ригу и поехали воевать в берлогу. Уже 23 октября нас благодарил Сталин. И Москва салютовала.

Пока почта со старого места не догонит нас, я и не знал точно, где вы находитесь. Как только узнаю, переведу вам деньжонок.

В общем думаю, что скоро я буду у вас. И тогда расскажу, что видел и узнал.

А что делают Дима и Светлана?

Пиши. Жду твоего письма с нетерпением.

Папа

7 ноября 1944 г.

Этот октябрь опять фронтовой. Следующий, хочется верить, будет мирным. Быть может, доведется отпраздновать его и мне грешному.

Выпил я вчера. До состояния риз. Отдача еще чувствуется и по сейчас. Как в добрые старые времена. Отвык, видимо, от этого дела. Только думаю, что вспомню и снова овладею.

Поздравляю с праздниками и жду письма. 1250 руб. получите.

Пишите, Андрей

14 ноября 1944 г.

Когда еще Ламбисельга была у врага, я написал письмо в Нюгу и там нашлась дочь Дм. Ив-ча Аня — замечательно аккуратная корреспондентка. Они регулярно посылают мне поклон от бесчисленных племянников. Получаю письма от Нины Кимпеляйнен. Она сообщила мне, что жив Петр...

Я уже был в берлоге. Буду снова и через Берлин вернусь домой.

Перевел вам полчаса назад 750 руб. 1250 руб. перевел в начале месяца.

Говорят, в нашем городе еще нелегко жить.

Я переехал на другой фронт, и от вас писем нет.

Андрей

2 декабря 1944 г.

Берлога.

Получить одно письмо в мае, а второе — в декабре, это можно только от почтеннейшей Федульи Ивановны [жены].

Не знаю, дошли ли мои письма на Маралиху. Неужели вы не догадались сообщить туда свой новый адрес? Уже писал начальнику Краснощековской райконторы связи. Туда переведены две тысячи.

За это лето прошел путь от Пскова до проклятой Германии. Писал ребятишкам, что их отец награжден Красной Звездой генералом.

Получаю регулярно письма из [нрзб.] от Анны Дм., от сестер Кимпеляйнен, от Савельевых (они живут в Ламбисельге в нашем доме), от Райкерус. Наша квартира в Петрозаводске цела. Что там сохранилось, не пишут. А живет в ней [нрзб.]. Это, кажется, ничего человек. Разумеется, старый фронтовик, боевой старший лейтенант-орденоносец будет иметь право на нее — да еще не только на нее, а и на балконы. Об этом Советская власть позаботится.

А что заставляет сидеть, набравшись в рот воды, мою сестру? Или она уже разучилась писать? И как зовут мою новую племянницу?

Письма получаю еще из Л[енингра]да и от Кл[авдии] П[етровны] и Марины. Они не имели от меня полгода писем и теперь считают вернувшимся с того света.

Петр Федорович жив и вызволен из плена.

Целую всех. Андрей

Не сохранилось ли для меня карточки на открытке?

27 декабря 1944 г.

Дорогие Валера и Лева!

Наконец я дождался от вас письмеца. Жаль, жаль, что бумаги у вас не хватает на письма. Ладно, я постараюсь прислать. Но ведь много не пришлешь. Бумагу эту использовать на письма мне и на усвоение таблицы умножения «на семь».

Вы теперь грамотные. А вот некоторые взрослые у вас, видимо, разучились писать письма и умеют надписывать только адреса. Научитесь писать адрес, и тогда они могут освободиться и от этого изнурительного дела.

Деньги вы должны были получить в конце ноября или начале декабря — 2000 руб. Если же не получили, срочно пишите в Краснощековскую почту — куда они их подевали. У вас зима, а у нас — ни снежинки. Сухо. Ветер играет песком. Как-то даже непривычно.

Ну, будьте здоровы. Целую. Отец

10 января 1945 г.

Для меня неясно:

1. Получили ли вы две тысячи, которые переведены в ноябре в Маралиху?

2. Поняли ли вы, что у Андрея уже давно сверкает на груди орден Красной Звезды, которым наградил его знаменитый генерал?

Неужели так уж тяжело [нрзб.] на два этих момента? Посторонние осыпали письмами с поздравлениями, а своя семья не замечает...

Степан считал месяца четыре меня выбывшим, а теперь растаял весь. Он-то это понимает!

Ал-ре Ив-не немедленно переведу. И порядочно. Получаю письма от Кл. Петровны почти через день. От Регины.

Ну какая чепуха вам взбрела в голову — в нашей квартире чертов лестехникумовский. Ну что вы!

Где Петр? Мне никто об этом не сообщал ничего. И я ясно представляю — почему. И вы неглупые и должны также понимать и не расспрашивать ни у кого. Ясно?

Не терплю я этой игры в жмурки. Я пишу об одном, прошу сообщить о том или другом важном для вас же, а вы пропускаете мой вопрос мимо ушей и сознания и расспрашиваете о вещах, ничего не имеющих общего с ними.

Что Дима с Валерой, этого я представить не могу. Какой же он из себя? И Валера?

Она приглашает меня скорее домой. Скоро. И тогда увидите, что внесла в стиль Андрея война. Потерял он что или приобрел.

Пишите, целую всех.

Муж, отец, брат, дядюшка и т.д.

8 марта 1945 г.

Германия

Валера сообщила мне, наконец, что перевод получили. Сколько? Сообщите. На днях сделаю новый. Большой. Первая моя посылка, к сожалению, постельно-полотеночная. Следующие постараюсь скомбинировать посущественнее. Возможности к этому здесь совершенно неограниченные. Думаю, что будете обеспечены неплохо всем нужным. [...]

Андрей

12 марта 1945 г.

Германия

Напряжение войны не спало, но начинаем чувствовать, наконец, по-настоящему плоды трудов и усилий предыдущих лет. Уже не дымные землянки, а удобные квартиры с роскошной обстановкой — к услугам победителей. Немцы [нрзб.]. И плачут, наконец, они!

Меня начинают беспокоить зубы. Все коренные. Это — единственное, что у меня было по-настоящему здорового. [нрзб.] писала мне как-то, что вы сильно бедствуете в отношении одежды. Думаю, что этот вопрос будет разрешен радикально и на все остальное время... И Митропольский или Марвин там будут простыми карикатурами в этом плане. Ясно? Первые десять килограмм, пока не совсем такие, какие бы хотелось, уже едут. Но и то, что едет, должно подойти, как мне кажется.

Перевод получился не очень большой, потому что вторую ставку и полевые деньги получаем немецкими марками. Ал-ре Ив-не перевел 500.

Какой из ноябрьских переводов вы получили? У меня квитанции не сохранились, и я точно не помню. В общем, должно быть, кажется, две тысячи.

Жду ответ.

Андрей

23 марта 1945 г.

Германия

Писем от вас нет, и, видимо, скоро их и не будет. Очень подолгу ходят они сюда.

Сегодня послал посылочку. Думаю, что она адресату понравится. Валера должна стать самой нарядной девочкой. Сыновьями и племянницами займусь особо, но их почему-то плохо представляю и посему полагаюсь на вкус мамаш. Даже смогут выглядеть как две капли воды.

Здесь тепло. Поля зазеленели. Сегодня было +24. Вспотел на марше до нитки. У меня появилось уверенность, что война скоро кончится. Больно уж внушительно шагает Советская Русь по неметчине! Фрау, эти почтенные бестии, начали ходить за скотом и при этом под присмотром своих вчерашних рабынь. Как резко изменились времена! А еще так недавно все было иначе.

Вообще будет что вспомнить.

Андрей

27 марта 1945 г.

Германия

Дорогой Лева!

За поздравление с праздником большое тебе спасибо. Красная Армия теперь для меня так же близка и родна, как и вы. А письма я пишу вам регулярно. Рад, что имеете возможность слушать радио. Значит, вы узнаете новости раньше нас. Даже, вот приказ № 305 Сталина, в котором он благодарит и вашего отца, вы услыхали видно в тот же день. Ищи в Приказах Сталина генерал-полковника Новосельского, полковника Сухарева. И вообще интересуйся именами наших талантливых полководцев.

Дядя Степа мне пишет довольно часто. Хорошо, что Дима растет таким богатырем. Пальто и костюмы у тебя очень скоро будут новые и красивые. Сапожки сшейте на заказ. По ноге. «Бабушке» перевел 500 руб. Ножичек я мог тебе послать давно, но не знал, что тебе он так нужен, да еще для плетения корчаг. Его, конечно, получишь. Уже дал «заявку» дяде Никите. Он найдет и достанет все. Напиши, понравились ли вам гармошки. И пару выслал во второй посылке.

Ну пока, жду ответ.

Отец

14 апреля 1945 г.

Германия

На днях получил письмо от Льва, а сегодня — от Вас. Льву не смог ответить сразу: все внимание и время занимает фриц, рыжий черт. Но это, надеемся, продлится уже недолго. Да и сами вы это увидите в самом ближайшем будущем. Ножичек Льву я, конечно, могу выслать. Но надо иметь в виду, что он весит, невесомый не бывает. Вместо него может приехать нужная деталь фотоаппарата. А научиться снимать ему нужно обязательно. Лимиты, когда я буду дома, на это дело не будут ограниченными.

В отношении сплетен по адресу Петра я писать никому не намерен. Я выше всего этого. Время покажет истину. Рассчитываю через некоторое время раздавить поллитра и дело с концом.

Апрель 1945 г.

Лева!

Письмо от 10-го получил. Хорошо, что бабушка попала к вам. Мне так и неизвестно, получила ли она от меня 500 руб. С этим Карповским заводом у меня не все было ясно.

Огород — хорошая вещь. Домой поедете только тогда, когда окажусь гражданским я. А пока жить на месте. Торопиться незачем совсем. Я имею некоторые сведения из своего города. Там еще далеко не все налажено после войны и может получиться положение, в котором жили на улице [нрзб.]. Сейчас важно пока оно, что войны больше нет. Все остальное устроится понемногу.

Будет неважно, если не дойдут посылки. Все ваши дела быстро бы поправились.

Где Валерия и Регина? Последняя мне уже давно перестала отвечать. А Валерия ни разу и не вспомнила, что существует на свете Андрей...

Пишите.

Отец

13 мая 1945 г.

Первый день Победы провел в Германии. Сейчас нахожусь в Чехословакии. Какой это чудный народ и какая это замечательная страна! И какой триумф переживает наша непобедимая Красная Армия.

Андрей

Дима К.: «ВЫШЛЮ ВАМ АТТЕСТАТ НА ВОЕНКОМАТ, ГДЕ ТЫ И БУДЕШЬ ПОЛУЧАТЬ ДЕНЬГИ» (1943)

Биографическую информацию об авторе данного письма, к сожалению, установить не удалось.

15 февраля 1943 г.

Привет с фронта!

Добрый день, дорогие Мама и брат Шурик!

Шлю вам свой привет и сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Мама, я от вас получил 7 писем, за которые вас очень благодарю. Вы ведь знаете, как здесь на фронте дорога каждая строчка от родных, как поднимает боевое настроение письмо.

Получил я письмо и от Шурика, за которое ему тоже большое спасибо, только он очень мало написал о своей работе и о том, как он проводит время. Если он еще будет писать, то пусть начнет про это. Мама, вы как уже знаете из постановления правительства, мы уже надели погоны. Надев их, мы поклялись, еще беспощадней истреблять и гнать фашистскую сволочь с нашей родной земли, как гнали иноземных захватчиков воины Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова и как гнала наша Красная Армия немецких оккупантов в 1918 году.

Мама, вы просили, чтобы я вам выслал фотокарточку, просьбу я вашу выполнил. Высылаю свою фотокарточку 10 февраля 1943 г. Надеюсь, вы ее скоро получите. Теперь я вас прошу выслать мне свои фотокарточки. Я получил от вас письмо, в котором вы сообщаете, что получили мои деньги 600 руб. Это очень хорошо, вас это поддержит. 18/I—43я вам выслал по этому же адресу еще 500 руб., надеюсь, вы их тоже получили. Завтра, т.е. 16/II, я вам высылаю еще 500 руб. Адрес ваш еще не знаю, не знаю так же, к какому военкомату вы относитесь; как получу это, то вышлю вам аттестат на военкомат, где ты и будешь получать деньги. Аттестат вышлю на март месяц.

Сам я живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь; находимся все на том же месте, т.е. километрах в 80 от родного города, когда выбьем фашистскую сволочь оттуда, то побываю дома и все опишу, как там есть.

Писем я отцу больше писать не буду, если он оказался таким подлецом, бросив семью в такое трудное для вас время. Ну пока до свидания, мои дорогие, Мама и брат Шурик. Крепко, крепко вас целую. Пишите почаще.

Ваш сын Дима К.

Б.М. Козенко: «ЕСТЬ У МЕНЯ КОЛЛЕКЦИЯ ДЕНЕГ ВОСЬМИ ГОСУДАРСТВ» (1944)

Б.М. Козенко — участник Великой Отечественной войны, лейтенант. Его личное письмо с войны хранится в Государственном архиве Краснодарского края. Письмо написано на листе формата А4 в линию черной чернильной ручной. По тексту письма зеленым и коричневым карандашом на свободном месте написано детским почерком «Лена». По-видимому, письмо в архив передали родственники погибшего в годы войны лейтенанта.

28 сентября 1944 г.

Мои дорогие дочурка и женушка.

Наконец-то я получил от вас весточку: больше чем два месяца не имел никакого представления о том, как вы поживаете, и, откровенно говоря, смутно представляю сейчас, хоть жалобы ваши остаются безответными.

Ты никак не наберешься сил ответить на один и тот же вопрос, повторяющийся во всех моих письмах: какую помощь оказывали тебе со стороны, думаю, что этого вопроса не забудешь и напишешь мне. Два дня тому назад я сделал следующую пометку в своей записной книжке: «День 26 сентября 1944 г. Из ... на автомашине и пешком добрался до ... несколько докладов. Вечером моросил дождь. В имении какого-то помещика [истекает мой. — *Ред.*] 31 год. Шлепает по натянутому полотенцу [нрзб.]. Уже поздний час. Наступил 32 год!» Мол что никак год ты у меня украла: не сороковой десяток, а [нрзб.] и второй год его пошел, а впрочем, что тут страшного. Жалко, что хотя бы подарочки мои, которые я ежемесячно все коплю и коплю для дочурки не будут ко дню рождения ее. Леночка, а что у меня есть! И сладенькое, и солененькое, и ароматное, и вкусненькое, но все это для вас, — тебя и мамы пока пустой звук: очень уж мы далеко друг от друга, чтобы добросить специальный мой продуктовый чемоданчик до вас.

Кроме того, но уж это не для вас, есть у меня коллекция денег восьми государств, бумажных и звонких монет, коллекция марок и прочая всячина. В часы досуга с удовольствием и вы [нрзб.] мою папку с этой ерундой.

Здесь началось «бабье лето». Дождливых дней еще не [нрзб.]. Несколько раз моросил мелкий дождик. Однажды вечером на небе была радуга. Один солдат сперва сказал: «Быть теплой осени». Мы по-прежнему движемся все дальше и дальше на Запад, и чем дальше, тем меньше встречаешь людей, умеющих не только понимать, но и говорить по-польски. В связи с затишьем работы у меня стало меньше, но начальство не дремлет и использует меня на другом поприще, пока нет для меня отчетов...

Отвечаю на все мелочные вопросы по порядку: Немцев папа твой тоже бьет, их все бьют, потому что они много горя наделали, маленьких детей убивали,

стариков и старушек обижали; хотя они и похожи на людей, но сердце у них звериное, и когда немец в плен попадется, так поэтому прямо в глаза смотреть не может и такой ручной становится, словно дворняжка паршивая.

О еде здесь не думаем, даже выпиваем изредка, нам из страны сюда все хорошее привозят, чтобы крепкие солдаты были и крепче немца были, а такие вещи, как печенье, сальцо и [нрзб.] папа откладывает для своей дочурки, [которая] у него в Иркутске живет и зваться Леночка, мама написала, что хорошая она девочка и заслуживает всего.

А о постели солдаты не думают: она сама к ним приходит. Стоял однажды папа во дворе поздно вечером в одной деревне, темно, темно было и забыл, где дом, он пошел в сарай и переспал на соломе, а после этого дня три ловил блох: вот уж они его искусали. С тех пор папа на соломе в сараях больше не спит, а в палатках, в крестьянских избах, в кузове автомашины под открытым небом.

А убить на войне всякого могут. Если он пуль боится и на степку-растрепку похож: вот сидит раз папа, а с ним другие офицеры в домике одном и слышат то там, то тут бух, дуццц, бух, дццц, а окна в домике открыты были и вечерело, все и выскочили на улицу и смотрят: то там дымок, то там дымок. Эх, все кто куда, кто в погреб, кто в окопчик, кто в канаву. Немец пострелял, пострелял их своих пушек и перестал потом, а все люди вышли из своих земляных хаток целы и невредимы. А другой раз шел папа по дороге и слышит: бух и просвистело что-то, а потом еще и еще, еще; прилег папа и думает: «И какой это дурак по проезжей дороге стреляет?» — подумал, встал и пошел дальше, после этого никто больше не стрелял. А вечером если в хатенке при свете работают, то окна хорошенько закрывают, чтобы на улице совсем не видно было, что в доме свет. Тихо на дворе и слышно, как вражеский самолет летит, но на земле темно, и он пролетает мимо. А оттуда, где пушки наши — зенитки стоят, как начнут стрелять светящимися снарядами, вражеский летчик испугается и удирает во всю прыть обратно в свое логово.

Все, что тебе, моя девочка, интересно, пиши, а если еще писать не научилась, то чаще заставляй маму свою писать, а я буду самым подробным образом отвечать тебе, а если все будет благополучно, то, когда приеду, расскажу обо всем, и ты мне обо всем расскажешь; как ты росла без меня, как ты училась, как помогала мамочке своей в ее домашних работах по хозяйству, как свое кукольное хозяйство ведешь, не болеют ли твои куколки и не поломалась ли твоя мебель, какой обстановки недостает, радует ли кукольное семейство и почему не растет, умеешь ли для куколок приготовить завтрак, не берешь ли нож, вилки и ножницы у мамы, и если берешь, то кто тебе это разрешает делать, — все, все расскажешь. Расскажешь чем занималась и мама, это тоже интересно! Это письмо дойдет до вас дней через пятнадцать. В октябре м-це денег по адресату вы не получите, а получите их по переводу непосредственно из финчасти армии, в которой я служу. Если удастся выслать вам раньше и есть надежда получить [нрзб.] дополнительно, то вышлю незамедлительно ко дню рождения дочурки, никак нужно что-нибудь приготовить ей: не пожалей сотенку, я тебе ее эту сотенку из твоих 600 возмещу. Деньги — же вы получите либо до 19.10, либо в начале ноября. Вот так строй свои расчеты. Высылать буду старую сумму. Как мне ни хотелось

вырваться в августе м-це к вам, не удалось. Главный повод тот, что я из дивизии уехал в [нрзб.] командировку в М. и ничего не сделал, кроме того, что взял 1000 под отчет числящуюся за мной и доныне, хотя в списках части не числюсь, даже здесь меня нашли с просьбой буха об удержании этой тысячи, но не тут-то было, в [нрзб.] я был в командировке, заявляю я, и не только в деньгах дело, а и в имуществе мною не сданном, а во-вторых, минус командировочные, так что в общем вся переписка ушла обратно. Хотя м.б. мое управление (жд) просило настоящее управление наркомата откомандировать меня в Иркутск для улаживания этих дел, которые однако кажется улажены кроме этой тысячи минус 250.

Ну пока кончаю на этом; посылаю [нрзб.] с личиком моей дочурки. Целую свою девочку и желаю ей хорошего здоровья, радости большой и разума. Маме ее, моей Нинок, того же, последнего в меньшей степени.

До скорой встречи.

Ваш папа

Игорь Бояринов: «НЕ ЗАБУДЬ НАПИСАТЬ, ЕСТЬ ЛИ В ГОРОДЕ БАНК И ЧЕКОВЫЕ МАГАЗИНЫ» (1986)

Игорь Владимирович Бояринов (1964—1986) родился в пос. Найстенъярви Карельской АССР. В возрасте 15 лет был зачислен в Суворовское училище в Ленинграде, после окончания Ленинградского высшего общевойскового командного училища имени Кирова в 1985 г. был направлен на службу в Афганистан. Ниже приводятся его письма из Афганистана родителям, которым он сообщил лишь о том, что проходит службу в Туркестанском военном округе, и брату, которому было известно место службы И.В. Бояринова. Погиб 19 сентября 1986 г. в бою на перевале Амир.

19 апреля 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Спасибо за письмо, которое я вчера получил. Ты, я гляжу, начал исправлять, почаще писать начал. Так и держи, можешь еще чаще писать, а я тебе буду отвечать.

У меня все по-старому. Сижу на горке, загораю и в прямом смысле слова, и в переносном. Думаю, что теперь регулярнее буду писать. Тут довольно-таки хорошо, но скука ужасная. Сейчас мы тут занялись строительством, только вот скоро вода кончится и даже пока не знаем, что и делать. Ну да что-нибудь придумаем.

Я тут жду, когда ты письмо со свадебными фотками вышлешь. Твое письмо с фотками я получил, спасибо. У нас тут небольшое «ЧП» случилось, вертушка упала, а я как раз на ней письма отправлял, так что не знаю, получишь ли ты мое предыдущее письмо (хорошо хоть экипаж живой остался).

Вовка, ты в письме пишешь, что мама подала заявление на кооператив, так ты держи меня в курсе того, как это дело продвигается. Да, Вовка, если тебе нужны деньги, то ты напиши, я вышлю (я могу выслать, а вы ко мне не можете). Если хочешь, то могу и до востребования выслать или лучше на Женькин адрес, чтобы старики не знали (только ты Женьку предупреди и его адрес мне вышли).

Погода у нас наконец-то установилась, так что вертушки теперь регулярнее будут приходить, а следовательно, и почта будет попадать к нам регулярнее.

Ты меня держи в курсе всех новостей, ты ведь через Валерку и суккозерские узнаешь, и все городские и деревенские знаешь, так что пиши обо всем.

У вас там, я думаю, еще снег не весь сошел, но к началу мая уже его не будет. Как вы там насчет рыбалки, ведь, насколько я соображаю, у тебя и у папы по два выходных в неделю (а у меня ни одного), так что вы можете себе позволить и на рыбалку смотать. Или вы хоккей предпочитаете смотреть, ведь сейчас чемпионат мира идет, а я уже начинаю забывать, как телевизор выглядит, хорошо хоть изредка газеты подбрасывают, а то так можно и одичать совсем.

Тут вокруг нас уже вовсю землю пашут местные крестьяне, на волах и деревянной сохой — и это все в конце XX века, в век космоса?! Ни света у них, да и вообще никакого понятия о цивилизации нет, уткнулись носом в свою пашню и не замечают, что уже революция была.

Ну вот вроде и все, что хотел написать. Жду ответа.

До встречи.

Игорь

Привет от меня всем нашим, кого увидишь. Как твои дела насчет отпуска? Не забудь — в августе-сентябре!!! Пиши!!! Жду!!!

2 мая 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Что-то я от тебя не только свадебных фотографий, но и просто письма не могу дождаться. Опять ты начинаешь про меня забывать, а я и тебя, и всех наших каждый день вспоминаю, да и письма теперь пишу почаще.

У меня все по-старому, все так же мы оторваны от цивилизации, правда, тут соседям телевизор привезли, так что изредка можно и взглянуть. А то тут совсем одичать можно, даже последние газеты уже за 16 апреля, а сегодня уже 2 мая. И еще неизвестно, когда к нам почта доберется, погода стоит дождливая, так что летчикам повезло — они отдыхают, ну а у нас все идет своим чередом. Надоело все уже до чертиков, все время одни и те же лица вокруг и никуда не скроешься, только во сне и забываюсь. Часто вижу, как домой приезжаю, а наяву до этого еще ой как долго. Если нужны деньги, то ты мне напиши и вышли Женькин адрес, чтобы все тихо-мирно обошлось. Мне тут их все равно не видать, нам ведь чеками платят, и в Союзе деньги идут, так что если надо, то ты только напиши и все о'кей будет.

Как там у тебя дела на работе? Ты уж там дурью не майся, не пьянствуй, а то ведь сам знаешь, как там мама переживает, да и сам здоровье побереги.

Ты Женьке передал то, что я просил? Ну насчет того, что он дешево не отделается от меня, когда я к нему заявлюсь..

Как там у тебя дела насчет отпуска? Ты не забудь, о чем я просил, чтобы ты отпуск брал, когда я уже дома буду, чтобы они у нас совпали. Что там нового насчет кооператива? А то уже апрель прошел, а ты всего одну строчку написал, что мама заявление подала, а что и как дальше — ты молчишь. Если нужны деньги, то напиши, я вышлю при первой возможности. Как там папа? Все еще в министерстве. Что нового (и старого) знаешь о суккозерцах? Как там Мишка с Валеркой? Мишка тоже, наверно, в городе работает? Видишь, сколько у меня к тебе вопросов, а ты все упорно молчишь, надо же и совесть поиметь.

Как там машина? Все наладил или как? Ты зря на меня бочку катишь, я же на ней только несколько раз поездил в отпуске, так что ломал ее не я.

Эх, как хочется поскорее домой, но до отпуска еще четыре месяца, а это еще долго, но наступит он, тогда мы с тобой погуляем (если ты, конечно, сумеешь его совместить с моим).

Ну вот вроде и все.

До встречи.

Игорь

Привет от меня всем нашим, кого увидишь, а Мишке с Валеркой особо. Женьке напомни о том, что я написал, и привет ему огромный. Пиши, жду писем!!!

2 мая 1986 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Вовчик!

Почему-то очень долго от Вас опять нет писем. Вы уж не ленитесь там, пишите мне почаще, ведь вас все-таки трое, а я — один.

У меня все нормально, живу как на курорте, даже загораю (один раз уже кожа слезла), правда, сейчас что-то погода опять дождливая стоит, уже неделю нормально солнце не светило — все дождь да дождь. Ночи сейчас еще довольно-таки прохладные, да и темно очень, потому что луны нет, но скоро будет новолуние. Сейчас даже и звезд не видно по ночам, все из-за туч, которые проливаются над нами, а ветер их гоняет взад-вперед, один день в одну сторону дует, а на другой — в другую.

А у Вас там, я думаю, уже снег последний стаивает и березовый сок идет. Хорошо бы сейчас в лесу побывать, вот только пока об этом только мечтать приходится. Ну да ничего, приеду домой, и все сбудется.

Постоянно жалею, что тут книг хороших нет, а то стало появляться время для их чтения. Тем более что в дождливую погоду и на улицу выходить не хочется. Вот и сейчас на улице дождь льет и туман поднимается, хотя это и туманом назвать нельзя, просто это самые нижние облака за горы цепляются. Вообще-то весна у нас уже чувствуется, хотя бы потому, что трава зеленеет и листья на деревьях распустились (для них дождь на пользу идет, ну а нам он уже надоедает своей нудностью).

Цветы тут тоже есть, даже тюльпаны (красные), но они все на очень маленьких стеблях и к земле прижимаются. Мы все тут мечтаем, чтобы поскорее жара наступила, а то уже мокнем целый месяц под дождями.

А что там у Вас нового? Как дела насчет квартиры? Когда у вас отпуска будут? Собираетесь ли к Колесниковым? Что там в деревне? Как машина? В общем, пишите обо всем и почаще, а то жду-жду от Вас письма, а его все нет и нет. Ведь я уже писал Вам, что у нас еще и из-за погоды почту доставляют не вовремя, а Вы еще редко пишете, вот и получается, что я уже две последние доставки почты остался без писем от Вас. А по такой погоде, как сейчас, еще и неизвестно, когда нам почту привезут, точнее когда она к нам прилетит по воздуху.

Извините, что с опозданием поздравляю вас всех с Первомаем. Все Вы у меня трудящиеся, так что это ваш праздник, поэтому примите мои самые сердечные поздравления: здоровья Вам, бодрого настроения, успехов в работе и всего самого-самого наилучшего. И, пожалуйста, пишите почаще, чтобы я с каждой почтой от вас письма получал.

Вот вроде и все, что я хотел написать.

До свиданья.

Игорь

Привет от меня всем нашим, кого увидите. Пишите, жду письма!!!

15 июня 1986 г.

Здравствуй, Вовчик!

Что-то долго от тебя нет писем. Я уже тебе три письма послал, а от тебя ни ответа ни привета. Как ты там поживаешь? На ходу ли машина? Как вопрос с отпуском? Как там все наши? Что нового у Валерки с Мишкой? Какие суккозерские новости знаешь?

Мой отпуск пока еще под вопросом, но, видимо, все-таки где-то в августе-сентябре удастся вырваться. Посмотрим, через месяц-полтора все прояснится. У меня тут все, в принципе, по-старому, опять на некоторое время переселился по соседству. Сколько придется тут пожить, пока неизвестно, но я рассчитываю недолго, ведь, как говорится, «надейся на лучшее, а готовься — к худшему». Место здесь неплохое, вот только жара очень уж надоедает, ну да зато загореть можно будет, если только ничего не изменится. Ну да тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Тут поневоле станешь суеверным. Надоедает бездельничать, вот и лезет в голову всякая чертовщина, вроде суеверий.

Место тут хорошее, река недалеко, всего каких-то 1,5 км, ну да это на равнине недалеко, а у нас здесь горы, так что семь потов сойдет, пока доберешься туда, да еще и назад возвращаться надо. У нас здесь местные жители скоро уже урожай снимать будут, уже пшеница созревает.

Эх, Вовка, узнал бы ты, как сейчас охота куда-нибудь в лес, на озеро, да порыбачить от души. Скоро ведь уже год будет, как я в лесу не был и на рыбалку не ходил. Хорошо хоть до августа немного осталось, всего 1,5 месяца, а там уже можно будет и отпуск попробовать выбить, вот только неясно пока, дадут или нет. Хочется Вас всех увидеть, но пока только на фотографии глядеть остается. Кстати, ты до сих пор мне Женькины свадебные не выслал, а ведь уже прошло почти три месяца, мог бы уже десять раз сделать и выслать, а то все обещаешь и дело с концами.

Я вот все думаю, может, мы на машине с тобой в отпуск махнем, а? Как ты думаешь? Было бы здорово, только надо, чтоб машина была надежна. Как там вопрос у мамы насчет квартиры? Ты ведь должен меня в курсе держать, а ты даже письма не пишешь.

Вот вроде и все.

До встречи.

Игорь

Привет от меня всем нашим, кого увидишь, а Женьке особо. Мишке с Валеркой тоже привет передавай.

Пиши, пиши, жду!!!

20 июня 1986 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Вовчик!

Мама, на днях получил твое письмо, большое спасибо. Ты пишешь чаще, чем Вовка и папа вместе взятые. Мама, ты меня зря подозреваешь, что я не писал, потому что был на лечении. Я не писал потому, что не имел свободного времени для того, чтобы сесть и хоть пару строк написать. Ну да ничего, скоро я в отпуск приеду и все, думаю, станет ясно. Вот сейчас есть время, чтобы письма писать, вот

я и пишу регулярно, тем более что временами просто и занять себя бывает нечем. Недавно прочитал первые две книги Чаковского «Победа», мама, я буду очень благодарен тебе, если ты на время моего отпуска сможешь взять третью книгу, а то здесь, сколько я ни искал, ни у кого ее нет. А роман очень интересный, тем более что раскрывает особенность 1945 года в том плане, в котором я впервые увидел год Победы. Так же я хотел бы перечитать «Щит и меч» Кожевникова и, конечно же, «Экспансию I и II» Ю. Семенова. Если сможешь, то найди что-нибудь из Пикуля и И. Ефремова (желательно «Лезвие бритвы»). Как видишь, моя читательская программа на отпуск более чем обширна, но ты же знаешь, что я быстро читаю.

Насчет остальных планов на свой отпуск, я думаю, лучше будет поговорить дома всем вместе. Но насчет поездки к Колесниковым я думаю, что лучше будет съездить нам на будущий год, и вот почему: во-первых, Сашка еще маленький и тете Розе будет все-таки больше забот с ним и не до нас будет (мы только мешаться будем), во-вторых, в 1987 году у меня отпуск будет (это точно) в сентябре-октябре, а в это время года и с билетами будет свободнее, и всем Вам в эти месяцы отпуск, я думаю, дадут свободно, конечно осень есть осень, но главное-то мы увидимся, ну и наконец, в-третьих, я уже пообещал ребятам заехать в этом своем отпуске, так что как-то неудобно получится, если не заеду. На счет Сашки, я думаю, что через год с ним забот будет поменьше, так что и тетя Роза будет посвободнее, а в октябре у них еще должно быть тепло, так что я предлагаю отложить поездку в Караганду на 1987 год. Ну да дома еще раз все решим.

Вот вроде и все, о чем я хотел написать.

До свиданья.

Игорь.

P.S. Ух, и жара у нас сейчас стоит, градусов 45, не меньше. Привет от меня все нашим, будете в деревне, скажите, что в отпуске обязательно заеду. Пишите!!!

25 июня 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Я уже устал взывать к твоей совести. Сколько можно писать без ответа. Я пишу-пишу, а от тебя ни слова нет.

У меня все по-старому. Сижу на сопке, загораю, пишу письма, а по мне муравьи лазят. Жара стоит, но пока еще не в полную силу, скоро обещают еще жарче будет. Хорошо хоть в низу ручей течет, а то бы от жажды погибли. А так даже купаться спускаюсь изредка.

Недавно варил уху, так домой захотелось, у костра в лесу посидеть. С удочкой побродить. Ну да, ничего, скоро будет и на нашей улице праздник. Думаю, что отпуск мне все-таки в августе должны дать, так что готовь машину и рыбацкие снасти, ну и, естественно, кроме всего прочего мы еще и по Союзу покатаемся. Пока все, о чем писал, остается в силе. Да, не забудь написать, есть ли в городе банк и чековые магазины.

Вот вроде и все.

До встречи.

Игорь

Привет от меня Мишке и Валерке. Валерку поздравь с днем рождения, пожелай ему всего-всего самого. Я помню, что ему 22-го был день рожденья.

Пиши, жду писем!!!

30 июня 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Наконец-то получил от тебя письмо. Все-таки шею тебе намылить надо бы за то, что ищешь отговорки и не пишешь почти ничего толком.

Валерку с Леной поздравь от моего имени. Мог бы Валерка и до августа подождать, до моего приезда, ну да ладно, свои люди сочтемся, если увидимся во время моего отпуска.

У меня все вроде бы по-старому, все как писал раньше.

Вовка, ты как думаешь насчет того, чтобы нам на машине в Ригу смотать? Я был бы очень даже не против. Ну да, приеду домой, там все взвесим и решим окончательно. Ты наш уговор на счет отпуска не забыл? Я приеду, а потом ты отпуск берешь, понял?!

Да, не забудь узнать, есть ли в городе банк и чековый магазин, и сразу мне напиши.

Напиши, где работаешь, на чем, что и как, где в свободное время бываешь, чем занимаешься? Мне же все это неизвестно, так что пиши поподробнее. Жду фотки и рассказ о Валеркиной свадьбе, кого там увидел, что и как в Суккозере.

В общем, пиши, жду!!!

До встречи в августе.

Игорь

Привет от меня всем нашим. Не забудь, что 25 июля у родителей праздник, маме обязательно цветы купи, а подарок — приеду, вместе выберем.

31 июня 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Спасибо за письмо, которое я получил на днях.

Как ты, наверно, знаешь из моего предыдущего письма, отпуск мой перенесен на декабрь, так что если сможешь, то и свой тоже перенеси на конец декабря. Возьмешь его, как мы и договорились, после моего приезда домой. А после Нового года мы с тобой покатаемся, как я и обещал. Отпуск мой перенесли из-за того, что одного взводного ранили, и он сейчас в госпитале. Так что я тут ни при чем, от меня это никак не зависит. Ну да это даже и хорошо, ведь и Новый год дома буду и после отпуска мне останется здесь служить меньше года. На 87-й год планируй свой отпуск где-то на конец августа — начало сентября, но это пока опять-таки предварительно, а точно я скажу только где-то в феврале, когда узнаю срок своей замены отсюда.

Сейчас у меня опять появилось свободное время, так что и книги читаю, и в нарды играю (а ты там тоже давай учись — приеду сыграем), да письма пишу, вот и все мои развлечения вне службы. Можно и загорать бы, но погода уж больно жаркая, а воды близко нет, так что скрываюсь в тени, а в тени +47. Хорошо хоть жара легко переносится. По ночам прохладно, все-таки сказывается высота,

живу почти на 2,5 км, так что, сам понимаешь, что по ночам в спальном мешке приходится греться, а то на воздухе холодно. Ночи стоят темные, а недели через две новолуние будет, пока же луной и не пахнет.

Одно плохо, что нет ни телевизора, ни радио, а газеты доставляют крайне нерегулярно, так что опять я оказался оторван от цивилизации, а ты мог бы и почаще писать, ведь все равно сидишь за баранкой и пока начальника ждешь, только книжки читаешь, а мог бы и письма черкануть, а то я тебе почти в 2 раза чаще пишу, чем ты мне.

Как там прошло 25 июля, а? Ведь все-таки уже 25 лет миновало, как родители расписались.

Вовка, если у тебя есть совесть, то пора бы уже выслать фотографии, а то обещал и с концами.

Я тут постригся наголо, так что, как будут фотки, я вышлю, но до этого еще придется подождать, пока меня отсюда снимут.

Вот и все, что я хотел написать.

До встречи.

Игорь

Привет от меня Мишке с Валеркой и всем нашим, кого увидишь.

Пиши, жду писем!!!

1 августа 1986 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Вовчик!

Спасибо за письма, которые я получил. Мое письмо, конечно, придет поздно, но Вы все-таки поздравьте Валерку с Леной от моего имени, пожелайте им всего самого-самого-самого.

Насчет моего отпуска: я и сам пока точно не знаю, когда, что и как, но предварительно — где-то в конце августа. Насчет поездки к Колесниковым я уже подробно написал в одном из последних писем, так что повторяться не буду.

У меня тут все по-старому. Отдыхаю, как на хорошем курорте, обленился до последней крайности, даже ходить лень, так целый день и провожу в лежачем состоянии: читаю, письма пишу. В общем, отдыхаю и набираюсь сил перед отпуском. Погода стоит жаркая, хорошо хоть вода близко, так что бегаем купаться.

Мама и папа, я вас сердечно поздравляю с 25-летием совместной жизни. Желаю вам здоровья, семейного благополучия и счастья. Живите в мире и согласии, чистого неба Вам над головой и побольше счастливых дней.

До свиданья.

Игорь

Привет от меня всем нашим. Пишите чаще, я жду!!!

6 августа 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Что-то опять очень долго от тебя нет писем. Ты уж давай — не ленись, а то ведь и я могу реже начать писать. Ты хоть раз в неделю по страничке пиши и высылай, а то тут ждешь твоих писем, а их все нет и нет.

У меня все по-старому. Отпуск будет в конце декабря, так что ты давай свой тоже на конец года рассчитывай, я думаю, что в декабре у вас там будет немного желающих в отпуск смотаться. А когда я приеду, то решим, с какого именно числа тебе брать отпуск (я хочу, чтобы твой отпуск и кусок января захватил, так что ты тоже так планируй, а там видно будет).

Я тут уже две недели назад налысо постригся, так что к отпуску только волосы и отрастут.

Вовка, ты давай там прикидывай, что я одевать в отпуске буду, особенно на ноги, и пиши мне, а если нужны будут деньги, то ты напиши, сколько и когда, а я вышлю тебе. Ты понял меня или нет? Надо, чтобы я к отпуску был одет как нормальный человек. Размеры: одежда 46/4, обувь — 39—40, шапка 54—55. Так что я на тебя очень надеюсь в этом вопросе.

Ну какие еще новости у меня. Третий день дует «афганец», пыль в воздухе стоит, а вертушки уже пять дней не летают, так что ни почты нет, да и вода уже два дня назад кончилась, так что и готовить толком не на чем. Правда, сегодня у моего бойца день рождения, так что мы и блинчики сообразили, и плов уже готовят (мои азиаты насчет этого неплохие умельцы). В общем, жить можно, лишь бы завтра вертушки были, а то и продукты кончаются, скоро уже и голодать начнем, если «афганец» продержится еще дней пять. Но будем надеяться на лучшее, а готовиться к худшему.

Как там у тебя-то дела? А то я знаю, что на ГАЗ-69 ездишь и начальника возишь, а больше ничего толком и не напишешь. Как там с рыбалкой дела? Как грибы, ягоды? Ты давай больше собирай, чтобы я мог и дома поесть, да и с собой забрать кое-что. Как дела в деревне? На ходу ли машина? Ты уж постарайся, чтобы она к моему отпуску бегала, как новая, чтоб и в деревню, и на рыбалку можно было смотать, да и по городу поездить.

Ну вот вроде и все.

До встречи.

Игорь

Привет от меня Мишке с Валеркой и всем нашим.

Еще раз тебя с Днем рожденья, всего самого-самого.

Пиши, жду твоих писем!!!

16 августа 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Я уже устал тебя в каждом письме ругать и читать твои извинения. Так что поимей совесть и пиши чаще без понуканий.

У меня все по-прежнему, сижу в горах, уже скоро четыре недели будет моему сидению. Так что надоело все до чертиков. Ну да это, видимо, оттого, что я думал в это время уже быть дома в отпуске, но... Вообще-то тут неплохо сидеть, пока тепло, но зимой будет похуже. Готовим сами себе, так что почти как в ресторане по заказу, вот только сам понимаешь, ничего нет, да и продукты ограничивают. Хочется поскорее в отпуск, но до него еще ой как далеко. Ты там давай готовься к моему приезду: и в смысле своего отпуска, и в смысле, что меня надо будет одеть. Если деньги нужны, то пиши, я вышлю при первой возможности.

К нам тут почту начали довольно регулярно завозить, так что ты давай пиши, не ленись.

Вот вроде и все, что хотел написать.

До встречи в декабре.

Игорь

Привет от меня Мишке с Валеркой и всем нашим.

Еще раз с Днем рождения и всего тебе самого-самого.

Пиши, жду!

27 августа 1986 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Вовчик!

Недавно получил от Вас письмо — спасибо, что не забываете.

У меня все по-старому. Живу как обычно. Вчера, 26 августа, у нас был праздник — День формирования части. Было весело, был вечер с различными викторинами и танцами. Так что все было очень интересно. Вот только одно помешало как следует отдохнуть — то, что мы были в наряде, а после наряда, уставшие, пошли на вечер. Но все-таки там было интересно, так что постепенно развеялись и очень даже хорошо отдохнули.

Вот уже скоро и лето закончится, но еще достаточно тепло, так что мы спим под простынями, а под утро уже бывает прохладно. Местные жители уже собрали урожай, уже созревают вовсю помидоры, арбузы, дыни. Я уже тоже ел арбуз, а вот дыню в этом году еще не пробовал.

Вот вроде и все.

До свиданья.

Игорь

Привет от меня всем нашим. Как там папа съездил в командировку? Какие у Вас там новости?

Пишите, жду писем!!!

14 сентября 1986 г.

Здравствуй, Вовка!

Спасибо за письма и фотографии, которые я получил. Вот видишь, можешь все-таки по собственному желанию письма писать.

Вовка, насчет денег поступим так, в октябре получишь перевод на 200 рублей. Хватит, я думаю, а если нет, то напишешь, я еще вышлю.

Между прочим сегодня, 14.09, по телевизору показывали Петрозаводск в «Клубе путешественников». Только тоску на меня навеяли, а завтра еще и в горы идти, так что на душе как кошки насрали, ну да ладно, не первый же раз пойду.

Ты там что-то насчет отпуска ничего не пишешь? Как там дела по этому вопросу? Всего-то до нашей встречи осталось около трех месяцев, так что пустяки.

Местные жители уже собрали урожай, так что лето уже позади и скоро наступит зима и мой отпуск.

Вот вроде и все.

До встречи.
Игорь
Привет от меня всем нашим.

14 сентября 1986 г.

Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и Вовчик!

Что-то давно от Вас нет писем, хоть Вы и в Караганду уехали, но все же можно ведь хотя бы пару строк написать, ведь тем более что в поезде все равно времени свободного много.

У меня все по-старому, жив-здоров, чего и Вам желаю. Времени свободного почти нет, все время какие-то дела накапливаются, так что и по вечерам приходится кое-что доделывать.

Погода у нас тут все еще стоит теплая, но по ночам уже прохладно, так что мой отпуск приближается неуклонно.

Мама, я не помню, писал тебе или нет о том, что третью книгу Чаковского «Победа» я уже прочитал здесь, так что в силе остаются только все остальные книги.

Вот вроде и все, что я хотел написать.

До свиданья.

Игорь

Привет от меня всем нашим.

Военно-полевой быт советских войск в Афганистане. Операция в Ишкамыше, январь 1984 г. На заднем плане — трофейное знамя одного из исламских комитетов афганской оппозиции. Из коллекции Владимира Щенникова

III. ВОЕННЫЙ БЫТ

...если война продолжится, тебе придется попросить папу заказать в компании «Нордиска» две пары гольф (гетры, которые стоят 5 крон за пару) и отправить вместе с 2—3 упаковками отличной туалетной бумаги «Тервакоски», парой маленьких бутылочек чернил для стального пера, парой грубых щеточек для ногтей и парой упаковок мыла.

Из письма Карла Маннергейма сестре, 1905 г., Япония

Ирина Реброва

НАУКА ВЫЖИВАТЬ

> Жизнь научит смеяться сквозь слезы. Но, по-моему, эта привычка у меня «на гражданке» пропадет. Неужели нельзя справиться с обыденностью да тем более «на гражданке»? Ведь для этого есть много способов: начать учиться играть на музыкальном инструменте, ходить в кино, театр, читать книги, заниматься любимым делом, учить какой-либо дисциплинарный предмет (алгебру, англ. язык) и многое другое!
>
> *Виталий Бадма-Горяев, 25 ноября 1980 г.*

Война, как и армейская служба, — события временного порядка, короткий, но, как правило, один из самых значимых этапов в жизни человека. Люди, пережившие войну, нередко делят свою жизнь на до и после, так как война нарушает привычный уклад, заставляет приспосабливаться к постоянно меняющейся ситуации, а главное, учит выживать. Война обнажает человеческую натуру, закаляет и испытывает на прочность солдата. В экстремальных условиях человек неосознанно проявляет свои базовые черты, эмоции и чувства: инстинкт выживания, страх, трусость перед лицом опасности, радость победе.

На войне никогда нельзя знать наверняка — продолжит ли ее участник свою жизнь, или он навсегда останется в памяти — и хорошо, если народной, а зачастую только семейной. Поэтому для солдат важным оказывается поиск нормальной, обычной жизни в суровых военных условиях. Именно проживание, «прочувствование» самой жизни в привычных мирных категориях становится одним из способов солдатского примирения с военной действительностью.

Письма данного раздела о том, как можно приспосабливаться к войне за счет опыта прошлой, мирной жизни. Военные письма — это единственная возможность для солдат поддерживать семейные отношения, делиться не только своими новостями, но и справляться о жизни «на гражданке». Письма становятся своеобразным мостиком между двумя мирами: миром знакомым, родным и светлым и миром насилия, испытания на прочность и смерти. Важным оказывается писать не только о боях и сражениях (а в условиях военной цензуры зачастую невозможно описать детально свои подвиги и успехи), но и о том, как наполняется военная повседневность далеко не военными событиями, образами и мыслями. Визуализация родных (на фотографии) дает еще одну возможность материализации и нормализации жизни без семьи на войне. Поиск символов мирной жизни в суровой военной действительности и конструирование образов

описания своего военного быта объединяет письма солдат, воинов, армейцев разных войн XX в., пытавшихся создать и обустроить «нормальную» жизнь на войне.

Военная корреспонденция — это, прежде всего, частная переписка знакомых или родственников. Письма содержат важную информацию о повседневных делах и здоровье корреспондентов. Авторы писем придают первостепенное значение новостям из дома. В ответных письмах солдаты пересказывают новости родных и друзей, «проживая» и «прочувствуя» их, «приспосабливая» их к мирной, невоенной жизни. Переписка участника войны в Афганистане Виталия Бадма-Горяева со своим другом, например, наполовину состоит из обсуждения новостей из дома. Он спрашивает у друга советы, иногда сам дает наставления, постоянно осведомляется о жизни общих друзей и подруг. Домашние дела позволяют автору писем продолжать «жить» среди своих знакомых на расстоянии:

> Недавно получил от Санала Ш. письмо с тремя листами из журнала «Советский Союз». Так на этих листах статья про Элисту и фотографии. На одном снята наша Пионерская с вертолета. Твой дом, ул. Люксембург, «Россия» видна, дом, который мы строили тоже. Школы нашей не видно. Боковой отрез идет, как нарочно, по Люксембург. На другом — на лестнице у Братской могилы сняты студенты иняза. Эрднишкина тетка — Эльза Сусеева, Чипа, Кемка Тачиева, кажется, и еще там. Я *балдел* (здесь и далее курсив мой. — *И.Р.*).

Участник Великой Отечественной войны Андрей Агапитов просит маму писать ему чаще, потому что ему «будет веселей, а то... с нашей Карелии почти никого нет». Другой солдат той же войны в письме домой искренне интересуется, доится ли корова и сколько литров дает молока. Письма родных оказываются самым дорогим для воина-«чеченца» Александра Давыдова. «Перечитал их уже два раза. Первый раз читаю всегда быстро, чтобы узнать, как дела, а второй — уже основательно. Я очень рад, что у вас по-прежнему, все нормально». Новости из дома, пусть и не существенные, — а в условиях войны и вовсе не значимые, — вдали от дома осмысливаются и проживаются глубже. Выражение своих чувств «я балдел» является меткой метафорой «одомашнивания» военной действительности за счет причастности к миру по ту сторону войны.

Для многих авторов писем война стала новым этапом в жизни, и связь с привычным прошлым сохранялась не только за счет писем и фотографий родных и знакомых, но и благодаря овеществлению мирной жизни. Приспособление к *новым* бытовым условиям зачастую сопровождалось сохранением *старых*, довоенных привычек: домашние вещи привносили уют в военную обыденность. Участник Великой Отечественной войны благодарит в письме в газету за посылки из тыла: «Я сегодня получил носовой платок, рукавицы, мыло, другие вещи. Нет для нас ничего более приятного, эти маленькие посылки поднимают наш боевой дух, показывают небывалое *единство фронта и тыла*» (Хамзат Алиев). «Единство фронта и тыла» в данном случае не простое клише советского времени, а реальная материализация жизни на линии фронта. Овеществляясь при помощи предметов быта, фронт становится своеобразным временным «тылом». Война

материально продолжает мирную жизнь с ее ежедневными потребностями. Карл Маннергейм, офицер царской армии, участвовавший в Русско-японской войне, в письме своей сестре благодарит ее за присланный шоколад и тут же просит — «если война продолжится» —

> заказать в компании «Нордиска» две пары гольф (гетры, которые стоят 5 крон за пару) и отправить вместе с 2—3 упаковками отличной туалетной бумаги «Тервакоски», парой маленьких бутылочек чернил для стального пера, парой грубых щеточек для ногтей и парой упаковок мыла.

«Последние №№ русских газет, бутылка старого венгерского, шоколад», с которыми провожает друг Леонида Покровского в Трансвааль, тоже становятся теми частичками дома и Родины, которые помогают адаптироваться к военной жизни. Вещи из дома очеловечивают военный быт; вещи «с войны» *для дома* усиливают обыденность военной ситуации еще больше. Карл Маннергейм покупает в Харбине своей сестре «хорошую и красивую ткань чи-чун-тан», которая «подойдет на одежду». «Обмен» вещами между фронтом и тылом может поддерживаться и при помощи вырезок из военных газет, которые могут пригодиться в другой, *послевоенной* жизни (см. письма Андрея Агапитова).

Уход от военной действительности, точнее — попытки контролировать ее воздействие — выражаются у авторов писем и в активных попытках продолжить занятия мирными делами в военных условиях: «ежедневно читать газеты и журналы... отгадывать кроссворды и ребусы» (Николай Савченко), «смотреть видак по вечерам, если есть свет» (Дмитрий Воинов). Кто-то пишет пьесы на фронте: «Написал трагедию в 4-х действиях “Весна”, послал в Москву на консультацию» (Николай Чекменев). Кто-то читает:

> У нас библиотека работает давно уже, но как-то руки не доходили. А вот недавно дорвался. Прочитал «Что делать» Ч[ернышевского] (половину правда, потом пропала она куда-то, надо найти). «Гиганты и игрушки» Такэси Кайко. И знаешь, почитаешь, и в голове чисто становится — ясно-ясно (Виталий Бадма-Горяев).

Подобные «развлечения» — это, конечно, попытки отвлечения и дистанцирования от реалий войны. И жалобы на стремление милитаризовать мирные «передышки» в этом отношении показательны: «В этой обстановке хочется посмотреть что-либо такое отвлеченное от войны, — пишет в письме жене Николай Савченко, — а они суют то, что мы испытываем почти ежедневно. Кто-то думает так, что фронтовикам не положено смотреть картину веселую, например “Волга-Волга”, чтобы ты, смотря ее, хотя на это время забывал о фронте». Спустя почти полвека Виталий Горяев повторит ту же самую мысль: «В библиотеке книги только военные, радиоузел по вечерам песни что-то не транслирует, фильмы какие-то неинтересные. Короче, кажется, нападает на меня опять хандра».

«Выходы на природу» служат еще одним способом сформировать некую «зону свободы» от войны. Природа служит невербальным напоминанием о доме и родных:

На отдыхе в советской воинской части. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В. И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

> Когда хожу за сухостоем, ветками для печки, то невольно останавливаюсь и любуюсь первым пробуждением весны. Первыми цветочками жизни растений. Там вдали ввысь поднялся жаворонок, распевая свою песню, которая щипает за сердце при вспоминании прежних лет мирной жизни. Полюбуешься этим началом пробуждения весны, сядешь на пень, помечтаешь в тишине, затем насобираешь дрова и пойдешь восвояси (Николай Савченко).

Описания природы используются и для того, чтобы смягчить переживания родственников. В письме Андрея Воинова рассказ о войне на Северном Кавказе становится рассказом об отдыхе на юге: «Не надо слушать тех, кто говорит, что здесь ужас, они просто тут не были, когда я приеду вам расскажу, я так загорел, что хожу как негр. Каждое утро вижу горы перед собой, где на самом верху лежит снег. Воздух чистый и свежий, иной раз просто забываешь, что ты в армии и представляешь себе что ты находишься на отдыхе, что очень тебе помогает».

«Хорошая жизнь» на войне имела и свои праздники и даже застолья. Николай Савченко так описывает своей жене празднование Первомая в 1944 г.:

> 1-го мая встретили не плохо, а хорошо. Обед был из 4-х блюд: суп из круп с картофелем и мясными консервами, пюре картофельное, колбаса и пирожки по 2 из картофеля и по 200 грамм водки. Плюс к этому добавили самогон. Хорошо выпили и закусили, а потом под гармошку пошли танцы. Сначала в одной хате, затем

Фотохроника ТАСС: «Действующая Красная Армия. Несмотря на интенсивный обстрел дороги, точно в назначенное время на передний край нашей обороны подъезжает дымящаяся кухня повара красноармейца Иванова. Бойцы получают вкусную горячую пищу. На днях тов. Иванову нужно было накормить большее количество бойцов, чем обычно. Раздав доставленную пищу, Иванов вернулся в тыл, быстро сварил обед и через полтора часа снова примчался со своей кухней на передний край. За образцовое и четкое обслуживание бойцов переднего края обороны командование вынесло Иванову благодарность. На снимке: тов. Иванов раздает горячую пищу бойцам». Фото Н. Коновалова, ноябрь 1941 г. Из фондов РНБ.

в другой и третьей. Пришлось за это время пребывания в армии потанцевать. На танцах были красноармейцы, офицеры и девушки.

Если не знать условий, в которых писалось это письмо, то его можно вполне принять за описание праздника в русской деревне.

Письма данного раздела разные, написаны в различные исторические эпохи и адресованы разным аудиториям. Но при всех своих различиях эти коллекции документов поражают постоянством своей тематики. Вне зависимости от конкретных условий войны, фронтовики всех поколений учились выживать, активно одомашнивая военную обыденность. Вещи или новости из дома, чтение книг или просмотр фильмов, выходы на природу, еда, приготовленная своими руками, или печь в бане, выложенная в условиях военной действительности, — все это становилось знаками нормализации военной повседневности, попыткой стремления придать войне человеческое лицо. Создавая свой невоенный военный быт, фронтовики, по удачному выражению Андрея Воинова, стремились жить «обычной жизнью, как и в России, только на чужой земле».

Леонид Покровский: «ВСЕ ЭТО ВМЕСТЕ ТАК ПОЛЕЗНО И ТАК СИМПАТИЧНО!» (1900)

В 1899 г. Леонид Семенович Покровский, подпоручик российской армии, написал рапорт о предоставлении ему 11-месячного отпуска для участия в Англо-бурской войне. Российское командование легко отпускало добровольцев в Южную Африку, и в течение 1900 г. Покровский принимал активное участие в боевых действиях в составе одного из партизанских отрядов буров. В начале 1900 г. переслал домой с оказией несколько писем, которые были напечатаны весной-летом 1900 г. в газете «Варшавский дневник». Получил тяжелое ранение 24 декабря 1900 г. и скончался на следующий день.

15 февраля 1900 г.
Из Трансвааля
От нашего корреспондента
Ледисмит

Ни шумных рукоплесканий, ни торжественных криков ура, ни теплых сердечных пожеланий успеха и благополучного возвращения, что обыкновенно сопровождает всех здешних воинов, ничего этого не было при моем отъезде из Претории на театр военных действий. Я поехал к Ледисмиту. С дневным поездом пассажиров очень мало. Буры предпочитают уезжать из Претории в 8 часов вечера. Пустые вагоны, пустой вокзал вообще плохо отзываются на нервах, а на развинченных — тем более. Мрачные мысли неотступно преследовали меня: Что будет со мной? А если убьют? Но ведь на то же пошел, — успокаивал я сам себя. Вполне я это понимал, смотрел на все слишком просто, но человеческая душа бывает очень прихотлива. Случались ли с вами большое горе или весьма большая радость? Если — да, то вы сами знаете, как велика бывает тогда потребность открыть свою душу кому-нибудь из друзей, из близких вам, высказаться... А почему нет? Отчета вы себе не отдаете. Вы знаете только, что вы получили какое-то невольное облегчение, как вы говорите, — будто гора с плеч свалилась. Бывает и другое состояние нашей души. Берешься за какое-нибудь опасное дело, знаешь, что выполнишь его, надеешься на себя, на свои силы и, во всяком случае, не боишься результатов, даже и дурных, но... невольно хотелось бы поддержки, хотя бы одного только теплого ласкового напутственного слова. И это-то слово как бы придает энергии, успокаивает возмущающиеся нервы.

Это вообще не трусость и не боязнь неведомого, нет... Это общая слабость человеческой души. Если вы проверите себя и проверите в надлежащей обстановке, то вы согласитесь со мной... Все это быстро пронеслось в моей голове. И понял я свое одиночество... Вспомнил я родину, отца, мать... Как горько поплакали бы они, провожая своего сынка на опасное дело. Вспомнил я прощальные прово-

ды на вокзале при отъезде из Варшавы: мои добрые товарищи, знакомые дамы, барышни... мои признательные к начальнику, унтер-офицеры. Как просты, сердечны и теплы были их напутственные пожелания. А вот мой верный друг В.Ф.М., своим светлым и ласковым взглядом, да добрым словом всегда умевший успокоить мои возбужденные нервы. С какой любовью сует он мне в багаж последние №№ русских газет, бутылку старого венгерского, шоколад.

А поезд уже давно идет и далеко унес меня от столицы Трансвааля. Быстро мелькают в окнах вагона зеленые вершины гор, показывая то одну, то другую сторону. А колеса стучат, да стучат, то учащая, то замедляя выбиваемый ими такт. Нервно покачиваются вагоны, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Неудобна для езды проложенная в горах железная дорога Южной Африки. Прямой путь невозможен. Туннели бы были бы слишком часты, а следовательно, дорога обошлась бы очень дорого. Строители предпочли проложить рельсовый путь прямо по скатам гор, не стесняясь вышиной подъемов. То приходится огибать большую гору, то карабкаться на вершину ее, лавируя по одному и тому же скату в три или четыре пути, с обязательным наклоном поезда в сторону возвышенности. Но что неприятно, так это стремительная быстрота при спусках с гор и весьма медленное карабканье на вершину. Картина однообразия была прервана известковыми заводами в окружности города Flesfantijn. Огромные склады плит ослепительной белизны, разбросанные на большом протяжении, свидетельствуют о богатых известковых залежах. Из всех городов, попадавшихся на пути, остановил на себе мое внимание город Heidelberg, расположенный в живописной долине, по обеим сторонам маленькой горной речонки, щеголявшей своей чистотой и строго правильной и красивой распланировкой. Здесь все мило, все уютно. И солнце как будто не так палит. И народонаселение почему-то симпатичнее, а женщины — много красивее, чем в других местах Трансвааля. На попутных станциях вагоны понемногу наполнялись бурами, то впервые едущими на войну, то возвращавшимися из кратковременного отпуска или из госпиталей. Стало оживленнее. Беседы, толки, споры не умолкали ни на минуту, некоторые заговорили о Ледисмите и Коленсо. В последнее время, после Спионскопских дел, ввиду большого сбора войск неприятеля в Капской колонии, оранжевые буры вместе с их артиллерией были отозваны из-под Ледисмита и Коленсо к Кольберу, в свое отечество; туда же было послано и много буров Трансвааля. Защитники Коленсо и Тугелы решили, что в Натале война кончена и что после Спионскопа англичане не захотят атаковать сильные позиции.

Ходили слухи, что много войск неприятеля отозваны в Дурбан и далее в Кап для вторжения в Оранжевую Республику с юга и для защиты Кимберлея. Со дня на день ожидалась сдача Ледисмита. Уже буры в некоторых местах сами перешли Тугелу, выгнали англичан из Коленсо, все, казалось, благоприятствовало, и улыбающиеся физиономии иррегулярной армии надсмехались над европейской тактикой и европейскими воителями. Но вдруг генерал Буллер сосредоточивает большинство своей армии у Коленсо и открывает сильнейшую артиллерийскую канонаду. И понеслись гранаты десятками, сотнями, тысячами... Поняли, что сила и солому ломит.

Куда девалась их самоуверенность??!!. Всюду опасения, всюду неблагоприятные предположения.

Легко сказать, — говорили они мне, — ведь у нас под Коленсо всего только две с половиной тысячи, а их, англичан-то, до четырнадцати тысяч. Вот тут и воюй! Да и то мы надеемся победить, — добавляли они уже с заметным недоумением в голосе, — ведь правда, да? И в этом, правда, так вот и слышалось: Ну скажи, что правда, что тебе стоит, видишь, я боюсь, поддержи же меня!

Узнав, что я русский, большинство тотчас же окружило меня и все стали спрашивать о русской политике в Азии, Герате, Афганистане. Индия интересовала их не менее Коленсо. Отчего вы не хотите идти в Индию, для вас теперь самое время разгромить Англию, — осыпали меня со всех сторон подобными вопросами мои возбужденные соседи. Долго мне пришлось увещевать, что у России слишком много своего внутреннего дела, самим русским нельзя начинать войну, что еще так недавно по почину России собиралась в Гааге конференция по вопросам о международном мире, и, наконец, говорил, что нам Индия и вообще какая-либо чужая земля не нужна и что у нас и так очень много земли. Мои соседи со вниманием слушали и соглашались по каждому пункту в отдельности и даже поддакивали, но представьте себе мое удивление и даже озлобление, когда после всех моих доводов мне красноречиво заявили: вы боитесь Англии, а потому и не воюете с ней, да это не только вы, русские, да и вообще все европейцы. Зачем же я так долго убеждал их, зачем же они выслушивали мои доводы и даже соглашались со мной. Да, наконец, к чему весь этот разговор, если все они с заранее предвзятым решением? — размышлял я, ошеломленный подобным исходом нашего разговора. Оправдываться, оспаривать я находил недостойным для русского офицера: слава русского оружия, доблести и храбрости русского воина далеко гремят за пределами России и одинаково известны им, африканерским бурам.

— Это они вас подзадоривают, — заговорил со мной по-французски мой сосед по скамейке, голландец m-r Kothe, живший в Занзибаре и недавно приехавший в Трансвааль, — они просто хотят, чтобы Россия объявила Англии войну и тогда прикончится война в Трансваале.

— Но зачем же они все это мне-то говорят, ведь я же ничего не могу сделать для них, — возразил я.

— О нет, — заявил мой сосед, — буры надеются, что вы напишете в Россию и что ваше письмо там подействует.

— Да ведь не могу же я объявить Англии войну, хотя бы даже и в газетах, а если и напишу, так разве послушают меня? — начинал горячиться я.

Тем временем подъехали мы к Elandslaachte, знаменитому каменноугольными копями. Отсюда идут блиндированные поезда. Оседлав свою лошадь, я оставил свой багаж любезному Kothe, а сам поскакал на Моддер-Спруйт, последнюю станцию перед Ледисмитом. При станции — лагерь для приезжающих. Kothe приехал с поездом раньше меня и уже хлопотал у чайника с кофеем. Немного отдохнув и закусив, я отправился в главный лагерь, — это недалеко, ½ часа езды. Что-то мне скажет генерал Жубер? — волновался я, нахлестывая своего уставшего коня.

Леонид Покровский

1 января 1900 г.
Из Трансвааля
Фолькскруйт

Считаю необходимым опровергнуть неверные сведения о русских добровольцах, сообщенные в «Петербургской газете» господином Николаевым, рисующих наших соотечественников с непривлекательной стороны. Добровольцев в Трансваале набралось довольно много. Более всего, конечно, немцев (больше пруссаков и меньше австрийцев); из них две трети — народ мастеровой, рассчитывающий по окончании войны оставаться в Трансваале и поживиться здешним золотом и алмазами. Все они — сомнительных нравственных качеств. Остальная треть немцев — офицеры и несколько искателей приключений. Много здесь и французов, рвавшихся отомстить за Фашоду, щедро наделенных от особого во Франции комитета по отправлению добровольцев в Трансвааль (что не тайна!) необходимыми на дорогу финансами и на абсент особо. Между ними есть и типы, есть и типики. Во многом между собой они и разнятся, но в одном все одинаковы: поголовно все любители спиртных напитков. Абсент, ром, коньяк, ликеры... только и видишь там, где француз. Понагляделся-таки я, пока мы ехали от Марселя до Трансвааля. Говорят, русские любят выпить. Что правда, то правда! Но в области абсента и рома едва ли нашелся бы любитель состязаться с французом. Немало приехало в Трансвааль и американцев, бросивших калифорнийские обедневшие россыпи и поспешивших на более тучные золотые нивы Трансвааля. Немало также и голландской молодежи ввиду знания государственного языка, по преимуществу занимающей здесь места писцов и чиновников. Понаехали и итальянцы и греки — мелкие торгаши, обидевшиеся на правительство за открыто выраженные симпатии англичанам в деле предложения вооруженной помощи; перебежали границу и некоторые португальцы. Попадаются и испанцы, и швейцарцы, и ирландцы, и, наконец, славяне: сербы, болгары и черногорцы. Почти все эти добровольцы привлечены слухами о неистощимых запасах золота и жаждут наживы. И как белое пятно на всем этом черном фоне выделяются наши немногочисленные русские добровольцы. Вот они все наперечет, по порядку времени прибытия в Трансвааль: Шульженко, Едрихин, Арнольдов, Кравченко, Покровский, Августус, Никитин, Диатроптов, Гучков, Рукерт, Крафт, Николаев, князь Багратион-Мухранский, другой кавказец NN (Сапаров?), Ганецкий, Максимов, Рубанов, Семенов, граф Бобринский и Дрейер. Большинство из них (13 человек) — военные и все, бывшие офицеры. Желающих поживиться трансваальскими богатствами между ними нет никого. К совершающим Partie de Plaisir в Трансвааль вначале, действительно, можно было отнести трех-четырех лиц, но когда они с готовностью взялись за оружие и оказались солдатами ничуть не хуже нас, приходится разубедиться и в этом. Русские добровольцы, покинувшие своих родных, бросившие службу, карьеру, решившиеся на всевозможные лишения, встали в ряды и потянули общую неприглядную лямку, своим мужеством и выносливостью поощряя падающих духов воинов, смело идя на опасные предприятия, с ежеминутным риском для собственной жизни за народ для них совершенно чужой. Это ли не самопожертвование!

Не скрою, что почти у всех офицеров была еще одна затаенная цель — это понюхать настоящего боевого пороху, испытать себя в серьезной опасности, закалить, приготовить себя на случай необходимости своей родине и, главное, поучиться на практике тому делу, тому искусству, которому каждый военный посвятил всю свою жизнь. С другой стороны, если хотите, все наши невзгоды, все наши лишения, кроме несомненной пользы, особенно для офицеров, невольно вознаграждаются теми новыми познаниями, теми новыми впечатлениями, которые должен выяснить даже ненаблюдательный путешественник, проехавший столько морей, столько чужих земель. Все это вместе так полезно и так симпатично! Большинство наших добровольцев прикатило в Трансвааль с одной переметной сумочкой, совсем налегке. Если же и были такие, что, предусмотрительно запасшись для своего продовольствия консервами, бисквитами и вином, выгружали свои чемоданы в Претории, как пишет господин Николаев в своем фельетоне, то они даже на железнодорожных служащих, видевших всякие-всякие багажи, не произвели ровно никакого впечатления. Слова скромные и непритязательные «буры» возможны и правдоподобны только в описаниях господина И. Николаева. Каждый бур едет на войну с такими громадными чемоданами, с такими большими запасами съедобного, набирает столько разных чашек, чугунков, котелков и кастрюль, что поистине непритязательному русскому человеку, глядя на все это, невольно думается: да уж не на новую ли ферму он перебирается? На дне его сундуков, под спудом, лежат большие запасы не сахарина, а настоящего сахара, на отсутствие которого так сильно жалуются в Трансваале, немало и прочих лакомств вроде леденцовых конфет, столь любимых бурами, но ни за что они не угостят этим вас. Частенько масса заготовляемых ими продуктов портится, тухнет, так что приходится выбрасывать, а все же бур не поделится с вами ничем и с улыбочкой посмотрит на свое погибающее добро. Буры удивляются, правда, количеству нашего багажа, но не множеству его, а малочисленности и смеются над нашей легкомысленностью. Не зная организации здешней неорганизованной армии и доверяя советам преторийских главарей, мы и на поле военных действий едем с чем бог послал, а зачастую с одной своей переметной сумочкой; а в результате, конечно, холодовки и голодовки, раз не пристанешь к какому-нибудь иностранному отряду, где всегда можно найти и приют, и покой.

Буры не желают иностранных добровольцев, потому что эти добровольцы все господа баре, а не мужики, — пишет И. Николаев. Это далеко не так. Успев приглядеться к иностранцам до войны, в большинстве случаев проходимцам, искателям легкой наживы, буры относятся к ним весьма недоверчиво, а так как они обладают громадным самомнением, считая себя самым умным народом земного шара, то на сцену невольно является зависть, так как очень много иностранцев — специалистов военного искусства. А если прибавить сюда счастье, которое сопутствовало бурам в начале войны, то нежелание присутствия иностранцев, граничащее с пренебрежением, становится вполне понятно. На самом деле, дай иностранным специалистам бразды правления в их руки да победи после этого буры англичан, весь успех ведь был бы приписан иностранцам, а разве это возможно, разве допустимо для самого умного народа, разве это мыслимо

для народа, где каждый сам полководец и сам генерал?!. Впрочем, когда англичане поколотили буров на обоих театрах военных действий, так наши гордецы стали податливее и всю их спесь как рукой сняло. Теперь даже заискивают у иностранцев и упросили их всех соединиться в один иностранный отряд с полной самостоятельностью действий.

Почему не предложили свои услуги Трансваалю мужики, родившиеся в деревне, всю жизнь проведшие среди природы, выносливые, сильные, крепкие, хладнокровные, а поехали только господа? — спрашивает И. Николаев в своем фельетоне. И странно и стыдно рассуждать так!!.

Да знают ли еще наши мужики-то об этой войне? Разве И. Николаев оповестил их, разве он согласился обрабатывать за них поля и огороды, кормить их семьи, разве он вложил в них столько решимости ехать за тридевять земель, в чужие страны и, быть может, на верную смерть, разве он снабдил их, неимущих, необходимыми финансами на дальнюю дорогу???

Леонид Покровский

Карл Маннергейм: «СКАЖИ ПАПЕ, ЧТО Я ДОСТАЛ ТУФЛИ» (1904—1905)

Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867—1951), главнокомандующий финской армией в 1918 и 1939—1945 гг. и президент Финляндии в 1944—1946 гг., получил свой первый боевой опыт в рядах российской армии в Русско-японской войне, где служил в чине подполковника, а с 1905 г. — полковника. Все это время Маннергейм вел переписку с семьей, которая приводится ниже. Большую часть 1904 г. части, в которых служил Маннергейм, оставались в резерве, однако с декабря 1904 по март 1905 г. принимали активное участие в боевых действиях, включая Мукденское сражение. Летом 1905 г. Маннергейму была поручена глубокая разведка Монголии во главе отряда, составленного из хунхузов — членов китайских банд, действовавших в начале XX в. в Маньчжурии. Осенью, после заключения мирного договора с Японией, Маннергейм вернулся в Санкт-Петербург. Даты писем приводятся по старому стилю.

15 декабря 1904 г., брату

Дорогой Йохан, искренне благодарю тебя за письмо от 25 ноября. Я получил его по возвращении сюда после 8-дневного отсутствия. Твое письмо доставило мне большую радость, и я благодарю тебя еще раз за те постоянные выражения дружбы и привязанности, которые получаю от тебя и которые являются невыразимо ценными для меня. Мне сильно вас всех не хватает, особенно тебя. Однако я не могу работать по-другому, и мой внутренний голос говорит, что в настоящее время я все делаю верно. Могу заверить тебя, что у меня есть весомые причины находиться здесь, в дополнение к тем, что я уже упоминал, и мне еще приятнее продолжать свою прежнюю жизнь. Я не могу точно описать свои ощущения как счастье или удовлетворение, но у меня в то же время есть чувство, что это начало новой жизни, которая имеет мало общего с тем, что было раньше. Когда я возвращусь отсюда, то, возможно, прослыву храбрым человеком, по крайней мере, надеюсь на это. Согласен с тобой в том, что было бы лучше жить ближе друг к другу. И чаще, чем обычно, я думаю, насколько мало настоящих друзей у человека. Ты знаешь сам, что все это воздушные замки и истинные жизненные условия не соответствуют мечтам человека. В настоящее время я чувствую полное равнодушие к собственному будущему. И я не вижу привлекательности в следовании старому пути. Спасибо Создателю за отсутствие необходимости строить планы на будущее среди безумств войны, когда каждый день может стать последним. События и обстоятельства идут своим ходом, говорят ведь, что все, что ни делается, — все к лучшему. Нигде не становишься таким фаталистом, как на войне, когда видишь гибель людей, которым в действительности ничто не угрожало, а с другой стороны, люди выходят невредимыми из таких положений, которые кажутся абсолютно безнадежными.

Вчера вернулся из разведывательного похода, в который взял добровольцами 2 сотни (эскадрона) из Кавказской казачьей бригады. Мы двигались в южном направлении до того места, где сливаются реки Ляо, Тайцзи и Хун, т.е. практически до левого фланга японцев. Нашей задачей было исправить и дополнить существующую карту. Я просил у командования получения небольшого опыта того, как в этой войне руководят операциями. 23 числа, т.е. за день до кануна Рождества, я получил так называемое боевое крещение. Мы отправились с 25 людьми верхом цепью в одну деревню, чтобы выяснить, находится ли она в руках японцев. Двигавшиеся впереди моего маленького отряда 5—6 человек спокойно достигли глиняной стены деревни. Нашей цепи было примерно 150 метров до цели, когда начали свистеть пули, ровно в тот момент, когда я остановил коня и приложил бинокль к глазам. Мы решили развернуться и спокойной рысью направились под защиту песчаного холма. Вся эта история заняла не более трех минут, но для меня она длились все шесть. Двух наших людей тяжело ранило — обоих в живот, также легко ранило одну лошадь. Моя лошадь испугалась настолько, что мне пришлось приложить все силы, чтобы не дать ей навредить мне и опозорить меня. Со своей стороны я не вполне понимал, какое воздействие на меня оказал свист пуль. Приятным он не был, но я не могу сказать, что он меня шокировал. Шокирующим было смотреть на раненых, у которых, очевидно, были сильные боли и которые те, согласно храбрым традициям Кавказа, переносили без стонов и жалоб. В ближайшей китайской деревне мы разобрали два тонких кресла, из которых связали два длинных шеста. Несколько китайцев с готовностью предложили нам свою помощь (думаю, впрочем, им заплатили) и понесли носилки искусно на согнутых ногах.

На следующий день мы понесли серьезные потери. Полусотня наткнулась на японские траншеи, в которых находилась японская пехота. Они (казаки) осуществили наступление, в ходе которого один офицер и шесть солдат погибли, а другой офицер и еще шесть человек были ранены. Японцы потеряли около 30 человек. Рассказываю об этом, так как было чертовски храбро подсчитывать потери, скача на полном ходу от траншеи. Было трудно преодолеть 65 миль с ранеными, и я им не завидовал: особенно тяжелым был первый этап, когда ночь выдалась ужасно холодной, не было ни приличной связи, ни носилок, ни теплых одеял, ни одежды. Китайские деревни, находившиеся вблизи реки Хун, окружали целые глиняные заборы и внушительные рвы. Так что потребовалась бы артиллерия, чтобы выгнать небольшие отряды пехоты, которые стреляли из-за стен.

Мысли мои, чаще, чем обычно, были с вами на Рождество, или, правильнее сказать, по ночам, которые я проводил под шубой и в сапогах на ногах в чужих, неотапливаемых домах. Надеюсь, у вас было веселое Рождество и у всех все хорошо. Правда ли, что твоя ольха оказалась гнилой? Я однажды купил в Априкене[1] ольху по хорошей цене, но история оказалась не очень удачной, поскольку ее большая часть была гнилой.

Передавай сердечные приветы Палле и дочери.

Искренне твой, Густав

[1] Поместье Маннергейма в Прибалтике. (*Прим. А.Ю. Осипова.*)

P.S. Шеберг и его жители не оставили у меня приятной картины. Могу лишь надеяться, что они поспорили бы с наблюдателем. — Думаю, что Кисси уедет в скором времени из Хельсинки.

7 марта 1905 г., Гунчжулин, отцу

Я сам не до конца понял, каким образом остался невредимым, но факт в том, что ни одного волоса не упало с моей головы. Зато в день нашего отступления я настолько тяжело заболел, что мне пришлось отправиться в финский госпиталь в Гунчжулин на импровизированном медицинском поезде, переделанном из товарного. Туда я прибыл только через трое суток: мы ехали со скоростью 3 мили в час. В вагоне нас было 30—40 офицеров и солдат. В пути мы были атакованы здоровыми солдатами — это были беженцы, которые силой пытались пробиться внутрь и в конечном итоге ехали на крышах вагонов, подножках и даже колесных осях. Это был исключительный эпизод Мукденского сражения, там тогда сражались храбро: количество убитых и раненых подтверждает это лучше всяких слов.

Однажды вместе с двумя егерскими взводами и ¾ эскадрона я отправился в разведку, в которой из-за японского пулемета мы оказались в жаркой переделке. В мгновение ока я потерял 15 человек и 20 лошадей. Молодой граф Канкрин, который служил у меня адъютантом, получил пулю в сердце как раз в тот момент, когда переводил мой приказ. Мою лучшую лошадь убило подо мной. Смертельно раненное благородное животное удерживало меня до конца сражения и, выполнив задачу, рухнуло на землю и испустило дух к моему глубокому сожалению.

Несчастный Канкрин пару дней назад отличился в походе на Монгольской границе, в котором я был с двумя эскадронами, за что был он представлен к Георгиевскому кресту. Вместо этого он успел получить деревянный крест на могиле под Мукденом.

Я продолжаю восстанавливаться после 40-й температуры. В этом госпитале чувствую себя как дома, все люди очень дружелюбны.

Тепло обнимаю вас всех.

Искренне твой Густав

20 марта 1905 г., Харбин, отцу

Дорогой отец, прошло уже много времени с тех пор, как я писал тебе. Я вообще утратил привычку писать письма. Я уже три недели являюсь пациентом Финского госпиталя, и здесь есть возможность писать. Но у меня нет активной деятельности. У меня держалась высокая температура, а потом наступила общая усталость. Когда в конце концов я почувствовал, что начал выздоравливать, так мое ухо (которое досаждало мне еще в прошлом году) начало болеть. Первые симптомы я почувствовал уже 2 марта, т.е. в тот день, когда мы принимали участие в сражении под Мукденом, но сильные лекарства позволили держать ситуацию под контролем. Фалтин действительно хороший врач. Он удалил нарыв из моего уха, но после этого оно все еще болит. Я отправился домой на следовавшем до Харбина санитарном поезде «Мария Федоровна», поскольку собирался еще несколько дней пробыть в немецком госпитале. Но больница оказалась полной, и мне пришлось ехать обратно в Гунчжулин. Меня обещали взять

в Евангелическую больницу, врача из которой я знаю. Мои лошади находятся здесь, и, если все пойдет хорошо, надеюсь смогу через несколько дней присоединиться к своему полку, который должен быть сейчас в 40 милях от Гунчжулина на запад. Можешь поверить, сейчас непросто понять, где верховые и обозные лошади, их не хватает для нашего собственного отряда. Моя вьючная лошадь, к счастью, выжила в панике без потерь, если не считать несколько бамбуковых тростей. Значительное количество грузов было утрачено и оказалось в руках врага. Имущество главнокомандующего и канцелярия оказались разбросаны, и, вероятно, не придет ничего из тех двух медалей, к которым я был представлен. Но, конечно, утрачены гораздо более важные вещи, чем знаки отличия. Говорят о потере наших планов укреплений и других вещах, но я не верю ничему другому, как только известному и надежному очевидцу. Обстановка сейчас нервная и ложных слухов полно. Сегодня я, например, слышал, что Куропаткин снова де-факто командует сухопутными силами, и его поезд и поезд Линевича стоят бок о бок, и каждое дело докладывается К. [Куропаткину]. Не знаю, живет ли он еще в поезде, но его назначение командующим 1-й армией сильно эпатировало всех здравомыслящих людей. Сам он пребывает в приподнятом настроении по случаю возвращения в армию. В Гунчжулине группа воодушевленных офицеров приветствовала его криками «ура». На это он ответил несколькими вежливыми словами, отметив, в частности, что он надеется «с их помощью выполнить серьезные задачи». Вообще, жизнь в тылу позволяет видеть все наиболее отталкивающие стороны войны... Вдобавок, к нашей досаде, мы не знаем ничего о будущих планах. С одной стороны говорят, что собираются все эвакуировать и сжигать и что японцы уже продвинулись далеко на север. С другой стороны, известно, что все спокойно — можешь представить себе, насколько у нас приятное положение. Невозможно узнать, когда прибывают и уходят поезда. Узнать даже самую маленькую новость требует трудоемкой работы в течение всего дня. Те газеты, которые изредка удается заполучить, дают столь разнородную информацию, большая часть которой выужена из слухов. Также мы не знаем официальных размеров потерь в последних сражениях. Среди мужчин говорят, что убитыми, ранеными и пропавшими без вести числятся 90 000—160 000 — настолько разнятся данные.

Пару раз я оказывался под сильным артиллерийским обстрелом. Моей главной задачей была организация разведки в прифронтовой полосе. Я видел отряды, которые сражались как львы. Я видел, как целые полки за несколько часов уменьшались до нескольких сотен. Но я также видел и такое, о чем не мог думать без отвращения. Отступление, которого армия не ожидала и которое не было никак подготовлено, было неописуемым. Целые обозы и отряды, особенно маленькие отряды, выглядели как безумные, и отступление зачастую выглядело как дикое бегство. 25-го числа вечером меня поместили в товарный вагон и отправили в северном направлении, поэтому в течение нескольких дней я не видел, как остановили остатки армии и начали их реорганизацию.

Ты не поверишь, насколько мне не хватает моей убитой лошади, и что потом будет, когда я вернусь на службу и буду привыкать к другим лошадям. Это было удивительное животное. От отца, победителя Дерби, лошадь унаследовала «клас-

сическую» скорость, и, в то же время, она была настолько удобна для верховой езды и способна к обучению, что я получил ее в период зимних маньчжурских бурь полностью готовой. К этим редким качествам также следует добавить превосходный огненный темперамент, хороший шаг, упругую рысь, отличный галоп и особенно разумное использование корма. Она не была неприятна и другим лошадям, она была просто полностью идеальной. Те две лошади, что остались у меня, совсем ей не ровня, они чувствительны, пугливы и боятся пуль. Вдобавок еще и со сложным характером.

В финском госпитале ко мне относятся настолько дружелюбно, что в первые дни я ощутил себя как дома. У меня с собой огромный запас лекарств, которые дал мне Фалтин. В госпитале было комфортно и хорошо ухаживали. Уверен, это лучшее из всего виденного на войне. К досаде нас, финнов, госпиталь скоро уедет, но мы надеемся, что его помощь нам больше не понадобится.

С большим вниманием я слежу за событиями в России. Но в последнее время оттуда не слышно ничего нового. Это удивительно, поскольку недовольные элементы до сих пор не получили ничего, кроме пустых и цветистых обещаний.

Надеюсь, по возвращении в полк найду целую кипу писем, в которых будут новости обо всех вас. Недавно отправил в Финляндию 350 рублей, и, надеюсь, смогу скоро отправить еще. Сердечные приветы всем.

Искренне твой Густав

P.S. Прошу тебя также написать в стокгольмскую фирму «Лейя», чтобы они отправили тебе пару кожаных туфель за мой счет. Номера я не помню, но у них он должен быть. Когда получишь их, отправь их, пожалуйста, по почте на мой адрес. Одна из сумок, которую я оставил в Харбине, пропала, и мне срочно нужны летние туфли.

26 марта 1905 г., сестре

Дорогая Софи, по возвращении в Гунчжулин меня ожидали три письма — от тебя, Карла и Йохана, — которые командир переслал мне из полка. Почта, конечно, потеряла в пути много дней, и я уже думал, что ваши письма пропали. В течение нескольких дней я был пациентом Евангелического госпиталя и почувствовал там столько дружелюбия и внимания, как в Финляндии. Врачи были особенно приятны, и мне посчастливилось встретить такого врача, который частично специализировался на ушных болезнях. Мой слух начал улучшаться, и послезавтра я надеюсь вернуться в полк. Огромное спасибо Фалтину и г-же Коронефф, а также другому персоналу госпиталя за их уход и те недели, которые я провел вместе с ними. В настоящее время они, вероятно, находятся в пути в Санкт-Петербург с 500 ранеными и больными в так называемых теплушках. У них тяжелая работа, поскольку вагоны всего лишь простые товарные, в которых устроена железная печка и двухъярусные койки, а между вагонами нет связи. Не помню, благодарил ли я тебя за превосходный шоколад, он был великолепен. В Харбине я купил понравившуюся мне хорошую и красивую ткань чи-чун-тан, которая, думаю, подойдет тебе или кому-то из вас на одежду. Фанни Юлин взял ее с собой.

Судя по всему, у нас выдался достаточно длительный период затишья, в котором можно провести время для своего удовольствия и в бездействии. Здесь

вращаются противоречивые слухи. Иногда говорят, что мир уже в принципе заключен и подготовка условий дело пары недель, иногда говорят, что война продлится и будет идти целых 10 лет. Говорят также, что на фронт прибыло 6 новых армий и поэтому поезда ходят каждые четверть часа.

Со своей стороны я надеюсь и считаю необходимым продолжить войну еще в течение некоторого времени, хотя это и потребует ужасных жертв.

С радостью прочитал в некоторых российских газетах о приостановлении манифеста о всеобщей воинской повинности. Это, конечно, прогрессивный шаг, хотя и очень медленный. Лишь немцы радуются, читая это.

Скажи папе, что я достал туфли. Ему не нужно заказывать новые для меня.

Я не всегда смогу отправлять деньги в том регулярном порядке, как раньше, поскольку отсюда до ближайшего банка далеко. Но суммы будут большими.

Обнимаю вас всех, Густав.

31 марта 1905 г., брату

Дорогой Йохан, благодарю тебя за еще одно письмо и сообщаю, что сегодня, 31 марта / 13 апреля, я прибыл в полк. Я остался на прежней должности, и надеюсь, что в ближайшее время не окажусь больным. Сразу после большого сражения, т.е. 28 февраля по старому стилю, я отправил папе телеграмму из Гунчжулина. Интересно, дошла ли она до места. Иногда телеграммы идут очень долго. Я провел приятную неделю в качестве пациента Евангелического госпиталя, в котором размещались немцы из Санкт-Петербурга и Москвы, а также прибалты. Его врачи, которых мы называли четырьмя апостолами, были очень приятными. В их столовой собиралось около 30 человек, и я ощущал себя там почти как в Балтийском регионе.

Я не верю слухам о мире, которые здесь широко распространены, во всяком случае, в ближайшее время. Сердечные приветы папе.

Искренне твой, Густав

11 июня 1905 г., сестре

Дорогая Софи,

вчера получил твое дружеское письмо от 28 мая и сразу спешу поблагодарить тебя за это. После твоего последнего письма произошли серьезные и страшные события. Морское фиаско Рождественского — это, безусловно, блестящая победа японцев и, прежде всего, решающее событие в войне. Все, что слышно из России, — это то, что скоро будет заключен мир. Нам, офицерам, невесело возвращаться назад, мы несем на себе стыд всех наших поражений. И все-таки было бы справедливым, чтобы стыд падал на организацию и ее руководство, а не армию. Заключение мира именно сейчас наиболее невыгодно, но чувствую, что вся Россия требует этого. Когда эта маленькая авантюра разрослась до огромных размеров, не нужно было терять выносливости, как бы трудно ни было, а войну следовало продолжить еще в течение нескольких месяцев. Я считаю, что Владивосток лучше укреплен, вооружен и лучше содержится, чем [Порт-] Артур. Осада его потребовала бы по меньшей мере 100 000 человек, и его можно было бы удерживать долго. Армия вступила в бой с тыла [осаждающих японцев]

и, в крайнем случае, отступила бы на север, но уже по своей инициативе. Если бы командование изменилось в лучшую сторону, а армия почувствовала бы уверенность в своих силах после одного или двух сражений, как в свое время под Шахо — и это не было невозможным, тогда начало переговоров было бы гораздо более благоприятным, а армия могла бы вернуться домой с легкой душой. По целому ряду других причин для меня было бы выгоднее продолжить эту бойню. Возвращение в прежнее положение и начало боев в рамках собственных границ никак не привлекают.

Если мы продолжим эти убийства, я начинаю серьезно задумываться, чтобы попросить командование отправить меня в какой-нибудь пехотный отряд, чтобы познакомиться на практике с этим родом войск. В кавалерии я не узнаю ничего нового, а управление моей бригадой в невыносимо плохих руках. В довершение ко всему Стахович оставил нас, став начальником штаба первой армии, и только Бог знает, кто займет его место.

Я заметил, что одно письмо все-таки потерялось, поскольку папа написал мне про туфли, которые я просил. Мне сообщили, что моя сумка все-таки нашлась, и я написал папе, что мне не нужны туфли. Однако вскоре выяснилось, что это не моя сумка, поэтому я не стесняюсь в третий раз менять свои просьбы. Сейчас туфли мне действительно очень нужны, поскольку ситуация с моими сапогами очень плохая. Спасибо за шоколад, который ты присылаешь. Хотя мне и досадно, что ты тратишь последние деньги на столь неочевидные нужды. Но, если война продолжится, тебе придется попросить папу заказать в компании «Нордиска» две пары гольф (гетры, которые стоят 5 крон за пару) и отправить вместе с 2—3 упаковками отличной туалетной бумаги «Тервакоски», парой маленьких бутылочек чернил для стального пера, парой грубых щеточек для ногтей и парой упаковок мыла. Посылки (они не должны весить более 15 фунтов) доходят обычно в хорошем состоянии, и, думаю, они, как и письма, отправляются бесплатно. Товары следует зашить в тканевый мешок, тогда они доедут невскрытыми в течение всего пути, и адрес, прежде всего, нужно написать разборчиво.

Было приятно узнать, что ты уже видишь результаты своей работы в больнице. Если бы еще твоя новая квартира была хорошей. Жаль, что ты не сможешь провести отпуск, например, в Швеции, а вместо этого тебе придется отправляться на север на учебу. Я очень рад, что ты сможешь использовать ткань чи-чун-тан. Здесь, в центральной части страны, ее продают везде, но она более грубая, а стоит еще дешевле. К сожалению, не могу везти на обозных лошадях что-то лишнее.

Кажется, вместо того, чтобы получить повышение до полковника, мне дают орден Святого Владимира. Стахович был в ярости, но было поздно менять решение. Так бывает, когда находишься в 150 милях от ближайшего штаба. Мы продвинулись еще на 30 миль вглубь и встали лагерем на красивом, поросшем густыми деревьями склоне. Внизу змеится маленькая речка, в которой каждый день плавают люди и кони. Погода остается хорошей, но жара начинает усиливаться. В середине дня тяжело ездить верхом или прогуливаться.

Грустно еще, что Швеция и Норвегия не могут прийти к соглашению[1].

[1] Речь идет о расторжении шведско-норвежской унии. (*Прим. пер.*)

К моей досаде, мне не удалось отправить сбережения через банк домой. Здесь говорят о мирных переговорах и перемирии, но в то же время, возможно, в ближайшие дни будет и большое сражение. Поэтому никому нельзя покидать свои места.

С теплым приветом, искренне твой, Густав

7 июля 1905 г., сестре

Дорогая Софи,

с разницей в несколько дней получил от тебя два дружеских письма — 4-го и 15-го числа — и спешу поблагодарить тебя за это. Очень рад узнать, что кто-то встретил моих бедных девочек. После отъезда из Санкт-Петербурга я не слышал о них ни слова, их адреса у меня также не было.

От папы я получил две телеграммы. В одной он сообщает, что он заказал на мой счет «Хусбладет»[1] и что скоро будет заключен мир. Во второй он поздравляет меня с 38-летием. Благодарю его за обе телеграммы. Я не знаю, возможно, какая-то ошибка стала причиной того, что я не получил письма и газеты. Поэтому я телеграфировал, чтобы папа спросил об этом деле и сообщил в письме, правильно ли отправлены мне газеты. Вчера я все-таки получил один номер.

Ты сейчас где-то в Северной Финляндии на учебе. Мое письмо, возможно, отправлю по-прежнему адресу.

Я с удовольствием провел бы несколько недель в Финляндии в таком месте, где мог бы купаться пару раз в день. Мы страдаем от жары и особенно от мух. Они не кусаются и в действительности не делают ничего плохого, но их здесь просто невероятно много, и с ними невозможно спокойно жить. После 4 утра спать невозможно, а наша провизия привлекает целые рои мух.

В течение 8 дней я был в передовом охранении и чувствовал там себя очень хорошо. Деревня, в которой мы находились, располагалась в красивом месте, немного более тенистом. 2 раза в день мы ходили купать в маленькой речке, и воздух там гораздо более приятный, чем зловоние Цендзятуна. Сейчас я снова в течение нескольких дней нахожусь в упомянутом городке. Санитарная ситуация в бригаде остается хорошей, изредка кто-нибудь заболевает, но никакой эпидемии нет. Врач, который проходил мимо моего дома, сообщил, что положение не такое хорошее, как представляется. Гастроэнтерит и сыпной тиф в настоящее время встречаются часто. Я и сам ощущал пару раз сильные, хотя и короткие приступы жара. Как видишь, здесь у нас на Дальнем Востоке ситуация не вполне простая.

В нашу бригаду на смену бесполезному генералу прибыл генерал Бернов, который в течение зимнего времени практически бездействовал с тремя полками в Северной Корее. Его бездействие не было добровольным, а происходило от того, что японцы, расположившиеся напротив, не продвигались вперед. Они позволили ему спокойно строить мосты и содержать в порядке дороги для армии, которая должна была прийти на позиции. Способствуя работе, японцы время от времени освещали позиции прожекторами минных заградителей, которые

[1] «Хуфвудстадсбладет», крупнейшая шведскоязычная газета Финляндии. (*Прим. пер.*)

сновали у берега. Они не досаждали нам неприятными обстрелами. Наш отряд переместился севернее, и японские части, которые следовали мимо Кореи в сторону Владивостока, получили возможность оценить созданную Берновым дорожную систему.

Бернов был гвардейским офицером еще раньше меня. Я знал его достаточно хорошо еще по Санкт-Петербургу. В обычной жизни он был веселым и жовиальным, но на службе придирчивым и не всегда вежливым. Какой же он на войне, т.е. в минуту опасности, покажет время, при условии, что мы окажемся под угрозой опасности. Согласно здешним представлениям, назначение Витте должно к прояснению ситуации. Здесь верят, что японские мирные предложения будут достаточно мягкими. Это выходит за рамки моего понимания, поскольку серия побед японцев была блестящей. Если этого не произойдет, то вопрос заключается в том, насколько у правительства хватит здравого смысла и смелости признать себя побежденным и принять ответственность за тяжелые условия мира. Это также остается для меня неясным. В случае, если бы правительство честно признало свое поражение, это могло бы привести к искренним обновлениям, необходимость которых отмечается и близоруким человеком. Тогда бы оно не забрало левой рукой то, что дала правая рука.

Обнимаю вас всех.

Искренно твой, Густав

21 августа 1905 г., сестре

Дорогая Софи.

Думаю, что не ответил на пару писем. В течение примерно месяца я живу в настолько бурном и рваном ритме жизни, что не вполне понимаю, на какие письма я еще не ответил. Штаб третьей армии поставил передо мной задачу организовать 3 сотни из китайских добровольцев под руководством русских офицеров и, используя их, провести несколько разведывательных походов на левом фланге неприятеля. С большим удовольствием я бы отправился в путь с 2—3 эскадронами драгун, но поскольку у меня не было возможности выбора, а бездеятельность угнетала меня, то я с энтузиазмом принялся за дело. Мой отряд состоял из хунхузов, так называемых разбойников с большой дороги, которые десятки, а то и сотни лет держали население в своей власти, убивая и сжигая дома тех, кто не платил им выкуп. После сражения под Ляояном у японцев на службе был превосходный отряд разбойников, в который, говорят, входило несколько тысяч человек, что является сильно завышенной цифрой. Теперь мы следовали их примеру: у нас на службе в нескольких отрядах состояло около тысячи бандитов. Они получали 45 рублей в месяц и сами заботились о лошадях и одежде. Поскольку они сами добывали себе провизию и фураж, то ясно, что население вынуждено было отдавать им лошадей, одежду, провизию и фураж, а вдобавок, согласно бандитской традиции, еще и все прочее движимое имущество. Когда их поместили под начало прапорщиков и младших офицеров, у которых не было ни большого военного опыта, ни преподавательского, то бандиты не получили никакого другого образования, кроме как русских винтовок и патронов. В то же время языковая путаница привела к тому, что отдавать приказы и короткие

распоряжения не требовалось, не только потому, что переводчики были плохими, но и потому, что простые приказы и передвижения были и там им хорошо понятны. Руководство отрядом было трудным, поскольку я совсем не знал его раньше. Вечерами я видел их в Цендзятуне, на бешеной скорости скачущих по главной улице мимо моего жилища. Сидя в седле, они выглядели бодрыми, свежими и молодыми. Винтовку с парой сотен патронов они держали легко, словно хлыст, и я восхищался их живостью и ловкостью, особенно сравнивая их с нашими неуклюжими драгунами. Но когда впоследствии я осматривал сотни целиком, то заметил, что как лошади, так и наездники относятся ко второму классу, нежели они выглядели вечерами. Лошади были плохими, в них не виделось выучки, седла были в ужасном состоянии, а живые лица терялись среди вялых и безвольных: эти люди лучше бы смотрелись в качестве дворников и лавочников, чем в использовании оружия. Мой отряд, другими словами, состоял из отбросов, в которых не было ни организованности, ни единства. Когда им переводился приказ, то следовала настолько бурная дискуссия, что можно было подумать, что происходит соревнование среди еврейских торговцев, которых как можно более громкими криками завлекают к себе покупателя. Каждый хотел дать свое объяснение. Их одежда, особенно головные уборы, были пестрыми и разукрашенными. Один из этих бандитов особенно развесели меня. На его голове была большая панама, на которой были длинные пестрые ленты, и по краям она была украшена бархатцами — он пробудил мои детские воспоминания о госпоже Локерт. Вдобавок ко всему у него был огромной синий зонт, прикрепленный к седлу, — можешь представить, каким воякой он выглядел. Теперь было слишком поздно выходить из игры, и мы отправились в небольшой разведывательный поход с 7 офицерами-добровольцами, у каждого из которых было 7 драгун в сопровождении. После половины дня похода мне стало ясно, как управлять этим отрядом из примерно 300 человек. После 2 дней пути я под разными предлогами сократил их число до 140. Этот «избранный отряд» я разделил на 8 частей. 4 особенно успешно действовали в 70—80 милях от нашей базы в Цендзянтуне. Они провели 3 суток в такой близости от японцев, что те много раз за день мешали им. Я взял 4 оставшихся отряда, и мы отправились далее на запад, огибая ближайший японский фланг, и действовали в их тылу. Это не вполне удалось, поскольку в 160 милях от нашей базы нас окружили японские драгуны и гусары, и мы вынуждены были отступить. Мы отдохнули и пообедали в маленькой деревне на берегу озера. Мы наслаждались кашей, консервами и бодрящим купанием. Я заметил, что они [японцы] сыграли бы с нами плохую шутку, если бы атаковали нас, когда мы купались. В 4 часа мы двинулись в путь, и в то же время начался огонь с севера, северо-востока, востока, юго-востока, юга и юго-запада. Под прикрытием песчаных холмов враг сумел окружить нас, и если бы мы не выдвинулись в 4 часа, то они перекрыли бы западное и северо-западное направления, тогда мы бы попали в очень трудное положение. Используя эти же волнистые песчаные холмы, мы, обороняясь, стали отступать на запад. На протяжении 5 часов до наступления темноты они продолжали преследовать нас и стреляли по нам с восточного направления. Мы должны благодарить песчаные холмы за то, что понесли небольшие потери. Хунхузами было трудно управлять,

но их нельзя упрекнуть в отсутствии храбрости. Они предпочитали стрелять, даже не видя врага. По их мнению, война заключалась в том, чтобы стрелять как можно больше, несмотря на то, попал или нет. При отступлении они вскидывали ружье на плечо и стреляли назад, не поворачивая головы. Другими словами, они стреляли во всех направлениях, и в любое время от них можно было получить пулю в зад. Ночью я поменял направление, и мы двигались через незнакомые пески, оставив противника позади. Итоги 8-дневной деятельности все-таки не отвечали моим мечтам, хотя с таким плохим отрядом я не мог достичь большего во вражеском тылу, когда враг обнаружил нас и организовал энергичное преследование. Однако штаб был вполне доволен нашей работой — мы закартографировали примерно 400 миль, а также сведения о позициях японцев на тех территориях, где мы работали. Монголы были более тихими и гораздо менее развитыми, чем маньчжуры. В их землях не было какого бы то ни было земледелия, а лишь только пастбища, на которых росла длинная, сочная трава, а между пастбищами возвышались холмы. Единственным их богатством был скот. Мы лакомились в огромных количествах молоком и простоквашей, покрытые пылью и грязью. Мы получали много козьего сыра и ели его с удовольствием. Я даже купил себе корову, которая все-таки без должного внимания не давала молока больше чем бутылку в день.

Я уверен, получив это письмо, ты уже вернешься со своего летнего места и вновь приступишь к своей работе в хирургическом госпитале. Надеюсь, в этом году ты получишь еще больше удовлетворения, чем в прошлом.

Конец войны пока видится неясным. В один день верят в скорое наступление мира, а на следующий настроение воинственное, чем когда-либо. Посмотрим, чем все это закончится.

С приветом, искренне твой, Густав

18 августа 1905 г., отцу

Дорогой папа,

вчера прибыл Стахович и сообщил, что японцы отказываются от своих требований, которые касаются Сахалина, российских вооруженных сил на Дальнем Востоке, а также от претензий на военные суда, находящиеся в нейтральных портах. Они не будут требовать контрибуции более чем в 1 200 000 000. Скорее всего, это не просто пустые домыслы, вполне возможно, что скоро действительно будет мир. Как приятно было бы вернуться в Россию победителем. В любом случае странно, что Япония ослабила условия. У них, должно быть, есть серьезные внутренние причины, поскольку этот мир не является для них выгодным, если принять во внимание их невероятные успехи — 3 эскадры уничтожено, крепость первого класса захвачена, 3 крупнейших сражения выиграны, 3 других важных сражения также вроде выиграны, Сахалин захвачен, и за полтора года войны ни одного поражения или неудачной операции. Правда ли, что наша армия сегодня в два раза больше, чем перед сражением под Мукденом, но в каком состоянии ее организация и высшее и среднее руководство? Назначение Мылова и Случевского (оба были отправлены из армии, так как оказались бесполезными

военачальниками) членами Совета государственной обороны вместе с назначением Мау и Романова дивизионными генералами, после того как их из-за плохих нервов и ужасного руководства отправили в Европу со скандалом, — все это отчетливо показывает, что центральные органы власти самодовольны и не желают принимать во внимание опыт, полученный в ходе войны. То же самое наблюдается и во внутренней политике. Упрямство, которое не сулит ничего хорошего. Будет ли манифест Государственной думы удовлетворять все социальные слои? Когда говорят, что в последнее время основной поддержкой революционного движения являются рабочие, то мне непонятно, почему интересы низших слоев не были приняты во внимание и им не была обещана возможность выбирать своих представителей. И мне не верится, что манифест успокоит недовольных.

Поскольку мир, возможно, уже близок, то положение Стаховича не укрепилось, он вновь оказался командующим полком. Наш новый командующий бригадой Бернов, который, к слову, не нравится мне еще больше, чем его предшественник, к нашему большому удивлению был назначен командующим дивизией (пока что временно). Этот полностью незаслуженный успех не означает ничего иного, как то, что он старый знакомый Линевича. Как видишь, здесь действуют старые добрые принципы.

Повышение до полковника по-прежнему остается неопределенным. Я также опасаюсь, что окончание войны вызовет нежелание руководства раздавать повышения. К большому сожалению, я не смог попасть сюда сразу после того, как война началась. Если бы это произошло, у меня было бы больше шансов командовать своим полком. Если меня повысят до полковника и я смогу вступить в должность с февраля, то пройдет еще, наверное, год, прежде чем я получу полк. Создатель знает, как все еще впереди.

Вчера мне пришлось прервать писать письмо. После того как ситуация прояснилась, она вновь поменялась. Из штаба армии сообщили по телефону, что высшая инстанция приказала готовиться к новому врагу. Здесь говорили практически о войне, но на следующий день мы узнали, что мир — дело решенное.

Сегодня читал в армейской газете, что генерал Клэйхилл может был назначен финским генерал-губернатором.

Мой второй чистокровный жеребец простудился и заболел во время последнего разведывательного похода. Он медленно восстанавливается, и выздоровление полностью пока невозможно. Поэтому в настоящее время у меня осталась единственная 11-летняя полукровка. Ситуация со здоровьем армии ухудшилась. Тиф и серьезные виды малярии повсюду. Холера, чума и бери-бери все-таки не сильно выражены.

Я трижды пытался отправить отсюда деньги. Все-таки не получилось, поскольку поблизости нет отделения русско-китайского банка. Прочитав в газете, что Русский государственный банк открыл в Хельсинки филиал, я попросил своего адъютанта, когда он отправился в Гунчжулин, переслать тебе через государственный банк в какой-нибудь частный банк 900 рублей. Посмотрим, удастся ли это. Если нет, то просто отправлю деньги почтой.

С сердечным приветом.

Искренне твой, Густав

30 октября 1905 г., сестре

Дорогая Софи,

прибыв на наши зимние квартиры, получил твое дружеское письмо от 4 октября. В течение долгого времени не слышал о вас ничего. Бедная тетя Мимми — продажа Лоухисаари доставила ей немало неудобств и хлопот, так теперь еще она вынуждена умирать в месте и окружении, которые ей не дороги. Мне сильно жаль Йенни, которая осталась одна. Скажи папе, что я ему сильно сочувствую ввиду тяжелой потери.

Когда наша колонна достигла железной дороги, я встретил торговца газетами, который продавал манифест о государственном устройстве. Я купил их целую пачку и приказал разделить их между всеми офицерами эскадронов нашего полка.

Вчера своими глазами видел в харбинской газете удивительную новость. Финляндский генерал-губернатор находится под наблюдением некоего революционного комитета из четырех человек и всю информацию дает через них. Вторая телеграмма говорит, что силы, находящиеся в Финляндии, еще увеличены. И третья телеграмма сообщает, что сейм будет созван 7—20 декабря. Сведения настолько скудные, что я никак не могу составить ясную картину на их основе. События происходят столь значительные, что я начинаю задумываться о своем путешествии через Монголию верхом. Сегодня я ездил в Харбин и пытался получить для себя медицинскую справку и 4 месяца отпуска. Это дало бы мне передышку, и я мог бы основательно подумать, что было бы для меня лучше. Исследовательская поездка в Монголию дала бы мне с одной стороны много интересного опыта и уникальные выгоды, но, с другой стороны, я бы не хотел оказаться изолированным от политических событий в течение целого года. Эта неопределенность невыносима.

Во время нашего перемещения на зимние квартиры стояли сильные морозы. Солдатские шубы были отправлены сюда еще раньше нас. Мы живем в 12 милях от железной дороги в довольно богатой деревне. У солдат и лошадей отличные условия для жизни, у нас, офицеров, довольно терпимые. Поскольку на железной дороге сейчас забастовка, то никто не знает, когда армия сможет начать отправку домой без помех.

Сердечно вас всех обнимаю, твой брат Густав.

Перевод с финского языка Александра Осипова

Магомет Маллачи-хан: «ЕДЕМ-ЕДЕМ, А КУДА В ИТОГЕ, НЕ ЗНАЮ» (1914—1915)

Магомет Гасанович Маллачи-хан — поручик, штабс-капитан 3-го Кавказского саперного батальона, 3-го Кавказского инженерного полка.

19 декабря 1914 г.

Спасибо, Зоя Николаевна, за Ваши письма. Я получил сначала написанное Вами 2-ое письмо, а через неделю 1-ое. Где я был, написал в открытке, посланной две недели назад. Нахожусь или в авангарде или в арьергарде. Командую 1-ой полуротой, и поэтому приходится совать свой нос под нос неприятеля: приходится осматривать и починять дорогу, мостики, чтобы дать возможность пехоте и артиллерии пройти, не задерживаясь. Попадаешь поэтому в переделки, но, Слава Богу, [оста]выходишь всегда невредимым. В Австрии произошел раз комичный случай: австрийцы [очень] отступали очень быстро. При ночлеге в одной деревне начальник [дивизии] авангарда прислал донесение, в котором приказывал мне выступить рано утром, ранее на 2 часа выступления пехоты и артиллерии, чтобы успеть починить мост, находившийся в 12 верстах [и требов] к приходу войск, при этом добавил, что мы можем двигаться без принятия особых мер охранения, так как противник очень далеко.

Сказано — сделано. Пройдя восемь верст, остановился, дать отдых солдатам. [Собираюсь] Посидели, собираюсь двигаться дальше; солдат мне показывает пальцем в даль и говорит, что как будто бы там неприятельские колонны. Зная, как мнительны нижние чины, и, имея при себе бумагу начальника авангарда о том, что противник далеко, я [соби] [тронулся] велел трогаться. В эту минуту засвистели пули сначала спереди, а потом и с обеих сторон.

[Посыла] Людей за горку, (не идти же вперед с полуротой божьих коровок), а казака посылаю [впересд] с донесением об этом начальнику авангарда. Скоро и ответ: нам быть на месте, а пехота [спешит] сейчас придет и развернется к бою. На флангах нос к носу столкнулись обе цепи. После упорного боя неприятель отступил. Жители об этом рассказывали следующее: арьергард австрийский [еще] издали заметил, как двигалась наша ½ рота; за ней никого как будто бы нет. Они тогда решили поскорей взять нас живьем, и потому не замедлили сами наступать. Насколько они боялись нас потревожить видно из того, что нам [дала] позволила продвинуться вперед неприятельская артиллерия, а пересеченная местность позволила развернуться и им, и нашей пехоте незаметно друг для друга. На обоих флангах и столкнулись нос к носу, результатом которого было полное их поражение.

Приходилось быть и в арьергарде. Меня тогда назначили начальником подрывной команды (единственный младший офицер в роте, хотя их полагается

четыре). Тогда идешь уже в конце колонны, уничтожая за собою мосты, портя дороги шоссейные и железные, словом, стараешься уподобиться гунну XX столетия. При обороне позиций приходится труднее. Необходимо бывает усилить окопы в фортификационном отношении: засеки и проволочные заграждения, и вот, работаешь впереди линии цепи (?) ночью, иногда днем, словом тогда, когда кажется, что противник не замечает. Но большей частью происходит обратное, и он выпускает ураган пуль и шрапнелей, а здесь уже не особенно «применишься к местности», как учили нас — юнкеров. Слава Богу, пока отделываюсь невредимым. Сейчас бьемся за Кельцами.

От Игоря получил недавно сразу 3 письма, такова почта нашего корпуса.

«Вот, Вы видите» (Ваше выражение), Зоя Николаевна, кажется, я сумел ответить на некоторые Ваши вопросы? И на сколько баллов? 5—6. Пока желаю Вам всего хорошего. Кланяйтесь матери, Олегу, а в письме и Игорю.

Магомет Маллачи-хан.

Адрес:

Действ. армия, полевая почтовая контора № 30. 3й Кавк.сапер.бат.

2 января 1915 г.

Вы пишете, Зоя Николаевна, что получили мою открытку. Уверяю Вас, что она послана мною в конце октября, и удивляюсь, как долго она шла. Вы, [~~удив~~] [~~говорите~~] Зоя Николаевна, спрашиваете, почему я не пишу о себе; исполняю Вашу просьбу.

Очень извиняюсь, что не проставляю чисел. Происходит обыкновенно, потому что письмо пишешь обыкновенно не сразу, а так вследствие лени и безалаберности два, три дня вплоть иногда до недели. Поэтому в начале писания не проставляешь числа, так не уверен, когда оно окончится. А когда же напишешь, то скорей запечатываешь его в конверт, боишься, что на проставку цифры да на проверку его, может быть придется еще задержать на денек (один адрес на конверте пишется иногда 3 дня). Вот видите, Зоя Николаевна, какой я лентяй и неряха.

Сознаюсь, писать Вам очень легко: отвечай только на Ваши вопросы, а их у Вас «Батыевские полчища»; обыкновенно всегда затрудняюсь, как и об чем писать до того, что приходится хлопать по лбишку, чтобы как-нибудь выжать две-три строчки. Вот, Зоя Николаевна еще: беспомощное ограниченное дитяти. Мои родители живут в Темир-Хан-Шуринской обл.,[1] в горах. Стараюсь писать им каждую неделю: ужасно беспокоятся за участь ненаглядного Махметки. И здесь пускаешься на хитрости:

Мамочке [~~иногда~~] пишешь, что служишь [~~в обозе начальн~~] в обозе N-ого до бесконечности разряда, ночуешь всегда [~~под~~] чуть не во дворцах и т.д., словом, ненаглядный катается, как сыр в масле.

А папочке иногда в закрытом письме подшепнешь, что, мол, раб верный твой, сынишка Ахметка находился (всегда в прошедшем времени, а что в настоящее время спокойно, чтобы не особенно беспокоился) на передовых позициях, и что, мол, следовало давно его венчать наградами, да что, вот, безбожный ротный ко-

[1]Темир-Хан-Шуринский округ Дагестанской области учрежден в 1867 г.

мандир пользуется плодами его работ. Словом, ликуй, гордись, папаша, таким сынишкой (сынишка-то в это время крепко спал под 3-мя одеялами). Такого письма мамочке он не покажет, я уверен в этом. Двуличность, гнусное лицемерие, не правда ли?

С окружающими теперь, каков бы он ни был, схожусь легко, но только до известного предела, и для всех почти одинаково, а дальше тыр-тыр, стой! Стой! Посмотрю хорошенько, каков ты гусь!

Пока еще в батальоне живу бобылем; должно быть для некоторых кажусь темной личностью. Вот еще, Зоя Николаевна, недостатки: угрюм, дик, плохой товарищ и т.д.

Вы спрашиваете, не нужно ли мне или солдатам теплых вещей? Спасибо, Зоя Николаевна, но уверяю, что сейчас мы все достаточно снабжены всем необходимым (а в теплом белье даже купаемся, так их много присылают). За другие корпуса я не уверен.

Вот видите, Зоя Николаевна, сколько я написал о себе; словом, животное, запрещенное Кораном, но почему-то сотворенное Аллахом.

Вы беспокоитесь очень за участь брата и отца. Мне кажется, что теперь пока не особенно следует волноваться, так как прекратился тот период безумных, но малополезных Реннекампфских [~~атак целыми конными полками~~] атак; [~~да~~] вдобавок никогда целый конный полк не ходит в атаку, а эскадронами, и командиру полка, следовательно, и не особенно часто приходится быть в опасных местах.

За Игоря тоже не волнуйтесь: он служит при штабе армии, а это совершенно безопасная служба.

Еще раз благодарю, Зоя Николаевна, за Ваши письма, и простите, что так безалаберно отвечаю на них. Уверяю Вас, что все это происходит потому, что не привык часто писать, а это много значит.

Кланяйтесь от меня матери и Олегу, а в письмах — отцу и брату. [~~От~~] Игор[~~я ь~~ недавно [~~плучил~~] писал мне.

Желаю всех благ.

Магомет Маллачи-Хан

8 декабря 1914 г.

Открытое письмо

г. Петроград, Васильевский Остр. 12-ая линия, д. 29, кв. 27.
Зое Николаевне Степановой

Пишу Вам, Зоя Николаевна, с позиций у Петрокова. На войну поехал в начале августа. Наш кавказский корпус действовал вначале в Австрии и дошел до Ярослава; зачем его повернули к Висле, где у Косениц[1] выдержали 12-дневный упорн.[ый] бой. Насколько жестоки были бои, можно было судить, что в некоторых ротах оставалось по 20 чел.[овек]. Ни в одном полку нашей дивизии — Апшеронский, Ширванский и др. — не было более 7 офицеров, а в одном и до сих пор всего 2. Потом мы двинулись к Кракову и опять в 20 верстах от него снова повернули на Ченстохов, оттуда сюда.

[1] Косеницы (Kosienice) — место ожесточенных боев осенью 1914 г. на юго-востоке Польши.

Бьемся сейчас, но бьемся с трудом: слишком истощены силы нашего корпуса. Вчера встретил другие полки: и половины тех боев, как видно, не испытали: в новенькой одежде, почти полный комплект офицеров. Даже гвардия, которая, казалось, была в переделках, не представляет такого жалкого вида, как у нас.

Живем сейчас в окопах: селения сжег неприятель. В особенности скверно сидеть ночью. Холодно, а огня нельзя разводить. Кажется, все знают, что должны делать саперы, а здесь вследствие малочисленности войск, приходится часто вести роль пехоты. Единственное удовольствие — это получить письма и газеты. Но почта здесь так редка, иногда раз в месяц, что совершенно чувствуешь себя отрезанным от остального мира. Вчера слышал, что Румыния объявила войну Австрии. Правда ли?

От Игоря получаю письма. Одно время он совершенно молчал, но теперь пишет довольно аккуратно. Где сейчас Живкович?

Как поживают отец, мать и Олег? Кланяйтесь от меня.

Если найдете времени, ответьте, пожалуйста. Желаю Вам счастья.

Адрес: Действующая армия, 3-ий Кавказский саперный батальон, [неразборчиво написанное слово]

Магомет Маллачи-Хан

Без даты, 1915 г.

Петроград, В. остров, 12 линия, д. 29.
Зое Николаевне Степановой

Снова нас вызвали, Зоя Николаевна. Едем-едем, а куда в итоге, не знаю. Скоро уже Ровно. Но в общем путешествие приносит большое удовольствие. Вероятно, в долины старых вин.

От Игоря перестал получать известия. Да и сам, правду говоря, редко пишешь.

Желаю всех благ.

Поклон матери, отцу, Олегу, в письме — Игорю.

Магомет

Без даты

Получили Вы, Зоя Николаевна, мою открытку, в которой я, нехристь, пытался Вас поздравлять с Пасхальными праздниками? Сейчас я в Карпатах. Чего же лучше! Опять попасть на [~~знакомые~~] горы, дышать не тем болотистым [~~низменным~~] низинным воздухом Восточного фронта, но зато нет тех удобств, которыми мы пользовались там. Да и зачем они нам теперь, когда настала весна, когда есть возможность [~~разбивать~~] ставить палатки прямо на зеленую мураву. Тургенев написал бы больше. Пока прощайте. Желаю Вам счастья.

Магомет Маллачи-Хан

Хамзат Алиев: «Я СЕГОДНЯ ПОЛУЧИЛ НОСОВОЙ ПЛАТОК, РУКАВИЦЫ, МЫЛО, ДРУГИЕ ВЕЩИ» (1942)

Хамзат Алиев, красноармеец, стрелок 776-го стрелкового полка 214-й стрелковой дивизии, п/п 71669. Убит 13 декабря 1942 г. Похоронен у хутора Вертячий Сталинградской области (ныне — Волгоградская обл.).

Всем родным и близким.

Привет вам, мои родные и близкие! Передайте от меня боевой привет всем колхозникам нашего колхоза. Я жив-здоров, чего и вам желаю, потому что вы должны снабжать всем необходимым Красную Армию, ведущую героическую борьбу с немецким фашизмом. Верю, что вы будете поставлять на фронт больше зерна, мяса, других продуктов. Этим ускорите поражение врага, вероломно напавшего на нас.

Каждый день мы ходим на почту. Почта доставляет нам посылки от рабочих, колхозников, интеллигентов с глубокого тыла, я сегодня получил носовой платок, рукавицы, мыло, другие вещи. Нет для нас ничего более приятного, эти маленькие посылки поднимают наш боевой дух, показывают небывалое единство фронта и тыла.

Мы заверяем вас, что будем воевать с немецкими захватчиками, не щадя своей жизни. Советские люди не сложат оружия до уничтожения всех немецких оккупантов, чтобы обеспечить мирную жизнь советского народа.

Командование части оказало мне доверие, назначив меня командиром взвода, докладываю вам, что с честью выполняю возложенные на меня обязанности. Обо мне не переживайте, я ни в чем не нуждаюсь. Прошу только об одном, чтобы вы не покладая рук работали на колхозных полях и помогали фронту.

Хамзат Алиев, командир взвода

Андрей Агапитов: «КОГДА ВЕРНУСЬ С ВОЙНЫ, ПРИЯТНО БУДЕТ ВСПОМНИТЬ О ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ» (1942—1944)

Андрей Петрович Агапитов родился в 1911 г. в деревне Коскосалма Пудожского уезда Олонецкой губернии, член КПСС. До войны работал в Карельско-Финском телеграфном агентстве и заочно учился в Ленинградском институте журналистики. Воевал на Карельском, Северо-Западном и Ленинградском фронтах (артиллерист). Погиб в феврале 1944 г.

11 января 1942 г.

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие мама и Миша! Шлю привет и массу наилучших пожеланий, а главное здоровья.

Сообщаю, что я пока жив-здоров, чего и Вам желаю.

Мама! Я о Вас мало что знаю. Ты мне очень редко пишешь.

Я хотел бы узнать, получила ли ты деньги 300 рублей, посланные мной еще в декабре 41 года.

1 января я выехал на фронт и сейчас нахожусь на передовых позициях. Обо мне не скучай, не плачь и не расстраивайся. Я одет хорошо. У меня шуба, валенки, ватные брюки, шапка меховая с ушами, рукавицы-шубницы.

Сейчас наши части перешли в решительное контрнаступление, теснят, окружают и уничтожают фашистскую и белофинскую нечисть. В скором времени освободим нашу территорию и пойдем на Гельсингфорс.

Мама! Напиши мне, получила ли ты новогоднее письмо и фотокарточку. Письма мне пиши по старому адресу:

ППС № 1475, 40ой М.Т.О., а мне оттуда привезут.

Когда мы отколемся от своего подразделения, тогда я тебе напишу новый адрес.

Ну, пока до свиданья!

Ваш сын и брат

Андрей

8 июля 1942 г.

Добрый день!

Здравствуйте, мои дорогие мама и Миша! Шлю Вам свой горячий красноармейский привет и желаю успехов в Вашей работе и рыбной ловле.

Сообщаю Вам, что я получил 4 июля от Вас письмо писанное 19 июня. Я очень рад, что вы живы и здоровы, особенно мама. Я все боюсь, мама, за твое здоровье, а ты у меня еще очень хорошо работаешь, даже сдала в сельпо 250 кг рыбы и 50 кил. имеешь к сдаче. Еще рад и тому, что Вы не ощущаете недостатка в хлебе. Пусть Миша работает и помогает колхозу, все сколько-нибудь хлеба дадут, да

плюс еще норма, Вам тогда и хватит. Я написал и посылаю письмо тов. Демидову, где выражаю ему благодарность. Пусть он это письмо зачитает колхозникам на общем собрании, пусть они еще лучше работают, а мы постараемся разбить врага.

Что касается того, что Ширков не помогает тебе как красноармейской семье, то передай ему от меня, что как кончится война и если останусь жив, то я сведу с ним счеты. Я покажу ему, как вместо красноармейской семьи помогать своим близким, которые в Гражданскую войну находились в лагере белогвардейцев. Посмотрим его партийную принадлежность.

Несколько строк о себе. Живу хорошо, на правах среднего командира, питаюсь в комсоставской столовой, работаю по-старому заместителем политрука роты. Начальство ко мне относится хорошо.

Но по просьбе брата Миши, который просит, чтобы скорее разбить фашистов и кончить войну, я подал рапорт, чтобы меня отправили на фронт. Комиссар батальона мою просьбу удовлетворил, и, возможно, в скором времени я выеду на передовую линию фронта. Я артиллерист, а артиллерия грозное оружие, и ее, как черт боится ладана, так и фашисты боятся огня артиллерии.

Я очень рад мама, что Вы получили по май месяц все мои денежные переводы, но вот не знаю, почему ты не получила до сих пор двух переводов, один мною был послан в мае на 300 рублей и другой в июне на 400 рублей. Следовательно, где-то два перевода на 700 рублей все еще идут к тебе.

Если я пробуду здесь до 20 июля или дольше, то постараюсь еще выслать 200 или 300 рублей. Если мне из 40-го МТО пошлют перевод на 150 рублей за август и сентябрь прошлого года, то я пошлю тебе в июле 300 рублей. В КарелфинТАГ дал только 2 корреспонденции в июне, и мне прислали 50 рублей, я рассчитался с долгами, а сейчас сам сижу почти без денег. Но, наверное, 15—16 июля выдадут зарплату.

Еще сообщаю Вам о том, что я написал бы это письмо раньше, но меня задержали. Я выехал в командировку 6 июля и партийное бюро полка приняло меня как участника боев Отечественной войны в члены партии. На днях, наверное, вызовут в политотдел на утверждение.

Следовательно, поеду бить фашистов коммунистом. Буду драться до полной победы над врагом.

Вот пока и все. Пишите, жду!

Ваш сын и брат Андрей

Привет крестному Кириллу, Варваре Степановне, Могучим, Тумановым и особенно тов. Демидову. Жив ли Михайла Павлович? И где находится его сын Александр? Передайте Александру привет.

Андрей

26 сентября 1942 г.

Добрый день!

Здравствуйте, дорогие мои родные мама и Миша. Шлю Вам свой гвардейско-красноармейский привет и желаю успехов в Вашей жизни и работе. Сообщаю Вам, что я жив-здоров, живу по-прежнему хорошо. Нахожусь на переднем крае обороны, военных действий пока нет, но ежедневно и ежечасно к ним готовимся.

Мама, пишите мне чаще письма, мне будет веселей, а то я здесь нахожусь среди товарищей разных областей, а с нашей Карелии почти никого нет.

Мама, я получил зарплату за август и сентябрь месяцы, да у меня 100 рублей было получено гонорара за июль. Я это все суммировал и послал тебе 600 рублей денег. Сейчас мне должны поступить два перевода, один из КарелфинТАГ(а) за август месяц гонорар и другой из [нрзб.] — зарплата за сентябрь 1942 г. Если эти деньги получу, то опять пошлю рублей 300—500 в октябре.

Хорошо бы было, если получить сразу гонорар и за сентябрь, опять все суммирую и пошлю в октябре.

Мама, Миша писал, что занятия в школе начнутся 1 октября. Ты обязательно отдай Миш в школу. Пускай кончает 7-й класс. Может быть, уже в этом-то году война кончится. Если останусь жив, то тогда будем учить его дальше.

Мама, ты не плачь и не расстраивайся. На то война, не я первый, не я и последний. Отец не добил проклятую немчуру, теперь приходится драться мне. Надо воевать, чтобы скорее разгромить фашистов, а не сидеть в тылу и не ждать у моря погоды.

Я, конечно, завидую Ваське Трошину и Лешке Могучему, что им не удалось испытать того, что испытал и, может быть, еще придется испытать мне. Но ничего. Я коммунист и буду драться до последней капли крови. Если меня убьют, то родина Вас не бросит. Ну пока, до свиданья.

Ваш сын и брат Андрей. Пишите, жду.

22 ноября 1942 г.

Добрый день!

Здравствуй, дорогая мама. Шлю горячий привет и массу наилучших пожеланий.

О себе сообщаю, что я жив-здоров, живу пока ничего.

Мама, я сильно беспокоюсь за твое здоровье. Напиши, как ты живешь и что делаешь? Есть ли у тебя дрова и как обстоит дело со снабжением хлебом. Напиши, получила ли ты от меня деньги. На днях я тебе послал еще 250 рублей. В декабре если буду жив-здоров, то пошлю еще. Ну вот пока и все. Учи Мишу. Я ему уже написал в школу несколько писем. Привет Варваре Степановне и Тумановым.

Твой сын Андрей

27 февраля 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая мама! Шлю тебе горячий красноармейский привет и массу наилучших пожеланий, а главное — здоровья и успехов в твоей работе. Недавно я от Миши получил письмо и открытку, в котором он сообщил, что ты ему купила новый костюм. Это ты сделала хорошо. Пусть парень носит на здоровье. Неплохо, что скатала ему валенки и шьешь сапоги. Я очень рад, что он хорошо одет и обут.

Сообщаю тебе, что я на днях послал тебе 750 рублей. Как получишь, то сообщи. Наступает у нас март месяц. Ты, наверное, готовишься к весне. Если нет картошки, то попроси у сельсовета или колхоза, чтобы посадить огород. Я пока

жив-здоров. Живу ничего, хорошо. Конечно, приходится жить в землянках да в шалашах, но сейчас зима прошла, становится теплее. Надо быть сильнее немцев да кончать войну. Им в эту зиму досталось крепко, но еще достанется. Привет всем родным и знакомым.

Пиши, жду.

Твой сын Андрей

15 мая 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, мой дорогой брат Миша. Шлю тебе свой горячий привет и желаю успехов в работе и учебе. О себе сообщаю, что я жив-здоров, живу ничего — хорошо.

Сегодня получил письмо от товарища, Феди Титова. Он пишет, что получил от тебя письмо и собирается дать тебе ответ. Миша! Я уже от тебя давно не получал писем, не знаю, почему, по-видимому, распутица. У нас здесь стоит хорошая погода, лиственные деревья распустились, кругом зелень, а ты знаешь, как я люблю природу. Получаю письма от старых друзей. Как-то становится веселее в глухом лесу в землянке. Пиши, жду.

Твой брат Андрей

31 мая 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, дорогой мой брат Миша! Шлю горячий привет и массу наилучших пожеланий, а главное — успеха в твоей работе. О себе сообщаю, что я жив-здоров, пока живу хорошо.

Миша! У меня к тебе такая просьба: помнишь, я тебе в октябре 1942 года послал заказное письмо, где послал тебе вырезки из газет, т.е. мои статьи, написанные и напечатанные в газетах за моей подписью. Если ты их получил, то сообщи мне. Ты мне сообщил, что получил фотокарточки, а про вырезки ничего не сообщил. Напиши еще, получили ли Вы от меня 750 рублей денег, которые я послал Вам в апреле с.г. Недавно я послал Вам еще 250 рублей, как получишь, напиши. Вот пока и все. Да сообщи, вырезал ли ты мои статьи из газеты «Ленинское знамя». Ты их сохрани. Если останусь жив, то я по ним чего-нибудь напишу.

Вот и все, пиши, жду. Твой брат Андрей

1 июня 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, мой дорогой брат Миша! Шлю тебе свой горячий привет и массу наилучших пожеланий в твоей жизни.

Миша! Сообщаю тебе, что позавчера, т.е. 30.05.43 г., я получил от тебя сразу два письма, одно от 1.05.43 г., а второй с тремя носовыми платками, бумагой и открытками. На одной из них и пишу тебе. Ты у меня большой умница. Спасибо тебе за такую заботу обо мне. О себе сообщаю, что пока жив-здоров, живу ничего, хорошо. Напиши, как сдал экзамен и окончил школу? Как у мамы идет дело с рыбной ловлей? Ну будь здоров.

Пиши, жду. Твой брат Андрей

10 августа 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, моя дорогая мама. Шлю тебе свой горячий привет и массу наилучших пожеланий, а главное здоровья. Сообщаю тебе, что я жив-здоров, живу по-старому хорошо.

Мамочка! Я в прошлом году послал тебе письмо с вырезками из газет и фотографиями своих боевых товарищей. Сейчас посылаю тебе 41 корреспонденцию, напечатанную в различных газетах за время моего пребывания на фронте во второй год Отечественной войны и 15 фотографий своих боевых товарищей. У меня к тебе просьба, как получишь, то положи все это в мой альбом, а когда кончится война, я буду вспоминать о минувших днях борьбы, о своих боевых друзьях.

Эти статьи мне дороги еще тем, что я писал их во время горячих боев, под разрывами снарядов и мин, под градом пуль и авиабомб. Они мне еще дороги потому, что командование оценило мой труд, и за то, что я показываю лучших людей своей части через газету, написал историю своей части, меня наградили правительственной наградой медалью «За боевые заслуги». Награда небольшая, но почетная.

Очень жалею, что я не выслал тебе с Петрозаводска вместе с вещами альбома со своими статьями. Его сейчас, наверно, спалили проклятые немцы и финны, а у меня там в альбоме было около 300 статей. Весь мой литературный труд пошел насмарку. Но ничего не поделаешь. Раз прошляпил, то теперь поздно жалеть.

Думаю, что цензор пропустит это письмо, ибо он поймет, что дорого для человека пробыть два с лишним года на фронте и на самой передовой линии фронта. Я его прошу доставить это письмо с корреспонденциями в целости и сохранности, буду искренне ему благодарен, ибо это останется у меня самой яркой памятью о Великой Отечественной войне с проклятым фашизмом.

До свидания, мама. Пиши, жду!

Твой сын Андрей

24 сентября 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, дорогая мама, шлю тебе свой горячий привет и массу наилучших пожеланий, а главное — здоровья. Мама, сообщаю тебе, что я жив-здоров, живу ничего, по-старому. Несколько дней назад послал тебе письмо с фотокарточками, как получишь, то сообщи. От вехкома [так называет брата] получил два письма, пишет, что приступил к занятиям, будет мотористом. Что ж, и это дело неплохое. Мама, напиши, как ты живешь и как твое здоровье. Как ловится рыба? Хватит ли на зиму хлеба и пищи? Передай привет Чешкину Н.М. и его жене. Скажи ему, что я очень благодарен ему, что он так хорошо к тебе относится. Если посоветуешь, то я ему напиши письмо с чувством благодарности. Ну пока, до свиданья. Пиши, жду.

Твой сын Андрей

6 октября 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, дорогая моя мама, шлю тебе свой горячий привет и массу наилучших пожеланий, а главное — здоровья и успехов в твоей жизни и работе.

Фотография на фоне сбитого самолета люфтваффе. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

Сообщаю тебе, мама, что я на днях послал тебе тысячу рублей на разные расходы и, может быть, чего-либо купишь на праздники.

О себе сообщаю, что я жив-здоров, живу ничего, по-старому, хорошо.

Только одним плохо, наступила осень, пошли дожди. А у меня, сама знаешь, ведь здоровье не совсем хорошее, тем более две зимы провел на фронте и обеи в боях. Наступает третья военная зима, но она, я думаю, будет последней. В эту зиму мы должны во что бы то ни стало разбить врага, кончить эту тяжелую войну и с победой вернуться домой. Мама, посылаю 11 шт. (одиннадцать штук) корреспонденций, ты их положи в мой альбом. Они мне пригодятся в дальнейшем.

Мама, посылаю тебе корреспонденции, открытки и своего друга фотографию, ты все положи в мой альбом. Когда жив-здоров вернусь с войны, то приятно будет вспомнить о фронтовой жизни, о тех тяжелых боях, в которых я участвовал. А пока получай и храни. Это время недалеко, оно скоро наступит.

Пиши, дорогая, как ты живешь и можешь. Есть ли у тебя хлеба и продуктов. Прошу передать горячий привет тов. Чешкину Николаю Михайловичу, его жене, Демидову, божатке и другим. От вехкома получил на днях два письма, пишет, что живет ничего, но только скучает. Говорит, что до сих пор не получил от тебя ни одного письма. Сильно скучает, но я ему написал, чтобы он кончал школу. Вот пока и все. Пиши, дорогая, жду.

Твой сын Андрей

P.S. Мама, прошу фотокарточек моих никому не отдавать. Андрей

1 декабря 1943 г.

Добрый день!

Здравствуй, дорогая моя мама!

Шлю тебе свой горячий гвардейский привет и желаю всего хорошего. Сообщаю, что вчера получил от тебя письмо от 6.11.43 г., был очень рад, что ты жива и здорова.

Мама, зря ты расстраиваешься. Мы пока стоим в обороне и боев не ведем. Так, идет редкая перестрелка с противником. Вот что будет около 1 января. Уж тогда, наверное, опять повоевать придется.

Что сделаешь, на то и война. Если убьют, то у тебя еще сын есть, в люди выходит. Пишет, что с девушками гуляет, нашел девчонку чернобровую «на пять» — так пишет мне вехком.

Твою просьбу удовлетворяю: посылаю вам с Ольгой Ивановной на заварку чайку. Думаю, что цензура сжалится над Вами и не выкинет его из конверта. Я знаю, что ты из-за чая умираешь.

Но ничего, ждали большое, то сейчас немного потерпите. Я думаю, что мы скоро одолеем фашистов, закончим войну. Мы им ничего не забудем, ничего не простим. Если Вы сидите без чаю, то мы их за их злодеяния заставим на веревке висеть.

Я очень злой стал. До войны боялся мимо кладбища ходить. За 29 лет убил только по твоей просьбе кота, и то всю неделю сердце тряслось, думал, что человека зарезал. А сейчас бью немцев. И когда убиваешь прохвоста, то на сердце веселее становится. Думаешь, что совершил чудо. Каждый убитый фашист приближает нас к победе. Мы еще им покажем кузькину мать. Пусть в Германии поревут, как коровы, их матери, может быть, образумятся, а не образумятся, так у нас найдется чем заткнуть им поганую глотку. Когда вы плакали, они смеялись и приходили в телячий восторг, а теперь, когда мы бьем насмерть их поганых сыновей, то они вопят. Никакой жалости и пощады к врагам.

Ну, пока, будь здорова. Привет Ольге Ивановне.

Твой сын Андрей

1 января 1944 г.

Мише!

Прими мой скромный подарок в наступающем новом 1944 году — портрет того, кто приведет нас в этом счастливом году к победе над подлым и коварным врагом — немецким фашизмом.

Твой брат Андрей

[На обороте портрет Сталина. Подпись на открытке: Председатель Государственного Комитета Обороны и Народный комиссар Обороны И.В. СТАЛИН.]

1 апреля 1944 г., Ф.Г. Титов — М. Агапитову

Здравствуй, Миша!

Сегодня 1-IV—44 г. Получил твое письмо, в котором ты сообщаешь такую неприятную весть о гибели твоего брата. Очень жаль, Миша, — твой брат был действительно таким человеком, у которого можно было кой-чему поучиться, но не вернет, видно. Война многих не раз заставила плакать и страдать, и вместе с тем она научила нас ненавидеть врага, что помогло нашей победе, которая уже очевидна. Кровь твоего брата, Миша, а моего друга, пролитая за свободу Отечества, за освобождение порабощенного Советского народа фашистскими людоедами, пролита не зря. Я уверен, что Андрей был примером в части и за него немало полегло фашистской падали. И мы, Михаил, не забудем смерти твоего брата и постараемся отомстить за него. А узнать подробности о его гибели

мне хочется, и я это постараюсь. Ты тоже напиши, Миша, командование части, как погиб Андрей?

А пока до свиданья, Миша.

С приветом, Федор

2 мая 1944 г., Ф.Г. Титов — А.А. Агапитовой

Здравствуйте, Акулина Андреевна!

Шлет Вам горячий первомайский привет друг Вашего сына Андрея Титов Федор Григорьевич.

Вчера и сегодня я как никогда чувствую отсутствие своего старого друга, с которым вместе пришел в эту часть в 41-м году и был не разлучен до его отправки в другую часть — в 1942 г. Но и после того я держал с ним дружескую аккуратную письменную связь до февраля 1944 г. В феврале получил последнее письмо и до апреля м-ца ничего не знал о его существовании. И вот недавно получил нерадостную весть о его гибели. Я не знаю, знали ли Вы об этом до сего времени или нет, но я сообщать воздерживался. А сегодня у меня так грустно на «душе». Не знаю с кем поделиться этой грустью. И вот вспомнил Андрея. Мы с ним делили все горе и радости. У нас не было между собой секретов. Жаль друга, и понимаю, что Вам еще жальче. Но прошу Вас, Акулина Андреевна, понять и то, что раз война оказалась неизбежностью — раз фашистские звери напали на нас — захотели заставить наших матерей, отцов, сестер работать на них — на немцев, кланяться им — немцам, а русский народ этого никогда не терпел — всегда бил всех своих поработителей.

А разве можно терпеть такую паршивую рыжую немецкую тварь, которая не признает нас за людей и хочет истребить нас, а часть сделать своими рабами.

А раз мы не хотим быть истребленными, а хотим жить и жить по-человечески, то нужно было истреблять этих зверей и завоевать себе право на жизнь самостоятельную, свободную и культурную. Мы это и делаем, и мы это сделаем. И если мы за это погибнем, то наши дети, наши отцы, матери и сестры не будут знать этих извергов — немцев. Пойми это, Акулина Андреевна, и не убивайся за Андрея — не плачь, а гордись своим сыном, что он честно стоял за свободу русского народа, об его делах знало правительство. Гордись, Акулина Андреевна, что Вы сумели воспитать такого сына.

Я думаю, что и второй Ваш сын, Михаил, тоже будет в Андрея. Хотя он еще молодой, но довольно умный. Это я заключаю по письмам, которые от него получаю.

Хочется мне с ним встретиться и познакомиться, а то мы с ним переписываемся и не знаем друг друга. Хотя он меня видал на фотокарточке, я фотографировался с Андреем, а вот я его еще никак не видал. Ну будем надеяться на встречу. И с Вами тоже, Акулина Андреевна.

А пока до свиданья.

С горячим красноармейским приветом

Федор

Андрей Петров: «ИНТЕРЕСНО МНЕ УЗНАТЬ, ДОИТСЯ ЛИ У НАС КОРОВА, А ЕСЛИ ДОИТСЯ, ТО СКОЛЬКО ЛИТРОВ ДАЕТ?» (1943)

Биографическую информацию об авторе текста, к сожалению, установить не удалось.

30 января 1943 г.

Здравствуйте, дорогие родители папаша, мамаша, Оля, Надя и Маруся. Шлю я вам свой боевой красноармейский привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни. Получил от вас 3 посылки, за которые был очень рад. А посылки в армии много кое-что значат. Также получил письма и печальную весть о старшем брате Александре. Дорогие родители, прошу вас сильно не беспокоиться, хотя это очень тяжело. Война ведь без жертв не бывает.

Я сменю своего брата и стану грудью на защиту родной страны. Я отомстю гитлеровским бандитам за брата и оставшуюся его семью. Прошу вас, дорогие родители, а особенно папашу и мамашу, не беспокоиться, ведь слезами не поможешь. Разобьем Гитлера, тогда жизнь будет по-прежнему. Опишу о своей личной жизни. Живу на старом месте, то есть в городе Кушке. Жив, здоров, учусь пока ничего, но происшествие с Шурой произвело на меня большое впечатление. Скоро закончим учиться, а там неизвестно куда. Вот и все о моей жизни.

Дорогие родители, передайте большой привет Нюсе и пущай она сильно не горюет. Пропишите здоровье папаши и мамаши. Какая сейчас жизнь в колхозе, и что сейчас нового в Шемонаихе. Интересно мне узнать, доится ли у нас корова, а если доится, то сколько литров дает?

К нам пришло пополнение с 25 г., но с Шемонаихи никого нет. Пропишите, кого взяли с 25 г. в армию, может, знаете, куда? Дома ли еще Петров П., Бачинский Игнат, Трещеткин?

Передайте большой привет Акулине, Марусе и Наде. Большой привет Вяткиной Наде, сегодня от нее получил письмо.

Дорогие родители, если можете выслать посылку, то высылайте.

Передайте привет Дусе и Евгению.

Пока до свидания, дорогие родители, остаюсь ваш младший сын Андрей

Николай Чекменев: «НАПИСАЛ ТРАГЕДИЮ В 4-Х ДЕЙСТВИЯХ “ВЕСНА”» (1944)

Николай Семенович Чекменев (1905—1961), родился в Пишкеке (совр. Бишкек) в Семиреченской области. В 1920-х гг. получил литературное образование в Москве, с начала 1930-х гг. работал в Киргизской ССР, где стал одним из ведущих русскоязычных писателей.

22 июня 1944 г.

Дорогой Жоомарт! Вспомнил сегодня твою новогоднюю телеграмму, которую получил от тебя в Андижане. Ты поздравлял тогда с победоносным 1943 г. И ты был прав — год действительно оказался победоносным. А ныне мы являемся свидетелями новых побед, ведущих нас к окончанию войны и полного торжества нашего правого дела. На днях мой адрес снова меняется — еду в действующую армию на фронт.

Хотел с Даней послать во Фрунзе свои последние работы — рассказы и очерки, но переписанного на машинке ничего не было. Случайно оказался переписанным один рассказ «Вера», его и посылаю тебе заказной бандеролью. Он был напечатан в харьковской газете и в журнале, его поместить можно, если он Вам понравится. Еду на фронт строевым командиром.

В мае закончил работу над новой вещью. Написал трагедию в 4-х действиях «Весна», послал в Москву на консультацию. Работал упорно, но урывками — ночами. Ответа пока не имею. Привет всем друзьям. Пиши ответ, когда получишь мой новый адрес.

С дружеским приветом Николай

С узбекским писателем лейтенантом Салиевым пересылаю в Союз писателей Киргизии свои рукописи, которые оказались лишними при моем дальнейшем продвижении на запад. Тов. Салиев поедет в Ташкент и оставит рукописи в Союзе писателей Узбекистана, а оттуда они с попутчиком дойдут и до Киргизии. Прошу сохранить рукописи до моего приезда, после войны. С товарищеским приветом Чекменев.

Николай Савченко: «ЧИТАЮ ЕЖЕДНЕВНО ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ. ЛЮБЛЮ ОТГАДЫВАТЬ КРОССВОРДЫ, РЕБУСЫ» (1944—1945)

Николай Иванович Савченко родился в 1912 г. в ст. Дядьковской Краснодарского края. В 1928 г. закончил Новочеркасский гидромелиоративный техникум (НГМТ). В сентябре 1937 г. поступил в Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт (НИМИ), который закончил в июле 1942 г. с отличием. После окончания института работал на строительстве Невинномысского канала, а с 1943 по 1945 г. находился в рядах Советской Армии, на фронтах Великой Отечественной войны. После войны работал в системе проектирования различных водохозяйственных объектов. Награжден медалями «За отвагу» и «Ветеран труда», имел звание «Почетный ветеран труда». В Государственном архиве Краснодарского края хранится коллекция документов о жизни и деятельности Н.И. Савченко, включая письма с фронта. Есть и открытки, и письма, написанные на тетрадных листках в линию или обычных листах формата А5. Большинство писем написаны синим карандашом или фиолетовой пастой, однако почтовые штемпели стоят не на всех письмах.

1 января 1944 г.

Здравствуй, жена и Юраша!

Прежде всего поздравляю тебя, Юрца, родителей и всех остальных с новым 1944 годом. Вот и наступил 44 г. Желаю Вам счастья в жизни, успеха в работе и хорошего здоровья на всю жизнь, плодотворной работы на благо человечества, на благо нашего советского народа. Твое письмо от Юрика от 9—11.12.43 получил 30.12, чему очень рад, правда они кратки в изложении. Пару слов об обстановке, при которой приходится писать это письмо. Сижу у печки-железной, стоящей в палатке, такой вероятно, какая сфотографированная на фото, присланном Мишей еще в 1942 г. Посмотрите на то фото, и вы представите себе обстановку моей жизни — фронтовой, тем более соответствует по времени года. Сейчас три часа ночи. За палаткой лежит снег, шумит ветер в лесной чаще. Вокруг стоят высокие стройные елки, сосны, березы, одетые в зимний покров. Какие чудные витебские леса с их болотами и озерами. Новый год встречаю в фронтовой обстановке. Встреча его происходила в обстановке работы. Конец года — отчеты. Работы много. Сижу на чураке с картофелем, слева у колена стоит возле железной печи. «Лампа-молния» — фронтовая, довольно интересная, т.к. она освещает. Сделана она из стакана снаряда, вполне достаточно хорошо освещает. Одновременно с твоим письмом получил письмо и от Павла, друга по учебе, проживающего в Краснодаре. Он один из нас остался на гражданской работе. Какая обстановка сложилась на фронте отвечаю военная, тебе известно из газет, к чему добавить нечего. Скажу только одно: где немцу приходится спешно бежать под натиском наших войск, там только и сохраняется постройка. Имеются деревни, из которых буквально осталось одно название, а все остальное сровнено с землей. Посмотри

на карту, по которой я всегда искал города, освобожденные нашей доблестной армией, и ты сразу представишь ту территорию, которую надлежит освободить нам в 44-м високосном году. Все.

Желаю тебе, Юрику, родит. и др. счастья, здоровья и сил в наступившем году. С приветом Коля.

Жду ответ, п.п. 43091.

18 января 1944 г.

Здравствуй, жена!

Твое письмо от 27.12.43 г. я получил 15.1.44 г., на которое дал ответ этим же числом. В этом письме ты пишешь, что получила перевод на 130 руб. Такое длинное письмо интересно читать. Есть что почитать, но один недостаток, мало ты пишешь о других знакомых твоих и о тех людях, которых я знаю. Не плохо, что ты написала о соседке, но никто из Вас, тебя и отца не упомянет о т. Насте и Феньке, как они живут, как живет Фенька, старая подруга мамы.

Пару слов о себе. Что о себе писать. Живу фронтовой жизнью. Нахожусь в таком месте, где снаряды летят с 3-х сторон, одна сторона свободна. Жизнь всегда подвержена опасностям. Каждую минуту ты не знаешь, что с тобою может случится. Очень уж опасное место. Были минуты, когда казалось, что только подумаешь, как тебя не убило или ранило. Переживания огромные. Вот сегодня делал артиллерийский обстрел, шестерых убило и 24 ранило. Легко писать, но тяжело переживать эти дни. Если б ты знал, когда он будет делать обстрел, то тогда легче переносить, а вот когда это неожиданно и в любую минуту, тогда на тебя действует.

Посылаю перевод на 100 руб. Один тебе и на 100 руб. и другой маме ч/отца. Скажи ей, что это ей от меня. Пусть купит что-либо для себя.

С приветом Коля

PS. Смородин И.В. вместе со мной, только он находится несколько км от меня дальше. Женя! Перекажи Савченко Марии — дочери Савченко сапожника пятилетки, что его ни я, ни Смородин нигде не видели, и поэтому она ошибается в том, что якобы мы видали и об этом Вам написали. Ничего мы не видели из станичан. Один наш боец после госпиталя вернулся домой в ст. Марьянскую Сиренко, о котором я Вам писал. У него может подробно узнать жена Дацука о своем муже, перескажи ей пожалуйста.

31 января 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Письмо твое от 13.1.44 получил 28.1.44 г., за которое благодарю. Вместе с твоим письмом получил и от Юрика, которое также с радостью читал, но оно целиком им не написано, чувствуется помощь мамы. Ответ пришлось задержать, т.к. конец месяца и поэтому много работы скопляется к этому времени, но все-таки, выбрав минуту времени, решил написать ответ.

7-го ты была именинница, а я седьмого шел целую ночь, снег, ветер, грязь. Снег падает и растает, залепляет глаза. Все мокрое, плащ-палатка, концы шинели,

обмотки, колени. Ветер пронизывает до костей. На исходе ночи остановился в лесу. Все мокрое, темно, костра разжигать не разрешается, становится холодно, затем дрожу, устал, а ходить надо ибо совсем замерзнешь и тут проклинаешь эту ужасную войну. После этого, по-видимому, я простудился, т.к. у меня кроме шинели и моей безрукавки больше ничего нет. Телогрейки ватной не досталось. Эх, бывают минуты и часы такого состояния, что даже и описать это невозможно.

И так другую ночь под открытым небом в лесу у колес брички ты «ночуешь», а со снегом может и растает. Тогда приступаешь к устройству землянки, в которой течет вода по стенкам, с полу сыро, и эта сырость пронизывает до костевых мозгов. И что ж, ничего не поделаешь — все сглаживается одним грозным, ужасным, бесчеловечным, безжалостным, уничтожающим, наводящим ужас и бедствия словом — война. А сколько бедствий, терзаний, мук приносит с собой это проклятое слово война.

Одновременно с твоим письмом получил письмо от Вани Каменщикова из Новочеркасска. Он работает в институте, где кой-кто работает из наших выпускников.

Из Уральска ни от кого нет писем. От Миши тоже. Я написал командиру части, где служит Миша, ответ еще нет. И когда войне конец.

Теперь и я вспомнил слова мамы, когда они жаловались в зимнее время на боль пальцев в руках. Они у них трескались и болели. Были всегда черные, грязные и не моешься. Вот это от резкой температуры холодно и горячей. Такое состояние моих пальцев на руках. Их невозможно вымыть, они потрескались от той же самой причины. Решил мыть их только холодной водой, ибо даже писать больно.

Я пока жив и здоров и невредим. Продолжаю нести службу солдатом русской армии, борющейся с немецкими оккупантами. Желаю Вам всем здоровья и сил в этом и последующих годах.

Привет всем, Коля.

Белорусский лес. Жду ответ, п.п. 43091.

7 марта 1944 г.

Здравствуй Женя!

Наконец-то я после 22-х дней получил первое от тебя письмо, за которое благодарю. Да там началась весна, но здесь еще зима. Снег лежит не тронут весенними лучами. Снега много. Утром мороз, днем когда солнышко, тает в затишье и слегка тепло, к вечеру иногда срывается снежок, а ночью стоит мороз, поскрипывающий под ногами. Завтра Ваш праздник, пожалуй и нам можно попраздновать, но здесь что-то о нем не слышно, хотя я стою далеко от фронта. Ты живешь в мирной и тихой обстановке и плодотворно работаешь. Хорошо, что ты пишешь о себе подробно, но не достаточно. Ты не пишешь о себе, как твое самочувствие, здоровье. Прошел год и 15 дней, как мы разлучены. Легко сказать год, а сколько за это время переживаний, а сколько пройдено пути одиннадцатым номером. О! если бы можно было описать все те места, где приходилось побывать за год, то для этого потребовалось исписать тетрадь в 50 листов. За год пришлось побывать на Кубани, Украине, Калининской области, Белоруссии. А сколько пройти деревень, городов им не дашь счету. Были минуты, часы, дни

трудные, были и легкие, но последних незначительная доля, и они невидны или встречаются на общем фоне одним маленьким пятном.

От Миши я тоже получил письмо написанное им 29.1.44 г., а дал ответ 19.02.44 г. В нем я его слегка поругал за молчание (с октября пр.г. от него не было слышно).

Пару слов о себе. Вот уже с декаду как я на «отдыхе», т.е., вернее, мне работы стало еще больше, но чувствуешь себя лучше значительно, тем более что далеко от фронта, а следовательно, и условия жизни улучшились. Приходится жить в доме, спать, почти как дома, вовремя ложиться, вовремя вставать, регулярно принимать туалет, быть в бане, стирать белье, ходить в чистом, не чувствовать назойливых паразитов, не слышать выстрелов, не чувствуешь ежеминутной опасности быть разорванным или раненным снарядом. И работать приходится нормально. Сколько времени прийдется так жить не известно. Недалеко и город, но сфотографироваться, пожалуй, не представляется возможным, а хотелось бы послать тебе фото. Имеется мой портрет, нарисованный нашим художником, работающим вместе, но он его не дает.

Все ничего, но имеется у меня некоторое беспокойствие о своем положении. Скоро эта должность аннулируется, и куда судьба бросит, неизвестно. За февраль тебе деньги не выслал, т.к. получил немного, а за март нечего высылать, ибо нечего и получать. Я тебе вышлю удостоверение, по которому ты добейся себе пособия руб. 50—100 в м-ц. Другие получают, и ты имеешь право. Вот поэтому мне приходится позадуматься над этим моим положением, в котором прийдется быть. Это меня больше всего беспокоит на данное время. Яснее это выразить в письме не имею возможности. Из этих нескольких строк ты, я думаю, поймешь и представишь мое положение. Куда судьба бросит нас отсюда, трудно представить. Нахожусь в 208 км от Москвы — нашей прекрасной столицы (с западной стороны). Трудитесь на трудовом фронте, помогайте Красной армии добить врага человечества.

Привет всем, с приветом Коля

16 марта 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Сейчас только что получил твое письмо от 27.2, в котором были письма твое и Юрика. Голубой конверт действительно соответствует песни, уложенной в этот конверт. Только не вручили мне его в той обстановке, каковая описана в песни. Пришлось получать голубой конверт далеко от фронта в мирной созидательной жизни. Когда мне вручали твое письмо я сидел за столом и кончал писать десятое по счету письмо-секретку. Сегодня меня взяла какая-то тоска и я решил написать всем письма, в которых излить свои чувства настоящих обстоятельств. Всегда, когда редко получаешь письма, на меня находит мрачное состояние и тогда, по возможности, сажусь и пишу всем письма. Сегодня я написал маме и Шуре, Антону, Игнаше, Ан. Ефимовне, Кате, другу Шестакову, Шептукову, Кисловскому и Боре. Одиннадцатое тебе ответ на голубое письмо, т.е. на письмо в голубом конверте.

Когда я пишу это письмо, я время от времени останавливаюсь, чтобы посмотреть на пространство, открывающееся перед моим взором в окно. Я вижу белое

пространство, а вдали чернеет сосновый лес. Идет снежок, покрывая снежную толщу. Несмотря на весенний месяц, весны не чувствуется. Лежит глубокий снег и держится мороз. Изредка проглядывает солнышко и тогда становится не душе радостно и весело, но, как только небо заволоклось снежными тучами, становится от этого темно, снова на тебя находит грустная мысль. Неужели, думаешь, еще прийдется после этого отдыха ходить, жить и воевать в снежную пору. Да, прийдется.

Сейчас я нахожусь на отдыхе в двух стах км от нашей столицы. Антоша от меня судя по адресу тоже на таком же расстоянии. Спишь на мягкой постели — из соломы у теплой печки вместе с краснодарцем Щербаковым. Утром принимаешь туалет, завтракаешь, обедаешь, ужинаешь, все время за столом. По субботам ходишь в баню. Переодеваешь своевременно белье. Но безусловно работаешь с 6 утра до 10—11, а иногда и 12 часов ночи. В общем все хорошо. Но вот с прибытием сюда моя должность ликвидировалась, и куда судьба бросит, неизвестно. Лучшего не предвидится, поэтому чувствуешь себя неважно. Как в дальнейшем будет трудно предсказать, и поэтому в этом вопросе умалчиваю.

Один день и мы справляли Масленицу, по паре вареников съели и этим ограничились.

Сейчас стоим в месте, где живут карелы, люди чистоплотные и гостеприимные, но не все. Жизнь их такая, как и там. Обычаи те же с некоторыми особенностями, малоуловимыми для ненаблюдательного человека. Характерно, у них нет собак, свиней, курей, хотя и то и другое имеется, но редко. Если у кого и есть куры, то они находятся в больших сараях и не выпускаются во двор или потому что суровая зима, или так заведено. Дома большие деревянные. Деревни находятся среди хвойных лесов.

Кроме твоих писем больше ни от кого не получаю, что очень жаль. Антону я написал два кратеньких письма. Я тебе обещал выслать справку о моей службе в Красной армии. Женя, высылаю тебе удостоверение на предмет получения льгот, а также добейся того, чтобы ты получала ежемесячное пособие в сумме 50 рублей. Для этого обратись в сель-совет или военкомат, а тот напишет с/совету.

Напиши все-таки о результатах явки отца в военкомат. Смородин работает на прежнем месте. Вижу каждый день. Он часто получает письма из дому. Ира его засыпает письмами, как горохом.

Значит, Юрик в новых ботинках. Как хочется увидеть Вас всех, а особенно Юрика. Какой он стал большой или прежнего роста.

Хорошо, если ты сфотографировалась с ним и прислала мне фото. Это в твоих условиях сделать возможно. Я буду тебя очень благодарить, если с Юриком невозможно, то сама. Ведь тебе вероятно часто приходится быть в Динской и Краснодаре. Вот и все. Остаюсь пока жив и здоров. Твой Коля. Жду ответ.

19 марта 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Эту секретку пишу, отвечая на поставленный мною вопрос, как я провел сегодняшний день 19 марта 1944 г. воскресенье? Утром поднялся в 6 часов, оделся, принял туалет, кое-что сделал, пошел завтракать. Картофель вареный с капустой.

Чай с сахаром, помпушками и пирожки с картофелем. До обеда работал за столом. Получил обед. Суп-макароны с картофелем и консервами, заправленный комбижиром. Хозяйка добавила к этому картофеля. После обеда пошел с красноармейцем по совместной работе топить баню. Распилили бревно. Я принес 6 ведер воды, он затопил баню. К 7 часам вытопили. Пошли купаться. Хорошо искупался, попарился. Пришел, а здесь уже и чай готов. Покушал картофель, попили чай с сахаром. Засел за работу. В 9 часов вечера дали укол против всех болезней. После снова работа. В 11 ч. 30 мин. ночи прочитал газеты свежие, написал ответы Ване Каменщикову и другим. Сел и написал эту тебе секретку. В 12 часов ляжем спать, так и всегда ложимся спать.

8 апреля 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Сегодня у меня большая радость, несмотря на то что я себя чувствую плохо — головная боль, малярийное состояние, бессилие. Получил я четыре письма. Два от тебя, одно от отца и четвертое от Антоши вместе с фотокарточкой. За все письма всех благодарю. В одном твоем письме от 23.3 было письмо в стихах. Другое твое письмо от 29.3, отца от 24.3. Антоши письмо от 2.4. Спешу дать ответ. Письмо твое от 29.3, как видишь, шло 9 дней, не так много. Ответ излагаю сообразно твоим письмам, т.е. отвечаю на вопросы твоих писем. Да! Старайтесь как можно больше посадить и ухаживать за посаженным. Все это вам будет необходимо на зиму. Ибо вам прийдется пожалуй и эту зиму жить самим, т.к. война не скоро кончится, если не случится такое, при котором она закончится в один день. Враг упорно сопротивляется, хотя его силы — панические. Безусловно, придет тот день, когда до единого вершка наша земля будет очищена от подлых извергов человечества. Зато эти годы будет хорошие урожаи там, где произошло удобрение гитлеровскими трупами... Ты все-таки постарайся поехать в город хоть на май м-ц и сфотографироваться с Юриком и сама. Я буду тоже стараться сфотографироваться и прислать тебе фото. От Антоши получил заказное письмо, в котором было и фото его. Выглядит не плохо. Он, вероятно, и вам вышлет. Поднят и свежий. Его военное звание такое, как и у меня, судя по внешнему виду.

В подразделении, где служит Смородин, тоже одна должность ликвидировалась, кр-ца [красноармейца] этого перевели в строевое подразделение. Смородин остался на старом месте — т.е. повозочный коваль. В данный момент я, пожалуй, в этом и завидую, но прежде чем сюда он попал пришлось ему много претерпеть трудностей, хотя на этой работе тоже не сладко, но лучше в тысячу раз, чем там, где он был до этого. Передавай привет Ире от меня. Недавно Ваня получил от нее письма 2, в которых был табак. Мне пришлось покурить. Хороший аромат кубанского табака. Спасибо ей. Он не курит, так мы, его близкие, покурили. На отдыхе я уже нахожусь больше месяца. Скоро поедем на фронт гнать фрица.

Это хорошо, что ты не держишь материал. Носи его на это я тебе его привез. А как бы мне хотелось посмотреть на тебя в этой розовой-шелковой блузе. Она тебе идет, это я вполне уверен. Хорошо будет, если ты в ней сфотографируешься.

Безусловно, под эту блузу надо надевать тот фиолетового цвета б[юстгальтер], тогда будет совсем хорошо.

Одновременно с этим письмом даю ответ Антоши и отцу.

Пару слов о себе. Живем по-прежнему. Знаю одно: работа, пища, отдых. Бывают свободные минуты, часы и тогда беру и читаю литературу. Прочел Омулевский «Шаг за шагом» — роман, Лесков «Обойденные» — роман, Арнольд «Василиса» — роман. Если можно будет там достать, то советую почитать. Особенно Лескова. Читаю ежедневно газеты, журналы. Люблю отгадывать кроссворды, ребусы.

Все-таки мое положение шаткое. Пока что балансирую, но долго ли будет продолжаться эта балансировка — не знаю. Чувствуется, что скоро куда-то перевалится, а все предпосылки в худшую сторону.

Все. Пока до свидания, Коля

PS. Здесь весны не чувствуется, по-прежнему лежит снег и мороз. 2го.4. шла метель ужасная. Пиши, жду ответ.

9—16 апреля 1944 г.

9.4.44. Далекому другу Жене!

Пишет стихотворение К. Симонова

(В этот год ты встретила без меня,
Когда б понять ты до конца сумела,
Когда ты знала ты, как я люблю тебя,
Ко мне на крыльях долетела...)

Здравствуй, Женя! 16.4.44 г.

Кончилась стужа зимняя, кончилась наша любовь, кончилась наша разлука — я уезжаю на фронт. Мы не можем оставаться в покое, тогда как все наши фронтовые друзья дерутся на фронте. Вот настал час и нашему участию в этом деле.

В Смоленщине весна упорно берет свои права. Снег растает днем интенсивно, ночью морозы. Грязь, воды по колено. Везде течет, струится, журчит. Во многих местах земля обнажилась, радуясь весенним солнечным лучам. Мы тоже рады. Итак вступаем в новую жизнь всем известную. Принимаем облик фронтовой жизни.

Пару слов о себе. Чувствую себя неплохо, только ботинок течет, и поэтому, пройдя марш, залечил, а затем мороз. И сейчас чувствую себя немного плохо. Посылаю тебе письмо «Далекому другу».

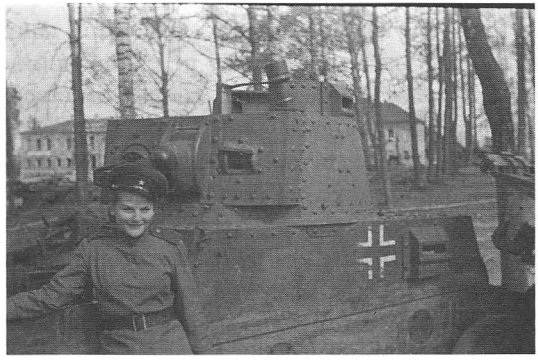
С приветом Коля

PS. Пиши чаще письма, даже не ожидая от меня ответа.

21 апреля 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Вчера был мой день рождения, но прошел так же бесследно, как и появился. Никто не смог ничего сказать по поводу этого драгоценного дня в моей жизни. Все молчат. Все заняты каждый своим делом, своими мыслями. Тишина и спокойствие. Один я чувствовал себя, что-то должно случиться в этот день, но ничего существенного не произошло. День прошел и исчез с наступлением



Военнослужащая Красной Армии позирует на фоне подбитого танка вермахта. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

Фотограф в советской воинской части. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

темноты. Я же смотрел вдаль, на опушку леса, и вспоминал прошлую жизнь, от чего стало скучно и грустно. Перед моим воображением в кратцах прошла вся моя жизнь последних лет. Что хорошего было? Что хорошего видел? Ничего ровным счетом. Только что выбрался в широкую дорогу, предполагалось окунуться в жизненный водоворот и почувствовать настоящую жизнь человека, но увы! Этому помешала война. И вот уже год с лишним в армии. Что хорошего? Хорошего очень много. Прежде всего за прошлый год много очистили земли от врага. В 44-м году продолжаем также громить врага. Это все хорошо и прекрасно. А что хорошего в моей жизни? Нет ничего. Почему? А это не трудно (на это) дать исчерпывающий ответ, но вряд ли кому нужно будет. Об этом можно только сказать, но не описать. Что же, судьба такова и ничего не поделаешь.

Сегодня особенно взяла скука. День вышел хороший, солнечный и теплый, наступил весенний день. Кое-где еще лежит не растаявший снег, отживает последние дни. Полая вода переполняет воды рек, шумит, бурлит. Луга начинают слегка принимать желто-зеленый цвет.

Я сидел работал. Работа надоела, и решил пойти разогнать скуку. Пошел к Смородину. Он только что приехал со станции, привез сено. У него распухла левая ладонь руки, от укола ухналем при подковке лошадей. С минут 10—15 поговорили с ним на разные темы. От него зашел к повару Грише — краснодарец. С ним побеседовали о прошлом, затем о настоящей жизни и закончили беседу на деловую тему — о питании, о завтрашнем рационе. От повара пошел еще к одному, сказали, что спит. Я пришел «домой» и написал это письмо. Стоим пока в селе не так далеко от фронта. Правда, уже не в Карелии, а южнее этого места, где отдыхали. Скоро облачимся в летнюю одежду, сдадим зимнюю, грязную, засаленную и изношенную. Получим новое, чистое, приятное на вид обмундирование, правда не все, а то что необходимо. Здесь еще посев не начался.

Где прийдется встречать 1 мая, не известно. М.б. так же, как и в прошлый год. Вспоминаю: 30-го под первое мая 43 г. мы проделали 20 км, остановились в одном из хуторов Воронежской области, недалеко от Давыдовки. Приехал ночью. Устали. Начал покрапывать дождик. Шел целую ночь. Утром 1 мая пошли дальше. Пасмурно и моросит дождик. Пришли мокрые. Остановились, расквартировались, и незаметно в суете прошли два дня мая. Вот и встретил май. Как прийдется в этом году — будем живы увидим.

Все с приветом Коля

PS. Поздравляю вас всех с наступлением 1 мая. Проведите хотя вы его хорошо, как проведешь напиши мне, а я в свою очередь напишу. Коля. Жду с нетерпением ответ.

30 апреля 1944 г.

9 ч. утра

Здравствуйте, родители и Юраша!

Завтра 1 мая, праздник весны и цветов. Это день когда мы чувствуем, что пришла настоящая весна, приносимая с собой тепло, уют и радость. Там у вас трава, цветы, деревья листья распустили. Помню, как-то мы втроем, Женя, я и Юрик, на 2-е ходили в лес, где была трава, цветы, бабочки. Разрешите всех вас поздравить с наступающим днем первого мая. Желаю хороших успехов в работе, жизни и жить надолгие годы. Когда получите эту секретку, то уже будет позади первое мая. А что здесь имеется. 1 мая холодно. Утром морозец маленький, кой-где еще лежит снег, в лесах, балках, сараях. Травы нет, воды много, грязь. Мы на этом новом месте пока что продолжаем отдыхать. Что хорошо здесь? Тем, что в изобилии картофель — едим жареную, вареную, и в каждом блюде она. Как будем справлять праздник — не известно. Как будто дадут по 200 гр. водки и лучшее питание. Как я проведу май, напишу. В свою очередь тоже напишите. С приветом Коля.

3 мая 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Первого мая я получил от тебя письмо, датированное 13 апрелем с/г, за которое благодарю от души. Это письмо было ответом на мое, которое было написано на семи страницах. Пару слов по содержанию твоего письма. Я о своем положении не особенно волнуюсь, но все же какая-то неопределенность и всегда чувствуешь себя как в не своих санях. Но здесь еще только начинают копать огороды, но не сажают, т.к. холодно. 1 мая дул холодный ветер и трижды срывался идти снежок. Как я провел 1 мая, ниже напишу. В твое положение в отношении питания я помочь ничем не могу, т.к. ничего не получаю. Постараюсь помочь, если будет возможность. Наши облигации посмотри в чемоданах, где книги. Я точно не помню, но кажется они в папке, где документы. Если там их нет, то пересмотри книги и конспекты и ты их там найдешь. Да! От Миши я тоже давно не получаю писем. Когда он в феврале откликнулся, я ему написал письмо больше ни слова от него. От Шуры я получил письмо и дал ему ответ. Все-таки постарайся сфотографироваться сама и с Юриком. М.б. будет случай поехать на подводе с отцом, когда он сам будет туда ехать. Ира Смородина от 7.4 прислала Ване письмо, в правом верхнем углу было пристегнуто нитками листочки и цветы. В знак того, что там в это время уже основательно тепло. Передай ей от меня привет. Пару слов о себе.

С 1 мая перешли на летнюю форму. Получил новые х/б брюки, рубашку, портянки. 1 мая встретили не плохо, а хорошо. Обед был из 4 блюд: суп из круп с картофелем и мясными консервами, пюре картофельное, колбаса и пирожки по 2 из картофеля и по 200 грамм водки. Плюс к этому добавили самогон. Хорошо выпили и закусили, а потом под гармошку пошли танцы. Сначала в одной хате, затем в другой и третьей. Пришлось за это время пребывания в армии потанцевать. На танцах были красноармейцы, офицеры и девушки. Вечером был дома. 2 мая работал как в обычный день. Завтра едет один офицер в отпуск в Краснодар Родзевинов, живет по Коммунаров 77, г. Краснодар. Я им передал маленькое письмо отцу через Гришу Абрамова. Если пожелаете узнать, как я живу, то отец приедет к нему.

Сейчас холодно, дождь, ветер. Самочувствие неважное. Да! Уже второй год 1 мая справляешь без меня. Пиши, как ты его провела. Жду ответ. Все, с приветом, остаюсь твой Коля.

6 мая 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Сегодня вечером получил от тебя письмо, датированное 22.4, за которое благодарю. За последнее время только от тебя и получаю письма, а больше ни от кого, хотя и от тебя редковато. Каждый день жду писем, а их нет. Решил не откладывая в долгий ящик сегодня же дать ответ. Сейчас 11 часов ночи. Сижу и пишу письмо. Все спят. Слышу за дверью, сделанной из соломы, размеренные шаги часового. Железная печь полная дров, они горят жарко, но в полуземлянке прохладно и тянет сыростью, т.к. все стены сделаны из дерна, а покрыты соломой. Лагерная жизнь идет на полном ходу. Коптилка слегка светит, осве-

щая мне этот листок бумаги, но которой излагаю вот эти слова, строки пером ручки в подчинении ума. Сегодня ходил за 2 км на концерт, представленный специальной военной группой артистов. Пришел, когда концерт был на половине, но все же досмотрел и дослушал до конца. Здесь сейчас проходят дожди, еще хорошего весеннего солнечного денька не было. Пасмурно, ветер, дождь, морозец. Вот что пока мы ощущаем на своем теле воздействие весны. Травка только начинает выглядывать из под земли, изредка в кустах цветут какие-то степные-лесные цветы. Когда хожу за сухостоем, ветками для печки, то невольно останавливаюсь и любуюсь первым пробуждением весны. Первыми цветочками жизни растений. Там вдали ввысь поднялся жаворонок, распевая свою песню, которая щипает за сердце при вспоминании прежних лет мирной жизни. Полюбуешься этим началом пробуждения весны, сядешь на пень, помечтаешь в тишине, затем насобираешь дрова и пойдешь восвояси. Май идет, и он пройдет, и ты не ощутишь всей красоты этого времени. Что этому мешает? — одно слово всем ненавистное, постылое, наводящее ужас, печаль, горе, страдание, тоску, — это ВОЙНА. О сколько ужасов и бедствий приносит это слово война — т.е. это действие, это движение масс людских с их техникой, столкновение, распад, отступление, продвижение...

Да! Это плохая у Юрика черта. Как-то надо по-иному к нему подходить. Этому он учится у Павки и других. «С кем поведешься, того и наберешься». Жаль, что приходится ему воспитываться среди такой среды. Эта среда для него не подходящая. Но ничего не поделаешь. Ежедневно ему надо делать внушения, уговаривать, говорить, что эти проделки плохие и т.д. и т.п. Бить же не воспитание. Это крайняя мера воздействия. Он уже в таком возрасте, что слова твои будет понимать, хотя может этого и не слушать, но в душе прочувствует, что делать этого нельзя.

Откуда появились волки? Это интересно. Боря Антонов на фронте в кавалерии минометчиков. Осенью 43 г. как получил от него одно письмо, так больше ничего. Он где-то действовал на Украине.

Привет тебе от Ив. Алек., а от меня Ире. Сегодня Смородинов угощал меня чаем с сахаром, я ходил к нему по делу. Он в 20 шагах от меня живет.

С приветом Коля

См. продолжение. Вспомнил сегодня сон и хочу тебе написать.

19 мая 1944 г.

Здравствуй, Женя.

Письмо твое — печальное и грустное от 5 мая с/г я получил 19 мая. Оно веяло печалью, грустью и тоской. Я решил сейчас же дать ответ. И хотя словами успокоить тебя, ибо другими ласками не представляется возможным, по вполне естественным причинам. Больше всего меня беспокоит Ваша экономическая жизнь. Она у вас как видно из содержания письма — скудна и далеко неважная. Чем я могу помочь при моей службе. Да абсолютно нечем, кроме письмом. Жалованье мое весьма скудное, да и к тому же я подписался на десятикратное ежемесячное содержание на заем и поэтому ежемесячно удерживают по 200 руб. и мне приходится только расписаться. Постараюсь все-таки кое-как выкроить деньжат из других источников.

О проведении 1 мая я писал, так что, пожалуй, ты его получала.

Да! Тяжело Вам приходится жить, всегда в заботах о пище, хлебе, топливе. Может быть, скоро кончится война, тогда лучше будет, но конца этой проклятой войне не видно. В противоположность Вашей экономической жизни, наша далеко лучше. Мне не приходится голодать. Всегда сыт и одет, но здесь жизнь человеческая ставится на карту, всегда в опасности.

Сейчас пока что продолжаю отдых. Располагаюсь в лесу — кустарник в землянке. Воздух всегда свежий и здоровый. Ночью приходится немного замерзать и тогда вспоминаешь домашнюю постель с подушками и одеялом. А здесь кровать из жердей, покрытая матом, связанным из соломы. В голове вещмешок. Одну полу шинели подослал, другой укрываешься — так и спишь. Ноги приходится уматывать в портянки и связывать веревкой, чтобы за ночь не спали. Спишь безусловно в верхней одежде. Утром встаешь, шинель отряхиваешь от соломы и складываешь аккуратно. Затем берешь полотенце и туалетное мыло и идешь к луже умываться. После умывания завтракаешь, затем работа. Несколько дней наши все были в разъезде, и поэтому я немного отдохнул по-домашнему. Ходил босиком, без верхней и нижней рубашки, без пилотки. Немного загорал...

Хорошо летом. Взял свое все грязное, пошел в кусты, где вода от таяния снега сохраняется в выемках, постирал себе — свою домашнюю телогрейку — безрукавку. Она еще не стиралась с начала моего пребывания в части. Постирал полотенца, нижнее белье, платочки, воротнички. Помыл голову, ноги и пошел в землянку. Лег на кровать, отдохнул.

В их отсутствие было скучновато. Зайдешь в глубь леса, выберешь хорошую маленькую полянку с красиво стоящими елками, березой, сядешь у них, посмотришь свои фото, письма последние от тебя и друзей. Вспомнишь прошлое. Вспомнишь дни майские, когда я, ты и Юрик их проводили. Вокруг тебя трава, цветы, поют соловьи. Посидишь, посидишь и снова восвояси, нарвав цветов положил их в консервную банку и себе на стол-ящик. И вот целая была б романтика, да не хватает того, кто является близким, интимным другом жизни, кто разделял радость, горе и печаль вместе.

Настанут ли те дни, когда можно будет свободно полной грудью вздохнуть, отряхнуться от тяжести этих нынешних дней и сказать громко — вот теперь наступила жизнь настоящая.

Недаром сегодня ночью ты мне приснилась. Я вел с тобою разговор. Было приятно и радостно. Утром встал и говорю своему коллеге по работе, что я должен получить сегодня из дому письмо, т.к. с ней я разговаривал. Так и вышло я получил. Вчера 18 мая я послал тебе письмо в котором сообщал о разлуке с Смородиным. Жаль было с ним расставаться. Как мне хочется на тебя, Юрика и родителей посмотреть. Прошу тебя, постарайся сфотографироваться, что бы это ни стоило. Я все-таки постараюсь выслать деньги. Чувствую я себя неплохо, а даже хорошо. Работаю на той же должности пока вне штата. Денег, безусловно, не получаю. Все. Передавай привет Ире Смородиной, родителям.

С приветом, Коля.

PS. Заканчиваю письмо стихом-песней Лебедева-Кумача

Только б наши сердца не старели. [Приводится текст.]

Пиши жду ответ с нетерпеньем, адрес полевая почта 43091.

2 июня 1944 г.

Здравствуй, Женя и Юраша!

Твое письмо от 17.5 я получил 31.5, за которое от всей души благодарю. Был так занят работой, что не было возможности в тот же день дать ответ. И вот пишу ответ 2.06 вечером. Пишу с этого места последнее письмо, завтра рано утром ухожу. Кончился мой отдых. Пойду гнать фрица на запад. Одновременно с твоим письмом получил письмо от Антоши. Оно такого же содержания, как то, которое вы получили. Встали в городе, работает в радиоузле.

В прошлом письме я писал на счет облигаций. Они я точно не помню где. Где-то в ящиках среди книг. Ты по свободе, потихоньку, просмотри и найдешь, если их никто не взял. В общем, хорошенько поищи.

Пару слов о себе. Чувствую себя хорошо. Немного беспокоит зубы и по утрам, как только замерзнут ноги, так начинают крутить в коленях. С 1 июня перехожу на другую работу в своей же части, так назыв. Произошло внутреннее перемещение с той разницей, что на этой новой работе выполнять буду другое, вхожу в штат, а значит, благополучно все будет обстоять, пришлю вам деньги все, сколько положено мне будет получить. Вот и все. Теперь работаю вместе с краснодарцем. Да, предстоят переходы, марши, суета. Снова начнутся звуки канонад, бомбежки и т.д.

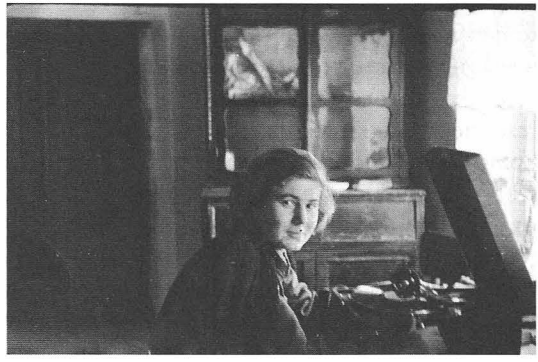
А как насчет фото. Здесь, где мы отдыхали тысячу раз, был в этом районном селе Смоленщины и нет фотографии. Постарайся сфотографироваться, что бы это ни стоило, и прислать мне. Все.

Пока до свидания, целую крепко всех, Коля

23 июня 1944 г.

Здравствуйте, родители, Женя и Юраша!

Давно я Вам не писал писем, да и ответа ни от кого не получал и пока что не получаю. Причина этому заключается в том, что уже с месяц как мне приходится быть в пути в передвижении, марше. Наш отдых основательно кончился. Несколько дней тому назад мы вступили в полосу фронта. Снова звуки фронтовой музыки, а с ними все остальное. На этом участке фронта приходится сталкиваться с власовцами. Нужно сказать, что их жизнь обречена на гибель, иного выхода у них нет, кроме того что они могут искупить вину, кровью восстав против немцев. Начались попадаться и французы. Пленные немцы, французы имеют неважный вид, заросшие, старые. Тотальная мобилизация, как видно, подбирает остатки роскоши фрицевых резервов. Наши войска успешно продвигаются вперед, преодолевая сопротивление немцев. Движемся на запад. Хорошо сейчас тем, что лето. Каждый кустик, каждый лесок, полянка служит пристанищем для тебя. Теперь не задумываешься, где лечь спать или отдохнуть. Где угодно лег и спи. Вот и это письмо пишу, лежа на полянке у энской речушки куда ночью прибыли. Ночью шел дождь, а сейчас пасмурно, но тепло. Сушу снаряжение, обмундирование на веревке. Теперь приходится ходить ночью. Этого требует обстановка фронтовой жизни. А впереди артиллерийская канонада, это идет бой на смерть и на жизнь. Слева идет основная магистраль движения, по которой сейчас только что прошла группа раненых. Да! Кто может передвигаться,



Звуки фронтовой музыки. У патефона, на фронте Великой Отечественной войны. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

тот идет, а кто нет, то,т возможно, где-либо лежит, ожидая, когда его подымут и отнесут в покой. Там война, а жаворонки поют, поднявшись под небеса, песню победы над врагом.

Все. Пару слов о себе и о другом. Смородин Ив. Алек. из госпиталя вернулся и снова вместе, чему я рад до глубины души. Правда он слегка передвигается, т.к. ослабел, с ним живем дружно. Чувствую себя неплохо. Посылаю Жени 100 руб. на расходы. Покупай продукты и кушайте. Вот уже июнь, а зелени здесь нет. Ни редиса, ни луку, ничего нет. Приходится употреблять степной щавель. Пожалуй, и все.

Пишите, как вы живете, как посевы, погода и т.д. что пишет Игнаша, Миша, Антоша. Какие новости там. От Игнаши что-то давно нет письма. Привет всем знакомым, тети Фени и т.д.

С приветом Коля

26 июня 1944 г.

Здравствуй, Женя и Юраша!

Это письмо пишу все очереди. Хочу поделиться с тобой своим сном, видавшим прошлую ночь. Проснувшись, я не мог понять где нахожусь. Неужели дома. И когда обвел глазами вокруг то увидел лес, деревья, кусты, будто я где-то тебя встретил, ты живешь в доме похожем на вагон. Я приехал и вот надо было постирать мне белье и вечером ехать в часть, но ты где-то проходила. Я начал торопить тебя, но затем решил оставить отъезд на завтра, немного поссорившись с тобой. Говорил, выстирай белье получше, ибо оно так застирано, что стало черное. Проснувшись, мне стало приятно, та обстановка, в которой побыл во сне. Домашний уют, забота о фронтовом человеке, близость тебя, нежность твоих слов, которыми ты отвечала. Как после этого захотелось побывать дома. И что ж, я поднялся, умылся, позавтракал и сел работать за примитивный столик,

сделанный из 4-х кольев на которые поставили ящик. Скамейки также сделаны. Это рабочее место сделано у елки, ветви которой свисают почти до самой земли. Спим на земле, постель из веток елки. На нашем участке фронта гоним фрица на запад, не давая ему передышки. Близится тот день когда будет освобождена Белоруссия. В операциях по форсированию р. Западная Двина участвовала и наша часть. Из газет ты прочла и знай что в этом доля и моего участия. Мы получили благодарность от Сталина, как ты читала из газеты от 24.06.44 года. Хорошо воевать летом, когда каждый куст твой дом, приют и ночлег. Теперь не приходится задумываться о теплом месте. В связи с переездами я давно не получаю ни от кого письма, но всем пишу. Сейчас кончаю это кратенькое письмецо. А как насчет фото. С приветом Коля. Жду ответ от тебя.

27 июня 1944 г.

Действующая армия.

Здравствуй, Женя!

Письмо твое долгожданное, датированное 26.5, я получил 26.6, за которое от всей души благодарю. Этому письму я был рад до глубины души, т.к. это первое письмо за продолжительный перерыв. Письмо содержательное. На все вопросы даю ответ по степени их изложения. Да, здесь значительно холодно, мы еще как следует и не ощущали тепла. Дожди и здесь проходят, после которых холодно. Леса, задерживая влагу, создают прохладу и поэтому здесь в таком состоянии проходит лето. Я, например, изредка снимаю из-под рубашки свою домашнюю безрукавку, ибо без нее холодно, находясь в лесу. Все-таки какая ты ни есть, а сфотографируйся и пришли, а также и Юрашку. Ведь тебе предлагала Ира поехать в город. Мне с твоей фото не воду пить, а память, а это всего дороже. Не ленись встань раньше и сходи. Что стоит пройти 30 км по сравнению с тем, что приходится проходить нам. Прошу еще раз. От Антоши пока что письма не получал. Возможно пришлет фото. Нет пока от него писем. Я как-то писал домашним письмо, но почему-то ответа нет и до настоящего времени. Вот и хорошо, что нашла облигации, может быть что-либо выиграешь. Посылаю 100 руб. на необходимые расходы. Насчет Юрика. Безусловно, его надо в этом году отвести и записать в 1-ю группу в ближайшую школу. Возраст его вполне подходит. К моменту занятий ему исполнится 7 лет 2 м-ца. Он кой-что знает. Плохо, что он считать не умеет и его, вероятно, не учила. Шей ему из чего-либо на брюки м.б. купишь на базаре — толкушке в Краснодаре. Поразмышляй об этом и исходи из своих ресурсов плюс некоторую помощь от меня. Сколько буду получать, все вышлю домой деньги. Сначала занятий в школе приучи его к порядку, аккуратности в бережном отношении к учебникам, тетрадям и ученическим принадлежностям. Выдавай ему что только необходимо, да смотри, чтобы он не порастаскивал все мое институтское достояние. Замыкай чемоданы. Не оставляй их незамкнутыми, а то не увидишь, как он порастаскает готовальню, карандаши и др. вещи, а особенно литературу и конспекты. Учти это и прими меры. Вот и все по твоему письму. Вчера я тебе написал письмо, а сегодня второе, поэтому о себе почти нечего писать, все сказано в том письме, написанное на такой же бумаге, такого же формата лист. Чувствую себя не плохо. Привет

всем родителям и знакомым. Жду ответ. В приказе от 24.6.44 г. Сталина генералу армии Баграмяну и я являюсь участником в этом наступлении. С приветом Коля.

19 июля 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Письмо твое от 4.07 я получил сегодня в 17 часов, за которое благодарю. Решив дать ответ не задерживая, т.к. сейчас пообедав плотно и имея свободную минуту времени, при затишье, сравнительном, изредка орудийные выстрелы и пулеметные очереди. Сравнительно обстановка тихая, и поэтому нервы спокойны. Обедали суп из гороха, заправленный маслом-комбижир с добавкой перец для вкуса. Второе сами изготовили. Начистили картофеля, сварили, заправили 500 гр. консервой рыбной в томате и комбижиром. Пообедали не плохо, еще осталось на ужин. После многократных бомбежек я так стал бояться самолетов, что когда пролетает, то у меня трусится все тело. Вот и сейчас после этих строк вставленные в письмо пролетел самолет фрица. А вот желание покушать борща зеленого не перестает быть, но этого в этих условиях трудно сварить, т.к. нет того из чего варить, хотя оно и имеется, но нас желающих борща много и очень много.

Надо безусловно отметить день рождения Юрика, на днях я вышлю еще 100 руб. как только получу положенное. Да твоей маме приходится глядеть внучат в таком возрасте. Я вероятно эти 100 руб. пошлю ей.

Пару слов о себе. Чувствую себя не плохо, остальные переживания приходится переносить. Нам пришлось быть в таком месте, с трех сторон фриц обстреливал из пушек, фердинанда и т.д. Тяжелы условия. Наша часть за те же операции, о которых когда-то я писал тебе в июне м-це с/г, получила орден Суворова, теперь мы суворовские. Здесь стоит сейчас теплая солнечная погода. Местность лесисто-болотистая с озерами. Поверхность пересеченная. Природа живописная, красивая, но в условиях фронтовой жизни не радует. Народ где проходит фронт переживает многое, особенно там, где полоса фронта задержится. Ты напиши, знаешь хотя примерно, где я нахожусь, или нет, но ты этим не интересуешься. Какое мнение у женщин и у тебя о постановлении правительства о женщине-матери. Здесь это постоянно толковалось на разные лады и пришли к многим выводам и его последствиям предположительным. Все привет. Коля.

5 августа 1944 г.

Здравствуйте, родители!

Ваше письмо от 23.07 получил сегодня. Даю ответ. В кратцах по содержанию Вашего письма. За последнее время с июня м-ца я не получаю письма ни от Миши, ни от Игнаши, ни от Антоши, хотя им пишу. В чем причина. Будет разумно, если вы вручите Тамаре деньги за тетради, а Юрику купите что-либо на брюки, доложив деньги, которые я выслал. Сколько я получаю, все шлю домой. Надо конечно сходить к Кате и проверить, как она живет. Может, она перешла жить и работать в вашу станицу. Меду и нам приходится изредка отведывать да еще Латвийского. Да мы безусловно не по [нрзб.] овощами, так как их нет. Одно употребляем лук и все. Кой-что из зелени покушали, о чем я написал в письме Жени. Повторяться не собираюсь, т.к. вы прочтете это письмо.

Да с сердцем что-то у вас плохое. Это есть профессиональная болезнь, как и у Ирошникова. Лечение одно — не употреблять спиртные напитки, ибо может наступить внезапно смерть. Учтите. Это точно. Пить, конечно, можно, но мало и изредка, а лучше и не пить. Об этом я пишу серьезно. Если желаете дольше прожить, то нужно беречься. Ибо эта болезнь у вас давно и все больше она усиливается. Она не опасна, если не употреблять алкоголь. Обратитесь с этим в город к лучшему врачу, к какому спросите у Жени, она должна знать.

Письмо заканчиваю писать, так как надо передвигаться. Чувствую себя неплохо.

С приветом Ваш сын Коля. Жду ответ.

PS: пишите, что нового у станице, какие перемены в управлении и т.д.

2 сентября 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Письмо твое от 13.08.44 получил 2.09.44 и этим же числом даю ответ. За письмо благодарю. Это твое письмо является ответом на мое послание в конце июля с/г, о котором не хочется и вспоминать. После того я написал уже десятки писем и послал. Хорошо, что тетради для Юрика получили. Вы их получите еще. Пошлю еще бумаги. А то пишут из Краснодара, что тетрадь стоит 30—40 руб. Для тебя приобретать по такой цене невозможно получая 200 руб. в м-ц. Хотя я точно не знаю оклада, но думаю не больше 300 руб.

Убирайте огород, готовьтесь к зиме. Зимовать, по всей видимости, прийдется вам одним. М.б. к весне кто жив останется прийдет домой. Заготавливайте дров. Вот здесь в Литве, Латвии у каждого дров столько, что хватит на 2 года. Он, крестьянин, потихоньку заготавливает, используя свободное время и не пренебрегает ничем. Обмазывайте потеплее хату. Устраивайтесь поудобнее. Постарайтесь снять все с огорода и привести его в порядок.

30.08 получил письмо от Миши. Он находится в направлении Аккерман за Одессой. По карте ты найдешь. Пишет, что после продолжительного отдыха вступили в бой и погоним фрица, что, как мы читаем, сбылось. Чувствует себя не плохо, но обижается на частые малярийные приступы. Я ему в тот же день написал письмо. Он пишет «там где наступают гвардейцы врагу не устоять».

Больше ни от кого писем не получаю, кроме как от друзей фронтовой жизни. Недавно выбыл земляк-черкес из аула Тахтамукай по ранению. Если выживет, то поедет домой, его фамилия Схоляхо Гарун Челеметович. М.б. отцу прийдется быть в этом ауле, то пусть зайдет и узнает обо мне. Он меня знает.

Пару слов о себе. Живу фронтовой жизнью в лесу литовских пространств. Чувствую себя не плохо, но почему-то болеют зубы и десны. Работы у меня много. Вчера смотрели кинокартину «Март-Апрель» из боевой жизни десантников-парашютистов в тылах врага и «Битва под Орлом 1943 г.». Не досмотрели, пошли вдвоем с товарищем спать. В этой обстановке хочется посмотреть что-либо такое отвлеченное от войны, а они суют то, что мы испытываем почти ежедневно. Кто-то думает так, что фронтовикам не положено смотреть картину веселую, например «Волга-Волга», чтобы ты, смотря ее, хотя на это время забывал о фронте.

Советские военнослужащие чинят мотоцикл М-72.
Дата, место и автор фотографии неизвестны.
Из архива В.И. Чекалова.
Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

Наступила золотая осень. Листья начали опадать. Холодновато ночью. Вышлю еще бумаги. Всем привет, отцу, маме, тете Фене. Все с приветом Коля.

Жду ответ. Пиши. Когда вышлешь фото Юрика и себя.

PS. Посылаю в конверте бумаги для писем, только не пиши на газете.

Пиши первые впечатления Юрика о школе. Когда водила ты или дед и как он чувствует себя. Смотри чтобы он не раздал друзьям тетради, карандаши, а сам остался без них. Сшей ему сумку, к которой приделай сумочку для чернила и для чего-либо из кушанья. Сумку можно сшить из холста белого так, как на рисунке.

22 сентября 1944 г.

Здравствуйте, родители!

Из письма Жени узнал, что вы переходите на работу в другое учреждение, о чем мне ни слова.

Давно я вам не писал письма, но предполагаю, что вы читаете те письма, которые я посылаю Жени. Значит, Юрик уже ученик. Это хорошо, меньше будет бегать. Пусть принимается за ум. Надо только ему теперь наделать палочки, чтобы он их мог считать, так как ему показывают в школе.

Настала осень. Как вы готовитесь к зиме. Что заготовлено у вас. Есть ли дрова. Как живете. Что нового в вашей администрации станицы и колхоза. Что пишет Илья Матвеевич. И где он. Что пишут Антон, Миша, Игнаша. Давно от них нет писем.

Пишите о себе. По какой причине думаете переходить и куда и как на это смотрят начальники.

Несколько слов о себе. Живу по-фронтовому. Работы много. Но и питание неплохое, так что усталости особой не чувствуется. Бывают моменты, когда сильно устаешь.

Живем дружно. Нахожусь в Латвии. Гоним фрица на запад, не давая ему спокоя днем и ночью. Чувствую себя не плохо. Вчера стирал белье на речке,

а сегодня купался в бане. Пока что жив и здоров. Желаю вам с мамой хорошей жизни и вам работы. Не болеете ли вы с мамой?

С приветом, Коля. Жду ответ.

23 декабря 1944 г.

Здравствуй, Женя!

Сегодня знаменательная дата в том отношении, что ночь самая длинная, а день наиболее короткий. С этого день увеличивается.

Ни от кого нет письма. Какая-то скука. Спасть не хочется, хотя долго работал. Встал в 7 ч. Еще темно, все спят. Что-то тревожат железные «танки». Посмотрел все три рубашки, верхнюю, теплую и нательную. Несколько штук убил из «противотанкового ружья» и частично прожарил на огне.

До рассвета еще много времени, все, что нужно для дальнейшей работы, приготовил. В 9 часов пойду по делам службы на 6 км, а оттуда, пожалуй, к вечеру вернусь, если справлюсь с делами.

И вот я в остальное свободное тихое время решил написать тебе письмо. На востоке начинает вставать зоря, из-за горизонта. Всюду тихо и «спокойно». Ни единого выстрела. Перед рассветом затишье, пожалуй сон наводит на всех забвенное состояние спокойствия. Коптилка так скверно горит, почти ничего не видно.

Сегодня впервые за всю войну приснился сон. Как будто я и Смородин были ранены. У меня левая ступня ноги на две части раскололась. Нас направили в госпиталь. И на этом сон прервался, т.к. в полуземлянку вошел Смородин, прозябший стоя на посту. Пять минут погрелся и снова вышел. Я подбросил дров в печку и продолжаю это письмо. Почему-то курит печка и едкий березовый дым лезет в глаза. За сутки мы стапливаем не менее 0,5 куб. м дров — прекрасной березы. Только на нее смотреть и любоваться ее красивым, стройным беловатой окраски коры видом, а мы ее беспощадно подкашиваем пилой и топором и беспрерывно топим печь, у которой нет заслонки. Вместо тепла уходит в мировое пространство, не дав никакой пользы. Настали декабрьские морозы — немного покрыта снегом земля.

Все мы стремимся к тому, чтобы быстрее ликвидировать врага. Это основная и главенствующая мысль.

Пиши, что пишут из Уральска, что слышно от Миши, Игнаши. Я им всем написал новогодние письма.

На этом заканчиваю письмо. Желаю тебе, родителям и Юрику хороших успехов в жизни и в работе. С приветом твой Коля. Жду ответ.

Виталий Бадма-Горяев: «СЛЫШАЛ АНСАМБЛЬ ТАКОЙ “ЧИНГИЗ-ХАН” ГЕРМАНСКИЙ? КЛЕВАЯ ВЕЩЬ. ПОСЛУШАЙ» (1980)

Виталий Сергеевич Бадма-Горяев родился 17 марта 1961 г. в Элисте. Весной 1979 г. призван на службу в ряды СА. Попал со своим другом Букаевым Н.Б. в учебное подразделение в городе Кушка в Туркмении, после окончания которого был направлен в Афганистан. Публикуемые ниже письма из армии адресованы школьному другу Б.В. Мошулдаеву. Демобилизован весной 1981 г. В 1986 г. окончил филологический факультет Калмыцкого государственного университета. По специальности не работал. Работал каменщиком-строителем, водителем, охранником. Был женат, имел двоих сыновей. Погиб в Москве в 2012 г.

14 января 1980 г.

Здорово, Батрак!

Привет тебе из Энска. Как у тебя дела-делишки? Как сессия? Встреча Нового года?

У меня все по-старому. Даже писать не о чем. Разве что, видишь, какие условия в этой командировке: пишу при свете «летучей мыши», на клочках бумаги. Живем в палатках, как дождь, так грязь. Но жить можно. Где наша не пропадала! Да и ротный на меня в последнее время постоянно злой. Службу тащу плохо, осточертело все. Только вот сегодня интерес опять появился.

Вчера одновременно с твоей открыткой получил поздравительную из дома. Пришло также от Инессы на имя Нюрвяхи. Поздравляет меня и его, а он остался в Кушке. Пришлось ей написать: «Спасибо за поздравления... желаем тебе всего наилучшего». Так как мы с ним далеко друг от друга, то вынужден ответить за него я. Накануне отправки она что-то брякнула, что не собирается мне писать. Поэтому я сейчас все отклонил.

Послал письма в прошлом году Саналке, Плашке, Эрднюшке. До сих пор жду ответа. Жду также и от тебя. Пока.

Новый адрес.

Уз.ССР, г. Ташкент, Витя

В/ч 11904 (Б 7401 «В»)

Ташкент — Перевалочный пункт

12 марта 1980 г.

Здорово, Батрак!

Извини, что так долго не писал. Времени не было. Сейчас появилось. Раньше нельзя было, а сейчас можно писать. Дело в том, что, ты знаешь, контингенты Советских Вооруженных сил по просьбе правительства ДРА [Демократической Республики Афганистан] были введены на территорию ДРА для помощи в борьбе против контрреволюции и внешней интервенции. Вот я и нахожусь там. Только

ты моим там не болтай. Если мои родичи узнают, они с ума сойдут, я им еще не писал, и писать не собираюсь ничего этого.

Служба сейчас у меня идет нормально. Настроение отличное. Вот только писем от парней нет. Эрднюшке написал, Саналу, Плашке, Сливку-«моряку».

Ну, а ты как поживаешь? Как у тебя учеба, личные дела и пр. и пр.?

Поздравляю тебя с 23 февраля, Днем СА и ВМФ, будущий офицер запаса.

Хорошенько учи ВД [военное дело], а то тут у нас один запасник, ни хрена ничего не знает. Какая у тебя военная специальность будет?

Да, как там прошел вечер встречи выпускников? Напиши о нем подробно. Кто играл, кто был? Наташку ты там видел? Как она? Не знаешь, Инесска Нюрвяхе еще пишет или нет?

Батрак, пришли мне, пожалуйста, открыток с 8 марта штук 5. Очень тебя прошу. Высылать можешь прямо в конверте. Писать будешь, пиши обо всем: об учебе, настроении, своих делах... Пиши подробно, обстоятельно.

Кстати, ты фотку мою и Нюрвяхи получил?

Ну, вроде бы писать нечего (а кое-чего и нельзя).

Old friend, Goodbye!

Витя

Полевая почта 83593 «З»

19 марта 1980 г.

Привет, Батрак!

Получил твое письмо 19 марта, которое (письмо) очень ждал. Потому что письма приходят только из дому, от парней ни одной весточки (от девчонок тем более, за год службы ни одного), хотя писал Плашке, Эрднюшке, Олегу Федоту, Сереже, Сливку.

Спасибо огромное за поздравление, за открытки. Извини меня за то, что письмо будет немного несвязным, постараюсь изложить и свои мысли, и ответить на твои вопросы.

Первым делом сообщу, что служба идет нормально, настроение отличное, здоровье тоже нормально, если не считать нарыва на мизинце левой ноги. Погода нормальная, днем тепло, градусов 15—20 будет.

Напишу тебе сразу, что сейчас я рядовой. Не огорчайся, сейчас мне гораздо легче. Не надо отвечать и получать нагоняи за других. А произошло это так. Сделал несколько промашек — получил втык. А когда раньше пахал, ни одной похвалы. Да на черт это мне нужно? Поцапался с ротным, и он начал ко мне, грубо говоря, доебываться, извини за выражение. Махнул на все рукой. Зато дышу свободно и отвечаю сам за себя.

Теперь по твоему письму. Как парни (кто они) узнали, что я там, где нахожусь сейчас? Т. Нина, кстати, тоже как-то догадалась. Они мне сами написали. Письма я твои получаю, у меня писем в вещмешке пачка лежит, не сжигаю, не выбрасываю.

Что же ты с сессией оплошал маленько? На степухе твоей это не отразится? А что подтянешься ты, я уверен. Хочу после армии поступить в вуз, не решил еще [в] какой (если знаний хватит) и, это обязательно, получить водительские права.

У нас библиотека работает давно уже, но как-то руки не доходили. А вот недавно дорвался. Прочитал «Что делать» Ч. (половину правда, потом пропала она куда-то, надо найти). «Гиганты и игрушки» Такэси Кайко. И знаешь, почитаешь, и в голове чисто становится — ясно-ясно. Между прочим, письмо пишу, один раз пока сматерился, а в речах через каждые 4—5 слов. Постараюсь избавиться.

Пишешь, Славка с Дорофеем нормально живут. Как учеба у них? И все прочее. Плашка писал, они адрес мой брали, а писем нет. Ты напиши их адрес. И Сереги Молодого. Колек пьет по-прежнему?

Очень рад за Нину, что учеба ей нравится, что попала в хороший коллектив. Если увидишь ее или будешь писать, передай горячий привет. И поцелуй за меня.

Плашка писал, что Н. замуж собралась. Дело не выгорело, может, поэтому стала раздражительна и все пр. А что она, дорвавшись до столичной жизни, станет, как ты пишешь, «свободной женщиной», в этом я был как-то больше чем уверен.

Посмеялся от души, когда узнал, что у вас там на военке происходит. Ты обязательно пришли фотку и непременно в военной форме. Сапогами мозоли не натер еще?

Вот почему ты фотографию нашу не получил? Дойти она должна была из Кушки. Нюрвяха отправлял. Может он так и не отправил? Без понятия.

Получил от матери телеграмму: «Жду 20 в Ашхабаде в гостинице "Турист"». Назначено на 20 февраля, получил 9 или 10 марта. Так что не вышло.

А Нюрвяха где-то тоже здесь, это точно. Только не знаю, где точно. Связь потерял уже более 3 месяцев. А насчет твоей холостяцкой жизни. Если не хочешь впускать в свое сердце никого, то хоть балуйся потихоньку, но только не с девочками. А то совсем монахом станешь.

У нас радиоузел работает каждый день. Много хороших песен. Есть такие, которые слышал раньше на гражданке. И иногда тоска наступает страшная. Встают перед глазами улицы нашей милой «бичкн сяяхн Элисты»[1]. Ощущаешь под ногами гладкость плит на площади, жесткость скамеек на беседках на нашей Пионерской.

У меня почему-то держится странное ощущение, что в Элисте такая же погода, какая была во время отправки. Хотя здесь уже прошла зима, видел зимние дожди, снег, грязь.

И особенно грустно становится, когда еще раз осознаешь, что прошли те беспечные школьные годы с их невзгодами и радостями, друзьями и недругами. И что больше уже такого никогда не будет при всем твоем желании. И остается только перебирать воспоминания.

А Наташе я напишу. Только надо все обдумать и решиться.

Old friend, Goodbye!

Витя

21 апреля 1980 г.

Здорово, Батрак!

Письмо получил твое 17. Отвечаю сегодня. Потому что наряд был, готовились к последней сдаче подготовки. Написал вчера 5 писем: т. Томе, матери, Галке, Олегу Ф. и Саналу.

[1] Маленькая красивая Элиста. (*Пер. с калм. яз. Эльзы Гучиновой.*)

Тебе писать не мог, потому что каждое письмо кусочек моих чувств, который выливается из моей груди. Вчера она полностью опустошилась. А тебе пустое бессодержательное письмо писать не хотел. Конечно, с предками я слишком не откровенничаю.

Недавно писал открытки. Одну Наташке. Все «чики-чики». Поздравил с 1 Мая (тебя, кстати, тоже поздравляю). В конце «Пиши. Я очень жду твоего ответа». Боюсь, повторится то же самое, что и с прошлым письмом. Напишет или нет?

Теперь по порядку (по твоему письму). Нервишки пошаливают, не воспринимай близко к сердцу. У меня настроение в основном отличное. Только часто раздражает за[м]комвзвод[а]. Долбоеб, извини за выражение, какой-то. Если скажу, что он из пехоты, то станет понятно. Бестолковый, как упертая рогом... якает слишком много, а на самом деле — фуфло. Сегодня сдали тактико-специальную подготовку (получили 5 с натяжкой, заняли 1 место в батальоне), так он — «ни бе ни ме». А хотя, заместитель командира взвода, должен знать гораздо больше нас. А я в отдельности и ком отдел один знаем каждый больше, чем они все вместе взятые. Взводный сегодня брякнул.

А насчет строевой, то мы ходим только утром торжественным маршем и с песней после развода. И все. В карантине только ходили по 2—3 часа. Выправка осталась. Недаром же при сдаче строевой получил 5 баллов. Ты не подумай, что я хвастаю. Пишу все как есть.

За фотку спасибо. Только если будешь еще высылать их, то фотографируйся или обычным фотоаппаратом или в ателье, а то эти 3-минутки фотки делают не очень...

Ты являешься мне коллегой, если твоя будущая военная специальность — инженер дорожной службы. Инженерные войска.

Ты все-таки не написал мне, как парни узнали о моем местопребывании. И ты эти сплетни не слушай. У нас здесь спокойно все. А палец уже зажил.

От Санала и Эрднюхи что-то писем долго нет. Саналу вчера написал. Эрднюхе скоро напишу. Инесске написал. А вслед за письмом открытку отправил. Нине тоже отправил. Будем ждать ответа.

Насчет твоей «холостяцкой». Даже Ромео шалопайничал. Не помнишь? И был способен на большую любовь. И насчет того, что тебя пугает. Не все «порядочные» девочки ханжи, лицемерки и пр. и пр. Есть и такие, с которыми разговариваешь (болтаешь) как с приятелями. Стоит выпить пару-другую рюмок, покурить, позволить рукам маленькие вольности и... «дело в шляпе». По крайней мере, я так делал, хоть мало, но делал. Не обязательно нарываться на ханж. Выбираешь ты!

Продолжаю 22.

О том, как относиться к жизни, ты правильно решил. К ней нужно относиться оптимистически. Но мыслить насчет ее трезво. Хотя поговорка «жди худшего, но надейся на лучшее» эффективна.

Как с проектом? Раскрутился? Как Никсон поживает? Как учится? Дома часто бывает? Спроси о его соседке. И потом напиши. Конечно, можно не сообщать ему, что это кому-то для информации.

Послал открытку Славке и Дорофею. Надеюсь, что вместо открытки придет письмо.

Личное время провожу так же. Книги читаю, записи слушаю. Достал книгу «Психическая война Лайнбарднера». Никак сосредоточиться не могу на ней. Интересная вообще-то штука. Записи. Слышал ансамбль такой «Чингиз-хан» германский? Так вот он и «Рибшн» исполняют одну и ту же песню «Чингиз-хан». Клевая вещь. Послушай.

Ну, вроде бы все.

Пока. Твой друг Витя

19 мая 1980 г.

Здравствуй, Батрак!

Позавчера получил твое письмо. Одновременно с ними пришли письма от тетки и Инесски. Т. Нина пишет: «Все нормально». Про последствия «небывалого падежа скота и олимпиады» ни гугу. Женька, ее сын, стал очень подвижным драчуном. Инесска пишет, дела идут нормально. Про тебя пишет, что тебя постригли, «срезали его пышный чуб» и что выглядишь ты очень помолодевшим. Также написала, Катя М. вышла замуж 5 апреля. Ты знаешь?

Поздравляю тебя, что ваш цикл занял 1-е место на параде. Мы тоже 9 Мая прошлись по нашему населенному пункту. Шаг печатали и песню спели так, что земля и дома дрожали. Получили за прохождение 2 благодарности от замполита роты и комбата. Правда, смотреть на нас было некому, разве что афганцам. Ты пишешь, что Лешку и Дарбака забрали в армию, что же, это обоим им может пойти на огромную пользу. В первое время им, правда, тоска будет, но ничего, переживут как-нибудь чижики. Эрднюшка что-то не пишет. В апреле их распределили, и до сих пор писем нет.

Про продовольственное положение в Элисте я даже не знаю, что писать. Точнее, слов на выражение чувств не хватает. Некоторые люди правильно говорили, что Калмыкия при Никулине не будет цвести так, как расцветала при Городовикове.

Как дела у нас на Пионерской? Чем парни занимаются? А Витьку Коженбаева жалко. Все-таки как резки повороты судьбы в положительную или отрицательную стороны. Что-то, я посмотрю, у нас на Пионерской все Витьки страдают, кроме Столбина.

А про Эльзушку ты написал верно. Хоть и в школе я не хотел замечать ее хорошие черты, делая поправку на личную антипатию, но сейчас, уже осмысливая ее тогдашние поступки, должен с тобой согласиться. Ничего не скажешь, она — волевой человек. Помню, как-то еще в школе она сказала, что ее идеал — Миледи.

Дописываю 20.

Идеал жены своей я пока еще не представляю четко. Делал попытки. (Но пока что она должна быть симпатичной, с мягким характером, ласковой...) Толком, короче, не представляю. Мне, вообще, кажется, что я не женюсь. Из-за того, что я девчонкам не очень нравлюсь. Сам не знаю, почему. Может, ты знаешь? Напиши. Со стороны лучше видно. Только все как есть. Теперь пару слов о тебе. По-моему, Нина Э. в какой-то мере права. Или ты сам так мало пишешь, или не успеваешь совсем. Но я не знаю, чем ты сейчас увлекаешься, чем занимаешь-

ся, кроме учебы, кто тебе нравится, а кто нет? Как ты ведешь себя в обществе? В компаниях пассивен или активен? Есть ли у тебя новые друзья по учебе? Я думаю, что радости не появляются сами по себе. Они создаются самим или твоими друзьями в этой повседневной, обыденной, размеренной жизни. Бывает, конечно, такие радости для тебя или кого-нибудь, к созданию которых ты не приложил никаких усилий. Но это уже его Величество Случай.

А насчет Амульки и Ники я ничего такого не представлял. Что ни говори, а пара, если все будет «чики-чики», будет отличная. Амуля, по-моему, нашла свой идеал парня. А Ника хоть об этом знает? И как к этому он относится? Завидую немного Никсону. Амулька отличная девчонка.

Немного о себе. Я тебе писал, что на 9 мая меня и многих моих друзей и товарищей наградили значками «Отличник СА». Одного друга из другого подразделения представили к награде — медали «За отличие в воинской службе». Неплохо бы и мне было бы такую заработать. Появились бы дополнительные шансы на успехи... Но... но. Хотя я за последнее время стал на хорошем счету. Считаюсь одним из лучших саперов подразделения. Я, вообще-то, им и был. Только дисциплина сильно хромала.

Теперь немного о Наташе. Не знаю, что теперь делать. Открытка послана — ответа не предвидится. Не знаю, решусь ли я еще на одно письмо? (Не понял твою мысль «Жизнь так проста и так сложна».) Я ей, кажется, не интересен. В самом деле, зачем ей какой-то парень, который тем более служит в армии, когда вокруг столько симпатичных интересных парней? Но все равно надежда меня еще не покинула. Приедем, разберемся.

Был вон у нас один замполит. Рассказал, как завоевал любовь своей жены. Они были просто знакомы. Он ее пленил одними письмами, которые слал ей из училища, когда учился. Да, он мужчина отличный. Характер мягкий, задушевный, чуткий. Мне бы так письма писать. Он говорил, «если не знаете, как написать письмо родителям, другу, девушке, подходите, посоветую». Слишком долго я раздумывал, его перевели. Да и вряд ли бы я к нему подошел. Да и что ей писать? Что я могу написать интересного? Разве что распинаться своим чувством перед ней?

Не знаю.

Пока, дружище.

Витя

27 июня 1980 г.

Привет, дружище Батрак!

Написал тебе письмо, а ответа все нет. Пишу повторно. Примерно так я начал письмо Инесске. Так же начинаю и тебе. Только, естественно, с тобой я буду более откровенен.

Живу я по-старому. Все так же, как было неделю, месяц, три месяца назад. Так же караулы через день, занятия, работы. Каждый день похож на другой, как капли воды. Разнообразивают эти будни только воскресенья, да и то, только радости в них, что подъем на 2 часа позже. В библиотеке книги только военные, радиоузел по вечерам песни что-то не транслирует, фильмы какие-то неинтересные. Короче, кажется, нападает на меня опять хандра. Вчера ночью ни с того

ни с сего приснилась, вдруг, Инесска. Такой юной и нежной, какой она была в 15—16 лет. В переливающемся бледно-голубом платье с распущенными волосами. С большими неописуемо красивыми грустными глазами. Содержание сна таково, что она вылечила глаза, но почему-то все равно плохо видит без очков. И на правой щеке густая кровь. Черт его знает, к чему это, но потом полдня мое сердце щемило какое-то, не могу даже описать, какое чувство.

О Наташке начинаю думать меньше, не по своей воле, конечно. Но иногда захлестывает. Написать ей, наверно, не смогу. Приедем, разберемся. Хотя, не верится мне, что она ко мне равнодушно относится. Или одно, или другое.

Из дома писем что-то долго нет. Да и писать домой не хочется. Пишешь одно и то же: «Жив, здоров и т.д. и т.п.»

Уже прошла вечерняя проверка. Отбой. Спокойной ночи, дружище. Допишу завтра.

28.6.80. В карауле вчера поймал ежика. От нечего делать пустили его к спящему. Животики надрывали. Потом тот проснулся, пустил к другому. Все началось сначала.

Эх, гитару бы сюда. Петь уже почти разучился. Многие песни позабывал. Скоро земляк один в отпуск едет, должен привезти мою красавицу. Парнишка один в нашей роте играет отлично. Надо поучиться у него. Скентовался с ним. Хороший парень. Имеет высшее образование, закончил училище искусств.

Недавно получил от Санала Ш. письмо с тремя листами из журнала «Советский Союз». Так на этих листах статья про Элисту и фотографии. На одном снята наша Пионерская с вертолета. Твой дом, ул. Люксембург, «Россия» видна, дом, который мы строили, тоже. Школы нашей не видно. Боковой отрез идет, как нарочно, по Люксембург. На другом — на лестнице у Братской могилы сняты студенты иняза. Эрднишкина тетка — Эльза Сусеева, Чипа, Кемка Тачиева, кажется, и еще там. Я балдел.

Вчера или позавчера прошли выпускные вечера. А наш был ровно 2 года тому назад. Вернуться бы в тот день. Напился бы. А то прошел он у нас как-то слишком пристойно. Послушаешь других и жалеешь, что был не навеселе в тот день. Если что узнаешь об этом вечере, напиши, пожалуйста.

А у тебя как дела? Как сессия? Когда домой едешь? В стройотряд не собираешься? Какая у вас погода? Как твои нервишки? Как чувствует себя Никсон? Отвечает он Амульке тем же или нет? Передавай ему привет. Что-то он не пишет. Валерке и его жене Лиде, кажется, тоже привет передавай. Кстати, как они поживают?

Эх, хорошо вам там. Куда захотел, туда и пошел. Вольному воля.

Ну, вроде бы все, друг мой. Пиши, жду ответа.

Твой друг Витя.

29 октября 1980 г.

Здорово, дружище Батрак!

Спасибо тебе за письмо и фотку, из-за которых я 3-и сутки в наряде по роте. (А фотка, между прочим, получилась отлично.) А дело вышло так. Когда я стоял на тумбочке, забери ее черт, под конец суток, принесли письма. Ну, я туда и ломанулся. А тут ротный из комнаты: «Дневальный!» А его то «тю-тю»...

Пошли вторые сутки (раньше, вообще-то, такое не практиковалось). Отстоял, все «чики-чики», а менять некем. Вот, идут третьи. Всего осталось часов 8, ночь отстоял, смена в 19.00. В общем, нормально, за ночь выспался, хомут (старшина, «кусок») не припахивает. Ночью только была ерунда какая-то. Перед глазами все краснело раза два. Но, по-моему, это от чрезмерного курения. Вчера, часов в 16.00 был неплохой дождичек, так что ночью было довольно прохладно. А у вас там какая погодка?

Недавно пришло письмо от Инессси. Пишет, как отдохнула в Ивановской обл., как встречались с одноклассниками в Элисте, как сидели у Валентины Ал. с Никой и Олегом Ф. (он, кстати, тоже в отпуск приходил) и вспоминали былые школьные и загородные шалости. Я, как прочитал эти строки, и тоскливо так стало по тому беззаботному веселому времени, согретому солнцем наших степей.

Написала так же, что ВА[1], Олег Ф. и Сливок обижаются за молчание. Ну, ВА и Олег еще по праву обижаются, а Сливок, сукин сын, на 3 моих письма не ответил, полтора года молчал и адрес сам достать не мог! Написал я им. Правда, с письмом к ВА затруднился. Как ей писать, что писать, черт его знает. Но с грехом пополам настрочил.

Да, я тебе не писал, 1,5 месяца я прокатался по провинциям, захватывая весь сентябрь. Увидел кое-что. Подробнее по приезду. А то, боюсь, письмо не дойдет.

Баатр, напиши, пожалуйста, как сейчас выгладят наши бывшие любимые подруги детства, одноклассницы — Лолита, Инесса, Нина и т.д. Да, почему ты не написал, что Катя М. и Эльза «собираются к весне стать молодыми мамами», как написала Инесса. Она подсказала привезти детские подарки для их ребятишек. Обязательно привезу.

Я Инессе предложил всем-всем сфотографироваться и сделать маленькие подарки армейцам и гвардейцам. Как ты думаешь, сделают это они на 7 ноября? Если ты в это время будешь в Элисте, прими, пожалуйста, в нем активное участие. Да, кстати, они сейчас о нас, армейцах, помнят?

И каковы их нынешние отзывы о Нюрвяхе, Эрднюшке, Олеге Ф., обо мне? Инесска написала, что становятся взрослее, солиднее. Про Санала написала, что он деятельный, энергичный. И не поймет, то ли по натуре он такой, то ли от щедрых возлияний?

А ты, по-моему, дружище, влип прилично. Как это тебя угораздило? А? Ну что же, давай смелее. Не будь таким робким, как я. Но, по моему мнению, предупреди Нику о создавшемся положении, даже если это вызовет с его стороны негодование, и предпринимай решительные акции. Только не зарвись, смотри. Все делай культурно, деликатно.

А, короче, слушай, что приказывает сердце, оно не обманет. Желаю успеха! Очень рад за тебя. Слушай, а как сейчас отношения у Ники с Амулькой? Если ты пишешь, что...

Да, в конце концов, почему ты пишешь «твоя Наташка»? Это ведь еще вопрос. Конечно, очень хочется, чтобы это было так, но, увы, порой наши желания не совпадают с действительностью! А принимать желаемое за действительное —

[1] Валентина Ал. или ВА — классный руководитель В.А. Игошина. (*Прим. Эльзы Гучиновой.*)

обманывать себя. Ты лучше расстарайся и попробуй, если сможешь, достать ее фотку поновей.

Век буду благодарен. А как Игорь Полинов поживает? Передай ему привет.

Вроде бы все. Извини, что так мало, но больше писать нечего.

Old friend, goodbye!

Your friend Viktor

Передай землякам приветы и поздравления с 7 ноября и сам прими их. Желаю отлично встретить праздник. Опиши его потом.

25 ноября 1980 г.

Здравствуй, дружище Баатр!

Твое письмо очень взволновало меня. Даже не знаю, что посоветовать тебе. В одной старой песне я слышал такие строки: «Унижаться, любя, не хочу и не буду...»

Что можно сделать на твоем месте? «Завязать» с ней или не быть пассивным, пока она сама не проявит активность. Но второй вариант возможен при условии, что ты еще надеешься добиться ее расположения. На мой взгляд, другие варианты лишь унизят тебя. Как и в ее глазах, так и в твоих. Но я на этом не настаиваю. Подумай, может, их можно будет отвергнуть. Понимаешь, мне об этом отсюда, издалека, трудно судить обо всем произошедшем.

Тронули мою душу твои слова об Инессе. В ее письмах об ее настроении ни капли не проскальзывает. Ты знаешь, я больше и больше ей благодарен за ее письма. Все больше и больше начинаю понимать, какой она прекрасный товарищ. И, странное дело, она все больше и больше занимает мои мысли. Что это? Цитирую строки из ее письма: «Витя, а может такое случиться, что вдруг приедешь ты не один?»

К чему это? Да, впрочем... У меня опять начинает появляться дурное мнение, что я всем нравлюсь и все меня любят. Недавно получил от нее письмо. Обещает прислать в скором времени фотки — свою и общую, когда вы фотографировались летом. Отослал ей в ответ свою.

Баатр, извини, что не могу выслать тебе свои фотографии. Высылаю тебе в этом письме негативы. Надеюсь, ты пришлешь фотографии с каждого негатива по паре и переправишь фотки моим предкам. Хорошо?

Ты пишешь, что испытание обыденностью «самое тяжелое для человека». Ты прав, по-моему. На первых порах в армии мне казалось все интересным, новым. Теперь же я не знаю, куда деваться от этих извечных построений, нудных караулов и пр.[очих] мероприятий. Ты представить себе не можешь, как мне осточертели все эти рожи. Есть, конечно, парни, с которыми интересно пообщаться, но их крайне мало. Остальные же до неимоверности тупы и косны, циничны почти во всех взглядах на жизнь. Мещане, короче. Постепенно ухожу в себя, невольно вспоминаю вас и сравниваю их с вами — милыми старыми друзьями, и они не идут ни в какое сравнение. Хотя внешне остаюсь таким же, каким научился быть в армии, — балагуром и весельчаком, ровным в отношениях со всеми, за исключением командиров, конечно. Да-а... Жизнь научит смеяться сквозь слезы. Но, по-моему, эта привычка у меня «на гражданке» пропадет. Неужели нельзя

справиться с обыденностью да тем более на «гражданке»? Ведь для этого есть много способов: начать учиться играть на музыкальном инструменте, ходить в кино, театр, читать книги, заниматься любимым делом, учить какой-либо дисциплинарный предмет (алгебру, англ.[ийский] язык) и мн.[огое] др.[угое]!

Хочу по приходу из армии овладеть музыкальной грамотой, чтобы в совершенстве играть на гитаре. Был у нас в роте один парень (хороший человек, между прочим) осенью, в сентябре, ушел на ДМБ. Парень с высшим образованием. Какие вещи он играл! И классические, лирические, импровизации на русские народные, зарубежные. А как он пел! Я, по сравнению с ним, был как карликовая береза перед кедром. Он-то и дал толчок мне к этому.

Слушай, Баатр, мне кажется, что мои мысли слишком заумны. Тебе не кажется?

В последнее время меня что-то не очень тревожат думы о Наташе. Не приводят в трепет мое сердце. Сейчас я сам не могу разобраться в некоторых подобных вопросах. Может, ты мне поможешь?

Сегодня ушли последние дембеля с нашей роты. Как мало и как много осталось до нашей с вами встречи! Боже мой!

Все чаще и чаще терзают меня мысли о доме. 10—30. У нас только кончились полит.[ические] занятия, а дома люди уже набрали ритм рабочего дня. 19—00. Мы сдаем или заступаем в караул, а дома 17—30, люди спешат домой после трудового дня. Как подумаешь, места себе не находишь.

Получил одновременно с Инесскиным письмом послание от Сливка. Живет вроде неплохо. Тоже не знает, чем заняться. Как он пишет, развлекается либо пьянками, либо похождениями с какой-нибудь девицей легкомысленного поведения. Был в начале осени в плавании. Ходили в Польшу с заходом в Гданьск, но попали в забастовку и в город так и не вышли. Судя по фотографии, которую он прислал, остался тем же юнцом с рыхлыми губами. С нетерпением ждет встречи, чтобы провести наши традиционные беседы о жизни. Жалеет «о своей весьма безрадостной жизни», о годах, проведенных за стенками и заборами училища.

Инесска написала о Нюрвяхе, о том, как он написал Гренаде Годжуровой и Эльзе Зодбиновой письма с одинаковым текстом. Тем самым он их и обидел, и рассмешил. Во, кадр!

Скоро должны прийти ответы от него и Эрднюшки Ч. Как придут, напишу тебе подробнее о них.

Пиши. Пиши подробней и не задерживай с ответом.

Твой друг Витя.

P.S. А ты верно подметил. Ника очень скрытен. Я никогда не слышал, чтобы он перед кем-нибудь раскрыл душу.

24 декабря 1980 г.

Здравствуй, дружище!

Очень обрадовало меня твое письмо. Поздравляю с успешной сдачей английского. Извини, что слишком экономлю, бумаги мало. Пишу сразу же после получения твоего письма, по свежим чувствам. Ну и хорошо, что с Зиной у тебя ничего не намечается. По-моему, эта miss недостойна Вашего внимания

в какой-то мере, а Вас вообще она не достойна. Больше по этому поводу я ничего сказать не могу.

Будет неплохо, если ты найдешь с той девочкой общие интересы. Что «надо действовать осторожно и непринужденно», ты верно заметил. В наше время большинство молодых людей (увы! и я относился к их числу) считают, что нахальство и развязность на 100% приносят успех в завоевании расположения какой-либо дамы.

Слава богу, что я не подходил «таким макаром» к компании, в которой доминировал тандем — Амулька-Наташа! Когда я был в нетрезвом состоянии — это не в счет. Теперь я утвердился во мнении, что если тебе понравилась какая-нибудь девушка, то лучше не показывать в первое время этого, а «совершенно случайно» сблизиться с ней, найти точки соприкосновения.

Попробуем сим образом восстановить первоначальные отношения с Наташей. Если не произойдет ничего непредвиденного. А твой совет не торопиться с решением припоздал. У меня в душе, несмотря ни на какие мысли и думы о ней, давно затаилось решение: «Пусть будет что будет, а приеду — на месте во всем разберусь». Было бы отлично, если бы положение Наташи сейчас оставалось без изменений до моего прихода.

Что касается твоего вопроса, то честно скажу, что о ней я знаю навряд ли больше, чем ты.

Знаю то, что скромная девушка, легкомысленного поведения себе не позволяет (все это по старым впечатлениям), девчонка умная, верю в то, что она честная и подлости совершить не сможет. Вот только не пойму ее поступка. Помнишь, я тебе писал? Отправил ей первое письмо, и содержание этого письма узнал весь двор.

Но тогда я, глупый, наивный пацан, сделал неправильно. Написал в письме много лишнего о своих чувствах. Думаю, что она способна на большую любовь. Как только ее добиться?! И вообще, по-моему, кристально чиста. Сам понимаешь, беспристрастно я о ней судить не могу. Она для меня самая чистая, нежная и красивая.

Да, Баатр, как ни горько в этом признаться, наша нация теряет свою самобытность. Все меньше слышишь речь на калмыцком языке, теряются, забываются народные песни, обычаи. И что хуже всего, молодежь мало задумывается над этим. Да и не только молодежь. Знаешь, именно здесь, в армии, я ощутил жгучий стыд из-за скверного знания родного языка. Изредка разговариваешь с земляками на калмыцком, но словарный запас мал. Ко всему этому нужно принимать радикальные меры. Но как? «Городской лоск», «интеллигентность собачья». Знаешь, у меня к этому двойственное отношение. Среди безалаберных, не очень воспитанных, не очень тактичных и деликатных сослуживцев, которых немало, приятно общаться с воспитанным умным честным человеком. Но мне неприятна будет встреча с молодыми людьми, напыщенными от чрезмерного чувства собственного достоинства, кичащихся своим умом, образованием и культурностью. По-моему, за этим последним ты подразумеваешь «городской лоск» и «интеллигентность собачью».

То, что Инесса — молодец, полностью с тобой согласен. И давай снова ее объясним как любопытство хорошего товарища, как любопытство старого школьного друга. Так будет лучше. Похвально твое отношение к мнениям безразличных тебе людей. Почему похвально? Потому что я сам это практикую. Меньше нервотрепки впустую. Но почему у тебя «друзей, кроме земляков, нет никого, и быть не может»? Разве в таком большом институте, городе, наконец, так мало хороших людей?

А институт не бросай. Это будет крайне глупо, бросить на половине начатое. Тем более что образование еще никому во вред не шло. И в армию тебе идти не стоит. Ты и так понял, что такое жизнь и как нужно жить. В основном, что получают и выносят ценное из армии — это понятие о жизни. Для получения того понятия мне стоило идти в армию. Мне, Нюрвяхе, Эрднюшке, Лешке и многим другим юнцам, бывшим ранее оболтусами, разгильдяями и иждивенцами. Но, к сожалению, армия не всех может вылечить от эгоизма, себялюбия и пр. отрицательных качеств. И эти неперевоспитуемые личности, которых немало, это особенно проявляется в армии, по-различному приспосабливаются, изгибаются. В конечном итоге из них выходят конченые люди.

Разделяю твои опасения о пропаже увлечения интересными делами и любимым делом. Ты прав, я еще не выбрал, чем заняться в жизни. Труд каменщика я не назову любимым делом, на романо-германский меня тянет лишь интерес к английскому, трепать нервы с учениками меня не очень прельщает. «Против» только нет против автодела. А пьянствовать долго после прихода, так сказать ДМБ, я не смогу. Организм просто не позволит. Длительных пьянок я не переношу физически.

Насчет С. То, каким ты его представил, я догадывался давно и боялся этого. Ты более конкретизировал, более оформил этот образ. Из него можно было сделать неплохого человека, если бы он попал в хорошую компанию. Но, по-моему, он сам не стремился к этим компаниям, потому что как таковая личность, такой характер у него сложился уже к 15—16 годам. Просто в это время мы мало задумывались над людьми и их характерами.

Он не привык над чем-нибудь второстепенным долго и упорно трудиться. Особенно четко это проявилось в баскетболе. Все задатки для отличного баскетболиста у него были. Но не было желания. На тренировку он шел как на развлечение. Игра для него была игрой. Если честно говорить, то мы, Викуля, Федот, Плашка, Дорофей шли на тренировку тоже как на развлечение. Но в подсознании мы были настроены на упорный труд, неудачи и удачи, короче, на настоящую тренировку. У него этого настроения не было. Его хорошая учеба в школе — результат гоняний отца и получения хорошего аттестата. Предпосылки к мещанству, обывательщине у него проявились уже в то время. Немаловажную роль в становлении его характера сыграл и его отец. Вспомни, какой он. Сын похож на отца. Вековая мудрость. Как ты похож на своего отца, как я на своего, так и он перенял у своего отца все главные черты характера. Какой он сейчас, я судить не могу. Все это анализ прошлого. Прямо удивительно, столько знал человека, дружил с ним и сейчас только задумался над ним! По-моему, это

оттого, что он меня мало волновал как человек. Просто я привык тогда к его обществу. По-моему, так.

Что касается К.С., то это тоже расчетливый целесообразный хитрый человек. Эти люди, как сказал Ипполит из к-ма «Ирония судьбы», «...не способны на большую глупость...». Это тоже разновидность конченых людей, о которых я писал выше. Их уже не перевоспитаешь.

Знаешь, Батрак, а я заметил, что мысли у меня более оформленно складываются на бумаге. Устно я, кажется, более законченно их бы не смог изложить.

Теперь опять немного о Наташе. Знаешь, Батя, как ты о ней напишешь, так во мне с новой силой бушует пламя... Приятно читать, что с каждым днем она становится все краше, и приятно то, что за ней никто не ухаживает.

Пошел на фильм. Посмотрел только что фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Настроение, чувства, впечатления описать не могу. Как-то светло, тепло и грустно на душе. Светло и тепло потому, что я очень рад за чистую и нежную любовь Наташи к Арапу, а грустно потому, что со мной навряд ли такое может быть. А как хотелось бы! Как представишь иногда, что я, может быть, когда-нибудь обниму свою Наташу, такую хрупкую и нежную... И порой совершенно не знаешь, что делать и как быть, потому что так хочешь этого и в то же время совершенно трезво сознаешь, что на это очень и очень мало шансов. И вполне возможно, что этого может и не быть, и возможно, не будет никогда. Да, этот фильм снова разбередил чувства.

Теперь немного о себе. Посылку к нам никак невозможно. Огромное спасибо тебе, дружище, что ты вспомнил о моем дне рождения и уже заботишься о подарке. Спасибо, но посылку никак переслать нельзя.

Самым большим дорогим и лучшим подарком для меня будет, если ты пришлешь мне Наташину фотографию. Если не сможешь найти, не надо. Или общую фотографию наших одноклассников.

Спасибо за открытки и поздравления. Они пришли весьма кстати. Служба у меня, можно сказать, почти не идет. Потому что я валяюсь в госпитале. Болею тифом. Да-да. Здесь, что угодно можно подхватить. Только об этом никому абсолютно и ничего. Дойдет до моих родителей — это будет конец света. Поэтому прошу тебя, об этом никому.

Чувствую себя нормально. Изредка побаливает голова только. И ослаб. Это из-за того, что нет аппетита. Полбуханки хлеба и три кружки чая заменяют мне и завтрак, и обед, и ужин. Больше съесть не могу. Ты только не думай, что я даже встать не могу. Ходил раза 3 в пехотный, он где-то в 3 км от нас, к землякам. Словом, дело идет на поправку.

Не знаю, как буду встречать Новый год. Земеля должен привезти из Кушки водку.

Если дело выгорит, значит, все o'key.

Поздравляю еще раз тебя с Новым годом! Желаю всего самого наилучшего, мой лучший друг! Также желаю отлично встретить Новый год и отлично сдать сессию.

Вот пока и все. Пиши без задержек.

Твой друг Витя.

28 марта 1981 г.

Привет, дружище Баатр!

Твое письмо с открыткой, поздравлением и фотографиями Наташи пришло до моего возвращения. Батрак, я не знаю, как тебя отблагодарить за эти фотографии! Сейчас ее фотографии — самое драгоценное, что у меня есть. Как я жалел, что не решился в отпуске с ней встретиться или созвониться. Только благодаря им, этим двум фотографиям, я не хожу сейчас понурым и унылым, как думал, когда уезжал.

О том, что у нее нет матери, я знал раньше. Обо всем остальном, что ты написал, я не знал. Приехал я в часть позавчера вечером, 26 марта. В тот же день вышел приказ министра обороны № 97. Мой последний долгожданный приказ. На следующий день состоялись ротные учения, поэтому сразу написать тебе я не мог. Сразу после них заступил в караул. Почему я так задержался? 6 дней торчал на пересыльном пункте в Ташкенте. Не было самолета. Там же, когда ждал, ходил в кино на «Эскадрон гусар летучих». Неплохой фильм. Если будет возможность, сходи обязательно. Он шел в Элисте, но я там не удосужился сходить. Да, там же зацепился с десантурой. Хотели взять с меня деньги на бухало, которых у меня самого не было. Огрызнулся пару раз и все стало на свои места. Слава Богу, что все обошлось без драки, а то бы нас там затоптали. Нас в кампании 5, а их с прихвостнями — штук 12. Пока был на пересыльном, напивался в дупель раза 4. Тоска достала страшная. Страшно хотелось назад домой. Сейчас вроде бы немного отпустило. Одно и слабое утешение, что до ДМБ осталось самое большое месяца три. Уж тогда обязательно увижу ее. Постараюсь успеть на выпускной.

Сегодня сфотался. Как сделают фотку, сразу же вышлю. Погода здесь отличная. Все расцветает. Весна. Днем 27—28 по С. Ночи теплые. Пока все. Передавай подполковнику с военки, доехал нормально. Пиши. С нетерпением жду ответа.

Твой Витька.

Еще одно огромное спасибо за фотографии.

Привет парням и девочкам.

Дмитрий Войнов: «А ПО ВЕЧЕРАМ ВИДАК СМОТРИМ, ЕСЛИ ЕСТЬ СВЕТ» (1996)

Дмитрий Леонидович Войнов родился в Дзержинске 18 декабря 1976 г. После 8 классов пошел работать. В 1995 г. был призван в армию. 1 марта 1996 г. был послан в Чечню. Погиб 20 августа 1996 г. от пулевого ранения в голову в боях за г. Грозный. Похоронен в Дзержинске.

11 апреля 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие родители мама и папа, сестричка Танюшка, моя любимая крестница Настенька и Алексей.

Пишу вам письмо, хотя это первое письмо почти за 1,5 месяца моей службы здесь, а здесь это в Чечне. Вы только не пугайтесь, ничего страшного здесь нет да и попал я в самое спокойное место, в 205-ю бригаду, нахожусь рядом с городом Грозный, точнее у его аэропорта Северный, не далеко от города, да и по всей Чечне мало уже где стреляют, может вам покажется странным, но здесь служить получше, чем в России, кормят отлично, получаем 1,6 млн, правда на руки в месяц дают 200 тыс., а остальные деньги отдают на дембель, срок службы 1,5 года, так что, может, в начале зимы буду дома. Вот, наверно, по этой причине я сюда и приехал и себя еще раз хотел испытать. Приехал я сюда 1 марта, а 6 марта меня и еще 7 человек, которые приехали со мной с зенитно-ракетного полка, определили в противотанковый взвод, и бригада наша 205 стоит на охране аэропорта. Живу в казарме в уютной и теплой, казарма одноэтажная типа домика коттеджа, ну все почти как в России, погода, правда, здесь быстро переменчива, то жарко, то холодно, то ветер, а когда дождь пройдет, грязи по колена, а в остальном здесь все отлично, снега уже два месяца нет, а летом, говорят, тут только каких фруктов нет, почти все есть, кроме бананов. Занимаемся в течение дня, в парке боевую технику ремонтируем, вот недавно баню для себя из вагончика сделали, я в бане печь небольшую выложил, теперь каждую неделю в ней моемся, а по вечерам видак смотрим, если есть свет, а так здесь живем обычной жизнью, как и в России, только на чужой земле. А что по телевизору говорят всему не верьте, может где стреляют, но не у нас, вокруг нас стоят блокпосты, хорошо нас охраняют.

Что вам еще написать, со здоровьем у меня все отлично, жаловаться не на чего, меня сюда никто не гнал, сам поехал, а что так долго вам не писал, все никак не решался да и сейчас пишу письмо, боюсь что будете за меня волноваться, а волноваться сейчас, когда здесь спокойно, причин не вижу. Письмо, которое я написал перед приездом сюда, которое отправил по почте, когда получал вашу посылку, где писал что уезжаю на учения в Казахстан, это я его придумал, я не знаю, какая будет ваша реакция по поводу моей службы в Чечне, но я еще раз

говорю причин для беспокойства нет, у меня все отлично, писать вам постараюсь почаще, и вы постарайтесь писать мне каждую неделю хотя бы поначалу. Племяшке и крестнице моей...

9 июля 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие родители мама и папа, сестричка Таня, Алексей и моя любимая крестница Настенька, пишу вам первое за два месяца письмо, это уже пятое письмо за [период] моей службы тут в Чечне. Начну кратко все с начала, так как от вас я еще не получал письма, может вы просто не получали мои письма, что такое не исключено или ваши письма до меня никак не дойдут, из-за моих частых переездов по Чечне. Приехал я сюда 1 марта, служил у аэропорта «Северный» города Грозный, затем в Ханкале, а сейчас не далеко от Шали, служба идет нормально, жаловаться не на что, кормят нормально, деньги хорошие платят, все, что нужно простому солдату. Войны пока не видели, но всегда наготове, но вряд ли что переменится, по крайней мере в 96 г. А в 96-м я буду уже дома, т.к. служим мы здесь полтора года, да и может в Россию скоро вызовут дослуживать, такое тоже не исключено, а так у меня все в порядке, жив, здоров чего и вам желаю. По вам, конечно, скучаю, но дембель не за горами, как здесь говорят, природа здесь просто райский уголок, фрукты и ягоды уже поспели, все есть кроме бананов. Не надо слушать тех, кто говорит, что здесь ужас, они просто тут не были, когда я приеду вам расскажу, я так загорел, что хожу как негр. Каждое утро вижу горы перед собой, где на самом верху лежит снег. Воздух чистый и свежий, иной раз просто забываешь, что ты в армии, и представляешь себе, что ты находишься на отдыхе, что очень тебе помогает. Но вроде бы насчет меня и все. Одно только вас прошу, за меня не волнуйтесь, со мной все будет хорошо.

Настеньке скоро исполнится годик, хочу пожелать этой маленькой красивенькой девочке крепкого здоровья, чтоб поскорей выросла умной и жизнерадостной девочкой и чтоб слушалась своих родителей, а ее крестный ее сильно любит и надеется скоро увидеть, ее родителям тоже желаю крепкого здоровья и семейного счастья. Таня, будь хорошей мамой и не забывай любящего тебя братишку. Вам, мои дорогие и любимые родители желаю всего самого-самого хорошего в этой нелегкой жизни, и пусть даст вам Бог выдержать все эти нелегкие испытания. Надеюсь что по окончанию своей службы я увижу вас крепкими и здоровыми. Передавайте от меня огромный...

Без даты

Здравствуйте, мои дорогие родители мама и папа, сестричка Таня, Алексей и моя любимая крестница Настенька. В начале своего письма спешу поздравить мне дорогих женщин, дорогую маму, любимую сестричку Таню. Поздравляю вас с днем рождения, хочу пожелать вам крепкого здоровья, счастья, удачи во всем, чтоб семейный уют оставался таким же теплым, каким я помню, и стал еще теплее, когда я приеду. Надеюсь, это будет очень скоро, еще хочу пожелать вам самого, самого прекрасного, что есть в этом мире, и помните, что есть сын и брат, который постоянно о вас думает и любит.

А теперь напишу немного о себе. У меня, как обычно, все в порядке, жив, здоров, служба идет отлично, да и жаловаться было бы грех, пока здесь все спокойно у нас, на фрукты нажимаю, здесь кругом одни витамины. Стоим на блокпосту, переезжать пока никуда не собираемся, волноваться за меня не надо, страшного здесь в Чечне ничего нет, да и в местечко попал тихое, а что по телевизору говорят, больше вранье, они из-за мелочи такое наговорят, что думаешь, как до сих пор живы, так что вы больно никому не верьте, люди разные бывают, так что ждите и я приеду, одно пока плохо, что за полгода никак с вами связь не налажу, последнее письмо я вам послал 12 июля, где поздравил также папу, надеюсь, вы его получили, я понимаю, поймите и вы, что с письмами тут тяжело, могу получить, могу и нет, будем надеяться на лучшее. Передавайте все привет, сами знаете кому, всем нашим родственникам, моим братьям и дядьям. Я никого не забыл, всех хорошо помню и часто вспоминаю.

Всех вас крепко обнимаю, целую, люблю!

До свидания, Дима

Александр Давыдов: «РАССТРАИВАТЬСЯ НЕ ИЗ-ЗА ЧЕГО, У НАС ЗДЕСЬ ТИХО И СПОКОЙНО» (1999—2000)

Александр Александрович Давыдов, уроженец Нижегородской области, погиб во Второй Чеченской войне в марте 2000 г.

5 октября 1999 г.

Здравствуйте, Мама и Светланка!

Пишет вам с огромным солдатским приветом ваш сын и брат Саша!

Начну с того, что перевод ваш дошел, но я его не получил, т.к. не успел, поэтому ждите, должен вернуться обратно. Спасибо, что высылали, но можно было и не высылать, у меня все в порядке, проблем нет никаких. Письма ваши тоже получил, спасибо, я был рад, хотя там и были не очень хорошие новости (я имею в виду про то несчастье, которое случилось в нашем доме). С ответом на письма я, конечно, затянул, но на это есть причина, а все из-за того, что просто не было времени и возможности. Сейчас время появилось написать, но вот только когда я его отправлю, не знаю, буду ждать следующего вертолета, а когда он прилетит, не известно, может сегодня, может через неделю.

Ну, теперь напишу о самом главном, врать не буду и не хочу, напишу правду.

Начну с того, что я прикомандирован к 506 Мотострелковому полку, то есть в 433 МСП больше пока не служу, но это только на время командировки, в которой я буду находиться, самое малое — 3 месяца, самое большое — 6 месяцев. Перевели меня 12 сентября тоже в ЗДН, переучили на Зенитную установку, то есть раньше был на Боевой машине, а сейчас — на установке ЗУ (Зэушке), но принцип остался тот же, навожу и стреляю, только не ракетами, а патронами. С 12 по 19 сентября я находился в Тоцке 506 МСП, там готовились к этой командировке, учились, стреляли и т.д. Затем 19 весь полк загрузился на эшелоны вместе с техникой, и отправились в командировку в Республику Дагестан. Добирались мы четверо суток, то есть приехали 23 сентября. Разгрузились на станции Кочубей, переночевали и двинулись по пескам Дагестана дальше.

Наши зэушки установлены на кузовах УРАЛОВ, поэтому мы путешествуем тоже вместе с установкой на кузове. После марш-броска на машинах 1 октября оказались уже здесь, в Чечне. Стоим в поле лагерем и охраняем одно подразделение, которое так и будем сопровождать в дальнейшем. Идем мы сзади всего полка, боевых действий не ведем, только несем караульную службу по охране лагеря и вышеупомянутого подразделения. Поэтому расстраиваться не из-за чего, у нас здесь тихо и спокойно, т.к. можно сказать, мы находимся

в тылу. Погода стоит теплая, даже жарковато, кормят нормально, в общем, все хорошо, живем в палатках, все вокруг зеленое. Стоим примерно в 30—40 км от Грозного.

Ну вот, наверное, и все пока новости.

Письма, наверное, будут от меня приходить редко. Обратный адрес пока никто не знает, поэтому пишу без него, как узнаем, напишу.

Ну все, пока! До свидания.

Всем большой привет передавайте! Бабуле и всей родне тоже большой-пребольшой привет!

Сегодня 5.10.99. Еще раз до свидания!

Еще самое главное — Мама, поздравляю тебя с Днем рождения! И хочу подарить тебе скромный подарок, этот стишок.

Тебя я, Мама, поздравляю,
И вновь за все благодарю.
Меня ты, Мама, воспитала,
Благословила жизнь мою.
Живи, родная, долго-долго,
И будь здорова, не болей,
Твой образ, Мама, дорогая,
Все время жив в душе моей.

Твой сын Саша!

27 февраля 2000 г.

Здравствуйте, Мама и Света!

С большим, большим приветом к вам сын и брат Саша!

Света! Письмо твое получил, конечно же, за него огромное спасибо!

У меня все хорошо, жив, здоров, не болею, чего и вам желаю!

Как вы уже, наверное, слышали по телевизору, война закончилась. Грозный мы взяли, точней, половину Грозного. Наш полк шел по площади «Минутка», я думаю, про нее тоже слышали. Из Грозного нас вывели в населенный пункт Ханкала, там разбили лагерь, жили в палатках, отдыхали, баня и т.д.

Сейчас нашу роту расставили на блокпосты перед Грозным, охраняем н. [населенный] пункт Ханкала, то есть лагерь, штаб. Живем опять в блиндаже (землянке), но вы не думайте, что здесь плохо. В них даже очень хорошо жить — тепло, сухо, в общем, нормально, тем более спим в спальных мешках.

Погода стоит хорошая, солнечная, снег выпал и опять растаял, только в горах лежит.

Света, ты спрашивала, идет ли у меня день за два? — Да, идет, и вернусь я домой раньше на полгода. Как обещал комбат, весной уволит, будем надеяться, что так оно и будет.

Ну вот, наверное, и все!

Всем большой привет передавайте!

Сон солдата. Чечня, 1990-е гг. Фото Владимира Быкова

В Саранск поедете, Бабуле с Дедом большой-пребольшой привет от меня!
Ну все!
Пока!
Пишите!
Саша!

Николай Коваленко: «ПОЯС РАДИКУЛИТНЫЙ Я ПОСТАРАЮСЬ НАЙТИ» (1999–2000)

Николай Дмитриевич Коваленко родился 18 мая 1962 г. в станице Старогладковской Шелковского района Чечено-Ингушской АССР. В 1990 г. переехал с семьей в Нижегородскую область. В 1996 г. поступил на службу в Вооруженные силы РФ. По приказу командования осенью 18 сентября 1999 г. убыл на Северный Кавказ. 3 января 2000 г. был ранен во время боя с боевиками, скончался от полученных ран.

Без даты, осень 1999 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

С огромным приветом к вам ваш папа. Вчера Руслан привез от вас письма, которым я был неслыханно рад. Сыновья, меня очень радует, что мама пишет о вас только хорошее, вот только, Максим, перестань «стучать» на Гришу. Я думаю, что он скоро подтянется в учебе. Помогайте маме во всем. Ей сейчас очень тяжело. А огорчает то, что вы так тяжело переживаете расставание. Не надо сильно огорчаться. Жизнь есть жизнь, и ничего тут не поделаешь.

Тань, ты перестань так сильно расстраиваться. У тебя других проблем сейчас много. Ничего страшного тут нет, не навечно же я уехал.

Дела у меня идут нормально. Потихонечку обживаемся. Благо, погода еще позволяет. Дожди были, но небольшие. Любимая грязь дала о себе знать. Хорошо, что еще сапоги резиновые взял. Кормят пока неплохо. Желудок пока не беспокоит. Служба идет своим чередом.

Ну вот, пожалуй, и все, о чем хотел написать.

Письмо передам с Русланом, его отправляют обратно.

Еще раз пишу адрес, если первое письмо не дошло.

103400

Москва 400

в/ч 26046

Ков. Ник. Дм.

Тань, еще спроси на почте, можно ли переслать мне бандероль? И если можно, то пришли радикулитный пояс. Он мне нужен.

До свиданья. Целую, Папа

Без даты, осень или зима 1999 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Вчера получил от вас сразу три письма, а сегодня еще два. Это письма, которые ты посылала 20, 23, 27, 30, и одно письмо пришло без печатей, наверное, ты его передала с кем-то. Я очень рад, что у вас по-прежнему все нормально. Это для меня большое подспорье в моей службе, которая протекает по-прежнему в серых

тонах. А это хуже, когда есть изменения или движение, то и время идет быстрее. Но ничего, скоро перевалит за половину, а там и Новый год, там станет полегче. Да и здесь весна приходит пораньше. Погода стоит сейчас холодная и пасмурная, снега нет, но и дождей тоже. Луна народилась, вроде бы не дождливая. Только вот туманы почти что постоянно висят. Насчет конвертов, то их хватает, и бумага, и ручка есть. Мыло, ведь я же старшина, мыла у меня сейчас ящика три, из них — хозяйственного полтора, а остальное — «Хозяюшка». Лезвия кончились, но мне обещали привезти из Моздока. Так что и это решаемая проблема.

Танюш, пояс радикулитный я постараюсь найти, если его привезли. Они стоят от нас далеко, но чего-нибудь придумаю. Хорошо бы еще знать фамилию этой телефонистки.

Сыновья, слушайтесь маму, помогайте ей во всем, учитесь хорошо. Максим, если взялся за какое-нибудь дело, его надо доводить до конца. Так поступают настоящие мужчины. А те, которые не доводят до конца свои дела, в жизни ничего не добиваются. И им тяжело в жизни бывает. Я думаю, что вы закончите эту четверть без троек оба. Этим вы сделаете огромный подарок к Новому году.

Пришел Сережка, увидел, что я пишу письмо, говорит: «Передай привет». Ходит надутый. Алла прислала письмо, сообщила, что у них умер дедушка. Вот он и ходит такой. В остальном все нормально. Сейчас пойду стираться, пока не накопилось белья.

Вот, пожалуй, и все.

Передавайте всем привет.

До свидания.

Папа

27 декабря 1999 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

С огромным приветом к вам ваш папа. Сегодня приехал наконец-то командир 27.12. Мы его уже заждались. Привез посылки и письма. Самое драгоценное — это письма. Перечитал их уже два раза. Первый раз читаю всегда быстро, чтобы узнать, как дела, а второй — уже основательно. Я очень рад, что у вас по-прежнему, все нормально. За посылку большое спасибо. Вот только сала у меня сейчас собралось килограмм пять. Со столовой принес позавчера килограмма три с лишним. Командир привез, отдал мне на сохранность да еще вы прислали. Так что до осени запаслись. Правда, «семья» у нас большая, а вот продукты приходится добывать только мне. Потому что к столовой имею отношение только я. Питаемся нормально, проблем нет. Да и желудок пока не беспокоит.

Пояс я по-прежнему не достал, 245 полк от нас теперь совсем далеко. И пока возможности туда съездить нет. Но будем надеяться, что все же съезжу. Тем более ведь, похоже, это все уже заканчивается. Вы, наверное, по телевизору все слышите. Так что, может, возвратимся пораньше. Но когда, пока ничего не знаем. Но не раньше, чем здесь все закончится. Служба протекает однообразно и серо. Все по-старому, копаемся в грязи по уши. Все проклинают нашу родину. Чего только я не наслышался о ней. Но какая есть, я ее не выбирал. Я здесь родился. В общем вот такие дела.

Танюш, не переживай за покупки, ты все правильно сделала, и ни на кого внимания не обращай. Да, и сапоги себе купи обязательно хорошие, на цену не смотри. Плевать на эти деньги. Главное — сохранить здоровье, которое еще осталось. А болеть тебе сейчас вообще нельзя. Ведь меня рядом нет. [...] Вот такие дела.

Это письмо вы получите уже после Нового года. Жаль, что меня не было с вами, но я думаю, мы наверстаем после моего приезда. Все будет хорошо.

Вот, пожалуй, и все.

Целую.

Папа

Без даты, декабря 1999 г. или начало января 2000 г.

Привет, сестричка!

Сколько радости приносят весточки от родных и близких тебе людей, может тебе объяснить твой муж. Здесь, конечно, не Афган, но тоже не курорт. Не слишком дружелюбно встретила меня родина. Но от этого только еще долгожданнее становятся ваши письма. Я, конечно, лодырь писать, а вот получать здесь письма просто необходимо. Ими хоть как-то подпитываешь себя. Ведь серая армейская жизнь пожирает очень быстро все положительные эмоции. Да и погода здесь не сахар. Туманы висят и днем и ночью. Неделями солнца не видно. Грязь долазит до ушей, благо, баня спасает. Соорудили и для солдат, и для себя. Для себя с парилкой, поэтому отмываться и стираться есть где. Со здоровьем проблем пока нет. По службе вроде бы тоже все нормально. Единственное, хочется, чтобы побыстрее все кончилось. По обстановке, пожалуй, к этому все идет. Так что, возможно, возвращение не за горами. У вас прибавилось забот с Мариной. Но ничего тут не поделаешь. Они — наши дети. И если сейчас не побеспокоиться, потом будет сложнее. Благо, у нее есть желание, судя по всему.

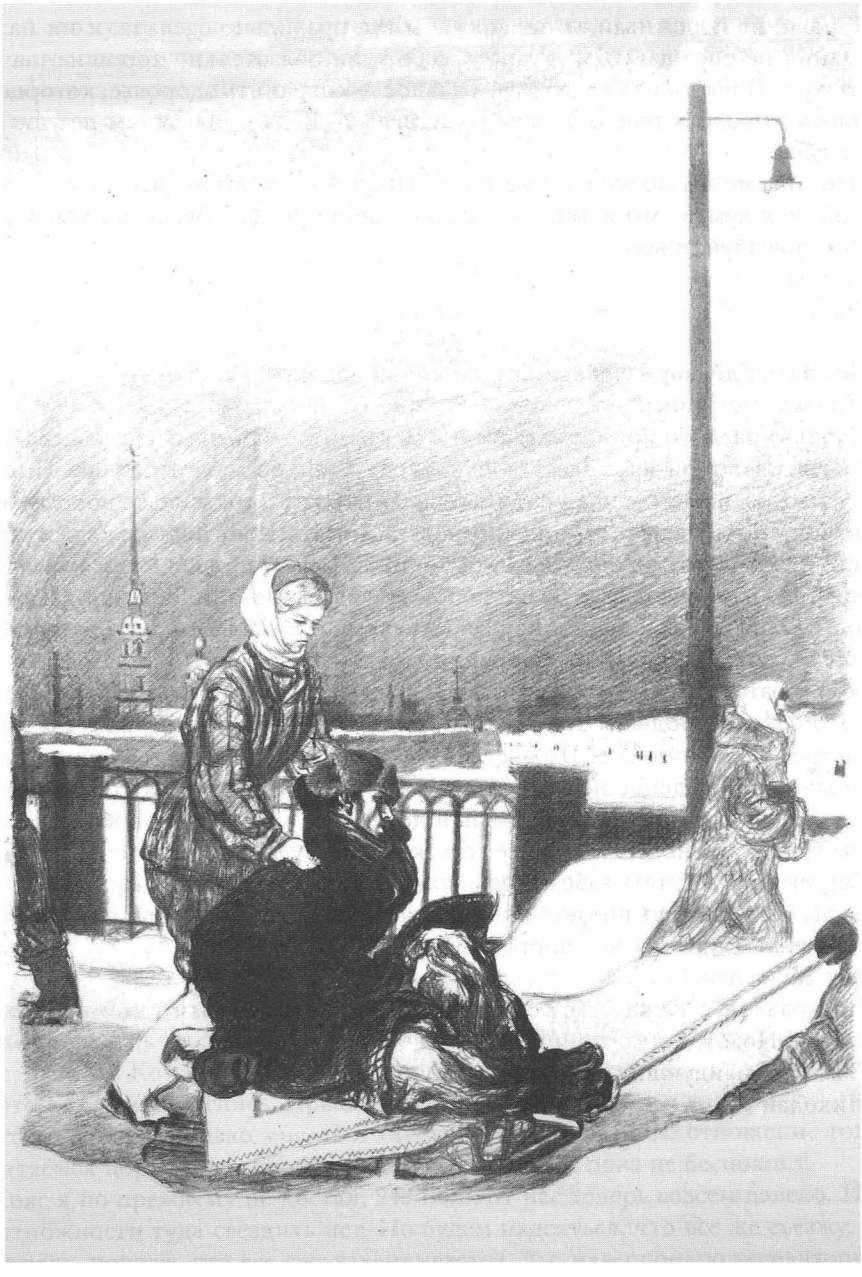
Сергею сейчас опять забот прибавилось. Ему всегда везло. Но ничего не поделаешь. Пока носишь погоны, выбирать не приходится. Все равно кому-то надо. А отсиживаться в тени не пристало нам.

Вот такие дела.

Поздравляю с Рождеством Христовым и Старым Новым годом. Всего наилучшего в Новом году.

С массой наилучших пожеланий твой брат.

Николай



А.Ф. Пахомов. «В стационар. Ленинград, 1941—1942 гг.». Литография, 1942 г.

IV. ГНЕТ ВОЙНЫ

Я сейчас переживаю в огне и стуже, если жив останусь, то буду не человеком. Живите, как можно лучше, вот теперь я пропал, ничего не надо, всего хватает — голода, холода и огня, только хлебай... Если не убьют, так замерзну.

Из фронтового письма Попова, 3-я рота в Калининской области, 1941 г.

Дмитрий Мордвинов

«ВСЕ НЕСЧАСТЬЯ ДА НЕСЧАСТЬЯ»: О ТЯГОТАХ ВОЕННОГО БЫТА

Данный раздел охватывает период от Русско-японской до Второй Чеченской войны и объединен базовой темой тяжести военной повседневности. С одной стороны, письма раздела достаточно разнородны, так как они отражают различные национальные, культурные и классовые контексты. Разнородна коллекция и стилистически — из-за различного социального положения авторов писем, различного уровня образования и грамотности, различных культурных и национальных факторов и, конечно же, времени и обстоятельств написания. Так, гладкая письменная речь вице-адмирала Рожественского резко контрастирует с письмами казака-крестьянина Маслова и галицийских крестьян-подданных Австро-Венгерской империи Федора (Теодора) Кисиля и Григория Горбача, а советские письма времен Второй мировой войны заметно отличаются от постсоветских писем двух Чеченских войн.

При всей разнообразности и многосторонности представленных источников, их объединяет несколько ключевых тем, сюжетов и мотивов. Эта общность включает в себя неопределенность войны и непонимание собственного места в ней, ощущения безысходности и фатализма, тоску по дому, общую военную дезорганизацию и хаос. Война, прочитанная через письма ее участников, предстает антиподом привычной картинки из учебника истории. Это не хронология побед и поражений войн, вызванных политическими и идеологическими установками, а тягостная повседневность, в которую втянуты люди, помимо своей воли оторванные от дома. В представленных письмах практически невозможно увидеть большой политики и идеологии. Они — не об этом, а о тяжелой, даже тягостной военной повседневности — о грязи, вшах, смерти, пропадающем вдалеке урожае, тоске по родным. В этом смысле письма раздела являются самым сильным противоядием от тех идеологических конструкций, которые глорифицируют войну, представляя ее исключительно с позиций геройства, побед и славы, зачеркивая при этом ее черную повседневность. Как пишет один из героев настоящей главы из окопов в революционный Петроград в 1917 г., «если бы этих нестроевых и штабных посадить в окопы, то они все бы сказали и даже явно закричали: долой войну».

Коллекции писем в этом разделе поднимают два ключевых вопроса. Первый из них — о преломлении войны через линзу повседневности; второй — о становлении субъекта войны в процессе переживания и описания военного опыта. Данный раздел позволяет переосмыслить то, чем является война, кем являются ведущие ее солдаты и командующие ими офицеры — и что происходит с ними как с субъектами в динамике войны. «Умирают люди! Почти каждый день узнаю, что кто-то из моих знакомых умер либо погиб от вражеской пули. Сначала это

меня впечатляло, а теперь уже нет», — пишет Нестор Калужняцкий своей тете, в трех коротких предложениях показывая, как превращаются в рутину и травматический военный опыт, и трансформации самого субъекта на войне.

Другой важной темой главы является неопределенность и непонимание, неотступно сопутствующие войне. Эти чувства, возникающие во многом из-за конфликта между глобальным и локальным аспектами войны, равным образом выражаются как командующим составом, так и рядовыми солдатами. Будучи не в состоянии увидеть и понять значение своего собственного места в общей картине войны, ее участники страдают от возникающей неопределенности. Такое ощущение войны особенно ярко представлено в письмах вице-адмирала Рожественского своей жене. Постоянно жалуясь на дезорганизацию, всевозможные запланированные и незапланированные задержки, техническую неготовность и постоянные поломки, он пишет: «Впрочем, надо подождать критиковать: может быть на днях ты услышишь и по моему адресу — подлец и мерзавец. Не особенно этому верь, скажи им, что я ни то ни другое, а просто человек, не обладающий нужными данными, чтобы справиться с задачею». Военная ситуация развивается независимо от решений, просьб и желаний адмирала, и он не в силах ничего с этим сделать — оттого и сквозит в его письмах практически пораженческая горечь. «Не хотел тебе писать о печалях своих, да вот видишь, как оне неотвязны», — сообщает он своей жене.

С непониманием тесно связан мотив бессилия и фатализма. Находясь внутри военной ситуации, ее участники не в силах повлиять на ее ход. Если подобные настроения можно ожидать от рядовых солдат, то те же чувства, выраженные представителями высшего командного состава, могут вызвать удивление. Письма адмирала Рожественского — яркое выражение этой тенденции. Отрезанный от центров принятия решений, адмирал горько сетует на то, что его желания и идеи не становятся реальностью, а лишь искажаются и трансформируются на пути в официальный Петербург и обратно. Подобные настроения в той или иной степени присутствуют во всех коллекциях главы, особенно ярко выражаясь во время Второй мировой войны: «Если не убьют, то замерзнешь, если не замерзнешь, то с голоду умрешь», — горько пишет один из ее участников.

В письмах рядовых солдат подобные настроения нередко переводятся в религиозные чувства: «Хорошо, покуда живу в штабе, то думаю, что жив, но когда на позиции, то каждую минуту ждешь смерти, прилетит какая-нибудь дура и век, значит, кончился. Но на все Господь, все упование возлагаешь на Бога», — пишет казак Александр Маслов. Палитра религиозных чувств, которые прослеживаются в представленных письмах, достаточно разнообразна, но часто употребляемая максима об отсутствии атеистов в окопах не находит здесь своего безоговорочного подтверждения. В письмах можно встретить и полное упование на милость Господа — особенно ярко это выражено в письмах крестьян-рядовых во время Первой мировой войны, адресованных приходскому священнику, — и отсутствие какой-либо выраженной религиозности.

Тоска по дому и желание вернуться домой характерны для большинства писем, попавших в данный сборник. Интересно то, как идеи о доме переосмысли-

ваются на войне: например, Виталий Зайцев в своих письмах родным с Первой Чеченской войны много размышляет о том, что он должен был делать или не делать дома:

> Мне очень хочется просто отсюда уехать. Теперь-то я, наконец, понял, что такое армия, и что такое война, хотя я там еще и не был. Лучше я был бы дома примерным мальчиком, и ходил бы перед вами на цыпочках, чем здесь 1,5 года торчать. Мне кажется, что хуже, чем здесь, места нигде и нет.

Но, конечно же, все без исключения письма настоящего раздела объединены ощущением ежедневной тяжести войны. От стилистически безупречных текстов Рожественского, описывающего тяготы военного быта («ухожу очень угнетенный»), до простого и честного «мне тяжело очень», которым описывает свое положение Кисиль, от «нахожусь в самом адском положении» Второй мировой войны до «в Батайске с нами обращались хуже, чем с зэками в тюрьме» Первой Чеченской, авторы писем описывают всю тяжесть того положения, в которое они попали. «Все несчастье и несчастье» — таким выражением пользуется Александр Маслов, находящийся на Маньчжурском фронте Русско-японской войны, и оно очень точно подходит для резюмирования тех чувств, которые передают авторы писем раздела.

В качестве отдельной темы, связанной с военной перепиской, необходимо также отметить письмо как средство коммуникации, способное заменить личное общение между адресатом и адресантом, подчас в буквальном смысле. Многие письма становятся для их адресантов своеобразным воплощением тех, кому они будут посланы: у читателя складывается ощущение, что пишущий буквально «разговаривает» с собеседником. Так, в письме своему брату Алексей Игнатович Майфет практически каждое предложение начинает с обращения «Вася, братуха», а Клавдия Боркова, пережившая нечеловеческие условия немецкого плена, буквально каждое предложение в письме мужу начинает с обращения: «Петя», «Петечка». Маслов в одном из писем переходит на прямую речь, «разговаривая» со своими детьми; точно так же и в письме своей жене он обращается к ней по имени практически в каждом предложении. «Прямую речь» со своими родными часто ведет в своих письмах из Чечни и Виталий Зайцев. Такое речевое поведение поднимает важные вопросы об особенностях письменной коммуникации в военных условиях: меняя, подчас радикально, человека, война меняет и его речь. В письмах с войны мы видим смесь повседневного и травматического. Нормальность, о которой вспоминают и которой желают авторы писем, смешивается с исключительностью условий, в которых они оказались. Письмо, отправленное с фронта, находится в плену неопределенности: не только временной, которая свойственна жанру письма в принципе, но и ситуативной. Где и в каких обстоятельствах письмо найдет адресата? Где и в каких обстоятельствах найдет сражающегося ответ на это письмо? Возможно, именно эта двойная неопределенность придает письмам с фронта их особенный тон, в котором желание и воссоздание повседневности и нормальности тесно переплетается с необходимостью говорить о травме.

* * *

Письма раздела можно поделить на три условные группы. В *первый временной блок* входят письма начала XX в.: с Русско-японской (письма адмирала Зиновия Рожественского жене и письма Александра Маслова родным) и Первой мировой войн (письма Федора Кисиля и Григория Горбача приходским священникам, письмо Нестора Калужняцкого тете Александре Мацюрак и письма солдат в революционный Петроград в 1917 г.). Данные письма представлены в парах: Русско-японская война представлена письмами адмирала и крестьянина, а Первая мировая предстает нам и с российской, и с австро-венгерской стороны.

Раздел открывается письмами Зиновия Петровича Рожественского, командующего Второй Тихоокеанской эскадрой, посланной на помощь осажденному Порт-Артуру. В течение всего перехода из Балтики в Тихий океан он писал своей жене. Его письма проникнуты фатализмом и горечью относительно состояния российского флота и судьбы предприятия, на которое он был отправлен, и по представленным письмам можно проследить эволюцию его отношения к кампании. Последнее письмо в коллекции отправлено в Петербург уже из плена, и в нем переплетаются горечь от поражения, планы на будущие реформы и радость от предстоящего возвращения домой.

Следом за письмами Рожественского в сборнике представлены письма казака Александра Маслова родным с Маньчжурского фронта Русско-японской войны. Письма казака контрастируют с письмами адмирала как стилистически, так и содержательно: в то время как Рожественского угнетает плачевное состояние российского флота, Маслов заботится о состоянии урожая в его станице. Маслов религиозен; в письмах Рожественского религиозные чувства проследить невозможно. Однако эти контрасты дополняются ярким сходством мыслей: оба автора жалуются на плохое техническое оснащение армии, оба тяготятся своим нахождением на чужбине, тоскуют по семье и тяжело переживают ситуацию незнания и неопределенности, сопровождающую войну.

Письма Маслова, как правило, адресованы собирательно всей его многочисленной родне: «Здравствуйте, дорогие мои мамонька, братчики и сестрицы, племянники и племянницы, Вася и детки». Даже письмо родителям содержит в себе часть, обращенную лично к жене. Эти письма предполагают особый — *коллективный* — метод прочтения, который можно проследить в других письмах данной главы.

Письма религиозного, пишущего многочисленной родне крестьянина-казака Маслова дополняются письмами Федора Кисиля и Григория Горбача приходским священникам. Эти письма, как и письмо Нестора Калужняцкого тете Александре Мацюрак, написаны по-украински галицийскими подданными Австро-Венгерской империи. Кисиль и Горбач были крестьянами, и их письма выдают низкую грамотность и сопутствующие ей стилистические особенности. Письма адресованы приходскому священнику как по причине его значимости для глубоко верующих крестьян, так и по более приземленной причине — их родные не умели читать (письмо Нестора Калужняцкого, напротив, написано грамотно и адресовано его тете напрямую).

Эта часть главы заканчивается письмами солдат в постфевральский революционный Петроград в 1917 г. Как и можно предположить, они пропитаны революционным и антивоенным духом времени. Солдат заботит толкование новых революционных порядков и вопрос о том, когда они будут отправлены домой. Антивоенные настроения ярко выражены практически в каждом письме, одно из которых написано «группой дезертиров», члены которой «бежали из рядов армии с тем, чтобы умереть здесь за свободу народа, а не подчиняться старому режиму» и осведомляются, «куда обратиться, чтобы служить на пользу свободной России».

Второй временной блок составляют письма со Второй мировой войны. Как и в случае первого блока, письма в этом разделе представлены с нескольких сторон: мы видим как выдержки из писем советских солдат, собранные НКВД с целью понимания настроений в армии, так и письма немецких солдат домой, полученные в результате захвата полевой почты.

Раздел открывается письмом Юсупа Кодзоева родным, написанным на ингушском языке, в котором мы можем видеть определенный религиозный фатализм и емкую и трагичную формулировку «Кто сам не видел, не сможет поверить в то, что творится здесь». Следом представлены сообщения НКВД о настроениях в армии, полученные из солдатских писем. В них можно увидеть всю палитру мыслей и идей, сопровождавших советские боевые действия, от глубокого фатализма и предсказания неминуемой гибели до искреннего патриотизма и веры в победу.

Следом за выдержками из советских писем в данной главе представлены выдержки из захваченной немецкой корреспонденции. Немецкие письма также чрезвычайно интересны с точки зрения отражения военной повседневности. Так, во многих из них говорится о Рождестве и о том, как немецкие солдаты собирались его проводить — начиная от сожаления о взорванной почтовой машине со 160 ящиками подарков («обидно до слез») до отсутствия желания участвовать в боевых действиях на рождественские праздники и досады на русских солдат, которые эти праздники проигнорировали.

Раздел продолжается письмами, написанными из районов, освобожденных Красной армией, письмами в Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию зверств, чинимых фашистскими захватчиками, письмом Клавдии Борковой мужу и письмом Ольги Малиновской подруге. Эти письма поднимают сложнейшие и болезненные вопросы о коллаборации во время немецкой оккупации — вопросы, которые в российском обществе еще только предстоит обсудить. Алексей Майфет горько пишет брату: «Вася, когда отступали русские полицейские, то хуже делали немца». «Били нас не немцы, а казаки и пленные, которые продались немцам», — пишет Клавдия Бровкова мужу. Те же мотивы видны из горького письма Ольги Малиновской подруге: «Полицай Сатин Михаил Левкович забрал кровать, а остальное забрал начальник полиции района Сокальский и Пустовой». Последнее письмо также поднимает вопросы доверия, крайне остро вставшие в послеоккупационное время. Малиновская пишет: «Скажу Вам одно, что честным и живым человеком оказалась Шосталь Мария Васильевна, она директор детдома Юзеровского. У нее я ночевала две ночи. И пишите ей о всем... Пишите учителям только тем которых я вам укажу».

Заканчивается раздел *третьим блоком* писем, написанных во время двух Чеченских войн, которые вела уже Российская Федерация: письмами Виталия Зайцева с Первой и письмами Сергея Матвеева родным со Второй Чеченской войны. Оба солдата погибли в Чечне. В более подробно представленной коллекции писем Виталия Зайцева видны тяжелейшие, граничащие с нечеловеческими условия службы в российской армии во время Первой Чеченской войны. Зайцев пишет о коррупции, о сложностях получить увольнительную, об ужасах дедовщины, о несъедобной пище («А то здесь так кормят, что если бы наш Шарик зашел бы в нашу столовую и ему насыпали эту еду, то он бы подумал, что лучше умереть с голоду, чем это дерьмо жрать»). Зайцев сообщает о многочисленных трениях на национальной почве и размышляет о дезертирстве из нечеловеческих условий части.

Однако письма Зайцева особенно показательны не только картиной условий армейской жизни 1990-х годов, но и яркой динамикой развития его отношений к войне. На примере писем Зайцева мы видим не только преломление войны в ключе тягостной повседневности, но и постоянную эволюцию человека войны. Тон писем Зайцева меняется от письма к письму, он становится жестче, и отношение его к армии эволюционирует — от полного ее неприятия до полной идентификации с ней. «Знаете, кроме как в армии, так много друзей (как братьев) и не найдешь. Пообещали друг другу, что после армии обязательно где-нибудь встретимся 12 человек», — пишет он 24 июля 1996 г., за месяц с небольшим до своей гибели.

При всем своем многообразии письма, представленные в данной главе, показывают глубокую тягостность военного опыта, превращающегося в повседневность. Этот опыт заставляет участников войны забыть ее и все те «несчастья и несчастья», которые и являются военной повседневностью. «Питаю надежду, что получу увольнение, так как хотел бы однажды хоть на минутку забыть про это все и иметь немножко покоя», — пишет Нестор Калужняцкий в 1916 г., и ему вторит Виталий Зайцев в 1995 г.: «Мне очень хочется просто отсюда уехать», — пишет он, в каждом письме рассказывая о тоске по дому и тяжести повседневного военного опыта.

Письма, представленные в настоящей главе, помогают понять войну именно с этой, чрезвычайно важной точки зрения, которая часто остается в тени рассказов о геройстве и сражениях, о передвижениях армий, о захватах и потерях территорий, наконец, о поводах, причинах и последствиях войн — словом, в тени всего того, во что превращает реальный военный опыт поверхностная военная история и сопутствующая ей мифология.

Зиновий Рожественский: «ВСЕ ВЕДЬ К ОДНОЙ СВОЕЙ РАЗВЯЗКЕ РОКОВЫМ ПУТЕМ НАПРАВЛЯЕТСЯ» (1904—1905)

Зиновий Петрович Рожественский (1848—1909) посвятил свою жизнь карьере во флоте, куда он пришел после окончания Морского кадетского корпуса и Петербургской Михайловской артиллерийской академии. В 1904 г. был произведен в вице-адмиралы, перед Русско-японской войной получил должность начальника Главного морского штаба, а в апреле 1904 г. в качестве командующего Второй Тихоокеанской эскадрой получил задачу перехода из Балтики в Тихий океан (в обход Африки) для сражения с японским флотом. Переход продолжался более полугода с октября 1904 г. по май 1905 г.; в течение всего этого времени Рожественский посылал с оказиями письма жене, часть которых приводится в данной выборке. 14 мая 1905 г. Вторая Тихоокеанская эскадра была атакована японским флотом и в ходе последовавшего Цусимского сражения уничтожена к следующему утру. Сам Рожественский попал в плен, после подписания Портсмутского мира вернулся в Петербург, где сначала продолжил работу в качестве начальника Главного морского штаба, но уже в феврале 1906 г. подал в отставку и настоял на привлечении себя к суду в результате негативного общественного резонанса Русско-японской войны, на котором просил для себя смертной казни, но был оправдан. Остаток жизни он прожил затворником и умер в Петербурге.

19 октября 1904 г.

Виго

Через несколько часов собираюсь уйти из Виго в Танжер и думаю, что удастся ограничиться стоянкою одного дня в Танжере. Но это будет зависеть исключительно от погоды. Ветерок, даже легкий из океана, дает большую волну; в открытой бухте нельзя будет грузить уголь, и придется ждать, пока стихнет, может быть неделю.

Ухожу очень угнетенный. Висит на шее эта гаагская Комиссия, будут волочить нас в грязи перед целым светом, заставят милостивого прощения просить, возьмут миллионы вознаграждения, а в конце концов, если дела так повернутся с нашим Порт-Артурским и Владивостокским флотом, что мы окажемся хоть чуточку по плечу японцам, англичане, наглумившиеся теперь над нами, станут открытою силою на сторону японцам. Дело это теперь совершенно выясняется. Я уверен, что англичане везде пойдут у нас по пятам, нисколько не справляясь, нравится ли нам такое положение и как мы его называем. Словом, положение пиковое. Теперь в глазах Европы они вполне правы так действовать, а между тем нет никакого сомнения, что они действовали бы совершенно также, если бы никакого Гульскаго инцидента не существовало, и с мнением Европы тогда бы не считались.

Ослабели мы все в корень, и с такою общею болезненною слабостью сумасбродному предприятию нашей преславутой 2-й эскадры трудно рассчитывать на авось даже.

Поживем увидим, а теперь поползем на кораблях, которые способны передвигаться в штиль не далее как на 1500 миль; будем голову ломать как перешагивать с ними станции в 2000 и 2300 миль длиною.

Ну, прощай, дорогая, будьте хоть вы все это время здоровы и благополучны, чтобы не прибавить своего горя к той горе, которую я чувствую на плечах.

Мне не хотелось так жаловаться тебе на судьбу свою, да совладать с собою не умею.

Крепко обнимаю и целую тебя и дочку. Передай всем моим и нашим мой сердечный привет.

Прощай, моя дорогая. Твой *З. Рожественский*

7 января 1905 г.

Мадагаскар

Вчера получил телеграммы, посланныя из Петербурга 1 января.

Телеграмма ..... кончается такъ: «жена, дочка и внучек здоровы» видишь какое чудное сердце у нашей .....[1]

Не веселые мы отжили праздники, а у вас там еще тяжелее жилось. Эскадра просрочила уж восемь дней отплытием Мадагаскара: сначала напутали нам из Петербурга, потом оказались задержанными в пути, также поручениями из Петербурга, вспомогательные крейсера: «Уралъ» и «Терекъ». Вовремя пришел только один из трех «Кубань». Теперь опоздавшие догружаются и надо надеяться, мы уйдем сейчас по окончании погрузки. Но уйдем в печальном виде. Фелькерзамовские броненосцы «Наваринъ» и «Сисой» разболтались в машинах и совсем износились котлами. Миноносцы обратились в полный хлам; если б не зазорно было изводить русскую публику сюрпризами, следовало бы все семь миноносцев бросить здесь разоруженными до конца войны. Только затем, чтоб отсрочить этот позор, я поведу их через Индийский океан на буксире, будут они, следовательно, большим тормозом для эскадры, без всякой надежды на исправление в пути, и значит в конце концов придется там их отправить в Сайгон, разоружиться рядом с Дианой. Я не хочу ждать здесь Добротворского и корабли, с ним идущие. Все эти калеки, которые, присоединившись к эскадре, не усилят ее, а скорее ослаблять, потому что им придется уделять снабжение, в котором и теперешний состав эскадры начинает чувствовать недостаток.

Я говорю с тобой все о том, что здесь наболело. Когда получишь это письмо, мои жалобы будут запоздавшими. Ты будешь уже знать вести, которые предусмотреть не трудно. Все ведь к одной своей развязке роковым путем направляется. Чувствую, как вы там будете волноваться, и могу утешить только одним напоминанием: всему приходит конец.

Письмо твое от 16 ноября получил накануне Нового года, с одним из наших вспомогательных крейсеров, а письмо твое и Лелино от 11 ноября, которые вы

[1] Здесь и далее — пропуски, касающиеся высшего руководящего состава, сделаны военной цензурой.

послали с Гинцбургом, получены здесь с обыкновенно французскою почтой 4 января в один день с твоею телеграммой, которая таким образом была в пути восемь дней, и доставлена тоже на рейсовом пароходе из Диего Суарец. Гинцбург, как видишь, надул вас. С мясом его вышла большая неприятность. Пароход рефрежиратор «Эсперансъ» им купленный на имя какого-то француза плавает под французским флагом и укомплектован отъявленными негодяями. Нанятые на год, и имея по контракту обезпеченное жалованье в течение этого года, они совсем не хотят плавать и устраивать сюрпризы, вроде поломки частей машин — и все выходит нечаянно по недосмотру и причисляется к неизбежным на море случайностям. На днях они поломали машину рефрежиратора, охлаждение камер остановилось, мясо тотчас оттаяло, сгнило и 30 000 пудов пришлось выбросить за борт. Все офицерские кают-компании, и моя в том числе, понадеялись на «Эсперанс», который брал безбожныя цены за гадость и теперь остались без запасов. Все частные рестораторы сбежали из Диего Суарец (т.е. Носи Бе), чувствую, что, как только мы тронемся от берега, придется сесть на солонинку, но что и той хватит не на долго. Кронштадт торопился и так насолил, что половина сгнила. Это я пишу тебе однако не для всеобщаго сведения. Когда я собирался в путь, то добрый Федор Карлович, слушая доклад своего Главнаго Управления Кораблестроения и Снабжения, поражался, куда это я набираю уйму всяких запасов. Шесть недель задержали заготовки и заказы, все поражались, охали и урезывали цифры, полученные по простым арифметическим правилам, а не по тем «положениям», которые составлены для неплавающего флота. Кое-что им удалось урезать, но не много, и вот мы прошли полпути и почти досуха издержались, расходуя все строго по положениям о неплавающем флоте. Когда ты получишь это письмо, тебе будет уже известно, как мы вышли из этого положения.

Только потому я и пишу тебе про сегодняшние свои тревоги. Тебя они волновать не должны, как давно прошедшие. Целую крепко тебя, дочку, внука и шлю привет всем присным.

Твой всем сердцем З.Р.

7 января 1905 г.

Только что стряслась над нами крупная неприятность. Немцы изменили в самый решительный момент. Не хотят дальше идти с углем. Японцы ли их подкупили или свой запрет дали, чтоб нам свинью подложить, нам в обоих случаях приходится очень туго. Ума не приложу, как выкрутиться, в особенности с Федором Карловичем, которого канцелярия скушала совершенно. Он, конечно, не прочь будет заняться нашим делом, но вместо того, чтоб энергично повернуть его и в два дня разослать новыя заказы, он будет справочные бумаги неделями писать. А нам всякая задержка здесь гибельна, дает японцам делать широкие приготовления. Сами попадаем в период ураганов, которые могут истребить половину наших судов без всякого участия японцев.

Злой рок тяготеет над русским флотом. Не мешайся в дело наш Штаб, не настрой он панически наши дипломатическия канцелярии, не кричи так на всех перекрестках, не посылай сотни совершенно безполезных, шифрованных телеграмм, мы не имели бы никаких затруднений и уж десять дней тому назад тронулись бы в дальнейший путь.

Не знаю, что будет дальше, а теперь позорно стоит дело и все мы чувствуем себя куда хуже, чем по поводу пресловутого Гульского инцидента. Послал самые энергичные воззвания в Петербург. Неужели не шевельнутся. Но если и шевельнутся, то ответа здесь на телеграммы надо ждать десять дней. А теперь каждый так страшно дорог.

Прощай дорогая. Целую тебя крепко.

Твой З. Рожественский

17 января 1905 г.

Нози-Бе

Я должен был в день твоего рождения быть уже по ту сторону Индейского океана, а проклятая канцелярия держит и не знаю сколько продержит еще. Теперь вероятно на меня уже валят причину сидения. Я донес, что немцы-угольщики отказались везти дальше уголь для эскадры, доставленный ими на Мадагаскар. Но, донеся об этом, я просил либо немедленно принудить их исполнять котракт, либо бросить и телеграммами заказать уголь в двух местах, предваряя что мне надо только знать, что дело так или иначе направлено, что этот ответ мне нужен тотчас же, что я должен идти безотлагательно, чтоб не погубить своего дела, что идти совсем готов, и вот двенадцать дней — телеграммы о посторонних вещах и никакого ответа.

На эскадру это производит удручающее впечатление. С каждым днем труднее держать в руках. Был уже такой случай, из котораго не легко было выпутаться. Стоя здесь уже ровно месяц, мы себя бесполезно сьедаем без всякой возможности возобновить даже запас провизии, потому что Мадагаскар далек от всех торговых больших центров. Кроме мяса, которое в изобилии, ничего нельзя достать, ни муки, ни крупы, ни масла, ни овощей. Через две недели еще мы все свое проедим и тогда не с чем переплыть Океан. Все это я разсчитывал начиная с завтрашнего дня получать уже из Батавии (на Яве) от голландцев через наших агентов.

Ах, ... Все мнят честными работниками и тем честнее, чем больше бумаги изведут, чем больше живого дела перепакостят.

Я послал шестого января .... две телеграммы. До сих пор никакого ответа. А запрещение мне двигаться дальше до распоряжений прислано по Высочайшему повелению. Неужели это все бедный Кладо мозги петербургские перепутал. Неужели им не ясно, что чем многочисленнее сброд всякой сволочи, тем невозможнее им управиться, тем больше шансов бить эту сволочь по частям, там где эти части будут отваливаться по разным неладам.

Все же у меня теперь какая ни на есть сила, люди друг друга познали. Мы можем не одолеть японцев, но и они нас разбить не могут. За что все это губится. Я понимаю, что .... теперь всеми мыслями ушел в дело внутренних безпорядков, но клика-то министерская, как смеет она разрушать так трудно добытое.

Кого из них увидишь, скажи всем от меня, что нет в русском языке таких дурных слов, которых бы я не посылал по их адресу.

Сегодня, празднуя день твоего рождения, заказал получше обед и пирог. Пирог пришлось заказать ресторатору добровольнаго флота. Ну, а остальное домашнего изготовления, все очень плохо. Мы давно имеем за обедом только

два блюда. Никаких блюд, где нужно яйцо, делать не можем. Консервы зелени на исходе, а на всем острове не осталось ни единой картофелины. Но это пустяки. Офицерский стол меня не заботит.

Вот когда команде нечего будет есть, тогда ложись и помирай от позора, ибо придется сидеть здесь и ждать подвоза муки, крупы, капусты, солонины, а это пахнет двумя, тремя месяцами. Ну, прощай, моя дорогая; всему приходит конец и всякому подлому положению.

Крепко обнимаю и целую тебя, дочку и внучка.

Ваш всей душой З.Р.

20 февраля 1905 г.

Носси Бе.

Вчера получил твое письмо от 22 янв., а завтра имею возможность послать это. Прости меня, Бога ради, что огорчил тебя, разстроив поездку за границу. Из этого письма вижу, что планировала ты, а мне думалось, что это доктора сбили Лелю. Мне, конечно, трудно доказать, что ты сама была бы больше всех мученицей, если б поездка эта состоялась, но сам я в этом глубоко убежден и за тебя особенно рад, что фактических доказательств моей правоты не будет. Помимо же всех тягот обстановки для русскаго человека за границей при нынешнем несчастии России, Ты особенно страдала бы отсутствием точных известий отсюда, да и я бы растерялся с адресами и потерял бы всякую возможность давать о себе вести. В особенности на дальнейшем пути было бы трудно дознаться, где вы, потому что сами мы обречены скитаться по местам, вне телеграфных линий и посылать письма будем только с окказиями. Положим, можно было бы адресоввть хоть С.И. Зилоти с просьбою пересылать вам и задержка была бы только в три, четыре дня, а все же это тоскливо. Ты получишь это письмо 19 или 20 марта; и если до того времени не будет известий об эскадре, то знай, что это хороший знак. Это значить будет, что мы двигаемся и что не было никаких несчастий, которыя заставили нас уклониться с пути и забежать в промежуточный порт для отсылки извещений. Дело в том, что с сорока кораблями, в числе которых половина не военных, нельзя двигаться быстро. Каждый день будет пять, шесть остановок, да дней десять в сложности пойдет на погрузку угля в море, что ужасно трудно, копотно и ненадежно. Последние каблеграммы донесли сюда тяжелые известия о новых поражениях, которые мы понесли на обоих флангах армии Куропаткина, о движениях японцев на Владивосток, где у нас ничтожное количество войск.

Впрочем, надо подождать критиковать: может быть, на днях ты услышишь и по моему адресу — подлец и мерзавец.

Не особенно этому верь, скажи им, что я ни то ни другое, а просто человек, не обладающий нужными данными, чтобы справиться с задачею. Я даже думаю, что не дай Бог со мною что приключится, остальные мои адмиралы еще плоше справятся с этою задачею, и прошу заблаговременно прислать Чухнина, чтоб, чего доброго не оставить эскадру в безначалии. Дмитрий Густавович Фелькерзам хоть и умница, но не подходит для вполне самостоятельных действий. Хочу, чтоб Чухнин в Порт-Саиде сел к Небогатову и дополз до 2-й эскадры, которую,

если до того времени не одолеют японцы, будет полезно назвать не эскадрой, а флотом и поручить старшему командованию. Я в таком случае с охотой останусь в подчиненной роли и буду себя покойно чувствовать. А что за безобразия творятся у вас в Петербурге и в весях Европейской России. Миндальничанье во время войны до добра не доведет. Это именно пора, в которую следует держать все в кулаках и кулаки самые в полной готовности к действию, а у вас все головы потеряли и бобы разводят. Теперь именно надо войском все задушить и всем вольностям конец положить: запретить стачки самые благонамеренные и душить без милосердия главарей.

Тебе, впрочем, беседа об этом надоела и в Петербурге. Из Носси Бе она совсем неуместна.

А так как теперь 3-й час ночи с 19-го на 20-е, то я кончаю и прошу тебя верить, что был бы бесконечно счастлив сию минуту перенестись туда, где ты теперь если не возишься с внуком, то спать идти собираешься. За невозможностью такого перелета — целую тебя отсюда и прошу все-таки поджидать меня.

До свидания, твой З.Р.

31 марта 1905 г.

Со вчерашнего дня тебе уже известно, что мы добрались в южнокитайское море и заняты теперь рассчетами, когда японцы начнут бить нас и когда и где они могут перехватить и разбить Небогатова. Когда все это совершится, то К..... будет торжествовать и напечатает во всеобщее сведение, что сбылось все то, что он предсказывал, напомнит, что азбучная истина гласит: «в единении сила»; а эти-де дураки сунулись порознь и конечно были разбиты.

Ну, пусть распнутся хоть будущие критики — а теперь мне не хочется об этом писать, вероятно потому, что не могу отделаться от этих дум.

Устал. Шестой месяц тропической жары — а ты знаешь, как плохо я переношу даже Петербургское лето. Без двух дней месяц плавания сам сорок пять. С каждым приключения, с некоторыми по двенадцати приключений за плавание. Непрерывные остановки и всегда в такое время, когда остановка больше всего тяжела. Днем глаз не сомкнешь от адской температуры. Ночью, в особенности последние дней восемь, напряженное внимание. Жил в плетеном кресле на мостике. Стоило закрыть глаза, начинался кошмар самый неподходящий к обстановке. Просыпаешься — кажется, что часы должны были пройти, чтобы столько тяжелых и длинных сложных снов насмотреться; смотришь на стрелки, прошло пять минут, а уйти с мостика нельзя. Все точно так же утомились, а молодость и без утомления падка до сна. Покажи им пример — все свалятся и всякий сторожевой службе наступит конец. Не хотел тебе писать о печалях своих, да вот видишь как оне неотвязны. Сегодня от Штегнера получил телеграмму, которая прибыла в Носси Бе после ухода эскадры и догнала меня на германском угольщике, о Владимире Федоровиче. Счастлив был на минуту — знать, что у вас на время отлегло на сердце.

Теперь уж весна у вас вступила в свои права. Как ни суетно время, как ни тяжело на душе, надо пользоваться весенними погодами. Катаетесь ли вы на острова; или маленький Коля отнял все время. Поискать надо няньку, есть ведь

очень хорошия. Пожалуй, и лучше, что теперь я не с вами. Пожалуй бы режим ваш не одобрял, спорил бы и ссорился. Нет, не думаю. Я очень постарел. Был бы дедом добродушным. И тянет же меня домой! как давно не помню. И так мало надежды, что эта пытка кончится скоро. А нужен исход, хоть самый плачевный. Все чувствуют себя в каких-то тисках. Я считаю, что продолжение военных действий выразится все возрастающими по степени позора катастрофами, — и в конце концов мир будет заключен самый постыдный. И все оттого, что мы, возмечтав о себе, свою российскую науку в ход пустили, по всем частям и учителей своих немцев за двери слишком рано вытолкали. Надо вернуться к ним, надо посылать учиться к ним, надо звать их к себе для порядка. Без них и пресловутый земский собор будет только смешное позорище. Мне попадаются русския газеты, спущенные с цепи. Я вырезал до десятка передовых статей: одна как другая и знаешь, что в них особенного: все повторяют слово в слово «вот, мы газеты теперь с цепи спущены, но дудки, этим нас не умаслишь. Разобьем основы бюрократизма, самодержавия и тогда заговорим умныя речи».

И хоть бы в одной статье действительно речи — намек на мысли: ничего кроме *введения*. В доброе старое время нас учили, что в каждом сочинении должно быть: *введение, изложение, довод и заключение*, а теперь пишут только одни *введения*. Очевидно, с цепи-то спущены такие писаки, у которых в башке никаких положений не гнездится.

Однако я надоел тебе пустыми речами — введениями. Отрываю пол-листика, иначе письмо в конверт не положить. О тех, кого знаешь, ничего утешительного рассказать не могу. Филипповский с трудом глотает одну размазню, отощал, скелет остался; один доктор говорит — нервы, другой — саркома. Колонга я извел в конец — случается, плачет.

Осипова и Деливрова я почти не вижу — они на других кораблях, а я по своему-то едва двигаюсь. Молодежь, флаг-офицеры дышат еще, но не громко. Леонтьев, кажется, с ума сойдет — дни и ночи напролет сидит в будке беспроволочного телеграфа, в 40° Реомюра, старается направить это дело указаниями на все суда. Дело не клеится, а у него все больше таращатся глаза, того гляди рехнется от натуги.

Видишь, как все невесело. Не хочу тебе больше душу выматывать. Прощай, моя дорогая. Целую тебя и прошу поберечься, а тоску, что нагнал, — сбросить скорей.

Прощай, Леля.

Еще раз обнимаю.

Твой всей душой З.Р.

12/25 сентября 1905 г.

Киото.

Дорогая моя Леля.

Уезжает отсюда Николай Иванович Небогатов, и это дает мне возможность писать тебе письмо, которое не будут ни копировать, ни подвергать цензуре; но к сожалению, я узнал поздно об его отъезде и время пришлось целиком потратить на переписку части рапорта моего морскому министру о бое. Это теперь

сделано. Переписана 1-я часть — переход от Аннама и начало боя, т.е. все то, в чем я сам свидетель и руководитель. Большие же подробности, собранныя мною от всех, с кем пришлось видеться, я еще не посылаю, так как не имею возможности проверить или согласовать разноречия, пока нахожусь в плену. Николай Иванович Небогатов сам не собирается идти к Алексею Алексеевичу Бирилеву, а отошлет к тебе конверт с моим рапортом и это письмо.

Если ты не успеешь спросить у посланного, где живет в Петербурге Николай Иванович, то адрес его можешь узнать у адмирала Гильтебрандта в главном Гидрографическом управлении. Они большие друзья.

Постарайся пригласить к себе Николая Николаевича в самый день получения этого письма. Он очень хочет тебя видеть и, конечно, расскажет все, что я на этот раз не успею написать тебе о нашем поражении и о всех последующих обстоятельствах нашего здесь проживания.

Рапорт же этот передай либо самому Алексею Алексеевичу, либо кому-либо из штабного начальства: адмиралу Нидермиллеру, адмиралу Вирениусу, либо Сергею Ильичу Зилоти, если он захочет быть добр передать рапорт в руки Алексею Алексеевичу.

Я очень жалею, что ты до переезда на дачу не очистила казенную квартиру. Жалею, что моя о том к тебе телеграмма была положена ..... и вследствие этого последовало приказание не шевелиться.

Теперь Алексей Алексеевич, видимо, страшно недоволен отсутствием намеченного им вероятного начальника Главного морского штаба. Я заключаю это из тона телеграммы, в которой он спрашивал, здоров ли я и считаю ли я себя способным работать впредь при тяжелых условиях. Я ответил, что здоров, но что дальнейшая служба моя находится в его распоряжении, как министра. А главное-то дело в том, что быть начальником Главного морского штаба при условиях, в которых я мог бы оказаться по возвращении, очень тяжело. Всякий самый малокомпетентный человек будет считать себя вправе бросить мне в лицо Цусимский погром и мое, на его взгляд, полное невежество в военно-морском деле. Вижу, что такими же чувствами проникнут и Алексей Алексеевич, хоть он, разумеется, не компетентный судья.

С другой стороны, накопилась масса вопросов, программ для разработки, для практики на кораблях, для подготовки в мирное время, что уйти со всем этим на покой стыдно.

Ну, до свидания пока.

Целую тебя крепко, жду не дождусь возвращения.

Дочку, внука, всех наших целую, желаю всего лучшего.

Твой З. Рожественский

Александр Маслов: «НАДОЕЛА ЭТА МАНЬЧЖУРИЯ» (1904—1905)

Александр Алексеевич Маслов родился между 1870 и 1875 гг. в семье оренбургских казаков. В 1904 г. был призван на службу в 10-й Оренбургский казачий полк для участия в Русско-японской войне, откуда регулярно писал письма домой. Эта переписка и приводится ниже. Умер в 1932 г.

27 сентября 1904 г.

Здравствуйте, дорогие мои мамонька, братцы и сестрицы, племянники и племянницы. Вот пришли мы опять в город Тунхасян, повидались с Николаем. Не знаю, долго или нет простоим здесь. Нас причислили к шестому корпусу и, наверное, как говорят, уйдем между Мукденом и Харбином. Весь наш полк, наша сотня ушла в наступление из Хунжасяну на Пендижан. Из Пендижана, говорят, японца вышибли и ушли на Зайчан. В Зайчане, говорят, все ихнее войско собралось, не знаю, насколько правда, говорят, и Куроки тут же. А я отстал от сотни потому, что заболел. Ну-с прощайте, братцы, остаюсь жив и здоров, шлю всем родным и знакомым по низкому поклону. Васе с детками низко кланяюсь, мамоньке и всем старухам.

А. Маслов

Здравствуйте, дорогие мои мамонька, братцы и сестры, племянники и племянницы.

Находимся мы в городе Тунхасяне. Одна полусотня у нас ушла в отряд, а мы остались пешие да без седел. Но когда мы провожали своих товарищей, когда мы стали прощаться с Афонасием Андреевичем, то обои не могли протерпеть, чтобы не сплакнуть. Но и так было мне скучно, когда я их проводил. Легче бы было уйти с ними, но одно только, что я пеший. Но вскоре пришел штаб полка к нам, и мы чуть свиделись с Александром. И не знаю, мы долго или нет пробудем в том городе. Но вот что, братцы, и ты, мамонька, писем от вас совсем не получал, а Александре получил уже пять писем, а я совсем ни одного от вас. И хоть бы в Александровом письме прописали чего-нибудь, а то я не знаю, каков у вас урожай, как вы живете. Хорошо бы было, если бы мы были вместе со своими, все-таки как бы то ни было повеселее. Иван Иванович ушел также с сотней. Охота написать бы побольше, но совсем нечего писать. Ваня, наверное, уже большой вырос. Из Хунжасяна ездили четвертой сотни 20 человек и наткнулись на японский штаб, зашли им в тыл и напугали их здорово. Отбили 5 фунфузских[1] лошадей и полторы тысячи денег, сколько-то было английских денег, потому, наверное,

[1] Фунфузы, или хунхузы, — маньчжурские бандиты, как правило, этнические китайцы. (*Прим. Д. Мордвинова.*)

Англия им помогает. У японцев в штабе больше ребятишек, а в обозе женщины. Прощайте, поклонитесь крестной и Тимофею Захаровичу, тестю и теще, Наталье и всем Кудашевым. Ходим мы здесь грязные, вшей хоть лопатой загребай.

А. Маслов

19 декабря 1904 г.

Здравствуй, братчик Акиша.

Письмо от 18 ноября и открытку я получил. Спасибо тебе, Вася, шлешь мне рубашку, я теперь одежкой богатый, не знаю, куда буду ее класть. Передай, Вася, тестю большое спасибо за посланный им рубль, хотя я еще не получил, но, наверное, получу, если буду жив. Лотерейный лист я услал, номер с него снял.

Вот, братчики, спасибо вам, что написали, хотя и понемногу, но все. Очень-очень я етому доволен и шлю большую благодарность и еще Кузьме Павловичу то же самое. Да, жалко, брат Акиша, трудно тебе живется, да потому, что выменял дом и, во-вторых, плохой урожай, а в-третьих, еще моя домашность пала на твою долю. Но Бог, может, как-нибудь поможет. Может, нельзя ли еще продать дров или лесу? Брат Паля, ты пишешь, что у тебя большой урон в скотине и, наверное, из молодых потерялась кобыла. Жалею, плохая и на тебя пала доля. Но прошу, брат, все-таки помочь моей семье насколько будет можно. Акише ведь трудно, пожалуйста, не оставьте моей просьбы. Спасибо мамонька, не забываешь награждать меня своим родительским благословением. Дай Бог тебе долгого века и не стареть бы тебе больше и дождаться меня домой. Но домой мы скоро не надеемся, что вырвемся отсюда, потому что победы нашей большой нет. Братчик Сема, прошу и тебя то же самое, помочь моей семье и поддержать мое хозяйство, ведь Акише шибко трудно, хотя будет и небольшая помощь. Вася, ты пишешь про кобыленку. Ета кобыленка будет шибко хорошая, если поправилась и не испортится. Гнедко подался ли немножко хоть в вышину или все такой маленький? Ну, прощайте, братцы, шлю вам всем с вашими семействами по пребольшущему поклону. Мамоньке, Васе с детками, шлю по низкому поклону. Получил от Вани и Лизы поклон.

Передайте почтение Ефиму и Сире, и крестной с Тимофеем Захаровичем. Целую деток много-много раз и прошу Вас поцеловать их за меня. И еще передайте почтение тестю и теще и пребольшущий поклон. Что же, Вася, ты не пишешь про старух и бабушку Аграфену? Передай им всем: бабушкам Катерине, Вере и Елене и Аграфене по низкому поклону. Сивко, боевой мой товарищ, жив и здоров, зову я его сынком Ваней. Ну, прощайте, братцы, мамонька и женушка, остаюсь жив и здоров. Александр Маслов. Не сердись, Вася, письма я получаю от вас в теперешнее время хорошо. Наш корпус сейчас числится артиллерийским для охранения или заграждения артиллерии. Корпус наш шестой.

Очень, братцы, я доволен, что вы написали все, шибко доволен, но Гриша почему-то не написал. Посылаю на показ пайзы и ковыльяну, посадите, ето будет в росте.

12 февраля 1905 г.

Здравствуй, моя лапочка, душечка, девочка.

Я от тебя получил два письма, одно вместе с Семиным, а другое с конвертом, писанное тобой 13 января. Ты, Вася, пишешь, что ездили с Гришей в Уйску и вы-

сватали Парасковью Васильевну, а чья она я не знаю. Ето опять-таки пропиши. И пишешь, что нам было трудно, но на то мы и рождены, чтобы служить государю и защищать свою родную землю. Да, Вася, если будем живы, то, наверное, будем ето помнить долго. Но плакать не нужно, слезами ничего не поможешь, надо просить Вышнего. Зачем же, Вася, ты скрываешь, что в Челябу ехать не собиралась. Крестная пишет, что Марья звала тебя в Челябу, но ты не поехала. Я против етого ничего не говорю. Я только подумал, что ты и Марья жаловались на нездоровье и хотели ехать лечиться. Я против етого ничего не имею, а даже желаю, чтобы ты была здорова. Про посылки я писал даже не в одном письме, а в нескольких. Детишки пущай будут веселы, ты их не вынуждай, чтобы они печалились, а развлекай, что папа скоро приедет. Ваня и Лиза, меня машина увезла, машина и привезет. Скоро, детки, я к вам приеду и привезу много-много гостинцев и расцелую вас. Сема, ты пишешь, что наблюдающий похвалил учеников, но, а ты, сынок, как отличился, ничего не прописал. Старайся, милой, учись. Ты купил, говоришь, карты. Их надо держать в руках не всегда, а откидывать в сторонку. Не запрещаю, можешь и играть, но надо и учиться. Карты в люди не выведут. Вася, ты пишешь, что получаешь часто письма и очень довольна, а мне пишешь не очень часто. Но спасибо и за эти письма. Тебе, наверно, не до писем: работа, домашность, а у меня работы незавально. Отнесу службу и опять готов писать. И то казаки говорят: «Маслов опять пишет». Но я помалкиваю, думаю: «Не ваше дело». Шлю, Вася, я тебе большущее спасибо за твой такой большой поклон. Вася, насчет весны, ты проси моих братчиков. Они, думаю, не оставят тебя. А я попрошу их от себя. Сема пишет, что про Марью написано напрасно, но я думаю, что Паля не двух лет по-третьему, и никакой-нибудь олух, его не проведешь, как воробья на мякине. И шлю ему еще большущее спасибо, что он не скрывает. Хотя сделала бы это ты: «Вы будете гулять, а мы здесь за вас кровь проливать». Нет, мы — мужчины, а почему-то про ети пустяки и думать не хотим, а могли бы во всякое время, но не желаем того. Спасибо Пале и еще прошу не скрывать никаких глупостей. Передай, Вася, крестной, что сухари, которые она посылала, я не получил. Не знаю, где завалились. Прошу, помолитесь как обо мне, так и об Акише. Да дай ему Господи скорого выздоровления. Передай, Вася, всем моим братчикам и сестрам по низкому поклону. Мамоньке шлю пребольшущий поклон и всем старухам низко кланяюсь. Передай почтение крестной и Тимофею Захаровичу с ихним семейством.

20 апреля 1905 г.

Здравствуй, Вася.

Христос Воскрес. Христос Воскрес. Христос Воскрес.

Васенька, карточку вторую я от вас получил 20 апреля, за которую душевно благодарю. На етой карточке-ты вышла хорошо, да и все хорошо, но Сема что-то тошчий. Письмо, писанное Петром Кудашевым, но ты почему-то ничего не написала. Я на ето обиделся. Старую карточку я теперь вышлю, назад, а ету посажу в рамки. Я очень доволен, что ты пишешь сама, и рад твоему письму, когда получаю. Как, Васенька, идут ваши дела домашние обстоятельства — это мне шибко бы хотелось знать, что и как у вас делается. Мои дела идут, Слава

Богу, своим чередом, день за день ближе к дому. Но служба неизвестная, когда отслужим — ето дело не узнаешь. Может, служба наша кончится через неделю, а может, и через год. Но думаем, что долго протянуться война не должна. Ну, прощайте, Васенька, будь здорова. Желаю Вам с детками доброго здоровья и долгого века. Целую вас множество раз. Шлю мамоньке пребольшущий поклон, и дождаться меня домой. Передай почтение всем моим братчикам, сестрицам, племянникам и племянницам и всем старухам: бабушкам Катерине, Вере, Елене, Аграфене и тетушке Матрене.

Прощайте, милые, будьте здоровы. Не замедлю, скоро напишу письмо, пишите ответы.

Любящий вас Александр Маслов

19 мая 1905 г.

Здравствуй, Маша.

Письмо твое от 25 апреля я получил 19 мая, за которое сердечно благодарю, что ты меня не забыла. Я думал, что Акиша помер, так и не дождусь от тебя весточку, но дождался и очень далее рад был, что он жив. Я письма получал часто и все хорошо знал, что делается у нас в Масловке, но сейчас не то. Да, Маша, верю: не очень-то тебе сейчас хорошо и жалею, но ничего не поделаю. Маша, надо просить деверей Палю и Гришу, все может немножко кое-чем и помогут, что же поделаешь. Но и я, Маша, выйду даст Господь веку и здоровья, то не оставлю, чем могу постараюсь помочь. Жалкое положение, Маша, и отец у тебя в плохом положении, напала на него какая-то прорва. Жалко и его, старика, а то и он помог бы тебе побольше. Все несчастье и несчастье. Маша, передай от меня Гаврилу, своему работнику, прошу я его постараться в работе как-нибудь получше без хозяина. Но, Маша, Бог не без милости как-нибудь дела направятся. Надо жить поближе к братцам. И мое положение, Маша, незавидное. Хорошо, покуда живу в штабе, то думаю, что жив, но когда на позиции, то каждую минуту ждешь смерти, прилетит какая-нибудь дура и век, значит, кончился. Но на все Господь, все упование возлагаешь на Бога. Для нас, пеших, набрали лошадей, но еще не привели. Когда приведут, то мы отправимся в сотню. Маша, спрошу я тебя, ты жалуешься, что хлеба у тебя нет, зачем его продавали, ведь за дом [продолжение письма отсутствует].

30 июня 1905 г.

Здравствуй, сынок Сема.

Посылаю тебе гостинец английский кушачок. Носи и поминай папу. Я ево немножко носил. Прощай, сынок, будь здоров. Поцелуй, Сема, за меня бабоньку Аксинью и свою маму, Лизу и Ванюшку. Я когда приду домой, привезу Ванюшке бурки и Лизоньке башмаки.

Передайте почтение Тале, за посланную ей записку, и низенький поклончик бабушкам: Аграфене, Катерине, Вере и Елене. Прощайте, остаюсь, жив и здоров, чего и Вам душевно желаю.

Любящий вас А. Маслов

5 июля 1905 г.

Здравствуйте, дорогие мои мамонька, братчики и сестрицы, племянники и племянницы, Вася и детки.

Спешу уведомить вас о своем здоровье. Слава Богу, в настоящее время нахожусь жив и здоров, чего и Вам душевно желаю. Сообщаю вам: у нас здорово заговорили о мире и, наверное, он будет. В армии начинают бунтовать, солдаты идут на казаков, и друг на друга открывают огонь. На нашу 6-ю сотню из-за мира нападала пехота. Наши казаки подтравливают пехоту. Пехота всегда спрашивает у казаков: «Что, братцы, слышно о мире?» Наши казаки говорят: «Что вы, какой вам мир, надо воевать». Вот из-за етого и начинают бунтовать. Все, говорят, соглашаются на мир, а казаки нет. Но севодни, мыслимо ли, из стана пришло распоряжение остановить работу мостов и дорог. И у нас командер полка получил какой-то пакет, запечатанный сургучом, и тот же час прочитал и отправил в другие части, а сам взялся за исправление своих делов. Вот поетому-то и думаем, что решено заключить мир. Если будем живы-здоровы, то ждите вскоре домой. Ну прощайте, писать больше нечего. Новостей особенных нет. Да нам ничего больше и не нужно, а только поскорее бы домой, к родным. Надоела эта Маньчжурия. Сейчас иду обучать своего рыжего коня. Зерном не кормил я его трое суток, но отошчал еще плохо. Крепкий, шельма, и травы даже не даю, а кормлю (и то немного) чумизной сухой соломой. Прощайте, шлю вам мое глубочайшее почтение, и с любовью по низкому поклону передайте Маше с детками, Груше с семейством и всем вообще масловцам, всем старухам: бабушке Катерине, Вере, Елене, и маленькой Вере и бабушке Аграфене. Дай Бог им доброго здоровья. Ходили обучать Рыжка с Лукой и еще несколько казаков, разиков десять он со мной упал и разиков пять с Лукой. Но отбиться не мог, я все-таки опять сел и денек поездил. Бежит он хорошо, что бог даст дальше не знаю. Перемирие настоящее будем ждать числа 20-го: будет мир или дальше война. Но все думают, что, по всему видно, будет мир.

Любящий вас Александр Маслов

9 июля 1905 г.

Здравствуйте, дорогие мои родители, Сарапион Нефедович и Ульяна Павловна. Спешу уведомить вас о своем здоровии. Слава Богу, в настоящее время нахожусь жив и здоров, чего и Вам душевно желаю от Господа Бога доброго здоровья. Письмо, писанное вами 5 июня, я получил севодни и с которого вижу, что вы, Слава Богу, живы и здоровы. Я нахожусь все еще при штабе полка. Коня мне дали рыжего, конь хороший. Раза, то есть дня два, на нем ездил, бегает хорошо, но когда садишься, человека четыре держат. Сядешь, начинает падать прямо на спину, и вот тут начинают его жарить палками. Сейчас падает меньше. Но сразу как сядешь, не можно заставить шагнуть вперед, но если раз шагнул, то, значит, пошел. Когда пойдет, то идет как старая, но вот знает вороти куда угодно, смела и смирна. Чистишь — не пошевелится. Рост около двух аршин, лет не более 7-ми. Лошадь, одним словом, хорошая, красивая, но она все-таки меня тешит. Ей, думаю, езда достается не так трудно, как мне. Все косточки у меня болят, но и ей хватает. В сотню меня заведующий не пускает потому, как мы находимся со знаменем и с денежным ящиком. Новостей у нас никаких не

предвидится, войска стоят, передвижений и наступлений нет. Ждем 20-е число, будет или мир или наступление, в газетах ничего не пишут, т.к. командующий армией запретил. Не знаю, что у вас есть или нет в газетах. И не знаю, как Бог положит мне обучить своего сынка, имя уже свое знает. Кричишь: «Сынок». Он поднимает голову и откликается, умна и хитра, шельма. Вам, наверное, не интересно пишу про своего коня, а я рад, что мне достался такой конь, а некоторым достались очень плохие скотины, да и писать совсем больше нечего. Прощайте, тятенька и мамонька, Галя и Кланя. От сего письма остаюсь жив и здоров. Жму вам руку, шлю привет. Бабушка Аграфена если у вас, то передайте ей от меня низенький поклонник. Любящий Вас ваш зять Александр Маслов. Собираемся все-таки домой, что Бог даст не знаю. Мамонька, прошу у тебя твое родительское благословение, которое могло бы меня хранить и миловать на службе царской в стране китайской. И прошу, мамонька, принять мое сыновное почтение и с любовью низкий поклон еще шлю миленьким моим деткам Семе, Лизе и Ване мое заочное родительское благословление, которое могло бы хранить и миловать по гроб вашей жизни. И желаю всего хорошего, а именно доброго здоровья на многие лета. Вася, что же ты не пишешь про Лизоньку, как у ней направились или нет рученьки, неужели ты про них писать забываешь — ведь ето довольно совестно. Вася, шлю я тебе большущий горячий поцелуй, смотри ожгет. Передай почтение бабушкам: Катерине, Вере, Елене и Аграфене и всем моим родным и знакомым с конца на конец Масловой, да еще заворотись.

Любящий Вас Александр Алексеевич Маслов

12 сентября 1905 г.

Здравствуйте, любезнейшие мои Тимофей Захарович, крестная Триша и Матрена Карповна.

Спешу уведомить вас о своем здоровье. Слава Богу, в настоящее время нахожусь, жив и здоров, чего и вам душевно желаю от господа Бога доброго здоровья. Крестная, я получил от тебя письмо, писанное неизвестно когда, но вижу по печати положенное 21 августа, и из которого вижу, что вы, слава Богу, все живы и здоровы, пишешь и заботишься об моем Рыжке. Но Рыжка у меня выдался хорошим конем, умна и мне по душе, прямо-таки огонь-лошадь, но служить мне с ней долго не пришлось, будем сдавать в казну всех коней. Но не жалко будет сдавать, как говорят за 150 рублей, но если за дешевую цену то будет жалко расставаться с таким конем, лихой конь-гудок, прямо птица, а не конь.

Ждите, крестная, домой. 17 сентября мы уйдем, наверное, со сторожовки, а 2 октября, как говорят, будем садиться на машину. Если так будет, то в конце октября приедем домой. Красные кресты уже все отправлены, очередь наша. Ну-с до свидания. Желаю Вам быть здоровыми, от сего письма остаюсь, жив и здоров, чего и вам душевно желаю.

Шлю Вам всем глубочайшее почтение и с любовью по низкому поклону.

Любящий А.А. Маслов

Федор Кисиль: «КУДА НИ ХОЖУ, БОГА ПРОШУ СОХРАНИТЬ МЕНЯ ОТ ВСЯКОГО ЗЛА» (1915)

Подробной биографической информации об авторе данного письма установить не удалось. Принадлежит военнослужащему австро-венгерской армии родом из Галиции, пишущему приходскому священнику.

18 сентября 1915 г.

Первые слова Слава Исусу Христу

Дорогой отче. Спасибо вам за ту карточку что от вас достал и очень обрадовался. И казалось мне, что как бы с вами свиделся. И очень вас прошу, отпишите мне еще хотя бы одну карточку. От того буде веселее. Потому что вы мне каждой ночью являетесь. И поздравляю Вас. Дорогой отче. И Ваши дети. Искренне Ваш. И прошу о отпись, Ваш бывший слуга и хозяин[1]. Я писал к Вам 3 карточки, а получил одну. И прошу написать, что слышно вокруг всех.

10 октября 1915 г.

Первые слова моего письма Слава Иисусу Христу, Дорогие отче. Осведомляюсь о вашем Милом Здоровью и поведенью. Я с милости Господа Бога здоров, ведется как обычно при войску. А хотел бы узнать о вашем милом здоровью. Я писал к вам 3 карточки, А от вас я получил одну. Спасибо вам за ту одну карточку, так как бог знает, увижусь ли я еще с вами. Но я имею в Боге надежду, что Бог человека еще не погубит. Желаю Вам здоровья и Вашим Детям. И вашей целой семье. Так как я уже выезжаю в поле. А если будет способность, то напишите от вас, прошу. Ваш бывший хозяин. И поздравляйте Киянков от меня. Я желаю им здоровья. Как я не могу долго забыть, не знаю, жалеете ли вы за мной или как, потому как мне тяжело очень. И поздравляю и еще раз вас всех. До милого свидания.

Федор Кисиль

22 октября 1915 г.

Спасибо Вам за эту карточку, что вы мне написали, я уже от вас получил две карточки и очень красно благодарю за отпись. Я с милости Господа Бога здоров, ведется как обычно при войску. Очень радуюсь тем, что вы здоровые, и желаю вам здоровья, и вашим детям, и вашей всей семье. Где я теперь-то, очень много хлеба пропадает. Поле еще не жатое. Ваш бывший хозяин.

28 октября 1915 г.

Первые слова Слава Иисусу Христу. Дорогой Отче, спасибо вам за то, что отписали, как я получил ту карточку, то очень обрадовался и хотел бы узнать

[1] «Господар», в значении — самостоятельный крестьянин, хозяин в приходе о. Пастернака.

какие суть слухи от Отца. И очень тем радуюсь, что все здоровы. И желаю вам здоровья. И вашим Детям. И вашей целой Родне. А я вас не могу забыть, и всегда на сердце мне, и прошу о отпись, ваш бывший слуга и хозяин Теодор Кисиль.

27 марта 1915 г.

[Цветная открытка с солдатом, пишущим письмо. На столе у него елка, перед столом печка. Надпись: «1915».]

Дорогие отче, доношу Вам ведомость, что я мобилизован с поля. Поздравляю вас и ваши дети и вашу всю родню, может я еще буду на увольнительном, то я буду у вас, так как я теперь еду в кадру через Львов из Буковины. Я напишу к вам из кадры и дам вам адрес.

2 апреля 1916 г.

Дорогие отче, узнаю о вашем милом здоровью и поведению, я милостью Господа Бога здоров, теперь я в кадре, просил увольнительное, но не хотели дать и трудно увидеться, хотели меня направить в унтер-офицерскую школу[1], но я не хотел идти, дорогие отче, прошу написать мне дома ли Петро... Киянки или пошли до войска, я писал к Киянке, но совсем ничего не отписали, дорогой отче, веснуете ли уже? Так что прошу написать мне, я писал с дороги к вам, получили ли карточку, дорогие отче? Поздравляю вас и ваши дети и вашу всю родню и поздравьте от меня пономариху.

Я вас не могу забыть, так как вы мне как раз радость прислали иконку.

31 мая 1916 г.

Дорогие Отче, пишу... Слава Иисусу Христу. Осведомляюсь о вашем милом здоровье и доношу вам ведомость, что я жив, я спасибо богу здоров, ведется как обычно при войску, а хотел бы узнать о вашем здоровью и что слышать вокруг вам, здоровы ли, обвеснували[2] ли, это прошу написать чем скорее и не гневайтесь, что я так долго не писал, и поздравляю вас и ваших детей и вашу родню. Я теперь около коней.

27 июля 1916 г.

Дорогие отче, первое слово Слава Иисусу Христу, осведомляюсь о вашем здоровье и поведении, с милости Господа Бога здоров, какого здоровья, живется мне как обычно в нынешнее время, а хотел бы узнать о вашем здоровье, покосили ли вы уже и жнете ли уж, дорогие отче, я вам отписал как я достал ту карточку получил, что меня огорчила, а я от вас от этого времени никакой ведомости не имел, а я тоже получил из дому карточку, что мой папа умерли, в увольнительном не был с тех пор как на войне, дорогие отче, я вас прошу отпишите мне, что слышно вокруг вас, а теперь поздравляю вас и ваших детей, и вашу родню, ваш бывший слуга.

[1] В оригинале «до шаржі школи».

[2] Закончили весенние работы.

Оригинал

Дорогі отче перше слово Слава ісусу христу довідуюсі о вашім здоровлю і поводзеню з ласкі пана бога здоров якого здоровла поводзене як звикли нинішного часу а хтів бим дові да тисі о ва шім здоровлу чисти юж по косили і чиж нети юж дорогі отче я вам вітписав як я дістав тую картку утримав шчо мине засмутила а я віт вас віт того часу жодної відомости ни мав а я також дістав з дому картку шчо ми тато помер ли на орлюпі ни був віт коли на вой ні дорогі отче я вас прошу вітпишіт мині шчо чувати коло вас а типир поздоровляю вас і ваші діти і вашу родину ваш дав слуга.

31 октября 1916 г.

Дорогой Отче, я карточку получил от вас, за которою вас красно благодарю, как я получил ту карточку, то я очень радовался, так если бы увиделся с вами, очень меня то радует, что вы здоровы и ваши дети и вся родня. Дорогие отче, вокруг меня нет ничего нового, я спасибо богу здоров до этого времени и дай боже так до конца войны, чтоб меня бог хранил от всякого зла. Дорогой Отче, мне снится, что я всегда есть в Зиболках, я не могу знать, что это значит, все время, что я на войне, то мне всегда снятся Дорогой Отец, я теперь, кажется, иду в увольнительное, правда еще не знаю когда, ей-богу нету что писать, только вас поздравляю и дети, и целую родню, и до милого свидания с вами, бывайте здоровы все, прошу об отпуске как будет спокойнее.

20 ноября 1916 г.

Дорогие Отче, отзываюсь к вам Слава Иисусу Христу. Дорогие Отче, я в увольнительном, но грустно мне есть, папочка мне умерли, разве что брат еще дома Василий, но кажется, что тоже пойдет в войско. Дорогие Отче в Рихтичах нет ничего нового, разве что уже девок зовут в войско, сына Михаила Левицкого нету, остался убитый у Золотой Липы[1]. Дорогие Отче, больше нету ничего писать. Только вас и поздравляю вместе с целой родней, до милого свидания с вами.

Перевод с украинского языка Андрия Заярнюка

[1] Золотая Липа — река в сегодняшней Тернопольской области, Украина. Место ожесточенных боев осенью 1916 г.

Нестор Калужняцкий: «УМИРАЮТ ЛЮДИ!» (1916)

Биографической информации об авторе письма установить не удалось. Имя отправителя: Нестор Калужняцкий, имя адресата: Александра Мацюрак, его тетя. Принадлежит военнослужащему австро-венгерской армии родом из Галиции.

30 марта 1916 г.

Дорогая тетушка,

карточку с грустной вестью, что Володя умер, получил я несколько дней назад. Прошу простить, что сразу не ответил, но в поле не всегда можно найти минуту свободного времени. Я об этом узнал немного раньше из «Дела»[1], да и мамочка тоже писали ко мне. Жаль молодой жизни! Должно быть, получил сильное воспаление. Но что ж делать, Божья воля! Не жаль бы было, если б хоть погиб на поле битвы, а так довелось ему умирать в спокойном краю.

Умирают люди! Почти каждый день узнаю, что кто-то из моих знакомых умер либо погиб от вражеской пули. Сначала это меня впечатляло, а теперь уже нет. Я смотрю в глаза смерти каждый день. Иногда как вспомню, где мои товарищи, то даже мороз пробирает, и невольно произношу слова благодарности для Господа Бога, что до сих пор хранил меня от всего злого. Из моих товарищей одни пали в боях, другие пропали бесследно, иные опять же калеками по больницам, а я все как-то еще держусь. Уже шестой месяц, как я здесь. Но прошло это как один день. Дома я не был уже 20 месяцев. Уже забыл я, как Папочка и Мамочка выглядят. Пишут ко мне часто — особенно Мамочка и хозяйничают понемногу, справляются сами как могут.

Вечно переживают за меня! В каждом письме прошу их, Мамочка, не переживайте из-за меня, я того не стою — не укорачивайте своих дней, — есть еще ради кого Вам жить, даже если я паду, да где там — пишет мне Леся, что вечно плачут, как только кто упомянет обо мне. Впрочем, спасибо Богу, что хоть здоровы и что более или меня идут у них дела.

Дазик[2] наш тоже в поле, на бессарабском фронте, недавно пошел — Папочка только что попал в призыв. Леся дома, Яна в Институте, мальчики тоже. Дядя Нестор пишет ко мне довольно часто; пишет, что хорошо у него идут дела — пишет, что никак не доберется в Галичину из-за эпидемии. Очень рад, что ему хорошо, так как он уже достаточно набедствовался, заслуживает уже немного покоя.

Очень мне жаль Юстина; ужас! Такой смертью погиб, а еще вспоминал меня! Хорошо, что я хоть этого не видел.

---

[1] «Дело» — самая известная ежедневная украинская газета Галичины.

[2] «Дазьо» в оригинале, уменьшительное от «Давид».

Перевязочная в лазарете фабрики Байер. Фото П. Павлова. (Альбом деятельности Московского городского управления по организации помощи больным и раненым воинам и семьям призванных, 1914—1915 гг. — М., 1916.)

Очень меня удивило, что учительница сбежала с москалями — куда ж она подевала своего маленького! А не знают ли тетушка чего о профессоре — где он вращается — и при каком полку служит. Я читал в списке потерь однажды о каком-то Билобраме, только не знаю он ли это.

Что еще говорила бабушка? Где была она во время войны и как ей велось? Слышал, что Мирон в Яворове[1]. Где Толик, в армии ли?

Прошу время от времени мне писать, буду очень благодарен! Тетушка не представляют, какую радость справляет мне каждая карточка, с дому ли, от родни или от знакомых. Я живу здесь как в изгнании! Родного слова никогда не слышу, дальше, дальше забуду как разговаривать по-нашему. Но зато уже научился я говорить на хорватском, так как в нашем полку одни хорваты. Живу от дня к дню и жду, чтоб прошло так еще пару дней к полным 6 месяцам, а питаю надежду, что получу увольнение, так как хотел бы однажды хоть на минутку забыть про это все и иметь немножко покоя.

Целую ручки и

Дядюшке целование ручек!

[подпись] Н.

Перевод с украинского языка Андрия Заярнюка

[1] Яворов — уездный город в Галичине, недалеко от Жолквы.

Григорий Горбач: «ВОКРУГ МЕНЯ БЕДА. ДА И ТОЛЬКО ТОГО ДОБРА, ЧТО НЕТ ЭТОМУ КОНЦА» (1915—1916)

Подробной биографической информации об авторе данного письма установить не удалось. Принадлежит военнослужащему австро-венгерской армии родом из Галиции, пишущему приходскому священнику.

10 июля 1915 г.

[Цветная открытка с Веной. Подписана: «Wien I. Innerer Burghog mit Wache Ablösung».]

Слава Ису Христу. С вены карточку послал потому как я со своим барином в увольнительном, барин получил увольнительное и я тоже достал с бригады, приехал в Вену да и дальше нельзя ехать, я полагал с вами всема встретиться даже вот написал, что приеду, я должен был быть дома перед петром[1] в понедельник, всем вам желаю здравствовать.

22 июля 1915 г.

[Открытка с парламентом в Вене, подпись: «Wien I. Parlament mit Franzensring».]

Вена

Осведомляюсь к вам этими словами

Слава Иисусу Христу

Пишу к вам, отче, несколько слово так как хотел бы знать о вас всех, здоровы ли, я здоров, которого здоровья для всех желаю от искреннего сердца, я есть в Вене, а на двадцать четвертое опять еду в поле, назад в роту, ко мне на поле feldpost 65, если изменится, то я напишу, поздравляю всех вместе, оставайтесь здоровы, дай боже увидеться.

10 ноября 1915 г.

Слава Иисусу Христу

Давно я уже писал карточку, как еще с кадры, я теперь в поле и пишу к вам отче духовный пару слов, что я здоров, которого здоровья желаю вам, отче, в вашем доме, челяди, которая остается дома, маю одну просьбу к вам и не знаю удастся ли она, меня из дома просят чтоб я приехал в увольнительное в каждой карточке, но здесь не так, что приезжай себе, я писал к ней чтобы просила вас, отче, чтобы сделать просьбу в министерство, то может бы отпустили, потому что едут в увольнительное те, кто были все время в поле, я б тоже хотел, но я не могу написать, к вам, отче, вот если бы может как получил увольнительное, чтобы хоть увиделся с вами всеми. Поздравляю вас искренне бесчисленные разы всех вместе.

[1] Церковный праздник святых Петра и Павла.

14 ноября 1915 г.

Слава Иисусу Христу. Я получил письмо Отче от вас, с которого узнал, что вы здоровы, я здоров, которого тоже здоровья всем желаю в вашем доме и всем нашим. Знакомых всех. Спасибо за иконку, что мне прислали, потому что я здесь в поле негде взять, даже если бы хотел купить, то не достать, и за это вам сердечное спасибо, что вы этим так трудились, чтобы я с вами там побыл на самые Божие праздники, пишу письмо да и в празднику даже не знаю, не знаю как это удастся, дай бог, чтобы мы увиделись хоть несколько дней, потому что мне так уже наскучило, это ведь уже шестнадцатый месяц, как я не знаю даже, как мое родное село выглядит, где я родился и крестился, а я теперь тут, где никогда отродясь не был, а куда еще надо будет идти, ведь не знаем, когда что будет и как.

Вокруг меня как обычно в поле боя, о том нечего писать, так как знаю, что не зайдет к вам, но мне теперь неплохо, спасибо Богу за его ласку, так как здоров, хоть пули и шрапнели да гранаты над головами летают, то все Божья воля, всегда уповаю на Бога, что Бог тем ведет в той нашей беде, которая есть теперь в мире. Поздравляю вас, отче, и всех в вашем доме, и также те свои, вас всех вместе искренне бесчисленные разы, хотел бы с вами увидеться всеми, не знаю, как будет, удастся ли нам свидеться, дай же боже нам как можно быстрее увидеться.

Гнетут, кстати, громы и молнии, уже пару дней дождь, а тут нехорошо в окопах[1] сидеть.

23 ноября 1915 г.

Слава Иисусу Христу

Недавно я отослал письмо к вам, отче, но не знал, что с этим случится, с увольнительным, а теперь уже знаю, что ничего с этого не будет, я за тот труд вам, отче, благодарю, что вы потрудились, я теперь при кадете за денщика, то, может, когда поеду, он то может, и тогда как-нибудь с ним — я здоров, которого здоровья желаю вам и всем в вашем доме, вокруг меня еще не очень холодно, так как тут в Италии не так холодно, как у нас, я тут уже третий месяц, еще не был никогда в доме не согрелся, только на поле в окопах вокруг меня как обычно на войне, беда, да и только того добра, что нет этому конца. Поздравляю Вас, отче, и всех ваших в доме сердечно бесчисленные разы, дай боже нам когда то свидеться в недолгом времени всем нам вместе.

23 февраля 1916 г.

Слава Иисусу Христу, я здоров, которого здоровья всем вам желаю от искреннего сердца, для вас всех, я на фронте, Бога благодарю, что здоров. Получил из дома письмо и карточку такую, что меня немного опечалила, что я не могу так домой написать этого, так как моя жена не умеет читать. Отче я тут к вам с большим поклоном, тех пару слов написала мне, чтобы я ей написал, что должен делать с тем. Она получила тысячу корон на содержание, а дома я знаю,

[1] В оригинале — в «декунках», от *нем.* Deckung.

что мои тесть и теща не такие, чтобы это задержать. Но они говорят, чтоб дала для них по сто рыньских, она мне писала, что должна с тем сделать. Я это не могу так ей написать, как и что должна сделать, я пишу к вам этих пару слова прошу ей сказать, чтобы она эти деньги на что ей надо, кушать ли или заплатить, так как она вынуждена этим добывать и кушать покупать, а они уздрели деньги и хотят использовать от нее, и уже бы не дали ей в мире жить, поэтому прошу ей сказать, что я здесь пишу, что она должна заботиться, чтоб имела что кушать с ними, а в руки им денег не давала. Так как она должна каждой вещью заботиться. А второе, что в кассу приказывают давать деньги, я вот прошу вас, отче, если это обязательно отдавать, то пусть отдаст, а если нет, то только пусть процент отдаст, что я одолжил в кассе. Она хочет знать, где я есть. Я далеко в южной стороне, в таких горах, что будет около ста миль. Написать не могу, так как тогда письмо не придет.

Поздравляю вас всех от искреннего сердца, оставайтесь здоровы. Грыць Горбач. Прошу ей рассказать то, что я здесь писал, и прошу отписать, не знаю дойдет ли это письмо к вам...

16 апреля 1916 г.

Дорогие отче, слава Иисусу Христу, осведомляюсь о вашем милом здоровью и поведенью, какого здоровья я, спасибо богу здоров, ведется как обычно при войску, я писал к вам уже три карточки, а ведомости не имею от вас, не знаю, что происходит, живы ли, случилось ли что, иль разгневались за что, если что злое, то прошу мне написать, дорогие отче, желаю вам от искреннего сердца веселых праздников со своими детьми и со своей семьей, и дай Боже чтобы счастливо ваши сыны возвратились домой здоровые.

30 мая 1916 г.

Христос воскрес, карточку получил от вас, за которую сердечно благодарю и что вы меня не забываете, я здоров, которого здоровья вам всем желаю, я на поле, но терзаюсь сам собой, потому что делается мне что раз, то все хуже, досаднее, затруднительно будет нам возвратиться на жатву домой, так как нет никакого покоя[1] ниоткуда. Поздравляю от искреннего сердца вас всех вместе. Оставайтесь здоровы все вместе.

15 июня 1916 г.

Слава Иисусу Христу. Осведомляюсь к вам, отче, несколькими словами о вашем здоровью, потому что еще несколько дней прошло, как у меня была карточка от вас, я здоров на поле, которого здоровья вам всем желаю в вашем доме, вокруг меня как обычно. Напротив воды громы даже горы трясутся и поверх голов шум пуль, гранат и шрапнелей. Боже, боже, дай это перебыть и не долго ждать, а то уже беда надоела... да за те два годы, которые заканчиваются за пару дней. Поздравляю вас от искреннего сердца всех вместе. Оставайтесь здоровы. Прошу отписать, что делается вокруг вас.

[1] Покой у этого автора используется и в значении «мир».

2 июля 1916 г.

Слава Исусу Христу. Осведомляюсь к Вам, отче, несколькими словами о вашем здоровью и поведенью, я Божьей милостью здоров, которого и вам желаю, я на поле боя между горами сижу да все мысли думаю, когда я уж хоть раз с вами увижусь да й это уже два года, как я вышел из дому, уже прошло несколько дней, как я писал к вам карточку, и ныне маю столько времени, что опять пишу, опять хочу осведомиться у вам о вашем здоровье и как вам там ведется, там такие работы, а робыть некому, боже, боже, когда я уже с вами всеми увижусь и пребуду ли я это, матерь христовая смилуйся над нами и дай мира в мире для всех, поздравляю от искреннего сердца, оставайтесь здоровы, дай боже мира, а нам увидеться всем.

17 июля 1916 г.

Вена.

Слава Исусу Христу.

Дорога жена. Осведомляюсь к вам о вашем здоровью и поведенью, о всех. Я здоров, но досадно здесь быть, так как большая дороговизна здесь, нечего докупиться, такое все дорогое, несколько раз как было во время покоя, так кажется, что я здесь уже год, а я только несколько дней, а еще буду до двадцать третьего и поеду назад в роту (*компанію*), а тебя прошу, делай просьбу к оберкомандо, чтоб отпустили на роботы на двадцать один день и то если придет то письмо, что тебе нужно для работы в страду, это надо знать как это сделать, так ты там у кого посоветуйся, где это можно сделать и кто то бы сделал просьбу на... Оберармкоманду в министерство, что надо на жатву идти, если удастся, то, может, отпустили бы, а если нет, то я не знаю, как что сделать. Если бы это там чего-то стоило, то это не значит ничего, те несколько корон, потому что я знаю, что могут пустить на страду, так как отсюда я не могу достать, мой барин мне не рад, он дома и не заботится, я его просил, а он говорит, что не отпускают, а для чего он хотел? Грыць теперь в увольнительном, он есть здесь, в Вене, и Степан Керкира, я с ними в это воскресенье встречался в руской[1] церкви в Вене, Степан есть в школе. Это они мне рассказали, сколько было в увольнительном и я два раза, а ты сделай просьбу к оберкоманде, что надо к работе, я здесь долго не буду в Вене, через несколько дней опять на поле пойду, а в роту не делай, потому что с роты не пустят, это тяжело, так не знаю, что больше писать. Поздравляю Вас всех сердечно. От искреннего сердца прошу сейчас отписать на тот адрес: Георг Горбач Wien Becrk IX Grinen Tory[2] 10 Officerdinyr.

И то прошу сейчас, как только получишь, опиши, пусть долго не жду на то здесь.

8 марта 1917 г.

Слава Иисусу Христу

Осведомляюсь к вам, отче, несколькими словами о вашем здоровью и поведенью, я здоров, Богу спасибо, которого здоровья и вам желаю всем дома.

[1] Грекокатолический, «рус(ь)кый» — самоназвание украинцев Галичины в XIX в.

[2] Скорее всего, Grünnertorgasse.

Ведется мне ничем не хуже как прежде, хотел бы знать, как там вокруг вас деется, а то здесь снег большой падает и сегодня гремит как летом. Нового нет ничего. Так как в поле в теперешнее время. Дай боже в мире покоя. Как можно быстрее увидеться. Поздравляю Вас всех вместе от искреннего сердца, дай боже в недалеком времени увидеться. Оставайтесь здоровы вместе.

Georg Horbacz

Перевод с украинского языка Андрия Заярнюка

ПИСЬМА СОЛДАТ: «ВЫ НАС ЗАБЫЛИ, ЧТО МЫ ЕСТЬ В ОКОПАХ» (1917)

В данной выборке помещены письма из сборника «Солдатские письма 1917 года» под редакцией Ольги Нестеровны Чаадаевой (1927 г.). Письма были адресованы в Петроградский Совет и ВЦИК; приведенная ниже выборка охватывает период с марта по сентябрь 1917 г.

10 марта 1917 г.

Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Товарищи, быть может, своим вопросом я буду вас беспокоить (прошу извинить меня), но для свободного гражданина, о чем я хочу опросить, вас, — больно и обидно. Я служу на военной службе в 35-м тех. зап. полку. 6 марта, проходе по улице, я встретил своего полкового командира, которому, не становясь во фронт, приложил руку к головному убору, прошел дальше. Командир грубым криком остановил меня. Назвал мерзавцем, стал грозить арестом и в конце концов отдал в приказе арестовать меня строгим арестом на 20 суток, с заменой по ст. 19-й дисципл. постановкой под ружье. Мне было известно, в частности, что отдание чести и ставание во фронт новым правительством по Петроградскому округу сделано было распоряжение отменить вне службы. Хотя в приказе то феодосийскому гарнизону этого нет, но я думаю, изданному закону в столице всякий гражданин, осведомленный о нем, подчиниться должен беспрекословно; да и довольно уже терпеть насилие, которое существовало при старых правителях-деспотах, и пора бы взяться высшим чинам за новые, достойные человечества порядки. Кажет ясным: всякий человек — свободный гражданин, и каждый солдат вне службы равен тому офицеру, полковнику и т.п.; следовательно, называть мерзавцем и отдавать под суд за какую-то кукольную комедию, я думаю, командир не имел никакого нравственного права. Не так тяжело это снести, как тяжело, что старое не искореняется. Товарищи, если я не прав, — укажите мне, и я успокоюсь. Прошу вас, разъясните, ибо весьма не хочется вернуться к старому режиму свободному гражданину. Некоторые говорят; подожди, об этом еще рано. — Как же рано? Если будем так говорить и ожидать от начальства, когда оно нам скажет, что мы все равны, то еще не раз придется посидеть на гауптвахте, или стоять невинно под винтовкой, а то и хуже поплатишься. В настоящее время много солдат сидят на гауптвахте, и все за неотдание чести при встрече на улице с прапорщиками. Неужели в отдании чести заключается строгость дисциплины? Закон нового правительства должен быть наполнен свято и ненарушимо, и каждый свободный гражданин должен стараться поддерживать его, смело и твердо указывая на несправедливость начальства, дабы не дать возврата к старому, гнилому, не человеческому, а скотскому строю. Итак, еще раз прошу

вас, товарищи, скажите, справедливо ли я и другие несем наказания и брошенное мне в лицо оскорбление.

Солдат Ефим Романенко

Прошу вас поместить это письмо в одном из №№ газеты или «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», если таковые будут вами рассылаться, и один из № прислать мне по следующему адресу: г. Феодосия, Караимская улица, Соборный дом, Ефиму Романенко, предварительно разъяснив мою просьбу.

Е. Романенко

10—14 марта 1917 г.

Г-ну Председателю Сов. С. и Р. Д.

Мы, группа дезертиров города Петрограда, просим вас сделать внеочередной доклад в Сов. С. и Р. Д. по поводу нашего положения. Находясь на военной службе и видя несправедливость старого правительства, мы бежали из радов армии с тем, чтобы умереть здесь за свободу народа, а не подчиняться старому режиму. Теперь, когда старый режим пал, настала народная свобода, мы готовы служить времени, правит[ельству] и Совету С. и Р. Д., но в настоящее время о нас совсем забыли, и мы не знаем, куда обратиться, чтобы служить на пользу свободной России.

По рассмотрении нашей просьбы Советом С. и Р. Д. резолюцию просим пропечатать в газетах.

Группа дезертиров

20 марта 1917 г.

Пишу в окопах в нескольких шагах от противника, каждую минуту опасаясь за жизнь, и день — ночь работая в сырых до колена, а местами и больше, окопах. Конечно, никак нельзя описать подробно всю жизнь солдата-пехотинца, находящегося в окопах, далеко от родины, как бы заброшенного на произвол судьбы, который уже забыл, что могут жить люди, не опасаясь каждую минуту быть убитыми или забросанными землей или на куски разорванными, и даже забыли все свое прежнее существование и им никак не представляется картина, что все это может кончиться, а что они опять могут зажить по-старому. Они думают, что эта война должна быть без конца, и говорят: наверно, мы здесь обречены на вечно, и верной смертью рано ли, поздно ли мы должны погибнуть, и нам уже не удастся увидать той воли и той радости, которую пишут в газетах. Нам, конечно, все это дорого, что сделали наши братья внутри России, мы от души благодарим и будем благодарить и детям своим передадим, чтобы они, в случае нас не будет, тоже прославляли имя тех, которые завоевали свободу своей кровью. И пусть те люди, которые дали нам свободно вздохнуть, пусть они же и дадут увидеть это, — это от вас зависит, славные завоеватели свободы. Вы можете сделать, чтобы лишние сотни тысяч увидали эту радость и использовали ее. Если есть среди вас люди, которые были в этих грязных окопах и переносили всю тягость пехотинца, то они, наверно, скажут, что на самом деле это страдальцы, которые, как кроты, живут и земле и боятся поднять полову, рискуя

быть убитым, они еще окажут, что надо и даже необходимо постараться для них, чтобы они увидели волю и использовали ее на деле. Тогда мы все крикнем громкое ура, которое раскатится от Кавказа и до Балтийского моря; это будет настоящее, во всех смыслах, «ура», которого Россия никогда не слыхала. Все эти миллионы, которые находятся в окопах, могут оказать только одно: скорее мир. Только это нас может обрадовать, и мы тогда только почувствуем ту волю и свободу, которую дали наши братья, а до этого момента мы ее только слышим и больше ничего. В действующей армии ничего не изменено, кроме обращения к офицерам, называя их господин поручик или г-н прапорщик и т.д., да еще тыкание. Но армия ждет все нового. Солдаты говорят: назвали нас гражданами, но какие же мы граждане, когда жалованье наше 75 копеек и мы много сидим без табаку? Это наше развлечение, и его здесь взять негде. Пусть нам наперед жалованья прибавят, а остальное потом дадут. Неужели мы, защитники родины, не заслужили бесплатного проезда по железным дорогам? Да и откуда нам взять, чтобы заплатить за проезд ⅓ копейки, когда нашего жалованья хватает на одни сутки купить что необходимое? Ведь не у всех же родители в состоянии послать денег своему сыну или кому другому, да и должны ли они посылать, когда он служит уже не им, они даже в лице его потеряли надежную опору. Конечно, некоторые получают за своих сыновей и мужей пособие, но все это ничтожно, да и не все получают, которым следует получать. Солдаты требуют, чтобы отпуск их был никем не задерживан, так [как] в это время им каждый час дорог, они едут на каких-нибудь 20—25 суток, из которых 7—8 суток езды, да еще разные на дороге препятствия, как то требуют за проезд, да нужно ходить к комендантам разным, да еще не на тот вагон сядешь, и т.д.

В солдатах еще растет подозрение, говорят: почему ясно не пишут, что именно полицию высылают на позицию. Мы все, солдаты, хотим, чтобы полицию немедленно выслали на позицию и посадили бы в окопы, — пусть они узнают и познакомятся с окопной жизнью; они, кровопийцы, не любили нашего брата, — так пусть они получат должное от нас вознаграждение. Также еще пусть с ними явятся сюда и пулеметы, которым здесь нуждаются. Еще хотим, чтобы отпуск не прерывался на всю войну, а в отпуск что [бы] пускали по крайней мере (5) пять человек с сотни. Ведь пять человек с сотни не имеет никакого значения, здесь есть люди, которые при одной и той же части находятся больше года и все время в окопах, неужели эти люди не заслужили отпуску, неужели они должны погибнуть и не повидаться с родными? Еще просим, чтобы люди в комитеты выбирались именно с позиции, но с позиции те, которые находились и находятся в окотах, а не те, которые находятся при разных штабах или вообще нестроевыми, которые во всю войну не видали, что такое окопы и как в них живут, и эти г-да всегда в состоянии сказать, что надо войну вести до конца, — ведь они от этого не страдают, и им нисколько не страшно, когда противник открывает ураганный огонь. Если бы этих нестроевых и штабных посадить в окопы, то они все бы сказали и даже явно закричали: долой войну.

Теперь мы все, солдаты, надеемся только на вас, только вы можете представить нашу жизнь и улучшить ее, вы должны держаться армии. Армия есть могущество, которое все в состоянии сломить.

Остаемся в ожидании улучшения. Писал с Юго-Западного фронта А. Р.

Может быть, бессмысленно, так прошу извинить, — со смыслом здесь написать нельзя.

Без даты, апрель 1917 г.

Гг. депутаты,

вы обратите внимание на тех людей, которые страдают в окопах. Войдите в ихнее положение. Как им живется? И какие у них мысли? Да, у нас мысли такие, что уже в скором времени бросим все на свете и начнем громить тыл. Мы найдем и депутатов, — тех, которые только заседания производили по вопросам таким, где устроить театр, во сколько открыть, какие цены назначить на билеты. Мы всех их возьмем на кончики штыка, да еще тех, кто во время какого-нибудь митинга кричит «война до победы». Мы им дадим победу. Он кричит, но сам не выполняет, а хотит чужими плечами вести войну до победы; мы знаем, что вам в тылу не надоело воевать, что вам можно и кричать. Еще раз обращаюсь с просьбой, что возьмитесь за дело. Не спите, а делайте мир, не смотрите на союзников или укажите, почему союзники не хотят на таких условиях мир, как мы. Ради бога, откройте эти заклятые договоры, которые сделал кровопивец Николашка с союзниками. Вы нам ответьте, за что и почему вы нас все гоните в наступление, а если вы хотите в наступление перейти, то пожалуйста на фронт, все толстопузые черти, а мы пойдем в тыл, и тогда увидим, как вы будете вести наступление. Вы там в тылу морды порастили да денег полные карманы награбили. А мы здесь все измучились, мы уже не знаем, какими болезнями страдаем. Врачи признают в больном разом сорок болезней, да все же не отпускают для поправления здоровья, говорят, что военный министр и рабочие и солдатские депутаты решили наступать. Куда вас отправлять? А кто будет наступать? Идите вы, гнилые, хромые, вам все равно погибать, но мы, гнилые, ответили, что вернемся в скором времени в руках с оружием, и мы всех найдем, мы выделим ваши партии, поднимем на воздух ваши депутаты и ваши министры. Пока подумать об тех страдальцах, которые, сидя, гниют в окопах. Просим вас, постарайтесь. Солдаты 18-го п. В. п. 12-й роты, 20 человек Л. У. Д. Г. Д. О. Х. и т.д.

Без даты, май 1917 г.

Голос с фронта

Товарищи, позаботьтесь о несчастных страдальцах, которые сидят в окопах на холоде, голоде и грязи, к тому еще переполненных вшами. Зачем идут такие лозунги: война до победоносного конца? Пусть тогда идут побеждать те, которые желают победоносного конца. Буржуазия и так набила себе карманы, а также Англия и Франция. Они набили себе карманы нашей кровью, при старом режиме недодавая нам деньги и продукты. Теперь же то же самое. Генералы, которые сидят в Каменцах да Кременцах, получают 12 тысяч в месяц, а несчастный солдат — 75 копеек в месяц. Да к тому еще не дают ни отопления и ни освещения. Не буду настаивать на том, что не пользовались кашей 3 года и не получали денег за крупу. Это все очутилось в карманах генералов, которые пили с жадностью нашу кровь и сейчас хотят воспользоваться случаем. Но уверяю вас,

Операционная в лазарете при Втором Донском городском училище. Фото П. Павлова. (Альбом деятельности Московского городского управления по организации помощи больным и раненым воинам и семьям призванных, 1914—1915 гг. — М., 1916.)

что этого не достанется. В наступление мы больше не пойдем, но ежели будет наступать неприятель, то мы припятуем мяса для австрийской и германской буржуазии. Мы хотим миру без аннексий и контрибуций, когда согласно на то Англия и Франция, Германия и Австрия, то есть без всяких завоеваний; нам не нужно защищать богатство Англии и Франции и набивать карманы буржуазии. Постарайтесь вывести нас скорее из окопов. Мир укрепит завоеванную свободу. Вот что говорят те, которые сидят лицом к смерти.

Антон Делюкин

30 мая 1917 г.

Голос из окопов

Господин редактор, от имени всех моих товарищей с фронта поместите наше заявление.

Товарищи депутаты, настало жаркое время. А мы все ходим в папахах, у нас от жары болят половы. Как при старом режиме выдавали фуражки в октябре, а папахи в январе. Товарищи, пришлите нам фуражек.

В.А. Булатов

3-го Кавказского полка, саперн. команды

Не оставьте нашей просьбы. 30 мая.

Без даты, сентябрь 1917 г.

Многоуважаемые товарищи!

Нахожусь я в настоящее время в окопах и от скуки решился написать вам свои мнения относительно переживаемого нами времени. Сменился я с наблюдателей уже с полчаса, а в секреты идти, как стемнеет; темнеет еще часа через три. Но до каких же пор мы будем сидеть в этих окопах, выставлять караулы,

секреты и т.п.? Когда же, наконец, всему этому положен будет конец? Неужели с каждым днем, неделею, месяцем, проведенным войною, России есть какой-нибудь барыш; неужели германцам, австрийцам и туркам не надоело еще с нами воевать? Я думаю, что они — люди такие ж, как и мы, да и средств у них не больше, как у нас; война, по моему мнению, не кончается еще потому, что мало еще набиты карманы у тех людей, которые сидят далеко от войны и только пользуются ею; взять, например, хоть наших прямых начальников, начиная с командира полка и кончая главнокомандующим. Да разве им надоела война, когда они ее и не видят и не слышат, а только получают большую сумму денег, едят, пьют хорошо, помещаются в чистых уютных квартирах, спят в перинах, домой денег тоже посылают немало; но этого им еще недостаточно: есть такие, как у нас, например, батальонный ком. подпол. Соловьев, или шт. кап. Малафиев, что это еще не начальники, а только начальнички, и то говорили: эх, кончайся скорее, война, подполковничка-то успею заслужить, а полковника не успею. Вот дожидайся, пока она кончится. А высшее командование — терпит ли оно от войны какое-нибудь горе или тяжести? Да им хоть еще 5 лет воюй, то им только нажива, а не горе от войны. Посидеть бы всем этим генералам, сформировать бы с них хоть роту да и поставить их на нашем участке, где мы сейчас стоим, да и постояли бы они, как наша 51-я дивизия стоит, без смены, — я думаю, сейчас бы начались переговоры о мире, а то и понятия не знают, как живется солдату в окопах. Они ни одного раза не ночевали в окопах в хорошую летнюю пору, а во время дождя осенью или зимою если бы они опробовали, — а мы терпим уже четвертый год. Да когда ж будет этому конец? Я не из дезертиров и не из большевиков, а из сознательных честных солдат, призывался я в 15 году, в мае месяце, три недели обучался в запасном батальоне, а потом приехали мы на позицию под Волковыск; там был на германском фронте до июля мес. 16 года, а потом нас перевезли в Румынию, где пришлось ее всю ногами смерять, и до сих пор мы находимся в этой Румынии, дожидаясь конца войны, — пора бы, по моему мнению, ее кончать. Я солдат неразвитой, может быть, я в этом и ошибаюсь, но мои мнения таковы.

Солдат действующей армии 243-го Холмог. полка Ф. Кочерин.

Без даты, сентябрь 1917 г.

В Исполнительный комитет Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде, от товарищей с фронта

Прошение

Товарищи, вы нас забыли, что мы есть в окопах, ваши братья, отцы и сыновья. Мы испытываем последние происходящие ужасы войны, и не видите, какие происходят ужасы в России по случаю голода и дороговизны на все. До чего же дальше доведете, если вы не примете самых решительных и крайних мер к скорейшему заключению мира? И теперь настала самая крайняя пора, и есть выработанный в Берне, как и вам известно, план на самых выгодных условиях для всех держав. Товарищи, вы забыли о нас и думать, вам там живется хорошо и сыты, а что происходит с голодом раздирание душ наших жен и детей. Я пишу вам и вообще все мы, товарищи, и просим убедительно, что если не состоится

мир на чем бы то ни стало к осени, мне, наверное, кажется, что все уйдут домой с оружием в руках, ибо провокаторство работало, еще усиленней работает, чтобы открыть фронт, и к зиме все будут согласны, так как малодушные уже давно согласны да и крепким надоело. Есть пять раз ранен, иные в орденах. Ему тоже [хочется] видеть, какое течение жизни будет после войны [в] свободной России, наболела у всех болячка поголовно, кроме тех, кому живется хорошо и кто мечтает о старом режиме.

Без даты, сентябрь 1917 г.

Г. Петроград. В Совет Рабочих и Солдатских Д-тов. Г. граждане, мы, страдальцы в окопах три года, обращаемся к вам с покорнейшей просьбой, как до своего правящего органа. Настаивайте на временное правительство заключать мир. Потому что вам уже известно, что война усем надоела. А нам, страдальцам три зимы в окопах, тем более надоела, и если наша просьба не будет удовлетворена, то сейчас фронт открывают полками да дивизиями, ну, зимою откроем увесь фронт. Мы, страдальцы три года на фронте, знаемо, что и на нашу долю выпало несчастье. Ну, войну нам навязал Николай II и Гришка Распутин и другие министры, а сейчас навязуют буржуи, которым война полезна. Ну, народ увесь войны не хочет, и обращаемся к вам с покорнейшей просьбой заключить мир [в] самом непродолжительном времени, чтобы вас в тяжелую минуту не поставить в тупик, как Николай II.

Солдат, сидевший в окопах три года, не три дня, Колинаров

Прошу прочитать на собрании, т.е. на заседании, вам уже все факты показанные, что народ не хочет воевать.

Без даты, сентябрь 1917 г.

Центр. Исп. Комитет.

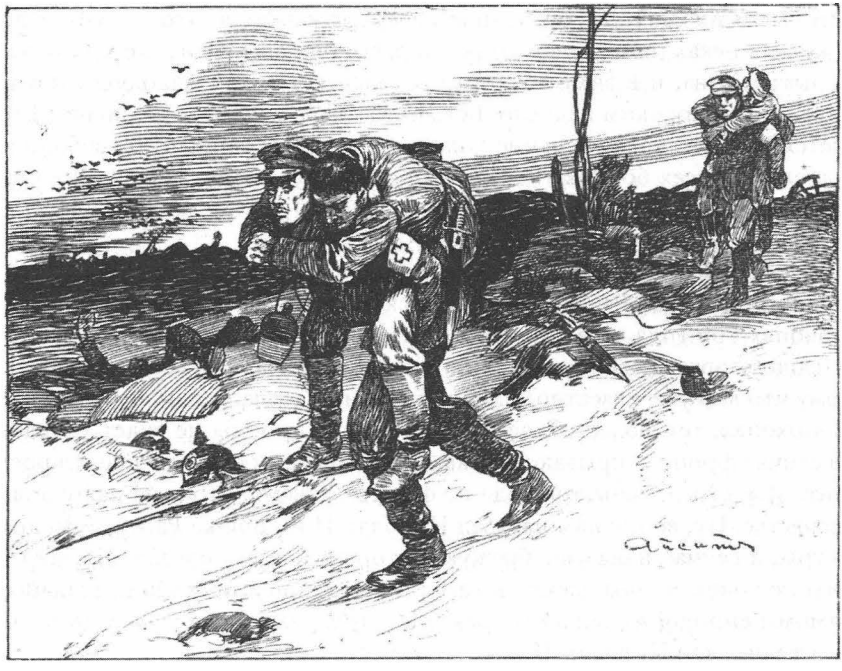
Прошу тов. председателя ЦИК-а прочесть это письмо на демократическом совещании.

Товарищи!

Вы собрались на Демократическое Совещание, все социалисты разных партий, и вот уже несколько дней у вас идут прения. Следовательно, кому нужно передать власть и какой нужен предпарламент — коалиционный или демократический. Мы, солдаты, сидим в окопах вот уже четвертый год этой ужасной нечеловеческой бойни под гул орудий и шипенье снарядов, ждем от вас счастливого будущего. Следовательно, что вот-вот начнутся мирные переговоры, и обрадуете этим весь русский народ. Но вместо этого вы собираетесь на всевозможные совещания и собрания и ведете свою партийную борьбу: одна партия пригоняет препинанья на другую, и к тому же все предпринимаете, как создать боеспособную армию и вести дисциплину.

Товарищи!

Я рядовой солдат, просидевший в окопах 18 месяцев, испытавший то, чего в аду ни один грешник не испытывает, и много тт. солдат, которые страдают здесь в окопах 4 года, и уже из них земля взяла все силы и соки человечества. А вы там сидите, от роду не слыхавшие разрывы снарядов, но только чтобы про-



Наши санитары на передовых позициях.

Санитар герой невидный — как боец он безобидный.
Зато раненым он нужен — как солдату сытный ужин.
Почтовая открытка. Худ. А.П. Апсит. Москва, между 1914 и 1917 гг. Из фондов РНБ

сидеть в окопах 4 года, и совсем забыли нас, страдающих за всех, и спорите там от нечего делать. Поэтому я скажу вам сущую правду, не затушевывая ее, а как она есть в натуральном виде, что армия в настоящий момент ни к чему не способна и быть способной не может. Потому что ее до этого довели ее повелители и начальники, которые ее продавали целиком, и их за это оправдали, а бедных защитников солдат, жертвующих собой ради спасения страны и революции, предают смертной казни за то, что он с голодухи порыл без разрешенья картошки. Поэтому армия ни в кого и ни во что верить не может и убедить ее в это никто не в силах, и каждый день продолжение войны она проклинает и того, кто это затягивает. Она ждет мира, какой бы он ни был, ибо каждый солдат понимает, что продолжением войны мы больше того не завоюем, что имеем сейчас, а почему — вы это должны звать еще лучше нашего. Вот наше желание: замиритесь скорей и не доводите нас до того, чтобы мы вас заставили это сделать. Армия может быть боеспособной, когда она лет 20 будет воспитана свободой и когда погибнут ее предатели и совсем переведутся помощники б. ц. Николая II и те, кто хочет власти.

Ряд. солдат Д. Ар...

Юсуп Кодзоев: «НА ФРОНТ ВОЗВРАЩАЮТ НАС. ЧТО БУДЕТ — ОДНОМУ АЛЛАХУ ИЗВЕСТНО» (1941)

Юсуп Ибрагимович Кодзоев родился в 1911 г. в селе Кантышево Назрановского округа Терской области. Участник обороны Одессы. Погиб в годы Великой Отечественной войны. Ниже приводится единственное сохранившееся письмо родным, написанное на ингушском арабским шрифтом.

Без даты

Я нахожусь в Одессе. Ни вайнаха, ни чеченца нет со мной. Всем салам-моаршал[1] передаю. Если будет судьбе угодно, вернусь я домой.

Месяц лежал в больнице раненный. Теперь мне лучше. Не переживайте. Судьбой мне было предназначено попасть сюда. Лучше не переживать. Письмо ко мне не пишите, пока не получите от меня известий. Судьба привела меня сюда. Судьба и вернет меня домой, если останусь в живых. Не стоит об этом и говорить. Что бы ни случилось, решением Аллаха я доволен. И вы будьте довольны.

На фронт возвращают нас. Что будет — одному Аллаху известно. Это все, что я знаю. Нашим родственникам, всем знакомым передайте салам-моаршал. Кто сам не видел, не сможет поверить в то, что творится здесь.

Перевод с ингушского языка Н.Д. Кодзоева

Юсуп Ибрагимович Кодзоев, 1939 г. Автор фотографии неизвестен

[1] Ингушское мусульманское приветствие, состоящее из арабского слова «салам» — мир и ингушского слова «моаршал» — мир. (*Прим. Н.Д. Кодзоева.*)

НКВД СССР: «ОТМЕЧЕНЫ УПАДНИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ» (1941—1942)

Ниже представлены выдержки из фронтовых писем, собранные в доклады НКВД СССР о настроениях в Красной армии. Помимо цитируемых выдержек, данные доклады представляют ценность тем, что дают представление о процессе чтения солдатских писем военными цензорами.

29 ноября 1941 г., сообщение 2-го спецотдела НКВД СССР о результатах работы отделения военной цензуры 34-й армии

Сов. секретно

тов. МЕРКУЛОВУ тов. ТУТУШКИНУ

За период с 15-го по 31-е октября с.г. 6-м отделением ВЦ особого отдела НКВД 34-й армии было прочитано 119 325 писем, исходящих от бойцов, командиров и политработников 34-й армии Северо-Западного фронта.

Из общего количества прочитанной корреспонденции отмечено 1266 документов, отражающих упаднические настроения отдельных военнослужащих, и 848 сообщений с жалобами на недостаточное питание.

Выдержки из писем приводим:

«...О моей жизни вам уже известно, скрывать нечего, живу очень плохо, во всех отраслях моей жизни и голодный днями бываю, и холодный, и грязный, жизнь очень тяжелая и трудная. Переживем мы или нет, но чувствую, что нам эту жизнь не перенести. Если не убьют, то замерзнешь, если не замерзнешь, то с голоду умрешь, если все время так кормить будут — три сухаря да воду, а горячую пищу чем либо замутят, вот тем и жив.

С фронта отошли километров 30 в тыл, стоим в деревне уже пять дней, поправляем коней, а то там не подохли, сейчас раздевши в такой холод чистим их. Нас гоняют под строем, а тут чуть ноги таскаем. Я довоевался до того, что один скелет остался, наверное, придется забывать про дом, жаль расставаться с белым светом.

Уже становится неохота жить, надоедает и ничего сделать нельзя, просто насмешка и издевательство. За коня приходится самому жизнь отдавать (неценз. слово), а пользы от этого коня нет никакой, кроме ущерба для государства, по такой болотистой местности их погибло тысячи при моих глазах, подохли да позавязли в болотах, но и нам конец не далек...» Док. «К» (Ежерельев Е.И. ППС 619[1], 98 командный пункт, 4 кавалерийская сотня — в Воронеж. обл., Алексеевский р-он, Сосницковой У.П.).

[1] ППС — полевая почтовая станция.

«...Немцы окружают кругом, и вряд ли мы выйдем, я думаю, вам всем понятно, как он нас бьет. А наши войска все отходят назад. Не знаю, что получится, кто кого, это не видно. Наши войска каждый день сдают города, немцы подошли к самой Москве, может быть и Москву сдадут в скором будущем. Вам не видно, что творится на свете, но нам все видно. А вы только слышите по газетам. Он нас окружил со всех сторон, и нам уйти некуда...» Док. «К» (Сажнов В.Н. ППС 546, 281 отделение кабельно-шестовой роты — в Саратов. обл., Карбулакск. р-н, с. Марьево, Сажновой А.А.).

«...Я решил вам написать последнее письмо, пока жив, ну ничего не поделаешь, нас бьют, не мало людей каждый день, но я еще жив. На фронте еще не был. Но теперь меня скоро убьют, находимся на опасном фронте, сейчас немец очень сильно жмет на гор. Валдай. Плохо в том, что бойцов не зарывают, так и валяются, потому что мы воюем по лесам...» Док. «К» (Мамаев, ППС 919, 945 стрелковый полк — в Калинин. обл., ст. Нелидово, дер. Бурцево, Мамаевой П.Ф.).

«...Я сейчас переживаю в огне и стуже, если жив останусь, то буду не человеком. Живите как можно лучше, вот теперь я пропал, ничего не надо, всего хватает — голода, холода и огня, только хлебай. Нахожусь сейчас на передовой линии фронта. Пишу я вам в окопе, и слезы льются. Очень холодно, если не убьют, так замерзну...» Док. «К» (Попов, ППС 919, 240 полк, 3 рота в Калинин. обл., Бежецкий р-н, Каблуково, Поповой А.И.).

«...Если войска Гитлера будут так и дальше теснить наши части, то не исключена возможность: нас может быть обойти кругом со стороны Ленинграда и со стороны Калинина и мы можем попасть "в самые худшие условия". А действует он так: за какие-нибудь три дня взял несколько городов и территорий, продвинулся за 300 км по направлению гор. Калинина и на сам город Калинин выбросил десант 4000—5000 чел. с вооружением, с танкетками и самолетов штук 70 — разбил гор. Калинин, почему он и движется с такой быстротой и застал врасплох. Вот так обстоит дело у нас, а отсюда еще больше всякой думы на душе и что может произойти в дальнейшем». Док. «К» (Капотин А.К., лит. «Щ», наблюд. пост — в ст. Суда, Вологод. обл., Удомский р-н, Капотиной).

«...Немец здорово бьет, мы насмотрелись. Жуть слушать, а наши еще слабы против его. Хоть и хвастаются наши, что бьем его, но нет, против его слабее. Надо правду говорить, что он сбивает наши самолеты, но наши самолеты и зенитки не могли сбить ни одного немецкого самолета...» Док. «К» (Булганин И.И., ППС 316, артиллерийский полк 234 — в ППС 557, эвакоприемник 61, Зиланову).

«...Счастлив тот человек, который не видел и не увидит этой проклятой войны, какие здесь переживания переносишь, то жутко голодный, холодный и месяцами в бане не моюсь и по неделе и больше не умываюсь. Вшей не успеваешь уничтожать.

Особенно сейчас плохо стало, с наступлением холода, за ночь изогнет тебя в три дуги, а погреться негде. С 3/X мы стоим на передовой линии обороны, окопались и пока что ни туда ни сюда.

Война затягивается надолго, поэтому мой совет вам: крепко держитесь за продукты, во избежание, чтобы не умереть с голоду. Не продавайте ни хлеб, ни картофель на рынке, а скоро придет время, что ни за какие деньги хлеба и картофеля не найдете...» Док. «К» (Миронов, ППС 316, 234 полк — в Куйбыш. обл., ст. Челна, п/о. Челно, Миронову Я.И.).

«...Сама жизнь не веселая, кормят плохо, хлеба дают мало, горячей пищи только два раза и больше ничего. Не знаю, как вернуться с фронта. Наверно, не придется вернуться, очень много убивают...» Док. «К» (Мусанов И.И., ППС 308, отдельный батальон связи — в Коми АССР, Детский р-н, с. Слутка, Мусановой Е.Д.).

«...Находимся вблизи г. Валдая. Настоящего командования нет. Насчет питания дело обстоит плохо, кормят два раза в сутки. Утром и вечером из одного блюда. Порядок части плохой, если так будет дальше, то дело неважное...» Док. «К» (Смирнов, ППС 308, 944 стрелковый полк — в ППС 177, военная часть 1954, Карпенко).

«...Как надоело все это мне! Где будет Маша, если заберут Краснодар, все может быть в жизни и к чему все это приведет. Кормят нас плохо — два раза в судки. Ночами не спим, трудно приходится...» Док. «К» (Калашников В., ППС 316, 260 ор — в гор. Краснодар, Пролетарская, 162, Калашниковой Е.Г.).

«...Мы все жаловались на плохое питание и расквартирование, а здесь полное безобразие. В обед один суп, и больше ничего, а утром и вечером чай. Никакого северного пайка не получали, как масло и др. продуктов, а сейчас и думать нечего...» Док. «К» (Бабенков П.Н., ППС 316 — в ППС 417, Ларионову П.И.).

«...Насчет пищи стало трудно, кормят в день только два раза и некоторый день приходится не кушать. Деньги есть, но на них здесь делать нечего, нигде ничего не купишь. Можно купить лишь немецкую мину». Док. «К» (Сытяск А.В., ППС 316, 427 отдельный зенитный стрелковый дивизион — в г. Баку, Сураханы, с. Амираджаны, Сытяск В.З.).

ЗАМ. НАЧ. 3 ОТД. 2 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ САТИНСКИЙ

2 декабря 1941 г., спецсообщение УНКВД Московской области о настроениях призывников

Сов. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА тов. АБАКУМОВУ

В обработанной корреспонденции призывников, направляющихся по шоссе Энтузиастов для формирования, отмечены следующие факты отрицательных настроений:

Гор. Москва, ... Червяковой Л.В.

«...Иду по той самой дороге, по которой шли разные люди: идеалисты всех мастей, декабристы, революционеры всех направлений, политические шарлатаны, разные уголовники — каторжане и много всяких русских людей — с Запада на Восток, в далекую, глухую, как русская душа, бескрайную Сибирь. Я не помню из биографии С..... и М..... шли ли они по этой дороге и каковы были условия их пешего хождения, но мне думается, что их ссылка была немного легче, чем наше геройское путешествие в борьбе за их славу. С..... в последней речи сказал, что тыл в последнее время стал крепче, чем был раньше. Пусть утешается! Если бы он прошел бы по этому тылу, также как я, он сказал бы другое». «К» (10.XI.41 г. 65-й км, шоссе Энтузиастов — Величко П.Д.).

Гор. Ош, Киргизской ССР, ... Величко А.М.

«...Мне приходится наблюдать жуткие картины, и когда? На 24 году хвастливой революции. Но я с ужасом думаю о том, что меня ждет впереди. А ходят слухи, что в Горьком, куда было согнано большое количество мобилизованных (пушечного мяса), распространились эпидемии, включая и тиф...

...Предстоит гибель неисчислимых резервов пушечного мяса, задолго еще до гибели на фронте, или в плену. Началась величайшая трагедия, уже 3-я по счету в этом веке — гибели и физического истребления русского народа в угоду торжества сомнительных идей, в защиту интересов кого угодно, но только не в интересах русского народа...

...Россия тронулась и поползла, испуская матюки по всем адресам! Будет буря!» «К». 105-й километр, шоссе Москва-Горький — Величко П.Д.

Москва, ... Орлову А.Г.

«...Насчет харчей очень плохо, хлеб на руках стоит 30 руб. за кг, но нам дают только по четыре сухаря в день. Гонят народу очень много, и пошла болезнь тиф. Народу много, но ничего не дают и так все бегут обратно...» «К». Дер. Липна, Петушинского р-на (проходом).

Москва, Западная ж.д., ст. Голицыно, ... Пискареву Т.А.

«...Над народом мытарятся как над собакой. До Владимира 75 км и идти пешком, и дают на этот переход три сухаря, одну воблу и два концентрата: суп и кашу и все...» «К». Гор. Покров, Московской области.

Москва, 105, Верхние Котлы, поселок ЗИС, ... Филатову А.М.

«...Гонят по несколько сот километров пешком. Говорят, из Мурома бегут обратно, что там сидят все голодные и вшивые. Вот от Москвы до гор. Владимира примерно 200 км и нам дали только на эти километры 700 гр. черного хлеба и 3 сухаря, 20 гр. сахара и 2 шт.воблы». «К». 18.XI.41 г. Петушки, Московской области.

Москва, 33, ... Симаковой Е.С.

«...Идем селами и лесом. Гонят нас как скотину... Застала нас зима, холод и голод и болезнь тиф брюшной и сыпной». «К». 19.XI.41 г. Петушки, Московской области.

Гор. Ногинск, МО, п/о ст. Купавна, ... Лепашкиной З.П.

«...Я нахожусь 2 дня в Петушках потому, что хлеба не дают, а дают деньгами. Но на деньги купить нечего потому, что коробочка спичек стоит очень дорого. В деревнях, через которые идем, хлеба тоже нет. Нас встречают очень плохо. Случалось, что даже милиционера приводили для того, чтобы пустили нас переночевать». «К». МО, Петушки.

Москва, ... Маркину Ф.М.

«...До Ногинска шли пешком, идти очень трудно с вещами. Не знаю, что будет дальше. Питаемся своими продуктами. Командиры сухих пайков не дают, настроение плохое из-за того, что идти очень много по направлению к гор. Горькому...» «К». Г. Ногинск, МО (фамилия неизвестна).

Москва, ...

«...Взяли направление на шоссе Энтузиастов. Шли без остановок, километров за 16 от Москвы выяснилось, что мы идем по Рязанскому шоссе. Началась неразбериха: часть повернула обратно на Москву, другие направились в Кусково, третьи стояли среди дороги и, пользуясь темнотой, ругали командиров во всю глотку...» «К». 21.X.41 г. Г. Ногинск МО, от Кирилла.

Москва, ... Рябушкину Павлу

«...Дорогие родные, мы сейчас пока в гор. Ногинске. Идти дорогой очень плохо, кормить не кормят. Все измучены. Все время идем пешком до самого Горького, это как мы переносим просто невыносимо сказать. Это просто измываются над добрыми людьми, как над собаками. Но мы не знаем, как мы перенесем, без фронта умрешь, не только на фронте...» «К». 22.X.41 г. По штампу г. Ногинск, Московской области — Рябушкин.

Москва, ... Кулаковой К.В.

«...Мне очень трудно, идем пешком, продуктов у меня ничего не осталось, совсем голодный... В Москве говорил начальник, что "продуктов не нужно, будете обеспечены, все будет". Вот идем уже 8 дней, ничего нет... Ночуем в деревнях, если дадут что-нибудь: картошки и то спасибо, не дадут — идем дальше голодные. Хлеба дают одну буханку на 5 человек, что это за хлеб?.. В городе Е. мы пообедали хорошо за свои деньги... Еще дают кашу сухую 70 гр. на два дня, прямо заключенные, гонят как баранов...» «К». Коробово, Московской области — Кулаков.

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД МО МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЫНЬКО

6 марта 1942 г., докладная записка «О настроениях личного состава частей 3-й Ударной армии по материалам военной цензуры»

Сов. секретно
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР
КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
тов. МИЛЬШТЕЙНУ

Из просмотренной корреспонденции, исходящей от военнослужащих частей 3 Ударной армии, установлено, что в подавляющем своем большинстве письма фронтовиков носят ярко патриотический характер.

Личный состав подразделений и частей в своих письмах дает обещания вождю народа тов. Сталину отомстить немецким извергам за все издевательства и страдания советских граждан на временно оккупированной территории и выражают полную уверенность в окончательной победе над врагом.

«...Помните, что мы, бойцы Красной Армии, обеспечим счастливую жизнь Вам и всему советскому народу. Русский народ непобедим и враг будет разбит на голову, ни один немец не вернется в Германию. Мы отомстим за всех погибших славных воинов РККА. Наш лозунг: "За Родину! За Сталина! За партию! — вперед".

Укрепляйте тыл, помогайте всеми средствами Красной Армии быстрее разбить врага...» (из письма группы бойцов 45 стр. бригады семье раненого бойца Кошкарева Ф.А.).

«Ну в отношении фашистских гадов, так будь уверена, лупим их во всю. Навалили целые горы. А они, действительно, как гады лезут через трупы своих молодчиков, видно, удары нашей армии отбили у них остатки ума, что они ничего не соображают. Сейчас это не 2—3 месяца назад, когда они хотели рассматривать в бинокль Москву, а сейчас и в 10 биноклей не увидят свое фашистское пристанище — Германию, так как мы крепко выполняем приказ нашего родного наркома обороны И.В. Сталина об уничтожении всех до единого фашистских оккупантов» (отправитель: красноармеец 76 артдивизиона 45 стр. бригады — фамилии не указал).

«...Громим немцев, они бегут. Большинство их замерзает, потому что они в кожаной обуви и в летних шинелях. За русскую шапку немцы кричат: "Рус, меняем шапку на автомат!" А мы говорим: "Ничего и в пилотках"» (отправитель: Третьяков, 943 стрелковый полк, 257 стрелковая дивизия).

«...Командование, учитывая наше бесстрашие и героическое участие в бою, представило нас к правительственной награде и тут же мы вступаем в партию. Сегодня или завтра пойдем на бюро, а после в бой — отбивать В. Луки» (Отправитель: Рябинин, 31 стрелковая бригада).

В отдельных письмах военнослужащие сообщают факты о недочетах подготовки наших частей к бою, давая характеристику о нашем медленном продвижении.

«...Дело не в том, что мы не в состоянии разбить. Есть все средства для этого, но в ряде случаев, надо признать, мы не умеем ими пользоваться, много делаем просчетов и, что досаднее всего, все, чему учились, не применяется. Я не знаю случая во время лагерных сборов в мирное время, чтобы хоть один командир-артиллерист плохо стрелял на расстоянии от 5-ти до 15 км с лишним, а сейчас очень часто приходится мне наблюдать, когда наша артиллерия ведет стрельбу от 800 м до 2—3 км и часто впустую.

Я не видел еще топографических подразделений, огневых планшетов, словом всего того, что составляет артиллерийскую культуру...» (отправитель: Терновский Е.В., штаб 171 артиллерийский полк).

«Я не хочу вводить вас в уныние, но не могу и ложно ориентировать. Эта война — серьезная война. Перед нами враг с железной палочной дисциплиной, привязывающий к пулеметам цепями солдат, а мы противостоим с сознательной дисциплиной, которая не до всех еще полностью дошла. Вот поэтому и топчемся на одном месте» (отправитель: Жабо З.Д., 125 дивизионная авторемонтная мастерская).

Наряду с документами патриотического характера встречаются письма, отражающие в себе упаднические настроения.

Военнослужащий Гадецкий П.Т., 1278 сп, пишет:

«Нахожусь в самом адском положении — смерть на каждой минуте. Нужно иметь большое счастье, чтобы остаться живым в этом проклятом аду, конца войны не видно. Враг отступает, но с большими потерями с нашей стороны. Дома видеть вас не думаю, придется остаться здесь в глубоких снегах».

«Победа, конечно, должна быть наша, но не скоро, а праздновать ее придется немногим счастливцам. Писать ли адрес вам или нет, жить мне наверняка не придется и письмо ваше застанет меня уже как жертву отечественной войны» (отправитель: лейтенант Козлов, 82 стрелковый полк, 33 стрелковая дивизия).

По-прежнему в ряде документов находят свое выражение отрицательные настроения бойцов, связанные с перебоями в питании.

Военнослужащий Хамеев А.С., 271 сп, пишет: «...Напишу одно слово, из которого делайте себе вывод — "хлеба". Ничего не прошу хорошего — одно только — хлеба, хотя бы с мякиной, хотя бы сухарик».

«...Насчет кормежки очень плохо, едва ноги носишь, день с хлебом, а день без хлеба. Нам дают 600 грамм на день, очень голодно. Голодной смертью помрешь.

Я уже не стал бояться, что меня убьют, наплевать на это. Не стал считаться со своей жизнью, не убьют, так с голоду умрешь» (отправитель: Булычев, 660 батальон аэродромного обслуживания, 8 раб).

«...В отношении питания очень плохо. Хлеба полагается 900 грамм, фактически получаем 600—700 грамм, причем суп — одна вода и та за последнее время подается несоленая. Чем все это объяснить, я не могу. У нас как-то вообще с этим делом обстоит плохо, другое дело у немцев. Говорят, что нужно все перетерпеть, вот уже давно терпим, сколько еще осталось, не знаю...» (отправитель: Сергеичев, 20 стрелковая бригада).

«Я сильно отощал от недоедания, постарайся прислать посылку килограмм на 5, жиров кг 3, и хлеба кг 2, пока жив — пообедать хоть раз досыта» отправитель: пом. комвзвода 131 осб, 23 сд — фамилии не указал).

Также зарегистрирован ряд документов, характеризующих неудовлетворительное состояние работы госпиталей и медико-санитарных частей.

«Если тяжело ранят, то считай погиб: или оставят на поле боя, или заморозят. Внимание на нас обращают плохое. Когда мы здоровы, то нужны, а как ранены, так никому не нужны» (отправитель: Сергеичев, 20 стрелковая бригада).

«Пришлось мне пострадать после ранения, лежал полные сутки в снегу. Сейчас нахожусь в плохом положении — лежим в гражданских квартирах, без матрацев, почти голодные. Никто внимания не обращает, как я мучаюсь» (отправитель: Малиновский, 33 стрелковая дивизия).

«...Лежим в пункте в деревне, как свиньи, соломы нет, питания не хватает» (отправитель: Леонов, 27 полевой подвижный госпиталь).

«...Скорей бы выписаться, а то умрешь с голоду, да и уход скверный, валяемся прямо на досках, даже соломы нет, белье не меняют, появились вши...» (отправитель: Свистунов, 27 полевой подвижный госпиталь).

По фактам перебоев в питании и плохом лечении раненых нами информирован Военный совет фронта, последний со своей стороны принимает меры для устранения этих недочетов.

НАЧАЛЬНИК ОО НКВД КФ
СТ. МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ХАННИКОВ

НКВД СССР О ПИСЬМАХ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ: «ОПИСЫВАЮТ ТЯЖЕЛЫЕ УСЛОВИЯ ВОЙНЫ, МАССОВУЮ ЗАВШИВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА, ОТСУТСТВИЕ КАКИХ-ЛИБО ПЕРСПЕКТИВ» (1942)

Ниже представлены выдержки из фронтовых писем военнослужащих вермахта, собранные в доклады НКВД СССР. Данные документы можно интерпретировать как антропологическое исследование врага, где работа военного цензора заключается в процессе перевода значений и смыслов чужой культуры в семантические режимы и коды, понятные в «своем» культурном контексте[1].

10 марта 1942 г., сообщение Управления особых отделов НКВД СССР о настроениях солдат противника

Совершенно секретно
[В] ГЛ. ПОЛИТУПРАВ. КА
т. КУЗНЕЦОВУ
ГЛ. РАЗВЕДУПРАВ. КА
т. ПАНФИЛОВУ

Особый отдел НКВД Юго-Западного фронта сообщил, что при разгроме одной из армейских частей противника была захвачена германская полевая почта № 10603/6, где находилась корреспонденция, исходящая из немецкой армии и из тыла Германии, датированная преимущественно последними числами января с.г.

В своих письмах германские солдаты и часть офицеров описывают тяжелые условия войны на Востоке, массовую завшивленность личного состава, [отмечают] мощь наступательных действий частей Красной Армии, отсутствие каких-либо перспектив на скорое и, особенно победоносное, окончание войны.

Фельдфебель Франц Швур в письме Марионе Бебер 2 января с.г. пишет:

«Эта война меня здорово отрезвила, я теперь стал совсем другим человеком, на многое смотрю не так, как раньше».

Ефрейтор Этрих 19 января с.г. пишет своему другу солдату Курту Бенешу:

«Дорогой Курт, я, к сожалению, узнал, что тебя постигло в России несчастье. Прямо-таки удивительно, как нам всем не везет в России. Сколько товарищей там уже погибло, я уцелел каким-то чудом, но впереди еще много тяжелого. Мы находимся сейчас у Донца. Несмотря на ужасные морозы, русские не дают ни минуты покоя, они буквально травят нас, как собаки травят зайца. Вчера ночью

[1] Сравните с рассуждениями Карло Гинзбурга об инквизиторе как антропологе: *Ginzburg C.* The inquisitor as anthropologist // Ginzburg C. Clues, myths, and the historical method. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 156–164.

был мороз 40°, своих пальцев я уже не чувствую, а ноги — это вообще кусок льда. Вот так-то мы идем к "победе". С меня довольно, мне это смертельно надоело. Мы сражаемся уже 7 месяцев, а толку чуть. Обещанное нам победоносное окончание войны заставляет себя сильно ждать».

«У нас в 150 км южнее Харькова морозы 40°. Нет терпения, на передовой линии настоящий ад, русские непрерывно атакуют. У них много людей, теперь воюют сибирские войска. Да, война жестокая и долгая. Перспектив никаких» (из письма солдата Шварца родителям от 20 января с.г.).

«Не пугайтесь и не расстраивайтесь, но я Вам опишу, каково нам приходится в России. Мы находились в маленькой деревне, откуда нам пришлось быстро смотаться. Два дня нас преследовали и гнали. Ни на минуту не прекращался огонь вражеской артиллерии и пулеметов. Наконец нам удалось оторваться от русских и мы стали строить огневые позиции, но теперь уже мы 5 дней в непрерывных боях. Стрельба не прекращается ни на минуту. На 4-й день к нам подошли танки, но уже поздно, это не спасет нас, мы теряем выдержку...» (из письма ефрейтора Грюнемюллера родителям от 21 января с.г.).

«Я уже не спал несколько ночей, мы все время в боях, быть в дозоре — это настоящая пытка, так как морозы достигают 30—35°, наматываешь на себя все тряпки, но это помогает мало. Русские все время наступают. Загадка — откуда у них столько людей и оружия? Если так еще продолжится несколько недель, не знаю, что будет со всеми нами, это свыше человеческих сил» (из письма ефрейтора Гофмана родителям от 17 января с.г.).

«Мне здесь осточертело. К сожалению, нам здесь придется пробыть, самое маленькое, еще год без отпуска, без всего. Было бы неплохо, если бы мы опять начали наступать, это в 100 раз лучше, чем оборона. Русские каждый раз атакуют наши позиции, они рвутся вперед, как одержимые, несмотря ни на что. О морозах лучше не писать, это какой-то ужас» (из письма солдата Хецгамера своей невесте).

«В эту ночь я чуть не поплатился головой. Проклятые русские, несмотря на Рождество, как раз пошли в атаку, мы же, наоборот, были настроены очень мирно и празднично. Представляешь, что здесь делалось, страшно вспомнить. Правда, мы успели убежать, но праздничное настроение они нам испортили надолго» (из письма фельдфебеля Шлагера своей невесте от 19 января с.г.).

«Вот уже 2 месяца, как я в боях. Морозы невыносимые, кажется, что они никогда не кончаются. Многие отморозили себе ноги... С рождественской посылкой мне не повезло, дивизионная машина с почтой попала под обстрел партизан, и все 160 ящиков с подарками взлетели на воздух. Обидно до слез» (из письма ст. ефрейтора Вальдхера своему приятелю Зюссу в Брюссель от 19 января с.г.).

Немецкий военнослужащий, предположительно на оккупированной территории СССР. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хеллъбеком

«В нашей части больных очень много. Все бы ничего, но грипп дал осложнение на ногу, прошусь в лазарет, но сейчас попасть туда невозможно. Ты спрашиваешь, когда я пойду в отпуск? Выкинь это из головы, война затягивается, и никто не знает, когда это кончится...» (из письма солдата Рудольфа Пальстера своей невесте от 21 января с.г.).

«Дорогая мамочка, пришли мне как можно скорее какой-нибудь мази, мое белье кишит вшами, я расчесываюсь до крови. Все тело покрылось струпьями. Все мы то и дело чешемся. Я боюсь, что если останусь жив, то уже не отвыкну от этой привычки...» (письмо ефрейтора Берке своей матери от 23 января 1942 г.).

«Здесь дьявольски холодно, у русских много оружия. Сейчас нам выдают вино и водку, но и это не помогает...» (из письма ст. ефрейтора Пауля Брауна жене от 21 января с.г.).

В письмах из Германии на фронт родные и близкие сообщают о больших потерях немцев на Восточном фронте и о росте недовольства среди населения.

«Дорогой Франц, мы очень боимся за тебя. Из твоих товарищей 7 человек уже убито: Пауль Шварц, Герман Альт, Иоган Пфейфер, Пауль Лем, Карл Ланге... В рождественские дни получили еще сообщение о многих других. Береги себя» (из письма родителей ст. ефрейтору Швайгеру).

«Как ты думаешь, сколько еще может продлиться война? Я знаю, нельзя жаловаться, но с тех пор как убили Августа, я все больше и больше боюсь за тебя. Милый Ганс, ты уже 3-й год на войне, а ведь я старею, не проходит дня, чтобы я не плакала тайком от матери. Вчера приходила Эльза, ее жених убит. Можешь меня не ревновать, молодых людей здесь нет, мужчин становится все меньше и меньше. После войны их совсем не будет. Страшно подумать, сколько останется старых дев...» (из письма невесты ст. ефрейтору Гансу Хаузеру от 12 декабря 1941 г.).

«Наш бедный мальчик, если бы мы на минутку подозревали, когда ты был в отпуске, что едешь в Россию, мать бы ни за что не отпустила тебя в эту ужасную, холодную страну. Одевайся теплее, будь осторожен. Русские очень хитры, они метко стреляют, береги свою жизнь. К сожалению, посылку мы тебе прислать не можем, так как здесь ничего нет...» (из письма родителей сыну Паулю Штермеру от 13 декабря 1941 г.).

«Дорогой Пауль, берегись выстрела из-за угла, а также русских партизан и лыжников, от которых погибло уже так много наших. Никогда не заходи один в русскую избу. Держись вместе с товарищами и не отходи от них...» (из письма родителей сыну Паулю Штермеру).

«Здесь в Айнбеке все по-старому, правда сделалось гораздо тише, солдат в городе больше не видно, казармы с некоторых пор пустуют, еще осенью здесь стояло много войск. Скоро рождественские праздники. Нельзя сказать, чтобы особенно радовались их приближению. У каждого есть близкие на фронте, беспокойство за них омрачает все, думается, что будет не веселый и не шумный праздник» (из письма солдата Шрайгера своему коллеге от 14 декабря п.г.).

«Ты пишешь, что в России очень холодно. Все эти дни проходит сбор теплых вещей для солдат восточного фронта. Все наши соседи уже давно все сдали, что у них было, но еще ни один солдат не написал, что он что-либо получил, непонятно, как вы там терпите...» (из письма родителей солдата Бегама от М. Люльбак от 28 декабря 1941 г.).

«Дорогой сыночек, если бы ты мог хоть на один денечек приехать в отпуск, хотя бы для того, чтобы вымыться и освободиться от вшей, которые, как ты пишешь, едят тебя и днем и ночью...» (из письма матери ст. ефрейтору солдату Грабаму от 20 декабря 1941 г.).

«Швартбаур Ганс стал счастливым или достойным сожаления отцом. Николай уступил дочку девке Хольцингер. Недолго осталось ждать и многим другим.

Отцы — солдаты отпускники, многие из них уже убиты. То-то кислое лицо сделает священник, увидя столько незаконно рожденных детей. Но что сделать, для женитьбы сейчас не время, а "мир" должен быть населен» (ст. фельдфебелю Францу от его приятеля).

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ АБАКУМОВ

8.04.1942, сообщение НКВД СССР в ГКО о настроениях противника
Совершенно секретно
ГКО — тов. СТАЛИНУ
тов. МОЛОТОВУ
ГЕНШТАБ КА — тов. ВАСИЛЕВСКОМУ
ГЛ. ПОЛИТУПРАВЛ. КА — тов. КУЗНЕЦОВУ

Особый отдел НКВД Западного фронта сообщил содержание писем, изъятых у пленных и убитых солдат немецкой армии, которые характеризуют политико-моральное состояние немецкой армии и тыла в Германии.

«Может быть, я быстрее получу березовый крест, чем те кресты, к которым я представлен. Мне кажется, что вши нас постепенно заедят до смерти. У нас уже все тело в язвах. Когда же мы избавимся от этих мук» (из письма унтер-офицера Лахера солдату Францу Лахеру 13.III-1942 г. Подобрано в районе д. Болгинево).

«Дорогая бабушка и тетя Эльза! Теперь обозы с продовольствием начали к нам приближаться. К сожалению, эти проклятые русские и здесь нам покоя не дают. Имеем дело с парашютистами. В этой стране ты никогда ни в чем не уверен, нужно всегда быть очень зорким» (из письма солдата Шмуца, 90-й артиллерийский полк, 20.II-42 г. к семье).

«Я был бы рад, чтобы уже кончилось нападение русских банд, ибо так мы каждый день являемся кандидатами смерти. Если еще долго продержимся, то не знаю, что делать. Нет ничего страшнее, чем вши, особенно когда чувствуешь, что они ползут по телу» (из письма ст. ефрейтора 107 пехотного полка 37-й пехотной дивизии Вилиома к семье).

«Я думаю, что мы скоро приедем на родину, мы давно этого заслужили. Будешь удивляться, когда я тебе пишу, что наших осталось очень мало. Имеются слухи, что нас скоро сменят. Мы здесь воюем против партизан. Здесь плохо, я хотел бы лучше быть на фронте. Я теперь в одной деревне вблизи Вязьмы. Дороги занесены снегом, который достигает до живота» (из письма ст. ефрейтора Шумана к девушке в Германию, 6.I-1942 г.).

«Нахожусь в деревне возле Вязьмы. Был на передовой, но заболел и меня отправили. Геллер, будучи в дозоре, убит. Здесь много партизан. Тебе вероятно известно, что у нас в роте 6 автомашин. Думаю, что нас скоро сменят. У нас ужасные потери, далее описать тебе не могу. Мы три раза получали пополнение.

Немецкий военнослужащий в окопе. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

Я был бы рад покинуть Россию. Говорили, что к Рождеству сменимся. Теперь, говорят, в апреле, но никто уже не верит. Я у одного русского достал себе валенки, иначе я бы отморозил ноги. Такого Рождества я больше не хочу, в первый день праздника мы строили убежище, кушать ничего не дали, водки тоже нет» (из письма ст. ефрейтора Шумана другу на фронт, 27.II-1942 г.).

«Хотя мы не на передовой, но у нас тоже не легкое задание. Русские пытаются всеми средствами перерезать нам коммуникации — железную дорогу и автостраду, что они делают высадкой парашютистов и партизанами. Наша задача их уничтожить. Представьте себе, что кто выходит в разведку, очень часто не возвращается. Жалко каждого солдата, особенно теперь, когда мы собираемся домой. У нас мало надежды, что мы скоро покинем Россию» (из письма ефрейтора Гаймриха к брату в Германию, 27.II-1942 г.).

«Мы уже 8 недель не мылись и не брились. Ты не можешь представить, как я выгляжу. Я похож на старого моряка, но самое ужасное — это вши. Если бы ты знала, как они нас измучили. Ежедневно я щелкаю по 100 штук. Иногда совершенно нет времени заниматься ими.

Многие из моих товарищей убиты. Это не удивительно, так как в течение 8 недель находимся на передовой и не имеем отдыха» (из письма солдата родным в Германию, 19.III-42 г.).

«Сейчас у меня катар. Зимой все можно получить. Дорогой Ганс, ты еще ничего не отморозил? Мы об этом очень много слышали. Шарри Георг отморозил себе руки и ноги и находится в лазарете в Вене» (из письма от родных на фронт, 8.I-1942 г.).

«Война в России еще долго будет продолжаться. Желаю Вам как можно скорее окончить войну. Как много обмороженных. Это просто ужасно» (из письма ефрейтору Ресгеру от родных).

«Насчет того, что сейчас у нас оживление, но без продвижения вперед, — вполне понятно в такую зиму. С продовольствием становится все хуже. В настоящее время очень многие призываются в армию» (из письма ефрейтору Шитсу от родных, 22.II-42 г.).

«Мадам Ацгет рассказывала мне, что вчера опять прибыл полный поезд с солдатами, обмороженными на Восточном фронте» (из письма жены ефрейтору Гшайдлену, 6.I-42 г.).

«Ты вероятно много пережил на Восточном фронте, я в этом уверен. Когда уже кончится вся эта гадость. Меня больше всего огорчает то, что мы напрасно отдаем свою молодость такой жизни, все это могло быть иначе на свете» (из письма ефрейтора Иозеф Эмиль с Северного фронта к ефрейтору Фаулиштро, 16.II-42 г.).

«Все без исключения теперь мобилизируются. К весне будет 3 миллиона новых солдат. Ничего удивительного, нам нужно много солдат во Франции, в России, можно ожидать нападения со стороны Англии. Когда уже эта война окончится?» (из письма жены к солдату Шварценбену, 16.II-42 г.).

«Тебя, вероятно, радует то, что ты попал в лыжную группу. К великому сожалению, все солдаты сейчас в России, но я не желаю тебе туда тоже попасть» (письмо из Гамбурга солдату Лангбаху — 5 истребительный батальон 106 пд, взят в плен 21.II-42 г.).

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА СССР Л. БЕРИЯ

ИЗ РАЙОНОВ, ОСВОБОЖДЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИЕЙ: «ИЗ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ У НАС НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ КОШКИ. ВСЕ ПРОКЛЯТЫЙ ЗВЕРЬ УНИЧТОЖИЛ» (1943)

В данную выборку вошли письма, полученные военнослужащими 8-й армии из районов, освобожденных Красной армией. Письма были пересланы в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) и в дальнейшем сохранились в фонде ЧГК в Государственном архиве Российской Федерации. Биографическую информацию об адресатах и отправителях установить не удалось.

24 апреля 1943 г., Николай Крылов — отцу

Прим. в оригинальном архивном документе: Письмо из деревни Марфино Знаменского района Смоленской области на имя гвардии красноармейца тов. Федотова Максима прибыло письмо от его сына.

Добрый день!

Здравствуй, дорогой папа. Шлю тебе массу наилучших пожеланий и желаю всего наилучшего в твоей жизни. 12 апреля мы услышали от тебя слух, что ты жив, и так сильно были рады, что трудно даже высказать. Первое, что получили мы от тебя, это письмо, которое ты прислал на сельский совет. Дорогой папа, на утро 12 марта нас освободила наша доблестная Красная Армия от проклятых, кровожадных и вшивых немцев. Какие трудности мы перенесли за этот период оккупации — не советую увидеть даже в войне, а не то чтобы глядеть это и переносить на глазах, на своей спине. Дорогой папа, я был забран проклятыми зверями, и за 30 км дер. Ивашково мы удрали. Мама и Настя тоже были забраны. Настя ушла из дер. Ряпцево, а мама из дер. Сычево.

У нас уже работают все организации: совет, школа, почта. Шурка Качурин председатель сельсовета, Арбузов Евтих — председатель нашего колхоза, Русаков — бригадир. В нашей деревне сгорело 17 домов, остальные остались, в том числе и наш. Школа в Волочке большая сгорела. Ты небось уже слышал в газете, что получилось у нас в Волочке. Проклятые фашисты расстреляли 17 человек мужчин, 1 женщину, в том числе Бежуткина с сыном, Дамнида — сапожника, учителя Ивана Александровича Кольцова. В дер. Рудулево за Пигулином, в которой проклятый немец сжег 125 человек мирных жителей.

Дорогой папа, отомсти проклятым фрицам за наши тяжкие переживания. Сердце рвется, как вспомнишь про все немецкие издевательства. Дорогой папа, из домашних животных у нас нет ничего, кроме кошки. Все проклятый зверь уничтожил. Взял у нас 3 овцы, уничтожил курей.

До свидания. Целую тебя 10 000 раз.
Твой сын Николай (Крылов)

27 марта 1943 г., Агафья Евсюкова — Якову Евсюкову

1560 полевая почта, часть 593, Евсюкову Якову Давыдовичу

Ворошиловградская область, Покровский р-н, колхоз «Волна пролетария». Евсюковой Агафьи Митраф.

Пущено письмо от твоей жены Агафьи и от твоего сына Анатолия. Мы тебе сообщили, что мы пока живы и здоровы, того и тебе желаем. Яша, я тебе сообщаю, что дочку Катю забрали немцы в Германию, а Толик уже большой, как за что-нибудь побранюсь, а он говорит — подожди, вот папа вернется, так он тебе даст.

Яша, брат Ваня еще дома, Максима Матвеевича взяли на службу.

Яша, живем ничего, телку взял немец и козу, остались мы с Толей вдвоем. Передают тебе все родители и знакомые по низкому привету. Яша, как мы рады, что получили от тебя письмо, я думала, что тебя уже нет, но ты пока жив.

Яша, ты пишешь, немец был или нет. Немец у нас был 6 месяцев. Федю сестры взяли немцы у подвозчика, Дениса Евсюкова, Данченкова Ивана, Евсюка Бабкина, Сашку Гордиенко убили. Захар Золотарь домой пришел. Митро Карастель ранен в ногу, Япуша Гурьев ранет в руку, Афоня тоже в руку ранен. Они были дома при немце, и когда наши отступали, тогда их взяли.

Яша, Вася Полотянкин у нас председателем в колхозе.

Ну, пока до свидания, остаемся живы и здоровы, того и тебе желаем с сыном. Возвращайся живым и здоровым и поскорее разбивайте вонючего фрица и приходите домой с новыми силами.

Весна 1943 г., неизвестный адресат

Мой родной братик, сообщаю тебе печальный случай, как и мне, немцы расстреляли маму, Нюру, Иру, Марусю, Марфушу, Петю, забрали все и сожгли дом, все наговорил Роман, прислала мне письмо Настя. Родной мой брат, тяжело после таких сообщений и просто великое горе, я переносить не могу, я сейчас без руки, но я не могу не идти на фронт, я не могу больше ничего ждать.

Мой родной брат, приложи все силы к тому, чтоб отомстить бандитам, ты еще здоров и я знаю, что ты сможешь отомстить. Больше писать я не могу, ты должен сам понимать.

Пиши чаще письма, мне легче будет.

Твой брат Грося

2 апреля 1943 г., Наталья Никитина — Петру Исаеву

Здравствуй, Исаев Петр Михайлович, во первых строках сообщаю, что письмо Ваше получила Наталья Борисовна 1 апреля, Прокопова сестра, хотя оно не на меня писано, но я решила написать. Моя мать была в районе и взяла твое письмо. Петр Михайлович вы пишете своим родным, но их давно нет. Отец, мать твоя и брат Коля погибли в 1942 году 2 февраля, и погиб мой брат Павлушка. Моисей и его сын Коля и Нина, Андреев Коля, Фадей, много людей погибло и умерло, а в нашей деревне совсем нет, от твоих родных осталась одна сестра Нюра, но ее

сейчас нет, она пошла в ФЗО, я ее просила сообщить, где она будет находиться, но мне от нее не было ни одного письма. Затем до свиданья, как получишь мое письмо, так пиши свой ответ. Мы живем сейчас в Фоминском с/с, дер. Александровке, Смоленской обл., Велижеский р-н, Никитиной Наталье Борисовне.

25 февраля 1943 г., Логвин Бугаевский — Ивану Бугаевскому

Здравствуй, Ваня Логвинович, письмо от родителей твоих папаши Логвина Власовича и мамаши Анны Григорьевны, а также от брата и сестер сообщаю тебе я, Ваня, если ты жив еще, что мы находились под игом фашизма 7 месяцев, сейчас благодаря Красной Армии и великого полководца тов. Сталина нас освободили из-под немецкого сапога. Какие делал проклятый фашист надругания над населением — не давал кушать, а работу спрашивал палкой и плеткой, а также надругался над женщинами. Сейчас после освобождения мы живем ничего, хлеба дали по килограмму на трудодень, а проклятый фашизм последний кусочек отнимал. Забрал коров, свиней, кур и гусей, все, что ему нравилось, то и тащил. Дорогой сынок Ваня, еще я тебе пишу, что семейство дома, все живы, но одного Власа нет, увезен в фашистскую Германию и много молодежи около 100 человек хлопцев и девчат. Ваня, пока до свидания, если жив, то скоро дай ответ, хотя 5 слов напиши, если такового нет, то прошу товарищей и командиров, напишите ответ родным по адресу: Ворошиловградская область, Мостовский р-н, село Климовка, Бугаевскому Логвину Власовичу.

Дорогой сыночек, если мы с тобой осведомимся письмами, то я тебе тогда все сообщу и все опишу, как люди страдали под немецким сапогом и как Петьку били костуром и плеткой. Все, пока до свидания, Ваня. Твой отец Логвин Власович.

Передаем все вообще все семья низкий поклон тебе, Ваня, и привет бойцам и командирам от всего нашего семейства и желаем всего наилучшего в Вашей жизни.

18 апреля 1943 г., семья — Алексею Маричеву

Письмо, присланное на имя Маричева Алексея Павловича из села Саввина, Кармановского района, Смоленской области

Добрый день!

Здравствуй, многоуважаемый двоюродный брат Иван Андреевич. Письмо от сестры Анастасии Ефимовны, посылаю я вам свое наилучшее почтение и с любовью низкий поклон и желаю всего хорошего в вашей дальнейшей жизни и учебе и службе. Еще привет от мамаши Маланьи Ильинишной своему сыну Ивану Андреевичу, передаю я вам свой пламенный привет и желаю всего хорошего в вашей дальнейшей службе. Еще привет от братьев: Михаила Андреевича и Дмитрия Андреевича и сестры Анны Андреевны и тети Анастасии Ильиничны и двоюродной сестры Марии Ефимовны и Анатолия Ефимовича и от Ивана Егоровича.

Теперь, дорогой Иван Андреевич, я вам сообщаю, что письмо мы твое получили 17.04.43 г., за которое очень большое спасибо, теперь мы вам даем ответ. Теперь ты пишешь, как у нас проходила жизнь в тылу. Занял нас немец 12 ок-

тября 1941 г., начал устанавливать власть, до весны 1942 года подчинялись ему, весной появились партизаны, стали жить с ними, ночь партизаны приходят, а днем немцы приезжают грабить людей, так что жили до самого освобождения с партизанами и наш район считался партизанский, пропуск нам никуда не давали и вешали людей и расстреливали. Теперь уже 9 недель освободили нас от него. Начал бомбить деревню, разбил нашу хату, совсем убил корову, повытаскивали все картофель и все барахло. Сейчас я нахожусь у сестры на квартире.

Наталья Ф. умерла еще весной 42 г., от отца еще нет слуха. В настоящее время фронт от нас находится в расстоянии 10 км. Ну мы пока на месте, никуда не трогались, пока все еще живы, Иван Андреевич. По получении письма давайте ответ поскорей. Иван Андреевич, нельзя ли вам карточку прислать хотя бы теперь посмотрели.

Ну пока до свидания.

С приветом — Сидоров

9 марта 1943 г., Алексей Майфет — Василию Майфету

Здравствуй, дорогой брат Вася. Вася, брат, прими от нас самые скромные приветы от мамы, от брата Лени, от сестрицы Раи и от братика Шуры. Вася, братуха, мы живем пока благополучно, хлеб есть, картошка есть, все есть кушать, но некому. Вася, братуха, мы переживали очень трудно немецкий период. Вася, братуха, мы получили письмо от папаши и узнали, что они еще живы и здоровы, что они сейчас находятся возле Дона. Мы еще узнали, что ты, братуха, жив и здоров. Вася, братуха, мы еще узнали про дядю Ивана Майфета, что он идет домой, он инвалид. Вася, братуха, а дядю Емельяна и дядю Яшу не слыхать, еще не слыхать Иванюку М.

Вася, братуха, озимого хлеба посеяли на каждый двор по 2 гектара. Вася, теперь я опишу что осталось после немца в колхозе, осталось 40 пар худобы в колхозе, осталось на сотню лошадь, осталось коров на сотню, осталось в колхозе овец на 300 голов, осталось свиней 60 голов, осталось в колхозе курей на 1500. Вася, пчелы остались все целы, мед весь забрал. Вася, братуха, я тебе описал, что осталось после немца. Вася взял тысячу худобы, что ездит на 500, а забрал брычек на сотню, взял рогатого около на 10 тысяч, взял свиней на 500 голов, порезал взял овец сот на 400 голов, забрал много зерна, пшеницы и др. сортов.

Вася, когда отступали русские полицейские, то хуже делали немца. Вася, были у нас дядьки с Марухи, дядька Кузьма Пронозын, то говорили за исключение всех дома. Вася, братуха, это адрес папаши: 1583, п/п, часть 500. Майфет И.П.

1550 п/п часть 501

Майфет Василий Игнатович

Краснодарский край, Отрадненский р-н, село Покровское. Майфет Алексей Игнатович

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ: «Я ТАК ЖДАЛА КРАСНУЮ АРМИЮ» (1944)

В данную выборку вошли письма, присланные в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Автор первого из них, Наум Борисович Хандрос, до революции был учителем (меламедом) начальной еврейской школы (хедера) в селе Озаринцы (Украина), позже стал организатором первой светской школы в том же селе. Войну провел в гетто в Озаринцах. Отец кинодраматурга Бориса Наумовича Хандроса. Биографическую информацию о П.М. Пименовой установить не удалось.

9 мая 1944 г., Н.Б. Хандрос, завшколой м. Озаринцы

При вступлении фашистско-румынских войск 21 июля 1941 г. все еврейское население местечка была насильно согнано в помещение синагоги, где над ними всячески издевались. 79 жителей м. Озаринец было убито в те дни. Среди них отец и сын Х.Ш. и Ш.Х. Шойхет, обоих зарезали, издеваясь над ихними телами. 70-летнего Фукса Исаака убили постепенно, отрезав ему руки и ноги, выкололи глаза. Таким же зверским образом были растерзаны гр. Энтин И. (начальник радиоузла Могилев), гр. Вайншток А.Б. (бухгалтер колхоза Ворошилова) и другие.

Раненный убийцами аптекарь Барг Л. был заживо закопан. Из одной только фамилии гр. Гасс Леи погибло 17 человек. Фашистские изверги изнасиловали больше 50 девушек, среди них дети 12—13 лет. Все имущество населения было разграблено, дома частично разбиты. Местечко потеряло 50% жилой площади. Полностью было разграблено школьное имущество. Враги издевались, превратили библиотеку (1985 книг) и ценный школьный музей в хлев, уничтожив все ценные книги и ценные коллекции, также весь музыкальный инструмент школы.

За период оккупации население подверглось страшным издевательствам со стороны германско-румынских правителей.

Большая часть жителей было сослано в печерский лагерь смерти, в концлагерях Трехатки-Тульчино, где в ужасных условиях, питаясь отбросами, они работали с утра до поздней ночи на торфоразработках. Там погибло 6 человек из нашего местечка. Разные румынские мародеры, агенты сигуранцы, всячески притесняли население, стараясь убить у них живое чувство, человеческое достоинство. Уже перед приходом Красной Армии фашистские бандиты, вымещая свою злость за фронтовые неудачи на мирном населении, убили еще трех граждан. Остальные были спасены только благодаря одному победоносному походу Красной Армии и вмешательству героических партизан.

Лишь при появлении доблестных разведчиков Красной Армии жители оставили свои убежища — норы в окрестностях, где они томились долгое время.

12 июля 1944 г., П.М. Пименова

Товарищ председатель!

Обращаюсь к вам с большой просьбой, не оставьте моего письма без внимания и без ответа. Это пишет вам мать двоих детей, мать двоих малюток-девочек 8 и 4 лет, которых у меня забрали немцы. У меня муж еврей, мы не эвакуировались. До занятия фашистами нашего города, я целых 14 месяца была с маленькой дочерью, тогда еще не имевшей 2-х лет, в городской больнице, у нее был брюшной тиф, болезнь серьезная, я буквально ребенка вырвала у смерти, и она выздоровела. Мои дети вообще очень болели в детстве, но потом они стали такими здоровенькими, такими красивыми, умными, большими детьми. Мой муж скрывался два года как от фашистов, так и от знакомых, но 17 июня 1943 г. при чисто случайных обстоятельствах по указанию одного из агентов в С.Д., а именно Чернова Анатолия Федоровича, были взяты мой муж и мои дети. Мужа они посадили в городскую тюрьму, а детей они куда-то увезли. Мне говорили, что они живы, находятся в какой-то колонии, я о них много слышала, мне говорили наши люди. Я детей искала всюду, но найти нигде не могла, а меня все боялись, как говорят сейчас, они боялись, чтобы я не рассказала, кто говорит мне о моих детях. Я была слишком слаба и они мне не доверяли, понимаете ли вы меня?

Муж мой сидел в нашей никол. тюрьме 8 месяцев. Я его часто видела, я ему носила передачу, и за несколько недель до прихода Красной Армии 11 марта 1944 г. мой муж был эвакуирован через Одессу в Германию, как ходили слухи. Жив ли он сейчас или нет, ничего не знаю. Я мужа провожала до Варв. моста. Муж взрослый, а детишки мои, мои малютки, где они? Я так ждала Красную Армию, я думала, что мне кто-нибудь что-нибудь скажет о моих детях, но теперь, куда я ни пойду, нигде ничего и никто не знает, все смотрят с таким удивлением и любопытством. У меня все внутри изныло. Не оставьте хотя бы вы меня без внимания, дорогой председатель, поймите несчастную мать, напишите мне, как я могу узнать что-нибудь о моих детях, у нас забрали очень много детей с так называемого смешанного брака. Говорят, их увозили куда-то, самых красивых и здоровеньких. Я знаю, что 17.07.43 г. было увезено 6 вагонов детей на Умань через Ник. городскую станцию, но что то за дети, я не знаю. Ведь здесь есть люди, я думаю, что тогда были в СД, когда увозили детей, кто-нибудь да знает, а может, знаете Вы, может вы займетесь этим вопросом. Все говорили, раз жив отец, дети живы. Может быть, они чисто случайно как-нибудь остались жить, а если их нет, вы знаете точно, напишите мне тоже, жду с нетерпением ответа.

Мать Пименова П.М.

Клавдия Боркова: «БИЛИ НАС НЕ НЕМЦЫ, А КАЗАКИ И ПЛЕННЫЕ, КОТОРЫЕ ПРОДАЛИСЬ НЕМЦАМ» (1943)

Ниже приводится письмо Клавдии Ивановны Борковой из Ростова-на-Дону на фронт мужу Петру Яковлевичу Середину, пересланное им в газету «Известия» и в дальнейшем пересланное редакцией «Известий» в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

17 июня 1943 г., П.Я. Средин — в газету «Известия»

Прочитав письмо бойцам своего подразделения, решил направить на Ваше имя, чтобы узнали все, как немецкие изверги вводят новую культуру в Европе. После читки настоящего письма к-цы и командиры нашего подразделения поклялись отомстить ненавистному врагу, ибо за такие муки и издевательства еще больше разгорается ненависть и презрение к проклятым извергам фашистским гадам немцам. Середин П.Я.

Полученное письмо на имя Середина Петра Яковлевича из города Ростов на Дону от жены Клавдии Ивановны Борковой.

Без даты, предположительно 1943 г., К.И. Боркова — П.Я. Середину

Здравствуй, дорогой мой Петя. Первым делом моего письма сообщаю тебе, что я получила твою записку, т.е. маленькую для меня открытку, в которой я прочла много для меня радостного. Петя, я очень рада, что ты меня не забываешь. Петя, коротко о своей жизни при немцах. Петя, как тебе известно, я думаю, что ты знаешь, что мы были заняты 25.07.42 года проклятыми извергами. Петя, я сейчас тебе коротко опишу, как я попала в тюрьму. Петя, когда наши уходили с Ростова, и я вот решила вместе с тетей своей в чем были на улице так и уходить с последними войсками, но нам не удалось, ибо все было повреждено, и через Дон мы не смогли переправиться, не только мы, таких, как мы, очень много было. Петя, 26.07.42 года в нашем доме были партизаны. Петя, это были самые настоящие бойцы, преданы нашей Родине, сражались они очень метко с фашистами. Петя, в том числе нас участвовало много женщин с нашего двора, и вот изверги решили вывести весь Буденовский переулок за город и изловить этих партизан. Петя, когда выводили всех жителей с двора, то двор стал пустой, и сразу нагрянули изверги и стали по нашему дому бить из танка, а у нас, Петя, и патроны на исходе, но мы сражались очень крепко.

Петя, конечно, ты можешь мне не поверить, но я пишу тебе всю правду. Петя, мне удалось с 3-мя бойцами, и две какие-то женщины к нам пристали перебраться в другой дом на чердак. Вот Петя, это же ты думаешь кто продает нашу Родину? Конечно те, которые ждали немцев. Русские решили, поскольку

пришли немцы, значит, все, возврата русским нет. И вот, дорогой мой Петя, когда нас изловили всех, кто прятался на чердаку, и нас повели в комендатуру, Петечка, пишу тебе, а сама не могу, сильно волнуюсь, если бы ты видал смерть тех героев, которые были расстреляны фашистскими извергами, в том числе пала моя дорогая и любимая тетя, и еще если ты помнишь Надю Сарачеву, работала у нас в цеху на штампе. Петечка, расстреляли их всех на моих глазах в тюрьме на Богатановском, а меня, Петя, очень сильно били розгами и плетками, и меня, Петя, решили оставить для того, чтобы я выдавала остальных, кого я знаю из отставших партизан. Но я, Петя, держалась стойко, за что не раз получала розги.

Били нас не немцы, а казаки и пленные, которые продались немцам, Петечка. Сидела я в карательном отряде СС, допытывали нас всех там очень жестоко, нам выкручивали щипцами наше тело, крутили руки, в общем, Петечка, ты не можешь себе представить, какой я перенесла ужас. Ты думаешь, что я пишу тебе какую-нибудь ложь, нет, дорогой мой Петя, это все правда. Я, Петечка, просидела ровно месяц с 27.07.42 года по 25.08.42, и эти изверги решили, что с мной ничего нельзя выпытать, тогда решили они посадить мою мать, которая ни в чем не виновата, тоже допрашивали, почему мать моя не хочет сказать, что я член ВКП(б), а также тетя моя, и знает ли мать, кто еще остался из коммунистов. Мать ничего им не сказала, но когда мать стала отказываться от меня при очной ставке, я, Петечка, не выдержала, бросилась к ней со слезами и сказала: мать ни в чем не виновата. И вот, дорогой мой Петечка, я с матерью посидела еще месяц без допроса.

Петечка, ты не можешь себе представить, как я испытала тюремную жизнь. Петя, нам, как посадили, ничего не давали кушать, я сидела 8 дней в одиночке, по мне бегали крысы и мыши, мне было ни капельки не страшно, и я даже не разу не заплакала, когда меня били, я держалась очень стойко, я только заплакала тогда, когда посадили мать. Петечка, таких, как я, сидело очень много, все были очень несчастны, все только и ждали, когда откроется ключ и дверь, Петечка, кого из наших товарищей поведут на расстрел, так если бы ты видел, как мы прощались, мы кричали в окна: товарищи, прощайте, мы тоже с вами, ждите нас. Петя, это был какой-то ужас, Петечка, если ты помнишь Татьяну Андреевну Ронскову, депутат Верховного совета, вот я с ней сидела в одной камере. Петечка, ее поймали изверги в деревне и привели в Ростовскую тюрьму, и у нас с ней были все мечты по освобождению пробиться до красных, но Петечка, она погибла тогда, когда гитлеровцы покидали наш Ростов, они взорвали тюрьму вместе с народом, погибло очень много, и город Ростов стал неузнаваемый, начиная с Ленгородка и кончая раб.гор все дома разрушены и погорелые. Петечка, а еще сообщаю тебе, что проклятый изверг очень много молодежи угнал в Германию.

Петечка, а я сама не знаю, как я осталась жива и что за причина, меня выпустили и сказали, чтобы я обязательно остерегалась, и вот, Петя, я перенесла весь этот ужас, и таких, как я, очень много, когда приедешь, все подробно узнаешь, а за меня пока не волнуйся. Сильно очень болела, но ничего не поделаешь, ибо этот Гитлер изверг очень много горя принес всем тем, которые не смогли уйти. Петечка, я кончаю свое письмо и прошу тебя мстить этому паразиту за погибших своих товарищей. Петечка, ты меня извини, что я ничего не писала,

но я не могу спокойно писать, прошу тебя, мсти проклятому псу и возвращайся с победой домой.

Петя, напиши, как проходит твоя боевая жизнь, опиши все подробно о себе. Я когда сидела в тюрьме, то очень сильно скучала за тобой, но ничего, надеюсь, что мы с тобой как товарищи еще встретимся и тогда поговорим обо всем. За меня не волнуйся, пока тебя не забыла, скучаю за тобой, все жду тебя.

Петечка, за твоих родных ничего не знаю, ибо сейчас далеко не могу ходить, как поправлюсь немного тогда и пойду, а сейчас пока, Петя, до свиданья, целую крепко-крепко тебя в алые губки, жду тебя с победой домой. Мсти за меня врагу, еще раз до свиданья, остаюсь твоя любимая белочка Клава, пиши мне письмо быстрее, ибо это для меня большая радость. Петя, все, что я тебе писала, если не веришь, приедешь все сам узнаешь и увидишь свою белочку, какая стала. Еще раз до свиданья, целую, жду ответ. Твоя Клава.

Фотохроника ЛенТАСС: Лагерь смерти в поселке Клоога (Эстония). На снимке: костры с трупами. Фото Р. Мазелева и С. Сучатова, октябрь 1941 г. Из фондов РНБ

Ольга Малиновская: «НА КАЛИТКЕ БЫЛА НАДПИСЬ “УКРАИНЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН”» (1944)

Ниже приводится письмо О.И. Малиновской к Н.С. Люткевич-Тихой, сохранившееся в фондах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Биографическую информацию об адресате и отправителе установить не удалось.

6 марта 1944 г.

Здравствуйте, дорогая и милая Надежда Степановна!!!

Пишу Вам письмо из Рокитно. Уже третий день, как я нахожусь в Рокитно. Завтра еду обратно. Буду ставить вопрос перевода на работу в Рокитянский район. Надежда Степановна! Трудно представить все то, что сделали немцы здесь. Сколько принесли они горя, это не поддается описанию. В самом местечке уничтожены дома: райисполкома, райкома комсомола, почты, радио, сберкассы и много жилых домов. Наполовину разрушенные стоят дома райкома партии, парткабинета, универмага, ресторана, аптеки и много других жилых домов. В десятилетке устроили немцы гараж, сделали двери и там ставили свои автомашины, выбросили пол. Дом стоит, но нужно ремонтировать, давать капитальный ремонт. В доме, где жили учителя, и вы, в том числе, жил немец — сельскохозяйственный комендант, он занимал весь дом. Не калитке была надпись «Украинцам вход воспрещен». Этот дом сохранился, и сейчас в нем учреждения райкома партии, райисполкома, районо и прочие.

Юзефовская школа стоит на половину разрушенная, дом, где жили учителя Юзефовки, совсем уничтожен. Садик десятилетки почти уничтожен, а за садиком сейчас собирается базар. Потому что на площади базарной бывшей построили дома два полицая.

Вот вам краткая наружная фотография. Была в селе, ходила специально к Христе Саенко. Беседовала. Все ваши вещи у нее забрали. Так полицай Сатин Михаил Левкович забрал кровать, а остальное забрал начальник полиции района Сокальский и Пустовой (они взяли патефон, самовар, посуду и прочее).

Эти-то негодяи забрали все мои вещи. Нет у меня ничего. Но я не тужу, и вам рекомендую не унывать. Мы все это наживем, они уже некоторые получили виселицу, а остальные удрали с немцами, но их ждет виселица. Христя очень хочет, чтобы вы приехали. Она [нрзб.] семена картошки. Огород будет засажен. Я вам пишу от чистого сердца, если только уже приехал В.Д., собирайтесь ехать. Напишите мне, я пришлю вызов. Прожить можно. Была сегодня на базаре, продукты питания есть, цены на них так же, как у нас на приезде в Хорошее и Полтавку.

Я вас жду не позже мая месяца 1944 года. Даю вам время на сборы не больше месяца. А раз так, то чтобы вы лучше мне выслали телеграмму о согласии, и я буду слать вызов.

Теперь пару слов за судьбу, которая постигла Присяжных. Вы помните, что они Роману отдали корову и кое-какие вещи. У Романа корова сохранилась, потому что он был полицейским. Но у него, как полицейского, теперь забрали корову на мясопоставку. Но корова в селе, и я предупредила, чтобы сохранили эту корову. И корова у них будет. А вещи сохранились у Романа. Роман опять устроился, он работает на мельнице. Дом Присяжного сохранился хорошо, а другая половина, ее занимала Нилла Платоновна, в плохом состоянии. Валя Похилько пребывал в Синяве и жил в школьном здании. Он был некоторое время старостой села, а потом каким-то немецким обдирачем. В общем, этот трус и немецкий помочник работал для немцев. А с приходом Красной Армии — ухитрился пойти в Армию, побыть 2—3 дня где-то возле боя и поцарапать лицо. И считается «раненым бойцом». Чуйковы обое работали несколько месяцев в школе, он преподавал Закон Божий. Потом в Любянке 2—3 месяца был старостой.

Сейчас живет в школьном здании и нигде не работает. Мартынюк с женой воровали все, что попадало под руки, а Ручку перепадало меньше, и он заявил немцам. Был сделан обыск у Мартынюка, и он где-то смылся, и сейчас не известно, где он и его семья.

Ключевская — хотела выслужиться перед немцами и отправила двое своих детей в Германию добровольно. Это, кажется, одна из глупых выходок во всем роду. Все принимали всякие меры к тому, чтобы удрать от мобилизации в Германию, делали себе всякие увечья. Ибо каждый знал, что хотя немцы обещают «горы золотые», но в Германии было рабство, перед которым бледнеет рабство Средневековья.

Надя Сатыренко была увезена в Германию, уже там погибла от туберкулеза. Немцы убили Хайкина и Осу. Славной смертью, как большевики, погибли Болозовичи. Они спасали некоторых людей (евреев) и Красное знамя. Перед смертью они поцеловались и с верой в будущую победу Красной Армии, они стали перед ямой и немецкие предатели их убили.

Скажу Вам одно, что честным и живым человеком оказалась Шосталь Мария Васильевна, она директор детдома Юзеровского. У нее я ночевала две ночи. И пишите ей о всем. О других я напишу в другом письме. Они, возможно, придут вместе, но не удивляйтесь, я их пишу одновременно. Вас прошу написать мне подробно о Алтае. Есть ли В.Д. Привет ему. От вас я передала приветы некоторым людям. Пишите учителям только тем, которых я вам укажу. Целую крепко. Подпись.

Привет Вам от Марии Викторовны.

Жду ответа.

Виталий Зайцев: «НАС ПРОСТО КАК БЫ ЗДЕСЬ НЕТ» (1995—1996)

Виталий Николаевич Зайцев (1977—1996) родился в поселке Матвеев Курган Ростовской области. Был призван в армию 5 июня 1995 г., в июне 1996 г. был направлен на службу в Чечню, участвовал в боях в Шатойском ущелье, где погиб 19 августа 1996 г.

7 июня 1995 г.

Здравствуйте, Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишу письмо вам прямо из поезда, который следует по направлению в Сев. Осетию г. Владикавказ. Все то, что говорили в нашем военкомате, это все ерунда. Забрали нас в мотострелковую дивизию шоферами БМП и машины «Урал». Но я точно не знаю, кем буду, потому что там есть разведрота, десант и т.д. В Батайске я пробыл 3 дня всего. Два дня в 5 роте резерв и потом дали команду 1052Б и на 3 день в 12.00 повезли в Ростов на вокзал, сели на поезд и вот едем. В Батайске с нами обращались хуже, чем с зэками в тюрьме. Утром в 5.30 подъем, водные процедуры 15 мин, потом построение. После построения все идут в кино стоимостью 4 тыс., у кого нет потом уборка в обезьяннике, где мы в основном проводим все свое время, и опять строевая. Так что лучше сходить в кино и поспать там, и так 3—4 раза на день. Цены там очень дорогие. Я оставил 100 тыс. в части, но потом, когда за нами приехали, я познакомился с одним дембелем, и он сказал, что все деньги в части сразу заберут. Так что я взял в дорогу напитка и перекусить немного, да и в Ростове на вокзале с ним поел.

А вообще он говорит, что там служба будет хорошая, с М. Кургана там много пацанов.

А со мной с Кургана едет С.Ш. и с Рясного пацан, так что мы держимся вместе. Мам, вы извините, что плохой почерк, я пишу сидя, и тем более в поезде на ходу.

У майора спрашивали насчет Чечни. Так что не перелетайте — скажу прямо, раньше чем через 6 месяцев не пошлют, ну а потом, если не закончится война, — обязательно. Ну, вы не расстраивайтесь, все будет нормально, так нам сказали дембеля, которые уже это прошли. Конечно, я жалею, что вам это написал, но лучше все сказать сразу.

Я вам высылаю фотографию, где я со Славой П. из Рясного. Мы с ним вместе и призывались. В Батайске спали в казарме на деревянных стеллажах со вторым этажом, обтянутые дерматином. В казарме духота и воняет носками, ну через это все я уже, слава богу, прошел. Ну, как вы говорили, что у меня еще будет время обо всем вспомнить. Что я делал дома, и как с вами разговаривал, это так и есть.

До свидания. В отпуск пообещали только через один год. Ну, все! Я приеду в часть и напишу свой адрес.

7.06.95 год.

Не получилось у меня выслать письмо из поезда, и я его высылаю с части. Насчет того, какая служба, нас обманули — здесь место отшельника. Кормят плохо. Короче, будем служить 1,5 года, но через 3 месяца точно едем в Чечню, а там одна неделя идет за три. Нас здесь готовят к этому. Вчера один парень вышиб себе глаза, ковырялся во взрывателе, и он стрельнул, ведь мы же саперы. Ну, все. Если можете, приезжайте 24 июня к 25 июня.

8 июня 1995 г.

Здравствуйте, мама, папа, Игорь и Женя! Пишу вам письмо прямо из части. Попал я в мотострелковую дивизию в инженерно-саперную роту. Здесь непривычно, домой хочется. Мам, насчет того, что я писал в первом письме, будет (война в Чечне) точно через полгода, но говорят 3 мес., об этом здесь все только и говорят. Ты напиши письмо Сашке Гончарову, пусть он там поговорит о том, что он обещал. А обещал он, если что, договориться перевести в другую часть. Не знаю только, получится ли это. Я здесь не вытерплю. С Батайска мы ехали на поезде 12 часов, потом нас на военных машинах отвезли в часть и поделили по ротам. Сашка оказался в другой роте. Ну, мы видимся. С Кургана там больше никого нет, кроме нас, а с области многовато. Эта часть находится прямо в городе, вокруг везде горы, сейчас здесь грязь, ветер, солнца нет, в общем, климат плохой, но воздух свежий (и солнца никто никогда здесь еще и не видел).

Ну ладно, мама, папа, до свидания, а то у меня мало времени писать. 25 июня у нас присяга, ну вы, наверное, не приедете, а если надумаете — напишите. Будете ехать, возьмите: станок, лезвие, белые нитки и конверты. Поезд с Ростова отправляется в 15.20 «Москва-Владикавказ». Если сможете, приезжайте, а то нас в отпуск совсем не отпустят, так как идет война, а эта часть имеет прямое отношение, ну вы поймете. Поговорите с Сашкой или с Женькой, соседом, пожалуйста. Говорят, будем служить 1,5 года, но там будет видно. Пишите, буду ждать и приезжайте (постарайтесь).

Виталик.

Мам, я пишу на втором письме, еще одно письмо я ложу в один конверт, так как конвертов у меня больше нет, все забрали: и пасту, и щетку, и тетрадь с адресами, и конверты. Ну позже я, может, заберу. Я написал одно письмо еще в поезде, и там фотография, но неоткуда было его послать, и у меня его забрали, но когда отдадут, я его сразу же вам вышлю. Здесь очень плохо, но вы не расстраивайтесь, я, может быть, и отслужу, но только что сказали, что через 2—3 месяца едем в Чечню, так что все может быть. Ты, если сможешь, приезжай с папой, а если не сможешь с ним, то сама, ведь ты в отпуске или наоборот. Папа, напиши, как у вас там дела, как Маячок и ездишь ли ты на нем за сеном. Как прошли проводы, и не осталось ли после них проблем. Что там с музыкой. Пап, ты правду говорил, что у меня будет время подумать обо всем, подумать и все вспомнить, что дома говорил и как с вами разговаривал, и лучше бы я работал дома как леший, чем тут служить. То, что говорили в военкомате, все ерунда. В Батайске расформировали по-своему. Много поехало пограничников в Сочи,

но нас не брали, а повезли в это гнилое место. Здесь у всех одна дорога — на войну. Но можно по желанию и не ехать туда. Конечно, я лучше поеду, чем быть здесь. Игорь, напиши и ты, как у тебя там дела, как пацаны, передавай им привет, может, я им не напишу, так как адресов нет, если сможешь, напиши адреса. Женя, и ты хотя бы два слова чиркни про свою жизнь и ездишь ли ты на лошади. Ну ладно, буду заканчивать, нужно идти на ужин. Кормят плохо, вечно голодные, одна и та же каша, хуже, чем вы варите свиньям. Так что, если будете ехать ко мне, возьмите что-нибудь домашнее. С куревом плохо, так что я бросаю курить, хотя почти и не курил. Но захватите хотя бы пачку. До свидания! Желаю вам здоровья и долгих лет жизни. Жду письма с ответом, (приезжайте).

11 июня 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя. Пишу вам уже третье письмо, но еще не вижу от вас ответа. Не знаю, или они еще не дошли, или мои письма к вам не пришли. Я не могу дождаться от вас письма, здесь так скучно, очень строго. Строевыми нас уже забодали. Деды ремнями бьют, ну это терпимо, а вот в столовой плохо кормят, все время каша, как вы варите свиньям, все собрано до кучи, и кисель. У нас спрашивали, кто имеет при себе права, так как через 2—3 мес. едем в Чечню, а шоферов мало. Ну я записался, хотя можно было отказаться и вообще остаться здесь в части. Ну, пацаны оттуда приехали, говорят, что там хорошо, но только снайперы убивают много солдат.

А я лучше поеду туда, чем здесь умру с голода и от такой строгости. В увольнит. здесь не пускают, так как здесь в городе очень много солдат находят порезанными.

Мама, папа, если вы сможете, пожалуйста, приезжайте ко мне. У нас 25.06.95 г. будет присяга, ну вы числа 23—24, чтобы были уже здесь. Я не знаю, поезд «Москва-Владикавказ» останавливается в М-Кургане или нет. Ну, в Ростове он в 15.20 отправляется. Так что если сможете, приезжайте. Моя часть находится прямо в городе, здесь 2 части, но наша небольшая, и вокруг обгорожена высоким желтым забором, сверху колючая проволока, и видны 2-этажные и 3-этажные казармы. Тоже желтого цвета. Номер части вы знаете, просто, когда на КПП будете спрашивать, скажите, что я из саперной роты «ИСР», не забудьте. Возьмите мне на всякий случай мой паспорт и одежду гражданку, может, нас выпустят в город. Для вас тут будет жилье в отдельной казарме для гостей и питание в столовой. Но мне возьмите что-нибудь домашнего поесть, особенно сала. 4 лезвия, мыло, конвертов, зубную щетку и пасту, три иголки и белые нитки, а то здесь этого нигде не достанешь.

У нас здесь форма 40-х годов, но только не пилотка, а кепка наподобие бейсболки, и кирзовые сапоги. Многие понатирали водянки и мозоли, но я пока еще не натер. Ремень на день по 100 раз чистим бляшку, и каждый день подшиваем воротнички. Короче, здесь очень трудно, но основная трудность не в этом, а дело в стариках.

У нас в казарме в нашем кубрике есть телевизор черно-белый, и тот плохо показывает. Мы по утрам бегаем вокруг части по 5 кругов каждый день, один круг 1 км, так выходит 5 км в день. Ноги очень болят, особенно утром, когда

подъем, боли мышц и в ступнях от строевых. Все командиры и сержанты у нас не русские, у них нет к нам жалости. И даже командир полка нерусский. Вот, мама, куда я попал. Папа, напишите письмо, как ваше хозяйство и как прошли проводы. Я буду очень ждать. Пишите почаще, не ждите моего письма, а то оно, наверное, долго идет, и ставьте число. Сегодня 11.06.95, напишите, когда пришло. Ну ладно, до свидания, мои дорогие родители. Желаю вам счастья и здоровья. Если сможете, приезжайте, пожалуйста. Ваш сын Виталик.

13 июня 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя! Сейчас вот нашел свободное время и решил написать вам письмо. Мы сейчас сидим в своем классе саперов и отдыхаем. До обеда примерно осталось 2—3 часа, он у нас в 14.00, и мы здесь будем все это время сидеть. Вчера нас переписали, у кого есть права, и в нашей роте всего 7 водителей, значит, после присяги я должен буду уже ездить на «Урале». Здесь в этой армии так долго тянется время, я всего прослужил чуть больше недели, а уже, кажется, как будто прошел месяц. Если вдруг (я, конечно, на это уже не надеюсь, потому что от вас еще нет письма, возможно, что оно еще не дошло) вы надумаете ко мне приехать, так вот с вокзала езжайте на трамвае: [...], когда встанете с трамвая, то обойдите с другой стороны часть на КПП и спросите меня, но не забудьте сказать: с 1 казармы сапер, и меня тогда позовут. Я, конечно, буду ждать вашего письма с ответом, но я вам писал уже об этом, так что вы напишите в одном письме мне точно, а на это не обращайте внимания, это просто мне очень хочется домой. Я бы сейчас все бы отдал, чтобы побыстрее приехать домой. Лучше дома целыми днями работать, но быть сытым. А то здесь так кормят, что если бы наш Шарик зашел бы в нашу столовую и ему насыпали эту еду, то он бы подумал, что лучше умереть с голоду, чем это дерьмо жрать.

У меня уже четвертый день болит желудок, ночью не могу заснуть, и все это от такой пищи. И в медсанчасти ничего от этого нет. А представляете, как можно каждый день так бегать 5 км и потом заниматься строевой подготовкой. Если бы можно было сделать перевод, вы, если можете, спросите у т. Люды Заикиной, как это делается. Ну ладно, а то вы скажете, что я все время жалуюсь и все пишу о себе. Как у вас там здоровье и как ваше хозяйство? На Маячке ездите или нет? И ездит ли мой «ИЖак», тоже напишите. Папа, ты смелее, не бойся на коне ездить, если раз-два что-то и будет, не бойся. Самое главное, чтобы он не застаивался, тогда он будет спокойный. Мама, я не знаю, как мне вам передать права на категорию «А», они мне не нужны, и высылать в письме страшно. Вы, когда пишите письмо, вставляйте пустой конверт, а в него 1 тыс. руб., но так, чтобы все это не было толстое, а то здесь толстые письма распечатывают, и в письме пишите, что высылаете. Игорь, Женя, слушайтесь маму с папой, я вам говорю, лучше дома целый день вкалывать, чем быть здесь, во Владике, чтобы не грубили и не доводили до слез их. Я здесь сам жалею о том, что я делал дома ночью, даже аж слезы текут, да и сейчас пишу письмо, и глаза слезятся. Так что будьте внимательны за своей речью и помогайте родителям. Вот лист уже заканчивается, а у меня еще много чего есть вам сказать, сейчас возьму другой лист, если дадут, и, может, что добавлю. Сейчас у нас жарища, сегодня в первый раз увидел

солнце. Мы собрали вещмешки в полном комплекте, ну я перечислять не буду, папа знает, он ведь служил в армии. Нас, наверное, после присяги, может, через месяц, отправят в Чечню.

Вот достал листок, но вы извините, что он помятый, ну если другого нет, пойдет и этот, лишь бы разобрались, что написано. Здесь нечего невозможно достать, денег нет, а магазин есть. Ну, у меня в казарме осталось еще 6 конвертов и полтетрадки листов, но туда сейчас идти нельзя. Папа, мама, вы насчет Чечни не беспокойтесь, все будет нормально, я, конечно, жалею, что вам об этом пишу, ну лучше будет, чтобы вы знали сразу, и, может быть, что-то сделаете или посоветуете. Вот почему я просил вас приехать, потому что на войне может все произойти. Может быть, у вас получится меня перевести после присяги только, чтобы хотя бы быть в наших краях, а не в этой Осетии. Здесь все нерусские, они не понимают человеческого языка. Ну, то все ерунда, если у вас ничего не получится, может быть, я здесь и отслужу, все равно терять нечего. Сейчас приезжают дембеля с Чечни сюда, Сашка Ш. уже одного пацана с Кургана видел, но я пока еще не видел его. Здесь с Рост. обл. очень мало, а если и есть, то все далеко живут от самого Ростова, за 200—300 км в другую сторону. Сашку редко вижу, а вот со Славкой П. я все время нахожусь, мы вместе с ним и саперы, и водители. М. письмо я уже писал, а вот этим друзьям своим писать не буду, разве что только Ерошенко, он один утром выпроводил меня, хотя говорил, что не придет, а те наоборот. Вы ему передайте привет, скажите, что я ему обязательно напишу. Ну ладно, папа, мама, вот пока я что хотел вам написать. Пишите вы мне обязательно, буду ждать. Я ведь вас уже больше недели не видел. Соседям передайте привет. Я теперь понял, что такое армия, и у меня была возможность в Батайске комиссоваться, как это сделал Назаров и еще 2 пацана. Но я очень хотел в армию, а теперь уже поздно. У меня спрашивали про гайморит, а я сказал, что все нормально, так что, если что, замолвите и об этом слово, может быть, что-то и получится. Но вы, наверно, будете против. Ну ладно, до свидания. Желаю вам здоровья. Ваш сын Виталий. Пишите почаще.

15 июня 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие! Мама, Папа, Игорь и Женя. Сейчас много свободного времени, я сегодня дневальный, и вот пишу Вам письмо. Я сегодня всю ночь не спал, так как положено, а делать нечего, я лежал на койке и думал о доме, вспоминал все. У нас здесь небольшой переполох, в Ставропольском крае недалеко от нас боевики захватили больницу, и во Владикавказе горсовет заминировали. Теперь у нас экстренное положение, полная боеготовность. Нас сразу на стрельбище начали возить, и автомат изучаем. Вроде бы через 2 месяца поедем на войну, но говорят, если до этого доживем. У нас во Владикавказе много воинских частей и все в обязательном порядке едут в Чечню, так вот, может произойти и что-нибудь страшное. Я сейчас пишу вам письмо с такой просьбой: просто посоветуйте мне, что делать. Вы не подумайте, что я чего-то боюсь, я просто хочу поступить так, как вы мне скажете и как вы хотите. Просто здесь по ночам очень много разных мыслей в голову лезет, а наутро и сам не знаю, что

делать. Днем мимо нашей части в другую дивизию летают вертолеты по 100 раз на день. Они возят раненых. Там большой госпиталь, да и у нас давно забитый.

Мы вчера и сегодня ездили в совхоз «Восход» на прополку картошки капусты. Там клубники наелись, но остались без обеда. Зато повидали и поговорили с местными девчонками, они нам лаваш приносили. В общем, было немного воли в поле, а потом опять за колючую проволоку. Я вам писал уже, что один парень глаза выбил взрывателем, так вот он ослеп на один глаз, и второй очень плох. Его вроде бы комиссовали. Одни говорят, везет ему. Конечно, он домой поедет, но только вот без одного глаза — это не жизнь. Но мне кажется, что лучше без одного глаза, чем вообще в Чечне умереть.

Вы, мама, не расстраивайтесь, а просто напишите мне, что делать, и я поступлю так, как Вы скажете. Я не хочу вам жаловаться, так что Вы не подумайте ничего плохого. Мне очень хочется просто отсюда уехать. Теперь-то я, наконец, понял, что такое армия и что такое война, хотя я там еще и не был. Лучше я был бы дома примерным мальчиком и ходил бы перед вами на цыпочках, чем здесь 1,5 года торчать. Мне кажется, что хуже, чем здесь, места нигде и нет. Я с Кургана уезжал с надеждой Краснодара, а попал сюда. Хотя в Батайске были и с Сочей, и с Новороссийска, но нас не брали. А как сказали, что у нас в обед отправка, я был рад, но уже на вокзале сказали, что мы едем во Владик. Если бы я знал раньше, я бы спрятался в Батайске, и потом с другой командой бы поехал. Как здесь служить, Вы можете спросить у Вадима А., он живет на углу возле элеваторской столовой, напротив Ч. Так вот, он тоже здесь служил и сбежал домой, они пошли в военкомат, и ему сделали как командировочный, вот и вся его служба. Это намного проще, чем перевод. Ему вроде бы выслали и документы, и теперь он вольный. Насчет документов: я могу здесь все забрать, даже никто и не узнает, и военный билет с ними, и потом что захочу, то и сделаю. Они лежат у нас в каптерке, я там очень часто бываю. Но больше я вам ничего не скажу, решайте сами, что будем делать, служить или что-нибудь другое. Конечно, если бы Вы приехали ко мне с формой гражданской и паспортом, это было бы очень просто. Нас здесь еще никто не знает, только по документам, а если их не будет, никто ничего и не узнает. А у нас в военкомате отдали бы их и что-то решили бы. Но если вы об этом как-то плохо подумаете, это ваше право. Мы с Сашкой уже давно об этом размышляем. Я, конечно, не уверен, что Вы сможете приехать, тем более что после проводов, наверное, у Вас нет денег. Вы хотя бы почаще пишите письма. Я, конечно, знаю, что Вы сейчас читаете это письмо и какие у вас обо мне мысли. Но если бы из Вас кто-нибудь здесь побывал, на этом месте, хотя бы 1—2 дня, вы бы меня поняли правильно. Это все похоже на зону, а может даже и хуже. Все ходят лысые, сержанты машут ремнями, как пастухи кнутами. А что будет после присяги? У меня уже со второго дня службы болит не переставая желудок, и всем на это просто наплевать. Говорят, сходи в туалет, хотя я туда хожу каждый день. Просто у меня желудок не приучен к такой пище. Я сам не знаю, что делать. Ходим грязные, не купаемся, негде, если только под раковиной под холодной водой не помоешься, то белый воротничок становится черным. И портянки не меняют, не стирают и также нижнее белье. Я пока налысо еще

не постригся и не рассчитываю, но могут заставить. А усы я сбрил, а то деды сказали, что полотенцем сотрут до самой крови. Деды здесь все нерусские.

Ну ладно, а то я все время жалуюсь. Как у вас там дома дела, как здоровье и разобрались ли вы после проводов со всем барахлом. Пап, как у тебя дела с Маячком, наверное, ездишь, и сделали ли вы «ИЖак». Мама, позвонишь, я отсюда не могу, так как не знаю кода М-Кургана. Если узнаешь, напиши. Женя и Игорь, напишите, пожалуйста, о себе хоть 2 слова. Ну, вы в армии не были, так что подумаете обо мне неправильно, но то ваше право.

Ну все, буду заканчивать. До свиданья. Пишите почаще. Желаю вам здоровья и счастья. Ваш сын и брат Дух Российской армии Зайцев Виталий! Пишите, пожалуйста. ВСРА «ИСР» 15.06.95 г.

[Надпись внутри конверта:] Мама, Папа, вложите, пожалуйста, 1 конверт, и если можно, 1 тыс. руб, а то здесь очень трудно, даже лезвий негде взять, и мыла нет, и ниток белых, ничего нет.

23 июня 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие мамочка папочка, Игорек и Женечка! Получил от вас долгожданное письмо. Я уже думал, что мои письма к вам не доходят. Сашка еще письмо не получил. Мама, извини, я забыл, что тебе нужно доить корову, ну а папу я буду очень ждать 25 июня. Сейчас я уже как-то отвык от дома, нас меньше гонять стали. Каждый день ходим в автопарк, делаем машины. Ходим 4 км по городу вшестером, все ростовские. Старшина у нас хороший. Он хоть и дагестанец, но нормальный, когда вшестером, он нас понимает и уважает. Мы с ним очень хорошо сдружились. Живот перестал чудом болеть, мы ходим на полигон стрелять из автомата, и я напился горной воды, и боль как рукой сняло. Вот что такое Кавказ. Старшину нашего звать Сулиман, но он 30.06.95 увольняется. Жалко очень. Еще с Чечни с нашей роты приехало 5 дембелей, 2 не очень, а 3 отличные пацаны, они завтра будут уезжать и пообещали нам сделать небольшую пирушку. Мне как-то стало лучше уже здесь, освоился. Одно огорчение, что поедем в Чечню.

Папа, ты писал, как с деньгами. Я тебе отвечу, все нормально, никто не забирал. Но в части бы забрали, потому что нас обыскивали, и даже конверты забрали, я покупал в Батайске. У нас здесь есть магазин и чайная, но денег нет, вы, если можете, вышлите мне, но только немного, и вложите во второй конверт, а то здесь просвечивают. Ну а через 2 конверта не видно, это уже подтверждено. Здесь такая природа красивая, но лучше родного дома ничего нет. Это я понял только сейчас. К питанию я уже привык, но перловку — резинку ненавижу. Дают кисель или чай с маслом. Бывает плов, ракушки, пшенка и рожки, но редко. Очень люблю хворост. Хочется конфет, и сгущенки, и сметаны. Бывает, дают рисово-молочную кашу, но 3 рисинки плавает на всю чашку, и молока в 3 раза меньше, чем воды. Ну и на этом спасибо. Вообще у меня здесь есть любимое время: 7.00 — завтрак, 14.00 — обед и 19.00 — ужин. А больше делать нечего. Строевые у нас только до столовой и обратно, и на вечернюю проверку. А вот 1 батальон, где Сашка, очень сильно гоняют, они ведь пехота. А мы отдельная

инженерно-саперная рота. Что хотим, то и делаем. Телик поломался, и теперь скучновато стало. Я в предыдущих письмах много жаловался, но все прошло, я привык и, думаю, наверное, дослужу, если все будет нормально. Сейчас стал читать книги, и поправился на 4 кг, ну не сам здоровый, а пузо отрастил, и бег не помогает. Вы не расстраивайтесь, все будет нормально. Отслужу я свой срок и вернусь домой, устроюсь на работу, а потом женюсь. Ну ладно, буду заканчивать, передавайте всем привет, и Маячку тоже. Пишите почаще. Ваш сын Виталий.

26 июня 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя! Получил сегодня от вас 2 письма, оба распечатанные и без денег. Папа, ты как уехал, через полчаса я получил второе письмо. Так что вы денег больше не высылайте в письме, а то здесь кто-то очень хитрит. Ну а служба у меня идет нормально, поначалу грустил и домой хотел, а теперь привык. Мама, ты извини, что я там тогда писал такие письма, больше такого не повторится. Сейчас все хорошо, не болею, ну, в общем, папа, я думаю, все расскажет. Присягу я принял, правда, без автомата и в плохой форме. Ну что поделаешь, ведь не нам решать. Наше дело отслужить свое и вернуться здоровыми домой. Нам обещают поехать в горы на 1 месяц на полигон, там нас будут всему обучать и, конечно, отдыхать. Пацаны, кто ездил, говорят, что там очень красивая природа, течет речка и кругом высокие горы и леса. Ну, это очень хорошо, тем более, мы поедем на своей машине.

Папа, наверное, рассказал вам, что нас начинают обучать и подготавливать к вождению автомобиля. Всех шоферов собрали и разделили на 2 взвода. Где-то через 2 недели мы получим свои машины. Папа, напиши, как доехал. Никаких происшествий ли не было, и передал ли ты письма Сашкиной матери. От вас письмо идет всего 3 дня, а вот к вам 6 дней, а то и больше. Насчет д. Вовки Гречко, так я его не видел, хотя они наверху должны быть, ну папа знает, где совхоз, куда мы ездили на картошку. Там есть автоколонна и очень много КамАЗов, возможно, там и д. Вовка. Если он приедет, вы ему дайте мой адрес, и, может, он в следующий раз меня навестит и что-нибудь от вас передаст. Насчет друзей, мама, ты была права в своем письме. Кроме Сергея у меня лучше друга нет и, наверное, не будет, хотя кто знает, что будет после армии. Только что нас водили на построение и сказали, что водители на днях поедут делать 500 км марш. Папа, сразу говорю, что через 1 месяц едем, все шоферы туда, куда я тебе говорил. Ты, наверное, помнишь, о чем мы с Сашкой говорили, но только одни шоферы. Так что, как будешь писать первое письмо, сразу напиши мне то, что обещал (между нами), чтобы не было поздно. Мама, ты не обращай на это внимания, это не страшно. Просто папа мне кое-какой дал совет, просто он служил в армии и знает, что это такое. После нашего разговора с ним мне уже стало лучше служить, и отвык от дома. Как присягу приняли, теперь нас по-настоящему стали учить военному делу. Еще, папа, мы завтра должны поехать в горы на 3 дня, а потом уже на месяц, ну а дальше тебе, наверное, все ясно, для чего нас везут в горы. Это я узнал буквально 5 минут назад, мне даже не дали

написать письмо, вот теперь дописываю и говорю вам эти новости. Папа, насчет ОЗК, не обижайся на меня, ну я обещал, значит, сделаю в следующий раз и уже полностью комплект, а может, и два, если смогу. Ну, это легко, в общем, будет видно дальше. Представь, нас 26 не выпускали на волю, потому что с родителями уехало 54 человека, без разрешения, вот майор и не выпустил нас, чтобы мы вас проводили. Ну, это все дурость, теперь им грозит от 3 до 6 лет дисбата. Лучше 1,5 года отслужить нормально и приехать домой, чтобы не подвести и не опозорить вас и самого себя перед соседями и т.д.

Мы на присяге фотографировались, фотки сделают через неделю, а потом я их вам вышлю. У нас завтра отправляют двух наших сержантов в Чечню. В общем, папа, ты меня извини, что я не держу своего слова, и ты, мама, не расстраивайся, ровно через 1 месяц всех водителей сажают на машины и отправляют туда же. Но нам повезло, потому что мы будем перевозить дембелей в часть, а молодых через 2 месяца в Чечню. Так что ничего страшного здесь нет, просто я буду все время ездить туда, назад. А вот пехота и остальные подразделения будут воевать. Наша задача привезти, отвезти, подвезти. Прапорщик сказал, что можно считать, что мы рождены в рубашке и что на нас даже не будет и царапины. И вот еще одна наилучшая новость: в декабре будет всеобщая армейская амнистия, она впервые, так как осенний призыв будет служить 2 года и, чтобы не было путаницы и дедовщины целый год, решили всех солдат уволить. Этого добились комитет солдатских матерей, и на построении нам это объявил Ком. СКВО, из Ростова. Но сказал, что раньше времени не радуйтесь, закон введется в действие осенью, а до осени может многое измениться. Так что, если повезет, я еще с вами буду есть кутью. Такой радости на душе у меня и у всех остальных никогда не было. Ну, вы меньше пока кому говорите, а просто думайте, что мне повезет.

Вы скажите Женьке, чтобы он написал письмо, мне хочется почитать, как у него дела, чем занимается. Передавайте привет всем соседям и Юрке, ну я ему письмо написал. Ну, как вы живете, я спрашивать не буду, потому что папа мне все рассказал, и про Игоря тоже. Если что-то есть у вас нового или какие-нибудь изменения, вы напишите. Привет Маяку, скажите, что я сказал, чтобы он вас слушался, а то если приду с армии, то я ему дам жизни. Д. Вовке привет и т. Нине тоже, т. Лиде, т. Поле, и Мякиным. Ну, наверное, и все, а то я сейчас вам все напишу, а потом нечего будет писать. Вы пишите почаще, желаю вам счастья и здоровья, спасибо, что папа приезжал, и если я буду в части, то я напишу, пусть тогда папа, когда сможет, приедет, если можно, с Женькой. Ну что будет дальше, я вам буду писать, и если вдруг что, я сразу сообщу. Я извиняюсь за то, что вам написал, тем более перед папой, он знает за что, но лучше, чтобы вы знали обо всем, что тут происходит. Ну все, пишите чаще и побольше, конверты не высылайте. Июнь 26, 95 год.

1 июля 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Игорь и Женечка. Сегодня 1 июля и я, сходив в баню, пишу вам письмо. Через 4 дня я уже отслужу ровно 1 месяц. На-

строение отличное, и служба идет хорошо. От дома почти отвык. Сегодня с утра ездили на автобусе в парк втроем, Славка, я и Сулиман. Славке пришел перевод 10 тысяч, и мы их в городе потратили. Пацанам с нашей роты (4 человекам) пришли посылки, и одному с Астрахани — перевод 50 тысяч. Но он еще разговаривал по телефону, ему мать заказывала переговоры. Письма нам сейчас не дают, нужно ходить со ст. лейтенантом. Это приказ ком. полка, в связи с тем, что много жалоб о том, что деньги не доходят. Теперь уже вроде бы все нормально.

Сейчас в последнее время почему-то за нас взялись, сильнее начали гонять. С утра 5 км бега и после обеда 5 км за 25 мин. Утром полбеды, хоть пред завтраком, а вот днем как раз только пообедаем, и сразу бегать, после 3 км все чахнут и держатся за бока. Они как будто хотят сделать из нас десантников. Ничего, еще немного, и все это кончится, нужно только июль продержаться нормально, а дальше все пойдет по плану. Мама, ты только никому не говори, но, по-моему, Сашку Ш. с 6 по 9 июля должны забрать в Чечню. Весь их батальон сейчас готовят, раздали вещмешки, даже несколько раз они ходили в бронежилетах и в касках. Все это никому пока ничего не говорят. Один прапорщик как-то намекнул, чтобы готовились с 6 по 9, и все. За нас пока молчат, я взял один конверт и полностью подписал и вложил листик, чтобы если вдруг что, сразу вам пару слов черкнуть. А то вдруг времени не будет, я отдам химикам, они вышлют. Короче, это будет видно туда далее, дай бы, чтобы этого не было. Вы пока никому не говорите, потому что Сашка не хочет сообщать своим родителям. И они даже написали всей ротой рапорт, чтобы быстрей их туда забрали. Дурачье, больше никак их не назовешь, им надоело маршировать, это ведь все до осени закончится, и будем здесь жить отлично. Но до них это, наверное, не доходит. В нашей роте тоже таких большинство рвутся туда. Лично я, пока приказа не дадут, никуда не поеду. Так что не переживайте, я туда не рвусь. Оказывается, даже можно отказаться и остаться здесь или стать сержантом или водилой. Все туда рвутся из-за денег, там много платят, дембеля получали до 2 миллионов за всю службу. Ну ладно об этом, лучше думать о хорошем. Славку сегодня опять видел в бане, говорит, все нормально, у них часть маленькая и кормят отлично, тем более он на каком-то продуктовом складе дежурит. Говорит, что и масла валом, и фрукты, и печенье — все есть. Им даже кто курит, сигареты выдают, а кто не курит — сахар и конфеты. Вчера пацану, дружбану из Сальска, пришла посылка, а там конфеты и печенье, так мы как наелись с чаем. Классно было, даже на ужин не ходили. Сегодня в обед была молочно-рожковая каша, очень вкусная и сладкая, и густая, первый раз здесь так поел. А то все время перловка.

Папа, когда будут у вас косить ячмень на свал, ты хоть его навози, ведь как сено, даже с зерном. И то уже чем-то будешь зимой кормить. Возле фермы наверняка уже экспорцет [эспарцет] скосили. Ну, вы смотрите сами, я-то ведь не знаю где что, давно дома не был, за месяц, наверное, уже что-то изменилось. Через 1,5 года я и не найду дороги домой. Да... папа, вот что сало я тогда не взял, это зря. Сейчас мы тут знаешь, как его наяриваем, правда, уже закончилось, ну а если бы еще мое было... Вы, если можете, вышлите мне, пожалуйста, посылку и сигарет. Ну а если финансы не позволяют, то не утруждайтесь, как-нибудь проживем. Ну, все, буду заканчивать. Передавайте привет соседям. Если можете, позвоните.

До свидания! Написал письмо уже настоящий и чистый после бани Дух российской армии рядовой Зайцев В.Н. Жду с нетерпением от вас писем!

6 июля 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя. Сейчас нахожусь на полигоне, проходим здесь вождение на автомобиле. Пока делать нечего, пишу вам письмо. Ну что, новостей пока таких и нет, просто поделили нас на два взвода: одни пока сдают задом, другие ездят по полигону с препятствиями. Здесь идет переподготовка водителей, все заново, ПДД, и вождение, и теория. Здесь хоть и на солнце целый день, но лучше, чем в части. Мы, когда вечером едем туда, то не очень у всех радостное настроение. Охота куда-нибудь уехать и бросить все это, уже надоело служить здесь, в ушах уже стоит этот голос про Чечню. Каждый все время говорит и говорит одно и то же. Уже или забирали бы, или еще что-нибудь. Еще вчера оттуда приехали нерусские, тоже забодали всех, ночью спать не дают, заходят, орут «Подъем» и начинают по-своему веселиться.

Папа, ты был прав, когда говорил, из-за чего я кашлял, но то было полбеды. Не знаю, у нас какие-то разговоры ходят, отделяются некоторые, по-моему, кто-то хочет свалить домой, а потом перевестись. Я-то сбегать не буду, а вот если мама приедет, поеду на неделю домой и сам пойду в военкомат, и кое-что решу. С первого батальона 19 чел. уже служат в Марцево и Ростове. Просто и легко это можно сделать, нужно только домой попасть. Вы не думайте что-то плохое обо мне, я просто хочу служить с русскими, а не с этими местными и дагестанцами. Говорят, что еще 150 чел. привезут дагестанцев и даже около 20 ингушат. Даже дембеля говорят, что нам здесь не жить, нужно что-то делать. Рядом часть, там вообще, по году уже прослужившие, убегают. Я своими глазами видел, как у нас одного дембеля, только приехавшего из Чечни, избили до того, что не мог на ногах стоять. Это местные, которые здесь всего неделю. Вечером после отбоя здесь такой бардак, через забор прыгают гражданские, естественно, пьяные лезут, чтобы повеселиться и поиздеваться над русскими. Конечно, папа, я пишу это письмо лично тебе, и ты вправе что хочешь, то с ним и сделай. Да, ты подумаешь, что мне хочется домой и т.д. Но если так подумаешь, то знай, что ты не прав, я могу отслужить и 2, и 3 года. Но с русскими. Чтобы если получать, то знать за что, а не просто так, чтобы кого-то повеселить. Из-за этих веселий двое из 3 батальона выбросились из окна второго этажа, сейчас лежат в госпитале, а потом их увезут в Астрахань служить на родине.

Папа, скажу тебе откровенно, но никому это не говори, а то плохо нам будет, вдруг что. 4 дня назад к нам в кубрик зашли эти чурбаны и всех избили, сказали: «Мы вас доведем до того, что вы будете вешаться и друг друга стрелять». Говорят, что нам на их земле делать нечего и что мы здесь так нужны, как колорадский жук на картошке. Вот такие у нас сослуживые. Уже невозможно терпеть, некоторые срываются, начинают орать или железками драться, но потом кое-кто в госпиталь попадает. Такой вот результат. Я не знаю, что вы там решите, но просто пусть мама сюда приедет, если, конечно, это в ваших силах, а если нет, так

буду служить дальше, мучиться, не знаю, что из этого выйдет, как судьба решит. В общем, вот и все, что я хотел вам сказать, остальное за вами. Ты просил, чтобы я писал правду только тебе, я и написал, но долго думал, стоит ли это делать.

Сейчас приехал с полигона и хоть что-то увидел радостное и смешное. Получил от вас письмо и прочитал Женькину писанину на руке, смеялась вся рота. Почаще бы такого юмора. А то все грустные. И еще, если мама будет ехать сюда, пусть возьмет одеколон или спирт, а то у меня высыпает все лицо чиряками и под глазом ячмень. Может, это из-за климата, а может, что после бритья не прижигаю. И идет заражение. Причем чиряки такие, что всю морду перекосят. Просто здесь, кроме холодной воды, ничего нет.

Ну ладно, скоро идти на вечернюю проверку, буду заканчивать. Пишите, как у вас там дела и какие новости. Женя, пиши побольше таких интересных слов, этого здесь так не хватает.

Пишите! Если приедете, буду ждать, а если нет, то не обижусь, понимаю, каких денег стоит дорога, так что буду служить как-нибудь, может, протяну 1—2 года... Привет всем соседям и друзьям, и небольшой привет Вам от нашей роты «ИСР».

21 сентября 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Получил от Вас письмо, но у меня не было времени написать ответ. Мы были в колхозе 2 дня подряд, первый день на картошке, а второй сбивали ящички, зато там кормят отлично, такого борща я уже не ел 3,5 месяца, с зажаркой и т.д., да и кусок сантиметров 40 длины и 4—5 см толщиной самодельного хлеба. Да и яблок, орехов, помидор наелись, даже на костре картошку жарили. Туда ездили на трамвае. Короче говоря, нормально, ну там картошки немного продали, ну то не так важно.

Пока расскажу немного о себе, у меня все нормально, служба продвигается быстро, сейчас правда, хуже немного стало, с нами старлей ночью спит, так что очень туго. Среди ночи поднимает, кто не подшился и сапоги не почистил, а утром рано подъем, и бегаем, а он наблюдает. Короче говоря, уже замучил, ну мы-то сами виноваты, очень много на нас было жалоб, на зарядку и вечернюю проверку выходило всего 8—10 человек из 35. Теперь казарменное положение. С нашей роты уже 5 человек перевели в 693 полк и еще требуют. Кто его знает, кого переведут, но если есть залеты (по пьянке и т.д.), то сразу без разговоров. А этот полк 1 октября переводят в Чечню. А у нас 503 полк 15 октября, оказывается, весь выводят из Чечни, а потом куда я не знаю, половина на блокпосты в Ингушетию, а остальных, наверное, расформируют по другим частям. Поживем-увидим, что будет.

А как у вас дома дела идут, чем занимаетесь, как хозяйство? Вот молока и сметаны, да и сала здесь само больше всего хочется, нам сало дают только вареное, а молоко просто белая вода кипяченая и немного рису, где-то на чашку 1—2 ложки. Сегодня мы 7 человек заступаем в караул, а вся рота в наряд по столовой, так что в карауле будет пир. Мне старшина пообещал, что через недельку я буду работать где-то 1 месяц в городе у п.полковника и еще 3 человека со мной, там он строит что-то вроде гаража. Пацаны работали у него уже, говорят, что хорошо.

Там и жить у него, жена готовит еду. Короче, как дома и увольнительная, чтобы по городу ходить. Так что быстрей бы, лучше в городе, чем в полку.

Ну ладно, буду пока заканчивать писать, передавайте всем привет и пишите почаще. До свидания! Пишите! Ваш сын Виталий.

28 сентября 1995 г.

Привет из Владикавказа! Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишет вам «слон» российской армии рядовой Зайцев Виталий.

У меня все нормально, вот 27 сентября перевели в слоны, хоть и звездочки от бляшки остались на заду, да ничего страшного, закон в армии есть закон, теперь я уже считаюсь, что прослужил полгода. Ну ладно об этом, вот на днях нас втроем забрали работать в город в офицерский дом, мы там рыли яму. Но представьте, как все-таки мы отдохнули там, во-первых, рядом драмтеатр, разговаривали с артистами, да вот сам дом офицеров 1870 года, снаружи он не очень уж и красивый, а вот когда мы вошли внутрь — обалдели. Весь пол паркет и красные дорожки везде, даже как-то неудобно было по ним ходить в сапогах. И так все мраморное, раскрашено, висит люстра, начиная от потолка третьего этажа и заканчивая 2—3 метра от пола 1-го этажа — это между лестницей, которая идет по кругу. Потом нас накормили в офицерском ресторане, у нас тоже такой красоты нет. Дали хинкали по 15 штук, с хлебом и пепси 2 бутылки 1,5 л на троих с пирожными, а еще и музыка, день прошел очень отлично. Вечером отвезли в видеосалон, а потом на «BMW» отвезли в часть, и с понедельника мы будем всю неделю ездить туда работать.

Ну а в полку все по-старому, караулы уже 1 раз в 4 дня, а так просто делать и нечего. Мам, представьте, Сашка Ш. поехал в Ростовскую область за «соченцем» (то есть самовольно покинувший часть) и будет, может, неделю, а может, и больше дома, вот где повезло ему. Пап, если вдруг его увидите, передайте хоть сигарет да чего-нибудь домашнего.

Ну ладно об этом. Как дома дела, чем хоть занимаетесь, и никто не болеет? А что там с сеном и зерном, запасли или нет. У вас, наверное, еще тепло, а у нас резко похолодало, задождило, даже шинели и бушлаты выдали. По вечерам невозможно на улице ходить, холодно. Пап, ты про Маячка почему не пишешь? Как он, бегает, работает или стоит?

Ну ладно буду пока заканчивать писать, передавайте всем привет. Пишите чаще.

До свидания! Пишите! Ваш сын Виталий.

Пишите чаще, буду ждать с нетерпением.

5 декабря 1995 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Получил я от Вас позавчера письмо, но написать ответ сразу не смог, потому что сейчас свободного времени почти нет. Начался учебный период, и теперь нас стали гонять, то тревога, то еще что-нибудь, да и занятия теоретические с утра до обеда идут. А после обеда куда-нибудь работать отправляют. Вот такие-то дела, труднее немного стало, ну ничего страшного, это не так долго все будет. Ну а так, в общем,

у меня все нормально, служба летит вроде бы пока быстро. Вот сегодня уже ровно 6 месяцев, как я в армии. Ну, это не так-то уж и важно, если бы 18 мес., то другое дело. Со здоровьем у меня все нормально, спасибо, что выслали ихтиолку, я хоть ранки полечил, а то месяца 2 назад подшивался и уколол палец иголкой, так палец вот на днях только залечил, а то все время гнил, это, наверное, что я не привык к этому климату, потому что тут горы, сыро. Да и до бабы Симы ходили, она какой-то жидкостью поливала, вот и зажило! Вообще хорошая бабуля попалась, как к ней ни пойдешь, все время и накормит, и чаю попьем. А мы ей — то луку, то рыбы мороженой принесем, вот так и поддерживаем хорошие отношения. Если будете что-то высылать, то на ее адрес, я имею в виду посылки, а перевод лучше в часть, потому что почта в городе далековато, а бабе Симе тоже ведь ходить тяжело, она не против, конечно, ну деньги я лучше получу здесь.

Погода у меня сейчас нормальная, мороз –4–5 °С, но лучше, чем дождь! Молодых сейчас навезли аж с Пензы и Архангельска, человек 400.

Ну ладно, пока буду заканчивать, пишите Вы, как у Вас дома дела, как с хозяйством, на работе, и вообще чем занимаетесь в свободное время. И обязательно передавайте привет соседям, ну перечислять я не буду, в общем всем! Пишите чаще. Ваш сын и брат Виталий.

Р.С. Привет, Женя, получил от тебя тоже письмо, и чтобы не портить конверт, здесь же что-нибудь намулякаю. Женя, ты я смотрю, готовишься к Новому году, но с взрывпакетами лучше не шути, а то как бахнет в руках. Магний смотри в гараже на полке и у меня в спальне в столе, и в кухне в столе. Ну, может, найдешь, а у меня ничего не проси, потому что если вдруг что-нибудь везти, то сразу получу срок, так что не обижайся, если бы можно было, я бы и штык-нож, и гранату бы привез, но лучше ведь на свободе, чем в тюрьме. Ну что, Женя, буду заканчивать писать, пиши ты чаще, как у тебя дела и ездишь ли ты на Маячке, и что делается на улице. Веди себя нормально и в школе, и дома. Твой брат Виталий.

1 февраля 1996 г.

Привет из Владикавказа! Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! С наилучшими пожеланиями к Вам ваш сын и брат Виталий. В первых строках своего письма сообщаю, что я жив, здоров, чего и вам желаю. Недавно получил от Вас письмо, в котором писали слова Ж. Артамона, аж смешно стало. Если он и заезжал бы в нашу часть, ему бы никто так не сказал, потому что наш полк был в Алхан-Кале, и теперь совсем вывели, но опять пришла телефонограмма, чтобы возвращались назад. Куда именно, никто не говорит, но готовят серьезно. А насчет Аргуна не было никогда и речи. Так что Женька, по-моему, треплется, что по пути заезжал. Во-первых, он просто так без колонны в Чечню не попадет, а с колонны не мог бы он выйти, или только на вертушке мог лететь. Так что не верьте ему, на блокпостах даже меньше трех военных машин не пропускают. Одним словом, он трепло.

Ну ладно об этом, напишу немного о своей службе, а хотя и писать-то нечего, все время с машиной, ну, конечно, бывает много интересного, особенно в пути. Хорошо, конечно, водителем, но вот одно плохо, утром бегаешь с путевым листом, подписываешь, а потом воду таскаешь в машину, пока прогреешь,

весь замерзнешь, но зато как натоплю кабину, вот тогда и считай отдых. И так каждый день, но мне лично нравится на машине. Я уже к ней привык, не знаю, как буду увольняться, жалко «Урал» передавать салабону будет. Вот что мне не хватает в кабине, так это магнитофона машинного. Пап, когда деньги появятся, вышлете мне на магник, или, может, сами достанете, то посылкой вышлите. Я-то могу за месяцок насобирать солярки и продать, и взять магник, но надо ведь за что-то и курить покупать и т.д. Так что если будет возможность, возьмите, пожалуйста, хотя бы самый дешевый.

Папа, буду с вами откровенным, но только не переживайте. Сейчас наш полк готовят к чему-то серьезному, никто не знает. Вот в конце февраля идет большая колонна в район. И вот самое главное, что все те, кто на полгода больше прослужили от меня, их в апреле будут увольнять, а моего призыва всего 3 водителя, а машин в роте много. И так как издали у нас указ, кто призван II—1994 и был более 6 месяцев в Чечне, не поедут больше. Вот, может, нам и придется ехать, да не может, а наверняка, это даже ротный сказал. Сейчас все даже в парке бывает, ночуют, готовят технику. Так что если что, то я напишу Вам, я и так уже сколько держался здесь, пацаны моего призыва уже больше половины там были. Ну а что, если прикажут, на то я и солдат, а тем более водитель.

Ну ладно, пока буду заканчивать свое письмо, передавайте всем привет и пишите почаще! Ваш сын Виталий.

Пожалуйста, постарайтесь сделать магнитофон, конечно, если возможно. А насчет того, что я писал, не надо никому говорить, не хочу, чтобы кто-то знал об этом.

Пишите, как у вас дела с хозяйством, с работой и т.д. Как Игорь, работает или нет, и как Женя учится, и чем занимаетесь? Если не сможете с магником, то хотя бы плохие часы, чтобы время знать. Гришка пока сейчас в штабе округа печатает на машинке, его на несколько дней забрали.

4 февраля 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишет Вам Ваш сын и брат Виталий! Сегодня воскресенье, выходной день, мы отдыхаем, делать нечего, вот и решил написать письмо домой, даже можно считать, что ответ на Ваше письмо, которое я получил в пятницу. Вы пишете, что от меня редко приходят письма, это потому, что у меня очень мало времени, то одно, то другое, и так до воскресенья. Сейчас вообще очень мало свободного времени, да и писать-то не о чем, я же не буду вам рассказывать, что делаю и где бываю, я думаю, что это для Вас просто будет неинтересно. Тем более что почти одно и то же, утром встал, умылся, завел машину, прогрел и уехал до вечера, а когда бывает в наряде, так и до самого утра. На зарядку я уже не хожу, уже есть кому ходить. Вот через полтора месяца я буду и черпак, а там три месяца и «дед». Время летит быстро, потом уж и домой. Папа, если думаешь когда-нибудь высылать посылку, то лучше на б. Симу, потому что на нашей почте последнее время грабят, пацаны приходят получать, а она уже вскрыта, и попробуй что-нибудь бабке скажи, крику будет. А до б. Симы нормально все приходит, ну, так что-нибудь киньте для нее.

Только я не знаю, как вы хотите слать посылку, когда сами пишете, что нет ни работы, ни денег, ни корма для хозяйства. Вот за это-то я больше всего беспокоюсь. Папа, знаешь, а ты неправ насчет того, что «отдыхай, сынок, от наших проблем». Я бы лучше дома работал, чем тут служить. Ты же ведь был в армии и должен знать, как легко ли. Только не подумайте, что я жалуюсь, нет, я просто делаю маленькую поправку. Я давно уже ко всему привык, это как частица жизни. Просто здесь скучновато, вот почему я и писал насчет магнитофона. Ну, это уж как вам возможно или нет?

До 6. Симы мы с Андреем ходим почти каждую субботу, а она говорит, почему так редко приходим. И как придем, то она сразу чайку нам горячего.

Мам, у нас в столовой сейчас изменения, теперь сам на поднос что хочешь кладешь, и садишься есть, все автоматически, по-новому сделано. Ну что еще, про Чечню ничего писать не буду, я думаю, что эта тема ни к чему не нужна. Я жив, здоров, чего и вам желаю. В отпуск не пускают, сказали, что на 2 месяца раньше срока всех будут увольнять, отпуск только по семейным. Народу у нас в полку очень много, особенно молодых, вот через пару месяцев придут мои «внучата».

Ну ладно, пока буду заканчивать свое небольшое письмо. Пишите, как у Вас дома дела, у нас погода уже 3-й день +18—20°. Светит солнце, уже дело к весне идет, ну, тут она ранняя, а как у Вас, еще морозы или нет? Чем Женя занимается и Игорь тоже? Передавайте привет всем нашим соседям, и моим друзьям. Ваш сын и брат Виталий.

Славка говорит, что его отец собирается к нему приехать. Узнайте, точно?

11 мая 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишет вам ваш сын и брат Виталий. Вот нашлась свободная минута, и я решил вам написать. Извините, что я так долго не писал, но на то были причины, ну подробно описывать все не буду, а коротко расскажу далее. Первым делом сообщаю, что я жив, здоров, чего и вам желаю, в общем за меня не переживайте, лишь бы у вас было все нормально, а я как-нибудь проживу. Ну, вам, наверное, не стоит писать о Чечне. Если смотрите телевизор, то наверняка слышали о 58-й армии, это наша армия, и, к сожалению, наш второй батальон все время обстреливают, особенно когда ехали через Ингушетию. Мама, я вчера только приехал из района и насмотрелся за неделю такого, что останется в памяти на всю жизнь. Наш полк стоит в Дачном, это 1,5 км от Бамута. Мама, если бы только вы видели, что там творится, этого и врагу не пожелаешь. Представьте. Ввели 3-й батальон, в котором почти все молодые осеннего призыва, их загрузили вещмешками и бронниками, и дали команду брать деревню, а они с машин прыгали и падали, не хватало сил и смелости идти дальше, какие с них воины, а офицеры (шакалье) их избивали и заставляли лезть под пули. Этого не передать, да и кому это нужно знать, солдат — это песчинка в море. К деревне мы везли полные машины солдат, а обратно в четверть меньше. Так что не верьте ничему, что показывают по телевизору, это все ерунда. Вот 20 марта, а может, и раньше опять поедем, уже и 1-й батальон пойдет. Мне-то что, я водитель, привез и уехал, так что ничего страшного, зато осенью домой.

Мама, представьте, вчера приехал, и в 16 часов звонок с КПП, вызывают саперов, ну мы втроем побежали, нас вывели за КПП, а там стоит около бабы Симы толпа людей. Оказывается, какой-то идиот подложил гранату, и стоило наступить на мостик, как она и взорвется, вот пришлось ее обезвредить, а потом и б. Сима сказала, что какой-то мужик пообещал взорвать всех соседей, ну его все же поймали и посадили. Обидно одно — там в Чечне война, а они, молодые пацаны, здесь такое устраивают. Пригрелись за спиной родителей, и такое творят, выйдешь в увольнение, а щенята по 14—15 лет уже просят то гранату, то патрон. Им в машинки еще играть, а у них такие мысли. Я попал служить в серьезное местечко.

Ну ладно, пока, буду заканчивать свое письмо, может, больше пока и не получится написать, но вы пишите обязательно, когда буду приезжать, почитаю. Пишите, как дома идут дела? У друзей все нормально, Славка, Гришка все еще здесь, да они навряд ли куда поедут, ну а там кто знает. Ну, у меня друг самый лучший Андрей. Передавайте всем привет соседям и друзьям.

Ваш сын Виталий

21 мая 1996 г.

Привет из Владикавказа! Здравствуйте мои дорогие Мама. Папа, Игорь и Женя! Пишет вам, как вы уже догадались, Ваш сын и брат Виталий. В первых строках своего письма сообщаю, что у меня все нормально: жив, здоров, чего и вам желаю. Пишу письмо и создается такое впечатление, что вы про меня забывать стали (шутка). Давно уже писем от вас не получал. Не знаю, может, не доходят, а может, не пишете. Ну, это не важно, я не обижаюсь, понимаю, что сейчас лето и почти все время уходит на хозяйство. Ну про себя я много рассказывать не буду, служба идет отлично, плохо одно — не знаю, сколько служить, 1,5 или 2 года. Да вот еще что, здесь есть возможность сейчас пойти учиться в школу прапорщиков в г. Новочеркасске или еще куда-нибудь. Я еще не решил, сначала вам написать, просить разрешения. Если мне еще год служить, так лучше этот год в Новочеркасске, а потом еще год здесь, но уже прапорщиком — подзаработать денег на жизнь. Понимаете, я даже не знаю, куда после армии можно будет устроиться работать. Везде или не платят, или еще что-нибудь. Мне кажется, что в армии единственное место, где можно получать деньги, что хватит на жизнь. Как скажете, так и будет, просто я уже стал задумываться о дальнейшей жизни. Буду заканчивать свое небольшое письмо.

Пишите чаще. Как ваше здоровье и как дома дела? Пишите! До свидания! Виталий.

8 июня 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишу письмо с Шатойского ущелья. Ну, Вы не переживайте, у меня все отлично, жив, здоров, чего и вам желаю.

Сейчас находимся в горах, и я нашел свободное время и решил написать Вам письмо, да сейчас идет уже целую неделю дождь, так что свободного времени

валом. Сюда летели на вертолете, в общем, здесь нормально, вокруг, горы, леса, короче говоря, природа красивая. Да вот не знаю, когда Вы получите это письмо, может, числа 12—13 только поедет во Владик взводный, он захватит письма.

Мама, у тебя скоро день рождения, так что я хочу тебя поздравить.

Дорогая моя мама, от чистого сердца
поздравляю тебя с днем рождения.
Желаю счастья, здоровья и долгих,
долгих лет жизни.

Мама, пишите почаще письма, а то делать нечего, хоть письма почитать.

Высылаю заодно и фотки. На одной я в Ханкале в ожидании вертолета, а на другой уже со своими друзьями в Шатойском ущелье, сзади землянка и техника. Сейчас дембеля увольняются, а водителей больше нет, вот меня и послали. Как долго здесь буду, я и сам не знаю. Но как приеду во Владик, я сразу Вам позвоню. Не переживайте, здесь спокойно, не стреляют пока перемирие, изредка наши САУшки стреляют, километров на 15—20 по деревне, прямо отсюда, а так нормально. Как подсохнет, наверное будем переезжать дальше, ну я на машине, так что мне легче. У нас тут есть свой полароид, часы, даже ковры в землянке. Кормят плоховато, сухари и каша, кое-когда дают консервы. Но едим и мясо, это уже сами на промысел ходим.

Ну ладно, пока буду заканчивать письмо. Пишите почаще на тот же адрес, а там первой отправкой мне передадут письма. И не переживайте, все-таки можно понять, ребята здесь уже пробыли больше года, им пора домой, так что, что поделаешь, надо так надо, сейчас уже не то, что было весной. Сейчас спокойно.

Ну ладно, до свидания, Ваш сын и брат Виталий!

14 августа 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя. Получил сегодня от Вас сразу 5 писем и пишу сразу же ответ. Напишу немного о себе, ну а потом расспрошу о доме. У меня все нормально. Жив, здоров, не волнуйтесь. Находимся пока в Шатое, ходят слухи, что в течение недели, возможно, пойдем под Грозный, ну это еще не точно, да и не возможно. Потому что ущелье все заблокировали духи и мы навряд ли пройдем, а другой дороги больше нет, так что, наверное, рисковать командование не станет. Подвоз продуктов закрыли, все на вертушках, и то 1—2 раза в неделю, ну жить можно. Короче, страшного ничего нет, а то Вы опять начнете переживать за меня.

Да, обстановка серьезная, но большинство пацанов гибнет по своей дурости. То гранату ковыряют, то патроны, в общем, одним словом, ума нет. Тем более что сейчас навезли молодых, а им все интересно. Вот и гибнет много. У нас пехоту уже назвали не мотострелки, а самострелки, такие вот дела.

А за меня не беспокойтесь, нас обучали 1,5 месяца по взрывному делу, и т.д. Короче говоря, мы же спецподразделение и просто так бы не были здесь. И то, что говорят, что сапер ошибается один раз, не правда. Сапер не может ошибаться, проверено практикой, тем более на войне мы не разминируем, а уничтожаем все мины. Так что можете не волноваться. И вообще, я уверен в себе и даю слово

Вам, что вернусь домой живым и здоровым. Ну ладно об этом, а то на эту тему можно писать целый день. Машина моя пока стоит, ездим на БТРе, вообще я к своему «Уралу» привык, что, наверно, тяжело будет передавать его молодому. Где-то в конце сентября уже придет нам замена. В общем, как 6 месяцев будет, так я и домой двину, наверное. Надоела уже армия!!! Домой уже охота. Даже не верится, что подходит службе конец. До приказа осталось 43 дня. Так что надеюсь, что Новый год буду встречать дома.

Да, я долго смеялся, когда вы посчитали меня на фотке за Рембо, был бы сейчас фотоаппарат, я бы выслал Вам фотки, даже не представляю, за кого Вы меня посчитали бы сейчас... Мне, бывает, кажется, что я вообще попал в какое-то кино. В общем, можно считать, что для меня служба прошла очень хорошо (не считая начала).

Но лучше, чтобы Женя не прошел то, что попробовал я. Сейчас это никому не нужно. И я думаю, то, что мне было очень плохо и тяжело, и то, что я видел, особенно здесь, никому не надо, да никто об этом никогда и не узнает. Я сам не знаю, почему я здесь и кому от этого хорошо, а кому плохо?? Это единственное для меня не понятно, для чего это все, кажется даже, что это просто длинный сон. Ну, мне кажется, что Вы просто, наверное, меня не поймете. Один раз смотрел телевизор, и говорили о Шатое, мне даже стало очень обидно, когда говорят, что ВВ контролирует ситуацию. Здесь на протяжении всех гор нет совсем ни МВД, ни ВВ, ни ВДВ, где же эти так называемые крутые войска. Только мы для них зарабатываем славу, потому что они числятся здесь, а про нас давно все забыли. Нас просто как бы здесь нет. Ну ладно, буду заканчивать свое письмо. Еще раз прошу, не переживайте за меня, = «у меня все нормально» = Пишите, как дома дела! Ваш сын и брат Виталий.

[Надпись внутри конверта:] Привет с высот чеченской земли. Виталий

26 июня 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишет Вам Ваш сын и брат Виталий! Ну, в первых строках своего письма сообщаю, что у меня все нормально, жив, здоров, чего и вам желаю. По-прежнему находимся в Шатойском ущелье. Пока, наверное, переезжать никуда и не будем, ну, в общем, здесь не плохо, вода недалеко, родник бьет, продукты получаем в ВМС. Готовим себе сами еду. Единственное плохо с почтой, только когда кто-нибудь едет во Владик или оттуда сюда, вот так и передаем письма, а это раз в 2—3 недели. Так что не удивляйтесь, если сразу по нескольку писем будет приходить. Вот сейчас приехали с Владика, а письма наши забыли взять, теперь получу ваши письма, наверное, в начале июля. Ну, это не важно, главное, чтобы получить. А насчет того, стреляют здесь или нет, Вы не переживайте, все нормально, опасного ничего нет, так что беспокоиться нечего. Живем дружно, все 13 человек одного призыва, все, что трудно, делаем вместе. Писем от Вас уже очень давно не получал, так что пишите почаще, я буду ждать. Насчет того, что Вы писали, чтобы не пил здесь ничего, так Вам говорю, что здесь и нет ничего, так что за это тоже не волнуйтесь. Сейчас, по-моему, как нам говорили, в Чечню солдат не посылают,

а только одних контрактников, но кто сейчас здесь остался, деньги начисляют, как контрактникам, 54 тысячи в день, и плюс 36 зарплата ежемесячная, так что буду увольняться, наверное, большие деньги получу, вот сейчас дембеля получают по 6—8 млн.

Ну, деньги не важно, главное, чтобы осенью уволиться и приехать нормально домой. Ну ладно, а то я все время о себе. Как дома дела, чем Вы занимаетесь, заготовили на зиму сена или нет. И как хозяйство поживает. Как у Вас на работе дела, работаете или нет.

Ну ладно, наверное, пока, буду заканчивать свое письмо, до встречи в следующем письме. Передавайте всем огромный привет. Жду писем. Ваш сын и брат Виталий!

22 июня 1996 г.

Привет из Шатоя! Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Как вы уже догадались, пишет Вам Ваш сын и брат Виталий! В первых строках своего письма сообщаю, что у меня все в порядке, жив, здоров, чего и Вам желаю.

Недавно были выборы, в связи с этим президент России сделал всем служащим в горячих точках небольшие подарки на сумму около 200 тысяч.

1. 3 кг конфет (разного сорта)
2. 2 пачки печенья
3. 2 пачки чая (Индия)
4. 2 банки сгущенки
5. 2 банки шпротов (консервы)
6. 20 пачек сигарет (Космос)
7. Одна банка сосисок
8. Зажигалка (бензин)
9. 2 бутылки 1,5 л сока.

и поздравление, которое я Вам высылаю на память. Но все же я за него не проголосовал, а проголосовал за Зюганова, правда, кто он такой, я и сам не знаю. Напишу немного о себе. Как я уже писал, у меня все нормально, дела идут хорошо. 19.06 началась 100-дневка (это значит, 100 дней до приказа об увольнении в запас). Теперь я уже «дед».

Но Вас, наверное, больше всего интересует обстановка в нашем районе. Днем и ночью спокойно, не стреляют. Почти каждую неделю приезжает на переговоры «мулла» (старейшина). С местными жителями пока конфликтов никаких не возникало. Часто бываем в поселке, они там живут, как ни в чем не бывало.

Погода меняется очень быстро, то жарко, то днем идет обложной дождь. Это, наверное, потому, что мы находимся на высоте 1650 м над уровнем моря.

Ну ладно, на этом, наверное, буду заканчивать свое письмо. Пока новостей никаких нет. Письма после того, как получил посылку, я от вас не получал, так что пишите почаще, как у вас дома дела, чем занимаетесь. Передавайте всем привет! Жду писем. Может, на днях привезут письмо. До свидания! Ваш сын Виталий. 22.06.96 г.

Борькина подпись подделана мною [далее имитация подписи Б.Н. Ельцина и подпись самого Виталия].

[Вложено обращение:]
Дорогие защитники Отечества!
С особой теплотой и сердечностью поздравляю вас с Днем Свободной России!
В трудные и суровые дни чеченского кризиса, когда обнаглевшие сепаратисты решили путем террора и насилия навязать свою волю народам России, вы твердо и решительно пресекли эти попытки. Вы доказали, что Российская Армия готова защитить территориальную целостность страны, стратегические интересы державы, жизнь и достоинство ее граждан.
Благодарю вас за мужество, героизм, самоотверженный труд и выполнение поставленных командованием задач. Вам выпала нелегкая доля для восстановления конституционного порядка и законности в республике, защиты граждан Чечни и всей России от бандитов и террористов. Вы с честью справляетесь с этой задачей. Только вашими усилиями удалось добиться перехода к мирным переговорам и начать восстанавливать мир на чеченской земле.
Желаю вам крепкого здоровья. Уверен, что вы достойно исполните свой воинский долг и вернетесь домой к родным и близким.

Президент (подпись)
Российской Федерации Б.Н. Ельцин
[Подпись Ельцина обведена Виталием.]

10 июня 1996 г.

Привет из Чечни! Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя. Пишет Вам сын и брат Виталий! Вот сегодня последний вечер, как можно пока передать письма, едут во Владик дембеля утром. Так что ночь длинная, и я думаю, что письмо пишу не последнее. Ну ладно, напишу пока о себе. У меня все отлично, здоровье нормальное. Сейчас на машине, тем более единственный Урал остался в роте, который в Чечне, так что мне «везет». Мама, Папа, Вы не переживайте, я здесь как на курорте. Природа, рядом родник, ниже озеро, так что и покупаться можно. Сейчас погода хорошая, солнце, загорать можно. Тут и землянка есть, кормят плоховато, сухари или спиртованный хлеб, ну, в основном сами готовим, и еще плохо, караул каждый день стоим, ну, это ничего, ведь сами себя охраняем. Музыка есть, короче, мне здесь нравится. Сейчас с селом Шатой мирный договор, так что страшного ничего нет. Да и старшина у нас хороший. Если до августа не выведут полк, то, скорее всего, здесь буду до зимы, а потом, может, домой, а нет, так видно будет. Вы знаете, как я мечтал побывать в горах, и вот, можно сказать, мечта сбылась.
Мама, я прошу Вас, пишите, пожалуйста, почаще, а то я писем от Вас уже давно не получал. Время здесь летит очень быстро, не замечаю, как и дни пролетают. По горам ездим или на НТЛБ, или на БТРе, ну, это не важно, эта война даже интересная по сравнению как во Владике днями на плацу мучили строевыми смотрами да парковыми работами. То здесь можно и целый день спать, и заниматься спортом и т.д. Короче говоря, намного лучше, чем там. Сигареты выдают, иногда тушенку.
Может быть, нас скоро сменит 20-я Волгоградская дивизия, но лучше побыть 6 месяцев, и домой.

Мама, ну а как дома дела, чем занимаетесь, работаете, наверное. Как хозяйство, что нового за время моего отсутствия. Как у Игоря и Жени дела. Чем друзья занимаются? В общем, пишите обо всем новом, что дома.

Ну ладно, буду пока заканчивать свое письмо. Пишите почаще, очень прошу, и не обижайтесь на меня. Служба есть служба, обещал не ехать, но вот так получилось. Пишите, жду. До свидания. Ваш сын и брат Виталий.

24 июля 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Вот решил написать Вам письмо, ну, конечно же, в связи с отъездом прапорщика во Владик передам письмо. Сразу пишу, что у меня все нормально, жив, здоров, чего и Вам желаю. Писем от вас так еще и не получал, ну, может, в конце месяца кто привезет. Нахожусь я сейчас под Шатоем. Мама, вы, наверное, по телику видели, про Шатойское ущелье, так что не буду обманывать Вас. Где мы стоим, все нормально, а 3 км от нас в горе выше стоит банда духов, но там и авиация бомбит, и наша артиллерия, и пехота окружила, так что ничего страшного. А то мы смотрим по телику у танкистов какую-то передачу, и показывают Шатой, и можно подумать, что тут горы с землей ровняют...

Мы стоим в тылу дивизии, и никто на дивизию не сунется, так что не переживайте там. Сейчас тут поспевают яблоки, так что мы спускаемся за фруктами. Готовим еду сами, даже блины и оладьи жарим, но с искусственного яич. порошка и жира. В общем, нормально все, сейчас начался опять сезон дождей, это на 1—2 недели. Нас в роте сейчас здесь 12 человек, все хорошие пацаны моего призыва. Знаете, кроме как в армии, так много друзей (как братьев) и не найдешь. Пообещали друг другу, что после армии обязательно где-нибудь встретимся 12 человек.

Мама, Папа, а за прошлое письмо Вы не обижайтесь на меня, просто здесь все мои лучшие друзья и я не могу просто так все бросить. Не знаю, поймете ли Вы меня или нет. И наша рота, и боевое подразделение, и специальное. Так что воюет пехота, а мы делаем добро и нашим, и духам, снимаем мины и ставим вокруг лагеря растяжки сигнальные. Есть специальное отделение, которое ходит в горы, с разведкой, и второе отд-е с пехотой. Ну а водители только по своему желанию. Но стоит сходить на 2 суток в горы, то можно потерять 5—6 кг своего веса. Так что лучше посидеть в лагере.

Под Ведено были, прочесывали села, так намародерничали себе всякого барахла. Сплю на ковре, укрываюсь одеялом и на подушке. В машине большой ковер, начиная от лобового стекла, по потолку вниз и до самых педалей управления. Короче говоря, с жиру бесимся, ну а что еще делать. Офицеры такие же люди, как и мы, так что все это как в порядке вещей.

Ну ладно, буду пока заканчивать свое письмо. Пишите побольше, как дома дела. Чем Вы занимаетесь и как хозяйство. Недавно приснился сон, что я на Маячке катался. Так что скоро уже домой, наверное. Если все нормально будет, то к Новому году уволюсь. Пишите, как у Вас на огороде дела. Да, скоро арбузы пойдут, ну, ничего, может, и достанем себе. Передавайте привет всем соседям и друзьям. Пишите почаще. До свидания! Ваш сын и брат Виталий. Если можете, высылайте конверт, а то не в чем отправлять, и бумаги нет.

[Вложение в письмо]

Выписка из приказа командира войсковой части №

29.04.1996 г.

г. Владикавказ

О снятии автомобиля с кратковременного хранения и закреплении водителя за автомобилем [далее текст справки].

[На другой стороне справки — рисунок горы и надпись:] В память о машине, на которой очень много проехал, почти всю Осетию исколесил.

27 июля 1996 г.

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Наконец-то получил Ваши все письма и сразу же отвечаю. Сразу пишу, что у меня все нормально, жив, здоров, чего и Вам желаю. Мама, Вы написали действительно плохую новость, что Женя погиб. Я представляю, какое это для т. Наташи горе. Мама, только я не знаю, как он погиб. Вы ничего не написали, там ведь в Асиновской сейчас спокойно. Если что знаете, то, пожалуйста, напишите. Я, как прочитал письмо, заплакал.

Ладно, напишу немного о себе. По-прежнему находимся под Шатоем, пока все спокойно, короче говоря, все нормально. Погода плоховатая, дожди идут. В карауле ночью стоишь, промокнешь до ниточки, ну, у нас печка, так что можно просушиться. Питаемся нормально, сейчас сплю в машине, потому что палатка течет. Ну, у меня в машине как в комнате, уютно. Хоть купаемся, а то вши (бельевые) до этого заедали, теперь нормально. Короче, все отлично.

Служить интересно. Вчера стоял в карауле ночью, и все 2 часа с автомата с Седым стреляли в зеленку (в лес). Правда, потом полдня чистили их, но отстояли спокойно. Да к нам-то никто и не подойдет, вокруг везде мины и растяжки сигнальные. Так что спим спокойно, не переживайте. Но конечно, от крепкого сна давно отвык, ну а что поделаешь, дома отосплюсь.

Мама, Вы спрашиваете точно, сколько мне служить. Я отвечаю, что, если правительство не обманет, к Новому году буду дома. Ну а там видно будет. Вообще не обижайтесь, но об увольнении я не сообщу Вам, а сделаю сюрприз, приеду домой, а вы и знать не будете. Ну, поживем — увидим.

Вы пишете, что очень плохо с работой и финансами. Это, конечно, очень плохо. Ну, ничего, мне сейчас платят 66 т. в один день, полевые, плюс 37 — зарплата. Не удивляйтесь, это серьезно. Дембеля увольнялись, получили миллионы. Сейчас же официально солдаты в Чечне не числятся, а только контракты, ну а платят одинаково. Извините, что такой почерк, но пишу на темную, потому что утром надо отослать.

Ну что, буду заканчивать свое письмо. Пишите, как дома дела. Передавайте всем привет. И не переживайте за меня, у меня все хорошо. Я даю слово Вам, что приду домой живым и здоровым. До свиданья. Ваш сын Виталий. С нетерпением жду ответа. Пишите, пожалуйста, почаще. И вышлите конверты в письмах, если есть. Извините за почерк.

23.45 ч.

Без даты

Привет из Шатоя. Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишет вам сын и брат Виталий. Вот выдалась возможность отослать Вам письмо, и я сразу же решил не терять ее.

В первых строках сообщаю, что у меня все отлично, жив, здоров, чего и вам желаю. У меня все здесь нормально. На улице жара стоит, целыми днями не вылазим из душа или из леса. Поспели яблоки, так что едим и варим компот. Внизу стоит деревня Борзой, но спускаться туда запрещено, так что сидим на вершине горы. Питаемся нормально, не жалуюсь. Ну ладно о себе, как у Вас дома дела? Пишите почаще. Чем занимаетесь, заготовили кормов на зиму или нет. Ну ладно, буду заканчивать, письмо писать некогда, сейчас едем на разминирование, ну, это сейчас обычное дело. Извините, что немного написал. Да и писать-то не о чем. Вы там не переживайте за меня, все нормально. Конвертов, если можете, вложите в письмо. Ну ладно, до свиданья. Ваш сын Виталий.

29 августа 1996 г., командир роты — родителям Виталия Зайцева

Уважаемые Николай Иванович, Надежда Петровна.

Пишет Вам командир взвода ст. л-т П[...] Руслан Анатольевич. Считаю своим долгом выслать фотографии вашего сына. Мы очень благодарны Вам за Вашего сына, он был хорошим человеком, добросовестным солдатом. Извиняемся, что не смогли уберечь Вашего сына, но мы будем помнить его.

С уважением командир роты, (без подписи)

26 октября 1996 г., Серафима Власова — родителям Виталия Зайцева

Здравствуйте, уважаемые родители Виталика Коля и Надя. Получила от вас письмо, которое очень ждала. Вся наша семья выражает вам наше соболезнование по поводу трагической преждевременной гибели дорогого Вам сына Виталия и нам знакомого солдатика, к которому мы очень привыкли и он нам стал как родным.

Дорогая Надя, мы его проводили. Я за него молила Бога, чтобы с ним ничего не случилось, но война безжалостна. Я вам хочу написать наш последний разговор. Просто чтобы вы знали, что я слышала из его уст. Когда я получила посылку от вас, вызвала его, он так был рад, сказал, что эта посылка к его дню рождения. Разбирал посылку, читал письмо, на глазах вижу слезы, позвал меня и говорит: «Бабушка Сима, ведь это только мама может сделать такое приятное ко дню рождения. Сколько же мне радости она сделала, ведь мне 19 лет исполнилось». И следующие слова: «Как вернусь домой, стану перед мамой на колени и буду целовать ее руки, и попрошу прощения за свои грубости, которые ей когда-либо сказал, буду во всем слушать родителей, не закурю ни одной сигареты и стакан не поднесу к губам своим». Я накрыла им стол, он пригласил троих солдат, сидели долго, слушали музыку, потом остались ночевать Виталик и друг Андрей.

Дорогая Надя, вы спрашиваете, какие вещи оставил Виталик у нас: 1. Магнитофон, талисман-зажигалку, часы, военную форму и письма, а фотографии не оставлял, может, где в письмах лежат. Он очень дорожил вашими письмами

и просил меня их сохранить, так говорил: «Буду хранить их до конца своих дней». Я все собрала в коробку, которая весит примерно 5 с лишним кг, так что бандероль не получается. Высылать надо посылкой. Вы узнайте на почте, сколько будет стоить пересылка. И надо же оценить посылку в такую сумму, сколько стоит магнитофон, часы, а то вдруг может пропасть. Мне хочется, чтобы до вас все дошло благополучно. Я очень переживаю за магнитофон, много раз приходили солдаты и нагло требуют его вещи. Я не отдала им. Напишите, когда погиб Виталик и где его похоронили, или доставили его тело домой?

Письмо получилось большое, хотела написать меньше, здоровье наше неважное, дедуле моему сделали операцию на глазу, ограничен в ходьбе. Поднять можно от силы 2 кг. Я тоже еле хожу, ноги отказывают, упала во дворе, разбилась, сильно кружится голова. Недоедаем, пенсию не получали за три месяца, других доходов нет. Кое-что продаем за бесценок, заготовок никаких на зиму нет. Не знаю, как жить будем. Просто не знаем, кому себя отдать, свое домовладение. Так трудно жить. Извините за откровенность, мне некому высказать свое горе. Вся моя родня живет в Л-де, в Брянске. Там, наверное, тоже трудно. Я очень буду ждать вашего письма и как можно буду стараться скорее выслать вам вещи Вашего сыночка. Пусть будет память о нем.

С приветом Серафима Иль. и Виктор Петр.

Сергей Матвеев: «ТУТ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ВРОДЕ И ПЛОХО, А С ДРУГОЙ — МОЖНО СТОЛЬКОМУ НАУЧИТЬСЯ» (1999—2000)

Сергей Владимирович Матвеев родился 30 августа 1978 г. В 1999 г. закончил с красным дипломом Кировское военно-авиационное техническое училище, был направлен на военную службу в Ростов. Дальнейшая служба проходила во Владикавказе. Погиб 17 февраля 2000 г. в Чечне.

23 октября 1999 г.

Здравствуйте!

Привет вам с солнечного Кавказа! Хотя на данное время тут уже целую неделю идут дожди. Получил вчера ваше письмо и сразу же пишу ответ; надеюсь, что он придет вовремя. Хочу сразу же успокоить вас всех, что у меня тут все по-прежнему и ничего такого не происходит. Все так же хожу в наряды через день, так что время летит быстро. Я даже не заметил, как подошел к концу октябрь. Сейчас, наверно, самое главное дожить до Нового года, а там уже видно будет. Пока я был начальником караула на вертолетной площадке, мне предложили перевестись к ним. Не помню, писал я вам про это или нет, но это сделать возможно. Так что в скором времени я, наверно, попытаюсь перевестись из Владикавказа в Буденновск, если у меня все получится. Но перевод тоже займет много времени, т.к. сейчас увольнять никого не хотят. Специально держат как можно дольше. А с переводом даже и не знаю, как будут обстоять дела.

Я тоже от Кольки письмо получил. Пишет мне, чтобы я ему тоже пока не писал, т.к. куда-то хочет переехать из Плавска. Я бы лучше на его месте там и остался. Сказал, как узнает свой новый адрес, так сразу же напишет. Сегодня уже 23.10, но пока от него ничего нет. Я уже ему письмо написал, осталось только адрес написать и можно отправлять. Мне тут Андрюха Мирянгин написал, что его еще не скоро забирают в армию, а оказывается, что он уже, наверно, в шаге от того, чтобы оказаться там. Жаль, меня дома не будет, когда у него проводы будут. Интересно, куда он попадет с юридическим образованием. Скорее всего, в какую-нибудь контору при комендатуре или прокуратуре. Хотя кто его знает, сейчас вроде никого ничто не интересует, где не будет хватать народа, туда и отправят. Лишь бы сюда, в СКВО не попал. Хотя тут, с одной стороны, вроде и плохо, а с другой — можно столькому научиться. Плохо, конечно, возле самих гор, т.е. у нас тут не очень хорошо, а вот в Ростове н/Д [Ростове-на-Дону] нормально, да и еще есть много хороших мест, где служить можно.

Я тут на днях ездил в командировку в Ростовскую обл. Отправил меня на этот раз ком. дивизии за одним солдатом, который уехал в отпуск, а возвращаться не хотел. В итоге он задержался на ½ года. Я его привез, конечно, но самое ин-

тересное в том, что ему за это ничего не будет, т.к. отпустил его наш командир неофициально, а под честное слово, а к тому же за ним приехали родители. Вот такие солдаты у нас честные. Вообще-то командировка мне понравилась, т.к. хоть на 5 дней отсюда вырвался. Мне командир обещал, что мы с ним сочтемся. Что он хотел этим сказать, я даже и не знаю, но ничего, поживем-увидим. Хорошо бы это произошло побыстрее, вдруг домой отпустит на недельку, тогда бы и посылку не надо было бы отправлять, сам бы приехал и забрал. Так что я даже пока и не знаю, что это будет. Жизнь тут вроде как и раньше. Живу сейчас в общежитии, если его можно так назвать. Это такая комната, где стоит кроватей 12 вдоль стенок и по тумбочке, вот и все удобства. Чтоб в баню сходить, нужно приложить столько усилий. Цены тут на все довольно высокие. Вот вы пишете, что 1 кг картошки дома по 3 руб. принимают. А тут он стоит от 8 до 10 руб./кг. За 8 руб. вообще одна мелочь. Мясо тут самое дешевое (говядина) 48 руб. и то — одни ребра. Молоко вообще дорогое. В магазине 10 р./литр. Если на рынке, то можно за 6 руб. найти. А вообще-то я редко на рынок хожу, т.к. далеко, да одному лучше и не ходить. Можно, конечно, встать на питание в полку, но тут такой гадостью кормят, что лучше я этого делать не буду. Питаешься тут одной лапшой. Иногда куплю чего-нибудь такого (для разнообразия). Не знаю, как там сейчас с фруктами у Кольки, но тут у нас они уже начинают отходить. Сейчас поспели груши и орехи лесные, яблоки и алычу уже всю собрали или они сами опали. А на рынке сейчас чего только нет. Я раньше никогда столько разных фруктов не видел, вообще все есть. Правда, цены не такие уж и низкие, но люди все равно покупают.

Обстановка тут остается, как и раньше. Весь полк уехал в Дагестан, так что сейчас в полку никого нет. В полку остались одни разведчики, связисты, танкисты, еще вроде кто-то и мы, т.е. ПВО. Нам там делать нечего, так что нас никуда не отправят. Вот такие дела тут у меня.

А Ленка, что, уже писать научилась? Она уже в школу ходит, наверное? А как там у Таньки с Надькой дела? Все, наверно, «воюют» между собой?

Вот, вроде и все мои новости. Так что писать заканчиваю.

Пиши, жду.

Всего вам хорошего.

16 ноября 1999 г.

Здравствуйте, привет вам из Владикавказа!

Пишу еще потому, что получил вашу посылку. Большое спасибо вам за нее, т.к. она пришлась совсем вовремя. Теперь мне зима не так «страшна». Вообще-то зима тут еще не скоро. Хоть сегодня уже 16.11, а на улице совсем тепло. Выпал один раз снег 8.11 и через день весь растаял. Днем сейчас тепло совсем, градусов +12 +15, а уже через 2 недели зима должна наступать.

У меня тут все по-прежнему. Все так же хожу через сутки в наряды. На этот раз попал оперативным дежурным ВАИ гарнизона. Времени свободного много, вот поэтому и пишу сейчас письмо. Вообще-то я пишу еще с одной целью... Хочу поздравить тебя, мам, с Днем рождения. Извини, что без открытки, т.к.

нет возможности ее достать. Желаю тебе, мам, всего самого наилучшего, и самое главное — здоровья, ведь его не купишь, а также счастья и терпения. Надеюсь, Колька не забудет и также тебя порадует письмом. А еще лучше бы было, если бы он открытку прислал. Если он все-таки не напишет, то прими поздравления от нас обоих. Ведь он мне тоже не пишет, вот, уже месяц, наверно. Я даже не знаю, куда он попал после экзаменов.

Могу вас заранее успокоить, у меня тут все нормально. Все бы хорошо, но меня домой не отпустили. Я так хотел попасть на проводы к Андрюхе. Кстати, его забрали или нет еще в армию? Обстановка у нас тут, сами видите, какая, так что особенно писать и нечего. Тут, правда, затишье небольшое сейчас, т.к. наши сейчас готовятся к штурму Бамута. В основном у нас весь полк там. Остались только мы, ПВОшники, и артиллеристы — их только что набрали с осенним призывом. Нас туда отправлять не будут, т.к. в полку никого не останется.

Вообще-то у нас тут беда случилась. Нашего командира полка в районе Бамута убило (на мине подорвался). Мне даже довелось его грузить в вертолет, когда его домой отправляли «грузом 200». А вообще не верьте новостям по телевизору, т.к. тут все гораздо хуже, чем показывают. У нас в полку уже такие потери, убитых уже человек 25, а раненых... Но вы не волнуйтесь за меня, т.к. я туда все равно не поеду. Деньги нам за октябрь уже выплатили, так что у меня тут все нормально. Правда, тут все дорогое и живешь как бы на «голодном пайке». Тем более тут сборы всякие на памятники, похороны, но не в этом дело. У меня тут шанс появился перевестись в Ростовскую обл., только тут не все так просто. Все дело в том, что меня 2 января никуда, наверно, не отпустят, а мне надо будет на 4 дня съездить в Ростов-на-Дону. Так что если что, то можете помочь какой-нибудь справкой или телеграммой. Но пока до этого еще рано, так что я пока сам буду пробовать, а если что, то я напишу попозже. Вот, вроде и все мои новости. А как там у вас дела? Спасибо Надюхе за бруснику. Пусть Ленка не скучает, может через месяца 4,5—5 приеду, а может быть, и позже.

Пишите, я буду ждать ответа.

«Нельзя ли кипяточку?» Почтовая открытка Миздательства «Д. Хромов и М. Бахрах». Москва, между 1914 и 1917 гг. Из фондов РНБ

V. ВОЕННОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ

У нас жизнь все больше налаживается, а главное улучшается питание. Мы получаем хлеба 500+400 гр., и в ближайшее время обещают еще прибавить. Кроме того получаем сливочное масло, крупу, сахар, мясо и даже такие вещи, как сгущенка, овощи и фрукты, правда последние по 100 гр. ...В скором времени блокада будет разбита и тогда совсем станет райское житье.

Из письма Веры Лурье
Ленинград, 13 марта 1942 г.

Полина Барскова

«В ЭТОМ СМЕРТНОМ МИРЕ ПУСТЬ МЫ БУДЕМ СЫТЫ»: ВОЕННЫЕ ПИСЬМА О ГОЛОДЕ И СЫТОСТИ

Перед нами письма, объединенные темой «военные письма о еде и голоде». Тема, казалась бы, обязательная, понятная и даже предсказуемая: от века война и голод воспринимались людьми как бедствия-неразлучники: война нарушала привычный ход экономических связей, огонь губил урожаи, мародеры опустошали запасы, длительные осады оставляли жителей городов без хлеба насущного (а иногда, совсем жуткое и «эффективное» средство, — также и без воды).

Насколько эти извечные тактики оставались актуальными во время Великой Отечественной войны и каковыми оказались тогда специфические манифестации и социальная дистрибуция голода и сытости, насыщения и пресыщения? Именно этот вопрос является первоочередным для обсуждения настоящей темы — вместе с вопросом о репрезентации: ведь голодать и описывать голод — не одно и то же. Особенно в письмах близким, которых посильно стараешься защищать от горя. Особенно в ситуации военной цензуры, которая, в лучшем случае, зальет излишне откровенные высказывания черными чернилами, а в худшем — сделает так, чтобы о позиции автора стало известно «где положено».

Такие вопросы, безусловно, исполняют свою полезную навигационную функцию при интерпретации этих писем. Но, пожалуй, самое важное здесь помнить, что, когда речь заходит о еде и голоде, речь всегда идет о чем-то другом, соприкасающемся с, прячущимся за, казалось бы, этими такими понятными, элементарными явлениями. Когда речь здесь идет о еде, речь *на самом деле* идет о любви, безумии, стыде и страхе — все эти сложные, исторически обусловленные аффекты *реализуются* в кусочек эрзац-хлеба («Делится не делится?» или «Делиться не делиться?»), в мечту о недоступной конфетке — или, напротив, в колосящиеся «ничьи» поля летом 1941 г. — предвестие гибели, приводящее в ужас солдата, который понимает, что ни у него, ни у этого урожая будущего нет.

В первой части подборки, письмах детей Сусловых отцу на фронт, разговор идет «наивный» и от этого только более жуткий, так как осмысление и риторическое преодоление голодной пытки происходит здесь «напрямую», ничто не скрывается. Дети просят у отца сладкого — далекий, отсутствующий отец-мечта становится для них символом внеблокадного, другого мира, не мира терпения и страдания, но мира силы и каких-то иных возможностей. Отец становится воплощением идей о счастье и удовольствии — своего рода «счастливым местом» за пределами их несчастливого места. Дети Сусловы мечтают о счастливом месте, где есть их отец и есть сладкое, — недостижимые обьекты желания, которыми они могли бы насытить свой голод, физический и эмоциональный: поцеловать и съесть.

В первую очередь, голод той войны ассоциируется у нас с Ленинградской блокадой — уникальность данной трагедии среди городских трагедий этого ката-

клизма заключалась именно в том, что немецкое командование приняло решение взять город измором, истребить в первую очередь голодом (впрочем, не стоит преуменьшать роль бомбежек, холода и темноты). В подборке, представляемой здесь читателям, блокадный голод занимает свое «законное» корневое место, однако из писем мы узнаем, что блокадный голод имел свое продолжение — голод эвакуационный, — и своего безобразного и полного противоречий и постыдных замалчиваний антипода — блокадные сытость и обогащение. Из писем мы также узнаем о том, какими путями еда проникала в страдающий город и как (рас)сосредотачивалась в нем. В ситуации информационной блокады, сковавшей Ленинград не менее чудовищными тисками, чем блокада пищевая, письма становились невероятно важным способом обмена информации — так изобретались *блокадные способы выживания*, которым в последнее время принадлежит растущее внимание исследователей разных дисциплин — историков, социологов, культурологов[1].

Вторая часть подборки уже скорее эпически повествует о блокадном бытовании интеллигентной многонациональной семьи. Перед нами разворачивается следующий сюжет: члены семьи, разбросанные эвакуацией по стране, пытаются понять, что произошло с их родственниками. Понять это не просто, так как письма теряются, промахиваются мимо выбывших к новому месту эвакуации адресатов, но главное, потому что свидетели еще не готовы сразу рассказать о пережитом: в данной ситуации такая «сюжетообразующая» травма — это смерть от голода матери молодой женщины Арыси, которая рассказывает своим родственникам о случившемся. Причем рассказ этот со временем меняется, новые детали событий, эмоции «проявляются» в фоторастворе горестного внимания и понимания. Что любопытно, более внимательный взгляд оказывается возможен только с прошествием времени. Ослепленные травмой, ее жертвы только ретроспективно, только оглядываясь, способны «делать смысл» из произошедшего с ними. Именно тогда наступает боль.

Перед нами *типичная* блокадная трагедия: среди категорий ленинградцев, особенно жестоко пострадавших, выделяется демографическая группа «женщины пенсионного возраста». Многие из них непостижимым образом переживали зиму (на самом деле выжить на карточку иждивенца было невозможно) и, как и героиня этих писем, погибали уже в период, который Лидия Яковлевна Гинзбург, также потерявшая в блокаду мать, назвала «передышкой» — летом или осенью 1942 или даже 1943 г.[2] То есть физиологическая блокадная травма в этом

[1] Особенно важными здесь являются следующие работы: *Bidlack R.* Survival Strategies in Leningrad during the First Year of the Soviet-German War // Robert T., Bonwetsch B. (eds.) The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 2000. P. 84—108; *Пянкевич В.* Рынок в осажденном Ленинграде // Жизнь и быт блокадного Ленинграда: Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 122—163; *Hass J.* The Experience of War and the Construction of Normality: Lessons from the Blockade of Leningrad // Битва за Ленинград: дискуссионные проблемы: по материалам международной научно-технической конференции «Блокада Ленинграда: спорное и бесспорное». СПб., 2009. С. 240—277; *Ломагин Н.* Неизвестная блокада. СПб., 2002.

[2] Гинзбург описывает блокадную гибель матери прежде всего в следующем тексте: *Гинзбург Л.* Рассказ о жалости и жестокости // Гинзбург Л. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. М., 2011. С. 17—60. Также в данном контексте важен (до сих пор не полностью опубликованный) текст: *Фрейденберг О.* Осада человека / Публ. К. Невельского [Ю.М. Каган] // Минувшее: исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 9—44.

случае тоже была ретроспективной: организм «понимал», что с ним произошло зимой 1941/42 г., и сдавался — «от последствий».

Есть такие блокадные вопросы, на которые сегодня часто приходится отвечать. Например, а что было бы, если бы город сдали немцам? Или какое в городе было отношение к каннибализму? К спекулянтам? И — один из самых мучительных — что там в блокаду происходило с любовью? Много чего происходило. На эту тему даже был написан (но практически до сих пор никем не прочитан) примечательный роман Анатолия Дарова «Блокада» (1946)[1]. Герои этого уникального, автобиографического и неподцензурного текста — ленинградские студенты-гуманитарии — очень хотят выжить. Многие из них ради этого вступают в связи с великодушными булочницами и буфетчицами, которые одаривают их излишками производства. Студенты, в свою очередь, несут эти излишки своим гибнущим возлюбленным.

На блокадном языке любить — значит делиться едой. Однако именно это было почти невозможно: так, Арыся ретроспективно ужасается, что они с мамой были не в состоянии уделять чуть больше беременной сестре Яне, жалея, что все делили «поровну». Однако если вообще имеется какая-либо потребность говорить о блокадном героизме — таким героизмом, бесспорно, было именно это «поровну». Сама же Арыся к идее общественного блокадного героизма относится без особого пиетета — именно он, как ей кажется, и стал последним ударом для матери: «У мамы стало сдавать сердце, она ходила с трудом, но продолжала как настоящий герой (героизм этот был никому не нужен и никем не оценен) ходить в институт и проводить занятия». В крайне искренних письмах Арыси появляется тема, которая является одним из наиболее мощных блокадных табу, — голодное безумие. В письмах эта тема повторяется настойчиво, хотя и в обезболивающе эвфемистических тонах (например, «мозговые явления»). Она пишет о том, как ее целеустремленная, всегда, как ей казалось, трезво анализирующая реальность мать (да к тому же и «библиофаг» — здесь возникает особая тема блокадного чтения, «замещающего» еду) постепенно погружается во тьму голодного бреда. Голод становится причиной не только безумия в прямом, психиатрическом смысле, но и охватившего всех в этой подборке трогательно-честных писем синдрома *непонимания:* люди перестают понимать друг друга, интересоваться друг другом; Арыся не понимает, что ее любимая мать ускользает от нее, а когда — месяцы спустя — понимает, что она ускользала, не может этого себе забыть.

По сравнению с письмами семьи Стахевич переписка семьи Лурье поражает своим кажущимся благополучием: сложно поверить, что речь идет об одном и том же месте и времени. Хотя нам теперь уже известно, что ситуация и меню в блокадном Ленинграде отличались разительно. Однако так спокоен и странно уютен тон этой части писем, что у читателя возникают вопросы: а собственно, правду ли рассказывают нам сейчас — то есть членам своей семьи тогда эти письма? Особенно учитывая трагическую развязку этого эпистолярного сюжета: автор писем, Вера Лурье, умирает в марте 1942 г. в возрасте тридцати лет. Если описываемая картина соответствует реальности — откуда такое пищевое изоби-

[1] *Даров А.* Блокада. Мюнхен, 1946.

Фотохроника ТАСС: «Американские продукты на фронте». Фото В. Уткина, июнь 1943 г. Из фондов РНБ

лие в самые тяжелые месяцы блокадной зимы? Бесспорно, в осажденном городе существовал доступ к еде — но не у «рядовых» горожан. Но если же эти письма не соответствуют реальности, и их задачей является утешение встревоженных родных — это может дать нам повод вернуться к вопросу о том, какова герменевтика чтения военных, в том числе блокадных писем, насколько мы вообще можем им доверять? Фразы «О многом хочется сказать, но перо не пишет», «Писала бы и писала, но о чем можно поговорить всего не написать» наводят именно на мысль о том, что блокадница стремилась преподнести своим близким щадящую версию событий. При этом очевидно, что перед нами человек, отчаянно борящийся за выживание — с голодом и хаосом. Вера Лурье пишет: «Мы реализовали все возможное. Остальное постараемся тоже реализовать или привести в порядок». Под «реализовали» здесь имеется в виду продажа вещей на блокадном черном рынке либо через знакомых — чаще всего за еду. Тем больнее воспринимается сегодня нами, читающими эти письма, то, что все усилия — по налаживанию страшного быта, по поддержанию духа — и своего, и близких — не приводят к спасению, утешительное «Мы живем хорошо. Питаемся хорошо, и никто нас не беспокоит» звучит как оказавшееся бессильным заклинание.

Последние три части подборки не имеют отношения к блокаде, и рассказывается в них не о голоде, но опять же — о сытости, изобилии. Однако в обоих случаях изобилие это далеко не идиллическое. Погибший в самом начале войны Сайдали Акбаров описывает обилие еды в местах, откуда ушли мирные жители: «Повсюду картошка, много зрелых посевов, у которых нет хозяев. Однажды мы были в одной деревне, там зарезали корову, разделили ее на части, оставили только рожки да ножки и 10 человек за два дня съели. Но сейчас мы опять меняем место, так безопаснее. Мама, один раз мы притащили ведро чистого

меда, хозяина нет, пчелы собрали много меду, мы уплели мед с хлебом. Такие вещи происходят, которые не умещаются в голове. В этом смертном мире пусть мы будем сыты, говорим мы, когда немного мирно. Враг в двух шагах от нас».

Эта апокалиптическая картина предсмертного пира ассоциируется у меня с одним из главных топосов блокадного письма — пожаром на бадаевских складах, где к небу поднимались языки особо яркого, «веселого» пламени, ведь горели жир и сахар[1]. Это было видение *жирной* смерти, предшествующее медленной пытке голодом. В письмах Всеволода Попова мы видим уже последние месяцы войны, Советская армия продвигается по немецкой земле и по ходу военного действия и возмездия опустошает ее: «Мы солидно отведали свежей картошки, огурцов, луку — посевы фрицев», «Вперед на Запад! Или, как принято, говорить у нас: Вперед, братва, там — женщины и водка!». Возникает та же тема, что и у Акбарова — урожай, достающийся не тому, кто его возделывал. Уничтожение посевов, сам процесс еды здесь становится возмездием.

Даже в наименее драматической эпистолярной подборке этого блока, письмах «афганца» Евгения Мальгина, тема еды выполняет различные сложные функции. Обмен рецептами с матерью здесь не просто раз-/от-влечение, но образование: мирный и военный мир обучают друг друга — причем именно мирному делу, кулинарии. В этой подборке вообще многое указывает на желание автора писем изображать жизнь воина-«афганца» как мирную, скучную, тривиальную. С этим стремлением парадоксально соседствует репрезентация другого обмена — между солдатами и местными жителями: «Дуканщик, будет с нас тебе бакшиш, // Если только цены не завысишь. // Мы — народ российский, мы — народ простой, // Слышишь, обезьяна, иль не слышишь?» Местные жители в песнях, которые Мальгин коллекционирует и посылает сестре Тане, поставщики благ, недоступных дома, изображаются одновременно со страхом и презрением. Лишь изредка возникает интонация удивления: «Тут “духи” по два урожая в год собирают. У них уже пшеница желтая. Едешь куда-нибудь, смотришь, с мотыгами в земле ковыряются». Так пишет солдат о своих врагах, возделывающих землю, своим родителям, тоже, судя по всему, со страстью относящимся к своей земле, по крайней мере — к своему дачному участку. Земля, полная опасности, приносит богатые урожаи.

Еда на войне имеет особый вкус, вероятно, потому, что всегда связана со смертью. Даже в немногочисленных письмах этой подборки мы видим, как сложны, а также ситуативно и риторически разнообразны были эти связи.

[1] *Лихачев Д.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 303.

Светлана и Георгий Сусловы: «ПРИВОЗИ СУХАРИКОВ И КОНФЕТКУ» (1942)

Иннокентий Михайлович Суслов (1893—1972) был известным ученым-североведом, этнографом, геологом. В Первую мировую войну служил прапорщиком, в Гражданскую — начальник штаба одной из дивизий Красной армии. Первый председатель Красноярского комитета содействия малым народам Севера (1924—1929), работал в аппарате ВЦИК в качестве члена Комитета Севера (1929—1935). Создал музей Арктики в Ленинграде (1938). Участвовал в обороне Ленинграда в должности начштаба офицерского соединения (1941—1942). Был отозван контр-адмиралом И.Д. Папаниным из армии для работы в Главсевморпути (1943). Работал замдиректора Московского филиала Арктического института по научной части, преподавал на кафедре североведения на географическом факультете Московского государственного университета (1943—1945). После войны работал в Ленинграде и Якутии на различных исследовательских и преподавательских позициях. В 1953—1957 гг. возглавлял Государственный музей этнографии народов СССР.

3 мая 1942 г., Светлана и Георгий Сусловы — Иннокентию Суслову

Здравствуй, дорогой папутик.

Поздравляю тебя с 1 мая. Как твое здоровье? Мы пока еще держимся. Мамочка поступила на работу в ясли на Сазоновскую сестрой-педагогом. Числа 6, 7 пойдет и Гага к мамочке в ясли. Я тоже на днях пойду в школу и буду там получать питание, я в день буду иметь 100 гр. крупы, 100 гр. сух. овощ. 50 гр. мяса, 30 гр. масла, 30 гр. сахару, а на третие после обеда или кампот или молоко и 400 гр. хлеба в день. Надо будет сдавать все карточки и хлебные тоже. Мамочка имеет рабочую карточку. Мы очень волнуемся за твое здоровье. У нас большая радость, нашлась Явинька, она в Московской области работает в психиатрической больнице.

Дорогой папутик, приезжай скорее к нам, уже больше месяца как ты уехал, ты нам пришли письмо по радио. Я очень соскучалась по тебе. Натка сейчас у папы на фронте. Папуся приезжай скорей домой, целую крепко, крепко, крепко, крепко, крепко в счастливое место. Твоя Светлана.

Здравствуй, дорогой папутик приезжай ко мне привози сухариков и конфетку. Мы хотим кушать целую крепко, крепко, крепко в счастливое место

твой Гага

29 июля 1942 г., Светлана Суслова — Иннокентию Суслову

Здравствуй дорогой папутик-пудик!

Дорогой папуля, мы очень беспокоимся, почему ты нам не пишешь? Мы уже переехали на новую квартиру через дом от садика. Мама очень волнуется, ей

трудно работать. 20 августа кончается мой санаторий, и мама очень хочет уехать по окончании его. Скоро уезжает в Москву семья нач. моссовета и мы могли бы уехать с ними, потому что у них есть литера и они без всякой очереди могут доставать билеты. Мама научилась очень хорошо складываться, и все вещи для пириезда упаковала она.

Дорогой папутик, напиши маме, продавать вещи или нет? Напиши, папуля, приехал ли Папанин. Гарик все время вспоминает о том, что скоро уедем к папуле. Дорогой папуся, мы очень соскучились о тебе и очень хочется увидеться. Дорогой папуля, скажи Явиньке, что она очень ошиблась в Мане, это не человек, а гадина. Она маме строет всякие гадости, чтобы занять мамино место. Манька выпускает своих козлов в огород и сама вырвали всю нашу морковку, сорвали кабачки, рвут мак, самый мой любимый. Скажи Явиньке, чтобы она ей не писала. Пока, до свидания, папочка, целую крепко, крепко, крепко, крепко, крепко в счастливое место, твоя Светлана.

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ СЕМЬЯМИ Левис, Стахевич и Брик: «КАКИМИ ИСТОЧНИКАМИ ВЫ ПИТАЕТЕСЬ?» (1942—1945)

Данная коллекция писем представляет собой переписку между семьями трех подруг детства: Марии Михайловны Левис (в письмах используется обращение Манечка и Маневрочка), Татьяны Сергеевны Стахевич и Марии Исааковны Брик (Манца). В переписке, помимо М.М. Левис и М.И. Брик, участвуют дочери Т.С. Стахевич Ирина (Арыся, Орыся) и Агния (Яна, Ягна) Львовны, а также Мария Исааковна Барон, родственница М.М. Левис. В переписке упоминаются Сергей Георгиевич Стахевич, приемный сын Т.С. Стахевич, погибший осенью 1941 г., муж Я.Л. Стахевич Алексей (Леша), сестра М.М. Левис Раиса Михайловна Левис, а также дочь Р.М. Левис Дареджан Диомидовна (Джаночка, Джани), которой в 1943 г. исполнилось 10 лет. Первое письмо рассказывает об опыте жизни в блокадном Ленинграде и смерти Т.С. Стахевич, последующие — о жизни в эвакуации в советском тылу.

6 мая 1943 г., Ирина Стахевич — Марии Брик

Дорогая Манца! Я так была рада вашей открытке.

Постараюсь подробно написать обо всем, потому что знаю, что вам это не безразлично.

Мама умерла 30 сентября в 6 часов утра в 1942 году, т.е. скоро год. Яна уже была в Казани — она после всех своих болезней, описание которых займет целое письмо, уехала туда. Это был единственный шанс встать на ноги, окрепнуть после всего. Мы не поехали все вместе, потому что мама тогда еще была в больнице им. Балинского (это было в середине июля). Правда, ей уже было лучше, того состояния, в каком ее видела Маневрочка, не было уже, но ехать еще было невозможно. Яне ждать нас значило погибать, и я ее отправила с остатками сотрудников БАМпроекта в Буинск, к Леше[1], а оттуда она перебралась в Казань к Ляпуновым. Теперь многое мне представляется в другом свете, многое становится ясным, о чем тогда не приходилось думать. Вы ведь знаете, что, что когда началась война, Яна ждала ребенка. И мама, и я, и она сама не подумали о том, что может быть здесь зимой, и не настаивали на том, чтобы Яна уехала, пока была возможность. И вот мы начали голодать, запасов у нас не было никаких. Я почти всю зиму была на окопах, но сейчас хорошо понимаю и представляю, как было им обоим трудно и физически, и морально (маме), потому что она без сомнения себя обвиняла в том, что и Яна, и ребенок, еще не родившийся, погибают. Яна не работала и все время жила на иждивенческой карточке. Правда, у них была моя рабочая, т.е. мамину служащую я брала на окопы, там кормили одинаково, что по служащей, что по рабочей. Но бедная мама — она ходила в Институт, не пропуская ни одного дня, [строчка зачеркнута, прочесть невозможно]

[1] Муж Яны Стахевич.

выстаивала в институтской столовой за несчастной тарелкой бурды, которую торопилась нести домой, чтобы разделить ее с Яной. Сейчас, когда я пишу вам это и вспоминаю об этом, сердце у меня разрывается. И дома, конечно, мама всеми силами старалась избавить Яну от таскания воды, ведер, стояния, бесконечного стояния ночами в очередях. А меня гоняли по окопам. Кроме всего, от Сережи так и не приходило ни одного письма. Так что, в каком состоянии были мамины нервы, вы можете понять. И когда я приезжала раз в месяц, то всегда находила маму бодрой, деятельной, даже веселой, насколько можно быть веселой. Только худела она катастрофически быстро и седела, седела.

Когда, наконец, мне удалось вырваться с оборонных работ, 16 января 1942 г., то жить мы стали втроем, голодали втроем, но думаю, что Яна страдала от этого больше всех — ведь ей надо было есть за двоих. Достать что-либо было абсолютно невозможно, а отдавать ей и свои скудные крошки мы с мамой не могли, просто физически не могли, настолько голод уже убил все человеческие чувства. Мы это понимали, понимали, что ей необходимо давать больше, и все равно делили поровну. Вы себе представляете, как это ужасно? Весной, в марте, мамин институт уезжал в Краснодар. Маме предлагали уехать, но одна мама не поехала, а мы с Яной по непростительной глупости, легкомысленно не захотели уехать и не настояли на мамином отъезде. Яна не хотела уезжать, потому что боялась потерять Лешу — писем от него не было; и мы не знали, что с ним, потом ждали все известий о Сереже. Я уже была в состоянии полной апатии и умственной подавленности, и не нашлось у меня сил встряхнуться, чтобы действовать разумно. Так мы и поплыли по течению. У Яны были преждевременные роды, ребенок погиб через четыре дня, сама она тоже чуть не погибла. Чудо, что она осталась жива, ведь все это происходило дома, при коптилке. Потом начались ее несчастья. Сделали выскабливание, когда свезли в больницу, так что долго еще повышалась температура. Мама страшно волновалась, нервничала. [Полторы строчки зачеркнуты, прочесть невозможно.] Благодаря хлопотам Веры Михайловны Крешковой (вы ее знаете? Она очень много помогала нам, особенно в самое критическое время, когда мы все трое лежали) ее поместили в стационар при институте. Там она немного окрепла. Но опять с Яной начались волнения — она заболела. Температура 40°, припадки дикого буйства. В одни из таких моментов Манечка была у нас и видела, что это был за ад. Надо было обладать огромной физической силой, чтобы удержать ее в кровати. Долго не могли установить, что это. Мы думали, что она сошла с ума, все, что угодно. Но оказалось, что это тиф. За это время, что Яна была дома, мама окончательно извелась и подорвалась. Я замечала, что мама все хуже и хуже выглядит, она высохла совершенно, была просто страшной и держалась только на нервах. Но забота и волнения за Яну и меня так поглощали, а потом — что я могла сделать, чем помочь? Когда, наконец, Яну в середине мая отвезли в больницу, наступила реакция. У мамы стало сдавать сердце, она ходила с трудом, но продолжала как настоящий герой (героизм этот был никому не нужен и никем не оценен) ходить в институт и проводить занятия. Мои просьбы и доводы не помогали. Я так боялась за нее, что провожала до института, ждала конца лекций и вела маму домой — сама она не дошла бы. Наконец, когда она сама уже почувствовала, что сил больше нет, она сдалась на мои доводы и доводы Фриды и согласилась лечь

в клинику Тушинского, куда ее устроила Фрида. Уже тогда Фрида заметила, как она говорила мне потом, что у мамы состояние нервов и психики ненормально. Я же ничего не замечала, пока гром не грянул над головой — обе мы были слишком заняты Яной. В больнице ей было первое время очень плохо — состояние тяжелое, температура высокая, жизнь висела на волоске. В клинике маме становилось все хуже. Я начала замечать, что иногда она говорит бессвязные вещи, что-то о шпионах, иногда ей казалось, что она Вера Николаевна[1]. Но когда я останавливала ее, она приходила в себя. Потом доктор мне сказал, что она не спит ночами и ничего не ест, так как боится, что ее хотят отравить. Но со мной, при мне, мама всегда была спокойна, ела из моих рук и спала со мной, т.к. врач мне разрешил ночевать с ней. Единственное, что немного облегчало меня, это что мама об Яне стала меньше вспоминать — ничего утешительного я сказать ей не могла. С другой стороны, и состояние Яны было настолько тяжелым, что она долго ничего не знала о маме.

Но в конце концов врачи решили, что состояние мамы требует специфической обстановки, и перевезли ее в больницу им. Балинского. Сначала ее поместили в отделение для буйных. Там она провела дней 7—8 и вспоминала об этом впоследствии как о смутном, тяжелом кошмаре. Затем ей стало лучше, и ее перевели в спокойное отделение к врачу Хлебниковой, у которой лежала когда-то Раечка[2]. Я всегда с благодарностью буду вспоминать ее за ее участие и теплое отношение к маме. Мне позволяли ходить туда часто, как только я смогу, и я пользовалась этим, т.к. мое присутствие всегда радовало маму и оживляло ее. Медленно, медленно она понемножку начала приходить в себя. За это время она уже поправилась, и 9 июля я взяла ее домой, т.к. 16 июля она должна была уехать. Я теперь часто думаю, что необходимо было использовать этот случай и увезти маму и самой уехать, но я этого не смогла сделать, а потом и за маму еще боялась. И Хлебникова говорила, что надо немножко подождать. Я рассчитывала, что даже лучше, что одну больную я отправлю сначала, отправив с ней возможно больше вещей (что я и сделала), а мы с мамой тронемся попозже, когда мама окрепнет. Но как только мама совсем (не совсем, правда, но более или менее) пришла в нормальное психическое состояние, у нее начался понос. Заразилась ли она им в больнице, или это было другое проявление одного и того же явления глубокого истощения всего организма, я не знаю. Но этот понос доконал маму. В больнице ее не лечили от него ничем, кроме салола, и она очень быстро начала слабеть. Перед этим она уже ходила, гуляла в садике, а потом опять с трудом вставала. Мама все время просилась домой, и, посоветовавшись с Хлебниковой, с Фридой, я решила это сделать. Как мы добирались до дому, это чудо, так мама была уже слаба. Но Фрида достала сульфидина, бактериофага, рису дала мне, и я решила бороться с поносом дома. Какие только средства не применялись! И ничего не помогало. Диета только ослабляла маму. Кроме того, существует еще теория, что поносы сейчас не инфекционные, а именно голодные, дистрофические и что лекарства и диета еще только ухудшают состояние. Надо есть все, питаться как можно лучше. Вы понимаете, что я не доктор; Фрида мне

[1] Вера Николаевна Фигнер, родственница Т.С. Стахевич. (*Прим. Д.Д. Маркович.*)
[2] Раиса Михайловна Левис, старшая сестра М.М. Левис. (*Прим. Д.Д. Маркович.*)

говорила, что необходимы лекарства, диета. Она мне их давала, мама сидела на отваре, поглощала сульфидин — ничего не помогало. Елизавета Ивановна Попова, Мария Григорьевна Карнаухова и участковые врачи, которые ходили домой, говорили, что это понос, при котором можно и нужно есть все, как можно больше. Кроме того, я сама видела, что диета окончательно истощает маму. Я решила попробовать другой способ. Стала покупать на рынке (деньги у нас были), менять все, что было возможно, на молоко, овощи, масло. Аппетит у мамы был такой, что много ей было не надо; кроме того, все время помогали Фрида и Елизавета Ивановна. Это тоже не принесло маме выздоровления, но по крайней мере она наслаждалась вкусной, качественной пищей. Благодаря мобилизации всех ресурсов я на это время смогла дать ей такое питание, которое, пожалуй, было лучше того, что было до войны. Вы ведь знаете, что роскошно мы никогда не жили, и даже сыр, который мама так любила, она могла себе позволить только по праздникам. Только благодаря этому питанию мне удалось продержать ее немного дольше, чем это было бы в больнице. 9 августа я привезла ее домой и 30 сентября закрыла ей глаза. Она умерла очень тихо, спокойно, почти во сне. Как мне кажется, ни минуты я не думала о возможности такого исхода. Мне самой стало это понятным только дня за два до того, как это случилось, и то потому, что врач предупредил. И то я не верила. Мне все казалось, что мама поправится и мы уедем к Яне. А как мама хотела уехать! Эта мысль, мне кажется, поддерживала в ней энергию и волю к жизни, хоть физически силы и таяли. Если бы не Елизавета Ивановна, не знаю, что бы я стала делать. Она помогла мне, с ее помощью мы похоронили маму так, что хоть это не лежит на моей душе, как лишний укор, хоть и плохое это утешение. Ведь тогда это было сложной проблемой.

Ну вот, Манца. Кажется, все написала вам. О себе напишу как-нибудь в другой раз. Крепко-крепко вас целую и обнимаю. Пишите мне. Ваша Орыся.

10 мая 1943 г., Яна Стахевич — Марии Левис

Дорогая Маневрочка!

Вчера получила Вашу открыточку от 30/IV, очень хорошо и быстро дошла. Я сразу почувствовала Вас ближе, будто расстояние уменьшилось. Из Казани мне Ваше письмо перешлют, но все же жаль, что Вы не написали сразу на Москву. Орыся до сих пор не знает Вашего адреса. Она ни одного письма от Вас не получала, так же как и Елизавета Ивановна с Марией Григорьевной. Они мне говорили, что Вы уехали совершенно неожиданно. Очень жаль, Маневрочка, что я не могу полностью ответить на Ваши вопросы о маме. Вы ведь знаете, что я не была с ней. Я была в таком тяжелом состоянии, что Орыся все, касающееся мамы, от меня скрывала, и Вы знаете больше моего о тех днях. Когда я уехала, мама стала постепенно психически возвращаться к нормальному состоянию, но одновременно она все слабела и слабела физически. Фрида, Елизавета Ивановна и Мария Григорьевна помогали Орысе всем, что было в их силах, но ничто не могло уже ее спасти. Мама скончалась 30 сентября. Но я этого не знала до 26 декабря 1942 г. Я очень волновалась за маму, и это плохо отражалось на моем состоянии, поэтому Леша мне ничего не говорил. И только перед его отъездом на Урал, наконец, подтвердились мои самые страшные подозрения. Я очень

тяжело переносила это горе. Но все же организм уже к этому времени окреп, а главное, сердце пришло в норму. Я перенесла этот удар, и как ни удивительно, стала быстро поправляться. Теперь я уже живу в Москве с тетей Наташей и работаю. Так что никто меня больше не опекает. Видите, Вы просили написать Вам о маме, а я написала Вам о себе. Орыся осталась в Ленинграде. Она и мне скупо пишет о том, что касается маминых последних дней. Нелегко ей, бедняжке, было, а вспоминать еще, видно, нет сил. Я и не настаиваю пока, т.к. ее письма меня тоже делают совершенно больной. А сейчас и без того тяжело. И надо экономить силы, чтобы заботиться о тете Наташе, ждать сейчас мне помощи неоткуда. Орыся тоже очень одинока.

Вы счастливы, что вместе с Раюшей и Джаночкой. Но мы с Орысей надеемся скоро соединиться. Пишите чаще о себе и Раичке с Джаничкой. Целую Вас крепко. Яна.

P.S. Посылаю Джаночке ребусы. Может быть, ей будет интересно их разгадать. Целую. Яна. Привет и поцелуй Раичке.

[Конверт: адрес: Село Мулловка Мелекесского р-на Ульяновской обл. Левис Марии Михайловне. Обратный адрес: Москва «34», Чистый пер., 3, кв. 2, Стахевич.]

13 мая 1943 г., Ирина Стахевич — Марии Левис

Дорогая Маневрочка! Я так рада, что вы нашлись! Я не получала ни одного вашего письма и о том, что вы уехали, узнала только от М.И. Барон, которую случайно встретила в трамвае, недолго спустя после вашего отъезда. Она получила вашу телеграмму, уже когда вы уехали. Манце я уже писала обо всем. Теперь буду вам писать.

Это тяжело, но все равно. Я знаю, что вы любили маму и будете горевать, когда будете читать то, что я вам пишу.

Многое вы знаете, ведь вы были у мамы в больнице и видели ее. Через некоторое время маме стало лучше, и ее перевели к Хлебниковой. Это очень хороший врач и, кроме того, исключительный человек. Она была очень внимательна к маме. В спокойном отделении мама начала быстро поправляться. Ей уже было настолько хорошо, что, когда я отправляла Яну, я верила, что через месяц самое большое, и мы с мамой сможем поехать к ней. Но не знаю, заразили ли маму в больнице, или это та же дистрофия перекинулась на другое, но у мамы начался понос. Лечили ее в больнице одним салолом, и силы начали быстро падать. Кроме того, по мере того, как сознание и душевное здоровье возвращалось к маме, ей все больше и больше хотелось домой — ведь она больше двух месяцев провела в больницах. Посоветовавшись с Фридой, я увезла маму домой. Дома я лечила маму всеми способами. Фрида достала сульфидин, дала рису, так что самое радикальное средство и диету мы применяли. Но это не помогло, а силы быстро таяли у мамы. Вы ведь видели, какая она была, и можете понять, что и было их не много, а тут еще понос и диета. Другие врачи и Елизавета Ивановна и Мария Григорьевна говорили, что это дистрофический понос и надо есть как можно больше и все. Я прямо потеряла голову в том смысле, что не знала, кого слушаться. А маме так хотелось овощей. Это был конец августа — сентябрь. И на

базаре можно было достать их, можно было достать молоко, витамин С и вино, и в этот период времени мама питалась исключительно хорошо. Это доставляло ей большое наслаждение — борщи, щи, тушеные овощи, каша на молоке, и ела она с удовольствием. Но понос не прекращался. М.б. благодаря хорошему питанию, одно время маме стало лучше, она начала вставать, ходить по квартире, а потом медленно, медленно, но я видела, что она слабеет. Но что я могла сделать. Сначала она вставала, чтобы позавтракать, потом один раз я прихожу и вижу, что он не тронут, и мама мне сказала, что не могла встать, чтобы поесть. Но мне в голову не приходило, что это конец. Мама сама, по-моему, ни минуты не думала о смерти. Как она хотела уехать, увидеться с Яной.

Только один раз я почувствовала, что мама понимает, что положение катастрофическое.

Когда я переносила ее с кушетки на диван, чтобы перестелить кровать (она была такая легонькая, как перышко), она крепко-крепко обхватила меня за шею и говорит: «Ах, Арысенька, кажется, плохи мои дела». Потом она уже не могла сама садиться в кровати, поворачиваться, но умственное усилие не угасало; Вы себе представляете, Маневрочка, как она скучала, бедная моя мама, целый день лежа одна на диване в своей комнате. Кто знает, чего она ни передумала в эти одинокие часы. По вечерам, когда я, наконец, лежа уже в кровати, имела возможность поговорить с ней, много мне рассказывала о своей молодости, о годах учения, о нашем отце. Ведь мы так мало знали мамину жизнь. Она, сколько я себя помню, всегда работала, дома занималась и работала на двух-трех службах, все для того, чтобы мы могли учиться. И когда, выучила своих детей, умерла. Если мы увидимся с вами, Маневрочка, вы много должны рассказать о маме.

Но по вечерам я уже так уставала, что засыпала быстро. А маму эти воспоминания очень волновали. Я давала ей книги, но тяжелые, большие ей трудно было держать.

Даже накануне своей смерти мама читала «Путешествие капитана Гаттераса» Жюль Верна. Когда я ходила в магазин. В этот день к маме приходила Елизавета Ивановна, и мама была ей страшно рада. Как только маме станет немного лучше, Елизавета Ивановна возьмет ее к себе. Мама не хотела оставить меня одну, но потом все же сдалась. А на следующий день, 30 сентября, в 6 ч. утра мама умерла. Умерла она во сне, и я не уловила ее последнего вздоха. Вечером у нее было плохо с сердцем, одышка, сердцебиение, а потом все прошло и, как мне показалось, она тихо заснула. Ночью я несколько раз подходила и видела, что она дышит спокойно. Утром, когда я ее хотела разбудить, чтобы накормить, я увидела, что она лежит тихо-тихо и не дышит. Но видно это случилось только что, потому что она была как живая и только не дышала. В эту минуту мне стало так страшно жить дальше, так и легла бы рядом с мамой. А теперь привыкла уже. Только благодаря Елизавете Ивановне и Владимиру Федоровичу мама похоронена на Серафимовском кладбище. Теперь так и живу. Жду, когда Яна приедет ко мне, она тоже рвется сюда — больше ни у нее, ни у меня нет родных. О Сереже я получила извещение, что пропал без вести 14 августа 1941. Надеюсь, что, может быть, тут и путаница; еще будем все вместе. Целую крепко вас, Раичку, Джани. Пишите подробно о себе, что с вами всеми, как здоровье Раюши, ваше.

[Без конверта, адресов нет.]

13 июня 1943 г., Мария Брик — Марии Левис

Дорогая Маневрочка, я получила письмо от Орыси. Пересылаю его тебе в двух конвертах, чтобы соблюсти правила военной цензуры об объеме писем. Несколько раз пыталась я отправить тебе это письмо и все не могу решиться, перечитываю и плачу. Как все мучительно объективно написано. И я чувствую свою долю вины в гибели Тани, не советовала, не настаивала на ее отъезде. Хорошо хоть вы-то уехали! Хотя и плохо вам в вашей Мулловке, но неизвестно, что было бы с вами, если бы вы там остались.

Получила еще известие о несчастии в нашей семье. В апреле умерла Инночка в Москве. А ведь она выезжала из Москвы и опять туда вернулась. Написала нам Зина, Юрина жена — а у нее у самой очень плохо с легкими, боюсь, что и ее постигнет та же участь.

О своих делах напишу тебе в другой раз. Скажу только, что измучена соседкой из проходной комнаты. Сейчас она в больнице, и мы наслаждаемся тишиной. Ездила я во Фрунзе, что заняло у меня 11 дней, да подготовка к поездке — вот почему так долго не писала.

Спасибо за поздравление, твою открытку я получила после возвращения из Фрунзе. Надеюсь, что ваша посевная принесет хорошие результаты. Мы же как птицы небесные, огорода не заводим, в Ташкенте это очень сложно и неудобно. На днях, вернее, в конце июня, уеду в горы на 3,5—4 месяца. Обо всем подробно напишу скоро. Деньги я получила, спасибо, я тебе уже писала об этом. Целую тебя, Раюшу, Джани, от моих привет. Твоя Манца.

3 июля 1943 г., Яна Стахевич — Марии Левис

Дорогая Маневрочка!

Передайте Джаночке от меня привет и от тети Наташи благодарность за письмо. Посылаю ей маленькую книжечку. Я ее купила на одной из станций метро в киоске. Леша уже доехал до Красноярска. Там его встретил брат Вика, и они поехали к Лешиному отцу, 40 минут езды на пригородном поезде. Леша нашел, что они хорошо выглядят оба. Отец пользуется большой популярностью в районе, и поэтому они стали очень хорошо питаться (мед, молоко, творог, масло, яйца), все им удается получить по низким ценам. Маневрочка! Вы мне ничего не пишете о своих перспективах на будущее. Долго ли еще Вы намерены там жить. Или вперед Вы не заглядываете? Джаночка просит прислать учебники для третьего класса. Пусть точно напишет автора и по какому предмету, я буду тогда подыскивать. В магазине все учебники пропали, а можно, говорят, купить на базаре. Но это довольно дорого, поэтому хочется купить такой, который более всего необходим. Я узнавала, всего для третьего класса нужно 5 учебников. Вообще же легче было бы достать учебники в обмен, но у меня нет старых учебников. Но все же я надеюсь, что сумею выслать. Я очень хочу хоть этим быть Вам полезной. Так тяжело, что нас разделяет пространство. Я собственно сейчас только и живу надеждами, что в будущем мы все сможем опять собраться. Мне

тетя Наташа напомнила, что 25 августа день ее именин. Всегда раньше к ней на дачу съезжались друзья. Вспомнили и 1 августа, день маминого рождения. Очень стало грустно на сердце.

Ну, целую Вас всех троих, мои дорогие, пишите почаще поподробнее о своей жизни.

Ваша Яна.

28 июля 1943 г., Ирина Стахевич — Марии Левис

Дорогая Маневрочка, Раечка и Джан-барабан (?) Почему так тебя зовут, Джанка? Или это ты сама так себя зовешь? Маневрочка, вы напрасно вините себя в том, что уехали и оставили маму. Вполне естественно, ведь мама была не одна, с ней были дочери, достаточно взрослые для того, чтобы позаботиться о ней. И разве вы виноваты, что я не сумела и не сделала всего, что можно было сделать? Тогда, когда уже начались мозговые явления, тут-то я уж забегала и, кажется, действительно, в период, когда мама после больницы была дома, я делала все, что было возможно, во всяком случае, все, что сама могла придумать, что мне могли посоветовать более опытные люди. Но это уже было тщетные и бесплодные усилия, т.к. самая радикальная, верная мера — это уехать и уехать весной, вместе с институтом или без него, но весной, до начала Яниных болезней. И вот этого ни Яна, ни я не сделали. Теперь мне трудно объяснить, почему. В силу какого-то непонятного ослепления мы надеялись, что авось проскочим, авось все обойдется, авось, выживем и здесь; и энергии, и упорства не было, чтобы преодолеть это стремление плыть по воле течения. Вот это и погубило маму, потому что она хотела уехать, но одна. Все это я осознала теперь, с большой ясностью. И многое в моих тогдашних действиях, поступках и мыслях кажется мне теперь непростительным и даже просто преступным.

Очень горько, что сознание приходит тогда, когда исправить что-либо уже не в моих силах.

Мама, как-то раз, еще задолго до своего заболевания, в минуту, когда, может быть, ей особенно отчетливо представился тот страшный конец, который и был потом, сказала мне, что если ей не суждено будет пережить это страшное время, то чтобы в ее смерти я себя никогда не обвиняла, что так сложились обстоятельства. И еще она просила, чтобы я после ее смерти поступала учиться куда-нибудь. В то время я работала подсобницей по двору. Но тогда мама чувствовала себя относительно хорошо, это было вскоре после того, как Яну отправили в тифозные бараки. На меня этот разговор произвел глубокое впечатление, которое не сотрется никогда, но не потому, что в маминых словах я ищу себе оправдания, а потому что мама, значит, уже тогда поняла, что на нее надвигается что-то темное и страшное, выходом из которого может быть только смерть. Подумайте, Маневрочка, как это ужасно. И об этом мама заговорила только один-единственный раз и для того только, чтобы меня не тревожила совесть, тогда, когда ее уже не будет.

Сейчас у меня много времени для того, чтобы обдумать и оценить и переоценить все события иначе, чем я воспринимала их тогда.

Сейчас положение мое на работе упрочивается, работаю в лаборатории химиком, так что, пройдя все ступени лестницы, забралась, наконец, на свою.

Крепко целую вас всех. Арыся.

31 июля 1943 г., Ирина Стахевич — Марии Левис

Дорогая Маневрочка!

Ваше письмо я получила, и оно заставило меня о многом подумать не совсем верно, что я сейчас живу прошлым и занимаюсь самобичеванием. Было время, что мысль о том, что причина всех несчастий в некоторой степени во мне, очень мучила меня; была просто невыносимой. Но теперь я как-то свыклась с этим, и к воспоминаниям о маме не примешиваются ни горечь, ни укоры совести. Хотя я никак не могу встать на точку зрения объективную и отнести все это за счет обстановки и истории. И мама, и вы говорите, что это так, уже значит, это верно, но что-то внутри меня никак с этим не соглашается. Со временем м.б. и я пойму, что вы правы.

Мама для меня была тоже опорой в жизни, и поэтому, конечно, потеряв ее, я чувствую большую неуверенность и пустоту. Как жить, для чего и кого жить? Я знаю, ответов много — работать, выйти замуж, жить для детей.

Но работой одной жить невозможно, во всяком случае, надо очень ее любить и отдаться ей целиком, а я не способна на это, этого мне мало.

В отношении замужества — обет безбрачия я не давала, но до сих пор не встречала человека, за которого мне бы действительно захотелось выйти замуж, а без этого чего ради делать это? Чтобы иметь детей или чтобы доставить ему счастье? Доводы эти неубедительны, и все мое существо им противится. Поэтому если после окончания войны не вернется Сережа, мы все не съедемся вместе, то я хочу взять из детдома какого-нибудь осиротевшего ребенка. Не знаю, смогу ли я его воспитать, но во всяком случае ему будет лучше у меня, а для меня это будет целью и заполнит жизнь.

Недавно я получила письмо от Зебры. Она живет в Алтайском крае и преподает химию в средней школе. Пишет, что появляется надежда на возвращение в Ленинград. Когда кончится война, мне кажется, что вернуться сюда будет гораздо легче.

Крепко целую вас всех.

Ваша Арыся

24 сентября 1943 г., Мария Левис — Марии Барон

Дорогая Маришенька!

Как мы счастливы были вчера получить от тебя письмо. С утра я провела целый день на огороде — копали картошку — выкопали всего пудов 12—15. Это очень мало — хватит месяца на три, не больше. Картошка здесь основное, а иногда и единственное, чем мы питаемся. Пришла домой усталая, грязная, предоставив Раюше ехать на возу с картошкой. [нрзб.] Джаночка подает мне твое письмецо. Когда Раюша приехала с картошкой и мы [нрзб.] мешки (с каким трудом!) и упрятали их в сени, предварительно ухитрившись сломать въездные ворота, за что нам предстоял нагоняй от хозяйки дома, то мы принялись читать

твое письмо при свете коптилки и отчасти огня на шестке русской печки, где на таганке разогревался наш ужин. Нарочно так подробно описываю этот момент, чтобы ты поняла стиль нашей теперешней жизни. Сейчас пишу тебе на дежурстве в школе, где сторожу наше школьное просо, лежащее на току, на дворе — обмолоченное, но еще не веянное. Были страшно рады тебе, твоему почерку, твоим словам, но сколько грустных новостей в твоем небольшом письмеце. Бедная Зина! Как не вяжется представление о смерти с ней. А бедная Лиля? Как могла она перенести этот удар? Где умерла Юля? В Ленинграде? От чего? Все это слишком ужасно. Ленинград представляется мне огромным кладбищем, где у нас, кроме тебя и Любы, не осталось родных, а из знакомых — только несколько, не очень близких. И все же мы стремимся туда. Здесь нам очень трудно. Мы очень сдали физически, а здесь только и нужна физическая сила и здоровье. Принести воду из колодца, напилить, нарубить дров, а то и притащить их на себе из лесу, пахать, полоть, молотить — все это мне очень нравится — но не под силу. Природа здесь очень красива, но некогда даже в лес сходить. Я еще выбиралась, а Раюша за целый год — ни разу. В город идти пешком — 35 км туда и назад. Одолевала я и это, но будь мне лет на 20 меньше, все было бы выносимее. А так все время чувствуешь себя больной. У Раюши очень сдало сердце. Ей приходится много ходить — село раскинуто на 4 км. Больница — на одном конце, детдом, ясли, медпункт фабрики — на другом. А она, кроме детдома, считается еще участковым педиатром, да еще частные больные, особенно эвакуированные, особенно «ex nostris»'ы ее одолевают. Джаночка начала, бедняга, свое образование в самой деревенской из деревенских школ. Все учителя говорят «пóртфель», «шóфер», «учтено», «побег» и т.п. Она старается не подражать им. Вначале дети ее дразнили и даже били; но сейчас, кажется, положение ее несколько [нрзб.] От Аси получили [нрзб.] Целую тебя, дорогая, крепко. Пиши, как только будет свободная минутка. Мы теперь переехали. Живем в одном доме с учительницей нашей школы [нрзб.] приехать Неужели нам еще удастся увидеться!

Часто тебя вспоминаем. Особенно когда приходится бывать на заеданиях здешнего сельсовета — я думаю: «Это для Маришки».

27 марта 1944 г., Ирина Стахевич — Марии Левис

Дорогая моя Маневрочка! Очень виновата пред Вами, что выбилась из колеи нашей установившейся переписки. Но у меня ни на минуту не выходило из головы письмо вам. Всем остальным (правда, их не так уж много) я могу писать, не отдаваясь этому полностью, между делом, где-нибудь в лаборатории, в промежутках между выпариванием и фильтрованием какого-нибудь анализа. Но чтобы говорить с Вами, писать Вам, для этого мне надо, чтобы кругом и во мне самой был полный покой и тишина. Эта сосредоточенность вызывает понемногу те чувства и мысли, которые в обыденной жизни и сутолоке подавлены. Исчезнуть они никогда не могут, как не изгладится память о маме. О ней я теперь думаю не с острой, захватывающей болью, как раньше. Но теперь я лучше понимаю ее, и она мне много ближе, чем тогда, когда мы были вместе. Наша ежедневная обыденная жизнь не имеет никаких перемен. Светлым оазисом впереди для меня является возможность Яниного приезда в мае или в июне. Надеяться на это

у меня есть все основания, потому что это мне обещал заместитель директора института, где она работает. Приезд будет непродолжителен, в виде командировки, но он будет определенно.

Я так жду этого!

Хотя и знаю, что грустного будет много. Но после этой грусти наступит облегчение.

Работы на заводе сейчас опять меньше, и остается время и на посещение театров и кино. Иногда я думаю о том, насколько война деморализовала нас.

Ведь человек со здоровым моральным состоянием вряд ли бы пустился в погоню за зрелищами, развлечениями сейчас, когда не так уж далеко от нас кровь льется рекой и гибнут люди; не говоря уже о том, что среди них есть родные, близкие и дорогие нам. Но мы «привыкли» и относимся к этому очень спокойно.

Что нового с переездом сюда? Неужели всегда возвращение в Ленинград будет сопряжено с такими трудностями, с преодолением преград, неопределенных, т.к. никому фактически неизвестно определенно, что именно нужно для того, чтобы вернуться. Но тем не менее эти преграды существуют пока.

Яна сейчас в санатории под Москвой. Пишет оттуда, что замучили ее лечением, процедурами, лекарствами. Но дают сверх нормы масло и коровье молоко, а это ведь так много значит.

Получила Джанино письмо. Хочется еще послать ей книжек. Она, видимо, такой же «библиофаг», как и я была когда-то. Это мама меня так звала, за то, что я пожирала книги с быстротой неимоверной.

Крепко крепко целую Вас всех. Арыся.

7 октября 1944 г., Ирина Стахевич — Марии Левис

Дорогая Маневрочка!

Я получила Вашу открытку и телеграмму совсем недавно. Меня все это время не было в Ленинграде — нас посылали на уборку урожая освобожденных районов Финляндии, и только несколько дней назад я вернулась. Я была уверена, что Раюше вызов послан, и так печально и тяжело узнать, что все по-старому и что вы все опять зимуете там. Хорошо понимаю, в каком вы настроении, и не надо говорить о том, как я вам сочувствую. Теперь, раз вызов не получен, значит, до 45 года его не будет — сейчас все вызовы прекращены. Манцочка тоже куда-то исчезла и не подает признаков жизни. Как ее дела, когда она приедет — ничего не знаю. За время моего отсутствия пришло письмо от Зебры. Она в окрестностях Воронежа, в Воронежском технологическом Институте. О приезде сюда только мечтает и собирается ликвидировать все свое имущество здесь (рояль, мебель и др.). Я не думаю, чтобы ваши вещи пропали. Ведь они стоят в вашей комнате, а теперь за этим строго следят. Вы, как эвакуированные, сохраняете право на свою площадь, и если вам управхоз не возвратит вашу большую комнату, то суд заставит его сделать это. Я знаю массу примеров этому из нашей теперешней жизни.

Здесь жизнь, с удалением линии приходит понемногу в себя. На главных магистралях (Невский, Садовая, Большой проспект и ваш, и наш) горит свет; но такое впечатление, что он еще плохо продрал глаза — такой неяркий, желтый свет.

Яна пишет редко. Последняя новость, что она в Саратове, в командировке, а Леша приехал с Дальнего Востока в Москву и живет сейчас на Чистом, ждет ее. Я очень за них обоих, т.к. он как будто бы устроился в Москву постоянно. Янин перевод сюда пока что даже не обсуждается. Она обходит его молчанием, а я уже устала звать. Пока что комнату не отбирают, а там — что будет.

Настроение у меня невеселое, хотя особенных поводов к печали и нет.

Неделю тому назад (30 сентября) было два года со дня смерти мамы. Я уже могу спокойно, без слез говорить и думать об этом, но какая-то тупая, спокойная боль не выходит из сердца. И чувствую себя много старше, чем полагается в моем возрасте. Страшно нелепо все получается в жизни, и это-то и больнее всего.

Я продолжаю заниматься французским и как-нибудь соберусь с силами, напишу вам немножко по-французски. Только прошу — не считайте ошибок.

Крепко, крепко целую вас, Раюшу и Джанку.

Ваша Арыся.

19 мая 1945 г., Мария Барон — Марии Левис

Мои дорогие любимые друзья! Маневрочка, Раюша, Джаночка!

Спасибо Вам от чистого сердца за поздравление. Я получила и открытку, и письмо с Джаниной карточкой. Как она похожа на Раюшу! Очень тронута Вашим приглашением приехать к Вам, что Вы же сами знаете, что это невыполнимо. Во-первых, мы не имеем отпусков, во-вторых, кто мне даст пропуск и т.д. Кроме того, и времени не вырвать, т.к. полевые работы мне необходимы, а они берут много времени. Вот, что надо [?], чтобы Вы скорее приехали? Я зашла к Антонову, но застала только жену, т.к. сам он уехал в санаторий отдыхать. Его жена — любезная дама, сказала, что будет узнавать и я ей позвоню через неделю. Показала им Джанину карточку, и оказалось, что она переписывается с их мальчиком. Все они (бабушка, мама, дочь и сын) рассматривали карточку и нашли большое сходство с Раюшей. Если Раюша пишет ему, то, наверное, она уже в курсе этих вопросов. Я пыталась найти Верочку Тальеву [?]. Наконец, застала в квартире обитателей. Она живет в Лесном, узнала ее телефон, Арыся будет звонить и узнавать. Несколько раз заходила в Консерваторию и не заставала Авг. Мих-ну. Надо ей написать открытку. Ч.П. советует, чтобы Раюша написала своему директору, но сейчас она тоже уехала на курорт. Но надо что-то предпринимать. Может быть, через завод вызвать? Узнаю у одной моей знакомой.

Сейчас я чувствую себя бодрее, да и погода теплее, постараюсь разыскать М. Барон, зайти к М. В-не. Но все же я быстро устаю. Все еще живу у Лидии Ивановны, и это мне порядком надоело. Но в моей комнате течет крыша, и в дождь на полу. Все же в воскресенье я переберусь совсем. Радостное событие — получаю вызов на Розу. Только бы ей удалось выбраться оттуда. Так тяжело все это — прямо ужасно.

У Арыси тоже не все благополучно. Яна разошлась с Лешей и совсем в расстройстве. Мы ее хотим перетащить в Ленинград. В июне Зебра приезжает. Как мне хочется, чтобы Вы скорее приехали, какое счастье и радость, что война, наконец, кончилась. Надеюсь, что все же Вы приедете домой. Я уже начинаю привыкать к Ленинграду, а вначале страдала, не люблю жить в большом городе,

особенно когда надо таскать воду, когда кругом грязь во дворах и на лестницах, нет стекла, дров и т.п.

Изредка хожу в театр, смотрела новый балет «Гаяне» Хачатуряна. Мне понравилось. Здесь, после окончания спектакля, было объявлено о взятии Берлина. Было очень торжественно, оркестр исполнил Гимн.

Из моих друзей — здесь Антонина и Лихаревы. Маруся в больнице хроников, ее не навещаю, и далеко, и тяжело ее видеть. Вольфсонов тоже редко вижу, некогда ездить.

Целую Вас всех, если только что узнаю — буду писать. Шуба у Розы Обр. (?)

Ваша Марья.

Без даты, Яна Стахевич — Марии Левис

Милая Маневрочка! Вчера из Казани привезли мне Ваше письмо от 29/IV. На открытку я Вам уже ответила, т.к. она пришла сюда раньше. Вы хоть и пишете и себе, но я очень смутно представляю себе Вашу жизнь. Неужели никаких надежд на просветление у Вас нет? Я в Буинске видела детские дома. Они находились в очень хороших условиях. Вы пишете, что Раичка работает в детдоме. Неужели это не обеспечивает Вас? Вы пользуетесь ли базаром? Или не имеете возможности? Какими источниками Вы питаетесь? Лешин отец мне пишет из Красноярского края. Они туда должны были срочно уехать. Там тоже очень трудно, но он все же как-то барахтается. Он работает заведующим больницей. Пишет и называет все своими словами. По аналогии я думаю, что у Вас не лучше. И все-таки человек не отчаивается, как Вы. Почему Вы пишете, что не перенесете эту зиму? Как Ваше здоровье? Неужели Вы ничуть на поправились с тех пор, как я Вас видела последний раз? Помните, Вы варили кашу в печке? Какой ужас мы все перенесли. Неужели же теперь Вам не лучше? Правда, тогда мы все были иначе настроены. Мне кажется, что мы были тогда все полусумасшедшие. Потому, что мы сами тогда еще плохо понимали, что делается. А теперь, когда оглядываешься назад, то мороз по коже пробирает. Неудивительно, что Орысю, маму, а потом и Раюшу постигало то, что Вы называете «психическое нездоровье». Я удивляюсь еще, как я и Вы не сошли с ума. Но теперь, мне кажется, стало много лучше. Пишет ли Вам еще кто из Ленинграда? Орыся познакомилась с родственницей наших казанских друзей, и они пишут друг о друге, что очень подружились. Мария Григорьевна — донор, у нее 0-я группа крови. А у Орыси II, и у нее не берут. Орыся обработала 100-м; огород. Она привела к 1 мая всю квартиру в порядок; натерла полы, выстирала чехлы на мебель. Была на кладбище. Могила в порядке. Поставлена раковина и железный крест. Посадили цветы — рассаду получили из садоводства. Я все забываю спросить, что с Вашим Налем сталось? Лешины родители в Удельной кошку свою съели. А собаку усыпили еще в самом начале войны. Извините меня, пожалуйста, что такие глупости Вас спрашиваю, но, как ни странно, я очень хорошо запомнила его. Целую Вас. Яна.

ПЕРЕПИСКА СЕМЬИ Боришанских-Лурье: «С ПИТАНИЕМ ДЕЛО ПОСТЕПЕННО НАЛАЖИВАЕТСЯ» (1941—1942)

Вера Лазаревна Лурье (род. в 1912 г.), по профессии инженер, жила в Ленинграде вместе со своим мужем Лазарем Самойловичем Боришанским, физиком и гидрологом (в письмах — Ласик), по адресу Литейный пр., 46. После начала войны Боришанский был оставлен в Ленинграде, вероятно, для подготовки военных моряков. Где в это время работала В.Л. Лурье — неизвестно. Из блокадного Ленинграда В.Л. Лурье посылала письма маме (Софье Александровне Кабалкиной), младшей сестре (Марии Лазаревне Лурье, или Мусе) и женам братьев (Брониславе Адольфовне Сохор и Иде Исааковне Лифшиц), которые находились в эвакуации в Казани и в Свердловске вместе со своими детьми (Исанна — дочка Иды Исааковны Лифшиц и Михаила Лазаровича Лурье, Ларик — сын Брониславы Адольфовны Сохор и Зиновия Лазаревича Лурье). Этим же адресатам писал письма брат Веры Лазаревны, Александр Лазаревич Лурье. Во время блокады он работал и фактически жил на Судостроительном заводе имени Жданова. В марте 1942 г. В.Л. Лурье умерла. Письма хранила Мария Лазаревна Лурье, а после ее смерти племянница Исанна Михайловна Лурье.

14 декабря 1941 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Родненькие мои, любимые!

Прямо не верится, что уже почти 2 недели, как мы расстались и многие версты отделяют нас, а дни бегут и жизнь идет своим чередом. Я пока еще бюллетеню и Шура тоже. Живем частично на одной, частично на другой квартире. Питаемся хорошо. Только очень тоскливо без вас, мои родненькие. Ведь так непривычно мне жить без вас, особенно меня беспокоят дорогая мамусенька и тетя Цилинька. Как вы доехали, мои милые? Ведь путь очень тяжел, да еще в ваши годы и зимой. Я надеюсь, что ваша теплая семейка при поддержке друг друга доехала благополучно. Как бы я хотела уже получить от вас известие с места о вашем благополучном приезде. Я даже не знаю, где кто будет устраиваться, да и сами-то вы, пожалуй, не знаете. Возможно, что через некоторое время и мы к вам приедем. Вы за нас во всяком случае не беспокойтесь. Мы вполне обеспечены. Из вещей кое-что удалось продать на 1000 руб. Зямин и Мишин старые коричневые костюмы и подушки, ботинки и спецовки Миши. Деньги если не привезу, то перешлю вам. Были у Соловейчик. Они собираются всей семьей уезжать с Верой.

О многом хочется сказать, но перо не пишет. Надеюсь что не за горами наша встреча.

Целую вас крепко, крепко. Ваша Вера.

[Приписка от Л.С. Боришанского:]

Дорогие, шлю горячий привет. Надеюсь, что вы хорошо устроились и скоро разобьем врага и вы вернетесь обратно в Ленинград. Целую. Ваш (подпись)

20 декабря 1941 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Родненькие, любимые мои!

Пишу вам уже 4-е письмо, а от вас получила только письмо из Хвойной. Да и когда еще вы получите мое письмо. Сижу у теплой печки и наслаждаюсь Чайковским, которого транслируют по радио. Наконец-то мы включили его. Вчера мы втроем с Ласей и Шурой устроили субботник на Тверской и кое-что привели в порядок. Многие вещи взяли для дальнейшей ликвидации. Все ваши поручения в отношении вещей постараюсь по возможности выполнить. Говорила вчера с Кривон. насчет Шуры, но ничего не выйдет, т.к. она уже не занимается этим и переведена на другую работу.

Живем мы не плохо. Более или менее тепло и сытно. Надеемся Новый год встретить весело и хорошо. Возможно, будем у Шуры на рождении. Насчет моего отъезда пока неизвестно. Все зависит от института. Пока Шура дома, он с Галей у меня часто обедает и мы кое чем делимся с ним. Зяма, твоего Юру взяли в армию. Была у меня вчера Вера Кисина. Она имела от Миши письмо от 6/XII, что он жив и здоров. Завтра буду у вас, тетя Циля. Очень хочу расцеловать вас всех и знать, как вы все устроились. Пусть Маня пришлет Ласе доверенность. Целую крепко. Ваша Вера.

25 декабря 1941 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Мои родненькие.

Пишу вам почти каждый день, а от вас нет сведений. Жажду получить весточку о вашем благополучном прибытии. Как я рада за вас, что вы так хорошо отбыли. У нас все хорошо. Тихо и спокойно. Никто к нам не ходит в гости. Живем не плохо, а сейчас настроение поднялось в связи с нашими успехами на фронте. Надеемся, что к Новому году прорвут блокаду и тогда совсем будет хорошо.

Пока у меня еще бюллетень. Вероятно протянется до 1-го. Новый год, возможно, будем у Шуры на дне рождения. Он сегодня пошел впервые на завод. Была у меня на днях тетя Рахиль. У них все по старому. Только что была у одной дамы. Продала ей ковер за 350 руб. Возможно, удастся продать абажуры. Стараюсь сделать все возможное в этом отношении. Напишите мне, мои родные, обо всем. Как вы устроились и где решили обосноваться. Меня очень угнетает дальность расстояния между нами. Ведь это впервые мы так расстались. Надеюсь, что это не надолго. Мамусенька, как ты себя чувствуешь? Береги себя. Тетя Цилинька, берегите друг друга. Целую вас всех крепко крепко. Лася кланяется. Ваша Вера.

Сбоку приписка: Лася сердечно кланяется всем.

28 декабря 1941 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Любимые мои!

Все пишу вам и пишу, а от вас ни слуха, ни духа. Хочется верить, что у вас все благополучно и вы в полном здравии прибыли на место и устроились. Хоть бы скорее получить от вас весточку.

У нас жизнь улучшается с каждым днем. Успехи на фронте дают себя сильно знать, а каждый день приносит нам радостные вести. Надеюсь, что не за горами то время, когда вы вернетесь на свои родные места. На Тверской все попрежнему. Продала ковер за 325 руб., два абажура за 200 руб. В общем собралось

Р. С. Ф. С. Р.
Пешков
РАЙОННЫЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
г. Ленинграда
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
19 августа 1941 г.
№ 17/2

Гр-ке Сохор Е. Г.
(фамилия, имя и отчество)
Коммерческий 1/1
(ул(ец))

Районная Комиссия по эвакуации Пешк района обязывает Вас вместе с Вашими детьми выехать из гор. Ленинграда на все время войны в порядке эвакуации населения.

Для подготовки к отъезду Вам предоставляется 3 дня.

Не позже этого срока Вам надлежит явиться в районную комиссию по эвакуации ул. Кр. Кр. Майоров д. № 22с комн. № 1 для получения эвакуационного удостоверения и посадочного талона на поезд.

Справки по вопросам эвакуации выдаются в помещении комиссии с 9 до 18 часов.

Председатель
районной комиссии по эвакуации

76522 Тип. им. Володарского. Зак. № 2943.

Направление на эвакуацию из Ленинграда, выданное семье Сохор, 1941 г. Из архива И.М. Лурье

1500. Жду от вас сообщений, затем перешлю их в Свердловск. Там понемногу всех вас. Целую вас крепко. Очень скучаю без вас. Вера.

30 декабря 1941 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Милые мои, родные!

Пишу, но не знаю, доходят ли до вас мои строки, а я от вас ни звука, так грустно быть оторванной от вас, мои самые близкие и родные дорогие мои люди. Только что ушли от меня Галочка и Шурик. Мы отпраздновали у меня Шурин день рождения. Я сделала знатный обед. Галя спекла кое-что, и мы с вином даже отпраздновали. Завтра встречаем Новый год. Надеюсь, что приходящий год принесет нам окончательную победу над врагом и вы вернетесь в свои родные гнезда и мы будем опять все вместе. Хотя не имею от вас известий, но деньги посылаю на Свердловск на имя Брони. Это половина всех имеющихся пока. Они принадлежат всем вам. Счет проданных вещей напишу в следующем письме. Желаю вам счастливого здорового года и иметь много радости и успехов на новых местах. Целую крепко крепко.

Ваша Вера

Лася сердечно кланяется.

5 января 1942 г., Александр и Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

[Начало письма от Александра Лурье:]

Мои родные и дорогие.

Пишу от Веры с Литейного. У нас все по-старому. Живы и здоровы. Посылаем Вам пока в счет ваших вещей 1000 р. по 2 п[очтового] перевода. По получении от

Вас писем вышлем еще. Надеюсь, что вы уже устроились. Ждем с нетерпением от Вас писем. Все Мишины и Зямины поручения в основном выполнены. Целую Вас крепко. Шура.

[Далее пишет Вера Лурье:]

Мои родненькие любимые. Пишу вам частые письма, а от вас полное молчание. У нас жизнь стала значительно, лучше. Тихо и спокойно. В связи с успехами на фронте становится все лучше. Я пока еще бюллетеню. На работе все по-старому. За нас не беспокойтесь. Безумно хочется знать, как вы устроились и как ваше здоровье. Мамусинька родная моя, как ты себя чувствуешь на новом месте? Надеюсь, мы с тобой скоро встретимся. Целую вас крепко-крепко.

Ваша Вера

Послала вам поздравительные телеграммы к Новому году и Рождению Ларика, которые вы, вероятно, получили.

6 января 1942 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Родненькие, любимые мои!

Сейчас сидит у меня Шурочка. У него до сих пор бюллетень и у меня тоже.

Мы живем теперь совсем хорошо. Тихо и спокойно. Все живы и здоровы. Я на Литейном, а Шура у Гали. На Тверской привожу вещи в порядок. С квартирой все по-старому. Мне безумно хочется знать, как вы все устроились, как доехали, здоровы ли. Мы реализовали все возможное. Остальное постараемся тоже реализовать или привести в порядок. За нас не беспокойтесь. Успехи на нашем фронте окрыляют нас надеждой. Скоро, надеюсь, что мы все встретимся и заживем по-прежнему хорошо. У Ласеньки сейчас каникулы до 15-го, и мы проводим время вместе. Новый год встретили по-настоящему, хорошо поужинали с вином и потом 30-го справили Шурин день рождения у меня очень хорошо. Посылаю вам пока 1000 руб. Когда получу от вас извещение, пришлю остальные. Деньги эти за вещи мамы, Зямы и Миши. С работой у меня все по-старому. Целую вас крепко. Ваша Вера. Лася сердечно кланяется. Пишите на мой адрес.

[Приписка Александра Лурье:]

Дорогие! На этот адрес на имя Брони послали Вам в счет Ваших вещей, которые продали 1000 р. по 2 переводам. Остальное пошлем позже. Шура.

20 января 1942 г., Вера Лурье — Б. Сохор-Лурье

Мои милые, родные, дорогие.

Такое счастье — Бетя уезжает и вдруг так неожиданно. Даже растерялась от неожиданности. Живем мы хорошо, и жизнь все улучшается с каждым днем.

Очень беспокоюсь за вас. Ведь от вас не имею абсолютно никаких сведений. Перевела вам 2 перевода по 500 руб. Остальное перешлю по получении от вас известий. Написала много писем и телеграмм.

Молнии не принимают.

Мы все живы и здоровы. Шура продолжает торчать на заводе. У Ласеньки сейчас каникулы. Мне удается периодически отдыхать.

Я стараюсь не переутомляться и беречь энергию. Мусенька родная, до сих пор не могу добиться толком, должны ли отпускные за 1941 год или уже получила. У них в бухгалтерии числится, что ты в июле получила. Но я не знаю, может быть это за 40 г. Пришли мне официальную доверенность через нотариуса на право распоряжаться площадью и имуществом и право передоверять, а также для получения денег на заводе, если они должны. Сейчас со связью трудно, т.к. не ходят трамваи, но была у Веры Кисиной. Она имела от Миши пару писем, что он жив и здоров, но часто писать не может. Доверенности пока не получила. Вообще почта не приходит, но надеюсь, что скоро придет и я тогда получу от вас известия. На Тверской Шура не прописался. Квартира пока по-старому наша. Была у меня Гинда. У нее все в порядке. Целую вас крепко крепко. Ваша Вера.

[Приписка от Л.С. Боришанского:]
Дорогие! Шлю Вам горячий привет Надеюсь что устроились уже. У нас все по-старому. Целую Вас крепко.

6 февраля 1942 г., Александр Лурье
Дорогие!
Пользуюсь случаем, что уезжает из города мой сослуживец и опустит письмо где-нибудь поближе к вам.
У нас все по-старому. Пока здоровы. Из Казани мы имели открытку, а от вас ничего. Я живу на з-де. С питанием и жильем у меня относительно ничего. У Гали хуже.
На улице очень холодно. А работы у меня много. Но одет я тепло. Получил валенки и полушубок. Поэтому с холодом справляюсь.
На сегодня самый серьезный вопрос с питанием, надеемся с каждым днем, что будет лучше.
Дома нет света и воды. За водой ездят на Неву или в другие дома. Это очень затруднительно.
Дома бываю раз в 10 дней. Но говорю с Галей каждый день по телефону: дома у нас телефон действует.
Пишите почаще, т.к. каждая строчка доставляет нам большую радость.
Зямочка, как у вас дела с квартирой и работой? Получили ли вы деньги, которые мы послали вам по этому адресу почтой.
На днях был Миша Сохор. Он жив и здоров и выглядит неплохо. Ждем от вас писем. Целую всех крепко.
Шура
Галя горячо Вам всем кланяется.

8 февраля 1942 г., Вера Лурье
Мои дорогие родные!
На днях писала, а сегодня пишу опять, т.к. не уверена, что все доходит до вас, да и хочется поговорить с вами хоть заочно, а от вас за все время только одна открытка. Милые мои, прошу Вас, пишите возможно чаще. Наряду с открытками пишите подробные письма о своей жизни личной и планах на будущее. Чего вам

не хватает и в чем вы нуждаетесь. У меня душа болит при мысли о том, что ты, мамочка, нуждаешься, вероятно, в самых необходимых повседневных вещах. Но ничего не поделаешь. Это все уладится, и скоро мы выгоним поганых фашистов и снова заживем спокойной жизнью. Смотри, береги себя. Большим счастьем является то, что вы не одни, что вы заехали к своим родным, которые, конечно, вас обогрели, а это очень многое на чужбине.

Представляю себе радость встречи. Идочка, ты ведь так мечтала об этом. И вот мечта сбылась. Папочка прибыл к своей женушке и очаровательной дочурке. Я рассчитываю ее увидеть уже бегающей и болтающей. Как мне жалко, что я не могу лично поздравить ее с годовщиной, а только телеграммой. Мы живем хорошо. Главное живы и здоровы, а это основное. Надеемся, что скоро будет совсем хорошо. Если хочешь, чтобы я взяла твою ширму у Вобры [?], как просил Миша, то сама напиши ей об этом иначе она не даст. К Саночке не удастся зайти, т.к. трамваи не ходят и телефон не работает.

Мы все работаем на старых местах по-прежнему. Хочется знать, где вы все обоснуетесь и устроитесь. Бета уехала. Ее адрес Сталинобад до востребования. Она должна вам переслать 500 руб. Муся, свяжись с ней. Может стоит поехать туда.

Приписка сбоку:
Лася горячо кланяется. Целую вас крепко. Ваша Вера.

4—5 марта 1942 г., Вера Лурье

Мои родимые!

Последние дни получаю от вас частые письма, а я уж дней 10 вам не писала, такая св... С грустью читаю ваши письма, и душа болит, что мы находимся на таком расстоянии и не можем помочь друг другу. Так хочется быть с вами, обнять поцеловать вас, поговорить обо всем всем, но придется несколько потерпеть. Письма от вас приходят через 1—1 1/2 месяца и к вам сведения от нас, видимо, тоже с таким запозданием, так что сведения все устаревшие. Посылаю вам время от времени телеграммы. Думаю, что они приходят скорее. О нас не беспокойтесь. Надеюсь, что самое тяжелое у нас позади. Сейчас с питанием стало хорошо. Хлеба получаем 500 + 400, в остальном тоже достаточно почти как при вас, так что в общем лучше, чем у вас. Мы живы и здоровы. В городе тишина и спокойствие, совсем не так, как при вас. Так что мы решили пока не уезжать. Надеюсь, что в скором времени вы приедете к нам.

Мне очень тяжело, мамусинька, что тебе приходится от кого-то зависеть, но я думаю, что вы уже получили свою комнату. Как-то вы устроились с хозяйством. Ведь у вас ничего нет. Мамочка, как у тебя с постелью. Видно, скучаешь без своего матраца, но ничего не поделаешь. Все же хорошо, что вы уехали тогда. Живем мы на Литейном, т.к. нам здесь теплее. Некоторое время жили на Тверской. Квартира находится в прежнем состоянии. Я ее более или менее привела в порядок. Часть вещей продала, как я писала в своих письмах в Свердловск. Сейчас продавать не имеет смысла, т.к. все стало очень дешево. Потом видно будет дороже. Теперь в связи с отсутствием транспорта света и тепла очень затруднена какая-либо связь друг с другом и вообще с внешним миром.

Но морозы здесь меньше ваших. Несколько дней были 25—30, а теперь уже не больше 10—15, так что дело идет к лету и теплу, и это очень радует. Надеюсь, что к тому времени вообще все уладится и вы сможете даже приехать обратно в свой угол. Вот было бы счастье. Отдала свой паспорт на продление прописки. Шуру там не прописали, т.к. они отказали и кроме того Шура не захотел сам выписываться. У них все по-старому в смысле жизни и здоровья. У Шуры питание даже лучше, чем у нас дома. В общем у нас жизнь не так была плоха, как, может быть, описывают вам прибывающие отсюда. Уж хочется знать, как вы устроились с квартирой и питанием.

Милые мои, не легко вам там приходится и с деньгами. Постараюсь при первой возможности послать вам.

Дело в том, что 1000 руб. я отправила в Свердловск, 800 р. отдала Зое, как писал Миша и 1000 руб. отдала Бете для передачи вам. Она уехала в 20-х числах января, и надеюсь, что не подведет. У нас сейчас задерживают зарплату, так что я еще за январь не получила. При первой возможности вышлю вам, т.к. пока еще здесь много денег не требуется.

Все же считаю, что сейчас уезжать отсюда не стоит, т.к. это значит бросить хлеб и искать крошки. Наш институт должен частично на днях уехать, но часть пока остается. Ласина работа остается по-старому. Рахиль с Верой уехали 10 февраля в Молотов. Рая осталась, и мы с ней поддерживаем связь. Они здоровы. Бете можно писать Сталинобад Востребование.

Вера родила преждевременно, но ребенок через несколько дней умер, о чем она не особенно жалеет.

Гинда работает и как всегда устраивается не плохо в смысле питания. От Люси она имеет сведения через 3-х лиц. Относительно Миши Сохора я вам писала, что он приходил с фронта и был у меня с Верой. Вера была у меня кроме того недавно. Заходила вчера к Герчиковым. Геня Моисеевна лежит нездорова. Они живут в кухне с Фаней. Хьена [?] вернулась к себе домой. У них мужчины Яша и Миша на фронте, Мося здесь, муж Хьены [?] дома освобожден, Хаюся [?] под Омском. Они просили, мамочка, передать тебе привет.

Я очень рада, что Миша устраивается в Свердловске, как он мне писал. Я надеюсь, что и вы со временем переберетесь туда и будете все вместе, а тебе, Мусенька, удастся устроиться на заводе.

Вообще конечно трудно сказать, где лучше. В основном там хорошо, где нас нет. Получила сегодня письмо от Шлеймы из Красноуфимска. Думаю, что ты с ним [нрзб.].

3-го числа был пурим и мы с Ласей отпраздновали мой день рождения, сделав праздничный обед.

5/III—42 г.

Сегодня отправила вам телеграмму с поздравлением Мусеньки.

Родная моя, ведь тебе исполняется 25 лет. Такая замечательная дата. Желаю тебе много-много счастья. Надеюсь, что ты заведешь там новый круг друзей. Старайся пользоваться жизнью насколько возможно. Пользуюсь [так] своими самыми хорошими годами и не беспокойся за нас. Ох, как мне хотелось быть вместе с тобой и мамочкой и со всеми вместе отпраздновать твои ¼ века. Наде-

юсь, что в будущем году мы будем вместе праздновать, а еще раньше отпразднуем избавление от гитлеровских бандитов.

На заводе у тебя пока не добилась, но надеюсь уладить. Где сейчас Клара, не знаю. Думаю, что она уехала. На всякий случай пришли на меня официальную доверенность через нотариуса на право распоряжаться твоим имуществом, квартирой и т.д. с правом передоверенности. Ты в нотариальной конторе возьми форму. Как устроилась с работой? Освоилась ли с телефонией. Как мне хочется знать все, что касается вас, все мелочи вашей жизни, но ведь сведения приходят с большим опозданием.

Пишите, мои милые, почаще.

Очень хочется все-все знать о вас.

Как Идочка и Исаночка. Где и как живут все наши. Ира Гринберг уехала в Молотов. Как будто и Евг. Давыд. так. Напиши им если хочешь. Об остальных сведений не имею.

Целую вас крепко крепко. Писала бы и писала, но о чем можно поговорить всего не написать. Пишите, пишите. Сердечный привет нашим.

Ваша Вера.

Муся, почему не пишешь о визите к Фане Лансберг. Помни, что родители Ласи [Люси?] не должны знать относительно Симиных ребят и муже.

8 марта 1942 г., Вера Лурье — М.Л. Лурье

Мои родненькие!

Отправила вам вчера письмо, а сегодня снова строчу, чтобы вы за нас не беспокоились.

Завтра отправляю вам 400 р. денег. 200 — Шуриных и 200 моих. Из-за холодов у Ласи в техникуме каникулы, а трамваи не идут, поэтому на завод трудно собраться, но в ближайшие дни это наладится и тогда вместе с твоим расчетом передам письмо Алуф [?] если она здесь.

Мы живем хорошо. Питаемся хорошо, и никто нас не беспокоит. К нам въехали вторые жильцы, вместо Валентины, очень милые люди. Оказывается, что въехавший гидролог, плававший с Ласей на Садко. Так что это очень приятно. Начинается весна. Хотя еще холодно, 15—20. Но солнце светит по-весеннему, и комната залита светом. Топим 2 раза в день, и у нас более или менее тепло. Как у вас с теплом и светом. Далеко ли вы от города и завода? Какой народ на заводе. Я уж вам писала, что Бетя уехала раньше, 20 января и я с ней переправила для вас 500 р. От нее не было с дороги никаких сведений. В начале февраля уехала Вера, которая родила преждевременно и ребенок ее умер, и Рахиль с ней в Молотов. Но от них тоже не было никаких сведений. Через 10 дней собирается Рая с семьей. Я думаю, что мы будем ждать вас здесь, т.к. Ласю не отпускают. Шурик питается на заводе хорошо и выглядит прилично. Мы видимся время от времени. Гинда, как всегда, устраивается не плохо. От Люси у нее косвенные сведения. Относительно того, что Миша Сохор был у нас, я вам писала. От Миши и Зямы имела подробные письма. Я рада, что вы устроились хорошо. Кто из родных вам пишет?

[Приписка сбоку:]

Целую всех крепко вас. Ваша Вера.

9 марта 1942 г., Вера Лурье — М.Л. Лурье

Мои дорогие!

Отправила вам на днях подробное письмо и телеграмму.

Вчера получила ваше письмо только от 7/I вместе с Фаней Самуиловной, в то время как значительно раньше получила от 24/I.

У нас все благополучно. Мы живы и здоровы.

С питанием дело постепенно налаживается. Кроме этого становится теплее и в связи с этим веселее. Мы все, и Шурик в том числе, работаем по-старому. Судя по вашим письмам, я решила, что выезжать пока не стоит. Лучше ждать вас здесь. Я уже тоскую без вас и безумно хочу очутиться вместе с вами, но, вероятно, придется подождать. Милые мои, пишите мне подробно о себе, меня все интересует. Как у вас с жильем, постелью. Что у вас есть из хозяйства и есть ли что готовить. Как у Миши и Зямы дела. Как Исаночка, Ида, Ел. Моцс.? Бываете ли у Фан? Переписываетесь ли с Елабугой? Не проговоритесь насчет Симы. Целую вас крепко. Ваша В.

Лася кланяется.

13 марта 1942 г., Вера Лурье

Милые мои, дорогие!

Получила за последние дни много ваших писем, причем в полном беспорядке и от 2 февраля, и от января, и даже декабря. Это связано с упорядочиванием почты у нас. К сожалению, сведения, которые вы получаете о Л-де, все устарели. У нас жизнь все больше налаживается, а главное улучшается питание. Мы получаем хлеба 500 + 400, и в ближайшее время обещают еще прибавить. Кроме того, получаем сливочное масло, крупу, сахар, мясо и даже такие вещи, как сгущенка, овощи и фрукты, правда последние по 100 гр. Так что тяжелое время уже как будто позади и дела все улучшаются. В скором времени блокада будет разбита и тогда совсем станет райское житье. Мы себя чувствуем хорошо и не голодаем. Живем на Литейном, но время от времени ночуем на Тверской в кухне. Дров у нас хватает, таскаем их с Тверской к себе.

Квартира пока еще не занята, и думаю, что не так скоро будет занята. Я получила разрешение РЖУ на постоянную прописку и завтра сдам паспорт в милицию на прописку. Шурик прописаться не хотел, т.к. при этом они бы потеряли комнату у себя, т.к. Галя не работает. Кроме тех вещей, которые я продала, больше ничего сделать нельзя и не имеет смысла, а там видно будет. Мне бы очень хотелось переправить вам все нужное. Представляю себе, как вам не хватает всех мелочей, которые здесь остались, особенно из хозяйства. Даже не представляю, как вы устраиваетесь с посудой и кухонными принадлежностями. Мамочка родненькая, тебе, видно, бедной, здорово достается жить на чужбине в углу. Как тебе спится при отсутствии матраца и хорошей постели, к которой ты привыкла дома, или новая обстановка закаляет и ты себя чувствуешь молодцом. Смотри, мамулинька моя родненькая любимая, береги себя и помни, что ты у нас единственное и самое дорогое на свете существо. Главное, береги свое здоровье и силы, чтобы пережить это тяжелое время, и потом встретимся в своем старом доме за нашим столом всей семьей живыми и здоровыми. Скоро Пасха. Поздравляю тебя и желаю тебе много много счастья и здоровья. Надеюсь, что

тебе удастся ее более или менее отпраздновать, а если не совсем по всем правилам, то ты тоже не расстраивайся, зато в будущем году отпразднуем ее вдвойне. Мусенька, через 5 дней твой день рождения. Как бы я хотела лично поздравить тебя с такой знаменательной датой как 25-летие, но увы.

Во всяком случае желаю тебе счастья, радости и хорошей жизни. Смотри, старайся брать от жизни максимум. Заведи знакомых и старайся веселиться сколько можешь не теряя времени, т.к. сейчас у тебя самые хорошие годы. Береги мамусеньку нашу любимую и живи с ней в дружбе. Мне очень грустно, что вы очутились там совсем одни, но я надеюсь, что вы соединитесь с Зямой и Мишей. Я надеюсь сберечь для вас комнату с тем, чтоб по окончании войны, а может быть, и раньше вы смогли вернуться сюда. Что касается наших родных, то Рахиль с Верой эвакуировались, как будто в Молотов. Рая тоже здесь, но собирается также на днях уезжать, Гинда здесь, я у нее бываю иногда. Она живет не плохо и не собирается уезжать. От Люси она имеет косвенные приветы. Относительно Миши Сохора я вам сообщала, что он приезжал с фронта на несколько дней. Шура по выходным дням бывает дома и по дороге заходит ко мне. Он чувствует себя хорошо и питается на заводе прилично. Уже 1-й час и потому кончаю, завтра напишу снова, т.к. очень спать хочется.

Целую вас крепко. Ваша.

Сердечный привет Идочке и Ел. Моис. Целую Исаночку.

13 марта 1942 г., Лазарь Боришанский

Дорогие мои!

Вот пришла и весна, ваш день рождения, дорогая Мусенька.

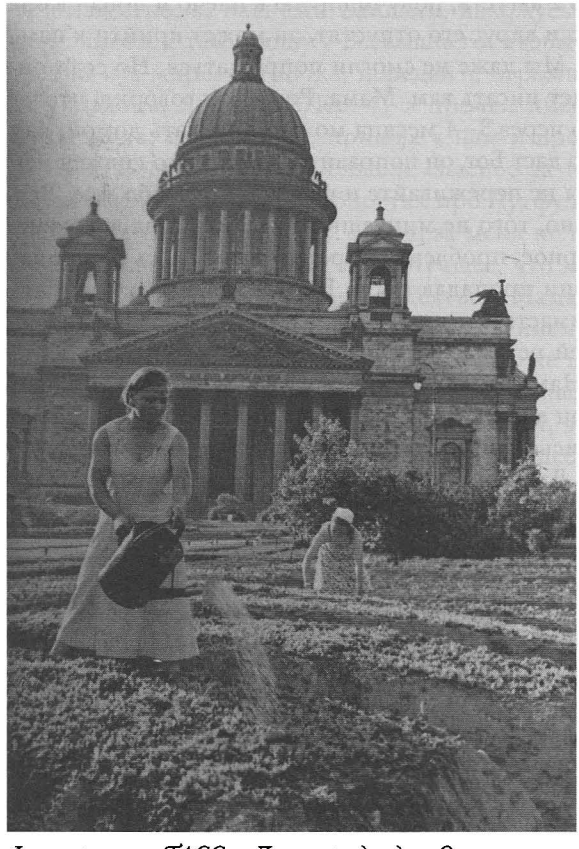
Поздравляю Вас и желаю Вам много много счастья, чтобы этот год был бы годом счастья, годом гибели Гитлера и чтобы мы снова увиделись в Ленинграде и были бы счастливы. Сейчас будут и праздники. 1 апреля вечером Пасха, желаю вам обоим весело провести Пасху. Пусть Пасха будет, как и положено ей, освобождение и возвращение в обетованную землю — в Ленинград. Весной жить стало лучше, город оживел после холодов. Питаемся мы тоже лучше. Как видите, дорогие, пророчества Алексея и Зямы не сбылись и живем мы значительно лучше. Очень рад, что вы познакомились с моей сестрой. Буду очень рад, если познакомитесь с родителями, которые живут поблизости от вас. Как дорого я бы дал, чтобы быть около вас, хотя в Ленинграде жизнь становится все лучше. Надеюсь, что Вовика и Люсю Вы навестили. Напишите мне о них. Живем мы по-прежнему. Пишите почаще. Целую Вас крепко. Ваш (подпись)

17 марта 1942 г., Вера Лурье — М.Л. Лурье

Милые мои, родные!

Получила сегодня твое письмо, дорогая Мусинька, с работы. Я очень рада, что вы наконец получили свой угол. Какой ни есть, но хорошо, что свой независимый. Как-то вы устроились с хозяйственными принадлежностями, с посудой, ведь у вас ничего не было. Что вы готовите и где за какую цену покупаете? Как ты, мамусинька, устроилась с постелью? Или ты уже поневоле, родимая моя, перестала быть принцессой на горошинке. Меня интересует всякая мелочь,

касающаяся вашей жизни. Есть ли у вас какие-либо знакомые или вы живете в одиночестве. Если Миша заберет Иду, то мне бы не хотелось, чтобы вы остались одни здесь. Мы получили письмо от Симы, что она приезжала за детьми. Не видели ли вы ее. Держите ли связь с родными Киси? Мы живем хорошо. Едим 3 раза в день. На завтрак и обед каши из получаемой крупы, кроме того на обед получаем крупу на суп и мясо, масло, сахар, хлеба 500 + 400. Причем хлеб пшеничный по 1 р. 70 к. — очень хороший. Так что, как видите, снабжение очень хорошее. Кроме того, периодически дают клюкву, изюм, сушеные овощи и эти добавки все увеличиваются. А когда будет пробита блокада, будет совсем хорошо. Получила разрешение РЖУ и управхоза на постоянную прописку на Тверской. Что будет с остальной площадью не знаю. Вещи сохранила. Мамочка, как провела Пурим и Пасху. Имела ли мацу? Как Муся провела свое 25-летие. Как бы мне хотелось провести это время с вами и вообще очутиться в вашем обществе. Целую крепко. Ваша Вера.



Фотохроника ТАСС: «Ленинград в дни Отечественной войны. На снимке: Ленинградцы на огородных работах». Фото Р. Мазелева, июнь 1943 г.
Из фондов РНБ

Сайдали Акбаров: «В ЭТОМ СМЕРТНОМ МИРЕ ПУСТЬ МЫ БУДЕМ СЫТЫ» (1941)

Сайдали Акбаров родился в г. Коканде. В 1939 г. служил в армии. В сентябре 1941 г. погиб в бою. В 2001 г. письма были переданы в Кокандский городской краеведческий музей.

1 августа 1941 г.

Пламенный привет всем моим родным. Спасибо Господу Богу, у меня все хорошо. Защищаю свою Родину. Мой друг, Абдуллаев Лутфулла, я не помню точно, примерно 2 августа, получил пулю в плечо и попал в больницу. Не знаю, где он сейчас. Если вдруг его отпустят, он может прийти к нам домой, он точно знает наш адрес. Мы даже не смогли попрощаться. Но если он сообразит, то из больницы он будет писать вам. Мама, Ромижон говорил, что если пуля попадет в руку, то только через 3—4 месяца можно приехать домой, как он говорил, так и получилось. Но даст Бог, он поправится, он просто должен немного подлечиться. Мама, за меня не переживайте и не печальтесь обо мне. Все в Божьих руках, что предначертано, того не минуешь. Мама, как дела в Коканде? Не тяжело ли Вам? У Вас, наверное, проблемы с продуктами? Здесь пшеница и другие посевы очень хороши, они пропадают зря. Но, к сожалению, забирать с собой нельзя, Вы же сами понимаете. Во многих деревнях даже хозяйства все оставлены. У коров, телят, свиней нет хозяев. Они постоянно, собираясь в стадо, встречаются на нашем пути. Нам готовят из них еду. Где Ахмаджон? Толохон в Коканде или уехал? Сохибажон в порядке? От Вас нет никаких писем. Если даже Вы писали, похоже, до нас письма не доходят. Никому из нас письма не приходят. Ну ладно, это все, вкратце. Дай Бог, чтобы в скором времени мы смогли увидеться.

* * *

Здравствуйте, дорогие. Как вы? Будьте здоровы...
Молитесь Богу. В муках я, вот уже два года, как я покинул дом.
Странствие очень тяжкое.
Поговорив с вами, душа в жажде.
Затосковав, смотрел на ваши фотографии.
Уставившись в фотографию, задал себе немало вопросов.
Охнув, опечалился и вдался в думы,
Не стерпев, пролил немало слез я.
Если я буду терпелив, наступит ли тот день,
Когда мечтам, в моей душе, не будет конца?
С друзьями бы мне вернуться на Родину
И с радостью бы увидеть вас.
Если вдруг парнем мне суждено увянуть

И участь моя — стать жертвой здесь,
Много не печальтесь обо мне,
Отдайте дань судьбе.
Благодарите Господа Бога за то,
Что отдал жизнь за Родину Я.
Я не буду доволен, если вы будете страдать обо мне.
Пройдет время, и если вы будете проливать слезы из-за меня,
То я не буду удовлетворен.
До свидания, можете не отвечать мне.
Я написал вам еще 16/VIII—41 г.
Ваш сын

Без даты, осень 1941 г.

Приветствую.

Пусть будет вам известно, я, Ваш сын Сайдали, нахожусь здесь в здравии, выполняю свой долг, вместе с тем прошу у Всевышнего, чтобы вы, мои родные, находились в здравии и в мире. Мамочка, передайте огромный привет маме Ганижона и Лутфуллахона, Халиме. 3/IX—41 я прочел письмо, написанное от Халимы Лутфулле. Она, оказывается, пришла к нам и прочла мое письмо, я обрадовался, что мое письмо дошло. Большое спасибо за такое отношение. Мам, еще в одном письме я писал о подробностях про Лутфуллу. Получили ли Вы его? Там был еще бессмысленный стих. Мама, за меня не переживайте, нет толку от того, что Вы снедаете себя из-за меня. Лучшее, что можно сделать, — это благодарить Господа и молиться. Нужно надеяться. Мама, почему от отца нет писем? Или же из-за того, что мой приезд под сомнением, Они не пишут? Вчера, когда стемнело, получил от Вас письмо. У меня даже не было надежды получить от Вас весточку. Потому что если в эти края ступает нога человека, то она сгорает, а если птичка прилетит, крыло у нее сгорит, эти места именно такие. Население понемногу уехало вглубь, оставив все имущество, земли, дома, поэтому здесь полно лошадей, свиней, уток, кур. Раза 4—5 мы готовили суп из уток и кур. Повсюду картошка, много зрелых посевов, у которых нет хозяев. Однажды мы были в одной деревне, там зарезали корову, разделили ее на части, оставили только рожки да ножки и 10 человек за два дня съели. Но сейчас мы опять меняем место, так безопаснее. Мама, один раз мы притащили ведро чистого меда, хозяина нет, пчелы собрали много меду, мы уплели мед с хлебом. Такие вещи происходят, которые не умещаются в голове. В этом смертном мире пусть мы будем сыты, говорим мы, когда немного мирно. Враг в двух шагах от нас. На одной стороне мы, а на другой они. Еда у нас хорошая, даже махорку дают. Не переживайте. Вы спросили, послать ли мне денег? Зачем они мне? Ведь здесь магазинов нет, только война. 60 сомов (рублей), которые Вы мне послали, я, Ганижон и Лутфулла тратили их на станциях, когда мы ехали на фронт на поезде, подумав, что на фронте они нам не пригодятся. Сейчас нам выдали по 10 сомов, зарплата тоже накопилась в размере 50 сомов, деньги у меня есть. Из-за этой злосчастной войны, я думал, все будет дорого, но нет, все в изобилии. Самое главное живите в мире и в здравии. Мама, если письма не будут доходить

вовремя, не переживайте, сейчас во время войны не всегда бывает время писать Вам. Сразу начинается шумиха и разгром, если враг запускает в нас 10 000 пуль, мы запускаем в них 20 000 пуль; снаряды, вылетающие из пушек, поднимают все дыбом кверху, водоемы превращает в ямы. Враг, подлец, деревни обстреливает, размозжив дома, как один дом всполыхнет, так вся деревня сразу сгорает, на следующий день, становясь пустошью. Слов много, да угля мало. Мама, эта война очень широкая и большая, такой войны еще не было. Когда закончится, тоже неизвестно. Когда врагов до корней истребим, тогда, может, и закончится. Безвыходная Германия сдастся, но Красная Армия в истории никогда не сдавалась и не потерпит поражения. Мама, моя просьба к Вам, не скорбите обо мне, что мне суждено, то и будет. Будьте здоровы и живите в мире. Если уже я прожил свой век и мне суждено умереть, не снедайте себя из-за меня. В это время из моего полка Вам придет письмо, то есть Ваш сын такой-то с ним так-то случилось.

[Без окончания]

7 сентября 1941 г.

Привет пламенный и с тоской.

Здравствуйте, мои любимые и уважаемые брат Солибаюв, сестренка Топахон, племянник Эркинжон и соседи, всем страстный привет. После приветствия, пусть вам будет известно, я, ваш брат Сайдали, нахожусь здесь во здравии и тем самым выполняю свои обязанности, также прошу у Господа Бога, чтобы Вы, мои дорогие, на мое счастье, находились во здравии и жили счастливо. Дай Бог, чтобы мы были здоровы долгие годы. Если спросите о моем здоровье, то миллион раз спасибо Богу, я здоров, на фронте дела хороши, в продовольствии недостатка нет. Если интересуетесь о других новостях, то можете спросить у Солибаюва, все ясно, как в зеркале. Нет смысла даже говорить об этом. Наверняка читаете газеты, вам хватает ума все понять. На данный момент, хоть враг и захватил несколько наших городов, но мы надеемся, что дальнейшая победа будет за нами. Беспокоясь обо мне, не горюйте много, потому что от этого толку не будет; то, что Солибай находится там, для меня это большое счастье. Если бы здесь находилось двое из нас, то что бы вы делали, горевали бы за двоих? Это ведь тоже наше счастье. Топахон, если бы мы не защищали Родину, то до сих пор враг уничтожал бы все вокруг, фашисты на захваченных землях в семьях красноармейцев творят дикие деяния, входя в их дома, они режут им ноги и насыпают соль в их сапоги, на глазах у матерей отрывают руки и ноги их маленьких детей, растаскивают все, что они имеют, и сжигают деревни. Это хорошо, что вы далеко, многие об этом еще не знают и ходят мирно. Если мои дни уже сочтены, и если я стану жертвой, сражаясь за свою Родину, за наш народ в рядах тысяч молодых парней, нет никакого смысла горевать за меня. Надейтесь на себя и молитесь Господу Богу. Нет никакой пользы от того, что вы будете страдать из-за меня. Топахон, вместо того чтобы постоянно плакать и горевать, будь благодарной; во-вторых, успокой маму и узнавай новости из газет об этом. Я переживаю не за себя, а из-за вас. Вдруг, если что случится, думаю, то они ведь всю жизнь проведут, горюя. Вот за что я переживаю, умерший упокоится в мире ином, тяжело родным, оставшимся в этом мире. Поэтому у меня к вам просьба: за мою судьбу вы не

Сайдали Акбаров, 1939 г. Автор фотографии неизвестен. Из фондов Кокандского городского краеведческого музея

печальтесь. Родненький брат, родненький братишка, объясните все матушке. Абдуллаев Л. 2/VII, когда мы вступили в бой, был в 5 метрах позади и правее от меня, лежал внутри пшеницы, получил ранение в правое плечо, был отправлен в больницу. Где он находится сейчас, мне неизвестно, хотя и ранение сильное, но поправимое. Это называется не в прятки играть, а войной; так невозможно, чтобы не пролилась кровь. Слов много, а угля мало. Вот такие вот дела. Теперь прощаюсь, не было времени вам писать много, не обижайтесь. Сегодня матушке тоже отправил письмо. До свидания, дай Бог, нам увидеться в здравии, в счастливые и мирные дни. Писал вам ваш брат (подпись).

Перевод с узбекского языка К.К. Каланова

Всеволод Попов: «КАК ВЫ ЖИВЕТЕ, ПИТАЕТЕСЬ?» (1943, 1945)

Биографическую информацию об авторе данного письма установить, к сожалению, не удалось.

4 июля 1943 г.

Здравствуйте, мои родные!

Сегодня у нас выходной день целиком и полностью: с утра был парад — получили гвардейское знамя.

Нина, почему вы мне ничего не пишете, не получаю уже более полумесяца. Как вы живете, отдыхаете, питаетесь, как ваше здоровье? Вернулась ли Марианнка из санатория? Что пишет тетя Фуса? Обо мне не беспокойтесь — живу хорошо, но мало получаю писем.

Пишите, с нетерпением буду ждать. Передавайте привет всем знакомым и родным. Крепко жму ваши руки. Желаю вам хорошего здоровья. Сообщите адрес Фусы. Погода здесь плохая: ветер, часто дождь. С приветом ваш Всеволод.

24 августа 1943 г.

Здравствуйте, родные!

Последнее письмо послал вам 6-го числа, после чего у нас почти не было свободного времени для писем (даже читать!).

Сейчас сообщаю о себе, что жив, здоров. Вчера получил письмо от Пети П., он живет в Ср. Азии, купается в море. Его адрес: Полевая почта 72460 «Ш» Попову П.

Он просил сообщить вам в Красноярск его адрес. Я сильно скучаю о доме, частенько во сне бываю в городе родном.

Обо мне сильно не беспокойтесь, передавайте привет всем родным и знакомым. Крепко жму ваши руки.

Желаю вам всего хорошего. Пишите, как вы живете, питаетесь, как у вас дела с дровами, картошкой.

Мы солидно отведали свежей картошки, огурцов, луку — посевы фрицев. Ну, пока все. Желаю всего хорошего. С боевым приветом

Ваш Всеволод

6 сентября 1943 г.

Здравствуйте, мои родные!

Сообщаю о себе, что жив, здоров. От вас писем давненько не получаю. Последнее получил от Нины с фотокарточкой, за что очень благодарен.

Сейчас мы, как вы, наверное, уже догадываетесь, ведем бурную жизнь, освобождаем нашу землю от немецко-фашистского зверья — какое это счастье! Хотя

порой бывает и трудно, но сознание того, что тебя ждет народ, страдающий под игом зверья, уменьшает все трудности. Обо мне сильно не беспокойтесь: живу не плохо — в тепле, питаюсь хорошо.

Нина, со мной вместе находится твой одноклассник, если его помнишь. Постольский. Он имеет звание ст. лейтенанта.

Вспоминали вместе ваш класс, Красноярск. Я дал ему адрес Б. Желтова, П. Чиган и его родителей. Тебе и всем вашим одноклассникам привет от него.

Нина, пиши мне чаще. Как вы живете, питаетесь, как дела с дровами, картошкой? Что пишет Фуса — я ей написал, но еще ответа не получил. Пишет ли что папа. Желаю вам всего хорошего. Привет всем родным и знакомым, а также дворовым. Отдельно А.П. и П.П. Казанцевым. Крепко жму ваши руки. Целую. Ваш Всеволод.

10 ноября 1943 г.

Здравствуйте, мои родные!

Давненько от вас ничего не получаю, не писал и сам: были жаркие боевые дни — «горячие денечки». Сейчас находимся на отдыхе, но опять, наверное, скоро — Вперед на Запад! Или, как принято, говорить у нас: Вперед, братва, там — женщины и водка!

Праздник 7 и 8 ноября встречали в спокойной обстановке. 7-го выпили по 100 гр. и даже удалось состряпать 17 блинов на 5 человек (число жителей землянки!).

Пишите, как вы живете, как встретили праздник. Пишет ли Фуса и папа? Как вы питаетесь, где сейчас работаете, где Марианнка? Обо мне особенно не беспокойтесь. В свободное время буду писать, Вы пишите чаще. Желаю вам всего хорошего. Привет всем знакомым. Отдельно Т.С. и Казанцевым, Широким. Как дела у вас с дровами, какая стоит погода? Здесь снег выпал 7 ноября, но сейчас уже растаял. Пока все.

Крепко жму ваши руки. Целую Марианнку. Если сможете, вышлите ее фотокарточку.

С гвардейским приветом ваш брат и племянник Всеволод

9 мая 1945 г.

День Победы.

Здравствуйте, мои родные!

Поздравляю вас с днем Победы! Сегодня всенародный праздник, лучший день за все время войны. Думаю, что теперь наша встреча недалека. Германия капитулировала, капитулировала и Курляндская группировка немцев. Правда, мне пришлось встретить этот лучший праздник одному, совершенно никого знакомых рядом не было, но в этот день все стали близкими, родными — велика радость народа.

О себе: живу хорошо, 1-е Мая встречал у Виктора, теперь вижусь с ним часто.

Пишите больше о себе. Передайте привет и поздравления с днем Победы Казанцевым, Широких, Т.С.К., Дорониным и всем другим. Желаю вам всего хорошего. Ждите нас — фронтовиков.

Ваш племянник и брат Всеволод

Евгений Мальгин: «ПЕКУ НА ПАЯЛЬНОЙ ЛАМПЕ. ОЧЕНЬ УДОБНО» (1986)

Евгений Леонидович Мальгин родился 28 декабря 1967 г. в г. Архангельске. Учился в средней школе с углубленным изучением английского языка № 21 (закончил 8 классов), а затем в кулинарном профессионально-техническом училище г. Архангельска, где активно участвовал в деятельности ВЛКСМ и играл в музыкальном ансамбле. После завершения училища был призван в ряды Вооруженных сил СССР в апреле 1986 г. Службу проходил в г. Кандагар Демократической Республики Афганистан в воздушно-десантных войсках, сначала в бригаде связи, а затем в особом отделе (охрана советников миссии ООН). Демобилизован в апреле 1988 г. После службы закончил Поморский государственный педагогический университет, занялся бизнесом. Женат, имеет двоих детей и внука.

11 августа 1986 г.

Здравствуйте, Мама, папа, Таня и бабушка.

Привет из Афганистана. Вот уже два дня, как мы сюда приехали и немного обжились. Вот, решил вам написать о себе, чтоб вы не волновались. Попал служить я в Кандагар. Пока у нас идет, так сказать, карантин. А в четверг нас распределят по батальонам. Поэтому пока адрес не пишу, т.к. не знаю, какой литер будет. У каждого батальона свой литер. Так что как только нас распределят, я напишу свой адрес. Кормят нас нормально, правда, пока еще бардак, но ведь это везде поначалу так. Пока писать, в общем-то, и нечего, ведь мы еще ничего не делали. Я просто хочу вам весточку о себе прислать, чтоб вы не волновались. В общем-то здесь все почти такое же, как в Союзе, ничем не отличается. Утром на завтрак здесь молоко дают, правда, порошковое, но все равно нормально. В Фергане нам молока не давали. Погода здесь хорошая сейчас. Когда прилетели, было градусов 45° С, а сейчас пасмурно, дождик капает немного. Ребята дембеля говорят, что уже второе лето и, чтоб в августе дождь шел, такого не помнят.

Сейчас уже жара помаленьку на убыль пошла, лето кончается. Зимой минусовой температуры здесь почти не бывает. Хочу сразу предупредить, писать буду реже, вы уж не обижайтесь и поймите меня правильно. Буду писать как придется. Постараюсь по мере возможности писать чаще. И еще один вопрос: как насчет бабушки Лизы? Вы им сообщили или нет? Я пока им не буду письма писать, вы мне потом напишите, сообщили или нет. Мама, начни нумеровку писем заново. Следующее письмо я напишу дней через пять, когда будет известен адрес. А как вы там живете? Получили фото или нет? Пусть валяются, может, кому нужно отдать? Как там на даче? Наверное, уже урожай собираете? Таня, говорят, на работу устроилась? Это хорошо, молодец. Привыкай к труду. Кстати, поздравляю тебя с днем рождения! Жалко, подарить ничего не могу. Ты теперь уже большая стала, 14 лет исполнилось. Потом напишите, как справили. Пока

больше не знаю, чего писать, совершенно ничего в голову не лезет. Вы пишите чаще, и я буду стараться по мере возможности.

Пока всем привет.

Главное, не волнуйтесь за меня.

Живите — не тужите.

Ждите письма с адресом и подробностями.

Всех крепко целую и обнимаю. Переводы получил, посылку съели. Перевод за 2 суток прогуляли.

До свидания. Евгений

22 августа 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа, Таня и бабушка Тамара!

Привет из Кандагара. Вот, пишу вам первое письмо с моего пока постоянного места службы. Попал я в четвертый батальон, в взвод связи. Служу я на точке. Точка — это как бы застава. Они выставляются по дороге и отвечают за безопасность колон. А во взводе нас 12 человек.

Наша точка находится в пустыне, но воды хватает. Вода неплохая, лучше, чем в бригаде, и без хлорки. Сразу хочу вас предупредить, что писать я буду редко не потому, что мне некогда или лень. Просто сопровождения бывают раза 2 в месяц. Когда чаще, когда реже. Так что не волнуйтесь, что долго нет писем, я буду стараться писать с каждым сопровождением.

Мой адрес напоминаю: 071176, полевая почта 71176 «Ч».

Ребята здесь с каждым сопровождением пачки писем получают. Так что вы пишите, не дожидаясь ответа. Я ответ сразу на несколько напишу.

Немного о жизни. Кормят тут хорошо, даже отлично — до отвала. Дают мою любимую пищу: жидкая рисовая каша (гречневая, пшенная) на молоке, супы, чай, витамины. Ешь сколько хочешь.

Распорядок дня здесь своеобразный. Подъем 4:30, завтрак 5:30, развод на работы 6:00, работы с 6:00 до 12:00. Обед 12:00. Отдых (сон) с 12:30—16:00 опять работа до 18:00. Ужин и отбой в 20:30. Дни летят быстро.

Хотел, как сюда приеду, написать, а вот только через неделю собрался. Целый день работой занят, и время летит моментом. Работы разные, то клуб строим, то магазин, то снаряды грузим и т.д.

Дисциплина здесь не такая, как в Союзе. Весь день ходят, кто в чем хочет (кроссовки, кеды и т.д.), а в основном в трусах одних, и в столовую тоже. Хлеб у нас тут же пекут. Хлеб вкусный, теплый.

Ну вот, вроде пока и все о своей жизни. А как там у вас житье-бытье? Как урожай на даче? Все ли здоровы? Как настроение? Небойсь, сильно за меня переживаете? Есть такая поговорка: «не так страшен черт, как его малюют». Таня, как настроение перед учебным годом? Привет всем родным. Дай им мой адрес, пусть пишут. Диме тоже дай, скажи, большой привет от меня. Я, наверное, ему напишу только со следующим сопровождением. Папе огромный привет, если он не в море. Напишите, как день рождения прошел.

Пока заканчиваю. До свидания. С нетерпением жду писем. Мама, когда получишь фото, раздай всем, можешь 1 в училище снести.

Ваш Евгений

Приготовление барана в полевых условиях.
Афганистан, июнь 1984 г.
Из коллекции Владимира Щенникова

29 августа 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа, Таня и бабушка Тамара.

Я живу хорошо. Сейчас дежурю на коммутаторе и, чтобы не заснуть, решил написать письмо. Первым делом хочу тебя, мама, попросить и написать мне несколько рецептов. Я напишу, чего. Все с книги переписывать не надо, только ключевые моменты, а самое главное для меня — это раскладка. Сколько грамм и чего. Напиши мне рецепт плова (может, нескольких, если в книге есть), блинов (с дрожжами и без), оладий, шашлыков (маринад), теста: дрожжевого и бездрожжевого.

Ну и чего я еще напишу. Какой-нибудь простенький тортик или кексик, что попроще, где мука да вода. Здесь ведь с продуктами не очень. Только молока и такого, и сгущенного много. Постарайся как можно скорее мне это выслать, у меня тут одна задумка есть, потом напишу. Может, не в одно, а два письма написать, если не влезет. Пиши, как я, в каждой строчке, чтоб как можно больше блюд влезло. Пиши нормы закладки и основное (не все) из технологии приготовления. Если не трудно, то еще что-нибудь на свой выбор напиши.

Письмо я, в общем-то, только из-за этого и пишу. Особых новостей нет. Да! Еще раскладки каш (рисовой, гречневой) тоже напиши. Время идет быстро. Дни летят незаметно. Целый день занят. Сейчас я строю ружейную комнату. Яму

под нее выдолбил, работы еще много, но мне, в общем-то, нравится. Да и опыт есть немного.

Извинитесь перед бабушками, что не пишу. Но пока конверты экономлю. Как получку получу, куплю конвертов. Вот и все мои новости. Живем так — спим да работаем, ничего нового. Так что нечего волноваться за меня. У меня даже автомата нет, да здесь он не нужен.

Диплом я не успел получить. Да и ладно, может, обратно придет. Здесь он не нужен. Здесь, если надо, то на слово верят.

Ну вот, вроде и все.

Жду твоих писем с рецептами.

Евгений

4 сентября 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа, Таня!

Привет из Афганистана. Вчера получил два письма от тебя и от бабушки. Только вот что меня смущает, у тебя стоит третий номер на письме, а до этого я ничего не получал. Ну да это неважно, главное, что теперь связь должна наладиться.

У меня все хорошо. Живу нормально, время идет быстро. За работой как-то не замечаешь. Последних два дня только и занимался, что пек блины и оладьи, пол нашей точки накормил. Предлагали мне пойти в офицерскую столовую поваром, но я отказался. Не удивляйся, просто мне здесь в связи понравилось. Да и осознаешь себя нужным. Ведь на нас лежит большая ответственность. От меня конкретно много зависит. Особенно достается работы на сопровождениях, ведь надо держать со всеми связь. От нас зависят жизни людей. Как точно и правильно я приму и передам все, не растеряюсь, то все будет четко. Моя служба заключается в том, что я сижу на батальонном коммутаторе. Все проходит через меня и моих товарищей. Ведь не зря связистов называют нервами армии.

Кормят нормально, не жалуюсь. Здоровье нормальное. А так, в общем-то, все по-старому, никаких особых событий нет. Служба, работа и наоборот.

А как там вы, как жизнь, как здоровье? Я, конечно, очень рад, что вы стали уже опытными садоводами, скоро мастерами будете. С каждым годом все лучше и лучше у нас все растет. Потом мне напишете, сколько чего сварили и собрали.

Привез ли папа чего или нет? Как нынче картошка? Ведь уже скоро копать будете.

Таня меня, конечно, все время огорчает. Я все жду, что мне напишут, что она дома помогает, за порядком следит. Думал, как-никак летом поработала да и в восьмой класс пошла. Танька, берись за ум, пока не поздно.

Если не трудно, то пишите, как дома, что переставили, что нового купили? Я все себе представлять буду. Пишите, что в городе нового строят, что построили. Мне все интересно.

Да, должны прийти фото, дак ты их раздай всем, может, одну — в училище, одну — Диме обязательно. Ну а там, на свое усмотрение.

Вот, вроде и все. Больше пока писать не о чем.

Жду писем.

С огромным к вам приветом. Всех крепко обнимаю и целую.

Евгений

19 сентября 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня!

Привет из Кандагара. Недавно получил сразу два ваших письма; одно за 11 августа, а другое за 9 сентября. Мне, конечно, не очень ловко перед вами, т.к. я писал неправду. Но я хотел, чтоб вы хоть 3 месяца более спокойно прожили. Но если сказать честно, то здесь лучше, чем в учебке. Здесь оно как-то свободней чувствуешь, да и нагрузки не те. Я даже немного отъедаться стал. Вчера приезжал замполит бригады, обещал организовать типа фотографии, чтоб фотки домой выслать. Да пока не забыл. Если у тебя еще осталось фото в маскхалате, то отдай его, пожалуйста, моему другу, секретарю нашего ком.[итета] комсомола. Зайди, если не трудно, в училище, в ком.[итет] комсомола и в профком, там обе вывески на одной двери, и спроси там Струнина Александра Евгеньевича, и отдай ему фото. Заодно нашей классной привет передай, попроси у нее мои фотки, которые в училище щелкали.

В остальном живу по-старому, почти ничего не меняется, так что писать особо нечего. Я пишу только из-за того, чтоб вы меньше волновались. Едим досыта. Я тут почти каждый день то блины пеку, с джемом вишневым да малиновым едим, то пирожки с мясом и джемом, то лепешки, то оладьи. Пеку на паяльной лампе, очень удобно. И вообще снабжение у нас хорошее, все — импорт, или что идет на экспорт. Кроссовки в магазине и «Адидас» и «Пума», и магнитофоны японские, даже «Шарп» двухкассетный продается. Из еды — консервы лососевые, крабы, салаты венгерские, югославские, печение, конфеты разных сортов. Я высылаю упаковку от них для Тани. Как там она учится, чем занимается в свободное время? Пусть сама письмо напишет. Пусть учителям от меня привет передает, если меня еще помнят в школе. Папе тоже огромный привет, как приедет с рейса.

Как там вы живете, как здоровье, как дела дома? Что нового купили, что куда поставили? Денег мне не надо, у нас здесь чеки. Посылки нельзя посылать. Можно только высылать заказные письма. Пришли мне заказным письмом конвертов.

Ну вот, заканчиваю писать. Всех обнимаю, целую.

Женя

10 октября 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа, Таня.

Вот, решил написать вам письмо, вроде уже давно не писал вам. Живу я по-старому. Новостей никаких нет, ни хороших, ни плохих. На точке тоже ничего особенного, все живут однообразной размеренной жизнью. Только дни и меняются, а так, перемен никаких. Ты спрашиваешь, чем занимаемся в свободное время, но сама подумай, какое в армии свободное время? Работаем да несем боевые дежурства, вот и все разнообразие. Понемногу отвыкаем от цивилизации. Едим из котелков (у каждого свой), что такое вилки уже забыли. Телевизора, естественно, нет. Радио не работает. Новости узнаем из газет. Когда успеем почитать, а когда и в туалет унесут. Вот, только что попался журнал «Наука и жизнь», я прочитал тут прекрасные рецепты. Правда, на этот год они уже не пригодятся, но на следующий — можно кое-что сделать. Сейчас я их напишу:

[цитирует рецепты арбузного меда, варенья из арбузных корок, цукатов из арбузной корки и соленых арбузов — см.: Наука и жизнь. 1986. № 8. С. 148—149].

Ну, вот и все рецепты. Правда, они требуют время, но моя интуиция подсказывает, что получатся прекрасные вещи, и будет прибавка к нашим семейным излюбленным лакомствам.

Погода у нас стоит теплая +30 °С, дождей не было и не ожидается. Сейчас уже кончается сезон гранат и винограда. Поел немного.

А как у вас дела, как здоровье, как дома, как вообще все? У папы, наверное, уже навигация кончилась? Что на даче делаете или там пока затишье? Сколько варенья сварили? Как учеба у Тани? Уж скоро первая четверть кончится. Пишите обо всем. Заходите в училище или нет? Танино письмо я получил, постараюсь тоже скоро написать. Правда, мне ее не очень-то хвалят?

Друзьям и родственникам огромный привет.

Ну вот, вроде и все. Жду ваших писем. На этом заканчиваю.

Всех целую и обнимаю.

Ваш сын — Евгений

Еще рецепт свекольного морса.

[Приводит рецепт.]

Попробуйте, может, понравится!

Напишите, получили вы это письмо или нет? Чтоб я знал.

11 ноября 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня!

Вот я и получил сразу кучу ваших писем. Штук четыре-пять. Нас некоторое время не было на месте, мы ездили в командировку, и письма копились у нас на точке. Я писал те письма просто так, не получая ваших. Вот поэтому я задавал вопросы в письмах, на которые вы отвечали в этих письмах, и не отвечал на ваши вопросы. А сейчас читал ваши письма, всего их больше двадцати, и многое узнал. Как я понял, живете вы нормально, на даче тоже все в порядке, здоровье нормальное — это все очень хорошо. Получил два письма от Тани, одно — от Папы, от Димы с фотографиями — два, от Толяна — два, от Бабушек, особенно от б. Тамары, всех больше. Ну, жизнь у меня, в общем-то, по-старому, может, чуть легче стало, привыкается помаленьку. Конвертов больше не надо высылать, у нас их сейчас в магазине можно купить. Ну а за те конверты спасибо.

Как я понял из писем, вы все равно сильно за меня переживаете, да и мне, наверное, бесполезно вас убеждать в обратном, только сильно-то очень не увлекайтесь.

У Димы уже свадьба была, я не успел, верней, не знал этого (ведь мы приехали 9 ноября) и не успел поздравить.

У меня будет к вам просьба. Купите недорогой, но красивый сувенирчик, и на видном месте выгравируйте «Дмитрию и Анжелике в день бракосочетания от Мальгина Евгения». Вот такая у меня просьба. Как Таня кончила четверть? Таня, я напишу Александру письмо, думаю, он примет тебя в свой кружок. У него ты, если будешь стараться, научишься многому. Он просто виртуоз игры на гитаре и любую песню за 3 минуты подберет.

Кормят нас хорошо. Погода стала хорошая, в смысле, прохладненько, прям как у нас. Чувствуешь себя прекрасно, чего и вам всем желаю. Ну вот, коротенько и все. Более подробно напишу потом, когда время будет и внимательно с письмами ознакомлюсь. А пока надо всем ответы написать. Получили вы или нет картинки от конфет «с лисой» и прочие? Получили или нет 20 «афошек» (деньги)? Пусть в коллекции лежит. А то вы насчет этого ничего не пишете, я и не знаю, дошли или нет? Вы не пишете, произошла ли дома какая-нибудь перестановка? Я читал в газете, что медработникам предусмотрено повышение зарплаты.

Получили вы мои рецепты про арбуз или нет? Жду ответа. Всем огромный привет.

Всех целую.

Евгений

22 ноября 1986 г.

Здравствуйте, Мама, папа и Таня.

Получил ваше письмо от 13/XI и пишу ответ. Сообщаю, что у меня все нормально. Сколько ни коплю, никаких новостей нет особых да и маленьких тоже. Ты спрашиваешь, надо ли мне газеты или вырезки высылать? Нет, не надо, здесь газеты приходят, правда, с опозданием, но новости узнаем. Рецепты пока не надо больше, вроде остальное я все знаю. Разве что вышли рецепт сладкой колбаски и больше ничего не надо. Картинки буду вам посылать, если будут какие-нибудь красивые. Кормят нас нормально, масло сливочное дают, мяса много стали давать. Правда, каша все больше греча, дома она дефицит, а здесь смотреть на нее не хочется. По вечерам себе картошку и капусту жарим, вот и живем. Да, про Таню вы меня, конечно, огорчили, и поведение, и учеба никудышные. Но я не знаю, как ей это все объяснить, что это ей самой нужно. Пока сама не поймет, то этого ей не втолковать. Что не хочет в 10 идти, дак это ее дело, в ПТУ даже лучше — и образование и профессия будут, а захочет дальше учиться, дак это никогда не поздно. А вот по дому могла бы помогать, конечно. На даче строительство, как я понял, идет потихоньку. Глядишь, когда я приду, уже и дом построен будет. Только вот помогать, наверное, некому, а в одиночку дом строить очень трудно. Погода у вас, конечно, неважная, все слякоть да дождь, наверное, все снега ждете, да чтоб подморозило. У нас погода тоже прохладная стала, днем тепло, но ночью уже холодно. Я написал Шуре, он должен взять ее в гитарный кружок, пусть, если хочет, ходит. Насчет письма в школу, то я не знаю, чего им писать, если хотят, то пусть сами мне напишут, спросят, что их интересует, тогда и можно им написать будет. И чего это у них такой интерес ко мне появился? Письма сейчас все стали доходить до меня, получил от друзей фотки. Насчет любительских, конечно, можно, но надо такие, чтоб на них народу как можно больше было, потому что у меня их и так порядочно скопилось. Вчера получили получку. Ходили в магазин, поели печения, пряников югославских, джема персикового и прочего. Пряники такие, что языки проглотили. У нас во взводе есть мой земляк, его недели три назад к нам перевели, правда, он отслужил уже полтора года. Он с области. А на точке у нас есть еще два земляка и оба тоже с области. Вы спрашиваете, что такое «диктор»? Это название нашего отряда

или проще, а для простоты, чтоб с цифрами не иметь дело, у всех свои названия. У нашей — «Диктор». Насчет рецептов, пожалуй, мне только нужны хворост и сладкая колбаска. Вот и все, пожалуй.

На этом заканчиваю. Всем огромный привет от меня.

Жду писем. Всех целую.

Евгений

1 декабря 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня.

Вчера получил ваше письмо и сразу пишу ответ. Из письма я понял, что у вас все хорошо. Я очень рад этому. Вот только про Татьяну ничего утешительного не пишете. Ну что поделаешь, как есть, так и есть. Ей ведь сейчас на улице интересней, чем дома. Это я по себе знаю. Вспомните, я ведь в восьмом классе тоже вроде все на улице пропадал и дома почти ничего не делал. Папа все строит. Это, с одной стороны, хорошо, но одному ему трудно делать, ведь дом строить — не будку. Кстати, дом из бревен или из досок делаете? Как там наша Буська поживает? О ней вы уже давно ничего не писали. Вчера получил еще и два бабушкиных письма, тоже хочу ответ написать.

Сегодня я увидел газету «Правда» и в ней очерк про вашу больницу, верней — станцию, и фотография Волосевич. Ну, а у меня все по-старому, все нормально, время идет, служба тоже. Вот, через месяц мне уже 19 исполнится.

Про Димину свадьбу я знал, но от него очень давно не было писем. Я ему писал письмо числа 15, не знаю, получил он его или нет. Передайте ему, что я очень жду его писем. И очень рад за него. А на свадьбу вы зря не пошли, могли бы сходить, посидеть.

У меня никаких новостей особых нет, все по-старому. Выдали зимнюю форму одежды. Ночью в ней нормально, днем и без нее тепло. Ночью печку у себя кочегарим. А у вас, видать, теплой будет. Ведь уже декабрь месяц, а у вас еще плюсовые температуры. Обычно в декабре уже вовсю на лыжах катались. Посылаю вам несколько вкладок от жувачки. Потом еще картинок навырезаю от конфет. Ну вот, вроде и писать больше нечего. Вы тут спрашиваете: пишут ли мне ребята? Да, мне много народу пишет и друзья, которые в армии. Так что переписка у меня обширна. Мама, если честно, то я не знаю, чего еще написать. Писать-то не о чем, стараюсь, вот, письмо до конца страницы дописать. Теперь пишу, чтобы сообщить, что у меня все нормально, чтобы не волновались.

Передавайте всем привет. Тане передайте, чтоб поднажала на учебу. Папа пусть тоже сильно не напрягается, лучше потихоньку, а то одному тяжело.

Ну ладно, на этом кончаю.

До свидания.

Евгений

5 декабря 1986 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня.

Недавно написал вам письмо, а это пишу, чтобы отослать обертку от мыла. Кстати, как там наша коллекция? Прибавилось или нет? Вы коробку склейте

и можете поставить. Потом мне напишите, получили или нет? У меня все нормально. Всем огромный привет.

До свидания.

Евгений

20 апреля 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня.

Вот, получил ваше письмо и пишу ответ. Живу я нормально. Служба пошла на убыль. Уж 11 месяцев осталось. Деньки у нас пошли жаркие. И в прямом, и в переносном смысле. Днем у нас +40+45 °С в тени. А на солнце вода в бочке так нагревается, что рука не терпит. Но ничего, мы — народ Российский, мы — народ простой, нам не страшна жара. Сейчас все зеленеет, «духи» на своих огородах копаются, что-то сажают. Здоровье у меня тоже в порядке. Так что за меня не волнуйтесь. Посылаю вам фотку. На ней кусочек г. Кандагара.

Пишите. Жду.

Привет всем.

Евгений

ДРА. Кандагар

1 июня 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня.

Вчера получил ваше письмо и, пока есть время, пишу ответ.

Я живу нормально, здоровье в норме, кормят нормально.

Служба идет своим чередом. Вот уже 14 месяцев отпахал. У нас все цветет, растет и зеленеет, (где вода есть), а с водой здесь трудно. Но подсолнухи уже созрели, в «зеленке» абрикосы уже можно собирать. Арбузы, правда, еще маленькие, но уже в конце месяца можно будет есть. Тут «духи» по два урожая в год собирают. У них уже пшеница желтая. Едешь куда-нибудь, смотришь, с мотыгами в земле ковыряются. Погода у нас тоже ничего стоит +50+53 °С в тени. Высылаю фантики от жвачки, приколоться. Мы тут в «контине» ящик мандарин, часы покупали, ну а на сдачу «жавы» дали. Все это по дешевке купили за 2000 афгани. Ну вот, вроде и писать больше нечего. Привет бабушке и д. Коле и всем родным.

До свидания

Евгений

ДРА. Кандагар

28 июня 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня!

Вот, решил написать вам, т.к. вроде уже давно не писал, не помню, и потому что фотки напечатали, и вчера я их выслал, не знаю, что раньше получите. Если еще напечатаем, то вышлю другие кадры. Живу я нормально, здоровье в норме. Служба идет помаленьку. У нас небольшое событие. Вчера к нам в Кандагар прилетел Розенбаум и дал у нас в бригаде два концерта, я на обоих был. Нормально так играл, говорил, на вопросы отвечал, всем понравилось. Это после «Яллы» второй исполнитель за 9 месяцев приехал. Боятся артисты к нам ездить, это ведь

не в Кабуле песенки распевать. Мы его даже по Кандагару покатали, показали, что к чему. Наш БТР на охрану выделили. Так что с самим Розенбаумом за руку здоровался. Теперь на его концерт могу без билета и без очереди пройти. Мы с ним договорились, пароль — «Кандагар», и он нас вспомнит. Ну вот и все мои новости. Огромный привет б. Тамаре и д. Коле. У нас небольшой дефицит конвертов пока, так что позднее напишу.

До свидания. Пишите.

Евгений

ДРА. Кандагар

5 августа 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня!

Получил ваше 20-е письмо и вот пишу ответ. У меня все нормально, все, как всегда, в норме. Выслал вам фотки, вы должны их получить уже. Завтра исполняется знаменательная дата — ровно год, как я здесь, в Афганистане. Еще 8 месяцев осталось.

Погода нормальная +48+50 °С. Солнце палит беспощадно. Уже вовсю едим виноград и арбузы. На виноград уже смотреть не хочется.

Вы все время пишете и друг на друга жалуетесь. И всех можно понять, ведь каждый пишет со своей точки зрения. Конечно, и вам хочется, чтоб Таня по дому помогала, но ей ведь тоже и погулять охота. Или ей кажется, что вы даче уделяете больше внимания, чем ей. Она пишет, что из-за дачи у нее почти нет родителей. Я, конечно, не берусь судить, как и что, ведь я ориентируюсь только по письмам. Может, и не стоит сильно расстраиваться. Может, лучше воспринимать все как есть, а не как хотелось бы видеть, так сказать, исходить из реального. Только тогда, наверное, можно меньше «расстраиваться». Ну да ладно, насоветовал вам, вам виднее. На этом заканчиваю.

До свидания.

Пишите. Жду.

Евгений

ДРА. Кандагар

18 августа 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня!

Получил ваше 21 письмо. Сразу пишу, что живу нормально, здоровье в норме и все по-прежнему. Ты пишешь, что у вас погода плохая, ничего не растет. У нас, наоборот, погода жаркая, и уже где-то с марта дождей совсем не было. «Бабаи» уже по второму кругу кое-чего посеяли. Они арыками поливают урожаи. Вот бы с вами поменяться погодой. Вот уже виноград и арбузы в самом разгаре. Скоро пойдут гранаты, а в октябре-ноябре — мандарины. Клубники варите больше, я приеду, поем.

Толику и Андрею привет от меня передавайте. Я им сам письмо напишу. Фотографий пока больше нет. Как появятся, так щелкнемся. «Полевую почту Юности» мы не слушаем. Во-первых, приемника нет, а во-вторых, не знаем, когда. Я думаю, не стоит писать, все равно мы не услышим, да и зачем писать,

что я, особенный что ли, ничем не выделяюсь. Так что не пиши, тем более запрещено писать, что мы к КГБ относимся. А если наши офицеры услышат, то могут поругать. Таню поздравляю с Днем рождения!

До свидания.

Евгений

ДРА. Кандагар

22 сентября 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня!

Получил ваши письма и пишу ответ. Ну, немного о себе. Я живу по-старому. Крупных изменений нет, и особо писать не о чем. Здоровье у меня тоже в норме. Вот, через 5 дней будет приказ, и останется служить полгода (6 месяцев). Погода у нас стоит нормальная. Ночью так хорошо, прохладно, примерно, как у нас в самый разгар лета, а днем все еще жарко. Вчера ездили пристреливать автоматы и пулеметы новые. Настрелялись до того, что от стволов прикуривать можно было. Гранат покидали. Целый день из всех видов оружия тренировались.

Ну, вот вроде бы и все новости.

Мы периодически ездим на полигон, особенно перед выездами, просто раньше как-то не писал про это.

Ну а насчет того, что у вас творится в квартире, я в курсе. Мне кажется, что не стоит сильно насчет этого ругаться. У нее уже своя голова на плечах есть. Это обычная история. Везде так же. Вот у кого из ребят есть сестры от 14 до 18 лет, все то же самое. Мы иногда сравниваем истории, они почти все, как по одному сценарию. И в результате родительские меры ни к чему не приводят. Ведь это только усложняет отношения. Ведь человека в ее возрасте дома не удержать. Это такой период. Это позднее уже будет хотеться быть дома, а сейчас наоборот. Ведь меня раньше тоже трудно было затащить, например, на дачу. Мне тоже больше нравилось быть где-то в компании. Не знаю, но мне лично кажется, что не надо из-за этого поднимать скандалов. Через некоторое время все само собой образуется. Не знаю, может, я и неправ. Вам решать. Я, правда, не собирался, но вот опять сколько всяких советов написал. Ну вот, вроде и все.

Огромный привет б. Тамаре и д. Коле.

До свидания.

Пишите

Евгений

ДРА. Кандагар

25 октября 1987 г.

Здравствуйте, Мама, папа и Таня!

Получил ваше 27-е письмо, но ответ пишу не сразу, т.к. был занят. У меня все нормально, все по-старому. Живем неплохо, едим тоже. Погода днем +23+27, а ночью +10° С. Но ничего. Дожди пока не шли. Вот уж скоро надо печку в палатке ставить, скоро холод пойдет. Насчет землячки немного задержка вышла. Я тут как-то ее видел, она только в ноябре в отпуск пойдет. С ней я хочу кое-чего вам передать. Но я отправил подарки с офицером, и скоро они должны прийти по почте. Если уже не пришли.

Я ему отдал платок, косметику, два магнитных браслета (инструкцию прилагаю), двое часов, одни — пластмассовые — для Тани, а вторые — семь мелодий с будильником. Это или вам кому-то, или мне оставьте, но, я думаю, что еще куплю часов. Вот и вся моя посылка. Пишите, если из этих вещей что-либо еще нужно будет, я постараюсь с землячкой послать. Передавайте огромный привет Б. Тамаре, я ей напишу, как только время будет, пусть не обижается.

До свидания.

ДРА. Кандагар

Евгений

13 ноября 1987 г.

Здравствуйте, мама, папа и Таня.

Получил ваше 30-е письмо. Из него понял, что вы очень переживаете, что часы не дошли. Это ерунда. Просто не я один давал вещи, и он мог перепутать. Да и чего из того, что часы не дошли. Обидно, конечно, хотел вам подарок сделать. Я чувствую, вы беспокоитесь, что я деньги трачу. Да это все мелочи. Я ведь не на чеки покупаю, а на местные деньги. Ну, а как они к нам попадают, я лучше потом вам расскажу. Ну, а часы я с землячкой пошлю, еще чего-нибудь. Она в начале декабря в отпуск поедет и зайдет к вам, адреса я дам. Я думаю, может, еще платок и браслет послать? Ну и часы, ну и еще что-нибудь. Фотографий пока нет. Как будут, дак вышлю. Вот у вас снег и морозы. У нас еще тепло днем, да и ночью нормально. Дождей еще не было, а уже середина ноября. Ну вот, вроде и все мои новости. Передавайте привет б. Тамаре и д. Коле, и всем родным.

До свидания.

Евгений

ДРА. Кандагар

Ноябрь 1987 г.

Здравствуй, Таня!

Вот я никак не дождусь от тебя ответа, вот, пишу письмо. Пишу из-за того, что надо переслать песни, чтоб не забыть. У меня все нормально. Живем весело. Служба стала интересней, везде ездим в рейды, на боевые, в Кандагар. Питаемся тоже неплохо. Погода тоже ничего. Днем +20+15, ночью — около 0 °С. Днем без тельников ходим. Это, конечно, трудно представить — в январе и без тельников.

Как там у вас жизнь, что нового дома, в городе, во дворе? Что-то о тебе опять не очень лестные отклики. Говорят, вести себя стала не очень хорошо и дома, и в школе. Учиться хуже стала. Как это понимать, что случилось с тобой? Напиши.

А теперь песни. Ты их складывай отдельно и храни. Я их буду посылать. В этих песнях все слова — правда, они писались по следам событий. Можешь показать ребятам.

Am [далее идут обозначения гитарных аккордов]

1) День точкой отличный, вид у нас приличный,

A7 Dm

Пистолеты спрятаны в карман.
E Am
Чеки получили и вчера решили,
H7 E
Что сегодня группой съездим в Кандагар.
Am E
Дуканы нужно срочно посетить,
A7 Dm
Чтоб на водку деньги не уплыли,
Am
Лучше для родных своих подарки купить,
H7 E
Чтоб жена с детьми довольны были.

В дуканах можно все приобрести,
От жевачки и до пулемета.
«Панасоник», мушкет, кольчугу и шлем,
И еще мотор от вертолета.
Вот уж подъезжаем, с БТР слезаем,
Лавки вдоль по улице стоят,
Только пригляделись, где дукан богаче,
Обступила сразу нас толпа бачат.
«Здорово, командоре, как дела,
Дай бакшиш, чего, товарищ, хочешь».
«Эй, пацан, оставь в покое мой автомат,
а не то сейчас по иблу схлопочешь.
А ну-ка отойдите, пацаны, что
Вы словно мухи облепили.
Город, блин, смотри, чтоб не сперли чего,
Вот, смотри, уж фару открутили».

Вот заходим в лавку, подошли к прилавку,
Дукандор нам «здрасте» говорит,
Смотрит исподлобья азиат проклятый,
Видно хочет ободрать нас, паразит.
Дуканщик, будет с нас тебе бакшиш,
Если только цены не завысишь.
Мы — народ российский, мы — народ простой,
Слышишь, обезьяна, иль не слышишь?

Дуканщик, подешевле нам продай,
Мумие, дубленку, батник, «Сони»,
Дай-ка на контроль еще нам джинсы,
Да цену не ломи, как в Вашингтоне, и плащ
Есть в продаже «Паркер», есть очки складные,

«Сейко» есть — швейцарские часы,
Есть еще «недельки» для «ханом» в подарок.

Дуканщик Ташакур тебе родной,
Ты снабдил нас всем необходимым,
В отпуск теперь можно смело ехать домой,
Все купили мы своим любимым.

Am E
1) Мы в такие шагали дали, по ущельям и по горам
Am
Мы в засаде душманов ждали, ведь душманы и тут и там.
Без воды мы и в зной, и в стужу
A7 Am
Тащим службу свою, друзья,
E Am
Мы солдаты Афганистана
E Am
«Шурави» нас зовут не зря.

2) Говорят, что за эти годы всех душманов пропал и след,
Что в свободном Афганистане этих тварей в помине нет.
Говорят, что там, в Пакистане, все душманы приют нашли,
Кто же в спину тогда стреляет синеглазому «Шурави»?

3) Нет, душманов не стало меньше, просто стали они умней,
Днем в руках у него мотыга, ну а ночью — винтовка в ней.
Днем пастух он или крестьянин или, может быть, дарандой,
Только вечер лишь наступает, дак кончается наш покой.

4) С каждым годом все больше «духов» посылает сюда Пакистан,
Да и как же им быть иначе, «Шурави» ведь и тут и там,
Надоело нам здесь, ребята, умирать от жары и ран,
В общем, мы заявляем прямо, будь ты проклят, Афганистан.

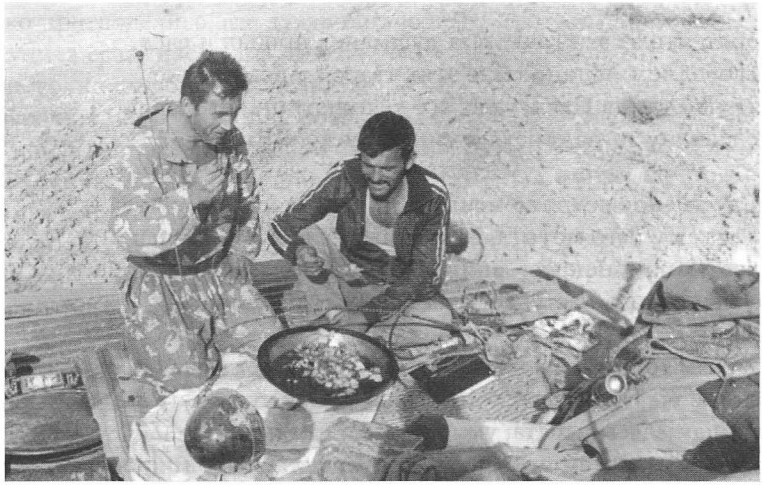
Пиши. Жду.

8 декабря 1987 г.

Здравствуйте, Мама, папа и Таня.

Я вам пишу по поводу моего письма, в котором я написал перечень вещей, которые посылаю с землячкой. Тут сложились непредвиденные обстоятельства, о которых она расскажет вкратце. С первого декабря запретили вывозить «бабайские» вещи, и поэтому я костюм и часы мужские забираю. Ну, а все остальное она попробует привезти. Конечно, полной гарантии нет, что чего-то не заберут на

Алкоголь в Афганистане можно было достать, несмотря на официальные запреты. Лето 1985 г.
Из коллекции Владимира Щенникова



Импровизированное жаркое. Афганистан, провинция Кундуз, осень 1984 г.
Из коллекции Владимира Щенникова

таможне. Но, думаю, хотя бы кассеты и косынку должны пропустить. Я думаю, вы с Наташей договоритесь, и на обратном пути она к вам заедет, и вы для меня передадите то, что я просил, т.е. фотобумагу, проявитель и фиксаж.

Ну, а больше вроде ничего не надо.

Вот, вроде и все.

Будем надеяться, что вещи удастся через таможню провезти.

Устройте хорошую встречу Наташе.
На этом заканчиваю.
До свидания.
Евгений
ДРА. Кандагар

1 января 1988 г.

Здравствуйте, Мама, папа и Таня!

Вот, пишу вам письмо, правда, особых новостей у меня нет. Все по-старому, живу нормально. В этом письме я вам высылаю сто рублей 1890 годов, царские еще, мы их нашли в одном кишлаке. Видно, раньше торговали ихние купцы с нами. И еще, самое основное, из-за чего я пишу. Мне нужны кеды, и я хочу, чтоб вы с землячкой их мне послали. Обыкновенные кеды 43-го размера, если ей не трудно будет, то две пары ей дайте, потому что ребятам кому-нибудь отдам, у них нет возможности их получить из Союза. А здесь их редко выдают. И они быстро изнашиваются. Видели «адидасовские» кроссы у меня на фото? Они вместе с «прыжковкой» выдавались, но уже истаскались.

Огромный привет всем родным. Еще раз с Новым годом! (Я открытку послал.)

Евгений

9 марта 1988 г.

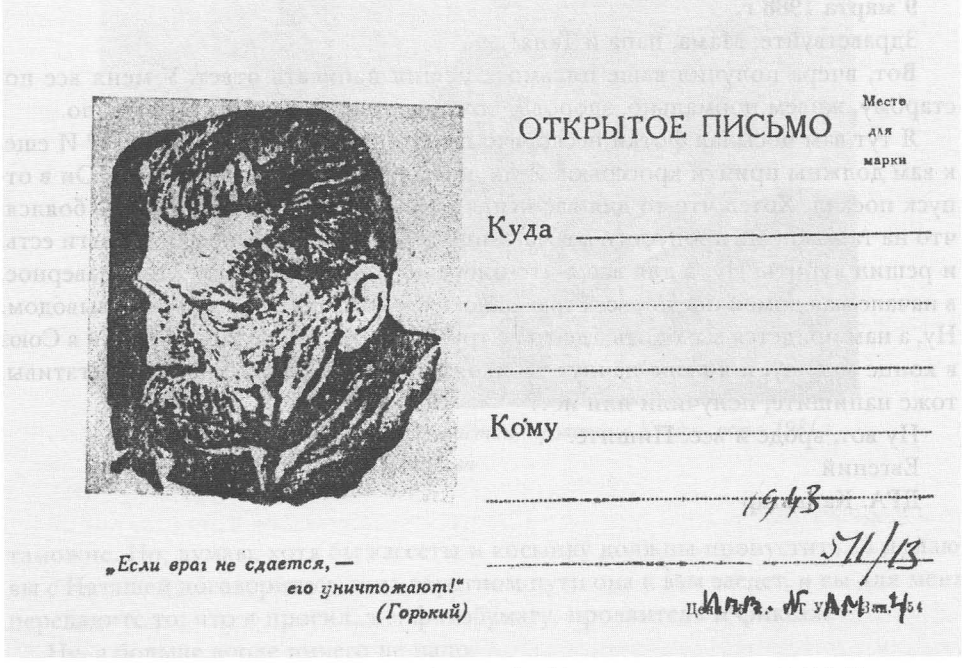
Здравствуйте, Мама, папа и Таня!

Вот, вчера получил ваше письмо и решил написать ответ. У меня все по-старому, живем нормально, здоровье тоже в порядке. Кормят нормально.

Я тут вам посылал фотки несколько писем, не знаю, дошли или нет? И еще, к вам должны прийти кроссовки. Я их послал с нашим прапорщиком. Он в отпуск поехал. Хотел что-то для вас купить, да он и так всего много вез, боялся, что на таможне не пропустят, а в магазине только кроссовки были. Деньги есть, и решил купить. Ну, а для вас я что-нибудь с Наташей пошлю. Она, наверное, в начале мая домой поедет, всех гражданских сокращать будут в связи с выводом. Ну, а нам придется выходить, где-то по грубым расчетам, должны прийти в Союз в конце мая, ну, и в июне начнут увольнять. Еще я сегодня высылаю негативы, тоже напишите, получили или нет?

Ну вот, вроде и все. Пишите.

Евгений
ДРА. Кандагар



«Если враг не сдаётся - его уничтожают (Горький)». Почтовая открытка, 1941-2 (?) г. Из фондов РНБ

VI. ШТАМПЫ ВОЙНЫ

Я прошу Вас, папа, мама, Володя
и Верочка, соблюдайте полное
спокойствие, принимайте активное участие
в мероприятиях, проводимых партией
и правительством, и боритесь в тылу за
производственные победы.

Из письма Алексея Сидельникова семье,
29 июля 1941 г.

Йохен Хелльбек

ФОРМОВКА СОЛДАТСКОГО «Я»

В большинстве разделов данной книги письма представляют собой срез всего XX в. и являются готовым материалом для тематического анализа. Все письма и стихотворения данного раздела написаны исключительно во время Великой Отечественной войны. Эти материалы, собранные вместе с текстами, формировавшими и/или отражавшими нормы поведения военного времени (спецсообщения цензоров НКВД и призыв к солдатам Красной армии, опубликованный в военной газете), позволяют проследить действие тройной синергетической силы, состоящей из *политического контроля*, *социальной мобилизации* и *индивидуального самовыражения*. Появление на свет этих документальных свидетельств в значительной степени стало возможным именно благодаря структурирующему эффекту этой тройной силы.

Красная Армия отличалась от других вооруженных сил Второй мировой войны стремлением установить всеобъемлющий политический контроль над своими подчиненными. Все военные письма как с фронта, так и на фронт ложились на стол военного цензора. Цензоры читали письма по двум причинам. Во-первых, они удаляли информацию, которой мог воспользоваться противник и которая, как следствие, считалась секретной (названия мест, частей, военных операций). Цензоры вымарывали данные фрагменты. Но такие случаи были редкостью, так как и письма солдат Красной армии, и письма на фронт были ограничены строгими правилами самоцензуры. По сравнению с аналогичной военной перепиской немцев или британцев советские военные письма менее конкретны, проследить по ним конкретные военные операции крайне сложно. Во-вторых, цензоры Особого отдела Красной армии проявляли пристальный интерес к «политическим настроениям», или моральному духу, советских солдат и авторов писем на фронт. Буквой «А» (*«авторизовано»*) цензоры помечали те письма, в которых отражался здоровый и патриотический настрой. Письма, содержащие негативную и деморализующую информацию, уничтожались. Корреспонденция, считавшаяся антисоветской, маркировалась буквой «К» (*«конфисковано»*) и отсылалась в соответствующий отдел для дальнейшего реагирования, что на практике означало передачу автора под военный трибунал[1].

На основании прочитанного материала советские военные цензоры составляли регулярные (раз в две недели или чаще) отчеты о настроениях среди солдат, и, как показывает *Докладная записка по материалам военной цензуры*, помещенная в данной главе, в процессе чтения цензоры не просто улавливали и передавали

[1] *Hellbeck J.* The Diaries of Fritzes and the Letters of Gretchens: Personal Writings from the German—Soviet War and Their Readers // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. № 10.3. P. 571—606 (598—601).

голоса солдат; они напрямую вмешивались в текст. Их итоговый труд представлял собой своеобразный монтаж: аккуратно вырезая и склеивая куски подлинников, цензоры создавали новый текст, позволяющий оценить душевное состояние того или иного воинского подразделения. Как правило, отчеты открывались выдержками из писем, содержащих крайнюю степень преданности делу защиты Родины; цитаты были призваны отразить слияние в единое целое семьи и Родины. Во фрагментах, адресованных семье, авторы-солдаты пишут о государственных делах; во фрагментах, адресованных государству, они обращаются к нему как к большой семье[1]. Уничтожение противника было первостепенной задачей в военное время, показательно, однако, то, что авторы писем опираются на язык социалистического соревнования, знакомый по предыдущему десятилетию («беру на себя обязательство»), придавая ему военную специфику: даешь больше цемента и больше убитых врагов!

Как правило, в докладах цензоров письма, задающие стандарт советского поведения в военное время, противопоставлялись негативной фронтовой корреспонденции, которая помещалась в конце докладов. Майор Прищепа в докладной записке «О настроениях личного состава частей Калининского фронта по материалам военной цензуры» говорит о подобных письмах как о весьма малочисленных свидетельствах, характерных либо для «малоустойчивых» солдат, склонных впадать в панику, выражать недовольство и проявлять трусость, либо для открыто враждебных элементов с антисоветскими взглядами[2]. Из негативных голосов цензоры в своих докладах выстраивали такую же стройную драматическую композицию, как и из позитивных. Начиная с самых негативных высказываний о советской военной этике (автор одного письма, например, пишет о войне как о массовом убийстве), цензоры затем снижали градус идеологического несогласия и завершали отчеты высказываниями, авторы которых выражали недовольство по поводу бытовых невзгод: «...пачка махорки стоит 20 рублей, водки можно купить по государственной стоимости 34 рубля литр...»

Поэтика солдатского письма, осмысленная подобным образом в докладах цензоров, характерна для многих писем, представленных в данном разделе. Это вряд ли удивительно: фронтовые политработники вносили свой вклад в этот процесс письма. Доклады цензоров использовались оптимизации работы по политическому и моральному воспитанию солдат Красной армии, вверенных политработникам. Одной из основных идей, структурировавших работу политотделов РККА, была уверенность в том, что чем выше уровень политического

[1] Это слияние показывает, как военная риторика становится частью индивидуального дискурса (т.е. как происходит персонализация официального призыва на защиту Родины). Однако это не равнозначно слиянию публичной и личной сфер. Идея о проникновении военной риторики в область личного подразумевает процесс деидеологизации, который в данном случае отсутствовал (подробнее об этом см.: *Kirschenbaum L.A.* «Our City, Our Hearths, Our Families»: Local Loyalties and Private Life in Soviet World War II Propaganda // Slavic Review. 2000. Vol. 59 (4). P. 825—847).

[2] Подобный же подход характерен и для других публикаций. См., например, тринадцать отчетов особых отделов Сталинградского фронта: Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневники и письма солдат РККА и вермахта. Агентурные донесения. Протоколы допросов. Докладные записки особых отделов фронтов и армий / Ком. обществ. и межрегион. связей Пр-ва Москвы, Упр. регистрации и арх. фондов ФСБ России; [сост. В.К. Виноградов и др.]. М.: Звонница-МГ, 2000.

просвещения и осведомленность солдат о целях и причинах военных действий, тем лучше они сражаются. Эта установка в значительной степени проявилась во фронтовых письмах; ее можно проследить и в нестройных стихах, чей язык мог быть далек от совершенства, но чей тематический охват не мог не поражать своей широтой: «А немец проклятой войны сказал: я хочу Украину, хлеба хочу, нефти бензину мне, надо Кавказ прихвачу» (гвардии сержант Александр Верцанов). Подобная степень политической осведомленности является еще одной отличительной чертой советских фронтовых писем; в солдатской корреспонденции других стран — участников Второй мировой войны семья и близкие играли существенно бóльшую роль[1].

Основным средством политического просвещения на фронте были, прежде всего, военные газеты. Политбеседы с солдатами состояли из чтения статей известных военных корреспондентов (Ильи Эренбурга, Василия Гроссмана, Константина Симонова и др.), в которых обычно превозносились действия и мысли образцовых красноармейцев, как мужчин, так и женщин. Они противопоставлялись морально неустойчивым или просто «опасным» элементам. Формат бесед во многом определялся сложившимся до войны культом советских писателей — инженеров человеческих душ. Помимо чтения, комиссары и политруки также организовывали и курировали процесс написания солдатами заметок в военгазеты — практика, также берущая свои корни из опыта советских писателей 1930-х гг., которые проводили на фабриках и в колхозах литературные семинары и просвещали массы неграмотных рабочих и крестьян в вопросах политобразования и самовыражения. Показательным примером такой политработы является опубликованное в декабре 1942 г. обращение газеты «Сталинское знамя» к солдатам 62-й армии поделиться своими мыслями по поводу Нового года. Если читать параллельно само обращение и присланные на него ответы, то можно увидеть работу советского идеологического аппарата в действии.

Редакторы «Сталинского знамени» не только обеспечили солдат 62-й армии почтовыми открытками, на которых можно было кратко выразить свои мысли. Обращаясь к воинам как к «сталинградцам», редакторы подготовили список вопросов, призванный прояснить «мечты воина-сталинградца». Инициатива вызвала поток писем. Некоторые красноармейцы вставляли в свои ответы целые фразы из вопросов. Другие выражались более свободно и описывали случаи из своей фронтовой жизни («Это первое крещение в Сталинграде», Александр Зайцев) или писали об опыте, приобретенном на войне («За время пребывания на фронте применял много методов борьбы с фрицами», Николай Мартынов; «Третий раз я встречаю Новый год в условиях войны за свою родину...», лейтенант Дмитрий Якимов). Во многих письмах выражалась благодарность газете за обращение к бойцам — хотя и не всегда так прямо, как в письме краснофлотца Александра Захарова: «Уважаемая редакция, ваше письмо сильно взволновало меня и еще раз показало, с какой любовью и вниманием относится к нам защитникам Сталинграда наша родная большевистская партия». Обращение газеты было прочитано как знак признания

[1] Для сравнительной перспективы см. главы из: Andere Helme — andere Menschen? Heimaterfahrung und Frontalltag im Zweiten Weltkrieg. Ein internationaler Vergleich, ed. Detlef Vogel and Wolfram Wette. Essen, 1985.

значимости солдатского подвига, как повод для гордости за активное участие в войне (перечисление авторами своих воинских наград может служить косвенным проявлением этого чувства).

Подобный механизм обратной связи — т.е. ответ на обращение инстанций, газет в том числе, — был мощным источником субъективации, который повышал социальный статус бойцов, позволяя им воспринимать себя как «государственных людей»[1]. Динамика этой субъективации не зависела от партийной принадлежности, возраста, социального происхождения или этнической принадлежности индивида; ей в равной степени были подвержены и комсомольцы, и колхозники, и представители нерусских национальностей. Даже образование — т.е. вопрос о том, насколько тот или иной красноармеец владеет пером, — не имело в данном случае принципиального значения. Основополагающим элементом формовки солдатского «Я» была эмоциональная составляющая, а именно воспитание чувства глубокой любви к Родине и крайней ненависти к немецким захватчикам. «Мы завоюем [победу] в жестоких боях с проклятым немцем. Мы принесем ее, как сыновий дар, нашей любимой матери-Родине, великому Сталину», — гласил текст обращения. В своих ответах солдаты, каждый по-своему, писали о преданности Родине («вся моя жизнь и все мои мысли, все желания и стремления не отделимы от жизни родины», «умру, а связь дам») и называли немцев «проклятые фрицы», «бешеные собаки фрицы», «гитлеровские мерзавцы», «проклятая немчура» или «противный зеленый гад». Эти отклики позволяют говорить о фольклоризации советской военной культуры, в процессе которой идеологические *принципы советской политики* военного времени эффективно ассимилировались в *индивидуальной речи военных*[2].

Факторы субъективации — формовка своего «Я», — которые определяли форму и содержание солдатских писем в военные газеты, отразились и в переписке, не предназначенной для широкой публики. В 1942 г. 44-летний колхозник Иван Доброхотов пишет с фронта (на который он ушел добровольцем) своей семье. Большинство писем, в которых он сообщает своим родным о переходе через Вислу (август 1944 г.) и Одер (март 1945 г.), чтобы захватить «логово зверя» (Берлин), начинались различными вариантами солдатских приветствий («пламенный красноармейский привет», «пламенный красноармейский фронтовой привет», «фронтовой привет»). Доброхотов с явной гордостью перечисляет свои награды, он переслает жене благодарность от командования армии вместе с посылками с сапогами («товар хороший»), туфлями и отрезами ткани. С течением времени меняется форма его приветствий, отражая изменение его позиции как

[1] Этот термин использовал дивизионный комиссар 62-й армии Кузьма Гуров в интервью с советскими историками, взятом в январе 1943 г., через месяц после того, как «Сталинское знамя» опубликовало свое обращение (см.: Сталинградская битва. Свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). Ответ. ред. Й. Хелльбек. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С.90)

[2] О сходной тенденции фольклоризации советских военных песен см.: *Rothstein R.A.* Homeland, Home Town, and Battlefield: The Popular Song // Culture and Entertainment in Wartime Russia / Ed. R. Stites. Bloomington, 1995. P. 77–94.

военного в обществе; «Ваш папа Ваня» и «твой Ваня» превращаются в последнем письме (марте 1945 г.) в «Ваш муж, отец. ИК»[1].

Аналогичную тенденцию можно проследить и в письмах Марлена Давиташвили к родителям. Давиташвили, который вступил в ряды Красной армии в 1943 году и, по всей вероятности, был 19-летним солдатом-призывником, первоначально использует в качестве обращения в своих письмах фразу «Многократный привет мои любимые и всегда желанные родители». Через несколько месяцев приветственная фраза меняется на «Комсомольский привет дорогим уважаемым родителям!», а затем — на «Коммунистический привет моим дорогим родителям». Эти изменения в формах приветствия, как в капле воды, отразили процесс коммунистической социализации красноармейцев[2]. ВКП(б) проводила масштабную агитационную кампанию среди военнослужащих по вступлению в ее ряды; к концу войны Красная Армия стала в значительной степени партийной, а партия существенно милитаризовалась[3].

Насколько сильно были взаимосвязаны и переплетены сферы самовыражения и социальной мобилизации во время войны, можно увидеть в цикле стихотворений, который завершает данный раздел. Большинство из них написаны Александром Заморзаевым, учеником 9-го класса казанской школы, эвакуированным из Ленинграда осенью 1941 г. В апреле 1944 г. он сообщает своей школьной подруге о том, что скоро его класс будет отправлен домой — в Ленинград. С радостным волнением он пишет, что его, скорее всего, мобилизуют на авиастроительное производство. В свои письма Александр включает стихотворения, которые он писал с самого начала войны (и которые публиковались не раз в журнале для ленинградской молодежи «Юный ленинградец»). Лучшим произведением он называл стихотворение о матери, оставшейся в Ленинграде. Написанное в мае 1943 г., оно было посвящено «Моей Ленинградке», которую ничто не могло сломить:

Ты прошла сквозь блокаду и голод,
Поседела, худа, как скелет.
Только дух твой по-прежнему молод
После двух героических лет.

Только слабые люди, писал Заморзаев, люди, которые «не умели за жизнь драться», пали жертвами блокады. И «[т]олько лучшая часть ленинградцев / Устояла (морально) подобно тебе».

Заморзаев читал данное стихотворение на многих молодежных конкурсах; оно было опубликовано в казанской газете «Стахановец». До того как оно по-

[1] Вероятно, начальные буквы имени и отчества. В таком случае использование инициалов может отражать еще более увеличившуюся дистанцию по отношению к семье.

[2] Эта же тенденция отразилась и в представленных в данном разделе письмах в военную газету «Сердало».

[3] *Colton T.J.* Commissars, Commanders, and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics. Cambridge, Mass., 1979. P. 16—21. О значении коммунизма в военное время см.: *Hellbeck.* Die Stalingrad-Protokolle. S. 43—55. Для массового приема в партию в условиях военного времени ВКП(б) существенно упростила процедуру вступления — быстрое продвижение Давиташвили из комсомола в партию в этом отношении показательно.

явилось на страницах газеты, его прочла мать Александра, поэт и первый чтец произведения своего сына. По ее собственным блокадным стихам, которые она послала Александру в ответ, можно проследить своеобразный механизм обратной связи. Датированное 1942 г., стихотворение «В дни блокады» создавало мрачный образ пережитого — гораздо более мрачный по сравнению с той героической картиной, которую рисовало стихотворение ее сына. Как писала мать Александра, слова были «слишком слабыми» для того, чтобы передать испытанный ужас. Но в стихотворении она также рассуждает и о том, как укрепляют силу духа слова, приходившие блокадникам извне, в том числе и от ее сына:

Но вдруг принесли мне листок дорогой,
Исписанный детской нетвердой рукой.
Письмо от родных — и далеких ребят,
Пришло, наконец, ты ко мне в Ленинград!

Мобилизация сил на борьбу была важнейшим моральным императивом советских людей во время войны, безоговорочно принятым большинством авторов, чьи произведения составляют данный раздел. Их работы служили целям мобилизации, а мобилизация в ответ способствовала признанию новых форм осознания и выражения своего «я». Самовыражение становилось здесь ключевым фактором: «фронтовик», «сталинградец» или «ленинградка» в равной степени имели значение активных борцов на одном из многочисленных фронтов войны, граждан, не отступивших перед самыми серьезными испытаниями военного времени. Подтверждая достоверность отчетов военных цензоров о «здоровом» моральном духе советских солдат, письма данного раздела показывают, что подобную позицию разделяли многие советские люди. Эти письма позволяют увидеть в новом свете и так называемые «нездоровые» письма, завершающие отчеты цензоров. Вполне возможно, что их содержание вызвало бы негативную реакцию не только у агентов НКВД. Если бы их содержание стало широко известно, они, вероятно, вызвали бы шквал негодования и порицания в советском обществе, поскольку самим своим содержанием подрывали моральный мобилизационный императив писем военного времени. Мать Александра Замораева в своем письме сформулировала то, что можно назвать нормой письма военного времени в широком понимании. Вот ее слова-завещание, адресованные сыну накануне его эвакуации из Ленинграда:

Выше голову, друг!
Гляди смело вперед!
Жизнь к борьбе, к испытаньям,
к победам зовет.

Перевод с английского языка М.В. Пахомовой

СПЕЦСООБЩЕНИЯ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ: «ТОЛЬКО ЯРКО ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ ОТМЕЧЕНО ДО 70%» (1941—1942)

Ниже представлены выдержки из фронтовых писем, собранные в доклады НКВД СССР о настроениях в Красной армии.

22 декабря 1941 г., докладная записка «О настроениях личного состава частей Калининского фронта по материалам военной цензуры»
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ОО НКВД СССР КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА тов. МИЛЬШТЕЙН

Из корреспонденции, исходящей от личного состава частей и соединений фронта, отмечается, что в основной массе военнослужащих настроение исключительно здоровое, только ярко патриотических настроений, выраженных в письмах, отмечено до 70%.

Количество ярко патриотических и положительных писем особенно возросло после выступления товарища Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся и на параде войск в гор. Москва 7 ноября 1941 года. Призыв вождя товарища Сталина об уничтожении немцев до единого, пробравшихся на нашу территорию, находит широкий отклик в письмах фронтовиков.

Среди патриотической корреспонденции значительное место занимают письма, в которых личный состав отражает перелом на фронте, успехи Красной Армии и о том, что инициатива переходит в наши руки. Сознание своей силы вызывает гордость и чувство радости. Фронтовики говорят о растущей с каждым днем ненависти к врагу, о мести за злодеяния, совершенные фашистами на нашей земле.

Приводим более характерные выдержки из патриотических писем:

«Дипломаты самых крупных стран держат курс на нашего родного товарища Сталина. Он приковывает внимание всех держав. Америка и Англия, боясь Гитлера, прислушиваются к каждому слову товарища Сталина. Мы, большевики, должны первые произнести слова — Победа наша» (отправитель В.М. Петров, 777 ППС, ППГ № 2263[1]).

«Петя, Сталин говорит, что надо истреблять всех немцев. В ответ на это я беру на себя обязательство бить сволочь до последнего разгрома, где и сколько фашистов не появилось бы, биться не жалея своей крови. Даже жизни не пожалею, добьюсь того, что в любую минуту смогу заменить командира взвода. Вот два мои обязательства.

[1] ППС — полевая почтовая станция; ППГ — полевой подвижный госпиталь.

Брат, Петя, прошу Вас последовать моему примеру и вызываю Вас на соцсоревнование...» (отправитель Суслов П.С., 756 ППС).

«После речи Сталина каждому хочется побольше набить немцев. 22 ноября мы устроили тарарам в одной деревне. Утречком из пушек прямо по домам, немцы на улицу и бежать, а тут пулеметчики начали косить. Они так ловко стреляли, что за какие-нибудь полчаса ухлопали сотни две немцев и взорвали автомашины с горючим. Наололи дров и опять сели в окопы. Вот так помаленьку и тюкаем фашистов. Через 3 дня исполняется месяц, как мы не делаем ни шагу назад, уже думаем, что позади нам нечего делать. Ждем скорого наступления...

У нас уже самая настоящая зима. У красноармейцев хорошее настроение, после того как получили теплое обмундирование, а немецкое войско все еще в пилотках ходит. Фашисты обматывают башку женскими платками и панталонами. Их офицеры воспрепятствовать этому не могут, мороз берет свое. Теплого ничего не посылай, не нуждаюсь...» (отправитель Таланов, 484 ППС, штаб дивизии).

«Народ у нас разъярен до такой степени, что лозунг Сталина об истреблении всех немцев, пробравшихся на нашу землю в качестве оккупантов, вызвал у красноармейцев дискуссию, распространяется или нет эта директива на пленных. Пленные, между прочим, прибавляются с каждым днем, холод не тетка, а мы ухмыляемся на съежившихся вояк.

Нас роскошно одели. Я, например, в жизни так не одевался — меховая шапка, шинель, меховой жилет под шинель, суконная гимнастерка и брюки, теплое белье, две пары шерстяных портянок, валенки, перчатки и варежки — это имеет каждый боец нашей армии. И вот спросите сейчас, чем недовольна наша армия, из ста красноармейцев как один ответят: "Слабостью морозов". Термометр как назло не падает ниже 16 градусов, а требуется по крайней мере свыше 20, чтобы немцы поперли к нам с поднятыми руками не десятками, как за последние дни, а сотнями.

Один боец учил пленного, обовшивевшего фашиста, как уничтожать вшей. "Ты, — говорит, — напиши своим, чтобы натолкли кирпича и посыпали этим порошком те места в белье, где водятся вши, а потом туда же молотой махорки. Вошь начнет чихать и биться головой о кирпичи". Тупой фашист слушает, а красноармейцы не выдерживают и громко хохочут» (отправитель Делов Д.Д., политотдел тыла армии).

«Я ежедневно записываю по радио сводки Информбюро. Вчера узнал об освобождении Ельца. Вероятно, немчуру погонят к Орлу, освобождая нашу область.

Близится час перехода нашей армии от обороны к решительному контрудару на всех фронтах. Очень важно объявление Англией и Канадой войны Финляндии, Румынии и Венгрии. После ливийских событий это следует расценивать как первый шаг на пути к созданию второго фронта. События таким образом подтверждают прогноз товарища Сталина... Сердце мое горит ненавистью к немецким захватчикам. Отомстим им за нашу землю, за горе и слезы наших

Почтовая карточка с репродукцией плаката Н.А. Долгорукова «В последний час. Наступление Красной Армии продолжается». Издательство «Искусство», типография газеты «Правда» имени Сталина. Тираж 750 000,, 1943 г. Из коллекции Т. Барандовой

родных. Будем беспощадны и неукротимы в своей мести...» (отправитель Ермолов М.М., 421 ППС, 1-я автосанитарная рота).

«Теперь началась вторая фаза войны, т.е. развивается наступление, с каждым днем наши силы растут и ширятся. Если в начале войны на нашем участке фронта было мало самолетов, то теперь их летает десятки. В общем, с изменением положения меняются и настроения...» (отправитель Воркин Н.Л., 488 ППС, 41 дорожно-эксплуатационный полк).

«Товарищи грузчики, я обращаюсь к Вам, когда я работал на шахте, Вы меня знали. Сейчас следуйте моему примеру, так как я на фронте сражаюсь до последней капли крови...

Зима нам показала новые результаты в боях с гитлеровской гадиной — этими псами, издевателями русского народа, но им не придется на нашей земле баронствовать, а придется своей кровью расплачиваться за наши мирные города и села, и сейчас они бегут не зная куда... А много их померзло.

Пока все, товарищи горняки и грузчики, работайте не считаясь ни с какими трудностями, давайте стране столь угля, сколь его потребуется...» (отправитель Растовцев, 150 авиаполк, 570 ППС).

«Первым долгом хочу я Вам сообщить, что партия и Советское правительство долго подготовляло нас в далеком тылу, чтобы вступить в действующую армию, и вот пришло время, когда на нашу долю выпало счастье с оружием в руках при-

быть в действующую армию. С часу на час дожидаем того счастья, чтобы вступить в бой с немецкими оккупантами. Стоим от фронта в 10—15 км, питание очень хорошее, одеты и обуты с ног до головы в зимнее обмундирование...

Когда только я узнал приказ о зачислении нашего подразделения в действующую армию, я сразу же написал заявление о вступлении в Ленинско Сталинскую партию (большевиков), беспартийным большевиком больше быть не хочу, а хочу быть действительным членом партии, и если придется в боях с фашистами оставить свою жизнь, то это за Родину, за партию, за советскую власть и лично за вождя и руководителя Коммунистической партии тов. Сталина.

Если останусь после уничтожения фашистских извергов живым и здоровым, то снова приступим к построению бесклассового социалистического общества.

Да, Ядя, хотя ты мне уже писала, что работаешь за четверых одна — этого требует партия и вся страна, чем будет лучше работать наш тыл, тем будет легче и прочнее на фронте, и этим самым быстрее достигнем победы над врагом...» (отправитель Брагин, 445 ППС, подразделение Шишкина).

«Продолжаем давать духу фрицам. Скоро эти горе-завоеватели будут бежать. Начало разгрома уже положено, об этом ярко говорят бои под Ростовом, взятие Тихвина, Ельца, Солнечногорска и Сталиногорска, но ведь это только начало, а дальше дело пойдет быстрее и успешнее...» (отправитель Чернобаев, 214 ППС, 660 артиллерийский полк).

«Великий перелом в войне уже наметился. Фашистская мразь начинает откатываться от Москвы. С каждым днем наши удары будут сильнее и сильнее. Я думаю, что мы успешно выполним задание по уничтожению всех оккупантов на нашей территории. Ни днем, ни ночью мои артиллеристы не дают фрицам покоя. Немцы уже хорошо знают, что значит советская артиллерия» (отправитель Соколов, 214 ППС, 660 артиллерийский полк).

«Я нахожусь на передовой линии фронта. Мамаша и папаша, немец отходит. Красная Армия бьет немца, который убегает. За меня не беспокойтесь, работайте больше и лучше, давайте больше продуктов для фронта» (отправитель Тутаев, 609 ППС, 234 сп).

«Мы прекрасно помним слова товарища Сталина об истреблении всех немцев, пробравшихся на нашу территорию, и это задание выполним...» (отправитель Яковенко, 406 ППС, 298 стрелковый полк).

Получив зимнее обмундирование, фронтовики в своих письмах благодарят вождя народов товарища Сталина, наше Правительство и народы Советского Союза за их внимание и заботу о Красной Армии.

«Получили новое теплое обмундирование. Спасибо нашему отцу и вождю Сталину за заботу о нас бойцах...» (отправитель Бездушнов А.П., 517 отдельный батальон связи).

«Сообщаю тебе о моей радости. Я уже не нуждаюсь в теплой одежде. Ничего мне высылать не нужно. Нас одели с головы до ног. Сейчас мы не боимся никаких морозов. Еще больше будем громить немцев. Благодарим наше мудрое правительство во главе с любимым Сталиным, который заботится о нас, фронтовиках...» (отправитель Самсонов А.К., 812 ППС).

«Большое спасибо нашему правительству, партии и народу за заботу о Красной Армии. Помня об этой заботе, о внимании к нам, мы отстаиваем нашу родную землю, детей, отцов, матерей от озверелых фашистов...» (отправитель Манин, 517 отдельный батальон связи).

«Наряду с радостью, меня, кажется, ждет "неприятность" ввиду перспективы получить посылку. Вы, наверное, думаете, что мы вроде проклятых мерзавцев кутаемся от морозов в женские куцавейки, шали и т.д. Знайте, что мы одеты так, что хоть на Северный полюс езжай. На нас ушанки, теплое белье, ватные штаны, телогрейки, валенки, да плюс суконное обмундирование. Из этого можете судить, что Родина о нас заботится не хуже, чем мать родная...» (отправитель Красин, 214 ППС, штаб дивизии).

«Война сегодня — это ожесточенные схватки на снежных равнинах людей уже знающих друг друга, привыкших к взаимным фокусам, не удирающих при виде танка. Люди обозлились, возненавидели врагов всем нутром, до зубного скрежета. Все чаще действуем штыком, молча или со злой матерщиной. Наш русский боец уже глубоко задет за живое и бьется с неимоверной яростью.

Фронт длинный, у немцев уже не хватает сил на всех позициях. На протяжении 10—15 км немцы держатся небольшими изголодавшимися подразделениями... Неподалеку от нас немцы потеряли все и теперь едят собачье мясо. Только быстрота маневров и скорая переброска на машинах жидких резервов дает возможность фашистам парировать удары. Последние дни мы тесним врага. Зима загнала немцев в деревню, одеты они плохо, солдаты устали и панически боятся ночи, непрерывно жгут сараи и дома для освещения территории. На плечах у солдат женские шали, полотенца, тряпье. Хлеба у них не хватает...» (отправитель Кадановский, 545 артиллерийский полк).

Однако среди корреспонденции личного состава частей и соединений имеют место письма отдельных малоустойчивых военнослужащих, в которых выражаются трусость, паникерство, недовольство питанием и обмундированием и со стороны враждебного элемента письма антисоветского содержания.

Так, например:

«Может быть, и Вы уже попали в армию, на очередную мясорубку, она здесь работает полным ходом, только знай поставляй сырье... Кому это нужно, тебе или мне, или каким-то фашистам, которые такие же рабочие, как и мы с тобой. Убивать как кровожадные звери, убивать друг друга самым ужасным способом, уничтожать материальные ценности...

Горько, что люди не могут понять коварный обман и несправедливость, то что их натравляют друг на друга, как диких зверей, во имя благополучия других, которым нужна слава, деньги и т.д., которые недосягаемы простым смертным, и все это делается под маской лжи и фальши, т.е. политики...

Придет время, когда на виновников этих бедствий наши потомки будут показывать пальцем и скажут — вот они, кровожадные звери в образе людей, вот они, людоеды, загубившие ради собственного Я миллионы человеческих жизней» (отправитель В. Дендин, 431 ППС — адреса нет).

Приняты меры к установке Дендина.

«Я Вам, жена моя милая, сообщаю о том, что я пока жив и здоров. А так еще веса у меня было 82 кг, а сейчас и 63-х кг нет. Стал легкий. А ружье никому не давай...

Если есть у тебя на квартире евреи пархатые, гони из хаты гадов, не хотят воевать, а текают дальше в тыл» (отправитель Литвих В.З., 14 ППС, химический эскадрон).

Литвих устанавливается. Одновременно информирован комиссар для проведения с ним беседы.

«Нас немец гнал как стадо овец, а мы бежали без памяти. Родители, если у Вас есть много денег в запасе, так мой совет таков, что денег много не собирайте в запас, не больше 30 рублей, ибо они будут не нужны...» (отправитель Черноиванов, 488 ППС, Отдельная телеграфная стройрота).

Черноиванов устанавливается.

«Питания совершенно нету, каждый день находимся в лесу, в снегу. По двое и трое суток не кушаю, а если дадут, то два маленьких сухаря — 20 грамм на день и кушаю со снегом, потому что воды нет, все время прячемся в лесу от самолетов германских.

В газетах все хвалятся — все для фронта пишут, а на деле на фронте ничего нет, а когда прочитаешь газету, то подумаешь, что на фронте рай, даже надоело смотреть на такую (нецензурно) войну, паршивую жизнь, что делается на фронте страшно смотреть. Больных много, валяются где попало, потому что нет хозяина. Помещений не хватает, кормежка больных плохая, а командиры жрут в три глотки консервы всякие, свинину, хлеб и жареную картошку. Мое положение сейчас очень тяжелое, я забыл уже, когда я спал, все время в движении, на ногах. Я забыл уже, когда хорошо кушал, мы часто бываем в окружении у немцев. Надо прямо сказать, что наши (нецензурно) по уши, а потом нам о плохом не разрешают ни писать, ни говорить, чтобы никто о плохой войне и жизни не знал.

Таких войн еще не было в жизни ни в одном государстве, срам смотреть на хваленую жизнь и войну. Я не дождусь, когда же будет конец такой адской жизни, я все нервы испортил и даже теперь в госпитале не могу спокойно уснуть... Такой паршивой жизни нет ни в одном государстве, как мучаются колхозники без хлеба и пищи. Много хлеба лежит в поле не убранного, на гумнах не молоченного, колхозники говорят — серпами жали, а молотить нечем было, действи-

тельно Америку обогнали — ту, которой совершенно не существует на земле» (отправитель Толкачев, гор. Талдом, госпиталь).

Толкачев устанавливается.

«Жизнь меня не радует, скорее бы убили, наступили холода, ноги болят, ходить невозможно, врачи болезни не признают, говорят, что симулирую...» (отправитель Дементьев, 812 ППС, 792 легкий артиллерийский полк).

«Живем в деревне, все еще обучаемся, скоро пойдем на фронт. Питание очень плохое, все время голодные, табаку не дают, живем без курева...» (отправитель Селезнев, 777 ППС, 114 запасный полк).

«В культурных отношениях живем плохо, газеты даже получаем не аккуратно. По части питания дело обстоит плохо, купить абсолютно ничего невозможно, в части курева живем так же плохо, пачка махорки стоит 20 рублей, водки можно купить по государственной стоимости 34 рубля литр...» (отправитель Батов Н.Н., 364 ППС, 194 отдельный батальон связи).

По фактам отрицательных настроений личного состава ориентированы особые отделы дивизий для дальнейшей агентурной проработки лиц, проявляющих антисоветские настроения.

О настроениях личного состава по материалам Военной цензуры нами систематически информируется Военный совет фронта.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОО НКВД КАЛИНИН[СКОГО] ФРОНТА
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИЩЕПА

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ГАЗЕТУ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»: «СТАЛИНГРАД ВЗЫВАЕТ К МЕСТИ» (1942)[1]

Пятнадцать писем, представленных в разделе, являются частью большого архива откликов (всего 470 писем) на новогоднее обращение газеты «Сталинское знамя», опубликованное 15 декабря 1942 г. Письма хранятся в научном архиве Института российской истории Российской академии наук в Москве (НА ИРИРАН, ф. 2. Раздел III. Опись 5. Дело 60). Это небольшая часть огромной коллекции документов военного времени, собранных Комиссией по истории Великой Отечественной войны, сформированной в декабре 1941 г. с целью сбора документов для последующего создания хроники военных лет. Глава комиссии, профессор Исаак Израилевич Минц, обращал внимание своих сотрудников на то, что собираемые документы должны зафиксировать мысли, чувства и голоса советских людей во время войны. Главным документальным жанром комиссии были стенограммы интервью с командирами и солдатами Красной армии, партизанами, рабочими на военных производствах, а также с советскими гражданами, пережившими оккупацию. Для контекстуализации данных интервью члены комиссии собирали множество других документов — от дневников и фотографий до отчетов политотделов Красной армии и тематически подобранных газетных вырезок военного времени.

Идея Минца создать *histoire totale* войны советского народа так и не воплотилась в жизнь. Идея народной войны, введенная в широкий оборот коммунистическим государством в начальный и самый тяжелый период войны, с течением времени потеряла свою актуальность, и к концу войны основная роль в победе над фашистской Германией приписывалась уже Сталину. В связи с этим стало проблематичным публиковать описания войны, в которых фигурировали тысячи равных ее участников. К тому же антисемитская кампания, захлестнувшая Советский Союз в конце 1940-х гг., затронула Исаака Минца и многих его еврейских коллег, что привело к прекращению работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Только в последние годы ее огромный архив документов военного времени стал доступен для изучения[2].

Йохен Хелльбек

15 декабря 1942 г., редакция газеты «Сталинское знамя»

г. Сталинград, 62-я армия. Бойцу-сталинградцу. От редакции красноармейской газеты «Сталинское знамя»

2193 полевая почта

Товарищ!

Скоро Новый год.

[1] © Институт российской истории РАН

[2] Примечание Йохена Хелльбека, подготовившего данную коллекцию писем к публикации: «Я хочу поблагодарить Юрия Петрова, Сергея Журавлева и Константина Дроздова из Института российской истории РАН за их помощь в предоставлении доступа к данной коллекции военных писем. Я также хочу выразить благодарность Светлане Марковой (Воронеж) за тяжелую работу по набору сложного рукописного текста писем».

Он принесет нам победу. Мы завоюем ее в жестоких боях с проклятым немцем. Мы принесем ее, как сыновий дар, нашей любимой матери-Родине, великому Сталину.

Победа!

Сколь много ты передумал о ней в пылающем городе-герое, имя которого стало символом стойкости, отваги и беззаветной любви к Родине, примером ратного мастерства!

Мы пойдем вперед.

На штыках будем нести святую месть черному врагу. На штыках мы принесем победу. Будет и на нашей улице праздник! Да здравствует Новый, 1943 год — год разгрома гитлеровского государства, его армии, его «нового порядка в Европе».

Напиши нам, товарищ, как ты встречаешь Новый год?

Поделись со своей газетой: что волнует тебя, выскажи свои новогодние пожелания, мечты воина-сталинградца.

Ты прошел сквозь огонь небывалых боев, прошел через самую смерть. Напиши о своем боевом опыте, о тех приемах, которыми ты бил врага и которые сильно полюбились тебе.

Ты изучил звериные повадки врага. Напиши, как ты был в трех шагах от смерти, и все-таки врагу не удалось тебя одолеть.

Ты создал славу Сталинграду, городу-герою, ты вырос в богатыря. Напиши нам, как научил тебя Сталинград любить и отстаивать Родину, ее честь и свободу, честь и свободу своей семьи. Напиши, как ты выковал в себе чувство боевого содружества с бойцами разных национальностей нашей страны, с которыми ты бил врага.

Напиши о самом дорогом и заветном для тебя, что хотел бы ты, сталинградец, поведать советским людям, встречая Новый год: может, был ты в какой перепалке, что не забудешь ее вовек — напиши; может, ходил ты на лихой штурм дзота, дома, вражьего опорного пункта — напиши; может, был у тебя заветный товарищ и друг, которого сразила вражья пуля, но он оставил тебе наказ — напиши.

Обо всем газета расскажет твоим товарищам — нашим читателям.

Посылаем тебе бумагу с готовым адресом. Сложи ее трехугольником и отдай своему почтальону.

Ждем.

Мы желаем тебе, товарищ, быть здоровым и бодрым, бить врага по-сталинградски.

Мы желаем тебе победы!

Редакция красноармейской газеты

«Сталинское знамя»

Наш адрес:

2193 полевая почта, часть 24.

19 декабря 1942 г., Александр Зайцев

Дзот, в котором находились немцы, был главной опорой для ихней линии обороны, сообщался ходами сообщения, откуда немцы обстреливали улицу

и К.П. батальона, для этого была возложена задача на наш взвод под командованием мл. лейтенанта Крылова, рано утром получили задачу в наступление и в 9 часов дня выдвинулись на исходные рубежи для атаки. Мы выдвинулись с большим успехом, не потеряли со взводом ни одного бойца. Сигнал красная ракета, мы двинулись на блиндаж противника с криком ура и гранатами ворвались в блиндаж. Бой разгорелся в блиндаже, пока бой вело 1-е отделение, где командир отделения был сержант Девяшкин, 2 и 3 отделения двинулись на другой блиндаж командира отделения были сержант Кондращук и боец назначенный командиром отделения Баранов, в этот день наш взвод занял два блиндажа и уничтожил до 15 фрицев. Это первое крещение в Сталинграде. Мы, гвардейцы, дали клятву перед всем советским народом, что в короткий срок все немцы сложат свои головы под грудами города Сталинграда.

Мл. сержант Зайцев

Без даты, Петр Подшивалов

Я ст. сержант Подшивалов Петра Андреевич. Участвовал в бою на защит гор. Сталинграда с 24 августа по 9 сентября 1942 г. Был парторгом своей роты. Не считаясь с опасностью, переползал из одного окопа в другой для бесед с бойцами и коммунистами ободрял их и проводил с ними массово-политическую работу. После переброски нашей части на выполнение другова задания работал по ремонту танков на Сталинградском тракторном заводе. Моя повседневная работа с коммунистами и красноармейцами, помогло выполнять план ремонта на 170%. Завод ежедневно подвергался бомбардировке сотнями немецких самолетов. В огне пожаров мы ремонтировали машины и радовались, когда сверх плана отремонтированный танк уходил в бой бить немецкую сволочь.

Сейчас я работаю командиром отделения по ремонту автомашин. Мое отделение заключило соцдоговор на быстрейший ремонт машин. выполнение соцобязательств будет от меня лучшим подарком для нашей матери-родине на быстрейший разгром ненавистного врага. Ст. сержант Подшивалов.

22 декабря 1942 г., Николай Лымарев

В редакцию красноармейской газеты «Сталинское знамя» от красноармейца Лымарева Николая Николаевича

На днях новый 1943 год. Год разгрома гитлеровской нечисти. Я его встречаю в боевой обстановке. Нахожусь в обороне. Я прилаживаю все свои силы, всю энергию, чтобы не дать возможности врагу прорваться в нашу оборону. Засекаю его огневые точки. Распознаем его замыслы. Занимаю должность помкомвзвода. К нам пришло новое пополнение — нацмены, которые не имеют боевого опыта. Я стараюсь объяснить им все обстоятельства обороны. Учу их всему оружию и гранат. Я воспитываю свой взвод так, чтобы громить врага, откуда он бы ни появился, и гнать только вперед. Я заверяю в свои силы и уверенность, что я буду драться до последнего дыхания. И что враг будет разбит. Это мы уверены в своих силы в свою волю, потому что нами руководит Коммунистическая партия партия и вождь тов. Сталин.

22 декабря 1942 г., Татьяна Вытнова

Товарищ редактор, вы прочтите, чтобы я написала о себе все подробности и переживания, какие у меня есть на душе. Я довольна тем, что мне выпал случай открыть свою душу на этом почетном листке.

С самого начала войны я мечтала о том, как можно больше дать пользы родине в эти горячие дни.

Находясь вне армии, мыслею я была с бойцами, работала на оборону не жалея сил, отдавая все, что могла.

Но теперь я не только мыслею живу с бойцами, но живу с ними одной жизнью, живу также в землянке, как и все защитники Сталинграда. Конечно, бывает трудно, тяжело, но это не понижает моего желания и стремления к упорному труду и борьбе.

Наконец-то и на мою долю выпало счастье быть участником в освобождении этого города-героя. Пусть командывание надеятся на меня красноармейку-телефонистку в бесперебойном обеспечении связи. Умру, а связь дам.

Красноармеец телефонистка Вытнова Татьяна Сер.

18 декабря 1942 г., Георгий Матарадзе

Уважаемая редакция

Ответить на все вопросы, которые бы вы хотели, очень трудно. Я хочу сказать только, что враг не пройдет, враг будет бит, я в это твердо верю, и это помогает мне в трудные минуты, а таких трудных минут было не мало. Я раньше работал акробатом в цирке, я силен, ловок и всю свою силу и ловкость я применяю теперь на уничтожение наших врагов — бешеных собак фрицев. Здесь, в городе, носящем имя великого Сталина, я вступил в великую нашу партию и клянусь своей родине, что дело партии и честь родины сейчас — вся моя жизнь и все мои мысли, все желания и стремления не отделимы от жизни родины. Так я хочу коротко рассказать о том, как я бил врага за город Сталинграда; десяток раз я ходил штурмовать дома и улицы и наступлении по отдельном вражеского опорного пункта, всегда мы выходили победителями. Моя любими оружии, которое действуют без отказно при штурмовке вражеского дома и блиндажей, — это гранаты «эф 1» и трехлинейный русский винтовок. На своем боевом счету имею 17 истребленных фрицев. За отвагу и доблести, проявленных мной при выполнении боевых задании в борьбе с немецкими захватчиками, меня командования представленно к правительственной награде.

С приветом гвардия кр-ца Матарадзе Георгий А [нрзб.]

24 декабря 1942 г., старшина Ерин

Мой опыт

В исходе боя играет большую роль старшина роты. Своевременная доставка боезапаса, продовольствия, обмундирования все зависит от старшины роты. Я, например, работаю старшиной роты с 11 ноября 1942 г. На протяжении всей своей работы бойцы моей роты в любых условиях получают горячую пищу два раза в сутки.

Автолитография С.С. Боима, 1943 г.

Ежедневно я беседую с бойцами о их нуждах, которые в моих силах устраняю их на месте, и через вышестоящее командование.

Не было ниодного случая, чтобы рота была без боезапасов. Боезапасы доставляются своевременно, несмотря на огонь противника, на передовую линию огня. Старшина роты Ерин.

21 декабря 1942 г., Махаил Талипов

Три с лишним месяца я стою по защите города Сталинграда. За это время я несколько раз ходил штурмовать дома и дзоты, где сидел немец, выбивая их с нашей земли. Я стрелок вместе с моими боевыми товарищами рука об руку ходил на штурм зданий занятые немцами и успешно их уничтожали. Новый 1943 год я встречаю усилением своей бдительности стоя на боевом посту. Я даю свое комсомольское слово, что еще лучше бить врага, чтобы в 1943 году окончательно разгромить врага, порукой этому служит наша возрастающая мощь славной Красной Армии, которой руководит наш полководец тов. Сталин. Я пишу 21 декабря в годовщину дня рождения Сталина, с его именем связана наша победа над коварным врагом.

Талипов

Без даты, Михаил Юрин

Тов. редактор.

Я молодой воин, но я уже имею на своем счету 148 фрицев, подавлено и уничтожено 6 рот минометов, 3 ст. пулемета и разбил 5 блиндажей, все это я сделал

Автолитография С.С. Боима, 1943 г.

из своего грозного оружия минамета. Мой расчет минометчиков где я командир, потерял лучшего бойца — татарина тов. Дельмухаметова, мы поклянемся отомстить за смерть нашего товарища и приходя к новому году увеличим свой счет и из своего миномета. Не дам проклятым «фрицам» уйти из Сталинграда, чтобы они знали, что они имеют дело с 62 армией.

Сержант Юрин

21 декабря 1942 г., Яков Черномаз

Я сын украиньского народа.

Уже два месяца, как я нахожусь на самом ответственном участке фронта. Этот участок и есть город Сталинград. Я не жалею своей силы и самой жизни за освобождение города Сталина.

Я истребляю немецких захватчиков беспощадно, я мщу гадам за свою родину, за своих близких украинцев, за братьев и сестер, за свою семю.

Я на сегодняшний день, на своем лицевом щету имею 30 истребленных гитлеровцев, но на этом я не остановлюсь. Я буду мстить гадам за те изругательства, которые они делали и делают на нашей земле. Я отомщу за кровь своево боевого друга, с которым меня разлучила вражеская пуля.

Я в честь нового года матери-родине приношу подарок — 30 истребленных немцев из винтовки и из полемета «Максима», более взвода и с каждым днем увеличиваю лицевой счет.

Черномаз

21 декабря 1942 г., Григорий Кубатько

Привет с гор. Сталинграда,
города-героя, который носит звание великого Сталина.
Поздравляю вас с Новым годом.

Я сержант Кубатько Григорий Павлович, встречаю Новый год с новыми показателями боевого мастерства над заклятыми врагами по истреблению его живой силы и техники. Обязуюсь в новом как побольше истребить гитлеровских мерзавцев.

Прибывши на фронт защиты Сталинграда 27 сентября 1942 года, сразу же пошли в наступление, после этого заняли оборону «Мамаева кургана».

Как немцы ни пытались авиацией танками минометами выбить нас, но все же им не удавалось, откатывались назад с большими потерями, такая ожесточенная схватка длилась около 2-х месяцев. Противник пускал все больше самолетов и танков, но все же не отступили, выполнили долг перед родиной. «Ни шагу назад».

20 сентября 1942 года я попал почти в немецкое кольцо, но все же им не удалось меня взять, вывел с окружения 3 ст пулеметов и 4-х раненых бойцов.

Мое мощное оружие ст. пулемет находятся в полной чистоте и порядке, готовое в любую минуту разить немецких извергов до полного их истребления умелой организацией обороны и умелой маскировкой. Врага никогда не пропустим и даже не допустим до переднего края нашей обороны.

За свое уменье в бою предназначен я к правительственной награде «Медаль за отвагу».

Без даты, Ф.П. Филипов

Я прибыл на Сталинградский фронт 21 октября с/г, где я был зачислен в пульроту, в которой нахожусь и в данный период. За этот промежуток времени мы, и также в целом нашему расчету немало приходилось отбивать контратак фрицев, которые наседали на наши позиции, но мы, не падая духом, подпуская врага, и косили его, не недавая заклятому врагу пощады. Оборона Сталинграда крепкая и не рушима нашего любимого города, который носит имени Сталина. Скоро настанет новый год, этот год будет разгрома немецких окупантов, которые топчут просторы наших полей и городов. За промежуток 1942 года, которого осталось считаные дни, мы еще удвоим и утроим свою боевую мощь. Бьем и будем бить врага еще крепче и беспощаднее, будем мстить фрицам за погибших наших товарищей, которые погибли от пули врага. За одного убитого товарища фрицы недосчитаются десятками своих извергов. Нет пощады врагу, враг будет разбит, не быть врагу на нашей священной земле.

Боец пулеметчик Филипов

Без даты, Николай Мартынов

Смерть немецким оккупантам!

Советский тыл встретит новый год новыми показателями труда, а я встречу новый год победами по разгрому врага. Еще крепче сплотится армия с тылом, выше поднимем знамя Ленина-Сталина — знамя победы над врагом. Несмотря

на сильные коварные методы врага, беспрерывная бомбежка, ружейно-автоматный, минометный, артиллерийский обстрелы, «запуганные Ванюшей», поджог города, бешеная беспрерывная атака немцами города Сталинграда. Ничто не смогло сломить дух защитников Сталинграда. За время пребывания на фронте применял много методов борьбы с фрицами. Мой любимый метод. Когда паны психически бросаются в атаку, а я строчу из «Максима», успокаиваю их, выгоняю им из голов фашистскую дурь. От моих капель успокоилось десятка три немцев навсегда. По приказу командования с пулеметом шел занять передовую позицию. Враг перерезал путь и окружил меня. Кричит: «Русь, сдавайсь». Я начал сдавать, но сдался не сам, а сдал ему пулю в сердце и в лоб, в результате 4 убил, 2 ранены, а остальные панически убежали. Враг меня не одолел. Я как патриот родины выполняю приказ т. Сталина ни шагу назад. Я решил умереть, но с места не сходить. И трупом своим преградить путь врагу. Мы большая националь-сталинская семья. Я вместе с бойцами всех национальностей дружим и врага бьем. Я бы хотел всем тем, кто не участвовал в Сталинградских боях, рассказать о тех горячих кровопролитных боях, в которых участвовал я вместе со всеми защитниками Сталинграда. Героически погиб мл. лейтенант Трофимов. Он мне дал наказ отомстить за его смерть. И я выполнил, убив 18 фрицев. Я мечтаю всю войну пережить и помочь поскорее врага разгромить. Хоть бы как жить и увидать Сталинград, какой он был до разрушения. С его парками культуры, домами отдыха, индустриальными заводами, учебными заведениями и т.д. И я надеюсь, что до этого я доживу, врага разгромить помогу. И мирную счастливую Сталинскую жизнь еще лучшую построим. С каждым часом и с каждой минутой жду общей победы над врагом.

М. лейтенант Николай Мартынов.

Без даты, Александр Верцанов
Боевой Новый год

Здесь крепко гвардейцы у Волги стоят.
Мы помним, ребята, несчастный тот год,
Когда начиналась война.
Что Гитлер проклятый нас в бойню зовет,
Войны не хотела страна.
И Гитлер кровавый войну навязал.
Сказал: я хочу Украину, хочу Кавказ я,
Хлеба, бензину, угля я хочу.
Фашистам сказал и хлынул волной на Россию.
Он танков большую колонну пустил,
Хотел всю страну захватить.
Самолеты и танки пустил,
Своих успехов достиг.
Сейчас он, зверюга, залез в Сталинград,
Хотел он и к Волге. Пришел,
Но, встретив гвардейцев, вернулся назад,

Теряя все больше фашистов в пути.
Все танки пошли за родную страну,
Пошли за родной Сталинград.
Фашистам уж теперь не вернуться назад,
Найдут здесь могилу свою.
Ты помни, товарищ, что советский народ
Повсюду победы добьется.

А там [в] родную страну не вернется.

Как меня научил Сталинград ненавидить немцев проклятых гад. [слово не читается] гитлеровцев в Сталинград. Я в нем проездил и любовался долго его красотой, эх, сколько красивых многоэтажных домов стояло в городе. А сколько громадных заводов было в нем, и слава о нем гремела по всей стране. Проездом месяца за четыре до наступления немцев в Сталинград я как будто бы в последний раз любовался городом, но вот 17 сентября мы приехали защищать родной город. И как только увидел я город, я не узнал его — одни разваленные стены остались, нет красивых зданий, которые я видел за четыре месяца назад. Где это все девалось — это все Гитлер разрушил, это он город превратил в развалины, груду земли, это он, проклятый, все здания разрушил, это дело рук кровавых гитлеровцев. Нет и не будет пощады проклятым фашистам, отомстим за родной город, за родную страну немцу.

Мы помним, ребята, несчастный тот год,
Когда началась война.
Что Гитлер кровавый нас в бойню зовет,
Войны не хотела страна.
А немец проклятой войны сказал:
Я хочу Украину, хлеба хочу,
Нефти бензину мне надо,
Кавказ прихвачу.

Мы встретили гитлеровцев пулей, и гитлеровцы в Берлин когти он рвать. Наелись хлеба, напились крови и здесь Волгу-могилу нашли.

Гвардии сержант Верцанов

Без даты, группа красноармейцев

15 сентября 1942 года — эта дата на всю жизнь врезалась в память. Н-ская гв. Часть, которой командует гв. генерал майор тов. Радимцев, высадилась на правый берег Волги и штурмом, невзирая на свист, шум, стрекот пулеметов, разрывы снарядов и мин, бомбежки с воздуха, заняли указанные рубежи, преградив гитлеровской своре путь к Волге, а следовательно, к нашим центральным центрам. В первой схватке с численно превосходящим противником был ранен командир в-да гв. ст. л-т Мельников. Командование взводом принял на себя замполитрука Смирнов-Баскаков. И вспомнились тогда годы учебы в мирной обстановке и большой боевой опыт, накопленный в ходе боев Отечественной войны, глубокая ненависть и жажда мести за своего к-ра, за поруганную честь жен наших и сестер, за убийство отцов и матерей, за растление тела детей, за землю родную нашу, за исковерканное счастье, за все злодеяния, творимые фашистскими мерзавцами, взывали к мщению, помогали ему командовать и управлять

боем. И вот три с лишним месяца взвод бронебойщиков, находясь на самых ответственных участках обороны, беспощадно громят и уничтожают живую силу и технику врага. В одном из пунктов обороны, где горсточка храбрецов, выполняя приказ ни шагу назад и свято храня гвардейскую честь, без слов понимали друг друга. Стаи фашистских стервятников, кружась над объектами нашей обороны, сбрасывая сотни тонн смертельного груза, пытались выбить гвардейцев, и когда вражеская пехота пыталась овладеть нашими опорными пунктами, появившись как из недр здания гв. войны богатыри земли русской, и все попытки врага захватить наши рубежи оказались безуспешными. Тогда враг пустил танки. Шесть бронированных чудовищ, изрыгая снаряды и скрежетая гусеницами, стали подходить к нашим смельчакам, но не успели они развернуться, как два из них, пораженные меткими выстрелами гвардейцев, были подбиты. Остальные не рискнули принять бой и, подхватив на буксир пылающих своих коллег, убрались восвояси. Горстка храбрецов вышла победителями в неравной борьбе. Следующий случай высокого мастерства показали бронебойщики в стрельбе по высотным целям. Устроившись на специальных установках, бойцы быстро овладели стрельбой по самолетам, которые беспрерывными залпами и сбрасыванием своего смертельного груза потрясали весь заводской район, вызывая яростный гнев наших бронебойщиков. Первым открыл счет гв. мл. с-нт Габузов Петр. Когда группа воздушных пиратов шла на очередной залет, Габузов, точно определив расстояние и взяв упреждение, двумя выстрелами из бронебойки поджег Ю-87. Охваченный пламенем, он с гамом полетел вниз, увлекая за собой весь экипаж, нашедший себе смерть от метких пуль наших бойцов. Второй пират Ю-87 был подбит гв. с-том Сапелкиным, и третий стервятник был пронзен ненавистью и умением опять Петра Габузова. Много замечательных гв. войны, закалившись в борьбе, совершенствуя приемы боя и его маневренность, овладев техникой стрельбы, бойцы с каждым днем увеличивали счет истреблений силы и техники врага. Всем известные имена Габузова, Сапелкина, кроме вышенаписанного, имеют: Габузов Петр, уничтоживший 2 огневых точки (пулемет) и истребитель, 9 нем. солдат и одного офицера. Гв. с-нт Сапелкин: 5 огневых точки, 11 немецких солдат. Гв. мл. с-т Куперман уничтожил 2 огневых точки и 8 фрицев, с-нт Беляков, гв. к-ц Понамарев и др. тов., все они награждены значками отличников, представлены к правительственной награде, награждены орденами и медалями. Особым уважением среди бойцов и ком. пользуется снайпер ст. с-нт Луприна. Он являет из себя образец храбрости и мужества и боевой выучки. Круглые сутки, не зная усталости и сна, он в каждом расчете оборудовал дзоты, и бойцы спокойно и уверенно ведут огонь по вражеским целям. Тов. Луприна на своем боевом счету имеет 32-х истребленных немцев, 6 огневых точек противника. Находясь постоянно с бойцами, он передает свой боевой опыт товарищам. Тов. Луприна награжден правит. наградой медаль за отвагу.

Проходит 1942 г. Много славных страниц внесется в историю борьбы нашего народа за свое освобождение. И самый яркой из них будет о защите города носящего имя великого Сталина.

Встречая новый 1943 г. бойцы и командиры подразделения заверяют командование правительство весь многомиллионный народ нашей Родины, организатора побед над немецко-фашистскими захватчиками железного наркома

тов. Сталина, что будем достойными сынами нашей Родины. Клянемся ни на шаг не отойти с занимаемых рубежей, беспощадно уничтожать фашистскую нечисть, всеми силами способствовать полному разгрому гитлеровцев в грядущем 1943 году. Мы горды званием гвардейцев и оправдали его, с честью добьемся новых боевых успехов.

Да здравствует новый 1943 г.

Да здравствует наш народ-богатырь, кующий на трудовом фронте вместе с Кр. Ар. победу над врагом.

Да здравствует великая коммунистическая партия большевиков, авангард борьбы за освобождение всего свободолюбивого человечества от коричневой чумы.

Да здравствует любимый мудрый вождь, стратег тов. Сталин.

За новые боевые успехи тов. в 1943 г.

20 декабря 1942 г., А.Е. Одерихин

Письмо

Боевой привет с фронта

Я бывший колхозник кх-за «Большевик» Алтайского края Уч-пристанского р-на села Усть-Чарыш Одерихин А.Е., а в настоящее время я очень рад и доволен всем своим счастливым народом в том, что мне выпала счастливая миссия, мне доверили быть участником на ответственном фронте отстаивать [дальше зачеркнуто цензурой, вероятно «Сталинград»]. С первых дней с прибытием в город, мы с нетерпением ждали встреч с проклятой немчурой, чтобы подарить свои подарки от советского народа, от которых могли они успокоить свои нервы и залечь на отдых на несколько веков довольным, «что побыл хоть на русской земле и посмотрел как нужно жить», и немцам жить и строить нашему счастливому народу в нашей единой светущей стране.

Мы как саперы должны были сначала укрепить свою оборону для того, чтобы поиметь возможность сосредоточить свои силы для сокрушительного удара по врагу. Нам приходилось ставить у врага под носом всякие виды препятствий, где он мог прекрасно нас заметить и обстреливать, но мы благодаря своей осторожности и саперной находчивости могли прекрасно справиться и быть невредимыми, мы помнили и знали, что сзади нас ... [зачеркнуто слово чернилами цензуры] и далее наши светущие города и села, которые, клянемся, никогда не отдадим на поругание озверелым фашистам. Были случаи, когда ставили одно препятствие в 20 м от фашистов и он замечал нас и открывал шквальный огонь и забрасывал гранатами, но мы от поставленной задачи не отступали и выполнили ее с честью. В этот раз тяжело ранило моего товарища Курьянова, мы своевременно оказали ему помощь, но рана была тяжелая, и он в предсмертном слове мне сказал «бейте гада, бейте заклятого немца, не давайте им пощады!» и больше не вымолвил ни одного слова. Мне эти слова запомнятся на всю жизнь, и не дадим немчуре покою ни днем ни ночью, будем гнать его со своей родной земли до тех пор, пока не истребим гадов до последнего, которые посмели войти с оружием на нашу родную землю. На штыках принесем победу и встретим новый год — 1943 год — год разгрома гитлеровского государства, его армии,

его «новых порядков в Европе». И мы вполне с этим справимся, потому что за нами следит весь наш народ и помогает нам громить проклятых фашистов. Он на трудовом фронте кладет все силы на обеспечение Красной армии, и мы прекрасно одеты и обуты и достаточно обеспечены боеприпасами, наше дело только беспощадно громить врага, чтоб 1943 год стал годом полного разгрома немецких оккупантов, а вам, дорогие товарищи, пожелаю для помощи полного разгрома немецких оккупантов шире развернуть свою бдительность на трудовом фронте, усилить выпуск боеприпасов и продукции, больше дать всего необходимого для фронта, победа будет за нами и новый год 1943 год будет годом полного разгрома немецких оккупантов!

Старшина роты сержант Одерихин А.Е.

Прошу редакцию «Сталинское знамя» передать мое письмо в Алтайский край Усть-Пристанский р-н в редакцию «Большевистская Трибуна».

Мой адрес 1691 П.П.С. часть 260 Одерихин А.Е.

Без даты, Дмитрий Якимов

Третий раз я встречаю новый год в условиях войны за свою родину. 1940 год встречал на Карельском перешейке с боях с белофиннами, 1941 год встречал в Закавказье на турецкой границе, 1942 г. в обороне Донбасса, и 1943 г. меня застал в обороне города Сталинграда. Если не выйду из строя раньше, чем наступит 1943 г., то вместе со всем свободным советским народом и нашими женами и матерями ранее оккупированных районов, ныне уже уж освобожденных Красной Армией, буду радостный в том, что под руководством Великого Сталина Красная Армия с каждым днем увеличивает радость тысячам наших людей, освобождая их от фашистского разбоя насилья. 1943 год Советский народ, так же как я, встречаем в момент тяжелой смертельной нам навязанной войны, ну что ж поделаешь, мы войны не хотели, нам ее навязали, и мы встали на защиту нашей Родины, свободы нашей культуры. Я уверен в Победе Советского Союза, что он вместе со всеми народами, желающими мир и свободу, раз и навсегда разгромит фашистскую военную машину. Я верю в Победу Красной Армии, она составлена из костяка прекрасного Советского Трудового народа, предки которого никогда и ни пред кем на колени не вставали и вставать ни пред кем не будут. Я люблю свою Родину, Совецкий Союз, я родился в нем и воспитался, я люблю свою культуру и быт, это мое неотъемлемое, многими годами созданное. Я люблю свой дом, семью, в своей смертельной борьбе за город Сталинград я борюсь за свою социалистическую родину, этой борьбой я продолжу прекрасные традиции Русского народа.

Лей-т Якимов

22 декабря 1942 г., В.К. Никитин

гор. Сталинград

Дорогие товарищи. С первого дня войны я нахожусь на передовой линии, прошел с боями Украину. Везде уничтожая как можно больше немцев.

Киев, Тим, Салты, Оскол, Харьков, Дон, Сталинград. Это пункты, под которыми наиболее упорно приходилось сражаться. Я видел немцев, видел их жад-

ность, их зверства по отношению к моему народу. Видел пожары, устроенные немцами, видел трупы наших советских солдат, взывающих о мести. Все это вселило ненависть к озверелым бандитам Гитлера. 4-й месяц боев в г. Сталинград научился, как драться в уличных боях и побеждать. Сталинград взывает к мести. Развалины его должны для немцев стать могилой.

В Сталинград я был ранен в 3-й раз. После ранения опять возвратился в строй. После ранения на Новый год хочется освободить Сталинград от противного зеленого гада.

Не мешало бы по радио слушать хорошие веселые тексты на русском языке и последние известия, как было 22.12.42 г.

Орденоносец Никитин В.К.

Без даты, Зинюр Тяпаев

Немецкий фашизм вероломно без объявления войны напал на нашу страну. Немцы хотели нас, советских людей, превратить в своих рабов. Советские люди не были и никогда не будут рабами немецких помещиков и богачей.

Со дня начала войны с немцами у меня стала большая ненависть к гитлеровским мерзавцам и их союзникам и стал мстить за пролитую кровь наших бойцов ни в чем не повинных мирных наших людей. В этот грозный час ... [дальше не читается одно предложение] Работая наводчиком грозного батальонного миномета, наш расчет уничтожил 39 гитлеровских гадов, 3 автомашины с боеприпасами. 2 блиндажа, станковый пулемет и миномет противника.

Кроме выше указанного мой расчет 1/X 1942 уничтожено до 20 фрицев, 2 ручных пулемета.

Вот чем встречаю Новый 1943 год и буду беспощадно уничтожать гитлеровских кровавых собак и их технику до тех пор, пока ни один из гитлеровских мерзавцев будет на нашей священной советской земле.

24 декабря 1942 г., Александр Захаров

Здравствуйте, дорогие товарищи, редакция красноармейской газеты «Сталинское знамя»! Поздравляю вас с новым 1943 г. Уважаемая редакция, ваше письмо сильно взволновало меня и еще раз показало, с какой любовью и вниманием относится к нам, защитникам Сталинграда, наша родная большевистская партия. Такое письмо в ответ в кровь мою еще больше ненависти к заклятому врагу и безграничную любовь к нашей великой родине защитников Сталинграда, оно зовет на новые подвиги быстрейший разгром фашистских грабителей, пришедших сюда к твердыне города-героя.

Я, минометчик минометного подразделения, где командиром старший лейтенант т. Антонов, имею на своем счету только за 18.12.42 г. уничтоженных около 10 гитлеровцев, и кроме этого разбиты три блиндажа с огневыми точками противника. Свой счет в дальнейшем я буду умножать до тех пор, пока не будет очищена наша священная земля от поганой немецкой мрази.

Свое оружие я люблю и с большой заботой и вниманием ухаживаю за ним, чтобы это грозное оружие миномет не отказал в решающие минуты боя, не отказал мне в стрельбе.

Я неплохо изучил свой миномет и на этом знании не ограничиваюсь и упорно добиваюсь овладением в совершенстве этим грозным для врага оружием.

Обещаю вам уважаемая редакция лично дорогому Наркому тов. Сталину бить врага беспощадно пока в груди моей бьется сердце.

С комсомольским приветом кр-флотец Александр Захаров

23 декабря 1942 г., Кирилл Золотарев

Золотарев Кирил Иванович, 1913 год рождения

1941 год, под Харковом в первый раз я вступил в бой. Был минометчиком, сердце мое билось в груди, но мечта не выходила из головы, как бы больше поразить врага, и чтобы каждый выстрел попадал только в цель. В этом бою немало я положил немецких гадов и потом был ранен в ногу пулей, и здесь же на поле боя мне оказали помощь и направили в госпиталь. Ранен был под Харьковом, 30 километров. В госпитале я пролежал полтора месяца, вылечили рану и отдохнул, и снова направили в часть, где я снова вступал в бой в городе Октябрьском. Два раза я был в боях, на третий раз я был ранен и снова попал в госпиталь, пролежал 2 недели и снова попал в часть 92 бригады, и сейчас я готов в любую секунду вступить в бой для уничтожения гитлеровских гадов. Я честно выполняю все задания командиров.

Да здравствует 1943 г., год разгрома гитлеровских гадов. Бить врага крепче мести, не давая ему опомнится.

Золотарев

20 декабря 1942 г., Иван Саргов

т. Редактор

Благодарю за поздравление с новым годом и за хорошие бодрые пожелания. ...[слово не читается] опишу о себе.

Я хакасс по национальности. В армии с 1940 года, на фронтах Отечественной войны с февраля 1941 г. Воевал в Крыму, на подступах Сталинграда и теперь участвую в освобождении Сталинграда. Здесь я защищаю от гитлеровских мерзавцев мой хакасский народ от посикательство [sic.] на независимость всего всего русского народа и других национальностей.

В Сталинграде в районе завода Баррикады с 10 октября 1942 года много пришлось пережить. Иногда были очень тяжолые моменты, под натиском превосходящих сил приходилось отступать.

Но настал час расплаты, теперь и на нашей улице праздник. Мы бойцы верили в свои силы и ясно представляли, что Сталинград останется советским, и если врагу приходилось захватить дом, то лишь только потому, что в этом доме не было ни одного живого бойца.

Я все время нахожусь среди русских, среди украинцев, армян и бойцов других национальностей, и все они мне дороги, как братья. Мы оказываем друг другу помощь, чем можно выручаем друг друга в бою, и никто из нас не чувствует национального различия. Тяжолые дни и жаркие бои сроднили нас как никогда в одну единую семью.

Старшина роты

Без даты, Тауфик Галеев

Уважаемая редакция!

Я как воин и великий защитник г. Сталинграда в честь новогоднего пожелания шлю вам свой боевой гвардейский фронтовой привет. Находясь в огне пламя пожаров, я не покидал надежду, что враг будет остановлен у стен Сталинграда. Я знал, что для нас, гвардейцев, нет земли за Волгой. Я давал все свои силы, стойкость, мужество для того, чтобы остановить врага. В Сталинграде эту задачу, которую возлагал на меня великий советский народ, я выполнил! Я не дрогнул перед лицом опасности. Я каких-либо не был в переплетах. Я стоял стойко и уверенно, что победа будет за нами! И, находясь здесь, меня одно волнует. Чтобы скорее разгромить ненавистного врага — немецкого фашизма.

Работая на фронте связистом, я отдавал все силы для того, чтобы обеспечить командование бесперебойной связью.

Я знаю, что связь в Красной армии является основным нервом вождении войск, и без которой нельзя достигнуть победы.

В честь новогоднего пожелания я как великий защитник Сталинграда обязуюсь всю силы и энергию отдавать для того, чтобы 1943 год стал годом окончательного разгрома немецкой орды, и прошу вас передать моим боевым товарищам по оружию мой гвардейский фронтовой сталинградский привет!

Гвардии сержант Галеев

ПИСЬМА ФРОНТОВИКОВ В ГАЗЕТУ «СЕРДАЛО»: «МЫ НЕ ПОЖАЛЕЕМ НИ СИЛ, НИ КРОВИ, НИ ДУШИ» (1941–1942)

В данной подборке приводятся письма, написанные в ингушскую газету «Сердало» («Свет») в начале Великой Отечественной войны.

Мухарбек Газиевич Арсамаков родился в 1909 г. в селе Ангушт Владикавказского округа Терской области (с 1944 г. — селение Тарское Пригородного района Северо-Осетинской АССР). Капитан. Служил в разведке.

Батарбек Мухтарович Льянов родился в 1919 г. (по другим данным — в 1920; 1921) в селе Яндиево Владикавказского округа Терской советской республики (с 1944 г. — селение Дачное Пригородного района Северо-Осетинской АССР). В феврале 1940 г. был призван в ряды Красной армии, зачислен курсантом 2-го Орджоникидзевского пехотного училища. После окончания училища в звании лейтенанта (приказ НКО № 00270 от 10 июня 1941 г.) назначен командиром 279-го стрелкового полка Киевского особого военного округа. В декабре 1941 г. пропал без вести.

Жабраил Костоев родился в селе Экажево Назрановского округа Терской советской республики (ныне — Республика Ингушетия). Офицер Красной Армии. Участник битвы на Курской дуге.

Июль 1941 г., Мухарбек Арсамаков

Здравствуйте, дорогие призывники, военнообязанные, колхозники и колхозницы!

Фашистская Германия вероломно напала на нашу великую Родину, хотя мы хотим жить мирно.

Наш единый многомиллионный народ, красноармейцы, командиры, многие другие, не щадя своей силы, энергии, мужества, будут бить врага, и мы его победим.

Мы еще сильнее сплотимся вокруг нашей великой партии и великого вождя Сталина, а когда партия и правительство призовут нас, будем беспощадно бить врага за нашу великую Родину.

Все должны, каждый на своем месте, работать лучше, чем раньше. Этим мы укрепим нашу Красную Армию, этим мы укрепим нашу обороноспособность.

Товарищи призывники, военнообязанные, я призываю вас, как сынов нашей великой социалистической Родины, с чистыми сердцами, с уверенностью, что враг скоро будет разбит, идти в Красную Армию. Отлично овладевать доверенным вам оружием, добросовестно исполнять возложенные на вас обязанности, крепить военную дисциплину во всем.

Не щадите своей жизни за дело рабочего класса, бейте врага до полной победы.

В борьбе с врагом берите пример с продолжателя далее Маркса-Энгельса-Ленина нашего великого вождя тов. Сталина.

Товарищи рабочие, колхозники, служащие, добросовестный труд — обязанность каждого гражданина страны социализма. Работайте на колхозных полях по-большевистски, собирайте урожай зерна без единой потери.

Германские фашисты будут разбиты, а в наших городах и селах будет процветать мирная жизнь.

Единственная в мире Красная Армия охраняет мирную жизнь трудящихся Советского Союза и великую социалистическую Родину.

В Красной Армии есть любимые всем миром бойцы-герои и командиры. В этой войне Красная Армия покажет удивительное мужество и героизм, свою любовь к нашему великому вождю товарищу Сталину.

Русский народ никогда не проигрывал, он всегда побеждал.

Гитлеровские бандиты должны помнить, что их ждет участь Деникина и Врангеля. Да здравствует многомиллионный Советский Союз!

Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин!

Мухарбек Арсамаков,
младший политрук

1 сентября 1941 г., группа красноармейцев

Здравствуйте, дорогие Льянов Бибот Мухтарович и Губати Гинартковна! Командиры, политработники, солдаты Н-ского подразделения Красной Армии, ведущие борьбу против немецкого фашизма за честь и свободу любимой Родины, шлют Вам фронтовой привет! От чистой души благодарим Вас за воспитание сына Батарбека, который в борьбе против дикого фашизма за честь нашей Родины, за победу нашего свободолюбивого народа воевал как настоящий патриот, как и должен воевать преемник ленинско-сталинского комсомола, проявив себя бесстрашным командиром.

Ваш сын, по приказу командования, в августе, со своим подразделением провел операцию по уничтожению врага, превосходящего по количеству и вооружению.

Он разгромил штаб немецкой части, доставил ценные документы, а на поле битвы оставил свыше 200 убитых и раненых немецких солдат, уничтожил 3 танкетки, 4 автомашины с боеприпасами и захватил в плен 13 человек.

Однако Родина ждет от нас новых подвигов, ждет нанесения сильнейшего удара по врагу.

Мы били и будем бить бесстрашно фашистов оружием, которым располагают советские силы, били и будем бить в открытой войне, применяя всю нашу военную тактику и проявляя человеческую смекалку.

Солдаты Красной Армии так же, как и Вы, любят свою Родину, свой народ и своего отца и друга Сталина, который из той же плоти и крови, что и они.

На один вражеский удар мы отвечаем тройным ударом.

Сколько бы усилий ни приложили фашистские разбойники, сколько бы выступали против нас со своими полчищами, все равно с позором покинут они Советские земли.

Ради победы над фашистскими захватчиками мы не пожалеем ни сил, ни крови, ни души.

Мы верим, что победу в этой войне солдаты, командиры, политработники завоюют, каждый день и каждый час проявляя мужество и героизм.

Общими силами обеспечим победу над врагом.

Фронт и тыл — наша общая сила!

Укрепим связь между фронтом и тылом!

Вступайте в ряды народных ополченцев!

Боритесь за новые победы на трудовом фронте!

Все силы — против фашистских бандитов!

Мы за правое дело — и мы победим!

Да здравствует Родина!

Командир полка Н. Мешков
Военный комиссар полка А. Андриенко
Секретарь партбюро Буглак
Секретарь бюро КСМ Сайчанов

Январь 1942 г., Жабраил Костоев

Приветствую тебя, отец,

сообщаю вам, что я здоров, также и вам желаю здоровья. Служу я хорошо, у командования я пользуюсь уважением, поэтому меня назначили политруком. Командование многократно выносило мне благодарность за образцовое выполнение боевых задач, но на фронте мало одной благодарности, я обязан заслужить правительственную награду или погибнуть, день и ночь неустанно истребляя немецких захватчиков. Наша цель — полностью уничтожить немецких оккупантов.

Отец, я никогда не забуду твой наказ, данный мне перед отправкой в Красную Армию. Ты сказал: «Будь храбрым, не осрамись перед своими товарищами!» Обещаю тебе, что твое наставление выполню полностью, как того ждут советские люди.

В конце своего письма обещаю вам, что не щадя ни своей крови, ни жизни буду бороться с немецкими варварами.

Жабраил Костоев,
политрук действующей армии.

Перевод с ингушского языка Магомеда Матиева и Тамары Костоевой

ПИСЬМА КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ГАЗЕТУ «СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ»: «ЗАПАД ГОРИТ. ПУСТЬ НАС ОСВЕЩАЕТ ПОЖАР» (1941, 1943)

Ниже представлены письма, присланные в годы войны жителями Киргизской ССР в газету «Советская Киргизия».

27 июля 1941 г., Леонид Покрас

Добрый день, мои дорогие папа и мама! Вот и война. Вот и Ваш сын испытал, что такое современная война! Был в бою. Уже понюхал, как говорится, пороху.

В ту ночь я стоял на посту. Было уже под утро. Вдруг воздух наполнился ужасным грохотом и свистом. На нас обрушились бомбы. На моих глазах разлетелось здание. Тут мы поняли — фашисты нарушили договор. Негодованию бойцов не было границ. Но, несмотря на то что мы не ожидали нападения, мы не растерялись. Командование отдало приказ, и мы выступили в бой. Так я и мои молодые друзья получили первое боевое крещение. Эх и жарко же было фашистам от наших пуль!

Папа! Хочу поделиться с тобой большой радостью — накануне этих событий меня приняли в ряды Ленинского комсомола. В первый бой я шел уже комсомольцем.

Писем от меня особенно много не ждите. Здесь мало свободного времени. Будьте готовы ко всему. Но верьте, — если я паду, то паду геройской смертью, как это и подобает красному воину, так что Вам не стыдно будет за своего сына.

Крепитесь там, работайте самоотверженно. Верьте, Ваш сын не будет трусом. Да и можно ли трусить, когда защищаешь Родину-мать, когда защищаешь своих родных и близких?

Привет всем. Ваш Леонид

29 июля 1941 г., Алексей Сидельников

Здравствуйте, дорогие папа, мама, Володя и Верочка!

22 июня оголтелая банда фашистов напала на наши священные рубежи. С чувством глубокого негодования я, как и весь наш многомиллионный народ, встретил это сообщение. Мы, курсанты-летчики, до крайности возмущены этим неслыханным в истории человечества нападением. Война эта по своим размерам превышает все большие войны. В конечном итоге в каждой войне есть победители и побежденные. Нет сомнения, что в данной войне победителем будет советский народ. Фашизм на краю гибели. Стереть с лица земли фашизм — наша боевая задача сегодняшнего дня.

Великий русский народ не раз на поле брани защищал свою независимость, побеждал врагов. Он выйдет победителем и в этой войне.

Армию вообще можно победить, но нельзя победить Красную Армию, так как это армия народа.

В данный период, в период Великой Отечественной войны, перед нами всеми стоят исторические по своей важности задачи. Я прошу Вас, папа, мама, Володя и Верочка, соблюдайте полное спокойствие, принимайте активное участие в мероприятиях, проводимых партией и правительством, и боритесь в тылу за производственные победы. Мы победим — наше дело правое, но, чтобы победить с наименьшей затратой человеческих жизней, материальных средств, нужна четкость, организованность и сплоченность всего нашего многомиллионного народа.

В рядах героической доблестной Красной Армии находятся три Ваших сына. Вы, папа и мама, должны гордиться этим, а мы не заставим Вас краснеть за себя. Мы с честью и доблестью выполним поставленные перед нами боевые задачи.

Ваш сын и брат Алексей Сидельников

8 августа 1941 г., Анварбек Милушев

Здравствуйте, уважаемые папа, мама, братья — Равиль и Райхат и сестра Юлниса!

Извините меня, что я долгое время ничего не писал. Причина Вам, конечно, известна. Пришлось сражаться с гитлеровскими бандитами. Непрошеных «гостей» бьем так, что им становится не по себе.

Спешу поделиться с Вами моими радостями. Наша партийная организация приняла меня в ряды ВКП(б). Правительство наградило меня орденом Красной Звезды. Даю большевистское слово Вам, мои родные, что в ответ на высокую награду буду еще с большей силой уничтожать ненавистного всем врага.

Будьте здоровы. Трудитесь честно. Верьте — победа будет за нами. Не обижайтесь, что мало пишу. Привет всем моим друзьям и знакомым.

До свидания. До скорого свидания.

Ваш сын Анварбек

10 августа 1941 г., семья Милушевых

Здравствуй, сыночек наш Анварбек!

Получили мы твое письмо, которое нас очень обрадовало. Поздравляем тебя с высокой наградой — орденом Красной Звезды. Мы все гордимся тобой тем, что наш сын и брат крепко бьет фашистских головорезов. Желаем тебе и в дальнейшем таких же успехов. Неослабно бей фашистскую гадину. Пусть им не будет места на земле. Мы уверены, что эта гадина будет уничтожена. Наша доблестная Красная Армия разгромит фашистскую банду.

Все мы живы, здоровы и желаем тебе еще больших подвигов и скорого возвращения домой с полной победой.

Дорогой Анварбек, добивай фашистскую ползучую гадину и возвращайся снова строить нашу счастливую жизнь.

Твои отец, мать, сестра и братья

8 августа 1941 г., Борис Тарасов

Добрый день, дорогие папа, мама, Володя и бабушка!

Спешу уведомить, что жив и здоров. Простите за долгое молчание. Причины, конечно, понятны. Сейчас идет жестокая битва с фашистскими извергами, полк в движении, в частых атаках. Откровенно говоря, некогда писать.

Наши красные части бьются с невиданной отвагой и наносят врагу жестокие удары. Мне не раз приходилось видеть тысячи уничтоженных фашистских солдат и офицеров, сотни исковерканных вражеских танков, оставленных на полях сражений. Каждый день на любом участке фронта можно наблюдать проявления героизма и бесстрашия наших бойцов.

О нас не беспокойтесь. Мы — танкисты, а наши танки сделаны советскими людьми. Мы иной раз по 8—10 раз ходим в атаку и в большинстве случаев возвращаемся без единой потери. Наши танки одеты в такую стальную броню, что их почти невозможно пробить. На таких машинах мы не пропадем. Ну, а если и придется отдать жизнь за Родину, то это дорого обойдется врагу.

Сегодня у меня один из самых замечательных дней в жизни. Я вступаю в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Сегодня, 16 июля, в 18 час., партийная организация будет принимать меня в члены партии.

Очень бы хотелось повидать Вас всех. Представляю, какая сейчас красота в нашем саду.

Передайте привет Лине, Виктору Ивановичу и их малышу. Привет всем друзьям и знакомым.

Мы ни в чем не нуждаемся, посылок и денег не переводите. Шлите письма. Письмам всегда рад.

Как увижу Ипполита и Сашу, заставлю их написать Вам письмо. Пусть урвут минутку и поделятся своей боевой жизнью.

Крепко обнимаю и целую Вас, мои дорогие.

Ваш сын Борис Тарасов

14 сентября 1941 г., группа студентов Киргизского государственного медицинского института — летчикам Д. Тенизбаеву и М. Джаисеркееву

Привет Вам, дорогие друзья Джолдалы и Мукамбет!

Мы гордимся Вами, наши славные соколы. Мы гордимся, что Вы вместе со всеми бойцами Красной Армии и Военно-Морского Флота уничтожаете заклятого врага человечества.

Мы помним те дни, когда Вы были здесь, учились, мастерили модели, посещали аэроклуб. Мы помним те дни, когда Джолдалы Тенизбаев радостный и взволнованный приехал из Москвы, где на всесоюзных состязаниях моделистов его модель заняла одно из первых мест. Это было так недавно и вместе с тем так давно. За эти два-три года мы все выросли и возмужали. Вы стали летчиками-истребителями, мы — студентками медицинского института. Всех нас, киргизских юношей и девушек, воспитала партия Ленина. Она дала нам все лучшее, что может иметь человек: свободу, счастье, радость жизни. И вот сейчас, в дни, когда нашей стране угрожает смертельная опасность, Вы на своих быстрокрылых самолетах уничтожаете фашистских палачей, протянувших свои хищные лапы к нашей любимой Родине.

Мы говорим Вам одно: беспощадно, не жалея себя и своей жизни, уничтожайте гитлеровских насильников, бейте их, проклятых, до победного конца, а если будет надо — мы придем к Вам на помощь.

Токтосун Сулайманова, Джумаш Мамутова, Кульджамила Молдокулова, Занит Чодонбаева

29 мая 1943 г., В. Арлашин

Здравствуйте, дорогие!

Не знаю, сумею ли я передать Вам все то, что я увидел и услышал за последние 15—20 дней.

Большая смоленская земля передо мной. На много километров видны ее просторы, поросшие лесом. Родные мои, это такая же местность, как наша деревня на Оке. Такие же леса, поля. Такое же небо, воздух. И все до слез родное, русское. И в сожженной деревне, где остался один дом из 30, я вижу нашу деревню.

Вот представьте: на месте домиков сейчас дымящиеся развалины. Только вчера еще здесь был немец. И около каждого пепелища — дети, старики. Они ищут то, что оставил им пожар. Выкапывают в горящих углях мелкую картошку, бережно ссыпают ее, уносят или тут же варят.

Около каждого пепелища слышен плач. Это плачут от голода дети и от горя — взрослые. Несколько дней они скрывались в лесах. В редких деревнях мы видим мужчин от 15 до 50 лет, их угнали в Германию. Некоторые, правда, сумели бежать.

По-моему, редко плачут старики. А я вот видел, как два старика заливались слезами. Старые уже, поседевшие, худые они подошли к нам и рассказали, что на глазах у них совсем недавно убили их дочерей, а сыновей угнали в рабство. И знаете, дорогие, у меня тоже слезы текли.

Мы входили в старый русский город, в котором 8 церквей. Этот город разрушен до основания. Каждый дом развален или сожжен. Из тысячи с лишним домов не осталось ни одного. Ни одного!

Навстречу нам выбегали оставшиеся жители. Они падали на колени, старухи крестили нас, молодые целовали нас и все, все плакали.

Что он делал на этой земле? Вот я пишу это письмо из единственного уцелевшего дома деревни, где мы остановились. В этом доме десятка полтора малых ребят. Старик мне рассказал, что немец все забрал. Все — дочиста. И у них не осталось ничего, кроме двух кошек да мелкой картошки. Ели клевер, лебеду, вообще все, только не хлеб.

А вчера, когда мы входили в эту деревню, немецкий самолет сбросил бомбы. Сбросил их в дом и разнес его в щепки. Убил мать семерых детей. Старшему — 12 лет. И вот ужас — дети собирали куски своей матери... Не знаю, чье сердце устоит перед такой картиной!

Это не все. Надо бы еще писать и писать.

Я себя чувствую хорошо. Много пройдено. Осталось позади несколько городов. Впереди — самый большой. Несмотря ни на что, мы горим желанием идти только вперед и вперед.

Месть и ненависть переполняют наши сердца.

Запад горит. Пусть нас освещают пожары. Вчера вечером дым от пожаров застилал солнце. Высоко поднимался он. Горели сотни деревень.

Но ничего, — мы отомстим, мои дорогие. Мы за все расплатимся с немцами!

Гвардии лейтенант В. Арлашин

Марлен Давиташвили: «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРИВЕТ, МОИ ЛЮБИМЫЕ РОДИТЕЛИ» (1943)

Марлен Иванович Давиташвили родился в Тбилиси в 1924 г. Погиб во время битвы за Днепр 20 октября 1943 г. Похоронен в селе Студенец (Киевская, сейчас Черкасская область Украины). Тетрадь с переписанными письмами сына прислала в Государственный архив Краснодарского края его мать И.З. Давиташвили. Они находятся в коллекции писем и личных документов Епистинии Федоровны Степановой, все девять сыновей которой погибли в годы Великой Отечественной войны. Марлен сражался с ее младшим сыном, Александром, награжденым посмертно званием Героя Советского Союза.

19 апреля 1943 г.

Давиташвили И.З.

Привет, любимые и всегда желанные родители! как живете? У меня все хорошо. Мои преданные и уважаемые родители, настал час, когда я должен идти на защиту своего Отечества, что очень меня радует, так как я должен отомстить за единственного брата. Наконец настал час, которого я так долго ждал, и я ринусь на врага. Дорогие мама и папа, за меня не беспокойтесь. Настанет время и я с братом вернемся. За меня не беспокойтесь, я знаю что это трудно для вас, но я должен выполнить свой долг перед Родиной, а ваши слезы ничем не помогут мне. Матушка, как говорится бог милостив и все будет хорошо. Обо мне не беспокойтесь, если даже не получите письма. Ждите. Война кончится, и оба ваших сына вернутся к вам.

До свидании, ваш сын Марлен Иванович Давиташвили.

Не беспокойтесь, вернусь здоровым и невредимым, каким ушел.

16 июня 1943 г.

Многократный привет, мои любимые и всегда желанные родители. Как живете? У меня все хорошо. Беспокоюсь только о вас, так как давно не получал писем от вас и ничего о вас не знаю. Часто вспоминаю второе мая, когда мы виделись в последний раз в Нитарби. Мама мог ли я знать, что так быстро расстанусь с вами. Оказывается, так трудно быть в дали от дома. Сдес нет ни одного грузина, все русские и я говорю по-русски. Хорошо, что я знаю русский язык, это мне помогает. Редко встречаю грузин в кино или на тактических занятиях. Мама, сейчас мы занимаемся ежедневно. Я на тяжелом орудии и так хорошо изучил его, что скоро получу новое звание. Я наводчик, зарплату получаю двойную. На счет ухода на фронт нечего не известно, может придется долго ждать, а так мы готовы.

До свидания, будьте здоровы.

Ваш сын Марлен

25 июня 1943 г.

Комсомольский привет дорогим уважаемым родителям! Приветствую вас с далека, мои дорогие родители! Как живете? Я чувствую себя хорошо.

Любимые мама и папа, мы пока стоим на одном и том же месте. По-моему, до наступления холодов нас не отправят, я точно не знаю.

Почему не пишете мне писем. Вы же знаете, что мне их больше не от кого ждать. Очень прошу, пишите почаще. А если не будете получать писем от меня, не беспокойтесь. Мои любимые родители, я опять артиллерист и к тому же комсомолец. Знаю, это обрадует вас. Что еще написать, будьте здоровы. Обо мне не беспокойтесь, я чувствую себя очень хорошо. Беспокоюсь только о вас. Все время перед глазами то второе мая, когда мы виделись в Нитарби, и меня душат слезы, потом все проходит, хотя тоска все же остается. Что еще писать сам не знаю. Будьте здоровы. До свидания мои любимые, не опаздывайте с письмом. Деньги не присылайте, они мне не нужны. Присылаю вам 200 рублей обратно.

До свидания. Ваш сын Марлен

26 июня 1943 г.

Комсомольский привет уважаемые родители! Привет из далека. Первым долгом желаю вам успехов в жизни и здоровья, а потом 100% исполнения всех ваших желаний. Вас, конечно, интересуют мои дела и дела моего единственного брата Арчила.

В настоящее время я чувствую себя хорошо, будьте уверены, так же хорошо чувствует себя мой брат. Скоро настанет время и уничтожим бешеного врага и мы с гордостью вернемся победители и заживем по-старому хорошо.

Мои дорогие и любимые родители, будьте здоровы. До свидания, ваш сын Марлен

8 августа 1943 г.

Привет, любимые и незабываемые родители. Конечно, вас интересуют мои дела, на что я могу ответить вам так — я выгляжу так же хорошо, как и в Нитарби 2 мая. Очень прошу обо мне не беспокойтесь, скоро настанет час и полностью уничтожим подлых гитлеровских кровопийц. И мы оба брата вернемся дорогие родители, так что об этом не беспокойтесь. Еще прошу часто присылайте письма.

До свидания, будьте здоровы. Ваш сын Марлен

17 августа 1943 г.

Многократный привет, мои любимые и незабываемые родители. Как живете. У меня все хорошо. Возможно, меня пошлют в училище (какое же как в Кировакане). Ждем приказ, как будет точно не известно. Возможно, меня повысят в звании.

Сегодня получил сразу 9 ваших писем, что меня очень обрадовало. Прошу также часто пишите мне, если даже мои письма будут запаздывать.

Мои любимые родители, знаю, что вас беспокоит забота обо мне и брате. Ваше беспокойство нам не поможет, хотя ваше родительское сердце иначе не может, но что поделать надо терпеть. Может быть нам еще года 2 придется не видеться, что получится, если вы все время будете горевать.

Мы должны заботиться о себе, иногда даже должны и радоваться, так пройдет время и мы свидемся. До свидания, ваш сын Марлен Иванович

4 сентября 1943 г.

Коммунистический привет моим дорогим родителям. Как живете, как из ваших писем видно, хорошо. Это меня очень радует и я горжусь этим. Несмотря на то что я пока молод, вместе с моим братом воюю против гитлеровских захватчиков.

Я артелерист и не боюсь не одного вражеского танка, также и мои товарищи. Как только видим вражеский танк, со словами — За Родину! За Сталина! Сразу же выводим вражеский танк из строя. Не представляете себе, как я рад, когда мой снаряд попадает в цель.

Надеюсь, я скоро буду в числе награжденных, что очень обрадует как вас, так и меня. Сейчас мои дорогие родители я чувствую себя хорошо, обо мне не беспокойтесь.

До свидания, ваш сын Марлен Иванович

7 сентября 1943 г.

Коммунистический привет, мои любимые родители. Как живете. Я себя чувствую хорошо. Мои дорогие, сегодня исполнилось 13 месяцев, как я ушел на фронт. Сейчас вспоминаю день отъезда и все стоит перед моими глазами. Но ничего. С каждым днем мы освобождаем сотни деревень и десятки городов Украины от фашистских захватчиков. Скоро настанет день и мы уничтожим немецких кровопийц.

И два ваших сына-победителя вернутся в родную семью. Видили бы вы с какой любовью и похвалой нас встречают в освобожденных местах. Так как мы вернули им жизнь и освободили от гитлеровского гнета. Вскоре также освободим всю Украину тут и думать не о чем, нужна только помощь фронту, стойкость и мужество нашего народа.

Мои любимые родители, будьте здоровы, обо мне не беспокойтесь. До свидания, ваш сын Марлен

4 октября 1943 г.

Здравствуйте, уважаемые родители.

Коммунистический привет дорогим и желанным родителям. Как живете? У меня пока что все хорошо и обо мне не беспокойтесь. Пока что мы на этом берегу Днепра, на другой пока не переходим. Вчера наша батарея уничтожила 3 вражеские «Тигра» (т.е. 3 больших танка, длина которых 6 м), несколько танков других систем, 2 батареи и около 40 немецких гадов.

Мы сейчас находимся восточнее того места, где похоронен великий украинский писатель, Тарас Шевченко. Мамочка, об этом писателе спроси кого-нибудь знающего человека и он тебе объяснит. До свидания, ваш сын Марлен

Иван Доброхотов: «ВОТ ВАМ ДВЕ БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ГОРОД ПОЗНАНЬ И ПРОРЫВ ОБОРОНЫ НА РЕКЕ ВИСЛА» (1943—1945)

Иван Доброхотов родился 26 сентября 1898 г. в д. Белоярск Енисейской губернии. Во время Гражданской войны воевал сначала в рядах красных партизан, затем в 30-й дивизии Красной армии. В годы Великой Отечественной войны добровольцем вступил в ряды 78-й отдельной добровольческой стрелковой бригады сибиряков-красноярцев (1942 г.), позднее был направлен в 312-ю смоленскую дивизию в 375-й противотанковый истребительный дивизион. Награжден орденами и медалями «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина» и др.

4 августа 1943 г.

Добрый день, дорогая моя семья!

Шлю вам свой пламенный красноармейский привет. И желаю быть здоровым. Привет матери и Василью Гордеевичу. Желаю им счастья и здоровья на долгие годы.

Беда вся в том, что немцы трусят как зайцы и по ночам ведут беспредметную стрельбу из винтовок и орудий. Ну вот и нам спать не дают. Ведь может залететь шальная или шальной снаряд. Потому приходится быть внимательным и всем осмотрительным. В недалеком будущем с оккупантами предстоит жестокая схватка. Чем кончится, ждем только победы и полное уничтожение врага. В последующем буду жив напишу. Пишите о ребятах. Остаюсь жив и здоров. С приветом к Вам, ваш папа Ваня.

4 декабря 1943 г.

Добрый день, дорогая моя семья!

Шлю вам свой пламенный красноармейский фронтовой привет. И желаю вам здоровья и счастья на долгие годы.

Считаю своим долгом, в день 24 декабря поздравить вас с большим для нашей семьи торжественным праздником. Первое, это исполнение 17 лет нашей совместной жизни; второе, исполнение нашим сыновьям Вовке и Витке 14 лет. По этому случаю, поздравляю с их днем ихнего рождения, желаю им счастья, здоровия и хороших умственных способностей на долгие годы. Напишите, как они воспримут мои пожелания.

И третье; самое главное, тебя, моя многоуважаемая Женя, поздравляю с днем твоего 35-летнего юбилея: желаю тебе счастья и здоровья на долгие годы и еще крепче крепить свое мудрое руководство по воспитанию детей. По всем этим случаям желаю вам поднять бокалы с вином. Конечно, если только оно у вас будет. Напишите, выдают ли вам пособие и чем еще помогают и кто. С приветом к вам любящий вас, ваш папа Ваня.

8 марта 1945 г.

Здравствуйте, моя дорогая Семья!

Женя и Аля, я Вас поздравляю с праздником вашим, Вы меня извините, что я не мог этого сделать раньше, только лишь в силу того, что мне сейчас крайне нехватает времени почему вам это понятно. Мы сейчас находимся на реке Одер, 75—80 кил. от Берлина, немцы сильно сопротивляются. Нам приказано нашим вождем т. Сталиным взять логово зверя и водрузить знамя победы победы. За время наступления, с 14.I—45, я получил ряд ваших писем, но регулярно отвечать и тем более по отдельности не имею времени. Поэтому пишу общие письма, надеюсь, что вы на меня не распрогневайтесь. Вашим письмам я был очень рад. Вместе с тем, я также получил письмо от Александры Ивановны, и Ольги из Канска, а также от друзей но не имею времени ответить. Сообщаю, что в Алином письме от 1.II—45., где написано, что посылку получили в целости и сохранности и дальше три с половиной с[т]роки вычеркнуто цензурой, после этого речь идет о молоке, что корова доится плохо. Может быть, нет ничего существенного, если удастся Вам востановить. Сообщаю также, что я перевожу Вам денег четыре тысячи, сто тридцать пять рублей. Перевод будет оформлен не раньше 10 марта, все лишь ток из-за того, что у всех не было времени, ведь нам за двадцать дней пришлось пройти пятьсот семдесят килом. Ликвидировали окружную группировку немцев в гор. Познань. Я в этом письме посылаю Вам две моих благодарности за город Познань и Прорыв обороны на реке Висла. О получении их мне напишите. Позднее получите поздравительное письмо. Затем в марте я Вам также переведу мартовскую зарплату две с лишним тысячи рублей, знаю, что Вы в деньгах нуждаетесь. Сегодня постараюсь собрать и отправить вам посылку, двое сапог, одни хромовые на одну ногу, но вы их переделайте, это надолго, это товар хороший, вторые простые сапоги, но такие для зимы. Затем одни туфли. Материал на платье три метра двойного и сукно пять метров и еще кое-что как говорят по мелочи, весом девять кил.

Последнее сообщаю, что я второй раз награжден орденом Отечественная война II степень. Орден уже на груди. Затем к маю получу за выслугу лет медаль «За боевые заслуги». Все документы уже оформлены и направлены в Президиум Верховного Совета СССР. Указ президиума Верховного Совета ССС[Р] от 4/VI—44 года.

Еще раз передаю Вам всем привет фронтовой желаю успехов в жизни, в учебе, а также здоровья. Целую вас крепко: Ваш муж, отец. ИК.

Привет матери и В.Г. Ал-ре Ив.

И. Доброхотов

Василий Баженов: «У ПИСЕМ МОИХ НЕПРОСТАЯ ДОРОГА» (1943)

Биографической информации об авторе писем, к сожалению, установить не удалось.

14 октября 1942 г.

Здраствуй, Леля, мама! С красным боевым приветом к вам ваш сын Вася! Леля! И мама! Я сегодня от вас получил сразу 2 письма, которые вы писали 27 и 30/9—42, за которые сердечно благодарю, и еще получил письмо от Несмеяновой Нади.

Леля! Вы пишете и спрашиваете, когда поехал на фронт, поди болела шея, нет, Леля, когда мы поехали на фронт, перед этим мылись в бане и я его чири раздавил и забинтовал и спал спокойно, не чувствовал. Леля! Еще вы спрашиваете, почему не отбил телеграмму. Я потому не стал, чтобы не расстроить вас и самому себя. Леля! Вы пишете, что Шурка Тихонова вышла за муж. Эта федосиха, и ужели за корявого Костю, удивляюсь этой свадьбе. Леля! Передайте ей от меня такой привет, что она ~~ДУРА~~ ПУСТОГОЛОВА И ВСЕ ей.

= Поверти родные Леля! И мама!
Пишу аккуратно письма я вам
Я вижу во сне и кажется мне
что сейчас же обратно ответы как
птицы несутся ко мне, враг недалеко
спим мы недолго, нас будит работа
родных батарей. Леля! и мама! У
писем моих непростая дорога и вы не
не просите ходить поскорей,
я в сумке походной писем начатых десятки
ношу, не грустите родные я выберу часик
свободный настроюсь и сразу их все допишу.

Леля! И мама! Помните мой стишок и меня. Пока, досвидания. Привет Ал. Мих. Лизи, Вери, и Регине Горской.

С Красноармии приветом ваш сын
В. Баженов
14.10.42 г. в 9.00 ч. вечера

25—26 февраля 1943 г.

ВОЛГА

Волга-матушка река!
Сердцу нет милее.
Средь полей родных века

Вольно ты синеешь.
За тебя не раз мы в бой
На врага ходили,
За великий город твой
Крепко немцев били.
По холмам твоих степей
Тлеют вражьи кости.
Так непрошеных гостей
Приняли мы в гости.
Лишь отвеют над страной
Вихри огневые,
Расцветает город твой,
Степи золотые.
Слава битв войдет в века
Яркою звездою.
Волга-матушка река,
Мы горды тобою!

На добрую долгую память ЛЕЛЕ и МАМЕ от сына Васи. Помните меня до последнего дня. В. Баженов.

25/II—1943 года.

[Оборот листа]

Привет Леле и Маме от сына Васи.
Я жив и здоров того и вам желаю.
Читайте сочинение.
Ваш сын
В. Баженов.
26.2.43 года
в 6.00 час вечера.
Баженов

Александр Заморзаев: «КОГДА ВЕРНЕМСЯ МЫ ОБРАТНО, С УМА ОТ РАДОСТИ СОЙДЕМ» (1944)

Александр Михайлович Заморзаев родился 23 января 1927 г. в Ленинграде. В годы войны был в эвакуации вместе с двумя сестрами и братом в интернате для детей ленинградских журналистов; ниже приводится его переписка этого периода со знакомой. После возвращения из эвакуации поступил в Ленинградский государственный университет, позднее стал кандидатом физико-математических наук. С 1953 г. работал в Кишиневском государственном университете. Умер в 1997 г. в Кишиневе.

24 апреля 1944 г.

Здравствуй, дорогая Манечка! Почти две недели прошло с тех пор, как я тебе написал, а я хотел писать тебе каждую неделю. Я писал, кажется, что мама хлопотала вызовы нам с Катей. А теперь здесь выяснилось, что мы поедем очень скоро. Неделю назад пришла в Бонбюгу телеграмма для всех интернатов Татарской АССР, что в Ленинград можно возвращаться в порядке вербовки девушек — в педучилища, на дошкольные педкурсы и на курсы работников общественного питания, а мальчиков — на авиазавод и в авиашколу. Все наши старшие мальчики (среди которых я самый старший) сразу записались на завод, а девочки и с ними Катя — на дошкольные педкурсы, только одна из них — на курсы работников общественного питания. Так как у Кати почти закончен институт, она сможет, я думаю, сразу пойти работать и в школу, а мне все равно сейчас бы учиться не пришлось, а пришлось бы работать, потом бы меня взяли в армию. А с военного завода меня, может быть, даже не возьмут в армию (в настоящее время по состоянию здоровья я не являюсь годным в армию). А работой на оборонном заводе я лучше помогу стране, чем в армии. Работу я полюбил здесь, а работать на оборонном заводе в родном городе и зарабатывать на жизнь несравненно лучше, чем под палящим солнцем целый день работать на пыльном поле, окучивая мотыгой картошку. А мне даже такая работа нравилась, хотя она меня совершенно изматывала: я работал добросовестнее других, следил за качеством, поэтому другие ребята работали быстрее меня. В связи с этим норму, данную для ребят на 8 часов, я делал за 9—10 часов и приходил домой последний — усталый, измученный, но довольный и гордый собой. Представляешь, как мы все сейчас обрадовались этой неожиданной телеграмме! Такая радость нас охватила! Скоро, с первым пароходом (а по Каме уже идет лед) мы поедем в Ленинград. Так как учебный год мы кончить не успеем, нам дадут справки, что мы окончили те классы, в которых учимся (испытания начнутся 20 мая, а мы уедем, наверное, в первых числах мая), но нас будут по всем предметам усиленно спрашивать, а по русскому (для старших классов по литературе) и математике будем держать испытания. Поэтому сейчас горячие дни, я даже писать маме реже стал и тебе

собрался снова написать не через неделю, как обещал, а через две недели. Я обещал тебе послать свои стихи, написанные за это время. Буду посылать подряд, в том порядке, в каком они написаны, и сопровождать комментариями. Вот они:

Маяковскому

Ты был поэтом пролетарским,
Стихи народу отдавал.
Боролся ты с режимом царским
И никогда не уставал.

Потом пошли перевороты,
Потом Гражданская война —
А ты стихи писал для фронта,
И их читала вся страна.

Когда страна свободна стала
От самых злых своих врагов,
Опять работал ты немало
И был к труду всегда готов.

Писал стихи о новой стройке,
Врагов укрывшихся клеймил...
В твои коротенькие строчки
Ты столько чувств своих вложил!

С врагами стойко ты сражался,
Хотя и были те сильны.
Но неужели им ты сдался? —
Тебя спросить мы все должны.

Скажи, Владимир Маяковский,
Причину гибели своей.
Не ты ли жить хотел чертовски
И вдохновлял других людей?

Скажи, скажи, я знать желаю,
Что вдруг заставило тебя
Убить себя? Любовь ли злая,
Или ты умер не любя?

Ты рассказать не можешь это,
И не узнать причины мне.
Но я люблю тебя — поэта,
А человека — и вдвойне!

Июль 1941 г.

Это стихотворение должно было быть написано для июльского номера журнала «Дружба» к 48-летию со дня рождения Маяковского (19 июля 1893 г.). Но мы уехали 4-го июля, когда июльский номер, намеченный к 18 июля, рождению Алеши, был еще только в проекте. Стихи я написал уже в Ярославской области, потому что Катя очень хотела увидеть их в журнале, а журнал прекратился. В том же номере должно было быть стихотворение к 27 июля — 100-летию со дня смерти Лермонтова, которое я написал тоже в июле:

Лермонтов

Пушкин убит на дуэли,
Голос поэта замолк.
Палкин достиг своей цели,
Подлый насытился волк.

Лермонтов подлостью этой
Был глубоко возмущен,
И в своей «смерти поэта»
Вылил всю ненависть он

К подлым убийцам поэта,
Кто ему жизнь отравлял.
Царь Михаила за это
Также преследовать стал:

Чтобы поэта убили,
Послан он был на Кавказ.
Горцы без промаха били,
Но не в поэта как раз.

Царь посылал к нему новых
Тайных и злобных врагов,
К всяким злодействам готовых,
Лишь бы поэт был «готов».

Это у них получилось:
Так же, как и с первым певцом,
Снова дуэль совершилась,
Точно с таким же концом.

Лермонтов пал на дуэли,
Голос поэта замолк.
Палкин достиг своей цели,
Подлый насытился волк.

Годы гуськом пролетают,
Вот уж промчалось сто лет.

Слава его возрастает,
Жив знаменитый поэт!

Июль 1941 г.

Тоска!

Проснулись мы, еще не зная
Про эту лютую беду.
Была погода неплохая
И самый длинный день в году.

Был день свободный — воскресенье.
Гуляли все на островах,
Все время слышалося пенье,
Сияло солнце в небесах...

И вдруг по радио сказали,
Что скоро Молотов-нарком
Пред нами выступит! Мы ждали...
И вот услышали о том!

Сперва мы верить не хотели,
Казалось нам, что это сон.
Но это было в самом деле:
Двухлетний мир был прекращен.

Подлец, каких бывало мало,
Напал на мирную страну.
Страна к нему стеною встала,
Начав великую войну.

Он перешел у нас границу
И начал двигаться к Москве.
Но нет, не взять ему столицу,
Не взять и город на Неве!

А мы, ребята Ленинграда,
Чтоб наши жизни сохранить,
Хотя мы этому не рады,
Сюда отправилися жить.

Но здесь, хотя и безопасно,
Живя от города вдали,
Мы ничего не знаем ясно

С тех пор, как нас сюда свезли.

Мы вовсе радио не слышим,
Газеты долго к нам идут...
Мы даже в письмах чуть не пишем:
Пускай нам сразу сводки шлют.

Сейчас у нас работы много,
Но скоро все мы прекратим.
И снова двинемся в дорогу:
Учиться в школу покатим.

Когда мы будем все учиться,
Мы меньше будем тосковать.
Быстрее время там промчится,
Вернемся в город мы опять.

Когда вернемся мы обратно,
С ума от радости сойдем!
Как будет нам тогда приятно
Вернуться снова в прежний дом!

Но мы пока еще мечтаем,
Терпеть приходится пока...
Когда вернемся, мы не знаем...
Какая страшная тоска!

Хотя домой мы так и рвемся,
Но время все-таки ползет!
Мы все когда-нибудь вернемся,
И жизнь по-старому пойдет.

Мы будем жить счастливо снова,
Войну бы только пережить.
Правдиво Молотова слово:
Не можем мы не победить!

Август 1941 г.

Это стихотворение написано в период наибольшей тоски. Мы жили в разных деревнях, летом нас заставляли немного работать, что казалось нам, не привыкшим к физическому труду, очень тяжелым. Я с нетерпеньем ждал конца лета — конца работы и начала учебы. Десятилетка находилась за 10 км от нас в большом селе Ивановском, куда на зиму должна была уехать самая старшая группа ребят — восьмиклассников и девятиклассников. Я с нетерпеньем ждал,

когда мы уедем в Ивановскую, где я буду жить вместе с Катей. В эту-то дорогу мы и собирались двинуться. Следующее стихотворение «Ленинграду».

Ленинграду!

Самый красивый в Союзе Советов
Город, в котором вы все рождены.
Много в нем было ученых, поэтов,
Был он когда-то столицей страны.

Жил я в нем всю свою жизнь небольшую
С двадцать седьмого — четырнадцать лет.
Очень сейчас по нему я тоскую,
Так как теперь меня в городе нет.

Город в опасности. Рвутся снаряды,
Бомбы летят, самолеты гудят...
Но не сдадим мы врагу Ленинграда,
Будет советским всегда Ленинград!

Много прольется там крови народной,
Много останется вдов и сирот,
Но Ленинград был и будет свободным,
Гитлер себе в нем могилу найдет.

Город же будет расти процветая,
Будем и мы в нем по-прежнему жить.
Наша задача не очень простая:
Нужно врага до конца разгромить!

Мы еще молоды, чтобы сражаться.
Нужно работою фронту помочь,
Чтобы скорее назад возвратиться,
Выгнав врага с нашей родины прочь!

Сентябрь 1941 г.

Это стихотворение написано для газеты «Юный Ленинградец», редактором которой Анна Лазаревна Мойжес, которая раньше работала в «Ленинских Искрах» и протащила нас в газету, а потом в интернате у нас стала одним из воспитателей (теперь она уже директор у нас) и с сентября начала вести культмассовую работу среди школьников. В это же время я вместе с Катей вступил (4 сентября) в комсомол. Меня назначили редактором вновь организующейся интернатской газеты «Юный Ленинградец». Первый номер его я выпустил в сентябре 1941 г., а потом остыл, да и не до того было. Для первого номера газеты Анна Лазаревна

и попросила меня написать стихи, посвященные Ленинграду. В стихотворении сказалась и моя тоска по дому, и гордость Ленинградом, и агитационные нотки (влияние комсомола) звучат в конце его. Долгое время я считал это стихотворение своим лучшим. Из моих довоенных стихотворений лучшим, безусловно, было «Ленин». Но «Маяковскому» маме, например, даже еще больше понравилось. Я все стихи отсылал маме. «Ленинграду», по-моему, перебило все прежние стихотворения. Долгое время оно оставалось, пожалуй, моим лучшим стихом и самым сильным. Больше я в Ярославской области ничего не успел написать. В октябре я начал писать посвященное маме стихотворение «Орзаму от сына Саши», являющееся ответом в некотором роде на полученное в августе от мамы стихотворение «Сыну Саше». «Тоска!» тоже явилась своего рода ответом на то стихотворение. Приведу сначала мамино стихотворение. Мне оно дороже всех ее стихов. Вот оно:

Сыну Саше

Чтоб судьба не сумела тебя надломить,
Постарайся мой образ в душе сохранить.
Знай: никто не сумел бы, как добрая мать,
Все ошибки простить, заблужденья понять.

Если в жизни на миг растеряешься сам,
Ты подумай: а что мне сказал бы Орзам?
И я верю, мой сын: в бурю ты устоишь,
Сердце чистое, честность всегда сохранишь.

Если вдруг поскользнешься, то встанешь опять,
Веру в силы свои нам не надо терять.
Помни: мама всегда твой товарищ и друг.
Если вскоре замкнется мой жизненный круг,

Ты бодрись, не дай воли унынью, слезам:
Не забудь, что тебе завещал твой Орзам!
Выше голову, друг! Гляди смело вперед!
Жизнь к борьбе, к испытаньям, к победам зовет!

Орзам — псевдоним мамы-поэта. В «Дружбе» мама все статьи подписывала «мама», а стихи — «Орзам». После этого стихотворения я стал маму во всех письмах звать «Орзам». Мама много раз и в письмах ко мне подписывалась «Орзам», а меня часто называла «рассеянный профессор Сашок». Так же и я ей подписываюсь. Для Кати мама — Чучулка, а Катя — «слон Тусик». Для Оли — просто мама, а Оля — «Чижик». Для Алеши — «мамотя», а Алеша — «вечный мечтатель». Так следующее свое стихотворение, начатое в октябре и конченное в октябре же, но уже в дороге, я назвал «Орзаму от сына Саши».

Орзаму от сына Саши

Давно я не видел тебя, моя мама,
Давно мне не слышался голос родной,
Но я не забыл дорогого Орзама,
И образ твой, мама, повсюду со мной.

Когда я письмо от тебя получаю,
Мне кажется, будто ты рядом опять.
Все время, Орзам, по тебе я скучаю,
Дороже всего для меня моя мать.

Мы вместе читали про сыщика Холмса,
Играли в слова вечерком всей семьей.
Мы будем опять так играть, как вернемся
В наш город великий отсюда домой.

Враг сильный и злобный, он все наступает,
Как будто бы может он нас победить.
Но сила его с каждым месяцем тает,
Недолго осталось Германии жить.

Враг будет разбит, и вернусь я к Орзаму,
И снова я буду жить, мама, с тобой.
Я буду беречь мою старую маму,
И ей помогать, и хранить ей покой.

Теперь уже время несется стрелою,
Оно не ползет, как писал я в «Тоске».
Мы скоро увидимся, мама, с тобою,
Уж вижу я светлые дни вдалеке!

Октябрь 1941 г.

Я тогда все время с нетерпеньем ждал конца. Уезжая из Ленинграда, я не имел никакого понятия, когда мы вернемся. Первое время в июне мне казалось, что мы уже к 1 сентября того же года вернемся. Кончилось лето, и я стал рассчитывать вернуться к Новому году. Еще в «Тоске» я писал, что в школе быстрее время промчится. Я рассчитывал проучиться всего полгода в Ивановском, а вторые полгода доучиться в Ленинграде. Но во время написания «Орзаму от сына Саши», когда мы переезжали, стало ясно, что мы к Новому году не вернемся и я проиграю Алеше пари (еще в сентябре, будучи почти уверен в скором возвращении и с целью подбодрить Алешу, тосковавшего тогда еще больше меня, я поспорил с ним на стихотворение, что мы вернемся к Новому году. После

Нового года я по его заказу написал стихотворение, но о нем речь после). Когда не осталось сомнений в том, что мы Новый год встретим не в Ленинграде, я стал рассчитывать до 1 мая вернуться в Ленинград. Раньше я считал, сколько дней осталось до Нового года, а теперь стал считать дни до 1 мая. Эти-то «светлые дни», казалось мне, я и видел вдалеке. Следующее стихотворение:

Отомстим врагу!

Однажды в Смольном, в коридоре
Раздался выстрел в тишине,
Принесший очень много горя
Советской молодой стране.

Вождя рабочих Ленинграда
Убил наш враг из-за угла.
Чекисты выловили гада
И вскрыли все его дела.

Но враг, однако, не сдавался:
Он многочислен и силен.
Он много раз напасть пытался
На наш Союз со всех сторон.

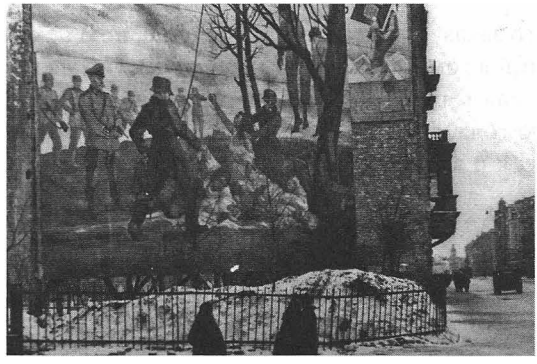
Его мы били у Хасана,
Потом в Финляндии зимой.
И то и это даже странно
Сравнить с теперешней войной.

Борьба смертельная настала,
Но не для нас, а для врага.
На нас Германия напала —
Фашизму жизнь не дорога!

Мы ясно видим, что за нами
Победа будет в этот раз.
Мы так расправимся с врагами,
Что будут долго помнить нас!

Мы отомстим за смерть Сергея
И многих, павших, как и он!
Крепки у гитлеровцев шеи,
Но мы им головы свернем!

Ноябрь 1941 г.



Панно на улице Ленинграда, декабрь 1942 г.
Фото Б. Лосина. Фотохроника ЛенТАСС

Это стихотворение написано в ночь на 1 декабря, экспромтом, по просьбе той же Анны Лазаревны. 1 декабря у нас был организован вечер памяти Кирова, на котором я выступил с этим стихотворением. В декабре мною написано стихотворение для письма-газеты, которую мы потом отправили в Ленинград в огромном конверте с маркой величиной с тетрадный лист (разумеется, не по почте, а с попутчиком). Это стихотворение называется «С Новым годом, ленинградцы». Вот оно:

С Новым годом, ленинградцы!

Привет, родные ленинградцы,
От дочерей и сыновей!
Давно пришлось нам расставаться,
Хотим увидеть вас скорей.

Мы Новый год сейчас встречаем
И веселимся, и поем,
Но Ленинград не забываем
И вам привет горячий шлем.

Привет, родные, с Новым годом!
Мы с тем еще поздравим вас,
Как наша Армия с народом
Врага жестоко бьет сейчас!

Держитесь крепче, ленинградцы,
Встречайте праздник веселей!
Привет всем, папы, мамы, братцы,
От братьев, дочек, сыновей!

Декабрь 1941 г.

Следующее стихотворение написано по заказу Алеши — на проигранное пари. Он потребовал стихотворение про него. Вот оно:

Мой брат Алеша

У меня есть брат Алеша.
Девять лет ему всего.
Он поэт у нас хороший
И географ мировой.

Он такие знает страны,
Что в учебниках и нет.
Поступил он в школу рано,
В третьем классе в 9 лет.

Дома он играл в игрушки.
(Ну скажите, в чем тут грех?)
Любит Мишку и Павлушку
Наш Алеша больше всех.

Он читает что попало,
Лишь бы только не скучать,
И прочел весьма немало:
Очень любит он читать.

Он о будущем мечтает,
Хочет ездить по земле.
Но ему — он это знает —
Не судьба на корабле.

Сердце слабое имеет,
Моряком ему не быть.
Но на суше он сумеет
Очень много посетить.

Он повсюду побывает,
Не пропустит ничего.
Вот Алеша Заморзаев,
Описал я вам его.

Январь 1942 г.

Следующее стихотворение написано для интернатской газеты ко дню Красной Армии. Тогда оно казалось слишком будущим, в этом году я его читал

в школе на вечере, оно теперь гораздо больше подошло. В том году его раскритиковали:

Красная Армия!

Шестая часть земной планеты
Принадлежит стране труда,
В которой властвуют Советы
И будут властвовать всегда.

Страну Советов охраняет
Красноармейцев крепкий строй.
Должно быть, Гитлер нас не знает,
Раз он пошел на нас войной.

Жестоко Гитлер просчитался!
Еще в Гражданскую войну
Народ за родину поднялся
И отстоял свою страну.

Тогда-то Красная родилась,
Окрепла, выросла с тех пор,
Теперь же с Гитлером сразилась —
И побежден фашистский вор!

Кто нашей армии сильнее?
Ее никто не побеждал,
И даже Гитлер в битвах с нею
Себе могилу отыскал.

Расти и крепни, войско наше!
Непобедимым будь всегда!
Всего милее нам и краше
Красноармейская звезда!

Февраль 1942 г.

Следующие стихи написаны мною ко дню 8-го Марта для нашего хора. Исполнялись они как частушки про хороших девочек и плохих мальчиков.

Частушки нашего интерната

Самым лучшим санитаром
Наша Кира прослыла.

Значит, выбрана недаром:
Чистоту нам навела.

В интернате лучше Нади
Ты плясуньи не найдешь.
Без нее бы лучший праздник
Был совсем не так хорош.

Инна чистит нам картошку,
Не кладя ножа из рук,
Обгоняя понемножку
Остальных своих подруг.

Лившиц лучше всех училась,
За собой других вела,
Но несчастье приключилось:
Дисциплина подвела.

Лора с Кирой, словно птицы,
Распевают целый день.
Наши лучшие певицы:
Никогда им петь не лень.

У Шарова на кровати
Никогда порядка нет.
Всех грязней он в интернате,
А ему 13 лет!

Изобрел язык свой Жора,
Столько слов придумал он.
Говорить все стали скоро
Этим новым языком!

Прямо вдоль по коридору
Сам наш Мейлицев идет.
Малышам он без разбору
Всем пиявки раздает.

Март 1942 г.

Кира Недзвецкая была у нас в первую зиму председателем санкомиссии и завоевала авторитет. Сейчас она учится со мной вместе в Бондюге, так же как и Надя Михайлова, первая балерина в интернате. Инна Державец живет в Бондюге с родителями, но числится тоже в интернате и учится с нами в одном

классе. Недавно ее отец уехал в Ленинград по вызову. В первую зиму, пока Инна была без родителей, она жила в интернате и отличалась в работе — мастерски чистила картошку (основная работа по дому для девочек). Инна Лившиц училась в 7-м классе и была круглой отличницей, но дисциплина у нее неожиданно оказалась «хорошо». Лора Кржеминская и Кира Овчинникова отличились своими голосами и вели наш хор. Теперь они обе в Ленинграде. Вова Шаров — добродушный, тупой и неряшливый мальчик. Он больше всех получал нарядов за неряшливую кровать и грязный вид. Жора Шварц очень мало читал дома, хотя в Ленинграде проучился шесть классов, и поэтому часто неправильно выражался. Многие его оригинальные выражения мы запоминали и повторяли, создался «шварцевский язык». Сейчас он в Казани в спецшколе. Его хотят забрать с нашим эшелоном в Ленинград, как и Илью Мейлицева, который тоже в спецшколе. Илья любил давать мальчикам «пиявки» (особый вид щелчков). Ну, до свидания. Саша. Привет тезке.

28 апреля 1944 г.

Здравствуй, дорогая Маня! Пишу тебе третье письмо по счету. Надеюсь, что ты получила мои письма от 11.04 и от 24.04. В последнем я послал тебе часть своих стихов, написанных во время войны. Сегодня пошлю тебе остальные. Посылаю также фотокарточку, снятую 5.03 этого года — полтора месяца назад. Следующая моя карточка будет Ленинградская. Я писал уже в прошлом письме, что я и Катя очень скоро уезжаем в Ленинград. Сначала нам сказали, что мы едем первым пароходом, но теперь наш отъезд намечен на 10 мая приблизительно, а первые пароходы пойдут на этих днях. На Каме еще виднеются остатки льда, но их совсем немного. Кама разливается порядком. Сдать испытания со всеми мы не успеем. Вопрос о том, как нам поступить в отношении учебы, очень долго тянули. Сначала сказали, что нужно сдавать испытания только по самым основным предметам — русскому языку и математике. Потом объявили, что надо сдавать испытания по всем предметам, по каким полагается. Значит, девятиклассникам надо держать девять испытаний и все сдать за какую-то неделю или немного больше. Первое испытание у нас будет 30.04, а сдать все, я думаю, надо будет до 7-го числа, чтобы в последние дни не сдавать. Вообще мы должны 15 мая выезжать из Казани. Мне повезло: меня, как отличника, освободили от досрочной сдачи испытаний и обещали так дать справку об окончании девятого класса. Всем остальным надо сдавать все 9 испытаний. По-видимому, во мне более уверены, чем в других, моим знаниям больше доверяют. Ну что же, очень приятно, что мне не надо сдавать испытаний, больше будет времени для всяких других дел. Сейчас перепишу тебе свои остальные стихотворения:

Вред подсказок

Гуляет Вова после школы,
Летит на землю белый снег.
Какой сегодня день веселый! —
Гулял бы Вова целый век!

Пришел домой усталый, красный:
Как хорошо провел он день!
А завтра в школу... Ах, несчастный,
Ему уроки делать лень.

Проснувшись, Вова вспоминает,
Что географии не знает.
Но он не думает учить:
Меня же могут не спросить.

Бедняга, как он ошибался:
Спросили все-таки его.
«Подскажет Миша, ничего», —
Но этот «фокус» не удался...

Уроки кончились. Веселый
Звенит повсюду детский смех.
Угрюмо Вова шел из школы:
Он получил двадцатый «шлехт».

Гони подсказку от ворот:
Она к добру не приведет!

Декабрь 1942 г.

Это стихотворение неважное. Оно написано «по заказу» для интернатской газеты. Близко к истине. Вова такой у нас действительно был — тот самый Вова Шаров, у которого «на кровати никогда порядка нет». У него за полгода набралось около 20 двоек. Слабым местом его была география. Миша Цуккер был его одноклассником и помогал ему в учебе. «Шлехт» — «плохо» по-немецки. Кстати: ведь я и Катя в Ленинграде проходили английский, а с немецким языком были слегка знакомы благодаря занятиям с тетей Катей до школы и в младших классах. Но Катя самостоятельно прошла немецкий за 5-й, 6-й и 7-й классы за зиму, которую прожила в интернате в 1941—1942 году. Она была тогда председателем учебной комиссии (а в прошлом году — я «по наследству»), и ей приходилось часто проверять уроки у шестиклассников (с этим классом больше всего носились). Тогда она задалась целью самой пройти этот язык. А в нашем классе (теперешнем девятом) только двое проходили в Ленинграде английский, остальные проходили немецкий. Понятно, что в Тихонове в 8-м классе тоже был немецкий. Мне и Наде Михайловой нужно было или заниматься английским за 8-й класс (с помощью преподавательницы немецкого, воспитательницы одной из групп интерната Фани Борисовны Риммер), или пройти немецкий с 5-го по 8-й класс в течение года. Надя выбрала первое, а я — второе. В четвертой четверти прошлого года я уже занимался немецким со всеми наравне и испытания сдал на «отлично». А Надя в результате не прошла ни английского, ни немецкого. Я же теперь занимаюсь немецким, наравне с остальными. Английский язык

я буду самостоятельно проходить в Ленинграде. Надо мне будет и французский язык учить когда-нибудь. Вот мама и папа знают и немецкий, и французский, и английский языки. Мы не должны отставать от старшего поколения. Почти везде дети растут более образованными, чем были их родители. Должны и мы поддержать честь Заморзаевых и перещеголять даже таких родителей, как наши. Это не так-то легко. Нужно будет нам немало поработать над собой, чтобы стать достойными своих родителей. Здесь, в интернате, я назвал «второю матерью» нашу чудесную, заботливую и очень чуткую Анну Лазаревну Мойжес, нынешнего директора, а в прошлом году бывшую старшим воспитателем. Я давно задумал посвятить ей стихотворение. К 22 декабря — дню ее рождения — мы выпустили специальный номер «Новостей дня» (один из отделов нашей газеты) сюрпризом для нее, там было помещено мое стихотворение. Вот оно:

Анне Лазаревне!

Я больше всех люблю родную,
Незабываемую мать.
Когда я по дому тоскую,
О ней люблю я вспоминать.

А в интернате... кто так может
Для общей пользы жизнь отдать,
Как Анна Лазаревна Мойжес —
Двухсот ребят Вторая мать!

Душа родного интерната!
Как многим я обязан ей!
И любят Мойжес все ребята
Немногим меньше матерей.

Она за всех переживает,
За всех болеет, всем нужна, —
И в интернате каждый знает,
Как много всем дала она.

Я вас с рожденьем поздравляю,
Наш воспитатель дорогой!
От всей души моей желаю
Вернуться в этот год домой!

Декабрь 1942 г.

Мое пожелание — вернуться в этот год домой — не исполнилось. Анна Лазаревна была очень растрогана. Я тогда лежал на кровати: у меня была пиодермия,

болели ноги, я не ходил в школу и все время лежал, вставая только к обеду, завтраку и ужину. Анна Лазаревна пришла в комнату, где я лежал, и горячо меня благодарила. Я был очень счастлив, что тронул ее. После этого стихотворения я опять довольно долго не писал. Следующее стихотворение я написал к 8-му Марта 1943 года. Вот оно:

Привет женщинам!

Страны Советов дочь родная!
Сегодня, в день твоих побед,
Тебе от сердца посылаю
Свой самый пламенный привет!

Нет нашей женщине преграды:
На поле, в шахте и в бою, —
Под Калачом, под Сталинградом
Их имена я узнаю.

Все эти женщины — герои
Среди народа рождены.
Скажите, кто не знает Зои —
Достойной дочери страны?!

А сколько женщин окружает
Заботой, лаской ребят,
Отца и мать им заменяет
До возвращенья в Ленинград.

Да, заменили вы достойно
Мужчин на трудовом,
И те сражаются спокойно
За нашу родину с врагом,

Спасибо женщинам-рабочим!
Спасибо женщинам-бойцам!
Благодарит народ вас очень —
Родных сестер, любимых мам!

Март 1943 г.

Это стихотворенье, конечно, тоже было помещено в газете, выпущенной к 8-му Марта. Мнение мамы об этом стихотворении невысокое. По ее мнению, оно слишком наивное, детское. Может быть. Я о своих стихах не могу судить. Мне тоже это стихотворение из моих не особенно нравится. Мне больше всего

нравятся стихи, написанные мною по собственному почину, а не по заказу. Это стихотворение написано по заказу, специально для газеты. Неудивительно, что оно не особенно удачно. После этого стихотворения наступила весна. Весну я встречал особенно радостно в первую еще зиму — в 1942 году. Тогда зима была особенно суровая, а весну я впервые наблюдал в природе. В Ленинграде мы знаем весну и осень только как переход от зимы к лету и от лета к зиме. А здесь мы увидели тающие снега, чернеющую пятнами среди белых полей землю, веселые ручейки, зажоры, грязь... С каким удовольствием мы промачивали ноги в весенних зажорах, разумеется не нарочно! В Ленинграде я любил теплое время года, а не холодное. В том и было для нас отличие лета от зимы. Только в природе можно узнать отдельно осень и весну. Мы убедились, что они вовсе не являются постепенным переходом, а совершенно самостоятельные времена года. Раньше я любил больше всего лето, а меньше — зиму. Теперь же я люблю больше всего весну — молодость, а не люблю осень — старость. Лето я не раз раньше воспевал в стихах, а весну еще нет. Весной 1942 года мне захотелось написать о своей радости по случаю конца зимы, наступления весны. Но в ту весну у меня стихотворение не получилось — вдохновения не хватило. На следующую весну — в 1943 году — я задумал написать все же о весне. Опять я очень радовался весне, хотя и не так, как в первый год. И зима была менее холодная, и весна эта для меня не такая радостная, так как я болел воспалением легких. Но весна была для меня все же очень большой радостью. Я не знал только, с чего начинать стихи. Однажды разразилась во второй половине апреля первая весенняя гроза. Я грозу вообще очень люблю, а особенно люблю первые весенние грозы. И я написал стихотворение:

Да здравствует весна!

Как много радости весною
Приносит первая гроза!
Темнеет небо... Ветер воет...
Вдруг яркий свет слепит глаза!

Грохочет гром, бегут раскаты,
Сливаясь с ветром и дождем.
Весна, весна, как хороша ты! —
Недаром мы тебя так ждем!

По крыше ливень барабанит,
Дрожит оконное стекло...
А завтра снова солнце встанет,
И будет сухо и тепло.

В полях давно не видно снега,
Еще широкая река;

Несется под гору телега,
А сани спрятаны пока...

Весною все мы оживаем,
Природа юности полна.
Еще апрель, но пахнет маем...
Ура! Да здравствует весна!

Апрель 1943 г.

Еще весной к нам приезжала делегация из Ленинграда с посылками. Мама, конечно, позаботилась о том, чтобы послать нам посылки — целых четыре. Мы отослали ей с этой же делегацией свою небольшую посылочку ей — немного муку, чесноку и полфунта масла. Нас очень обрадовал товарищ Моисеев (тоже из «Ленправды»), приехавший с этой делегацией и беседовавший с ребятами вообще и отдельно — с теми, родителей которых он знал. Нам он сказал, что наша мама представлена к награде медалью «За оборону Ленинграда», но сама об этом не знает (это было в конце марта, а она узнала об этом 10.06, когда получила медаль). Ты знаешь, наверное, что она зимой сломала руку и не пала духом — совершенно одна. Мы были ужасно рады, что наша мама наконец-то оценена по заслугам. Мне захотелось написать новое стихотворение, посвященное ей. Пришел май. Мы сдавали испытания. Я имел порядочно свободного времени и предался своему творчеству. В результате явилось мое самое лучшее стихотворение за все время. Вот оно:

Моей Ленинградке

Ты прошла сквозь блокаду и голод,
Поседела, худа, как скелет.
Только дух твой по-прежнему молод
После двух героических лет.

Вся семья разлетелась далеко,
Соберется нескоро домой.
Тяжело тебе жить одиноко,
Исполнять все работы самой.

Нелегка твоя жизнь трудовая,
Затрудняет больная рука.
Одиночество... Я представляю,
Как грызет твое сердце тоска.

Ты с ней борешься стойко и твердо,
Не даешь угнездиться в тебе;

Держишь голову прямо и гордо,
Никогда не сдаешься в борьбе.

Твое имя не знает позора,
Ведь дорого ценишь ты честь,
Ненавидишь интриги и ссоры,
Презираешь притворство и лесть.

Ты встречаешь препятствия смело,
Всем опасностям смотришь в глаза.
Для тебя теперь стали обстрелы
Не страшней, чем простая гроза.

Не боишься сквозь свист и разрывы
Ты идти темной ночью домой,
Переносишь нужду терпеливо,
Закален твой характер войной.

Кто был слаб, не умел за жизнь драться,
Погибал в непосильной борьбе.
Только лучшая часть ленинградцев
Устояла (морально) подобно тебе.

Говорю тебе просто и кратко:
Я горжусь, дорогая, тобой.
Настоящая ты Ленинградка,
Бескорыстный и скромный герой.

Май 1943 г.

И мне, и маме, и всем остальным это стихотворение нравится больше всех остальных моих стихов. Оно было помещено летом в альманахе интернатского творчества — приложением к номеру «Юного Ленинградца», выпущенному к 4 июля — второй годовщине интерната. В этом году я читал его вместе со стихотворением «Ленинграду» на олимпиаде в школе и на городской олимпиаде. Корреспондент районной газеты «Стахановец» — Елизавета Васильевна Васильева (из наших ленинградцев — из редакции «Смены», мать одного из наших старших мальчиков — Юры Шарунова) взяла у меня это стихотворение и поместила в номере «Стахановца» за 8 марта. Так мои стихи увидели свет. Следующее стихотворение я написал ко второй годовщине интерната и поместил в «Юном Ленинградце». Вот оно:

Интернату

На Невской дельте, у залива
Раскинут, строг и величав,

Просторный, стройный и красивый,
Чудесный город Ильича.

Мы жили в нем, забот не зная,
Пока не грянул первый бой.
Вся жизнь помчалась как шальная
И увлекла нас за собой.

...В последний раз глядим на город.
Отъехал поезд без гудков,
И мы уносимся в просторы,
Покинув свой родимый кров...

С тех пор мы пережили много:
Узнали, что такое труд,
Что значит зимняя дорога,
Как здесь мороз бывает лют...

Зима была на редкость злая,
Но победить нас не смогла.
Весну прекрасную встречая,
Узнал я счастие тепла.

Еще одна зима минула,
Немного первой потеплей.
И вот четвертого июля
Мы отмечаем юбилей.

Прошли два года. Путь тяжелый
Мы совершили в этот срок.
Дала нам жизненная школа
Незабываемый урок.

Спокойно слушать не могу я
Слова «товарищ», «дружба», «мать»...
Они мне душу так волнуют,
Как мне словами не сказать.

И я волнуюсь всей душою
При звуке слова «интернат».
Оно для нас теперь родное:
Два года сблизили ребят.

Враг будет скоро уничтожен,
Пройдут суровые года,

Но интерната мы не сможем
Забыть, конечно, никогда!

Июнь–июль 1943 г.

Это стихотворение плохо отделано, выглядит незаконченным: мне нужно было торопиться, чтобы поместить стихотворение в газете. Я просидел всю ночь на 4 июля вместе с редколлегией: они готовили стенгазету, а я кончал стихотворение. Но вообще, кажется, стихотворение ничего получилось, потому что я его писал от всей души. Да, немалый мы путь прошли... И приехали сюда из Ярославской области, когда здесь начиналась зима — жуткая, грозная, очень морозная... Но мы ее победили. Без труда справились мы и со второй зимой, а теперь — и с третьей. Следующее стихотворение я написал к двадцатипятилетию комсомола — к 22 октября. Вот оно:

Ленинскому Комсомолу

Рожден ты в огненные годы,
Когда Советская страна
Была убийцами свободы
Со всех сторон окружена.

Трудна была твоя дорога,
Но ты и в битвах, и в труде
Все время с партией шел в ногу
И был застрельщиком везде.

За битвы славные с врагами,
Где ты повсюду первый шел,
Страна вручила орден «Знамя»
Тебе, геройский комсомол.

Второе «знамя», трудовое,
Ты заработал в те года,
Когда со всем народом строил
Заводы, шахты, города.

Родное Ленинское имя,
Что в честь вождя тебе дано,
Трудом и битвами своими
Ты оправдал уже давно.

Ты молод телом и душою,
Хотя и был твой путь тяжел,

Всегда готов к труду и к бою
Со всяким гадом, Комсомол.

Сейчас народ воюет снова
С остервенившимся врагом.
Твои герои бьют сурово
Врага, заползшего в наш дом.

Желаю быть таким же стойким,
Громить врага еще сильней
И быть все также первым в стройке
Чудесной Родины своей!

Октябрь 1943 г.

Это стихотворение написано по заказу для классной газеты, но с вдохновением. Тоже почти по заказу, но с вдохновением написано следующее мое стихотворение, посвященное Ленинграду, как городу Ленина, и написанное для ленинского номера «Стахановца» (перед самой Ленинградской победой). Вот оно:

Городу Ленина

Привет тебе, наш город-воин!
Ты доказал в своей борьбе,
Что ты названия достоин,
Народом данного тебе.

С великой гордостью и славой
Его ты носишь двадцать лет.
Его боится враг кровавый,
В нем символ Ленинских побед!

Так пусть же кровь у фрицев стынет:
Не возвратиться им назад!
Стой крепче, Невская твердыня,
Великий город Ленинград!

Январь 1944 г.

Это пока что мое последнее стихотворение. Через несколько дней после его написания началось движение на Ленинградском фронте. 17-го я писал маме, что к ее рождению должны совершить подарок, как в прошлом году (тогда 18.01 прорвали блокаду). И что же? В полдвенадцатого ночи 18.01 передали сводку о начавшемся наступлении под Ленинградом! До чего же мы обрадовались! По-

том в конце января пошел слух, что в Ленинград поедут в феврале или в марте на заводы в порядке мобилизации. В интернате составили список, но не отослали: пришла телеграмма, что в Ленинграде хлопочут вызов интернату. Но с этим дело не вышло. Интернат уедет, вероятно, к концу лета. Совсем недавно снова стали составлять списки — мальчиков на авиазавод, а девочек на дошкольные педкурсы и на курсы работников общественного питания. 15 мая мы должны будем выехать из Казани. Наконец-то мы дождались этой радости! Привет «Кнопину». Как он поживает? Отвечай мне уже по Ленинградскому адресу. До свиданья. Саша.

В дни блокады

Суровое жуткое время блокады...
На улицах свищут и рвутся снаряды...
Не смог дерзкий враг овладеть Ленинградом
И создал кругом огневую ограду.
Мы слышим: беснуется зверь и ревет,
В бессильной он ярости мечет и рвет,
И жителей губит без всякой пощады.
Нет дня, чтоб не слышали мы канонады,
Бомбежки... Пожары... Пылают дома...
Удел наш — и голод, и холод, и тьма...
Вот лошадь упала. И, как воронье,
Сейчас же народ налетел на нее...
Как призраки — люди живые бредут,
А сколько на саночках мертвых везут!
У морга их грудой грузят, как дрова.
Нет сил описать... Слишком слабы слова!

А дома тоскливо... Замерзла вода...
И сердце — как будто под корочкой льда.
Но вдруг принесли мне листок дорогой,
Исписанный детской нетвердой рукой.
Письмо от родных — и далеких ребят,
Пришло, наконец, ты ко мне в Ленинград!
Как будто из мира иного та весть!
Сумел ли над фронтом ее перенесть
Отважный и ловкий советский пилот?
Авто ли провез через Ладожский лед?

Мерцает чуть видно огарок свечи...
Ах, сердце, потише, потише стучи!
В тебе разве, сердце, растаял уж лед?
Не знаешь ведь ты, что нас дальше всех ждет:
По-прежнему мрак, смерть и ужас кругом.
Нет! Сердце поет мне теперь о другом:

Фотохроника ТАСС: «День 25-й годовщины Красной Армии. На снимке: маленькие ленинградцы рассматривают праздничные плакаты». Фото В. Федосеева, 23 февраля 1943 г.
Из фондов РНБ

«Ты силы найди, чтобы все пережить.
А если судьба оборвет жизни нить,
Оставь ты славных, сердечных детей.
Ты в них воспитала уж честных людей.
В сердцах и делах их жить будешь всегда.
Изменится жизнь, пронесутся года,
Но детям теперь не забыть свою мать.
И будут заветы твои выполнять
И дольше пойдут — жизнь зовет их вперед...
Со смертью твоей жизнь твоя не умрет».

Орзам, 1942 г.

Смерть немецким оккупантам!

ТОВАРИЩ!

Немцы засылают к нам шпионов, чтобы вредить и пакостить советскому народу, подрывать мощь Красной Армии.

Шпионы ловят в свои сети доверчивых, хвастливых и болтливых людей. У болтунов они выведывают военные тайны. Болтун — это находка для шпиона.

БОЛТЛИВОСТЬ — ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ.

Шпион изворотлив. Он рядится в нашу одежду. Прикидывается своим человеком. Шпион опаснее открытого врага. Эта гадина под разными личинами старается втереться в доверие и ужалить нас в самое сердце.

ВСЕГДА И ВЕЗДЕ БУДЬ НА-ЧЕКУ!

Не хвастай своей осведомленностью. О военных секретах не рассказывай нигде, никогда и никому — ни друзьям, ни знакомым, ни родным.

ЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ТВОЙ ВРАГ, ТОГО НЕ ГОВОРИ И ДРУГУ.

НЕ БОЛТАЙ!

Помни: слово не воробей, выпустишь — не поймаешь.

ОДНО НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО МОЖЕТ ПОГУБИТЬ ЦЕЛЫЙ ПОЛК.

Храни, как зеницу ока, личные и служебные документы. Потерянный или украденный у тебя документ используют враги. Избегай случайных знакомств.

Гляди в оба! Особенно насторожись, когда посторонний любопытствует — где расположена твоя часть, куда она передвигается, сколько в ней бойцов, чем она вооружена. Тщательно проверь, что это за человек.

Задерживай всех подозрительных. Во-время изловить и обезвредить шпиона — это значит сорвать гнусные замыслы коварного врага.

УТРОИМ БДИТЕЛЬНОСТЬ! ЭТО ПОМОЖЕТ СКОРЕЕ ПОБЕДИТЬ ВРАГА.

Ты присягал: «Быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну».

Свято выполняй присягу!

РАЗГЛАШЕНИЕ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ — ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД РОДИНОЙ.

К СУРОВОМУ ОТВЕТУ БОЛТУНОВ И РАЗГИЛЬДЯЕВ!

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ!

Главное Политическое Управление Красной Армии

Воениздат НКО

Заказ № 595

Листовка Главного Политического Управления Красной Армии, 1942 (?) г.
Из фондов РНБ

VII. ВОЕННЫЕ ДОНЕСЕНИЯ

По-моему, уже нужно было бы давно об этом сообщить нашим советским органам, и не как уголовное дело, а как политическое, ибо она имела прямую связь с нашим врагом в дни оккупации моей родины, город Краснодара. Вы должны будете обратиться в Особый Отдел и привлечь как изменницу и пособницу немецкого фашизма к суровой каре...

Из письма Ивана Ермоленко семье, 1943 г.

Александр Чащухин

АКТЕР КАК ЗРИТЕЛЬ. ЗРИТЕЛЬ КАК АКТЕР

Этот раздел может удивить читателя, знакомого с жанром публикации исторических документов. Почему в одном разделе соседствуют геополитические фантазии известного художника-баталиста и письма с фронта вдохновленных революцией солдат? Какая связь между жалобами остзейских баронов и сообщениями военных цензоров о настроениях солдат? Объединение в одном разделе текстов различного происхождения, располагающихся на почти полувековой хронологической линейке, выглядит странным на взгляд «традиционного» историка. Возможное непонимание связано с привычной исторической оптикой, которая вряд ли будет эффективной при чтении данного раздела. Мы имеем дело с ситуацией, когда желательно отойти от чтения, организованного по схемам: «было — стало», «произошло, потому что», «вот как на самом деле...». Тексты, собранные в данном разделе, — это не столько свидетельства исторических процессов, сколько демонстрация различных стратегий людей, которые, оказавшись в ситуации войны, добровольно или вынужденно обращаются к власти.

Можно вспомнить известный режиссерский прием. Актеры демонстрируют сложные конфликтные отношения, вызванные... отсутствующим на сцене лицом. Это рождает особый эффект. В представлении зрителя напряжение действия возрастает, а невидимость основного персонажа способствует тому, что его образ становится ярче и контрастнее. Ведь незримая фигура непрерывно конструируется актерами в форме прокламаций, оговорок, апелляций к нормам. В нашем случае этой невидимой, но постоянно воображаемой и конструируемой авторами текстов фигурой является власть. В одном случае это государь-император, в другом — Совет рабочих и солдатских депутатов, в третьем — глава цензурного ведомства. Ответные реакции и взаимодействие по этим документам выявить сложно. Если использовать те же драматургические метафоры, мы видим не само действие, а читаем его пересказ непрофессиональным зрителем или критиком, которые, в свою очередь, сами играют роли, но уже в другом спектакле, полное содержание которого восстановить вряд ли возможно. Мы видим не столько спектакль, сколько слышим отдельные голоса участников сложного действа. Оно разворачивается одновременно как минимум на двух сценах. Зрители являются актерами, принимающими решения о том, как играть свою роль на основе увиденного и услышанного на подмостках. Участникам дозволяется периодически обращаться в зал и отправлять записки на сцену. Обращаться с требованиями или просьбами.

Эта игра, добровольная или вынужденная, демонстрирует не только образы власти, но и те инструменты, посредством которых эта власть конструируется.

Захваченные важным делом, авторы вынуждены постоянно определять и переопределять свою собственную позицию. Вопрошать о правилах, о своем месте, о девиациях окружающих. Практика обращения к вышестоящему лицу выглядит как вопрос о норме, которую человек пытается использовать для оценивания и регулирования конкретной ситуации. Эта норма угадывается, распознается автором в дискурсах высшей власти и требует своего подтверждения. При этом создатели текстов невольно проговариваются о повседневности, которая в условиях войны или революции постоянно подвергается сомнению и рефлексии. Перед авторами-актерами неизбежно встает проблема. Как обратиться к власти? Ведь для этого необходимо выразить свои насущные проблемы на языке, который для этого не предназначен. Как вороватого интенданта превратить в поборника старого строя, а ворчащего на фронте солдата в предателя Родины?

Исторически сюжеты текстов связаны с теми вооруженными конфликтами, которые имели наиболее шоковые последствия для страны: Русско-японская война, Первая мировая и ее продолжение в виде революции, наконец — Великая Отечественная. Раздел начинается с писем известного художника-баталиста Василия Верещагина. Адресованные государю-императору, эти тексты представляют особый жанр. С позиций придворного этикета «донесения» живописца выглядят вызывающими:

> Простите, ваше величество, мою смелость, если я прибавлю: где же была высшая предусмотрительность накануне объявления войны, в памятную ночь, когда Россия получила такую обиду от горсти японских храбрецов-плутов? Где были наши многочисленные миноноски со своими храбрыми командирами? Почему они еще не решаются взрывать японских судов? Почему не жгут Цуругу, Иокагаму и другие японские города и тем не отвлекают японские силы, не вызывают в Японии панику, долженствующую привести ее к «смирению»?

Главным языком художника является визуальность. Картины Верещагина, как известно, вызывали неоднозначные оценки современников — от восторга до осуждения. На этот раз ключевая тема войны художником представлена вербально. Это заставляет по-новому для неспециалиста посмотреть как на самого живописца, так и на некий социальный типаж человека, который искренне пытается участвовать в строительстве империи. Не служака-подданный, выполняющий приказы государя-императора, но доброволец, пытающийся осмыслить и довести до власти пространственные символы воображаемой империи. Художник, взявшийся за перо, мыслит грандиозно: объявляет войны и создает союзы, присоединяет территории от Центральной Азии до Дальнего Востока, между прочим упоминает о дружбе с Теодором Рузвельтом и занимается кадровыми назначениями военного руководства.

Позиция, с которой ведется этот монолог, периферийна относительно чинов и званий. Художник, не чуждый военного дела. Пацифист, который желает принять участие в каждом вооруженном конфликте империи. Верещагин пытается через пространственные символы имперского языка объяснить, доказать, направить, дать «дельный совет» власти. Была ли забыта эта стратегия? Наверное,

«Ребята, защищайте родину!»
Худ. А. Пахомов, 1941 г. Из фондов РНБ

в измененном виде ее можно обнаружить в программных текстах А.И. Солженицына, в разговорах советской интеллигенции, перерабатывавшей дискурсы программы «Время» и «вражеских голосов». Ирония Венечки Ерофеева, герой которого рассуждает о Гиндукуше и об арабо-израильском конфликте, появилась не на пустом месте.

Вопрошать власть о норме — значит определять свою позицию. Посмотреть на себя глазами Другого — значит попытаться распознать свою идентичность. Этой теме посвящена подборка текстов, связанных с Первой мировой войной, с началом которой произошло стремительное оформление националистического дискурса. В качестве наиболее известного примера можно привести символическую славянизацию имперской столицы, название которой внезапно стало восприниматься чуждым патриотически настроенному слуху. В широком смысле прежние имперские идентичности, основанные на подданстве, вступили в противоречие с национальными идеями. Верность остзейских немцев неожиданно была поставлена под сомнение. В условиях шпиономании это рождало фантастические картины, тиражируемые прессой. Бароны запускают разведывательные аэропланы и салютуют германскому флоту, сам граф Цеппелин связан с ними родственными узами. Что политически правильно? Кричать: «долой немцев» или «долой германцев»? Прибалтийское дворянство защищается, подчеркивая разницу между подданством и этничностью. Такая демонстрация лояльности,

выглядящая оправданием, дает возможность редакции «Нового времени» не извиняться, а воспроизводить и дальше свои обличения. Эта схватка ведется с оглядкой на ту самую невидимую, но подразумеваемую фигуру — власть. Она должна дать правильный ответ, урезонить обидчиков. Между тем национализм стал уже частью государственного дискурса. Сомнения в лояльности рождали особые практики распознания и последующей стигматизации «неправильной» идентичности.

В условиях войны, а тем более — революции дьявол может принимать различные образы. Задача лояльного по отношению к власти человека — выявить и заклеймить врага, тем самым сделав его видимым для власти, а значит — безопасным для самого себя. Это видно в следующем тематическом блоке, посвященном солдатским письмам революционной эпохи. Нет нужды напоминать о Приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. О том, как разложилась российская армия, выйдя из подчинения офицеров, писалось много историками и публицистами. За письмами солдат можно увидеть не просто очередную иллюстрацию известных событий. В этих текстах обнаруживаются стратегии обращения к власти, но уже с иных позиций. Плохо образованные солдаты и «нижние чины» пытаются интерпретировать социальное напряжение и конфликты в политических терминах революционной эпохи. Сложности перевода здесь только усиливаются. Ведь авторам требуется интерпретировать свои повседневные фронтовые проблемы посредством нового языка новой власти. Неизбежным следствием этого становится наивное освоение революционного дискурса, сложное переплетение бытовых и политических тем. Травма войны преодолевается с помощью травмы революции, дающей язык, с помощью которого мир обретает новые структуры, конструируется конкретный враг — офицер, издевающийся над простыми солдатами. При этом авторы не могут избавиться от структур и смыслов прежних дискурсов. Революционные требования могут строиться по схеме челобитной просьбы. Офицер — классовый враг становится то немцем-шпионом, то вором и развратником. Его контрреволюционность может заключаться и в том, что он катает на казенном автомобиле сестер милосердия.

Особое место в разделе занимают тексты, рожденные российской и советской цензурой. Их главная специфика в том, что они выражают видение не стороннего наблюдателя, а человека, погруженного в саму структуру власти. Изменение фокуса здесь дает иную картину. До сих пор власть предстает как некий невидимый, но постоянно упоминаемый персонаж. Речь цензора демонстрирует тоже проблему перевода, но уже внутри структур самой власти. Специфика позиции всегда ставит перед цензором вопрос о том, что политически правильно, а что — проявление крамолы. Ведь инструмента, подобного средневековому «Молоту ведьм», в арсенале имперских и советских цензоров не было. Инструкции по обнаружению врагов нужно было вообразить, представить на основе газетных клише, опубликованных речей вождей, секретных циркуляров. Что проверяющий выбирает в качестве позитивного примера, на какие недостатки и, самое главное, *как* обязан указывать? Для этого недостаточно «угадать» то, что ожидает начальство. Для этого необходимо научиться определенным образом переводить

окружающую социальную реальность в понятный для вышестоящего человека язык отчета.

Цензор должен почувствовать настроения людей, выявить крамолу или близкие к ней высказывания, произвести отбор и сочинить текст с необходимым цитированием, предназначенным для вышестоящего начальника. Текст, с одной стороны, должен быть политически правильным, содержать те нормы, которыми руководствуются как начальник, так и цензор. С другой стороны, донесение должно быть информативным — содержать некоторые выявленные проблемы, без которых квалификация и лояльность самого цензора может быть поставлена под сомнение. Эта позиция предполагает необходимость обнаружения крамолы, но выявляться она должна особым образом. Здесь будет полезным сравнение правил, по которым строился этот жанр на излете Российской империи и в сталинскую эпоху. Цензор ведет рассказ об увиденном и услышанном. Он читает письма, содержание которых подвергается для вышестоящего начальника нехитрому статистическому анализу. Особый интерес здесь вызывают приемы цитирования. Оно может быть прямым, если речь идет об использовании солдатских писем, но зачастую принимает форму пересказа увиденного, услышанного от других людей. Слух, устное донесение, о настоящем содержании которого можно только догадываться, цензор встраивает в докладную, используя их в качестве аргументации и «достоверности» проделанной работы. Пересказ рассказа фиксируется в отчете. Как это происходит? Что из услышанного или увиденного цензор считает значимым? Как он систематизирует отправляемую наверх информацию? Соблюдение некоего негласного канона предполагает определенное «творчество», которое, в свою очередь, тоже подчиняется неким правилам.

Раздел заканчивается письмами одного из наиболее важных жанров сталинской эпохи. Терминология здесь может иметь значение. Донос, как известно, в советском политическом лексиконе стал именоваться жалобой или сигналом. Авторы этих писем — советские люди, пережившие немецкую оккупацию. Их главная тема — наказание коллаборационистов, в числе которых оказываются их односельчане и родственники. С прежними текстами эти письма роднит проговариваемая повседневность, переводимая на язык передовиц, поиск и утверждение собственной позиции и связанной с ней идентичности. Между тем интонации этих текстов иные. Детальное описание мира простых вещей здесь не является случайностью. Мыло, продукты, одежда приобретают для авторов не просто огромное значение в условиях военных лишений. Они служат аргументами для доказательства зверств оккупантов и предательства соотечественников. Лояльность власти и верность Родине авторы демонстрируют посредством использования газетных штампов и описания телесных страданий, которые в какой-то момент становятся неотличимыми от мира вещей, упоминаемых авторами в контексте утраты. Донос или жалоба в форме автобиографического жития. Обращение к власти как рассказ о поведении себя и других в период оккупации. Стигматизация чужого с одновременным желанием избежать возможного клейма на самом себе.

Можно по-разному интерпретировать предложенные тексты. Поклонники Мишеля Фуко увидят здесь технологию власти. Инструментарий Пьера Бурдье

выдвинет на первый план проблему габитуса пишущего во власть человека. Феноменологический взгляд заставит обратить внимание на повседневные смыслы. Метафора сцены предполагает отсылку к Ирвингу Гофману. Вне зависимости от выбранной точки зрения, не стоит забывать и о собственной позиции как читателя. Играя роль критика или зрителя угадываемой за текстами драмы, мы не должны забывать о том, что сами являемся участниками театрального действия. Известную метафору Клиффорда Гирца о «подмигивании по поводу подмигивания» можно применить и к нам самим. Ведь мы в некотором роде повторяем авторов писем — пытаемся интерпретировать и распознать действия персонажей, играя одновременно роли в своем собственном действе. С той лишь разницей, что барьер между нами и сценой находится во времени, а не в пространстве.

Василий Верещагин: «ЕСЛИ САБЛЯ МОЯ НЕ СИЛЬНА, ТО ХОТЬ КАРАНДАШ ПОСЛУЖИТ ВАМ» (1904)

Василий Васильевич Верещагин (1842—1904), один из самых известных российских художников-баталистов, получил образование в Морском кадетском корпусе и петербургской Академии художеств. В течение 1860—1880-х гг. неоднократно путешествовал по Центральной Азии, Ближнему Востоку, Индии, Тибету и Западному Китаю. Опыт знакомства с евразийскими культурами, переживавшими в то время активную экспансию европейских империй, отразился в письмах, которые Верещагин писал Николаю II во время Русско-японской войны. Участник туркестанских походов российской армии, Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Русско-японской войны. Погиб 31 марта 1904 г. на броненосце «Петропавловск».

8 февраля 1904 г.

Ваше величество.

«Не велите меня казнить, а велите мне говорить». Позвольте заметить вашему величеству, что слух о намерении вашем, наконец, покарать вероломство англичан походом на Индию может вызвать недоразумение в этой стране. Это — великое, мудрое намерение, золотые для России слова, так как пора, действительно, обуздать заносчивость и нахальство англичан, третирующих нас, как отребье человеческого рода. Но, ваше величество, одно дело — известие в Индии о том, что белый царь решился, наконец, *освободить* ее, а другое дело — оповещение о намерении России *покорить* ее. Какая нужда князьям и народам Индии менять господ англичан на господ русских? Первое известие вызовет общий энтузиазм, а второе — непременно желание всем соединиться против нашествия. То же и относительно Афганистана: известие о нашем походе на Герат, которого они давно боятся, озлобит всю страну, тогда как известие об освобождении Индии, в союзе с Афганистаном, сделает наш переход через горы легким. Афганистан должен слышать о том, что мы хотим сделать его сильнее, как естественный барьер против ненасытного корыстолюбия и дерзости Англии, и желаем удовлетворить его давнишнее желание подарком Кашмира и Ладока.

Я был в Гималаях до самых соленых Тибетских озер и могу дать вашему величеству много ценных сведений. Я счел бы за большую честь, если бы ваше величество выслушали меня по некоторым другим вопросам, мне вполне хорошо известным.

Позволяю себе сказать вашему величеству, что нам пора, освободивши большую часть братьев-славян совершенно и добившись для остальных реформ и улучшений, откровенно отказаться от посягательства на остатки турецких владений и протянуть руку мусульманам, а затем, как мы долго были борцами против них, так теперь быть их предводителем в будущей борьбе против желтолицых, угрожающих им так же, как и нам.

Позволяю себе также сказать вашему величеству, что я пробыл в последнее время больше года в Америке и, будучи личным другом президента Рузвельта, знаю цену как ему, так и многим американцам, то должен заметить, что поведение их против нас прямо вражеское. Нахальство и дерзость их начинают тоже выходить из пределов дозволенного. Я полагаю, у них намерение *под первым предлогом*, по почину Англии и под видом расположения к вам, остановить вашу справедливо занесенную руку над японцами — перед открытием выставки в С.-Луи, выставки, в которую заложены миллиарды американских денег и неуспех которой разорит множество американцев. Помимо того, что нам нечего бояться американцев, как и англичан, я думаю, что, имея в руках успех или неуспех их всемирной выставки, ваше величество может говорить с ними коротко, властно и твердо.

Только что воротившись из Японии, я сожалею, что не имел случая лично доложить вашему величеству о полной уверенности в том, что в умах японцев война была неизбежно решена.

Теперь, когда «совершилось» и флот наш так жестоко пострадал, горько думать, что сухопутные силы могут подвергнуться той же участи. Предполагая даже, что японцы дадут вашим войскам спокойно собраться, не прервут железнодорожный путь, не навалятся с превосходными силами на войска, расположенные на Ялу, не предпримут никакой каверзы против Порт-Артура, что сомнительно, так как заряд искусственного газа в них еще силен и не выдохся, — надобно допустить, что они покроют всю Корею сетью фортов, за которыми с 300 000 человек хорошего войска, в дикой бездорожной стране, будут почти непобедимы.

Прикажите, ваше величество, чтобы полумиллионная армия, под командою многоопытного сподвижника и вдохновителя покойного Скобелева, генерала Куропаткина, двинулась против врага, о силе настойчивости и полной подготовленности которого я говорил, возвратившись из той страны.

Одно известие об этом сразу успокоит всех друзей наших и устрашит всех врагов.

Не сломить, не победить Японию или победить ее наполовину — нельзя из опасения потерять наш престиж в Азии.

Вся Россия молит ваше величество пребыть твердым до конца, и по примеру покойного предка вашего, императора Александра I, произнести громко слово его: «не положу оружия», пока не смирю это государство шуллера...

Простите, ваше величество, мою смелость, если я прибавлю: где же была высшая предусмотрительность накануне объявления войны, в памятную ночь, когда Россия получила такую обиду от горсти японских храбрецов-плутов? Где были наши многочисленные миноноски со своими храбрыми командирами? Почему они еще не решаются взрывать японских судов? Почему не жгут Цуругу, Иокагаму и другие японские города и тем не отвлекают японские силы, не вызывают в Японии панику, долженствующую привести ее к «смирению»?

Простите, не взыщите и примите уверение в моем глубоком уважении и беспредельной преданности.

В. Верещагин

Покажите, ваше величество, американцам, что легко потерять дружбу России, как они с легким сердцем сделали, но воротить ее будет трудно.

«К войне России с Японией». Автор неизвестен, 1904 г. Из фондов РНБ

15 февраля 1904 г.

Ваше величество.

Не взыщите за смелость писать вам: прикажите генералу Куропаткину немедленно собраться и выехать на Восток, где его присутствие будет стоить помощи в 50 000 человек. Суворов — на языке у всех военных, но главное суворовское правило — быстрота сборов — не практикуется.

Не говоря про то, что генерал Линевич не может быть сразу на обоих наиболее угрожаемых пунктах, и *начало* может быть неумелыми руками испорчено, важно вести отступление, если бы таковое понадобилось, научно и методично, так, как вел его Барклай-де-Толли, ничего не оставляя за собой.

И вашему величеству, и всей России будет спокойнее, когда Алексей Николаевич будет там.

С глубоким уважением и бесконечною верноподданническою преданностью остаюсь

В. Верещагин

(мизерабле — артист)

18 февраля 1904 г.

Ваше величество.

Дозвольте вашему верноподданному перед отъездом на Восток, еще раз обратиться к вам: мосты! мосты! мосты! Если мосты останутся целы, японцы

пропали; в противном случае, один сорванный мост на Сунгари будет стоить половины кампании. И мост на Шилке должен быть оберегаем, потому что чем отчаяннее будет положение японцев, тем к более отчаянным средствам будут они прибегать. Кроме тройных проволочных канатов на Сунгари нужна маленькая флотилия, чтобы осматривать шаланды, ибо с начала марта со стороны Гирина, конечно, кишащего шпионами, будут попытки и минами, и брандерами.

Жаль, что А.Н. Куропаткин собирается не по-суворовски. Если не на самом месте действия, то по дороге — ободрить части, направить именем государя, вдохновить большое дело, на которое «бригадного мало». А что этот бравый «бригадный» может натворить впереди, то и представить себе трудно, особенно теперь, когда от начала будет зависеть разрешение вопроса: добудут японцы денег или нет?

С дозволения генерала Фредерикса, я буду писать ему и почтительно прошу ваше величество дозволить мне прилагать для вас маленькие наброски местности и типов.

Если сабля моя не сильна, то хоть карандаш послужит вам.

Прошу ваше величество принять уверения в глубоком уважении и беспредельной верноподданнической верности.

Художник В. Верещагин

И другой мост на Сунгари очень важен — мосты! мосты! мосты!

23 марта 1904 г.

Ваше величество.

Простите, что беру смелость еще писать вам.

Не верьте, государь, что Кругобайкальская железная дорога может быть скоро готова — она долго еще не будет в состоянии перевозить войска, и желательно было бы обратить внимание на Амур, на этот кормилец-путь, так обиженный из-за железной дороги. Вместо Шилки, вероятно, можно было бы воспользоваться Аргунью, теперь даже еще не исследованной, и пара мелкосидящих пароходов, присланных в разобранном виде, много помогут движению. Глубоко сидящие пароходы для среднего и нижнего Амура есть, баржи также.

Возможно, что с наступлением таяния снегов будут части полотна, которые поплывут и задержат движение. С наступлением дождей непременно будут промывки пути. Затем, можно думать, что, если японцы не будут еще к теплому времени основательно побиты, китайское население зашевелится, потому что систематически дурное обращение наше с туземцами озлобило их: подзатыльником указывали китайцу место, где он должен взять билет, подзатыльником вталкивали его в вагон. Как выразился один маньчжурский купец, «законы русские хороши, лучше китайских, но люди хуже».

Я сам был свидетелем кормления туземцев плюхами, и это — на железной дороге: того же, что делалось по сторонам, пересказать трудно, так что попытки восстаний со стороны жителей весьма вероятны и возможны.

Ввиду всего этого желательно иметь *колесный путь* параллельно железнодорожному. Я говорил об этом генералу Куропаткину и думаю, что к делу следовало бы приступить самым энергичным образом.

Не знаю, известен ли вашему величеству факт, что чумаки, было, пропавшие вдоль линий наших южных железных дорог, теперь снова завелись и доставляют товары, в общем, верно и скорее железных дорог.

Ваше величество.

Простите меня за совет на будущее время: быстроходных крейсеров, быстроходных крейсеров, быстроходных крейсеров! С ними ваше величество будете держать в страхе не только Англию, но и Америку. Без них никто не будет бояться наших броненосцев.

С глубоким почтением и бесконечною преданностью вашего величия слуга

В. Верещагин, художник

Думаю, возможен грандиозный обход японских позиций.

Без даты.

Ваше величество.

Позвольте верноподданному вашему известить вас, что в армии вашей, сытой, довольной, веселой и с нетерпением ждущей случая схватиться с врагом, так оскорбившим вас и Россию, есть серьезная боязнь, как бы вы не смиловались над ним и не заключили мира, не наказавши его полностью. Только этого и боятся.

Порт-Артур поразил меня малостью своей бухты, так как из западной части вычерпано очень мало за все 6 лет. Когда эту западную бухту вычерпают, порт будет хороший, но теперь в него нельзя входить — в него втаскивают; из него нельзя выходить — из него вытаскивают. За все 6 лет не вырыли нового дока и не исправили, до годности к исправлению броненосцев, старого. Вовсе забросили док для починки миноносцев и только сейчас начали исправлять его, когда уже большая часть наших миноносцев попеременились без дока...

Орудия на батареях и фортах грозных высот, окружающих гавань и город, плохи, по большей части старого образца, т.е. даже и большие — недальнобойные (78 года). Только Электрическая батарея имеет 5 десятидюймовых орудий дальнего боя, да Суворовская и Крестовая батарея имеют 6-дюймовые пушки Канэ в числе 10—11 штук. Несколько орудий, взятых с одного борта «Ретвизана» на то время, пока он чинится, стреляющих тоже на 8—10 верст, довершают действительную защиту города. Большая же часть пушек, включая и мортиры, принуждены молчать в то время, что неприятель стреляет по нам «на счастливого», разбивает, ранит.

Не будет ли возможности, ваше величество, прислать еще хоть 10-ти, если не 12-дюймовых, дальнобойных орудий?

Не отнимайте, государь, угрозы англичанам войсками к стороне Индии. Закажите побольше быстроходных броненосных крейсеров — все, кому то следует знать, поймут ваше намерение бить их и дубьем, и рублем.

Общий голос признает, ваше величество, что 20 и 27 января японцы наверное могли взять Порт-Артур, потому что на батареях не было ни одного орудия, а у небольшого количества защитников даже не имелось патронов с собой. Но «на всякую старуху есть проруха» — японцы упустили случай, и теперь он не представится больше.

В армии боятся, что враги наши не выйдут из Кореи, т.е. хоть теперь проявят, кроме юркости, и благоразумие, но я полагаю, что они не утерпят: направляемые не столько министрами и генералами, сколько нерадивыми крикунами, они поддадутся соблазну и не вытерпят укоров в измене отечеству, в продажности русским; желание доказать перед всем миром, на что они способны, докончит дело, и мы, вероятно, увидим их на равнинах Манчжурии.

Я прошу ваше величество не взыскать на мне за это письмо и принять уверение в искреннем уважении и глубокой верноподданнейшей преданности.

В. Верещагин, художник

ПРИБАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ: «УКАЗАННЫЕ СООБЩЕНИЯ НЕ СООТВЕТСТВУЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» (1914—1915)

Ниже приводятся письма, отправленные прибалтийскими немцами в газету «Новое время» (Петроград) в качестве опровержений публикуемых в газете сведений, а также комментарии редакции газеты. Граф Владимир Евстафьевич Рейтерн, барон Нолькен (1851—1917) был курляндским губернским предводителем дворянства в 1909—1917 гг. Граф Фридрих Георг Магнус Берг (1845—1938) был представителем остзейского дворянства и владельцем замка Загниц. Александр Николаевич Меллер-Закомельский (1844—1928), видный военный деятель Российской империи, известный, среди прочего, своей ролью в подавлении революции 1905 г., был в 1906—1909 гг. временным прибалтийским генерал-губернатором; в 1909—1917 гг. член Государственного совета. В эмиграции с 1917 г. Анатолий Павлович Ливен (1873—1937), офицер российской армии, с 1918 г. — активный участник латвийского национального движения. Информацию об авторах других писем установить не удалось.

24 декабря 1914 г., граф Рейтерн-Нолькен

М. г. Прошу издательство газеты «Новое Время», на основании ст. 114 п. 12 уст. о цензуре и печати, дать место следующему опровержению:

В № 13925 газеты «Новое Время» в отделе «Среди газет и журналов» помещено сообщение из Митавских газет следующего содержания:

«На станции ига-Главная в поезде из Муравьева были найдены забытыя вещи. С целью установить владельца вещи были осмотрены, и в сумочке оказались письма, адресованныя русской подданной баронессе Фиркс, проживающей в Митаве.

Письма были от ея сына, тоже русского подданного, который, оказывается, сражается в германской армии, действующей против России, в качестве прусского лейтенанта.

Барон Фиркс уведомляет мамашу о получении от нея письма, затем сообщает, что он "за храбрость получил серебряные аксельбанты и Железный Крест".

Письмо заканчивается печальными вестями: "Мой племянник Ганс Фиркс, а также барон Врангель умерли за отечество"».

«Русско-подданные» бароны, умирающие за германское отечество!.. Высшего проявления Прибалтийской лояльности по отношению к Германии невозможно и требовать».

Освещение этого письма неправильное.

Во-первых, приведенное письмо написано не русским подданным и не сыном баронессы Фиркс, а германским подданным, а упомянутый в нем барон Ганс Фиркс, павший в августе месяце на французском фронте, находился уже с дет-

ства, т.-е. более двадцати лет, в германском подданстве и состоял поручиком в одном из полков германской армии.

Губ. Предводитель дворянства
граф Рейтерн-Нолькен

От редакции. Очевидно, граф Рейтерн-Нолькен нашел необходимым вступиться в настоящее дело лишь в качестве Курляндского губернского предводителя дворянства. Это делает ему честь, как высоко держащему знамя рыцарства. Однако «освещение» его вызывает ряд недоразумений. Почему гр. Рейтерн, отстаивая барона Ганса Фиркса, ничего не сказал о бар. Врангеле? Каким образом барон Ганс Фиркс не сын баронессы Фиркс? Какую же фамилию носила его почтенная мамаша? И кому принадлежала та сумочка, с содержанием которой, видимо, знаком и гр. Рейтерн? Наконец гр. Рейтерн придает большое значение тому, что бар. Ганс Фиркс бывший русский подданный, а теперь германский, и этим все как бы приводится в норму. А нам кажется, что так легко менять подданство, как это делается в Прибалтийском крае (бар. Фиркс только один из многих), едва ли нормально, и весьма сомнительно, чтобы нашелся русский дворянин, который испрашивал бы соизволение на перемену подданства, как будто бы это была самая пустая и обыденная вещь. Оберегая честь Курляндского рыцарства, гр. Рейтерн очень отзывчиво относится к тому, что появляется на этот счет в печати. Почему же он не отозвался на обошедшую всю печать историю с гр. Мантейфелем? И как думает реагировать на нее возглавляемое гр. Рейтерном Курляндское дворянство?

22 октября 1914 г., граф Ф.Ф. Берг

М. г. В № 13866 газеты «Новое время» от 18 сего октября, на 15 стран., помещена статья под названием: «В стране чудес. Кое-что о помещиках, фактах, слухах и Германцах» за подписью «А. Ренников», в коей, между прочим сообщается, что в принадлежащем графу Бергу имении Загниц, Лифляндской губ., имеется аэроплан, часто поднимающийся над имением и даже сопровождавший 9 сентября воинский поезд до ст. Валк, что о таинственном аэроплане производилось разследование каким-то офицером и местными властями, и что в имении Загниц находится огромный забор, выкрашенный для каких-то неизвестных целей в ярко-белую краску и хорошо видный за много верст.

Эти изложенные в корреспонденции обстоятельства в действительности никогда не имели места.

С совершенным почтением
Граф Ф.Ф. Берг

7 декабря 1914 г., баронесса Дагмар Вольф

На основании ст. 12 прил. к ст. 114 уст. о цензуре и печати (по продолж. 1906 года) прошу поместить в ближайшем № газеты «Новое Время» следующее опровержение.

В № 13822 от 4 сентября с. г. газеты «Новое Время» сообщено, что неизвестные аэропланы спускались на отдаленные лесные луга имения Альт-Шваненбург,

«Франц послушался Вильгельма...» Автор неизвестен, 1914 г.
Из фондов Донской государственной публичной библиотеки

Франц послушался Вильгельма,
А Вильгельм подвел — вот, шельма!
Глядь, медведь уж тут как тут.
И приятелям капут.

каковое принадлежало дочери графа Цеппелина, и что единственные жители в этих лесах лесники и сторожа, если не все, так большинство, немцы. Равным образом в № 13868 от 20 октября 1914 года в корреспонденции г. Ренникова, под заглавием: «В стране чудес», говорится, будто всем известно, что граф Цеппелин

построил первый воздушный корабль на средства своей жены, прибалтийской помещицы, боронесы Вольф, которая для доставления графу необходимых денег заложила свое имение Альт-Шваненбург и пр.

Указанные сообщения не соответствуют действительности:

1) Имение Альт-Шваненбург никогда ни дочери, ни жене графа Цеппелина не принадлежало, а принадлежит мне, русской подданной, урожденной баронессе Менгден.

2) Я ничего общего с графом Цеппелином не имею и никогда в расходах по постройке его воздушных кораблей участия не принимала и принимать не намерена, тем более что мои два сына находятся в действующей армии против Германцев, один в санитарном отряде имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, а другой в лейб-гв. Уланском полку.

3) Никакие цеппелины или другие аэропланы иностранного происхождения над имением Альт-Шваненбург никогда не летали и здесь не опускались.

4) Имение Альт-Шваненбург составляет дворянский родовой фидеикомисс, который, согласно закону и Высочайше утвержденному учредительному акту, ни отчуждаем, ни закладываем быть не может.

5) Лесники и сторожа в означенном имении отнюдь не немцы, а латыши, как и вообще все местные крестьяне.

Баронесса Дагмар Вольф, урожденная баронесса Менгден, владелица майоратного имения Альт-Шваненбург.

Альт-Шваненбург,
2 декабря 1914 года

О Гр. Цеппелине и прибалтийских немцах на почве тех же ошибочных данных писалось много в русской печати. В сборнике Ар. Тупина приведены следующие статьи: Симсона, в Русск. Инвалиде (стр. 42—44); там же в № 138 (стр. 45); Я. Н-ова, «Нов. Время» октября (стр. 50); Ренникова, «Нов. Вр.» 20 окт. (стр. 54); Никанорова, «Нов. Вр.» 1 сент. (стр. 65); «Утро России» 12 окт. (стр. 120); Куприна, «Русское Слово» 30 октября (стр. 240).

12 октября 1914 г., барон Буксгевден

По поводу статьи «С острова Эзеля» в № 13823 «Нового Времени», в интересах истины, прошу вас не отказать напечатать следующее:

1) Никакого террора среди местного населения не было, но если в первое время после объявления войны замечалось некоторое стремление покинуть наш остров, то это почти исключительно среди лиц, приехавших в Аренсбург лечиться, и поспешивших выехать частью из-за предстоявшего прекращения сообщения по морю, частью, в виду казавшегося тогда возможным, неприятельскаго десанта.

2) Германские цеппелины, по сведениям, имеющимся в распоряжении местной полиции, никогда не спускались на о. Эзеле, ни в заповедных, ни в других имениях. Оно и вполне понятно, так как всякому известно, что для спусков цеппелинов требуется помощь нескольких десятков людей.

3) Случаев салютования немецким судам местными немцами не было и не могло быть, так как до настоящаго времени ни одно германское судно к берегам о. Эзеля не подходило, фарватер же для кораблей, следующих из Германии по направлению в Ригу или Ревель, проходит верстах в 10—20 от берегов острова Эзеля.

Предводитель дворянства о. Эзеля и. д. егермейстера Высочайшаго двора бар. Буксгевден

16 сентября 1914 г., барон Меллер-Закомельский

М. г. Статья «В сетях неприятеля», напечатанная в «Новом Времени» 14 (27) сентября за подписью «А. Столыпин», начинается следующим: «Несколько лет назад было Высочайше указано назначать на служебные должности в Прибалтийском крае русских чиновников. По этому поводу припоминается даже не лишенная остроты история о переписке генерал-губернатора Меллер-Закомельского, находившего, что русские люди недостаточно культурны и что немцев в крайнем случае можно заменять разве что поляками. Это вызвало отповедь министра внутренних дел, напомнившего генералу о том, что Высочайшие повеления сообщаются ему не для критики, а для исполнения». Г. Столыпин находит эту «историю, не лишенной остроты», а я нахожу ее в изложении г. Столыпина не согласной с действительностью. Бывший в то время министром внутренних дел покойный П.А. Столыпин сообщил мне о желательности впредь замещать должности чинов уездной полиции русскими. О замещении русскими чиновников других ведомств не упоминалось, так как таковые не состояли в ведении министра внутренних дел. Я отвечал министру, что уездная полиция, чиновники которой действительно состояли в большинстве из немцев, в 1905—1906—1907 годах самоотверженно исполняли свой долг в борьбе с революционерами и грабителями, многие из этих чинов были убиты и ранены за это время. Что на увольнение кого-либо из них только потому, что он немец, я согласиться не могу. Что рассчитывать на то, что действительно хорошие и дельные полицейские чиновники из русских охотно пойдут на службу в Прибалтийский край, довольно трудно, а пополнять полицию чиновниками без разбора только потому, что они русские, могло уронить престиж власти в глазах населения. Что для пользы дела необходимо чинам полиции знать латышский или эстонский языки (смотря по местности), дабы они не были в руках переводчиков, составляющих большое зло на окраинах. Незнание этих языков я не мог считать недостатком культуры у русских, как то пишет г. Столыпин, который к тому же плохо знает военную среду, приписывая мне критику Высочайшего повеления. Прослужив в то время более 40 лет в строю, я привык свято исполнять Высочайшие повеления и таковое было бы немедленно исполнено, если бы было в действительности, а не в воображении г. Столыпина, как и будто бы «отповедь» министра, «что Высочайшие повеления сообщаются мне не для критики, а для исполнения».

Генерал-от-инфантерии барон Меллер-Закомельский, член Г. Совета, бывший вр. Прибалтийский генерал-губернатор

3 января 1915 г., граф Рейтерн-Нолькен

Письмо гр. Рейтерн-Нолькена и наш ответ.

Прошу издательство газеты «Новое Время», на основании ст. 114 п. 12 уст. о цензуре и печати дать место следующему ответу на обращенные ко мне вопросы редакции вышеозначенной газеты:

В № 13933 газеты «Новое Время», напечатано мое краткое опровержение статьи этой газеты относительно письма, найденного в дамской сумочке и адре-

сованного баронессе Фиркс, матери павшего офицера германской службы барона Ганса Фиркса.

Редакция сочла нужным прибавить к моим строчкам целый ряд вопросов, обращенных лично ко мне и обязывающих меня к ответу:

Вопросы эти следующие:

«I. Почему граф Рейтерн, отстаивая барона Ганса Фиркса, ничего не сказал о бароне Врангеле?»

По простой причине, что среди Курляндских дворян баронов Врангель нет, что без обозначения имени невозможно определить, о каком бароне Врангеле идет речь, и наконец потому, что славный и весьма многочисленный род «Врангель» процветает как в России, так и в Швеции и Германии, и я предполагаю, что в письме говорится о германском члене этого рода.

II. «Каким образом барон Ганс Фиркс не сын баронессы Фиркс? Какую же фамилию носила его почтенная мамаша? И кому принадлежала та сумочка, с содержанием которой видимо знаком и гр. Рейтерн?»

На этот ряд игривых вопросов постараюсь дать коллективный ответ.

Покойный барон Ганс Фиркс был единственный сын именно той баронессы Фиркс, сумочка которой подверглась такому тщательному обыску со стороны газетных корреспондентов. Инкриминируемое письмо написано, конечно, не сыном, о котором говорится в письме, что он пал, а третьим лицом, офицером германской службы. Очевидно, корреспондент так увлекся чтением чужих писем, что все перепутал и дошел до абсурда, что будто бы русский подданный барон Фиркс пишет своей матери, что он за «храбрость получил серебряные аксельбанты и железный крест», а затем совместно с бароном Врангелем «умер за отечество».

Что касается моего отношения к сумочке, то оно чисто отрицательное, так как я вообще не имею привычки копаться в дамских ридикюлях и читать чужие письма. Сведения свои я получил от близкого родственника баронессы Фиркс и имею основание считать их вполне достоверными.

III. «Почему же он (гр. Рейтерн) не отозвался на обошедшую всю печать историю с гр. Мантейфелем? И как думает реагировать на нее возглавляемое гр. Рейтерном Курляндское дворянство?»

О графе Мантейфеле, сколько мне известно, в печати никаких историй не печаталось, вероятно, редакция указывает на барона К.К. Мантейфеля, майоратного владельца имения Кацданген в Курляндской губернии, заслужившего особое внимание автора статей «В стране чудес». Точно так же под словом «история» я лишь предполагаю, что надо понять те пассажи статей г-на Ренникова, где он утверждает, что барон Мантейфель имеет «печать с государственным гербом Германии» и награждает своих служащих особою медалью, где с одной стороны изображен господский дом в Кацдангене, а с другой — одноглавый прусский орел. Ключ от этой загадки самый простой. Барон Мантейфель имеет несчастье, что герб его рода заключается в одноглавом орле, и поэтому на его печати и на медали красуется его фамильный герб, а не германский или прусский орел. Впрочем, род Мантейфель разделяет в этом отношении участь многих

Прибалтийских, а также коренных русских дворянских родов, имеющих также в своих гербах одноглавого орла, как, напр., Акимовы, Голенищевы, Горчаковы, Нарышкины, Палтовы и мн. др.

Если я раньше не отозвался на страницах «Нового Времени» по этому поводу, то лишь потому, что в некоторых органах прессы уже появились разъяснения этого недоразумения и что, как мне лично показалось, в широких кругах Петроградского общества, опрометчивость и неверность выводов, сделанных г. Ренниковым в сем деле, были уже оценены по достоинству.

Наконец на вопрос, как думает реагировать Курляндское дворянство на это, я конечно предрешать ничего не могу, но думаю, что так как право изменения гербов не предоставлено дворянским обществам, а инициатива к тому также вне их компетенции, то едва ли Курляндское дворянское общество найдет возможным заняться этим вопросом.

Курляндский губ. предводитель дворянства
граф Рейтерн-Нолькен

18 сентября 1914 г., князь А. Ливен

Письмо в редакцию

М. г. В № 13824 «Новаго Времени» от 6 сего сентября в статье г-на Алексея Суворина, озаглавленной «В Прибалтике», находится сообщение о том, что в городе Бауск, Курляндской губ., доктор-немец на крик латыша «долой немцев» ответил пощечиной. Я, как Бауский уездный предводитель дворянства, могу достоверно сообщить следующее по сему делу: действительно, к Бускому уездному врачу Гертнеру подошел один латыш и стал кричать, обращаясь к нему: «долой немца!» Крики «долой Германию» и «долой германцев», безусловно, являются и у нас в краю выражением искренных патриотических чувств, но крики «долой немцев» или «долой немца», обращенные по адресу русских подданных немецкой национальности со стороны латышей, настроенных со времени беспорядков 1905 года враждебно к первым, справедливо толкуются правительственными органами, как наказуемое законом подстрекательство к возбуждению ненависти одного класса населения к другому на почве национальной розни. В виду такого положения дела, доктор Гертнер, услышав обращенный к нему крик «долой немца» со стороны упомянутого латыша, не ответил ему пощечиной, как то упоминается в статье, а обратился к городовому, который отвел его в городское полицейское управление, где пристав, кстати сказать, чистокровный русский, составил протокол, на основании которого губернское начальство наказало означенного латыша одним месяцем ареста.

Уездный предводитель дворянства, камер-юнкер Двора Его Императорского Величества князь А. Ливен

От редакции. Итак, в Прибалтийском крае надо кричать «долой Германцев», а сказать «долой немцев» уже преступление. Однако в Московской или Ярославской губ., кажется, и «долой немцев» ненаказуемо. Очевидно, что город — то норов.

22 сентября 1914 г., Рижский городской голова В. фон Бульмеринг

Опровержение.

Прошу редакцию газеты «Новое время» на основании ст. 144 прил. п. п. 11 и 12 уст. о цензуре и печати (изд. 1890 г.) поместить в своей газете следующее опровержение:

В № 13831 газеты «Новое Время», от 13 сентября сего года, сообщается, под заголовком «В Прибалтийском крае», следующее:

«"Leep. Atb." сообщает о странном постановлении рижской городской думы. Решено немецкому театру, вынужденному приостановить свою деятельность из-за того, что весь его артистический персонал состоит из германских подданных, оставить из 9,000 руб. субсидию в 7,000 руб., латышскому же театру, который будет функционировать совершенно правильно, из 4,500 руб. лишь 2,250 руб.».

Известие это лишено всякого реального основания, так как вопрос об уменьшении каких-либо субсидий ни в городской управе, ни в городской думе не возбуждался и по этому о каком-либо постановлении по этому вопросу не могло быть и речи.

Впрочем, субсидия латышскому театру на 1914 г. составляет не 4,500 руб., а 21,000 руб.

Рижский городской голова Бульмеринг

СОЛДАТЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА: «ПРОСИМ ВАС, ГОСПОДА, УБРАТЬ ОТСЮДА ВСЮ ЭТУ СВОЛОЧЬ» (1917)

В данной выборке помещены письма из сборника «Солдатские письма 1917 года» под редакцией Ольги Нестеровны Чаадаевой (1927 г.). Письма были адресованы в Петроградский Совет и ВЦИК; приведенная ниже выборка охватывает период с марта по сентябрь 1917 г.

8 марта 1917 г.

В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Нижние чины 23-го броневого автомобильного отделения 3-го дивизиона послали 7 сего марта на имя Исполнительного Комитета и Совета Рабочих Депутатов телеграмму, выразившую полную солидарность с действиями временного правительства. Казалось бы, что особенного ничего в этом не произошло. Каждый гражданин, любящий свою родину и желающий ей спасения от гибели, до которой довел деспотизм старой власти, должен бы сделать это. Но не так посмотрели на это гг. офицеры 3-го дивизиона, какими-то окольными путями узнавшие об этом. Был выстроен весь дивизион и опрошен. Сибирские нижние чины были ранее предупреждены о цели сбора. Возмущенные, с приподнятым настроением, запасаясь револьверами, стали собираться. Вначале я, пишущий эти строки, хотел было сознаться в подаче телеграммы, и на мне действительно лежала обязанность сказать правду, как на уполномоченном подать телеграмму, но, видя это настроение своих товарищей и зная взгляды на все происходящее офицеров, решил скрыть правду и таким образом избежать могущего произойти кровопролития.

При опросе подача телеграммы была скрыта, и дивизион после речи временного командующего дивизионом капитана Курочкина, в которой была высказана надежда на возвращение старой власти, так как, мол, нет еще 8 полков старой гвардии, и вот ее нужно подождать, что она скажет, когда придет в Петроград, дивизион был распущен. Комментарии излишни. Но этим не кончилось. Офицеры отделения поехали на телеграф и, видимо, хотя и непонятно, как это чины телеграфа могли сообщить им, но, видимо, узнали истину. Вновь были собраны нижние чины, но только уже 23-го отделения. Командир отделения штабс-капитан Абрамов опять задал вопрос: была ли послана телеграмма. Я сознался. О, бог мой, что было. И где взялось столько помой и грязи, обрушившихся на меня. Я уже не был человеком, я уже не был солдатом, как они привыкли смотреть, а я был мерзавец, подлец, сукин сын, баран без мозгов и многое другое в том же духе витиеватое. Я не остановил, а дал возможность извергнуть это сквернословие. Когда эта горячка прошла, мною было сказано ему, что теперь начинается

новое время, а следовательно, и новые песни. Он стал поспокойнее и кончил просьбой, обращенной к собравшимся, чтобы они не слушали моих советов, а обращались бы к офицерам, которые желают добра своим нижним чинам. И это говорил нам тот, к рукам которого немало прилипло солдатских копеек, который заставлял солдат воровать дрова, а сам составлял подложные счета и деньги оставлял у себя, и многое другое. Он за два года, которые мы были в действующей армии, ни разу не был с своим отделением в бою. Правда, может быть, это происходило и не по его вине. Он, за все время войны ничего абсолютно не сделавший пользы для родины, сделал массу убытка. Раскатывая сестер милосердия, что было запрещено приказом, на автомобилях, совсем поломал машину Гупмобиль; сколько было без всякой надобности порвано покрышек, камер, сколько сожжено бензина, потрачено масла и многого другого, и это в то время, когда родине дорога каждая копейка. И для чего? Он, да и все офицеры отделения, смотрели на машины, как на свои собственные, предназначенные для их прихотей, а мы думали иначе. Машины предназначены для военных целей и только для этого могли быть употребляемы. После всего описанного может ли такой человек быть начальником? Прямой ответ: «нет, не может». И от имени нижних чинов 23-го броневого автомобильного отделения 3-го дивизиона передаю надежду, что временным правительством будут приняты соответствующие меры; при этом считаю нелишним сообщить, что за подачу телеграммы обещано какое-то наказание, когда вернется командир дивизиона подполковник Лаврентьев.

Уполномоченный от нижних чинов 23-го броневого автомобильного отделения на подачу этого заявления и телеграммы н. чин. Фальковский

11 марта 1917 г.

Комитет Солдатских Депутатов.

Товарищи, доношу до вашего сведения: наши товарищи на фронте, сидящие в окопах, ничего не знают о происшедших событиях и о свержении старой власти, потому что офицеры ниженазванного полка, начиная с прапорщика и кончая полковником, ничего о происшедшем событии не объяснили солдатам и даже распространяют слухи, противоречащие даже действительности. Объясняют солдатам, что государь уехал, как будто на отдых, на время, и за него оставлен Михаил, и говорят, что все будет по-старому. И тем более командир полка полковник Иванов запрещает солдатам, узнавшим из какого-нибудь источника, распространять слухи о деятельности нового правительства и его комитета. Мы же, нижеподписавшиеся, группа солдат тронуты чувством свободы и равноправия, спешим и не смеем оставаться равнодушными и хладнокровными сообщить вам своевременно, чтобы вы дали знать, кому это нужно, для того, чтобы своевременно можно было прекратить всю эту пропаганду и провокаторскую работу нашего офицерства и приверженцев старой власти. Мы же, группа, тронуты вашим чувством, остаемся верны, как и раньше верили в победу народа.

Солдаты 13-го Финляндского стрелкового полка

Ст. унт. офиц. И. Парфенов, ефрейт. И. Ткачев, стрелок Н. Пратасов

Действующая армия

16 марта 1917 г.

От имени всех солдат 729-го пехотного полка.

Здравствуйте, дорогие наши товарищи. Все товарищи. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. И у нас к вам, товарищи, есть одна просьба. Но первым долгом шлем вам искреннюю благодарность за ваши к нам полезные советы, искренно, от души вас благодарим, все воины, защитники свободной России. И вот теперь, друзья товарищи, мы объясним вам нашу просьбу. Да удержим свободную Россию, не дадим в руки врагу, да здравствует свободная Россия. Так вот в чем дело нашей просьбы к вам, товарищи. Да, помогите нам. У нас в действующей армии, в 729-м полку, командир полка полковник Шлегер, он не русский, но, как мы узнали, что да — немец, и он может много нам принести вреда и погубить много людей, но, товарищи, мы не в силах его сменить или арестовать, но просим вас, чтобы вы вызвали его в Петроград и там арестовали бы. Чтобы не было у нас немцев, — долой немцев! И еще у нас есть один немец, тот настоящий шпион, начальник 17-й дивизии пехотный генерал-майор Шрейдер. Друзья товарищи, мы уже за этим начальством замечали и раньше измену и шпионство. Товарищи, да не будет немцев, помогите нам, а мы вам. И вот, как мы замечаем, он, наш полковник, стал еще суровее глядеть на нас. Прощайте, товарищи, помогите.

Без даты, март 1917 г.

Товарищи солдаты.

Получили мы радостную весть здесь в холодных и сырых окопах о смене гонимых для нас и нашей родины правителей, во главе которых был жадный кровопийца Николай.

По случаю такового давно жданного переворота мы, все солдаты, были так рады, что и не могу вам описать, но нашлись и такие люди, которые очень-очень жалеют старую томительную для родины власть, а главное по бывшему венценосцу Николаю. Кто это был? Я вам, товарищи солдаты, напишу. Это был наш командир, который стоял среди нас и долго-долго плакал о старой власти, который еще подчеркнул, что, может, придется и нам бороться за прошлое, но, товарищи, дружно все заодно, не дадим нашим врагам, опомниться, а нужно стирать их с лица земли. Вот этот-то командир и не уйдет от правосудия: ждем голоса для солдат, — тогда и представим этого врага и грабителя солдатских денег которых он поглотил уже не одну тысячу.

Солдаты-артиллеристы 0 бригады X батареи.

Написал бы и адрес, но еще думаю, что враги наши внутренние, старой власти, нас преследуют.

Гр. В.

Без даты, апрель 1917 г.

В Собрание Солдатских Депутатов

ЗАЯВЛЕНИЕ

Доношу вам, г-да депутаты, в 241-м пех. Седлецком полку происходит от офицеров большое раздражение к солдатам против временного правительства, которых я и выясняю: 1) подполковник Десятов, 2) поручик Шаляпин, 3) штабс-капитан Чернявский, 4) прапорщик Литвин, 5) поручик Литвишка, 6) Стоцкий

и 7) священник, которые желают вернуть старое правительство и восстановить Старое право; называют временное правительство шайкой разбойников, возмущают, что будто бы внутри России заводы все стали, рабочий народ не хотят работать, с той целью, чтобы действующая армия не снабжалась боевыми припасами и продуктами и других приспособлений, которые необходимо нужны для действующей армии, и мы должны здесь все пропасть; затем на Рижском фронте, будто бы, противник гонит наших беспощадно, и офицеры, будто бы, отказались снять свои офицерские погоны и не хотят больше служить офицерами. Мы, солдаты, спросили, что же теперь будет, а они сказали вот что: у нас в тыле есть две азиатские дивизии, и нам нужно присоединиться к ним и ехать в Петроград и уничтожить всю ту сволочь, но мы, солдаты, не хотим даже и слушать такие наглости, сказали, что мы не поедем бить своих братьев, жен, детей, отцов и матерей, которые за нас старались и стараются, клали жертвы, проливали кровь, добивались того, чего желал весь народ, которые сняли с нас то ярмо, которое висело на нашей шее и давило нас; и мы, солдаты, как забитые кулаком, розгой и плетью, не знаем, как с ними. Просим вас, господа, пока не заразили солдат, убрать отсюда всю эту сволочь.

Без даты, апрель 1917 г.

В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Дорогие товарищи. Извещаем вас, что подпоручик Бутусов 4-го легкого мортирного артиллерийского дивизиона вечером 1 апреля был арестован и отстранен от занимаемой им должности дивизионного адъютанта и препровожден под усиленным конвоем, сдаден в распоряжение коменданта 40-го корпуса по приказу инспектора артиллерии.

Подпоручика Бутусова, арестовала дивизионная делегация за поступки:

1. Мародерство.
2. Мордобития.
3. Площадная брань.
4. За реакционные слова.

Вот они: «А если те пушки — орудия, которые гремят на фронте, повернуть на Петроград и разбить ту новую...» — не могу выразить, ибо неуместно. Через три дня корпусный адъютант взял его на поруки. Мы считаем этот поступок очень мерзким для корпусного адъютанта и просим вашей директивы, что дальше будем делать, дабы избегнуть в настоящее время эксцессов. И просим вас предать гласности; когда будет отпечатана статья, то просим прислать нам несколько номеров газеты для распространения в 40-м корпусе. Факты строго проверены особой комиссией и найдены на месте точно, за что арестован подпоручик Бутусов. Ожидаем ответа. Для ответа наш адрес: управление Н легкого мортирн. артиллерийского дивизиона, Павлу Грузницеву, члену ПСР, Бакинской организации.

Без даты, май 1917 г.

Письмо от ваших товарищей и братии. Дорогие товарищи и братия наши, послушайте наших товарищей и братию доблестнейших войск, и от их, от товарищей и братии, горячий привет к вам, товарищи и братия наши, послушайте вы наших доблестнейших войск, что наши войска не хотят войны вести никак, а хо-

тят давайте скорей мир. Вы знаете, что наши враги внутри России хотят войну вести до победного конца. Воны усе живы, как и вам известно то. Как наш брат что-нибудь сделал или сделает, то сейчас смертной казни и каторжной работы. Ну, как сделали, наших товарищей и братию попродали, то им нету ничего. Как наш прежний Николай, что сделал нашим товарищам, и так же главнокомандующий, и сейчас воны усе живи, воны усе ремизят, може, и вас, чтобы мы войну вели до победы. Наши даже полковники все говорят: надо это воевать, свободу защищать. А воны, генералы, хотят нас побить, и тогда чтобы нашу свободу взять в руки и поставить Николая на царство. Недопускаемо, товарищи, их никуда. Вы знаете, что наши товарищи желали, сделать свободу 1905 году, ну воны не дали нам развернуться, повешали и побили и в каторжную работу наших товарищей и братию, возмущались. А теперь не дайте им развернуться нами, что воны усе это хотят войну вести, чтобы в руки взять. Что воны говорят, что немец готовится удар нанести, — не верьте, товарищи, знаете, что если вы не кончите к 1 мая, то войско покинет фронт. Если вы не замирите, вы знаете, что сколько наших товарищей наших попродали действительных хороших войск. А сейчас хотят старыми и калеками войну вести. Вы сами знаете, дорогие товарищи, что у нас у тыхих кутках враги сидят на нашей шее. От есть у нас генерал Драгомиров 5-й армии; он — первый враг наш; он говорит: надо отбить свою территорию; он говорит вам, что наши войска это хотят воевать. У нас, брат, никто не желает войны вести, потому что сделали свободу. Ну, воны, как известно хотят нас в руки взять, — не даваймось им у руки. А надо скорей кончать во что бы то ни стало войну, потому яка свобода, буде вас не будет живых. Мы усе теперь слава богу, что достигли свободы слова, то это давайте окончим скорей мир, — во что бы то ни стало до первого мая. Пожалуйста, товарищи! Во хуже сделаем, если не кончим, и войско бросит позицию. Товарищи, пока до свиданья, остаемся мы усе славу богу, пожалуйста, не обижайтесь.

6 мая 1917 г.

Председателю Совета Рабочих и Солдатских Депутатов
Г-ну Чхеидзе

Солдаты 46-й дивизии 183-го пех. Пултусского полка просят прочесть это письмо на общем собрании Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

Товарищи рабочие и солдаты! Доводим вас до сведения, что в нашей 46-й дивизии очень много приверженцев старого строя, с которыми мы не в силах бороться, а главное — потому, что у нас мало солдат-организаторов, которые бы могли идти за молодую свободную Россию. Мы просим помочь в этом, т.е. в организации наших г-д офицеров, но те уклоняются от этого и даже с презрением и ненавистью смотрят на тех организаторов-солдат, которые идут по правилам демократической России, и солдат тех, которые подходят за разъяснением, что такое демократическая республика или учредительное собрание. Отговариваются они тем, что мы сами мало знаем политическую жизнь. Но, между прочим, ведут свою агитацию, программа которой нам неизвестна, но крайне нам подозрительна и может повести к полной дезорганизации и разрухе долгожданной дорогой свободы. Но нам, выразителям этого письма, является наша нежелательность допустить этого темного дела, которое устраивают они под руководством полковника Рыкова, как яростного защитника реакции, кото-

рый тонко ведет свою провокацию и к которому съезжается масса командиров за его советом, и он каждому дает свою популярную инструкцию, как держать солдат. А, между прочим, у его, т.е. у полк. Рыкова, выходят готовые агенты реакции, так как он находится преподавателем школы прапорщиков.

А, между прочим, и мы, пултусцы, видим в своем начальстве одну измену революционного строя. Так, приведем такой пример: командир нашего полка, подполковник Ефимов, друг буржуазных целей полковника Рыкова, тоже держит своих младших офицеров под строгим контролем и не позволяет им открыто говорить об организации просвещения солдат и нисколько не заботится о поддержании позиции, которую мы занимаем. А это выясняется тем, что пултусцы просили о смене нашего полка, но нам не только смены, как уставшим от долговременной стоянки на позиции, но даже и добавления не дают, которое нам необходимо, нужно, так как нас осталось по 60 и 70 человек в роте; поэтому мы не выходим из нарядов, т.е. от непосильной, утомительной службы происходит масса заболеваний. Поэтому мы, защитники дорогой свободы, за которую готовы всегда умереть, всеми силами старались и стараемся прекратить их гнусное злонамерение, но мы беспомощны и просим вас обратить внимание на ваше заявление, так как солдаты очень раздражены и близки к анархизму.

5 июня 1917 г.

В комитет

товарищам рабочим; и солдатским председателям.

Товарищи, за некоторое время я неоднократно заметил в Курской губ., в Рыльском уезде, Костровской волости, дер. Агарковой, избран комитет совершенно из буржуазных лиц, то эта буржуазия установила цену, чтобы им работали за руб. 50 коп. и на своем продовольствии. Товарищи, буржуазия завладела этой бедной деревушкой, — совершенно на них работает.

Товарищи, я приехал в качестве инвалида, прибыл в эту деревню, заявил, чтобы буржуазный комитет изменить. То председатели буржуазной дистанции меня не признали, так дерзко обратились и сказали, что голоса не имеешь, создали, что я молодой и не играю буржуазного духу, и кроме того, один председатель, Николай Артамонов, обличил этого инвалида беглецом, что он не играет в барскую дудку, а играет крестьянскую и гражданскую. Товарищи, теперь я вам объясню: Курской губ., Рыльского уезда, Костровской волости, д. Агарковой, Андриан Иванов Морченков, что я стоял за народ, за свою братию и — всю же демократию, и секли меня не раз плетьми, а буржуазный класс говорит, что я не имею голосу.

Товарищи, покорнейше прошу всех своих товарищей как с нами, что весь уездный комитет занимает решительно буржуазный класс; бедные люди совершенно ничего с ними не могут сделать; совершенно бедный люд не признают даже гражданство, а держут старый режим, а мы, бедный люд, не можем ничего сделать. Товарищи, покорнейше прошу, пришлите какое-либо распоряжение. Я своим деревенским старикам прочту, чтобы они знали, каких людей куда выбирают, а то они рабочих и солдатских депутатов не признают. Действительно, чтобы их убедить, не раз с ними занимался, но буржуазный класс пересиливает.

Солдат-инвалид изд. Морченков

ВОЕННЫЕ ЦЕНЗОРЫ: «ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЗНАЧИТЕЛЬНО ЧАЩЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ ПИСЬМА “СОЗНАТЕЛЬНЫХ” И “ТОВАРИЩЕЙ”» (1917)

Ниже представлены выдержки из фронтовых писем, собранные в доклады цензурной комиссии Казанского военного округа о настроениях в российской армии непосредственно перед Февральской революцией 1917 г.

15 января 1917 г., рапорт председателя военно-цензурной комиссии штаба Казанского военного округа председателю Главной военно-цензурной комиссии

Секретно

Из ежедневных отчетов г. г. военных цензоров Округа за минувший декабрь месяц я смог почерпнуть следующее:

Корреспонденция с театра войны в процентном отношении разделялась так, — на первом плане были письма без упоминания о войне (45%), затем шли письма с жалобами и пожеланиями скорейшего мира (35%), писем же с патриотическим подъемом оказалось (за последнюю неделю декабря) только 18%.

Как и прежде, встречались письма ярко патриотические, в которых авторы выражали полную свою готовность умереть за царя и Отечество. Замечено также было, что многими авторами отлично сознается важность переживаемого момента, благоприятного более для нас, чем для истощающегося врага. Однако в общем такого уныния, как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. Причиной уныния сами авторы считают тыл. И если в патриотах сказывается боязнь за семью, то в нижних чинах, относящихся к войне безразлично, проскальзывает чувство злобы на тыл, который «с каждым днем становится все паскуднее». Одних «бесит» все возрастающая дороговизна и «неумение» властей обуздать мародеров и распределять правильно имеющиеся в России запасы. Другие же авторы, — «глядя на кризис внутренней политики» — приходят к выводу, что «та великая Русь (девственница в образе женщины с диадемой на голове и мечом в руке) бесследно исчезла. Теперь же на месте ее стоит развращенная германизмом девка с ехидным выражением льстивых глаз. В руках у нее тоже есть меч, но он заржавел от крови безвинных жертв, павших за правду, меч этот изогнулся и обтупился».

«2½ года войны — по словам третьего автора — по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Необходимы радикальные меры, чтобы выйти из хозяйственно-экономического тупика. Что же мы видим на деле? Растерянность и дезорганизацию. Власть мечется из стороны в сторону, но ничего планомерного, ничего положительного. В результате получается впечатление, что далеко не все обстоит благополучно. Сменяются имена у руля правления, но все остается

по-старому, — одна бестолковщина. При таком порядке вещей естественным являются те стихийные вспышки, какие произошли уже во многих местах нашей и без того многострадальной земли. Народ ли виноват в этом?.. Виновата наша горькая действительность. Народ инстинктивно чувствует неладное и дает выход своему озлоблению в бунте. Если такой порядок продлится далее, то перед нами стоит призрак революции, и мы никогда не увидим себя победителями в этой страшной войне. Ибо там наверху отгораживаются от страны, от народа и вершат какие-то темные дела. Нет доверия к власти, нет и веры в себя, а остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы».

Простых солдат особенно волнуют доходящие до них сведения, что в тылу «всего нехватка», начиная с людей. Поэтому в декабре месяце были довольно часты «думы о будущем»: как и кто будет сеять, не придется ли земле остаться из-за безлюдия непаханой. При этом необходимо заметить, что за последнее время значительно чаще встречаются письма «сознательных» и «товарищей», которые свои взгляды выражают весьма смело, а советы дают в весьма определенной форме. Примером таких писем может служить хотя бы такое: «Я слышу у вас все берут на военную службу и конца нет и долго еще будут брать дураков мужиков: почему же не брать, когда идут сами. Неужели, Лазарь Степанович, и вы пойдете. Я знаю, что вы пойдете и не смеете слова сказать. А кого вы думаете защищать: Польшу или наших помещиков. Они ведь все останутся живы, а нас всех дураков прибьют, да с голоду поморят, а после войны под свое право возьмут. Не слушайте проповедей долгогривых священников, что миряне должны защищать Россию. Вот какое у нас правительство, оно село нам на шею и ездит. Правда сгорела, правосудие убежало, закон у сенатора на пуговицах».

В другом письме то же самое сказано еще сильнее: автор после рассуждений о продолжающихся мобилизациях и реквизициях пишет: «А газеты пишут — воевать до полной победы. Ах, Господи, сколько неправды в нашей правящей буржуазии из собственной своей недальновидности, настроения и неприлежности. Теперь приходится брать то, чего не клали, а там, где не клали, брать будут как свое. Вот поэтому вся тяжесть войны ложится на крестьянина, которому они никогда не способствовали в его жизни. Представьте, какое наше положение: мы два брата остались без отца малыми и кормились за собственный счет; приходилось и голодать, потому что были малы и не могли кормиться своим трудом. Тогда нас правительство не видело. А как только выросли, то нас обоих убрали и, мало того, и наше нажитое не потом, а кровью обмытое, тоже трудовое и то все возьмут и оставят нас на произвол судьбы. Поэтому как можно берегите все и без бою не давайтесь в руки, гоните в шею всех фараонов и пиратов, которые будут брать что-нибудь у вас...»

Впрочем, на темном фоне унылой корреспонденции из окопов встречаются и светлые пятна. Эти пятна — радость, что враг истощается и с каждым днем становится хилее. Даже немцы теперь стали слабы настолько, что наши солдаты «только и ждут, когда их двинут вперед для решительного нанесения врагу удара, после которого не мог бы он снова идти на нас. И недалеко то время, когда всякие хитрости превратятся на "помилуйте", а коварство на "дайте пощады". Раньше на один наш снаряд выпускали несколько, а теперь на наши несколько свой один. Теперь они не прут на нас, а сидят, прижавшись, и молчат, либо пере-

бегают к нам в окопы, жалуясь на холод и голод». Другой автор пришел к тому заключению уже на основании других фактов. По его мнению, «Германия и ее союзники, действительно, накануне развала. Она предложила нам вести мирные переговоры, наш же союз категорически отклонил вести какие-либо переговоры».

Весть о мирных предложениях Германии дошла до позиций двумя путями: через газеты и получение официальных телеграмм на имя штабов отдельных частей наших войск. Отношение к этим предложениям вылилось в форме радости, но радовались на позициях двояко. Так, в одном письме говорится: «Пришла срочная официальная телеграмма из штаба армии о том, что нейтральные державы, чтобы склонить воюющих к миру, предложили папе римскому ноту по поводу заключения мира. Получив это известие, мы сначала сами себе не поверили, в потом, убедившись, что это действительно верно, готовы были кричать ура. Лица у всех нас сияли от радости, а у некоторых даже навернулись слезы на глазах...» А вот письмо, где радость другого сорта. Автор пишет: «Неужели еще не пора кончить эти страдания людей. Мы все радуемся и ждем, что будет им от этих разговоров. Ох, пора бы одуматься... Читал я газеты, пишут, чтобы воевали до полной победы. Ох, эти патриоты, которые кричат у себя на печке дома о полной победе. А вот попробовали бы здесь посидеть, не то бы запели...» По мнению таких авторов, потому еще нужно заключить мир, «что все равно мы немца не победим».

Однако, «большинство пишут о мире» (по выражению нескольких цензоров), мира хотят, каким бы он ни был для нас позорным...

Как и в прошлогоднее затишье, замечались еще письма, где авторы описывают свои хождения в гости к немцам и их ответные «визиты». Оборванные, голодные вражеские солдаты просят есть, рассказывают нашим, как плохо теперь питаться в австро-германских армиях (об этом, судя по письмам, подтверждают и бежавшие из плена наши нижние чины). Но не только за хлебом идет неприятель в наши окопы, его «визиты» зачастую имеют цель агитировать мир. «Нам нужно миру, — говорят гости, — а то три года, как война, — всем надоело это». Некоторые же немцы дают и советы, как нужно поступать, чтобы мир был возможно скорее заключен: для этого не следует стрелять и ходить в наступление. И попутно с этим следует упомянуть о письмах, где пишут: «Теперь происходят в войсковых частях сильные бунты и забастовки, и так, быть может, этим остановят войну». Или: «Наш полк получил Георгиевское знамя. Командир корпуса генерал сказал: "Надо его облить кровью". Ему сейчас же наши солдаты пришпилили сзади на автомобиль записку: "Кончайте войну до нового года, если не кончите, то мы идем войну вести еще с Петроградом..."»

Встречаются еще описания самых бунтов, говорится о дикой расправе с командирами. Мотивы такой жестокости те же — «довольно воевать». Пишущие обо всем этом либо одобряют бунтовщиков, либо осуждают и скорбят, что не стало порядка, что «теперь все солдаты сами всем распоряжаются, а некоторые офицеры согласны с солдатами». «Беда, кум, — заканчивает свое письмо автор, — скоро друг друга начнут бить...»

В инородческой корреспонденции с театра войны в декабре наблюдалось, что о войне наши инородцы по-прежнему пишут очень мало.

В письмах татар встречались изредка строки, полные патриотизма. По этим письмам видно, что среди татар — нижних чинов — есть люди, желающие победы над немцами. Но, как донес мне один цензор, татарская интеллигенция от своего простого народа обособилась и совсем уже теперь не рвется в бой и не стремится к победе. Для нее мир сейчас — цель.

В письмах простых солдат из татар встречались жалобы и на холод, и на голод, замечалось даже возмущение, говорилось, — «думали, что скоро настанет светопредставление: народу умерло и ранено конца краю нет». В письмах же интеллигентных мусульман замечались другие мотивы и совсем другое настроение. «Сейчас, — пишет один из таких авторов, — скинул стоптанные сапоги, истрепанную шинель, сплюснутую фуражку, слава Богу, теперь я похож на человека. Не дай Бог, вам попасть сюда. Поскорей бы конец всему, вернуться бы в отечество и служить Исламу. Правда, мне мало дела — читаю книги и газеты и только по пятницам для виду собираю мусульман на моление и поучение». Говорится еще в подобных письмах, что там, где много мусульман, — «всем хочется слушать родное чтение», но — «как это унизительно: мы, взятые от 25 миллионного народа, не имеем для чтения родной газеты и журналов».

Переходя к корреспонденции не с театра войны, прежде всего надо сказать о письмах из тыловых воинских частей. В этих письмах, по словам одного из цензоров округа, — «как яркое проявление патриотизма, так и сознание важности переживаемого момента отсутствуют. Большая часть сообщений в письмах на родину сводится к описанию строевого обучения, питания и обмундирования, а также скорби по оставленным домашним очагам и семействам, заботам о них и надежде на скорое возвращение на родину...»

Необходимо упомянуть, что в этого рода корреспонденции встречаются весьма часто жалобы на плохую пищу и обувь.

Когда же были получены официальные сведения о предложениях неприятелем мира, и об ответе на них правительств союзных с нами держав, то один неизвестный автор из тыловой части выразился так: «И чорт их знает, мира не хотят заключить. А о том не хотят подумать, сколько народа страдает от бесполезной войны. Что же они отняли у некоторых все и думают, что удовлетворили всех кашей и щами, да кроме того забросили самолюбие каждого и лишили возможности сказать свое я. Да что же я за гражданин России, когда не могу самостоятельно за свою шкуру слово сказать. Ну ничего, скоро придет день расплаты и они будут знать, раз взяли роль ответственную, то умей ею руководить и не забывай про тех сограждан, которые лишились всего, благодаря ихнему капризу».

Несмотря на праздники, во внутренней корреспонденции, помимо поздравительных, прошло много писем, где довольно подробно обсуждались вопросы, тесно связанные с войной. «Мир был уж так близок, — говорилось в одном из них, — и опять ничего. По-видимому, война опять затягивается. Я устала ждать и надеяться. Мне кажется, что прежде чем наступит мир, будет что-то другое, страшное, а именно надвигающийся голод. Я видела сегодня, как в булочной расхватывали хлеб. Они готовы были заплатить, сколько угодно, лишь бы получить маленькую булочку. В конце концов будут платить бешеные деньги за кусочек хлеба, но выживут только сильные, бедняки погибнут. Это ужасно — ведь бедняков такая масса. Да жить страшно. Каждый занят только собой, своей наживой».

«Спрашивается, возможен ли в хорошей семье разгул и пьянство в то время, когда самый дорогой член ее лежит больным, переживая кризис... А ведь наша родина переживает сейчас великий кризис. Мы голодуем. Но не потому, что в наших житницах нет хлеба, а потому, что проклятый зарвавшийся буржуазный мир хочет грабить и обогащаться». «Читая ежедневные газеты, удивляешься, какая совершается разруха у нас в России. Эти речи депутатов Думы просто разрывают душу и нисколько неискренни речи представителей верхов. Иногда даже думаешь: "Право издеваются там над нами. Каждый месяц торжество темных сил и лишь добавление ко все прогрессирующей разрухе"...» Наконец, один автор писал, что он такого мнения, что лучше бы согласиться на предложение немцев о мире и начать переговоры, потому что немцы так укреплены, что сдвинуть их нет никакой возможности. «А так как у них больше тяжелых орудий, бомбометов, предметов и прочих смертоносных приспособлений, то достигнуть полной победы невозможно и потому лучше бы приступить к переговорам и добиться мира для всех почетного и не гибнуть миллионам людей. А Дума то наша да прочие союзные правительства, как они воспротивились. Хорошо им в удобных креслах и за болтовню получать громадные деньги, так что и дороговизна для них нипочем и могут они желать войны до полной победы...»

По-прежнему местная русская пресса по поводу войны высказывала единодушное мнение: она должна быть доведенной до победы и только тогда возможно будет говорить о мире. Поэтому выступление Германии и Соединенных Штатов с нотами о мире получили дружный отпор прессы, которая с восхищением приветствовала слова Государя Императора, соизволившего категорически указать на условия, при которых возможен прочный мир, а также солидарность нашего правительства со всеми союзниками. Она высказала большую радость, когда союзники подтвердили, что будущий мир возможен лишь после того, как русский стяг будет развертываться над Дарданеллами, а турецкий Константинополь станет русским Царьградом. Все эти взгляды на будущее газеты развивали постоянно, настойчиво и, зачастую, в ярких статьях.

Очередных же обзоров текущих событий на фронтах на страницах газет бывало сравнительно мало. О румынских событиях они упоминали, как бы вскользь, и весьма радостно прозвучали статьи о нашем последнем наступлении под Ригой. По этому поводу газеты на слова не скупились; они старались схватить всякую деталь и мелочь и рисовали величественную картину доблести войск генерала Рузского; они подчеркнули трудность выполнения задания и значительность результатов короткого удара, подобных которому «давно уже не было».

Гораздо более внимания пресса уделяла делам внутренней политики, причем по-прежнему ее страницы были наполнены резкой критикой правительства. От этой критики воздерживались только крайне правые газеты, впрочем, тоже подчеркивавшие «создавшуюся разруху».

Прогрессивные газеты много писали о том, что теперь снова стала крепнуть реакция, представителем которой является новый премьер-министр, князь Голицын, благодушно признавшийся председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, что он не знает, «будут ли еще какие перемены в его кабинете»... И так происходит потому, что «торжествует не народ, а союз русского народа и его чайные».

«Благодаря творимому кем-то распаду власти, — писал самарский «Волжский День», — перед нами точно в каком-то гигантском калейдоскопе проходят представители власти, сменяя один другого. Нет министерства, нет органа власти, которого бы не коснулись эти перемены, странные, непонятные. Люди приходили один на место другого с кинематографической быстротой. Иногда мы не успевали забыть программу одного, как перед нами уже развертывалась программа другого, где выразительно говорилось и о желании работать вместе с общественностью и даже... страшно сказать — о грядущих реформах. Но... министры уходили, программы забывались, а реформы оставались нетронутыми на том же месте, где их забыл девятьсот пятый год...» А виною этому «темные силы». Должно отметить, что в таком тоне можно было найти статьи в газетах, начиная с октябристского «Голоса Самары» до социалистической «Степи» (в гор. Троицке) включительно.

Подлинный подписал полковник Прогнаевский

10 февраля 1917 г., рапорт председателя военно-цензурной комиссии штаба Казанского военного округа председателю Главной военно-цензурной комиссии

Секретно

Из ежедневных отчетов г.г. военных цензоров Округа за минувший январь месяц видно, что в русской корреспонденции с театров войны преобладали письма без всякого упоминания о войне (52%), письма же о мире, их было очень много, процент достигал цифры 31%; остальные же 17% заключали в себе письма со всякого рода жалобами и сообщениями недозволенных сведений.

Повышение настроения армии вызвано, главным образом, высочайшим приказом по армии и флоту, явившимся ответом на германские предложения начать мирные переговоры.

Воодушевленные словами августейшего верховного вождя, наши войска теперь готовы помериться силами с врагом. Но наряду с бодрыми, полными лучших боевых надежд, сообщениями, сплошь и рядом приходится читать такие строки: «Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови, на трупах павших героев купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье. Вот что огорчает нас. Мы это знаем, знаем смех их над нами, их искариотскую улыбочку в кулак, их предательские слова: "Пусть воюют, а мы наживемся, если нужно будет, то и в тылу сумеем устроиться". Для них лозунг — нажива и укрывательство; для нас же — торжество правды над злом. И всех нас единит этот лозунг. А где есть единение — там и силы; а где сила — там победа. Мы добьемся торжества правды над злом и тогда будет другая, новая жизнь, будет счастье для многих».

Есть в армии такие солдаты, которых один из офицеров характеризует следующим образом: «Теперешний солдат, которого покрутят в запасном полку два месяца, приезжает на позицию мужик мужиком и совершенно не понимает необходимости победы России над проклятым немцем, говорит и думает одно: надо скорее кончить войну. А того совершенно не знает, что если немец нас

победит, тогда не живи на свете...» Этот разряд нижних чинов очень болтлив в письмах и зачастую посылает родным самые антипатриотические советы, подчеркивает в сообщениях о войне одни теневые стороны ее, наши неудачи и недостатки. Такие авторы прежде всего обращают на себя внимание своими сообщениями о бунтах и забастовках на фронте. И всякий раз подчеркивают, что «ежели так дальше будут себя вести солдаты, глядишь скоро дождемся и мира». Так пишут более «скромные», а «передовые идут дальше: они призывают оставшихся в тылу родственников и товарищей даже к революции. Конечно, сообщения этих "передовых" чудовищны своим мрачным взглядом на всех и на все. По их словам, "все солдаты озлобились и не хотят идти в бой. Начальство передает только приказания, а сами назад. Вот и воюй. А чуть где на отдыхе, где бы дать солдатику отдохнуть, а они всячески мучают усиленными занятиями и даже бьют по морде. Врачи обходятся с больными скверно, грубо и даже не верят больным и иногда употребляют кулаки"...» Или: «я вижу из Вашего письма, что у вас все отбирают, но вы не давайте, — ведь это ваше собственное, вы хозяева и можете спрятать подальше. Они у бедного отбирают последнее, а богатого и помещика и не видят. Разве это порядок. Нет и не было его у нас. Раз заступил министром немец, то доведут страну до полной гибели. Я думаю, что наша страна погибнет. Мы и так видим, как с голоду морят нас, наших жен и детей. Но мы пока ничего не говорим, а придет час, мы скажем им: довольно нас губить, пора и нам взглянуть на свет. Мы требуем от них, что нам нужна свобода и чтобы не министры правили страной, а народ, избранники народные, которые говорят всю правду народу.

Мы будем ждать, что-нибудь, наверное, будет. В армии нашей что-то появляется, но что, покажет весна и что скажете вы там в тылу...»

Жалобы армии остаются прежними, и один из авторов суммирует их в следующих стихах:

От прогорклых щей
Грустно и тоскливо на душе моей.
А в котле навара нет уже следа,
Знать на кашевара подошла беда.
Хлеба не хватает
Нет уже крупы.
У солдатов морды стали уж тупы.
Всюду нас ругают, старшие бранят,
Без толку гоняют, будто грешных в ад.
Польская картошка в животе поет:
То мяучит кошкой, то козлом поет.
А поляк-хозяин все карман глядит,
За пустяк картошки шкуру снять хотит,
Доктор медицины стал такой герой.
Перколол нам спины, и поднялся вой.
А душа изныла об семье родной,
Домой не пускают, хоть ты волком вой...

Солдатам крайне не нравится чечевица и все, что из нее. Чечевица поперек горла встала, видимо, столь многим, что про нее в армии даже сложилась нехорошая пословица-угроза: «Дадите кашу — все будет наше; а будете чечевицу — отдадим и Черновицу...»

Из единичных, но интересных сообщений с театра войны можно еще отметить следующее: «Накануне Рождества в одну из наших рот три австрийца принесли убранную елку и преподнесли ее с пакетом командиру полка, в пакет была вложена поздравительная карточка. Командир принял подношение и распорядился отпустить австрийцев обратно».

В другом письме призванный в войска студент-петроградец грустит, что он сейчас связан не с тем «элементом студенчества, который ему люб», и радуется лишь тому, что «ныне действующее в Петрограде студенчество начинает оживать, об этом сюда дошли верные слухи. Даст Бог и на нашу долю останется. Наступают сильные моменты, пропустить которые грех. Сюда товарищи других рот привезли отчеты и резолюции некоторых съездов. Есть что послушать и о чем передумать, здесь призванные студенты тоже думают устроить литературные и политические вечера, но вряд ли удастся»...

Наконец, один из нижних чинов пишет, что в какой-то войсковой части «солдаты болтают, что будто бы мир заключен с Германией и на выгодных условиях для нее. Но дело в том, что Германия не может обезоружить своих солдат, которые ищут земли и воли, так что в Германии поднялась революция, не могут с ней справиться»...

Наибольшее количество корреспонденции инородцев с театра войны за январь заключало в себе письма о пожелании скорейшего мира. Особенно часто пишут о мире татары. Почти в каждом письме встречаются выражения: «скоро мир», или «слава Богу, заговорили, наконец, о мире». Не видно было в татарских письмах и ясного понимания переживаемого момента, а раньше все-таки замечалось, но теперь татары не вглядываются в будущее России; если будущее их и интересует, то исключительно свое узконациональное будущее. Сознавая, что «писать много нельзя, секут когда узнают, что солдаты правду пишут», автор одного из писем, тем не менее, сообщает: «Терпим много бед. Пусть скорее мирятся цари, нам хуже не будет. Здесь говорят, что у поляков теперь свой царь. А мулла Эфенди говорит, что мы здесь воюем не без пользы для нашей нации»... Другой мусульманин сообщает для татарской газеты, что «на праздниках, 25 декабря, дивизионный начальник и офицеры заставляли нас петь свои песни. Мы показали, что мы не пустой народ, мы не хуже других. Просим Вас, в каждом номере пишите, что нас много миллионов и что у нас есть сознание. Мы не должны отставать от финляндцев». К одному из татарских писем была приложена австрийская прокламация.

В прошедшей цензуру корреспонденции из тыловых войсковых частей, по донесению одного из цензоров округа, — «ничего существенного не обнаружено, причем проявления патриотизма весьма редки, сознания же важности переживаемого момента — нет. Несмотря на то что в тылу, как и на фронте, была увеличена порция продовольствия, а также и предоставлены некоторые развлечения и свобода в первые дни праздника, масса сообщений носит унылый характер

и полна горечи, причем ярко вырисовывается их желание скорого окончания войны и стремление снова быть в кругу семьи. Наибольшая же часть сообщений сводится, как и раньше, к описанию обучения военной службы, питания и обмундирования».

Затем можно еще отметить письмо, автор коего лежит где-то в лазарете. Прочтя старые газеты, он высказывает такие мысли: «По всему видно, что в борьбе общества с правительством стали затушевываться события на фронте. А здесь идет работа, машина, пущенная в ход, работает и работает как будто хорошо. Не слышно ничего ненормального, — звук ровный, ритмически правильный: без перебоев и скрипа. Но в тылу ошибаются: армия тоже думает и внимательно присматривается и прислушивается к тому, что делается в тылу, и хорошо разбирается в событиях на фронте»...

Далее тот же автор пишет, что его «больше всего удручает то, что офицерство находится в заблуждении относительно настроений в армии и это заблуждение более сильно вверху. Громадная отчужденность нижних чинов от офицеров и та практика, которая принята за правило, что "у нас все благополучно", создает сплошной обман, или самообман»...

Содержание внутренней русской корреспонденции довольно разнообразно, но интересного в ней с точки зрения военной цензуры было немного. Однако замечено, что многие авторы тщательно описывают всякие беспорядки, «голодные бунты» и забастовки и примером таких сообщений может служить выписка из следующего письма: «В Москве очень много нового. 9 января ходили по театральной площади с красным флагом и кричали "долой войну", а сегодня сидим без хлеба. Каждый день ждем погрома, и, вероятно, скоро будет»... Затем, обратило на себя внимание цензуры письмо на имя одной из царицынских газет. В нем автор весьма пространно разбирает вопрос о нуждах войны и неправильность распределения на население тягот ее...

Во внутренней корреспонденции инородцев замечена прежде всего радость неизвестной немки (из Москвы), которая пишет: «Юлька, я в великолепном настроении, прямо дурить хочется без конца и знаешь почему такое настроение. У нас сегодня в Москве была забастовка, останавливали трамвай, были плакаты "долой войну". Многих ловили, пересажали в тюрьму, а потом нагнали казаков, и они шашками живо разогнали толпу. Градоначальник приезжал. На площади говорили речи, на Тверской даже стрельба была».

Подлинный подписал полковник Прогнаевский

НКВД СССР: «ВСЛЕДСТВИЕ ТРУСОСТИ УЧАСТВОВАТЬ В БОЯХ, КРАСНОАРМЕЕЦ ПОКОНЧИЛ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ» (1942)

Ниже представлены выдержки из фронтовых писем, собранные в доклады НКВД СССР о настроениях в Красной армии.

1 января 1942 г., Докладная записка ОО НКВД Северо-Западного фронта «О политико-моральном состоянии частей 27-й армии»

Совершенно секретно

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА тов. МИЛЬШТЕЙН

Политико-моральное состояние личного состава частей 27-й армии здоровое.

Успехи Красной Армии на фронтах отечественной войны против германского фашизма вызвали у личного состава огромный боевой и политический подъем. Это подтверждается хотя бы тем, что число проходящих патриотических писем через отделение военной цензуры армии резко увеличилось.

Кр-ц Голандсков из 33 стрелковой дивизии своим родным в Воронежскую область пишет: «Желаю вам пожить подольше, поработать для нас, нашего фронта. Обеспечивайте фронт всеми средствами, чтобы скорее уничтожить гитлеровскую свору, которая сейчас находится на нашей земле. В скором времени эта гитлеровская свора будет улетать с нашей родной земли, а если же будет сопротивляться, то мы уничтожим ее, всю до одного и это будет память Гитлеру о русской земле, он будет помнить, как чужую землю захватывать. Дорогие родители, все родные, работайте больше и лучше, все для фронта, помните, что враг будет разбит, победа будет за нами».

Работник штаба армии Бармалеев написал в Ленинград работнице завода: «Будьте бдительны к врагу, он хитер и коварен. При первом появлении врага выявляйте и уничтожайте его. Таковая наша задача для будущности и продолжения цветущей жизни молодых и старых. Мы клянемся, что защитим родную землю и уничтожим заклятого врага до единого. Обезвредим от фашистской пакости все лакомые кусочки нашей необъятной родины. Ваш долг помогать всеми силами фронту. Помните, что за вашего сына и погибших сынов Родины враг рассчитается большой ценой... Давайте больше деталей, больше танков и оборонных средств для скорейшего уничтожения фашистских извергов. Час победы не далек. Победа будет за нами...»

Старшина Дрожжанов из 89 стрелкового полка своим родным в Тульскую область написал: «Сейчас дела наши, наверное, вам уже известны. Под Москвой наши доблестные защитники Родины крепко дают фашистам. Несмотря на всякие наши потери и временно сданную территорию, мы крепнем и даем врагу

отпор так, что ни один фашист не уйдет с нашей территории живым. Если бы ты увидела гитлеровского солдата, то ужаснулась бы, он так одет, что рассказать совестно. Довольно, пусть получает расчет — смерть фашизму...»

Кр-ц Ильичев из 122 артбатальона в Ленинград своему брату написал: «Я был живым свидетелем на калининском направлении массовой сдачи фашистской сволочи в плен. Если бы ты видел, какой жалкий и жуткий вид имеют эти собаки в образе человечества... Не далек тот день, когда наша армия будет бить эту сволочь на их же территории, ну и тогда, конечно, пусть не ждет ни один пощады, пусть это будет 3-месячный ребенок, я лично все равно разорву на клочки выродка этих собак. В общем, ты не можешь себе представить, какое сильное чувство мести у нас всех, видя все жестокости этих собак над мирным населением...»

Таких писем на 15.XI.41 г. было зарегистрировано 5726 шт. или 8% к общему числу, а на 15-е же декабря [число] их увеличилось до 19 868 или до 28%.

Вместе с этим значительно сократилось число пораженческих настроений и попыток совершить измену Родине. Если в ноябре 1941 г. было арестовано по армии 88 чел. изменников, то за первую половину декабря только 19 чел.

Но наряду с общим ростом политической активности в отдельных подразделениях имеются среди личного состава и отрицательные проявления.

241-я стр. дивизия

Красноармеец 1 б-на Ольшевский в беседе 2.XII.41 г. на тему о положении на фронтах в присутствии ряда лиц заявил: «Немцы захватили у нас самые важные пункты как Украину, Белоруссию и дальше нечего будет делать, они нас победят, потому что у нас нечего будет есть. Сейчас уже плохо кормят, а дальше вовсе ничего не будет» (Ольшевский взят под... наблюдение).

Кр-ц 1 б-на Коротков, 2.XII, обращаясь к товарищам, читавшим газету, заявил: «Что вы читаете эту газету, что вы там были, видели? Пишут потому, что им нужны деньги... Кормите газетой, лучше давали побольше бы хлеба вместо газет». Он же 3.XII.41 г. в присутствии комвзвода Азимова и других в беседе на тему об ответственности за измену Родине высказал: «Хорошо вам говорить, когда вы из не оккупированной территории и вам есть за что воевать, а мне совсем не за что. Немец оккупировал мою область, и к кому я буду возвращаться после войны, на что мне такая победа»... и далее по вопросу награждения бойцов за боевые заслуги: «Да, хорошо командирам говорить, они получают по тысяче рублей и кушают неплохо, не то, что мы, нас муштруют, гоняют и кормят плохо. Если бы мне не воевать, я платил бы 500 рублей в месяц...»

Кр-ц 2 б-на Соколов 30.XI/41 г. в присутствии ряда красноармейцев заявил: «Я уверяю, что каждый из нас, кому придется попасть в плен, расскажет все военные тайны потому, что умирать никому не хочется. В среде коммунистов у нас находится большинство предателей и коммунисты почти все имеют по два документа, что он партийный и не партийный...»

33-я стр. дивизия

Кр-ц 164 стрелкового полка Рожков в беседе с товарищами 19.XII.41 г. заявил: «Газеты наши врут. Вот возьми 7 и 8 ноября, было сообщено, что нами взято девять деревень, а практически было наоборот — мы отступили и поте-

ряли 3000 бойцов. Только на нашем фронте из одного батальона осталось всего 40 человек. При наступлении 40 чел. сдались в плен. Да и теперь, как поставят часовым, так и нет его — уходят в плен...»

Комвзвода 1 б-на 73 стрелкового полка мл. лейтенант Баранов в беседе... 3.XII.41 года об измене Родине 8-ю красноармейцами из 73 стр. полка заявил: «Ушли, значит, останутся живы, — спасены. Был бы удобный момент, я бы тоже ушел...»

Кр-ц 44 легкого артиллерийского полка Похлебалин, придя 10.XII.41 г. из караула в землянку, заявил находившимся здесь бойцам: «Если бы сегодня ко мне пришел проверять несение наряда военком батареи, то я его застрелил бы. Первую пулю пустил бы в него, а вторую вверх, как предупредительную».

613-й артиллерийский полк

Кр-ц парковой батареи Пойченко в присутствии двух бойцов 12.XII.41 г. заявил: «Воевать теперь нам не за что. Районы наши заняты немцами. Теперь воюем только за Сталина. Резервов и вооружения у нас нет. Немец сильнее, и нам остается одно — сдаться в плен...»

Кр-ц штабной батареи Зубченко в разговоре 9.XII.41 г. ... заявил: «Немцы устроили у себя в стране случные пункты, а у нас в СССР издан указ о налоге с холостяков...»

56-й отд. полк связи

Кр-ц Копылов в беседе по вопросу об издевательствах немцев над пленными кр-цами 9.XII.41 г. заявил: «Я был ранен и лечился в немецком госпитале и сам видел, как немцы лечат пленных раненых красноармейцев, их доставляют на крестьянских подводах в госпиталь и после выздоровления отправляют домой...»

Кр-ц Остапенко в беседе 7.XII о дезертирах заявил: «Я на месте дезертира лучше убежал бы к немцам, у них живым бы остался, а убежав в наш тыл, поймают и затем расстреляют. Немцы же расстреливают только коммунистов и комсомольцев»...

После неоднократных информаций Особым отделом армии Военного совета и политотдела 27 армии о недостаточно проводимой политико-воспитательной работе в частях последними были приняты действенные меры, в результате можно констатировать, что в последнее время в деле постановки политико-воспитательной работы в частях имеется улучшение, но и продолжают еще иметься в отдельных полках и существенные недочеты.

Так: в роте связи 3 батальона 73 стрелкового полка 33 стрелковой дивизии доклад т. Сталина от 6.XI с.г. бойцами усвоен плохо и к изучению его приступили только 26.XI. Кр-ц Купцов заявил политруку Бизюнкову, что до этого дня он о докладе не имел и представления.

Кр-ц санроты того же полка Михайлов 17.XI. с.г. заявил, что ему об освобождении гор. Калинина и о разгроме фашистских войск под Москвой ничего не известно, между тем Михайлов уроженец Демянского р-на, семья его осталась на территории сельсовета, оккупированного немцами, и в одной из бесед он заявил: «Если бы разрешили, то сходил бы к своим родным, ведь моя деревня от

нашей части всего в 6 кило[метрах] и я знаю такие тропинки, что меня никто бы не задержал».

Политработа в подразделениях минбатальона 73 стр. полка 33 стр. дивизии поставлена плохо. Комиссар б-на ст. политрук Корсунов интересуется этим слабо и подчас сам не свободен от нездоровых настроений. Так: 14.XI.41 г. он явился в штаб 1 стр. батальона пьяным и в присутствии ряда лиц, в том числе кр-цев, повел разговор: «Бойцам нашего б-на нести службу тяжело, день и ночь мучаются и поэтому неудивительно, что у нас есть нехорошие факты». Когда же командир 1 б-на капитан Галанин заметил Корсунову, что ему, как комиссару, не следует разжигать таких настроений, и предложил прекратить у него в штабе подобные разговоры, Корсунов ответил: «Плевать я хочу на штаб, — я рабочий».

21 декабря с.г. кр-ц 3 стр. роты 1 б-на 73 стр. полка Сторожилов, будучи часовым, уснул на посту. В это время к нему подошел кр-ц Петухов и набросил на его голову мешок, создав впечатление, что Сторожилов захвачен немецкой разведкой. Далее в присутствии ряда кр-цев ломаным русским языком стал допрашивать, из какой он части, сколько в части людей, какое имеется вооружение и т.д. Старожилов, будучи перепуганным, на все эти вопросы дал ответы.

Все это затем превратилось в простую шутку и реагирования со стороны политрука роты не последовало.

ЗАМ. НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД СЗФ ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР БАБИЧ

НАЧ. 4 ОТДЕЛЕНИЯ ОО НКВД СЗФ СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КОСТИКОВ

12 февраля 1942 г., докладная записка особого отдела НКВД 10-й армии о работе отделения военной цензуры

Совершенно секретно

НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ЗАПАДНОГО ФРОНТА КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА тов. ЦАНАВА

При проверке отделением ВЦ писем военнослужащих за период с 31 января по 8 февраля 1942 года прочитано 20 550 шт. Проверенные письма характеризуют следующее: 19 929 документов являются положительного характера и отражают здоровое политико-моральное состояние бойцов и командиров. Для примера привожу выдержки из писем:

Красноармеец 1101 стрелкового полка Денисов П.Д. в своем письме ярко отражает патриотизм к Родине, он своему отцу пишет:

«...Живу хорошо, здоровье мое отличное, питание хорошее, обмундирование получили теплое, а теперь моя задача заключается в том, чтобы лучше бить врага и не жалеть своих сил и самой жизни. Я буду биться до полного уничтожения врага, чтобы изгнать его из своей священной земли. Ваша задача — больше трудиться на благо родины, больше помогать Красной Армии, чтобы общими силами быстрее разбить врага всего человечества»...

Военнослужащий 3 батальона 1099 стр. полка Дегтярев Н.А. своим знакомым пишет:

«...Я, воин РККА, вместе со всем советским народом бью фашистских извергов и будем бить их до тех пор, пока не останется ни одного фашиста на нашей земле. Трудитесь, товарищи, на своем трудовом фронте, а мы будем бить и бить врага до полного уничтожения»...

Аналогичные письма пишут многие бойцы и командиры. Из этого можно сделать вывод, что преобладающее большинство бойцов и командиров не только сами правильно оценивают настоящую обстановку и храбро сражаются с врагом, но и через свои письма являются агитаторами за быстрейший разгром врага.

Наряду с этим, из 577 документов изъят текст (путем зачеркивания), политически отрицательных настроений следующего содержания:

Сведения о потерях наших войск 162 письма;

О вшивости 123;

Панического содержания 215;

Сведения о расположен. н/частей 14;

Жалобы на недостатки в питании 28;

О недостатках в вооружении 35.

Причем как в предыдущей докладной записке, так и в настоящей отмечается преобладающее количество писем отрицательного характера, и главным образом паническое настроение.

Военнослужащий музвзвода 1101 стр. полка Аникеев Петр Иванович в своем письме пишет:

«...Настали тяжелые моменты для спасения жизни. Днем и ночью всюду нас ожидает смерть. Нет спасения нигде от проклятых самолетов. Еще очень обидно, что в защиту нас мы не видим ни одного нашего аэроплана. На мой возврат рассчитывать трудно, есть счастливчики, которых только ранят, а нам верно голову сломят. Писать об этом можно было бы много, но это все будет перечеркнуто»...

Военнослужащий транспортной роты 1099 стр. полка Карадинский Н.М. пишет:

«...Каждый день жду смерти, наверное, больше вряд ли увидимся. Я не думаю, что приеду домой из-под таких пуль. Все время наступаем, очень страшно, несколько раз попадал под бомбежку»...

Военнослужащий 1103 стр. полка минного б-на 3-й роты Малов своей жене Маловой А.Г. пишет:

«...24 января был очень большой бой с немцами, стыкались за 15 метров друг от друга, но я удивляюсь как только жив остался. Из нашей роты в этом бою погибло 25 человек, а остальные мы спаслись 10 человек...»

Военнослужащий 1111 стр. полка 1 б-на 2-й роты Сорокин А.Ф. пишет: «...Из роты, т.е. 160 чел., осталось 9 чел., в том числе и я, а остальные убитые и раненые».

Аналогичных писем было несколько штук. За отчетный период было конфисковано 41 документ отрицательного характера, наиболее характерные из них следующие:

Боец 1085 стр. полка 76 батареи Кудряшев А. пишет: «...Стоим в настоящее время подолгу на одном месте, друг друга берем в окружение, так что успехи

пошли плохие. Немец получает подкрепление, а у нас войска потрепаны и много вышло из строя, а пополнения нет, причина этому: он воюет самолетами, а у нас на нашем фронте нет ни одного»...

Боец 1103 батареи 45 м/м Богомазов А.И. пишет: «...У нас в батарее было 57 чел., а осталось 10 чел., кого ранило, а кого убило. У нас в батарее не осталось ни одной пушки, все немец забрал в плен, а сейчас мы причислены к пехоте. С питанием все же ненормально, потом вши заели нас. В Смоленской обл. м. Брынь мы бежали бегом 7 километров, отступали»...

Пужаев из 1089 стр. полка полковой батареи 322 сд пишет: «...Я пока жив, но скоро меня не будет на свете потому, что я сижу в Особом отделе жду решения Военного трибунала, когда вынесет смертный приговор за то, что я снял орудие с огневой позиции самостоятельно». Письмо направлено начальнику ОО НКВД 322 сд для установления виновного в допущении переписки арестованного.

За отчетный период отделение ВЦ работало не с полной нагрузкой ввиду переезда базы из г. Козельска в г. Мещовск вследствие чего был перерыв 2 дня (2—3 февраля 1942 года). Последующие дни также положение не выправилось, т.к. доставка корреспонденции из ППС, вследствие незнания местонахождения, задерживается.

Нач. базы Салюков до сих пор продолжает бездействовать и отсиживается в г. Козельске, передоверив руководство базой нач. транспортного отдела Маркелову, в результате чего проверенные ВЦ и готовые к отправке письма не отправляются базой уже с 3 февраля, а входящая почта не поступает с 26 января 1942 года.

О плохой работе базы информирован Военный совет армии, а виновные привлекаются к ответственности.

Конфискованные и заслуживающие оперативного интереса письма направлены в особдивы для оперативного использования.

НАЧАЛЬНИК ОО НКВД 10 АРМИИ БРИГАДНЫЙ КОМИССАР ВЯЗЕМСКИЙ

Никон и Иван Ермоленко: «Я РЕШИЛ СООБЩИТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ НА БЫВШУЮ МОЮ НЕВЕСТКУ» (1943—1944)

Информацию об авторах приведенных ниже писем, к сожалению, установить не удалось.

Без даты, конец 1943 г., заявление Н.А. Ермоленко

Чрезвычайной государственной комиссии
по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР
от пенсионера Ермоленко Никон Афанасьевича, проживающего в гор. Краснодаре, Краснодарского края по ул. Восточная, № 14

заявление

Прочитав брошюру «не забудем не простим» Ф. Потемкина, выпущенную ОГИЗом Госполитиздательства 1943 г., из которой я узнал: что Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских мерзавцев ведет полный учет всех преступлений гитлеровцев, совершаемых над советскими гражданами, и поименный учет тех лиц, которые замешаны в злодеяниях, а потому я решил сообщить Чрезвычайной Государственной Комиссии в прилагаемом к сему отдельном заявлении на бывшую мою невестку Ермоленко Прасковью Александровну, что с немцами она натворила над мной и моей семьей в сентябре 1942 г., т.е. во время оккупации гор. Краснодара, о чем мной и моим сыном Ермоленко Иван Николаевичем находящемся в Красной Армии было сообщено Особому Отделу 28.08.43 г. находящемуся в г. Краснодаре по Октябрьской ул., где наши заявления пропали и они остались без расследования.

Куда было дальше жаловаться я не знал, т.к. с такого солидного Государственного учреждения, как Особый Отдел, нашлись люди, которые прогулявши ночь с невесткой, во время ее домашнего допроса и быть может за рюмку водки да за деньги с немцами нею нажиты до 40 тыс. и не было над невесткой по закону расследования, но за то ей дали хорошее направление вступить в Красную Армию. В ту Армию над которой с немцами она издевалась. А поэтому прошу Чрезвычайную Государственную Комиссию дать законами установленное расследование доведя его до судебного процесса.

И о последующем прошу сообщить мне.

К сему: Н. Ермоленко

Г. Краснодар

ВРАГУ НИЧЕГО НЕ ПРОСТИМ!

Граждане!

В каждом районе Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в помещении Райсовета, **принимает заявления от всех граждан,**

ПОТЕРПЕВШИХ УЩЕРБ ОТ ВРАЖЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ, ВЫРАЗИВШИЙСЯ В ПОТЕРЕ:

имущества, заработка (от увечья, болезни или из-за невозможности заниматься своей профессией), **доходов, утерянных членами семьи из-за смерти кормильца,** а также **расходов по эвакуации и реэвакуации.**

ДОЛГ КАЖДОГО ПОСТРАДАВШЕГО ПОДАТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИЧИНЕННОМ УЩЕРБЕ В КОМИССИЮ

Ленинградская Городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков

ЛГ УНКВД. Заказ 5040.

«Врагу ничего не простим»: обращение Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Ленинград, 1944 г. Из фондов РНБ

19 марта 1944 г., заявление Н.А. Ермоленко

Чрезвычайной государственной комиссии

по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР

от пенсионера Ермоленко Никон Афанасьевича, проживающего в гор. Краснодаре, Краснодарского края по ул. Восточная, № 14

заявление

В августе 1939 года мой сын Ермоленко Иван Николаевич выехал на работу в Среднюю Азию. 2 января 1940 г. он там женился, 13 января 1941 года у них там родилась дочь.

После Гармского землетрясения у моего сына получились сердечные припадки и с больничным направлением 26 мая 1941 г. он с своей женой Ермоленко Прасковьей Александровной и их дочерью приехали ко мне в гости на 3 месяца. Начавшаяся 22 июня 1941 года война заставила сына немедленно выехать на место работы. Жена его с дочерью, а моя невестка остались у меня жить временно, как гости на полном нашем иждивении. 17.09.41 г. там сына мобилизовали в Красную Армию, почему невестке пришлось жить и в зиму у нас. 27 февраля 1942 года у нас произошел первый спор, через ее воровство. Моя невестка начала выкрадывать из дому разные вещи и носить для продажи спекулянтке Носовой

Анне, проживающей по Северной ул., № 258, которая возила в станицы и там их сбывала. 6 июня 1942 г. невестка еще навязала узел вещей, костюмы и обувь и в темноте начала выносить их из дома к Носовой. Но случайно мне пришлось заметить это дело и я эти вещи отнял от нее. Она жаловалась в милицию, но там отказали что-либо ей помочь через ее воровство.

1 июля 1942 г. дочь ее умерла, невестка с нами примирилась и от всех претензий на сыновы вещи отказалась, так как он ей приказывал и в письмах писал, что в случае если куда-либо будет от нас выезжать, то чтобы вещи она не трогала. Так мы мирно, как родная семья начали опять жить. Я при ней продал сынов костюм, купили муку и других продуктов и все вместе проели их.

С оккупацией нашего гор. Краснодара, моя невестка Ермоленко Прасковья Александровна поступила в офицерский клуб на работу, а также сошлась для семейной жизни с немцем шофером по имени Франц.

Когда она начала водить его к нам в дом, а также разгуливать с ним на улице по ночам и в их автомашинах. Через этот позор, что она позабыла своего мужа, а моего сына Ермоленко Ивана Николаевича, который на фронте, как гвардеец бьет немцев, а также, что она издевается над Красной Армией называя их небоеспособными и оборванцами и за разглашение, что мы закопали одежду, — обувь, патефон и мыло от немцев, я с ней опять поскандалил, через что она и решила выйти от меня на квартиру и быть свободной в своих действиях с немцами.

7 сентября 1942 г., 21 час. населению по улице ходить через военное положение нельзя, если немцы увидят расстреливают, но невестка с своим немцем Францем приходят ко мне во двор (я спал под коридором). Франц закричал на меня «Пан капут» и, присветив электрофонарем, очень сильно ударил меня по глотке и начал бить в грудь кулаком. Невестка с матершиной начала избивать мою дочь, у которой был на руках ее ребенок 11 месяцев, и ему тоже попало несколько ударов. После побоев Франц приказал нам, старикам, сидеть на кровати и молчать, а моя дочь с ребенком остались в комнате. Потом Франц с невесткой пошли в огород откапывать наше семейное мыло, где его было 200 кусков. Невесткиных 60 кусков, моей жены 80 кусков, а остальное моей дочери. Но невестка все мыло забрала себе и отнесла на Северную ул., № 276 до Белоконь Евдокии.

После переноски мыла невестка начала переносить и вещи туда же сама, а Франц сидел у нас в комнате за сторожа, только у двоих невестка с Францем перенесли кровать и сундук. Закончив переноску в 24 часа. Когда невестка забирала грабежом через защиту Франца и его угрозы, то не переставая ругать нас матершиной и угрозами расстрелам, невестка говорила, что я пришлю с своего клуба офицеров и они вас расстреляют, а потому наслаждайтесь воздухом в последние минуты вашей жизни. Грабежом она забрала не только мыло, сыновы одежду, обувь и прочие вещи с документами и перепиской его, но собственно принадлежащие мне вещи:

1. патефон с пластинами,
2. кровать с досками,
3. новая большая эмалированная чашка,
4. белые сухари, дочерью приготовленные для ребенка, до 5 килограммов.

Если я что скажу невестке: «Паша, зачем ты берешь, это не твое», то она с матершиной говорит, что все равно будет мое, т.к. вас завтра офицера расстреляют.

11 сентября 1942 г. ночь 22 часа, населению ходить нельзя, но невестка с Францем приходит ко мне, стучат в комнату, но я их не пускаю, говорю прийдете днем и что нужно возьмете, но они срывают калитку с запоров, врываются во двор (я спал под коридором) от этого я захватив постель и вбежал в дом. Невестка с Францем хотят сорвать двери в коридор, но я с дочерью кричим на всю глотку, караул — патруль нас грабят, спасите, от крика Франц начал уходить со двора, но невестка кричит ему: «Франц, не уходи, а бей окна», но Франц ей ответил: «Там маленький» и ушел, со словами «Завтра Вам с.с. капут». После ихнего ухода, когда все стихло, минут на 20, я вышел на двор и обнаружил на своей постели пропажу своих брюк с документами и деньгами в 190 р., галоши еще новые № 12, подушку и под ногами растоптанные мои очки.

Когда я собирался жаловаться за грабеж в полицию на невестку одну, т.к. полиция не могла вести следствия над немецким солдатом. Так невестка подала жалобу в полицию 4-го участка г. Краснодара, о том, что якобы ее еще вещи остались у меня и их ей не отдаю я. 3 октября 1942 г. приезжают ко мне в дом с невесткой поставленные немцами с полиции старший инспектор нашего участка Пронченко и возвращают мне одну подушку взятую грабежом, 11.09.42 г., а брюк с документами и 190 р., а также галоши и до сих пор там. За то отбирают от меня пальто моего сына и его документы о работе с 1929 г., числом 18 шт., бухгалтерские учебники и переписку, примус, ложки, чашки, ящики бечевки по списку ранее невесткой приготовленному, а на недостающей сынов костюм, что я при ней продал и проели, невестка потребовала уплаты деньгами и инспектора потребовали от меня немедленной уплаты или мы арестуем, но я во избежание репрессий начал их упрашивать о рассрочке платежа, на что они согласились и отобрали от меня расписку об уплате через 2 недели, т.е. с 3 по 18.10.42 г., что я и выполнил, подписал написанную инспектором расписку об уплате невестке 2350 р. Когда я заявил инспектору Пронченко, что 18.10 денег я платить не буду, т.к. я подал в Отдел Юстиции жалобу об ограблении меня невесткой, то Пронченко хотел было меня арестовать, но Отдел Юстиции ему не разрешил производить ареста до разбора дела.

16 ноября 1942 г. моя жалоба в Отделе Юстиции рассматривалась, но через то, что в деле замешан немец солдат муж моей невестки. Судья был бессилен, что-либо сделать в мою пользу и так грабеж при немцах с моей невестки сошел как с гуся вода, но за то с меня по расписке 2350 р. заставили тоже немедленно уплатить в суд для семьи немецкой, т.е. невестки и ее мужа Франца, я попросил и мне дали 10-дневный срок к 26.11.42 г. о чем я и прилагаю Вам копию. Мои и сыновы вещи так и до сего дня остались собственностью невестки. Я в предыдущем заявлении писал, что моя невестка находится в Красной Армии, но ее адреса я не знаю, но она шлет письма своим хозяйкам где нею брошены на произвол судьбы ее, моего сына и мои грабежом взятые вещи, где их бессовестно треплют и уже даже продают как собственность, на что нужно бы наложить арест, т.е. чтобы этих вещей никто не имел права трепать и продавать до приезда с фронта моего сына

или невестки. Так вот здесь есть невесткин адрес. Гор. Краснодар по ул. Сидоренко, № 38 у Ивана Процко или по ул. Сидоренко, 48 у Прасковьи Ильиничны.

Заканчивая свои, я бы сказал, краткие заявления о перенесенных ужасах при немцах, через изменницу нашей родины и пособницу немецкого фашизма и издевательницу над Красной Армией, в которой теперь и сама очутилась — спасаясь от законного преследования за тесную связь с нашим врагом.

Это моего сына жена, а моя невестка Ермоленко Прасковья Александровна. Вот поэтому и прошу Чрезвычайную Государственную Комиссию расмотреть и проверить копии об уплате 2350 р. за свое добро и копию с письмом ко мне моего сына и если только есть доводы преступления моей невестки Ермоленко Прасковьи Александровны, то дайте ему этому делу ход, для расследования вплоть до судебного разбора.

О последующем прошу сообщить мне.

К сему: Н. Ермоленко

19.03.44 г.

г. Краснодар

«Добавление»

Мой сын, а моей невестки муж со дня его мобилизации находился по адресу Полевая почта № 743, 14-й гвардейский полк, литер № 1. На Волоколамском фронте, не доходя Сычевки километров 18, его в грудь осколками сильно ранило 8 августа 1942 г. Лечили в г. Казани. С 26 декабря опять в Красной Армии и в школе 1943 г. в г. Андижане окончил курсы младших лейтенантов. С августа 1943 г. в действующей Армии, пол/поч. № 39288-н и под Кировоградом 7.01.44 г. вторично ранет, находится сейчас по адресу г. Чкалов, части 4317, второе отделение, палата № 6 Ермоленко Иван Николаевич.

Вот если Вам что-либо потребуется для следствия, то по последнему адресу и обратитесь к нему. Если сумею достать невесткин адрес. Пришлю дополнительно.

К сему: Н. Ермоленко

7 августа 1943 г., И.Н. Ермоленко — семье

Андижан

Здравствуйте, дорогие родители папа и мама, а также сестра Елена и дочурка твоя Лариса. Шлю я Вам свой привет. Сообщаю, что я жив, здоров, чего и Вам желаю от всей души. Папа письма Ваши от 27.06.43 г. и второе, а также открытку я получил в полной целости и сохранности со всеми 10-ю фотокарточками, за что я Вам благодарю. В данный момент я сдал зачет за время моего ученья и, наверное, скоро окончу учебу, после чего адрес мой изменится, о чем я Вам обязательно сообщу немедленно. Папа, Вы спрашиваете меня возбуждать ли против бывшей моей жены уголовное дело. Папа, я, конечно, ничего не знаю, как Вы рассуждаете, но, по-моему, уже нужно было бы давно об этом сообщить нашим советским органам и не как уголовное дело, а как политическое, ибо она имела прямую связь с нашим врагом в дни оккупации моей родины, город Краснодара. Папа Вы должны будете обратиться в Особый Отдел и привлечь как изменницу

и пособницу немецкого фашизма к суровой карою, я о себе уже не буду говорить многого, чтобы я сделал с нею, если бы увидел ее перед собою. Но я знаю и выполняю и выполнил в прошлом году на фронте приказ нашего любимого Вождя т. Сталина. Смерть немецким оккупантам. И то будет на деле. Папа! Посылаю я Вам мое заявление, которое Вы должны передать в Особый Отдел, он может находиться при НКВД или при Военном Прокуроре. В общем Вы должны еще подробно списать к моему заявлению, что она проделывала с немцами. Теперь опишите подробно, какие вещи она забрала, и все это передайте и требуйте немедленного возврата, ибо она не имела никакого права забирать хоть какую-либо вещь без моего разрешения, ибо все имущество заработано лично мною. И она не имела никакого права к этим вещам, ибо я являюсь защитником правого дела, а она стала изменницей нашей славной родины.

ГОРСКИЕ ТАТЫ: «В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ РОЛЬ КАЖДОГО ИЗ ЭТИХ НАЙМИТОВ?» (1944)

Приведенное ниже коллективное письмо было прислано в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Авторство принадлежит представителям горских евреев, известных в то время под названием горских татов.

Заявление 24 апреля 1944 г.

В Государственную Комиссию по расследованию злодеяний, причиненных немецкими оккупантами во временно захваченной ими советской территории от горских татов, проживающих в городе Моздок Ставропольского края

Заявление

В виду исключительной важности вопроса мы сочли необходимым обратиться к Вам со следующим заявлением. Как и следовало ожидать, немецкая оккупация принесла с собой произвол, насилия, повальные грабежи и расстрелы ни в чем не повинных людей на нашем свободолюбивом Кавказе. Особенно это чувствовалось в нашем селе, где мы жили в дни немецкого кошмара, — Менжинского, Курского района Ставропольского края, где немцы неистовали.

В настоящее время мы, маленькая горсточка горских татов, которым чудом удалось укрыться от немецкого преследования и уничтожения, проживаем в городе Моздоке, откуда в счастливые дни мирного строительства нашей любимой Родины мы были в 1927 году переселены государством на землю, как бедняки из числа горожан, в то же Менжинское. И вот, когда настали черные дни немецкой оккупации и произвола над населением Менжинское, тут подняли голову раньше притаившие дыхание и выжидавшие момента враги народа и изменники Родины, как, например, завмаг Саркисов Ирмей, лесничий Хабалонов Карась, кузнец Давыдов Киркор, Чернов Давыд, Пеньков Моисей, Сафкович Лиза и т.д. Эти гитлеровские наймиты, работая днем и ночью, из кожи вот лезли, творя самые грязные и подлые дела, не брезгая ничем, лишь бы заслужить их похвалу. Они охотно шли на помощь немецким бандитам в постепенном и планомерном ограблении, а впоследствии и трагическом истреблении беззащитного горско-татского населения.

В чем заключалась роль каждого из этих наймитов:

1. Бывший завмаг Саркисов Ирмей — служил немцам как указатель и путевод: у кого что имеется для ограбления и кто политически настроен против немцев.

2. Хабалонов Карась — полицейский. Этот мерзавец, кроме подлого и безжалостного издевательства над мирным населением, еще занимался истреблением попавших в его грязные руки пленных красноармейцев.

3. Бывший кузнец Давыдов Киркор — второй староста, насильник и выполнитель с большой охотой любых чудовищных приказаний немцев по ограблению людей.

4. Чернов Давыд — второй полицейский, безжалостник и грабитель, активный снабженец немцев за счет населения.

5. Пеньков Моисей — первый староста, кровопиец и безжалостник. Этот негодяй считал забавой избивать население за малейшее неповиновение его немецкому каторжному режиму.

6. Сафкович Елизавета — немецкий переводчик и предатель. Переводила все наоборот в угоду немцам.

Результатом усилия их старательной работы на немцев и было чудовищное злодеяние, совершенное немцами при непосредственной помощи этих шести гитлеровских холуев, как расстрел поголовно всех жителей Менжинское, даже больных, которые были подняты накануне увода их с постель, состоявшегося 19 октября 1942 года в 6 часов утра.

Эти предатели и изменники Родины всячески помогали немцам в планомерном и поголовном истреблении населения, рассчитывая на подлую наживу имущества истребленных, на дележ его между собой, как бандиты с большой дороги. Их грязные и подлые замыслы осуществились, от которых, услышав даже рассказы очевидцев, и по сей день стынет в жилах кровь.

Таким образом, в 6 часов утра 19 октября 1942 года в районе Курской, около МТС, было расстреляно 118 человек, а том числе и дети, даже грудные.

И вот, победоносная Красная Армия освободила советский солнечный Красный Кавказ, в том числе и наш Курский район; организаторы и пособники этой чудовищной человеческой бойни, в надежде на спасение своей собачьей шкуры от приближающегося возмездия, поспешили укрыться кто куда, уходя с отступавшими немцами, за исключением Саркисова Ирмея, который отбывает наказание в Курской за хищение социалистической собственности, и Сафкович Елизаветы, которая скрывается в районе ст. Моздок. А Пеньков Моисей и Чернов Давыд скрываются в Старой Михайловке Краснодарского края.

Надо полагать, что этим вышеуказанным четырем организаторам расстрела известно, где скрываются и остальные их соратники по преступлению.

Кроме истребления горских татов, населявших Менжинское, было организовано поголовное и безжалостное истребление населения и Богдановки, того же Курского района, где было расстреляно 463 человека; но тут обнаружить предателей, правда, пока что не удалось, но надо надеяться, что они найдутся. Удалось спастись в Менжинское только трем семьям от этой расправы. Это семьи Нусуевых Ш.К., Исмановых Н.О. и Алхазовых Н.А., которые являются живыми свидетелями этой расправы. Они в настоящее время проживают в гор. Моздоке.

Эти несчастные, обескровленные и обездоленные люди, когда уехали после освобождения в Менжинское в поисках своих вещей, награбленных врагами нашей родины, обнаружили их как у Саркисова, так и у других лиц и забрали их в присутствии пред. Колхоза с актировкой соответствующим путем; через несколько дней был послан представитель районной милиции Курской для изъятия их у настоящего пострадавшего хозяина и передачи их обратно организатору расстрела матерому бандиту кровожадному врагу Саркисову Ирмею.

Так было сделано с семьей Нусуева Ш.К. по прямому указанию начальника милиции Курской, который так старательно и вольготно предоставляет возможности находиться по сей день на воле врагу Саркисову. На наши неоднократные заявления со дня вступления частей Красной Армии в данный район о чудовищных злодеяниях пособников немцев, районные органы абсолютно не обращают никакого внимания, несмотря на возможности богатого сбора материалов о деятельности всех изменников Родины.

После освобождения района Курской нашими любимыми войсками 28 января 1943 года на заседании в райкоме партии было вынесено решение открыть митинг окружающих колхозов на могиле, павших от рук немцев — палачей и их приспешников, горских татов с последующим открытием им памятника на их могиле, но почему-то это решение до чих пор осталось на бумаге.

И вот на основании вышеизложенного, убедившись в пассивности по данному вопросу районных органов, в течение одного года с лишним, мы, малая горсточка оставшихся чудом в живых горских татов, представители которых выбраны по данному вопросу, убедительно и настоятельно просим Вас, как высший государственный орган по расследованию немецких злодеяний во временно захваченной ими советской территории, расследовать данное дело путем выезда на место в район могил и для последующего наказания и справедливого возмездия, которое достойно по заслугам должны получить гитлеровские пособники массового истребления абсолютно ни в чем не повинных людей, в том числе стариков и детей. Убедительно просим наше обращение в Вам без внимания не оставлять.

По поручению жителей Моздока горских татов: Бакшиев Арай, Бакшиев Роман, Нусуев Шамиль, Нусуев Илья, Абрамов Ишва, Бакшиев Яхаз, Саломонов М., Левиев М., Михайлов С., Равинов Н., бывший председатель Менжинского сельсовета Нусуев А., Разиева Рая

Собственноручные подписи граждан удостоверяю. 1944 г. апреля 24 дня.
Нотариус
Печать /Подпись/

Худ. П.Т. Мальцев. Военмориздат, 1943 г. Из фондов РНБ

VIII. ГНЕВ ВОЙНЫ

Побывав на фронте, я научился многому. Я увидел сожженные города и села, расстрелянных и истерзанных невинных женщин, стариков и детей, у меня появилась неимоверная злоба к врагу, а вместе с ненавистью пришли смелость и находчивость.

Из письма Тимофея Вербицкого, осень 1941 г.

Ольга Никонова

ГНЕВ, УЖАС, ЗЛОБА: О ХРОНОЛОГИИ И СОЦИОГРАФИИ ВОЕННОЙ НЕНАВИСТИ

Письма солдат и офицеров как ценный источник по истории войн были «открыты» историками довольно давно — еще в 80-х гг. прошлого века[1]. С этих пор исследователи больше не выпускают их из своего поля зрения, так как именно письма дали возможность «заговорить» безымянным солдатам, позволили увидеть войну глазами сидящего в окопе человека, лучше понять его мысли, чувства и его военную повседневность. Благодаря письмам были разрушены некоторые стереотипные представления о войне — такие, например, как тезис о «разделенности» и «отличности» опыта фронта и тыла[2].

С каждым годом военные письма, подобно малоисследованному природному явлению, раскрывают все новые и новые тайны. Письма, собранные в данном разделе, позволяют уточнить наши знания о процессах формирования национального самосознания и советской идентичности, помогают пристальнее взглянуть на механизмы воздействия пропаганды и пропагандистского дискурса, дают возможность прикоснуться к тонкой материи эмоций.

Почему одни письма «пылают» ненавистью к врагу, а другие отличаются спокойными и рассудительными размышлениями о противнике или не упоминают о нем вообще? Можно ли отличить «настоящие» гнев и злобу от дежурных фраз, написанных для цензора? Какое место нужно отвести этой эмоции в процессе «понимания себя» на войне? На эти и множество других вопросов можно попытаться ответить с помощью писем, которые так или иначе тематизируют ненависть к врагу (или ее отсутствие). Подборка позволяет проследить как «хронологию», так и «социографию» этой эмоции. Она охватывает крупнейшие военные конфликты Российской империи / СССР в XX в. — Русско-японскую войну 1904—1905 гг., Первую и Вторую мировые, а также переписку красноармейцев с их родными в период советско-финской и советско-польской кампаний. Среди текстов — строчки, написанные мужчинами и женщинами, солдатами и офицерами, представителями дворянского рода и крестьянами.

Открывает раздел эпистолярное наследие морского офицера Д.И. Дарагана, служившего младшим штурманом на эскадренном миноносце «Цесаревич». Дараган прибыл в Порт-Артур практически сразу же после начала Русско-япон-

---

[1] Необходимо оговориться, что дворянское эпистолярное наследие стало предметом пристального внимания историков намного раньше упомянутой даты. В данном же случае речь идет о массовом источнике — солдатских и офицерских письмах, преимущественно периода Первой мировой войны. Их историческую значимость оценили уже современники событий — немцы и англичане начали сбор и публикацию писем непосредственно в годы войны.

[2] *Reimann A.* Die heile Welt im Stahlgewitter: Deutsche und englische Feldpost aus dem Ersten Weltkrieg // Hirschfeld G., Langewiesche D., Ullmann H.-P. (Hg.). Kriegserfahrungen. Studien zur Mentalitaets- und Sozialgeschichte des Ersten Weltkrieges. Essen: Klartext Verlag, 1997. S. 129—145.

ской войны и был участником наиболее крупных военных событий на суше и в море вплоть до августа 1904 г., когда он был интернирован на немецкой военно-морской базе Циндао (п-ов Шаньдун). Таким образом, письма Дарагана фиксируют настроения и размышления русского офицера начального периода войны, когда происходили первые столкновения с японцами и тень Мукдена и Цусимы еще не омрачила собой все восприятие войны. Послания «Мити» самым близким людям — отцу и матери — демонстрируют типичные черты эпистолярных источников, возникших в условиях «боевых действий»: бытовые подробности и описания повседневных забот соседствуют в них с центральной по значимости информацией — рассуждениями о боеспособности русских войск и флота, моральных и профессиональных качествах командиров, наблюдениями за врагом и сравнением японских и русских комбатантов. Первое же письмо, написанное 25 февраля 1904 г. недалеко от Мукдена, начинается с описаний «ужасно интересных мест» — «дивно обработанных полей», текущих с гор рек, деревьев, «как на картинках». Характеристики местности и природы, в письмах Дарагана, вероятно, бывшие проявлением активно формировавшихся в начале XX в. «туристических» практик, впоследствии станут признаком солдатских писем[1]. (Историки до сих пор не могут однозначно интерпретировать причины появления в письмах «туристических» фрагментов.) Как в Первую мировую, так и во Вторую мировую войну эти описания станут «головной болью» военных цензоров[2]. В годы Великой Отечественной (военно-)географические описания местности попадут в разряд запрещенных тем и практически исчезнут из военных посланий[3].

Еще не побывавший в боях офицер полон веры в русскую военную силу: «Общее впечатление, что наши держатся героями, и счастье на нашей стороне» [письмо от 25.02.1904]. Однако прибытие в Порт-Артур и близкое знакомство с хаотичной организацией обороны крепости вносят в его письма тревожные нотки. Сведения и рассказы о японцах, которые «молодцы, дерутся насмерть, спокойно и храбро», сопровождаются комментариями о русских начальствующих, которые делают «много глупостей (а то были бы не люди), не перенимают хороших предложений, но в деле окончательно не только умирают, но и думают хорошо» [письмо от 27.02.1904]. Упоминания о японцах в письмах учащались по мере того, как усиливались столкновения с флотом противника. Впечатления Дарагана можно было бы охарактеризовать как восхищенный ужас — морской офицер отмечал «дикость» японцев, то, что они дерутся как «собаки», сообщал родным, что японцы «зверски по натуре» или «злы и дики». И вместе с тем писал, что они «хорошо усвоили новейшие военные хитрости» и «переняли в Европе все дьявольские науки». Особое неприятие вызывают у Дарагана варварские методы войны, применяемые японцами, — препятствование эвакуации раненых,

[1] *Нарский И.В.* «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. / Под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 492.

[2] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

[3] *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: (по материалам республики Татарстан). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. С. 20.

расстрел пленных. В 1904—1905 гг. русский морской офицер еще не предполагал, что всего лишь через полвека арсенал этих методов пополнится концентрационными лагерями, газовыми атаками и войной против гражданского населения.

Интересно, что о военных методах японцев он рассуждает не на основе собственных наблюдений, а пользуясь слухами, которые относятся к очень распространенному механизму конструирования «нужных» образов врага[1]. «Азиатчина» противника дает ему возможность подчеркнуть человечность и гуманность русских, будь то рассуждения о собственном поведении на войне или о правиле русских всегда спасать экипаж тонущего корабля. Противопоставление японцев и русских подводит Дарагана к выводу: «Говорят, что пленных расстреливают. Я верю в это и буду сильно пропагандировать это, чтобы **наши с ними не стеснялись**» [письмо от 06.05.1904 г.].

Наряду с образом внешнего врага, который, используя всяческие уловки и устрашающие маневры, добивается своего и сеет панику в рядах русских, Дараган все больше внимания уделяет образу и проявлениям врага внутреннего — трусости, бездействию, бездарности и «мерзости» русского командного состава, падению нравов и распаду дисциплины от бездеятельности и хаоса. От ситуации в Порт-Артуре ему «становится не под силу» молчать, бездеятельность командования он считает преступлением и изменой [письмо от 27.05.1904 г.]. Не предполагая дальнейшего печального развития событий, в одном из писем 1904 г. Дараган пишет: «Если нам легко дастся победа, то это будет нехорошо. Надо, чтобы эта война сделала маленький переворот, а то это бестолку» [письмо от 13.04.1904 г.]. Критикуя военное командование, морской офицер остается верен традиционной системе дворянских и офицерских ценностей, считая, что в позорном бездействии и потерях виноваты «только не Царь и не единодержавие, а подлость людей» [письмо от 02.08.1904 г.].

Совершенно иное эмоциональное измерение войны представляет блок писем солдат Первой мировой войны, написанных в 1917 г. Составители сборника сознательно отказались от публикации в этом разделе более ранних эпистолярных источников, которые тематизируют, например, отношение к противнику, так как образ «германца» или «австрияка» в годы Великой войны неплохо изучен российскими и зарубежными исследователями на основании материалов военной цензуры. Особенностью представленной коллекции писем Первой мировой войны является то, что адресатами этих посланий являются официальные учреждения или лица. Следовательно, личные переживания и бытовые подробности сведены в этих текстах к минимуму, уступая место выражению главной цели послания. Таким образом, о военной повседневности в этих письмах можно судить лишь по косвенным признакам — жалобам на потерянное в окопах здоровье, ожесточенности и привычке к насилию. И вместе с тем реалии войны манифестированы в основной мысли всех посланий — стремлении решительно и быстро, по-военному «разобраться» с внутренним врагом — просьбах «поскорее» свергнуть помещичье «иго», угрозах «всадить пулю в лоб» и силой заставить «бросить трон», отрубить голову и отдать трупы на съедение червям.

[1] См., например, предисловие к сборнику: Слухи в России XIX—XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011.

Письма, представленные в данной части раздела, демонстрируют трансформацию негативного эмоционального восприятия врага в классовую «ненависть». Как отмечает О.С. Поршнева, к 1917 г. тенденция дегуманизации образа немца стала вытесняться противоположной — «очеловечиванием» противника, которая дополнила широко распространившиеся с 1915 г. представления о страшном «внутреннем немце»[1]. Страх, непонимание и раздражение, вызванные тяготами войны и обострением социальных конфликтов, обернулись против социально и «географически» отдаленных групп — элиты общества, тылового населения. Иногда внутренний враг в письмах был персонифицирован в конкретных государственных, военных или политических деятелях. Это происходит, например, в послании Петра Зазулина, требовавшего изгнать из России «изверга», «людоеда» и «жестокого немца» бывшего военного министра А.Ф. Редигера, в письме-угрозе, отправленном от имени роты солдат министру-председателю А.Ф. Керенскому, в адресованном «товарищам, солдатам и гражданам» требовании скорейшего суда над царским военным министром В.А. Сухомлиновым и Верховным главнокомандующим Л.Г. Корниловым. В других случаях ненависть была «по-марксистски» нацелена на целые «классы» — помещиков и буржуазию.

Следующий блок писем отражает реакцию советского населения на события начала Второй мировой войны — вторжение СССР в Польшу и присоединение территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, а также советско-финскую войну. Специфика этих эпистолярных источников обусловлена их происхождением: письма представляют собой коллекцию, собранную и опубликованную в 1944 г. в Нью-Йорке бывшим правым эсером В.М. Зензиновым. Как поясняет сам автор, все письма были подобраны «на трупах убитых русских солдат» в Финляндии[2]. Так же, как и в случае с Д. Дараганом, речь здесь идет о личных посланиях — письма полны частных подробностей, имен родных, близких и друзей, рассказов о событиях, известных только автору и адресату. Общей чертой является беспокойство об устойчивости переписки, боязнь за свою судьбу, жизнь и благополучие отца, брата, друга. Вместе с этим традиционным признаком такого рода эпистолариев письма в действующую армию отражают изменения, произошедшие в жизни граждан Советского Союза после революции. Существование в условиях «пропагандистского государства» наложило свой отпечаток на язык «литературного» и «наивного» письма, внедрившись в него клишированными фразами и образами официального дискурса[3]. Одновременно, широко распространенное знание о контроле за перепиской заставляло в нужном месте вставить нужную цитату, дабы избежать изъятия письма и все же донести до адресата самое главное — вожделенные новости, личные переживания, беспокойство, страхи и надежды. Поэтому и образы противника в этих письмах преимущественно «пропагандистские», «газетные», отражающие абстрактное, присвоенное знание о враге. Отсюда и эмоциональная «бесцветность» этих образов, прочитывающаяся за эмфатически заостренными метафорами и образами

[1] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 186—191.

[2] *Зензинов В.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию 1939—1940. Нью-Йорк: L. Rausen, 1944. С. 5.

[3] См.: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М.: ИФРАН, 1996; *Козлова Н., Сандомирская И.* «Наивное письмо» и производители нормы // Коллаж: Социально-филос. и философско-антропол. альманах. М., 1997.

пропагандистских стереотипов, и путаница в них. Так, в письме И.М. Евтеева своему другу А.А. Вязовому описываемая им сцена расставания с сослуживцами, когда «некоторые ребята плакали, очень было трудно терять дружбу», более эмоциональна, чем фантастический рассказ об избиении армейскими поварами «насмерть» польских офицеров. Эмоциональная бедность образов противника прочитывается и в письмах из дома. Советские люди не понимали, зачем были нужны Польская и Финская кампании. И потому «ненависть», которую питал девятиклассник Николай Чистяков к Финляндии, была перформативна, а его представления о том, что «Финляндия лезет со своим свиным рылом в наш Советский огород», — абстрактны.

Закрывающий раздел блок писем, возникших в годы Великой Отечественной войны, представляет собой, пожалуй, наиболее сложный случай для интерпретации. В нем объединены послания личного характера (письма Т. Вербицкого и Г. Манакова) и «официальные» тексты, написанные специально для публикации. Эмоциональный накал в двух типах писем нередко совпадает, несмотря на то что одни из них написаны солдатскими матерями, находившимися в глубоком тылу, а другие — солдатами-фронтовиками. Одну из причин этого явления можно искать, вероятно, в особенностях патриотической мобилизационной кампании начала войны. Она была построена по образцам, испробованным в 1914 г., и формулировалась вокруг образов жестокости и зверств нацистов на занятых территориях, в особенности в отношении гражданского населения. Сообщения о военных преступлениях начали публиковаться в советских газетах уже в первые месяцы войны, а в 1942 г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которая стала координировать информационную политику в этом вопросе. Визуальная пропаганда еще до появления известного стихотворения К. Симонова «Убей его» (1942 г.) культивировала ненависть и непримиримость к врагу. Описывая свои первые впечатления от военной Москвы, А. Верт отмечал: «Люди жадно читали наклеенные на стенах плакаты, которых, надо сказать, было множество: советский танк, давящий гигантского краба с усами Гитлера; красноармеец, загоняющий штык в горло огромной крысы с лицом Гитлера. "Раздавить фашистскую гадину!" — гласила подпись под этим плакатом»[1].

Можно отметить также и другой аспект — в отличие от Польской или Финской кампаний после 22 июня 1941 г. речь шла о враге, вступившем на «родную» землю, о жертвах, среди которых можно было легко представить себя и своих близких. Возможно, поэтому публичный эмоциональный призыв к сыну мстить «за невинно убитых жен, матерей, беззащитных детей, за сожженные села и разрушенные города» Татьяхан Колодаровой в августе 1941 г. совпадает по смыслу с почти обыденно звучащей фразой из личного письма Григория Манакова: «...если не буду в живых то знай и пусть ребята запомнят, что иду защищать родину тебя Соня от немецкого поругания и детей от немецкой кабалы». Эмоционально заостренный, новый образ немца-противника, решительно отличающийся от благодушного восхищения техническим превосходством «колбасников» из 1914—1916 гг., отражает процессы «тотализации» войны в XX в.[2]

[1] *Верт А.* Россия в войне 1941—1945 / Пер. с англ. М.: Воениздат, 2001. С. 86—89.

[2] См. об этом: *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 28—48.

Вместе с этим необходимо отметить, что архитектоника двух типов писем — частных посланий и текстов, рассчитанных на публикацию в газетах, демонстрирует черты, характерные для более ранних военных эпистолярных источников. В переписке личного характера образы врага, «формулы» мщения и ненависти, доказательства непоколебимости боевого духа ритуально вкраплены в основную ткань наивного письма — расспросы о родных, эмоциональные выражения любви и привязанности, хозяйственные и бытовые подробности, скупые (цензура!) описания фронтовой повседневности. Вероятно, фразы о мщении были своеобразным «талисманом», гарантировавшим, по представлениям военнослужащих, что письмо будет доставлено по назначению. Нередко они соседствуют с жалобами на здоровье или временную потерю боеспособности, как будто выполняя функцию «маскировки» проявления человеческих слабостей: «От себя могу сказать, что за эту зиму [так] постарел, так износился, что подчас [себя] не узнаю, здоровье мое стало не [ва]жным. Надо бы отдохнуть но ведь не время. А время добивать немцев» [из письма Г. Манакова от 01.07.1944 г.].

В письмах, предназначавшихся для опубликования в газетах, образ врага и его преступлений — центральная тема. По сравнению с письмами начального периода (например, письмами матерей) «ненависть» в посланиях кубанцев с фронта и письмах солдат в газету «Советский боец» 1944 г. — чувство, структурированное опытом пережитого в годы войны на фронте, в плену, во время освобождения оккупированных территорий. Письма содержат подробные описания нацистских зверств и упоминания о судьбе родных и близких людей, трагическая судьба которых взывала к мщению. Описания смерти и страданий, ужасов войны свидетельствуют не только о стремлении «выполнить заказ» на патриотическое письмо, но и о том, что, как говорится в анонимном письме от 09.04.1943 г., «мы стали грубее, привыкли смотреть опасности в глаза до боли, до помутнения в глазах, ненавидим немцев, своих предателей».

Хронологическое путешествие по военным письмам, начавшееся в 1904 г. и завершившееся в 1945 г., представляет нам два взаимосвязанных проявления военной ментальности и постепенное нарастание эмоционального накала в оценке войны и противника. С одной стороны, в письмах присутствуют определенные константы, характеризующие бытие и сознание комбатанта (детали быта, интерес к новостям из дома, забота о близких). С другой — в них можно зафиксировать наличие динамичного процесса накопления и трансформации социального опыта, находящее свое выражение среди прочего в формировании нового (по сравнению с предыдущими войнами) эмоционального фона. Важнейшую роль в «научении», в появлении чувства ненависти и злобы по отношению к противнику сыграли «тотализация» и медиализация войны, четкие очертания которых проступают в письмах Великой Отечественной войны. Эмоционально насыщенный образ врага, складывавшийся на основе опыта и артикулированный при помощи пропаганды, способствовал формированию национального и советского самосознания.

Дмитрий Дараган: «СЕГОДНЯ МЫ СТРЕЛЯЛИ ПО ЯПОНЦАМ И ДОВОЛЬНО УДАЧНО» (1904)

Дмитрий Иосифович Дараган родился 25 декабря 1884 г. в Санкт-Петербурге. Выпускник Морского кадетского корпуса. В Порт-Артуре с 26 февраля 1904 г. младшим офицером на броненосце «Цесаревич». Участвовал в попытке прорыва судов 1-й Тихоокеанской эскадры во Владивосток и тяжелом бою с японским флотом в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г. Свои наблюдения за военными событиями и повседневной жизнью Порт-Артура Д.И. Дараган подробно изложил в письмах близким, датированных 24 февраля — 27 декабря 1904 г. и сохранившихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Перепечатка была организована Исторической комиссией для описания действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе[1]. После октября 1917 г. — в Белом движении (командир Мурманского порта, с 1919 г. капитан 1-го ранга). С 1920 г. до смерти 31 декабря 1978 г. проживал в эмиграции в Финляндии.

Подготовка текста к печати и примечания Игоря Ермаченко.

25 февраля 1904 г., за Мукденом

Дорогой папа!

Ужасно интересные места; все как на [пропуск в машинописи]. Движемся на S[ud], приближаемся к горам. Кругом все поля (дивно обработаны), поселки, много рек, текущих с гор. Как в поле дерево — значит, курганчик и могила. Деревья как на картинках. Происходит это оттого, что для отопления все нижние ветви обламываются.

Воздух свежий, но очень хорошо. Мы заспали и в Мукдене[2] выскочили не вымывшись. За 2—3 [версты?] до станции виден город, толстые стены, кумирни. Около станции поезд (квартира наместника[3]) и несколько казенных зданий — управление. Китайцы продают всякую дрянь. Есть красивые вещицы. Много амулетов, колец и т.п. Сделал снимок обоза. С нами сидит интересный офицер [пропуск в машинописи], он 3 недели был на разведках по Маньчжурии и Корее. Узнали много верного о флоте. С [«Боярином»][4] вот что: он шел за «Енисеем» на расстоянии 4 ч. хода и т.к. у него не было плана минирования Дальнего, он налетел на мину, получил пробоину, но все временно кончилось хорошо: он спустил всю команду, все снял и держался на воде. На третий день (он все стоял) налетела снежная пурга, развила страшную волну и на второй день сорвала [«Бо-

[1] Письма за февраль и март 1904 г. в наиболее полном виде опубликованы в сборнике «Кортик: Флот. История. Люди» (СПб.: Гангут, 2001. № 12—13).

[2] Мукден (маньчжурск.; кит. название Шэньян) — один из крупнейших городов на территории Маньчжурии.

[3] Поезд, дислоцированный в Мукдене, служил передвижной резиденцией наместника его императорского величества на Дальнем Востоке Евгения Ивановича Алексеева (1843—1917).

[4] В машинописной копии письма здесь и далее вместо крейсера «Боярин» ошибочно указан крейсер «Баян».

ярин»] с места, понесла на заграждения, он попал на мину и затонул. У нас нет 4 судов, но поражения японцев гораздо значительнее. [Броненосец] «Ретвизан» с [капитаном] Щенсновичем молодцы. Японцы (покуда он стоял у входа в Артур на песке) кидались на него каждую ночь как собаки, и каждый день отступали. Общее впечатление, что наши держатся героями, и счастье на нашей стороне. 75% японских снарядов не рвется. В гавани стояли тесно разные суда и «Амур» (минный груженый транспорт). 12-дм снаряд попал между 2 его котлами (в них не было паров) и, не разорвавшись, застрял так, что его целиком вынули. При первой атаке у нас была полная цепь выставлена. 2 командира миноносцев отрешены от командования.

Темнеет. Только что пришли с Жано (Ив. Ив. Ренгартен) после путешествия по Ляояну[1]: грязь нестерпимая, мокрая глина и навоз. Я пошел снимать знаменитую «корейскую башню» около китайской стены. Красивая вещь. Чтобы выбраться из грязи, мы раздобыли парную (гусем) телегу (2-кол[ку]) и на ней добрались домой. Открыл я сегодня консервы т[ети] Лили и пришел в ужас. Что мне с ними делать? В Артуре, говорят, места не много. После первого бегства многие вернулись к своим мирным занятиям. Из Артура первые дни писать не буду (так думаю). Да поменьше верьте газетам. Все наоборот. Про многое писать не полагается, т.к. письма вскрываются от времени до времени. Купили почти даром несколько банок компотов. Целую всех, как получаете вы письма?

Митя

27 февраля 1904 г., Порт-Артур

Только что пришел от Витгефтов. Пошел проведать Ив[ана] Ив[ановича] и застрял у адмирала. Чудный старик — любимец команд и офицеров. Сыновья в него вышли. Ив[ан] Ив[анович] убедил меня приняться писать, хотя я раньше не собирался. Сижу и мерзну в омерзительном номере. Грязно и холодно. Поджидаю Левушку. История наша такова. Приближаясь к П[орт-]А[ртуру], все были взволнованы немного; бомбардировка была с 8 час. утра до 2-х дня почти. Попадались люди, видевшие снаряды. В городе убито несколько человек. На несчастном «Ретвизане» опять 22 человека выбито. У японцев снаряды обыкновенно не рвались, а 5-дм. чудно действовали. Кажется, наши, взятые с «Манджура». Обидно. Итак, около 11 час. вечера мы остановились. Не холодно, но ничего не видать. Приказано не иметь ни одного огня. Извозчиков нет, рикшей нет (коляска на людях), а грязно и много вещей. Благодаря большой скорости и наступательному действию моему на город я достал изв[озчика], бросил вещи на станции и полетел за квартирой, нашел последний № (т.е. 2 — я и Лева). Возились с вещами, едой и т.д., около 4 часов заснули, подмерзая. Из совокупности массы рассказов для меня выясняется истина. Много интересного. В эту ночь один наш миноносец уничтожил противный мин[оносец]. Японцы молодцы. Дерутся насмерть, спокойно и храбро. Придется и мне выбраниться. Начальствующие делают много глупостей (а то были бы не люди), не перенимают хороших предложений, но в деле окончательно не только умирают, но и думают хорошо. Сегодня с утра я поехал по начальству в парадной форме. В экипаже мне указали

[1] Ляоян — город в Мукденской провинции.

«Типичный случай во время великого отступления от Мукдена: Отставшие русские солдаты сдаются вместе с оружием» (Cassell's history of the Russo-Japanese war. Vol. V. London: Cassel & Co., 1905)

шт[абс]-кап[итана], заведующего новобранцами, и приставили к нему. Кажется, симпатичный. Затем много бегал по делам. На суда что-то еще не назначают. Наконец порылся в номере с вещами (я в ужасе от количества), пообедал в собрании с Вилькицким, мичманом с «Цесаревича». Съездил на телеграф в эк[ипаж] и баню. Устал, а завтра рано вставать. Надо съездить к [командующему флотом Степану Осиповичу] Макарову. Авось попадем на суда.

Город — мерзость. Вонь, грязь. Достать можно многое. Всюду войска, часовые. Надо знать «пропуски». Макаровым здесь довольны. Затопили 2 «купцов» в мертвых пространствах батарей. Ужасно хитро обороняться — масса удобных бухт. Японцам все наши движения известны. Дома в городе низкие. Он сам раскинут: у вн[утреннего] бассейна — ст[арый] город, все управление, и на западе новый город — не лучше. Суда имеют мрачный вид, но все наготове. Макаров утром выходил зачем-то в море. С батарей все время освещают горизонт. Нас на берегу поназначали в разные места. Мои новобранцы близко. 3 попали очень далеко и входят в цепь, выставляющуюся с S[ud]W[est]. Писать не могу — засыпаю.

Прощайте. Целую.

12 марта 1904 г.

Ряд анекдотов, все факты. Все помешаны на каких-то подводных лодках, и вот, на грех, приплывают из океана два кита. Все приметы подходят, и сухопутные открывают тревогу. Кончилось благополучно, но киты, вероятно, подохли. Затем у нас огромный запас кваса. В затопленных отделениях были сухари, и они настоялись на соленой воде. По цвету и неприятному запаху очень похоже.

Сейчас будут откачивать. Теперь «говорят»: в шанхайских газетах появилось приглашение японских офицеров к ним на обед в Артуре 16 марта. Если это правда, то нахальство их поразительно. Кроме того, будет, значит, «бум-бум». Еще скандал: немного после «бум-бум». 9-го услышали стрельбу в Голубиной бухте и всполошились, а это мичман Дедюхин пошел с ротой на стрельбу во время бомбардировки. С 6 час. утра «ловил мины». Посмотрел, как мина с «Решительного» затонула, меня за это почему-то обругали, и я ушел разыскивать на катере одного офицера. Вот и все. Снял затонувший японский пароход и отпечатал чужие негативы. Завтра собираюсь кончить броненосцы I класса[1]. Наш ревизор Данилов уезжает в командировку в Петербург. У него там семья. Вот повезло, хотя я бы не поехал (на своем месте). Что, у вас тоже луна? Она придает рейду какой-то зловещий вид. Особенно сквозь дым и туман. Прощай.

17 марта 1904 г.

Опять будем покойно спать. Луна светит до 5 утра, а там уже светает. Конечно, К[озьма] Прутков прав, говоря, что луна полезнее солнца. Весь день работал и кончил «японский флот». Собираюсь завтра переснять все чертежи. Командир приказал их еще наклеить. Он всех нас бесит не столько своим бездействием, сколько тем, что решительно не дает работать. Сегодня к ужину стали качать, и вдруг вода стала убывать. Борт оголился почти до самой пробоины. Вместо того, чтобы сегодня засветло все кончить и с утра начать работы, он все оставил (в 6 час.); вода опять наполнила, многие подушки, вероятно, слетели. Завтра начинай сначала. Сам сидит и курит сигару. «Ретвизан» почти в бой готов, а мы спим. Макаров всех перетасовывает, хотя бы и нашего куда-нибудь сдал в порт. Сегодня к нам собрались Борис и Кирилл Владимирович, да «объехали». Всюду были, «кроме нас». Если это нарочно, то за дело.

Получил твое письмо на красивых бумажках от 18 февраля, папину телеграмму и письмо от Ники от 22 февраля, газет мне не надо. Мы их получаем в большом количестве, но я их покуда не читаю. Есть у нас и журналы. Много красивых французских, но они идут через Японию и запаздывают. Японцы все нас пугают — пускают на воду горючие жидкости, мины и поплавки для демонстрации. Все-таки страшно. Сегодня что-то заметили, послали катер таранить. Оказалась пустышка, похожа на подводную лодку и пугает людей. Они кроме этого выкидывают массу хитростей «дикого» характера. Мы приноравливаемся, но все-таки их цель, беспокойство, достигается.

Зачем это Борис приехал? Как будто одного мало. Я из-за него даром 1½ часа в сюртуке проваландался. Что-то очень засыпаю. Прощайте.

19 марта 1904 г.

Какая прелесть наши собаки; прелесть тогда, когда они не надоедают. Главных представителей два: большое животное Тулон и маленький китайский щенок. Одно из его имен — Семафорка, так как он был захвачен вместе с китайцами, семафорившими японцам. Эти наши Давид и Голиаф играют. Маленький — преумный, а главное, чистый зверек. Днем шел осенний дождь, потом показалось

[1] Имеется в виду прорисовка силуэтов японских кораблей (в качестве наглядного пособия).

солнце, а теперь совсем красиво. Полная луна, тихо, легкая дымка. Суда кажутся чистыми, внушительными. Вид и настроение самое мирное. Наши вспоминают все Средиземное, Италию, и я переношусь туда же. Иногда, как будто, я с ними там и был в Napoli и т.п. чудных местах.

Воду откачали — рана открылась. «Ретвизан» — чужое судно, а на своем смотреть больно на это место разрушения. Ужасно действует удачная мина. На снаряд, его пробоину, вернее, смотришь иначе. Пробитая палуба как-то веселит. Снаряд летит сверху, открыто, и пробоина надводная, а тут все под водой, слизко, грязно, крабов еще не достает, и это в боевом лазарете и в динамо-машинах. Кой-какие вещи уже достали. Объективы уцелели, кажется, но масса инструментов погибла. Работы будет много. Надо еще разделаться с этими исковерканными переборками и листами. А хороша французская постройка. Крепко и чисто сделано. Весь день читал электротехнику. Съездил в порт и научился действовать логарифмической линейкой. Нужна только практика. Вечером достал крахмалу и наклеил «Японский флот». Завтра надо лаком покрыть. Хочу черкнуть еще Мане. Прощайте.

31 марта 1904 г.

День ужаса. Ночью погиб «Страшный» (командир Юрасовский) со всеми людьми — [спасено] 4 или 6 человек. Утром «Петропавловск» с адмиралом, штабом, всеми офицерами и 700 чел[овек] команды в 3 мин. погрузился безвозвратно. Взрыв был ужасный. Ничего не осталось. Наш командир, адмирал, все. Я верю и видел вдали подводные лодки. Вся чистая наука, все рушится перед этой дьявольской механикой. «Победа» пробита, но довольно счастливо. «Баян» сражался, миноносцы. Я был случайно на Золотой горе не по службе и видел все. Ужас. Иду скоро опять в цепь. Надо раньше поесть. Мы без командира и главного начальника. Осталось целых: 3 броненосца и 1 бронированный крейсер — мелочь. Вирен на «Баяне» бесподобен. Слава ему! Прощайте. Но с нами же все же — Бог. Молитесь за весь «Петропавловск». Целую. Митя.

3 апреля 1904 г.

Дорогая мама, хозяйственная подробность: на ночных рубашках темные прошивки держатся хорошо, а светлые совсем выцвели. Послал папе телеграмму. Утром меня из постели вытащили на катер и послали на «Гиляк», сторожить подводные лодки. Проболтался там до 2 [ч.], меня сменили, и я благополучно прибыл домой. Чудное было море сегодня. Японца не было, синее, чистый горизонт и маленькая зыбь. Юга напоминает. Здесь по ночам бывает что-то вроде флюоресцирования. За катером светлячки и около бортов что-то искрится. Очень красиво. Благодаря частым прогулкам на катерах я приобретаю практику в управлении, так как всегда прогоняю рулевого. Это очень полезно. Жаль только, что катера одновинтовые, а то была бы полная иллюзия. На «Гиляке» собачка и обезьянка. Мне удалось снять их играющими. Около 2 ч. у нас был наместник [Е.А. Алексеев]. Посмотрел пробоину и ушел. Днем вывели из дока «Палладу». Одним легким крейсером больше. Был у меня [мичман] Абрамович. У них прошлый раз ранило одного человека в голову, а то все благополучно. Уже

третий месяц, как я отправил заказным письмо № 1, а телеграмм все еще нет. Покойной ночи. Всех целую. Поздравляю папу и Бадю.

13 апреля 1904 г.

Дорогая мама! Отстояв ночью 4 ч., днем я не спал и порядком устал. Сейчас ложусь. Кончил одну книгу про двигатели переменного тока, а после завтрака ездил с минными офицерами смотреть стрельбу из вновь поставленных катерных (совсем новых) аппаратов с брандера. Вышло все очень удачно. Что-то япошки опять выдумывают. Не видать их совсем, и на горизонт не ходят. Кто собирается воевать до бесконечности, кто считает, что к осени «япошки подохнут». Любители рассказывают даже условия мира. Если нам легко дастся победа, то это будет нехорошо. Надо, чтобы эта война сделала маленький переворот, а то это без толку. Покуда действия никакого, мы все остаемся такими же мерзавцами; слушать противно — здоровенный детина пишет, что у него какое-то расстройство нервов, и уезжает в Россию, ничуть не стесняясь. У кого от вида японских судов истерика делается (если бы это еще правда была), тех надо выгонять со службы, а не отпускать к вам чудеса рассказывать. Потом эти же типы к концу войны явятся сюда на новых судах под видом честных офицеров и участников войны. Уже три дня мы сидим без почты и газет. Что там случилось? Телеграф действует, и от нас письма принимают. Прощайте, всего хорошего. Сегодня завтракал у нас [мичман] Пини. Говорили про Бадю. Целую всех.

6 мая 1904 г.

Запрягли меня утром возить чужие снаряды. Я извелся, но освободился только к завтраку. На обедню с молебном не пошел. Жара страшная. Все в белом. Есть кой-какие известия с Кинчжоу. Японцы очень близко уже, наступают они настойчиво. Оказывается, что мы получили на кит[айской] шлюпке из Чифу бумаги, а Эссен даже уловчился отправить письмо. Может быть, и я как-нибудь устроюсь. Завтра утром иду стрелять с машинной командой, она и ружей в руках не держала, а ей придется стрелять, пожалуй, с редутов и из окопов. Говорят, что бывшая старшая прачка, развозившая белье по судам, — японский адмирал. Китайцы показали на допросе. Японцы на все пускаются; кто не может взять силой, тот берет хитростью и умом; а мы об этом, к сожалению, мало заботились. Теперь оказывается, что в Артуре мало сестер, жаль, что нет ни одной знакомой. «Амур» и армейцы минируют все, что пригодно для высадки, т.к. допустить ее в тылу Кинчжоу невозможно. Кажется, больше нет новостей. Да, японцы стреляют по санитарам и не дают подбирать раненых. Говорят, что пленных расстреливают. Я верю в это и буду сильно пропагандировать это, чтобы наши с ними не стеснялись. Они идут все равно на смерть, а только нас больше ляжет при церемониях. Покойной ночи.

17 мая 1904 г.

Вот я опять жив. Я просидел на своей горе целые сутки, почти не спал. Холодно было ужасно. А сегодня пришлось идти оттуда пешком (12 вер[ст]). К завтраку опоздал, проспал до обеда, а теперь отошел. Много за сутки инте-

ресного прослушал и продумал. [Генерал Александр] Фок стоит в долине за моей горой. Ночью у него огоньки видны, а днем лагерь плохо виден, хотя он близко. Как-то не верится, что это война. Просто хорошая картина с огромной глубиной мысли. А между тем под Цзиньчжоу японцы лежат грудами. Они идут сомкнутой массой, в каком-то опьяненном состоянии. Потери у них поэтому страшные. Что ни говори, а движение в сомкнутом строю есть признак малого сознания в каждом отдельном солдате, когда он в трезвом виде. Наша цепь идет на больших дистанциях, а они лезут друг рядом с другом. Целый вечер слушал китайскую музыку в деревнях, не диссонансы, но есть места как будто понятные, я даже заметил две отдельных мелодии сквозь общий шум. С первого раза дикое впечатление получается от их дудочек. Под вечер меня накормили артиллеристы 57-й батареи. Их позиция близко от горы. Рассказывали про Цзиньчжоу. Завтра в 7 надо выезжать туда же сменить Абрамовича. Покойной ночи. Всех целую.

27 мая 1904 г.

Новая бумага пошла в ход. Я бегал весь день и что-то сделал. Утром присутствовал в башне (я считаю ее еще своей) на ученьи, ничего не понимая; потом подучился и нашел несколько вещей, требующих немедленного исправления. Я все время молчал, а теперь становится не под силу. Доктор прямо кричит, что у нас не начальство, а изменники. И верно. С японцами они договоров не заключали, но долгу и идее они, по-видимому, изменили. Армейцы нас выгоняют, а мы, готовая, вооруженная, смелая эскадра, стоим в Артуре и ждем, когда нас совсем закупорят или когда японцы соберут весь свой разрозненный флот. Все за свои шкуры боятся. Ведь бездействие кроме стыда есть и преступление.

Подошел сегодня к Артуру маленький французский пароход из [Тяньцзиня]. На нем подозрительный тип. Передал он нам какие-то старые бумаги, что-то от консула и продал свой груз — 44 ящика шампанского. Все это весьма подозрительно. Хорошо, что его к проходу близко не подпустили. Сейчас же после загрузки его выпроводили. Ужасно дымно и грязно. Все засыпается сажей. Сейчас становлюсь на вахту. Прощайте.

29 мая 1904 г.

Все эти дни мне приходится чинить белье. Главное, китайцы пуговицы рвут. При этом нашел много недочетов по швейной части: ни одного крючка; белые нитки тонкие, а иглы к ним такие, что кожу можно шить; рубашки только портятся; затем какие-то глупейшие пуговицы без дырочек, а гладко обтянуты материей и снизу почти не за что захватить. За обедом проводили Вилькицкого и получили приглашение на «Баян» на завтра. Это день их спуска и храмовый праздник. Утром побранились из-за башни с механиком, а [офицер] Ненюков снес работу в порт.

Мы все злимся и ругаем начальство. Воскресенье прошло, а признаков ухода никаких. Просто позор, а не адмиралы. Был бы Макаров тут, не то бы было. Приходится остановить перевод. Столько технических терминов, что, не зная самой машины, невозможно перевести, т.к. многих соответствующих терминов по-русски нет и приходится описывать части прибора своими словами. Сожителя

моего в каюте никогда не бывает, и в этом отношении он мне почти не заметен. Встает он раньше меня и не пачкается моясь. Начали у нас пить от жары «Сода-энд-виски». Гадость большая, пахнет клопами, но когда жарко очень освежает. За соду идет «Танзан», это местная сельтерская вода в маленьких бутылочках. Прощайте. Надо к подъему завтра не опоздать. Целую.

1 июня 1904 г.

Ждем с минуты на минуту события. Прибыл на джонке откуда-то в Голубиную бухту наш ревизор Данилов. Он еще при Макарове поехал на неделю в Петербург и застрял на обратном пути. Вчера не писал, т.к. вечером стоял на вахте, а день весь прошел довольно деятельно. Вечером пришли 4 телеграммы: 2 с голубями, две на китайцах. Сообщают о потерях японцев, которые больше нами ожидаемых; просят прислать план Цзиньчжоуской позиции, обещают наступить с севера на нас. Лучше бы, если бы уже наступали. Нам, по-моему, необходимо выйти сейчас, раскатать флот (у нас превосходство сил; хотя это зависит как считать), и море будет наше. Тогда мож[но] всех японцев с моря перестрелять. Сейчас [крейсер] «Новик» с миноносцами в море. Отгоняет японские миноносцы от какой-то бухты. Они вздумали там обстреливать берега. Сегодня утром нас перетащили на место «Севастополя»; он вышел на внутренний рейд.

Перед обедом (вчера) я съездил в новый город к одному больному, а затем проехал дальше в городской питомник. Хотел достать клубники, но привез только цветов.

(Позже), отстоял вахту, поел, повозился с дальномером, и оказалось почти 11 часов. Данилов много рассказывал без меня. Приехал он из Чифу на джонке. Общее впечатление (мое) нехорошее. Яп[онцев] масса, Куропаткин далеко, а у вас готовят Царя к тому, что Артур падет, но что зато это дорого обойдется японцам. Сдать Артур позорно, а умирать неохота. Какая дурацкая война. Неизвестно из-за чего вся эта каша, за что мы сидим, чего избиваем друг друга. Главное, мы все так миролюбивы и по характерам совсем неспособны воевать. Узнали, что ваша эскадра придет на будущий год, что у Куропаткина войск меньше, чем у японцев, что у вас думают не так как надо и т.п. Все это мало утешительно. Хоть бы на день перенестись куда-нибудь далеко от Артура, от японцев, от войск; чтоб газеты туда не доходили, но были бы письма в изобилии. Что теперь в крынках [?] Немец теперь там хозяйничает. Скорее бы все это кончилось. Прощайте, всех крепко обнимаю. Митя.

19 июля 1904 г.

Прошло несколько дней всего, а пережил я много. Я ходил на Волчьи горы, делал все, что от меня зависело, что[бы], определив положение японцев, заставить суда стрелять, но ничего не добился. Дождались мы 17 [июля] утра, когда японцы, выстроив свои полевые батареи и осадные пушки, начали безнаказанно раскатывать наши позиции. К 6½ [ч.] они дошли до моей горы. Их было 48 полевых пушек и не менее 6 осадных (120-мм). Рота сидела рядом в окопах. Сначала огонь был небольшой; передавали, такой-то убит, такой-то, затем начался ад. Когда перебило много народа, ротный вывел свою полуроту из окопов и ушел.

В это время японская пехота шла на левый фланг. Я сидел под блиндажом и умолял открыть огонь с судов. Наконец сказали, что [броненосец] «Пересвет» будет стрелять, но ни одного выстрела не видел. Снизу мой Тарасов стал кричать, что японцы обошли гору. Я вынес телефон, карту, бинокль, сходил еще в окоп и спустился вниз. Там мы взяли винтовки, все свое частное имущество, казенный хлам оставили и пошли канавками, а затем прямо по дороге домой. Японцы заняли наши окопы, домик с этой стороны горы и стреляли в джонку. Я написал факты, суть же всей этой возмутительной истории никогда не забудется. Это отступление с гор, беспорядок, зверство артиллерийского огня, полное отсутствие организации, взаимопомощи, что бы то ни было — ужасно! Про себя могу только сказать, что Бог спас. Остаться сухим под дождем — от человека не зависит. Благодарил т[етю] Аню. Так мы дошли до крепости. Тарасова я отпустил домой, а сам полез на укрепление № 3, мой второй наблюдательный пункт. Здесь я все установил, напился, и меня по телефону потребовали на правый фланг. Я путался до вечера, но ничего не сделал. Просто сил не было. Вернулся домой, вымылся, хотел отдохнуть, а меня разбудили и послали на № 3. Так с 12 час. ночи я и не спал. Ожидалось наступление, но ночь прошла тихо. Вчера днем меня подсменил Абрамович, а к вечеру я опять поехал на пост. Сидел там всю ночь и сегодня перед обедом возвратился на сутки домой, если все будет благополучно.

Сегодня мы стреляли по японцам и довольно удачно. Они нас совсем обложили, и ждем каждую ночь штурма. Я лично думаю, что, пока у них не установлена осадная артиллерия, они на нас не полезут. Вокруг Артура форты, затем редуты, соединенные окопами, и крайняя сторожевая цепь. Пришлось воевать серьезно, т.е. зверски, а это ужасно. Вчера японцы 3 раза открывали огонь по санитарному отряду, не давая ему зайти на их землю за ранеными. Они злы и дики, но переняли в Европе все дьявольские науки. Но того, что я видел у нас, того и у них не найти!!! Да, мы, офицеры, всему виной. Виноваты перед Царем и перед Богом за гибель одних людей и за развращение других. На море все хорошо. Японцы тралят перед Артуром, верно, чтобы нас бомбардировать, а мы ставим мины незамеченно и ждем, много ли людей погубим. У нас лучше. Мы топим судно, а людей готовы спасать, а там вся цель — избивать людей. Первый раз лягу по мирному в койку. Обнимаю.

1 августа 1904 г.

Вот мы у немцев в [Киаочау][1] или, вернее, в [Циндао]. Придя протелеграфировал, но ответа нет до сих пор. Попробую по возможности описать то, что было за эти дни. Было бы время, можно бы сделать это хорошо, а тут работы по горло. Надо приводить все в порядок и собирать осколки нужных вещей.

Итак, 28 [июля] на рассвете мы, после крейсеров, вышли на рейд. Погода была хорошая. Командир [Николай Иванов] был покоен и управлялся хорошо. Один только [Драгичевич-]Никшич последние дни как-то не был похож на себя и по штурманской части у него все не ладилось. Часов около 8-ми вся эскадра

[1] В машинописи «Киосау», далее «Кяочау». Киаочау — заимствованный из английской транскрипции вариант названия залива Цзяочжоу и находившейся возле него одноименной германской колонии на полуострове Шаньдун.

(«Цесаревич» головной) — «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава», «Аскольд», «Диана», «Паллада», «Новик» и 1-й отряд миноносцев (3 немца, 3 француженки и «Бойкий» и «Бурный») пошли за тралами на W приблизительно, а потом на S. На горизонте стояли близко 2 японских отряда миноносцев и много дымков. Слабость наша заключалась в малом ходе, в отсутствии крейсеров, в недостатке практики.

Шли мы прилично, команда пообедала. Все были готовы к этому времени. Японская броненосная эскадра прошла у нас перед курсом и пошла справа параллельно, расстояние было около 13 кабельтовых. Скоро мы стали сближаться и начался дальний артиллерийский бой. Расстояние было около 9—10 кабельтовых. Это кажется непонятным, но тем не менее 12" и 8" с их стороны попадали здорово. У нас стреляли только 12". Это длилось около 2 час. Их эскадра, пользуясь преимуществом хода, стала удаляться и отставать, идя все параллельно. Во время того, что наши сигнальщики назвали «перестрелкой», японские миноносцы у нас под носом по курсу разбрасывали мины. Нам приходилось стрелять и лавировать между смертями. Толком я не могу припомнить результатов 1-го сражения. Впечатление такое, что оно было ничтожно по сравнению со вторым, хотя у нас были повреждения, убитые и раненые. Одно хорошо, что броня держала. По башням и по бронированной части борта снаряды так и щелкали. Видны метки, но, кроме двух подводных пробоин по носу и вмятин в крышке кормовой башни, не было ничего.

Когда японцы отошли, мы немного отдохнули и шли тем же курсом. был бы ход, мы бы прошли, да японцев преимущество было узла на 2 на 3. Около 3 они начали приближаться, а с другой стороны подошли их крейсеры с 10 восьмидюймовками. У наших 3 крейсеров были только шестидюймовки, и они участия не принимали. Около 3½ час. расстояние начало уменьшаться и начался ад. Длилось это около 4 час[ов] и дольше еще могло бы продолжаться, если бы не наша порча руля. Ад был страшный. Все верхние надстройки, все канаты, все было разбито. Трубы были исковерканы. Вода лилась повсюду. От носовой пробоины и затопления бортового коридора был крен, и мы сидели носом. Из дымовых труб обдало жаром. От задней трубы оставалось что-то ужасное. Два 12-дм [снаряда] разорвались в ней. 3 котла вывелись. Но ужас был тогда, когда почти подряд три снаряда ахнули под мой мостик у боевой рубки. Образовалась куча тел, горящие провода, дым из трубы. Были убиты [командующий] Витгефт (ничего не осталось), [Драгичевич-] Никшич (в боевой рубке осколком), Азарьев (штурман), Эллис, несколько матросов и сильно были побиты Матусевич, Пилкин, Ненюков, флаг-офицеры, командир, сигнальщики. Мы шли все головными и стреляли, но уже не так весело. Вдруг у нас что-то случилось с рулем, и мы стали заворачивать с сильным креном. Прорезали свой строй, затем пошли прямо на японцев, потом еще что-то. Я одно время серьезно думал, что мы тонем. Минут через 10 руль восстановили, и способ передачи был тяжелый, т.к. все было перебито. В рубке были подбитый Пилкин, рулевой Лавров и затем пришел старший офицер. Строй был нарушен, суда шли вместе, но кучей на N[ord] W[est]. В это время мы плохо управлялись и 3 раза рисковали быть

протараненными. Оказалось, что мы окружены. Мы пошли на лодки, те стали удирать. Стало темнеть, и их миноносцы приближались. «Новик», «Аскольд» пошли их отгонять и скрылись. Тут следует какая-то неопределенность. Пошли по миноносцам, по судам, затем еще темнее стало, и наконец оказалось, что мы ничего не видим и ничего не знаем. Только кругом во тьме огоньки выстрелов. Приготовили все орудия к отражению атаки.

Наконец решили прямо идти во Владивосток, ничего не зная про других. Под вечер мы подняли на единственной веревочке, что передаем командование Ухтомскому, но никто нам не ответил. Компасы не действовали, судно рыскало, мы пошли на S[ud], т.е. держали Polaris за кормой с точностью до 45°. Нас стали атаковать. Всего, кажется, пять раз. Раза два мы стреляли, а потом решили молчать, не выдавать себя и только идти вперед. Старший офицер видел мины, пущенные в нас, одна шла прямо на нас, но сажени за 3 до борта повернула и прошла по борту. Так мы шли до рассвета. Все, конечно, не спали и не ели. Чуть нам попадался огонек или темное пятно, мы удирали в сторону. Так мы проскочили через их эскадру и через какую-то цепь. Изредка нам помогал туман. Почти до рассвета за нами шли два огонька, но потеряли нас к утру. Оказалось, что мы так много сожгли угля, что до Владивостока мы не можем дойти. Кроме того, мачта могла повалиться каждый момент и в трубах не было тяги. Командир [Н.М. Иванов] вошел с повязанной рукой, очень усталый, нервный и решил идти в Киаочау. Германская колония в Китае, хорошая бухта, город Циндао. Разыскал карту, и пошли мы позрительными курсами. Несколько раз сильно ошибались с [лейтенантом Александром] Сполатбогом, но успокаивали командира и шли вперед, со страхом поглядывая назад. Около 10-ти отслужили панихиду и похоронили в море 4 офицеров и 8 нижних чинов. Печальная церемония. До вечера шли благополучно, прибираясь, час[ов] в 8 подошли к Киаочау. Выехал офицер с лоцманом, и мы вошли в гавань. Много огней, суда. Весело, нервы успокаивались. Неожиданно увидели «Новика» и 1 миноносец. «Новик» целый пришел за углем за час до нас и ночью же ушел во Владивосток. Со своим ходом он всюду уйдет.

Ночью подошли еще 2 миноносца (немцы). Мы благополучно стали на единственный якорь. Второй был сбит в бою. Ночь прошла тихо, но все были начеку. Боялись японских миноносцев, следующий день приб[и]рались и свозили раненых. Утром был салют, и он сильно повредил адмиралу. Он потерял сознание и был в критическом состоянии. К вечеру прибрались чуть-чуть. Японцы побаивались, но хуже всего была полная неопределенность. Прошли 24 часа нашего простоя, мы были не подчинены, без угля и без ответа из Петербурга. Узнали днем, что «Аскольд» попал в Шанхай. Кажется, нас разбили окончательно. Это грустно, но мы, офицеры и часть команды, исполняли свой долг по способности, и совесть чиста. У японской эскадры 6-месячная боевая практика, хорошие суда, крейсеры и все последствия этого. У нас были суда с частью пушек, и мы 6 месяцев стояли у развращающегося берега. Мы воевать не умеем, не любим, не говоря уже просто о недостатках. Мы потеряли в этом отношении, по-моему, все азиатское, тогда как японцы зверски по натуре и хорошо усвоили новейшие

военные хитрости. Мы воюя обманываем себя. Я не могу убить человека, но я стараюсь лучше помочь комендору выстрелить и причинить тот ужас, от которого содрогаюсь на собственном корабле.

Видел я хорошие вещи в бою, но оказалось и много подлецов. Я жажду их обвинения и наказания. Хитер человек и все окружающее. Трудно разобраться. Хронологично писать не могу. Теперь мы у стенки в глубине бухты. Стоим рядом с крейсером «Hertha». Нас оберегают от японской колонии. Немцы любезны до отказа. Порядок, толковость, чистота. Часто стыдно, а еще чаще неприятно внутренне. Мы ответа все еще не получили, а немцы говорят что-то про 6 дней. Или уходите, или разоружайтесь. Последнее я не могу выдерживать. Перед Киаочау нас стерегут, но я готов ночью пройти, и верится мне, что мы не погибнем. Но покуда угля еще нет, мачта и труба валяются, тяги нет и по носу дыры. А в 6 дней этого не сделать. 3 миноносцам сказано, кажется, выходить по очереди в течение 3 дней, а два поломаны. Что это [за] издевательство над нами! Сегодня этот армейский губернатор «обожаемый» предложил снять каким-то кранчиком мачту. Он думает, что она из картона, а она весит 120 тонн.

Жаль бедного Витгефта. Не флотоводец, не моряк, не хотел браться за командование; все на него оставили и его же бранят. Мне с людьми не повезло. Мой Савенко, дивный, развитой человек, убит, а два других дальномерных сильно подбиты. Меня Бог спас. Устал ужасно. Спать некогда; вахты, за переводчика, штурманство, порядок. До своих дел не доберешься, о береге и не думаешь. Пишу ночью. Да! Знайте сигнал при выходе из Артура: «Флот извещается, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР приказал идти во Владивосток». Вот смысл нашего выхода — все Наместник. Всюду он, позор и чушь. Мы верили сигналу, а выходит что-то, что это не прямо от Царя, а от Алексеева. Другой разговор, сегодня говорят, что «Микаса» потонул и что 5 русских линейных судов в Артуре. Кто их знает. Говорят, что Наследник родился. Молодой Цесаревич! А мы... Ох, как глупо, что мы здесь, и как тяжело. В этом зверстве, в бою как-то лучше. Я ничего не сделал такого, а прямо страдаешь. Что у вас говорят, что думают. Если командирский отчет напечатают, то это будет интереснее моих данных. Его все хорошо составили. Наш Шумов, которого все ругали, был все время молодцом. Я глубоким уважением проникся с момента удаления командира Иванова, он неузнаваем. Все его хвалят и довольны им. Как неприятно занимать немцев и справлять официальщину. Не могу больше писать. Нет сил, не клеится, все выходит некрасиво, бессвязно. Останусь жив, это придет когда-нибудь в порядок. Из памяти скоро не изгладится. Прощайте.

2 августа 1904 г.

Из-за Германского Императора спустили флаг, вымпел и сгружаем патроны. Настроение отчаянное, писать не могу. В команде разврат, офицеры курят сигары, немцы опротивели, приходится говорить какие-то любезности. По-немецки мы почти не говорим, и я болтаю без умолку. Ужасно все это нехорошо. Побиты и стыд! Несмотря на личную неповинность. Еще год прослужил бы, и я был бы тоже виноват, а покуда я еще делал, что должен был. Алексеев, Министерство и все. Только не Царь и не единодержавие, а подлость людей.

30 августа 1904, Циндао

Третий час, сидели, говорили, и т.к. немного устали, то я чуть успокоился. Разврат и больше ничего. Скоро «господам офицерам» матросы «будут морды бить». Ни присмотра, ни работы, ни суда. Всюду произвол и фантазия кого-то, валяющегося в лазарете. Матрос ударил дежурного кондуктора. Если их не повесить, то старший офицер Шумов будет избит. Прямое естественное последствие. В числе 700 праздных развращенных людей мерзавцев много. А Шумов издевается над людьми и не умеет с ними обращаться. О капитане не говорю. Теперь наказанные стоят ночь на шканцах, а в к[ают]-к[омпании] господа офицеры набадываются и напаивают прескучных немцев. Крик и шум.

Утром было заседание по организации; т.к. ее у нас нет, то все переходит на личную почву или на конституцию. А я вывел одно: нужно, чтобы офицеры были честные и образованные. Покуда мы мерзавцы, никакие внешние формы не помогут. Это не новость, но это идеал, а т.к. он недостижим, то его и оставляют, а переходят к формам.

Прочел я сегодня на баке «Набег» Толстого. Генерал уходит с музыкой, укладывает по глупости несколько десятков людей и с музыкой победителем (занявши пустую деревню) возвращается домой. А наш управляющий посылает Шрейбера[1] с змеями на Восток и запрещает подымать людей. Ему кажется страшным. Вдруг упадет и убьется, а ведь нам каждый человек дорог. Всюду «панама». Тяжело будет здесь сидеть, при таком разврате. Прощайте. Да, я еще протекцию забыл, хотя сам.

[1] Николай Николаевич Шрейбер (1873—1931), изобретатель в области минного и трального оружия, беспроволочного телеграфа и военно-морского воздухоплавания, с марта 1904 г. пытался организовать разведку с помощью воздушных змеев в Порт-Артуре.

ПИСЬМА СОЛДАТ: «ПОЧЕМУ ВЫ БУРЖУАЗИЮ НЕ ВЫКОЛЕТЕ?» (1917)

В данной выборке помещены письма из сборника «Солдатские письма 1917 года» под редакцией Ольги Нестеровны Чаадаевой (1927 г.). Письма были адресованы в Петроградский Совет и ВЦИК; приведенная ниже выборка охватывает период с марта по сентябрь 1917 г.

14 марта 1917 г., Петр Зазулин

Товарищи.

Выслушайте меня. Вы не допустили Николая Николаевича до верховного командования за расстрелы нашего брата. Вы привлекли Рененкампфа за кровавые расправы в прошлую революцию. За что же вы оставляете на свободе главного виновника кровавых дел — Редигера. Ведь он был военным министром с 1905 г. по 1909 г. Это он подсовывал драконовские постановления о военных судах и карательных экспедициях скудоумному и невменяемому Николаю II. Это он при посредстве своего ближайшего подчиненного главн. военн. прокурора Павлова учинил великий террор расстрелов и виселиц, укрываясь за спиной генерал-губернаторов и военных губернаторов, как непосредственных исполнителей проведенных им постановлений. Разберитесь в делах военного министерства за время его правления, и вы ужаснетесь кровавой деятельности этого жестокого немца. Недаром, на него было сделано покушение, а его креатура Павлов убит. Если вы не хотите арестовать Редигера, то во всяком случае нельзя же ему оказывать такие милости, как 20 тысяч содержания и генеральское звание, чем он пользуется как член Государственного Совета и по назначению Николая II. Прогоните этого изверга из России, пусть не срамит этот людоед нам родную, а ему чуждую отчизну.

Это вопль израненного сердца вашего товарища Петра Зазулина.

8 апреля 1917 г.

Обращаюсь к Совету Рабочим и Солдатским Депутатам.

Товарищи, прошу я вас обратить внимание на нижесказанное мною. Так как по приезду мною в деревню, т.е. в Витебскую губернию, Себежского уезда, Каменецкой волости. дер. Кривошапово, Ануфрий Яковлев, я прибыл 1 апреля из Петрограда и нашел таких людей, которые более воздерживаются старого режима, как видно, что с ними некому расправиться, как мы расправлялись в Петрограде, и все время ведут почти старый режим, а именно: помещики угрожают некоторым людям, что мы вам покажем все новые порядки, оказывается, что они все имеют большие запасы оружия, которые имеют при себе, и никто не осмеливается сделать обыск, так как мало осталось мужского пола в деревне. Хотя несколько и нашлось обыск сделать, но нет оружия.

Земство у нас как было, так и существует.

Волостные старшины и писаря были сменены, которые были на учетах, но земство снова приняло их на свою власть на учет.

Прошу вас, товарищи, дайте ответ, как с им поступить. Мы очень рады были бы, если вы поскорее распорядились свергнуть такое иго. Буду ждать скорого распоряжения и ответа. Товарищи, постарайтесь поскорее.

Товарищи, так как действующая армия нуждается хлебом, которым мы обязаны дать им помощь, но нам нечем, в виду того, что очень стеснены землею от помещиков, и хлеб находится в большом количестве в помещичьих [имениях]. Что нам делать с их хлебом, они очень угрожают, хотя бы у нас один был бы вооружен крестьянин, тогда было бы дело лучше. Товарищи, я очень много вам необходимое написал бы, но меня не допущают в комитет, потому что не имею никаких бумаг. Прошу, товарищи, вышлите мне бумагу на присутствие в комитете. Простите, что плохо написал.

[Без подписи]

Без даты, июль 1917 г.

Гр. В[оенному] М[инистру] Керенскому.

Я, солдат из окопов, получил газету в окопе и прочел одну статью и, когда прочитал, был очень возмущен, что не мог издержаться, крепко рвал на себе волосы. Я взят на службу 28 июля 1914 г. и, просидев в окопах 2 года, потерял свое здоровье: теперь ноги мои отказались служить, я ползаю на ж..., и все еще не в честь вам Г. министр, вы так нас стращаете, что невозможно слушать. Вы теперь просите, чтоб мы пошли наступать в пользу капиталистов, помещиков как Англии, Франции и России. Нет, господин министр, вы глубоко ошиблись: теперь мы отказываемся от наступления и не желаем проливать кровь за чуждые нам цели, а если вам нужно наступать, г. министр, то просим вас в окопы к нам и заберите с собой всех буржуев, которые укрываются в тылу и кричат, что нужно наступать.

И просим вас, г. министр, не угрожать нас своим наказанием, — нам все равно; но и вам тоже живым не быть: я первый вам всажу пулю в лоб, — первую вам, а вторую себе. Так и знайте, что вам теперь от нас нет никакого доверия, потому что вы стали изменником всему народу.

Итак, просим вас отказаться от должности. Если вы с добра не уйдете, то мы силой заставим вас бросить ваш трон, — полно вам ездить в автомобиле и в пышных цветах.

Мы, солдаты, всей роты, пожелали вам послать это письмо, принято единогласно.

11 сентября 1917 г.

Пущено письмо из действующей армии.

Дорогие товарищи, солдаты и граждане!

Мы вам доверяем, как своему родному брату, стоим за вас и защищаем вас. Вы вот пишете, дорогие товарищи, в газетах про Сухомлинова и про Корнилова, что какие-то там свидетели их оправдывают, как вы, дорогие товарищи, долго их судите. Сухомлинова уже, кажись, 6 месяцев судите, также и Корнилова,

«Грудью на защиту Петрограда». Худ. А.П. Апсит, 1919 г. Из коллекции научной библиотеки Университета Южной Калифорнии

и видать, что они виноваты, и дальше их некуда винить: они нас предавали, кровь нашу проливали, вы им делайте такой суд в 24 часа, как они нам делали при старом режиме. А вы, дорогие товарищи, их еще допускаете судиться. Им суд: отрубил голову — и нехай их черви едят, — хватит такой сволочи! А вы и с ими путляетесь! Не путляйтесь, дорогие товарищи. Кто вас там избавит, кого вы верите, дорогие товарищи?

Вы их расстреляйте, больше нечего с ими делать. Кабы наш брат так сделал, давно б нашли дырку, а то кто-то за его заступается.

Без даты, сентябрь 1917 г., Филипп Джигун

Прошение к петроградским солдатским воинским депутатам.

Прошу я вас, господа депутаты, что вы там делаете, почему вы там, почему вы там порядков не производите, что вы спите, — видите: Россия гибнет.

Совсем Россия пропадает. Почему вы буржуазию не выколете ее? Я вам пишу правильно: если вы прикажете буржуазию переколоть, тогда Россия возвеселится, а иначе ничего не выйдет, как этого не сделаете. А если не хотите, так прикажите мне, так я распоряжусь со всеми. Или пришлите, чтобы я приехал к вам, так я вам посоветую, что сделать.

Прошу, защищайте родину.

Адрес мой: г. Житомир, 495-я пешая Рязанская дружина, 2-я рота, 2-й взвод, получить Филиппу Федоровичу Джигуну.

«Смерть душителям и угнетателям рабочих и крестьян».
Худ. П Ю. Киселис, 1919 г.
Из архива галереи «Не болтай» (http://www.neboltai.org)

«А ЗАРВАВШИМСЯ ПАРАЗИТАМ ОТОМСТИТЬ» (1939)

Ниже приводятся письма, собранные и скопированные В.М. Зензиновым в Финляндии во время советско-финской войны 1939—1940 гг. Письма принадлежали военнослужащим Красной армии, погибшим в боях.

22 ноября 1939 г., Иван Евтеев — Александру Вязовому

Привет с Западной Украины!!

Вязовому Александру Алексеевичу от друга Евтеева И.М.

Добрый день, уважаемый Саша! Саша! Мы не будем друг друга величать по отечеству, я считаю это лишним, а лучше — здорово, Сашка или Ванька. И вот я посылаю тебе свой кр-кий — товарищеский привет! и желаю тебе больших успехов в красноармейской жизни и учебе. Саша! Письмо я от тебя получил 21 ноября, за которую очень тебя благодарю и хочу сообщить тебе, что я был слишком рад и просто не верил, что это письмо пришло от тебя. Саша! Я то же старался, чтобы получить твой адрес и вести с тобой переписку. Когда я был в Одессе, я несколько раз посылал домой письма, в которых упоминал, чтобы они достали твой адрес, но добиться этого непришлось, незнаю почему, а теперь я очень рад, что получил ваше письмо и знаю, где находишься. Саша! За такой большой период времени много произошло изменений как в международной обстановке, так же и у нас с вами, а поэтому придется описать вам поподробнее о своей жизни бойца Р.К.К.А. Если не описать, то Вы не будете знать, какие были приключения в моей службе, а если описать все подробности, то это займет очень много времени, а так же много потребуется бумаги. Ну, в общем, кое-что опишу сейчас, а добавочное в следующем письме. Итак, начинаю.

Саша! Сначала я прибыл в армию в г. Тирасполь, где меня зачислили в полковую школу пулеметчиков. В общем через 1 год я должен стать командиром с двумя ромбами, ну, в общем, ты представляеш себе. Затем по случаю моей болезни — хронического ревматизма седалищной кости, забыл добавить, что я прослужил там 1 месяц, познакомился с Максимом, только не с Ярцевым Максимом, а с пулеметом, да затем потаскал его на себе км по 15, а потом по приказу правительства меня послали в Одессу. Я сначала думал, еду лечиться до докторов, а меня направляют учится в школу сан. инструкторов. Да, Саша! Я упустил из виду, что нас с Бирюковым Федей назначили сначала в мотомех. часть, когда еще призывались в райвоенкомате. Когда я прибыл в Одессу в школу, там увидел внутренности человека, от которых я старался убегать, но впоследствии привык, стало ничего, правдо, привычка была плохая, несколько раз приходилось кушать, когда ходили на практику вскрывать труппы. У меня вообще натура, как то всегда думаешь, черт те чего, раз от разу привыкли. И вот когда мы закончили школу, получили дипломы, в этот же день мы получили

приказ. По приказу партии и правительства мы отправились на запад. Правда, в дороге мы ехали очень весело, время проводили шумно, ребята все были веселые и дружные, и все ехали с охотой, я даже с товарищами подавал докладную, чтобы отправили на запад. Ехали все с таким настроением потому, что знали, за что и куда едем, и кого защищать. Но, правда, всем в одно место не пришлось попасть, и вот когда расстовались, то некоторые ребята плакали, очень было трудно терять дружбу.

Нашей красной армии было поручено задание, чтобы освободить Украинский и Белорусский народ от панского гнета, под которым народ находился 20 лет. И взять его под защиту, так как Польское Правительство при первом столкновении с немцем не смогло защищать свое государство. Польское правительство абонкротилось и разбежалось, оставив людей на произвол судьбы. На нашу долю выпало счастье, дать помощь этому народу и взять его под защиту — освободить от гнета польских панов и офицеров. Красная Армия эту задачу выполнила с честью. Освободили народ навсегда, которые были обречены на смерть и голод. Присоединили западную Украину к советской Украине и установили власть рабочих и крестьян — власть Советов.

Саша! Мне правда мало пришлось участвовать на лини фронта потому, что задержали нас в дороге, но остальные бойцы РККА сражались героически с польскими офицерами, и победа оставалась за нами. Кр-цы задачу выполняли отлично, некоторые повара в поезде за водой бросали свои кухни на некоторое время и избивали на смерть польских офицеров, а после этого приступали к выполнению своих обязанностей. Мне пришлось участвовать в походе как раз, когда наши войска по приказу правительства отходили назад к точно установленной границе. Я здесь попал в пехотную часть, в общем, попал по счастью, и пришлось отшагать пешком на самолете 250 км. Я думал, что не выдержу такого марша, но справился хорошо и в походе никаких потертостей не имел, потому что сам боролся с этим и раз'яснял бойцам о сохранении сил в походе и выполнении правил гигиены.

А в настоящее время я нахожусь в местечке Буек бывшей Польши, жизнь наша проходит пока мирно, в общем, нормально, но о международной обстановке не забываем и всегда готовы по зову правительства выступить на защиту своих священных границ, а также для освобождения трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни. Наша армия пока Действующая, а завтра может быть наступающая.

В отношении женского движения. Саша! Девочки здесь хорошенькие. Здесь есть полячки, украинки, еврейки на лицо очень красивенькие, но плохо, что они очень богомольные, они так сильно уверены в бога, что не поддаются никаким доказательствам.

Ей предлагаешь: слушай, пане? пойдем в кино, а она тянет в костел, по-нашему в церковь.

Вот сколько мы презжали деревень, у них на каждой улице стоит бутка, в которой смазан из глину бог, ну, в общем, мы много видали богов, здесь тоже бога разные! У поляков свой бог, у евреев свой бог, у русских свой бог. И вот говориш

ей, что бога у всех разные, но... цена им всем в базарный день, а она отвечает я ниц, ниц, не разумию, то есть, ни...

Не понимаю, ну, думаешь, черт с тобой, когда не понимает.

Саша! Работа моя блатная, в общем, по санитарному делу занимаюсь, я нахожусь пока при роте в кульвзводе, живем хорошо, ребята все стали знакомые. По выходным ходим в кино. На девчат особенно не бросаюсь, потому что можно получить от нее награду. До свидания, Саша! Как получишь письмо, быстрее шли ответ. Я буду ждать. Пиши больше новостей. Если можешь, пришли фото, тогда и я тебе пришлю в следующем письме, вот скоро пойдем, сфотографируемся.

Евтеев+Вязовов

Жму руку.

25 ноября 1939 г., Дмитрий Голик — Борису Карпову

г. Житомир.

Доброго дня, Борек!

Итак, я имею щастье опять знать твой адрес. Представ себе, Борек, сколько прошло времени с тех пор, как переписка с нами прервалась, которой причиной, безусловно, был ты.

Ведь ты же прекрасно знаешь мой адрес и до сих пор не мог написать.

Считаю, что ты учтешь это и в дальнейшем такого разрыва не повторится.

С твоего письма известно, что ты имеешь счастья защищать границу нашего необъятного Союза. Горжусь, Борек, что ты находишься на рубежах, желаю тебе успехов в нужный час дать большевицкий ответ врагу, пытающегося перейти нашу границу.

В этом году и мне пришлось ити в рядах непобедимой славной Красной Армией вызволять от гнета помещиков наших братьев Украинцев и Белорусов. Ты, Борек, не представляешь, какая радость, какая гордость проявляется, когда встречается с такими, как сам, которые несколько часов тому были зависимы от польского пана, а теперь совершенно не зависящие.

В второй половине октября приехал домой и в данный момент работаю в Житомире при райплане Оргкомитета.

Бойко работает в Житомире при Украаготхмеле, который находится и в данный момент в РККА. Могила на опытной станции хмелеводства зав. агрохим отделом.

Чары-Пат-Панченко женился, имеет ребенка и работает в колхозе своего села.

Костецкий «Серльезя» работает ст. агрономом Коростышевского РЗВ. Ну и других более знакомых просто не знаю.

Где поделась Маруся и что с ней, ничего не знаю, правда, тут и взнать нет у кого.

Итак, Борек, прощаясь, хочу сказать: связь с тобой должна быть на соответствующем уровне и в дальнейшем не должна прерываться.

Надеюсь, что при получении письма ты мне напишешь кое-что, после чего я тоже.

Всего наилучшего т. друг Митя.

30 ноября 1939 г., Николай Чистяков — Александру Вязовому

Письмо (ответ)

Здравствуй, многоуважаемый брат Шура, и посылаю при том свой ученический привет. Шура, письмо твое от 18.XI—39 г. получил 30.XI—39 г. и тут же сел писать ответ. Ответ я пишу от всей нашей семьи. И от всей вашей семьи. Шура, живем мы сейчас ничего того и тебе желаем в вашей красноармейской жизни. Шура, не обижайся, что так долго я тебе не писал письма. Шура, новостей у нас не так много, но есть.

Ваньку Пряхина взяли в Морфлот, но точно не знаю, а кода точно узнаю, тогда еще раз напишу. Маргарита Митина вышла замуж за Тундара за Мишку (живет в панике).

Шура, если можно, то напиши, что у вас там с Финляндией. — Я как только услышал, что Финляндия лезет со своим свиным рылом в наш Советский огород, я тут же стал к ним питать ненависть. И ответил на это тем, что поступил в комсомол. И тебе, Шура, тоже, если ты не комсомолец, записатся в комсомол и быть примерным бойцом в Р.К.К.А.

Шура, я сейчас учусь в 9-м классе и учусь пока ничего.

Твой брат Леня хорошо учится и хорошо играет на гармонии. Даже лучше Васька.

Васек сейчас не учится, а сидит дома, ничего не делает. Даже в гармонию не желает учится, а так рычит в нее. Пока все. До свидания. Желаем в вашей жизни всего хорошего.

Привет от всех ваших родных. Пока...

Обрат, адрес: Тамбовская обл. г. Тамбов П. Пригородный с/с Чистякову Ивану Ром. или Чистякову Николаю Иван.

Н. Чистяков

Еще бы я желал, чтобы ты прислал карточку. Н. Чистяков

2 декабря 1939 г., Иван Горохов — Алексею Горохову

Здраствуй, дорогой братец Алексей Александрович, шлю Вам свой братский привет и желаю всего хорошего. Алеша, я Вам послал письмо, но ответа пока от вас нет, наверно, Вам пока писати некогда, вы, наверно, ведете расплату с финнами. Алеша, я Вас прошу стоять на страже границ бдительно и зорко, а зарвавшимся паразитам отомстить по заслугам и после этого вернуться на родину, повидаться с родним и знакомыми и встать на работу как красноармейцу-бойцу на завод или фабрику и показать пример, как надо работать по-военному, как вы били финов. Алеша, от Грунки слуху пока нет, я ей пишу писмо вместе с твоим письмом. Ко мне приехала жена, она у меня поживет месяца полтора, а я живу пока, где жил. Алеша, если тебе отпустят, то заезжай ко мне. Алеша, прошу тебя, как получишь мое писмо, пиши скорей ответ и пиши, как вы расправляетеся с финнами. Алеша, если Вы одни не осилите расправиться с врагом, то зовите нас, рабочих, на помощь, мы тоже по первому зову партии и правительства грудью встанем за родину и за свой за народ. Алеша, еще писать нечего, остаюсь жив и здоров, того и Вам желаю.

Ваш брат Иван Александрович Горохов мой адрес

Москва 130 Братцевская Птице-фабрика барак № 7

ПИСЬМА СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ: «БЛАГОСЛОВЛЯЮ ТЕБЯ ГНЕВОМ СВОЕЙ РОДИНЫ» (1941)

Биографических сведений об авторах приведенных ниже писем, к сожалению, установить не удалось.

16 августа 1941 г., Татьяхан Колодарова

Милый мой сыночек Алым!

Мы живы и здоровы. О нас не беспокойся, мы всем обеспечены.

Дорогой Алым! Ты был нежен и ласков со мной, своей матерью. Сейчас, когда ты на передовой позиции и вместе с миллионами бойцов прикрываешь нашу прекрасную Родину своей грудью, я люблю тебя еще больше. Где найти мне слова для тебя, идущего в бой? Слово Родина — твое знамя! С именем Родины на устах громи врага беспощадно. Я благословляю тебя гневом своей Родины. Никакого сожаления к врагам! Мсти за невинно убитых жен, матерей, беззащитных детей, за сожженные села и разрушенные города! Если ты вынужден будешь покинуть строй, в твой танк сядет твой товарищ, твой кровный брат. С тобою вся страна!

Татьяхан Колодарова

Август 1941 г., Рахия Мерсадыкова

Дорогой Рахим!

Два года я не видала тебя. Ждала осенью в гости, но нашей встрече помешала война. Сердце мое горит ненавистью к чудовищной гадине Гитлеру. Киргизы, как и весь советский народ, поднялись на защиту любимой Родины. Колхозники Киргизии досрочно выполняют план обязательства перед государством, сдают в фонд обороны часть скота, лучшую продукцию колхозных полей, садов и огородов, дети собирают металлический лом для пушек. Никто не сомневается в победе над врагом.

Буду ждать тебя с победой.

Твоя мать Рахия Мерсадыкова

Август 1941 г., Асуалет Болтыбаева

Дорогой сын!

Я воспитала, выкормила тебя. Советская Конституция открыла тебе дорогу в жизнь. Ты учишься и скоро станешь боевым командиром. Гордись, что ты боец Красной Армии — армии народов-богатырей. Когда попадешь на фронт — не теряйся, как бы тяжело ни было. Будь мужественным — самое дорогое для человека — жизнь, но ты не сдавайся людоедам. Лучше смерть в горячем бою, чем

Автолитография С.С. Боима, 1944 г. Из фондов РНБ

позорный плен. Я верю, что ты не опозоришь Ленинский комсомол. Ты смело скажешь потом людям: «Я тоже отстаивал нашу жизнь, наше счастье».

Жду от тебя радостных вестей, сообщений.

Твоя Асуалет Болтыбаева

Тимофей Вербицкий: «ПРИ ВСТРЕЧЕ С НЕМЦАМИ СТАРАЮСЬ УБИТЬ ГАДА ПЕРВЫМ» (1941)

Тимофей Сергеевич Вербицкий (1909—1944) родился в селе Камышинка Алтайской губернии (сейчас Восточно-Казахстанская область Казахстана). До войны жил в поселке (сейчас город) Шемонаиха. В действующей армии с августа 1943 г. За бои в октябре 1943 г. представлен к званию Героя Советского Союза, которое было присвоено 10 января 1944 г. 12 января 1944 г. был ранен и отправлен в госпиталь, где предположительно скончался от ран. Документы госпиталя погибли в боях, поэтому точная судьба Т.С. Вербицкого до сих пор неизвестна.

Без даты, предположительно осень или зима 1943 г.

ПИШИТЕ ЧАЩЕ

Дорогая Васса и дочка Раичка!

Сообщаю, что я жив, здоров, настроение бодрое. Продолжаю бить проклятых фашистов. Гоним мы их на Запад, освобождая новые тысячи населенных пунктов — городов.

Фотохроника ТАСС: «Действующая Красная Армия. Командир отделения саперов сержант Д.П. Калинин и сапёр Д.Я. Романов в тридцати метрах от противника прорезали в проволочном заграждении врага три прохода и поставили дымовые шашки. Наша пехота под прикрытием дымовой завесы атаковала немецкий ДЗОТ».
Фото Б. Лосина, декабрь 1941 года. Из фондов РНБ

Побывав на фронте, я научился многому. Я увидел сожженные города и села, расстрелянных и истерзанных невинных женщин, стариков и детей, у меня появилась неимоверная злоба к врагу, а вместе с ненавистью пришли смелость и находчивость. При встрече с немцами стараюсь убить гада первым, чтобы он не смог больше поднять свои бандитские руки на беззащитных детей, женщин и стариков.

На моем счету уже ни один десяток уничтоженных фрицев, но я на этом не останавливаюсь, буду увеличивать счет убитых немцев, пока не истребим всю фашистскую нечисть, забравшуюся на Советскую землю.

Мои боевые дела на фронте отметило наше командование и представило меня к Правительственной награде орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда» с присвоением звания «Герой Советского Союза». Эту награду я оправдаю с честью, буду бить проклятых гитлеровцев, не жалея сил своих, а если потребуется, и жизнь отдам во имя победы над врагом.

Пишите чаще, жду ваших писем.

Ваш Т. Вербицкий

Фотохроника ТАСС: «Действующая Красная Армия. Командир разведки тов. Рокотов (слева) и лейтенант разведроты тов. Архипов Часто бывают в тылах немцев и достают для командования ценные сведения о противниках. Каждый из них уничтожил или ранил от 15 до 20 фашистов». Фото Д. Онохина, март 1942 г. Из фондов РНБ

Григорий Манаков: «НЕ УБИЛ НЕМЦА – ДЕНЬ ПРОПАЛ. ТАКОЕ НАСТРОЕНИЕ У ВСЕХ ВОИНОВ РККА» (1942–1944)

Григорий Петрович Манаков родился в 1902 г. в с. Тугулым Тюменского уезда Тобольской губернии. С 1924 по 1926 г. служил в Туркестанском военном округе, в 1926 г. вступил в ВКП(б). В августе 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Воевал на Волховском и 3-м Прибалтийском фронтах в должности командира отдельной пулеметной роты 288-й стрелковой дивизии. 31 мая 1944 г. награжден орденом Великой Отечественной войны II степени. Погиб 21 июля 1944 г.

16 октября 1942 г.

Итак, Соня, письмо дописываю через день как начал писать его, за этот день произошло новое, а именно: сейчас уезжаем на фронт, совместно едут со мной Титов Владимир, Пакин, Алексеев, Бочаров, а Титова Константина полк не отпустил, хотя ему не хотелось от нас отставать, он настойчиво просился, но ему пока отказали. Одет во все новое по-зимнему.

Очень, Сонечка, жалею и все мои дорогие Рита, Валя, Лена, Витя, Мама, что не удалось за прошедший год побывать дома, но ничего не сделаешь.

Жалею, то, что не имел возможностей продать сапоги и не исключены возможности, что их придется бросить. Правда, еще думаю продать дорогой, но выйдет ли так, не знаю, если продам, вышлю деньги.

Прошу, Соня, Рита, Валя, Лена, Витя, мама, обо мне не беспокоиться и сами, что случится, не убивайся шибко, тебе, Соня, надо беречь здоровье, надо воспитывать ребят, если не буду в живых, то знай и пусть ребята запомнят, что иду защищать родину, тебя, Соня, от немецкого поругания и детей от немецкой кабалы, мама ты тоже не плачь — война есть война. Вы меня знаете, я назад не пойду.

Я буду драться до последней капли крови. Писать некогда, прошу черкнуть от меня привет Мите, Володе, Поле и племяннику и племяннице.

Письмо это получишь, наверное, в конце ноября, к этому времени много, как говорят, воды утекет.

Ты, Соня, знаешь из писем, что я уже 3 раза был на фронте, но ведь в боях не был, но неоднократно был под бомбежкой в этой части обстрелянный человек и получил маленькое ранение, уже посмотрел немецкие зверства и горю ненавистью к каждому немцу и не погибну, если не убью как можно больше немцев, а ты, Соня, и все мои дорогие, если что случится со мной, наберитесь больше силы воли и спокойно перенесите все неожиданности.

Еще раз, Сонечка, Рита, Валя, Лена, Витя, мама, крепко-крепко Вас всех прижимаю к себе и горячо Вас целую

Ваш Муж, папа, сын

При этом посылаю на 395 руб. облигаций займа с надписями. Не так давно послал Вам на 120 руб. вещевой лотореи

Крепко целую Ваш Гриша, папа

23 марта 1943 г.

Добрый день, мои дорогие Соня, Рита, Валя, Ляля, Витя, Маша, всех вас целую и шлю Вам самый фронтовой привет. Вчера Соня получил от тебя письмо, когда писала не знаю — по штампу Ханты-Мансийска 22/II, из которого узнал, что Вы все здоровы. Ты, Соня, пишешь, чтоб я о Вас не беспокоился, но о ком же я буду беспокоиться, как не о тебе, которой может одной придется воспитывать детей. Я не знаю, как Вы живете, но не думаю, чтоб Вы жили плохо, потому что деньги Вы от меня получаете и по аттестату тоже 20 марта я перевел Вам 550 руб. Себе я оставляю только на членские взносы, больше они мне не на что не нужны, кроме того ты Соня сама зарабатываешь, я понимаю то, что война не может не сказаться у Вас на питании и т.д. Я тебя, Соня, просил сообщить, сколько получает [Мишина] и [Матошина], это меня интересует. На днях получил письмо уже 2-е от Виктора, который пишет, что живет [так же], как и я, каждый день под огнем.

Здоровье мое, Соня, не плохое, ряд моих товарищей пришлось похоронить, война как война, но все мы живем вперед смерти не умираем — стремление у всех одно как можно больше убить немцев — не убил немца — день пропал, такое настроение у всех воинов РККА. Это письмо, видимо, Вы получите в первых числах мая, за это время много может воды утечь. Обо мне будете знать из телеграмм от Николая, я ему напишу письмо, чтоб Вам слал телеграммы, как только получит от меня письмо, примерно следующей редакции будут телеграммы «Гриши письмо здоров». На днях получил письмо от Поли, это уже второе, Соня, пиши чаще, если ты пишешь в 10 дней одно это и есть, что пишешь мало, пиши чаще, сама знаешь, быть на войне и редко получать письма, скучно ведь каждый день ждешь, а вот я последние 20 дней не получал от Вас, совсем очень соскучился с Вами со всеми, хочется на всех посмотреть, особенно как выросли ребята, я уже их сейчас почти спустя два года не могу представить, какие они есть.

Дорогая Соня, если буду жив и здоров, то наша с тобой жизнь началась бы по-новому. Это бы были годы 1922, 1923, 1924, а может и лучше, хотя я не знаю, что может лучше. Адрес, Соня, пиши новый и только так: вверху Полевая почта, а ниже 21135. Все. Остаюсь любящий Вас Г.

Пиши, Соня, как Вы вообще живете попроси кого-либо вычистить и смазать ружье. Постарайся посадить огород. Мне очень хочется, чтоб Вы имели корову, но что сделаешь. Буду жив и здоров, наживем. Целую Ваш папа, муж сын Г.

29 апреля 1943 г.

Добрый день, мои дорогие!

Соня, Рита, Валя, Лена, Витя, Мама, всех крепко крепко целую и шлю Вам фронтовой чистосердечный привет. Дорогие мои, что Вам писать просто не знаю, могу пока писать, что пока жив и здоров, но война есть война может случиться как с жизнью или здоровьем буквально каждую не только минуту, но и секунду. Вы не удивляйтесь, что если пишу чернилами, то далеко от против-

ника, мы ухитряемся писать чернилами находясь в нескольких метрах от противника. Сего дня получил от Виктора письмо, которое шло 14 дней — пишет, что пока жив и здоров. Прошу обо мне, мои дорогие, не беспокоиться, родину защищать нужно, и если что случится со мной, не я один, а случиться ведь может каждую секунду, вот рвутся снаряды рядом, пули летят тоже. Настроение у меня хорошее, хочется как можно больше убить немцев-бандитов. Хочется как можно больше отомстить немчуре и, конечно, хотелось бы еще 10—15 лет и пожить тем более, что жизнь после войны будет весьма интересная.

Трудно привыкать ко всему, что встречается на фронте, но ведь как-то привыкаешь, конечно на нервах сказывается. Но если бы Вы посмотрели сейчас на меня, то сказали бы, что ничуть не изменился, но [нрзб.] может, если буду жив, конечно [изменюсь].

Ну пока все, мои дорогие.

Пишите чаще, буду ждать с нетерпением Ваших писем. Из последнего письма твоего Соня я узнал, что Вы живете не плохо, чему очень рад. Аттестат на 450 руб. и часть буду переводить деньгами. Адрес пишите так:

полевая почта 21135

Манакову Григорию Петровичу.

Пиши, Соня, все, что можно, пиши все новости, пишет [все известия], кто из знакомых где находятся, письма Поле, Тине, Николаю, Фее, Андрею Матвеевичу пишу и ото всех хотя не часто получаю. Ряд моих товарищей, которые пришли со мной выбыли. Кушаю досыта, в частности хлеба положенную норму, я [нрзб.] одет не плохо. Кроме [нрзб.] уже давно давно ничего не вижу. Я прошу С.И. Смольникова пусть мне напишет об общих знакомых, кто где сейчас находится. Мухин, Шаламов, Алексеев все дома.

Еще тысячи тысячи раз целую Вас всех.

14 сентября 1943 г.

Добрый день!

Мои дорогие Соня, Рита, Валя, Лена, Витя, мама, всем шлю чисто сердечный привет, фронтовой привет. Нервничаю, нет и нет от Вас писем, у Вас когда от меня нет писем, одна мысля, а у меня много, потому что я очень о Вас много. Вы думаете об одном мне, а я о всех, вот почему мне скучно бывает без писем. Последнее письмо я получил от Риты [нрзб.] 29 июля Вам я писал недавно если не получаете, то не знаю. Видимо, кучей получите, оно, может, и не все получаете ведь их надо от сюда везти с передовой, но [нрзб.] В том, что Вы их должны получить все. Живу по-старому, как Вам уже писал на днях перевел Вам 300 руб. денег. Почему ты сама на мой вопрос о часах не ответила, ну если ты их продала, дак дело ведь твое, ты хозяйка, пока ведь сказать, трудно вернусь жив и здоров или нет.

Ты сама читаешь газеты и знаешь, как сейчас дело идет на фронтах, успехи наши велики, приближается конец гитлеровским сволочам, и если нам не увидеть празнование полной победы над фашистами потому, что мы на фронте а война есть война, зато Вы ее скоро будете праздновать. Зато дети наши будут чтить память о нас как освободителях. Здоровье мое не плохое можно сказать

несколько не ухудшилось, та простуда, которую я получил когда провалился в воронку [снаряда] в озере, кажется, прошла, а мой друг уехал тогда же в госпиталь, так и не вернулся. Вот сего дня под вечер пошел дождь и я это знал, вот погоду чувствую, ломит кости. Не знаю, почему нет писем от И.И. [нрзб.] отправил уже два письма видимо тоже сейчас в армии. От Клавдии нет давно писем, только не давно получил от Николая, а то что-то все перестали писать. Пиши, Соня, как ты живешь, как здоровье ребят, бабушки как твое, много нет собрала овощей. Как думаешь с работой быть. Хочется посмотреть на гражданское население, а то уже давно давно не видим.

Питаемся хорошо. Одеты хорошо. Витику я послал письмо в день его рождения, если получили, то пиши, что он балякал. Надеюсь, это письмо еще получите [нрзб.]

Целую всех Вас. Ваш папа, муж, сын Гриша

1 июля 1944 г.

Добрый день мои дорогие! Соня, Рита, Валя, Лена, Витя, Мама шлю Ва[...] фронтовой привет и желаю Вам наилучш[...] жизни и много раз всех заочно целую. Наконец, после долгих молчаний стороны, получил два письма и фотокарточки, как я был рад, не могу описать.

Признаюсь, так разволновался, что не похож был на воина. Лена по сути дела не изменилась, кроме как [возмужала] по [нрзб.] но Риту, где она фотографировалась с Леной и по сей день не признал и когда распечатал письмо, увидел фотокарточку так долго смотрел на нее догадывался, с кого эта фотография, но никак не думал, чтоб Рита, и только убедился, когда прочитал на обороте. Более что-то имеет сходное, как я знал Риту, это фото, где Рита фотографировалась одна. Нет дня, чтоб я несколько раз не смотрел на все фотографии — живешь воспоминаниями.

От себя могу сказать, что за эту зиму [так] постарел, так износился, что подчас [себя] не узнаю, здоровье мое стало не [ва]жным. Надо бы отдохнуть, но ведь не время. А время добивать немцев. У меня стали сильно болеть ноги, да как им не болеть, ведь за истекшую зиму, вернее, с 7.I 44 г по 2 марта прошли на собственных ногах более чем 800 клм, а отдыхать-то ведь приходилось на снегу, а не у печки. С кашлем замучился, душит, не рад, да еще приходится курить легкий табак. Но мне кажется, я бы сумел поправить свое здоровье, но дела еще впереди много и думать об этом не приходится тем более я фронтовик не тыловой, а передовой, на такой день рассчитывать трудно. Но день нашей победы недалек.

Получил письмо от Поли и [Тины] Поля пишет, что Саня тебе не пишет, что ребята [питаются] плохо. Так Соня пишет, что я написал кому-либо письмо в части Риты, но, что я могу я надеюсь на тебя, что ты примешь все меры для сохранения здоровья Риты, я же в свою очередь все, что в моих силах, отдаю, я ведь каждый м-ц до грамма переводил Вам вот только сейчас пока не имел этой возможности. Аттестат тебе Соня выслал на 500 руб.

Если мои друзья, проживающие в тылу, только сочувствуют, что моей семье живется не легко, то спрашивается, на кой хуй мне их сочуствие. Оно мне нужно

Фотохроника ТАСС: «Снайпер Н-ской части бурят, старший сержант, орденоносец Ц.С. Цидипов до войны работал председателем колхоза «Зурганай» (Бурят-Монгольской АССР). Он уничтожил 106 фашистов и подготовил снайпера-украинца, бывшего токаря-бригадира завода «Красная звезда» Н.И. Яковенко, который уже имеет на своем счету 85 уничтоженных немцев и награжден орденом Отечественной войны II степени. Сейчас знатные снайперы — учитель и ученик – бьют фашистов с одной огневой позиции. На снимке: Ц.С. Цилипов (справа) и Н.И. Яковенко на огневой позиции».
Фото В. Капустина, июль 1943 г. Из фондов РНБ

как в Петров день варежки, а вот если они помогут моей семье, то я их вечно не забуду, так ты им Соня и передай дословно. Иначе на всех друзей я хуй положил. Соня, прошу тебя, пиши. Я знаю, тебе не легко, но не забывай меня, пока я еще жив. Сделай все от тебя зависящее для ребят, приложи все свои силы для воспитания ребят.

Я, кажется, Вам уже писал, что получил правительственную награду Орден Отечественной войны II степени.

Писать больше не знаю, что занимаюсь сейчас тем, что необходимо в боях с немцами в самое недалекое близкое время. Пиши все новости, какие у Вас есть. Жаль ребят, которые погибли, о которых ты писала. Работаю на старом месте пока все в той же [нрзб.]. Вот очень хочется выпить. Ты, Соня, побереги водочки, когда вернусь с победой, чтоб у тебя был литровочки две запас. Ну пока, мои дорогие, еще раз Вас всех крепко целую. Вас любящий папа, муж сын
1 июля 1944 года.

ВОИНЫ КУБАНИ: «ВОСПИТЫВАЕМ ЛЮДЕЙ В ДУХЕ ЖГУЧЕЙ НЕНАВИСТИ» (1941—1944)

В нескольких делах фонда Р-807 Государственного архива Краснодарского края сосредоточены письма кубанцев с фронтов Великой Отечественной войны, написанные близким друзьям и в редакции газет. Коллекция формировалась в послевоенный период за счет отдельных поступлений от разных лиц, в основном участников Великой Отечественной войны. Большинство писем из материалов фонда были опубликованы в сборнике «Письма с фронта. 1941—1945» (Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1983).

Октябрь 1941 г., Д. Бирюк

Если горя не видел ты в жизни своей,
Если с глаз у тебя не катились слезы,
Посмотри, что немец наделал кругом,
Ты повсюду увидишь страдание людей и их горькие слезы.
Ты увидишь кирпич вместо сел, городов,
Сиротливые печи и трубы заводов.
Зная, что немец спокойно деревню сжег,
Усмехаясь довольно над горем народа.
Если Родина для тебя дорога,
Если бьется в груди твоей чистое сердце,
Отомсти ты за горе Советских людей
И убей кровожадного немца.
Если помнишь присягу Отчизне своей,
Если помнишь слова в ней на верность,
Поклянись у могилы погибших друзей,
Уничтожить фашистскую нечисть.
Если матери старость тебе дорога,
Если слезы ее жгут всю душу твою,
Поклянись, что будешь героем в бою,
Будешь мстить за страну дорогую.
Если помнишь тот день, где ребенком ты рос,
Где босой за котенком гонялся,
Знай, что разрушен твой дом, немчурою сожжен,
На том месте лишь пепел да камень остался.
Если ты не забыл, где впервые любил,
Где любимой в нежной любви признавался.
Знай, что не радость, а горе теперь там царит,
А над девушкой той немчура надругалась.
Если помнишь ты стоны друзей боевых,

Если помнишь их тяжкие муки и смерть,
Знай, только ты можешь немцу теперь отомстить,
Если только вперед всюду смотреть будешь.
Если другие для тебя не чужие,
Если слезы детей придают тебе боль,
Знай, от тебя только ждут эти дети
Материнскую ласку, веселье, покой.
Если тяжко тебе будет в смертельном бою,
Если мужество тебя покидает,
Вспомни стоны кровь тех, что пали в бою,
И седую уставшую мать.
Если дрогнешь ты в этом священном бою,
Если бросишь винтовку и будешь бежать,
На тебя будут дети с презреньем смотреть,
Проклянет поседевшая старая.
Не найдешь ты друзей для себя,
Не найдешь ты любимой подруги для жизни,
И умрешь ты мучительной смертью вдали
Подлым трусом, предателем Отчизне.
Твое тело не примет родная земля,
Сколько будет у всех к тебе злости,
И прохожие будут с презреньем плевать
На твои проклятые кости.

9 апреля 1943 г.

Посылаю вырезки из газеты. Родная Анютка! Сегодня получил твое письмо 25.2.43, которому бесконечно рад, наконец-то за несколько месяцев настоящее письмо, а не розыскная записка. Рад бесконечно тому, что ты выздоравливаешь, что ты возвращаешься в строй, за хорошее чувство ко мне, которое ты пронесла через все испытания, тому, что уже связалась со всеми. Плохо, что ты не регулярно и крайне долго не получаешь мои письма, телеграммы и открытки. Но думаю, что с приездом на Кубань ты будешь получать их чаще. Пишу еще на госпиталь в надежде, что тебе перешлют, одновременно пишу на адрес Нины. Я ведь, родная, был два дня в Краснодаре — встретил Алексея, Колю, останавливался у Гуровой, был у ряда товарищей, много говорили о тебе. Узнал все подробности твоего ранения и, вообще, о кубанских делах, а они неплохие были дела. К Осипову и Васильеву не заходил, поскольку имею исключительно плохие данные о их гнуснейшем поведении. Жалею, что не виделся с Селезневым и Тюляевым, Алексей очень похудел, болят у него сильно ноги, но духу он бодрого и рвется в часть, чтобы по-прежнему, еще с большим ожесточением громить немецкую погань. Едет он заместителем командира полка по строевой. Николай тоже худой, работает в той же части. Нине с Галей я послал три письма, но от них ничего не имею. Не пойму, очевидно, отвратительно работает почта. Родная моя, ты пиши чаще, не ожидая получения ответа, чтобы я знал, где ты и что делаешь, знал о Бориске, как только узнаю, что ты в Краснодаре, — прилечу на

денек обязательно. Видеть тебя, родная моя Анютка, хочу исключительно, уж больно я истосковался по тебе. Вот часто закрываю глаза и вижу тебя всю, всю: твои глаза, улыбку, походку, даже когда ты сердитая бываешь. О себе мало что могу написать — живу, как живут тысячи командиров. На первом плане забота о людях, подчиненных. Бывает всякое: «день с квасом, день с мясом». Бывает и худо, и радостно, испытаны и горечь поражения, когда по-настоящему плакать хотелось, и гордость победы, когда танцевать пускался, несмотря на то что не умею. Одно несомненно: мы стали грубее, привыкли смотреть опасности в глаза до боли, до помутнения в глазах, ненавидим немцев, своих предателей. Ты не можешь себе представить, что было со мной, когда я был в Екатериновке и увидел некоторых старост из знакомых нам людей, когда я узнал, что Дубина тоже в этой банде! Да, чтобы не забыть: памятник Жоре сохранился!

Вот сижу, пишу тебе, а кругом артиллерийская и минометная канонада, рев самолетов, сегодня «сопливый ганс» что-то активничает. Воспитываем людей в духе жгучей ненависти и непреклонного стремления бить и бить немчуру в хвост и в гриву, а если и гибнуть, то гибнуть как герои, как верные сыны своей Родины. Ну, пока довольно. Желаю тебе здоровья, сил, оставайся до конца моей родной, любимой Анькой. Твой Петр. Адрес мой: Полевая почта 17363. Мне без наименования и звания. До 1.5.43. Можно и по старому адресу. Письма Янчевской не получил еще.

12 января 1943 г., А. Николаев

Здравствуй, Маруся! Крепко поцелуй от меня Фелика! Маруся! Я получил от тебя еще три письма, которым был очень рад. Во всех своих письмах ты хочешь доказать свою невиновность в том, что бросила у немцев маму и Вилика. Ты пишешь, что мама, мол, и сами не маленькие, они-де знали что делали. Может быть, спорить не буду. Но ведь своим детям ты ведь мать? Как же ты могла бросить Вилико, своего первенца и моего любимца? Мать в 1918 году возилась с нами тремя, да еще Тося была грудным ребенком, и все-таки нигде нас не бросала. Ну, да об этом поговорим, когда встретимся вместе, а встреча наша будет только в Малинина. Более ранняя встреча ничего хорошего нам не принесет. Спрашиваешь, как тебе быть. Пишешь, что жить очень трудно. Верю и знаю, что трудно там тебе сейчас жить, и даже очень. Мне от этого здесь тоже нелегко. Пока наша местность занята, придется переживать эти трудности. Как только наши части очистят Кубань, сейчас же добивайся отправки домой. Если там откажутся помочь, телеграфируй мне сюда. Если к тому времени я еще буду на месте, я тебе вышлю проездные документы отсюда. Если тебе нужны там какие-либо документы, телеграфируй мне, и я тебе их вышлю. А как с моим аттестатом тебе, где он! Напиши. Ты писала, то когда выезжали, так вас напугали тем, что у вас все отберут. Как же у вас хватало совести слушать такую брехню и не плюнуть в рожу той сволочи, которая ее распространяла. Кто же, по-вашему, в нашей армии? Неужели, одев военную форму, мы стали чужими вам и вы нам больше не доверяете? А как же вы могли верить тем зверям, с которыми мы находимся в безумной кровавой схватке, которые прославили себя на весь мир небывалыми кровавыми делами? Я не могу понять этого, и это меня тем более

оскорбляет и с твоей и с маминой стороны. Я видел много эвакуированных, многим помогал эвакуироваться, и ни одного слова плохого о нашем к ним отношении не слыхал. Я слышал горькие слова упрека за наше отступление. За то, что оставляли врагу наши русские места. Эти слова были правдивы и острыми ножами резали на части наши сердца. Нам и самим нелегко было отходить, видя бросающие нам вслед скорбные взгляды оставляемых без защиты наших людей. Мы всеми силами старались помочь тем, кто уходил из наших родных мест в глубокий советский тыл, и как самой большой радости ждали приказом на наступление, чтобы вырвать из вражеских лап оставленных при отступлении наших советских людей. Правда, я не дождался этой большой радости наступления, меня временно вывело из строя ранение. Но все же мне обидно слышать, что мои родные, за которых я рисковал жизнью на фронте, так легко поддаются на вражью удочку, так мало ценят нас.

Пока все. Пиши, как живешь, кто с тобой там есть из родных, с кем из родных имеешь сейчас связь. Еще раз крепко целую сына! С приветом А. Николаев. 12.1.1943 г.

2 сентября 1944 г.

Здравствуй, родная! Наконец сегодня получил твое письмо. Знаю, все не пишешь, но все остальное я понимаю и без слов. Отлично представляю все, и только могу закрыть глаза и покачать головой. Помочь ничем я не в силах, и в этом все мое несчастье, а от сознания бессилия еще горче делается. Я не могу даже помочь советом и единственно, что могу восхищаться твоей стойкостью все переносить, и я горжусь этим. Немного теперь о себе. Ты уже читала в газетах о майданской фабрике смерти — я все это видел своими собственными глазами — и проволочные километровые заборы, и душ, и камеру, где умирали от «Циклона» тысячи людей, видел печь с остатками не успевших сгореть человеческими кусками. Но самое тяжелое впечатление склад с обувью. Чего здесь только нет — и модные дамские туфельки, и детская обувь всех сортов и возрастов, теплые домашние туфли стариков, даже валяются протезы ног и рук — и этих не щадили и всех уничтожали самым варварским методом. Сейчас люди свободно, как в музее редкостей, разгуливают по [нрзб.], а всего три месяца тому назад здесь стоял стон и крики палачей, дымились не умолкая трубы печей, сновали машины, груженные изрубленными кусками бывших людей. Только закрыв глаза и представив весь путь от Сталинграда до Варшавы, вспоминая все видение — могу себе представить это страшное место «Майдан» в дни его работы. Приеду — расскажу, если хватит нервов прослушать мой и чужие рассказы об этом месте. Скоро им, проклятым, конец. Надеюсь застать всех живыми и здоровыми, а Ольгу уже взрослой модницей. Пиши, как состояние здоровья Ольги — пиши все, не бойся, у меня нервы, как жгутовый корабельный канат, все выдержат. Целую крепко. Валентин

13 октября 1944 г., Василий Даньшин

Уважаемый редактор! Я Вам хочу написать маленький эпизод из фронтовой жизни, в котором выражается любовь наших казаков к кубанской земле и не-

нависть к врагу. ...Мы прошли маршем уже несколько километров по части освобожденной земле Польши. Куда ни взгляни, всюду тянулись разнообразные полоски крестьянской земли, встречаются и крупные площади панского поля. От усталости тяжелого марша все шли молча. Но тишину нарушил казак из станицы Ольгинской [нрзб.] 1 мая Павлюк Макар Власович: «На таких грядках наши бабы лук сеют, а они своим полем называют. Эх! Завернуть бы "Дизелем", за пятидневку сравнял бы грешное с праведным, а они месяцами сохами дерут, и называется, мы живем. Да здесь и бурьяны не так пахнут, как у нас. Эх жизнь колхозная... Не забуду никогда привольность родных краев. А ведь немец пришел на кубанские просторы, чтобы тоже разделить такие делянки, на которые у меня глаза сейчас не смотрят. Нет! Не бывать этому! Бить его, проклятого, хотя он и уполз к своей берлоге. Бить так, чтобы ему и мертвому не снилась наша цветущая Кубань, на которой выросли мы, свободно работали, а жили как! Эх! Да что вам об этом рассказывать, каждый знает».

Прошли несколько минут молча. Потом он запел:

Ой, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь
Многоводная, раздольная
Разлилась вдаль и вширь...

Его подхватили другие, и поплыла над польскими полями мелодия любимой нашей казачьей песни, которую все знают и запевают при воспоминании родной Кубани. Песню прервала команда: «Привал вправо». К комбату подъехал «вилюс». В нем сидел командир полка, разложив на коленях карту. Он быстро водил по ней карандашом, указывая ориентиры. Задача стояла с марша вступить в бой. Накоротке пришлось провести митинг. С докладом выступил зам. командира батальона по полит. части ст. лейтенант Игонин. Его простые слова еще раз каждого из нас призывали мстить за родную Кубань. Усталость марша мгновенно осталась забытой, каждый пополнялся боеприпасами и готовились выполнить задачу, лишний груз уложили на повозки. Я подошел к Павлюку и его товарищам, чтобы рассказать о важности поставленной им задачи. «За родную Кубань не жалею силы и жизни», — ответил первым Павлюк. Да! Это так и было. Слова сбывались с делом: мы внезапно обрушились на врага, освободив сразу же важный опорный пункт от врага. На окраине населенного пункта «Р» завязался неравный бой с танками противника, беспрестанно била немецкая артиллерия, телефонная связь была нарушена арт. налетами противника. Надо было доставить письменный приказ на линию огня. Это было поручено рядовому казаку Павлюку М.В. Повторив приказание командира: «Слушаюсь. Доставить, как можно быстрее». Ловко выпрыгнув из траншеи, он помчался в самую гущу разрывов. Прошло несколько минут. Задача была первая выполнена с честью. Каждый день все новые и новые ответственные задачи выполнял. Тов. Павлюк. Встретившись с ним, я передал ему приказ о награждении за отличные выполнения боевых задач. Отблагодарив за это, он начал рассказывать мне о том, что таится на душе: «Я хотел бы, — начал он, — чтобы наши трактора

на колхозных полях работали как танки в бою, чтобы [нрзб.] косил как Максим пулемет, чтобы комбайн работал, как молотит фрицев наша Катюша, чтобы люди работали быстрее с такой энергией, как казак при стремительной перебежке вперед. Энергичной работой в тылу мы приблизим час победы над немецкими захватчиками». Закончив последние слова, тов. Павлюк отправился выполнять боевую очередную задачу. В каждой схватке с врагом всюду призыв: «Бей гада за поругань родной Кубани». Близится час, когда казаки вновь будут в Берлине и покажут пузатым немкам силу русского народа, пусть поплачут, проклятые могильщики и опомнятся зачем родили сукиных детей, коричневых арийцев!

Комсорг гвардии мл. лейтенант Василий Даньшин [роспись]

Полевая почта № 09341-П

Т. Редактор! Прошу Вас, что получилось у меня неудачно, отредактируйте сами. Писал не весьма важных условиях, спешил! С приветом

ПИСЬМА КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ГАЗЕТУ «СОВЕТСКИЙ БОЕЦ»: «МЕСТЬ МОЯ К НЕНАВИСТНОМУ ВРАГУ НЕИСТРЕБИМА» (1945)

Биографическую информацию об авторах приведенных ниже писем, к сожалению, установить не удалось.

Без даты, В. Трухтанов

Уважаемый товарищ редактор!

Бойцам и сержантам моего взвода немец принес много горя, слез и разрушения их материального положения. О всем своем горе они пишут Вам в своих письмах и хотят поделиться через вашу газету с другими бойцами и сержантами, которым немец принес так же много горя и слез, в частности с бойцами взвода офицера Дроздова. Свои письма они просят опубликовать через газету «Советский боец». Все бойцы и сержанты горят желанием как можно скорее добить озверелого врага и отомстить за все его злодеяния.

К-р взвода гвардии лейтенант В. Трухтанов

Полевая почта 05890-Ж

14 декабря 1944 г., В. Швец

Их удушили...

Две сотни наших молодых советских парней и девушек, уклоняясь от гитлеровской мобилизации, которая свирепствовала в оккупированных городах и селах, спрятались в шурф в одной из старых шахт.

Но гитлеровцы, узнав, что здесь спрятались молодые, решили их удушить газами.

Вскорости были подвезены баллоны с газами. Палачи приступили к своей кровавой работе.

Газ был пущен в шурф. Снаружи, чтобы газ не выходил, немцы зажгли костер.

Так фашисты удушили двести безвинных советских граждан.

Гв. красн. Швец В.

Без даты, И. Скляренко

Отомщу!

На базарной площади города Таганрога немцы повесили три комсомольца.

За что, за что немцы отымали жизни у молодых советских людей?

За что их повесили?

Повесили их за то, что они не явились на регистрацию, которую фашисты вели над Союзной молодежью.

Не забуду я этот грозный день.

Отомщу фашистам за смерть комсомольцев!

Гв. мл. серж. Скляренко И.

Группа девушек-партизанок Нины Зверевой (справа). Фото Р. Мазелева. На личном счету Н. Зверевой — два спущенных под откос немецких эшелона. Будучи ранена в плечо, до конца руководила своей группой автоматчиков. Из фотохроники ЛенТАСС, Ленинград, февраль 1944 г.

Без даты, Г. Чабанов

Не забуду — не прощу!

Много страданий перенесли жители х. Нижняя-Тимофеевка Сталинской обл. во время нашествия немецких варваров.

В холодные декабрьские дни 1941 года передовые отряды эсэсовцев ворвались в хутор.

Через 15 минут под ударами прикладов, носков фашистских сапог все жители были выгнаны в степь.

Темной ночью, утопая по колено в снег, двигалась полуголая толпа женщин и детей.

Сколько мук, сколько страдания приняли безвинные дети и старики в эту проклятую ночь?

12 детишек замерзли в степи на глазах у матерей.

5 стариков, неспособных двигаться дальше, были добиты фашистами на глазах их сынов и дочерей. Ужас один охватывает при вспоминании этой ночи... И все, все это от рук палачей.

Нет! Не простим за смерть и за слезы советских людей! За все отомстим в десятикратном!

Гв. ст. серж. Чабанов Гр.

14 декабря 1944 г., Г. Чабанов

Уважаемая редакция!

Мы, комсомольцы оккупированных районов, испытав все тяжести немецкой оккупации на своих плечах, видев сотни преступлений фашистов, шлем Вам рассказы комсомольцев подразд. ст. л-та Волощука и ст. сер. Чабанов о зверствах немцев в оккупированных районах.

«Партизаны в разведке». Фото М. Трахмана.
«Ни днем, ни ночью не дают покоя
немецко-фашистским захватчикам отважные
партизаны Ленинградской области.
Они взрывают мосты, спускают под откос эшелоны
с техникой и военными грузами, идущие к фронту,
истребляют живую силу врага». Из фотохроники
ЛенТАСС, Ленинград,
август 1942 г.

От рук палачей...

Это было в Житомирской обл. Рудомысльского р-на.

Семья Владимир Федоровича Бернадского жила счастливой зажиточной жизней.

Но кровавый враг, завидуя цветущей жизни советского народа, попытался наложить свою кровавую лапу на нашу Советскую землю.

И в [...] месяце 1941 года банды гитлеровских полчищ ворвались в село, где жила и процветала семья Бернадских.

Молодые патриоты, сыновья Владимира Федоровича, Андрюша и Владимир с жгучей ненавистью к оккупантам ушли в партизаны.

Фашистские карательные отряды, узнав о том, что сыновья Бернадского ушли в партизанский отряд, решили раскрыть партизан путем зверских пыток родителей. Вскоре шестидесятилетняя старушка — мать Ирина Павловна подверглась этой суровой нечеловеческой пытке.

Но не избиения резиновыми плетьми, ни уколы иглами, ничто не могло послужить фашистам добиться хотя одно слово о партизанах.

Тогда разъяренные головорезы привязали избитую мать к лошади и пустили рысью по селу.

Так в неподобных мучениях померла мать, вскормившая двух сыновей, верных защитников Родины.

Гв. ст. серж. Чабанов Гр.

Без даты, А. Туровец

Погибли...

Партизанский отряд проходил через с. Хомовка Житомирской области.

Жители радостно встретили своих верных защитников.

Но гестаповцы, узнав о этом, жестоко поплатились с жителями села.

На другой же день было расстреляно 78 без отцов и матерей, остальных жителей и сирот, расстрелянных родителей, выгнали в поле. Село фашисты спалили дотла.

Красноар. А. Туровец

Без даты, красноармеец Власов

Ограбили...

У нас была корова. С приходом немцев, на нас было возложено 600 литров молока.

Такую цифру вынести мы не смогли, тогда фашисты прислали карательский отряд и забрали от нас последнюю корову.

Гв. к-ц Власов

6 декабря 1944 г., сержант Дроздецкий

Мародеры получат свое.

Много писем мне пишет жена. В одном из них она написала: — Дорогой муж! Какие мы стали счастливые и радые, когда Красная Армия выгнала немцев с нашего села. Сейчас мы с новыми силами начали работать.

Расскажу тебе, дорогой, о злодействах немцев во время оккупации нашего села Идрицкого, Калининской обл. Над людьми издевались хуже, чем над скотиною: били, казнили, расстреливали, угоняли на каторгу в Германию.

Твоего 19-летнего брата убили, одну сестру и зятя расстреляли, другую сестру насильно угнали у Германию. — Не прощай гадам, бей наверняка, мсти за наше горе.

Советский воин! Як же мени не бить гадов, невже ли подаруемо им. — Ни! Никогда! В ближайшее время ни один мой выстрел не пройдет даром. Заплатить мародерам у их логове. Навсегда покончим с их жизнью.

Сержант Дроздецкий

7 декабря 1944 г., рядовой И. Дьяченко

Отомщу им...

Великих разрушений зазнало наше село в часы хозяйства гитлеровских полачов. Село нашое небольшое — 60 домов, з коих более 10 домов спалили. Больше половины людей немцы угнали у рабство, скот поголовно забрали.

Своим трудом я нажил себе корову и свиню. Немцы забрали это. Остались двое детей без молока.

За корову, свинью, за разрушение домов, за людей которых гады угнали у рабство — отплачу своим грозным оружием. С нетерпением жду последней минуты расплаты с немецкими палачами.

Рядовой И. Дьяченко

Без даты, Валентин Бобырь

За смерть брата буду мстить!..

Когда немцы ворвались в наше село Рудник-Стародобровольское Днепропетровской обл. — арестовали членов ВКП(б), в том числе и моего двоюродного брата Федоронко Тимофея и бросили в тюрьму. Там мучили его, били, морили голодом, требовали от него что бы он выдал немцам ушедших в подполье членов партии и партизан. Он не выдал немцам своих земляков. Тогда немцы «прибрали его к рукам»...

Остались сиротами, Алик, Коля, Эдик, Витя. Пусть знают злодеи, за смерть брата буду мстить немцам, пока будет существовать хотя один на земле злодей.

Мл. сержант Черноок Анатолий.

Отомщу немцу!..

Мою сестричку Галю, немцы увезли в Германскую каторгу. Меня тоже, вместе с земляками — односельчанами, везли в закрытых вагонах к себе в рабство, но я, рискуя жизнью, на полном ходу выпрыгнул из вагона, после чего я лежал в больнице — были повреждены внутренности.

Отомщу немцу за увечье моего здоровья, за рабский труд и слезы сестренки.

Мл. сержант Бобырь Валентин

14 декабря 1944 г., В.П. Хелемский

За это простить нельзя!

Много рассказов о зверствах немцев довелось мне услышать от мирных жителей на пути нашего наступления.

С особой злобой гитлеровцы издевались над еврейским населением.

В г. Артемовске они собрали чуть ли не всех евреев города, раздели людей и загнали в подземные каменные разработки, замуровали входы, и люди медленной мучительной смертью погибли от удушья.

В одной из приднепровских деревень я услышал жуткий рассказ об уничтожении всех здешних евреев; удалось спастись только одной старухе и ее малолетней внучке, которых спрятали местные жители; но немцы не успокоились — им было мало пролитой крови — они нашли и потащили на расстрел потерявшую от страха и пережитого рассудок старуху и ее внучку...

В деревне на левом берегу Буга мне рассказали, что здесь были собраны и расстреляны около 500 бежавших из Одессы евреев... эти случаи не единственные — это система.

Гитлеровцы поставили себе целью, исходя из своей средневековой расовой теории, уничтожить поголовно весь еврейский народ, давший миру Маркса, Гейна, Эйнштейна и многих других замечательных людей.

Немцы называют себя культуртрегерами (т.е. носителями культуры) — на деле они сжигают книги Маркса и Гейне, а мировой ученый Эйнштейн, как и многие другие, вынуждены были бежать из «цивилизованной» Германии еще в 1933 г.

От рук немцев пострадали многие и многие тысячи семей. И мою семью не миновало горе — оставшихся на территории оккупированной Советской Мол-

давии дедушку и бабушку я уже не застал в живых при освобождении моего родного города — они были умерщвлены гитлеровцами.

Так пусть же знают подлые фрицы, что им не миновать карающей руки советского воина!

Кр-ц Хелемский В.П.

Без даты, Константин Тарасов

Увезли в Германию...

Молодежь села Широчаны Апостоловского района Днепропетровской области фашистские захватчики увезли в Германию на каторгу. Несколько раз они делали облавы на молодежь. Три раза убегал я из рук фашистских варваров. Около года я прятался по сырым ямам и сараям, скрываясь от фашистов. Фашистские злодеи, узнав, что я скрываюсь, посадили мою мать с условием, если я не приду в немецкую комендатуру, то расстреливают мою мать.

Фашистские захватчики меня поймали и отправили под конвоем на тяжелую работу. Там я видел, как двуногие звери издеваются над советскими военнопленными. Сам лично содействовал в побеге группы военнопленных.

Такое не прощается фашистским захватчикам, они будут отчитываться за свои злодеяния.

Красноармеец Константин Тарасов

7 декабря 1944 г., Е.Т. Ягодзинский

Немецко-фашистские бандиты, напав на нашу свободную Советскую родину, принесли нашему государству и народу не исчисляемые бедствия и страдания!

Разрушили советские города и села. Замучили и угнали на каторгу в Германию тысячи ни в чем не повинных советских людей.

При оккупации моей родины Киевская обл. р-н им. Г.И. Петровского с. Вязивок немцы ограбили мою мать, забрали корову, вырезали фруктовый сад.

На фронте Отечественной войны, сражаясь за родину, погиб мой родной брат Михаил.

В 1942 г., участвуя в боях против немецко-фашистских захватчиков в Крыму, я видел, как фашистские изверги разрушили музей Пушкина, все театры и самые лучшие дома города Керчи.

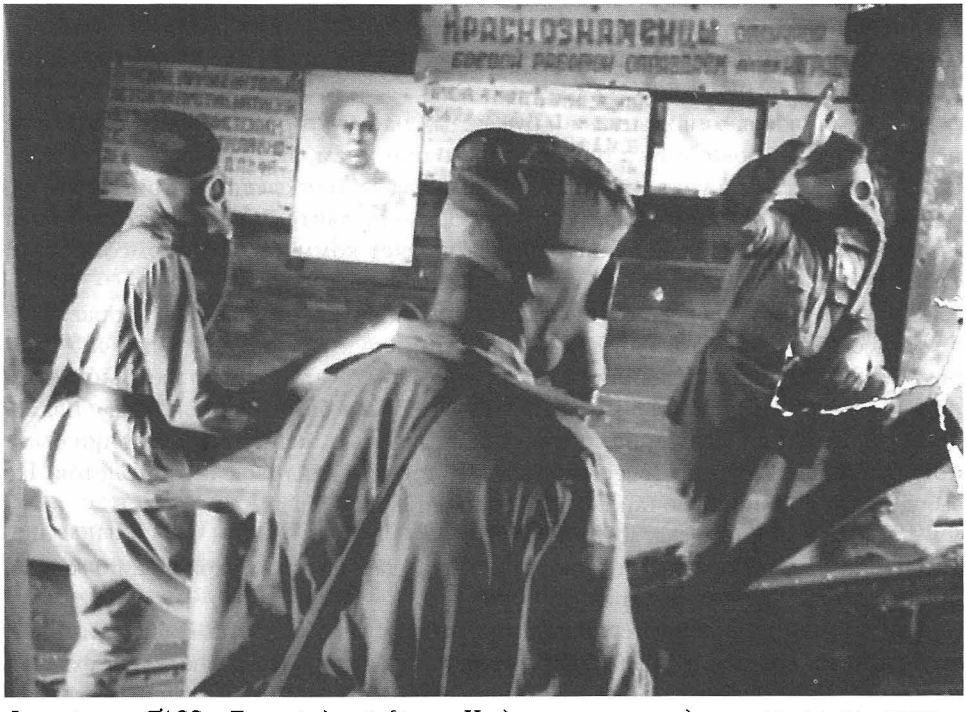
Немцы потеряли на советско-германском фронте отборные дивизии головорезов. Тов. Сталин в докладе о 27 годовщине Октябрьской революции поставил задачу перед Красной Армией добить немецкого зверя в его собственном логове и водрузить знамя победы над Берлином.

У меня нет пределов ненависти к душегубам немцам, в великом походе на Берлин я отомщу, за грабеж матери, за погибшего брата, за кровь и за муки советского народа.

Лейтенант (подпись)

Без даты, К.В. Романенко

Месть моя к ненавистному врагу неизмерима. Я всегда беспощадно бил их, этих сволочей фашистских, но ненависть еще больше возросла. Без пощады



Фотохроника ТАСС: «Ленинградский фронт. Ни днем, ни ночью не дают покоя немцам наши артиллеристы. Только за последние дни орудийный расчет старшего сержанта В. Хренова (бывшего шофера из Ярославской области) подавил две батареи противника и дальнобойную батарею, обстреливавшую Ленинград. На снимке: орудийный расчет тов. Хренова, тренируясь в противогазах, ведет огонь по вражеским батареям». Фото М. Коновалова, июль 19943 г. Из фондов РНБ

и милосердия уничтожал я этих гадов под Корсунь-Шевченковским, Первомайским, на Бугу и на Днестре. Навсегда в памяти моей останется картина мести под Кишиневом.

Во время занятий я сам всегда готовлю и требую от своих бойцов четкого выполнения команд и приказаний.

К предстоящим боям подготовился, готов мстить фашистским извергам за погибших братьев своих, за все злодеяния нанесенные нашим людям во время оккупации.

Гв. сержант К.В. Романенко

6 декабря 1944 г., М. Герман

Барышникову А.

Корреспонденция

От гв. красноармейца М. Германа

Отзываюсь на ваше обращение ко мне, которое я получил сегодня, 6/XII-44 года, получил газету «Советский боец», три листа чистой бумаги и обращение,

которое просит меня отозваться на высказывания бойцов об причиненном горе советским людям, в частности, и мне, как это имело место в г. Дубоссарах Молдавской С.С.Р. в 1941 году.

Во время оккупации немцами и румынами нашего города население, которое не успело эвакуироваться по тем или иным причинам, были собраны на сходку, где и были узяты на учет жандармерией, после чего последовал приказ, все еврейское население должны явиться в гетто, кто не явится, будет расстрелянный на месте, одновременно должны явиться на учет коммунисты и комсомольцы, то же самое угрожая расстрелом.

В день 16 сентября немцы объявили о том, что все евреи должны отправиться в «Палестину», чтобы взяли собой вещи и продукты, однако их под конвоем роты жандармерии отправили за город «на [Глишруа?]», где приготовили 6 ям по 4 × 6 метра и глубиной 3 метра, после чего, я сам был очевидец, когда подводили [партией] по 20 душ, не считаясь дети грудные, женщины и старики были поставлены на колени и расстреляны в голову из винтовок и пистолетов. Не забуду я слов одной девочки, которая спрашивала палача Келлера:

— Дядя, и мне раздеваться? —

Немец заругался разными словами и нанес удар девочке рукояткой по голове, после чего последовал выстрел.

По данным нашей экспертизы было расстреляно более 12 тысяч ни в чем не повинных советских граждан, не прошло и одного месяца, как был схвачен полевой жандармерией мой родной брат, которого они расстреляли за то, что в 1920 году был партизан. Я поклялся до самой смерти своей ненавидеть и бить проклятых варваров, пока течет горячая кровь в моих жилах.

Пусть не думает людоед Гитлер, что русские не умеют мстить за кровь детей, жен, стариков и простят это горе. Час расплаты настал!

Гв. красноармеец (подпись)

Без даты, Я.С. Прокопец

Уважаемый тов. Редактор.

Прошу вас в том, чтобы вы мою статью вместили в свой газете о зверствах немцев на оккупированной территории. За переживания мои на оккупированной территории. Я много видел зверских поступков к безвинному населению. Я никогда не забуду в том, как немецкие подлецы избили несколько раз моего отца за то, что мой отец прочитал листовку, брошенную нашими самолетами. Я не забуду, когда немцы вязали руки, угрожали смертью ей за то, что она била комсомолкой. Я не могу забыть того время, когда 1943 г. [44 г., последняя цифра исправлена на «3» синими чернилами] румыны расстреляли 450 человек за то, что партизаны были найдены и закрыты в подвал, где над ими издевались. Но партизаны, не жалев своей жизни, убили часового, где вышли из подвала, убили еще одного солдата и офицера, за которых и расстреляли 450 человек. Были и люди без виные. Я этого подлого злодеяния не могу забыть, в моем сердце горит ненависть к немецким мерзавцам. И я, вступивши в ряды Р.К.К.А., клянусь бить немцев бес пощады до полного их разгрома. И по приказу т. Сталина добьем немецкого зверя в его логове.

Я не забуду и буду мстить немецким подльцам за их подлые злодеяния, и придет время мы придем на немецкую землю, отомстим им за слезы наших жен, матерей, отцов и детей.

Красноарм[еец] писал г.р. Прокопец Я.С.

6 декабря 1944 г., красноармеец Справчиков

1941 г. 21 сентября [справка... — зачеркнуто] я попал к немцам в лапы на территории Полтавской обл. в г. Кременчуге и был я в конц-лагери [слово зачеркнуто], и я на своих глазах видел и также на своей шкуре переживал.

[Строка зачеркнута.]

Лично я сам стоял в очереди за качинами кукурузы, которую нам давали наш народ, женщины. И я не успел дождаться, как я получил от фрица дрючки, от которого я был несколько время беспамятен, и много я на своих глазах видел фактов.

Один из наших товарищей взял с окна небольшую палку, за которую его немец повернул к стене и расстрелял. И ежедневно они находили из наших тов. виновных 15—20 человек, которых до белья раздевали и становили к стене и били дрючками по спине, а по рукам плетями.

Это происходило и ежедневно, но за мертвых я не буду говорить, сколько их было, потому что не успевали убирать.

С лагеря их вывозили на лошадях и сваливали в ямы.

Тов., что я видел на своих глазах, зверства немцев, то бы я рад был, если бы не приснились во сне.

Подпись.

Написал Справчиков

Без даты, Николай Хмелев

Нет конца ненависти...

Отморозив обе ноги, беспомощный я попал в плен гитлеровским захватчикам. Они меня раздели: сняли шапку, шинель, валенки и заперли в холодный сарай без крыш, через 2 суток дали 100 гр. хлеба и стакан баланды из прелого проса. 20 дней в руки фашистских гадов мне казалось дольше чем 20 лет. Фашисты разными способами издевались над военнопленными. Больных, раненых, изнуренных, они заставляли петь «Катюшу», в случае отказа расстреливали. Евреев заставляли прыгать на проволочное заграждение и, выстроив весь лагерь, каждый день расстреливали их по 50—60 человек, а потом распускали; в толпу голодных военнопленных кидали куски вонючей конины и по собравшимся открывали огонь из автоматов. Сколько издевательства я перенес за 20 дней! Но я знаю, кто надо мной издевался. Приду в фашистское логово — расплачусь с издевателями.

Ефрейтор Николай Хмелев

Ах, как здесь жизнь хороша!

»СЫТ, ПЬЯН И НОС В ТАБАЧКЕ.»

Товарищи красноармейцы. К вам, которые страдают от стужи и голода, которые еще терпят брань политруков, обращаемся, мы, ваши товарищи с добрым советом.

Вас ждет верная смерть или от мороза, либо от меткого огня финнов.

Бейте наших дьяволов политруков. Забрасывайте винтовки за спину дулом вниз и валите к финским линиям подняв руки вверх. Сдавайтесь — спасайте вашу жизнь.

Знаете товарищи, что жизнь в финском лагере для военнопленных в тыщу раз лучше нашей фронтовой. Лучше чем жизнь наших политруков, которую они себе устраивают, обворовывая нас красноармейцев.

У нас здесь тепло. Хорошая вкусная еда и хорошо проходят вечера в дружеской болтовне, пении и слушании радио.

Товарищи, мы вас ждем сюда в нашу веселую компанию.

Финская листовка периода Зимней войны (1939—1940).
Из коллекции Библиотеки Хельсинского университета

IX. ВОЕННО-ПЛЕННЫЕ

...если каждый из нас, военнопленных, честно исполнил свой долг до конца, бился до последней возможности и все-таки попал в плен, то совесть его может быть относительно спокойна, так же как он может быть спокоен и в смысле ответственности при возвращении на родину и не должен верить тем нелепым слухам, которые пускают наши уже нечестные враги, враги внутренние и, к сожалению, наши русские, что всех пленных по возвращении в Россию расстреляют.

Из письма С.Н., военнопленного Первой мировой войны, в газету «Русский вестник», 1916 г.

Андрий Заярнюк

АНТРОПОЛОГИ ПОНЕВОЛЕ: ПЛЕН КАК ГРАНИЦА КУЛЬТУР

Расхожая истина говорит, что в XX в. условия плена, отношение к пленным разительно отличались от войны к войне. Относительно скрупулезное, в меру возможностей, соблюдение Гаагской конвенции в Русско-японской и Первой мировой войне выглядит как полная противоположность массовым убийствам и издевательствам над военнопленными, особенно советскими, во время Второй мировой войны. В то же время войны, особенно локальные, часто вписываются в более длинную историю конфликтов межгрупповых конфликтов. В таких случаях плен часто становится частью этнического стереотипа, формируя как представления, так и ожидания. Так, в массовом сознании и популярной культуре Чеченские войны конца XX в. стали продолжением Кавказских войн XIX в., с «Кавказским пленником» как вечно актуальной метафорой.

Представленные в этом разделе письма пленных ценны тем, что помогают избежать как стереотипов исторического сознания, ценящих уникальность и непреходящесть событий, так и этнических стереотипов, связанных с представлениями о чужих культурах и их отношением к войнам и пленным. В этих письмах — вербализация опыта плена самими пленными. Описывая свою жизнь, спрашивая, обращаясь за помощью и предлагая, сами пленные наделяют плен своими, часто неожиданными, смыслами.

Семантически, для тех, кто никогда в плену не был, плен — это прежде всего неволя, в тяжелых условиях, в чуждой и враждебной среде. Интересно, что на самом деле проблема свободы и неволи как таковых в представленных в этом разделе письмах отсутствует. Потеря свободы во многих отношениях была относительной. Жизнь солдата и офицера действующей армии определялась жесткими рамками уставов и приказов, модель поведения диктовалась военной необходимостью. Парадоксально, но по сравнению с жизнью в походных частях на театре боевых действий плен часто давал человеку больше контроля над своим телом и передвижением.

Письма подчеркивают, что плен начинается с неизвестности. Причем неизвестность мучила не только и не столько самих пленных, сколько их родных и близких. Пленные часто числились пропавшими без вести, ни командиры, ни боевые товарищи не знали ничего определенного об их судьбе. Поэтому первые письма пленных почти всегда представляют собой уведомление о самом факте плена. В ответ на острую потребность пленных сообщить о себе и чтобы облегчить задачу цензорам, во время Первой мировой войны, когда плен стал явлением массовым, появились стандартные заготовленные наперед бланки, с уведомлением про сам факт плена и здоровье плененного. На них предлагалось

несколько вариантов, и пленный просто подчеркивал нужный вариант — пленен и здоров, пленен и ранен, в плену и тяжело ранен. Даже в конце XX в. военнопленные в первую очередь сообщают ту же базовую информацию (см. письмо Александра Копшева матери, 05.05.1996). В большинстве случаев пленные отделены от своих линией фронта, поэтому дорога для писем стает долгой и трудной — через Красный Крест и нейтральные страны, в случае отсутствия четкой линии фронта — через знакомых и случайных людей. Но были и исключения. Самое массовое исключение — множество советских солдат и офицеров захваченных в плен в 1941—1942 гг. одновременно с захватом огромной густонаселенной территории, на которой многие из них были призваны.

Плен радикально менял среду обитания солдата. Условия плена отличались от войны к войне, зависели от того, к какой категории принадлежал военнопленный. Бывшему солдату эти условия не обязательно казались тяжелыми, а окружение — враждебным, хотя во всех войнах XX в. пропагандистская машина государства работала на то, чтобы представить плен невыносимым и заставить солдат и офицеров любой ценой избегать сдачи в плен. Тем не менее почти всегда солдат в плену сталкивался с новым, незнакомым ему обществом. Чуждость новой среды могла воздействовать на него угнетающе, но в то же время создавала условия для контакта и изучения. С незапамятных времен плен часто являлся единственной возможностью попадания в закрытую при других условиях культуру и исследования ее изнутри. Поэтому плен часто служил оказией и стимулом для создания этнографических описаний. Письма в этом разделе показывают, что в эту роль — антрополога поневоле — входили очень многие пленные, с образованием и без него. Они смотрели на свое новое окружение как на объект достойный изучения, пробовали его понять. На прагматическом уровне антропологическое понимание новой среды помогало пленным выжить, выработать оптимальную тактику поведения. В то же время тесный контакт с обществом противника мог привести к ломке стереотипов и своеобразной регуманизации «врага», который превращался в «братьев во Христе» и «добрых соседей» (письмо русских пленных, 01.01.1916). Другие же оправдывали свой интерес к чужой культуре возможностью принести пользу «своей», сознательно готовились к тому, чтобы в будущем поделиться своими наблюдениями и выводами, обращали внимания на организацию общества и труда, технические новшества, которые пригодятся дома (письмо М.М., без даты). Этнография врага превращалась в возможность принести пользу своему обществу, даже находясь в плену.

В представленных здесь письмах чрезвычайно важно ощущение некой пользы и цели собственного существования. Поскольку плен сопровождался вынужденным бездействием, возникало ощущение бесполезности и тщеты существования («тоска-печаль» и «отчаяние», которое может кончиться «сумасшествием», из письма штабс-капитана Булгакова). Еще одним массовым ответом на это была самоорганизация, попытки создания функционирующего гражданского общества в среде военнопленных. В ситуациях, где это оказывалось возможным, создавались кружки, клубы и курсы, газеты-однодневки, писались и обсуждались тексты. Рукописный журнал русских военнопленных в Хомадере в Японии «Друг» является хорошим примером такой самоорганизации пленных, а опубликованное там

письмо описывает как причины, так и формы такой самоорганизации (письмо неизвестного автора, июль 1905 г.).

Кроме того, вынужденная изоляция от «своего» общества, потеря привычного круга общения часто провоцировала самоанализ, разного рода рефлексии над своей судьбой, судьбами мира и смыслом жизни (письмо неизвестного автора, июль 1905 г.). Плен создавал условия не только для освоения новых навыков и умений, расширения кругозора, но и для трансформации личности, смены идентичности, обращения в новую политическую веру (письмо штабс-капитана Булгакова бывшему сослуживцу, июль 1905 г.). Возрастающая идеологизация войн в XX в. политизировала плен. Лояльность пленных ставилась под сомнение не только потому, что они позволили захватить себя в плен, но и потому, что в плену они перебывали под влиянием вражеской пропаганды и соприкасались с вражеским образом жизни. Попытки как-то примирить свой опыт плена с возможными обвинениями в измене видим уже в письмах Первой мировой (письмо С.Н., без даты). Та же тема звучит и в письмах конца XX в. (письмо Владимира Бараненко домой, 1996 г.). Апогеем идеологизации плена был, наверное, известный Сталинский приказ № 270 от 16 августа 1941 г., а позже — фильтрация освобожденных советских военнопленных.

Государственная политика и настроение общества влияли на отношение к плену самих военнопленных, но они часто входили в конфликт с другими их лояльностями и привязанностями. В письмах часто возникает тема долга, не только перед государством, а в первую очередь — перед «своими» (письмо неизвестного автора в редакцию, июнь—июль 1905 г.). Военнопленные нередко завязывали хорошие отношения с теми представителями «врага», с которыми они вместе работали и общались. Рождались личные симпатии и отношения, которые могли входить в конфликт с лояльностью к государству и «своему» обществу. Понимание других, умение видеть в них в первую очередь людей, придают многим письмам военнопленных сильный гуманистический тон, резко контрастирующий с официальной пропагандой того времени.

Важное место в письмах военнопленных занимает работа. Гаагская конвенция предусматривала возможность привлечения военнопленных к работам, в таких же условиях, как и местных рабочих, за плату, при условии, что работа не нанесет вреда своему государству. Офицеры могли привлекаться к работе только с их согласия. Многие военные приветствовали работу как спасение от тоски и отчаяния, вызванных изоляцией и вынужденным бездельем. Работа в сносных условиях приносила удовлетворение и радость (письмо С.Г.П., без даты). Она позволяла почувствовать свою востребованность, сопровождалась общением, означала выезд за границы лагеря. Работающие военнопленные более тесно соприкасались с обществом, в которое попали, имели больше возможностей изучить его и наладить коммуникационные каналы. Хотя, конечно, не стоит забывать, что труд мог превратиться в каторгу, а военнопленные — в рабскую дармовую рабочую силу, содержащуюся в ужасных условиях.

Самым тяжелым было положение раненых военнопленных. Смертность среди раненых военнопленных уже в Первую мировую была намного выше смертности среди обычных раненых. Гражданские наблюдатели выделяли ра-

неных и больных в особенную, наиболее уязвимую категорию военнопленных. Помимо физической боли, раненые и больные военнопленные страдали от недостаточного ухода, двойной изоляции — не только плена, но и госпиталя, потери контроля над своим телом. Не случайно военнопленные боялись болезни и попадания в лазарет (письмо Алексея П., без даты). Раненые больше других категорий военнопленных обращают внимание на сострадание или его отсутствие. В отличие от здоровых собратьев по несчастью они не работали, их пространственная мобильность и круг общения были значительно уже. К неизвестности, которая мучила всех военнопленных, добавлялись сомнения насчет своего выздоровления и ощущение физической неполноценности. К обычной в случае пленных неопределенности, вызванной отсутствием постоянного и надежного сообщения с внешним миром, добавлялась неопределенность совсем другого типа — балансирование между жизнью и смертью. Выжившие, даже лежачие, с тяжелыми незажившими ранениями, считали, что «самое тяжелое пережил» (письмо Михаила Масарновского домой из плена, 1942 г.).

Раненые и больные особо нуждались в лучшем питании и при распределении продуктов, получаемых извне, как правило, имели приоритет. Как и гражданское население, в двух затяжных мировых войнах военнопленные страдали от нехватки продуктов. В письмах с просьбами о помощи пленные просят продукты или деньги, на которые их можно бы было купить. В свою очередь, благотворительные организации, опекающие пленных, высылают им тоже главным образом продукты (письма из австро-венгерских и немецких лагерей для военнопленных, 1917 г.).

В раздел также включены и письма гражданских вывезенных на принудительные работы во время Второй мировой войны. Хотя эти люди и не являлись военнопленными в строгом правовом значении этого термина, их опыт был сродни опыту плененных военных. Гражданское население привлекалось к работам по месту жительства и насильно уводилось в глубь территории, чтобы не достаться врагу или по политическим мотивам, уже в Первую мировую. Во Второй мировой войне уже имеем дело с гражданским населением из оккупированной территории, принудительно вывезенным для работы вдали от родины. Как и в случае с военнопленными, условия гражданских пленников войны очень различались, зависели от категории вывезенной рабочей силы, места пребывания, конкретного предприятия. Условия эти тоже менялись со временем, в зависимости от обстановки на фронтах и в тылу (письмо Анны Грищенко семье, 18.02.1943). Тон и темы их писем очень схожи с письмами военнопленных. У них те же проблемы со временем, которое «течет муторно» (письмо спецпереселенца Вильгельма Кромера от 29.07.1942), они волнуются за свое здоровье, ищут пропитание, изучают незнакомую среду и иногда находят понимание и сочувствие. Как и классические военнопленные, принудительно вывезенные рабочие организуются, стараются наладить какую-то общественную жизнь (письмо Моти Наточий Ульяне Камянской, 01.03.1944). Пожалуй, самое большое отличие писем гражданских невольников от писем военнопленных — отсутствие тем измены, конфликтующих лояльностей и идеологических установок. В отличие от военных гражданские не были связаны присягой, братством по оружию, не были

частью силового механизма государства, не были обязаны, а часто и не могли сопротивляться государственной машине, захватившей их.

Как и остальные военные письма, письма этого раздела нельзя рассматривать как беспроблемный указатель индивидуального опыта. Письма писались с учетом существующих цензурных ограничений, составлялись к конкретному адресату. Письма к товарищам по несчастью отличаются от писем родственникам, а те, в свою очередь, от писем благотворительным организациям. Некоторые из писем выполняли ограниченную коммуникационную функцию, большинство все же являются сложными текстами, с помощью которых опыт сознательно кодировался в текстуальную форму. Представленные здесь письма можно рассматривать и как стратегии, с помощью которых пленные справлялись со своей непростой ситуацией, старались наделить жизнь в плену смыслами, сделать ее полнее. В этом их уникальность как источника по истории плена в войнах XX в.

А.Ф. Пахомов. «Пленные (Они вошли в город). Ленинград, 1943 год». Автолитография, 1943 г

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ХАМАДЕРА: «Я ДУМАЮ, ВАМ СКУЧНО ЖИТЬ В НЕВОЛЕ, ДА И ВРЕДНО» (1905)

Японский город Сакаи в префектуре Осака был местом, где в годы Русско-японской войны располагался лагерь русских военнопленных Хамадера. Ниже приводятся письма из рукописной газеты «Друг», выпускавшейся в лагере.

Июнь–июль 1905 г., неизвестный автор

М. Г., г. Редактор!

Покорнейше прошу Вас поместить в Вашей уважаемой газете нижеследующее:

Все мы товарищи погибших в боях в П. Артуре! Мы все дрались с неприятелем в защиту своего дорогого для нас Отечества; поэтому приятно бы устроить, здесь в плену, поминки и помолиться Богу за почивших в боях храбрых товарищей; погибших на море и на суше. Подобная вещь вполне достойна своей цели. Это будет праздник для всех нас, находящихся в плену. Надеюсь, что найдется много добрых сердец, которые согласятся на это доброе дело.

Июль 1905 г., неизвестный автор

Анонимное письмо

Товарищам по плену

Долго приглядываясь к своей жизни и разбираясь в своих поступках, я пришел к убеждению: что, за всю свою жизнь я не сделал ничего хорошего не только для ближняго, но даже и для себя. За всю жизнь я не постарался ни разу разсмотреть свой характер, чтобы выбросить через него ненужные элементы, которых накоплялось все больше и больше. Теперь же, когда я разсмотрел его, то увидал: что он совсем не так красив, как казался мне прежде. Долго я не видел пользы для себя в трудах на пользу благосостояния общества. Жилось бы мне хорошо, а общество — пусть живет себе как жило бы и без меня. Так говорил я, так говорили и говорят многие. А правы ли мы, говоря это? Конечно, нет! Ведь если нас удалить от общества, к характеру и быту которого мы привыкли, живя в его среде? То мы начинаем чувствовать какую-то неловкость, неполноту жизни! Нас начинает глодать тоска-печаль! Мы впадаем в меланхолию, которая переходит в отчаяние, а отчаяние не редко кончается сумасшествием. А почему это? Потому что мы безсознательно слились с этим обществом, оно стало для нас близким, родным. Но почему же тогда не поработать на пользу этого общества? И тогда жизнь наша будет гораздо полнее. «Один за всех и все за одного», — говорит русская пословица.

«Живи для людей, поживут люди и для тебя», — т.е. мы будем жить для общества, общество — для нас и тогда мы увидим всю безсодержательность теперешних наших взглядов на жизнь.

«Русские военнопленные».
В лондонском издании 1905 г. эта иллюстрация сопровождалась такой подписью:
«На этой впечатляющей картине изображена группа военнопленных казаков под охраной взявших их в плен маленьких японцев. Стремление японцев во всем выглядеть по-западному было очень заметно в их заботе о пленных, и благодарность русских военнопленных за доброе отношение была беспредельной.»
(Cassell's history of the Russo-Japanese war. Vol. V. London: Cassel & Co., 1905.)

Не худо бы, друзья, было основать у нас кружок, назвав его: ну, хотя... «Товарищеский кружок пленных 4-го двора в Хомадерах». У нас существует школа, то-

варищеская библиотека, церковь и даже газета, есть много людей, которые, лежа в бараках на циновках, разсуждают, что не худо бы было сблизиться с обществом сотоварищей по плену, завести побольше знакомых; хорошо бы побеседовать в кружке близких товарищей, вспомянуть старое, посудить о настоящих делах. Но как завести этих близких товарищей? Ведь не навязываться же к человеку в друзья, так просто, с бухты-барахты.

Вот тут бы и сослужил свою службу кружок. Явился какой вопрос о церкви, школе или просто общественный, в собрании кружка его можно обсудить, решить и не будет у нас недоразумений, подобных произошедшему недавно по поводу церковных денег.

Газета также должна примкнуть к составу кружка, в ней могут помещаться всякого рода отчеты — церковные, школьные и т.п. Я думаю, для многих из нас не будет тяжело сделать взнос в 15 или 20 коп. в месяц для поддержания кружка и газеты. И если нас наберется человек 50, да к ним присоединятся теперешние Г. г. подписчики (15 чел.), то (считая взнос по 22 коп.) у нас получится сумма около 13 руб. За эти деньги издатель газеты может приобрести гектограф «Циклостиль», такой же, как у кружка «Сионистов» в 42 бар.[аке], и газета будет выходить в лучшем нежели теперь виде. Редакция газеты должна будет представлять месячные отчеты о приходах и расходах по изданию газеты.

Но не одним этим может служить кружок для нашего общества; он может сплотить, объединить нас всех, может уничтожить разного рода распри и раздоры.

Записаться в члены «Товарищеского кружка пленных 4-го двора в Хомадерах» можно в редакции «Друга» в 26-м бараке; взносы не требуются, пока кружок не будет иметь 25 человек и тогда же можно выбрать старшин и председателя кружка.

Июль 1905 г., штабс-капитан Булгаков — бывшему сослуживцу

[Одному нижнему чину]

Здравствуй, Табаев!

Наконец-то ты отозвался! Как ты поживаешь? Как твои уши, перебитые офицером русской службы? Ты ничего не пишешь о своем здоровье. Вообще вы, жители Хомадера, очень скупы на письма и я за все время получил только 4 письма из Хомадера, а из Химеджиме (Химэдзи. — *Прим. Е. Гончаровой*) мне пишут часто. Или среди вас такая лень, или, может быть, т.к. Вас там много, всякая переписка затрудняет канцелярию. Во всяком случае, мне очень обидно. О тебе же я думаю. Да как и не думать? Ведь с тобой связаны все мои воспоминания о третьем Форте. Я очень благодарен тебе за твою геройскую службу, но, к несчастью, как ты сам знаешь, все мои представления тебя к награде не привели к желаемому. Я думаю, вам скучно жить в неволе, да и вредно. Вредно оттого, что праздная жизнь никому пользы не приносит, хотя люди все жаждут праздности. Но у нас жизнь так идет на выворот, что мы как угорелые, не то делаем, не то говорим и не то желаем, что надо. Отчего это? От нашей беспросветной темноты. Мы русские и те, кто голодают в дымных избах и те, кто сверху донизу в золоте ходят. Все мы темны. Правды мы не хотим, не любим ее, гоним ее от

себя! И вот изголодались до последней степени. Душно и тесно жить русским людям и темнота кругом. Сильный, богатый жмет, давит бедного, кровь его пьет, и мясо его разрывает на куски. А бедный от темноты своей и оттого, что связан, сжат, он сам помогает богатому и сильному морить себя и своих братьев. Грустно это, грустно, печально, но это так; и оттого многомиллионная, многоземельная, способная русская нация мало чем отличается от дикарей и, побитая теперь, унижена до последней степени. Ах, русские люди! Больно за вас, больно за себя, учиться надо, надо читать, надо правды искать!!! Читайте, думайте, рассуждайте, слова свои не глотайте, а говорите, чтобы и другие знали, и тогда о вас и другие заговорят, и безмолвное тупое стадо... станет людьми. Да! Надо стать людьми. Хуже всех народов стали мы — русские! Да за что же это? Без толку, без пользы на одно посмеяние, на одну обиду. Довольно это, братья! Пора проснуться! Пора сказать себе: что все мы созданы по образу и по подобию Божию, а люди сделали нас по образу и подобию скотов безсовестных, по образу и подобию вьючных животных. Бьют нас, плюют на нас, за что? За нашу темноту?.. Да темнота наша не от нас, ее навязывают нам те, кому выгодно это.

Просветимся же! Читайте, думайте, рассуждайте, правды ищите! Час добрый! Будьте людьми, час добрый!

Целую вас всех, мои русские страдальцы.

Штабс-Капитан П. Булгаков

РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: «ДЛЯ НАС В ГЕРМАНИИ НЕ БЫЛО СИБИРИ» (1915—1916)

Ниже приведены письма российских военнопленных из Германии в годы Первой мировой войны. Биографической информации об авторах писем, к сожалению, установить не удалось.

Без даты

Товарищи, русские военнопленные! Хочу высказать свое мнение относительно русских пленных, больных, находящихся в германских лазаретах на излечении, об отношении к ним г.г. докторов, сестер милосердия и служителей. Второй уж год, как я нахожусь в плену, первое время был в лагере, потом переведен, а остальное время, т.е. один год, находился на работе. Слышал от своих товарищей нелестные отзывы о тех лазаретах, где говорят, что плохо кормят, другие — плохо лечат, третьи — плохо относятся. Это на меня действовало печально, я всегда смотрел на германцев как на нацию, просвещенную более других, и вдруг такое плохое отношение к больным пленным. Когда приходилось быть самому больным, я всегда опасался попасть в лазарет; но все-таки не мог этого избегнуть, и вот нахожусь в настоящее время в одном из них в г. Б. Заболел я на работе, два дня пролежал в отведенной комнате, но все-таки пришлось обратиться к доктору, который признал болезнь серьезной, подлежащей лечению в лазарете. Конечно, я протестовал и хотел лечиться по рецепту на работе за свой счет, но мне было отказано. Надо было смириться, хотя мне сильно не хотелось в лазарет, зная от товарищей, что там очень плохо; а вместе с тем хотелось убедиться, верны ли те слухи.

Отправляюсь. Приезжаем в г. Б. в один лазарет: не приняли, что-то поговорили с конвойным и мы пошли. Дорогой спрашиваю: куда пойдем? Отвечает: в другой, тут нет мест. Конечно, первая мысль моя, что не хотят русских лечить, а не сообразил, что время военное, много раненых. Приходим в другой, в приемную. Спрашивают: чем болен? Начали записывать, значит, приняли. Повели в палату, выдали все принадлежности, как белье, так и посуду, все чистое; сходил в ванную, переоделся и иду на свое место. Здороваюсь с больными; отвечают все дружно с улыбкой. Ложусь; тут же подходит один ко мне, спрашивает, не хочу ли я кушать или подожду обеда. Конечно, я поблагодарил и сказал, что я сыт. Оказалось, что тут больные все германцы. Через несколько времени приносят больным обед, тот же больной подходит, берет мою миску и наливает полную супу. Я благодарю и говорю: на меня сегодня нет; отвечает: хватит всем. В 4 часа приходит доктор, обходит всех больных, подходит и ко мне, очень вежливо и ласково спрашивает, чем болен, когда заболел, раньше не болел ли; потом все

выслушал, прощупал живот и передал сестре, что нужно делать, все так тихо и вежливо; по уходе доктора подходит ко мне сестра и передает, что я должен лежать, на ночь она положит компресс, а утром получу капли и порошки. В 6 часов ужин; накормила сестра, выдала всем лекарства, положила мне компресс, простилась и ушла. Просыпаюсь — утро, больные уже встают. Принесли кофе, хлеб и масло. Получаю 3 белые булки и ½ фунта черного хлеба, кружку кофе, а если хочу и вторую. Приходит сестра, проверяет температуру и пульс, раздает лекарство. Я получаю капли и порошки, как и все. В 9 часов приходит доктор; спрашивает как спал, есть ли аппетит, вторично выслушивает, передает сестре и уходит, и все так же ласково, как будто я и не пленный. В 10 часов получаем молочную рисовую кашу и кружку молока, в 11 часов картофельное пюре и одно яйцо; мяса мне нет, потому что у меня болезнь желудка. В 12 часов обед: великолепный суп; в 4 часа кофе, в 6 ужин: суп и некоторым, кто здоров желудком, сыр, масло и кусок черного хлеба. Лекарство 3 раза в день. Одним словом, как германцам, так и нам. Лежат также и сербы и всем одинаково. Так вот, товарищи, значит слухи были ложны; я теперь лично убедился во всем. Во-первых, доктора обращаются вежливо, лечат так же, как и своих, нисколько не отличая, все германцы, находящиеся в лазарете, относятся как лучшие товарищи, сестра, я только могу сказать: милая сестра, она к русским больным также вежлива и ласкова как к своим; я ей как пленный воздаю самую сердечную благодарность за отношение к нам. Товарищи, я думаю, что всюду в Германии порядок один. Я допускаю, что там, где хуже; но почему, это надо выяснить.

Привожу несколько слов, мною слышанных от одного товарища, лежавшего в лагерном лазарете: там весь нижний персонал из русских пленных: как то: фельдшера, переводчики и служители; от них то все это и зависит. Германский доктор прописывает диету, значит, она должна быть полностью, а тут выходит, что больной не получает сполна: а почему? Да потому что ее приносит русский служитель; он дает гораздо меньше, чем полагается, а оставляет большую часть себе и своим сослуживцам. Также поступают фельдшера и переводчики, а потом продают тем же больным, у кого есть деньги, или наливают тому больше; а у кого денег нет, тот лежи голодный; а не продаст, так выльет в помойную яму.

Товарищи! Нельзя отзываться так плохо, не проверя, точно ли оно так; выходит, что мы сами виноваты. Да, ведь это у нас всосано с молоком матери: я сыт, а ты как знаешь! Во всем у нас проглядывает наша непросвещенность, нам надо как можно больше учиться, как нужно жить; а у кого? Да у тех же германцев. А тем, которые приставлены исполнять служебные обязанности при лазаретах, как то: фельдшера, переводчики и служители, должны хорошенько подумать о своих поступках, хорошо ли они делают или худо, обижая своих товарищей, таких же пленных, как и сами, и в то же время обвиняя целую нацию.

Алексей П., в-пл.

1 января 1916 г.

Мы, русские пленные, в числе 450 человек, находимся на работе в шахтах. Сегодня 1 января 1916 года, 19 декабря 1915 г., хотя у нас и не праздник, но мы все-таки освобождены от работы и в два часа дня нас посетил местный пастор

с хором певчих, состоящий из женского и мужского пола. Отцом пастырем были нам сказаны поучительные слова, а хором были пропеты хвалебные песни ко Христу, которые тронули до глубины души, так что даже у многих из нас появились слезы на глазах, за что я от имени своего и моих товарищей приношу глубокую благодарность местному пастору с хором, его, с пожеланием им всего лучшего на жизненном пути, и дай Бог, чтобы и у нас в России нашлось побольше таких людей, как упоминаемый пастор с хором и чтобы они тоже своим посещением облегчили горькую участь пленных, как и мы, находящихся у нас в России, лишенных родной страны, родной семьи и даже свободы, и за что же?

Пробывши полгода на работе, я увидел, что мирное население относится к нам, не как к врагам своим, а как к людям обиженным судьбой и заброшенным в чужую страну, а поэтому по возвращении из плена я и многие из нас скажут, что мы дрались не с врагами, а с родными братьями по Христу и с добрыми соседями.

Кроме упомянутых лиц еще приносим великую благодарность местному доктору и фельдшеру из конвойных, которые тоже немало хлопочут о нашем здоровье, и за все время нашего пребывания на работе ни одному из нас не было отказано в помощи при болезнях и ушибах на работе.

Е.А.

Без даты

Уважаемой редакции газеты «Русск. Вестник» шлю свой привет и желаю от всей души процветания на пользу моих братьев. Это есть одно из благороднейших учреждений Германии на пользу своих врагов побежденных. Мы много слышали о зверствах германцев, об их зловредных действиях, об их грубом обращении с пленными. Но мы, братцы, видим тут и все знаем, знаем, что это неправда. Нет, и тысячу раз нет! Мы отлично видим все, что они для нас делают. Русские делают ли для германцев-пленных то, что делают германцы для нас? Мы видим, что мы находимся в чистых и теплых бараках, всюду чистота и опрятность, гарантирующая нас в отношении гигиены: начальство старается, чтобы нам было как можно лучше. Мы вернемся в Россию и снимем маску с людей, которые обманывают теперь публику, и скажем, что для нас в Германии не было Сибири. Эти люди говорят, что германцы злопамятны, а мы видим как раз наоборот: в России стараются, чтобы германцы не были в обществе, так сказать, не разговаривали бы между собою. Для нас в Германии издана газета, устроена посредническая контора для переписки между собою. Разве это не культурное учреждение, разве это злопамятство германцев? И какая ложь! Миллионы людей обманываются, представляя себе германцев как зверей, не имеющих ни жалости, ни сострадания, но мы, товарищи и братья, видим, что это неправда, и должны в один голос запротестовать, ибо ложь эта груба слишком, германцы делают все, что можно, для нас, и без конца готовы помочь нам. И от души желаю процветания в Германии всем учреждениям для военнопленных в общем и газете в частности.

С.П.

Без даты

Тяжело русскому солдату в германском плену. Тяжело не потому, что его мучают, или изнуряют непосильной работой, или насмехаются над ним, или его мучает совесть, что он сдался в плен врагу. Ни первого, ни второго, ни третьего нельзя сказать, а в плен он попался, по крайней мере большинство, в честном бою с сильным врагом. Не всякий плен есть позор, и даже Император Александр II, когда многочисленным врагам сдали Севастополь, сказал: «И для героев есть невозможное», а французский император Наполеон, затеявший против нас Севастопольскую кампанию и выигравший ее, сказал: «В этой войне не было ни побежденных, ни победителей». Конечно, плен нежелателен, тяжело, досадно и стыдно сдаваться в плен, но если ты исполнил долг солдата до конца, бился до последней возможности, то родина простит тебя, а осудит только тот, кто не был на войне, не видал ее ужасов и не знает условий, которые создала теперь военная техника.

Известный германский фельдмаршал Мольтке сказал, что война облагораживает человека, и это до некоторой степени справедливо. Воинский бой порождает презрение к смерти, развивает в человеке бескорыстие, самоотвержение, товарищеский дух, и человек, побывавший на войне, справедливо может гордиться этим.

Конечно, война нежелательна, противна духу христианской религии, но если она происходит, то и это Божья воля.

Так должен смотреть на нее всякий верующий человек, честно исполнять принятые на себя в этой войне обязанности.

И вот, если каждый из нас военнопленных честно исполнил свой долг до конца, бился до последней возможности и все-таки попал в плен, то совесть его может быть относительно спокойна, так же как он может быть спокоен и в смысле ответственности при возвращении на родину и не должен верить тем нелепым слухам, которые пускают наши уже нечестные враги, враги внутренние и, к сожалению, наши русские, что всех пленных по возвращении в Россию расстреляют.

Итак, с этой стороны мы в плену можем быть спокойны, однако на душе тяжело и невесело. Тяжело потому, что нам мало известно, что и как война, что делается в России, живы ли и здоровы близкие нам родные и дорогие люди, все ли благополучно в семье и вообще дома? Тяготит сознание, что мы далеко от родины, от семьи и без пользы для себя, для семьи, для общества и для особенно теперь, дорогой России, целые месяцы живем в чужой нам стране. Но так ли это? Вдумываясь в последний вопрос, невольно вкрадывается сомнение, и нам кажется, что ниспосланное нам Провидением испытание может принести пользу и нам лично и нашей семье — и даже родине. Прежде всего у нас масса свободного времени, чтоб оглянуться на самих себя, посмотреть внутрь себя.

И если мы действительно внимательно и глубоко проникаем в собственную душу, то уже, несомненно, получится польза для нас самих, ибо мы увидим, что сердца наши заросли корой и сами мы зачерствели и загрубели и почти озверели. Ропот на Бога, взаимное озлобление, неуважение к чужой собственности и личности, площадная ругань, забвение всего святого, дорогого нам, неуважение даже

к самим себе — вот что мы увидим внутри себя. А если мы увидим и сознаем это в себе, то мы уже на правильном пути к нравственному исправлению. А много есть такого, в чем следует нам исправиться, а от многого и избавиться. Много поможет нам в этом мысль о семье. Подумайте о своих женах, детях, родителях. Как они думают о вас, ждут вас, и внутри у вас должен зародиться тот мир Божий, который успокоит ваши мятущиеся души, примирит вас с окружающей обстановкой, с людьми и даже с самими вами. Читайте Евангелие, как и делали многие из вас, не раздражайтесь и не озлобляйтесь на окружающих, и постепенно вы перевоспитаете себя духовно и явитесь домой добрыми отцами и мужьями, какими вы были и раньше, и «Слово Божье», которое вы читали в плену в Евангелии, будет по тому же Священному Писанию «внутри вас». Подумать об этом и взяться за свое перевоспитание; у вас в плену много свободного времени, тем более что у вас к тому нет препятствий в виде необходимых забот о семье, неизбежных семейных дрязг, служебных неудач и т.д. Если вы сделаете так, то это будет уже первая польза плена для вас лично.

Затем вы, живя в чужой стране, среди чужих вам людей, где иные чем у нас, нравы, обычаи и культура, можете присматриваться и заимствовать, особенно будучи на работах, многое такое, чего у нас нет и что может быть для нас хорошо и полезно и применимо на родине.

И вот вы в мирной обстановке, работая в поле, на заводе или на фабрике, рука об руку с германцами, куря, быть может, общую трубку табаку или чокаясь с ними кружкой пива, можете и даже должны внимательно присматриваться к тем чудесам германской техники, которая, примененная к военному делу, была, быть может, виновницей того, что мы очутились в плену. Русский император Петр Великий, победив шведов после 23 лет упорной борьбы, не постеснялся в присутствии пленных врагов пить за их здоровье, как своих учителей. Так и нам, пленным, не стыдно учиться у германцев тому, что делает их храбрыми, сильными и упорными врагами. Это их патриотизм, железная дисциплина и техника. Пусть их патриотизму и дисциплине учатся наши боевые товарищи на ратном поле, а мы военнопленные, лишенные этого высокого права, имеем полную возможность изучать их высокоразвитую технику с тем, чтобы потом применять в мирном развитии своей страны. И изучать ее не только наше право, но и святая обязанность, вытекающая даже из нашего солдатского долга, быть полезным родине и без оружия.

В России есть земледельческое общество «Русское Зерно», которое на свой счет ежегодно посылает в Германию и Данию десятки русских крестьян с тем, чтобы они, изучив в этих странах земледельческую культуру, применяли ее и в России.

Этих заграничных командировок жаждут сотни и тысячи русских крестьян. И вот нам, военнопленным, живущим в Германии, в количестве многих десятков тысяч, а может быть и сотни и больше тысяч, большинство которых земледельцы, предстоит воспользоваться тем, о чем в мирное время только мечтают тысячи русских земледельцев. И вот мы, приобретя в этом направлении богатый опыт и возвратясь на родину, можем принести большую и несомненную пользу и себе самим и обществу.

Это будет вторая польза и себе самим и родине.

Наконец, живя в Германии в плену, мы твердым перенесением ниспосланного нам испытания, своим поведением, отношением к своим сотоварищам, честностью и добросовестностью должны и в мирном положении приобрести у германцев то уважение, которое несомненно приобретено нами на полях битв.

Это будет третья польза, которую может принести плен.

С.Н. (военнопленный)

Без даты

Здравствуйте, товарищи! Делюсь с вами своими впечатлениями. Послушайте, так ли и вам живется у ваших хозяев на работе в деревнях на разбивке? В лагере В. отделили нас троих из партии и привели в город П. Это было 20 августа. На станции нас встретил представительный, высокого роста господин с часовым, которому и сдал под наблюдение сопровождающий поезд часовой. Этот господин оказался нашим хозяином. Часовой и хозяин привели нас к гостинице, где мы увидели хорошую коляску, запряженную одной лошадью. Хозяин ушел, а часовой говорит: «Бауер ист гут» (крестьянин — добрый человек). Через 5 минут хозяин вернулся и дал нам по 10 папирос и по сигаре. Мы положили свои вещи в коляску, сели все впятером и выехали из города. Проехали верст 5, показалась деревня, которая называется М. Здесь мы подъехали к большому дому, слезли, и хозяин повел нас в комнаты. Мы зашли, поклонились хозяйке и молодой девушке — дочери хозяина, сели за стол, попили кофе, поели. Часовой ушел, с тех пор мы его видим только по воскресеньям. Он приносит листы, на которых мы расписываемся, и хозяин платит деньги. Хозяин повел нас в отведенное для нас помещение здесь же в подъезде, где были приготовлены кровати. Дали нам по два одеяла, два полотенца, мыло, миску, ведро. Когда мы устроились, нас позвали обедать. Обед был на славу, и во всю пору не изменяется. После обеда хозяин принес еще по 10 папирос и спросил, как кого звать и чем кто занимается дома. Мы назвали наши имена. Мои товарищи Иван и Антон хлебопашцы, а я по профессии повар и кондитер.

Затем нас повели на работу. Пололи бураки, ставили на поле снопы. Мне эту работу пришлось делать первый раз в жизни, но я, смотря на товарищей, также работал, и моей неумелости не было заметно. Во время ставки снопов пришел хозяин и посмеялся, что я часто смотрел на руки и вынимал колючки. Работа шла хорошо, доработали до воскресенья. В воскресенье утром хозяин принес мазь и приказал помазать сапоги, а меня позвали в кухню и попросили испечь пирожное, желая увидеть мое искусство, и сделал я три десятка разного сорта пирожных, что в 4 часа к кофе и нам дали. Хозяин ездил в город и привез нам 100 шт. папирос, что он делает и теперь каждое воскресенье. Стираем мы белье в особой халупке, устроенной для стирки и для печения хлеба. С понедельника мои товарищи косили, а я ходил за жатвой, по углам отбрасывал снопы, и так наша работа шла успешно. Убрали хлеб, свезли, смололи.

Хозяин весел, только хвалит нас, и должен вам, товарищи, сказать, что мы своего хозяина никогда не видели и не видим и теперь суровым, а всегда веселым шутником. Полюбили и мы хозяев, что иначе не называем как тятя и мама. Научились по-немецки, почти половину понимаем, так что достаточно хозяину сказать, мы уже знаем то, что впервые показывал знаками и на пальцах. Да и он

от нас учится по-русски. Но с трудом заучил слова: свинья, гуси, утки и сливы. Из-за этого слова «сливы» он очень смеется, не знаем почему.

Но пока это оставлю и продолжаю. Итак, товарищи, живется недурно теперь. Я и мой товарищ Иван выбираем картофель с женщинами, а другой товарищ, Антон, пашет. Мы и брюкву рвем и возим. Пригнали коров с поля, поставили в стойло. Антон взялся кормить и убирать. Хозяин, видя его старание и любовь к скотине, поручил ему навсегда это дело, а Ивану пахать в поле и смотреть за лошадьми. Мне же поручено свиней чистить, что я делаю два раза в неделю, по субботам двор убирать, дрова рубить, да когда надо, на кухню угля и дров приносить, голубей кормить, молоко по утрам и вечерам в молочное заведение носить; мне это не трудно. Познакомился с детишками, они так полюбили меня, что каждый вечер встречают и в один голос кричат: «Гут ман Симон» — и провожают к молочной, а оттуда тащат мне банки пустыя.

После окончания дневной работы ужинаем жареный картофель с мясом и хороший молочный суп и идем в свою комнату, ложимся в постель и закуриваем. Я читаю газету «Русский Вестник», которую нам хозяин выписывает за свой счет, товарищи слушают. Не пройдет воскресенья, чтобы не было у наших хозяев приезжих гостей, которые в продолжение дня угощают нас сигарами, а при отъезде дают по полмарки.

Так вот живем да Бога благодарим и ожидаем того великого, радостного дня, когда прервется поток крови литься и когда можем сказать: «Прощайте, германские поля, прощай германская страна, мы уезжаем в дальний путь, где нас дома жена и дети ждут».

Но пока, товарищи, до свидания! Уже 9 час., ложимся спать. Спокойной ночи! Завтра воскресенье, надо рано встать, помочь товарищам сделать уборку, отнести молоко, попить кофе, постирать белье, заняться починкой вещей.

С.Г.П.

25 декабря 1915 г.

Рождество Христово 1915 г.

Мы, русские военнопленные, в составе 36 человек, работаем в вышеозначенной деревне с начала лета 1915 года. В начале лета работа многим из нас, как не привычным, казалась очень трудной, но потом постепенно привыкли к тяжести страдной поры, которая в России, — по словам многих товарищей, бывает еще труднее. Германцы-крестьяне, у которых мы работаем, относятся к нам весьма хорошо: видя, что ты устал или не умеешь что-либо делать, он подходит к тебе и начинает показывать, рассказывать что-то, а сам смеется, и смех его переходит на тебя, и ты, не чувствуя прежней усталости, как бы со свежими силами, снова принимаешься за работу.

Весьма плохо, что все мы, исключая одного или двух товарищей, нисколько не понимаем их языка; а когда хозяин начнет с тобой разговаривать, то по выражению его лица видно: он очень дружелюбно у тебя что-то спрашивает или что-либо интересное тебе рассказывает, а ты ему отвечаешь после всего этого — «никс ферштейн», эта фраза хорошо всеми нами зазубрена. Поговорив с тобою, таким образом, битых полчаса, а иной словоохотливый и час, разочарованный тем, что ты его не понимаешь, уходит он к своей работе. Далее к осени, когда

полевые работы стали оканчиваться, нам всем стало легко и хорошо, подобно как дома, только это скажу про холостых, а женатым, конечно, как бы хорошо ни было, все-таки им тяжелее переносить продолжительную разлуку с женами и детьми. Приближался всеми почитаемый великий праздник Рождества Христова. Настроение духа у всех нас явилось очень печальное. За 2 недели до праздника одним из наших товарищей было предложено собрать вместе по несколько пфеннигов и устроить елку. Само собой разумеется, все согласились, и за содействием устроения праздника, как он празднуется нами в России, мы обратились к нашему караульному начальнику, унтер-офицеру Питцеру, который к нашему желанию отнесся весьма сочувственно и, испросив у высшего начальства разрешения на устройство елки, он приложил все свое старание и он же в свою очередь предложил нашим хозяевам помочь нам украсить елку, на что те с удовольствием и согласились. Стараниями караульного начальника и часовых елка была убрана и поставлена на стол среди помещения вечером 24 декабря. Вещи, оказавшиеся для раздачи в качестве подарков, были таковы: носки, носовые платки, трубки, табак, записные книжки с принадлежностью, расчески, карманные зеркала, спичечницы, умывальное мыло, орехи и чайное печенье, специально для этого заказанное. Все вещи были равномерно разложены в пакеты, каждый пакет был за номером от 1-го до 36-го включительно.

25 декабря, ровно в 6 часов вечера, елка была открыта, при этом играла наша музыка, состоящая из гармоники и мандолины, приобретенных здесь. Все солдаты привыкли переносить всякие лишения и быть бодрыми и веселыми, так и мы, русские, под музыку гармоники и мандолины танцевали национальный танец, польки, вальсы и вообще кто что мог. Нашлись между нами, которые устроили маленькую сцену и выходя говорили комические рассказы и показывали всевозможные фокусы и этим развлекали и увеселяли своих товарищей. В 8 часов была устроена лотерея для раздачи подарков, каждый подходил, кого караульный начальник вызывал по списку, он брал билет и развертывая его показывал номер, по этому номеру отыскивали пакет с подарками, получивший пакет, благодарил, и отходил на свое место.

Накануне этого праздника, т.е. 24 декабря, возвращаясь с работы после ужина на ночлег в общее наше помещение, каждый приносил с собою подарок своего хозяина, который состоял из белья и многих сластей.

Я и все мои товарищи искренне благодарим всех вообще германцев за их старания по улучшению быта пленных, за отзывчивость к предложенному празднованию и их человеческие отношения к нам.

В свою очередь приносим благодарность караульному начальнику унт.-офицеру Питцеру и часовым: Буркарду, Логру и Шмидту за их усердное участие в устроении нам елки. Празднование это останется в нашей памяти и нашем сердце до самой смерти.

Когда услышим «мир»,
То грянем дружное ура!!!
Но дай нам Бог скорей дождаться,
Чтоб наступила та пора.
П.В.

Без даты

Я прибыл в лагерь 20 сентября прошлого года, как слесарь по специальности, командирован на работу в Gewerkschaft «Frisch Glück», но, владея немецким языком, служу здесь и переводчиком. Итак, прожив в лагере всего 27 дней, получая и пользуясь всем необходимым, причем театр, библиотека, все удобства и т.д., исключительно обслуживающие пленных, заставляют меня опровергнуть пред своими соотечественниками русскими военнопленными и обратиться:

Братья! Как страшно было нам слушать о жизни пленных в Германии, о всех лишениях и притеснениях, испытываемых ими. Теперь же, когда по обстоятельствам войны попали мы сюда, каждый из нас, получая и довольствуясь всем нужным, скажет: неправда! Это клевета!

А потому остается только выразить благодарность правлению за столь человеколюбивый и культурный уход за военнопленными.

Русский военнопленный С.Т.

«Победители и побеждённые». Лубок Товарищества И.Д. Сытина. Москва, 1915 г. Из фондов РНБ

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИЗ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ И НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЕЙ: «НАХОЖУСЬ В ПЛЕНУ, С РОДИНЫ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЮ» (1917)

Ниже приведены письма российских военнопленных из Австро-Венгрии и Германии в годы Первой мировой войны. Биографической информации об авторах писем, к сожалению, установить не удалось.

30 марта 1917 г., Михаил Коняхин

Лагерь Эсторгом-Табор. Австро-Венгрия

М.Г. Покорнейше прошу Комитет по возможности оказывать мне помощь, так как я тяжело ранен в грудь около сердца и страдаю малокровием. Покорнейше прошу оказать таковую для поддержки моего здоровья. За что заранее приношу мою искреннюю благодарность. Старший унтер-офицер Михаил Степанов Коняхин. Адрес мой: Венгрия, Эстергом Табор U 2 № 17/318. Михаилу Коняхину.

24 мая 1917 г., Алексей Акулинин

Лагерь Вормс, Германия

Здраствуте, премного уважаимай, все члены Вашего комитета. Спешу вас уведомить: получил от вас первую посыльку за все время нахождение в плену. Посылку получил, поделился с товарищами, очень были рады ей, за ето спасибо вам, ждем от вас посылчеки, и хорошо бы было, слали нам каждую неделю, только и сесного слать нам, хлебушка. Солдатик рядовой, раненый Алексей. А. Акулинин

23 июля 1917 г., Григорий Циморик

Лагерь Фрайштадт.

Верхняя Австрия

Многоуважаемый Комитет!

Имею честь покорнейше просить вышеупомянутый Дамский комитет сделать одолжение на мою просьбу и по возможности вышлите мне посылку из съестными продуктами, более потребными для поддержки слабых сил, например сухари, сахар и что-нибудь с жировых веществ, за что буду впредь благодарен, в плену уже переживаю три года, а помощи не получаю. С искренним почтением к вам Григор. Циморик. Мой адрес: гор. Фрайштадт военнопленн. лаг. Верхняя Австрия. I бат. 2 копр. № 671. Гр. Циморик.

28 сентября 1917 г., Ефим Козин

Город Нюрнберг. Бавария

Покорнейше прошу заведующего Комитетом, будьте так добры, не откажите мне в прозбе, нельзя ли прислать, пожалуйста, посылку. Я нахожусь в плену

2½ года, с родины ничего не получаю, дома оставил жену, 5 человек детей малолетних. Будьте так добры, не откажите в моей прозбе.

Ефим Кузьмич Козин, Енисейской г., Минусинского у., д. Серебряный Ключ

3 ноября 1917 г.

Офицерский лагерь для военнопленных в г. Дебельн
Лагерный комитет № 14
Марии Петровне Рождественской

Милостивая государыня Мария Петровна!

Прапорщик Ярмолюк передал нам посылку из Красноярска от Дамского комитета Союза городов, а также сообщил нам содержание Вашего письма.

Посылку мы распределили между нуждающимися офицерами и солдатами нашего лагеря, которые выражают Дамскому комитету свою искреннюю благодарность. Что касается Вашего желания узнать способ высылки посылок нуждающимся, то обыкновенно практикуется высылка посылок на имя лагерного комитета. Этот способ хорош в том отношении, что продукты получают те из офицеров и солдат лагеря, которые в момент получения посылки более других нуждаются. Списки нуждающихся, которые мы ведем, постоянно изменяются, т.к. лица, которые являются нуждающимися, иногда в течение очень долгого времени, вдруг начинают получать посылки и, следовательно, вычеркиваются из списка нуждающихся. Бывает и обратное явление. Вообще же список нуждающихся офицеров нашего лагеря велик и за последнее время увеличивается. Число нуждающихся офицеров в настоящее время более 70 человек и столько же солдат.

Что касается продуктов, в которых офицеры и солдаты нуждаются, то мы позволим указать прежде всего на ржаные сухари как на один из дешевых и питательных продуктов. Вообще же все съестное будет принято нашим лагерем с искреннею радостью и глубокою сердечною благодарностью. Примите уверение в совершенном почтении.

Члены лагерного комитета: пор(учик) Бабаджанев, прапорщ(ик) И. Сивицкий, шт(абс)-кап(итан) Малевич

7 ноября 1917 г.

Лагерный комитет русско-военнопленных № 14
Г. Цвикау (в Германии)
Милостивые государи!

Русский лагерный комитет по распределению между наиболее нуждающимися людьми присылаемых нам подарков. Имеет честь покорнейше просить вас принять участие в нашем положении и помочь нам периодическо-материальными средствами в жизненных припасах. Напр(имер): сухарями, сахар(ом), табаком и мылом. Так как наш лагерь состоит из нескольких тысяч военно-пленных, из которых большей частью нуждающиися. В виду этого, нам приходится быть в мольбе перед Вами, для того чтобы облегчить наше положение. Причем, имея

искру надежды на вас, Дорогие Соотечественники! Надеемся, что при получении сего письма вы, по мере возможности вашей, постараетесь облегчить наше положение. За что мы будем сердечно благодарны вам.

Примите уверение в совершенном уважении.

С совершенным почтением к вам лагерный комитет.

Члены Комитета И. Райнч, Л. Шабельников, фельдшер И. Азаренков

Михаил Масарновский: «ВЫ МНЕ ПИШИТЕ ПИСЬМО, ПРОСТО НЕ ЗАЛАЗЯ В ПОЛИТИКУ» (1942)

Михаил Михайлович Масарновский родился в 1918 г. в Белоруссии. Школьное образование получил на белорусском языке (отсюда элементы белорусской орфографии в письме), позднее учился в Объединенной белорусской военной школе. Начало Великой Отечественной войны М.М. Масарновский встретил в звании лейтенанта в Карелии, где в конце сентября был тяжело ранен и попал в финский плен. В 1942 г. советским военнопленным в Финляндии было разрешено вступить через Красный Крест в переписку с родными на оккупированных территориях. В середине 1942 г. семья М.М. Масарновского, жившая в д. Местино, получила из немецкой комендатуры его первое письмо, а также разрешение написать ответ. Из всей переписки сохранилось лишь самое первое письмо, которое приводится ниже. Последняя строка письма относится к жене М.М. Масарновского, на которой он женился за год до войны. Перед самой войной сестра Масарновского в своем письме оговорила ее, в результате чего Масарновский перестал с общаться с женой. Осенью 1944 г., после заключения перемирия с Финляндией, Масарновский вернулся в Белоруссию. Благодаря свидетелям, давшим показания об обстоятельствах его ранения, он не был арестован; через некоторое время были восстановлены отношения с женой. Умер в 2010 г. в Минске на 92-м году жизни.

Весна 1942 г.
Местечко Березино Березинского района Могилевской области
п/о Селиба, деревня Местин, Масарновск(ий)
Финляндия, город Кокола

Доброго здаровья мои родные отцы и сестрицы Олинька, Наденька. Живы ли вы дарагие? Пападет ли это мое маленькое письмецо вам? Где же вы? Эх, война проклятая! Если же даст бог вы получите это письмо, пишите ответ поскорее. Но я сумневаюсь, получите ли вы его.

Про себя скажу. Я ранен в бою. Лежу в госпитали в плену. Ранен очень тяжело. Пробита пулей грудь и левая нога с переломом кости выше колена. Но дарагие мои мамочка, сестры, отец, если не на фронте, не беспокойтесь. Грудь зажила, легкие не зацепила пуля.

Нога плоше. Но уже сраслась по многим местам тоже. Лежу в постели вот уже третий месяц. Все на спине. Тяжеловата немного, но терплю. С Корелии с фронта в 1941 г. в июле я вам много писал писем. От вас не получал. Где мой папашка? Взят на войну, видимо, тоже. Эх, старик! А возможно, он дома? Наверное, зря я пишу это письмо, никого дома нет, все эвакуированы, а дом сожжен. Война кончиться должна скоро, тогда и я при первой возможности, мои дорогие, приеду домой. Нога даст бог поправится, это факт.

Финский госпиталь для военнопленных в г. Коккола, откуда писал письмо М. Масарновский. Август 1941 г. Источник: SA-Kuva (Архив армии Финляндии)

Ничего, нам лижба узнать, живы ли вы, и один об другим. А потом война окончится, встретимся, все переговорим.

Мамачка мая, как Вы крепитесь? Есть ли что у вас кушать? Правда, если бы в вас было много продуктов, то фунтик фтарой сальца мне б в посылочку не помешало совсем, ибо туговато, по этому адресу в нас. Письма нам разрешили писать, хотя лежа в койки. Признаюсь, тяжело я лежал первое время, не кушал, температура 40—41°. Но сделали операцию в ноге, полегчело мне.

Сделали переливание крови 2 раза, и лучше стало. Эх, война не нужная, сколько смерти взяла, сколько здоровья утрачено! Вы мне пишите письмо, просто не залазя в политику иль что еще, как живете, как здоровье, живы ли все. Где отец воюет, если взят на фронт? Мамачка, папашка и вы, сестрицы, не бойтесь за меня. Я самое тяжелое пережил, и сейчас кончалась бы война скорей. Я через полмесяца даст бог может и устану уж с постели.

Пишите по адрасу: Suoma, K.P.R.X. 4682. Получить военно-пленному Масарновскому Мих.Мих. Пока, дарагие мои. Пишите мне! Целую вас всех. Сын ваш Миша.

Про Соньку я не забыл.

ИЗ НЕМЕЦКИХ ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ: «РАБОТА ЛЕГКАЯ, ТОЛЬКО ТЯЖЕЛО ВЫСТОЯТЬ ДЕСЯТЬ ЧАСОВ» (1941—1943)

Ниже приведены письма советских граждан из немецких трудовых лагерей в годы Второй мировой войны. Биографической информации об авторах писем, к сожалению, установить не удалось.

16 июля 1941 г., Иван Кибальний

Здравствуйте, мои дорогие папаша и мамаша, я передаю вам свой горячий привет. Мама, я пока живой и здоровый, чего и вам желаю. Мамаша, получали ли вы от меня 2 фотокарточки и открыток 7, хоть одну получили. Папаша, я пока живу ничего, купил пиджачок и рубашку, штаны 2 брали и есть 3 пары ботинок таких, что если бы вам, то на 2 года пару носил бы, зачем я брал свои, в первый месяц получил 40 марок. [Мама] и папаша, знаете ли вы, как писать открытку, проверьте там вверху свой адрес, напишите, а мой написан. Мама, я так уже соскучился по всем, что если бы приехал, то обошел бы все свое село. [Р]аботаю я в строительстве, Николай в электрике, Володя вагоны перебрасывает с землей автоматически, я купил 1 центнер картошки, а девушки не знаем где, но мы их ищем. Жорка ходит к нам каждое воскресенье от нас 8 км. Ходим свободно, придешь в пол 5 еще рано. У нас косят хлеб еще с первого числа, пишите, какой у вас урожай, как там дома. Передавайте всем всем родственникам и соседям привет. Посмотрите на карте, где г. Кельн, там и я.

30 августа 1942 г.

Добрый день, Зоя!

Наступил долгожданный денек, когда я могу тебе свободно написать и в надежде на то, что ты его, безусловно, получишь.

Милая Зоя, пишу нимного о себе:

Нахожусь в далекой, далекой стране, в Великой Германии. Иногда как-то грустно становится, многое вспоминаю о родине, которая теперь поделена на куски. Иногда хочется вернуться на широкую землю, где «так свободно дышит человек». Но не зная, где находятся мои родные, мне все равно где не жить, а лишь бы в настоящее время существовать, т.е. сохранить свою жизнь на будущее. С 21 марта работаю на фабрике металлургической, что делаю, должно быть понятно без слов, что можно делать в настоящее время. Получаю я 50 марок чистых, за еду и т.д. и т.п. высчитывают. Живу при фабрике, вместе со мной еще 31 человек девушек из Сталино и Мариуполя. Имею уже фото общее, очень красивое, будет возможность, вышлю тебе одно. Среди этих девушек я староста, как тебе ни удивительно, но вместе с тем переводчица. Имею дела всегда с фаб-

ИСТРЕБЛЯЙ НЕМЕЦКИХ ЗВЕРЕЙ!

Рабство в Германии

Гитлеровцы устанавливают рабство. Из временно оккупированных районов нашей страны они увозят в Германию советских людей и превращают их в рабов. Вот документы, показывающие гнусное издевательство немецких разбойников над нашим народом.

„Вчера днем к нам прибежала Анна-Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Хоть Анна-Лиза обрезала веревку, пульс у русской уже не бился. Она была мертва. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокоили фрау Ростерт. МОЖНО ВЕДЬ ЗА НЕДОРОГУЮ ЦЕНУ ПРИОБРЕСТИ НОВУЮ РУССКУЮ РАБОТНИЦУ".

(Из письма обер-ефрейтору Рудольфу Ламмермайеру от его матери из селения Люттге близ Эйнкеннрутн).

„Кто бы подумал, Вилли, что такое животное, как наша украинка, умеет прекрасно шить. Это очень приятно. Да и француз наш, как ты сам понимаешь, без дела не сидит. Вчера он подбил подметки к моим и папиным ботинкам, а сегодня починил лестницу. Папа говорит, что их нужно почаще наказывать, иначе будут лениться".

(Из письма унтер-офицеру Вилли Менцель от невесты Рут Кремер из Бейтана, Бреслау Лист).

„К 1 марта нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы по дому. Будь спокоен, они уже поработают. К тому же нам дадут еще 2 пленных: надеюсь, что тогда в нашем хозяйстве дело пойдет на лад. Все, у кого уже работают русские, говорят, что в общем это недорогое удовольствие".

(Из письма ефрейтору Гансу Пасман от Анны-Лизы Гайс из Райсдорфа).

„Из Штерингена удрали 3 литовца, но заменены уже белоруссами. Это даже дешевле. Мы ничего не потеряли. Прокормить этих белоруссов можно очень дешево. Русские получают только хлеб из свеклы".

(Из письма солдату Шредеру от семейства фон Альтенштадт, Гроссмедиен, округ Аггерапп, Вост. Пруссия).

«Рабство в Германии». Советская листовка периода Великой Отечественной войны. Ленинград: Тип. № 1 им. Володарского, 1943 г. Из фондов РНБ

рикантом и вообще с начальством, пока в центре внимания, им нужно работать и молчать, а эти черты я имею.

Как с продуктами неплохо, а я имею всегда больше всех, в день три раза кушаем, а дома я имела счастье один раз кушать и ходить по 70 км и менять. Последнее время стали свободно гулять, выходить. Как ни трудно, считая во внимание военное время, все же я счастлива. Дорогая Зоя, охотно хочу знать, что есть нового, нет ли моих родных. Как ни горько было с ними, все же кровь своя. Очень много снятся во сне они мне, ваша семья тоже. В основном чувствую себя хорошо, вам желаю еще лучшего. Зоя, в следующем письме любовную комедию

опишу, а пока скажу до свидания. Привет Марии Андр., Ивану Даниловичу, тети Фроси, Лиды. Мой адрес на конверте. Жду ответ.

25 января 1943 г., Мария Керищенко

Добрый день, дорогие мои (родные). Папа мама и родные сестрички Люба, Шура, Таня, Зина... [нрзб.] строках моего письма спешу я вам сообщить о том, что пока жива-здорова, чего и вам желаю, я доехала благополучно и хорошо... [нрзб.] мои родители и сестрички, я вам уже одно письмо послала, а от вас ни одного не получаю или, может, вы не получили мое, а если получили, то пишите мне, девочки пусть по одному и папа пусть напишет, может, я чье-нибудь и получу, хоть одно из пяти, но получу, и то мне будет. [П]ишите мне письма, а то мне только два раза 10—25, а вам можно сколько угодно, я жду от вас [нрзб.] весело, как будто я вас увижу, а то сейчас мне так скучно, и хочется вас увидеть и поговорить, и почудить с вами за столом так, как было когда-то, и поиграть с сестричками на гитаре. Пишите мне, как вы там живете, все подробно пишите, чтобы я много получила от вас, и пишите про маму (непонятное слово), про всех моих родных и дайте им мой адрес, пусть они мне пишут, и Гриша пусть напишет, говорите им, что моя жизнь очень хорошая и веселая, я всегда веселая, как тетя Линя, куда иду и пою. Папуля, мамуля и сестрички, я работаю на фабрике, фабрика рядом — ходить недалеко, и работа у меня очень хорошая, даже весело работать, дорогие мои сестрички, я вас прошу, чтобы вы сказали маме и папе, чтобы они не ходили раздетые, пусть берегут свое здоровье, чтобы были живы-здоровы, пока я приеду, а вы, Таня, Зина, слушайте маму, папу и сестричек, потому что без них плохо жить, и чтобы вы их успокаивали, пусть не волнуются. Люба, я тебя прошу, если к нам ходят и придет к нам братуха, то передайте ему привет от меня, такой же, как и от себя, и пусть пишет мне письма и побольше. Теперь я прошу, передайте от меня [нрзб.] привет от меня очень и очень хорош, что я его благодарю. Теперь пишите мне по этому адресу, который печатными буквами написан, прошу, пишите мне больше писем и фамилию всю по-немецки, пишите, какая там у вас погода, дорогие мои папа, мама, вы по мне не скучайте, потому что у вас и так нет здоровья, а вы, сестрички, пишите письма, и про Мишку напишите, пишет ли он письма или нет. Пока до свидания, целую всех крепко и бесчисленно раз в ваши губки, которые я не вижу, и наверно, придется увидеть года через два, и приеду такой стройной, как моя мама стройна, дайте Феде адрес, пусть напишет мне письмо. Папуля, мамуля и сестрички, кушайте, не жалейте ничего и поправляйтесь, чтобы были здоровы, и вышлите мне хорошие ваши карточки.

31 января 1943 г., Павел Федченко

Добрый день, мои дорогие мамочка, папочка, дорогая сестричка Галя, Женечка, Витя, тетя, дядя, Петр К. Вера и все остальные родственники. В первых строках своего письма позвольте сообщить, что я карточку получила, за что огромное спасибо. Во-вторых, передаю вам пламенный привет и несколько тысяч поцелуев. Дорогие родители, я за 8 м получила 2 письма и 1 карточку, получив

письмо, я очень грустила, что вы обо мне беспокоитесь. Дорогие мои родители, прошу вас, ничего не высылайте, только одно очень и очень прошу, вышлите документы, что я украинка — отметить у Шуберта, еще одна просьба к Вам, Дорогие мои, получила я от вас маленькую посылку, получив ее, то у меня еще было 10 свежих яблок, мамочка, за еду я не беспокоюсь, кушать есть что, только вот работы много, все-таки 24 коровы, 10 телят, 6 здоровых свиней, маленьких не посчитаю, потому что много, 4 коня, 10 овец и остальные гуси, куры, утки, индюшки — за всеми нужно ухаживать. Мамочка, почему Галя мало писем пишет, даже маленькой записки не было [нрзб.] Прошу, пишите письма, а еще возьмите адрес на [Хорошовы], чтобы я писала не карточки, а письма вам, так больше всего опишешь. Опишите, кто пришел из плена, нет ли кого-нибудь из наших. Мамочка, сегодня воскресенье и снились ваши братья Кузьма, Харитон и Сидор, ехали на возу, и я вскочила на воз, смотрю, у дяди Кузьмы белые волосы, как стена, у Х.С. тоже белое, что-то нехорошее, нет ли их дома. Дорогие мои, на [Колю] ворожила одна полька, так грустно и писать, [я ей не] говорила, что на брата, она сама сказала и говорит, что блондинку он уже не увидит, так мне эти слова в голове, что я ни делаю, а все думаю, неужели не увижу. Пишите, кто пишет письма из Германии, пишет ли [нрзб.] и пишут ли те, кто уехал с нами. К. Д. пишет мне письма, пишет, что ей хорошо, все у нее очень хорошие бауэры. Почему не пишет П. К., наверно, никогда [не спится], потому что не вспоминает, забыл о сестре, напишите, ходит ли к нам. Опишите, как кто живет, как [Харитина] живет, наверно, не [нрзб.], потому что большая семья. Передавайте привет всем родственникам: бабушке, теткам, дядьям, братьям, сестрам, ребятам, ваша дочка незабываемая Тося, пишу плохо, потому что сердце не на месте.

18 февраля 1943 г., Анна Грищенко

Добрый день, дорогие родители: папа, мама, братья Шура и Толя! Передаю Я Вам всем свой горячий пламенный привет и желаю здоровья и счастья. Мы все живем вместе и все живы и здоровы. Родненькие! Я Ваше письмо, то есть открытку, получила 18.02.43 г., которую Вы писали 31 января. Искренне благодарна Вам за то, что Вы меня не забываете. На сегодня я еще посылок не получала. Но если выслали, то получу. За посылки тоже благодарю, что Вы [по-отечески] заботитесь обо мне. Я Вас никогда в жизни не забуду. И как можно забыть о родителях, когда, стоя целый день возле машины, только и мысли о Вас, о доме, о Толике, который меня вспоминает. Вы пишете, можно ли у меня тут сварить. Было бы что, сварю. У нас в лагере есть плитка, на которой мы греем кофей. Поэтому больше не высылайте коржики, а если можно, то лапши или какой-нибудь крупы. Если нельзя выслать, то не волнуйтесь, как-нибудь буду и так жить. Вы просите, чтобы я написала, что делают девушки. Я работаю на старом месте, у резальной машины. Нарисовать я не могу, потому что это разная работа. Например: принесут железную линию, и я порежу на несколько частей. Там указано, как резать, или колесом бляху вырезать, разная работа. Ганя М. работает сейчас на кухне. Когда Настю сняли с кухни, потому что девушки стали кричать, что нужно заменить, поэтому Ганю как самую маленькую и худенькую

Открытка «Из немецкого лагеря для остарбайтеров» в Оберхаузене от Анастасии Рассказовой своим родственникам в оккупированное Сталино (Донецк), лицевая сторона, 1943 г. Надпись на оборотной стороне: «На память дорогой Мамочке и сестре Лидусе от дочери и сестры Нади. Смотрите и вспоминайте свою дочь и сестру Надю. 29/7 — 43 г.»
(ГАРФ, ф. 7021, оп. 116, д. 389)

и направили. Она и сейчас там работает. Поправилась, больше, чем дома была. Настю, когда убрали с кухни, поставили к машине, за которой работала Ганя. Работа легкая, только тяжело выстоять 10 часов. Ганя С. работает на старом месте. Питание сейчас немного улучшили. Хоть не на много, зато — гуще. Нам было хорошо, когда ходили на работу и с работы затемно, никто не видел, во что одеты и обуты. А сейчас, когда идем с работы, видно, [нрзб.] хуже, что мы старцы, сравнивая с одеждой немцев. Но мы невиноваты, что у нас ничего нет. Я отправляю уже третью открытку, поскольку закрытые письма запрещены. Вас прошу, чтобы Вы писали мне письма. Не забывайте про нас и передавайте родителям Г. М., Г. С., Н. Я., чтобы они тоже почаще писали, потому что мы очень скучаем, думаем, что, возможно, с Вами что-то случилось, когда от Вас нет писем. Напишите нам адрес мужа [нрзб.] Робана. Может быть, он недалеко от нас. Ганя М. отправляет сегодня открытку и общее фото, где мы вчетвером. Когда получите, то мы пришлем каждая по одной. В следующий раз я отправлю такое же фото. Мы виделись несколько раз с Санько Губаровым, Павлом Шлеюком, Петром Чуба Ивана, Саником Фликовым [нрзб.], Василием Стикуновой Тодоськи и Опанасом с долгих полей, Козыровым (племянник Козырова Ивана). На этом заканчиваю писать. Передавайте девчатам, пусть пишут, хоть

Отправка на принудительные работы в Германии из оккупированного Киева, 1942 г. Автор неизвестен. Источник: Федеральный архив Германии (банк изображений, №183-R70660)

одно письмо. Обижаюсь на них за это. Передают Вам привет Г. М., Г. С., Н. Я. Также от нас всех привет всем родным, соседям и девчатам. Ждем ответ. Какая у Вас зима? Целую Вас. Ваша дочка

25 мая 1943 г., Николай Руденко

Открытка от твоего мужа Коли здравствуй, дорогая жена! Паша [нрзб.] я тебе, что я жив и здоров, чего и тебе желаю. Передаю я вам от чистого сердца свой пламенный привет и искренне вас поздравляю, целую несчетно тысячу раз тебя, Паша, Клаву, Маню, Папашу, Мамашу и всех своих родных.

Сообщаю тебе, Паша, что я от тебя получил две открытки, из которых я узнал о вас и о вашей жизни, я прочитал и очень порадовался, а подруги жены очень стало жалко, то дома [нрзб.] есть и пить, то я [нрзб.] я заплакал и вспомнил всех и с тем и продолжил писать о своей жизни в чужом крае и далекой Германии. Я работаю на старом месте, работа тяжелая, еды не получили [нрзб.] для вас понятно. Паша, опишу немного о климате Германии, погода такая: утром идешь на работу в 5 часов утра, то надеваешь пальто и рукавицы, а поработаешь до 12 часов дня, то и в рубашке жарко, на день десять [нрзб.] дождит, работу не бросай, а работай хоть и [нрзб.] Паша, я написав вам открытку, потому что от вас не получал ответ, а когда получил, то будем переписываться. Напишите мне побольше открыток и новостей. Паша, я зарабатываю в месяц 36 марок, но за них ничего невозможно купить, кроме брюквы, капусты, моркови, пива, но и тех не хватает [нрзб.] Передавай привет папаше, мамаше, Андрею [нрзб.] и всем товарищам [нрзб.], твой муж Коля Руденко

Вильгельм Кромер: «ПОСЫЛАЙТЕ ПО ВОЗМОЖНОСТИ ОБЖАРЕННУЮ НА МАСЛЕ МУКУ И СУХАРИ» (1942—1943)

Вильгельм Кромер родился 22 марта 1922 г. в с. Люксембург Грузинской ССР (ныне г. Болниси в Грузии). В октябре 1941 г. семья Кромер, состоявшая из родителей и четырех сестер В. Кромера, получила предписание о выселении в Казахстан. В январе 1942 г. Вильгельм Кромер с его отцом Иосифом был мобилизован в один из трудовых лагерей НКВД в Свердловской области, где умер, согласно официальным документам, 16 мая 1943 г. от туберкулеза легких. Из лагеря Вильгельм Кромер писал несколько писем матери и сестрам, которые приводятся ниже. Письма написаны карандашом на немецком языке в виде солдатских треугольников.

29 июля 1942 г.

Добрый вечер, любимые мама и сестры. Сейчас я хочу написать Вам несколько, слов как у меня обстоят дела. Я уже не на кирпичном заводе, а нахожусь в лагере, где я был раньше. Там я был полтора месяца. Папа тоже уже не со мной. Он уехал в один совхоз, около 40 км от нашего лагеря.

Вы пишете, что не получили письма и известий о высланных посылках. Первые посылки мы получили в полной сохранности. Свиное мясо было еще съедобным. В своей жизни я не ел ничего более вкусного, это было что-то необычайное. На масле обжаренную муку я отдал отцу, а себе оставил больше белой муки. Я как раз в этот день ходил на кирпичный завод, посылки мы получили 29 мая. Я получил сейчас письмо от Мильхен[1], оно было отправлено 8 июля и дошло 22 июля. В нем сообщалось об отправке посылок. На другой день, 23 июля, я получил свою в полной сохранности. Я очень обрадовался мешочкам с поджаренной мукой и сухарями. Засушенный айром[2] был тоже очень вкусен, он очень полезен для желудка.

Сегодня я узнал, что папа тоже получил свою посылку. Насколько мне известно, его положение сейчас гораздо лучше, чем мое. Как мне сегодня сообщил один человек, он устроился свинопасом. Хотел послать ему письмо, но слишком поздно узнал, когда туда едет машина. Письмо, которое вы написали, я получил, и оно еще при мне. Я еще раз хочу подчеркнуть, где я нахожусь и чем занимаюсь. Сейчас я нахожусь в больнице при лагере [...], с 27 июля, как я уже писал. У меня дизентерия, и вообще чувствую себя очень ослабевшим за 6 месяцев. Надеюсь скоро выписаться, т.к. болезнь не очень серьезная. Вы не должны по этому поводу беспокоиться. Кофе и сухари пришлись мне как нельзя кстати. Каждый раз я ложу в суп немного сухариков. Когда я выздоровею, я хочу попробовать,

[1] Мильхен — уменьшительно-ласкательное от Эмилии, сестры Вильгельма. (*Прим. пер.*)

[2] Также айран. Кислый засушенный творог. Блюдо распространено у тюркских народов. (*Прим. пер.*)

может они переведут меня к папе, чтобы мы опять были рядом с друг другом. Я думал, что мы будем вместе с августа, но вот уже первое августа, а все осталось по-старому.

Время течет здесь так медленно и муторно мне как никогда раньше. Сегодня мне приснился сон. Мы все были дома, вместе с тетями Бертой и Генриеттой. На столе стояли два больших самовара. Я пошел в подвал за вином и держал под мышками два сдобных пирога по метру длины каждый.

Прежде всего, мы начали есть рибельсуп[1] и жидкую манную кашу. Затем пили чай с пирогом, потом ели штрудель и в заключение жареную картошку с бараньей поджаркой, запивая ее вином. Не правда ли, хороший сон? Так проходят у меня все дни и ночи в мыслях о родном доме.

Если вы можете и у вас есть что послать, то пришлите побольше чесноку и сухарей. Спасибо за посылки, они пришлись мне очень кстати. Вы наверное думаете, что я тут понаписал всякого. Я надеюсь на скорую встречу, обнимаю и целую вас всех. Вильгельм Кромер

23 августа 1942 г.

Любимые мама и сестры, хочу написать вам несколько строк, как у меня идут дела. Все еще нахожусь в больнице. Буду выписан скорее всего через 2—3 дня. Цинги у меня уже нет и дизентерия почти прошла. 30 июля получил письма — свое и для папы, в которых вы сообщили об отправке почтовых посылок. Посылка для папы уже пришла, а моя скорее всего находится на станции. Если вы не можете из-за дороговизны выслать жир, то не надо посылать. Посылайте по возможности обжаренную на масле муку и сухари. Сухари, чеснок, морковь, красную свеклу, если есть. Если у вас достаточно табака, то вышлите мне немного. В общем дела идут ничего, только сильно по вам тоскую и очень хотел бы снова сытно покушать за вашим столом.

Папа все еще в совхозе на старом месте. Густав [знакомый автора] еще на кирпичном заводе. Напишите ответ на мое письмо. И пишите, что у вас имеется. Имеется ли собственный картофель и овощи? Вы уж очень краткие письма пишете. Как здоровье у Эмилии, стало ли ей лучше или нет. Вот и написал я все, что хотел. Напишите еще, чем вы питаетесь, как урожай. Только пишите побольше. Таким образом, заканчиваю мое письмо. Надеюсь скоро увидить вас. Прощайте, до скорого свидания. Написано твоим сыном Вильгельмом Кромером 23 августа, до встречи.

9 марта 1943 г.

Любимые родители и сестры, хочу написать вам несколько строк. Еще здоров и жив. 6 марта в полной сохранности получил посылку, отправленную 4 декабря, которая будет мне весьма кстати. Айтель [родственник автора] получил письмо, из которого я узнал, что папа вернулся домой, и это меня очень обрадовало. Ни одного письма я до сих пор не получил, ни от папы, ни от вас.

Напишите мне, чем вы занимаетесь и где работает папа; еще напишите, есть ли у вас что кушать. Это интересует меня больше всего, а вы мне об этом не

[1] Рибельсуп (Riebelsuppe) — вид затирухи. (*Прим. пер.*)

пишете. Отец в курсе, как тут обстоит дело с питанием, такое же скудное, как и было. Я очень ослаб, не хожу на работу и нахожусь в стационаре уже 18 дней, три раза в день получаю хороший суп, заправленный шмальцем, и еще второе. Так что немного восстановил свои силы.

Я не знаю, как долго еще буду находиться в стационаре. Если снова пошлете посылку, то пошлите перец, чеснок, кофе, и если у вас есть, зажаренное мясо, айрон, поджаренную на масле муку и сухари. Табак мне больше не нужен. Заканчиваю свое письмо. Сильно тоскую по вам. Надеюсь на скорое свидание. От Вильгельма Кромера

24 апреля 1943 г.

Любимые родители и сестры, хочу написать вам несколько строк, как у меня дела. Нахожусь еще в Карабашке [лагерный пункт], в здешней больнице. Уже ровно месяц. У меня болезнь легких, похоже плеврит, и к тому же еще больной желудок. Доктор в Карабашке сказала мне, что, как только дорога станет проездной, она отвезет меня в больницу в Тавду. Больше вроде и писать нечего.

Получил два письма, одно 13 февраля, а другое 25 февраля, на которые и отвечаю. Посылки на мой адрес получил все. Или, иными словами, декабрьскую посылку получил. И посылку, отосланную отцом то ли 13, то ли 15 февраля, тоже получил. А писем получаю очень мало. Получил от вас всего 3 письма. Больше новостей никаких нет. Вильгельм Фриц [односельчанин автора] обрисует вам положение здесь, в Карабашке. Он также в курсе, как здесь обстоит дело с питанием. Вроде бы и все, о чем я собирался писать. Ну, прощайте. До скорого свидания. Вильгельм Кромер.

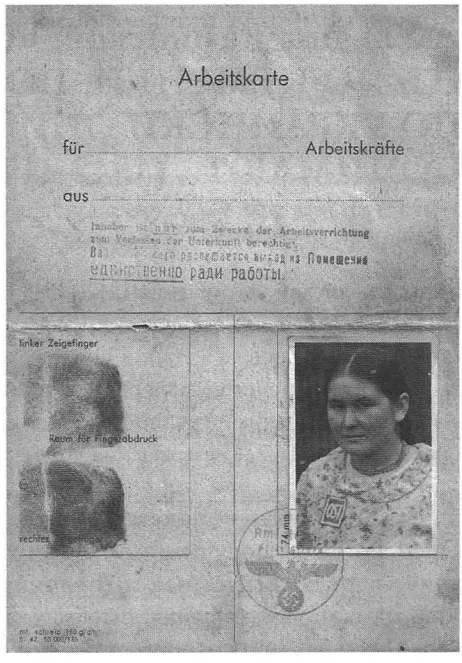
Перевод с немецкого языка Виктора Кригера

ПЕРЕПИСКА Ульяны Камянской: «СТАРАЮСЬ СПРАШИВАТЬ ПО-НЕМЕЦКИ, ПОТОМУ ЧТО ПО-УКРАИНСКИ ОНИ НЕ ПОНИМАЮТ» (1942—1944)

Коллекция писем Ульяны Камянской, датируемая 1942—1945 гг. (открытки домой из Германии, ответы родственников и переписка с подругами, также находившимися на принудительных работах), была случайно найдена в старом придомовом сарае Ульяны в селе Сорочино Никопольского района Днепропетровской области в 2010 г. Ульяна Камянская была вывезена на работы в Германию с первой группой молодежи села в июне 1942 г., до 1945 г. работала в г. Дальбрух на заводе. После возвращения домой проживала в Сорочино.

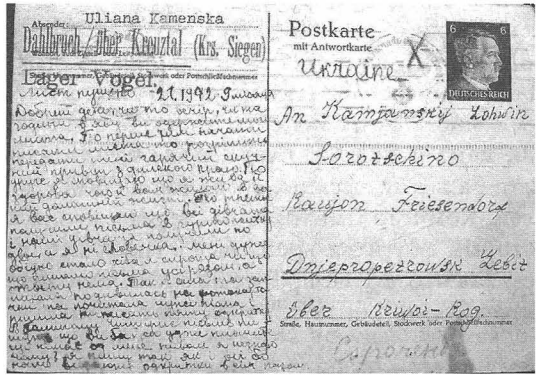
2 ноября 1942 г, Ульяна Камянская — родственникам

Добрый день или вечер, когда вы получите мое письмо. Прежде чем начать писать письмо, разрешите передать грустный и горячий привет из далекого края Германии вам, папа, мама, и вам, бабушка, и тебе, младший братик Степа, и еще разрешите передать Павлуше, про которого я получила известие из вашего письма, которая меня немного обрадовала, что услышала, а одно плохо, что он несчастливый Грицко пришел, а его нет, я перед этим получила открытку в субботу, которую Степа писал неизвестно какого числа, а я получила 22.X, было мне так досадно, что я едва не пропала, прихожу в обед с работ, а мне отдают письмо, в котором Степа описывает про Павлушу, а другую открытку я получила 28.X и еще получила 29.X письмо, которое ты, папа, писал 16.X октября, за которое я тебе, папа, благодарна, что написал мне письмо, потому что Степа открытку пишет очень редко, нужно писать, Степа, чаще и давай на все вопросы ответы, потому что я дожидаюсь ответа с нетерпением, а читать, когда придет, нечего. Степа или ты, папа, чаще пишите мне письма, девочки, которым пишут из Сорочино, получают много. Я от вас получила 4 открытки и одно письмо, за что я вам очень благодарна. Я вам написала 7 открыток и одно письмо, а это пишу второе. Папа, ты мне пишешь, сама ли я согласилась или меня заставили, нам первым выдали 5 девочкам одежду: 4 алферовским и я попала между ними, потому что одежда хорошая (папа, я заменила тебя, хожу в комбинезоне), нам выдали и первыми повели на завод, и нас троих поставили учиться, и мы, когда научились, так и остались работать (одна поломала руку: шли на обед, а в дверях — была машина и она пролазила), а вдвоем мы теперь остались с девушкой из Алферовки, которой 26 лет, работаем вдвоем в электросварочном цехе, только вдвоем, больше девушек возле нас нет, заняты на других работах. Я, папа, просилась, чтобы меня заменили, стала говорить своему мастеру, он говорит, что другого надо долго учить, и так я осталась на старой работе, пока мне работать хорошо, вокруг меня все хорошие, ко мне относятся хорошо, старый мастер и мой мастер хороший, и второе ты тоже, папа, пишешь, чтобы не гордилась, так я не очень зазнаюсь,



Рабочая карточка Ульяны Камянской (с отпечатками пальцев). Штамп в верхней части карточки сообщает, что «владельцу сего разрешается выход из Помещения единственно ради работы». Предположительно 1942—1943 гг.

потому что того, кто зазнается, все ненавидят, и слушаю тоже, что требует мой мастер и другое начальство, я все выполняю, я уже немного научилась говорить по-немецки, мне теперь стало лучше работать, потому что я подучусь говорить, что нужно, стараюсь спрашивать по-немецки, потому что по-украински они не понимают. Теперь, папа, я получила сообщение, что вы выслали мне посылки, за что я вам очень благодарна, а почему вы только выслали орешков и сала, а сушки или нет, или не выслали, в следующий раз высылайте сушки и вышлите крахмал, потому что другие варят кисель и я тоже когда-нибудь сварить [хочу]. Теперь я вам писала, чтобы вы выслали мне табака, так что если есть, вышлите, а то как-то неудобно, знаете, он дал нам с Верой, с которой я работаю, чулки шерстяные и иногда даст слив, или груш, или что-нибудь другое, не брать как-то неудобно, потому что говорит, вы очень гордые и так далее, а кроме того, Вера написала, чтобы их прислали, когда их пришлют, мне будет неудобно, потому что знаешь, папа, только начнет курить, так и говорит, чтобы писали, говорит, я вам и заплачу за него и т.д., если можно, то пришлите. Насчет одежды, как я вам уже писала, то кофта шелковая и туфли рвутся, так что я писала, чтобы


Uliana Kamenska
Postkarte
mit Antwortkarte
DEUTSCHES REICH
Lager Vogel

Открытка, посланная Ульяной Камянской родственникам в Днепропетровск, 1942 г.

выслали, но пока слать не надо, потому что мне тут выдали две кофты и (одну) юбку, которые я перешиваю на себя, правда, не новое, но пока мне достаточно, а если нужно будет, я напишу. Туфли я еще не одевала, я сейчас хожу в ботинках и в шерстяных чулках, так еще теплей, те чулки, которые я брала из дому, еще все целые, а я ходила без чулок, потому что жалела, и вот однажды утром приходит наш мастер, смотрит, что мы обе без чулок, на второй день привозит нам обеим чулки, мы не хотели брать, а он говорит, как только я сказал жене, что без чулок, так она дала, чтобы я отвез и заставил одеть, потому простудитесь. Теперь, папа, я еще напишу про деньги, что про деньги не беспокойтесь, деньги у меня есть 40 марок и еще получила 23 марки за...

1942 г., Степан Камянский — Ульяне Камянской

Письмо отправлено [нрзб.] 1942 года

Добрый день, Уля, передаем я и все семья тебе горячий и грустный привет. Во-первых, я пишу, что живой и здоровый, так же как и все. Поскольку я живой и здоровый, того же желаю и тебе здоровья, и хорошей жизни в новом и далеком крае Германии. Прежде всего, я хочу написать о жизни. Живем мы не очень хорошо. После того как вы уехали в Германию, я начал работать в колхозе и еще [строка не читается]. В выходные, после вашего отъезда, не было хорошей гулянки вплоть до окончания обмолота зерна, а после этого отмечали, колхоз наварил очень много водки и очень хорошо гуляли, все были пьяны от пожилых до 14—15-летних. Уляна (Чемерис) часто ходила слушать патефон вместе со всеми твоими подругами. Теперь сообщу еще одну новость, что от ребят, правда, не всех пришли письма, от Ивана пришло письмо, что работает с Мануйленком Ив. вместе на одной работе. Пришло письмо от Камянского Ив. и Гришки. Камянский Ив. работает с вместе с Гришкой. А про остальных ребят нет ни новостей, ни писем. У нас в Сорочино уже выпас, правда, небольшой, ну и почти уже зима. Ты писала, чтобы передали тебе платок и кофту. Но сразу передать

его нельзя, поскольку за один раз получается большая посылка и все равно до тебя не дойдет, у кого-нибудь останется. Так что носи то, что у тебя есть, не жалей ничего. Мы были рады, если бы ты смогла написать в письме, что получила посылки, которых мы много отправили. Ты много раз писала о Павлуше, дома ли он. Его дома нет, мама и бабушка часто ходят к гадалкам и гадают, но эти гадалки не помогают. За все те месяцы, когда вас не было дома, из плена пришли Гуржий Олексей, Комисар Дмитрий, после этих двоих пришел Лаврик В. и Чимикос Г.П., который почти все время был с Павлушей, а после вступления в бой — разлучились. Так что Ч.Г.П. принес не очень хорошее известие. Ну пока до свидания, Уля, это письмо тебе писал твой брат Камянский Степа.

1 марта 1944 г., Мотя Наточий — Ульяне Камянской

Письмо отправлено 1/III 1944 г в 7 часов вечера, среда

Добрый день или вечер, когда получишь мое небольшое письмо. Уля, [нрзб.] чем писать тебе письмо, разреши поздравить тебя с днем получения моего письма и шлю тебе воздушный горячий поцелуй, передаю тебе грустный сердечный привет от чистого сердца. Уля, сообщаю тебе, что письмо твое я получила 1/III в среду в 12 ч. дня, за которое многократно благодарю тебя, что не забываешь меня одинокую. Уля, я никогда не забуду тебя и все вас, я всегда вас вспоминаю, а теперь сообщаю тебе, что осталась одна в лагере. Катю Г. забрали [нрзб.] к бауру (бауэра) на всегда, прежде было грустно. Уля, теперь еще грустней стало, приду с работы, и не с кем поговорить, вспомнить дом, только заплачу и с этим ложусь спать и не спится мне, снятся папа, мама и братья, вот и увидишь родных, когда приснятся. Да, Уля, я немного [нрзб.] уже [нрзб.] хожу. Да, Уля, сегодня вместе с твоим открытку от двоюродного и он написал, ведь две мои сестры двоюродные в Австрии работают у баура (бауэра) сегодня буду им писать. Уля, пишу тебе письмо, немного попишу [нрзб.] если бы дома, Уля, то мама, чем-нибудь помогла бы, а здесь все самой, Уля, уже скоро девять месяцев, как я уехала из дома, и я уже соскучилась за всеми, девять месяцев, а кажется, что уже целый год. Уля, сколько можно тут уже быть, каждый день ждешь, когда мы уже поедем домой. Уля, [нрзб.] что вам плохо стало, нам тут не легче, Уля, ты пишешь, что у вас гуляют, играют, а у нас, как будто все замерло, ничего у нас нет, ни гулянок — нас до сих пор никуда не пускают, даже и за пивом не пускают, нам штраф, именно у нас в лагере была забастовка по поводу питания, но ничего не выиграли, а выиграли то, что даже за пивом не пускают, но Уля, нам это не впервой, мы уже привыкли и переживем, это все только бы вернуться на свою родину жить, как прежде, а то и лучше. Уля, бог даст, вернемся домой и встретимся с родными друзьями, а также со своим любимым другом и зажить с ним веселой счастливой жизнью. Уля, желаю я тебе беречь здоровье и скорейшего возвращения на свою Украину. Уля, я никак не дождусь, когда ты приедешь ко мне в гости. Уля, как мне хочется увидеть тебя и поговорить о нашей жизни, потому что в письме обо всем не напишешь, как начнешь писать, то рука дрожит и перо скрипит, а сердце так болит, и не знаю, когда уже оно перестанет болеть. Да, Уля, у меня бумаги нет кроме (фельдпоста), Уля, многократно благодарна тебе за присланные бумагу и конверты, потому что здесь ничего не достать. Уля, за бумагу не волнуйся, может быть, и у тебя мало, ты мне высылаешь. Да, Уля, я тебя прошу,

когда будешь ехать ко мне, может тебе удастся достать ниток черных, в общем, какие возможно, привези, если можно достать, поскольку здесь я их не достану, и привези мне клей — у меня нет. Уля, только не обижайся на то, что я тебе писала и что прошу, но на этом заканчиваю писать, привет всем девчатам от меня, с приветом от Моти, Уля, жму ручку твою и целую тебя многократно, но заочно

До свидания, Уля, жду ответа.

11 декабря 1944 г., Мотя Наточий — Ульяне Камянской

Письмо написано 11/XII 44 г. от Моти

Добрый день или вечер, моя дорогая сестренка Уличка. Я пока жива и здорова и крепко жму твою правую ручку. И передаю тебе свой грустный и очень грустный привет и желаю тебе всего наилучшего в твоей одинокой жизни. Уля, сообщаю тебе, что я получила твое письмо, но сразу не ответила, потому из-за работы некогда, приезжаем поздно, уже темно, и пока сваришь поесть, уже совсем поздно и спать пора ложиться, потому что рано вставать. Уля, живу я по-старому, правда, на прошлой неделе 8/XII была очень больна, малярия, но уже выздоровела. Уля, в субботу я получила открытку от папы, где он сообщил нерадостную новость, их лагерь наполовину сгорел и пропали их вещи, а они в тот день были у баура [бауэра] и видели все, что творится над их бараком от бомбы. Ходила весь вечер в субботу как в воду опущенная, плакала, но [нрзб.] Петька, с которым встречаемся, развлекает меня. Уличка, других новостей нет, скоро будет Новый год, поэтому поздравляю, этот Новый год праздновали неважно, а рождество хорошо — варили картошку и капусту синюю, и бутерброд, намазанный маргарином, и консервами, и больше ничего. Уля, мне очень жаль, что я здесь одна из села, не с кем поговорить о жизни домашней, Катя мало знает наших людей, если бы была девушка из села, было бы повеселей. Уля, я уехала из дома так, что родители не знали, вышла на работу на станцию, в депо поработала до 12 часов, а в 2 часа погрузили нас, всю молодежь, которая работала в депо, и я только проехала [нрзб.] казарму свою и кричала, и плакала, а родители не знали, что я уже уехала в Германию, и ждали меня с работы и не дождались, только когда получили от меня открытку из Германии, поверили, что я уехала. Уля, теперь я опишу твою семью, как они жили после того, как тебя не стало, жили хорошо, было что поесть, я частенько ходила к вам, папа твой заведет патефон и говорит мне, все ничего, но жаль, что нет дома сына Павлуши и доченьки Ульянки, а бабушка все ходила по гадалкам, и они говорили, что ваша дочка вернется домой нескоро, и еще замуж выйдет и заживет счастливой жизнью. Уля, ты мне писала, что переписываешься с мужиками из нашего села, поэтому прошу тебя узнать, нет ли из нашего села кого-нибудь поблизости, может они знают о наших, как они жили после моего отъезда, но этом заканчиваю писать. Привет передавай от меня девчатам Нине, Кате, Мане, Мане Л., Мане К., Гале, Тане, Паше и Марусе Кл., привет от Кати Гажимон, если знаете, но на этом заканчиваю писать, до скорого свидания, жду ответа от тебя.

Перевод с украинского языка Г.Г. Гринченко и Р.Ю. Казакова

ПЛЕННЫЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ИЗ ЧЕЧНИ: «ВАМ, НАВЕРНОЕ, ПРИШЛА БУМАГА, ЧТО ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ» (1996)

Александр Сергеевич Копшев родился 8 января 1977 г. в Горьком. В 1995 г. призван на службу в Вооруженные силы РФ. В Чечне с марта 1996 г., где практически сразу попал в плен; расстрелян боевиками в июле 1996 г. Ниже приводится копия записки матери, переданная с товарищем, освобожденным из плена в Чечне 5 мая 1996 г. Игорь Сафиулович Лещеров родился в 1973 г. С октября 1995 г — в Чечне, был в плену, пропал без вести. Мать получила несколько писем от друга Данилы, сослуживца сына.

Владимир Николаевич Бараненко родился в 8 марта 1963 г. в г. Харцызске Донецкой области Украины. В вооруженных силах с 1983 г., дослужился до звания майора, с февраля 1996 г. в составе 166-й Тверской бригады в Чечне. 8 марта 1996 г. попал в плен в районе Шали; расстрелян боевиками 20 июня 1996 г.

5 мая 1996 г., Александр Копшев

Здравствуйте, матушка и Дюсик и все родные. Извините за то, что заставил вас переживать. Я живой и здоровой, нахожусь в плену, относятся к нам очень хорошо, кормят нормально, хватает, не голодаем. Сегодня 5 мая, а в плену с 8 марта. К пацану из Саратова приехала мать с отцом, и его по ходу сегодня им отдают. Он обязательно заедет к вам домой. Мама, свяжись с его матерью и смотри сама, ехать тебе за мной, или ждать, т.к. возможно к выборам или после выборов нас обменяют. Это чтобы тебе сюда не ехать и не тратить деньги. Короче переговоришь с его матерью.

Ну короче, смотри на свое усмотрение. Вам, наверное, пришла бумага, что пропал без вести. Еще раз пишу, я жив и здоров, не волнуйтесь, все будет нормально.

Копшев Сашек

Если соберетесь ехать, папа, не вздумай.

Без даты, сослуживец Игоря Лещерова — его матери

Здравствуйте, меня Данил зовут. Я друг Игоря. Вам, наверно, сообщили, что Игорь пропал. Я был вместе с Игорем, когда мы попали вместе в плен. Вы не беспокойтесь, с ним все нормально, он жив, здоров. Он много мне рассказывал о себе и о вас.

Меня обменяли, а когда его обменяют, я не знаю, наверно, скоро, а может, уже и обменяли. Вы только не беспокойтесь, я знаю, что вы очень взволнованы, вы только не волнуйтесь, пожалуйста, я очень прошу вас, с ним ничего страшного не произойдет, его кормят, одевают, не бьют, вы возьмите себя в руки. С ним все нормально.

Ну, на этом все. Я написал, чтобы вы не беспокоились.
Друг Игоря
Старый Агхой Мортил. Орехово. Алхазарово

31 июля 1996 г., сослуживец Игоря Лещерова — его матери

Здравствуйте.

Пишет вам Данил. В первых строках своего письма я хочу сообщить вам, что у меня все нормально. В смысле, побыв в больнице месяц, меня выписали с диагнозом психически здоров, и отправили нас в в/ч в Москве же. Там как сборный пункт был, всех чеченцев (ну солдат из Чечни) из госпиталей, больниц собрали, чтобы в последующем отправить в свою часть. Там я проторчал 2 месяца, все не отпускали, потом отпустили, и вот 12 июня я приехал в Пензу. В этот же день меня вызвал к себе командир полка, он тут же начал на меня наезжать, что, мол, я тебя посажу, ты дезертир, предатель, потом говорит, ну, рассказывай все, от начала до конца. Я все подробно рассказал. Тут его, наверное, жалость взяла, я у него спрашиваю, в отпуск отпустите, он говорит отпущу. Вот, говорит, после выборов поедешь. Через неделю я поехал домой. Пришел я утром, постучался в ворота, отец открыл дверь и пошел в дом (потом он мне говорил, что старший, наверное, пришел). Я иду за ним на расстоянии вытянутой руки, он зашел в зал, включил свет, посмотрел на часы, выключил свет и направился в спальню, а я опять включил, он обернулся, смотрит и поверить не может. Стоял с минуту, ничего не говоря, и потом как заорал: мать, сын приехал. Я и сам от радости заплакал, все утро до обеда сидели, разговаривали. Мои родители ваше письмо мне показывали, я говорю, что сам ответ напишу. Вот только извините, что так поздно. В отпуске все по родным да по родным, 34 сутки пролетели как один день. Приехал я сюда в Пензу 22 июля. Если у вас время будет, напишите мне, как у вас, хорошо или плохо.

Ну на этом у меня все.

С уважением к вам, Данил.

1996 г., Владимир Бараненко — семье

Здравствуйте, мои дорогие и любимые жена Люда и дети Антошенька и Каришенька!

В первых строках своего письма сообщаю, что пока жив. Вы, наверное, получили сообщение, «что я пропал без вести». В данный момент и начиная с 8 марта я нахожусь в плену. Вот так встретил свое день рождение. Прошло 1,5 месяца плена, а мне не верится. Ты только не волнуйся, к нам относятся нормально. Хотя мы и военнопленные, отношение к нам чисто человеческое и гуманное. Так что, если вернусь, любимая, живым, будет 8 марта вторым днем рождения. Вы, наверное, слышали новости по телевизору, что блокпост офицеры пропили и продали за 6000 долларов. Людмила, ты ведь знаешь, какой с меня выпивоха. У меня такое ощущение, что блок был продан, только кем, это пока не известно, или, может, я ошибаюсь?

Здесь нас, скорее, будут держать, пока не закончатся боевые действия, солдат срочников будут отдавать только матерям, на счет нас, скорее всего, будут,

наверное, менять. Самое обидное то, что 9 лет я служил честно, а сейчас, если вернусь, меня будут, скорее всего, судить. Хотя дело коротко было так, в том вагончике где находился я. До 3 часов ночи дежурил командир взвода, как раз я проснулся в 2 часа 50 минут, спросил у взводного. Все нормально, говорит нормально, я передал по радиостанции в батальон. Стал собираться проверить посты и секреты, тут заходит солдат рядовой Крюков и говорит: «Ротный и взводный, не дергайтесь, и наставляет на нас автомат, вагончик окружен полностью, двое контрактников ранено, через три минуты если мы не выходим, нас уничтожают из гранатомета и огнемета». Я ему говорю: «Дай хоть наверх по радиостанции сообщу», а он «нет» говорит. Оружие все в пирамиде стоит за исключением взводного и моего автомата, так нас солдат держит под прицелом. Вот так мы и попали в плен.

В плену я уже узнал, что с помощью Крюкова были сняты дежурившие возле нашего вагончика, а с помощью сержанта Хидирова — дежурившие возле вагончика 3-го взвода. Эти оба находились в вагончике 3 отделения 1 взвода, как взяли их вагончик, скорее всего, с оружием с глушителями, там было двое легкораненых.

Людмила, Антоша, Кариночка, я очень Вас люблю и буду любить, если вдруг чего и я не вернусь, вы простите меня за все что делал не так, за обиды, а еще передай родителям, что у них прошу прощения за беды, которые им приносил. А в общем надеюсь, что мы встретимся не в этом мире, так в другом. Но мне очень хотелось бы вас увидеть. Антоша, будь мужчиной, помогай маме и не давай Карину в обиду. Люблю. Целую. Надеюсь на встречу, ваш муж и отец.

[На полях:] У меня вся надежда на завершение боевых действий. Люблю вас и надеюсь, что вас увижу!

Весточку эту сбереги, если надо будет — в военную прокуратуру отдашь, чтоб не считали меня изменником.

Советский военнослужащий и девушка. Великая Отечественная война. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

X. РОМАНЫ ВОЙНЫ – I

Хоть какая, да твоя вся.

Из письма
Эльзы Васильевой
мужу, 1939 г.

Мария Литовская

«ХОТЯ БЫ ПОГЛЯДЕТЬ, КАКОЙ ТЫ, А ТО УЖ ПОЗАБЫЛА, КАКОЙ ТЫ БЫЛ...»

Готовясь читать письма с фронта и на фронт жен военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии, поневоле настраиваешься на заранее, не самим собой, заданный лад. Истории военных разлук были столько раз описаны в советской литературе, что, кажется, все известно наперед: ведь рассказывали о них преимущественно сами участники событий.

Согласно литературе, одна из важнейших обязанностей жены солдата, охраняя разделенную военными обстоятельствами семью, поддерживать почтовую связь с мужем-фронтовиком. Жена писала письма, ждала письма, читала письма — этому занятию приписывалось почти мистическое значение. Корреспонденция не просто позволяла членам семьи узнавать, что с каждым из них происходит, но символически связывала фронт и тыл. Жена, как обещали популярные стихи, песни и фильмы, своей «негасимой любовью» помогала солдату, «ожиданием своим» могла спасти его от гибели. Женщине предписывалось любить, ждать, надеяться, если мужчина погибнет — горевать, но продолжать растить его детей с памятью об отце-герое. Знаменитые стихотворения военных лет «Открытое письмо женщине из г. Вичуга» Константина Симонова (1943) и «Темная ночь» (1943) Владимира Агатова представляют два полюса поведения женщины-супруги, напрямую связывая военную судьбу мужа (жизнь или гибель) и поведение жены (верность или измена).

Авторы писем, составляющих подборку, стихотворения Симонова и Агатова, как и других военных авторов, не знали не только потому, что в 1939—1941 гг. те еще не были написаны. Переписку вели люди, о чьем социальном статусе мы можем только догадываться, но они, очевидно, принадлежали к той части общества, где с текстами искусства знакомились только тогда, когда они получали широчайшее распространение и превращались в произведения, что называется, народные. Тем не менее тематически реальные письма не слишком грамотных женщин и профессиональная литература, созданная преимущественно мужчинами, во многом пересекаются. Страстное желание сохранить привычные отношения несмотря на долгое расставание, страх потерять семью, поиск опоры в близком человеке — эмоции, которые объединяют людей, находящихся внутри военной ситуации, которая в этом ракурсе выглядит в первую очередь как ситуация разлуки, причем разлуки с более чем возможным трагическим финалом.

В нашем случае кардинальное отличие текста литературы и текста письма даже не в том, что последний передает нам опыт переживания разлуки невыдуманным человеком. Куда важнее то, что авторы писем не знают, что произойдет дальше: они, как могут, с помощью письменного текста стараются справиться с ситуацией, которая им неподвластна и с которой они сталкиваются впервые,

используя все имеющиеся в их распоряжении средства. Эти люди сформировали семейные отношения за пределами войны и в момент переписки не до конца понимают, как их выстраивать на расстоянии, когда нельзя до человека дотронуться, когда невербальные способы общения перестают действовать, когда нет никаких общих забот и дел, кроме единственных — как-то сохранить сами отношения.

Мы как читатели и свидетели этого усилия, в свою очередь, можем только додумывать, элементом какого семейного сюжета каждое из писем является. Поскольку в нашем распоряжении есть только отдельные письма или письма в одну сторону — без ответов, трудно до конца понять нормы коммуникации людей, особенно когда речь идет о переписке близких: мужей-жен, женихов-невест. Единственная литературоподобная развернутая переписка в коллекции — Раисы Клейман и Марка Файнбома, подготовленная к печати их дочерью, о которой к тому же идет речь в письмах, снабжена подробной биографической справкой о дальнейшей судьбе адресатов. Она сложилась благополучно, в чем, как нас подталкивают к догадке, немалую роль сыграл частый обмен письмами между мужем и женой — овеществленные в буквах любовь и забота.

Во всех остальных случаях перед нами вырванные из неизвестных нам жизненных обстоятельств свидетельства, доверять которым возможно только как образцам речи людей доминирующего в предвоенном СССР социального слоя. Речи, главной особенностью которой является ощутимое напряжение автора, страстное стремление выразить нечто, выходящее за границы косноязычно оформленного письменного текста.

Большинство корреспондентов — вне зависимости от места жительства — живут на перекрестье двух культур. Устной, привычной, где они чувствуют себя уверенно: там их слово раскованно, для всего, что входит в круг интересов, существуют известные формы выражения своих чувств и эмоций. И письменной, правила организации которой освоены недостаточно, являются (пока) чужими, обращаются авторы писем с ними отчаянно неловко. Иными словами, письма пишут люди, не привыкшие выражать себя через письмо.

Однако обстоятельства их жизни сложились так, что письменная речь вынужденно оказалась для них единственным способом общения друг с другом, и эту возникшую колоссальную коммуникативную недостаточность надо было обязательно преодолевать. Здравый смысл житейских предписаний подсказывает, что в семье нужно всеми возможными способами сохранять ощущение связанности мужей и жен, родителей и детей друг с другом. Письма — единственный способ связи с военным, тем более воюющим человеком. Выхода нет — и женщины кидаются, как в омут, в стихию письменного высказывания. Когда преодолеваешь ошеломление от напора полуграмотной речи, понимаешь, что женщинам вполне удается передать сложную гамму своих чувств и делают они это единственно возможным в их случае образом.

Автор первого письма из лесопункта Сенного станции Княжая Мурманской области отвечает мужу, судя по всему, на его обвинения в измене. «Извесна ваша жена» выражает «дорогому и многоуважаемому мужу Ивану Ивановичу» свои обиду («спасибо за ваше оскорбление...», «зачем ты, Ваня, пишешь, что

я проститутка и занимаюсь»), ревность («а посколько ты нашел лучше, то живи и радуйся и меня не вспоминай»), она оправдывается («ты думашь, что я не еду домой, так и нажила кого, но нет, дело совсем не в этом»), шантажирует судьбой дочери («жаль мне дочки, что она примет много всего») и тут же спокойно рассказывает о бытовых деталях своей жизни (расчет не получила; письма, пришедшие на имя мужа, ему переслала; зимняя дорога еще не встала и т.п.), вспоминает какие-то им двоим известные имена: Серега Караулин, дядя Ваня. Сумбурный текст обрамлен неожиданными для личного письма обращением и подписью «М.В. Чуркина».

Живое чувство бьется в этом тексте внутри нагромождения слов. Женщина не может расплакаться, покричать, отвернуться, поглядеть в глаза — муж далеко, а словесно выразить свои противоречивые эмоции — да еще и на письме — она не очень умеет. Вот и мечется бедная от «шлю я тебе свой пламенный привет» до «пиши ответ сразу, если щитаешь женой, а все же буду ждать ответ с нетерпением».

Ее письмо на первый взгляд выглядит как записанная с большим количеством ошибок устная речь. Но этой речи явно придавалась упорядоченность письменного текста с помощью регуляторов-маркеров письма как жанра, представления о котором у автора сформированы в обществе, где до недавнего времени разлука — из-за неграмотности разлученных — если и предполагала переписку, то через посредника. Сам же текст содержал этикетные зачины и финалы, которые помогали, во-первых, заполнить тело письма, а во-вторых, предлагали готовый язык для сдержанного, но адекватно считываемого адресатом обозначения чувств адресанта.

Всеобщая грамотность советского населения к 1940-м гг. была уже достигнута, женщины пишут сами, но поскольку письменной культурой владеют явно в недостаточной степени и понимают ограниченность собственных средств выражения, то стремятся «облагородить» текст приличествующими случаю этикетными формулами. Отсюда затейливые обращения, приветы от поименно названных родных, перечисление тех, кто, кроме жены, скучает по солдату, и т.п.

С помощью языка, сконтаминированного из речевых клише, позаимствованных из устной сниженной речи, бюрократических формул, фольклорных текстов, авторы пытаются решить сложнейшую задачу — самостоятельно освоить новый жанр — официальное письмо в армию, законы которого они представляют смутно. Конечно, им заранее известен ряд формальных ограничений переписки: максимальный объем две страницы, письма проходят военную цензуру, то есть читаются посторонними людьми. Но что и как писать в таких письмах, не очень ясно. Не случайно у разных авторов звучит один и тот же мотив: «...писать нечего»; «...ну, Леня, пака, новостей нету пока» и т.п.

Новостями считаются значимые события, вроде смерти, переезда, смены места работы, покупок и т.п. Это тоже идет из тех времен, когда письма отправляли и получали редко и писать в них предполагалось о значительном. Но женщины 1930-х гг. переписываться с мужьями могут чаще, новостей в старом понимании слова у них просто не хватает. И в письмах на первый план выходят чувства.

Выражать их неумелым авторам помогают стихи из «песельников», когда фольклорный текст адресуется конкретному человеку: «Пишу письмо, о ком скучаю, о ком я думаю всегда, кого я лучше всех считаю и не забуду никогда, напишу я письмецо, бумажка вроде льдиночка, пишу я первое словечко, здравствуй, ягодиночка, пишу письмо, рука трясется, гляжу на время — первый час. Неужель на эту руку мне ответа ты не дашь?» При этом автор не ограничивается переложением известного текста, а пытается, как и другие ее товарки, смешивая этикетное и личное, самостоятельно передать свое душевное состояние: «С приветом, твоя жена Настасия А., привет мужу Николаю С. Прочитай мое письмо, если неладно, то меня ругай, но верно пиши ответ мне скорей, я теперь часто стала слезы лить». Активно используют чужую речь для обозначения эмоций и женщины с явно более высоким уровнем образования, опираясь в качестве прецедентных текстов на другие источники («Добрый день, дорогой муженек Васечка!! Шлю я тебе свой педагогический боевой привет и желаю тебе хорошего здоровья»; «О! встреча, встреча, когда же она будет?»).

Представление о том, каким должно быть письмо солдату, судя по всему, влияет и на тематизацию писем.

Первая тема подборки — любовь и связанная с ней ревность. Перед нами развертываются одна за другой бурные сцены: подозрения — обиды — обвинения — уверения в собственной верности. О любви авторы писем пишут довольно сдержанно и заемными словами, явно сказывается нежелание женщины выглядеть в глазах читателя распущенной, хотя именно любовь воспринимается как то, что может склеивать отношения на расстоянии.

Ревность воспринимается как неотъемлемая составная часть любви. Это самая частая тема подборки. Боязнь измены со стороны мужа, ответные и превентивные клятвы в верности составляют большую часть содержания писем, и в этой части авторы активно проявляют себя стилистически. Одни выстраивают образ своей эмоциональной жизни по неким «высоким» моделям (романс, кино), другие — по моделям «ближнего» порядка, но в том и в другом случае можно говорить, что в сознании адресантов именно эта — высокая, эмоционально заряженная, небытовая — часть отношений воспринимается как наиболее значимая для поддержания чувств и письменного запечатлевания. В развитии этой темы мы видим развитый регистр отношений: от робких попыток вызвать ревность до прямых обвинений; от мягких недоуменных оправданий до страстных уверений в собственной верности. Сочиняя тексты по явно известным обеим сторонам правилам, женщины расковываются и, подобно актрисам на сцене, разворачивают свой образ как особы кокетливой, самоотверженной, скромной и т.п.

Вторая тема реализуется через упреки и оправдания, связанные с редкими письмами от мужчины или же отсутствием писем в течение длительного времени. Адресанты — среди них немало женщин с маленькими детьми, беременных, невест — эмоционально и статусно очень зависимы от адресатов, ответная форма переписки имеет для них огромное значение. Женщины все время считаются, кто на сколько писем ответил, кто проявил инициативу, кто написал больше, кто меньше. Это, с одной стороны, объясняется тем, что жена или невеста солдата, являясь частью локального сообщества, сравнивает себя с другими женщинами

в подобном положении и не хочет выглядеть хуже других. Кто-то волнуется, что солдат пишет письма «Силонковой Марусе, из какого интереса, что она мне все хвалится, или вы меня дразните обои? Мне-то пропиши, мне сколько не было писем, а она получала». Кто-то, что остался без фотокарточки — символа особенных отношений: «Вся и обида на тибя, что ниприслеш карточку, весь век этим буду обижина на тибе». Кроме того, столь пристальное внимание к регулярности переписки можно объяснить и потребностью в регламентации ритуала переписки, и опасением потерять лицо, то есть продолжить писать тогда, когда становишься уже в тягость, так как мужчина увлекся другой, и, наконец, страхом получить не письмо, а похоронку.

Третья тема, как ни странно, самая малозначительная, касается повседневной жизни. Казалось бы, для разлученных близких людей важным должно быть упоминание именно мелочей домашней жизни. Оно есть, но является доминирующим только в переписке Файнбомов, где муж интересуется бытовым устройством жены и дочери, а жена, в свою очередь, подробнейшим образом отвечает на его вопросы, видя в этом интересе привычное проявление заботы.

В других письмах если речь и идет о повседневной жизни, то это, скорее, перечисление общих — сельских новостей: «Леня, может тебе кто писал, у нас помер Князев Гриша левый. Леня, пиши ответ, буду ожидать. Леня, ваши зарезали твоего бычка, осталась одна корова. Няня себе купила две пары туфлей, одни 170 р., одни 150 р., жикетку новую, носят в будни серую, а из ентой сшили Маруське пальто и Леньке штаны». Упоминаются посылки, которые отправляют на фронт, говорится о смене места работы, о перемещениях родных, о изменениях, связанных с войной (все школы заняли под лазареты и т.п.). Обыденная жизнь авторов писем проваливается между строк, лишь изредка давая о себе знать: «Леня, я ходила на курсы полмесяца на испытание, сдала икзамент на трактор, получила книжку тракториста первой котигогрии, посылали меня из МТС на курсы шофера, но я не хочу, поработаю еще третий год на тракторе, а на осень тогда буду учиться дальше, а весной будем работать у женской бригады».

Очевидно, что война потребовала от женщин решения множества насущных проблем, но бытовые трудности как будто бы находятся за пределами того важного, что, как кажется адресантам, должно содержаться в письме. Можно допустить, что кого-то беспокоит военная цензура и они не хотят раскрывать интимные стороны своего частного существования или просто опасаются писать о плохом. Цензурой можно объяснить также и то, что женщины как будто вовсе не интересуются, в каких условиях находятся их мужья. Возможно, отсутствие рассказа о течении жизни связано с тем, что был нарушен режим ежедневного общения с мужчиной, когда повседневные заботы не нуждались в проговаривании, а просто вместе проживались, создавая ткань семейной жизни, когда обсуждалось только то, что воспринималось как проблема, — плохие отношения с кем-то, новые нехватки, реже — новые приобретения. В любом случае навыка заинтересованного разговора о быте у корреспондентов явно нет. Возможно, это связано с нежеланием огорчать фронтовика (хотя страстные сцены ревности считаются в письмах абсолютно уместными) или отсутствием его отклика на рассказы о повседневном. А. Солженицын, рассказывая в «Одном дне Ивана

Денисовича» об отказе героя от переписки с женой приводит вполне убедительную мотивировку этого странного поступка: зачем переписываться, если я все равно не могу ей ничего посоветовать или чем-то помочь. Возможно, и женщины-адресанты ждали совета или хотя бы моральной поддержки, но, не получив их, ушли от этой темы, ограничиваясь более универсальными и годными для «полноценной» переписки проблемами: любовь, измена, ревность.

Отчаянно сражаясь с непривычной для них письменной культурой, авторы писем подборки, как могут, отстаивают свое частное счастье. С помощью писем они изо всех сил возвращают своих мужей домой, к знакомым словам, привычным перепалкам, даже тематически не впуская войну в свои письма.

ЖЕНЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: «МИЛЫЙ ВАНЯ, ТЕПЕРЬ БЫ ПОЛЕЖАТЬ С ТОБОЙ» (1939—1940)

Ниже приводятся письма, собранные и скопированные В.М. Зензиновым в Финляндии во время советско-финской войны 1939—1940 гг. Письма принадлежали военнослужащим Красной армии, погибшим в боях.

26 ноября 1939 г., Мария Чуркина — Ивану Чуркину

Письмо. Добрый день или вечер, здравствуй, мой дорогой и много уважаемый муж Иван Иванович. Шлю я тебе свой пламенный привет и привет от дочки Шуры, и желаем мы тебе всего наилучшего в жизни, а главное здоровья. Во первых строках спешу описать, что я Ваше писмо получила 26-го, которое писано у тебя 20-го. Ваня, я тебе на каждое писмо даю ответ, но я пишу, а тебе не передают, так я-то причем. Ваня, ты у меня отнимаешь последнее здоровье такими писмами, но Ваня, ты писал — те хороши, а это еще лучше. Спасибо за ваше оскорбление, но я... и не разрешу кому-то быть на мене, я и помру, но знать никого не буду, кроме тебя, и меня чтобы никто не знал, но Ваня, я тебя еще считаю мужем, а поскольку ты нашел лучше, то живи и радуйся, и меня не вспоминай, и таких писем писать бы не стоило, а я тебя тогда забуду, когда закрою свои глаза и зароют меня в землю, а я с другими жить не думаю, и не надо мне некого. Но как ты хотишь сделать так, как Серега Караулин, то воля ваша, и я над вами не смогу распоряжаться. Ваня, делай что хотишь, и не навязываюсь я на тебя, а жаль мне дочки, что она много примет всего, а моя такая судьба, так я могу и помереть, пожила и довольно, потому что я вижу с ваших писем, что ты со мной и жить не хочешь, но я тебя, мой дорогой муж Ваня, силой не заставляю и на тебя не навяжусь.

Но Ваня, я Ваше письмо получила и прочитала, да и села сразу писать, но не могла написать до 3-х часов ночи, и пишу, а еле, так я и глаз не могу открыть. Но Ваня, как я живу в Сенном, да все бы так жили, так не один бы муж не обидился, а так тебя прошу, что если ты хочешь жить, так пиши писмо, а то так и не пиши и не вспоминай ничего, и не растраивай меня, и зачем ты, Ваня, пишешь, что я и проститутка и занимаюсь. Ну и обидно, что я даже не могу и смотреть ни на кого, до чего доплакала. Ваня, ты думаешь, что я не еду домой, так и нажила кого, но нет, дело совсем не в этом, а озером до Жемчужной на конях не ездят, так я куда поеду, но теперь стало морозить, и числа с 5-го хочу просить, чтобы уехать. Ваня, я чистый расчет не получала, не знаю, что причитается. Пока на этом кончаю, пиши ответ сразу, если считаешь женой, а все же буду ждать ответа с нетерпением. Писала вами извесна ваша жена М.В. Чуркина. Ваня, я домашние письма отправила оба к тебе — дяди Вани и от крестного.

28 ноября 1939 г., Евдокия Кожанова — Иосифу Кожанову

Письмо 22 ноября. Письмо своему супругу Иосифу Егоровичу. Во первых строках моего письма я хочу собщить о своей жизни. Я сейчас, миленькай Восичка, ничего. Миленькай Восичка, я сегодня тебе несу на почтву посылку, носки, перчатки и там кое-что. Миленкай Восичка, я еще хочу сообщить о том, что я ездила умаску калимпиаду играть песни. Я не одна ездила, а 15 человек из колхоза, одиннадцать баб и четыре мужика. Милай Восичка, дали нам за это по 14 руб. денег и бесплатный обед, чего толька душа желает есть, так что одним словом хорошо. Миленькай Восичка, еще я хочу сообщить о том, что я как замечаю, ты на меня обидился, что стал редко слать письмы, получила я только ответ за двадцать второе число октября, а то более не получила, а сейчас уже 27 ноября, уже более месяца, а я, миленькай Восичка, на каждая письма даю по три, по четыре ответа. Миленькай Восичка, может тебе и некогда, ну надо хотя понемножку ну слух подавать, миленькай Восичка, а то очень я думаю, что тебя уже и нет. Миленькай Восичка, Толичка наш с тобою очень хорошо говорит, как иду по хлеб, и ждет с гостинцами. Миленькай Восичка, тогда не скоро я тебя дожду, миленькай Восичка, ты хотя припиши, сколько тебе служить и, может, на отпуск приедешь. Усе распиши, миленькай Восичка, не думается, что я тебя дожду, нет, что никогда ни вижу во сне, хотя бы поглядеть, какой ты, а то уже позабыла, какой ты был. Миленькай Восичка, если бы ты тахтаталкавал, то тахта с ума сойдешь. Миленькай Восичка, иду куда, усе думаю, и где стою, думаю, толька не думаю, когда ночи спю. Миленькай Восичка, чтобы у меня были крылья, тогда я к тебе прилитела, хотя бы поглядела, где ты находишься. Я когда была у Москве, и гнали военных, и очень мне нехорашо стало, не стала я на их глядеть, не могла сама себя усипинить. Милай Восичка, если бы ты дома был, сейчас усе бы отдала свое, осталась бы, только в чем стою, и то бы жила на свете. Миленькай Восичка, ты пиши письма нашим, а то ты, наверно, и не знаешь адреса. Ну, Восичка, новостей у нас нету никаких. Снег лежит, Егорик письмы шлет редко, моя мать хочет приезжать сюда. Ты напиши им письмо, посылай их усе тики, мне бы было веселей, а то кругом одна. До свиданья, миленькай, получишь посылку, дай ответ, и письмо дай ответ. Кланяется тебе твой Толичка, твоя жена Евдокия.

28 ноября 1939 г., Настасья Крылова — Николаю Крылову

Пишу письмо, о ком скучаю,
О ком я думаю всегда,
Кого я лучше всех считаю
И не забуду никогда.
Напишу я письмецо, бумажка вроде льдиночка,
Пишу я первое словечко, здравствуй, ягодиночка,
Пишу письмо, рука трясется, гляжу на время — первой час.
Неужель на эту руку мне ответа ты не дашь?

Здравствуй, дорогой любящий мой муж Николай Сергеевич, от жены твоей Настасии Александровны посылаю я тебе свой сердечный привет и желаю всего

хорошего в нашей молодой жизни. Дорогой мой Коля, сообщаю я тебе в том, что здесь нам очень скучно. Пришла к матке второй день и решилася вам написать письмо. От тебя, Коля, писем нет, весь месяц прошел и домой не могли дождаться. Видно, Коля стал любовь держать врозь, забывать хочешь, но мне вас, Коля, не забыть до смерти. Я сейчас ожидаю домой и думаю дождаться и вместе жить, а ты, Коля, не знаю, как думаешь. Дорогой мой Коля, мне [нрзб.] Ваня сказал, что он командиром еще год не придет, и говорят на сверхсрочную остался, но Коля, почему ты домой ничево не пишешь своим родным? Я неантиресна, так есть родные. Дорогой мой Коля, давай пиши, не думаешь меня забыть, то пиши письма чаше, забудешь, дак нечего не сделаешь. Я, Коля, очень расстраиваюсь, сегодня здесь весь день на постели прокаталась и все ревела. Дорогая моя ягодка, не забывай меня, стал писать письма через месяц и два, все, и нет, и домой нет, а у нас говорят, оступился. Но, Коля, все глаза испортишь, дорогая моя ягодка, давай домой, не забый меня, и я, так же посылает сердечный привет твоя теща Мария Ипатовна и братик Николай А. зятю Николаю Сергеевичу, и еще низко кланяется братик Василей И. и сестра Анна А., также ихние дети своему братицу Николаю Сергеевичу.

Дорогой Коля, ты писал, как тятя. Коля, тятя все в больнице, писать нечего, не пишут. Раньше писал, что по-старому болезнь не поддается. Саша к нам не бывал, никто, живем с маткой одни, очень, Коля, скучно, все, Коля, тебя ожидаем с нетерпением домой, не знаем, дождемся или нет. Дорогой мой цветочик аленькой, давай не забывай старую любовь, и также и меня, приходи, если отпустят, скорее домой, никуда не записывайся, Коля, если не так думаешь, то давай верней тогда пиши ответ на это письмо, и что не ладно пиши, дорогой мой Коля. Я очень вас жалею, истосковалася, вспоминаю каждую минуту я вас, а вы не знаю, как думаете, дорогая моя ягодка и дорогой мой Колечка. Не забудь меня, пиши письмо почаще, я тебя никогда не забуду. Пиши мне, Коля, письмо, пиши ты всегда. Затем досвидания, целую я тебя.

Коля, у нас время все работники работы ночке много затянулись. Писать нового нет пока. Прощай, прощай, и еще раз прощай. С приветом, твоя жена Настасия А., привет мужу Николаю С. Прочитай мое письмо, если неладно, то меня ругай, но верно пиши ответ мне скорей, я теперь часто стала слезы лить.

28 ноября 1939 г., Эльза Васильева — Николаю Васильеву

Из Чихграда привет!

Любимый муж, Колюсенька!

Сейчас уже 20 часов, только что кончила готовить, изготовила такие блинчики, за которые ты меня хвалил, вот сейчас чувствую определенно поблагодарил бы. Попила чаю и опять решила хоть пару слов, но написать, ведь мое письмо, все равно, как будто бы я с тобой рядом — разговариваю, являюсь — невидимкой, да? Я так до того вглублюсь в твое письмо, что несколько раз одно и тоже перечитываю безотрывно. Колюсик, мой милый, ты пойми, что мне сейчас еще на много больнее, чем это было до 20.XI, до чего все-же эти финны вредные, что им надо, зачем они лезут, ведь они все равно против нас никто. Колик, я не говорю, что и с нашей стороны не будут кровопролития, но и не забываю никогда, что

ты мне говорил: «Я связист, во время войны лучше, безопаснее». Я никогда не хочу и слышать, что с тобою может что случиться, нет, нет! Ты как был, таким и вернешься ко мне. Колик милый, я жду каждую минуту передачу по радио, о заключении мира с нами...

Получил ли мою посылочку? Напиши в Кандалакшу, она ценная. Колинька, знаешь могу только одно тебе сказать, что в случае если с тобой что случится, знай и меня не будет тогда. Это точно, мой любимый Колик.

Ведь прошло уже два года нашей разлуки, и я ни на одну минуту не могу забыть о тебе, ты мне настолько любим, что никто, никогда. Я раньше не могла поверить, что мне может кто-либо так понравиться, нет, я стала самостоятельной и боюсь, что от грусти по тебе еще за этот год мне вся голова поседеет. Меня и не узнаешь, когда встретишь. О! встреча, встреча, когда же она будет?

Коля, пойми, это говорит сердце, а слезы сейчас неудержимы. «Ремень», «ремень», так и слышится твой голос, но нет, я одна. Так часто стала просыпаться ночью, после твоего письма, где ты написал, что приедешь в отпуск. Так и кажется во сне, что ты стучишься, шинель накинута на плечи, мол тепло, я подхожу к окну, а ты не узнаешь меня, спрашиваешь, «где Эля», «позовите ее». Так обидно, вот вспомнив сон, опять слезы льются. Колюсинька, я не верю снам. Ты тоже не верь. Не смейся, Колик, что ты получаешь зарплату, а если правда, то хоть десятку, да пришли. Ладно?

Колик, я еще, не перешла никуда на работу, пиши все на Райфо. Пиши по возможности чаще. Целую любимого мужа. Вся твоя жена Эля.

Пиши, жду.

Хоть какая, да твоя вся.

29 ноября 1939 г., Антонина Никитина — Василию Никитину

Добрый день, дорогой муженек Васечка!! Шлю я тебе свой педагогический боевой привет и желаю тебе хорошего здоровья.

Вася, милый, дорогой, ты мой муженек, неужели мы с тобой последний раз в жизни прощались и больше не увидимся, нет, мы будем за тебя просить Христа ради, чтобы ты был бы жив. Век я тебя не забуду только, когда будешь жив, не забывай нас.

Дорогой муженек, тебе посылают родительское благословение мама, папа, я и дорогой детенок Валенька.

Вася, всем нам жаль тебя, что ты там душеньку свою мучаешь, страдаешь за нас, мы хотя в тепле плачем, а ты там страдаешь. Хотя бы сберег бы ты себя, пожили бы с тобой побольше. Вася, если может быть что можно послать тебе свинины или послать денег. Вася, дома все так тихо и сохранно, можно жить, только тебя нет.

Пущено три овцы с ягнятами и корова.

Вася, если будет все тихо, то приезжай домой.

Валя ходит около лавки, в зыбке качается сама, кричит тятя, тятя. Только тебя нет. Как получишь письмо, то сразу же дай ответ. Привет тебе от мамы, папы, Вали и от меня.

Тоня

Вася, я тебя вовсе во снах не вижу. И как ты уехал, ни разу как следует я не спала, все так скучно. Мне вспоминается, как ты все же хорошо ко мне относился. И мне тебя во-веки не забыть, сильно скучно без тебя.

Привет тебе от моей тети, она тоже по тебе плачет. И спрашивает, пишешь ли ты письма или нет?

Вася, как получишь, то сразу дай ответ.

Целую тебя 1000 000 000 000 раз. Твоя Тоня

5 декабря 1939 г., Елизавета Горшкова — Федору Горшкову

Добрый день, Федя, шлю тебе свой сердечный привет и крепко целую тебя. Милой мой Федя, писмо я твое получила вчера, которое ты писал 28 ноября. Федя, ты пишешь, что сейчас находишься в бою. Федя, ты бы знал, как я сейчас волнуюсь, не знаю ни дня, ни ночи, ничего прямо на ум нейдет, что делаю и сразу забываю, и не знаю, писать тебе писмо или нет. По радиу передают каждой день все, что фины везде все ставят мины и очень много получается взрывов. Федя, я прошу тебя, ты как-нибудь, а оставайся взади, а не ходи наперед, если кто идет позади, то хоть и будет взрыв, но задние все могут отбежать и остаться живыми.

Феденка, милой, я не знаю сейчас, ты жив или нет, и пишу писмо, то прямо не вижу свету, плачу и если я еще на это писмо не получу никакого ответа, то, кажется, не буду жить на свете, если только что случится с тобой. Федя, я теперя каждой день сижу и слушаю радио до 12 часов ночи, и даже дольше сижу, и утром опять в 6 часов включаю радио и слушаю извесге, что передают, и вот почему-то они не передают, сколько наших красноармейцев погибло, или еще они не знают сами. А про самолеты сказали, что наших два не вернулись на свое место, а финских 10 не вернулось.

Федя, ты бы знал, что у нас сейчас творится, все школы большие заняты под лазареты, где был дворец труда, заняли верх и низ все, и торгсин тоже магазина нету, и Вера где учила, Вовка, все заняли, и книжной магазин напротив торгсина тоже заняли, и много других школ. Почти полгорода все занято под лазареты, и собрали всех врачей и сестер из больницы, все мобилизованы. Федя, я даже теперь не могу спать по ночам, только засну памаленьку, и сразу просыпаюсь, и опять в голове все мысли всякие ходят, все-все передумаю, и сны все сняться худые, не знаю прямо. И что хотя ты бы скорей приехал, кончилось бы все скорей, Федя.

Пиши мне чаще, если будет время, я буду знать, что ты жив, и хоть не так буду расстраиваться, как сейчас. Я даже не могу писать сейчас, не знаю, ты где находишься. Пока, Федя, все, целую тебя крепко-крепко. Пиши ответ скорей, я жду, Лиза. Федя милой, пиши, я жду.

8 декабря 1939 г., жена — Александру Федорову

Добрый день

Веселый час пишу вам и жду от вас! Здравствуй, Саша, шлю я тебе свой пламенный сердечный привет и желаю всего хорошего в вашей Красноармейской жизни. Во первых строках моего письма, Саша, я тебе сообщаю о том, что, Саша, я твоих 2 письма получила, за которые очень и очень благодарю. Саша,

одну письмо я получила 7 ноября, вечером в 7 часов принес ее твой товарищ с Смирновым Сашей, я ее как получила и тут же написала тебе, а 8 ноября ее отнесла в военный городок, меня вперед туда не пускали, а потом взяли паспорт и пропустили, там я ее отдала в библиотеку, где принимают письма, это мне велел Смирнов Саша, он говорит, через военный город она быстрее дойдет, и ты ее, наверно, не получил. После этого письма я тебе послала еще четыре письма, и всего я тебе послала пять писем, эту посылаю шестую, и ты пишешь, ни одного не получил. Я твои тоже получила только два, одну по почте и одну с рук. По почте получила ту, которая была послана 1 декабря, а я ее получила 7 декабря, а теперь я посылаю и думаю, ни знаю, дойдет или нет. Я думаю, тогда не получал и эту тоже не получишь.

Саша, ты пишешь, думаю ли я чего по отношению к тебе. Саша, как же мне не думать, если б я не выходила замуж и не знала тебя, тогда бы я, конечно, ничего не думала, а раз вышла, то уж теперь нужно думать, и сколько я думаю, ты об этом не знаешь, и ты меня ругаешь, что я тебе не шлю письма, Саша, ведь я в этом не виновата, что они не доходят, и я твои тоже не получаю, и в этом никто не виноват.

Саша, ты пишешь, я обиделась, что ты уехал. Саша, я об этом даже ничего и не думаю, я знаю сама, что ты уехал ни по своему желанию, а теперь пиши мне, как ты живешь, какое твое здоровье, какие там есть у вас новости. В общем, описывай все. Саша я живу хорошо, все так же, как и жила по-старому. Работаю на старом месте, живем мы все вместе, все работаем.

Саша, тебе привет от Сими, Люби, Людмили и от свахи Насти. Саша, новостей у нас здесь нет никаких, все по-старому, погода у нас стоит холодная.

Саша, прислала мне мама из деревни письмо, тебе привет, хотя говорит, я его не знаю, но привет ему напиши. Ругать она меня не ругала, а только рано, говорит, вышла, нужно бы немножко подождать, а я ей написала, теперь уже нечего ждать, а раз вышла, то уж теперь буду жить.

Саша, я живу хорошо, обо мне и не думай, и не беспокойся, а думай о себе, и оставайся жив и здоров, и пиши чаще письма.

Я на беленьком листочке
Только, Саша, для тебя
Напишу четыре слова,
Что люблю, люблю тебя.
Тебя любить я вечно буду,
Поверь же слову моему,
Что вас люблю и не забуду,
Верна я слову своему.
Я каждый день порою плачу
Лишь потому, что я люблю,
Я вас люблю, любить и буду,
А нет — умру я от любви.
Когда луч солнечный забьется,
Когда потреснет вся земля

И небо с треском разорвется,
Тогда забуду я тебя.
Привет любезный посылаю,
И целую много раз,
Всего хорошего желаю
И много думаю о вас.

Саша, шли ответ как можно быстрее, я жду нестерплением. До свидания, на этом я писать кончаю, жду ответа и целую 100 000 раз.

Пиши быстрее.

11 декабря 1939 г., Валентина Маркова — Андрею Маркову

Добрый день

Здравствуй, дорогой муж Андрюша, низко кланяюся я тебе и желаю всего хорошего в твоей жизни, а всего главное — быть тебе, Андрюша, живому и здоровому. Андрюша, я тебе сообщаю, что писмо я твое получила 8 декабря и за которое так была рада, что ты, Андрюша, писал, что жив и здоров. А мне болше и ничего ни надо, только бы был живой.

Андрюша, когда я услыхала, что перешли границу, то я все время плачу и сильно мне тебя жалко. Андрюша, неужели мы с тобой такие несчастные, что нам с тобой больше не видаться, неужели моя такая судьба, что жить одной?

Андрюша, здесь, говорят народ очень много все, что как вы там воюете. Андрюша, у нас сегодня 9 декабря привезли от вас с границы 14 человек убитых, и нас смотреть не пустили, кого привезли, не знаем. Андрюша, пишу писмо, а сама плачу, что, может, и тебя уже и нету, дорогой. Андрюша, хорошо, чтобы ты был жив, то и я бы всегда была счастлива, и также мой ребенок.

Андрюша, писать я ничего не могу, потому что расстроена, и голова не работает, и забываю, чего пишу. Андрюша, пиши письма чаще, хотя много я не прошу, только писни, что жив, и больше ничего ни надо, я хотя буду убеждаться на твой почерк.

Андрюша, писать нечего, сама жива, крепко тебя целую, Валя

Тамара Пахелюк: «Я ТЕБЯ ЖДУ, КАК ИЗ ПЕЧКИ ПИРОГА» (1939)

Ниже приводятся письма Тамары Пахелюк мужу Аксентию Митрофановичу Пахелюку, проходившему службу в Красной Армии. Биографическую информацию об авторе и адресате писем установить, к сожалению, не удалось. Письма вошли в коллекцию, собранную В.М. Зензиновым в Финляндии во время советско-финской войны 1939—1940 гг., поэтому с высокой долей вероятности А.М. Пахелюк погиб в боях.

19 ноября 1939 г.

Киров 19 ноября 1939 г.

Добрый день, моя дорогая Коняга. Сеня, я тебя очень ругаю за то, что ты мне не пишешь писем. Если на то пошло, то учти, что это писмо будет последним и я тебе больше не буду писать, раз ты мне не пишешь, или ты там загулял, что не можешь написать жене писма и очень приходится за тебя беспокоиться? А ты думаешь, это хорошо, если я буду все время только думать, где ты и что с тобой, так что тогда из меня получится? Это же отразится на ребенке, конечно. Если тебе не надо сына, можешь совсем не писать, я тебя не прошу, а то все приходится тебе напоминать, чтоб ты писал. Ты что ли сам не знаешь, что ты не один, а у тебя есть жена и сын? Я посмотрю, так другие женам все время пишут, а из тебя, как из жилы, приходится все тянуть. Если тебе некогда писать много, так хоть слова два, и то для меня это хорошо. Туська, пиши пожалуйста, ладно? Мой мальчик, ведь ты у меня хороший котик.

Туська, как у тебя дело с глазами? Ты смотри, не стесняйся, скажи врачу, что у тебя болят глаза, а то если не вылечишь глаза, то я тебя не буду любить. Туська, я живу все у отца, так ничего пока. Не знаю, как быть с тобой — тебя матка, наверно, не пустит, ведь она вообще тебя не любит, а отец хворает сильно, не знаю, встанет или нет. Но это все ерунда, лишь бы ты приехал, а тут все устроим. Туська, матка все ворчит, дескать, у тебя будет ребенок, так он мне покою не даст, все будет пищать, говорит, если бы я раньше знала, что ты в положении, так не пустила бы на квартиру, а сейчас, видишь, ей никак нельзя, чтоб меня выгнать, а еще будет ребенок, так тогда тем более она засохнет, а уж ей наш сынок задаст ей жару, будет орать, так она побегает, тогда попсихует, туська, но я ее не боюсь нисколько, пусть ругается, ей ведь не привыкать, она вообще такая, ты сам знаешь.

Туська, я ходила [в] военкомат, выписала дров 2 кубометра, но потом подумала, чего я ради буду дров навозить, так и не стала брать, а мне машину давали у вас в гороже, но я не стала брать, а толька привезла из горожа, уплатила денги 80 р. с маткой на пополам и им. Хватит с меня, верно, туська, я им не плачу за

квартиру, а вот только дров 2 кубометра привезли, и буду жить, пока ты не приедешь, а там видно будет, как дальше.

Туська, но я думаю, что ты долго не приедешь, ведь сейчас сам знаешь, какое у нас положение. Туська, и я думаю, что рожать я буду без тебя. Я очень боюсь, думаю, что умру, хоть бы ты приехал, посмотрела бы на тебя, тогда и умирать не страшно, а то вдруг умру, и тебя здесь нет, ты и знать не будешь, ведь телеграммы не принимают до вас, а письмо пройдет сколько, что меня десять раз можно похоронить.

Туська, пиши сразу ответ, пока писать больше нечего. Крепко-крепко тебя целую (Тома), и сынок тебя целует крепко.

26 ноября 1939 г.

Добрый день, Сеня. Сеня, я сейчас только получила твое писмо, которое ты писал 19 чис[ла]. Сеня, это тоже нехорошо с твоей стороны, что ты мне не пишешь. Последнее писмо ты писал 9 числа, и после этого больше не было вот до сегодняшнего дня. Это значит, выходит, что ты меня очень любишь, что я не знаю, писать тебе письма или нет, у меня тебе лежат написаны два писма, но я их не посылала, потому что не знала, где ты и что с тобой. Ты сам виноват, что не получаешь моих писем.

Сеня, теперь я тебе отвечу на писмо. Ты пишешь, что я наверно вышла замуж, то это неверно. Тебе может кто-нибудь написал, вот ты там и сходишь с ума. Это, Сеня, у вас в гараже сплетни распустили. Мы с Валькой вчера приходим в гараж, а мне Саламатова говорит, что, дескать, у нас здесь говорят, что Тамара Пахелюк вышла замуж. Так, Сеня, ты представь, мы с Валькой чуть с ума не сошли. Это выходит, что без меня меня женили. Дорогая туська, ты, пожалуйста, не думай, я этого никогда не позволю, а это я сама дура, что тебе так тогда написала. Мне сказали, а я сгоряча и написала, мне бы не стоило писать, и все бы было хорошо, или тебе наверно с гаража написали, то ты так там и сходишь с ума, но это зря. Во-первых, куда же я пойду замуж, когда живот на лоб лезет, мне ведь осталось еще только полтора месяца ходить за сыном. Ведь, Сеня, ты сам подумай своей головой, что кому я сейчас нужна с твоим добром. Нет таких дураков, которые бы свою голову толкали в петлю, верно?

Дорогая туська, я тебе еще пишу, ты за это не думай, я тебя жду, как из печки пирога, а ты на что пишешь? Нет, Сеня, я тебя люблю и буду любить до самой смерти, и никому не позволю, чтоб кто-то лез ко мне со своим поганым рылом. У меня есть муж и сынок, и я вас обоих только на свете и люблю, и ты, туська, знай, что про Томку ты никогда в жизне не услышишь, чтоб ее кто жухнул. Дорогая туська, я другой раз замуж ни за что не пойду, хоть и тебя не будет, все равно буду воспитывать сына, а мужа мне другого не надо. Я сейчас не могу прямо смотреть на мужчин, до того они мне противны.

Дорогой мой косоглазый дурачок, ведь Томка любит только тебя. Туська, ты пишешь, чтоб я послала карточку, то я тебе еще раз пишу, что я боюсь тебе посылать, думаю, что не дойдет. Туська, если это писмо получишь, то пиши, я тебе тогда в следущем писме пошлю карточку. Я все думаю, что она не дойдет,

потеряется, ну а если это письмо дойдет, и ты напишешь, что получил его, то в следующем жди карточки, ладно, туська?

Туська, Саламатов приехал домой, он здорово пополнел, прямо рожа лопнуть хочет. Туська, а ты ничего мне не пишешь, когда приедешь домой. Дорогая туська, но знай, что хоть сколько ты там будешь, Томка тебя только одного любит и ждет домой. У меня ведь не десять сердец, чтоб любить многих, раз у меня есть один мой дорогой хохол, и мне никого не надо больше.

Дорогой мой маленький туська, сына я не выбросила, и не думаю, потому что это жизнь моя, а ты пишешь, что я его, наверно, выбросила. Если бы мне не надо было сына, то, во-первых, я бы не допустила, чтоб забеременеть, но раз тебе надо ребенка, и мне тоже, то я его и храню пуще глаз своих. Валька и то надо мной смеется, что, говорит, я с проходенком трясусь, как жид. Туська, это Валька нашего сына зовет проходенком, это в честь тебя — если, говорит, ты прохода, значит, сын у меня проходенок. Туська, я сына берегу, хожу осторожно, чтоб не упасть, что ребенка калечить — он ведь не виноват, что родится, и я не хочу, чтоб он у нас был урод, а чтоб был крепкий и здоровый, как папаша, замена тебе.

Дорогой туська, я сыну сшила рубашки, и пеленки тоже есть, вот только у меня нет одеяла для него, но я думаю, это черное, что у нас есть, я думаю, что ничего, и оно только холодно ему будет, новерно, ведь сын родится в самый мороз. Ну как-нибудь до дому дотащу, не замерзнет, что сделать, раз не могу купить теплого одеяла. Туська, меня только одно беспокоит, что ты не приедешь скоро, а мне одной как-то страшно без тебя рожать, я думаю, что умру.

Дорогая туська, ты за меня не беспокойся, а то похудеешь, будешь не хороший, и я тебя тогда не буду любить. Моя маленькая туська, не скучай, я думаю, что мы скоро будем вместе. Писать пока нечего, жду от тебя ответа с нетерпеньем. Целую крепко-крепко в самые губки.

Твоя Томка. Сынок папку тоже целует в самый носик и ждет скорей дамой.

Нина Бавина: «ТЫ ЧИТАЙ ВСЕ ЭТИ ТОЧКИ И УЗНАЙ, ЧТО ПИШУТ СТРОЧКИ» (1939—1940)

Ниже приводятся письма Нины Бавиной мужу Алексею Конидовичу Бавину, проходящему службу в Красной армии. Биографическую информацию об авторе и адресате писем установить, к сожалению, не удалось. Письма вошли в коллекцию, собранную В.М. Зензиновым в Финляндии во время советско-финской войны 1939—1940 гг., поэтому с высокой долей вероятности А.К. Бавин погиб в боях. В примечании к данной коллекции Зензинов указал, что письма были переданы ему Дж.Л. Стиэром (G.L. Steer), корреспондентом лондонской газеты «Daily Telegraph», подобравшим их 20 марта 1940 г. возле Кухмо; бои под Кухмо закончились 13 марта, в последний день советско-финской войны.

24 декабря 1939 г.

Писмо пущена 1939 года 24 декабря. Добрый день, многоуважаемый Леня. Леня, во первых строках моего письма я вам сообщаю, что мы пока живые и здоровье наше тоже пока хорошее. Леня, того и вам желаю, чтобы быть здравыми и благополучно отслужить, чтобы встретить друг друга все по-хорошему. Леня, теперя я тебе прописать хочу о том, что я так очень соскучилась, прямо не знаю как. Как будто я тебя не видала уже год, а ведь только еще один месяц.

Леня, почему ты на мои письмы не даешь ответы? Леня, я так дюжа много вынуждена тем, что тебе я посылаю уже четвертое письмо, а от тебя ответу нет. Леня, или ты не хочешь мне совсем писать письмы, или что обижается на меня, или нет время вам писать? Леня, поясни ты это все мне. Леня, или я настолько не достойна пользоваться твоими мыслями, или я не должна ждать тебя, или, может, кто чего плохого написал, или я не такие пишу тибе письмы? Леня, так постарайся, напиши мне хоть одну, и пропиши мне все, чтобы я знала что-нибудь одно. Леня, ты сулил мне карточку, а теперь, оказывается, тебе и письма нет охоты прислать.

Леня, мы сейчас учимся опять на повторных курсах, все девушки, нас заставляет принудительно М.Т.С. учиться, и организовывают женскую бригаду. Меня М.Т.С. выдвинули на курсы шоферов в Ворошиловск с 15 января по 15 июня учиться, шесть месяцев, но у меня нет охоты ехать, на тракторе работать буду, а туда не знаю точно, поеду или нет. Леня, учимся мы с 8-ми часов утра до четырех вечера, на два месяца. Учиться нам нетрудно, потому мы повторяем.

Но Леня, пока все, с тем досвиданья. Ленечка, мигом напиши ответ, хоть пять слов, я ожидаю. Леня, прописывай, кто с тобой новоселицкие и какие у вас условия, все все описывай, и пиши сам.

К сему Бавина Н.И.

29 декабря 1939 г.

Лети, лети, листок,
На дальний восток,
Лети, возвивайся,
Никому в руки ни давайся,
Дайся тому,
Кто рад сердцу моему, —
Бавину Лене.

Письмо пущена 1939 года 29 декабря. Добрый день, многоуважаемый мой друг Леня. Леня, посылаю я тебе свой мягкосердечный пламенный привет.

Леня, брось работу, брось ты все,
Ты прочти письмо мое.
Ты читай все эти точки,
Узнай, что пишут строчки.

Леня, ты живешь в далеком краю. Леня, я за вас ничего не знаю. Леня, ты пиши мине за все свое положение, Леня, и пиши, как ты сам себе чувствуешь.

Леня, что ты пишешь своим, как будто ты больной лежишь в больнице, почему ты мне ничего напишешь, как будто ты тоскуешь, а тут ваши мне проходу кидают, говорят, что я вас присушила. Леня, ну зачем так ты пишешь? Неужели ты так думаешь? Наверно, я боле твоего тоскую. Ну, я думаю, на чужой стороне еще труднее.

Леня, ты пишешь, тебе может пустят домой, почему или ты дюжа не хочешь там, или причина какая? Леня, ни обижайся, что мало написала, я сейчас в школе на перемене. Леня, пиши ответ, я ожидаю. Не знаю, как скучно без тебя, на улицу ни хожу, дома дюжа скучно. Леня, я буду фотографироваться во весь рост, пришли карточку и ты. Леня, во весь рост снимись у шинели, чтоб я тебе знала, какой ты.

3 февраля 1940 г.

Письмо пущена 3 февраля 1940 года. Письмо пущена от Б.Н.И.

Добрый день, многоуважаемый мой Леня. Леня, теперь я тебе пропишу все подробно. Леня, я получила от тебя сразу три письма, за которые очень и очень я тебя благодарю. Леня, хотя я уже и не ожидала от тебя, ну видно, что ты еще не совсем забыл. Леня, но только ты не обижайся на меня, что я тебе буду писать, потому что у меня за два месяца наболело всего много, и хорошего, и плохого. Леня, ты пишешь, что ты послал мне карточку. Никогда я не поверю, что ты послал мне карточку. Если бы ты мне послал, то я бы получила, а то, значит, наверно жалко, Леня, тебе карточку, что ты как клялся, а наконец и бросил меня в грязь лицом, всем прислал карточки, а мне наместо карточки прислал такую письмо, что и не стала я ее читать, мигом я ее тут же разорвала, как глянула на конверт и сразу узнала, какая письмо.

Правда, Леня, обидно, что я не достойна твоей карточки, ну пусть также будет по-твоему, и наверно, что ты никогда свою ухватку не бросишь. Как тут ты был, так и опять ты делаешь. Как жалко, кто чего-нибудь написал, так ты психанул. И ваших нет, и наврал, что я больше тебе не буду писать письма и не пришлю карточку. Я тебе писала, как человеку, а ты думал, что я у тебя чего отнимаю, что ли, и ждала от тебя советов и радости, а ты, Леня, прислал нужды и горя, ну что ж, ничего я с тобой не поделаю, тебе, Леня, пересиливают сестры, а если бы ты их почитал, а меньше слухал, то дело было лучше.

Леня, наверно, я тебя никогда не перевоспитаю на самостоятельный путь, как бы ты не серчал, но нужно держать на сердце, но не на языке. Мне он тоже можно тебе послать такую письмо, что и не стал читать, но а я перенесу на сердце. Эх, да, придет сам, узнает все, и уладим все.

Леня, но хоть ты и обижаешься на меня, а я думаю, да лишь бы ты был живой. Если придешь, то никогда не будешь обижен, ничем, пока помрешь. Леня, ты сам по себе сознай, скучно сидеть, никуда ни ходить. Леня, на улицу я хожу у две недели раз, у неделю раз, но с ребятами я не была еще ни разу, посмеюсь, потанцую, и домой. Леня, на Новый год девчата мои все ворожили, а я не ворожила, потому что нету охоты. Пошла, потанцевала и ушла дамой. Что я, на самом деле девка, что ли, чтоб люди смеялись.

Леня, хоть и писмы не хочешь ты писать, но а я все же буду ждать, когда придешь. Не сойдемся, или ты женишься, тогда я себе буду искать, а сейчас мне неплохо одной. Усе у меня есть, ни в чем не нуждаюсь, а пока придешь, у меня тогда одного [нрзб.] чего-нибудь. Леня, теперь я тебя пропишу, чем я занимаюсь.

Леня, я ходила на курсы полмесяца на испытание, сдала икзамент на трактор, получила книжку тракториста первой котигогрии, посылали меня из МТС на курсы шофера, но я не хочу, поработаю еще третий год на тракторе, а на осень тогда буду учиться дальше, а весной будем работать у женской бригады.

Леня, пропиши ты мне, почему ты так обижаешься, что прислал такую писмо, и плохо, и плохо. Леня, я хочу успросить, для чего ты пишешь письма Силонковой Марусе, и с какого интереса, что она мне все хвалится, или вы меня дразните обои? Мне-то пропиши, мне сколько не было писем, а она получала.

8 февраля 1940 г.

Письмо пущена 1940 года 8 февраля. Письмо от Б.Н.И.

Пишу своему другу Лене. Леня, примите от меня мой мягко сердечный горячо пламенный и крепко любовный привет, и пожелаю я вам, Леня, всего хорошего в вашей жизни, чтобы отслужить свою службу благополучно, и поумнеть хоть немного в жизни, и придти домой самостоятельным красноармейцем, и дельным, и бросить свои все дурости. Леня, еще я передаю привет всем новоселицким ребятам, которые с тобой служат, Леня, особенно Плужинскому Ивану — передай, что его жинка мне говорила: Нина, будешь писать письмо Лене, то передай Ване, пусть обо мне не беспокоится, так что ждать я его не очень собираюсь, ходит она с ребятами, и ночует у Дуси Пискуновой каждый день. Я ходила к своей сестре, а мне бабы говорили, и она говорила мне, уже

десять после его было. Но, Леня, хотя я с тобой не жила, и проводила тебя, но не решаюсь себя в позор кидать, хотя нам и с тобой не придется, может, жить, ну все же думаю, что надо жить посложней, чем как распускать себя, пока я не очень рискую на это дело.

Леня, хоть ты и погордился, письмо мне написал, что и не ожидай от меня карточки и письма, и порви мои карточки, но я все же сдержалась и перенесла все, никто не знает, но письмы писать тебе не стала до тех пор, пока ты одумался, и дождала от тебя, тогда стала писать и я тебе ответы.

Леня, я знаю уже твой характер и твои думки, ты до тех пор со мной ладный, пока никто ничего не говорит, а как только кто чего написал, и ты разгорячился, и думал совсем уж навеки расстаться, а одумался, опять жалко стало, так что, Леня, брось людей слухать, а думай, одно лучше дело будет. Леня, ты обижаешься на меня, что я тебе не пишу письмы, поэтому перестала писать, что ты не велел, и я насильно писать не буду, а буду писать до тех пор, пока буду получать от тебя. Леня, пиши письмы до тех пор, пока живой, и не забывай за меня, тогда не получишь измены никогда и от меня.

Леня, теперь я тебе пропишу за твоих товарищей. Митю Плотникова проводили мы 4 февр. в армию, а сегодня проводили Коткова Васю и Жору Ламакина, так что мы провожаем и провожаем, а дожидать мы не знаем, когда будем вас.

Леня, когда настала нам разлука,
Леня, тогда настанет нам пора,
Тотчас с тобою разлучились,
Не знаю, встретимся когда.

Леня, так часто я тебя вижу во сне, каждый день. Леня, так я скучилась, хоть бы я поглядела отдаля на тебя, наверно, Леня, нам не придется с тобою встречаться, что так дюжа мне сердце болит, и волнуюсь, не знаю, живой ты там или нет. Леня, как я за тебя пострадала, и еще мне придется страдать в пять раз больше. Но если придешь ты живым, и забудешь меня, то лучше признайся сейчас, не тревожь ты меня дальше, оставь мне в покое.

Леня, когда умру, когда скончаюсь,
Тогда схоронишь ты меня,
На память розы ты посадишь,
Тогда за все, за все прощу, Леня, тебя.

Леня, пока с тем до приятного свидания. Ленечка, пиши ответ, буду ожидать с нестерпением, и не обижайся на меня, и за все прошлое прости меня, Леня, вся и обида на тебя, что не пришлешь карточку, весь век этим буду обижена на тебя.

Леня, не обижайся за все, пиши, пиши ответ, Леня. Нина

3 февраля 1940 г.

Леня, еще я тебе пропишу. Ты писал задоверенность, не жди и не поминай. Я, Леня, у тебя не отымаю и не верю, а ты уже начал думать, совсем что не нужно.

Я об ней не дюже беспокоюсь, но только придешь опять, трудно будет жить. Ничего не будет, а у их все будет, им, конечно, лучше будет. Леня, Ваня Федюкин не жил с своей Еленой и прислал ей доверенность, а матери нет, мать родную, и то изменил, и карточек уж четыри прислал, она в надежде об нем думает, а я с ней встречусь, мне аж стыдно, она начнеть и спрашивает, а мне и письма нету.

Леня, я не хочу обидеть и ваших, если бы они были со мной родней, а то когда спросишь, нянь, нету письма от Лени, они и не разговаривают со мной, и говорят, что нехай хоть не ждет она его, все равно придет, кого я схочу, того и возьму, а он не слухает и обставляет, как хочет, а я говорю, тогда пускай женится, дай бог счастливо жить с другой, но не так мучиться, как мы жили, а мне пока одной хорошо, мне сейчас никто не нужен, а буду ожидать, пока ты придешь, живой будешь, пусть говорят как хочут. Леня, если бы ты так думал, как я думаю, то еще можно было рассуждать дальше.

Леня, пиши ответ и не обижайся на все. Перенеси на сердце, а виду не давай. Леня, если бы няня со мной ладила, я бы даже могла тебе послать что-нибудь хорошее, а то они можеть посылают посылку, и вместе с ними я каждый раз тебе слала бы гостинец, но, Леня, если будешь по-хорошему писать, то пришлю и я тебе посылку, или денег. Леня, пришли карточку, если не жалко, я хоть посмотрю, какой ты сейчас. Леня, все пока ничего, но одно плохо, дюже скучилась, хоть бы я теперь отдаля глянула на тебя.

Леня, может тебе кто писал, у нас помер Князев Гриша левый. Леня, пиши ответ, буду ожидать. Леня, ваши зарезали твоего бычка, осталась одна корова. Няня себе купила две пары туфлей, одни 170 р., одни 150 р., жикетку новую, носят в будни серую, а из ентой сшили Маруське пальто и Леньке штаны.

Леня, пиши ответ, несчетно раз прошу тебя, не забывай миня.

Лети писмо на дальний восток,
Лити, возвивайся,
Никому в руки не давайся,
Дайся тому,
кто рад сердцу моему.

Нина

Леня, Леня, пропиши все, и я тебе тогда напишу много, и все-все пропишу. Леня, Жору, Васю и Митю будут брать в армию, и много мужиков с часу на [ча]с дожидаем, берут и берут.

Лидия Прокофьева: «НО ВИНОВАТЫ В ЭТОМ ОБОИ» (1942)

Юрий Емельянович Кочуков родился в 1921 г., в начальный период Великой Отечественной войны был минометчиком, пропал без вести в сентябре 1942 г. Биографическую информацию об авторе письма, к сожалению, установить не удалось.

20 января 1942 г.

Здравствуй, Юрочка!

Ты, как я вижу собрался обижаться на меня, что я тебе якобы не пишу, но ведь это неправда, и ты ко мне так несправедлив. Я от тебя получила письмо только 18 января, из которого узнала твой адрес. Как видишь, я от тебя не получала письма... как было бы хорошо, если б тебе дали увольнительную и ты бы смог приехать в Москву. Я буду тебя ждать...

Пока до свидания, Лида

10 февраля 1942 г.

Дорогой Юрочка!

Как я была рада твоим письмам. Мне казалось, что я теперь счастливее всех. Да, это действительно так. Оказывается, так приятно любить и быть любимой. Ведь я никогда не испытывала еще этого чувства по-настоящему и это у меня впервые. Ты мне можешь этого и не говорить, но я говорю тебе только правду. После твоего письма у меня, конечно, не может быть никаких сомнений, а если они и были, то теперь они все рассеются.

Юрочка, постарайся выхлопотать себе увольнительную. Я понимаю, что это очень трудно, но, может быть, удастся. Мне так хочется тебя видеть! Я очень часто вижу тебя во сне, но просыпаюсь и тебя нет, и так становится обидно, что это только во сне, а не наяву. На днях я пойду фотографироваться и вышлю свою фотокарточку, хотя я очень не люблю их никому давать. Я немножко верю в приметы. Говорят, что когда даришь карточки, то быстро друг другу надоедаешь. Но мне кажется, что с нами этого не случится...

Пока до свидания. Целую. Поверь, что это пишу я впервые и лишь потому, что пишу тебе. Лида

21 февраля 1942 г.

Здравствуй, Юрочка. Почему ты мне ничего не написал о том, как доехал, ведь ты знаешь, что меня это беспокоит, тем более что ты поехал без билета.

Я вполне с тобою согласна и полностью поддерживаю твои слова о нашей встрече. Да, она была действительно несколько странная и пустая. Я так тебя

ждала! И вот все вышло так глупо. Впрочем, так бывает всегда. Но виноваты в этом обои. По правде говоря, я немного растерялась, увидя тебя, а когда стала чувствовать с тобою свободнее, то ты должен был уже уезжать. Конечно, лучше забыть об этой встрече и ждать новой, но уже не такой...

Пока, до свидания. Крепко жму руку. Лида

ПЕРЕПИСКА Раи Клейман и Марка Файнбома: «Я БУДУ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ТОЛЬКО ТЕБЕ. А ТЫ?» (1941)

На столе передо мной перевязанные тесемками пачки пожелтевших писем, открыток, конвертов с пометками «Воинское» и «Просмотрено военной цензурой». Это письма моих родителей, написанные друг другу в 1940—1943 гг. Несколько сотен писем. Они писали почти ежедневно, чаще ночью, чем днем, в любых условиях: сидя с грудным ребенком на узлах в теплушке поезда, увозящего их в эвакуацию; в деревенском домике при свете коптилки; в грузовике, везущем солдат по фронтовой дороге; в окопе или землянке в коротком перерыве между боями; на больничной койке. Они мечтали о том дне, когда победят фашистов, ибо эта победа станет их личным счастьем: счастьем встречи и превращением «бумажной» любви в реальную.

Кто они — авторы этих писем?

Она — Клейман Рая (Раина, Купринская Трили) (1921—2004): чувствительная и романтичная поэтесса, эгоцентричная и кокетливая красавица, создательница и хранительница домашнего очага.

Он — Файнбом Марк (Маркс, Миша) (1918—1995): воплощение душевности, самозабвенной заботы и альтруизма, никогда не теряющий оптимизма и ласковой искорки в прекрасных бархатных глазах (перешедших, к счастью, по наследству ко мне, моему сыну и внуку).

Они поженились 1 января 1940 г., а 18 сентября 1940 г. папу призвали на действительную службу и отправили в Баку. И начался этот роман в письмах. С июня 1941 г. по март 1946 г. папа служил ефрейтором 178-го зенитно-артиллерийского полка под Москвой, а мама 10 июля 1941 г. была эвакуирована с 6-месячной дочкой, матерью и сестрой Кларой в Башкирию, где работала литературным редактором районной газеты.

Папа всегда держал данное слово, сдержал и это: вернулся с войны. Они прожили вместе 56 лет, вырастили троих детей, справили золотую свадьбу и совершили чудо: сохранили присланные друг другу письма и фотографии, нося их, как самую большую драгоценность, на собственном теле и в эвакуации, и в окружении, и в боях, и в многочисленных переездах с квартиры на квартиру, и при репатриации в Израиль в 1992 г.

Теперь Рая и Марк лежат рядом на кладбище в г. Беер-Шева, а письма у меня, и мой долг — сохранить этот чудесный факел любви, согреть им других.

Жанна Глозман

30 июля 1941 г., Раина Клейман

Милый Маркс!

Дни в ожидании твоего письма тянутся медленнее черепах. А ждать еще, наверное, не менее 10 дней, а может, и больше. Уж скорее бы, а то ожидание становится просто невыносимым. От папы тоже никаких вестей нет. Мы здесь как будто от всего мира оторваны. Единственное, что радует, — это радио. Оно есть даже в комнате, которую нам дали. Когда я слышу голос диктора «Внима-

ние, говорит Москва!», мне кажется, я совсем близко от тебя, мой любимый, голос диктора сулит мне скорую встречу с тобой.

Родной мой, в последние дни, мне кажется, положение сильно улучшается. И, может, скоро, скоро я смогу приехать к тебе. Кажется, большего счастья, как победа над этими проклятыми немцами, не может быть сейчас. Ведь тогда надолго заглохнут все войны, и наше личное счастье гарантировано. Нам ведь совсем немного надо, только быть вместе. Не правда ли, любимый?

Знаешь, Маркс, здесь совсем неплохо, где сейчас нахожусь. Здесь нет только удобств цивилизованного города (электричества, водопровода, канализации, а тем более газа, ванной и телефона), но здесь замечательное место, как в сказке. Кругом села исключительно красивые горы, протекает речка «ИК», хрустальночистая, с очень быстрым течением. По улицам, как в зоопарке, проезжают люди в повозках с запряженными в них верблюдами. Некоторые ездят на волах и, конечно, на лошадях тоже. Очень интересен базар в воскресенье! Как на картинках я видела раньше; в старых провинциальных городах такие базары были. На базар большинство приезжает на верблюдах с окрестных деревень, расположенных в горах. Башкиры очень хороший и гостеприимный народ. А вообще, село представляет из себя настоящий интернационал. Здесь живут до 10 национальностей: башкиры, татары, мордва, чуваши, русские, украинцы и другие.

Вчера мы ездили в горы за сеном, чтобы набить матрацы (лошадь мне всегда, когда надо, дают редакционную). Никогда еще я не была в таких чудесных местах, как вчера. Но во время всей этой деловой прогулки мучили мысли о тебе. Ведь какое блаженство было бы, если бы мы были вчера вместе.

Родной мой, о Жанночке не знаю, что писать. Она чудесная девчонка. Скорее бы тебе увидеть ее. Ну, кончаю. Крепко, крепко целую тебя. Жанночка тоже целует — она уже умеет сама.

Твоя Раина.

[Приписка сбоку:] В каждом письме повторяю адрес, потому что боюсь, что не получил предыдущих.

Башкирия, Кугарчинский район, село Мраково, редакция «Знамя Коммуны»

5 августа 1941 г., Маркс Файнбом

Моя родная, милая Раиночка!

Получил сегодня твое письмо от 26/VII, вчера от тебя не получал и тебе не мог писать, оказывается письма идут не 5—6 дней, а 10 дней, и на раньше не надо нам с тобой рассчитывать. Папе, я уже тебе писал, что стараюсь, и никак не удается позвонить, раньше я ему часто звонил, а сейчас не знаю, когда будет возможность. А писать я думаю бессмысленно, раз вы ему написали. Миленькая, о вещах ценных, сейчас не до них, а вот необходимые вещи, которые вы не сумели захватить, это плохо, нужно будет, чтоб папа постарался вам выслать.

Любимая моя, вот у меня предчувствие, что только сегодня ты должна получить мое первое письмо, интересно, верное ли у меня предчувствие? Ну а я ведь тебе говорил, чтобы ты никогда не думала, что меня уже нет в живых, ведь я же бессмертный для тебя, я ведь жажду тебя увидеть и Жанночку нашу, и вот увидишь, что в скором времени я Вас увижу, в этом уж меня предчувствие не должно обмануть. А если что-либо случится, ну если убьют, то я сразу тебе сообщу. Ладно,

миленькая, у меня немного сейчас веселое настроение, хочется немного с тобой пошутить, но знаешь, хотелось, очень сильно хотелось бы не на бумаге, а быть сейчас вместе с тобой, ласкать, целовать тебя, опять все приходится накоплять, я буду все беречь до встречи. Знаешь, милая, твои слова о верности твоей немного лечат больное место, а я тебе клялся и всегда останусь верен своим клятвам, ведь я же люблю тебя, ты это можешь понять или нет! Вот была б ты сейчас рядом со мной, то ты б это поняла, я б тебя заставил понять, «физически» внушил бы тебе, но это невозможно, ты должна поверить этим листкам, милая ведь ты веришь? А я опять повторяю, что был и буду тебе верен, и всем клятвам данным тебе. Раиночка, дорогая моя, почему ты не пишешь, как вы живете: вместе с Кларой, или отдельно, да вообще более подробно, как Вы там устроились. Мне вот не понятна твоя должность в редакции, какие твои функции, ну и опиши, о чем тебя спрашивал в предыдущих письмах.

Милая, а относительно гитлеровских варваров, то мы их «очень любезно» встречаем, приятными гостинцами, но это только цветочки, а ягодки они увидят после, это будет их крах, ведь из-за них проклятых нам пришлось с тобой расстаться на такое далекое расставание. Хорошо, что хоть ты можешь слушать последние новости и быть в курсе военных действий. Миленькая, знаешь, как я доволен, что ты меня вспоминаешь в 24, 1, 2 и 3 ночи по местному времени, ведь я в это время тоже всегда думаю о тебе, да не только в это время, а всегда, всегда.

Раиночка, ты вот пишешь, что когда ты приходишь «домой», то Жанночка всегда тебя весело встречает, а кто с ней дома, и далеко ли «твой дом» от места работы, и как днем, разве ты сейчас ее не кормишь, ты ведь ни о чем почти не пишешь. Знаешь, Раиночка, я вот мечтал, что скоро буду приезжать домой часто, ведь я должен был работать, и уже было начал работать, а сейчас она подрастает все больше с каждым днем, и она даже не будет меня знать, да? Смотря сколько я ее не буду видеть, ведь я же ее скоро увижу, верно? К зиме обязательно, иначе и быть не может?

Любимая, хотел сегодня больше тебе написать, но наверно видишь, что я спешу, и всего, что хотел тебе написать, не сумел, ну до завтра. Много-много раз целую тебя и Жанночку.

Привет всем. Ваш Маркс

P.S. Раиночка, а конверты ты все же посылай в письмах. И почему последний сделан тобой из бумаги?

15 августа 1941 г., Маркс Файнбом

Милая моя Раиночка!

Я тебе эти дни почти пишу ежедневно, уж не могу дождаться, когда ты сообщишь, что получаешь мои письма. От тебя я тоже стал редко получать, ты писала 30, 4/VIII, видишь, какие перерывы, и вот уже 2-й день прошел, а от тебя все нет писем, возможно в этом и не твоя вина, нам, по-моему, нужно завести реестр. Я его заведу с данного письма. Это для того, чтобы узнать, пропадают ли письма, так же и ты сделай, ну пока это письмо к тебе дойдет, то ты получишь не одно уже мое письмо. Раиночка, а письма от тебя ходят не больше 10 дней, а от 4-го шло всего 8 дней.

Любимая моя, в такое время я тебе еще ни разу не писал, вернее, не мог писать... Только недавно прослушал последние новости и все время думал про тебя, ведь ты, наверное, тоже их слушала? Сейчас пишу тебе в это время, ведь мы никогда не спим, ну а возможности писать тебе почти никогда не было. А сейчас во время ожидания. Как бы этот проклятый людоед не помешал окончить тебе писать! Я вспоминаю, когда я был в Баку и сейчас, какая огромная разница в моих мечтах и желаниях, ты, наверно, поймешь меня. Ты ведь единственная, кто понимает меня. Раиночка, любимая моя, ты мне побольше и подробней пиши о себе и Жанночке, а Жанночка ведь она уже большая, ходит она или нет, ведь она раньше болела. Вот бы увидеть Вас! Миленькая, ты чаще пиши, ведь ко мне письма очень редко приходят. Знаешь, как трудно их ждать. Кончаю, хорошо, что сумел кончить писать.

[Сбоку:] Много-много раз целую тебя и Жанночку. Ваш Маркс

18 августа 1941 г., Раина Клейман

Дорогой мой Маркс!

Сегодня 10 месяцев, как ты уехал. Не так когда-то я надеялась, да и ты также, встретить этот день. Раньше я думала, буду скоро счастлива. 10 месяцев, а потом год, а потом 2-й — уже «пустяки», скорее проходит, ты будешь часто «дома бывать»... Мечты! Мечты! А теперь когда-то мы еще увидимся?!

Грустное начало, не правда ли? Но я вовсе не впала в отчаяние. Я уверена, что мы еще увидимся. Просто мне тяжело сейчас. Жанночка еще не выздоровела. Сегодня ей хуже, t°38. Лекарства, которые я ей давала по предписанию врача, не действуют. А врач, который уже 2 раза был, убеждает меня, что у нее небольшой бронхит, а t° от поноса. Не знаю, что делать? Может, не следовало бы тебе сейчас об этом писать, но я не имею права скрывать от тебя состояние дочери. Любимый мой, я опять, кажется, хандрить начинаю. Ну да это ведь всегда так, когда тебя нет со мной. Чтобы я только не отдала бы сейчас, чтобы быть с тобой вместе. Все, кроме Жанночки!

Дорогой мой, сегодня получила твое письмо от 5/VIII. Наконец-то! Ведь целую пятидневку уже я не получала твоих писем. Уже чего только не передумала.

Вчера мы переехали в другую комнату. Мы теперь живем в одной комнате с террасой и кладовой. Ну и участок есть. Раньше мы жили в целом доме, и не наготовились бы дров его отапливать. Поэтому и переехали. Эта комната тоже от учреждения в коммунальном доме. Живем мы, конечно, вместе с Кларой — так хочет мама. Она ведь «хозяйка на двоих». Она не хочет, чтобы мы разъединялись. Хотя мне жить вместе с Кларой мученье, но я ничего не могу сделать. Но напрасно, любимый, ты думаешь, что она может повлиять на меня. Хотя она иногда и уходит куда-то по вечерам, говоря на «работу»... но я вовсе не собираюсь следовать ее примеру. И вообще довольно «подкапываться» под меня и «предупреждать». Сказала — люблю, значит, люблю и буду верна!

Милый, я живу за 5 м от работы. Новая квартира рядом со старой, так что я могу по-прежнему ходить к Жанночке несколько раз в день. Ну а остается она, конечно, с мамой. Ну а о том, что она (Жанночка, конечно) не будет тебя знать, то это чушь. Она уже сейчас лепечет «па-па», а ведь абсолютно никого из мужчин не видит. Я ей, наверное, через молоко передала свою любовь к тебе,

и она тоже любит и думает о тебе. Вот так и знай: она тебя сразу узнает, когда ты приедешь. Только приезжай скорее.

Я ведь ее учу «папа, папа», а она как попугай повторяет за мной. А подрастет, я буду ее учить на твоей фотографии узнавать тебя.

Ну, кончаю сейчас. Завтра еще напишу.

Целую тебя много, много раз за себя и нашу дорогую девочку.

Привет от мамы.

Твоя Раина

Посылаю конверт. Буду в каждом письме посылать.

25 августа 1941 г., Раина Клейман

Милый Маркс!

Сегодня, наконец, получила тое письмо от 15/8. Ты от меня получаешь неаккуратно письма, а я от тебя — это ведь старые знакомые нам проделки почты. Особенно сейчас, чего уж гадать. Я отнюдь не каждый день получаю от тебя письма, хотя ты пишешь почти каждый день. Я тоже пишу почти каждый день. Во всяком случае, перерыва 4 дня — не бывало, как ты пишешь, между 30/VII и 4/VIII — больше одного дня, ну один, ну может раз или два — 2-х дней, перерыва в письмах не было.

Любимый мой, вчера, после того как отправила уже тебе письмо, у Жанночки была нормальная t°, сегодня утром 37,8°, а час тому назад, когда ходила кормить, опять нормальная 36,9°. С одной стороны, меня пугают всякие скачки t°, а с другой стороны, ей видимо лучше. Она такая проказница стала. Только и требует, чтобы ее на руках держали. Увидит меня, так и рвется ко мне «ма-ма», «ма-ма». А как только мама поманит ее от меня, она и к ней преспокойно идет. Но на меня все время глядит с маминых рук. Сегодня на работу мне не давала идти. Как я сделаю шаг к дверям, так плачет и тянется ко мне. Так под плач и ушла.

Сегодня получила от папы тоже открытку. Он пишет, что пока не собирается к нам ехать. Мне кажется, что напрасно. Кстати, милый, когда будешь звонить папе, то скажи, пусть он пошлет тебе бандеролью конверты. У меня их в шкафу осталось очень много. А здесь у меня самой их мало. Без марок конвертов я здесь в продаже не вижу, но, конечно, пока папа не пришлет тебе, я буду посылать. Я, в крайнем случае, и склеивать смогу — бумаги у меня много. Пусть папа и мне пошлет конверты. Папа пишет, что 10-го послал тебе 30 р. До чего мы дожили, милый?! Разве ты говорил ему, что тебе нужны деньги? В этот же день я тебе отсюда тоже послала 30 р., а 10-го прошлого месяца, когда уезжала из Москвы, послала еще из Москвы 30 р. Напиши, или ты получил эти деньги.

Ну, кончаю, любимый, крепко, крепко целую тебя за себя и Жанулю. Твоя Раина

4 сентября 1941 г., Маркс Файнбом

Моя родная любимая Раиночка!

Не знаю прямо, с чего тебе начать писать, первое, что я сегодня выписался с больницы, я уже чувствую себя хорошо, но еще немного слаб, для чего

требуется питание, и, конечно, сильно похудел, но это ничего, я ведь быстро выправлюсь.

Милая Раиночка, я ведь сегодня сразу получил твоих 8 писем за 11, 12, 13, 15, 18, 19, 20 и 22-е. Ты себе не представляешь, какая радость, но одновременно и сразу пришлось перечитывать, ведь я же ничего не знал, я все читал письма, ожидал что вот в следующем ты напишешь, что ей легче, но так и не дождался этого. Я просто не знаю, что делать, ведь вы так далеко от меня. Вот если б мне сейчас крылья, или самолет, я бы сразу к Вам примчался, но это ведь невозможно, я теперь не дождусь следующего письма.

Дорогая Раиночка, я ведь за эти 2 недели очень много навидался, ведь там же с нами и дети лежали, болея поносом, и те, за которыми был плохой уход, умирали. Знаешь, как меня сейчас в ужас бросает, ведь понос — это очень скверная болезнь, я сужу по себе, я ведь тоже был недалеко от смерти, но я своим организмом перенес, и немного меня успокаивает то, что ты с ней, и она, наверное, скоро выздоровеет. Раиночка, милая, знаешь как обидно, когда ты пишешь, что я ее мало люблю или редко смотрю на ее фото, ведь я все время почти смотрю на тебя и на Жанночку, когда есть свободное время, и все время мечтаю о нашей встрече, а когда она будет? И не я к Вам приеду, как ты пишешь, а по моему, Вы ко мне приедете, а вернее, это видно будет.

Раиночка любимая, сегодня у меня еще одна неудача, я сегодня с утра поехал в Москву на рентген, там я быстро освободился и позвонил папе на работу, а его уж там не оказалось, мне сказали, что он уехал в Уфу, но я думаю, раз он уехал, то, значит, к Вам. Но знаешь, как обидно: звонил домой, наверное, около часа, и никто не подходит к телефону, пойми увольнительная у меня до 23 ч., а я уже давно приехал, недавно пообедал и вот пишу тебе. Я ведь из больницы и папе одно письмо написал, но он уже, наверное, его не получил, значит, абсолютно мне некому стало звонить, был один папа, и он уехал, но ничего не поделаешь...

Миленькая, я чувствую, что по моей вине ты будешь сильно волноваться, ведь я тебе всего 3 письма из больницы написал, и вот сегодня, но сейчас я буду тебе часто писать при первой свободной минуте. Но, родная, ты не злись, ведь я был сильно болен, да мне и врач не давала бумаги, потому что я был очень слабый, ну не будешь злиться ладно, ведь я и сам переживал. Думаешь, мне легко было: ведь я знал, что ты ждешь моих писем, а я не могу тебе писать. Но этого уже больше теперь не будет.

Любимая моя, я получил твоих 8 писем, и прямо не знаю, что тебе раньше ответить, и знаешь, как сердце ноет, как хочется, чтобы ты это письмо хотя бы послезавтра получила, и от тебя получить быстрей письмо, где ты пишешь, что Жанночка уже здорова. Знаешь, миленькая, как приятно читать, что наша дочурка уже произносит слова папа, мама, а особенно папа, я не знаю, что отдал бы, чтобы побыть сейчас с Вами, ну все кроме тебя и Жанночки, но это ведь невозможно... Ну, любимая, сейчас кончаю, а предчувствие у меня, что пока это письмо дойдет, Жанночка будет уже здорова, ну до завтра.

Много-много раз целую тебя и Жанночку.

Твой Маркс

Папе привет.

5 сентября 1941 г., Маркс Файнбом

Любимая моя родная Раиночка!

Сегодня от тебя нет письма, не дождусь, как бы быстрей прошел день, ведь я же не знаю, что с Жанночкой, хотя предчувствие у меня, что ей должно стать легче, но ведь это должно подтвердиться твоими строками, а пока я сильно нервничаю, беспокоюсь. Я, милая, начинаю поправляться, только малыми темпами, нужно усиленное питание, но придется поправляться без «усиленного». Я получил твои 30 руб., которые как раз сейчас особенно мне пригодятся.

Дорогая моя, и у тебя материально не сладко, из 50 руб., которые у тебя остаются, ты мне 30 посылаешь, а 20 на твои личные расходы. Надо что-либо придумать, ты пока продай мой костюм, а там, если не сумеешь подработать, то придется что-либо придумать. Раиночка родная, я сегодня опять звонил домой, и вроде все там вымерли, никто не подходит к телефону, хотя бы Перовы подошли, но целых ½ часа никто не подходил, мне хочется узнать, когда папа уехал, так и не удалось.

Милая Раиночка, а интересно все ты пишешь, но как ты не можешь понять, что я день и ночь только и думаю о тебе, и мне хочется знать, что ты в каждую минуту, час делаешь, а особенно после работы. Ведь я же люблю тебя, понимаешь, сильно люблю, ведь моя любовь не такая, как у всех, и я ведь тебе верен, и ты знаешь, что твоя малейшая измена для меня значит. Вот Клара с первых дней стала вечерами уходить, но их жизнь с Исаем понятна, но ведь я с тобой мечтаю о совершенно иной особенной счастливой жизни, а ты думаешь, что я спокойно переношу, что ты работаешь среди одних мужчин? И ты вовсе не считай меня глупым, я уже столько начитался, а особенно последняя книга Драйзера «Титан», да и вообще видал, какие случаются в жизни случайности, вот они меня и мучают, а ты, вместо того чтобы успокоить, пишешь, что если буду тебя подозревать, то уже все равно, и ты используешь мое подозрение! Видишь, любовь моя, какая ты жестокая, ну как мне сейчас думать ну скажи? Да еще, в каком я сейчас времени и положении нахожусь... Ну представь себе: ты не получаешь от меня месяц, а может быть, и больше писем, ведь это же сейчас возможно со мной... Я там, где я буду находиться, я буду с ума сходить. Думать о тебе, а ты подумаешь, что меня уже нет в живых, или я не хочу тебе писать (последнего никогда не может быть), ну и на что-либо решишься? Любимая моя, ты не думай, что я тебе не верю, или подозреваю тебя в чем-либо, этого пока нет, но пойми, ведь я люблю тебя, ты понимаешь это, особой любовью, и всякое малейшее меня задевает. Так, любимая моя, и знай: что бы ни случилось, я всегда буду тебе верен, и ничто не сможет приостановить мою жизнь. Даже если я буду ранен, так опять же я буду жив, и вот бы быстрей это время, когда эти проклятые фашисты ноги будут подбирать с нашей земли, а тогда уж и наше счастье!

Раиночка любимая, сейчас опять о Жанночке думаю, сердце ноет, сейчас постараюсь отправить это письмо, у нас в 5 часов вынимают письма на станции, быстрей бы день проходил, я тебе эти дни буду ежедневно писать, ведь я сейчас отдыхаю до 10—11 числа. Много-много раз целую тебя и Жанночку

Вечно твой Маркс.

Всем привет

10 сентября 1941 г., Маркс Файнбом

Любимая моя Раиночка!

Сегодня 3-й день нет письма, но сегодня вообще почту не успели захватить, ведь ей не очень интересуются, ведь они не понимают, как дороги письма для меня и, возможно, для некоторых других. Ну ничего, придется переждать и сегодняшний день. Миленькая, а тебе я пишу ежедневно, завтра у меня последний день освобождения после болезни, а там опять начнется старая обычная жизнь... Дорогая моя, вчера вечером, наконец, мне удалось дозвониться домой, знаешь, я через бюро повреждений узнал, что у нас новый № телефона Г-1-2222. Ну конечно, сразу подошли к телефону, разговаривал с Королевой, она сказала, что папа уехал 26-го числа того месяца, значит, он давно с Вами. Ну, еще о том, что ключ от квартиры у Иосифа, он звонит почти каждый день и часто бывает. Там у них находится открытка от тебя, я им велел переслать ее мне, а когда Иосиф будет звонить или приедет, чтобы он мне бандеролью выслал конверты, ну и условился с ними, чтобы он сказал, когда он будет у нас, и я ему в это время позвоню. Ты знаешь, вся квартира обрадовалась, когда я позвонил, они думали, что я уже давно куда-то уехал, ну и еще хуже... Раиночка, опиши, как папа доехал, все ли он Вам вещи привез, которые Вы не успели взять, ну и где он устроился работать. А жилплощади хватит ли у Вас для него? Моя любимая, хотя сегодня уже не такое сильное желание, но все же я тебе опишу божественный сон, который мне снился вчера, ведь я вчера обещал написать, но лучше если б я тебе вчера его описал. А такой счастливый сон мне вообще никогда не снился за всю нашу разлуку. Ну, начинаю: я переживал момент, что я вроде собираюсь домой, и была осень 1942 г., и сразу я уже дома, мы с тобой готовимся к встрече Нового года, конечно 43-го, хлопот у тебя жуть, чтобы устроить особый вечер, лучше, чем наша свадьба была. Ну, все уже было почти приготовлено к встрече гостей, и огромная красивая елка с электроосвещением, и тут сразу появляются родные, и столько, что не хватает мест. А главное — миленькая Жанночка наша, она такая красивая и уже бегает, а меня так хорошо знает и любит, вроде мы с ней и не были в разлуке, все время почти у меня на руках была. Ты знаешь, я даже тебе не могу описать ее красоты, но во много раз красивей той куклы, с которой она сфотографирована. Ну, Раиночка, все уже сидят за столом, а стол что-то особо украшен всем, у нас с тобой «председательские» места с Жанночкой, 1 тост я произношу в честь именинницы 2-летней, и тут ее расхватывают по рукам, ну и общий одобрительный разговор. Через некоторое время я подымаю бокал в честь проводов несчастливого, плохого 42 года, а ты, моя любимая, в это время была такая полная, румяная, веселая, в общем, такая, какой я тебя хотел видеть, вернее хочу видеть, когда я возвращусь домой. Уж подходит время встречи Нового года, а остается не поднят мною бокал в честь нашей с тобой годовщины, когда ты стала моей, а я твоим. Сразу тушат свет, и зажигается елка разными огнями. Ну, Новый год уже встретили, тогда я поднимаю бокал в честь того, что я не успел в старом году, но это к лучшему, все говорят после этого тоста, я говорю тебе и сидящим рядом с нами, что сегодня должен быть обязательно пьян от счастья. Но чтоб с тобою, милая, любя не поругаться, у нас не обошлось: ты, конечно, начинаешь протестовать и сердиться,

хотя я и не пробовал пить, и обычная твоя фраза «ты пить больше не будешь». Но ты, милая, с предупреждением опоздала: я уже был довольно пьян от поднятых мною бокалов. А тут кто-то тебе сказал, не помню кто, что нужно было тебе меня раньше предупреждать, ну ты еще немного обижалась, ну и, я даже не помню как, но мы уже с тобой играли с Жанночкой, она была такая забавная, и ты особенная была, даже сейчас сердце сжимается. Когда же это совершится в действительности, а не во сне? А потом, родная, опять старое: конец бала, и мы с тобой хлопочем быстрей всех проводить, чтобы остаться одним, уже, конечно, ты больше на меня не сердишься. Вот, моя родная, хоть все же немного счастья чувствовал, ну ладно, это счастье обязано быть у нас с тобой и в действительности, и я уверен в этом. Конечно, милая, я тебе не все мог подробно описать, ведь этот счастливый сон был очень длителен.

Вот это первый замечательный день с хорошим сном, а обычно они все какие-то жуткие, плохие, но я их принимаю в обратном смысле, как мы с тобой условились.

Ну, дорогая моя, до завтра.

Целую тебя и Жанночку. Твой Маркс

13 сентября 1941 г., Маркс Файнбом

Раиночка, моя любимая!

Вчера получил твое письмо от 27-го, а позавчера за 28-е, видишь, как почта работает, хорошо хоть, что они вообще доходят, а ответить тебе вчера не мог, а те все дни с 4-го числа писал ежедневно.

Миленькая, подходит 2-й год, который тебе не придется встречать, хотя до него еще 3 месяца, но все равно с уверенностью могу сказать, что нам его не придется встречать. Хорошо было б хотя бы не в худшей обстановке, чем в настоящее время... Ну и без меня ты его встречать не будешь, даже если у вас будет вечер в редакции, я этого также не хочу, как помнишь, ты хотела быть у подруги на свадьбе. Лучше мы будем в этот день писать друг другу и встречать его, как прошлый год. Я бы не возражал, а то, боюсь, у меня и писать тебе не будет возможности... Но этого не должно быть, да! Раиночка, родная моя, через 3 месяца будет 2 года с того времени, как ты стала моей женой, а мы с тобой вместе и года одного не были, вот жизнь какая жестокая, без всякого нашего согласия разлучила нас, вот я все время об этом думаю, и знаешь как обидно становится! А сейчас дни быстро проходят, а месяцы как долго тянутся, да как-то о месяцах стал мало думать, ведь сейчас другая цель — как бы быстрей уничтожить проклятого Гитлера, ведь иначе и наше личное счастье, о котором мы так много мечтали до войны, не гарантировано нам, ну ты, милая, и сама меня хорошо понимаешь! Раиночка, дорогая, неужели ты думаешь, что я удивлюсь, что ты продала костюм, наоборот, я ведь давно говорил, что его нужно продать, а сейчас за большую сумму и не следовало ожидать, чтобы ты его продала, ведь сейчас никто ничего не покупает, хорошо, если папа захватил кое-что из наших вещей. Ты, пожалуйста, все продай, а валенки вам всем купи и себе платок, чтобы ты зимой не мерзла, а живы будем — этого барахла приобретем в неограниченном количестве. Сейчас главное, дорогая моя, это здоровье твое и Жанночкино, вот

и смотри мне, пожалуйста, следи за собой и за дочей, это, запомни, основное, что я прошу тебя. Кончаю. Завтра напишу больше.

Много-много раз целую тебя и Жанночку. Твой Маркс

16 октября 1941 г., Маркс Файнбом

Любимая моя милая Раиночка!

Какую радость, ты представь себе, я сейчас переживаю, но нет не радость, я не знаю как выразить тебе, какая у меня может быть радость без тебя. Раиночка, родная моя Триленька, я сейчас пишу из дому. Все меня окружает, к чему дотрагивались твои руки, пишу, и, кажется, сейчас ты войдешь, смотрю на Жанночкину кроватку, в которой ее нет, ну все напоминает мне такое близкое, любимое, но смутное без тебя. Опишу тебе как я попал домой: нас осталось 12 человек, уехали с Подольска в Москву. Ты запиши себе в дневник эти числа с 7-го по 16-е, которые у меня останутся в памяти на всю жизнь, я тебе о них многое расскажу, если буду с тобой...

Ну вот, сегодня уже в Бабушкин решили не ехать, ну я с двумя товарищами поехали домой, был у Иосифа, у которого взял ключи. А завтра обратно в часть, ну и опять будем биться, драться, сколько хватит сил, с проклятыми извергами, которые принесли нам столько ужаса и бесстыдно грабят и издеваются над нами в захваченных ими местами. А мстить мне, моя родная, им придется за все, и вдобавок еще знаешь за что: за письма которые ты мне писала в Баку, я их все берег, а сейчас больше их, наверно, не увижу. Они были со мной в чемодане. Миленькая, твоих писем я уж давно не получал, может быть, разыщу несколько. Тебе написал за все время 3 записки, ну я думаю, ты из них поняла меня, где я был, ну а как попал домой, то это случайность, вернее та судьба, твоя любовь, которая бережет мне жизнь, а если сбережет в дальнейшем, то и увижу тебя и Жанночку.

Раиночка, ты даже не захватила наших фото, я их сейчас все пересмотрел, постели очень много осталось, вы почти ничего не взяли, не знаю, как вы там, наверное, мучаетесь.

Любимая моя, сейчас оглядываю комнату: шкаф наш стоит на месте, закрыт, кровать с матрасом, на которой я сейчас буду спать, без тебя, возможно уж даже последний раз... Не знаю, смогу ли я уснуть из-за сильных болей, которые сейчас переживаю: ведь раньше ты на ней одна спала, а сейчас мне придется одному, вот судьба какая жестокая! Затем книжный шкаф, в котором так аккуратно переложены тобой книги и тетради, хочется их целовать, ведь они напоминают мне твои руки. Нашел все конфеты, которые ты оставила, диван и наши сервизы, тоже аккуратно уложены, мамин шкаф и кровать, на которой уже спят два товарища, все на старом месте, даже в нашем уголке все те же шторы, которые нас отделяли от родных. Знаешь, миленькая, сейчас пишу, даже слезы подкатываются к глазам, очень больно, что так судьба сложилась наша, такое короткое счастье, и всему этому виновен проклятый изверг Гитлер. Ну, моя дорогая, сейчас кончаю, ведь больше двух листов нельзя писать, я все равно буду мучиться, все вспоминать, думать о тебе, моя хорошенькая, а завтра может быть опять в бой — мстить до последнего дыхания за все, за Вас, и если придется погибнуть, то со славой, зна-

чит, такая судьба. Ты все же пока напиши пару писем по старому адресу, может еще получу, а если будет другой, то сообщу, а писать буду тебе при первой возможности. Крепко-крепко целую тебя и Жанночку. Вечно твой Маркс.

P.S. Это первое письмо пишу, наверное, чернилами, ведь это же той ручкой, которой писала твоя рука. Письма твои, которые из Башкирии, у меня хранятся при себе, я их оставлю дома. Завтра еще зайду к Иосифу отдать ключи, и если остановлюсь где постоянно, то сообщу свой адрес, а пока пиши по старому несколько писем. Я бы написал тебе еще второе письмо, но время уже скоро 12 ч. Очень устал, давно не спал, вставать надо рано. Твой Маркс

29 октября 1941 г., Маркс Файнбом

Моя любимая Раиночка!

Получил вчера твое письмо от 6/X, ты знаешь, как сейчас стали идти письма сверх 20 дней, иногда даже забудешь, на что жду от тебя ответа, а письма напоминают. А интересно, они на каждой станции задерживаются на пути к нам. Миленькая Триленька, относительно Т. Шевченко я еще б немного с тобой поспорил, но для этой дискуссии мы должны быть вместе. Ну а побывать на Украине, думаю, что все равно будем мы с тобой, и свою давнюю мечту я исполню, забросаю тебя цветами с ног до головы, если только останемся живы, после расправы с фашизмом. Дорогая моя, напрасно ты жалеешь, что уехала из Москвы, ведь сейчас тебе пришлось опять сильным опасностям подвергаться... Ведь эти стервятники бесчеловечны, они не считаются ни с чем, а тем более сейчас, когда они уже на подступах. Я даже доволен, что Вы в безопасности с Жанночкой, я уж один за Вас отомщу всеми моими силами.

Миленькая, как бы я хотел знать, что будет через месяц, два, что-то меня страшит... Опять предчувствие какое-то, только б не нарушили нашу переписку, а остальное мне не страшно ничего. Помнишь, ты говорила, что нас может разъединить обстановка. Но я буду стараться избегнуть этого, самого худшего, которое меня мучает, я думаю, что ты меня поняла. Раиночка моя, насчет посылки тебя, я бы сию же минуту как ты написала, послал бы тебе — но у меня нет этой возможности... Я Иосифу позавчера опять написал и просил его послать тебе, ведь ты, бедняжка, спишь, наверное, на досках, постель только. Сейчас вспомнил, когда я был дома, помнишь, я тебе писал, я ведь провел целую ночь, я сразу при входе осмотрел наш уголок, так больно сердце билось, Жанночкина коляска была пуста, как бы она сейчас тебе пригодилась для нее, наш портрет в рамке ты тоже оставила, но я думаю, что все оставленное нами должно остаться в целости!

Раиночка, домой уж я давно не звонил, здесь у нас нет телефона. Это нужно мне ехать или идти 1,5 км в порт, хотелось бы позвонить, когда в баню пойдем в Сокол, то позвоню. А жизнь у меня хуже стала. Ох, как бы хотелось побыть немного с тобой, так много уже накопилось, чем поделиться, ведь мы всегда с тобой сходились мнениями, помнишь. Я никогда и подумать не мог, что мы и «все» попадут в такое положение, ведь сколько сейчас грозит опасностей, и быть «разъеденены», друг от друга, и еще худшее навсегда? Но об этом я не хочу думать, ведь этого не будет, верно ведь? Миленькая, неужели я к тебе придираюсь лишними подозрениями, все мои подозрения, они не лишние, а только в пользу нашему счастью, я тебе верю, понимаешь, верю, но лишний вопрос и твое под-

тверждение не вредно, ведь мы так далеко друг от друга, и ты знаешь, сколько любви приносит мне, это твое подтверждение о верности, но ты то, неужели не хочешь, чтобы я тебе верил, хочешь ведь да. Ну тогда сама чаще напоминай мне о верности, и я не буду никогда придираться к словам.

Миленькая, почему ты не пишешь, Жанночка наша ведь, наверно, уже ходит, а шалунья растет сразу видно, папины письма рвет. Все простить можно, ну а за письма, так и скажи ей, «шлепать» буду, когда приеду, а также пусть не мешает тебе, когда ты мне пишешь, чтоб на руки не лезла, ведь она уже должна понимать, чтобы она не мешала только, когда мне пишешь, а все остальное время я ей все «разрешаю», что хочет, скажешь да? Раиночка, наверно, и ошибок у меня, ведь мне никогда не приходится их (свои письма) перечитывать вторично, обязательно оторвут, вот и сейчас тороплюсь быстрее окончить и отослать, ну уж ладно, хотя бы с ошибками, только б быстро к тебе доходили.

Кончаю до следующего.

Много-много раз целую тебя и Жаннусю.

Твой Маркс

Всем привет.

5 ноября 1941 г., Маркс Файнбом

Любимая родная моя Раиночка!

Последнее письмо я тебе писал 31/X, а эти 4 дня не мог писать. Ты не злись, ты ведь понимаешь, почему не писал. Миленькая, а у меня какая радость сегодня, я ведь вчера вечером получил сразу 6-ть писем, понимаешь сразу 6-ть, бесчеловечный кто их держал. За 27-е, 29-е, 6, 7, 8 и 10/X, сразу, наверное, не отвечу на все, только на «основное».

Фото и деньги 50 руб., повторяю, я получил. Я снят на пятиминутке. Я уже давно мечтал в военной форме, ну а сейчас даже не знаю, когда придется? При первой возможности, постараюсь и пошлю тебе. А я, наверное, изменился после всего пережитого за прошлый месяц? Дорогая, ты опять о костюме вспоминаешь. Ну как я могу подумать нехорошее, ты, наоборот, все продай ненужное, только б одеться самой с Жанной потеплей, а барахло — ерунда, будем живы, наживем. Мне пока не надо теплых вещей ничего, нам выдали перчатки и теплые портянки. Ты сама позаботься, чтобы Вы не мерзли, а обо мне не беспокойся, в такую горячую пору я не замерзну. Я и не сужу сейчас тебя за забытые тобою дома дневники и фото, ведь у меня тоже так получилось с письмами, которые я хранил по приезде из Баку. Я их оставил на машине (во время боя с этими гадами фашистами, я тебе немного описывал, когда находился в Подольске), думал что после боя возвращусь обратно к машине, которая стояла в лесу, но уже больше не пришлось возвращаться к машине, и письма я уж больше не увижу, все берег и не уберег... А дневники и фото, если Иосиф тебе не вышлет, то не знаю даже, как быть, будем надеяться на одно, на твое возвращение домой.

Вот поэтому я тебя не обсуждаю. Ты была права, надеясь на быстрое возвращение. Но огорчаться особо не надо. Они ведь еще целы, и будут все равно целы. Любимая моя, мне денег в месяц нужно, ну как тебе сказать, и 30 хорошо, и 50 неплохо, ну ты знаешь, что на твое усмотрение, вернее на твои ресурсы, от 30 до 50 руб., не больше пока, а там видно будет, сколько мне надо.

Миленькая Триленька, ты меня сочла за какого-то нытика, и напоминаешь, «что путь уныния к победе не приведет», что же ты думаешь, когда я шел в бой под Боровском, я думаешь, разве тогда грустил, я про все забыл, и была одна мечта точней стрелять, побольше косить гадов, а в мыслях ты и Жанночка были все время со мной. Ну и видишь, я жив остался, возможно, и буду жить?

Раиночка, я очень доволен за твое «веселье», когда ты была в кино с Марусей. Немного свои мысли развеяла, а вот что ты курила, да еще так крепко затянулась, вот на это я на тебя злюсь, да-да, злюсь, и сильно, и не только затянулась, а затягивалась все время. Что же, возможно, ты от горя и переживания еще вино начнешь пить, а мне тогда что делать, ведь у меня во много раз больше горя, чем у тебя, вернее, я не так выразился, мне больше приходится испытывать и переживать всего. Но, по-моему, нехорошо ты поступила, да ведь еще, наверное, на тебя мужчины смотрели, когда ты курила, да? Ведь мы же обещали друг другу терпеть все, ждать. У меня хватает терпения, а у тебя неужели не хватит. Ну не будешь больше этого делать, я даже сейчас пишу и волнуюсь, если б ты закурила шутя, ведь ты можешь опять это повторить и так втянуться в курение, а это самое худшее, чего я опасаюсь, ведь за курением и остальное... Ну я уверен, что этого больше не повторится, а если б ты была не с Марусей, то этого бы не было, а разве самой тебе не лучше, чем с ней? Миленькая, относительно машинки, то ты их все время торопи, вернее, сама обратись в областн. НКВД, чтобы машинка находилась у тебя, а то, как бы еще чего не вышло. Я Иосифу уже вторую открытку написал, а ответа еще не получил, я не должен, а обязан тебе выслать все забытое тобой, но пойми, что у меня нет возможности. Сейчас пока вся надежда на Иосифа, а он не отвечает, да еще и телефона нет, позвонить бы домой и передать ему. Ведь он домой звонит. В общем, буду прилагать усилия, а что выйдет, посмотрим. Кончаю, я, миленькая, постараюсь тебе писать хотя бы через день, если опять такого случая не случится...

Крепко-крепко целую тебя и Жанночку. Твой Маркс

P.S. Еле закончил письмо, уже стоят и ждут меня на работу.

20 ноября 1941 г., Раина Клейман

Мой любимый! Уже 3-й день аккуратно пишу тебе. Это, наверное, награда за то, что я полмесяца не писала тебе. Впрочем, здесь не моя и не твоя вина. Опять почта. Сегодня получила твое письмо от 18/X. Прямо безобразие! Больше месяца шло письмо! В этот день я тоже писала тебе и тоже вспоминала прошлое. Мы с тобой, миленький, никогда не забываем юбилейных дней и всегда в эти дни думаем об одном и том же. Милый Маркс! Ты напрасно унываешь. Плохое настроение только ухудшит твое положение. Тебе надо думать только о нашей Москве. Для нас нет больше ничего более священного, более дорогого. Москва — это наше личное счастье. Москва — это наше прошлое и наше будущее. Мне так же жаль Одессы, как и тебе. Мне жаль всю нашу зеленую родину — Украину. Но если ты и твои товарищи отстоят Москву, то и Украина будет нашей. Милый, славный мой друг, ты и сам прекрасно, даже лучше меня это знаешь. Я уверена, что немцам не одолеть Советский Союз — не по зубам им. В конце концов победа будет за нами. А ты останешься жив, тебя сохранит моя любовь. Я с каждым днем все больше и больше люблю тебя, я все время думаю о тебе. Мне очень

трудно без тебя. Ведь ты знаешь, любимый, свою «льдинку»... Но я знаю, что тебе необходимо быть там, где ты сейчас, и я останусь верна всем обещаниям, данным тебе. Ведь для этого тоже надо призвать всю силу воли. Я буду принадлежать только тебе. А ты? Ты должен победить и вернуться ко мне таким же, как и прежде был. Ты понимаешь меня, Маркс. Я не хочу думать о каких-либо случайностях. Их не должно быть у тебя, если ты все так же любишь меня. Я ведь все такая же «Трили».

Дорогой мой, мама и папа «жалуются», что Жанночка ужасная «грубиянка». Не подумаешь, что ей еще и одиннадцати месяцев нет. Сегодня мама ее кормила, а она по-видимому наелась, и не хотела больше. Мама продолжала ей давать, а Жанночка разозлилась, выбила ложку из рук мамы, крикнула на нее, да так зло сверкнула глазками, что папа говорит «всю жизнь не забудет». Папа и мама говорят, что я сама ее порчу. Я всегда смеюсь, когда она дерется и злится, мне очень нравится, что она такая боевая девочка. Ну уж тебе достанется, когда ты приедешь. Жанночка будет Трили еще похуже меня. А может, я ее еще и «перевоспитаю», пока ты приедешь. Ведь сейчас ее невозможно учить, она ничего не понимает. И как не забавляться, когда такая крошка покрикивает на всех, как взрослая, и самостоятельно делает все, что ей заблагорассудится, и требует все, что захочет. И притом, она такая хорошенькая, наша золотоволосая доця, что ей невозможно не прощать все. Кроме того, она ужасная «подлиза», как я ее называю. Если ей пригрозишь пальцем: «нельзя так делать», она смеется, ласкается и делает такое забавное личико, что невозможно не засмеяться. А сегодня она научилась «целоваться» — складывает губки «бантиком» и чмокает — и все ко мне лезет целоваться. В общем, она такая замечательная девчонка, что не описать. Папа души в ней не чает. Ну, кончаю. Целую крепко, крепко за себя и Жанночку.

Твоя Раина. Привет от папы и мамы.

24 декабря 1941 г., Маркс Файнбом

Любимая моя славная Раиночка!

Ну сегодня наконец получил опять 4 письма, за 21-е, 24-е, 25-е и за 3/XII, вот безжалостная почта, ей все безразлично, ведь она иногда творит очень много бед в жизни, а я ведь уже начал подумывать, что ты стала реже писать, во что, конечно, никак не мог поверить, вот бы еще объяснение твое получить, а то все внутренности скребут! Миленькая моя, значит, у меня только сейчас пробудились «чувства настоящего мужчины», а раньше, по-твоему я не был «настоящим мужчиной», да, родная моя, значит, ты меня еще плохо изучила. Откровенно признаться, я перед тобой был всегда действительно как не настоящий мужчина, но ты пойми меня, ведь я люблю тебя, и я терял перед тобой всякое достоинство мужчины, моя любовь превышала всякие достоинства. Ты права, мне многие говорили, что у меня мягкое сердце, но это ничего не значит, примерно, на работе, я был в полном слове мужчина, конечно строг и т.п. Ну относительно мести врагам, то тут не нужно и «настоящих мужчин». Ведь каждый сейчас у нас, независимо от пола, горит страстью быстрей изгнать этих сволочей. Интересно, когда ты писала, мы только освободили Ростов-Дон, а сейчас ведь уже освобождены масса городов и сел, а также Волоколамск, где мы с тобой отдыха-

ли, ну а пока это письмо дойдет, то мы еще много радостных вестей услышим. Я тебе уже писал, что был в боях на Малоярославском направлении, ведь мы же не только зенитчики и можем нашими красавцами пушками и уничтожать танки, пехоту противника, вернее мы универсалы и можем противостоять всем родам войск, нашим грозным оружием, которое ты помнишь, прощаясь со мной, видела, и уже уничтожили не одного фашиста. Ведь, миленькая, я тебе, когда возвратился с фронта, кое-что писал о своих «похождениях», ну а при встрече подробно расскажу обо всем.

Интересно про твою «командировку» с «ответственным секретарем». Значит, говоришь, замечательная прогулка была у тебя, вдвоем с ним на санях по горам, да она меня «очень радует», ну а я приблизительно в это время отражал фашистских стервятников, которые бомбят мирных жителей столицы, ожидал встречи с врагом на подступах к нашему родному дому, ну и, безусловно, мечтал о тебе. Понимаю, знаю твой характер, что тебе дома в этой обстановке тошно, но что я могу поделать, когда я сам не знаю, что будет со мною через час? Ну ты, родная, ведь сама все понимаешь, а я уже тебе не раз писал, что ты обязана не стараться убивать тоску где-либо, а ждать того времени, которое уже недалеко, когда ты возвратишься домой, ведь я уже мечтаю, как буду Вас встречать с Жанночкой. Ну ладно, кончаю, завтра напишу следующее. Крепко-крепко целую тебя и доцю.

Твой Маркс. Привет папе и маме.

P.S. Деньги 100 руб. и телеграмму я получил давно, а посылку пока еще нет, а как тебе пишущую машинку возвратили или нет?

24 декабря 1941 г., Раина Клейман

Мой хороший любимый друг!

Опять получила от тебя «подозрительное» письмо. И, конечно, опять у тебя нет никаких оснований подозревать меня в чем-либо. Ну, написала второпях короткую записку — так ведь это же лучше, чем если бы я совсем не писала бы. А почерк отличался от обычного, наверное, потому, что в потемках писала. Ведь ты же прекрасно знаешь, что я всегда пишу во время работы и если много работы, то пишу уже вечером почти в темноте. Здесь же нет электричества, и право, ты совершенно напрасно придираешься ко мне. И без этих «подозрений» тошно.

Я уже писала тебе, что у меня прибавилось работы. Ответственного секретаря нашего призвали в армию, и я работаю за него. А иногда даже, когда есть время свободное, нет моральных сил взяться за перо и писать тебе. Ты пойми Маркс, я получаю от тебя очень редко письма, вовсе не через 2—3 дня, а один раз в пятидневку, а то и в неделю, а иногда и реже. Предыдущее твое письмо, например, было написано 29/XI, а сегодняшнее 6/XII. 8 дней (?!) И что прикажешь мне «думать»? И как объяснишь ты твою безукоризненную внимательность ко мне? Разумеется, последует ответ, что ты, мол, на фронте, что у тебя времени нет и тому подобные знакомые оправдания. Только им очень трудно поверить. Исай такой же зенитчик, также находится на фронте под Москвой, однако Клара получает от него с каждой почтой письма, и очень часто, 1—2 раза в неделю, телеграммы. Стыдись, Маркс, с кем пришлось тебя сравнивать — с Исаем, который никогда не отличался особой любовью к Кларе и не раз изменял ей. Ты, наверно, и упрекаешь меня потому, что у самого совесть не чиста. Милый,

глупый мой! Ведь это же смешно даже, ну что могу я натворить в этой глуши, когда я только и думаю о тебе, о Москве, когда стараюсь каждую свободную минуту уделять Жанночке. Твоя ревность была уместна в Москве, но только не здесь. Ведь я же люблю тебя! Обещай, что больше не будешь выдумывать всяких глупостей и тратить мысли на всякие ненужные «подозрения». Ладно?

Родной мой, насколько изменилось положение с тех пор, как ты писал мне, ты и сам знаешь. Фашисты бегут на многих участках фронта, особенно под Москвой. Это такое счастье, что даже описать трудно. Теперь я уверена, что мы скоро, очень скоро будем в Москве. Ведь невозможно, чтобы немцы сумели еще раз собрать такую огромную силу, чтобы бросить на Москву, какую они имели раньше. Теперь они не вернутся! Каждый день я просыпаюсь с одной мыслью — что сегодня скажет радио? И радио каждый день радует меня. Ведь каждый день Красная Армия продвигается вперед.

Любимый, я прекрасно понимаю твое чувство радости, когда ты и твои товарищи сбили вражеский самолет. Я от всей души желаю, чтобы на твою долю досталось побольше сбитых самолетов. Ну а о награде, то, конечно, это моя заветная мечта — встретить тебя героем. Только вряд ли теперь эта мечта исполнится, ведь линия фронта отделилась от тебя и вряд ли приблизится, и, наверное, не представится особой возможности отличиться. Это очень жаль, любимый. Ведь после этой войны будет очень много героев, и мне будет обидно, если ты не будешь среди них.

Ну, о Жаннусе что писать? Такая же озорная и замечательная девчонка. Она немного болела, но уже выздоровела теперь. В последнее время она очень полюбила такую игру: стоит на стуле, держась за спинку стула ручонками, а папа возит стул по комнате. Уж и радуется она, жутко, смеется, погоняет папу. Скорее уж в Москву вернуться, здесь у нее и игрушек никаких нет. Ну, целую крепко, крепко за себя и доцю.

Твоя Раина

31 декабря 1941 г., Раина Клейман

31-XII 41 г. 5 часов по местному времени

Мой любимый Маркс! Еще несколько часов и уйдет 1941 г. Жалеть о нем не приходится, он слишком много мучений принес. Но жаль, что он прошел бессмысленно, бесполезно для меня лично. Год тому назад в это время я лежала в больнице — встретила Новый год ужасными физическими мучениями. А в этом году встречаю, конечно, с надеждой в 42 году забыть все мучения 41 года. А надежда эта во мне сегодня очень сильна. Сегодня наши части взяли Керчь, Феодосию, Козельск, Угодский завод. Это хороший новогодний подарок. Ведь Козельск по пути на Смоленск. Знаешь, родной, все хорошие сообщения Информбюро непередаваемо радуют меня. Это красит мою мрачную жизнь здесь, «придает духу жить», как говорится.

Я мечтаю только об одном,
Чтоб скорее от тоски мятежной,
Воротиться в наш высокий дом...

Почти по Есенину.

Когда я буду в Москве, когда мы будем вместе, мы будем жить совсем иначе, чем жили раньше. Я теперь сумею «строить» жизнь. Я ведь теперь не беспомощная «Триленька». И ты будешь гораздо счастливее, потому что я буду любить тебя гораздо сильнее, чем раньше. На бумаге не напишешь всего, что со мной произошло за эти месяцы войны. Я стала совсем другой, когда-нибудь узнаешь. Теперь уже я смею надеяться, что скоро. Ведь немцы потерпели уже так много поражений, что вряд ли им оправиться. Теперь им конец. Если бы к маю быть дома — это моя мечта. Милый Маркс! Напиши, как ты «встретил» Новый год. Хотя я и так знаю — никак. А помнишь ли, любимый, 31 декабря 1939 г. Ты весь день, бедненький, бегал, хлопотал, искал «пару» для Фаи Санович. А потом мы опоздали к встрече Нового года. Помнишь, как неудачно кто-то занял наш столик в «Метрополе», и пока разыскивали — настали 12 часов. Я тогда подумала — «не к добру», но конечно, не сказала ничего, т.к. считала это глупым предчувствием. А предчувствие ведь нас никогда не обманывает. Помнишь хор цыган, мы танцевали вокруг чудесной елки, а ты наступал мне на ноги, потом все стали обрывать елку, помнишь куклу-петрушку, которую ты мне купил. Я веселилась, а ты был угрюмым, и жаловался на свое одиночество. Ну, я тебя и «пожалела», и мы поженились на следующий день. Это вышло так смешно и неожиданно. Знаешь любимый, я ничего не забыла из того, что произошло тогда. Ведь я сейчас только и живу мечтами о будущем и воспоминаниями о прошлом. Сейчас кончаю, время мое истекает, завтра напишу больше. От тебя очень давно не получаю писем. Даже к Новому году не получила, а почта сегодня была. Я надеялась хоть письмо, как подарок к Новому году, получить.

[Сбоку:] Жанусе 2-й год пошел, это даже странно как-то думать, она крепко целует своего незнакомого папку. Целую тебя крепко-крепко. В новом году чего же желать большего, кроме нашей встречи.

Твоя Раина

31 декабря 1941 г., Маркс Файнбом

31-XII—41 г. 23 ч. 50 м.

Моя любимая Раиночка!

Ну давай прощаться с таким несчастным 41-м годом, который столько мученья принес нам всем. Сейчас передо мной перелистываются эти дни 39-го года, ну 40-го, он тоже в эти дни был не очень сладкий, ты сильно болела после родов, я был очень далеко от тебя, но 39-й, встреча 40-го, это действительно было счастьем. Я вспоминаю, как доставал столик в Метрополе, как собирались и какая счастливая была эта ночь и особенный период жизни, когда мы возвратились домой и сидели на диване, в том месте, где сейчас стоит наша кровать. Сколько мы просидели я даже не помню, но помню наше решение, что распишемся в загсе, да, к несчастью, он выходной. А интересно, как мы к вечеру 1/I-40 г. готовили сюрприз родителям. Ну и самое большое счастье — это наша свадьба, медовый месяц и все эти божественные 9 месяцев. Действительно, как в сказке они прошли, и уже скоро 15 месяцев нашей разлуки, хорошо б отделаться еще 9 месяцами?

Миленькая, еще полминуты на наших ходиках, и 41-й год навеки умчится, возможно, наши ходики немного «вернее» Спасских, но неважно, буду считать,

что они точны. Несколько секунд для размышления, ну с Новым годом, Маркс Иосифович, раз ты дожил до него?.. Хорошо бы, дорогая моя, мое поздравительное письмо дошло к тебе в срок, которое я писал тебе 11-го или 12-го числа, а телеграммы тебе я ведь послать не мог, неоткуда здесь.

Ну ладно, забудем о 41-м годе, даже как-то больно. Все хорошее пришлось вспоминать сидя здесь в землянке, один без тебя, Жанночки, ведь я же мечтал этот год обязательно встретить, дома с Вами, устроить елку, и все из-за этой войны.

Сейчас мыслю, как ты сидишь и мне пишешь. Кукленок наш спит, да и сомнение есть некоторое. Возможно, все сейчас сидят за столом, и у тебя даже нет возможности писать. Как бы очень сильно мне хотелось, чтобы ты сейчас мне тоже писала бы, мы бы сейчас были хотя бы в мыслях вместе, ведь мы мечтаем всегда об одном и том же. Ну ладно, сейчас успокаиваю свои мысли и отгоняю сомнение, ведь ты должна мне сейчас хоть несколько слов написать. Знаешь, каким я буду потом счастливым, когда мечты мои сбудутся, когда получу твое письмо от сегодня.

Моя любимая, сейчас после «антракта», длившегося 1 час 20 мин, и 5-ти минут для согревания, продолжаю тебе писать. Вот проклятые стервятники фашистские хотят помешать нашей столице мирно встретить Новый год. Ну мы их сейчас поздравили с новым годом, вернее новогодним гостинцем, они быстро поспешили восвояси, конечно, многих недосчитавшись. Миленькая, еще немного согреюсь и буду продолжать. Мне хотелось тебе описать, какая сейчас чудесная погода, здесь у нас светло, как днем, светит луна, лесок весь белеет от снега, ну и морозик 25—28°. Если бы мы были вместе и встречали Новый год, то обязательно с Жанночкой прогулялись по нашей любимой набережной или даже на лыжах походили бы, а потом продолжали встречу до утра, да опять одни. Желание в мыслях только, а в действительности не скоро? Но, миленькая, нельзя сказать, что не скоро, ведь что ни день, то новая радость тебя приближает ко мне. Помнишь в Баку, я считал, по сколько километров приближает тебя ко мне, как будто по 8 было, а сейчас уже не в километрах, а в днях, ведь еще несколько дней с большими победами, и вот тебе и счастье. Сегодня взяли Керчь, Феодосию, Калугу и д.р., а осталось еще Минск, Киев, и Одесса, ну и все, да побольше стервятников уничтожить, чтобы они уж не тревожили Вас в Москве. А интересно, как к концу февраля ты сможешь с Жанночкой приехать, если, конечно, уже будет пора? А сейчас, миленькая, уже многие возвращаются в Москву, хотелось бы побывать дома, посмотреть, ведь я уже не звонил и не был больше 1,5 месяца, также и Иосифа не видел столько.

Любимая моя, пока кончаю, время уже 3-й час, да больше писать боюсь?.. Быстрей бы хоть это дошло к тебе, а от тебя все я еще не получал писем.

Крепко-крепко и много раз целую тебя и нашего кукленка.

Вечно твой Маркс

Всем привет.

Советский военнослужащий, пишущий письмо. Великая Отечественная война. Дата, место и автор фотографии неизвестны. Из архива В.И. Чекалова. Подготовлено к печати Й. Хелльбеком

XI. РОМАНЫ ВОЙНЫ – II

Маруся... Вы пишете, что мы Вам писали [пьян]ые. Нет жена, я бываю пьяный, но не от вина. Я бы Вам написал, да нельзя. Если суждено мне встретиться с Вами, то я Вам расскажу кой-что, Вы тогда поймете, ну а если придется погибнуть за Родину, за Вас, то Вы ничего от меня не узнаете. Вас, жена, прошу мне более так не писать, что я Вам пишу ерунду да пьяным. Я пьяным дома бывал очень редко, а не то на войне.

Из письма Семена Кузнецова с фронта жене, 6 января 1943 г.

Константин Богданов

СЮЖЕТЫ НАДЕЖДЫ

Письма — излюбленный материал исследователей, занятых изучением биографий, а в широком смысле — занятых восстановлением истории, которая суммируется из коллективного опыта ее индивидуальных проживаний. В 1980-х гг. теория и практика такого восстановления получила название микроисторических исследований, в контексте которых письма, и особенно личные письма, адресованные друзьям и близким, общение с кем подразумеваемо предполагает искренность и доверительность, правдивость эмоций и правдивость слов, заведомо наделялись особой информативной и эвристической значимостью. Естественно полагать, что история событий, открывающаяся за строчками такой корреспонденции, по меньшей мере осложняет, детализует, а то и опровергает дискурсы, связываемые с теми же событиями с опорой на тексты, изначально рассчитанные на официальное и/или широкое освещение.

Надежды, которые связывались и по сей день связываются с изучением частной эпистолярии, выросли из исследовательской эмпирики — из необходимости считаться с огромным массивом данных, которые если не меняли, то сильно корректировали сложившиеся представления о социальной истории. В общем виде такие коррективы строились на пути «антропологизации» концепций социальной истории, ее задач и методов, выразившейся в изменении самой оптики исследовательского анализа[1]. Фокусировка исторического нарратива, некогда определявшегося порядком безличных событий, деяниями именитых личностей и динамикой коллективных трансформаций, сменилась интересом к биографическим частностям и тем повседневным — социальным, бытовым, психологическим — подробностям, из которых слагается то, что можно назвать «историей жизни» (*life history*)[2]. В терминах социологии, в те же годы испытавшей влияние биографического метода, «устной истории» и антропологии, инструментально достаточным фундаментом к изучению «истории жизни» при этом полагалась такая «само собой разумеющаяся» теория (*grounded theory*), которая бы отказалась от априорно специфицированных гипотез об объекте исследования[3]. Но вот вопрос: как это сделать? Критики биографического метода указывали, что исследователь, дезавуирующий традиционную методологию социологического анализа, так или иначе упреждающего исследуемые явления их теоретической

[1] *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Coda, 1996. С. 110, след.

[2] Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences. Ed. Daniel Bertaux. London: Sage, 1981; The Turn to Biographical Methods in Social Sciences. London: Routledge, 2000.

[3] *Bryant A., Charmaz K.* Grounded Theory in Historical Perspective: An Epistemological Account // The SAGE Handbook of Grounded Theory / Eds. Antony Bryant and Kathy Charmaz. Los Angeles: Sage, 2007. P. 31—57.

структуризаций, обманывает себя и других, так как невольно привносит в свои вопросы — а значит, и в те ответы, которые он получает, — свой профессиональный и личный опыт, определяющий характер масштабирования тех данных, из которых извлекается и на основании которых строится та или иная история[1].

Микроисторические исследования не избежали тех же методологических ловушек. Претендуя на определенного рода историографическую и антропологическую герменевтику — детальность и (в буквальном смысле слова) сложность создаваемого исследователем объяснительного нарратива, подобного тому, который вслед за этнологом Клиффордом Гирцем принято называть «плотным описанием» (*thick description*), — исследователь, прибегающий к анализу исторических «микроданных» — будь это дневники, письма, записи устного характера, — заведомо сталкивается с проблемой, некогда поставленной Фридрихом Шлейермахером как принцип «герменевтического круга»: оправданно думать, что понимание частностей ведет к пониманию целого, но не предопределяется ли само понимание частностей «предпониманием» этого целого? Итоги микроисторического исследования — если в них видится потенциальный фрагмент «целостной истории» — неминуемо вписываются в то, что остается за его собственными рамками, в то, что отсылает к Большой и Еще-более-большой Истории и т.д. Какова мера масштабируемости тех суждений, которые нарочито опираются на фрагментаризацию исторического опыта в качестве опыта частной «истории жизни», индивидуальных происшествий и субъективных переживаний? Для исторической науки — как, впрочем, и для любой науки, — по определению ориентирующейся на повторяемость и серийность, исключения из общего и закономерного попадают в категорию нетипичного и случайного, контрастирующего с подразумеваемо утвердившимися историческими нарративами.

Коллекция писем, вошедших в этот раздел, — писем, написанных на фронте и в ходе боевых операций, адресатам, находящимся в тылу, — искушает всеми преимуществами микроисторического анализа в тем большей степени, что они адресованы самым близким для их отправителей людям. Условно их можно было бы назвать «письмами любимым» и рассматривать их в качестве семейно-брачной эпистолографии, обнадеживающей исследователя тем, что именно такая переписка как никакая другая близка к «правде» исторического факта — из совокупности которых, по старому завету Леопольда Ранке, история слагается как наука о прошлом, каким оно было «на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*)[2].

Надежды, возлагаемые на микроисторический (и в частности биографический) подход к эпистолярным документам релевантны осознанию многоаспектности нашего пребывания в истории — поливалентности и, в оценочной ретроспективе, потенциальной иерархичности событий, суммирующих собой «историю жизни» индивидуума и/или коллектива. Но какова в этих случаях мера репрезентативности тех сведений, которые извлекаются из разнообразия

[1] *Allan G.* A Critique of Using Grounded Theory as a Research Method // Electronic Journal of Business Research Methods. 2003. Vol. 2. № 1. P. 1–10; *Thomas G., James D.* Reinventing Grounded Theory: Some Questions about Theory, Ground and Discovery // British Educational Research Journal. 2006. Vol. 32. № 6. P. 767–795.

[2] *Ranke L.* Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1535. Leipzig: Reimer, 1824. S. VI.

исторических источников, чтобы судить об их соотносимости с некоторым общим для них эвристическим контекстом? И что считать в этих случаях таким контекстом — безличную «хронику событий», общие для них социальные, психологические или когнитивные обстоятельства (например, предполагаемо общие «фоновые знания» адресанта, адресанта и их окружения)?

Все эти вопросы небезразличны для сегодняшнего прочтения и возможной интерпретации писем, о которых приходится судить, волей-неволей отталкиваясь от предварительного знакомства с сопутствующими им «большими» историческими нарративами. Интерпретативные сложности, которые вызывает чтение любых писем в качестве исторического документа, предопределяются при этом и собственно нарративной — коммуникативно-диалогической — структурой эпистолярного жанра. Письменная переписка строится как общение, диалогически соотносящее голоса собеседников: текст отдельного письма относится к предыдущему письму и подразумевает последующее. В этом (структурно-семиотическом) отношении эпистолярный жанр интертекстуален и одновременно метатекстуален: его объединяет не столько повествование, сколько настоятельность самой коммуникации, связывающей собеседников (поэтому для писем столь важны имена — обращения и подписи)[1]. Коротко говоря: даже если тексты писем, публикуемых в этом разделе, и порождают новые исторические контексты, самим этим письмам предшествуют контексты различного — как интенционально-коммуникативного (событийного и психологически-мотивационного), так и рецептивного (в частности — исследовательского) характера.

Письма родным и близким, написанные в условиях военных действий, замечательны в разных отношениях, но сходны в одном: это коммуникация, осознаваемая адресатами и их адресантами в качестве экстраординарной. Даже для профессионального военного участие в боевых действиях предельно обостряет эмоциональную близость с родными ему людьми. Для тех же, кого война вырвала из привычных для них повседневных будней и разлучила с родными, письмо становится вынужденным эрзацем непосредственного общения. Опасности и трудности военного быта предельно усугубляют «ненормальность» такого общения, но вместе с тем высвечивают в нем то, что составляет его основу — эмоциональную, социальную, гендерную, бытовую[2].

Письма, представленные в этом разделе, принадлежат несхожим между собой людям — несхожим по времени, в котором им довелось жить, несхожим по своему идейному воспитанию и социальному окружению, но тем интереснее в них прочитываются исторические сходства и различия угадываемых за ними

[1] *Паперно И.А.* Переписка как вид текста // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. I (5). С. 75—76.

[2] См. статьи, частично затрагивающие социально-психологические особенности переписки между родными и близкими в годы войны: *Моисеева И.Ю.* Фронтовые письма 1941—1945 гг. в гендерном аспекте // Двинская земля. Третьи межрегиональные общественно-научные историко-краеведческие Стефановские чтения: материалы. Вельск, 2004. С. 110—119; *Момотова Н.В.* Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2. С. 106—131; *Козлов В.П.* Фронтовые письма 1941—1945 гг. как молитвы. К 65-летию Победы // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24—47; *Тажидинова И.Г.* «Ну вот я и на фронте, а ты боялась». Переписка военнослужащих Красной Армии с женами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 104—113.

судеб. Их авторы — кадровый офицер русского флота времен Русско-японской войны, поляк-призывник Первой мировой войны, рядовой новобранец в «войне с белофиннами» 1939—1940 гг., крестьянин-колхозник, поселковый рабочий, красноярский курсант, городской житель, командир партизанского отряда — участники Великой Отечественной войны, и, наконец, солдат «ограниченного контингента советских войск в Афганистане» середины 1980-х гг. — пишут своим женам, с которыми их разлучила война. Пишут очень по-разному — одни подробно и почти литературно, другие безграмотно и сумбурно (филолог мог бы задуматься здесь, насколько различными были дискурсивные правила, определявшие языковое мышление авторов всех этих писем).

За этими различиями легко увидеть социальные обстоятельства: офицер царской армии и бывшие советские школьники пишут грамотнее, чем сельские жители 1930-х гг. Другие, бросающиеся в глаза отличия касаются их событийных сюжетов: письма с фронта Великой Отечественной почти лишены информации обо всем том, что согласно приказам о военной цензуре могло быть сочтено «военной тайной» — а таковой объявлялись любые сведения военного, экономического и политического характера[1]. На фоне информативно детальных писем офицера царской армии и воина-«афганца» предперестроечного СССР письма солдат сталинской эпохи полны очевидных умолчаний — зато пестрят идеологически допустимыми или рекомендуемыми клише.

Можно гадать о том, какова степень искренности в выражаемых ими демонстративно победоносных настроений — иногда слишком контрастирующих с тем, что вычитывается в письмах первого месяца войны, когда военная цензура была еще не отлажена, — но очевидно и то, что такие клише не меняют главного: настоятельности письменного общения, стремления поддерживать — пусть виртуальный и почти условный — контакт с некогда любимыми и близкими, оставшимися в тылу и представимо мирной жизни. Читатель увидит, что в этих письмах есть место не только словам о любви, но также и о бытовой рутине, иногда в них прорываются обиды и раздражение, но так или иначе все они диктуются ожиданием встречи, возвращения в мирную и счастливую жизнь. Психолог был бы прав, назвав авторов этих писем людьми, испытывающими чувство депривации — всем им недостает семейного дома и семейного тепла, все они надеются, что однажды этот недостаток будет восполнен.

В определенном смысле — подобно тому, как мы вправе говорить об особенности текстов, которые больные рассказывают о своих болезнях, — можно го-

[1] См. нормативные документы, определявшие цензурные правила в годы Великой Отечественной войны: Постановление ГКО от 6 июля 1941 года «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции» // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 35; Приказ НКО СССР № 72 от 18 сентября 1941 г. «О работе полевой почты»; Приказ НКО СССР от 15 февраля 1942 г. № 034 «О введении в действие "Правил по сохранению военной тайны в печати Красной Армии (на военное время)"»; Приказ НКО СССР № 0679 от 5 сентября 1942 г. «О введении в действие «Инструкции по адресованию почтовой корреспонденции в Красной Армии в военное время»; Приказ НКО № 0105 от 6 февраля 1943 г. «О порядке адресования корреспонденции в Красной Армии и правилах сношения войсковых частей и соединений с гражданскими организациями и частными лицами»; Приказ НКО № 0451 от 16 декабря 1943 г. «О введении в действие "Положения о военной цензуре в Красной Армии (на военное время)"» // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). М., 1997. Т. 13 (2—3). С. 62—63, 85—88, 172—175, 234—236, 248—258.

ворить о том, что военные письма в своей совокупности предстают как особый тип травматического нарратива[1]. Если, вослед специалистам в области дискурсивного анализа, понимать под нарративом такой тип повествования, главной функцией которого является информация адресата о событиях (в отличие от описательного (дескриптивного) и объяснительного (экспозиторного) типа изложения и коммуникации), то «сюжетом», равно объединяющим фронтовые письма, адресуемые интимно близким людям, является сюжет надежды. Именно она связывает адресантов и адресатов, и то, что мы знаем о судьбе авторов этих и многих других подобных им военных писем, ошеломляет трагической правотой той старинной истины, что надежда умирает последней.

[1] См. об этом: *Frank A.W.* The Wounded Storyteller. Body, Ilness, and Ethics. Chicago, 1997. См. также статьи в сборнике: Stories and their Limits. Narrative Approaches to Bioethics / Ed. H.I. Nelson. London: Routledge, 1998.

Василий Черкасов: «ПУСТЬ БУДЕТ "ШЕСТЬ РАЗ ЦЕЛУЮ ТЕБЯ" ОЗНАЧАТЬ, ЧТО ШЕСТЬ ЯПОШЕК УНИЧТОЖЕНО...» (1904)

Василий Нилович Черкасов родился 17 апреля 1878 г. в Нижнем Новгороде. В 1897 г. окончил Морской кадетский корпус. В качестве старшего артиллерийского офицера эскадренного броненосца «Пересвет» участвовал в неудачной попытке кораблей эскадры прорваться из Порт-Артура во Владивосток (бой в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г.). Служил на нем вплоть до гибели корабля под японскими снарядами в осажденном Порт-Артуре в конце ноября 1904 г. За участие в Русско-японской войне награжден 3 орденами и золотым оружием «За храбрость». К периоду войны с Японией относится часть писем В.Н. Черкасова, которые он в начале кампании практически ежедневно посылал своей супруге Ольге Александровне Черкасовой — сначала с корабля на берег, затем (после отъезда ее из города в конце февраля 1904 г. и до возвращения в начале апреля) — из Порт-Артура в Харбин. Мемуары В.Н. Черкасова вышли в свет в 2000 г.[1]

Подготовка текста к печати и примечания Игоря Ермаченко.

27—28 января 1904 г.

27 января 1904 г., 1 ч. 30 м. дня

[Эскадренный броненосец «Севастополь», на рейде Порт-Артура]

Милая, милая моя Лелинька!

Хотя мы все еще бродим в море, все же я решил, что можно написать письмо и постараться при первой же возможности отправить тебе его. О ходе событий ты, вероятно, многое уже знаешь, но все же расскажу тебе. Вчера вечером, после захода солнца, пробили атаку, как это делается каждый вечер, и со спокойной совестью легли спать. Я был очень утомлен и лег часов в 9. Вдруг в 11 ч. 45 мин. я был разбужен какими-то странными звуками, которые я слышал еще во сне, но только проснувшись сообразил, что это стрельба, а зная, что пушки заряжены настоящими снарядами, понял, что дело серьезное, надел сапоги и тужурку и выскочил наверх. Первое время ничего нельзя было разобрать, все корабли светили и многие стреляли. Мы стояли в задней линии, ничего не видели подозрительного, а потому не стреляли. Вскоре по рейду начали шнырять наши миноносцы, но ведь не по ним же стреляли? В полном недоумении стояли мы наверху и старались заметить хоть что-нибудь, и действительно, скоро заметили, что «Ретвизан» лежит на боку носом вперед, а «Цесаревич» стоит без электрического освещения и усиленно стреляет. Затем начались сигналы вроде «послать шлюпки на помощь гибнущим кораблям» и т.д.

[1] См.: *Черкасов В.Н.* Записки артиллерийского офицера броненосца «Пересвет» / Сост., вступ. ст., подготовка текста, коммент. и подбор илл. А.Ю. Емелина и К.Л. Козюренка. СПб.: ООО «Бахкра», 2000.

Вскоре к «Ретвизану» и «Цесаревичу» подошли буксиры-чернушки и повели их в гавань, но в воротах они оба, кажется, сели на мель. Потом из телеграммы мы узнали, что «Паллада» тоже взорвана миной. Нас всех так поразило неописуемое нахальство япошек — без объявления войны явиться в Порт-Артур и произвести атаку, а главное, потеря двух сильнейших броненосцев нашего флота, что мы всю ночь беседовали об этом; раза три снова били атаку по неизвестным предметам, но, в сущности, все было тихо. Часов в семь утра я лег спать, но только что заснул, как меня разбудили — вызвали «всех наверх с якоря сниматься». Оказалось, что на горизонте появилось четыре японских крейсера 2-го ранга («Новики»). Только что мы снялись с якоря и пошли на них, как они повернули и полным ходом пустились удирать, а так как у них 23 узла, а у нас 14 — то догонять их не стоило. Послали «Боярина» посмотреть, куда они скроются, а сами стали на якорь. В 11 час. показался «Боярин» с сигналом: «Вижу 8 дымов позади себя». Мы сейчас же снялись с якоря, и не больше как через ¼ часа недалеко от нас у борта какого-то миноносца грохнулся в воду первый японский снаряд. «Петропавловск» сейчас же ответил ему, а затем и вся эскадра, и поднялся тот самый грохот, который, вероятно, разбудил и напугал тебя, моя милая деточка. Я все время думал о тебе, а перед самым боем успел забежать в каюту и посмотреть на твою мордочку, хотя нужды в этом не было, так как не только твоя милая мордашка, но и ты вся стояла все время передо мной и помогала мне. Силы были далеко не равны: их было 15 — 6 эскадренных броненосцев, 5 броненосных крейсеров типа «Пересвет» и 4 «Новика», а у нас были 5 эскадренных броненосцев — «Петропавловск», «Полтава», «Севастополь», «Пересвет» и «Победа», 1 броненосный крейсер «Баян», 2 крейсера 1-го ранга «Аскольд» и «Диана» и 2 крейсера 2-го ранга «Новик» и «Боярин», и «Ангара». Бой продолжался не больше часа, а может быть, и меньше, не знаю, стреляли как мы, так и они довольно хорошо для такого большого расстояния, как 35—40 кабельтовых. Вскоре мы заметили, что один их броненосец наклонился на бок и сейчас же вслед за этим японцы повернулись к нам кормой и ушли. Мы отделались вполне благополучно, в нас попал всего только один снаряд — в заднюю трубу. Там он разорвался, сделал в трубе огромную дыру, и осколки его и трубы полетели в разные стороны, попортив много окружающих предметов и стекол, но не задев ни одного человека. На других судах повреждения больше, на «Аскольде» масса пробоин, 4 человека убиты и 10 ранено, на «Баяне» все трубы перебиты и есть раненые (4 убито и 24 ранено), то же самое на несчастной «Ангаре». Относительно японцев достоверно известно следующее: самый сильный броненосец «Микаса» утонул во время боя на Артурском рейде; три броненосных крейсера выбросились на берег в Чифу[1], и снять их не представляется возможным, взрывать их мы не имеем права, т.к. в 3 милях от чужой территории нельзя производить никаких военных действий; два японских миноносца утоплено на Артурском рейде во время атаки в ночь с 26 на 27 января огнем с крейсеров «Диана» и «Паллада». Таким образом, у них остается:

[1] Чифу (современный Яньтай) — порт в Китае, на полуострове Шаньдун.

5 эскадренных броненосцев (у нас тоже 5), 2 броненосных крейсера и 4 крейсера 2-го ранга. Теперь мы, пожалуй, сильнее их.

«Боярин» наткнулся на «енисейскую»[1] мину, поставленную в 2 милях от берега, миноносец «Властный» (Петя[2]) подошел к нему и взял 180 человек, остальных на шлюпках перевезли еще на два миноносца.

Наши силы теперь: 5 броненосцев, 1 броненосный крейсер «Баян», крейсера 1-го ранга «Аскольд» и «Диана». Если «Цесаревич» и «Ретвизан» исправят, то мы будем много сильнее, и тогда знай наших.

Если Толя приехал, то тащите его на «Севастополь».

Таким образом, милая моя Лелинька, ты видишь, что у нас все благополучно, и даст Бог — так и продолжится, не волнуйся, пожалуйста, обо мне, этим ты меня сильно успокоишь. Если тебе удастся переслать мне — напиши, деточка, небольшую записочку, все ли у вас благополучно, что думает Толя и как себя чувствует Катя. Петю я видел во время боя: он стоял на мостике миноносца «Властный».

Будь здорова, моя милочка, крепко, страшно крепко обнимаю и целую тебя.

Твой Вася[3].

3 ч. дня.

«Ретвизан» и «Цесаревич» завтра будут исправлены.

6 ч. вечера.

Помнишь, Леля, я тебе говорил, что у меня нет помощников — ни артиллерийского офицера, ни кондуктора, который был в отпуску в России до 1 февраля — представь себе мою радость, когда за 5 часов до этой атаки, а именно в 7 час. вечера — он является. Он услыхал о войне и решил приехать раньше и попал как раз вовремя. Я очень рад и спокоен теперь оттого, что это вполне благонадежный человек, плавающий на «Севастополе» с постройки, хорошо знающий и т.д. Сегодня перед боем лишь было бы не разорваться, если бы не он.

9 ч. вечера

Днем «Енисей» ходил в Дальний, но сейчас же вернулся.

28 января 1904 г. 4 ч. утра

Только что сменился с вахты. На рейде стоят только броненосцы, а все крейсера, лодки, «Амур» и «Енисей» бродят в море без огней и сторожат нас. Сейчас собираюсь поспать, крепко целую тебя.

9 ч. утра

Доброго утра, милая Лелинька! Ты видишь, я все время беседую с тобой, и это доставляет мне громадное удовольствие: мне кажется, что ты меня слышишь, что ты все время со мной.

---

[1] То есть поставленную минным транспортом «Енисей».

[2] Брат В.Н. Черкасова, вахтенный начальник миноносца «Властный».

[3] Далее следуют 7 приписок к тому же письму, сделанных 27 и 28 января 1904 г.

12 ч. дня

Сейчас пришел с берега наш паровой катер, который может неожиданно пойти на берег — он там стоял 2 дня. Отдаю письмо на этот катер, а сам буду продолжать новое. Лелинька, деточка моя, хочу тебя видеть и крепко нежно поцеловать.

Вася.

8 марта 1904 г.

П[орт-]Артур

Милая Очичка!

Не знаю, что означает твоя последняя телеграмма, где ты спрашиваешь, отчего я не пишу. По моим расчетам, каждый день ты должна получать не менее как по одному письму, если же этого не бывает — значит, почта действует неправильно. Ежедневно после завтрака, когда раньше я ожидал твоего прихода — я сажусь в каюту и начинаю писать, неужели же ты не получаешь моих писем? Вставая из-за стола, я по привычке выхожу наверх и внимательно всматриваюсь в тот угол, откуда должна показаться твоя красная ленточка на шляпе и белая вуалетка...

Твои письма тоже неаккуратно доходят до меня, вот уже два дня, как после твоей Смирновской записки я ничего не получил. Завтра рассчитываю получить твое первое письмо из Харбина. Как ты живешь, моя прелесть, что думаешь, о чем думаешь — пиши, Очичка, потому что мне скучно, а я хочу все знать про тебя; дни тянутся, как года, и неужели это долго продолжится? У нас здесь новостей никаких нет, все по старому, а я все с бóльшим и бóльшим нетерпением жду 12 марта. Говорят, что будет трехдневная бомбардировка, потом десант, а на 16 марта японцы пригласили представителей всех держав на обед в Порт-Артур. Мы им во всяком случае приготовили хорошую закуску, да и обед, я полагаю, будет недурен; но я все-таки страшно рад, что тебя нет в Артуре, потому что неизвестно, куда будут попадать случайные бомбы и осколки до того времени, когда мы сами выйдем в бой — а там мы им покажем. Миноносцы наши очень мало выходят в море, поэтому неисправных почти нет. «Буракову» подымают сегодня корму краном — то, что я предлагал Аполлону [Дмитриеву, старшему офицеру «Пересвета»] 2 недели тому назад, на «Невских»[1] наставляют палубы на 3½ фута, и они теперь похожи на «Варяг». «Властный» дня через три будет готов, а «Паллада» — едва ли. Кессон «Цесаревича» приходится хорошо. Толя [Де Симон] рассчитывает числа 10-го выехать, чтобы с Квантуна съехать до 12-го.

Ну, до свидания, моя милая Очичка, крепко-крепко целую тебя, мою чудную...

Вася

9 марта 1904 г.

10 час. утра. П[орт-]Артур

Лелинька, Лелинька, моя прелесть. Сегодня ночью появились япошки, была стрельба, но я проспал, утром узнал, что у нас пары готовы, полная вода

[1] То есть построенных на Невском заводе в Санкт-Петербурге.

в 1 ч. 23 мин. дня. Сейчас пытаемся выйти в море. Будет бой. Япошек 17 кораблей. Перекрестил тебя [на фотографии], крепко-крепко поцеловал, взял с собой твою мордочку и бегу наверх. Мы совершенно готовы к бою и, даст Бог, сегодня окончательно решится участь япошек, а завтра рассчитываю написать обещанную тебе телеграмму. Пока до свидания. Да хранит тебя Бог, моя прелесть. Крепко жму и целую тебя, не беспокойся обо мне — я уверен в нашей победе, ты это сама знаешь.

Твой Вася

9 марта 1904 г.

П. Артур

10 ч. вечера

Прелесть моя, только что проводил Толю, вернулся домой и нашел твое милое чудное письмо. Напрасно, Очичка, ты пишешь о моем сильном и оптимистическом характере — ты знаешь, каким страшным желанием я горю поскорее тебя увидеть — для тебя одной я живу, тебя люблю, ты для меня — Все на свете, но, Лелинька, я не могу вызвать тебя сюда в Артур, куда не только днем, но и ночью летают бомбы. Скажи сама, Лелинька, могу ли я, любя тебя, послать тебя в этот ад, где все зависит от случая. Нет, мне даже подумать страшно и надо скорее приписать слабости моего характера, что ты не уехала раньше, но тогда я думал, что есть такие места, где можно укрыться от снарядов, но теперь, Очичка, я ни за что, ни за что не позволю тебе приехать сюда, пока существует хоть маленькая опасность, не знаю только, выдержу ли, потому что и тебе, и мне это страшно тяжело, и еще тяжелее оттого, что я только и думаю об том, чтобы тебе было хорошо, а сделать ничего не могу. Прости меня, Очичка, за такое тяжелое письмо, но я пишу его под впечатлением того, что я только что проводил Толю, который едет туда в Харбин, увидит Катю, он увидит тебя, тебя, моя Очичка, он будет с тобой разговаривать; с ним поедет какой-то мичман, который тоже тебя увидит и которого этот Харбин весьма мало интересует. Ах, Очичка, прости, что я заставляю тебя страдать, но я хочу писать все, чтобы ты знала, о чем я думаю, и чтобы сама писала бы все, как ты это делаешь в последнем письме, и история с двумя собачками мне очень понравилась, потому что характеризует именно ход твоих мыслей, прерванных собачьим лаем; и я уже начинаю понемножку рисовать себе картину того, как вы живете и кто и что вас окружает. Сегодня при переборке Толиных вещей нашлась твоя розовая кофточка и твой розовый капот — Очичка, как много он мне напомнил; прости, но я не могу оставить его висеть там в шкафу и завтра же возьму его к себе. Можно? Напиши, нужно ли тебе прислать подушку.

До свидания, моя милая Очичка, страшно крепко обнимаю и целую тебя; как твой бембемчик?

Пиши, дусинька.

Вася

Я сам упаковывал матрасы и следил за упаковкой кроватки, на которой ты будешь спать, моя милая чудная Очичка. Я люблю, люблю, люблю тебя сильно [нрзб.]...

10 марта 1904 г.

12 ч. дня. П[орт-]Артур

Моя милая, родная Леличка, мы так связаны между собой и наши мысли настолько общи, что, читая твои письма, мне кажется, что я же их написал. Сейчас получил твое розовое письмо и телеграмму. Да, Очичка, теперь я начинаю получать твои письма. Ты напрасно осталась недовольна своим милым длинным письмом: поверь, Очичка, что твое от души написанное (опять письмо) в тысячу раз [больше] успокаивает меня, чем описание редкостей какого-нибудь Харбинского музея (хотя это все равно — я хочу знать все, что ты делаешь, что видишь и о чем думаешь). Из опыта я знаю, что и тебе легче на сердце после такого хорошего письма, ты чувствуешь, будто видела меня и разговаривала со мной — не так ли, Лелинька? Ты видишь, что наши мысли сходятся, ты живешь мной, а я, прелесть моя, живу одной только тобой. Если ты не все откровенно напишешь мне, то я все равно между строчками прочту то, чего ты не хочешь мне сказать, а может быть, даже в немного увеличенной форме — поэтому, Очичка, давай лучше так играть, будем писать друг другу все, все совершенно откровенно и без утайки, как бы это худо ни было, потому что лучше знать всю правду сразу, чем чувствовать, что тебя чем-то успокаивают. Ну, начну: сегодня настроение у меня не очень хорошее, потому что я рассчитывал, что мы скоро разделаемся с япошками, однако вчера после нашего выхода они удрали и скрылись страшно далеко, потому что наши миноносцы, бродившие всю ночь в море, никого не встретили, хотя ходили довольно далеко; значит, не скоро еще я тебя увижу, а это ужасно. Впрочем, сказать наперед ничего нельзя, сегодня они не пришли, а может быть, дня через три придут.

Знаешь, Лелинька, пока ты все время была со мной, пока я все время видел твою дорогую, чудную мордашку — я мало обращал внимания на твои карточки (конечно, они мне были дороги...). Но теперь, Очичка, я в них влюбился, я не могу глаз оторвать от них. Ах, Очичка, Очичка, какая ты чудная, какая ты хорошая, я так люблю, так люблю тебя, прелесть моя, хорошая, родная деточка, дай мне поцеловать тебя...

Вася

Поклон Ник. Евг. и Марии Федоровне.

10 марта 1904 г.

П[орт-]Артур

Милая моя прелесть Очичка. Сегодня кроме твоего письма получил от мамы письмо на твое имя. Так как я знаю, что если бы ты была здесь, мы все равно вместе бы прочитали его — то я его прочитал и ответил. Посылаю тебе и то и другое, а ты, милочка, перешли мое письмо маме.

Лелинька, родная моя, из твоих последних писем я вижу, что в твоей чудной милой головке начинают рисоваться какие-то страхи. Очичка моя, прелесть, родная детка, не в виде утешения, а в виде глубокого убеждения уверяю тебя, что ничего со мной не случится; конечно, все от Бога, и случай играет большую роль, но, милая, я верю, что Господь, соединивший нас с тобой, не пожелает так

быстро разъединить. Нет, нет, Очичка, не смей предаваться мрачным мыслям, помни, как я всегда говорил тебе: дай нам только сцепиться с япошками, и мы их быстро научим — а я остался все тот же, Очичка, я все так же верю в нашу победу, и ты, Очичка, должна верить, что мы их расколотим — только они все удирают от нас. В своих условных телеграммах, милочка, ты пропустила одну очень важную вещь — неужели я не извещу тебя о нашей победе? Обязательно, Очичка. Пусть будет «Шесть раз целую тебя» означать, что шесть япошек уничтожено, а «Целую всех» — что японской эскадры больше не существует. Хорошо так, Очичка, ты смеешься — ну вот увидишь, на днях пришлю эту телеграмму, а со мной ничего, ничего не случится, будь покойна, моя прелесть. Твой образок на мне, и он сохранит меня.

Сегодня перебирал шкатулку и прочитывал твои письма. Как странно, Очичка, читать твое первое письмо, где ты обращаешься ко мне на Вы, не правда ли, Лелинька?

Питер [Тыртов, муж двоюродной сестры В.Н. Черкасова] назначен во Владивосток. Толя, уезжая, забыл свое теплое пальто, и я просил Питера захватить его с собой и отвезти в Харбин. Очичка — вот и Питер тебя скоро увидит. Ну, ничего, Очичка, скоро и я увижу тебя, моя прелесть, а как я тогда целовать тебя буду, как я буду смотреть на тебя, Лелиньку, дусинька моя хорошая.

Пока до свидания, крепко-крепко целую тебя.

Всегда твой Вася

В кармане Толиного пальто будет лежать тебе письмо.

20 марта 1904 г.

П[орт-]Артур

Ну, милая Лелинька, нельзя же так хвалить меня, ты меня любишь, а потому тебе и кажется, что я такой страшно хороший, а на самом деле я скверный — ведь я до сих пор не написал еще домой письма, но, милочка, мне некогда, ведь не могу же я оставить тебя без письма, а больше у меня времени не хватает, потому что у нас новый командир, который хочет все переделать по-своему. У него есть хорошая черта — что он желает все знать. Он целый день таскает меня по кораблю, изволь ему все указать и растолковать, а на время отдыха и на вечер задает работы, вычислить, подсчитать, составить и т.п. В сущности, я ничего против и не имею и с удовольствием занимаюсь делом, но это отнимает у меня свободное время. Это, впрочем, ненадолго, потому что все, что ему надо, у меня давно подсчитано и вычислено, только приходится рыться в бумагах и чертежах, чтобы найти и доказать ему правоту своих слов. Вероятно, скоро начнет мне верить на слово, и тогда будет легче. Сегодня раздавали ордена и награды. Наш командир Эссен получил золотое оружие, я — Анну III ст. с мечами и бантом, Петров Станислава III ст. с мечами и бантом и Зражевский — Станислава II ст. Ужасно мало наград — ведь если бы не раненый Петров, то получили бы только Зражевский и я на целый броненосец, говорят, что в этом виноват Старк, давший вместо отзыва о боевом отличии в бою 27 января такие отзывы: «отличный

офицер», «хорошо знает свое дело» и т.п., а за это даются обыкновенные ордена мирного времени. Ну, Очичка, пока до свиданья, сажусь за работу, крепко-крепко тебя целую. Обещаю тебе, что когда увижу, что делаемое приспособление для остановки брандеров достаточно действительно, то напишу тебе, чтобы ты приезжала. У нас взялись за ум, и дело идет на лад, подробности писать не могу.

До свидания, моя Очичка, бодрись, в разлуке жить осталось недолго, а особенно после того дня, как ты получишь это письмо. После вчерашнего письма от 15-го сегодня получил от 13-го. Вечером рассчитываю получить еще, но едва ли отвечу, оттого что буду писать папе.

Крепко целую.

Вася

Лелинька, о какой еще бóльшей любви ты можешь говорить? Ты отдала мне все, и я представить себе не могу, какую бóльшую любовь ты можешь мне дать. Леля, все, что ты — я, и все, что я — ты. Так ведь?

24 марта 1904 г.

11 ч. вечера. П[орт-]Артур

Лелинька, пиши простые письма, потому что заказные опаздывают ровно на два дня, а шанс на пропажу теперь одинаковый — ведь с распиской ничего не сделаешь.

Милая Очичка, как я обещал тебе — я говею на этой неделе, но в силу необходимости — не всю неделю, а только два дня, сегодня и завтра, сегодня была всенощная, потом читали правила, а завтра буду исповедоваться и причащаться. Кают-компания наша разделилась, половина ест постное, половина — скоромное, уверяя, что в военное время нет постов. Очичка, как я люблю тебя, моя прелесть. Я уже примирился с той мыслью, что вынужден долго-долго тебя не видеть, ведь от этого ничего не может измениться, потому что любовь наша вечна. Ты каждый день будешь писать мне, мы будем чувствовать, что все время думаем друг о друге, ты будешь знать все, что делается со мной, и уверяю тебя, что нам обоим будет хорошо настолько, насколько может нам быть хорошо в разлуке. Хотя я и пишу тебе, что не рассчитываю скоро тебя увидеть, но на самом деле (когда прочитаешь — забудь) это я пишу для того, чтобы на самом деле вышло наоборот — это всегда так бывает, ведь правда? — Ну, забудь. Итак, мы еще долго-долго не увидимся. Кто его знает, может быть, несколько месяцев. Нет, не могу писать глупостей, голова не тем занята, нет, нет, Лелинька, я чувствую, я всем сердцем чувствую, что мы должны скоро увидеться. Скажу тебе откровенно, что я со страшным нетерпением жду 26-го, 27 и 28-го чисел или вообще следующего прихода япошек, т.к. если они постесняются нашей Пасхой, то придут 29-го или 30-го, потому жду их, что следующей их атакой должны оправдаться мои надежды, что в Артур не может попасть ни один японский снаряд. Дальнейший ход моих мыслей таков. Убедившись, что Артур недосягаем для японцев, мы совершенно плюнем на них и энергично примемся за починку наших кораблей, а месяца через полтора-два соберемся всей эскадрой и тихонько

двинемся к Владивостоку на соединение с крейсерами, не ища встречи с японцами, но и не боясь их эскадры. Соединившись же, мы смело двинемся на них. Так хорошо, Лелинька? Переведем теперь это на другой язык: если следующая атака покажет на то, что в Артур не могут попадать неприятельские снаряды, а японцы могут прийти в следующий раз не раньше, как через 12 дней, то мне хотелось бы, чтобы ты хоть на денек приехала сюда, чтобы взглянуть на тебя, не тяжело тебе будет 8 дней пути взад и вперед? Я напишу тебе телеграмму: «Можешь ли приехать», и тогда, если тебе удастся устроиться, ты телеграфируй мне. Я долго не буду тебя держать в Артуре, когда ты отдохнешь от дороги (ты возьмешь Попова), ты уедешь обратно в Харбин. Но неужели это только мечты? Нет — это так и будет. Лелинька, я чувствую, что я тебя скоро увижу. Господь услышал нашу молитву; потом мы снова расстанемся на месяц или два, после чего расставаться нам не понадобится. Согласна ли ты так играть, Очичка? Так будет хорошо, уверяю тебя. Лелинька, дусинька, как хорошо будет: мы увидимся, знаешь, деточка, я снова ожил от одной мысли, что могу тебя увидеть, япошки больше не злят меня, пускай живут, Бог с ними, ты такая добрая, что жалеешь даже их, правда, у них тоже есть и жены, и родители, ах, какое чудное у тебя сердце, Лелинька, как ценю я твою Светлую Душу, Очичка, ты такая хорошая. Я последнее время был в ужасно мрачном настроении, ты, вероятно, поняла по моим письмам, — но теперь я снова живу, я чувствую твою милую мягкую лапку, ласкающую меня, и мне хорошо и свежо на сердце, много я передумал, многому ты меня научила — ты права всегда и во всем, люблю, люблю тебя, Лелинька, люблю страшно и чувствую твое благодатное присутствие здесь, у меня в каюте. Мне кажется, что сейчас ты особенно сосредоточилась и долго думала обо мне — оттого мне и стало так тепло на сердце. В таком настроении я и лягу спать, спокойной ночи, моя хорошая, крепко целую тебя.

Твой Вася

Хотя я получаю письма около полудня или 6 ч. вечера, но твое выражение «спокойной ночи» все-таки всегда бывает кстати, потому что по вечерам я перечитываю твои письма и засыпаю с письмом после слов «спокойной ночи».

Вася

Не помню, писал ли я тебе. Я получил телеграмму от папы, где он пишет, что познакомился с Машей. Помнишь, мы вместе писали ему об этом.

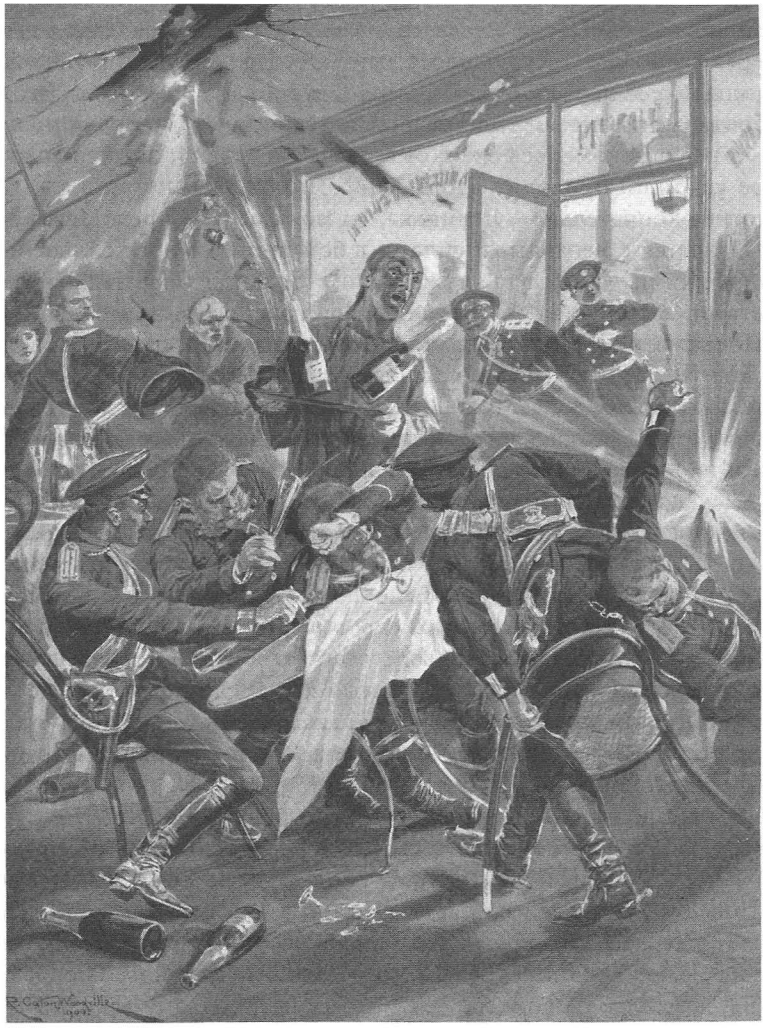
[Надпись посередине чистого листа:]

Эта страница оставлена для любопытных, если такие найдутся, для чтения сквозь конверт.

31 марта 1904 г.

3 ч. дня. П[орт-]Артур

Ах, милая Очичка, прямо не знаю, как описать тебе весь этот ужас. Хотя это и секрет, но в конце концов нельзя этого скрыть, поэтому пишу тебе откровенно,



«Шампанское и снаряды: Прерванная пирушка порт-артурских офицеров»
(Cassell's history of the Russo-Japanese war.
Vol. IV. London: Cassel & Co., 1905)

с расчетом, что ты никому ничего не будешь рассказывать, пока это не станет достоянием газет. Вчера я лег рано и ночью ничего не слыхал. В 7 ч. утра Савичев разбудил меня с известием, что был сигнал. Крейсерам приказано идти на помощь «Баяну», эскадре выйти в море, а ночью была стрельба. Все началось по хорошему, все вышли в море, только нам не повезло — дул сильный Nord, баллов 4—5, и несчастных 7 буксиров не могли сдвинуть нас с места. Мы злились страшно, потому что нам все время сигналили «скорее», и наконец с Золотой горы передали, что эскадра вступила в бой — ты можешь представить себе наше

ужасное положение: «Пересвет» застрял в одном бассейне — а мы в другом. Наконец через час «Пересвету» удалось выйти, тогда его буксиры подошли к нам и потащили нас. У нас как будто камень с души свалился, когда мы высунули нос в ворота, пробили боевую тревогу, и все бинокли направились на рейд, чтобы быстрее ознакомиться с ходом военных действий, но тут нас как обухом по голове ударило: проходит вдоль борта миноносец и кричит: «"Петропавловск" погиб окончательно». Лелинька, ты можешь себе представить этот ужас, когда мы, выходя с неравными силами в бой против много сильнейшего противника («Ниссин» и «Касуга» тоже были), узнаем, что флагманского корабля не существует. Высунулись мы из-за Золотой горы и действительно видим, что перед «Полтавой» огромнейший столб желтого дыма и пара, а на воде ничего нет. Япошки хотя и были, но далеко на горизонте, и их почти не было видно. Подошли миноносцы, «Всадник», «Гайдамак», шлюпки, начали спасать — не знаю, много ли им удалось спасти, но главная мысль у всех была — спасен ли Макаров и не взовьется ли где на миноносце его флаг. Дураки япошки: в этот момент им надо было вступить в бой. Так мы и не дождались адмиральского флага, и вскоре на «Пересвете» взвился сигнал «Следовать за мной» — это за князинькой[1]. Мы долго не могли понять причину взрыва — на свою мину он наткнуться не мог, потому что это было далеко в море, но вскоре япошки сами объяснили, в чем дело: не успели мы еще выстроиться в колонну, как с «Победы» началась отчаянная пальба по воде у самого борта, затем взрыв, и она стала быстро крениться на правый борт — тут мы все увидели подводную лодку, потом другую, третью, одна прошла не больше ½ кабельтова от нас, и я думаю, что мы ее потопили, потому что на таком близком расстоянии снаряды не дают рикошета, а ее достаточно чуть тронуть, чтобы утопить, а мы стреляли фугасными. Началась отчаянная пальба из всех пушек, стреляли почти что друг в друга, но, кажется, благополучно, никого своих не подстрелили. С «Пересвета» был сигнал: «Победе» идти на внутренний рейд, а затем и вся эскадра повернула назад. «Победу» поставили на место «Петропавловска», а затем князь поднял на ней флаг, нас же всех привели в западный бассейн, и было приказано приготовиться к бою, перекидная стрельба. Но япошки любят только подлые способы нападения, артиллерийского же боя не уважают, поэтому вскоре мы увидели сигнал «Неприятель удаляется на Ost». Николаевский поехал на «Монголию» (Красный Крест) и оттуда прислал такую записку: Великий Князь Кирилл Владимирович спасен и не ранен, командир спасен, тяжело ранен, еще спасены мичман Шмидт и человек 30 матросов. Об остальных ничего не известно пока, но их было 720 нижних чинов и 50 офицеров. Какой ужас, Лелинька, мы еще не можем опомниться, нас осталось три калеки и без начальника. Теперь японцы высадятся на Квантуне и осадят Артур. Но это ничего, Очичка, мы-то выдержим, да и сухопутные не сдадутся. Миноносцы наши еще действуют, а эскадра не может больше выходить. Как хорошо, что тебя нет в Артуре, я бы с ума сошел, зная, что ты в опасности. Посылаю тебе телеграмму: «Здоров обнимаю целую приехать нельзя, как здоровье». Я спокоен, что ты в Харбине и сюда не едешь,

[1] Ухтомский Павел Петрович, князь (1848—1910), контр-адмирал (1901 г.), после гибели С.О. Макарова 31 марта (13 апреля) 1904 г. временно вступил в исполнение обязанностей командующего флотом.

потому что у нас было условлено, что ты будешь ждать телеграммы. А у меня случилось небольшое несчастье: оторвало дуло у одной 47-мм пушки — вероятно, вода попала, но это пустяки, я ее уже заменил кают-компанейской — это еще во время боя с лодками. Очичка — я только об одном молю тебя — не волнуйся за меня, потому что я в полной безопасности и твой образок всегда на мне, а во время боя — и карточка. Крепко целую.

Вася

31 марта 1904 г.

9 ч. вечера. П[орт-]Артур

Леля, Леля, неужели ты выехала, нет, ты должна лишь была дать знать, ты не могла выехать, не написавши мне телеграммы и не дождавшись ответа. Сейчас посылал тебе телеграмму, но телеграф завален официальными извещениями, и ее не приняли. У меня волосы дыбом становятся от того, что с тобой может случиться — после сегодняшней катастрофы флот больше не может выходить, значит, япошки свободно могут высаживать десант, где им вздумается, и наскочить как раз на твой поезд. Леля, Леля, что ты делаешь со мной, отчего не извещаешь о себе телеграммами? Я уже три телеграммы послал и не получил ответа. Письма так запаздывают, что по ним ничего нельзя судить. Сегодня получил два письма от 24-го и от 25-го, и они меня еще больше напугали. 24-го ты чуть не уехала в Артур, а сейчас же после Пасхи собираешься ехать с Петрашкевич. Нет, я верю, что Господь сохранит тебя — Он уже проявил Себя, заставив тебя опоздать на поезд 24-го — Он и впредь сохранит тебя. Лелинька, молю тебя, если тебе не очень тяжело, сиди в Харбине, а если можешь — уезжай в Россию. Если можно будет, я напишу тебе, но, Бога ради, не смей выезжать, не известивши меня. Ах, Очичка, какое тяжелое у всех настроение. О погибших нет еще никаких известий. В команде ходят слухи, что адмирал Макаров еще жив, что его нашли — не знаю. Дня три тому назад я видел Вульфа — он штурман на «Петропавловске». Он просил передать привет M-elle Петрашкевич и благодарить за внимание. Увы, он погиб. Кнорринга нашли мертвым. Еще сегодня погиб миноносец «Страшный», которого под градом снарядов спасал «Баян»: ему удалось спасти 4-х человек. Им командовал Юрасовский, женатый на подруге Дины Тыртовой (Лениной сестры), на Тане Ушаковой, и говорят, у них 10 человек детей. Там же погиб Малеев. Ах, Леля, какая масса погибших — на одном «Петропавловске» около 40 офицеров и 600 матросов. Но Леля, где ты, откликнись, Бога ради, где ты? Неужели выехала из Харбина? Нет, я верю, что Господь бережет тебя и с тобой ничего не может случиться.

Очичка, крепко-крепко целую тебя, предупреждаю, что целую неделю буду в большом волнении, если не получу известий.

Вася

1 апреля 1904 г.

1 ч. дня. П[орт-]Артур

Милая моя Лелинька, сейчас получил два письма от 25-го и 26-го и немного успокоился. Я не получаю новых телеграмм просто потому, что их теперь не принимают. Так ведь, Лелинька? Но я все-таки рассчитываю, что мои телеграммы

ты получаешь, что Господь хранит тебя и ты в безопасности живешь в Харбине. Лелинька, ты меня обижаешь, дусенька: во-первых, зачем ты благодаришь меня за те деньги, которые тебе передал папа, а во-вторых, мне неприятно, что деньги, которые я тебе дал, ты не считаешь своими и стараешься дать в них какой-то отчет. Мне даже неприятно писать тебе об этом, но прошу тебя, Очичка, трать эти деньги на то, что ты считаешь нужным, покупай себе тысячу шляп, я вовсе не хочу, чтобы ты, Очичка, вдруг ходила «вороной» — это нехорошо, Лелинька. Я только не понимаю, на что же ты живешь, если деньги положила в банк? Условимся так, Лелинька, что изредка, не реже одного раза в месяц, числа около 15—20-го, ты мне будешь писать, сколько у тебя осталось, это лишь нужно для моих расчетов, Очичка. Хорошо? Лелинька, еще ты меня обижаешь — это уж нехорошо. Как можешь ты писать: «...чтобы скрасить свою рожицу, т.к. я немного пострашнела». Очичка, да что же это такое, в самом деле? Твою рожицу нечего скрашивать, она такая чудно-хорошая, что лучше ее ничего не может быть. А здоровье свое ты должна беречь, и я верю, что ты позаботишься о себе. Перед доктором тебе не надо конфузиться — пусть, Лелинька, он тебя подробно осмотрит, я прошу тебя, Очичка, сделай это для меня, ты умница и понимаешь, что шутить этим нельзя. Что же ты успокаиваешь меня, что ни спина, ни бембемчик не болит, а сама пишешь, что «пострашнела». Я молю тебя, Осичка, не волнуйся и теперь обо мне, возьми себя в руки и помни, что волнение тебе вредно, но не для одного твоего успокоения я пишу тебе это, но на самом деле я теперь в полной безопасности, ничего со мной случиться не может. Мы ждем адмирала Рожественского[1], который уже выехал. Тела Макарова не нашли, [великий князь] Кирилл уже уехал. Сейчас идет катер и мы почти все отправляемся на похороны.

Тороплюсь. Крепко-крепко целую тебя, моя милая, милая, страшно сильно, горячо любимая Очичка.

Твой Вася

Сегодня вышел приказ о мобилизации всего флота — значит, и мой брат Толя тоже призван на службу.

23 декабря 1904 г.

[Порт-Артур]

Милая Люсинька,

посылаю тебе вестового Леонова. Ты, вероятно, знаешь следующую телеграмму Государя: разрешено дать подписку[2], а тем, кто пожелает разделить участь нижних чинов, разрешено ехать в Японию[3]. Толковать можно разно, наши «пересветские» офицеры решили истолковать в свою пользу, так же как и все,

[1] Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909), с апреля 1904 г. командующий 2-й эскадрой Тихого океана, подготавливал ее переброску на Дальний Восток, в октябре 1904 г. возглавил поход эскадры, после ее поражения в Цусимском сражении 14—15 (27—28) мая 1905 г., находясь на миноносце «Бедовый», раненым попал в японский плен. См. письма адмирала в этом сборнике, с. 267—274.

[2] После сдачи Порт-Артура было разрешено в официальной форме дать обязательство новым японским властям не воевать против Японии, после чего офицеры отсылались в Россию с сохранением личного оружия.

[3] В статусе военнопленных.

находящиеся в 10-м полку, кроме Бойсмана, я тоже подписал бумажку: с разрешения ЕИВ Императора Всероссийского мы, нижеподписавшиеся, обязуемся не принимать участия в войне с Японией. Но предупреждаю, что если в прочих командах решат остаться в Японии, то и наши переменят мнение, и тогда...

Люсинька, прости меня, напиши прямо, согласна ли ты ехать в Японию. Вообще, по смыслу телеграммы, мы все должны ехать в Японию, но, во-первых, я не один, а во-вторых, если все едут в Россию, то себя я считаю в бóльшем праве, но если все перерешат, то я хочу знать твое мнение.

Мы будем в 11½ ч. на водяной пристани. Пришли Леонова с ответом.

Вася

Михаил Мороз: «ТВОЙ ИСКРЕННЕ ЛЮБЯЩИЙ МУЖ ГРУСТНО СМОТРИТ НА ТОЙ ЧУЖОЙ СТОРОНЕ...» (1915—1916)

Биографическую информацию об авторе данного письма, к сожалению, установить не удалось.

29 июля 1915 г.

Любимая Жена, осведомляюсь о вас всех вместе, здоровы ли вы. Я с милости Господа Бога здоров, мне хорошо. Прошу тебя, любимая Жена, сделай мне просьбу в общине, я тогда получу увольнительное на 14 дней, то тебе помогу что сделать дома, но если не вышлешь просьбу в роту, то тогда ничего не будет. Адрес в роту KuK Ezenbani kompanyi 27 FeldPost 166 Komando. Засылаю поздравление целой родне, прошу ответ. М. Мороз

30 августа 1915 г.

Первые слова моего письма пишутся к своему родному краю и к любимой родне, иди письмо чрез горы высокие, чрез леса темные и поля широкие, а как придешь к порогу — поклонись низко к пану Богу.

Слава Иисусу Христу.

Возлюбленная и искренне любимая Жена, отписываю к тебе с далекой и чужой стороны с России о своем милом здоровью. Я, спасибо богу, здоров на целом своем теле и тебя прошу не терзайся мною так как мне не есть очень плохо при войску, ведь ты знаешь, что я пошел к айзенбану[1] — это тот регимент, что не идет в бой, только должен работать на железнодорожных путях и мостах, только вот мне всех вас, всех, что еще живете жаль, что вы так бедствуете в такие досадные времена, но что ж делать, если это такая Божья воля. Не плачьте, а просите Господа Бога и пречистую матерь, чтобы умилосердилась над этим несчастливым народом. Так как это не только мы так бедствуем, но почти что целый мир. Куда я не приеду то же самое слышать, и болезнь, и голод, и крайняя нужда. Прошлой осенью я был сначала в Галичине, в Хирове, как Москаль[2] начал гнать, так мы поехали обратно за Вену, а потом мы опять приехали в Галичину в город, что называется Турка над Стрыем, а целую зиму так мы были на венграх и в горах карпатских, так я там виделся с деркачиком[3] и он дал мне десять рыньских[4], и только в мае выехали мы опять в Галичину. Так это я был в Самборе, в Стрыю, в Станиславове[5], в Ходорове, в Рогатине, а теперь 15 августа выехали в русскую польшу, а где мы находимся, того писать нельзя.

[1] Железнодорожные войска.
[2] Русские.
[3] Деркач, односельчанин Мороза.
[4] Гульденов.
[5] Теперь — Ивано-Франковск.

Теперь я тебя прошу любимая Настенька, напиши, кто тебе помогает что делать, есть ли еще какая добрая душа, чтоб тебя спасла, бедную сиротку, в этом мире, и что там делает мой любимый ребенок Олечка, вспоминает ли она меня и свою сестренку Васечку, которую Господь забрал к себе, и моего Дорогого Отца, которого она называла Черный Дедушка, и того маленького Ангелочка Стефана, которым недолго радовались, так как тоже пошел на службу к Господу Богу. Я пишу и слезами окропляю эту бумагу и нашу несчастную судьбинушку, потому что прошли хорошие времена, а пришли несчастные для рода людского и не должны мы держать за то зла, ведь все это божья воля, как на небеси так и на земле. И еще раз тебя прошу — попробуй сделать просьбу, мне поможет, чтобы меня отпустили домой хотя бы на пару дней. Это надо делать так, что у меня есть земля, так как тем, у которых нет земли, те жены не могут делать просьбу, пойди к какому-то умному человеку, чтоб тебе это сделал, и пусть пишет по-польски или по-немецки и надо прибить общинную печать, а адрес у роты k. u. k. Eisenbahn Kompanie 27. Капитан Тарбук.

Прошу вас, дорогая мамочка, не плачьте, только просите Бога, чтоб еще прожили и меня дождались как можно быстрее, и вы, старенький Папочка, что на старые лета так должны бедствовать в этом земном мире, что некому вас пожалеть. Прошу тебя, Дорогая Жена, напиши дома ли Бурский Стефан, дядя Василь, Петро, Дмитро Адмовычев, Степан. А как Данило, пошел ли в войско и было ли все поле засеяно, были ли зимой у нас москали, а остальное ты и сама знаешь что должна писать.

Поздравляю всех всех. Целую свою семью сто тысяч раз и Тебя, любимая и искренне милая, и много страдающая Настя. Твоя единственная потеха и надежда на будущую жизнь, твой дорогой Друг Михаил Мороз.

Моя рука пишет уже знает для кого, мое сердце тужит для Друга своего.

31 января 1916 г.

Возлюбленная Жена, отписываю тебе за то письмо, что ты писала 19/1, спасибо богу здоров, теперь я при лошадях, у меня два коня [те, что были] от лошадей пошли в увольнительное, а меня перевели.

Когда пишешь ко мне то [пиши] Peonir, а не Infan, потому что это пеониры, это не инфантерия, а телеграмму вышли, может что и поможет, а может и нет, того я не знаю и за то, что люди говорят не бойся, потому что отсюда меня никто не отдаст в инфантерию, тут у нас есть такие, что сами б пошли, а не пустят.

Твой дорогой муж Михаил Мороз

Eisenbahn Peonir Kompania 27. Krasnostaw w Ruski Polski

14 февраля 1917 г.

[На открытке пометка карандашом «32 морга»[1] — вероятнее всего сделана о. Пастернаком, приходским священником, для прошения о увольнении и указывает на размер земельных угодий в собственности семьи Мороза.]

Слава навеки. Моя милая и Драгоценная Жена отписываю тебе на ту карточку, что писала 4/2. Я с помощью Господа Бога здоров, а живется мне по-

[1] 1 морг = 0,5755 га.

прежнему, но что мне с того, что раз то хуже донимают и человек уже не знает как уже дальше жить будет в этом мученом мире, и терзание ничем не поможет, ни плач, ни просьба и не знать, сколько еще надо мучиться, ведь что нам с того, что мы еще живем, если это такая горькая наша судьба. И напиши, что с тобой случилось, что тебя поясница болит, может где-то промерзла, и тоже напиши, как долго болела и легче ли уже. Так теперь смотри хотя бы на свое здоровье, не убивайся так над этой работой, ведь если погубишь себя, то кто же тебе в том поможет, и если мне бог поможет счастливо эту недолю пребыть и воротится на родную землю, то к кому ж я прильну, такой изволоченный и потрепанный бедняга.

Оставайся здорова, милая моя Настенька

Твой искренне любящий муж грустно смотрит на той чужой стороне и просит тебя сердечно о скорейшей весточке.

Дай господи мира

Перевод с польского языка Андрия Заярнюка

Василий Зябкин: «ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ТО ТЕБЕ ОСТАНЕТСЯ ВЕЛИКАЯ ПАМЯТЬ» (1939)

Ниже приводится письмо Василия Зябкина семье. Биографическую информацию об авторе письма установить, к сожалению, не удалось. Письмо вошло в коллекцию, собранную В.М. Зензиновым в Финляндии во время советско-финской войны 1939—1940 гг., поэтому с высокой долей вероятности В. Зябкин погиб в боях, не успев отправить письмо домой.

26 ноября 1939 г.

Целую Мусичку и дочку Светланочку. Шлю привет и желаю всего наилучшего в жизни. Мусичка, милая моя, ты мне пишешь: что делать, как тебе жить. Пойми то, что я еще пока жив и помирать не собираюсь. Сейчас ты живешь ничего, деньги тебе высылаю, квартира есть, живи, воспитывай дочь. Я считаю, что скоро приеду к тебе. Мусичка, ты права, когда говоришь: «Мы с тобой мало жили, и самый разгар жизни нас разлучили». Что же, придется набрать силы, мужества, и дождать друг друга, честно, добросовестно выдержать этот период жизни. Мусичка, время у нас впереди еще много, успеем нажиться, если буду жив. Будет все зависеть от тебя, если ты дождешь меня честно, добросовестно, так, как подобает хорошей женщины.

Мусичка, ты пишешь: «Если я не вернусь, то ты тоже должна покончить с жизней». Это совершенно неверно. Ты должна жить и беречь здоровье для дочери. Если я не вернусь, то тебе останется великая память, моя любимая дочь, я ее люблю так, как люблю ее мать Мусичку. Я о вас сильно скучаю и беспокоюсь. Часто нервничаю. Мусичка, поверь, даже от этого стал курить. Когда посматрю на вас, на те фотокарточки, которые ты мне прислала, у меня сердце сразу начинает работать совершенно иначе. Но ничего, этот трудный момент мы должны пережить.

Мусичка, я тебя прошу, ты сильно не волнуйся. Береги здоровье. И нисколько не желей о том, что ты родила дочку. Я понимаю, Мусичка, ты считаешь, что меня убьют, и тебе трудно будет жить, и ты не сможешь себе другого найти. Все это чепуха. Я буду жив. И будем мы с тобой жить и наслаждаться природой. Мусичка, я получил от тебя письмо 26/XI 39 г. которое ты писала мне 5/XI 39 г. Деньги я еще не получил, где они блуждают, трудно сказать. Возможно, придут, а если адрес дала не верно, значит, вернутся к тебе.

Мусичка, милая моя, наступает серезный период. Подвигаемся на самую границу. Сейчас может быть два варианта: или в бой, или не вернемся обратно. Но ты не волнуйся и этого не бойся. Я человек военный, бить врагов сумею, и защититься так же. Будь спокойна за меня. Никому об этом не говори, почему должна сама знать.

Будь веселая, береги свое здоровье и здоровье дочки. Целую крепко-крепко обеих вас. Мне кажется, держу на руках Светланочку и целую Мусичку.

Пока прощайте. Все.

Вася

Семен Кузнецов: «ТО ЛИ У ВАС НЕТ ВРЕМЕНИ НАПИСАТЬ МНЕ ХОТЬ ПЯТЬ СЛОВ, ТО ЛИ ВЫ НА ЭТО СМОТРИТЕ ХЛАДНОКРОВНО?» (1941—1943)

Семен Степанович Кузнецов родился в 1911 г. в д. Маткажа Олонецкой губернии. Жил в Ленинграде. До войны был рабочим на заводе «Красный треугольник», откуда был призван в армию. Служил рядовым в 48-й стрелковой дивизии на Ленинградском фронте. Письма посылал жене Марии Ефимовне Кузнецовой (урожд. Исакова, 1912 г.р.), которая во время войны жила в Ленинграде, работала красильщицей на прядильно-ниточном комбинате имени С.М. Кирова и растила двоих детей Михаила и Валентину. С.С. Кузнецов был ранен 17 января 1944 г. в бою при снятии блокады и отправлен в госпиталь. Дальнейшая его судьба неизвестна.

15 марта 1942 г.

Добрый день или вечер, здравствуйте, мои родные — папа, мама, жена Мария Ефимовна, сын Михаил Семенович, дочь Валентина Семеновна, сестры Ира Сте[пановна] и Анаста[сия] Степановна.

С приветом к вам ваш сын, муж, брат и отец. В первых строках моего письма спешу сообщить о том, что я был дома, читал ваше письмо, в котором вы просите от меня справку для получения пособия. Я ее вам послал уже давно.

Маруся, почему вам так долго не пришли мои посланные деньги? И я здесь теперь узнать ничего не могу. Денег послал много, а толку вышло очень мало.

Маруся, теперь другое. Не знаю, писали ли вам чего или нет о том, что Иван А. помер. Ириша с больницы вышла, живет теперь дома одна. Я пока жил в городе, к ней заходил 3 раза, но а теперь, Муся, папа и мама, я опять иду на передовую, то есть на фронт. Сегодня нас отправляют из города, куда, пока не известно.

Маруся, Ириша мне подарила Ивана А. часы с цепкой. Не знаю, долго ли мне их придется носить?

Маруся, я все-таки очень удивлен тем, что вам в такой глухой деревне, как наша Маткажа, и то не дают спокойно жить, куда-то выдумали везти. А для чего это делать? Если ты никуда не увезена, то и не езжай никуда.

Маруся, ты еще мне писала, что я тебе врал о том, что как будто бы я был ранен тяжело, но я вам не писал, и вы не верите тому, что я вам писал. Я вам писал всю правду, никогда я тебе не врал, и врать пока не собираюсь. Вот пойду второй раз на фронт, что случится, не знаю.

Муся, милая моя, вся семья — ты, отец, мать, дети мои и сестры, как мне охота вас всех хоть бы одним глазком посмотреть. Я по вас очень скучаю, и не знаю, как вы живете в настоящее время, а потом бы можно, куда хочешь идти, хоть в огонь, хоть в воду, но воля не своя, и это сделать невозможно. Не знаю, придется ли мне с вами еще видаться или нет.

Муся, дорогая моя жена, у меня одна к тебе просьба — береги ребят, а сейчас, когда читаешь это письмо, поцелуй за меня не один раз.

Муся, а может, мы с тобой скоро увидимся; побьем всех гитролевцев, останемся живы и встретимся, увижу я Вас и Вы меня.

Муся, вчера был дома, но очень малое время. Ириша живет одна. Когда я пришел, дак она, бедна[я], рада ли нет, я что я к ней зашел? Я когда пошел, она, бедна[я], заплакала очень горькими слезами.

Муся, прошло все худое время, теперь бы только жить нам с тобой и с ней в одном месте, да жить-то нам не дают.

Муся, она продала свое осеннее пальто за 700 руб., меня спрашивала, что продавать? Я, конечно, ей советовал ничего не жалеть для поправки своего здоровья. Она мне еще на курево дала денег — 50 руб., но курево у нас сейчас очень дорогое. Муся, кровать наша с тобой сейчас находится в другой комнате. Когда мы с тобой ушли, то наше с тобой нажитое добро начинают растаскивать. Кровать взята, у Шурки, в 38 номер. Может, и еще что взято, но я всего не знаю. Муся, почему же ты не взяла с собой бот. Я их видал, они еще пока в доме, но случись что с Иришей, и все наше с тобой богатство пошло по рукам.

Муся, ладно, это все, черт с ним, только бы нам с тобой остаться живыми, а это все соберем, а чего не соберем, то купим.

Муся, писать больше не буду, хотя, есть чего. Всего не опишешь. До свидания. Беру Вашу правую руку, крепко вас всех целую много-много раз. Муся, передай всем родным и знакомым, и всем колхозникам до свидания. Поцелуй за меня Валю, Миню не один раз. Письма пиши домой на Иришу. Если я могу домой зайти, то и почитаю.

Кузнецов Семен Степанович

22 июня 1942 г.

Маруся, я забыл у тебя спросить: стал ли говорить хорошо Миня? И ходит ли Валя? Для меня это очень важно. Вот и все, что есть новое. Пишите, до свидания. Беру Вашу правую руку, крепко Вас целую много-много раз, Вас и своих незабываемых детей — Миню и Валю.

Папа, мама и жена, вас прошу по мне не расстраиваться и не думать, что быть, тому не миновать. До свидания еще раз. От настоящего письма остаюсь жив, здоров, того и вам желаю.

Привет всем родным и знакомым, всем колхозницам, но колхозников у вас там нет, все там, где и я.

Кузнецов

3 октября 1942 г.

Из передовой линии фронта

Добрый день или вечер, здравствуйте, мои многоуважаемые родители — папа и мама, жена Мария Е., сестры Фекла, Ира и дорогие незабываемые дети Миня и Валя.

В первых строках моего письма спешу сообщить о том, что я ваше письмо получил, за которое вас очень благо[дарю]. Получил я 1/X—42 да не одно, а 4. От тебя, Муся, 2, одно у Вас было писано 17.IX.42, а второе — 7.IX.42, а я получил их вдруг. Одно получил от кумы Агафьи А. и от брата Николая П., итого — 4.

Муся, я все-таки Вас малость буду ругать за то, это за Вашу невнимателъ[ность]. Вы пишите, что деньги получила. А сколько было? Тяжело поставить цифру? А я как раз и не знаю, какие ты получила деньги и сколько? Я Вам посылал много раз и все разные суммы, поэтому меня очень интересует: сколько Вы раз получили от меня деньги? И какую сумму? Если ты мне не будешь указывать сумму денег, то я тебе больше не буду посылать ни одной копейки, то и письма писать буду в месяц одно, а то и ни одного, если ты не будешь выполнять то, что необходимо для меня.

Муся, Вы пишете, что Вам принесли неожиданно перевод на деньги, Вы даже ничего не думали о том, что я Вам могу прислать деньги; и Вы желали бы встретиться со мной также неожиданно. Но это так не будет. Если я к Вам приду неожиданно, то у Вас не будет ничего для меня приготовлено. А если ты будешь обо мне знать, когда я приду, то, наверное, вспомнишь старое и припасешь пол-литровочки на первый случай. Маруся, вы пишите, что у крестной несчастье. Дак, я на это смотрю очень хладнокровно. Она сама во всем виновата, дала очень большую ему волю. Только ты ей это не говори, а то чтобы она на меня не обиделась, что я написал эти слова. А ты меня знаешь, я люблю сказать прямо, не заочно. Муся, Вы хотите идти в Шалу[1]. Дак, смотрите, долго там по Шалам да по знакомым не расхаживай, а то, чтобы было любо тоже родным Ваше расхаживание по Шалам. Смотри, ты еще не собралась оттуда выезждять, может, еще пока проживешь эту зиму, это пока неизвестно.

Вот все, что я мог написать. До свидания. Пиши, жду. Твой Сеня

Привет всем родным и знакомым в Маткаже и в Мелентьевой[2].

Передай Крестной привет, дай мне ее адрес и Василия Ефимовича тоже, я им напишу письмо сам.

6 января 1943 г.

Добрый день или вечер, здравствуйте, мои дорогие родители — папа, мама, жена М.Е., сестры — Фекла с Ирой, и дорогие дети — Миня и дочь Валя, с приветом к вам ваш сын, муж, брат и отец Кузнецов С.С.

В первых строках моего письма спешу сообщить о том, что вашу открытку получил, за которую вас очень благодарю. Сестры Фекла и Ира, вы на меня не серчайте, что я вам не пишу ответа, я бы вам написал со всем удовольствием, но нет у меня времени вам всем писать отдельно, пользуйтесь одним.

Папа, мама, жена и сестры, я сегодня сходил в кино через год, и увидал много гражданского населения, даже видел таких маленьких детей, как своих.

Маруся, я сегодня получил от Вас письмо, в котором Вы писали на нашем конверте. Вы пишете, что мы Вам писали [пьян]ые. Нет жена, я бываю пьяный, но не от вина. Я бы Вам написал, да нельзя. Если суждено мне встретиться с Вами, то я Вам расскажу кой-что, Вы тогда поймете, ну а если придется погибнуть за Родину, за Вас, то Вы ничего от меня не узнаете. Вас, жена, прошу мне более так не писать, что я Вам пишу ерунду да пьяным. Я пьяным дома бывал очень редко, а не то на войне.

[1] Поселок Шала Пудожского района Карелии.

[2] Деревня Мелентьева Пудожского района Карелии.

Вот, пока все. До свидания. Писал Ваш муж.

Привет всем родным и знакомым. Пишите, жду ответ сразу.

Кузнецов Семен Степанович

Жена, пошли фотокарточку, если мо[жешь ?], то с папой (?). Поцелуй за меня моих детей Миню и Валю.

13 февраля 1943 г.

Добрый день или вечер, здравствуйте, мои родные — папа, мама, жена, сестры и дорогие мои незабываемые дети. С приветом к вам ваш сын, муж, брат и отец, которого вы все очень хорошо знаете и не забываете ни днем, ни ночью — Кузнецов С.С.

В первых строках моего письма я хочу вам сообщить о том, что я вашу посылку получил, за которую вас хочу немного даже поругать. Неужели у вас более нечего было положить, что вы послали мне, как насмеялись, варежки, носки да 10 сухарей. Я когда ее получил, мне даже неудобно стало от своих товарищей, что мне нечем было их угостить. Я у вас просил кой-чего много, но получил очень мало. Мне когда были нужны варежки, носки, когда у меня отмерзали руки и ноги, тогда вы послать не могли. Теперь мне выданы валенки да я купил себе шубные рукавицы, тогда вы послали мне теплые носки и варежки. А я у вас просил что: табаку, масла, хороших сдобных сухарей, ниток, иголку, а вы этого ничего не послали. Я посылку вашу получил давно — 25-го I—43 года, в общем, в тот день, когда вы написали мне письмо. Вам не писал потому, что ждал от вас письма с описанием, что вы мне послали, но письмо-то я от вас получил, но без описания.

Папа, мама и жена, вы пишете, что вас там у одной коровы семеро, и масла послать у вас нету. Я это хорошо знаю, что вас там много, но вы могли полкило-кило масла даже купить и послать мне. Я у вас один и, может, сегодня жив, а завтра не будет, тогда и не попрошу от вас ничего.

Маруся, папа и мама, я все-таки на вас очень обиделся, что вы не выполнили мою просьбу, а поэтому я вам даже не хотел писать письма, да заставил написать мой командир. Вот и все, от сего письма остаюсь жив, здоров. Ваш муж Сеня

17 февраля 1943 г.

Добрый день или вечер, здравствуй, моя многоуважаемая жена Мария Ефимовна. Привет папе Степану А., маме Анне П., сестре Фекле С. и моим дорогим детям — сыну Мине и дочке Вале.

В первых строках моего письма спешу сообщить о том, что я ваше письмо получил, за что вас очень благодарю. Маруся, я когда Ваше письмо прочитал своим тов[арищам], то они все рассмеялись и я с ними, когда ты меня считаешь умным. Пишешь, что я на тебя смотрю, а тебя не смешу и не трогаю, а ребята и говорят, что тебе пишет и называет умным, а сама, наверное, не один раз поплакала, пока на умного смотрела.

Маруся, меня удивляет то, когда читаю Ваше письмо, где Вы пишете, что вы не работаете, и говорите, что работы нет. Я лично этому не верю, чтобы в колхозе

не было работы. Вот обожди, я напишу письмо Гришке и спрошу насчет тебя, почему ты не работаешь? Тогда я напишу Вам, почему для Вас нет работы. Для Вас работа должна быть. Для Вас работа должна быть в первую очередь.

Маруся, я писал письмо в военкомат насчет того, что вам не стали давать паек, Славке, и вот, если к вам придут с военкомата для проверки, вот ты их спроси, почему же вам нет работы?

Маруся, пока все. С Ленинграда я письма получаю. Неплохо живу я, пока хорошо и здорово, готовлюсь для решительного удара по врагу. Пока все, до свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю.

Вот когда разобьем врага, и встречусь я с вами, тогда-то мы с тобой поговорим. Привет всем родным и знакомым.

Муся, моя дорогая, пиши мне чаще, и я буду писать, пока я жив. Целую, Муся, и детей не один раз.

Твой Сеня

18 февраля 1943 г.

Добрый день, веселый час, пишу письмо, не вижу Вас. Здравствуйте, мои многоуважаемые родители — папа, мама, жена Мария Ефимовна, сестры Фекла, Ира Степановны, дорогие мои дети. С приветом к вам ваш незабываемый ни днем, ни ночью сын, муж, брат и отец — Кузнецов С.С.

Муся, моя дорогая, спешу Вам сообщить о том, что я Ваше письмо получил, в котором у Вас была положена для меня иголка и фотокарточка. Я Вас за это очень благодарю, за Вашу заботу ко мне.

Маруся, я когда читал Ваше письмо, не мог стерпеть, заплакал, когда Вы мне описываете кой о чем. Ладно, Муся, я, если останусь жив, от этой войны, то я кой-кому припомню это. Муся, ты еще всего не знаешь о других наших родных. Я знаю более, но Вам описать не могу. Когда мы с тобой жили в городе, тогда мы с тобой были многим нужны, и что нас просили достать, отправить, так Семен да дура Маруська все достали и отправили. Маруся, я Вас очень много раз вспоминал, что ты когда-то за людей рада была убиться, то все достать и все отправить. А вот, когда дело качнулось, что я кой-кого попросил для меня, кой-что потребовалось, то наших с тобой родных не оказалось. Ладно, жена, это все я перенесу на себе, у меня терпения хватит, ты мой характер знаешь. Правда, я сейчас стал не тот, что был раньше, с этим проклятым врагом.

Маруся, Вы пишете мне и извиняетесь передо мной, что меня назвали пьяным, и я на Вас осерчал. Муся, это все было верно. Я когда прочитал Ваше письмо с этими словами, то если бы не было там у тебя моих дорогих детей, которых я так любил и люблю, и не могу забыть ни днем, ни ночью, да отца с мамой, то я бы с тобой давно письменную связь покончил. А вот сегодняшнее письмо для меня очень стало ясным, и для меня понятно, где «собака зарыта».

Маруся, Вы мне написали, что Вас Гришка не берет на работу, а не написали, что за причины этому, что он не берет тебя на работу?

Маруся, ты ему ничего не говори, а я ему сегодня же напишу письмо по этому поводу, тогда, что он Вам скажет? Я как раз пойду к политруку, и мы напишем ему совместно с политруком.

Маруся, меня очень интересует такое дело: за что Вы послали Ирише деньги — 220 рублей, если пишете, что она Вам прислала мои сапоги. Еще другое. Неужели эти, что у меня были, хорошие? Они, по-моему, очень плохие, и, по-моему, там носить нечего.

Маруся, Вы еще мне пишете, что обо мне беспокоятся и спрашивают все твои невестки. Дак я бы тебе не советовал этому верить, по-моему, там от души обо мне может спросить только одна Ольга, забыл, как по батюшке, это Сергея Е. жена, а более ни одна твоя невестка. Может тебе это будет не любо, но, по-моему, это так. Ну ладно, это все будет между нами с тобой, об этом закончим.

Маруся, ты пишешь мне то о том, то о другом, а зачем ты ходишь по Тубозерам да по Рагнозерам? Мне лично это не очень-то нравится, но я ничего не в силах сделать, я от Вас очень далеко. Но если Вы не хотите понять моих слов в письме, то и не пишите мне, что Вы делаете. А я знаю, к чему это все может привести; это приведет Вас не к хорошему.

Маруся, пару слов о себе. Я живу в настоящее время не плохо, но ожидаю лучше. Чувствую себя очень хорошо и здорово, правда, не так, как бывало в городе Ленинграде, но ничего, скоро разобьем врага и будем обратно в Ленинграде; и Вы будете со мной. Вот тогда опять заживем по-старому, даже лучше.

Вот пока и все, на этом писать я кончаю. От сего письма остаюсь жив, здоров, [и] того и вам желаю. Ваш муж Сеня. Мусю целую крепко, но своих детей крепче за меня пока поцелуй ты, Муся, Миню и дочь Валю [...]

26 февраля 1943 г.

Добрый день или вечер, здравствуйте, мои родные и знакомые — папа, мама, жена Мария Ефимовна, сестры Фекла с Ирой и дорогие мои дети — Миня и дочь Валя.

В первых строках моего письма спешу сообщить, что мы проводили праздник очень весело. Не знаю, как проводили вы, нам в день 25-й годовщины Красной Армии дали по сто грамм водки, по 500 грамм белого хлеба, по 3 шоколадных конфетки, и вот, мы провели этот день очень весело. Целый день со ста грамм были веселые. Ты, жена, опять меня посчитаешь пьяницей, но я от Вас не хочу ничего скрывать, как бы Вы меня не считали. Маруся, мы с политруком написали Вашему председателю письмо. Не знаем, как он нам на это письмо ответит. Маруся, если он тебя на работу возьмет, то я тебя очень прошу, более от работы не отрываться. Смотри, тебе, смотри, надеяться не на кого, смотри, работай, у Вас старик, а не я. В общем, я от тебя далеко и показать тебе не могу. Если не можешь ты меня понять в письме, то более мне не пиши таких слов, что тебя не берут на работу и так далее. Вот, об этом все.

Пару слов о себе. Я живу пока неплохо, главное — жив и здоров, чувствую себя очень хорошо.

До свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю. Писал ваш сын, муж, брат и отец — Кузнецов Семен Степанович.

Маруся, пиши чаще письма, а то мне очень скучно.

Маруся, я писем почему-то ни от кого не получаю. В Ленинград писал много писем, и куме, и свояченице и на Фонтанку, писал уж не по одному письму, но ответа нет.

Маруся, я твою иголку получил, за которую тебя очень благодарю.
С. Кузнецов

5 марта 1943 г.

Добрый день, веселый час, пишу письмо, не вижу вас. Здравствуйте, мои родные и знакомые, папа Степан Алексеевич, мама Анна Павловна, жена Мария Ефимовна, сестры Кузнецовы Фекла Степановна, Ира Степановна и дорогие мои дети — сын Михаил Семенович, дочь Валентина Семеновна. С приветом к вам ваш сын, муж, брат и отец Кузнецов Семен Степанович.

В первых строках моего письма спешу Вам, жена, сообщить о том, что я Ваше письмо получил с описанием про мою куму Агафью А. Я очень удивился, что Вы мне написали, что у вас там есть какие-то военные, она забирает вече[ром...] и т.д. Меня очень это интересует: что у вас за военные? Что они там у вас делают? Вы об этом ничего не пишете. Это было первое.

Второе, меня интересует то, почему Вы остались ночевать у Климовой, а не ушли на Маткажу или в Мелент[ь]еву к своим?[1] Что была за причина на это? Мне срочно ответь и опиши все точно, чтобы я ничего не думал о тебе, не ври мне ни одного слова.

Маруся, я тебе не раз писал, что[бы] поменьше ты болталась там, где не положено. Ты меня знаешь, что мне это не нравится, а если уж тебе хочется ходить там, где не положено, то не пиши мне, я хоть, по крайней мере, ничего не буду знать, и не буду расстраиваться. Мне и так без Вас здесь не очень сладко, да еще Вы так мне напишете, дак я совсем с ума схожу. Вы мне пишете, что я Вам стал писать письма редко. Если Вы будете там так делать, то я Вам совсем писать не буду. Если останусь жив, то я все могу узнать, а если не останусь, то и хуй с ним, делай что хочешь.

Ты еще пишешь, что от Ириши получила письмо, и она получила награду, а не написала, какую и за что, а велишь мне ее поздравить. А с чем, я и не знаю? Письма я от ней получаю очень редко, последнее письмо от ней получил 27/II-43 года. Она мне ничего об этом не пишет, что ее наградили чем-то. Посылку я вашу: иголку, фото — все, что вы послали, я все получил, но благодарить вас, кроме иголки, не за что. Чего я просил, вы и грамма не положили, а чего я не просил, дак вы хоть немного, но негодного-то положили. Сначала сожгли, а потом отправили мне. Я у вас просил самое главное — это масло да еще чего-то, но повкуснее, но этого я ничего не вижу, а положили то, что мне не нужно стало.

Маруся, я тебя лично прошу, если есть там у тебя возможность среди родни купить масла, то купи и пошли мне. Я тебе пишу, Муся, сколько бы оно ни стоило, но если нет никакой возможности, то и не надо, [у] своих более не проси ничего.

Маруся, я Вас просил, чтобы Вы мне дали крестной адрес. Я очень давно ей хочу написать письмо, но не знаю ее адреса.

---

[1] Маткажа — деревня Пудожского района Карелии, ныне не существует; Мелентьева — деревня Пудожского района Карелии.

Вот, что я хотел тебе написать, все написал. Прочитай и смотри, выполняй, что у меня здесь написано, по другим деревням много не шляйся, и там, где не положено, не оставайся ночевать, а если это будешь продолжать и в дальнейшем, то не пиши мне, не расстраивай меня, мне и так не очень [нрзб.].

Маруся, на этом писать я кончаю. До свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю. С. Кузнецов

Чего-то хочет Вам написать мой командир. Я ему разрешил написать в одном письме с моим.

Привет от Сениного Друга Ваньки. Здравствуйте, Маруся. Спешу я Вам передать свой боевой КОМ.[андирский] привет, и пожелать Вам хороших успехов в Вашей жизни и работе, какие будут Вам представлены.

Маруся, я тебе напишу пару слов о твоем муже. Твой муж живет хорошо, учится хорошо, дисциплина хорошая, так что с таким ребятами, как твой муж Сеня, можно немца бить до полного уничтожения. Маруся, Сеня ежедневно почти «пудрится», только что к девчатам не ходит. А по какой причине? Потому что их нет пока. Маруся до свидания.

Ждем ответа от тебя, Маруся. Писал Ванька. (Подпись)

25 мая 1943 г.

Добрый день, веселый час, пишу письмо и жду от вас. Здравствуйте, мои родители — папа, мама, жена Мария Ефимовна, сестры Фекла с Ирой Стапан., и дорогие мои незабываемые дети — это сын Миня и дорогая дочь Валентина Семеновна.

В первых строках моего письма я хочу вас уведомить о том, что я пока жив и здоров, писем ни от кого не получаю. Не знаю, почему? Что за причина этого, я знать не могу.

Маруся, я на Вас все же обижаюсь, что Вы мне совсем не стали писать писем. Что этому за причина? Я этого не знаю: толи у Вас нет времени написать мне хоть пять слов, толи Вы на это смотрите хладнокровно? Просто я этого не знаю, но моя к Вам, жена — Мария Ефимовна, великая просьба — писать мне письма почаще.

Маруся, если бы ты знала, как мы ждем ваши письма с деревень, то не делала бы таких промежутков, как например, вот у меня Ваше последнее письмо. У Вас оно писано восьмого марта, я его получил, правда, числа не помню, но очень давно, и более от Вас не могу дождаться ни одного слова, а не то — целого письма. Мы ваши деревенские письма получаем и читаем все вместе, нам всем очень интересно знать то, как вы живете и чего делаете в глубоких тылах, а поэтому мы их читаем с большим удовольствием несколько раз.

Есть среди нас много таких, которые не имеют никакой связи с домом, а поэтому всем интересно дождаться хоть откуда-нибудь весточку. Вот я живу со своим тов.[арищами]. Один с города Киева, где оставил отца, мать, жену и двоих детей, но связи не имеет, вот скоро будет 2 года, и ряд других тов.[арищей]. Дак вот подумай, жена сама, интересно нам о вас знать или нет? У всех у нас есть

жены, дети, отцы и матери, сестры, братья, быть под такой угрозой, быть ежечасно, ежеминутно под смертью, смотреть смерти в лицо и не получать писем оттуда, откуда можно. Я думаю, что вам от меня очень интересно получить письмо, где вы можете узнать обо мне, о близком ко всем вам, а также и нам очень хочется знать о вас.

Муся, дорогая моя жена, я думаю, что Вы получите это письмо, прочитаете и поплачете, так как я его пишу. Я вот должен отдохнуть, но, думаю, ладно, пришел в землянку и вспомнил вас — всех моих родных и близких ко мне. Раз остался на сегодня жив, значит, надо написать, и вот вместо того, чтобы отдохнуть, я пишу вам письмо.

Маруся, папа, мама и сестры, я вас очень-очень прошу писать мне письма, и я вам буду писать до тех пор, пока я жив. Вот, пока писать кончаю, мог бы еще кой-чего пописать, да опять надо идти на выполнение боевой задачи — наше такое дело. Вам нужно работать, а нам воевать и уничтожать проклятого врага, чтобы скорее повстречаться с вами.

До свидания, остаюсь от сего письма жив, здоров, того и вам желаю. Пишите, жду ответа, как соловей лета. Писал ваш дорогой и близкий сын, муж, брат и дорогим моим детям отец — Кузнецов Семен Степанович.

Передай, Муся, привет всем колхозницам и колхозникам, мой боевой красноармейский привет, а детей моих за меня поцелуй несколько раз. Пиши, жду, целую крепко много-много раз Мусю.

Сеня

2 часа ночи

До свидания. Спокойного сна. Сеня

6 сентября 1943 г.

Добрый день, здравствуй, моя многоуважаемая жена Мария Ефимовна. С приветом к Вам Ваш любимый муж Сеня.

Маруся, я сегодня вычитал очень интересное для нас с тобой. Вот, оно такое.

Жди меня

1.

Жди меня, и я вернусь, только очень жди.
Жди, когда наводят грусть желтые дожди.
Жди, когда снега метут, жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут, позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест писем не придет.
Жди, когда уж надоест, всем, кто вместе ждет.

2.

Жди меня, и я вернусь, не жалей добра
Всем, кто знает наизусть, что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать в то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать, сядут у огня.
Выпьют горькое вино на помин души.
Жди — и с ним[и] заодно выпить не спеши.

3.

Жди меня, и я вернусь всем смертям назло.
Кто не ждал меня тот пусть скажет: (повезло)
Не понять не ждавшим им, как среди огня
Ожиданием своим ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать только мы с тобой.
Просто ты умела ждать, как никто другой.

Конец, вот, моя дорогая жена, это прошу прочитать не один раз и хорошо понять. Это нам с тобой пригодится, если нам будет суждено еще встретиться. Маруся, прочитай это отцу и маме вслух и не торопись, это походит на стишок, останавливайся на запятых и на точках.

Вот, моя дорогая жена, это Вам мое письмо будет очень ценное, по-моему. Муся, я тебя хочу спросить об одном: бываешь ли ты в Мелент[ь]евой? Если бываешь, то спроси их отца, невесток и Лену: почему они мне не хотят одного письма написать?

Вот, все. До свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю. Писал Ваш дорогой незабываемый муж Сеня.

Привет папе, маме, сестрам, детям и всем сродникам, и колхозникам, колхозницам.

Пиши, жду ответ сразу.

Твой муж Сеня. Жму Вашу правую руку и крепко Вас целую много-много раз. До свидания.

Кузнецов Семен Степанович

15 сентября 1943 г.

Письмо 1943 года 15/9 примите.

Добрый день, веселый час, пишу письмо, не вижу вас. Здравствуйте, мои родные — папа, мама, жена Мария Ефимовна, сестры — Фекла, Ира, дети — Миня, дочь Валя.

С приветом к вам ваш сын, муж, брат и отец Семен Степанович. Папа, спешу Вам сообщить о том, что я Ваше письмо получил, за что Вас благодарю.

Маруся, я хочу Вас спросить о том, что тебя заставляет ездить по разным сторонам, то за рыбой, то в подводы, то за жеребятами? Как мне известно, Вы были когда девушкой, Вы этого не делали, а вышли замуж, стали это делать. Правда, сейчас война, приходится все делать, но мне это не нравится, чтобы моя жена ездила по подводам. Если у Вас нет денег, но, по-моему, Вы и тут много не заработаете. Эти деньги, которые ты зарабатываешь, я Вам вышлю. Маруся, я Вас в этом очень прошу, если есть возможность, не езди никуда. Я получил письмо от сестры Анастасии, где она описывает, что Вы хочете съездить к ней и хлопочете там себе пропуск. Если это верно, то я тебе запрещаю делать это, не нужно делать в настоящее время.

Маруся, я живу пока хорошо и здорово. Послал тебе денег 200 рублей на молоко для моих дорогих детей, только никуда не езди. Вот, все. До свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю. Целую, Муся. Сеня

Привет всем родным и знакомым.

29 ноября 1943 г.

Добрый день или вечер, здравствуйте, мои родные, папа, мама, Фекла, моя любящая меня жена Мария Ефимовна и дорогие мои незабываемые ни днем, ни ночью дети, дорогой мой сын — Михаил Семенович и еще лучше дочь — Валентина Семеновна. С приветом и наилучшими пожеланиями к вам ваш незабываемый сын, брат, муж и отец Семен Степанович Кузнецов.

В первых строках моего письма спешу вам сообщить о том, что я ваше письмо получил, [которое] вы писали 8-го числа, за что сердечно благодарю, а тебя, моя дорогая жена Мария Ефимовна, за Вашу заботу обо мне расцеловал бы, если бы мог вырваться к тебе хоть на один час. Муся, жил я с тобой неплохо, любил я тебя и до войны, но а если нам с тобой суждено еще жить вместе, если я останусь жив от этой войны, то за Ваше все отношение ко мне, мало того, что я Вас буду любить, а даже [...] буду [...], если я останусь так[ой], какой я на сегодняшний день, Муся, вот я живу среди своих боевых тов.[арищей], большинство женаты, дак вот ни один так не получает от [жен]ы писем, как получаю я. Вот они мне говорят, вот это дак жена, верно не хочет забыть своего мужа. Есть среди нас один пожилой, ему уж 49 лет, мы его зовем хозяином, то есть отцом. Вот он, другой раз и спросит: «Расскажи, — говорит, — сынок, как ты жил до войны [... с] Машей, хорошо или плохо?» Я ему и [рассказы]ваю, как мы с тобой жили. Он и скаж[и] [ви]дать по письмам. Да еще задал мне вопрос: «А приходил ли ты к ней пьяный или нет?» «Я, — говорю, — сколько угодно». Но и сказал ему, конечно, то, Муся, помнишь? Бывало ты хотела меня маленько [нрзб.]. Вот он и рассмеялся, но, говорит: «Это тоже бывает». В общем, жена, ты меня, а я тебя знали и знаем хорошо. Я со стороны своих товарищей и своего командования авторитет имею неплохой.

Маруся, ты мне пишешь, что, что мне пишет Настя? Она мне пишет, как она живет да еще кой-что. А вот насчет того, что она вышла замуж, даже не заикнулась ни одного раза. Я ей теперь, обожди, напишу. Другое, Муся, я сегодня получаю письмо с Ленинграда, где мне Ириша пишет, что Васильева Нина вышла замуж за какого-то моряка. Вот я прочитал это письмо и думаю, как бы ты там не женила своего сына, пока я воюю с немцами. Я пошел на войну, она ходила в [шко]лу, а вдруг уже вышла замуж. Муся, какие дела делаются на белом свете. Маруся, сегодня еще получил письмо от брата Ивана Степановича. Вам всем привет. Он пока жив и здоров, находится на передовой тоже, где и я.

Маруся, разгадай, я служу вот уже пошел 3-йй год, тебя во сне не видал, а вот не очень давно увидел тебя в таком духе: ты шла мимо меня в голубом платье и плакала. Я тебя позвал к себе, ты не подошла. [Дру]гой раз это было с 27 на 28/XI-43 г. Я был дома, вы собирались куда-то в гости с Иришей и Иваном, а я сидел, писал письмо, и ты будто тоже пошла и меня не позвала. Я будто написал письмо и лег спать, говорю: «Ладно, придешь, я рассчитаюсь». Проснулся, никого нет. Вот отгадай и напиши мне.

Маруся, Вы мне пишете и спрашиваете меня, как я проводил праздник. Я Вам об этом писал. Я проводил его на [нрзб.], была [разд]роблена нога, я там лежал 20 дней. [В] праздник нам дали по 100 грамм спирту, [нрзб.] грамм белого хлеба

и 400 чер[ного], ну и еще кой-что из кухни было. Кино, концерт в клубе, но я идти не мог. От меня было за 2 км, а у меня болела нога, я идти не мог.

Муся, моя дорогая, пару слов о себе. Я в настоящее время опять выздоровел, на[хо]жусь в роте. Пришел домой, ребята встретили очень хорошо, говорят, опять будет жить весело. Ну а насчет веселья, ты меня знаешь.

3 декабря 1943 г.

Добрый день, веселый час, пишу письмо, не вижу вас. Здравствуйте, мои дорогие родители — папа, мама, дорогая моя любящая меня жена Мария Ефимовна, сестра Фекла и дорогие мои незабываемые дети — сын Миня и дочь Валя. В первых строках моего письма спешу сообщить о том, что я ваше письмо получил, за что вас очень благодарю.

Маруся, я читаю Ваши письма, даже удивляюсь некоторым строкам. Например, Вы описываете, ходит дочь и говорит, что пойду к папе, надо одеть костюм. Я этому очень удивляюсь. Я вспомнил то время, когда я вас отправлял в деревню, тогда нечего было в руки взять, а теперь она ходит и говорит. А если я останусь на счастье жив, тогда я, кроме тебя, своей семьи и не узнаю.

Маруся, сижу я сейчас в землянке один и пишу, вот, тебе письмо, и вспоминаю все прошлое. Вы еще пишете, что мы жили хорошо в Ленинграде. Да, моя дорогая жена, все это верно. Придется ли еще подойти к такой жизни или нет? Этот вопрос пока не разрешен. Маруся, маленько о себе. Я живу опять хорошо, нога поправилась, но поясница моя очень болит, чувствую каждую погоду — плохую и хорошую. Бывало, заболит у зятя, я не верил, а вот теперь это испытываю сам. Ну а в остальном все хорошо, все хорошо. На этом писать заканчиваю. До свидания. Остаюсь жив, здоров, того и вам желаю. Пиши, жду ответ сразу. Крепко целую много-много раз, твой любящий муж Сеня.

Маруся, а где находится сестра Фекла? Дома или нет? Если дома, то так мне и напиши, а если не дома-то нет, тогда дай ее адрес. Муся, передай привет всем моим сродникам, [детям?] сестриным Наташе, Анастасии, Петру и их детям. Вот, все, еще раз до свидания. Крепко целую много-много раз. Твой муж Сеня.

3/XII-43 г. Кузнецов С.С. 5 часов веч[ера] писал и опустил это письмо.

Александр Стрекаль: «НАСЧЕТ Б. ТАНЬКИ СКАЖУ, НЕ ТАЯСЬ» (1941—1944)

Александр Яковлевич Стрекаль родился в 1921 г. в Омской губернии РСФСР. Убит немецким снайпером 26 марта 1944 г., похоронен рядом с д. Саркюля (Ленинградская область).

3 июля 1943 г.

Добрый день, здравствуйте, Мамаша, жена Шура, сын Витя, племянники Валя и Вася. Шлю я вам всем свой горячий привет. И желаю всего наилучшего в вашей жизни. Во-первых, сообщаю, что письмо ваше, которое было писано 7 апреля, получил, за что вас сердечно благодарю, которому я очень был рад. Но это письмо меня не обрадовало, тем и я недоволен, что сын нездоровый. Шура, это зависит все от матери, как смогла его сохранить и его воспитать. Шура, наверно, ты вспомнила не один раз, когда ехала из Карымкар. Шура, ты мне уже про брата [Симу] писала не один раз и больше не пиши, я уже знал это раньше вас. Письмо это шло очень долго, не знаю, где оно ходило, но от меня еще должно очень много. Еще я вам сообщаю, что послал 120 руб. денег числа 18 июня, если получите, то сообщайте, а про те деньги, которые посылал в Карымкары, про те ни слуху ни духу, наверно, кто-нибудь их в Карымкарах получил. Шура, еще хочу сказать о том, чтобы ты лечила всеми силами сына, это твой кормилец, если отца убьют, то останется хотя наследство. Мама, я вас еще прошу, вы об Симе не заботьтесь, кто живой будет, тот прийдет домой, я знаю, что вы там ждете с нетерпением, кончим войну, с победой приеду домой. Привет Варе, ее сыновям, за тем до свидания, остаюсь жив и здоров, за тем до свидания.

Ваш сын Стрекаль Александр. Жду ответ.

14 декабря 1943 г.

Здравствуй, мама, Шура, Витя, Вася и Валя, шлю я вам боевой привет и много лучших пожеланий, сообщаю вам, что пока жив и здовов, живу, как и писал в последних письмах. Писем пока нет ниоткудова. Шура, ты обижаешся на мои старые письма, но это все напрасно, живы будем, то сойдемся, все это простишь за одну ночь с тобой ночевать и больше все. За тем жду ответ, с приветом, ваш сын Стрекаль А.Я.

27 февраля 1944 г.

С приветом к вам ваш сын А.Я. Во первых строках сообщаю, что получил от вас 2 письма, за что и благодарю. Шура, конечно, ты пишешь, хорошо я бы был в тылу, еще бы лучше написал. Я вот пишу письмо ночью, ну а кругом рвутся и свистят, я думаю, ты представляешь, что это такое, а если не знаешь, то спроси

у Лешка Камасова, он знает. Шура, насчет Б. Таньки скажу, не таясь, и в общем хотя бы и было, что я не боюсь. Шура, если она это говорит, что я был у ней при тебе, т.е. когда ты была за мной, и я [плакал], то наплюй ей в глаза, и дура она за это. Что она этим хочет добиться, я не знаю, если бы я думал взять ее, то я бы не взял тебя, но мне их таких давай [нрзб.] за тебя, и мне их не надо, или вернее ее за один твой характер. Вот, Шура, чтобы ты не сумлевалась насчет этого. На этом вот у меня все. И ты больше мне об ей не пиши, я ее знаю, она поболтать языком может. Шура, сердце у меня трепещется, особенно когда получу [о сыне] писмо. Я вообще, Шура, сама посуди, мать, сын, в том числе и ты, 3 вас по одному, и жену, и мать, и сына надо [уважать] и любить, особенно забота о матери, что она стала старше, здоровья нет. Шура, ты пишешь насчет того, если тебя брать, куда сына девать, то ты не радей этому, а сына оставить не знаю где, дело твое. Еще, Шура, ты пишешь на счет тещи, что она обижается, что я им писем не пишу, то это здря, я им писал часто, но тесть написал, что так нельзя писать, я их хотя не ругал в письме, но крепко написал, что они мне писем не писали, но когда тесть написал мне, что так родителям писать нельзя, то я и не стал. Толе пишу, и сейчас хотел, и тем девчатам писать, но не знаю, дома они или нет, а тестю больше только одно письмо писал, и все. А в поселок ни одного. От этого письма остаюсь жив и здоров, написал много, Шура, даже самому [ладно]. За тем до свидания, целую вас, Ваш сын Стрекаль

Шура, ждите перевод 200 руб.

Дмитрий Введенский: «ЕСЛИ Я ТЕБЕ НЕ НУЖЕН, ТАК И НАПИШИ. Я БУДУ ЗНАТЬ» (1941—1943)

Ниже представлены фронтовые письма, написанные Дмитрием Трифоновичем Введенским жене Екатерине Алексеевне Введенской. Биографическую информацию об авторе и адресате, к сожалению, установить не удалось.

18 ноября 1941 г.

Добрый день.

Уважаемая моя дорогая женка Катюша. Сообщаю тебе, что я письмо и посылку получил, за что сердечно благодарю.

Катюша, ты обо мне беспокоишься, посылаешь мне посылки. С каким я удовольствием ем, кушаю консервы и сухари. Сам не верю себе, что мне теперь хватает продуктов покушать. Я теперь пока сыт, а тебя за это тысячу раз целую и благодарю, что не забываешь меня.

Катюша, я считаю себя несчастным человеком, находясь далеко от моей милой семьи, и не могу себе представить, когда увижусь с вами. Катюша, вы обо мне не беспокойтесь. Я здоров. Нахожусь там же, в Копьевой. Ты, Катюша, обижаешься на меня, что я редко пишу. Наоборот, я много уже написал. Но, правда, последнее время я не имел время написать письма, потому что у нас сейчас проходят тактические военные занятия, и нет ни одной минуты свободного времени написать. Но все же я нахожу время и немного пишу. Катюша, ты на меня не обижайся. Сама знаешь, как дело сейчас при военном положении обстоит. Занятия у нас проходят с 6 час. утра и до 10 час. вечера, а в 10 часов проверка и укладывают спать. Не дают ничего делать, даже написать письма не дают, но я каким-нибудь образом нахожу время и пишу. Катюша, я считаю тебя, что ты самая боевая женщина, герой, потому что ни перед какими трудностями не падаешь духом. Так и надо делать. За это я тебя еще больше люблю, чем раньше. Катюша, хотя тебе и тяжело без меня жить, но как-нибудь переживай до меня. Я приеду, и все будет хорошо. Заживем опять хорошо. Я об тебе сильно соскучился. Не могу себе представить. И об ребятах сильно соскучился. Не знаю, как я дождусь увидеться с вами. Эх. Как бы я был счастлив тогда. Катюша, передай привет всем знакомым. Целуй ребят — Музу, Клару, Джанну. Привет большой Вере, Вити, Нади, Ковальскому. Пусть он пишет мне, приеду, с ним выпьем. Пусть на закуску оставит рыбы. Ты знаешь, милая Катюша, что я рыбу уважаю.

Ну до свидания, Катюша. Я послал тебе мои вещи, если получила, напиши. Целую тебя крепко. Твой Дмитрий

Без даты, ноябрь 1941 г.

Здравствуйте, Катюша и дорогие дети Муза, Клара, Джанна. Сообщаю вам, что я письмо ваше получил 8 ноября, за что сердечно благодарю. Катюша и милые дети, я сообщаю вам, что я жив и здоров. Нахожусь все там же под Сталинградом. Катюша, я жду и не могу дождать фотографию с тебя и не могу дождать. Катюша, ты получила мои деньги 748 руб. Это хорошо. Ты еще должна получить 1500 руб. (тысячу пятьсот руб.) и вот прошу тебя, кушай хорошо и ребят корми. Не жалей, какие деньги у меня будут, я все тебе высылаю. Я получаю зарплату 900 руб., так что деньги есть. Катюша, я хочу послать тебе аттестат, документ, по которому ты будешь получать зар.плату мою в Енисейске. Напиши мне, получаешь-нет пособие. Привет всем знакомым, родным. Целую тебя и детей. Твой Дмитрий. Жду писем с нетерпением.

27 января 1943 г.

Здравствуйте, дорогая семья.

Милая Катюша и милые дети Муза, Клара, Джанна и племянники Вера, Витя.

Сообщая вам, что я жив-здоров. Нахожусь в 3-х километрах от Сталинграда. Сегодня в ночь будем в Сталинграде. Катюша, мы одержали крупную победу, уничтожили немцев под Сталинградом. Ты должна гордится этим.

Катюша! Я получил уже три письма от моих знакомых из Енисейска, которые пишут для меня неприятную весть. Они пишут о твоем поведении, что ты ведешь себя очень некрасиво. Целыми ночами тебя нет дома, где-то шляешься в доме инвалидов и еще кое-где. Все это я теперь знаю.

Катюша! Как тебе не стыдно, ведь я тебя крепко любил и люблю, и ты так подло делаешь. Детишки тебя не видят целыми сутками, а где ты пропадаешь, я теперь знаю. В последнем письме от друга я узнал. И вполне верю ему. Катюша, еще раз прошу тебя, брось ты заниматься развратством. Если я тебе не нужен, так и напиши. Я буду знать. Но знай, Катюша, что этот номер тебе зря не пройдет.

Жив я буду, я тебе отомщу по-военному, по-командирски. Так буду расправляться, как расправляются с изменниками родины. Вот это учти.

Милая Катюша!

Я прошу тебя еще раз, не занимайся ты грязными делами, береги детишек. Может быть, я жив буду и вернусь домой к вам, мои дорогие, и будем жить по-новому, лучше, чем жили раньше.

Катенька! Верь мне. Я живу только для тебя и детей, потому что я тебя и детей люблю до слез. Я иду в бой, ты передо мной, и я воодушевленный тем, что где-то далеко-далеко есть у меня милая женушка и деточки. Я еще крепче бью немцев, и вот я уже на Сопке, вижу Сталинград. Ну пока, до свиданья, жду от тебя писем, давно уже не получаю. Целую тебя крепко-крепко и детишек.

Твой навсегда Дмитрий

26 июля 1943 г.

[Нет начала письма]

Не поверю никогда. Я убедился, что ты никогда мне не изменишь. Я еще раз убедился о том, что ты никогда не была и не будешь распутной женщиной.

Ты, Катюша, молодец, мне только жаль, что тебе приходится очень много переживать без меня. Ну что же сделаешь. Катюша, если тебе тяжело содержать корову, то заколи ее и питайтесь сами. Не затрудняй себя, береги здоровье свое и деточек. Эх! Катюша, как я бы посмотрел сейчас на деточек Музу, Клару, Джанну. Как бы я их поцеловал, обнял бы вместе с тобой, моя Катюша. Эх, как наболело мое больное сердце. Катюша, береги себя и деточек. Пиши мне все-все подробно о себе. Как ты живешь, как твое здоровье. Получаешь ли деньги 700 рублей из военкомата по аттестату. Ну пока все. До свидания, моя дорогая Катюша и деточки. Целую вас всех тысячу раз. Пиши мне, Катюша, давно я не читаю твоих писем. Пиши скорее, жду писем. Передай привет всем знакомым и друзьям, родным. Еще раз целую тебя.

Твой навсегда. Любящий тебя Дмитрий

5 августа 1943 г.

Здравствуй, дорогая Катюша!

С первых строк моего письма целую тебя крепко-крепко и желаю тебе здоровья и успеха в работе. Сообщаю тебе, что я нахожусь в г. Красноярске. Тебе написал из Красноярска уже 3 письма, но от тебя никакого ответа нет. Горю нетерпением дождаться твоего письма или саму тебя. Эх! Катюша, Катюша, как мне все надоело, жить не хочется. Я целыми днями и ночами все думаю о тебе. Не сплю, думаю, как ты живешь в это тяжелое время войны с ребятами. Как мне хочется увидеть ребятишек Музу, Клару, Джанну. Все стали теперь большие, не узнать. Я, Катюша, хотел тебя вызвать к телефону, но из госпиталя не пускают. Ну вот и лежу, все думаю о тебе, о ребятах, вообще о семье. Ну сколько ни думай, а лучше бы увидаться. Это было бы счастье для меня. Ну пока, до свиданья, Катюшенька. Пиши мне чаще. Целую тебя и ребят.

Твой Дмитрий

Катюша, передай привет всем всем родным и знакомым. Пиши чаще, обо мне не беспокойся. Ну пока, до свидания. Пиши чаще сама, если есть время, приезжай, а если занята, то от работы не отрывайся. Будем разговаривать по телефону.

Целуй Музу, Клару, Джанну и привет тем, кто живет у тебя. Хочу вам послать подарки, да не знаю как, с кем.

Твой Дмитрий

18 августа 1943 г.

Здравствуй, Катюша и милые детки Муза, Клара, Джанна! Сообщаю вам, что я письмо ваше получил, за что сердечно благодарю. Катенька, ты пишешь, что тебе хочется повидаться со мной. Я прекрасно понимаю и по себе это чувствую, но вопрос таков, что я лежу в госпитале по улице Боград № 81, и какой результат комиссии будет, я не знаю. Дадут или нет мне отпуск, я не знаю. Ну в отношении того, чтобы ты приехала, это я приветствую. Но смотри, как у тебя будет время. Время дорого. Как с сеном дело обстоит. Если все хорошо, приезжай ко мне. В общем, я тебе напишу, когда приехать, а то ты приедешь, а меня из госпиталя не пустят, это будет плохо. Ну целуй детей. Целую тебя крепко-крепко. Ну еще [нет окончания письма]

31 августа 1943 г.

Здравствуй Катюша!

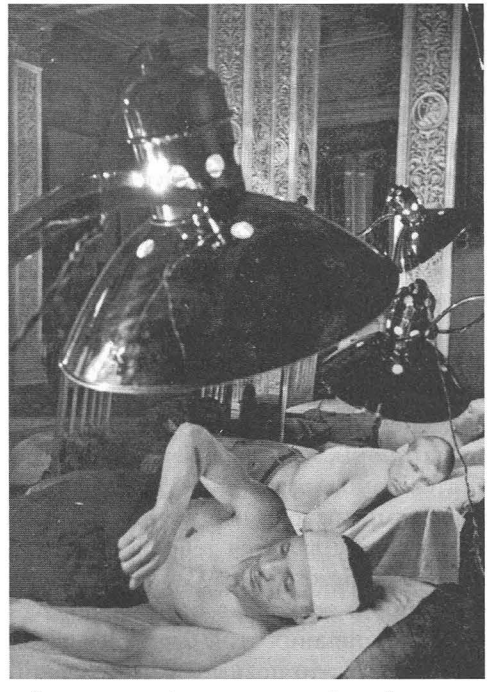
Первым долгом сообщаю вам, что я чувствую себя лучше.

Катюша, я уже писал тебе, что я нахожусь в г. Красноярске в госпитале № 336. Я хотел, Катюшенька, с тобой поговорить по телефону, но из госпиталя меня не выпускают в город. Знакомых в Красноярске нету. Не знаю, как мне поговорить с тобой.

Катюша, может быть, ты сумеешь сама приехать в Красноярск. Повидаешься со мной. Это бы было хорошо, но дома надо оставить надежного человека. Зря не бросай дом и ребят, если поедешь. Я говорю, если есть время, то приезжай, а если невозможно то не езди, необязательно. Так поговорим по телефону. Ну целуй ребят. Я об них сильно соскучился. Наверно, стали большие. Я, пожалуй, их и не узнаю.

Милая Катюша! Я не знаю, как тебе переслать кое-что. Я купил для тебя, но послать не с кем. Знакомых нету, никого не вижу. Ну если надумаешь сама приехать, то будет хорошо.

Госпиталь находится против сада городского на улице Болрада. Если сумеешь приехать, то я напишу подробно, куда идти, [чтобы] найти госпиталь. Пиши скорее, целую тебя и ребят. Дмитрий



Фотохроника ТАСС: «Разнообразные методы лечения, новейшие достижения медицины используются в Н-ском госпитале (Ленинград) для быстрейшего излечения раненых воинов Красной Армии — героев Отечественной войны. На снимке: лечение соллюксом».
Фото М. Трахмана, октябрь 1942 г. Из фондов РНБ

Николай: «И Я ЧАСТО ВСПОМИНАЮ БОЛКОНСКОГО» (1943—1944)

Данная подборка писем хранится в фонде Р-807 Государственного архива Краснодарского края, где сосредоточены документы, связанные с участием кубанцев в Великой Отечественной войне. К сожалению, биографическую информацию об авторе писем установить не удалось. Судя по контексту писем, он был призван в армию летом 1942 г., а осенью 1944 г. был участником Прибалтийской операции РККА.

Без даты, лето-осень 1943 г.

Действующая армия. Добрый день, милая Шурочка!

Получил твое письмо от 23.7.43 года. Не понимаю, как это оно ухитрилось попасть после двух других, которые были написаны позже, но попали ко мне раньше. Да, Шурик! Я вполне понимаю тебя. Понимаю твою законную обиду против того, что те, кто не на войне, имеют возможность жить спокойнее и лучше, чем ты с детьми и еще две-три семьи. Я думаю так, что каждому овощу свое время. Придет время — будет и на нашей улице праздник! Уже и теперь я не могу себя поставить в один ряд с Тюфановым, Сутормaном и т.п. А когда война-то закончится и тем более. Правда, тебе и детям от этого пока что мало утешения, но думаю, что нынешние ваши страдания вполне будут компенсированы после войны, и особенно, в том случае, когда я все-таки из этого переплета выйду живым и здоровым.

Итак, Шурик! Вот уже год, как я на фронте. За это время я познал то, чего никогда не может знать человек, не побывавший на фронте и не знающий, что такое немецкая пуля, снаряд, мина, авиабомба и прочие фронтовые прелести!..

Для того чтобы знать, что это такое, — надо быть здесь, надо видеть и ощущать фронт всеми пятью чувствами человеческого организма плюс шестым чувством — чувством интуиции. Вот, всего вчера мне пришлось лежать полтора часа под бомбежкой 36 немецких бомбардировщиков, причем лежать почти на открытом месте. Знаешь ли ты, что такое лежать и слушать, как на твою голову с воем и визгом валятся бомбы разных размеров, перемежаясь с «лягушками» (т.е. мелкими авиабомбами, разрывающимися над землей). Лежа почему-то кажется, что очередная бомба валится тебе на спину, и поэтому я предпочитаю лежать в таком случае лицом к небу — дабы удобнее было наблюдать. За 10—15 минут такого времени несколько раз готовишься отправиться к праотцам и, неизменно, после окончания этой бури убеждаешься в том, что живешь и пока продолжаешь жить, тут-то познается цена жизни, и я часто вспоминаю героя романа Л.Н. Толстого «Война и мир» Болконского, который впервые почувствовал прелесть синевы неба и красоту солнца как светила, уже будучи раненым. Конечно, война — высшее напряжение физических и моральных сил, и, конечно, сказывается и со временем еще может быть больше сказать на пси-

хологическом состоянии человека. Однако, не зависит от того, что наши нервы после войны окажутся больше потрепанными — будущее все-таки принадлежит не тем, которые просиживают брюки в тылах и как черт ладана боятся фронта, а нам, прошедшим через огонь войны...

В твоем письме звучит обида, что тяжести войны распределяются неравномерно. Такого равенства, конечно, нет и быть не может. Например, крестьяне живут подальше от фронта, не знают, что такое война и связанные с ней неприятности. Вот ты пишешь о том, что голодно и холодно. Конечно, это так. Но ты ведь знаешь, в каком положении находятся люди, когда в силу военных действий они были выселены из прифронтовой полосы... И ты представляешь, эти люди даже не плачутся на судьбу, на сгоревший дом, на потерю близкого человека... Это, конечно, тяжело. Но с каким спартанским стоизмом они переживают утраты и лишения. Прими это, Шурочка, во внимание, помни, что за битого двух небитых дают, да и то не берут, а поэтому собери в узел все нервы и сумей, не поддаваясь влечению к легким путям жизни, воспринимать как должное то, что есть на сегодняшний день. Словом, в этом вопросе советую поучиться у меня. Крепись, Шурик! Терпи, казак — атаманом будешь! До свидания. Целую крепко, крепко и много, много раз. Ваш папа — Коля

14 октября 1944 г.

Здравствуйте, дорогие Шурочка, Женечка и Боречка!

Пишу второе письмо из В. Пруссии. Как видите, мне повезло. Я со своими товарищами раньше других переступил границу, и теперь ведем бой в Белгороде бешеного кобеля. Ну, что сказать по внешнему признаку. Война — везде война, разве только отличие в том, что в пограничных городах нет населения, оно эвакуировано, и только встречаются работники и работницы, увезенные в немецкую неволю из Белоруссии, Украины, Польши, Литвы, Латвии и других мест. Вчера освобождена последняя столица СССР Рига. Скоро с последнего участка советской земли столкнем немцев, а там всей силой и тяжестью обрушимся на его берлогу. Пусть узнает, что такое война на его территории со всеми ее прелестями и радостями. Пока только небольшой участок взяли в «обработку», но надеюсь, что не в далеком будущем расширим сферу влияния. Шурик! Ты пишешь о неприятностях жизни. О, я это так прекрасно понимаю. Но ведь чему могу помочь, разве только тем, что написать, посочувствовать. Подождите еще немного, и тогда положение улучшится. Я все-таки напишу райвоенкому, чтобы они приняли кое-какие меры. Думаю, что если ты будешь поменьше рассчитывать на манну с неба и легкую помощь, то сделаешь значительно больше для улучшения вашего благополучия. Очень хотелось бы посмотреть на ребятишек, узнать, как вы живете, но этого, к сожалению, сделать невозможно. Передавай привет родным и знакомым. До свидания. Целую крепко, крепко вас и много, много раз. Ваш папа — Коля

24 ноября 1944 г.

Здравствуй, милая Шурочка! Сегодняшнее письмо я посвящаю тебе и тем воспоминаниям, которые приходят мне в голову в этот сырой и дождливый вечер. Как быстро бегут года и как короток человеческий век! Когда оглядываешься

назад и мысленно измеришь то расстояние, которое отделяет нас с тобою от того памятного дня, когда силою закона о браке мы с тобою (пока еще формально) получили право называть друг друга супругами, то с одной стороны кажется, что это было так недавно, и воспоминания рисуют с предельной ясностью каждую подробность. Я и до сих пор как вчерашний факт вспоминаю. Как ты на вопрос о том, чью принимаешь фамилию, даже растерялась. Да и что говорить — оба мы были молоды, оба рисовали себе жизнь в каких-то розовых, радужных красках... Я не собираюсь ни осуждать, ни тем более жалеть о том, что мы тогда были душой так молоды, а в жизни — просто дети. Красивая пора — детство! А детство молодого человека продолжается до тех пор, пока жизнь хмурая не подует на все прозой...

Не зря в народе говорят. Что молодо, то зелено, а что зелено, то гнется. Не мы с тобою первые и не мы последние со своими фантастическими радужными мыслями. Это закон природы и жизни человека. Однако совсем иными бывают человеческие будни. И вот эти самые будни явились для нас тем попутным ветром, который в зависимости от погоды то колыхал нас, лаская, благими обещаниями, то пригибал к земле, как и всякое молодое растение. И вот то, что мы были не в одиночку, а образовали некий кустик, служило нам точкой опорой друг на друга, хотя эта опора чаще всего воспринималась не внешне, а внутренне, т.е. интеллектуально. Много прожито красивых и радостных дней, и, наряду с тем, были и черные дни размолвок и неполадок. Но когда кладешь на весы плюсы и минусы, то, несомненно, плюсы имеют несравненно большой вес. Да чего там об этом говорить — ты сама, Шурочка, можешь оценить, что хорошо и что плохо и, наконец, чего больше — плохого или хорошего. По крайней мере, я никогда не жалею, что судьба нас свела с тобою и пустила по одной дороге... Больше того желал, чтобы на нашем опыте совместной жизни училась лучшая молодежь нашего времени. Здесь уж я не фантазирую, а беру факт таким, каким он есть на самом деле.

Правда, Шурик, ты можешь думать, что с некоторых пор я стал как бы холоднее к тебе. Ты об этом неоднократно говорила мне и высказывала свои мысли. Да, Шурик, ты, пожалуй, права несколько. Но пойми, что в этом, как и в любом другом случае, любовь не может оставаться постоянной, низменной, как бы заштампованной. Она обязательно развивается по спирали вверх. Иначе это была бы не любовь, а дружба... Но дружба отличается от любви не только тем, что она в противоположность любви остается неизменной, она отличается еще и тем, что в дружбе оба индивидуума питают одинаковые чувства друг к другу, в то время как в случаях любви мы никогда в жизни не встречаем одинаково пылких чувств со стороны того или другого. Да оно и понятно. Если бы только было так, то надо полагать, что от прикосновения двух раскаленных тел постоянно бы сыпались искры, и, в конце концов, могло бы случиться сгорание обоих, это бывает при коротком замыкании в электричестве. Очевидно, избегая вспышек и самосгорания, я удерживался от выражения своих чувств до тех пор, пока такое обстоятельство не вошло в привычку, привычка — как известно — вторая натура. Ну и что ж, Шурик, в этом плохого? Я ведь не стал злоупотреблять твоей привязанностью ко мне (что обычно бывает в таких случаях). И вместо того, чтобы подыскать новые ощущения где-то там на стороне — я перенес свои чувства на Женюрика, потом

на Борика, а затем на их обоих. Но ведь это наши дети, наша радость! И думаю, что ты, Шурочка, ревновать меня к детям не будешь. Не будешь еще и потому, что вкупе вы все трое представляете для меня то самое милое и дорогое, ради чего стоит работать и жить. Тем более, что понятие о семье у меня так удачно и прочно гармонируется с понятием о Родине, Отечестве и т.д. Когда я попадаю в тяжелую обстановку, когда моей жизни угрожает смертельная опасность, я всегда вспоминаю о вас, где вместе жили, где родились, где вкусили радость жизни, и тогда бывает легче это колоссальное всеобъемлющее слово уложить в понятие семья. И тогда какая-то внутренняя, невидимая сила придает мне то моральное превосходство над врагом, которое потом газетчики и романисты облекают в красивую литературную форму — храбрость, смелость, мужество, отвага, самопожертвование и т.д. И тогда одно обстоятельство — жалость и любовь к нам — (в случае трагического конца) выливается в такую отчаянную злобу к врагу, ко всему их подлому охвостью, то границы злобы трудно очертить каким бы то ни было сравнениями, определениями и т.д. и т.п. Это спокойная расчетливая ненависть к врагу, не вспыхивающая подобно удару о кремень в ночном мраке и быстро гаснущая, после каждого удара. Это такой огонь, который не в состоянии погасить ни вода, ни ветер, этот огонь способен светить и на дне моря. И он светит. И скажу прямо, что эту моральную силу, как и другие качества, дает мне все та же любовь к семье, к тебе, к своим детям. Я, например, убежден, что если со мной и случится непоправимое, то уверен, что все то, чем я жил при жизни, все то, что давало мне возможность без оглядки посвятить себя созданию нового человека, построение коммунистического общества — все это доделают мои милые сыночки, и что ты поможешь им разобраться в том, что хорошо, что плохо. За какие идеи боролся их отец. Тогда для них идеи, питающие мой ум и являющиеся составной частью моей жизни и самого меня, для них будут родными и близкими, а идеями, вычитанными из книг, полученными в учебных заведениях, которые могут стать сокровенными после того, когда сама жизнь оправдает академические уроки. Сейчас же все эти уроки уже оправданы. Даже, пожалуй, что авансом вперед на много времени. Итак, милая Шурочка, оглядываясь на пройденный пятнадцатилетний совместный путь, я с удовлетворением готов констатировать, что он есть честный и справедливый. Его можно даже считать образцовым. И это сегодня является некоторой компенсацией за тяготы и те волнения, которые вольно или не вольно встречались нам на совместном пути...

Я пишу тебе письмо и думаю, что ты, наверное, тоже уложила детишек спать и пишешь мне подобное юбилейное письмо. Ведь еще больше сама обстановка напоминает о том, когда и как, при каких обстоятельствах первый раз заговорил о том, о чем всякий должен говорить, только всесторонне обдумывав свой роковой шаг, где впервые поцеловались и, наконец, решили соединить свои руки и сердца навеки. Тебе, Шурик, после пятнадцати лет очень ярко напоминает любая улица, любой дом, кустик. Ведь после встречи с тобой здесь в Ф. мы надолго уехали отсюда. Должен думать, что новая не менее, а пожалуй, еще радостная встреча после долгой и тяжелой разлуки произойдет именно в Ф. И я этого хочу... Пожелаю тебе и моим милым деточкам дождаться окончательной войны и наперекор всем превратностям встретить [без окончания].

Анатолий Балашов и Анастасия Антонова: «ПИШИ И НЕ ОБИЖАЙСЯ» (1944)

Анатолий Васильевич Балашов (1920 — после 1970). Родом из Дмитрова (под Москвой). В начале Великой Отечественной войны окончил военное училище. Служил в Пулково (7-я зенитная рота 89-го отряда), где познакомился со связисткой Анастасией Сергеевной Антоновой, после замужества Балашовой (1917—2008). А.В. Балашов был профессиональным военным, в отставку вышел в чине полковника. А.С. Балашова окончила техникум, практически не работала, так как должна была ухаживать за сыном, родившимся во время войны, в 1944 г., и ставшим инвалидом после аварии. Письма хранятся у Татьяны Анатольевны Балашовой, дочери Балашовых (род. 1953).

13 февраля 1944 г., А. Балашов

Родная моя, здравствуй!

Вчера получил от тебя первое письмо, ты пишешь, что посылала письма мне раньше, но я их не получил, так что прошу твою просьбу написать еще раз.

Прошу, родная, простить меня, что пишу первое письмо, постараюсь писать чаще, я просто имею мало времени и немного устаю. Как у тебя идут дела, как ты устроилась, меня эти вопросы волнуют, а письма от тебя получаю редко.

Получила ли карточки, паспорт, и все необходимое, чтобы жить как следует. Почему до сих пор не заменила фамилию.

Твое предсказание о том, что мой дом первым будет там, где ты — правильно, так оно должно быть, так оно и будет, только береги себя и наше маленькое «существо».

На тебя я надеюсь, и думаю, что не ошибусь.

Милая, обо мне не беспокойся, я себя чувствую хорошо, даже нога не болит, так что все в порядке.

Прошу писать письма домой, ибо я им не пишу, т.к. нет времени.

На работу устраиваться тебе я не советую, советую лучше съездить домой к нам, ты мне напишешь свои соображения, после чего я напишу отцу.

Работа от тебя никуда не уйдет, а отдохнуть тебе надо, ибо ты устала. Надеюсь денег нам хватит.

Тасенька, нам необходимо приобрести кое-какую мебель и, если будет возможность, то заменить комнату, на более подходящую, ибо она слишком маленькая, необходимо иметь минимум 2 комнаты таких, которая есть у нас. Прошу написать твои соображения.

Еще раз прошу написать твою просьбу.

Ты пишешь, что у меня должна смениться № ППС, нет, № остается старый и до тех пор, пока я служу здесь.

Ну, пиши обо всем и чаще, пиши подробно, как устроилась.

Я о тебе думаю не иногда, а все время.
Целую тебя крепко.
Твой Толя

23 февраля 1944 г., А. Балашов

Дорогая моя!

Наконец ты получила от меня известия, я очень рад, что ты хоть немного успокоишься.

Как видишь, я живу хорошо, все идет спокойно. Моя надежда уйти от сюда работать в другое место не оправдывается.

Придется работать здесь. Принимаю все меры, чтобы приехать домой.

Ты пишешь, что не посрамишь благородное звание жены. Я надеюсь, ибо это самое святое в нашей жизни. Я в тебе не сомневаюсь ни на минуту, ибо если бы я сомневался, то я бы с тобой не жил, и если у меня будет маленький повод к сомнению, который хоть на йоту оправдается, конечно, мы не будем жить вместе.

В нашей совместной жизни самое святое, повторю, это честность, в этом отношении я ревнив и принципиален, как ты знаешь, до безумия.

Я надеюсь, что в этом отношении у нас не будет никаких вывихов, надеюсь, что ты не посрамишь нашей фамилии. А поэтому у нас будет все в порядке, что создаст нам нормальные условия для семейной жизни.

Тасенька! Ты меня все хочешь угостить, хорошим, вкусным и т.д. Зря прошу не беспокоиться, ни в коем случае не отрывай от себя, т.к. тебе сейчас это особенно необходимо. Ты же знаешь, что я живу хорошо. Еще раз прошу не заниматься этими вещами, прости, я этим не хочу тебя обидеть, угощать будешь меня после войны, тогда, когда мы с тобой будем снова вместе.

К тебе должен заехать Цыганов, который привезти должен от меня «писульку», с ним я послал для тебя банку консервов и баночку масла. «Прошу принять мой скромный дар», т.к. большего у меня пока нет.

Я говорил с Харчевым и Арестовым, возможно кто-нибудь из них завезет тебе посылочку от меня.

Я писал тебе, какие должен был завезти тебе Лернер документы, ты почему-то их получение не подтвердила.

Прошу подтвердить.

Ключ от комнаты я получил вместе с твоим письмом.

Ты просишь прислать Васю, знаешь, я все же постараюсь приехать сам, это будет, мне кажется, значительно интересней.

Дорогуша, ты просишь прислать справку о регистрации ребенка, я посылаю тебе ее в этом письме.

Лишь бы было все хорошо, справки написать можно, здесь зазорного ничего нет.

Как мне хочется поговорить с тобой, обнять тебя, целовать тебя.

А впрочем, ты сама знаешь.

Ну родная моя, крепко тебя целую.

Твой Толя

P.S. 1) Поздравительную открытку получил, за что я тебя уже благодарил.
2) Прошу подробно осветить вопрос с питанием и квартирой.
Толя

23 марта 1944 г., А. Балашов

Родная моя, здравствуй!

Сегодня получил от тебя письмо, рад, что у тебя все благополучно, но как мне хочется отругать тебя. Ты спросишь, за что?

Твои нервы напряжены до предела, твои упреки по моему адресу, что я тебе не пишу, что причиной этого являются, какие-то, внешние причины, меня это все начинает «бесить». Знаешь, родная, надо знать всему предел. Я тоже человек и не хочу, чтобы ты меня в каждом письме незаслуженно обвиняла. Я пишу тебе письма и пишу их очень часто, но писать их ежедневно я не имею ни времени, ни условий, тем более, что особых изменений в моем существовании нет. Я прошу, убедительно прошу, глубоко продумать этот вопрос. Уверяю тебя, что со мной ничего не случилось, я до сих пор остался таким же вспыльчивым, часто ругаю своих подчиненных, здоровье хорошее, нога не болит; уверяю тебя, что я выгляжу очень неплохо, о чем ты можешь судить по моим фото, которые я выслал тебе ранее.

Жду ежедневно от тебя писем, хочу подробно знать, как ты живешь. Жду тот счастливый день, когда ты мне родишь сына. Очень хочу видеть тебя, и принимаю к этому все меры, но обстановка пока что этого не позволяет. А вообще я уверен, что скоро приеду к тебе, и тогда мы обо всем договоримся.

Вот тогда я тебя буду ругать за твою нервозность.

Я хочу видеть тебя не меньше твоего, но пока что это мечты.

Очень рад, что ты получаешь из дома письма, но плохо, что они пишут только тебе, но не пишут мне. Я изредка с большим скандалом получаю письма от отца, конечно, я на него не обижаюсь, ибо он сильно занят. Им я пишу так же, как и писал раньше, помнишь, когда ты меня заставляла писать им письма, но им, кажется, и это часто, т.к. они знают мою «любовь» к этим письмам; они давно знают, что писать я не люблю, это должна знать и ты, т.к. для этого достаточно было времени. Но тебе я пишу очень часто и с большим желанием.

Так что, дорогая, все твои обиды не обоснованы.

Ну ничего, бывает, я тоже, когда не получаю от тебя писем, тоже нервничаю. Между прочим, вначале ты писала письма очень часто, да ты и обещала писать их каждый день, а теперь пишешь значительно реже, через 5—6 дней. Смотри, родная моя, пиши чаще.

Пиши подробнее, как живешь, каково здоровье и вообще, каково твое состояние, меня это очень интересует.

Очень хочу видеть тебя.

Крепко целую, твой Толя

5 мая 1944 г., А. Балашов

Настенька, милая, здравствуй!

Ура, ура, и еще раз ура!

Искренне поздравляю тебя с появлением на свет нашего сына.

Какая радость, нет слов, чтобы выразить свое чувство и удовлетворение.

Правда, я имею еще отрывчатые сведения о новорожденном, но «земля слухом пользуется». Вчера Зуев прислал записку, вернее, я получил ее сегодня, где пишет, что родился сын. Вот ведь, какой он «гужбан», не написал совершенно, как чувствуешь себя ты, как сын, в общем, я на него зол, как никогда.

Родная моя, как ты чувствуешь себя, как сын? Каково здоровье вас обоих! Пиши скорее, родная моя, не мучь меня.

Родная, ты спрашиваешь, как назвать сына. Я считаю, вернее предлагаю назвать его Владимиром, свое мнение, я думаю, ты мне напишешь.

Родная моя, как обстоит у тебя дело с дровами, я специально послал Зуева и дал ему задачу обеспечить тебя дровами. Пиши, родная, как обстоит опрос с питанием, пиши подробно, в чем ты нуждаешься.

Папа прислал несколько писем, и в каждом просит прощения у тебя за то, что он редко пишет письма. Я думаю, ты простишь старика, ведь он сильно занят.

Настенька, поправляйся быстрее, думаю приехать домой дней через 10.

Ты не можешь представить себе, как я рад за нас обоих, у нас сын! Мы ведь оба искренне хотели иметь сына, а какая уверенность была в этом.

Сын явится еще большей порукой нашей любви и жизни.

Нет слов выразить своих чувств.

Пиши быстрее, подробнее и обо всем.

Как я хочу видеть тебя и нашего сына, смотри, готовься к встрече, поправляйся, а то будем ругаться.

Пиши домой и сообщай, что у нас СЫН; я думаю, что ты летом уедешь к ним. Ну, родная моя, береги, смотри береги себя и сына.

Крепко, крепко целую и обнимаю

Твой Толя

Без даты, А. Антонова

Дорогой Толя!

Родился сын. Хороший здоровый маленький сын.

Надеюсь, что теперь это послужит основательной причиной для твоего приезда.

Каково мое состояние расскажет тебе Вася.

Жду домой, напиши папе письмо, а то он очень беспокоится, ты редко им пишешь, а в газетах, в сводках упоминалось о вашем участке.

Толя, прошу тебя приехать, врачи нашли у меня порок сердца, и жизнь моя будет зависеть от моих нервов, а какие они у меня, ты знаешь.

Сын здоров, черный и очень хорошенький.

Целую, Тася

7 августа 1944, А. Антонова

Любимый мой!

Ты не можешь себе представить, как я зла, во-первых, на себя, а во-вторых, на маму, которая забыла послать тебе огурцы. Весь этот пакет у меня был приготовлен еще накануне, т.к. капитан обещал за ним заехать, а огурцы я купила перед

Анастасия и Анатолий Балашовы, 1943—1944 (?) гг. Из коллекции дочери, Татьяны Балашовой

его приездом на следующий день, а сама пошла в фотографию, и вот мама забыла их послать, какая досада, ужасно обидно. Толик, там, кажется, вылилось масло, и, наверное, на брюки, вот еще несчастье, а мама побоялась развернуть, и так и отдала, вот какая, я ее ругала, ну ничего, значит, такая судьба твоим брюкам.

А вообще, товарищ майор, должна заметить, что Вы за два года сносили уже три пары брюк, если так будет продолжаться, так я не представляю, в чем Вы явитесь домой, когда кончится война. Милый, я конечно шучу, в чем угодно, но только скорей.

Тебя, конечно, интересует, как сын вел себя в фотографии, должна сказать, скверно, т.е. ручонки и ножонки как будто кто дергал за веревочку, и фотограф смог уловить его без движения только два раза, и положение его было почти что то же, говорят такого героя еще рано снимать, и то он на него затратил 30 минут, а народу много, и мне просто было неудобно его просить. С меня он сделал два снимка. Когда готово будет, я не знаю. 10/VIII посмотрю пробные карточки.

Родной, ты уже неоднократно упоминаешь о том, что я тебе редко пишу, дорогой мой, я пишу тебе так же как раньше, через 4—5 дней, и насчет какой правдивости ты пишешь, я не понимаю? Если это касается моего здоровья, то должна тебе сказать, что мне за своим здоровьем следить некогда, ты знаешь, что я принадлежу всецело сыну, ну, а он отнимает у меня не только время, но и мои мысли о себе. Болеть мне нельзя, ведь я одна, и поэтому что бы у меня ни болело, обратить на себя внимание я не имею времени. Да и кстати пока что ничего серьезного не обнаруживается, так, обычная простуда и больше ничего, а по сему волновать тебя попусту я просто не хочу. А вот твой кашель, я его представляю, он у тебя уже не первый раз, так что ты где-то простудился, про-

шу быть осторожным и беречь себя, сейчас ночи холодные и изволь одеваться теплее. Если ты не будешь возражать, я нынче пришлю что-нибудь теплое, а самое главное, чтобы у тебя были всегда ноги сухие, в следующий раз пришлю тебе носки шерстяные, ты не протестуй, пожалуйста, т.к. «пар костей не ломит», а твои кости любят тепло.

Сынка глазастый, но пока что в папу, и большой тоже в него, он очень обольстительно улыбается и уже разговаривает, очень занятный, понимает уже звук моего голоса, реагирует хорошо на яркие цвета, а на улице внимательно следит за движением. В общем, наблюдательный парень. Ты его сейчас не узнаешь, настолько он вырос.

Очень, конечно, хочется, чтобы ты навестил нас, ну будем ждать.

Пиши, родной, написал ли ты письмо папе? Письмо папы я тебе нарочно не послала, приедешь, прочтешь его сам.

Береги, родной мой, свое здоровье, если ты будешь там болеть, я буду очень волноваться. Пиши. Жду тебя и твоих писем. Целую, твоя Тася

P.S.

Что Ина мне приятельница, ты прав, у меня не было приятельниц и не будет. Моя личная жизнь будет принадлежать только мне одной, и радости, и горе я намерена делить только с тобой.

А до остальных мне наплевать, вежлива и приветлива я могу быть со всеми.

Да и кстати, говорят, что когда интересный муж, так нельзя приятельниц заводить. Это, наверное, правда. Ну, мы как-нибудь обойдемся без этого. Ведь правда?

Пишу ужасно, даже самой противно

Т.

19 декабря 1944 г., А. Балашов

Дорогая моя!

Имею возможность послать тебе к новому году маленький подарочек, вернее не подарок, а посылочку, все лучше новый год встретишь.

Посылка состоит из куска свинины — кг 8—9, кур — 2 и 10 яиц.

Как следует, по-хорошему встреть новый год, так чтобы мы в 1945 году жили хорошо.

Поздравить с новым годом я сумею другим письмом.

Настенька, посылаю тебе несколько пластинок, иди опять в ту же фотографию с запиской Сливинского, передай ее директору фотографии и сделай несколько снимков сына и себя, которые жду не более, как через месяц.

Коробку с пластинками не открывай.

Как ты живешь, как здоровье сына и твое? Как вообще житье-бытье? Получила ли посылку, которую я послал тебе раньше?

Почему так редко пишешь, смотри, я буду обижаться. Пиши чаще, прошу тебя.

Хотел бы на новый год приехать сам, но увы, это мне не удастся.

Живу по-старому.

Пиши. Целую тебя и сына крепко, крепко

Твой Толя

26 января 1945 г., А. Балашов

Настенька, родная моя.

Меня страшно мучает один вопрос: будешь ли ты вообще когда-либо довольна мною? Ты все больше и больше обижаешься на меня, подбирая для этого различные причины. Таков уж я вообще.

Я тебе пишу, правда, не так часто, но чаще писать нечего, да и сейчас такие условия, что страшно и думать, лучше ехать воевать, чем прозябать здесь.

Постараюсь ответить на все вопросы, которые тебя интересуют, между прочим, как я назвал сына Юрием, вместо Игоря, не представляю, но мне кажется и другое, что я скоро назову себя Иваном или еще как-нибудь, в общем не придавай этому значения, у меня просто сейчас страшное нервное напряжение и невероятная не сосредоточенность. Я даже на письме не могу толком, порой, сосредоточиться.

Вопрос о ботинках (или о туфлях) вполне разрешим, когда приеду я, ибо это не к спеху, а вот когда я приеду обещать не могу, не обижайся, не старайся делать их этого выводов, так я сейчас живу, ибо со всеми разругался «в пух и прах».

Насчет чемодана, папирос и варежек я тебе писал, что получил, правда, варежки не совсем удачны, ибо они на одну руку.

Вот как я мог не послать новогоднего поцелуя в телеграмме, просто не представляю, такую же штуку я послал и в Дмитров, данное можно объяснить отсутствием денег, но больше всего рассеянностью. Я, наверное, скоро утром после сна на службу без штанов пойду. Насчет сапог ты зря мне мораль читаешь, я их уже сделал, а впредь я тебе не буду писать подробности, на дай бог, написать мне, что я сжег брюки, которые только получил, так ты, наверное, мне объявила бы выговор.

В общем КА-РА-УЛ!

Насчет костюма ты не спеши, сшить усеем, а при первой возможности я приму к этому меры. За фуражку спасибо, ты как обычно внимательна.

Каточку при первой возможности пришлю, сейчас не могу, т.к. Сливинский не у нас.

Получила ли ты посылочку, которую я посылал со ст. л-том, и почему не прислала письмо?

Да, я послал тебе денег, правда, мало, прости, я встречал новый год, получила ли их?

Есть ли у тебя дрова?

Очень рад за сына, что он растет и здоров, хотел бы вас видеть. Пиши и не обижайся.

Целую тебя и сына крепко, крепко

Твой Толя

Николай Соловьев: «ДА, БЫЛА У МЕНЯ ЖЕНА — АВТОМАТ» (1944)

Данное письмо хранится в фонде Р-807 Государственного архива Краснодарского края, где сосредоточены документы, связанные с участием кубанцев в Великой Отечественной войны. К сожалению, биографических сведений об авторе писем установить не удалось. В тексте письма, отвечая на обвинения жены по поводу двухлетнего молчания, автор описывает свою военную биографию, включавшую два плена и побега, участие в партизанской деятельности и возвращение в ряды РККА.

12 июня 1944 г.

Добрый день или вечер, моя уважаемая жена Зина и мой сын Николай! Передаю я вам низкий чистосердечный привет от вашего мужа Николая Т.С. Еще передаю я своей родной маме низкий чистосердечный поклон. Еще передаю нашим сестрам Саше, Паше, Дуне, Марусе, Нине, Наде и своим племянникам по низкому поклону.

Зина, я твои два письма получил, за которые очень благодарю, что ты меня не забыла. Я считал, что ты меня уже забыла, что меня не было слышно с 1942 года 15 мая до 20 апреля 1944 года. 20 апреля только я дал ответ, что я жив и здоров. Ты считаешь, что я жил очень хорошо. Нет, Зина, ты очень ошибаешься в своих словах. Мне очень стало обидно, что ты пишешь в письме обо мне, что у тебя есть грешок. Мне очень стало жаль, что ты так думаешь, как будто я жил в тот период, что меня не было слышно, как у тебя такие мысли, что он жил с женой. Нет, Зина, мне было не до жены и не до веселья. А надо было быть хитрому и умелому в этой жизни и в этот период времени, как бы кому пришлось так, как мне — так и мухи заели. А надо было уметь сделать себе в мозгах шевеление [нрзб.], тогда только можешь быть верным и преданным своей родине и встать на защиту родины. Зина, когда меня не слышно с 15 мая 1942 года, я был в окружении, 30 августа и попал в плен под Новым Осколом Воронежской области. А тогда сделал побег и попал к своим обратно и был в городах Камышине на формировке с 5 октября по 20 февраля 1943 года. А когда мы выехали 20 февраля на фронт под Курск, и тогда нас в Курске окружили в городе 26 марта и тогда я попал 14 апреля в плен к немцам. И повезли нас в Германию в вагонах. Когда нас везли в вагонах через Польшу, мы тогда в Польше на ходу прорезали в вагоне пол, в час ночи все 43 человека вылезли на ходу под эшелон. Это было 21 апреля 1943 года, на станции Брест-Литовск в Польше. И тогда все пошли в лес и вступили в партизанский отряд. Я был командиром отряда. Меня назначил комиссар всех этих отрядов командиром отряда. У нас было всего 280 020 человек, у меня было в отряде 50 человек. Я выполнил все приказания комиссара, какие он [нрзб.] казачьим полком, который уничтожал группы партизан. Ну, они

будут помнить, немцы и казаки, партизан, как действуют партизаны. И я был с 21 апреля 1943 года по 25 марта 1944 года, и мы тоже вступили в ряды Красной армии, все партизанские отряды в Польше. И нас тогда отправили на отдых в Каменец-Подольскую область в город Каменец. Со мной в отряде было два товарища из Каменцев: Буртный и Швед. Зина, мне очень много надо писать обо всем, коли жив буду, тогда все расскажу, а зараз оно тебе не нужно это все. Зина, у меня есть документ партизанский, у меня есть оправдание, где я был: если б я не был в отряде, так мне документ не дали б. А то я ничего не боюсь, что ты говоришь обо мне: ты, наверно, был женат. Да, была у меня жена — автомат, тот, в который входит 72 патрона, и я этим автоматом «женил» немцев за один раз 7—9. Вот такая у меня была жена! День и ночь поносишь на плече, так узнаешь, какая жизнь партизанская. А тебе можно говорить все-все, что вздумаешь. Мне очень было обидно, что ты говоришь о таком пустяке. Ну, пока все, Зина. Пришли мне карточку свою, а то я скучаю о тебе и сыне. Я хоть посмотрю на вас, и то будет мне легче. Зина, как мои сапоги, какая у тебя корова, «Венера» или нет? Ты напиши, что у тебя за этот период не стало, может, кто у тебя взял, то напиши все. Зина, а как огород у тебя, огорожен или нет? Если он плохо горожен, то купи и загороди. Зина, может, хата течет, то возьми краски и парусу и намажь парус краской и ложи на дыры и сверху краской помажь эти латки. Зина, напиши, есть у тебя что кушать или нет. Зина, напиши, как дела, и кто у вас пред и завхозом и кто бригадир у вас на огороде. А как рыбка ловится, кто ловит? Зина, напиши, о ком слышно в хуторе, а кого нет? Зина, напиши, все мое цело или нет. И как мой сын, ходит в школу или нет. Ты напиши, пусть он учит буквы, чтоб он знал читать и писать. Скажи ему, что говорит в письме его папа и пусть он слушает тебя. Зина, только ты его не бей, а жалей, потому что он обижен и так без отца. Зина, я служу старшиной, получаю денег 375 в месяц. Пока все, остаюсь жив и здоров. Н.Т. Соловьев

Павел Буравцев: «НАША ЛЮБОВЬ СОЕДИНЕНА ТОНКОЙ НИТКОЙ ПИСЬМА» (1985)

Павел Анатольевич Буравцев родился 12 сентября 1966 г. в Ставрополе. Окончил Ставропольское медицинское училище, увлекался стрелковым спортом и альпинизмом. Во время одного из походов познакомился с девушкой по имени Галина; ниже представлены адресованные ей письма из армии. Призван в Вооруженные силы СССР в 1984 г., служил фельдшером, в 1985 г. был направлен в Афганистан. Погиб 22 ноября 1985 г. в бою в Зардевском ущелье.

30 апреля 1985 г.

Здравствуй, моя милая, моя дорогая, моя любимая Галинка!

Наконец закончился почти наш путь. Только что вышли из вагона. Но это еще не конец, еще ехать до города Ош, а от него на машине в горы. Рисунок, что я тебе нарисовал, был постоянной панорамой из окна вагона. На нем показаны захоронения мусульман, какого народа, я так и не понял. Но это все позади. Пейзажи, конечно, были изумительными и новыми для меня: постоянно виднелись лачуги местных жителей, старики в чалме, в халатах, как «басмачи», и все на ишаках. Большие степи маков, мутных рек, чумазых ребятишек и женщин в полосатых штанах и халатах с одной прорезью для глаз. Все это, моя Галинка, я видел из окна вагона. Под Самаркандом временами стали показываться горные хребты со снежными вершинами. И я подумал, что ты скоро тоже уйдешь в горы и сможешь прочитать мое письмо только после 10 мая, когда вернешься. А я тем временем, наверное, доеду до места, получу форму и все снаряжение и буду учиться защищать свою Родину и, конечно, тебя. Да, где ты сейчас, моя любимая, далеко, далеко за многие сотни километров. И все равно наша любовь соединена тонкой ниткой письма, и эту нить не порвать никому. Я очень скучаю по тебе и по-прежнему тебя сильно люблю, очень хочется услышать твой голос, хотя бы получить твое драгоценное письмо. Но когда оно придет, я не знаю, наверное, нескоро, потому что я нахожусь у «черта на рогах». Когда мы уедем отсюда, я не знаю, обещали завтра вечером. Вот такие дела. До свиданья, моя милая, моя любимая Галинка. Твой оловянный солдатик.

Пусть ветры гудят,
Пусть бушует зима и вьюга,
Пусть люди забудут про нас,
Но мы не забудем друг друга.

Помню тебя, когда вечер наступит,
Тихо взойдет золотая луна.
Помню тебя, когда утром проснулся,
И помнить буду везде и всегда!

Прости меня, моя дорогая, очень неудобно писать.

9 мая 1985 г.

Здравствуй, моя милая, моя единственная, моя хорошая Галинка!

Сегодня большой праздник для всего человечества — это 9 Мая. Разгром немецко-фашистского авангарда. Но самое главное, этот праздник очень дорог для нас с тобой. Уже прошел ровно год нашей с тобой любви, нашей жизни и взаимности. Вчера вечером ты, наверное, думала обо мне, сидя у костра или возле речки, посматривая на блеск воды и всматриваясь в небо, ища наши с тобой созвездия, нашей любви венец.

Потом ты долго думала и вспоминала, а я стоял на плацу и выбивал сапогами 1, 2, 3, тоже думал о тебе, вспоминая все, и с мыслью, что мы в это время думаем друг о друге, и на сердце становится теплей, и еще какое-то чувство, которое невозможно объяснить.

Сегодня был парад в нашем поселке, была демонстрация, а нас, молодых, поставили в оцепление! А вы, наверное, тряслись в автобусе, долго упрашивали Шурика, чтобы он сыграл на гитаре, а потом пели песни под тенор Цыганкова и под фальшивый бас «Рюкзака», а потом, устав от суеты, заваливались спать.

Как я соскучился, если бы ты знала, где ты, моя любимая, на другом краю? Где мой любимый городок Ставрополь? Наверное, у вас светит солнце, и щемит сердце весна-красна.

У нас тоже весна, но я ее почему-то не чувствую. Каждый день идут дожди, на вершины садится туман, иногда проглядывает раскаленное горное солнце, обжигая наши зеленые фуражки и погоны. Сейчас нам дали чуть-чуть отдохнуть после парада, и я пишу тебе письмо без отрывов, но также на зеленой фуражке.

Рядом сидят мои друзья, и Гена Комаров тоже пишет письмо, и наши письма скоро вместе пойдут домой, трясясь в пыльных вагонах, наша частичка к вашим сердцам.

Как там ты? Не грусти и не обижайся, письма будут долго лететь к тебе, и твои тоже. Такова судьба наша солдатская, мне — служи, а тебе — жди. Тебе, наверное, в 1000 раз трудней, но ничего, я скоро вернусь.

Я тебе пошлю мой временный адрес, а когда будет постоянный, я не знаю, наверное, после принятия присяги, но напиши пока по временному адресу, может, и дойдет до меня твоя частичка тепла в холодные горы Памира. Как только придет твое письмо, я тебе сразу напишу. Не спеши, подожди моего ответа после твоего письма.

Прости меня, моя Галинка, за мою безграмотность и корявый почерк, хотя я сам в этом виноват, провалял дурака в школе. Но ты, наверное, меня простишь, моя милая. До свиданья, моя единственная и любимая Галинка. Твой оловянный солдатик Пашка

23 июня 1985 г.

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Горячий поцелуй и привет тебе с Памирских гор.

Вот прошло уже два месяца моей службы, пошел третий месяц.

От тебя уже давно не было писем, и поэтому настроение плохое. Сегодня у тебя, наверное, был последний экзамен, и ты, наверное, сдала его на «5», а вечером собираешься ехать домой, и поэтому я еще больше огорчен, что не помню твой домашний адрес, и боюсь, что мое письмо до тебя не дойдет. Служба моя потихоньку тянется, но очень хочется, чтобы катилась.

Мы все время пропадаем на полигоне. Бегаем с автоматами и другим снаряжением, ползаем по-пластунски, роем окопы, дышим и даже поем в противогазах. Конечно, очень трудно и утомительно, но я креплюсь. Иногда, когда ползем по камням, грудь сдавливают твои письма, и становится еще тоскливей на душе, и злее начинаешь ползти и быстрее, не обращая внимание на боли от острых камней.

Родная, если бы ты знала, как я скучаю и тоскую по тебе. И когда лезут дурные мысли, что я тебя больше никогда не увижу и что ты меня забудешь в долгой разлуке, то всегда стараюсь выбросить из головы эту глупую мысль. Больше, конечно, думаю о нашей встрече с тобой в далеком будущем.

Всегда кажется, что я пишу тебе мало или не то, что нужно. Писатель из меня плохой, а в душе у меня все накапливаются чувства, которые я хочу изложить тебе письменно, но не получается. Особенно трудно становится во сне, когда мы с тобой встречаемся, а наутро приходится расставаться. Это для меня самое большое испытание и пытка.

Сейчас мы учимся пограничной тактике, из нас, с помощью «муштры», выбивают все и закладывают то, что нужно для пограничника. Конечно, служба нам досталась, что не поешь. И я стал понимать, как легко было на гражданке, в горных походах и в альплагере, когда ты был свободен, как горный орел, и рядом была ты, моя соколица. Как было хорошо!

А теперь ты «барбос» с ошейником, на плечах погоны, с автоматом, и никакой свободы совершенно.

Галчонок, я послал домой еще фотографии, на снимке мой друг Крыгин Толик, сам он из Курска, я тебе писал стихи, которые он сочинил.

Галчонок, ты должна зайти к моим предкам и забрать фотографии. Высылать фотографии на твой адрес я не стал рисковать, потому что ты, наверное, уже уедешь на каникулы, да к тому же собираешься в скором времени в альплагерь.

Галчонок, не забывай меня, ведь я тебя только люблю на этом свете и тобой живу. Жди меня, я скоро вернусь к тебе, ты знай.

Твой оловянный солдатик.

30 июня 1985 г.

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Большой привет тебе с Памирских гор от твоего любимого солдата.

Галчонок, сегодня у меня знаменательный день, сегодня 30.06.85 г. я присягнул перед Родиной с автоматом в руках, перед Красным Знаменем части.

Да, сегодня наша учебка приняла присягу, теперь мы стали полноправными воинами и ответственными перед Родиной. Этот день, как многие дни, когда принимается присяга, делается выходным днем, но этот день и без всяких, сам по себе, выходной. А мне повезло вдвойне, я заступил в наряд и вместо того, чтоб идти со всеми в кино, я принимаюсь за уборку туалета. Но вот я закончил убирать, и кино кончилось.

Вчера получил от тебя два письма и одно из дома от двоюродной сестры. Они не сразу попали ко мне, а сначала попали в автороту из-за неправильного кода, надо писать не «V», а «VII». Спасибо сержанту, который их случайно взял. Я, конечно, не успокоился, боюсь, что много писем, которые ты мне выслала, будут попадать туда, а не ко мне, но я надеюсь, что они все попадут ко мне.

Спасибо тебе, милая, что ты достала адрес этих «обормотов», а то они и в ус не дуют, чтобы меня разыскать.

Теперь я напишу этим «шурупам»[1], как живут погранцы (огурцы)... Конечно, им очень хорошо, что они попали вместе. Но, а мы, как я загадывал, попали с Геной Комаровым. Ты, наверное, помнишь, когда мы шли вечером и я загадывал, где я буду служить и с кем? Так и вышло — я на Памире, в самом высокогорном отряде и, конечно, вместе с Геной. Это очень хорошо, что мы попали вместе, потому что друг всегда остается другом, к тому же я нашел новых друзей.

А ты, милая, когда передаешь приветы, не забудь писать и про Гену. Он, правда, всегда передает тебе привет, когда я пишу тебе письмо, но я иногда забываю тебе его писать.

Галчонок, мне что-то непонятно с альплагерем. Ты что, не собираешься туда ехать или не можешь? Ты постарайся съездить, не пожалеешь. Узнаешь много нового, увидишь много интересного, познакомишься с новыми интересными людьми. У нас тут на складе много горного снаряжения, предназначенного для стрелков застав и Афганистана, и я думаю, что мои знания по горной технике пригодятся в моей дальнейшей службе.

Постоянно, когда мы выходим на тактические занятия, я вглядываюсь в реденькую травку, которая растет. Желтый цветок и пучок травы на один кв. километр. И ты, может, догадалась, что я хочу найти эдельвейс, горный цветок — символ верности и любви. Есть такое поверье в народе, что если парень подарит любимой девушке эдельвейс, значит, он любит ее по-настоящему, до гробовой доски. И я обязательно найду его для тебя, обязательно, ведь я тебя так сильно люблю. Ты — моя богиня, вдохновляешь меня на подвиги и трудности.

Да, моя милая, любимая, я тоже вспомнил тот день, когда я пришел в черном костюме, чтобы больше огорчить тебя. Ведь мне всю жизнь не везло ни в чем. И первое везение — это когда встретил тебя. Ты изменила всю мою жизнь и не дала мне спуститься по наклонной плоскости. Да, я тоже вспомнил тех чумазых солдат, которым мы уступили дорогу и провожали их взглядом. А еще сказал,

[1] «Шурупы» — традиционное наименование военнослужащих 40-й армии в пограничной среде. *(Прим. публикатора писем.)*

что скоро я тоже так буду топать. А ты говорила: «Когда это будет?» Но теперь это уже не сон, а на самом деле.

До свиданья, моя единственная, моя любовь.

Твой оловянный солдат Пашка

5 июля 1985 г.

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

С большим приветом и ласковым поцелуем с Памирских гор к тебе.

Вчера получил твое письмо и очень обрадовался. Из твоего письма я узнал, что ты только начала получать мургабские письма, но это не так уж страшно, потому что здесь были случаи, что письма приходили через 12 месяцев. А мне везет — получаю почти каждую неделю. Я уже так привык, что когда приходит партия писем, то обязательно должны быть твои письма.

У тебя все хорошо, скоро уедешь в альплагерь, а могли б ехать вместе. Рюкзак можешь не брать, там все дадут, а брать тебе нужно теплые вещи, комбинезон и др., также возьми веревку капроновую 4 мм, где-то в этих размерах, прочный шнурок м. 5, также ниток с иглами, а остальное написано в путевке, также денег.

Не забудь передать большой привет незнакомому поэту. Когда будешь писать ему письмо, скажи, что стихи мне понравились. Все стихи, которые я слышу и мне нравятся, я записываю в книжку, уже скопилось небольшое количество. Также передай Коробейникову Сашке привет.

А насчет Афганистана, если он просится, то его вряд ли возьмут, туда желающих и без него много. Кто оттуда возвращается, тот потом обеспечивает свою дальнейшую жизнь. Так что это очень выгодно, если, конечно, оттуда вернется, ведь там иногда стреляют. А вообще, армия — хорошая школа, которую заочно не пройдешь, но два года — это слишком много, хватило бы всего года, чтобы всему научиться.

По идее это так: 1 год службы ты учишься, а 2-й — держат, как живую силу, на всякий случай. Теперь ты можешь понять, каково состояние солдата.

Сейчас на душе чуть-чуть побаливает, даже не знаю почему. Наверное, потому, что думаю о тебе. Даже не знаю, что делать и чем это исправить, совершенно нечем. Но у тебя, наверное, настроение не лучше и, самое главное, что ничего невозможно сделать. Ты права, чем длиннее разлука, тем сильнее сжимается сердце в груди и испытываешь какое-то беспокойство и слабость. Но чем больше и шире шаги разлуки, тем шире шаги нашей встречи с тобой.

Когда наступает вечер, я с облегчением вздыхаю, наконец-то еще один день прошел, а утром, еще один день надо прожить. Но надо избавляться от этих мыслей, надо стараться не думать о разлуке, и тогда будет легче.

Я тоже, моя родная, не знаю, что такое разлука, особенно с любимым человеком. В далеком краю, у «черта на рогах», начинаешь вспоминать каждую мелочь, каждую крупинку этой жизни на свободе, которую ты так не ценил, хотя понимал. Но понимать и представлять это одно, а испытывать на себе — это очень тяжело.

Я очень скучаю, скучаю по тебе, я скучаю по твоим нежным рукам, ладони которых полыхали, как солнце; пальцы как лепестки роз; твои добрые глаза, с какой-то любовной искоркой; твоя походка, которую я отличу из тысячи других, а твой взгляд, я помню каждое твое движение, разве можно это забыть.

Я скучаю по твоей ласке, ведь иногда так хочется, чтобы хоть кто-нибудь выслушал тебя и мог понять тебя.

Но тебя рядом нет, вокруг такие же парни, которые тоже об этом мечтают. Я каждый раз всматриваюсь в их лица, когда объявляется перерыв, все становятся чуть-чуть замкнутыми, некоторые даже закрывают глаза, летая в своих мыслях, кто-то что-нибудь рассказывает, а рассказы тоже о доме.

Да, все время собираюсь тебя спросить и все время забываю, научилась ты играть на гитаре? По идее, должна уже играть. Когда поешь про себя или слышишь какую-нибудь песню, всегда становится тоскливо на душе и всегда вспоминаешь дом и тебя.

До свидания, моя единственная, моя любимая Галинка!

Твой оловянный солдатик

17 августа 1985 г.

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Ты, конечно, удивлена, но твой Пашка уже в другой республике. Сегодня мы выехали из Мургаба и покатились на грузовике по горным дорогам Таджикской ССР. Была хорошая погода, светило солнце, горы были в прекрасном состоянии.

Мы постепенно поднимались вверх, а потом с огромной скоростью неслись вниз, виляя на крутых поворотах, а мы — как дрова катались в кузове. В нашей местности (пограничный режим, пограничная зона) даже паршивая «овца» считается пограничной. И у нас все шофера, почти все, из местных жителей, а они — такие лихачи, просто жуть, Все кочки, все колдобины достались нам.

Ехали, конечно, быстро, чтобы успеть на поезд (два часа ночи). Виляя по узким долинам, мы постепенно выезжали из долины «смерти».

Вот уже вдали стали показываться 7-тысячники с громадными ледниками, с бездонными трещинами, с вертикальными скалами. Когда мы ехали сюда, я, конечно, не мог определить высоту, а сейчас я даже ужаснулся от таких громад. Проезжали мы и видели из кузова машины озеро Кара-Куль. Оно громадное, как море, и голубое-голубое. Проезжал я возле пика Ленина и пика Коммунизма и других 7-тысячников. Правда, я не смог определить, ведь у нас экскурсий не проводят, но если посмотреть на «карниз», то они стоят на одном уровне, как бы на одном хребте, который во время вулканов поднялся выше всех, и получились такие красивые вершины. Вершины очень красивые, я даже не могу описать тебе, но это очень красиво; трудно на них взойти. Ну ты сама теперь представляешь, ведь ты у меня альпинистка. Постепенно покидая громадные льды и вершины, мы стали проникать в долину «жизни». Постепенно стали показываться маленькие кустики и деревца, и, как только перевалили перевал, сразу «ударили» в лицо запахи трав. Все ниже и ниже спускались мы, и на душе

становилось веселее. Я слышал шелест листвы, травы, деревьев. Зеленый цвет так и рябит в глазах.

Вот мы уже и проскочили Гульчу, где я раньше находился, через некоторое время мы проскочили Ош, и постепенно мы стали окунаться в «цивилизацию». Приехав в Андижан, мы сразу же сбросили грязные мундиры, помылись и переоделись в парадную форму, которую нам наконец-то выдали.

И теперь я сижу в вокзальном кресле, смотрю на людей, а они смотрят на меня (когда-то и я так смотрел на солдат).

Сейчас мы накупили арбузов, винограда и т.д., но, правда, денег мало, потому что все деньги у прапорщика. Он нас сопровождает, такой маленький старичок, сам таджик, по-русски понимает плохо, но мы с ним находим общий язык. А вообще, он очень смешной, особенно когда злой.

Вот я опять тебе буду писать с дороги, это очень хорошо, к тому же я очень люблю дорогу и путешествия. Особенно в армии, очень хочется куда-нибудь уехать. Но скоро мы будем путешествовать вдвоем. И я привезу тебя сюда, где я раньше нес службу, если, конечно, достанем «мандат», но, вероятно, постараемся.

Тут даже пришли письма от Глухова А., Догаева С. и от «Детины» Андрея. Они все передают тебе привет, также к ним подключился и Генчик. Я также узнал, где сейчас «Трифон», и я скоро напишу ему письмо. Но из письма Глухова я понял, что он где-то возле Ростова и на должности фельдшера.

Ну, а как ты, моя дорогая? Шурик спрашивает: «Понравился ли тебе альпинизм и будешь ли ты заниматься дальше». Я думаю, что надо написать положительно. Да? Галчонок, в дороге я думал о тебе, мечтал о наших с тобой путешествиях через 2 года. Я очень по тебе скучаю, иногда становится очень тяжко. Но что поделаешь, надо держаться, тебе ждать, а мне служить, и по трудности это одинаковая участь у нас с тобой.

А сейчас смотрю на ночной город, мне стало чуть-чуть грустно, даже появилась потребность в сигарете. Я сейчас все думаю и никак не могу сложить свои строчки письма. У меня сейчас все перепуталось. То вспоминаю наши свидания, вечера. Сейчас стоит такая же прекрасная погода, шум машин, пустынные улицы, запах прохлады и свежести, тускло светят фонари, мигают светофоры, и все это стало резать мне душу.

Я так почувствовал себя гражданским человеком, беззаботным, простым парнем, и я еду к тебе, но это только мечты, которые не скоро сбудутся. Ну вот и все, что я хотел сказать, кажется, письмо совсем не получилось, извини.

Прости за почерк, за ошибки, ведь я у тебя такой «писака».

Помни меня, ведь я тебя очень люблю!

Твой солдат Пашка

1 октября 1985 г.

Здравствуй, любовь моя! Вот, кажется, я на месте. Я тебе сразу все объясню. Я сейчас нахожусь в длительной командировке, наверное, на 3 месяца, может, больше. Так что, милая, придется писать сюда. Как ты уже поняла, я уже опять

в Таджикистане, в той области. Пришлось снова проезжать по всему Памиру. Я опять заехал на Мургаб, встретил своих товарищей, также я встретил своего земляка и друга, он и вручил мне пачку писем — 30 штук и из этой пачки писем — 22 письма были твои. За стихи и поздравления тебе большое спасибо, я их буду перечитывать в трудные минуты жизни. А я хочу поздравить тебя со званием «Альпиниста СССР».

У меня все нормально, служим, только приходится таскать фельдшерскую сумку сверх всего, но ничего. Эта командировка пойдет и мне, и нам с тобой на пользу. Почему?! Я потом объясню.

Галчонок, писать пока много не буду. Напишу потом. А ты пиши, я очень жду, любовь моя. Милая, красивая, единственная на всем этом белом свете.

Твой солдат, Пашка!

19 октября 1985 г.

Здравствуй, моя милая, любимая Галинка!

Вот хочу написать тебе, родная, письмо, да не знаю, с чего начать. Ты меня сразу извини за почерк и грязный листок, потому что пишу я на каске, сидя в окопе. Я сначала хотел писать на лопатке, но она грязней каски. Ну вот, сижу в окопе, смотрю вдаль, то на горы, то на небо и так целыми днями. По ночам ждешь и смотришь, если кто или что-нибудь появится, разрешено стрелять. Вот так целыми днями.

Питаемся мы сухим пайком. Но мы стали потихонечку собирать дрова и на скудном огоньке делаем себе чай в «цинке» (это вроде большой консервной банки, в которой раньше хранились патроны). Ну вот, делаем чай и греем консервированную кашу. Спим прямо в окопе или рядом с ним. Нам выдали такие здоровские спальные мешки, в них очень тепло. Сам спальник сделан так, чтобы спать на улице, он очень большой, в нем можно спать вдвоем, да еще с головой. Я еще подумал, что нам с тобой только такой спальник и нужен, но очень жаль, что они военной промышленностью выпускаются только для армии. Но ничего, я постараюсь достать или сшить по такому принципу. Но мне в таком спальнике приходится спать не с тобой, а с моим верным другом — автоматом. Я надеюсь, ты меня к нему ревновать не будешь, к тому же он — мужского рода.

Вот такие мои дела. Как твои дела, дорогая, как твоя учеба на новом месте? Я все хочу спросить тебя, Галинка, научилась ли ты играть на гитаре или нет? В следующий раз напиши мне.

Когда получишь это письмо, я сказать не могу тебе точно, потому что я не знаю, когда его отправлю.

Я постараюсь отправить его с вертолетом, да и то вряд ли. Я, милая, сам очень огорчен тем, что наша переписка опять прервалась, но ты у меня девчонка умная и смышленая, понимаешь, в чем тут дело и что от меня это не зависит.

Тут рядом мой сосед по окопу рассказывал свою жизнь. Он, уходя в армию, поссорился со своей девчонкой и, представляешь, за 2 года не написал ей письма, и она ему тоже не написала. Но его родители пишут, что она его ждет по-прежнему. Но никто из них двоих не хочет первым признать ошибку и на-

писать письмо. Странно! Не правда ли?! Я так думаю, что у нас с тобой так бы не произошло. Правда?!

Сегодня видел сон, опять приезжал на побывку домой, целую ночь мы с тобой разговаривали, спорили, решали нерешенные проблемы. А сейчас вспоминаю этот сон.

Ну вот и все, родная. Пиши мне, я жду, если письма твои не получу, обижаться не буду, что ж поделаешь, такая обстановка.

До свиданья, мой родной, любимый Галчонок, мой единственный ненаглядный на всем белом свете!

Твой солдат, Пашка!

18 ноября 1985 г.[1]

Здравствуй, моя любовь!

Вот пишу тебе письмо из старых мест. У меня все еще «окопная жизнь». Мы все еще находимся в окопах.

Вот чуть-чуть стало холодать, и поэтому пришлось делать блиндажи из камней, как в Кавказских горах в 1942 году.

Складываем их из камней, а сверху настилаем ветки и сучья и накрываем сверху «пододеяльниками», или, как их еще называют, вкладышами из спальных мешков.

Получается небольшой домик, вот в таких домиках мы и живем. И в такой обстановке невольно вспоминаются строчки стихов:

Лежим на поле брани холодною зимой.
Верните нас в Россию, верните нас домой.
Нам надоело ежиться и знать, что смерть близка,
Корежит жуткий холод нас. Смертельная тоска.
Осколками и пулями, где белый снег свиреп,
Жуем на жутком холоде заплесневелый хлеб.
Под ливнями, под бурями, на скалах, где снега,
Траву сухую курим мы, не видим табака.
И больше счастья нету нам над горною каймой.
Уж не поем, а шепчем мы: «Верните нас домой!»

Но, правда, несмотря на ноябрь месяц, здесь довольно-таки тепло, несмотря на дожди и снег. Правда, с куревом совсем туго, вообще нет, и вертолет не летит, но еды хватает, нормально. Правда, мы тут заросли, как партизаны, у меня опять борода. Вот никогда не думал, что в армии отращу себе бороду.

Галчонок! Ты, наверное, обижаешься на меня, что я так редко пишу тебе, да еще карандашом, ручка уже закончилась. Ну и как ты, любовь моя, как поживаешь там без меня? Я часто вспоминаю тебя в моих думах о прошлом и будущем и вижу тебя в своих снах. Правда, однажды приснился дурацкий сон. Короче

[1] Это последнее письмо написано за 4 дня до гибели, а получено Галей 5 декабря 1985 г., через 2 дня после похорон. (*Прим. ориг. публ.*)

говоря, приехал на побывку я домой и встретил Зухру, а она мне говорит, что твоя Галинка с каким-то парнем из политехнического института.

Смешно, не правда ли? Ну вот и все мои дела.

Напоследок я хочу написать тебе, родная, строчки замечательных стихов, которые я долго искал и случайно нашел. И сейчас посвящаю их тебе:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди! И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло!»
Не понять нежданшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Жди! Как ждали они!

До свиданья, милая моя, единственная, на всем белом свете.
Твой солдат, Пашка

23 декабря 1985 г. Галина — Андрею Буравцеву, брату Павла

Братишка, милый, здравствуй!

Вот, сегодня, приехав со Ставрополя, сразу же села писать тебе письмо. Спешу сообщить, что у меня все по-старому, даже еще хуже. Знаешь, после того, как побываю там, в Ставрополе, я не могу потом жить дома. Здесь меня все бесит, раздражает. А они, все домашние, стараются отвлечь от мыслей, все почему-то боятся за меня, как будто мне что-то угрожает. А это раздражает меня в такой степени, что я не могу... Совсем ничего не могу делать. Вот надо готовиться к сессии, а я не могу. Каждый раз, садясь за книгу, я ни о чем не могу больше думать, кроме как о Павке. Только сейчас до меня стало доходить все происшедшее. Каждый день реву, что бы ни делала. Вот и сейчас пишу тебе, а слезы градом катятся, и на душе такой ком непомерной тяжести. Я себе совсем не представляю дальнейшей жизни. Ведь все последнее время я жила только мечтами, мечтами нашей встречи, когда он вернется, и вообще дальнейшей жизни. А теперь все пошло наперекосяк. До сих пор я не могу отвыкнуть от привычки, ложась спать, думать о нем, мечтать. Вот так мечтаешь, мечтаешь, а потом такой толчок — его же нет! И все, потом рыдания, рыдания и рыдания. А он все улыбается с фотографии, и все. Я перебрала по косточкам все дни наших встреч. Господи, какая я была дура, что не всегда была такой ласковой с ним. А он так ждал этого от меня. Но все равно, какие мы были счастливые, когда были вместе. Каждый день мы гуляли по городу, и уже не оставалось места, уголка, закоулочка, где бы мы не были. Особенно любили Комсомольскую горку. Каждый вечер, с первого до последнего, мы приходили туда, уже непроизвольно, где бы мы ни были, все дороги сходились именно туда. Еще часто бывали на кладбище, около церкви на Крайзо. Постоянно. Вначале читали надписи на гробницах, потом просто, гуляя между гробницами, целовались. Вначале мне было страшно, ночью, на кладбище, а ему нравилось. А раз совсем было темно, тем более там деревья огромные, мы опять же гуляли. Потом он решил сесть, но поблизости не было нигде скамейки, и он сел на какой-то белый предмет. Потом, правда, выяснилось, что это большой каменный крест. Я, правда, вначале возмутилась, но он посадил меня на руки и сказал: «Знаешь, а для меня было бы огромным счастьем, если бы на моей могиле также целовались влюбленные, ты согласна?» И действительно, это счастье. После этого я не могла говорить в чем-то «нет». Да, сколько всего было у нас. Каждая встреча была так насыщенна и интересна по-своему. Знаешь, все нам завидовали и считали самой счастливой парой. Мы этого не понимали, ведь вокруг гуляют сотни, тысячи влюбленных пар. А нас из всех считали самыми счастливыми. Загадка, не правда ли? Жаль, что ты не смог увидеть нас вместе. Вот тогда бы сказал, действительно же мы выглядели такими счастливыми. А у нас с ним было свое созвездие, его было видно и из моего окна и его окна. Оно выглядело в виде треугольника. Даже когда мы были далеки друг от друга,

нас соединяло это созвездие. Он, когда был дежурным, через созвездие всю ночь разговаривал со мной, а я с ним. А в горах звезды необычайной красоты, и они так близки и так далеки одновременно. Да, горы нас соединяли. Они же нас, выходит, и разлучили. Кто же знал, что получится так. Никогда не думала, что то, что так соединяет, способно навеки разъединить. Видно, не такие мы были счастливые, как говорили нам все, а наоборот получилось.

Но все равно я счастлива. У меня в жизни был человек, который любил меня и был любим. Как-то Павлик сказал мне: «Первая любовь почти всегда несчастливо кончается». А я ему: «Знаешь, а это у меня первая любовь, значит, как понимать?!» А он мне: «А никак, у меня ведь тоже первая, самая что ни на есть первая любовь. Я думал, что раньше любил, а оказывается, ошибался, да мы не гарантированы от ошибок». Ну я ему и задала встречный вопрос: «Может, сейчас тоже ошибаешься, ведь не гарантированы?» Но это его взбесило, да, именно взбесило. Он сразу изменился в лице и сказал: «Галчонок, неужели ты действительно так думаешь? Неужели это правда? Но как ты могла?» После я так казнила себя за этот так глупо заданный вопрос. И, вообще, как я могла? Ведь в том, что он меня любит, я просто не имела права сомневаться. Господи, какая же дура я, хотя это естественно, мы всегда чего-то недооцениваем или наоборот. Но в мире все закономерно. А мы были слишком счастливы, а это нарушает равновесие Вселенной. Да, мы могли сказать: «Мы счастливы, мы любимы». А Пашка был особенный человек. Он если любил, то любил горячо и пламенно. Он мне часто говорил: «Андрей (это ты) так любит Светку. Но я люблю и буду любить тебя в 100, 1000, миллион раз сильнее». Вот с этим он и погиб.

Братишка, ты не представляешь даже, как нам было хорошо вдвоем. Как мне трудно писать это слово «было». А ведь все же — было, было и ничего не осталось. Нет, не совсем ничего, осталась любовь, память, но нет самого дорогого, бесценного человечка. Я тоже буду писать дневник воспоминаний, а потом все это написанное прочтем. Андрюшка, как бы я хотела быть сейчас рядом с тобой. Могла бы видеть черты Пашки. Живые и такие милые, ведь вы с ним похожи. В те вечера на кухне я не могла оторвать от тебя глаз, очень многое в тебе напоминало его. Даже иногда ты говорил теми же изречениями, теми словами, что когда-то говорил он. Иногда у тебя были жесты точь-в-точь как у него. И я чувствовала что-то родное рядом. Ты знаешь, я тоже слушаю Высоцкого, и как я благодарна Пашке, что он научил меня любить, слушать и понимать его. А раньше я его не могла слушать. И как-то сказала это Пашке. Он, конечно, сразу начал убеждать, что это не так. Вот так, сидя и слушая Высоцкого, он стал близок и понятен мне. Да, многому научил меня он. Научил любить. А это главное.

Ну ладно, братишка, пиши. Жду твоих писем.

Вот получила письмо от Оксаночки из Краснодара. Вот, может, на каникулах поеду туда, Нина Павловна говорит, что это было бы здорово. Но еще не знаю.

Ну ладно, до свидания, целую вас со Светланкой.

Галина

«Благословение матери всегда с тобой!» Худ. неизвестен. Почтовая открытка Скобелевского Комитета о раненых. Петроград, март 1916 г. Из фондов РНБ

XII. МАТЬ ВОЕННООБЯЗАННОГО

Мама, а ты не плачь, а то мне тяжело. Я не сплю, мама, целые ночи, почему, не знаю, что случилось со мной. Мамка, переживаю все это дело.

Из письма Михаила Артемова с фронта, февраль 1943 г.

Елена Барабан

СВЯЗЬ С РОДНЫМ

Среди писем солдат и офицеров, написанных во время войны, письма матерям занимают особое место. Их специфика обусловлена тем, что они адресованы женщинам, которые, с одной стороны, скорее всего, в большинстве своем менее политизированы, чем другие слои населения, ангажированные связанными с войной общественными организациями, а с другой — наиболее подвержены негативному влиянию войны. Мать растит детей не для войны. Именно матери переживают гибель сына или дочери с особой остротой. Для многих такое горе перечеркивает годы материнского труда, лишенную эмоциональной и материальной поддержки старость, означает потерю смысла жизни, прекращение рода. Именно поэтому матери традиционно составляют группу наиболее негативно настроенную к войне. В ситуации, когда война не воспринимается обществом как справедливая, в так называемых «женских» протестах против мобилизации, большинство составляют матери[1]. Матери же бросаются защищать своих детей, попавших в заложники, в плен, в окружение, добиваясь поддержки правительства или общественных организаций.

Мать, дающая ребенку жизнь, всегда в оппозиции по отношению к войне, которая эту жизнь может отобрать. Это противоречие между материнством и войной (жизнью и смертью) структурирует все отношения с матерью и все бытование образа матери во время войны, будь то осмысленное, политизированное и символическое использование этого образа частными лицами или обществом или непосредственное, повседневное обращение к матери в письмах неискушенного в политике и литературе солдата.

В представленном здесь разделе собраны письма рядовых и офицеров. Подборка открывается письмом Петра Выхопени, оказавшегося в плену в Италии во время Первой мировой войны. Далее следуют письма, написанные в годы Великой Отечественной войны: четыре письма, написанные летом 1941 г. политруком 320-го стрелкового полка Александром Миловановым; шесть писем Анатолия Лозгачева, написанные с ноября 1942 по апрель 1943 г.; одно письмо Александра Борисова от 8 октября 1943 г.; коллекция из тринадцати писем 1943 г. Михаила Артемова. Затем представлены два послания Алексея Бушматова из Афганистана, написанные в 1983 и 1984 гг. Заканчивается раздел письмом Александра Лемзякова из Чечни, полученным матерью в день его гибели, 8 июня 2000 г.

Данная коллекция позволяет увидеть, что остается за бортом изучения военных историков, и наметить направления, по которым могут в дальнейшем

[1] Показательно, что выступающие против мобилизации жены, как правило, аргументируют свой протест тем, что если муж погибнет, то дети останутся сиротами и матери одной их «не поднять».

проводиться исторические исследования. В частности, это эпистолярное наследие представляет интерес для социальной и культурной истории, поскольку позволяет по-новому взглянуть на повседневность войны, на связи, которые устанавливаются в обществе между исторически «важными» событиями и рядовым, обыденным. В собранных письмах войны как таковой чрезвычайно мало, но зато есть множество деталей быта, того, для чего война была фоном: отношения с близкими, здоровье, питание, покупки. В отличие от современных блокбастеров о войне, нагнетающих картины ужасов или «разящих» зрителей масштабностью батальных сцен, авторы военных писем говорят о войне совсем по-другому. При этом, как это ни парадоксально, бытовые детали, которыми наполнены письма солдат к родным, не кажутся читателю проявлением узости кругозора, свидетельством мелочности или мещанства.

О чем же пишут солдаты матерям? В чем отличие писем матерям и писем, написанных, например, друзьям, женам, любимым? Как артикулируется война солдатами для своих матерей? Насколько образ матери, который возникает по прочтении личных писем, расходится с образом матери, конструируемым пропагандой, т.е. с матерью, которая становится символом Родины? Как в письмах выстраивается отношение между частным и общественным; насколько детали частной жизни встраиваются в более широкий контекст, политизируются? Какой отпечаток накладывает сам характер войны (войны освободительной, гражданской войны или же войны, которая велась на чужой территории и статус которой никогда толком не прояснялся для населения) на письмо матери? Отвечая на эти вопросы, можно полнее представить себе жизнь определенной культурной среды, этические принципы, которыми руководствовались представители разных исторических периодов, понять отдельные особенности как военного быта, так и жизни тыла. Даже когда почти ничего не известно об их авторах и адресантах, по письмам можно судить о разнице культурных ценностей адресатов, жизнь которых прошла в разные периоды истории России. Таким образом, анализируя риторические клише и дискурсивные модели писем, можно уйти от традиционного прочтения войны и увидеть не героические ее стороны, а именно те ценности, которые питают определенные стороны идентичности (всегда сложно составленной) человека на войне. Прочтение идентичности адресатов может осуществляться по нескольким векторам: взаимоотношения с матерью и домом, отношение к государству, обществу, Родине, Богу.

Поскольку мать — это источник жизни, константой практически всех писем к матери является упоминание адресатами состояния своего здоровья. Наиболее часто в представленном материале встречается фраза «жив-здоров». Даже в самых коротких посланиях, состоящих из нескольких предложений, упоминание о здоровье почти обязательно. В то же время сами письма-записки из трех-четырех предложений уже информировали родных о том, что у солдата все в порядке. Наиболее важным в таких записках являлось не столько содержание (казалось бы, «чепуховое», такое как совет матери купить велосипед в двух коротеньких письмах Михаила Артемова от 5 и 8 мая 1943 г.), но собственно факт написания послания, как свидетельство жизни и здоровья. Тот же Артемов, похоже, осознавал именно эту функцию своих записок, поскольку и в другом

наспех написанном телеграфным стилем письмеце от 2 сентября 1943 г. лишь упомянул, как случайно встреченный им односельчанин угощал его яблоками, и попросил передать об этой встрече родственникам этого человека. Письмо домой, каким бы коротким оно ни было, в таком случае превращается в ритуал, в знак стабильности среди хаоса войны. Как и всякий ритуал, солдатское письмо фактом своего существования противостоит хаосу, является утверждением структуры, знаком жизни, нормализует и упорядочивает отношения между близкими. То есть важно, во-первых, само наличие записки, как знак того, что адресат жив, и, во-вторых, непафосность, обыденность ее содержания, которая свидетельствует о восприятии жизни как «нормальной», о том, что хаос войны, угроза жизни — это, в представлении адресата, явления временные. Говоря иначе, повседневность, о которой пишут с фронта (и на фронт), выполняет в данном ритуале общения важную психологическую функцию защиты социума и каждого его члена от стресса войны. В этом смысле примечательно, что наполненные пропагандистскими клише, многословные и, словно списанные с газетных передовиц, довольно длинные письма Милованова, написанные до его переброски на фронт в июне–июле 1941 г., разительно отличаются от его последнего письма, написанного с передовой, короткого и очень приземленного. Дискурсивная дистанция между ними огромна. Если 27 июня 1941 г. Милованов сетует, что еще не на фронте, утешает себя тем, что «в первый день всем не успеть», а также уверяет, что будет «честным», «храбрым», «бесстрашным» военным и, таким образом, «не опозорит» рода, то в последнем письме от 16 августа 1941 г. кратко сообщает, что он «жив-здоров», а описания того, что происходит на передовой, сокращает до «и т.д.». 18 июля Милованов мог, обращаясь к братьям, писать: «Я на вас надеюсь, что и вы, когда подрастете, будете также беспощадно бить всех, кто смеет гадом ползти на нашу священную русскую землю. Растите быстрей, закаляйтесь для боя, закаляйте и душу, и тело, будьте мстительны, истребляйте врага, мы боремся за общее человеческое право на земле, потому и мы и наше дело непобедимы и бессмертны». После первых боев в письме все сжато: «С 3 августа нахожусь на фронте. Деремся. Жив и здоров. Первое боевое крещение принял 6 августа: был под обстрелом, выносил и перевязывал раненого и т.д. Каждый день ведем бой, иногда круглые сутки. Вещи, какие были, бросил все». Тут нет места полным предложениям, сложному синтаксису, рассуждениям о важности происходящего для общества, государства, рода. По тону и по эллиптичности предложений оно напоминает письма других солдат и офицеров Великой Отечественной.

Вариацией прямых или перформативных сведений о здоровье адресатов являются часто повторяющиеся обещания или выражение надежды на возвращение. В этом смысле симоновское «Жди меня, и я вернусь» на все лады повторяется военнослужащими всех времен. Эмоциональный регистр тут колеблется, однако, от полной уверенности в собственном возвращении до сомнений в том, что автор письма выживет, и даже до пессимистичных утверждений, которым заканчивается подборка писем Артемова: «Когда вы будете читать это печальное письмо, то я уже буду ранен или убит». Но даже в этом письме есть надежда на жизнь: «Но, дорогая мамаша, я не хочу умирать, мне охота жить, я молодой, когда

я вас увижу дома — тогда буду умирать». Заканчивается письмо нехарактерной для советских адресатов просьбой матери помолиться Богу за спасение солдата.

В отличие от этих писем в посланиях времен Афганской кампании и Второй Чеченской войны гораздо больше уверенности в своем возвращении домой. Они меньше продиктованы сознанием возможности собственной смерти, осознанием смертельной опасности конфликта. Кроме того, в этих письмах довольно подробно развивается мотив денег, которые солдат надеется заработать, или денег, которые просит у матери прислать, а также мотив комфортного существования (варенье, которое нужно матери сохранить до возвращения солдата, печенье, сигареты). Связано это, возможно, с неясностью для адресатов сути военных конфликтов, а следовательно, их серьезности и опасности. По всей видимости, когда война идет не на своей территории, когда еще или уже нет опасности уничтожения нации, государственности, то просьбы о повышении комфорта повседневной жизни формулируются чаще. Меняется и само восприятие войны. Так, в риторике письма Лемзякова из Чечни очевидно восприятие военной службы как работы, за которую платят: «Срок службы здесь идет день за два, считай, полгода отслужу здесь, приеду в дивизию и еще три месяца, и домой. Да и денег заработаю, а деньги немалые». В Афганистане солдатам-срочникам не платили, но мотив оплаты присутствует и в письме Бушматова: «...здесь курево дают бесплатно, как в порядке вещей. Как получку». Как и в письме из Чечни, в письмах Бушматова есть желание поскорее закончить службу, отсчитываются дни до приказа о демобилизации. Иначе говоря, военная служба воспринимается не как святая обязанность патриота. Степень вовлеченности в войну авторов писем из Афганистана и Чечни ограничена определенным сроком службы, после окончания которого эта война (в Афганистане или Чечне) уже не касается их лично.

Отметим несколько отличий между письмами солдат и офицеров, написанными в разные исторические периоды. Так, например, манера сообщения о состоянии своего здоровья солдата Первой мировой отличается от рассуждений военнослужащих Великой Отечественной. Связано это отчасти с тем, что Выхопеня был в плену, но имел возможность писать родным (ситуация немыслимая для пленных красноармейцев во время Великой Отечественной). Примечательно в этом послании не только упоминание своей болезни, но душевные переживания адресата, печаль из-за того, что жизнь проходит зря («гнию в этой несчастной неволе») и нет возможности помочь матери. Обращения к Богу обрамляют послание, встраивая отношения солдата и матери в контекст более широкий, чем общество, государство, страна. Пессимизм адресата смягчается припиской его товарища, который, по всей видимости, переслал открытку родным: «Желаю вам всего доброго до встречи со своим сыном Петром».

Проявления патриотизма, присущие авторам ряда представленных в разделе писем времен Великой Отечественной войны, полностью отсутствуют в письмах, написанных с других войн: Первой мировой, Афганской, Чеченской. Разница патриотического горизонта огромна. Если для солдат и офицеров Великой Отечественной мотив защиты родины важен и некоторые письма, написанные в училище или на курсах боевой подготовки, то есть еще до того, как адресат

попал на фронт (письма Милованова), пестрят риторикой, заимствованной из советской пропаганды, то дореволюционное послание Выхопня построено по схеме «я — моя семья — Бог», а письма «воина-афганца» и солдата, погибшего в Чечне, кроме отношений «я и моя мама» содержат лишь упоминания друзей или соседей, но никак не обнаруживают важность для адресата более широкого контекста. В то же время, если пафос защитника родины присутствует только в письмах времен Великой Отечественной, то в письмах всех представленных периодов есть пафос защитника матери, выражается желание ей помочь, обещание помощи по возвращении домой или горечь по поводу того, что матери не на кого опереться во время отсутствия сына. Война обостряет у сыновей чувство ответственности перед матерью, чувство особого статуса отношений с мамой (именно потому, что существует опасность погибнуть, прервать жизнь, подаренную матерью). Солдатские письма таким образом становятся свидетельствами сыновней любви, которые, если бы не было войны, возможно никогда бы и не были записаны. Неслучайна просьба Милованова о прощении за то, что «так гордо уехал тогда» (видимо, до войны в училище или на войну с Финляндией), причинив боль близким, отодвинув на второй план связь с родными.

Для социолога представленные письма интересны как свидетельства того, насколько маленькими стали семьи к концу XX в. В письмах 1916, 1941—1943 гг., как правило, упоминались братья, сестры, а также родные, которые жили с семьей под одной крышей. Так, в семье Выхопня было по крайней мере пятеро детей; у Миловановых и Борисовых было по крайней мере по четверо детей; у Лозгачевых — трое детей и, кроме того, бабушка жила вместе с семьей; у Артемовых — трое детей. Из писем 1983—1984 гг. Алексея Бушматова понятно, что он — единственный ребенок матери-одиночки. В письме Александра Лемзякова 2000 г. из Чечни, кроме матери, упоминается Назим, но непонятно, то ли это брат, то ли это отчим адресата, то ли близкий человек матери. К концу XX в. наблюдается своеобразное сужение микрокосма солдата: происходит отсечение Бога, государства, большой семьи.

В то же время практически все адресаты, чьи послания приведены в разделе, просят мать передать привет родственникам (тете, бабушке и т.д.), утверждая таким образом важность рода, его продолжения. В этом смысле упоминание родственников становится для солдата противовесом войны. Как писал Артемов о брате, «кто-нибудь из нас один да вернется, всех собака Гитлер не полопает». Кроме того, при отсутствии возможности написать всем близким обращения к родным и друзьям через мать также становятся частью ритуала общения.

Для историка культуры интерес представляет разница в обращении к матери в письмах разных периодов и написанных выходцами из разных регионов. На Западной Украине (в основном в селах) до сих пор сохранилась традиция обращения к матери и отцу на «Вы» (письмо Выхопени 1916 г.). Но и в письмах Великой Отечественной встречается обращение к матери на «Вы» (письма старшего лейтенанта Лозгачева). Трудно сказать, является ли такое обращение свидетельством крестьянского происхождения адресата, поскольку в этой же подборке в посланиях в село на Алтае другой адресат (Артемов) обращается к матери на «ты», перемежая лирическое «дорогая мамочка» с грубоватым «до-

рогая мамаша»[1]. В приведенных в разделе письмах, однако, чувство сыновнего долга по отношению к матери выражается вне зависимости от более или менее формального обращения к ней. В посланиях из Афганистана доверительное обращение на «ты» сочетается с переживаниями по поводу того, что матери некому помочь. А в письме из Чечни, при полном отсутствии обращения «мама», разговорно-доверительное, сокращенное «Мам» (то с прописной, то со строчной буквы) или грубоватое «мамань» все-таки сочетается с искренним выражением сыновней любви: «Крепко целую и обнимаю со всей любовью к тебе, твой сын».

Военные письма дополняют дискурс войны собственными версиями маскулинности, патриотизма, норм гражданственности. При чтении писем рушатся стереотипы героического повествования. Субъективный взгляд на войну, представленный в посланиях солдат и офицеров, отличается от того, что выбирается официальными источниками. Из писем к матери понятным становится, чем подпитывались силы бойца — ощущением того, что связь с родными есть, что, пока она есть, все можно преодолеть и пережить. Очень сжатое представление о военных действиях, ужасах войны или полное их отсутствие в письмах солдат и офицеров и, напротив, обилие бытовых деталей в частных известиях с фронта являются своеобразным проявлением пацифизма. В этом смысле письма солдат своим родным — это изнанка военной истории, которая может стать важной составляющей гуманитарного знания именно потому, что обнажает ценности, которыми руководствовались участники боевых действий, будь то непафосный патриотизм, вера в Бога или желание поскорее отслужить, закончить войну для себя лично, вне зависимости от того, закончится ли сама война.

[1] Расхожим является мнение, что обращение к родителям на «вы» — это знак уважения, но, одновременно, и отсутствия настоящей близости между родными. Очевидно, что более формальное обращение к матери на «вы» было более распространенным в исторические периоды, когда в семьях было много детей, то есть когда такое обращение должно было поддержать семейную иерархию. С сокращением количества детей в семье в регионах, где было принято «вы» в обращении к родителям (на Западной Украине и в Белоруссии), к концу XX в. и в начале XXI в. обращение «ты» стало нормой.

Петр Выхопень: «ДОРОГИЕ МАМА! Я НЕ СТОЛЬКО БОЛЕН, СКОЛЬКО ТЯЖЕЛО МНЕ НА СЕРДЦЕ» (1916)

Биографическую информацию об авторе данного письма, к сожалению, установить не удалось.

Без даты, 1916 г.

Дорогие Мама! Доношу вам весть о своей горькой судьбе, уже 5 дней не есмь при хорошем здоровью, но может Бог даст, что это пройдет, так как тут каждый с таким пару дней пролежал, я не столько болен, сколько тяжело мне на сердце, така когда вспомню вас дорогие мама, братьев и сестер, как семью и родной очаг (рідну стріху), где меня воспитали, а теперь на старость должны сами работать, а я опять же несчастный свой молодой век так напрасно гублю и гнию в этой несчастной неволе, ведь между этими стенами человек живет, а не живет без света и работы! Последнюю карточку от вас имею от 4/8 больше, возле меня ничего нового, а как у вас! Поздравляю тетю, а вам кланяюсь, дорогие мама, не грустите, Бог с нами.

Поздравляю и целую вас. Благожелательный к вам ваш сын Петро.

Я желаю вам всего доброго до встречи со своим сыном Петром. Благожелательный к вам товарищ вашего сына А. Строньский

Перевод с украинского языка Андрия Заярнюка

«На войне. Могилки у речки в городе Б. На могилках наших воинов немцы ставят кресты с двумя перекладинами». Почтовая открытка. Минск, между 1914 и 1917 гг. Из фондов РНБ

Александр Милованов: «ПРОСТИ МНЕ, МАТЬ, ЧТО Я ТАК ГОРДО УЕХАЛ ТОГДА» (1941)

Александр Федорович Милованов родился в 1917 г. В рядах РККА с первых дней Великой Отечественной войны; убит 2 сентября 1941 г. На момент гибели — политрук стрелковой роты 320-го стрелкового полка.

27 июня 1941 г.

Ленинград.

Здравствуй, мама!

Враг заполз на нашу священную землю, великую Советскую и просит крови или сейчас, или когда хозяйничать собирается.

А мы ему по морде нашими самолетами, танками, орудиями и оружием.

Эта гадина весь мир хочет сосать — просит свежей крови, в Европе повысосал. Не пойдет, кровь нам дорога, жизнь тоже.

Вот и бьем. Все бьем. Мы оружием, а вы трудом, работой, старанием. Работайте получше, на вашу долю пришлось великое дело сделать — убрать урожай, а он, как пишете, хороший.

Вам должны пособие платить, подавайте заявление в комиссию. Если ты трудоспособна — то 75 руб. или 100; если нетрудоспособна — то 150 руб. Так как будто.

Помогут, потому что у нас все на взаимопомощи. Вот и работать надо. А нам нужно будет быстрее гнать врага проклятого. Хуже Иуды, дьявол, подписывал мир с нами, а потом лезет.

Мы воюем за правду, за жизнь, за народ.

И мы победим!..

Я пока еще не на фронте. Пока учусь на курсах. Буду командиром. Поэтому ответственности больше. И не беспокойся, милая семья, буду честным и храбрым военным, бесстрашным. Я клялся перед Родиной об этом, перед народом. Ну и вам еще напомню, будьте уверены — нашего рода и фамилии не опозорю. Как-то вроде неудобно — все идут на фронт, а мы нет, но так и нужно, и придет время — мы пойдем. В первый день всем не успеть.

Здоровье хорошее. Живу хорошо.

Посмотрел Ленинград, много в нем хорошего, дорогого. И вот фашисты все хотят на него налетать. Наши летчики и танкисты, артиллеристы, да все — бьют их. Не дойдет, собака!

Письма пишите почаще. Я тоже.

От Даши получал письма. Что Максим пишет? И другие? Ну пока, милая мамочка. Ты так крепко и глубоко любишь меня, поэтому я вернусь к тебе обязательно — я верю.

До свидания.

А как Коля черноглазенький? Большой, наверное, — не могу представить, какой он? Плоховато немного — Ваня не окончил 2 класса. Но он научится. Как здоровье? Ваш Александр

18 июля 1941 г.

Мама!

Это письмо обязательно сохраните до моего приезда домой. Это письмо тебе, мама, пишу — ты его должна понять и прочувствовать своим материнским заботливым сердцем, своим нежным простым сердцем русской женщины. Я вернусь, и вместе его прочитаем.

Я только стал представлять, что нахожусь в армии. Прости мне, мать, что я так гордо уехал тогда, но этим письмом я хочу открыть свою душу перед тобою, хочу сказать, что ты желанная мать, добрый незабвенный друг, с заботой и нежностью материнской вскормившая и воспитавшая меня.

Твоя забота и любовь помогли мне учиться, учат меня жить. Ты воспитала во мне глубокую, священную ненависть к врагу, неиссякаемую любовь к нашему советскому народу, к нашей Социалистической Родине. И сейчас с этими свойствами иду в бой с врагом. Будь спокойна, мать, буду драться храбро, умело, как сын нашей Родины, как сын партии Ленина–Сталина, как твой любимый сын.

МАТЬ

В час молчания, в глуши уединенья,
В тени кустов, у поля на груди,
Или в минуты бурь, душевного смятенья —
Ты, мать, — со мной, ты у меня в груди.

Всегда со мной, ты жизнь в меня вливаешь,
Я с каждым днем все становлюсь непобедимей
и бодрей,
То ты с мольбой большой душой взываешь
Весь мир быть справедливей и нежней.

Когда тигром ко мне подбирается смерть,
Ты и здесь — будто держишь меня у груди.
В материнской любви — я в броне, смерть —
не сметь!
Мать бессмертия с каждым из нас — погляди!

Когда поклон, родная, посылаешь,
Его передают цветы, головки наклонив.
Родными ветрами к победе призываешь,
Пеньем птиц родишь побед порыв.

Мать — тебя я мамой называю,
Русская женщина, гордая мать!
Священной ненавистью врага встречаю, —
Меня ты научила любить и побеждать.

Твоя слеза расплавит кремня горы
И тундру превратит в цветущий сад.
Кто мать не почитает, тот — жалость, горе...
О великая русская женщина-мать!

Нежный друг забот, мы о любви с тобой не говорим,
Моя душа — великодушья мамы часть.
Дозволь, судьба, прильнуть к ней, нежной, милой,
Еще хоть раз пред нею на колени пасть.

Твоих волос седые пряди мне освещают жизни путь.
Я в смертный бой иду победы ради,
Благослови же, мать, поздравь, спокойной будь.

Дожди меня, вернусь с нашей победой,
Со мной Алтая ветры прилетят,
Бокал шипящего поднимем за обедом
За нашу жизнь, за нашу мать.

Я вернусь. Твоя любовь материнская, глубокая, словно броня, твоя любовь и материнская забота воспитали меня неустрашимым и бессмертным.

Я вернусь с победой — потому что этого хотим все мы. Я вернусь, потому что ты ждешь меня.

Я здрав душой и сердцем, я силен духом и телом.

До свидания, мать. Твой сын Александр

Братья, мои друзья, мальчики!

Я на вас надеюсь, что и вы, когда подрастете, будете также беспощадно бить всех, кто смеет гадом ползти на нашу священную русскую землю. Растите быстрей, закаляйтесь для боя, закаляйте и душу, и тело, будьте мстительны, истребляйте врага, мы боремся за общее человеческое право на земле, потому и мы и наше дело непобедимы и бессмертны.

Миша, все письма после этого и это письмо обязательно сохраняй до моего приезда.

Коля, у меня за время службы было два таких мальчика, как ты, я их любил, потому что есть ты, я сравнивал их с тобою, они мне носили букеты цветов, я им подарки покупал, это один — на Карельском перешейке, второй — в Ленинграде. И твоими друзьями по службе будут они.

До свидания, братья. Ваш большак Александр

27 июля 1941 г.

Здравствуй, дорогая мамочка!

Получается так, что я вам пишу, а от вас не получаю, но это не страшно — я приблизительно знаю, как вы живете: работаете сейчас крепко, по-ударному.

Ну а от меня вам, думаю, интересней получать.

Живу хорошо. Настроение — куда лучше. Здоровье — тоже хорошее. Время есть, иногда письма пишу. Учусь.

Драться пойду — надейтесь — крепко, по-русски буду бить врага. Оружие у нас хорошее. Люди тоже прекрасные будут у меня (буду командиром).

В себя верю тоже. Ведь ты, мама, так заботливо и бережно вырастила меня, что лучше нельзя было в наших условиях.

А вы получше работайте. Даше послал недавно письмо.

Привет Мише, Ване, Коле от меня, от Сани большака.

Счастливо оставаться. Ваш Александр

16 августа 1941 г.

Здравствуй, мама!

С 3 августа нахожусь на фронте. Деремся. Жив и здоров.

Первое боевое крещение принял 6 августа: был под обстрелом, выносил и перевязывал раненого и т.д. Каждый день ведем бой, иногда круглые сутки.

Вещи, какие были, бросил все.

На Эстонском направлении фронта с курсов со мною только один товарищ. В прежнюю часть не попал и очень жалею, что не вместе с друзьями.

Пишите. Напишите от меня привет Даше.

Оставайтесь счастливы. Ваш Александр

Анатолий Лозгачев: «МАМА, ВОЙНА НАЛОЖИЛА НА МЕНЯ СУРОВЫЙ ОТПЕЧАТОК» (1942)

Анатолий Семенович Лозгачев родился в 1923 г. в г. Камень (сейчас Камень-на-Оби) Алтайской губернии. Погиб 14 мая 1943 г. в Смоленской области, на момент гибели — старший лейтенант, командир минометной батареи 234-го стрелкового полка.

19 ноября 1942 г.

Здравствуй, милая мамочка, с сердечным приветом ваш сын Толя!

Уже около недели у нас здесь выпал снег. Одет и обут я хорошо, живу тоже хорошо.

Не так давно я со своим взводом уничтожил один крупнокалиберный миномет противника, разбили наблюдательный пункт и истребили около двадцати вшивых фрицев.

Ну ладно, до свидания, мамочка. Целую вас.

Ваш сын Толя

Привет бабушке, Нюре и Гале.

29 ноября 1942 г.

Здравствуйте, милая мамочка, с сердечным фронтовым приветом ваш сын Толя.

Во-первых, сообщаю, что я жив и здоров. Сообщаю, что 23 ноября 1942 г. мне как лучшему командиру в батарее дали октябрьский подарок. Подарок этот послал нам татарский народ. В посылке были четушка водки, пряники, сухари белые, платочки, масло, пачка махорки, курительная бумага и три самодельных письменных конверта.

Получив этот подарок, я почувствовал глубокую любовь нашего многомиллионного и многонационального советского народа и дал себе слово еще сильнее бить фашистских гадов, посягнувших на нашу Родину. Сейчас наша часть отведена на отдых. Скоро со свежими силами мы пойдем в бой против фашистских извергов.

Ну ладно, до свидания. Привет бабушке, Нюре и Гале.

21 декабря 1942 г.

Здравствуйте, милая мамочка, с сердечным приветом ваш сын Толя.

Во-первых, сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю.

Сообщаю, что я с 15 декабря 1942 года назначен на должность заместителя командира батареи по строевой части.

Фотохроника ТАСС: «Город Ленина в дни Отечественной войны. Школьники Октябрьского района развешивают плакаты на улице». Справа — плакат «Будь героем!» В. Корецкого. Фото Б. Уткина, август 1941 г. Из фондов РНБ

Сейчас я одновременно учу младших командиров своей батареи подготовке данных стрельбы.

Здоровье мое хорошее. Одет хорошо. Но пока что новостей фронтовой жизни нет. То, что происходит на Сталинградском и других фронтах, вам известно по газетам. Только скажу вам, недалек тот час, когда Красная Армия нанесет фашистской сволочи сокрушительный удар.

Ну ладно, до свидания. Остаюсь ваш сын Толя

Привет бабушке, Нюре и Гале.

13 января 1943 г.

Здравствуйте, милая мамочка, с сердечным приветом ваш сын Толя.

Во-первых, сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Мамочка, сообщаю, что я с января получил письмо свое обратно, которое писал папе, с надписью, что такой адресат выбыл, но куда — ничего не написано.

5 января 1943 г. к нам в подразделение приехали девушки из госпиталя, поили нас чаем с пряниками. Очень хорошо провели вечер. Живу я хорошо. Сейчас, мама, на фронте, кроме того, что истребляем фашистскую гадину, еще и помогаем нашей Родине деньгами. Я лично внес на строительство танковой колонны 1375 рублей.

Сообщаю, что я сейчас уже старший лейтенант.

Вот и все новости. До свидания, ваш сын Толя

Привет бабушке, Нюре и Гале.

9 апреля 1943 г.

Здравствуйте, милая мамочка, с сердечным фронтовым приветом ваш сын Толя.

В первых строках своего письма сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю.

Во-вторых, сообщаю, что сегодня, т.е. 9 апреля 1943 г., я со своей батареей принимал участие в бою с врагом. В батарее потерь нет, а врагу нанесли большой урон. В остальном жизнь протекает по-старому.

Пиши чаще письма. Ну ладно, остаюсь жив и здоров.

Ваш сын Толя

19 апреля 1943 г.

Добрый день. Здравствуйте, милая мама, с сердечным приветом ваш сын Толя.

В первых строках своего письма сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю.

17 апреля 1943 г. я получил от вас письмо, которому я очень был рад. Мама! Вы спрашиваете, получаю ли я письма от папы?

Да! Я дней 10 назад получил от него письмо, в котором он мне написал, что на днях должен с этого места уехать, его адрес: гор. Куйбышев, часть 321, команда 52—16. Лозгачеву Семену Г.

Живу я по-старому, однообразной фронтовой жизнью.

Да, мама, война наложила на меня суровый отпечаток. Я сильно изменился, хотя внешностью остался все еще такой, разве только немного похудел.

Ну ладно, мамочка, до свидания, остаюсь жив и здоров, ваш сын Толя. Крепко, крепко целую. Пиши чаще письма. Привет Нюре, Гале, бабушке.

Александр Борисов: «ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ БУДУ НА ФРОНТЕ» (1943)

Александр Васильевич Борисов родился в 1919 г. в с. Шемонаиха Семипалатинской области (сейчас Восточно-Казахстанская область Казахстана). Погиб 20 ноября 1943 г. в Запорожской области. На момент гибели лейтенант, командир пулеметного взвода 1008-го стрелкового полка.

8 октября 1943 г.

Здравствуйте, дорогие родные Мама, Коля, Тася и Маня. Шлю вам пламенный привет и добрые пожелания в вашей жизни. Сообщаю, что в настоящее время я жив и здоров — нахожусь в дороге на запад. Еду в часть, где дадут мне людей, с которыми я поеду на фронт. Так что в настоящее время еду ближе к фронту, а через неделю буду на фронте драться с заклятым врагом всего народа — Гитлером и его немчурой. Мама, как пойду в бой, напишу письмо, в котором сообщу все. Обо мне прошу не беспокоиться. Писем ни от кого не получал. Не знаю, где Георгий, жив он или нет. Пока до свидания, крепко вас всех целую и передаю свой низкий поклон, всем родным от меня передайте по привету.

Ваш сын и брат Саша

Михаил Артемов: «ДОРОГАЯ МАМОЧКА, МЕНЯ ЗАСЫПАЛО ЗЕМЛЕЙ ОТ РАЗРЫВА АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАРЯДА» (1943)

Михаил Николаевич Артемов родился в 1925 г. в с. Стуково Алтайской губернии. Погиб 16 января 1944 г. На момент гибели младший сержант.

Без даты

Артемовой Акулине Никифоровне

Здравствуйте, дорогая мама и сестрица Саша! С приветом к вам ваш сынок Миша.

Мама, почему-то вы не пишете или я настолько вам нагрубил, что вы не хотите писать?

Дорогая мамочка, не серчайте, что я вас обижал. Ты сама знаешь, что я психовой.

До свидания, мамочка. Миша

15 февраля 1943 г.

Здравствуйте, дорогие родители, мамочка и дорогая сестрица Саша!

Привет родным и знакомым.

Во первых строках спешу сообщить о своей жизни. Живу пока ничего. Не знаю, что будет дальше. Мама, пропиши, как вы живете, как с хлебом и есть ли сено и дрова. В общем, как вы живете? Что делают ребята, которые остались дома?

Мама, скучаю о родном крае, лучше бы я работал две смены, а теперь я вас не вижу. Саша, мы с тобой ругались, а теперь бы посмотрел на тебя и заплакал.

Но ничего, мама, мы еще увидимся, мы отомстим Гитлеру.

Эх, мама, как враг бежит — вы ведь, наверное, не знаете. 14 февраля наши заняли 5 городов за день. Победа близка.

До свидания. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Жду писем. Михаил

Февраль 1943 г.

Мама! Война скоро закончится, наши войска забирают по 5 городов в сутки.

Мама, а ты не плачь, а то мне тяжело. Я не сплю, мама, целые ночи, почему, не знаю, что случилось со мной. Мамка, переживаю все это дело. К весне мы приедем домой, наладим хозяйство.

Саша, пиши чаще.

До свидания, мама, писать некогда. Михаил

Фотохроника ТАСС: «Пламенные патриот партизан-пулеметчик комсомолец Алексей Гринчук, героически погибший в бою с немецким карательным отрядом в одном из оккупированных районов Ленинградской области». Фото М. Трахмана, октябрь 1943 г. Из фондов РНБ

22 июня 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамаша, и сестра Саша, и все родные, и знакомые.

Во первых строках своего письма я спешу сообщить о своей жизни. Дорогая мама, я вспоминаю, как ты меня кормила — у меня сердце кровью обливается, а теперь, мама, все не так.

Мамаша, может, принимают посылки в нашу часть. Ты спроси на отделении связи, может, принимают. Хоть бы килограмма три калачиков, маслица.

Дорогая мама, эх и хватился, но поздно, не раз, мама, тебя вспомнил.

Мама, мне еще сначала учиться, потом — на фронт, но за это время много воды утечет.

Пишите мне письма чаще, а то я сильно скучаю по вас, дорогая мама. Михаил

5 мая 1943 г.

Мама, ты пишешь, что покупать или не покупать велосипед? Покупай. Он пригодится нам. Мама, я узнал, что Ваня на фронте, и сильно плакал. Но ничего — все будет хорошо. Михаил

8 мая 1943 г.

Вы хлеба больше сдавайте нам, а мы врага быстрей разобьем. Но, мама, а велосипед купи, кто-нибудь из нас один да вернется, всех собака Гитлер не полопает.

Михаил

3 июня 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамаша, и любимая моя сестрица Саша, и все родные, и знакомые. Шлю я вам свой последний из тыла привет. Отсюда, я, мама, уезжаю, неизвестно только куда.

Мама, ты только не плачь и не горюй — наверное, такая моя участь. Не один здесь я. Ты сама видела, когда приезжала ко мне, сколько нас, ребят молодых. Но скоро кончится война, и мы придем домой налаживать свой мирный труд.

Мама, Сашенька тоже пускай тебе помогает. Теперь она самая старшая в доме хозяйка — ей скоро пойдет 13-й годик. Мамка больная, и ты, Саша, помогай ей.

Саша, не забывай меня. Может, я останусь жив. Так же и ты, мама. Миша

24 августа 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамочка, и любимая сестренка Саша, и все родные, и знакомые. Шлю вам свой курсантский привет и желаю быть здравыми навсегда.

Во первых строках своего письма сообщаю о своей жизни. Живу я, мамочка, пока ничего. Мама, я во сне видел папу, и все мы ели пшеничный хлеб, и сильно я плакал ночью во сне, даже меня ребята разбудили.

Мама, как вы насчет хлебца? Если хлебец есть, то ешьте поаккуратней. Мама, пишите чаще письма, а то я сильно скучаю, особенно о тебе, моя дорогая мама. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Жди, не тужи, мама, с победой скоро придем. Мама, жди с победой!

Твой Миша

30 сентября 1943 г.

Здравствуй, дорогая мамаша, и любимая моя сестрица Саша, и все родные, и знакомые. Я вам шлю свой боевой фронтовой привет.

Спешу сообщить, что сейчас я пока не в боях, так чтобы не переживали.

Дорогая мамочка, война скоро кончится. Жди домой с победой.

Мама, адрес вам не дам, потому что я нынче здесь, а завтра там.

До свидания, мама. Миша

21 октября 1943 г.

Привет из Гомеля.

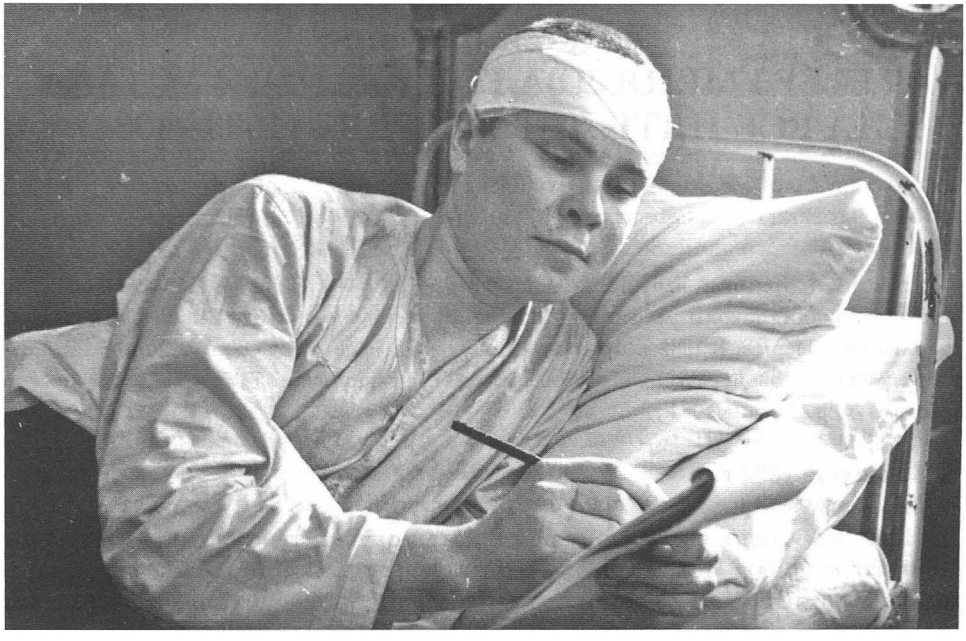
Здравствуй, дорогая мамаша, и любимая сестрица Саша!

Шлю я вам свой фронтовой привет и желаю счастья в вашей гражданской жизни.

Мама, несколько слов о себе. Жизнь моя пока ничего. Мама, на фронте я уже побыл. Две с половиной недели.

Дорогая мамочка, меня засыпало землей от разрыва артиллерийского снаряда. Но мой товарищ сержант выручил меня. Он таджик.

Много мне, мама, с молодых лет увидеть довелось страху. Мои товарищи пока в тылу, а я уж испытал фронтовую жизнь. Но ничего, мама. Ты сейчас плачешь — я знаю — но ты не плачь. Враг бежит, бросает все. В первых числах января мы будем торжествовать победу над озверелым врагом. Перетерпи, мама, я еще вернусь домой.



Фотохроника ТАСС: «Постановлением ЦК ВЛКСМ разрешен прием в Комсомол молодежи, находящейся на излечении в госпиталях. На снимке: раненый в боях за город Ленина красноармеец С. Игнатов пишет заявление о приеме в Комсомол». Фото Б. Лосина, май 1943 г. Из фондов РНБ

Сейчас, мама, я лежу в госпитале. Меня оглушило в правое ухо. Еще пока не слышу. Но скоро выпишут.

Михаил

29 декабря 1943 г.

Когда вы будете читать это печальное письмо, то я уже буду ранен или убит. Но, дорогая мамаша, я не хочу умирать, мне охота жить, я молодой, когда я вас увижу дома — тогда буду умирать.

Теперь, мамочка и сестрица Сашенька, решается вопрос, судьба моей жизни и вас — быть мне на свете или нет. Но, мама, молись за меня Богу, чтобы я остался жив.

Ваш Мишенька

Алексей Бачурин: «ТЫ БЕЗ МЕНЯ ДВА ГОДА ЖИЛА И УСТАЛА НА ВСЕ ПЯТЬ ЛЕТ ВПЕРЕД» (1983—1984)

Алексей Анатольевич Бачурин родился 2 июля 1963 г. в с. Бершеть Пермской области. После окончания школы работал на Машиностроительном заводе имени Октябрьской революции в Перми. В 1982 г. призван в Вооруженные силы СССР, в Афганистане с октября 1982 г. Рядовой, разведчик-мотоциклист. При выполнении боевого задания тяжело заболел; умер 11 июня 1984 г.

10 августа 1983 г.

Здравствуй, Мама!

Нашлось у меня свободное время, да и получил твое письмо, в котором я ничего не понял. Понял только, что ты очень сильно что-то хочешь и приготовила 300 руб. до какого-то финиша. Ну ничего, ты подумаешь, что ты хотела написать, и напишешь.

А главное, я хочу сказать, что ты когда пишешь письма, то пиши внимательней, а напишешь, прочитай. И не обижайся на меня, мне важно, чем ты без меня занимаешься, что хорошего делаешь и чего нового произошло в твоей одиноческой жизни. Мама, вот ты пишешь, что Серега Дубков уехал на Севера, что мы с ним собирались ехать вместе. Да, но я за время службы передумал куда-либо, ведь я без тебя никуда. Ты у меня же одна. Если я от тебя уеду уже по своей воле, как ты будешь жить без моей поддержки. Если бы ты жила с отцом, то можно было тебе биться, была бы помощь тебе. А после чего я мог бы уехать. А в данный момент у нас с тобой ситуация, просящая взаимной помощи. Я помогаю тебе, а ты по мере возможности мне. Ну, больше, конечно, будет помощь от меня. И я как сын обязан помогать тебе. И без тебя я не смогу пока, как и ты без меня. Вот прошло полтора года, как мы с тобой не виделись, и без помощи моей, я знаю, тебе совсем плохо, трудно. И ты не отрицай, я это знаю. Хоть я и до армии не ахти работал, но все равно была помощь. Вот только сейчас я понял, что так, как я себя вел на гражданке, вести дальше не годится. Мама, я даже стал противником к спиртному. А курить бросал, но все равно начал. Ну, это не так важно. Главное в нашей жизни — это не давать друг другу побывать в условиях тяжкого труда. Мама, я хочу тебе сказать, если тебе тяжело, сходи в исполком, тебе помогут, как после моего письма отправили Сухорослову Г. к чертовой матери из поселка. Ты извини меня за такое выражение, но сорвалось. После чего я получил оттуда бумагу с печатью исполкома. В которой мне напечатали о том, что она выселена из поселка. Так что можешь смело обращаться в исполком за помощью. И еще, мама, напиши мне подробно о том, что тебе сказали в военкомате по поводу моего возвращения домой пораньше. В смысле, насчет бумаг, [о] которых я тебе говорил. О справке, что я у тебя единственный

кормилец. Напиши, только подробно, я вот не помню, да и не понял всего, как надо. В общем, пиши, я жду. За меня не волнуйся, все идет хорошо, служба идет на убыль. Скоро приеду домой. Сначала погуляю, тебе помогу, а потом опять устроюсь на работу.

Передавай привет всей родне и бабушке. Мама, я на неделе писал Миланке письмо, в котором просил написать о здоровье дяди Сани. Ну, письма уже давно жду, а его нет. Прошло уже 2,5 недели. Может, не стоит больше вообще им писать, как ты думаешь? А? Как у вас с ними взаимоотношения? И отдали ли они тебе занятые деньги. Если не отдали, то напиши.

Ну, до свидания.

Пиши! Жду!

Целую крепко-крепко. В обе щечки, и в старые нежные губы разик (если, конечно, разрешишь).

Ну вот видишь, у меня все хорошо. Я даже шучу. Да!!! Чуть не забыл, посмотри где мой магнитофон, и кассеты перекрути. Их перекрутить можно в свободное время. Там на магнитофоне все написано, в какую сторону крутить, а втыкать [в] розетку.

[Сбоку на полях по вертикали:] Еще посмотри, нет ли в нем чего лишнего. А впрочем, сдай его на ремонт в мастерскую, может отремонтируют.

Алексей. DRA

7 февраля 1984 г.

DRA

Пр-я Кундуз

48 дней до приказа

Здравствуй, Мама!

Вот получил твое письмо, в котором ты писала про мотоцикл. Ответ написал. И не терпится ехать домой. Сменить свой КрАЗ на 6 колесах на 3 мотоциклетных. Ты говоришь, что по девкам я буду ходить пешком, ну а сено-то возить надо в конце года, остальное время что делать мотоциклу. Стоять ржаветь. Ведь ему нужна сначала обкатка, а уж потом эксплуатация. Если сразу начать возить сено, то на следующий сезон нужно брать другой мотоцикл. А денег-то не ахти сколько у нас много. Ну, хорошо, если я буду получать много. А если нет, тогда что? Ну, это будет в будущем. А пока нужно ездить, пока ездится. Я вот задумался над училищем. И, думаю, не выдержу я там от безделья. Учиться — не по моему это характеру. Сейчас я не могу сидеть без дела. Вот сейчас воскресенье, день выходной, делать совсем нечего. Я сидел и решил написать письмо. Все же нужно что-то делать. В этой части я еще ничего не знаю, идти некуда, сижу в палатке, слушаю музыку. Ребята играют на гитаре немного, учусь сам, но ничего не получается.

Ну, приду домой, может, научусь чему-нибудь. Хоть частушки какие-нибудь. Мама, вот осталось чуть больше чем 40 дней до приказа, да еще дней 50 после приказа. Вот последний раз ты вскопаешь огород одна и посадишь мелочи. Вот и я приеду. Будет тебе легче. И я немного помогу тебе. Я вот сейчас сижу и думаю, как ты там одна справляешься. Ну, вот сейчас ты будешь пенсионер-

ка, и будет гораздо легче, не надо спешить на работу, шатайся по огороду и не думай о работе.

Оставь только на меня варенья любого, я о нем так соскучился. Сейчас на уме бабушкины шаньги и блины с вареньем и медом. Тети Риты печенье разных сортов и сборник. И конечно твои пельмени и пирожки. Ох, приеду, буду сначала по гостям ходить и все пробовать. Вспоминать свою юность. Ведь 2 года юности прошли без материнской ласки и без резкого слова, которое исполняешь с большим задором. А сейчас все хочется делать с двойной силой. Вот ведь ты без меня 2 года жила, устала на все 5 лет вперед. Я с тяжестью в груди не могу дождаться своего дембеля, чтобы быстрей прийти тебе на подмогу. Пить я сейчас не могу, нет никакой охоты. Перепробовал здесь все. Ни к чему душа не лежит.

Да и какой в этом толк. Вот еще бы бросить курить, совсем было [бы] хорошо. Но не могу, здесь курево дают бесплатно, как в порядке вещей. Как получку. Да, и сидишь, когда делать нечего, волей-неволей берешь сигарету и пошел курить. Курю я меньше всех, кто курят у нас во взводе. Все по 2 пачки в день, а мне одной хватает на сутки. Денег нет, и на душе спокойно. Но ты, пожалуйста, высылай хоть по 3 рублика в месяц. Пусть лежат, их здесь никто не возьмет, здесь у всех деньги лежат в тумбочке и никто не возьмет. А если возьмут, то скажут. Так что, пенсионерка, думай сама, ну если у тебя нет сейчас денег, то не надо, потом будешь высылать. Ну, пора кончать. Передавай всем родственникам привет. До скорой встречи. Целую крепко-крепко.

Напиши, как там кукла живет. Да и ты сама. Как справила 55-ю годовщину.

Любовь Фурсова: «КТО, КАК НЕ МЫ, МАТЕРИ, ПОЛОЖИМ НА ИХ МОГИЛУ ЦВЕТОК?» (1987—1991)

Любовь Ивановна Фурсова — мать солдата, погибшего в Афганистане. Ее письма адресованы Светлане Григорьевне Павлюковой, основательнице Алтайского комитета солдатских матерей (г. Барнаул). Письма писались на протяжении нескольких лет (конец 1980-х — начало 1990-х), во время которых происходило становление и оформление Комитетов солдатских матерей в СССР и, позднее, России. Полная коллекция писем к С.Г. Павлюковой находится в архиве военно-исторического отдела Краеведческого музея Алтайского края.

16 октября 1987 г.

Добрый день, мои милые Светлана Григорьевна и Григорий Герасимович. С большим, горячим приветом к вам из г. Омска Любовь Ивановна и вся моя семья, т.е. муж Владимир Игн., сын Сергей и дочь Лариса. Приношу соболезнования по поводу гибели вашего сына Кости в ДРА. Прочитала газету, где написано про вашего сына, как мужественно и стойко он сражался с проклятыми душманами, и у меня все промелькнуло в памяти, точно так же, как ваш Костя погиб мой сынок Юра 19,5 лет, разведчик-пулеметчик. Награжден посмертно Орденом Красной звезды. Погиб 7 августа 1986 г. Напишите, когда погиб ваш сын. И если сможете, то вышлите мне фото вашего сына. Я делаю альбом — память о наших сыновьях погибших на земле Афгана. Светлана Григорьевна не буду вам описывать все, что я пережила и переживаю после гибели сына, но одно хочу сказать, что наши дети, наши кровинки не подвели ни родителей, ни Родину, ни друзей. А нужно стало, они встретили в грудь свинец, защищая южные наши границы. И мы можем гордиться своими сыновьями, они не стали ни ворами, ни предателями, ни наркоманами.

Светлана Григорьевна, мы должны хранить память о наших милых сыновьях, как бы нам ни было больно. Мы этими руками вырастили их и этими руками должны ухаживать за могилками наших милых ребят. Если вы мне ответите на письмо, то в следующем письме я напишу подробно все о себе и о сыне. Я переписываюсь со многими матерями, которые потеряли своих детей в ДРА. Но Костя погиб точно так же, как и мой Юра. Юра вел бой против 60 душманов. У вас есть еще сын, где он живет — с вами или в другом городе? У меня сейчас нет ближе и милее матери, которая потеряла сына в Афганистане. Получу письмо, и мне становится легче. До свидания.

С уважением мать солдата погибшего в Афганистане. Пишите, с нетерпением жду ответа от вас.

г. Омск.

Я очень прошу вас, вышлите фото Кости, мне нужно в альбом. Я вам вышлю фото Юры позднее, как только перефотографируют, сделают штук 12. Нужно многим посылать.

До свидания.

С праздником, мои дорогие и милые мне человеки, будьте здоровы. Пишите.

7 марта 1987 г.

Здравствуйте, мои милые Светлана Григорьевна и Григорий Герасимович, привет также сыну с семьей. С большим приветом к вам из г. Омска Любовь Ивановна, еще шлют привет моя семья Владимир Игн., Сережа и Лариса. И все мы вам желаем крепкого здоровья и успеха во всех ваших делах. Светлана Григ., получили от Вас письмо, так была рада, что не могу даже описать. Спасибо за стихотворение о Косте, я его перепечат. на машинке и вставлю в альбом, где будет Костя. Лариса носила в училище, читала всей группе, она хорошо читает стихи. Светлана, вернуть нам наших сыновей нельзя, а забыть о них невозможно. Память о наших милых сыновьях должна греметь как Набат над всеми дорогами века. Светлана, Юра мой в 1967 г. рожд. 29 янв. В армию взяли 13 окт. 1985 г. Учебку проходил в г. Чирчик Ташкентской обл. Я 2 раза к нему ездила на присягу и когда отправляли в Афганистан. В Афне от прослужил всего 4 мес. Он был разведчик-пулеметчик. Был дан приказ задержать караван с оружием. Юра с другом из г. Севастополя Андреем Кобыльченко были на переднем фланге, немного подальше еще было 2 ребят. Один с Душанбе, другой с Эстонии. Юра первые заметили мятежников и открыли огонь. Бой был неравный, враги наседали со всех сторон, но ребята не дрогнули, они косили проклятых духов. Юра уничтожил 12 мятежников. Они не могли взять их живыми и закидали гранатами. Это нам рассказал парень, который служил там же, а сейчас вернулся домой. Вот так погиб мой сынок. Мужественно шагнув в бессмертие. Милая моя Светлана, так хочется встретиться с вами, прижать вас к своей изболевшей груди и все-все говорить о наших милых детях. Вот подходит праздник, но как мы его будем встречать. Но, Светлана, мы должны жить ради памяти наших сыновей. Какие у вас изменения в жизни произошли. У нас все без изменений. Только обещают квартиру за Юру. Как получу квартиру, сразу дам вам знать, и вы с мужем приедете к нам в гости. Я сейчас по больничному, грипп, 10 выхожу на работу. До свидание мои хорошие.

Жду ответ.

Без даты

Добрый день, мои милые Светлана Григорьевна и Григорий Герасимович, привет сыну с семьей. А также большой привет от всех нас. И все мы желаем вам только хорошее, а плохое пусть уйдет далеко. Как вы поживаете, мои хорошие. Мы живем помаленьку. Живем памятью сына. Лишний прожитый день, это лучшая память нашим сыновьям. Светлана, я часто задаю себе один вопрос:

Почему все не так?
Вроде все, как всегда...
То же небо опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух
и та же вода.
Только они, наши милые сыновья, не вернулись из боя.

Но так устроена, Света, жизнь, и мы их должны помнить и знать всех поименно. Они это заслужили. Я вечером всех ложу спать, утром поднимаю. Целый день мыслью с ними, моими милыми детками, которые прилетели ко мне в мое теплое гнездышко. Светлана, жду фото Кости большое в альбом и на тумбочку рядом с Юрой, будет стоять утопая в цветах зимой и летом. Они это заслужили своим подвигом.

Въезжать будем к 7 ноября. Светлана, получили квартиру в 12-этажном доме, этаж 9, два лифта груз и пассажирский, 2-комн., полезная площадь 31,7. Милости просим ко мне в гости, поговорим, поплачем, вспомним и помянем наших деток. Не плачь, Света, береги себя.

И пусть помнят те,
Которых мы не знали.
Нам страх и подлость
Были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна
И умирали
За эту жизнь, не кланяясь свинцу.

Это так поступили наши с вами дети. —

Светлана знайте и помните, что вы с Костей в моем сердце находитесь на всю оставшуюся мою жизнь. Света, если я еду на могилку к Юрочке, везу цветы для всех ребят и кладу их на могилку и всех поименно вспоминаю, моих милых ребят.

Костю Павликова, Герой Союза
Сашу Мироненко, — // —
Сашу Стовбе
Игоря Коносова
Андрюшу Кобыльченко
Сашу Харламова
Витю Тарасова

Это ребята, с матерями которых я переписываюсь, т.е. у которых такое же горе, как и у меня.

До свидания, с уважением Любовь.

8 ноября 1989 г.

Здравствуйте, мои дорогие. С большим, горячим приветом к вам Любовь Ивановна и вся моя семья. Милая Светлана, получила от тебя письмо и книгу,

большое спасибо за то, что вы есть. Читала несколько раз про милого Костю, и все время слезы текли рекой. Вспоминала сразу своего сыночка, он так же погиб геройски, уничтожил 12 душманов. Их окружило человек 60, и они вдвоем с другом Андреем из г. Севастополя вели бой против такой орды.

Света, извини, что долго не отвечала на письмо. Приезжал с Украины друг Юры, что были в бою наши ребята, погибли 4, а он был тяжело ранен. И вот приехал отдать дань уважения Юре, был у нас 7 дней. 2 раза ездили на могилку. Тяжело слов нет, но жить надо, Света, ради памяти наших детей. Андрей все рассказал нам, как погиб Юра — но в письме все не опишешь, при встречи все расскажу. А встретиться мы должны обязательно. Приезжала ко мне из г. Алма-Ата мать солдата, тоже погибшего в Афгане. Зовет к себе в гости, но времени пока нет. До пенсии осталось работать 11 мес. Получили дополнительные льготы: 50% скидка с подоходного налога, проезд раз в год 50% по железной дороге и бесплатный проезд в трамвае, троллейбусе, автобусе. Пишите, получили-нет вы? Скоро дадут удостоверения. Светлана, пиши, как вы живете, как здоровье всех. Как внуки растут.

Сегодня работаю 8, 9, 10, а 11, 12, 13 отдыхаю. Ну что еще написать тебе, моя хорошая. Жизнь наша в слезах да в горе. За что так сурово нас Бог наказал, отнял у нас наших деток. Погода у нас стоит теплая, но был снегопад, а сейчас тихо. До свидания, крепко обнимаю и жду ответ.

Жду, пиши, милая моя Светлана.

Без даты, предположительно 1991 г.

Добрый день, моя милая Светлана. Большой привет мужу и сыну с семьей, а также примите большой привет от моей семьи, мужа и дочки с зятем. Ну что можно сказать о своей жизни. Света, наша жизнь матерей-афганцев, чьи дети погибли на земле Афганистана, одинакова у всех: слезы, боль в сердце и не заживающая рана. На всю оставшуюся жизнь. Но надо жить ради памяти наших деток. Кто, как не мы, матери, положим на их могилу цветок. Как вы живете, Светочка. Что нового. Жду вас к себе в гости. Будет возможность, приезжай, моя милая, ко мне. Обо всем поговорим, поплачем, вспомним наших детей. Светлана, мы с мужем живем вдвоем, дочка вышла замуж. Живет у него. К Юре на могилку ездим часто. Думаю, вы тоже летом к Косте ездите часто. Как внук растет, часто-нет пишет Люба. Как внучка, в общем, все пиши. До свидания. Крепко обнимаю и целую такую же горемычную мать, как я. Пиши, Света.

Александр Лемзяков: «НУ, ВСЕ, МАМАНЬ, ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖДУ ОТВЕТА» (2000)

Александр Сергеевич Лемзяков родился 28 марта 1981 г. 21 июня 1999 г. был призван в армию из г. Сормово, служил в Псковской десантной дивизии. Гранатометчик. 8 июня 2000 г. во время разведывательно-поисковых действий в районе с. Энгеной БМП, в которой находились военнослужащие, подорвалась на радиоуправляемом фугасе. Александр погиб при взрыве. Письмо получено в день смерти.

Без даты, май или июнь 2000 г.

Привет, Мам!

Пишу тебе уже третье письмо, а ответа так и не получил. Служу я сейчас в Республике Чечня, но сразу спешу успокоить, что у меня все в порядке. Срок службы здесь идет день за два, считай, полгода отслужу здесь, приеду в дивизию, и еще три месяца, и домой. Да и денег заработаю, а деньги немалые. Не знаю, что писать, да и не знаю, дойдет ли это письмо? Одним словом, как приеду, мам, сядем, и я Вам все расскажу. Немного расскажу о природе и местном климате. Ну, природа здесь, разумеется, просто отпад, правда, про погоду такого не скажу, дожди, слякоть, бывает даже снег с дождем. Сбылась мечта идиота, помотаться по белу свету, теперь и сам не рад; не помню, когда последний раз спал нормально и ел, с сигаретами тоже напряженка, но ничего, переживем, «однажды я приеду». Назиму от меня огромный привет, пацанов, если увидишь кого, тоже — десантский привет. Напиши, как у тебя здоровье, это самое главное, а «остальное купим», как у Назима, как дела с работой у вас обоих? Ну, все, мамань, по-прежнему жду ответа.

Крепко целую и обнимаю со всей любовью к тебе, твой сын.

(Подпись)

P.S. Мам, чуть не забыл, если есть возможность прислать посылку, пожалуйста, буду рад (сигареты «Прима», заварка, сгущенка и т.д.).

Жду ответа!

Похороны военнослужащего, погибшего в Чеченской Республике. Барнаул, 1995 г.
Автор фотографии неизвестен. Из архивов Алтайского государственного краеведческого музея

XIII. УТРАТЫ ВОЙНЫ

Что будет завтра сказать трудно, буду ли жив или мертв и валяться в кустах, как до сего времени валяются трупы. Смерть приходит неожиданно и там, где ее меньше всего ожидают.

Из письма Михаила Мишина с фронта, 21 декабря 1939 г.

Ирина Сандомирская

«МЫ УЕЗЖАЕМ, КУДА НЕИЗВЕСТНО, ТОЛЬКО НЕ СКУЧАЙТЕСЬ»: ЧИТАЯ ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Представленный в этом сборнике материал собран из отвалов исторического исследования, из отходов индустрии памяти. Как источник исторических данных, эти письма слишком фрагментарны и, будучи собраны с миру по нитке, не могут считаться репрезентативной выборкой. Они не сообщают новой информации и не дополняют наши знания никаким для историка существенным образом. Также не имеют они и литературной ценности, не блещут ни качеством, ни необычностью языка.

Собрание писем в данной главе правильнее было бы рассматривать как выставочную экспозицию, в которой они представлены в качестве экспонатов, типичных экземпляров или даже вещественных доказательств, но не в качестве корпуса текстов-источников. Не претендуя на полноту охвата, они лишь репрезентируют отдельные коллекции, а вместе с тем и коллекционирование как таковое. С точки зрения научной дисциплины коллекционирование — занятие не самое квалифицированное, с точки зрения просвещенного и материально не заинтересованного интереса к прошлому — не самое чистое. Это скорее времяпрепровождение для удовлетворения частного интереса, продиктованное зачастую жадностью скорее, чем жаждой знания, и потому подверженное разного рода «гарпагонианам». Коллекционирование — это собирание и азартный обмен в области заведомо пустых фетишей, таких как девичьи сны и обрезки ногтей[1]. Вдвойне заведомо пуста, если не прямо утопична идея не только собирать, но и репродуцировать такие коллекции, издавая сборники или дигитализируя экспонаты. Ведь историческая ценность не прирастает, когда оригинал превращается в копию, а аутентичность не зависит от количества пикселей.

Казалось бы, все так. Однако Вальтер Беньямин увидел в коллекционировании нечто совсем другое, а именно интерес к материальности истории, стремление способствовать не только просвещению аудитории, но и просветлению самого предмета коллекционирования, утверждению предмета коллекционирования в его собственной значимости, не зависящей ни от его полезности в качестве средства для укрепления исторического знания или патриотического духа, ни от его цены при обмене и продаже. Коллекционирование способствует демократизации исторического интереса, а главное — умению в соприкосновении с подлинным артефактом переживать прошлое так, как будто оно — буквально — касается нас сегодня, способности мыслить и оценивать историю с точки зрения актуальности нынешнего дня. Коллекционирование — это совсем особая форма критики исторического знания и работа по формированию исторического сознания —

[1] *Вагинов К.К.* Гарпагониана // Вагинов К.К. Полное собрание сочинений в прозе. СПб.: Академический проект, 1999. С. 335—432.

через прикосновение к живому прошлому, в каком бы заурядном обличье оно ни явилось. Любовно собирая и сохраняя, перебирая свою коллекцию, коллекционер посильно просвещает и просветляет: он раздувает в прошлом искру надежды для будущего, как сказал коллекционер Вальтер Беньямин[1]. Читая чужие письма из коллекций, вошедших в этот раздел, я надеюсь на «искру надежды».

Как же читать эти письма? Составители настаивают на их публикации целиком — в отличие от стандартных публикаций в сборниках исторических документов, где редакторы выхватывают фрагменты, по их мнению, представляющие ценность. Но что такое *воспроизвести целиком* и как, на самом деле, возможно *воспроизведение* чего бы то ни было в *целостности*? Воспроизведение оригинала не возвращает нам сам оригинал — он лишь создает его образ. Поэтому в любом воспроизведении, как бы тщательно оно ни воспроизводило, всегда будет не хватать самого главного, а именно того самого, что стало предметом воспроизведения. Оригинал вроде бы и присутствует в воспроизведении, и в то же время абсолютно, непоправимо, невосполнимо отсутствует. Похоронив сына, мать павшего на войне солдата обретает его вновь, но только лишь в воспроизведении: в документах и фотографиях, в переписке с товарищами, в общении с командирами, в любви к однополчанам сына, которые как будто заменили ей сына, стали ей как собственные дети. Сын воспроизводится в этих образах, которые одновременно свидетельствуют о безвозвратности его ухода. Воспроизведение свидетельствует об оригинале и одновременно об утрате оригинала. А чему становится свидетелем читатель, читая воспроизведенное?

Письмо — это документ самого частного свойства, если его вообще можно считать документом. Интимнее письма может быть только дневник — и то только если дневник в своем замысле предназначается, например, к сожжению, но не к прочтению. Интимное — значит внутреннее, а не внешнее, т.е. предельно близкое: не только адресату, но и событию, которое описывается. Ближе к событию уже подойти нельзя (и, читая письма, мы убеждаемся, что действительно ближе — невозможно: язык овнешняет и внутрь не пускает).

От письма, говорящего из предельной приближенности к событию, мы, читатели коллекции, ожидаем истины в предельной истинности, в последней инстанции. В последней в буквальном смысле: здесь, в этом разделе, перед нами письма, написанные уже как бы с той стороны. Это касается не только предсмертных записок погибших солдат, но и писем оставленных ими близких. Призывы матери к однополчанам и командирам, просьбы рассказать — еще и еще — о последних днях убитого сына, прислать — еще и еще — фотографии обращаются уже как будто не «отсюда». Залетейским ветром веет и в мире ее повседневности, который она описывает в письмах: в известиях о погоде и о прокисшем маринаде, о душистой малине в лесу и о варке варенья, в советах лечиться от ран медом, в жалобах на армейских бюрократов и в нескончаемых просьбах: не забывать. Что еще, казалось бы, может быть истиннее такого рода потусторонней речи, какая инстанция может быть более последней, чем эта?

Однако, читая чужие предсмертные и посмертные письма и желая приблизиться вместе с их отправителями и получателями к самому последнему пределу,

[1] *Benjamin W.* Eduard Fuchs: Collector and Historian / Transl. by K. Tarnowski // New German Critique. Spring, 1975. № 5. P. 27—58.

ожидая проникнуть умственным взглядом в какое-то последнее знание последних вещей, мы неизменно разочаровываемся. Не только в смысле исторических данных, но и в смысле откровения эти письма чрезвычайно бедны: «привет с фронта», «получишь аттестат», «выполнил долг перед Родиной», «сражен коварной пулей врага», «ухаживаем за могилой». Где тут экзистенциальная или хотя бы историческая истина? Если это документ, то что он документирует? Если микроисторическая «улика» — то какого преступления и чьей вины?

Здесь, казалось бы, все всех простили: мертвые — живых, живые — Родину и Сталина; все проявили «твердость духа», не «огорчились» и не «расстроились», не «распустили нюни», «отнеслись с пониманием и мужеством»: «это жизнь». Тут не за что зацепиться: цензору — в поисках крамольного иносказания, историку — в поисках исторического противоречия. Для социальной истории письма рядовых граждан отчасти представляют ценность как свидетельства о повседневности — но в нашем случае их ценность незначительна и, кажется, утопает в риторике. Для историков войны они могли бы отчасти послужить для изучения «настроений» (на этот предмет читали доносы и люстрировали письма в органах безопасности военного времени — их тоже, как и нынешних историков, очень интересовали «настроения»). Но и «настроений» здесь не особенно много, за исключением тех, что предписаны режимом войны: твердость духа, ненависть к захватчику, готовность бороться до последней капли крови, фронтовая дружба, уважение к матери, верность памяти.

«Истина в последней инстанции» — излюбленная литературой «правда жизни», или «поэтика войны», если использовать выражение составителей этого сборника, — являет себя как будто бы отрицая сама себя: в банальности мысли, в бедности желания, в неаутентичности языка. Не только похоронки представляют собой поспешно заполненные бланки (интересно было бы видеть, какими типографскими тиражами они печатались). Глубоко личные чувства, адресованные также глубоко лично и по глубоко личным мотивам, тоже пишутся по дискурсивным лекалам. Две деревенские подружки описывают в письме матери обстоятельства гибели сына, утешают, обещают помнить и ухаживать за могилой. Сложные экзистенциальные движения выражены не менее штампообразно, чем клише официального похоронного извещения. (Хоть и более стилистически разнообразно — в этом письме — целая мозаика из бюрократического языка, лозунга, массовой лирической песни, архаической заплачки, например: «Все кладбище стонало от голосов гражданского населения».)

Только в одном звене, казалось бы, разрывается несобственная речь и ритуальный жест: в абсолютно индивидуальном обращении, предваряющем едва ли не каждое предложение, не обращения даже, а крики: «Тетя! Тетя! Милая тетя Мария Павловна!» Письмо написано предельно обобществленными фразами, но этот крик возвращает слову его подлинность в качестве имени собственного: имени, которое называет нечто заведомо неповторимое и невоспроизводимое, единственное на свете. Называет — и призывает, именует — и зовет[1].

[1] *Benjamin W.* On Language as Such and the Language of Man // Benjamin W. Reflections: Essays, Aphorisms, Autobiographical Writing. New York: Schocken Books, 1986. P. 314—332.

Обобществленное — отчужденное и не-собственное — слово общего лексикона, с одной стороны, и, с другой, точечно направленное, единичное, одно-единственное имя-призывание в этих письмах неотличимы друг от друга. Их трудно описать в качестве отдельных социолектов или разных поэтических приемов, которые можно было бы противопоставлять друг другу. Здесь невозможно различить, где говорит голос идеологии, а где — «одинокий голос человека». Ведь и призывы тоже бывают разные: призыв в армию, например. В социальных взаимодействиях между человеком и идеологическим аппаратом со своими дискурсами и институтами аппарат как бы «окликает» человека. Окликом (со стороны аппарата) и откликом (со стороны индивида) конституируется субъектность[1].

Но этой схемы интерпелляции недостаточно, чтобы понять политический акт выбора. «Поэтика войны» — как политика субъекта речи в акте высказывания — не ограничивается перебором приемов речи из заданного лексикона, но руководствуется собственным решением. «Милой тете» можно писать — а ведь можно и не писать; написав, можно при этом назвать не «тетей», а, например, «гражданкой такой-то». Даже в поэтике больших аппаратов остаются зазоры, микроскопические пространства собственных решений. Если смотреть на ситуацию из этого микроскопического уровня, то можно наблюдать превращения «большой» схемы интерпелляции во что-то иное. Здесь уже не полицейский или военный режим «окликает» человека, но сугубо индивидуальный опыт обращается к языку аппарата, используя его страшные слова и образы в качестве идиом своего собственного малого мира близких взаимодействий. Война же — это катастрофа опыта, взрыв исторической, политической и экзистенциальной непрерывности в опыте отдельной жизни. В ней опыт неизмеримо малого и язык тотального большого обретают друг друга в совместной деструкции.

Обращаясь к чтению чужих писем, мы не столько ищем в них поэтику войны, сколько втайне надеемся найти там живое свидетельство об опыте катастрофы. Само сочетание слов «опыт» и «катастрофа» предупреждает о невозможности такой постановки вопроса и о тщетности нашего вопрошания. Опыт обретается в повторении — катастрофа же всегда одна, одна-единственная, и ее невозможно ни развернуть назад, ни затормозить, ни объяснить уже обретенными (в опыте) категориями.

У катастрофы, тем не менее, есть свои пространственные и темпоральные категории, деструкция — это тоже хронотоп своего рода, хронотоп-взрыв. Приметы безликого военного пространства — болота, дремучие леса, бездорожье — описываются солдатом на марше не ради пейзажа, а как своего рода устная карта, ни с чем не сообразные, ни в какую точку не ведущие, но все-таки координаты, позывные: «интересуйся Петрозаводским направлением», «запомни по (радио) сводке» (с хх), пишет он жене, имея в виду, что из сообщения Совинформбюро она примерно вычислит, где он, может быть, будет убит.

Или вот так закручивается и гудит время-пространство: «29/30.11.39 г. [...] Я сижу в штабе и пишу тебе это письмо, когда за окнами землянки идет митинг. Когда услышишь по радио, то знай, что я шагаю *уже* далеко... и кругом будет

[1] *Althusser L.* Essays on ideology. New ed. London: Verso, 1984. P. 11.

Фотохроника ТАСС: Разгром немецких оккупантов в районе Тихвина. Одно из фашистских кладбищ на улицах города. Фото В. Тарасевича, 1943 г. Из фондов РНБ

стоять гул. Это будет рано утром...», «16.11.95 я уезжаю в Чечню. Когда вы получите это письмо я *уже* буду там».

«Еще» и «уже»: показатели времени и места в хронотопе войны. В грамматике такая структура времени («когда вы получите... *уже* буду», «когда ты услышишь... знай... я шагаю *уже* далеко») назвается *futurum perfektum* или *futurum exactum*. Будущее, которое еще не наступило, но уже совершилось. Событие, которое еще не случилось, но уже произошло. Фронтовое письмо свидетельствует о времени и пространстве катастрофы какими они предстают изнутри взрыва: разбегающееся, разлетающееся во все стороны пространство, уже пришедшее к своему концу, еще не начавшись, время. Момент написания письма, как и положено в свидетельском показании, заверяется личной подписью: «твой муж, отец и сын», «любящий до могилы». Последнее распоряжение: «Знай!» И дата, обязательный атрибут даже самой личной, самой повседневной фронтовой переписки, тоже своего рода позывной и показание: такого-то числа, там-то — *еще* писал, был *еще* жив.

В посланиях из катастрофы все служит свидетельствованию последней воли, все есть завещание — и даже слово аппарата становится словом-заветом: «...умереть за Родину не позор [...] война без потерь не бывает [...] Ну а теперь простите меня во всем, и я вас прощаю также». В частном письме даже самые обобществленные, самые страшные слова — например, «Родина» — становятся свидетельствами. Катастрофа отвердевает в форме слова, так и оставшись нена-

писанной[1]. Или скажем так: хоть и ненаписанной, но зафиксированной именем, датированной и засвидетельствованной подписью; в акте свидетельствования поэтика и политика неразделимы.

Вот об этом невозможном в принципе «опыте катастрофы» мы и стремимся узнать, читая чужие письма, подглядывая за чужими людьми в момент, когда они все еще стоят на ее, катастрофы, пороге. Мы обращаемся к опыту не для того, чтобы понять катастрофу, а чтобы понять, как ее можно пережить (или не пережить) и засвидетельствовать. Читая чужие письма, мы не просто разбираемся со словами и фактами. Наоборот, ни слова, ни факты не имеют здесь значения. Читая, мы становимся свидетелями свидетельствования — и именно как таковые мы собираем эти свидетельства в коллекции, чтобы сохранить их в их целостности, чтобы просветлить их темный смысл, чтобы «раздуть искру надежды» и просветлить этой искрой не менее темный смысл нашего сегодня. Ради этого свидетельствования свидетельствования мы воспроизводим их целиком, даже ценой искажения оригинала при репродуцировании[2]. Как объекты исторического интереса они малоинформативны и в результате воспроизведения теряют всякую аутентичность. Однако как акты свидетельства, в результате нашего, как читателей, свидетельствования о них, они становятся с каждым новым прочтением только все более и более актуальными.

[1] «Ungeschriebenes, zu // Sprache verhärtet» (Paul Celan, из стихотворения *Á la pointe acerée,* цит. по: *Derrida J.* Shibboleth: For Paul Celan // Derrida J. Dutoit, Thomas & Pasanen, Outi, Sovereignties in question: the poetics of Paul Celan. New York: Fordham University Press, 2005. P. 2—3).

[2] О свидетельствовании свидетельствования: *Derrida J.* «A Self-Unsealing Poetic Text»: Poetics and Politics of Witnessing // Revenge of the Aesthetic: The Place of Literature in Theory Today / Ed. M.P. Clark. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2000. P. 179—207; интерпретация этого текста Деррида в: *Sandomirskaja I.* Derrida on the Poetics and Politics of Witnessing // Ruin H., Ers A. (eds). Rethinking Time: Essays in History, memory, and representation. Södertörn Philosophical Studies 10, 2011. P. 247—256.

Михаил Мишин: «ЖИЗНЬ НА ВОЛОСКЕ. ВОТ И ВСЕ» (1939—1940)

Михаил Алексеевич Мишин родился 31 декабря 1894 г. в д. Горка Вологодской губернии. До советско-финской войны жил в Петрозаводске. Во время войны служил в звании старшего лейтенанта в 208-м стрелковом полку 18-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 8 февраля 1940 г.

29—30 ноября 1939 г.

29/30—11.39 г.

Добрая ночь, Милая Лиля, Валик, мама, и Лидуся!

Письмо получил. Сердечно благодарю и очень бываю рад твоим письмам. Пока жив-здоров. За ноябрь тебе послал с казначеем 400 руб., вероятно ты их получила. Впредь ты будешь получать деньги из Петрозаводского учвоенкомата, каждомесячно по 450 рублей. Тебе на руки наша в/часть выдаст аттестат, и ты по нему будешь получать деньги. Нового в жизни ничего нет. Я сижу в штабе и пишу тебе это письмо, когда за окнами землянки идет митинг. Когда услышишь по радио, то знай, что я шагаю уже далеко... и кругом будет стоять гул. Это будет рано утром. Запомни [нрзб.] по сводке.

Целую вас всех крепко, крепко, особенно тебя, Лиля, и милую дочку. Поцелуй за меня маму.

Теперь пожелаю вас всех наилучших благ в жизни.

До свидания, до свидания...

Твой муж, отец и сын

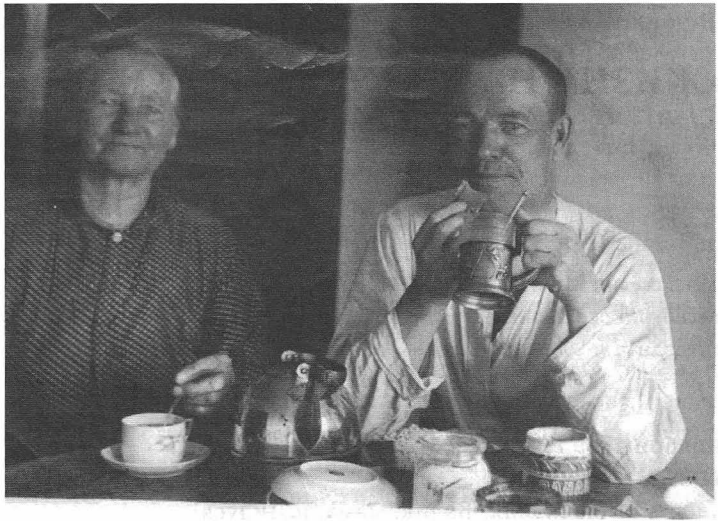
Михаил

8 декабря 1939 г.

8/xii — утро, окоп.

Здравствуй, милая Лиля!

Недавно получил от тебя последнее письмо, но тогда в силу обстоятельств носил в кармане нечитаным два дня. В свободную минуту его прочел и очень был рад за твое милое отношение ко мне. Сейчас [нрзб.]. Дорога была очень трудной, болота, дремучие леса, бездорожье, если не считать одной дрянной дороги [нрзб.] подступа к нему. На пути ряд преграждающих рек. Дорога на всем своем протяжении маскирована сеткой, а также были маскированы и прилегающие к дороге [нрзб.]. Бойцы штаба получили ранения не только в сражениях, но и без таковых [нрзб.]. Идем строго в западном направлении с целью пересечь железную дорогу. Она близко, 10—15 км. Интересуйся «Петрозаводским» направлением. Пока жив и здоров. Целую всех [нрзб.].



М.А. Мишин с матерью. Петрозаводск, май 1939 г.
Из коллекции сайта «Зимняя война» (http://winterwar.karelia.ru)

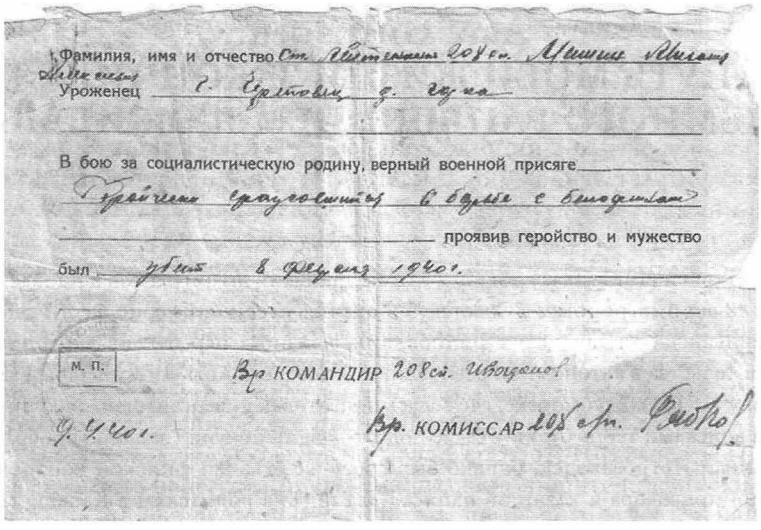
21 декабря 1939 г.

21/XII-вечер. Здравствуйте, милые и дорогие мои Лиля, Лидуся, мама и Валик.

Давненько не писал, не позволяла обстановка. Плохая обстановка. Все время в движении, хоть медленном, но в движении по несколько километров в день. Опасная обстановка. Снайпера финнов все время обстреливают и днем и ночью. Многих бойцов выводят из строя. Сейчас сидим в окопах. Все время в них. Домов нет: финны все жгут, не оставляя ни одной постройки жилой. Изредка торчат сараи, остальное все предано огню. Жителей нет, не встречали ни одного человека. Кругом лес, лишь изредка идет дорога, да торчат бугры, скалы. Пришлось пережить несколько опасных моментов, не говоря про визг пуль, которые часто свистят и уносят дорогие для Советского Союза жизни. Иногда лежишь и не поднять головы. Стрельба в большинстве случаев идет со всех сторон. Трудно даже понять, где наши и где наш враг. Несколько дней [назад] упал в трех шагах снаряд и не разорвался и тем самым спас мне жизнь. Лишь снег обдал вместо железа. Много снарядов не рвется, то есть дают клевки. Приблизительно до 50% не рвется, а это хорошо. Несколько дней назад в домик, где находился штаб батальона, упал снаряд, пробил стену, разрушил печь и ушел в подполье, не причинив вреда бойцам. А что бы могло быть, если бы снаряд разорвался. Тогда бы была сплошная мясорубка.

Что будет завтра сказать трудно, буду ли жив или мертв и валяться в кустах, как до сего времени валяются трупы. Смерть приходит неожиданно и там, где ее меньше всего ожидают. [нрзб.] Много, много жертв. Финны упорно дерутся, дерзки, смелы. Целую вас всех много раз. Пишите, рассчитываю еще поприветствовать тебя живым. Дымом глаза съело. Целую, будьте здоровы. Целую тебя, [нрзб.].

Михаил


Фамилия, имя и отчество Ст. лейтенант 208 сп. Мишин Михаил Алексеевич
Уроженец г. Орехово-Зуево
В бою за социалистическую родину, верный военной присяге
Геройски сражался в бою с белофиннами
проявив геройство и мужество
был убит 8 февраля 1940 г.
М. П.
Вр КОМАНДИР 208 сп. Иванов
Вр. КОМИССАР 208 сп. Фомин
9/II 40 г.

Извещение о том, что М.А. Мишин, «в бою за социалистическую родину, верный военной присяге, героически сражавшийся в борьбе с белофиннами, был убит в феврале 1940 г.», адресованное его жене Е.И. Мишиной. Из коллекции сайта «Зимняя война» (http://winterwar.karelia.ru)

31 января 1940 г.

Милые и дорогие Лиля, Валик, мама и дочь.

Пока жив, здоровье постепенно катится вниз. Чувствуется простуда, болят зубы, пухнет кость правой руки, сильный кашель. Жизнь на волоске. Вот и все. Жду смены и не дождусь.

Целую всех вас и крепко жму руки. Целую особо свою милую и дорогую дочь.

Муж, отец и сын Михаил

31 января, 5 ч. утра.

Аате Питкянен: «ПУТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ ЗАКОНЧИЛСЯ НЕМНОГО РАНЬШЕ, ЧЕМ Я ОЖИДАЛ»

Аате Питкянен (1913—1942) родился в семье финских иммигрантов в Канаде. В 1931 г., в возрасте 18 лет эмигрировал в Советскую Карелию среди примерно шести с половиной тысяч американских и канадских финнов, привлеченных перспективами социалистического строительства в автономной республике. В начале войны Питкянен был завербован в спецшколу НКВД в Беломорске, где велась подготовка диверсантов на оккупированные финскими войсками территории. После подготовки он получил задание пробраться в оккупированный Петрозаводск, однако был сразу же схвачен финской контрразведкой. В ожидании приговора и казни он написал два письма родителям в Канаду. Поскольку Канада в то время уже находилась в состоянии войны с Финляндией, после расстрела Питкянена комендант тюрьмы сохранил письма в своем архиве. После его смерти в 1999 г. его сын Юкка Лехесвирта, журналист из Хельсинки, обнаружил письма и отправил их в Канаду, где они были получены 90-летней сестрой Аате Питкянена, Тайми Дэйвис. В 2004 г. судьба Аате Питкянена, его семьи и его писем стала сюжетом для фильма «Letters from Karelia» («Письма из Карелии», NFBC, реж. Келли Саксберг).

10—12 июня 1942 г.

Ээнислинна[1],

дорогие родители, отец и мать!

Во-первых, большое спасибо вам за письмо, которое получил прошлой осенью. Оно было в пути четыре месяца и адресовано еще в Петрозаводск (теперь — Ээнислинна). Я получил его в Медвежьегорске после захвата Петрозаводска. Оно было для меня большой радостью, поскольку я и не ждал от вас письма. Также получил фотографии, которые подтверждают ваше доброе здравие. Ваши фотографии — это все, что есть у меня сейчас за исключением собственного мусора и того, что осталось в памяти. Остальное съела война. Сохранилось лишь пара чемоданов, с которыми может путешествовать Лилия.

Было приятно слышать, что у вас сейчас стало больше работы и доходы выросли, хотя, конечно, для вашего возраста вы и так славно поработали. Я также плохо себя ощущаю, так как не могу помочь вам никоим образом, хотя как вы и сами знаете это сейчас невозможно. Когда все-таки война закончится, и моя судьба будет решена, то все, что невозможно, станет возможным.

Прошлым летом после начала войны Лилия ездила домой в Бузулук, она тогда уже была беременна. 10 ноября 1941 г. она родила там здорового мальчика, Альфреда. Он родился тяжелее обычного и растет здоровым. Всю осень и зиму мы переписывались с ними и, хотя, к нашему обоюдному сожалению, я еще не

[1] Äänislinna, дословно «Онежская крепость» — название Петрозаводска, использовавшееся финскими оккупационными властями в 1941—1944 гг. (*Прим. А.Ю. Осипова.*)

видел сына, мы решили провести это лето вместе. Они могли бы приехать в Сороку (Беломорск), где я находился до недавнего времени, или я мог бы приехать к ним в отпуск.

Я все-таки очень счастлив, что не был ни в армии, ни на войне ни одного дня, так как был прикреплен к телефонной станции в начале войны. Когда же в этой войне мы потеряли много станций, и такого количества рабочих стало не нужно, то я оказался в заключении и сейчас нахожусь в ожидании приговора. Обвинение серьезное, и надежд выбраться невредимым остается немного.

Я беспокоюсь только, что не могу написать или помочь семье и они не знают о моей судьбе.

Отец, ты сделал правильно, что вовремя отправился отсюда в Канаду, не пострадав от войны, и не оказался отделенным от дома и от семьи, как я. Надеюсь, что скоро закончится эта проклятая война, и я если останусь жив, то надеюсь увидеть семью и вас. Если будете писать Лилии, то ее адрес такой:

СССР, Чкаловская обл., гор. Бузулук, ул. Серго, 51, Питкянен Л.П.

Если не сможете перевести письмо на русский, пишите по-фински.

Хотел написать финским родственникам, но не помню их имена и адреса. Адрес Айно (жена Аату) вроде был у меня.

Больше писать не о чем. Передавайте последние приветы Тайми [брату автора] и его семье.

С сердечным приветом, всегда помнящий вас сын

[Приписка]

12 июня 1942 года. Теперь все разъяснилось и ответ писать не нужно. Уже завтра я буду покоиться с миром в земле. С прощальным приветом, Аате

12 июня 1942 г.

Ээнислинна

Дорогие отец, мать и Тайми!

Пишу еще немного, поскольку у меня есть сутки. Так получилось, что путь моей жизни закончился немного раньше, чем я ожидал. Я всегда надеялся еще встретить вас, особенно сейчас, когда моя семья только родилась. Я надеялся, что после войны мы могли собраться вместе и помогать вам, тем более что вы в этом сейчас нуждаетесь. Но судьбе было угодно распорядиться по-другому, в конце концов, уже и так ушло столько парней, которые были лучше меня.

Я хочу лишь в последний раз поблагодарить вас за мое появление на свет и воспитание меня, в котором я не могу вас упрекнуть.

Если сможете, вспоминайте хотя бы письмами о моей жене Лилии и сыне Альфреде. Лилия отличная жена, и мы с ней прекрасно ладили. Конечно, мы не ожидали такого конца и не думали расстаться дольше, чем на несколько месяцев.

До свидания, дорогие родители,

Я недолго буду грустить, скоро это уже случится.

Еще раз прощайте,

Ваш сын Аате

Перевод с финского языка Александра Осипова

Мовли Оздоев: «ТРУДНОГО ДО СИХ ПОР Я НЕ ВИДЕЛ» (1943)

Мовли Дзаурбекович (Мовла Дзорбекович) Оздоев родился в 1910 г. в селе Ачалуки Назрановского округа Терской области. До начала войны проживал в с. Ахки-Юрт Пригородного района Чечено-Ингушской АССР, работал секретарем сельского совета. В ряды Красной армии был призван в феврале 1942 г., член ВКП(б). Старший сержант, служил телефонистом. Погиб 11 октября 1943 г. в боях за освобождение г. Запорожья. Похоронен на территории в 50 м севернее хутора Хлевоковский Запорожского района Запорожской области.

Без даты, 1942 г. или начало 1943 г.

Добрый день, дорогой брат Жамалдин. Прежде всего примите от меня Салам и Моршал[1], а также передай от меня Матери, [...] и Либе, особенно Дауду и Мураду. Я жив и здоров, того и желаю Вам. Жамалдин! Я только беспокоюсь о вашем положении, а вы не беспокойтесь про меня, так что я могу и сумею находиться среди товарищей, я надеюсь, скоро мы с вами увидимся. Трудного до сих пор я не видел и меня не встречался и ездию куда угодно. Почаще пиши мне письма, указанный адрес действителен, куда бы я не уехал. С тем до свидания.

(Подпись) — от Оздоева М.

[На обороте]

Мы уезжаем, куда не известно, только не скучайтесь.

М. Оздоев

17 апреля 1943 г.

Добрый день дорогой брат Джамалдин! Прежде всего примите от меня братский привет, по нашему Языку Салам и Моршал, а также передай всем нашим родителям и родственникам, особенный передай привет Матери, Мураду и Дауду. Я жив и здоров того и желаю Вам всем.

Жамалдин! Прежде всего сообщаю Вам, что я к вам написал многие письма, но до сих пор я не получил никакого письма в ответ, или просто вы не пишете. Но правда, что мы переменяли трижды раза местов, а также адресов, возможно, поэтому не получил. Но все равно не полученные письма должны возвратиться обратно домой. Джамалдин, во-вторых, сообщаю Вам, что я не нуждаюсь ни в чем, лишь бы вы были живыми и здоровыми, и затем до сих пор меня не встречал ничего трудного. Я являюсь взводным политруком, только я скучаю узнать

[1] Ингушское мусульманское приветствие, состоящее из арабского слова «салам» — мир и ингушского слова «моаршал» — мир. (*Прим. Н.Д. Кодзоева.*)

новости из дома. Джамалдин! Сообщите мне про Халида Исраиловича. Находится ли он дома или нет, со станицы Кавказского не имею про него известие. Жамалдин, не скучайте про меня, скоро мы увидимся с вами со скорой победой. Я брал обязательства на себя бить немецких фашистов до самой последней капли крови и стараюсь оправдать свои обязательства пред Коммунистической партией.

Цудала ше энуала! (Если Аллах даст! — *Пер. с ингуш. А. Хидриева.*)

Адрес мой этот будет постоянно, с тем до свидания, остаюсь с приветом:

Полевая почта 33118 А.

Оздоев Мовла Заурбекович

(подпись) 43 г.

20 октября 1943 г., сослуживец М.З. Оздоева — своим родителям

Добрый день, многоуважаемые родители. В первых строках моего изложения разрешите мне передать пламенный сердечный привет и по нашему обычаю Салам и Моршал. Во-вторых, сообщаю вам, что в настоящее время нахожусь жив и здоров, и также желаю вам всего хорошего на свете. Хусейн, меня ранило на правое плечо осколькой, но не так сильно. Уже поправляюсь. Хусейн, об этом матери не скажите, а то она будеть больше думать и беспокоить.

Сей низ хули цIава хвожаг ва со. (Если у меня получится, я постараюсь приехать. — *Пер. с ингуш. А. Хидриева.*)

Хусейн, больше писать нечего, кроме хорошего. Хусейн, даю тебе одну нагрузку. Сообщите Оздоеву. Мовла Дзорбекович, что погиб, он сам с Ахки-Юрт, бывший секретарь с/с [сельсовета].

Григорий Павловский: «ВОЙНА БЕЗ ПОТЕРЬ НЕ БЫВАЕТ, КОМУ-ТО НАДО И УМИРАТЬ» (1943)

Григорий Евдокимович Павловский (06.08.1903—1943 г.) родился в с. Сосновка Шевченковского округа бывшей Киевской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Призван рядовым 22.02.1942 г., служил в 45-м гвардейском стрелковом полку 17-й гвардейской стрелковой дивизии РККА. Получил ранение 13.08.1943 г. в ходе боев в районе пос. Плющево, расположенного примерно в 11 км северо-восточнее г. Духовщина Смоленской области. По-видимому, умер от полученных в ходе боя ран. Ниже приводится последнее письмо Г.Е. Павловского семье.

15 августа 1943 г.

Здравствуйте, мои милые и любимые Анечка, Гришуня и Вова, сообщаю Вам о том, что я пока, слава Богу, до которого часу жив и здоров, также и вам желаю долговечной и счастливой жизни. Жизнь в настоящий момент свою я считаю часами, потому что сейчас нахожусь на передовой линии и с часа на час ждем приказа идти в наступление. Как пойду в наступление, то, наверно, сбудется мой сегодняшний сон — отец строил для меня дом, наверно будет построен для меня дом здесь вечный.

Ну ничего, милая моя кошечка Анечка, умереть за Родину не позор, но выгонять проклятых извергов из нашей родной земли надо обязательно, а война без потерь не бывает, кому-то надо и умирать. Ну а теперь простите меня во всем, и я вас прощаю также.

Привет с поцелуями Анечке, Гришуне, Вове, маме, Кате, Сане, Коле и Зине.

Любящий до могилы Гриша Павловский

ПИСЬМА О Владимире Решетникове: «ХОРОНИЛИ ОЧЕНЬ ТОРЖЕСТВЕННО И ДАВАЛИ САЛЮТ» (1944—1945)

Владимир Тимофеевич Решетников родился в 1921 г. в Петрограде. Убит в бою 2 мая 1944 г. На момент гибели капитан, начальник физической подготовки курса усовершенствования командного состава 4-й ударной армии.

1 июня 1944 г., подполковник Соловьев — Дине Решетниковой

Дина Тимофеевна!

Получил Ваше письмо и отвечаю. Ваш брат — капитан моей части Решетников Владимир Тимофеевич — убит в ночь на 2 мая. С воинскими почестями мы похоронили его. Хорошо устроили могилу. Сделали загородочку. Поставили колонку — памятник с надписью на медной дощечке.

Имеющиеся фотокарточки, которые были у Владимира Тимофеевича, я приказал переслать Вам. Капитан был хорошим офицером, и товарищи его любили. Не так давно он был награжден орденом Отечественной войны.

Этот орден мной послан Военкому Колпинского района для вручения матери Владимира Тимофеевича.

Весь офицерский коллектив вместе с Вами и Вашей мамой грустит о потере капитана Решетникова и выражает свое соболезнование Вам.

Точное место, где похоронен Володя, я сообщил Военкому г. Колпино. Сходите к нему, и он Вам скажет.

Берегите свою старушку мать. Ей всего тяжелее пережить потерю сына. Всеми мерами успокаивайте ее, не оставляйте одну с печальными мыслями.

Володя погиб за Родину. Пусть будет вечной память о нем!

Примите мой и наших офицеров боевой привет.

Командир части п/п 73700 подполковник Соловьев

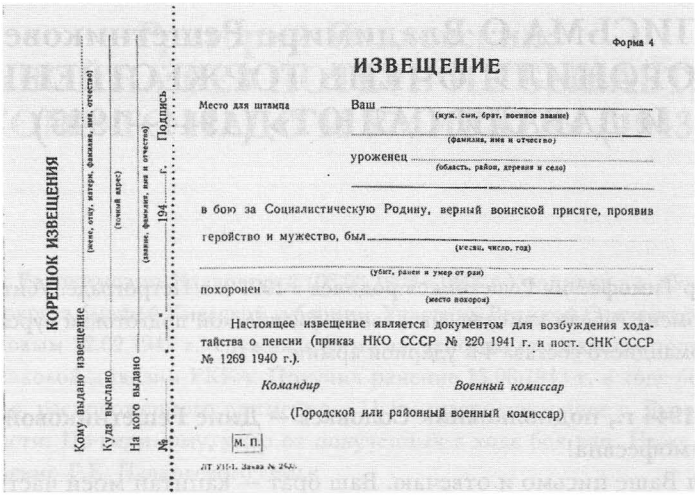
29 июня 1944 г., подполковник Соловьев — Марии Решетниковой

Уважаемая Мария Павловна!

Получил Ваше письмо и благодарен за него. Мне понятно Ваше горе, и я разделяю его. В прошлом году мой единственный сын убит на фронте. Ваше горе, горе матери мне близко.

Ваши привет и пожелания я передам моим сынкам-офицерам. Я говорю «сынкам», т.к. имею за плечами 53-летний жизненный путь. А они у меня в большинстве случаев молодежь, с присущей молодости лихостью, задором и т.д. Много приходится за ними приглядывать, останавливать и воспитывать.

В Ленинграде живут мои сестры. До войны я часто бывал там. И теперь, если судьба сохранит меня, конечно, поеду к ним и постараюсь посетить Вас.



Форма 4

ИЗВЕЩЕНИЕ

Место для штампа

Ваш _____
(муж. сын, брат, воинское звание)

_____
(фамилия, имя и отчество)

уроженец _____
(область, район, деревня и село)

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был _____
(когда, число, год)

(убит, ранен и умер от ран)

похоронен _____
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 220 1941 г. и пост. СНК СССР № 1269 1940 г.).

Командир *Военный комиссар*

(Городской или районный военный комиссар)

М. П.

КОРЕШОК ИЗВЕЩЕНИЯ

Кому выдано извещение _____ (жене, отцу, матери, фамилия, имя, отчество)

Куда выслано _____ (полный адрес)

На кого выдано _____ (звание, фамилия, имя и отчество)

№ _____ Подпись

_____ 194__ г.

Бланк типового извещения о смерти. 1940-е гг. Из фондов РНБ.

По сводкам [газет] и радио Вы знаете, что дела у нас идут весьма не плохо, а благодаря этому настроение бодрое и уверенное.

Из того места, где похоронен Владимир Тимофеевич, я ушел. Уход за могилой и поддержание порядка поручил надежным людям.

Мы свято охраняем места, где похоронены наши боевые товарищи. Об этом Вы не беспокойтесь.

Примите мой привет и пожелания Вам благополучия. Передайте мой привет Дине.

Уважающий Вас подполковник Соловьев

Без даты, 1944 г., Дуся Нестерова и Нина Воевода — Марии Решетниковой

Здравствуйте, милая тетя Мария Павловна!

С приветом девушки, которые ухаживают за могилой Вашего сына, Нина и Дуся.

Милая тетя Мария Павловна! Письмо мы Ваше получили, за которое очень благодарны. И не теряя минуты времени, сейчас же даем Вам ответ.

Милая тетя Мария Павловна! Вы просите, чтобы мы описали о судьбе и смерти Вашего сына Володи. Первым долгом мы опишем о жизни его в нашей деревне.

Эта часть, в которой он служил, прибыла в нашу деревню 25 февраля 1944 года, и он проживал в нашей деревне до 2 мая. Пока не постигла его нежданная смерть. Он же никогда не думал про нее. Он был всегда веселый, гостеприимчивый, уважительный и простой человек. Его у нас в деревне очень любили и уважали за простоту. Он часто вспоминал о своей сестре Дине и гордился ею.

Тетя! О нем можно написать очень много, и мы в следующих письмах постараемся все описать.

Тетя! О его смерти мы писать ничего пока не будем, когда приедете, все подробно расскажем.

О его похоронах.

Милая тетя Мария Павловна! Хоронили его на 3-й день после смерти. Был очень хорошо одет и красиво убран гроб. Весь офицерский состав был собран в клуб провожать и проститься с дорогим и заботливым капитаном Решетниковым, а также было очень много гражданского населения. Многие офицеры выступали о его службе. Многие товарищи даже рыдали над гробом. Когда говорили последнюю речь над гробом, все кладбище стонало от голосов гражданского населения. Хоронили очень торжественно и давали салют. Вот какие похороны Вашему сыну, сыну Володе.

Тетя! Мы его и то никогда не забудем.

Милая тетя Мария Павловна, когда мы получили Ваше письмо, читая весь день, плакали и даже все женщины нашей деревни плакали. Мы в тот же день пошли на кладбище и прочитали его Вашему сыну Володе.

Милая тетя, мы имеем большую заботу и ухаживаем за его могилой. Он на нашем кладбище один, родственников нет. Но никогда ни дает ему скучать соловей и девушки, с которыми он жил в очень хороших отношениях (это с нами).

Милая тетя Мария Павловна! Постарайтесь навестить своего дорогого сыночка. Мы были бы очень довольны и встретили, как родную мать. Тетя, напишите, где Ваша дочь Дина, и передайте от нас ей привет.

Тетя, пишите нам. Мы хотим иметь с Вами очень тесную связь. Мы Вас будем все ждать.

До свиданья, милая тетя Мария Павловна!

Желаем Вам хорошей жизни, и не скучайте. Мы Вашего Вовочку очень часто навещаем.

С приветом

Дуся Нестерова, Нина Воевода

P.S. Кладбище от нас очень близко. Полкилометра.

Без даты, 1944 г. или начало 1945 г.,
капитан Писаренко — Марии Решетниковой

Здравствуйте, Мария Павловна!

Привет Вам и наилучшие мои пожелания. Пишет Вам данное письмо один из товарищей по службе Владимира. Мое письмо значительно опаздывает после гибели Вашего сына Владимира — так сложилась обстановка. Однако я считаю своим долгом и необходимостью написать Вам несколько слов и выслать сохранившиеся (ему принадлежавшие) фотокарточки. С Владимиром мы служили в одной части в течение семи месяцев. Около трех месяцев жили в одном общежитии.

Был он прекрасный человек и товарищ. Любил свою Родину и защищал ее. Его кровь была пролита в боях с ненавистным врагом неоднократно. 2 мая 1944 года в 0 ч. 30 мин. оборвалась кипучая, молодая жизнь его.

Мы навсегда расстались со своим боевым товарищем, похоронив его с должными почестями на кладбище д. Шарино Мехавского района Витебской области. И теперь мы почти ежедневно вспоминаем своего боевого товарища, а вашего сына Владимира, отдавшего свою кровь и даже жизнь за наше правое дело. Победа уже близка, но трудности... [нрзб.] неизбежны. Подобная участь ждет многих из нас. Народ наш, наши потомки и особенно близкие родные (мать, отец) оценят доблесть, мужество, выносливость, военное мастерство и непреклонную волю к победе своих сынов, отцов и предков в великих битвах за нашу Советскую Родину.

Бои продолжаются, и наши войска успешно продвигаются вперед, на запад.

Мы продолжаем свое почетное дело.

С большим к Вам уважением

капитан Писаренко

1 апреля 1945 г., сослуживцев Дмитриев — Марии Решетниковой

Дорогая Мария Павловна!

Сегодня я послал по почте Вам книгу стихов Валерия Брюсова. Этот томик до последних дней жизни покойного Володи находился у него. Он часто цитировал наизусть стихи Брюсова, любил некоторые из них, поэтому я воспользовался тем, что книга попала ко мне, и решил отослать ее Вам на память о сыне. Мы с Володей очень дружили, хотя я был старше его в два раза, у нас было много общего в характерах, в нашей любви к спорту, к поэзии, к литературе, оба любили наш Ленинград. Я его любил за его открытый, простодушный характер, за его смелость, решительность. Он оказал мне большую услугу, так что я в долгу перед ним и поэтому храню его память как человека мужественного, отзывчивого, прекрасного товарища. Может быть, мне и не следовало бы бередить Ваши раны напоминанием о нем, но ведь скоро годовщина его смерти, когда невольно вспоминается пережитое, а сердце матери забудет ли когда о своем сыне! Помню, как Володя числа 26, 27 апреля говорил мне, что мечтает о свидании с вами, и спрашивал меня, стоит ли ему хлопотать отпуск, дадут ли ему его? Как будто он предчувствовал свой близкий конец и инстинктивно пытался уйти от своей судьбы.

Ну что же, ничего не поделаешь.

А где-то есть душа одна —

Она до гроба помнить будет.

Постараюсь заехать к вам, если благополучно вернусь с войны.

На всякий случай (мало ли что может быть в жизни) сообщу свой городской адрес: Ленинград, Калашниковская набережная, дом № 50, кв. 2.

Простите, если я нечаянно огорчил Вас своим напоминанием о пережитом Вами горе, но мне показалось, что лучше всего будет, если посланная книжечка попадет к Вам, а не затеряется по рукам среди людей, которые не поймут ее ценности именно для Вас.

С искренним уважением

Дмитриев

ПЕРЕПИСКА СЕМЬИ Камбалиных: «ТЯЖЕЛА УТРАТА, НО ТЕПЕРЬ УЖЕ НИЧЕМ НЕ ПОМОЖЕШЬ» (1942—1944)

Ольга Ивановна Камбалина родилась в 1879 г. в с. Сорока Архангельской губернии (ныне г. Беломорск Республики Карелия). До войны и после войны работала в колхозе «Северное сияние» Беломорского района. Ее сын Иван Иванович Камбалин родился в 1923 г., воевал на Карельском фронте на Лоухском направлении. Погиб 17 июля 1944 г.

Без даты, конец 1942 г., Ольга Камбалина — Ивану Камбалину

[Письмо написано печатными заглавными буквами с элементами старой орфографии.]

Дорогой мой сыночикъ Ваня.

Шлю я тебе свой материнский приветъ и жилаю тебе отъ Господа Бога доброго здоровия и всякого благопулучия в делахъ рукъ твоихъ. Симъ письмомъ спешу тебя уведомить, что я пока здорова, слава Богу. Впереть на Бога уповаю, того и тебе жалаю. Дорогой мой сердечной сынокъ. Я тебе пишу своей старой рукой. Для памяти береги. Я плоха, болею. Жись моя самъ знаешь можошь понять. Ванюшка, передай мой сердечный приветъ твой камандирамъ. Я очень довольна миня не забывать. Я очень рада таки получать писма. До свидания, дорогой сынок Ваня.

Еще шлю всемъ твои бойцамъ и командирамъ приветъ.

Без даты, конец 1942 г., политрук Ганичев — Ольге Камбалиной

Привет с фронта!

От командования 3-й минометной роты. Здравствуйте, дорогая мать Ольга Ивановна. Ваш сын Камбалин Иван Иванович находится у нас в [нрзб.]. Командование роты гордится вашим сыном, потому что он у нас является одним из лучших дисциплинированных бойцов. Отлично изучил свое оружие, показывает образцы своим личным примером, как в быту, а так и в учебе. Старается со всей серьезностью овладеть своим делом, как требует тов. Сталин. Наши бойцы и командиры любят, как верного и преданного родине сына. Мы надеемся, что Ваш сын и впредь будет бить фашистскую гадину так, как бьют наши герои Отечественной войны. Мы полагаем, что и Вы работаете в тылу так же, как и Ваш сын. Работайте с чувством великого долга, не забывайте, что вместе с Вами и мы будем трудиться для общего дела — разгрома фашистских мерзавцев. Отомстим за все страдания нашего народа. Перед нами стоит еще грозная и ответственная задача — освободить временно оккупированные районы, наших отцов, братьев, жен и детей от фашистского ига. Уничтожить всех до единого немца. Нас ждут во всех оккупированных районах как освободителей. Наступит грозный день, когда снова зареет красное знамя во всех оккупированных немцами районах.

Все возможности мы имеем, чтоб разбить в 1942 г. заклятого врага. Явиться домой мы должны только с победой и заявить Вам, что мы честно выполнили Ваш наказ. Это заявление наших бойцов и командиров будет выполнено, ибо мы знаем, что нас в бой ведет тов. Сталин. Одновременно передаем привет от Вашего сына Ивана Камбалина всем родным и знакомым.

Пишите по адресу: Полевая почтовая станция 1483, 390 стрелковый полк, минометный батальон, 3-я рота.

Политрук Ганичев

17 июля 1944 г., Алексей Поликарпов — Ольге Камбалиной

Здравствуй, уважаемая Ольга Ивановна!

С боевым приветом Поликарпов Л. Дорогая Ольга Ивановна, сообщаю вам печальную весть о гибели вашего сына Вани. Ваня погиб сегодня в бою 17 июля в борьбе с фашистами. Погиб честно сражаясь на поле боя. Вот у меня выпала минута счастья, затишье, и я узнав об этом сообщаю вам как друг Вани, которого я любил как брата. Прошу не расстраиваться. Он погиб, гордо уничтожая врага. На этом писать кончаю. Подробности отпишу позже. Пишите, отвечу.

Поликарпов Леша

29.07.1944 г., лейтенант Визгалов — Александре Камбалиной

Боевой привет с фронта!

Вы, Шура, писали товарищу своего брата или своему товарищу — Поликарпову с просьбой сообщить вам обстоятельства гибели вашего брата Ивана Ивановича Камбалина. К великому сожалению всех нас, Леша Поликарпов не может написать вам подробное объяснение гибели его близкого боевого друга, а вашего любимого брата, потому что сам Поликарпов погиб 19 июля в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Приходится по долгу службы писать об этом мне. Признаться, самая трудная вещь для нас — это вспоминать и описывать кончину наших боевых товарищей. Я понимаю горечь утраты любимого брата, с которым прожито 20 лет, кроме того, такого человека, каким был Камбалин И.И. Он в моем подразделении служил больше 2-х лет, и за все это время, кроме хороших, смелых, инициативных действий, с его стороны не было замечено. Вполне понятно, что кроме Поликарпова у вашего брата было и есть сейчас очень много близких боевых товарищей, с которыми он делился сокровенными мечтами — и веселыми, и печальными. Эти товарищи чтят и будут чтить память о ефрейторе Камбалине долгие годы. 16 июля противник крупными силами неоднократно атаковал отвоеванные у него раньше рубежи, на которых закрепились 9 наших бойцов. Наши товарищи держались до последнего патрона, много помог нашим бойцам и минометный огонь, который направлял на боевые порядки врага ефр. Камбалин. Много врагов уничтожил ефр. Камбалин, но все новые и новые фрицы вылезали из лесу на траншеи, где находился наш герой-корректировщик, до конца своей жизни честно служивший матери-Родине и погибший в рукопашном бою от выстрела в упор в шею. Силы врага были измотаны, он не мог дальше продвинуться и расширить прорыв, атаки были отбиты, но мы безвозвратно потеряли лучшего боевого товарища.

За отличие в боях с немецко-фашистскими захватчиками Камбалин И.И. представлен к награждению посмертно орденом Красного Знамени.

Мы — его боевые товарищи — поклялись над могилами наших друзей до последнего дыхания мстить за преждевременную их смерть.

Остальные бойцы нашего подразделения обязались уничтожать врага так же, как это делал Камбалин. Он уничтожил свыше 200 гитлеровцев и только тогда погиб сам.

Тяжела утрата, Шура, но теперь уже ничем этому не поможешь, остается только по-большевистски с твердостью духа переживать и помнить Ивана Ивановича как любимого брата. как лучшего человека, как лучшего бойца, как преданного патриота своей родины.

С горячим приветом

Л-т Визгалов

16 августа 1944 г., Павел Горбань — Ольге Камбалиной

Здравствуйте, многоуважаемая Ольга Ивановна!!!

С уважением к Вам командир подразделения, где служил Ваш сын Иван Иванович.

Ольга Ивановна! Прошу Вас простить за то, что раньше не соизволил написать Вам, но сам тоже был ранен и вот только прибыл с госпиталя.

Ваш сын Иван Иванович служил в моем подразделении в должности разведчика. Находился все время со мной и был моим первым помощником в тяжелые минуты боя. Не один раз приходилось с ним мне ползти сотни метров по топким болотам, у считаных шагах лежать около противника и корректировать огнем, но ни единого разу не услышал от него ни единого слова на трудность.

17 июля в 6.00 начался ожесточенный бой с отборными головорезами Гитлера, которые пьяные, как саранча начали лезть на нас.

Огнем своего оружия положили их человек 200, но пришлось пустить в ход свои автоматы, так как расстояние сократилось до 10—15 метров.

Ваня из автомата сразил 16 фрицев, но когда поднялся, чтобы бросить гранату по трем гитлеровцам, которые с пулеметом залегли за камнем, был сражен коварной пулей врага. Я послал одного из своих бойцов, которому приказал вынести его, но только он стал подползать, как тоже был ранен. И только третьему бойцу удалось взять Ванины документы. А похоронить пришлось там, где он так стойко и отважно защищал свою родную Карельскую землю. За мужество и отвагу я представил его к посмертному награждению орденом «Красного знамени». Когда я сообщил о героическом подвиге Вашего сына, который пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины, бойцы мои поклялись отомстить за смерть своего боевого товарища беспощадным истреблением немецкой нечисти. Три дня не умолкали залпы батареи, отражая атаки противника. Около 400 гитлеровцев уничтожили мы за это время. Это был священный долг мести за Вашего сына, и для нас за одного из лучших боевых товарищей, который не знал страху и усталости в боях за нашу священную Родину.

Дорогая Ольга Ивановна. Я глубоко сочувствую Вашему материнскому горю. Но Вы с честью можете гордиться своим сыном, который беззаветно был предан

делу своего народу, делу партии Ленина–Сталина и пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Ольга Ивановна. Когда Вас еще что будет интересовать о боевой жизни Вашего сына, пишите, как что нуждаетесь в какой-либо помощи, тоже пишите. Поможем немедленно.

Отцов, что воспитали таких сыновей, Родина и мы никогда не забудем.

С уважением к Вам

Командир подразделения Горбань Павел

Фотохроника ТАСС: Действующая Красная Армия. Экипаж тяжелого танка «Кровь за кровь»: (справа налево) — командир Е. Смирнов, радист Г. Гавриков, младший механик Н. Конев, командир орудий А. Медведев и старший механик-водитель З. Ершов. Экипаж танка уничтожил 2 тяжелых орудия, 6 полевых орудий, 6 противотанковых орудий, 64 ДЗОТ, 17 пулеметов, 9 минометов, склад боеприпасов, командный пункт фашистского полка и более 500 гитлеровцев. Фото С. Нордштейна, сентябрь 1942 г. Из фондов РНБ

ПЕРЕПИСКА СЕМЬИ Белинских: «И МЫ СДЕЛАЕМ ЕМУ ТРИЗНУ» (1942—1945)

Ефим Семенович Белинский родился 25 марта 1925 г. на станции Заозерная в Красноярском крае в еврейской семье. В январе 1943 г. призван в Красную армию Енисейским РВК и направлен в Киевское артиллерийское училище. На фронте с июня 1944 г. 15 декабря 1944 г. в решающую минуту боя в предместье г. Клайпеда закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Похоронен в братской могиле на воинском кладбище в г. Клайпеда (Литва). Присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Октябрь 1942 г., Ефиму Белинскому

Добрый день или вечер, мой любимый сын!

Мы здоровы и благополучны и все у нас хорошо, только тебя нет с нами. Мысленно мы всегда с тобой. Приближается 27-я годовщина Великой Октябрьской революции. Могу тебе сообщить, что наши горняки выполнили годовой план 25 сентября и получили 1-ю премию по восточному Тресту Союззолота и переходящее Красное знамя Цветмета и ВЦСПС.

Так-то, дорогой! Я уже об этом писала, но я боюсь, что письмо может дойти не каждое. Эту почту от тебя не было письма, но я не отчаиваюсь, так как получили 3 дня назад от 7 сентября. Даша сегодня получила письмо от своего мужа, он жив, здоров. Его адрес п/п 51991 «б» Везовкин Алексей Борисович.

Катенька доехала хорошо и устроилась учиться. Мы с ней разговаривали по телефону, сообщали, что от тебя получили письмо. Гоша работает. Живем дружно как мать с сыном должна жить, он просто хороший. Коля пишет, что получил письмо от нового «Братки», то есть тебя. Боренька растет, бегает, живем в общем хорошо, ждем с нетерпением конца войны и тебя, любимец наш, целого и невредимого, а впрочем, родной мой, это я шучу, нам ты одинаково дорог, какой бы ты ни был, только вернись к нам, ты для нас всегда будешь дорог и мил.

Если почему-либо ты от нас можешь долго не получать письма, то ты не беспокойся о нас, а сам пиши, пиши, как можно чаще хотя пару слов, иначе я от тревоги сойду с ума. Пиши Иркутск Пединститут Желябова 2 Платоновой Римме. Она будет сообщать телеграммой, Кате пиши Енисейск Союзов 24.

Будь здоров любимый, ненаглядный мой сыночек и знай, что все мои помыслы с тобою.

Привет тебе от всех наших общих знакомых и твоих учителей, особенно от Б.Л.

Ну до свидания, родной, до скорого свидания.

Крепко целуем тебя, твои мама и братья Гоша и Борик и тетя Даша

23 марта 1944 г., Ефим Белинский

Здравствуйте, дорогие мамочка и Борик!

Передаю Вам свой горячий офицерский привет и пожелания всего самого лучшего. Сегодня я в наряде — дежурю по части. Бессонные сутки. Сейчас 3 часа ночи. Только что проверил посты. Пришел в штаб и вот сейчас сижу и как будто разговариваю с вами, дорогие, пишу письмо на родину. Правда, Вы простите, что написано так неаккуратно: во-первых, расходятся чернила, во-вторых, немного хочется спать. Немного напишу о себе. Живу по-прежнему. Работаю также. Занимаюсь с людьми. Находимся в постоянной готовности. В любую минуту можем быть направлены. Ждем и готовимся. Когда и куда попадем — не знаю. Живу материально можно сказать — замечательно. Одет, обут, безусловно сыт. Исключительно что убивает — это то, что ни от кого абсолютно нет писем. Даже абсолютно не знаю ничего ни о ком. Поэтому скука, дорогие, страшная. Прошу Вас, дорогие мои, мамочка и Боричка, пишите чаще и чаще, тем более что адрес теперь у меня короткий и постоянный: п.п. 92802 «П». Писать пока больше нечего.

Привет всем знакомым. Целую крепко, крепко

Ваш сын и брат Ефим

Без даты, декабрь 1944 г. или начало 1945 г., Семен Шелковников — Елизавете Белинской

Здравствуйте дорогая Елизавета Ефимовна!

Шлю я вам сердечный привет и от души разделяю горе, пришедшее в ваш дом вместе с известием о героической смерти Вашего любимого сына, а моего незабываемого друга Ефима.

Вот и сейчас его образ перед моими глазами. Вот он зоркий, боевой, черноглазый, офицер артиллерии. Как хорошо должна была сидеть на нем военная форма! Последний раз я видел его еще в училище. Мы недолго поговорили и расстались. Наша встреча была такой теплой и радостной, какой бывает встреча родных братьев.

Молод он. Ему нужно было жить. Сволочи немцы лишили его жизни, это для меня больно, так же как и для вас, дорогая Елизавета Ефимовна. Я отомщу за него немцам. Уже не один десяток я отправил их на тот свет. Пусть 20 их еще умрет собачьей смертью от моей руки за нашего хорошего Ефима, живого и незабываемого. Ведь он жив для нас с Вами, родная Елизавета Ефимовна, он жив для народа и родины, которые никогда его не забудут. Это его, Ефима, моего брата по борьбе, прославляет Сталин своими словами и вечная слава, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками

Я тоже на войне, сейчас в деревне которую бешено обстреливает из пушек и пулеметов немец. Судьба... [без окончания]

15 декабря 1945 г., Елизавета Белинская — Семену Шелковникову

Добрый день, дорогой Сеня!

Я еще не получала от тебя письма в ответ на мои письма, посланные мною тебе с дороги, но я знаю, что это не твоя вина. Это дальности расстояния и только, а мне хочется поговорить с тобою.

Ведь ты не оставлял без ответа мои письма к тебе в то время, когда мы совершенно не знали друг друга, а теперь я, зная тебя, не имею права думать иначе.

Вот и уже год прошел с того дня, как погиб Фима.

И ты не обидишься на меня, если я сегодня именно с тобой хочу говорить.

Я хочу тебе рассказать, что я имела возможность увидеть его, но я не воспользовалась этой возможностью. Почему?

Видишь ли, ст. лейтенант Обвинцев, руководящий перенесением тела Фимочки, открывал гроб и смотрел его.

Он был еще целым, но весь темный, и нос и глаза провалились.

Вот этого я уже не хотела видеть, нет — не могла.

Он стоит перед моими мысленными очами такой, каким я его провожала, — веселый, живой, симпатичный, мальчик мой, и вот такой он будет в сердце моем всегда. Видеть, что сделали из него природа и время, было выше моих сил. А теперь я мучаюсь этим. Как ты, Сенечка, считаешь?

Мне очень больно было оставлять его там. Если у меня явится возможность выезда всей семьей туда, то мы уедем к нему, чтоб он не лежал там одиноким.

Ведь это великая вещь — иметь возможность прийти к нему в любое время, побыть так близко к нему.

Вот сегодня вечером соберутся к нам его вернувшиеся домой и просто никуда не отлучавшиеся друзья, его учителя и мы сделаем ему тризну. Вспомним о нем, о его короткой хорошей жизни — вспомним его смерть.

Еще раз прошу прощения, Сеня. Я буду стараться писать тебе такие письма, чтоб тебе было интересно их читать, только ты мне пиши. Ты, может, не совсем знаешь, что для меня значат письма из части.

Это живая нить, оставшаяся мне от Фимочки.

Привет большой, большой всем моим знакомым, особенно А.П. Гильману, Дурбенину, Вейнеру, Косте.

Ну будьте все Вы здоровы и счастливы, как желает Вам Белинская Е.

Галина Кашина: «ТАК СЕБЯ КОРЮ — ЗАЧЕМ МЫ НЕ ОТКРЫЛИ ГРОБ?» (1986—1987)

Сергей Викторович Кашин родился 23 января 1967 г. в пос. Шаранга Горьковской области. В Вооруженных силах СССР с июня 1985 г. В Афганистане с декабря 1985 г. Подорвался на мине 19 марта 1986 г., скончался в госпитале 24 марта от полученных ран. Ниже представлена переписка родителей С.В. Кашина с его сослуживцем Виктором Григорьевичем Руденко.

9 апреля 1986 г.

Дорогие друзья Кашина Сергея!

Пишут Вам родители вашего бывшего сослуживца и друга — Виктор Иванович и Галина Павловна. О нашем горе и бесценной утрате Вы знаете. К Вам одна-единственная просьба — написать нам ответ, в котором сообщить о последних днях жизни нашего сына, его настроении, думах, мечтах и т.д. В каком лежал госпитале, при каких условиях его смертельно ранило, приходил он или нет в сознание — нас интересуют все подробности. Из личных вещей прислали только панаму, полотенце, зубную щетку, пасту, мыло. Полотенце и панама абсолютно новые. У нас даже нет его армейской фотографии, где бы он был сфотографирован один, а с Афганистана нет вообще фотки. Возможно, у Вас у кого есть его фото или хотя бы негатив фотопленки.

Желаем Вам благополучного возвращения в Ваши семьи на Родину, счастья, благополучия.

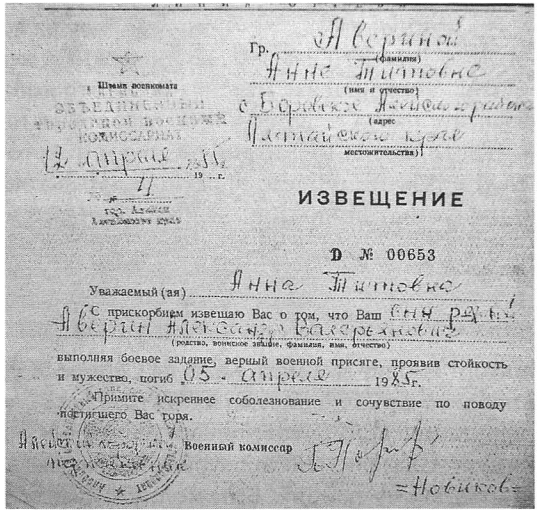
Ждем Вашего ответа. Кашины

Вы последняя ниточка, которая связывает Вас с нашим сыном. Наш адрес: Горьковская область, р.п. Шаранга, ул. Лесхозовская, д. 1. Кашину Виктору Ивановичу.

Без даты, май 1986 г.

Здравствуйте, товарищ командир!

Пишет Вам мать Сергея Кашина, тяжело раненного 19 марта и умершего 24 марта. Мы уже писали письмо на товарищей Сергея, но нам ничего пока не пишут. Я хочу знать, как моего сына ранило, нам прапорщик говорил, но както не все ясно, он сам был очень расстроенный, ему два раза делали уколы. Где наш Сергей умирал, в сознании или без сознания он находился? Я до сих пор не верю, что его нет в живых, потому что мы его не видели. Как обидно, мы его воспитывали, думали, сходит в армию, продолжит дальше учиться. А сейчас за что он погиб и за кого? У нас нет войны, а сына моего привезли убитого с войны, зачем нам такое горе? У нас районный поселок не большой, но его провожали, как потом говорили, около двух тысяч населения. Смерть сына причинила такое горе, что даже кажется и жить теперь не хочется, а у нас еще



Штамп военкомата

Гр. А. Аверина
(фамилия)
Анне Тимофеевне
(имя и отчество)
с. Боровое Хабарского района
(адрес)
Алтайского края
(место жительства)

ИЗВЕЩЕНИЕ

№ 00653

Уважаемый(ая) Анна Тимофеевна

С прискорбием извещаю Вас о том, что Ваш сын рядовой
Аверин Александр Викторович
(родство, воинское звание, фамилия, имя, отчество)

выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 05 апреля 1985 г.

Примите искреннее соболезнование и сочувствие по поводу постигшего Вас горя.

Военный комиссар

=Новиков=

Извещение А.Т. Авериной о смерти ее сына А.В. Аверина в Афганистане 05.04.1985 г. Из фондов Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул

растет дочь-восьмиклассница. Письма Сергей писал все хорошие, за него не беспокойтесь, все у него нормально. Я, конечно, не верила его письмам, потому что все смотрела про Афганистан по телевизору, читала газеты и журналы, ничего не пропускала и видела, как там хорошо. Так узнайте, пожалуйста, и напишите или кому поручите. Это последняя ниточка, которая связывает нас с Сергеем. Потом все уйдет в забытье. Кто о нем будет помнить и не вспомнит, кроме нас, родителей, пока живы. До сих пор ищут и разыскивают неизвестных героев Великой Отечественной войны 40-летней давности, а о нем и о всех погибших там не вспомнят. Будь проклята эта война!

С глубоким уважением к Вам
мать Сергея Кашина

16 мая 1987 г.

Здравствуйте, товарищи Кашина Сергея! Пишет Вам мать Сергея. Мы получили от Вас 4 письма, три последних прямо на днях. Я не верю, что это пишут товарищи, а специальный человек, который этим только и занимается, да мне и сказал один военный, который там служил, и что первое письмо написано о гибели Сергея, письмо-шаблон, всем так пишут с некоторыми изменениями. Если бы товарищи написали, они бы подписались, хотя те, которые с Сергеем служат еще из Нахабино. Прапорщик здесь говорил, что ехали на машине и наскочили на мину, в письме же совсем по-другому выходит, товарищи, которые служили с ним бок о бок, написали бы правду. Угробили сына и даже правду не хотят написать, при каких обстоятельствах он погиб. Мы его отправляли в ар-

мию, а оказывается не в армию, а в ад, а из него в могилу на веки вечные и даже не видя его, какой он есть. Для чего нам послали денежный перевод 10 р. 10 коп. тоже написанный рукой «товарищей». Лишняя боль, это должен был получить Сергей, сын, вы посылаете нам. Отдали бы его товарищам, они хоть его бы помянули. Писали мы где, в каком госпитале он умер, ничего не написали. Вы даже уж и фамилию его забыли, пишете обратный адрес товарищи Сергея, он раз умер, все у него ничего не осталось, даже фамилии. Вот и все у меня.

До свидания.

Кашина

3 июня 1986 г.

Здравствуйте, Виктор! Пишет вам мать Кашина Сергея! Я узнала, что в редакцию газеты «Знамя победы» пришло письмо из части, узнала, что публиковать не хотят, боятся свою репутацию подмочить, только вы там не боитесь и не думаете, а что будет через минуту. Сказали, что цензура горьковская не пропустит, хотя газета только по Шарангскому району. Вот, мол, у «Комсомольской Правды» больше прав и шансов напечатать, а мы не можем, везде они уже обговорили. Да что и говорить, если 1-й секретарь райкома партии сказал отцу Сергея, распустили нюни. Вот так, он погиб, побежал на помощь, не раздумывая, а здесь вот так содействуют, как вы писали. Так за что, за что и ради кого Сергей погиб, надеясь выжить, приехать домой. В письмах к девчонкам только и пишет, скоро и я вернусь, скоро, осталось 13 месяцев. И вот вернулся. Да не захотели напечатать, потому что скрывают, войны у нас нет, а молодых парней везут и везут в цинковых гробах. Сейчас как кого провожать в армию, матери плачут, только бы не в Афганистан, потому что там многим смерть. Мне никак, ну никак не верится, что нет Сергея, он никому никакого зла не причинил, только польза дома и в школе, а везде был примерным, в школе с 0 до 10 класс учился только на 4 и 5, больше на 4. Общественник был, знаменосец школы. В институте был, не забывал нас поздравить с днем рожденья и привезет какой-нибудь подарок. И вдруг его нет. Да мертвого мы его не видели. Так и похоронили в этом проклятом цинке, так я все жалею, последний раз не посмотрели. Умирал, так тяжело и меня у него не было. Так все обидно — в чужой стороне, среди чужих. Может, вы напишете, Виктор, куда его ранило. Наверно, кровь хлестала? Где лежал он в госпитале, что с теми парнями, водитель машины и еще один. Я была бы рада, пусть он был бы без ноги или без руки, только живой.

Когда он жил с вами, что он говорил, предчувствовал или нет что? И если вы, Виктор, пишете, что шли и проверяли дорогу миноискателями, то как тогда Сергей наскочил на мину?

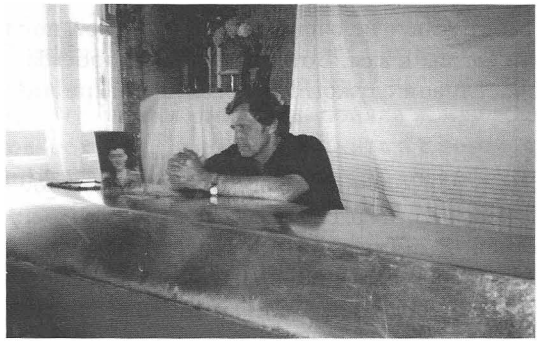
Вот и все у меня.

До свидания

Кашина

Письма мы получили, записную книжку. Как там написано в стихотворении «Сказка-обман», так нашему Сергею и вышло.

Можете написать в политехнический институт или Жданова в г. Горьком, где учился Сергей. Там студенты выпускают свою институтскую газету, учится



Груз-200. Отец у гроба сына, погибшего в Чечне, 1995 г. Автор фотографии неизвестен. Из фондов Алтайского государственного краеведческого музея, г. Барнаул

там много тысяч студентов, и Сергей первый в институте погиб. Даже там был такой слух, что студенты хлопочут, чтобы улицу назвали в честь Сергея. Только что у них выйдет.

9 июня 1986 г.

Здравствуйте, Виктор и все товарищи Сергея. Письмо ваше с подписями получили. Теперь верим. Откуда мы знаем, знал или нет прапорщик. Вы уж не обижайтесь, простите нас. Но мне никак не хочется верить, что нашего Сергея нет в живых. Он также писал нам, не верьте, что в Союзе говорят, к девчонкам писал, что испытывал в какой-то степени. Я уже писала, не знаю, получите или нет то письмо, здесь в редакции публиковать ваше письмо не стали, говорят, что горьковская цензура не пропустит. Но я думаю, что это все отговорки. Не хотят написать о сыне, которого все знали, многие любили. Не хотят написать, как он погиб. Вы напишите нам, куда Сергей был ранен? Может, прапорщик не так сказал.

Вы сейчас, наверно, на операции не ездите, один парень оттуда пишет, занимаются строительством. Как Сергей ждал лета, писал, что летом, говорят, легче служить, а там останется совсем немного. Я уже не помню, писала или нет, похоронили Сергея на кладбище у большой дороги, которая соединяет с узловой станцией Урень, а там поезда идут во всех направлениях. На памятнике фотография из выпускного 10-го класса, военной у него не оказалось, чтобы он один, а групповые слишком малы, не получается, чтобы сделать большую фотографию. На памятнике написаны слова:

Вот память тех прошедших лет,
Которым нет возврата.
На нем мне 19 лет,
И год из них я был солдатом.

Может, кто из ребят живут не очень далеко и, может, после армии могли бы к нам приехать, или же мы к вам. Вот у меня такая просьба.

До свидания. Счастливой службы вам, ребята, товарищи!

28 июля 1986 г.

Здравствуйте, Виктор! Получили ваши письма. Большое спасибо вам за то, что так хлопочете о памяти Сергея. Мы унесли газету военкому, он хотел обратиться в политотдел. Я посылаю вам фотографию, негатив которой вы мне послали, если нужно, я еще двоим пошлю. Я Сергея плохо узнаю, стоит далеко и в каком-то колпаке, смотрит вниз. Я никак не верю, что его нет в живых. Я его каждый день жду домой. Вот, думаю, сейчас войдет. Или нам позвонят, что он едет домой. Никак не верю. Виктор, вы умалчиваете, я спрашивала, куда его ранило? Вы ничего не пишете. Я по специальности фельдшер. И что-нибудь пойму. Напишите, пожалуйста, куда его ранило? Я написала два письма Кокореву Николаю, домашний адрес прочитала в записной книжке, и его родителям написала письмо, от них получила ответ. Сегодня Горбачев по радио говорил, что к концу этого года шесть полков из Афганистана выведут. Может, и ваш полк в это число попадет. Кокарев, наверно, кончает службу? Если после института служит? Может, у вас еще обнаружатся какие снимки, где есть Сергей, пошли нам, мы здесь проявим. Вот у меня пока и все. Хорошей вам службы. У вас, там, наверно жара стоит, а у нас всего +23. А вчера вечером был такой дождь, все везде полило. И вообще слишком часто поливает. В лесу у нас поспела малина, сладкая, душистая.

До свидания. Пишите. Кашина

9 сентября 1986 г.

Здравствуйте, Виктор, и все товарищи Сергея! Я вам написала письмо еще в июле, а от вас нет ничего, молчите, или, может, я не получила? Как идет ваша служба? Кокорев Николай, наверно, домой уехал? У нас здесь в одну деревню, говорили, что пришел солдат из Афганистана, значит, домой уже отпускают. Вот наступил сентябрь, вам и нашему Сергею остается служить полгода, а он давно уже отслужился. 24 сентября полгода будет, как его нет. Может, у вас еще есть какие негативы, посылайте, мы проявим.

До свидания. Пишите, с уважением

Кашина

30 октября 1986 г.

[Написано на оборотной стороне поздравительной открытки]

Здравствуйте, товарищи Сергея.

Здравствуйте, Виктор Руденко!

Поздравляем Вас с праздником Великого Октября! Желаем Вам здоровья, благополучного возвращения домой, на Родину Октября! Виктор, письма ваши получили, большое Вам спасибо. Орден тоже пришел, хотят нам его вручать в школе, где учился Сергей!

Пишите, ждем, может, еще найдете какие негативы, где есть Сергей.

С приветом, семья Кашиных

1 декабря 1986 г.

Здравствуйте, Виктор! Как вы там служите? Как ваши дела? Приезжал Кокорев Николай, 27 ноября приехал, 28 ноября в 12 час. дня проводили, заезжали на могилу к Сергею. Все он нам рассказал, поняла я, что жизнь нашего Сергея зависела от медиков, не спасли, а должен бы жить и с ногой целой, если бы приняли должные меры, его ведь сразу в госпиталь доставили. Там спецпомощь, а отнеслись наплевательски, не знаю, где этот госпиталь находится, написала бы им благодарность. Теперь мне еще больнее, что так сделали, не могли спасти. Прапорщик нам здесь наговорил сто верст до небес, и все лесом. Что правую ногу сильно поранило, задело брюшную полость. Что ему даже переодеться не дали, сразу с «операции» он поехал сопровождать тело. Что у него брат погиб недавно там же. Николай говорил, что написал письмо Виктору, ответа нет еще. Ведь вам осталось служить еще зиму и все, а там домой. Держитесь как-нибудь. Может, найдете еще снимки Сергея, пошлите, пожалуйста, это последняя весточка от сына.

До свидания. Пишите.

С уважением к Вам

Кашина

6 февраля 1987 г.

Здравствуй, Виктор! Получили твое письмо. Очень тебя благодарим. Если бы не ты, ничего бы мы не знали про нашего Сергея. Тяжело, конечно, но и быть в неведении тоже тяжело. Позавчера получили письмо от Саши Сергеева, вместе в Москве они служили. Пишет, что зря вы обвиняете врачей, это он мне пишет. Ведь я все вычитала везде, газовая гангрена развилась, потому что не оказана была помощь, как должно быть, против гангрены не провели лечение. Саша, значит, попал к добросовестным работникам, то так и пишет. Виктор, этот парень из медроты, не сказал, в какое время он умер, утром, днем или вечером. Скоро все домой придут, а мы будем поминки по Сергею делать. У меня такое чувство, что, может, в гробу и не его привезли. И я его во сне вижу, приходит домой живой и невредимый. Саша Сергеев обещал к нам заехать. Он пишет, что все ходят на операции, не пускают караваны со стороны Пакистана к душманам. Долго не письма, я уже думала, не случилось ли что. А печень, Виктор, приедешь домой — медом лечи. Все время ешь мед. Это первое лекарство. Поедешь домой, напиши, что поехал, мы будем знать.

Благополучного возвращения, тебе Виктор, домой.

До свидания. С уважением

Кашина

6 марта 1987 г.

Здравствуй, Виктор! Получила ваше письмо. Большое спасибо! Принесли сразу два письма, твое и еще пишет друг Сергея, Саша, в Москве они дружили. Он узнал только в ноябре про Сергея и вот пишет, был тяжело ранен тоже в конце марта, находился на лечении в Москве, он живой, увезли бы нашего сразу в Союз, думаю, что он был бы живой и давно бы дома был, не в могиле, а дома. У нас

морозно –15, светит солнце, и нисколечко не радует, любимое время года у меня была весна, и вот вторая весна уже не радует. Скоро бы и наш Сергей приехал, мая такая хорошая пора, все оживает. С сестрой бы ходили на танцы. А сейчас у других придут братья, а у нее нет.

Посылаю тебе фотографии Сергея, 3 штуки. Смотрю на фотографию и думаю, навсегда он остался молодым, никогда не постареет, ничего не изменится. Так себя корю, зачем мы не открыли гроб, мы не верим, что там он, и все ждем, и ждем. Я равнодушна была к этому цинку. А открытым увидели бы, и не было никакого сомнения. 11 марта мы получили от Сергея последнее письмо. Писал, что писать некогда, надо ложиться спать, завтра поедем на операцию, где-то ближе к Пакистану. Приеду, напишу больше. Вот и написал. Вам большое спасибо! Вы мне написали, что и как было, фотографии его, а то я не представляла, какой он там. Жаль и обидно. Больше уже не нарядится он ни в чего, последний наряд его была фуфайка. А как он любил одеться, и как что выходили, все у него было белое. Сам себе перешивал, стирал, гладил, когда ему надо было, не дожидался и не просил. На танцах он всегда среди других выделялся, это мне рассказывали. Я за ним не ходила и не смотрела. А сейчас поглотила земля и никто не увидит, мертвого здесь никто не увидел.

Вот, Виктор, у меня и все.

Счастливого возвращения домой.

До свидания. С уважением, Кашина

15 сентября 1987 г.

Здравствуйте, Виктор, твои отец, мать, братья и сестры! Получили твои письма. Спасибо. Мы ниоткуда и не ждем, только от тебя. Мы сейчас с Виктором в отпуске с 18 августа, 25 сентября мне уже на работу. Татьяна около месяца работала в детсаде, который около нас стоит, воспитательницей, все работники там тоже в отпусках были. Живем по-старому. Облепихи нынче было в два раза меньше против прошлого года. 22 кг. Собрали, а в том году 49 кг. В лесу было много брусники. Поначалу носили по 5—6 ведер, так, можно сказать, почти что зеленую вытаскивали. А мы ездили, когда уже она спелая. Раз я с Татьяной, да раз с Виктором ездили. Первый раз мы привезли 5 ведер, а второй 6 ведер. Замочили и сварили варенье. Клюквы тоже много. Виктор раз ездил в выходной, далеко очень. В 4 часа утра уехал, а приехал в 6-м вечера. 4 часа только в один конец. Да с утра и почти до обеда шел дождь. Набрал два ведра. Может, еще раз съездит, рабочие у них в организации просят съездить. У нас здесь все идет и идет дождь. В августе шел и в сентябре редкий день не идет. Дома мы картошку выкопали быстро, а в колхозах так и не знают, как будут копать, вилами, все вязнет. И жары, конечно, нет, еще с августа 10—12—15 градусов. Татьяна сидит дома, зачихала, на картошку не отпускаю 2-й день. Пусть уж мать с отцом не ругают тебя, Виктор, что долго у нас был, мы хоть на тебя посмотрели, как на нашего Сергея, ты ведь вернулся к ним обратно, а к нам Сергей никогда не приедет. Наказала однокласснице, чтоб забрала аттестат зрелости из института, если там не выкинули, надо бы раньше, прошлый год еще забрать. Видела недавно во сне, чтобы будто Сергей домой вернулся. Я спрашиваю, к Ваське Михееву пойдешь, и он отмахнулся, нужен он.

Могила М.В. Шелестова, погибшего в Афганистане 27 декабря 1979 г. во время штурма резиденции президента Афганистана Хафизуллы Амина. Барнаул, Алтайский край. Фото С. Ушакина, 2001 г.

Было много в лесу опенков, у вас, наверно, не растут. В августе даже были, это редко бывает. И в сентябре были. Августовские я засолила, сварила, поставила в подполье, недавно вытащила, все они прокисли, так и выкинула целое ведро эмалированное. Черт с ними, не это пропадает. Жалко только трудов. Васька Михеев так и не приходил, стыдно ему, что не писал. Спрашивала тут продавщица из книжного магазина, почему Сережке не писал, так сказал, что адрес потерял, пусть не врет, у нашего все адреса в книжке записаны, а у него что. Ну вот и все у меня. Пиши.

Привет от Татьяны, Виктора. До свидания.

Пишу я не очень складно, прочитаю и сама вижу как-то не очень аккуратно. Не умею сочинять.

19 октября 1987 г.

Здравствуй, Виктор! В субботу 17-го получили твое письмо и фотографии. Большое спасибо, Шарик получился как живой лежит. Я забыла спросить еще

в том письме, ездил ли на встречу в Москву, как она у вас прошла? А я так и не написала в часть узнать про Сергеева Сашу. А сама все время вспоминаю, жив ли он, написал бы, наверное. Я тебя понимаю, конечно, трудно сейчас привыкнуть, втянуться, ну ничего, раскачаешься. Два года не учился да подзабыл, по себе знаю, приедешь после летних каникул и никак не можешь настроиться сразу за учебу. А у тебя такая армия. Брат где служит, дома наверно? У тебя столько сестер и братьев, а наша Татьяна осталась одна. Ездили в эту субботу к Сергею на могилу. Каждую неделю ездим, если погода позволяет, а вообще-то дорога сам видел какая у нас, улица непролазная. Васька тоже учится на 2-м курсе. Не знаю, как он там, у него за 1-й курс было что-то не сдано. А то он, помнишь, говорил, что после Нового года. Сашка Жиров уехал туда, где учился, там живет, работает, учиться хотел заочно. У нас сейчас здесь стоит ясная сухая погода, весь октябрь не было ни дождинки, только холодно. Все выкопали в нашем районе, все убрали. У нас нет в магазинах ни сахару, ни песку, никаких конфет, даже карамели. А за эти дни разобрали мыло, спички, стиральный порошок, масло растительное, думаю, может пропаганду какую пропустили, или может план не тянет, так хоть выручка какая-то. Все ждут, что вот будет наценка. Виктор, пишут ли тебе кто из Афганистана и что?

Вот и все у меня. С приветом вся наша семья.

Андрей Никонов: «А ПОСЛЕ ЧЕЧНИ МНЕ ДАДУТ 40 СУТОК ОТПУСКА» (1996)

Андрей Владимирович Никонов родился в 1976 г. в г. Дзержинске. С 1994 г. в армии в ВДВ г. Омска. В 1995 г. в составе сводного полка был направлен в Чечню санинструктором, переведен затем во взвод охраны в Ханкалу. Погиб 30 марта 1996 г.

14 ноября 1995 г.

Привет из Ульяновска!

Здравствуйте, папа, мама, Маринка.

Вот пишу вам это письмо. Но это письмо, конечно, расстроит вас. Все что я написал в этом письме, все правда. И делаю я это по своему собственному желанию. Только не подумайте, что так сделал комбат. Деньги мне отдали. А я отдал командиру. И командир ко мне претензий не имеет. Даже наоборот. Не надо ему звонить. Он и так переживает за всех нас. Если с кем-нибудь из нас что-нибудь случится, отвечать будет он. Отнеситесь к этому с пониманием и мужеством.

А дело в том, что

16.11.95

я уезжаю в Чечню. Когда вы получите это письмо, я уже буду там.

Прошу вас, не слишком сильно переживайте за меня. Со мной все будет нормально. В Чечне я буду в тылу. Так что со мной ничего не случится. Я вернусь, вернусь живой и здоровый. Вы, самое главное, ждите меня. Мам, а ты береги себя. У тебя и так здоровье не очень хорошее. Мне самое главное знать, что у вас все хорошо. А это мне очень нужно будет там.

Мне нужна будет ваша поддержка. Там не страшно, просто там война. Но сейчас там тихо.

Буду часто писать вам письма. Маринка пусть учится, старается. Весной в мае, июне приеду в отпуск. Отцу привезу камуфляж, как и обещал. Вы, главное, не переживайте за меня. У меня будет все хорошо. Как я вам и говорил, вызова мне не сделали. И я был прав. А после Чечни мне дадут 40 суток отпуска.

Мне обо всем этом надо было написать раньше, но я подумал, что лучше будет, когда я уже уеду.

Передавайте всем от меня большой привет.

Ну, вот вроде бы и все, о чем хотел написать. Скоро вам должна прийти фотография.

Целую всех. Ваш сын и брат Андрей

Я вас всех очень люблю.

Как приеду, напишу.

25 декабря 1995 г.

Привет из Чечни.

Здравствуйте, папа, мама, Марина!

Вот пишу вам уже 3 письмо отсюда. Немного о себе. У меня все хорошо. Я жив, здоров и вообще у меня все в норме. Ну что вам написать о Чечне? Я не хочу вас пугать, поэтому напишу немного. Не верьте тому, кто скажет вам, что война в Чечне закончилась. Она как раз только начинается. У нас очень часто бывают боевые тревоги, днем и ночью. Недавно ранили двоих наших бойцов и одного убили. А случилось это днем. Когда чеченские снайпера засели на деревьях и их никто не видел, и даже не слышали, когда они отстреливали наших, как собак. А только видели, как наши парни подали, истекая кровью. Это, конечно, не описать словами, это надо видеть. Здесь гибнут хорошие парни, которых так не хватает на гражданке. Которые в свои 19 лет видели смерть, ощущали страх, видели море крови, которые в 19 лет испытали все в своей жизни. И все, что они видели, им будет сниться после армии очень долго. И тот, кто выживает в этой войне, — крепкие и очень сильные парни. И не дай бог кто-нибудь меня упрекнет Чечней на гражданке. Я разорву его, в прямом смысле этого слова.

Как Маринка учится? Как дела у отца? Надеюсь, у него все в порядке. Он ведь все-таки мой отец. А отец у меня должен держать себя в руках, хоть это и трудно.

Передавайте всем от меня привет. Ну, вот и все, о чем хотел написать.

Люблю, целую, ваш Андрей

Без даты

Я уже ничего не боюсь. Мне уже нечего бояться. После всего этого парни здесь очень злые. И в то же время держатся друг за друга и всегда готовы помочь друг другу. Они никогда не бросят товарища в беде. И, наверное, поэтому мы сильнее их. Я мог бы много еще написать, но на это не хватит даже тетради. Но вы не пугайтесь, для вас это все страшно, а для меня обычное дело. Вы не волнуйтесь, со мной ничего не случится.

Берегите себя, а о себе я сам позабочусь. Возьмите себя в руки — это жизнь. Напишите лучше, как у вас дела. Напишите, только потому чтобы мне было здесь легче. Напишите как у вас дела.

Как у Маринки дела в колледже. Отцу камуфляж достал. Приеду из Чечни привезу. Чего там у нас новенького в городе? Как у тебя дела на работе. Передавайте всем нашим чеченский привет.

Ну вот и все, о чем хотел написать.

Пока. Пишите. Ваш сын и брат Андрей

Вы не переживайте, все будет нормально.

Я вас всех очень люблю.

Без даты, Сергей Макаров — Галине Никоновой

Здравствуйте, уважаемая Галина Александровна.

Пишет вам сослуживец вашего сына Макаров Сергей. Мы с Андреем отправились вместе в Чечню и там служили в одном подразделении. Он был очень

отзывчивым товарищем. Мы с ним старались вместе держаться. Но 30 марта нас, как назло, поставили в колонну, что он оказался в начале колонны, ехал он на БМД, а я почти в конце колонны на машине. Я только по рации узнал, что впереди шел бой, и, как только узнал, участок дороги, по которому мы начали проезжать, обстреляли. Машину, в которой я ехал, подорвали, но мы остались живы. А когда бой кончился, и я потом узнал и увидел Андрюшу. Он подорвался на фугасной мине. Потом его отправили на базу, а оттуда в г. Ростов, личные вещи его отправили вместе с ним.

Прошу принять мои соболезнования.

Источники

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Архив военно-исторического отдела Краеведческого музея Алтайского края.
Любовь Фурсова.

Государственный архив Краснодарского края
Военный врач: Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 65. Л. 253—255.
Михаил Савченко: Ф. Р-506. Оп. 2. Д. 57—59.
Б.М. Козенко: Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—2.
Николай Савченко: Ф. Р-506. Оп. 2. Д. 57—59.
Чрезвычайная государственная комиссия: Ф. 7021. Оп. 125. Д. 7.
Марлен Давиташвили: Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 107.
Воины Кубани: Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 66. Л. 9—10; Д. 65. Л. 27, 203; Д. 64. Л. 297; Д. 67. Л. 215—216; Д. 69. Л. 32.
Николай: Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 65, 66.
Николай Соловьев: Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 65. Л. 247—248.

Государственный архив Пермского края
Алексей Бачурин: Ф. Р-1134. Оп. 36. Д. 102. Л. 67—70 об.

Государственный архив Российской Федерации
Из районов, освобожденных Красной Армией: Ф. 7021. Оп. 116. Д. 387.
Ольга Малиновская: Ф. 7021. Оп. 71. Д. 121. Л. 2—5.
Письма красноармейцев в газету «Советский боец»: Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 388.
Никон и Иван Ермоленко: Ф. 7021. Оп. 125. Д. 6.
Горские евреи: Ф. 7021. Оп. 125. Д. 6. Л. 182—185.
Из немецких трудовых лагерей: Ф. 7021. Оп. 116. Д. 389.

Ингушский государственный музей краеведения имени Т. Мальсагова
Салман Маматиев: № 3270—3272.
Мовли Оздоев: № 4194, 4701, 4191.

Кокандский городской краеведческий музей
Сайдали Акбаров: 4492—2. ДП 3147. Кол — 301 (19)—18. 2001; 4492—2. ДП 3147. Кол 301 (19)—10. 2001; 4492—2. ДП 3147. Кол 301 (19)—17. 2001.

Красноярский краевой краеведческий музей
Владимир Умников: КККМ. О/ф 9915/2. Д. 4944; КККМ. О/ф 9915/4. Д. 4946; КККМ. О/ф 9915/3. Д. 4945; КККМ. О/ф 9915/7. Д. 4949.

Светлана и Георгий Сусловы: КККМ. О/ф 10175/148. Д. 6728; КККМ. О/ф 10175/150. Д. 6730.
Всеволод Попов: КККМ. В/ф 2243—1; КККМ. О/ф 9873/1. Д. 4644; КККМ. В/ф 2243/1; КККМ. О/ф 9873/6. Д. 4649.
Иван Доброхотов: КККМ. О/ф 7429—1. Д. 1161—13.
Военнопленные из австро-венгерских и немецких лагерей: КККМ. О/ф 10509/21; ККМ. О/ф 10509/41; КККМ. О/ф 10509/61; КККМ. О/ф 10509/107; КККМ. О/ф 10509/139; КККМ. О/ф 10509/157; КККМ. О/ф 10509/201.
Переписка семьи Белинских: КККМ. О/ф 9560/8. Д. 2720; КККМ. Д. 4344; КККМ. О/ф 9560/12. Д. 2724.

Музей боевой славы 80-й гвардейской Уманской ордена Суворова II степени стрелковой дивизии МБОУ «Лицей № 130» (Барнаул)
Василий Баженов.
Дмитрий Введенский.
Дима К.

Научный архив Института российской истории Российской академии наук
Письма участников Сталинградской битвы в газету «Сталинское знамя»: Ф. 2 Разд. III. Оп. 5. Д. 60.

Национальный архив Республики Карелия
Андрей Ипатов: Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 2/43, 2/44.
Игорь Бояринов: Ф. Р-3724. Оп. 1. Д. 15, 16.
Андрей Агапитов: Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 1/1.
Переписка семьи Камбалиных: Ф. Р-3659. Оп. 1. Д. 2/46.

Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки имени Васыля Стефаника Ф. 1. Оп.1. (Собрание рукописей Научного товарищества имени Тараса Шевченко). Д. 785
Федор Кисиль: Д.785/72, 1—6, 8, 12—15, 18.
Нестор Калужняцкий: Д.785/27, 1—2.»
Григорий Горбач: Д.785/70, а.1, 3, 7, 14, 16, 23, 26–27, 29, 34, 38—41.
Михаил Мороз: Д.785/32, 1—4.
Петр Выхопень: Д.785/9, 1.

Российская национальная библиотека
Переписка епископа Николая (Оно): Еженедельная газета-журнал «Друг» русских военнопленных 4-го двора (барак № 20) в Хомадере в Японии. Редакторы: Г. Новиков, П. Шкода. 1905. № 2—5. 7—16 июня. С. 2—4; 1905. № 6—9. 23 июня — 2 июля. С. 2—3.
Военнопленные в Хамадера: «Друг». 1905. № 2—5. 7—16 июня. С. 8; 1905. № 13. С. 1—2; 1905. № 20. 18 сентября — 1 октября. С. 6—7.
Магомет Маллачи-хан: Отдел рукописей РНБ. Ф. 130. Оп. Васильевы. Д. 34. Магомет Маллачи-хан, подпоручик саперного батальона 3-го Кав. армейского корпуса. Письма (5) к Зое Николаевне Степановой 10 дек. 1914 — 2 янв. 1915 и б.д. Л. 1—8 об.

Российский государственный архив военно-морского флота
Неизвестный автор (1904): Ф. 466. Оп. 1. Д. 88. Л. 1904.
Дмитрий Дараган: Ф. 763. Оп. 1. Д. 201.
Василий Черкасов: Ф. 1147. Оп. 1. Д. 7.

Центральний державний архів громадських об'єднань України
Андрей Грабчак (Буйный): Ф. 88. Оп. 1. Д. 18. Л. 27, 76.

Центральный московский архив-музей личных собраний.
Лидия Прокофьева: Ф. 172. Оп. 2. Д. 120.

Шемонаихинский историко-краеведческий музей (Казахстан)
Василий Шапорев: ВКОМШфКП нв 2 — 1394 ВОв Ш 2; ВКОМШфКП нв 2 — 1395 ВОв Ш 2.
Василий Позняк: экспозиция музея.
Андрей Петров: ШКМКП 016—9626.
Тимофей Вербицкий: ВКОМШфКП, нв 2 — 1398 ВОв В 2.
Александр Борисов: КП 016—9625 ВОв Ф 6.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Нижегородский комитет солдатских матерей.
Владимир Бараненко.
Дмитрий Войнов.
Александр Давыдов.
Николай Коваленко.
Александр Лемзяков.
Игорь Лещеров.
Сергей Матвеев.
Андрей Никонов.
Александр Копшев.

Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал».
Виталий Зайцев: Бондаренко А.С., Шищенко О.С. и Селина О.В. «Сто писем рядового Виталия Зайцева». Руководитель: Ольга Ивановна Столбовская. Работа на XI ежегодный конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» общества «Мемориал». Матвеев Курган, 2010.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Красный архив»
Василий Верещагин: 1931. Т. 2 (45). С. 167—171.

«Море»
Зиновий Рожественский: 1911. № 6. С. 23—60.

«Новое время»

Прибалтийские немцы: № 13825, 13933, 13870, 13916, 13860, 13834, 13941, 13840 за 1914 и 1915 гг.

«Сердало» («Свет»).

Юсуп Матиев: 1942. № 5 (2051). 13 января. С. 2; 1942. № 13 (2059). 31 января. С. 2.

Хамзат Алиев: 1942. № 13 (2051). 31 января. С. 2.

Письма фронтовиков в газету «Сердало»: 1941. № 80 (1976). 10 июля. С. 3; 1941. № 114 (2010). 27 сентября. С. 2; 1942. № 14 (2060). 3 февраля. С. 2.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Англо-бурская война 1899—1902 годов глазами российских подданных: В 13 т. / Сост. Г.В. Шубин и др. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012:

В Российское Общество Красного Креста: Т. 8. С. 364—394.

Леонид Покровский: Т. 7. С. 215—218, 238—244.

Бессонная Н. Письма с фронта. (Из архива моей бабушки). Хмельницкий: НВП «Евріка» ТОВ, 2001. С. 38—42.

Письма о Владимире Решетникове.

Говорят живые и мертвые: Солдатские дневники, письма и воспоминания / Сост. Г. Егоров. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1985.

Александр Милованов: с. 567—571.

Анатолий Лозгачев: с. 584—586.

Михаил Артемов: с. 588—594.

Зензинов В. Встреча с Россией: Чем и как живут в Советском Союзе: письма в Красную Армию, 1939—1940. Нью-Йорк: L. Rausen, 1944.

Нина Бавина: с. 548—557.

Жены военнослужащих: с. 302—303, 322, 335, 364, 375—377, 400—401, 427—428, 488—490, 506—507.

Жены красноармейцев: с. 338—339, 351, 366—367, 418, 421—423, 430—431.

Василий Зябкин: с. 343—345.

Тамара Пахелюк: с. 435—438.

Письма в РККА: с. 314—315, 321, 328—329, 330—333, 340—341, 356—357.

Калинкина Е.А. «Но я писать не утихаю...» Письма казака А. Маслова родным с русско-японской войны 1904—1905 годов (по материалам Челябинского испарта) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2003. № 1. С. 102—114.

Александр Маслов.

Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2002.

НКВД СССР: с. 275—281, 356—360.

НКВД СССР о письмах немецких солдат: с. 440—444, 446—449.
Спецсообщения военной цензуры: с. 291—293, 293—301, 320—323.
НКВД СССР: с. 302—306, 307—310, 317—320.

Молоствова Е.В. Солдатские письма. Казань, 1917.
Письма российских военнопленных (1914—1915): с. 95—98.

Но мы не забудем друг друга / Сост. М.Н. Буравцева. М.: Профиздат, 1990.
Павел Буравцев.

Пахомова-Гёрес В. А. «Во имя жизни». Эрмитаж. А.Ф. Пахомов. Блокада. // 250 историй про Эрмитаж: «Собранье пестрых глав...» Книга четвертая. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2016. С. 7-38.
Иллюстрации А.Ф. Пахомова.

«Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...»: Фронтовые письма 1941—1945 годов. М.: Новое издательство, 2005.
Александр Стрекаль: с. 67—76.

«Розрішить передати мені гарячий скучний привіт з нового й далекого краю Германії»: листування Уляни Камянської / Гол. ред. Г. Грінченко; упоряд. Р. Казанков, І. Скрипка. Харків: Майдан, 2014.
Переписка Ульяны Камянской.

Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии. Письма в редакцию «Русского вестника». Берлин: Verlag von M.W. Meier, 1917.
Русские военнопленные: с. 34—38, 38—39, 39—40, 65—69, 79—81, 83—86, 90—92, 130.

Солдатские письма 1917 года / Подготовлены к печати О.Н. Чаадаевой. М.: Госиздат, 1927.
Письма солдат (1917).

Царская армия в период мировой войны и февральской революции. (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Под ред. А. Максимова. Казань: Татиздат, 1932.
Военные цензоры.

Эхо огненных лет. Письма киргизстанцев в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1975.
Переписка с гвардейцами-панфиловцами: с. 35—38, 50—51, 64—70, 91—92.
Байджур Анарбаев: с. 94—95.
Военнослужащие танковой колонны «Советский Киргизстан»: с. 112—113, 133—135.
Николай Чекменев: с. 192—193.
Письма красноармейцев в газету «Советская Киргизия»: с. 13—15, 20—22, 27—28, 137—138.

Письма солдатских матерей: с. 22—24.

C.G. Mannerheim. Päiväkirja Japanin sodasta 1904—1905 sekä rintamakirjeitä omaisille. Helsinki: Otava, 1982.

Карл Маннергейм: р. 155—186.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

«Зимняя война», http://winterwar.karelia.ru/

Григорий Казанцев.

Михаил Мишин.

Музей природы и человека Ханты-Мансийского автономного округа, http://www.ugramuseum.ru

Григорий Манаков.

ЛИЧНЫЕ АРХИВЫ

Личный архив Жанны Глозман.

Переписка Раи Клейман и Марка Файнбома.

Личный архив А.-М.М. Дударова.

Юсуп Кодзоев.

Личный архив В.С. Дэн (Санкт-Петербург).

Семен Кузнецов.

Личный архив Н.Д. Кодзоева

Юсуп Кодзоев.

Личный архив В. Кригера (Гейдельберг).

Вильгельм Кромер.

Личный архив Юкки Лехесвирта (Финляндия).

Аате Питкянен.

Личный архив И.М. Лурье (Санкт-Петербург).

Переписка семьи Боришанских-Лурье.

Личные архивы семей Мальгиных (Архангельск) и Барандовых (Санкт-Петербург).

Евгений Мальгин.

Личный архив семьи Маркович (Франция).

Переписка между семьями Левис, Стахевич и Брик.

Личный архив Б.В. Мошулдаева (Элиста).
Виталий Бадма-Горяев.

Личный архив В.Г. Павловского (Краснодар).
Григорий Павловский.
Личный архив Е.Т. Постоян.
Левон Мкртчян.

Личный архив Снежаны Рогач (Минск, Беларусь).
Михаил Масарновский.

Личный архив В.Г. Руденко (Воронеж).
Галина Кашина.

Личный архив Г.А. Скребцова.
Валерий Польский.

Личный архив Сергея Ушакина (Принстон, США).
Александр Заморзаев.

Сведения об авторах проекта

Алексей Голубев — кандидат исторических наук, PhD, преподаватель исторического факультета (Assistant Professor) в Хьюстонском университете, США. В 2016—2017 гг. — исследователь-стажер Программы имени Фредерика Бантинга (Banting postdoctoral scholar) в Университете Торонто, Канада. Email: golubevalexei@gmail.com

Елена Гончарова — хранитель фондов Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Email: e-z-g@yandex.ru

Ирина Реброва — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия); докторантка Центра изучения антисемитизма Технического университета Берлина, Германия. Email: rebrova@win.tu-berlin.de

Сергей Ушакин — преподаватель антропологии и славистики Принстонского университета. Кандидат политических наук, PhD. Email: oushakin@princeton.edu

Авторы введений к разделам

Елена Барабан — доцент кафедры славистики и германистики Университета провинции Манитоба (г. Винипег, Канада). *Email*: Elena.Baraban@umanitoba.ca

Полина Барскова преподает русскую литературу в колледже Хэмпшир, США; автор многочисленных поэтических сборников. *Email*: pbha@hampshire.edu

Константин Богданов — ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН. *Email*: konstantin.a.bogdanov@gmail.com

Елена Гапова — доцент кафедры социологии университета Западного Мичигана, США; основательница Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета в Минске. Email: e.gapova@gmail.com

Андрий Заярнюк — доцент исторического факультета Университета Виннипега, Канада. *Email*: a.zayarnyuk@uwinnipeg.ca

Мария Литовская — профессор кафедры русской литературы XX—XXI веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. *Email*: marialiter@gmail.com

Дмитрий Мордвинов — магистр сравнительной истории (Центрально-Европейский Университет, Венгрия). *Email*: dmitry.a.mordvinov@gmail.com

Ольга Никонова — заведующая кафедрой отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета. *Email*: olga-nikonova@yandex.ru

Ирина Реброва — доцент кафедры истории, политологии социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета (Краснодар, Россия); докторантка Центра изучения антисемитизма Технического университета Берлина, Германия. Email: rebrova@win.tu-berlin.de

Елена Рождественская — профессор департамента социологии факультета социальных наук Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики; ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. *Email*: rigasvaverite@gmail.com

Ирина Сандомирская — профессор Центра балтийских и восточноевропейских исследований, университет Седертерна, Швеция. *Email*: irina.sandomirskaja@sh.se

Йохен Хелльбек — профессор истории университета Ратгерс, США. *Email*: hellbeck@rutgers.edu

Александр Чащухин — доцент кафедры гуманитарных дисциплин Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики, Пермь. *Email*: alexandr-pstu@mail.ru

Предметный и именной указатель

автор, авторство 8—9, 15, 20, 31, 107—109, 178, 263, 414, 484—487, 509, 635—640
аттестат (денежный) 84, 124, 135, 138, 160, 246, 599, 570—571, 717, 781, 785, 810, 825, 831
Афганистан 111, 171, 174, 235, 257, 394, 397, 406—408, 489, 736—737, 752, 754, 771—774, 804—808
аффект 18, 357

бандиты 54, 62, 196—197, 214, 316, 319, 346, 384, 438, 442—445, 530—531, 566, 570, 584
Белоруссия 218, 230, 519, 561, 612, 721, 754, 794
белье 42, 113, 141, 203, 219, 220, 227, 229, 233, 307, 310, 331, 420, 423, 548, 549, 600, 605, 606
Берлин 32, 155, 376, 416, 434, 452, 578, 584
беспокойство 41, 42, 51, 53, 66, 68, 77, 86, 88, 120, 132, 142, 149, 151, 157, 202, 203, 214, 219, 226, 228, 250, 255, 291, 330, 343—4, 360, 377, 380, 382—4, 392—3, 405, 446, 448—50, 540, 546, 564, 568—569, 625, 628, 646, 650, 688, 716, 724, 737, 763, 790, 794, 801
биография письма 13—15, 679—80
блокада 16, 354, 357—61, 364—67, 377—387, 417—418, 473, 477—478
болезни 253, 333, 797
боль 89, 189, 190, 329, 331, 373, 575, 626, 654, 700, 713
больница, госпиталь 32—34, 35, 66, 112, 122, 169, 183, 190, 192, 234, 247, 299, 307, 320, 330, 331, 336, 365—68, 388, 376, 391, 401, 424, 439, 520, 583, 600—01, 612—13, 620, 621, 622, 629, 645, 652, 662, 663, 718—19, 809
см. также лечение, санитар,
большевистский 54, 79, 325, 422, 436, 562, 799
боязнь, бояться 182, 207, 231, 423, 493, 509, 540, 549, 814
см. также страх
буржуазия 295, 508, 510, 513, 558

валенки 128, 141, 153, 208, 381, 420, 423, 587, 666, 705
варвары 55, 57, 58, 431, 443, 576, 580, 584, 586, 660,
см. также бандиты
Великобритания (Англия) 267, 275—76, 420, 489—490, 493
вербовка 455, 788
вина 70, 76—77, 79, 92, 153, 228, 322, 337, 370—1, 424, 504, 510, 514, 523, 530, 551, 554, 556, 558, 564, 575, 579, 586, 601, 604, 618, 646, 649, 657, 660, 663, 667, 670, 690, 704, 734, 781, 802,
вздох 57, 227, 292, 369
власть 10, 15, 18, 105, 109, 297—298, 483—488, 503—505, 514
воспоминания 147, 237, 372, 571, 577, 564, 722, 744

гад 54, 56, 62, 6506, 305, 321, 363, 416, 421, 424, 431, 434, 436, 438—9, 445—50, 463, 477, 541, 564, 566, 578, 582, 587, 669—70, 751, 756, 758, 760—61, 797

газеты 18, 34, 39, 47, 53, 54, 91, 92, 114, 117, 143, 147, 164, 170, 178, 179, 183, 184, 191, 195, 200, 209, 210, 216, 221, 222, 230, 273, 292, 321, 390, 398, 400, 415—16, 424, 425, 426—27, 459, 460, 495—96, 499, 502, 506, 511—14, 517, 519, 541—42, 546, 548, 557, 573, 576, 579, 586, 596, 598, 602, 693, 761, 771, 794, 805, 806
Гитлер, А. 55, 65, 137, 214, 386, 322, 433, 434, 460, 466, 541, 564, 586, 667, 765
героизм 29, 31, 43, 54, 55, 57, 59, 71, 205, 261, 266, 303, 305, 319, 346, 359, 365, 417—18, 433, 432, 443—44, 446, 471, 473—74, 477, 515, 561, 575, 598, 716, 750, 754, 774, 797, 798—99, 802
гибель 29, 44, 45, 55, 77, 188, 212—13, 228, 265, 269, 303, 349, 370, 386, 444, 456, 503, 515, 551, 635, 771, 781, 795, 798, 805
см.также смерть
голод 145, 296, 298, 300—304, 306—307, 328, 357—361, 364—367, 417, 425, 447, 473, 478, 510—513, 561, 587, 698
голос 20, 188, 294, 295, 336, 414, 426, 483, 493, 505, 508, 602, 606, 644, 658—659, 681, 733, 782
гордость 51, 54, 55, 58, 76, 203, 213, 416, 419, 436, 445—46, 449, 454, 461, 461, 474, 477, 562, 564, 575, 603, 623—24, 654, 717, 756, 758, 771, 797, 798, 799
горе 45, 54, 55, 58, 130, 150, 182, 213, 226—27, 263—64, 268, 296, 316, 347, 348, 350, 358, 368, 372, 390, 420, 449, 517, 573, 579, 582—83, 586, 729, 758, 773—74, 793, 796, 798, 802, 804
граница 15, 28, 30, 93, 108, 111, 117, 185, 194, 271, 444, 458, 561—563, 647, 701, 721, 723, 771
гроб 50, 736, 743, 795, 803, 806, 807, 809, 810
грусть 46, 47, 50, 194, 213, 220, 223, 226, 237, 241, 247, 283, 284, 337, 371—74, 379, 382, 386, 453, 515, 553, 590, 599, 614, 617, 623, 625, 627, 644, 661, 670, 698, 700, 710, 734, 739, 742, 755, 793

дикость 390, 538, 551
дискурсивность 9—11, 13—16, 18—20, 28—29, 484—486, 537, 540, 679, 682, 750, 754, 781
дискурсивный режим 15, 18, 26, 484, 486, 540, 682, 781
дисциплина 240, 291, 297, 306, 395, 441, 539, 604, 709
доблесть 56, 59, 60, 184, 217, 315, 319, 429, 445, 506, 513, 796
добровольцы 36, 185, 186, 189, 196, 197, 325, 416
долг 20, 30, 68, 74, 106, 107, 115, 122, 133, 142, 143, 151, 346, 389, 421, 432, 448, 499, 518, 549, 553, 593, 603, 604, 796—97, 799
донос 12, 270, 487, 512, 516, 781
досуг:
алкоголь 40, 155, 246, 247, 336, 337, 393, 406, 425, 521, 549, 625, 704, 707, 760
кино и телевизор 91, 172, 232, 247—248, 249, 326, 328, 338, 374, 448, 561, 562, 670, 704, 713, 736
музыка 40, 45, 226, 229, 237, 338, 346, 349, 402—403, 549, 607, 769
праздники 38, 220, 225, 393, 606—607, 808
спорт 40, 96—100, 346
чтение 164, 168, 173, 195, 204, 222, 237, 333, 512, 546
юмор 420
дружба 59, 71, 95, 188, 195, 213, 246, 332, 344, 476, 433, 457, 475, 490, 561, 722, 781, 796, 801, 809
душа 66, 101, 118, 172, 182, 213, 220, 245, 247, 303, 334, 349, 367, 382, 388, 429, 515, 577, 603, 642, 644, 735, 737, 738, 743, 770, 796

евреи 124, 197, 319, 320, 325, 424, 426, 530, 651, 583, 586—587
еда — см. питание
единство, единение 60, 71—2, 178, 197, 205, 262, 414, 436, 439, 441, 514, 684, 733, 744

жалованье 109, 114, 119, 123—24, 226, 269, 293
см. также зарплата
женщина, девушка 46, 56, 58, 61, 83, 99, 150, 153, 183, 231, 237, 250, 276, 315, 317, 321, 358, 393, 471, 509, 566, 580, 586—87, 606, 635—39, 701, 716—17, 733, 749, 757, 758, 795
«Жди меня» (стихотворение К. Симонова) 710, 742, 751

забота 55, 58, 59, 60, 92, 106, 109, 147, 156, 168, 196, 209, 22, 229, 247, 271, 280, 288, 289, 294, 365, 368, 371, 422, 438, 449, 450, 471, 473, 475, 575, 597, 617, 669, 696, 706, 712, 714, 715, 757, 758, 795
зарплата 65, 110, 132, 140—41, 144, 207, 208, 345, 383, 384, 400, 448, 452, 644, 717
захватчик 55, 56, 58, 82, 160, 205, 265, 410, 416, 420, 429, 435, 443, 450, 525, 441, 478, 481, 484, 781, 798, 799, 800, 802
зверь, озверелый 56, 57, 70, 92, 213, 315, 392, 423—424, 433, 438, 452, 478, 538, 553, 575, 579, 584, 586, 602, 766
см. также изверг
земля (родная/чужая) 55, 56, 58, 61, 62, 66, 71, 86, 93, 100, 124—25, 160, 165, 181, 184, 198, 221, 223, 239, 277, 297, 336, 344, 346, 361, 386, 390, 392, 402, 419, 421, 430, 431, 434—6, 440, 442, 444, 447, 505, 510, 518, 521, 522, 541, 566, 574, 577, 581, 587, 614, 664, 699, 700, 721, 756, 758, 771, 774, 792, 799, 810
злодеяние 19, 58, 212, 319, 419, 431, 434, 524, 525, 530—32, 541, 579, 584, 585—87

изверг 138, 213, 221, 305, 319, 321—22, 422, 430, 432, 445, 518, 540, 556, 584—85, 667, 760, 792
изменник 519, 528—29, 530—32, 549, 557, 630, 717
см. также предатель

Кавказ 60, 180, 189, 203—204, 293—295, 332, 357, 415, 433—434, 437, 441, 457, 530—531, 591, 741, 791
капли крови 57, 61, 62, 79, 208, 421, 568, 791
каратель 79, 322, 581, 582
картофель 61, 137, 139, 143, 147, 180, 208, 216, 220—21, 224—25, 231, 271, 298, 302, 304, 318, 324, 331, 333, 336—37, 352, 360, 361, 372, 389, 392, 397, 400, 424, 447, 455, 467, 468, 515, 601, 606, 614, 621, 627, 810
киргизы 53—60, 70—72, 215, 303, 444—446, 564
кладбище 212, 369, 373, 376, 743, 781, 795—96, 807
клятва 56—57, 160, 321, 428—29, 431, 436, 518, 573—74, 586, 652, 660, 756, 799
койка 39, 49, 52, 192, 330, 551, 613
коллаборационизм 322, 325, 524—529, 575
коллекции, коллекционирование 20, 25, 109, 161, 426, 479—480
колхозы 56—57, 61, 85, 86, 89, 130, 139, 140, 142, 205—208, 214, 315—316, 318, 442, 577, 625, 705—706
командование 57—58, 71, 189, 194, 205, 210, 296, 302, 305, 343, 346, 430, 433, 442—44, 544, 566, 797
коммунистический 54—55, 417, 450, 727, 738
см. также партия
Комсомол 398, 430, 442, 444, 460—461, 476, 563, 565, 580
коррупция 100, 199
Красный Крест (российское общество, РОКК) 32—38, 112—115

лагеря:
военнопленных 116—118, 119—120, 593, 596—599, 600—608, 609—611
концентрационные 319, 587
трудовые 614—619, 620—622, 626—627
лечение: 89, 153, 167, 232, 307, 374, 600, 804
см. также госпитали, больницы
любовь 56—8, 118, 183, 227, 238, 240, 245, 247, 438, 442, 450, 456, 576, 606, 615, 635, 643, 653, 661, 664, 667, 670—72, 691, 722, 726, 733, 737, 738, 740—41, 744, 754, 757—58, 760, 775

Маньчжурия 90, 108, 112, 114, 188, 192, 198, 275, 492, 543
мертвый 19, 53, 67, 128, 478, 545, 577, 587, 695, 781, 786, 806, 810
см. также смерть
месть 43, 55—7, 79—80, 101, 185, 212, 305, 316, 321, 322, 419, 421, 427, 431—34, 438, 447, 519, 541, 563, 570, 573—74, 577, 579, 583, 584, 585—86, 667, 671, 751, 758, 799
могила 55, 79, 190, 241, 376, 434, 438, 460, 466, 532, 543, 562, 573, 576, 743, 771, 773—74, 783, 792—95, 799, 806, 809, 811—12
Монголия 93—95, 198
мороз 43, 44, 53, 81, 145, 200, 222, 224, 226, 234, 307, 308, 309, 312—13, 382, 420, 423, 475—76, 587, 650, 675
см. также холод
мусульмане 489, 512, 516, 733
мясо 137, 269, 325, 343, 352, 385, 387, 396, 398, 423, 424, 606, 620, 622, 644, 729

награды и награждения 31, 47, 54, 60, 66, 68, 79, 86—87, 99, 113—114, 156, 194, 202, 210, 231, 240, 297, 305, 416, 429, 432, 435, 443, 445, 452, 473, 562, 566, 567, 572, 598, 670, 673, 690—691, 708, 793, 799, 808
надежда 15, 49, 51, 64, 115, 139, 148, 150, 152, 162, 240, 268, 273, 281, 285, 313, 370, 372, 376, 380, 389, 440, 503—504, 512, 516, 531, 540, 611, 630, 655, 670, 673, 679, 680, 683, 691, 699, 725, 751, 780, 784, 789
наказ 61—62, 70—71, 427, 433, 443, 798
начальство 39, 46, 50, 81, 109, 161, 207, 274, 291, 486, 501, 505, 508, 515, 538, 544, 549, 602, 607, 615, 624
см. также власть
неволя 591, 598, 721, 755
см. также плен
недовольство в армии 423—425, 503—508, 509—517, 519—521, 522—523, 555, 556—559
ненависть 18—19, 60, 72, 321, 416, 419—420, 428, 434—435, 438, 440, 447, 501, 507, 537—542, 563—564, 566, 575, 581, 584, 586, 587, 723, 757, 758, 781, 795
несчастье 252, 263, 266, 278, 297, 308, 365, 500, 576, 695, 704, 728
неуставные отношения 328, 336, 341
Николай II 294, 297, 556
НКВД 77—79, 265, 300, 302, 305, 308, 312, 413, 418, 419, 518, 521, 529, 532, 620, 670, 788,
новость 11, 40—41, 47, 99, 129, 158, 164, 171, 177—178, 191, 200, 334, 348, 353, 373, 375, 390, 398, 400, 540, 625, 627, 629, 637, 639, 660
норма, нормативность 17—18, 29, 106, 111, 171, 177—178, 181, 263, 366—367, 413, 418, 483—485, 487, 496, 636, 681, 751, 754

обвинение 46, 364, 371, 54, 593, 601, 636, 638, 726, 789, 809, 830
см. также вина
обида 43, 50, 73, 100, 147, 265, 277, 291, 309, 342, 344, 405, 490, 522, 544, 576, 598, 630, 636, 638—639, 641, 642, 644, 646, 653—656, 663, 666, 673, 682, 704—705, 720—721, 725—726, 728, 731—732, 803—804, 806, 810
обмен 8, 10, 11, 13, 14, 17, 105—6, 109—111, 179, 358, 361, 636, 779
оборона 31, 58, 61, 72, 74, 87, 89, 197, 202, 207, 212, 302, 309, 365, 420, 428—429, 432, 435—437, 538
обувь 111, 123, 127, 171, 305, 512, 526, 576
овеществление 109, 178, 636
оккупация и оккупационные режимы 315—325, 524—532, 579—587
окоп 64, 124, 162, 202, 204, 261—262, 287, 292—298, 301, 313, 364—365, 420, 428, 504—505, 510—511, 537, 539, 548, 550—551, 557, 735, 740—741, 785—786
опасность 177, 186, 196, 217, 219, 227, 361, 419, 428, 440, 446, 460, 474, 542, 575, 668, 688, 694, 723, 752—753
оружие 53, 59, 72, 76—77, 79, 96, 98, 145, 184—185, 197, 205, 294, 297, 309—310, 404, 421, 428—429, 431—432, 436, 438—442, 490, 545, 556, 582, 595, 604, 630, 672, 690, 756, 759, 772, 797, 799
отпуск 52, 91, 93—94, 96, 100, 111, 165, 167—171, 173, 183, 194, 200, 225, 241, 242, 248, 283, 293—294, 309—312, 326, 327, 341, 351, 375, 404, 405, 407, 629, 642, 644, 718, 789, 796, 813
отчаяние 592—593, 596, 661
офицер 27, 38, 39, 45—46, 50, 52—53, 82, 99, 118, 134, 142, 145, 147, 162, 184, 186, 191, 193, 196, 200, 201, 204, 271, 293, 338, 341, 347, 404, 486, 503—508, 511, 516—517, 526, 538—539, 543, 546, 548, 551, 553—555, 561, 593, 598, 610, 629, 682, 693, 696, 793, 802
ощущение 16, 108, 188, 237, 261—263, 592, 594, 629, 636, 722, 754

палатка 96, 98—100, 162, 204, 216, 235, 253, 348, 769
память 20, 28—29, 55, 58, 177, 210, 230, 341, 345, 348, 350, 373, 434, 454, 464, 484, 518, 554, 570, 585, 607, 635, 654, 667, 701, 744, 771—771, 779, 781, 788, 793, 796, 797, 798, 807—808
партизаны, партизанское движение 76—80, 153, 309, 311—313, 318—319, 321—322, 451, 580—583, 586, 731—732, 741
партия (РКП(б), ВКП(б), КПСС)54—56, 78—79, 98, 207, 305, 324, 415, 417, 422, 429, 441, 445—446, 519, 532, 561, 757, 791, 800, 806
партийная борьба 297,
патриотизм, патриоты 18, 54, 57, 62, 70, 108, 265, 305, 413, 419, 433, 442, 485, 501, 509, 511, 512, 516, 518, 521, 541, 542, 581, 604, 752, 754, 779, 799
перевод (денежный)75, 85, 94, 109—110, 134, 142, 147, 154, 162, 172, 207—208, 217, 252, 335, 339, 351, 379—380, 395, 446, 452, 570—571, 704, 715, 806
см. также аттестат
передовая 53, 66, 202, 206—207, 210, 301—302, 309, 312—314, 381, 422, 430, 433, 437, 564, 570—571, 712, 751, 792
переживание 16, 27—28, 57—58, 165, 180, 217, 231, 261, 284, 299, 301, 315, 318, 343—344, 350, 388—390, 429, 539—540, 575, 586, 628, 635, 670, 752, 754, 764, 771, 813
песня 56, 58, 134, 219, 227, 229, 239—241, 243, 245, 399, 405—407, 504, 516, 577, 602, 635, 642, 734, 738, 781
печаль 57, 226—227, 262, 272, 375, 388—389, 592, 596, 599, 607, 752, 767
печать и пресса 37, 118, 280, 485, 495—502, 513—514, 597—598
см. также газета

питание 89, 224, 225, 233, 300, 302, 306—307, 324, 328, 332, 352, 362, 367, 369, 381—383, 385, 414, 416, 422—425, 442, 451, 455, 478, 512, 517, 521—523, 569, 572, 594, 618, 622, 626, 663—664, 727, 750
см. также еда
плен, пленный 53, 61, 76, 77, 94, 116—120, 156, 162, 228, 234, 301, 312, 322, 420, 442, 511, 519, 520, 523, 530, 539, 548, 565, 584, 587, 584—630, 696, 731, 749, 752
победители 87, 157, 198, 429, 435, 444, 449—450, 510, 603
повседневность 25, 27—28, 31, 105, 109, 177—178, 181, 240, 261, 263, 265—266, 484, 486—488, 537—539, 542, 639, 679—681, 749—752, 780—781, 783
повторяемость (тем) 14, 19, 751, 781—782
поганый 58, 153, 212, 382, 438, 574, 649
см. также гад
погибший 45, 55, 57, 305, 322, 360, 432, 518, 573, 584—585, 596, 695, 753, 771, 774, 780, 798, 805
см. также смерть
погода 41, 43, 45—46, 74, 84—88, 90, 96, 147—148, 164—166, 169—170, 173, 194, 209, 231, 248, 249, 253, 255—257, 267, 272, 339, 345, 348, 392, 394, 399—400, 402—405, 551, 571, 619, 675, 722, 738—739, 774, 775, 780, 812
Польша 203, 244, 510, 560—562, 731—732
пособие 62, 128, 130, 142, 151, 219, 220, 293, 451, 702, 717, 756
посылка 11, 75, 105, 109—110, 119—120, 130, 134, 139—143, 149, 157—159, 178, 194, 205, 214, 222, 247, 249, 256, 277, 307, 309, 311, 335, 339—340, 345, 349—350, 352, 395, 398, 405, 423, 446, 452, 473, 609—610, 617, 620—622, 624, 626, 639, 642, 655, 668, 672, 705, 716, 729, 760, 765, 775
потери 45, 55, 99, 189—191, 197, 285, 306, 310, 312, 353, 442, 446, 518, 552, 539, 549—550, 584, 685, 762, 792
похороны 353, 553, 696, 776, 793—796, 803
«похоронка» (извещение о смерти) 29, 639, 781, 787, 794, 805
почта 10, 11, 14, 29, 130, 134, 135, 139, 155—156, 164—166, 171, 172, 192, 199, 202, 205, 269, 308—309, 315, 324, 339—340, 344, 350, 381, 385, 404, 415, 421, 464, 523, 548, 621, 642, 646, 662, 666, 670—672, 682, 687, 801
поэтика 13—14, 414, 781—782, 784
правительство 55, 58, 60, 105, 109, 123—125, 196, 213, 291—292, 297, 421—423, 441, 445, 504—506, 510, 513, 517, 561
предатель, предательство 298, 325, 484, 487, 514, 519, 531, 542, 574—575, 629, 771
приватность (личная жизнь) 29
приметы 69, 545, 656, 665
принудительный труд в Германии 71, 316, 322, 325, 447, 582—584, 623—627
продукты 71—72, 111, 124, 133, 139—140, 142, 161, 171, 186, 205, 211, 229, 256, 294, 302, 304, 324, 343, 344, 388, 396, 422, 487, 506, 526, 586, 594, 609, 610, 613, 615, 716
профессионализм (военный) 26—29, 680—681
пуля 69, 97, 101, 119, 162, 189, 189, 192, 198, 201, 202, 261, 284, 287, 288, 341, 388, 390, 427, 431—435, 439, 444, 520, 522, 557, 578, 612, 720, 741, 786, 799

радио 54, 143, 158, 170, 237, 324, 362, 378, 398, 420, 438, 458, 459, 644, 645, 658, 673, 785, 794, 808
радость 28, 40, 49, 54, 74, 99, 118, 123, 182, 188, 193, 213, 217, 220—221, 224, 227, 240, 257, 282, 285, 292, 321, 323, 334, 336—337, 349, 362, 375, 381—382, 393, 417, 419, 423, 437, 444—446, 455, 459, 472, 478, 510—511, 513, 517, 562, 576, 593, 610, 629, 653, 663, 667, 669, 673, 675, 686, 723, 727, 788

разгром 55—56, 58, 65, 71, 87, 89, 139, 208, 390, 410, 419, 422, 427—428, 432—433, 436—440, 522, 586, 734, 797
разруха 507, 513
рана, ранение 391, 436, 439, 568, 574, 576, 580, 609, 612—613, 774, 785
раненый 34—35, 37 47, 52, 57, 66, 86, 92, 96—98, 101, 112, 119, 124, 153, 189, 219, 228, 232, 234, 297, 299, 305, 307, 316, 325, 331, 353, 432—434, 438, 439, 442, 499, 520, 527, 538, 548, 551—552, 556, 587, 600, 609, 612, 630, 664, 685, 690, 694, 702, 720, 751, 759, 767, 774, 785, 799, 804, 807, 809
ревность 311, 637, 638—639, 673, 723, 725, 740
религия 287, 299, 512, 797
Россия 41—42, 47, 117—118, 184, 193, 198, 249—250, 271—272, 292—293, 296—297, 303, 308—309, 311, 313—314, 345—346, 433, 489—491, 493, 500, 505—507, 509—510, 513—516, 548, 556—558, 602—604, 606—607, 698

самолет 93, 135, 162, 211, 231, 301, 421, 424, 435, 446, 447, 522—523, 663, 673
санитар 32—37
свобода 58, 126, 212—213, 265, 292—293, 295, 427, 437, 442, 446, 507, 515—516, 737, 799
священный, святой 56, 60, 108, 125—126, 427, 432, 444, 521, 561, 574, 604, 670, 725, 751—752, 756—758, 799
сердце 43, 54, 55, 66, 72, 77, 114, 120, 162, 190, 212, 226, 227, 232, 238, 241—244, 268, 272, 282, 315, 365, 368—369, 373, 375, 420, 433, 439, 441, 447, 449, 453, 461, 465, 471, 473, 478, 490, 556, 564, 573, 576, 586, 603, 607, 617, 626, 644, 652—655, 663, 666, 668, 671, 689, 691—692, 699, 701, 715, 718, 723, 727, 734, 737, 755, 757, 765, 773—774, 796, 803
скорбь 57, 390, 512, 576
слабость 182, 268, 542, 552, 688, 737
слава 30, 79, 184, 303, 344, 424, 427, 434, 477, 667, 802
слезы 45, 68, 72, 92, 134, 214, 243, 277, 301, 309, 322, 329, 349, 375, 388, 389, 447, 448—449, 511, 573—574, 579—580, 583, 587, 643, 644, 667, 699, 703, 717, 743, 758, 774
слухи, сплетни 40—43, 46, 50, 183, 185, 191, 193, 195, 196, 199, 275, 279, 293—294, 303, 312, 313, 327, 336, 343, 496, 504, 516, 539, 546, 548, 554, 600—601, 603, 647, 649, 655, 687, 690, 695, 807
смелость 69, 94, 196, 341, 490—492, 566, 786, 796, 798
смерть 29, 56—58, 68, 77, 124, 129, 143, 177, 187, 212, 232, 261—262, 278, 284, 292, 295, 306, 312, 319, 320, 322, 325, 358, 361, 369, 371, 373, 375, 427, 431—433, 435, 444, 457, 463, 478, 519, 522, 542, 548, 552, 559, 561, 565, 569, 572, 574, 576, 579, 580, 583, 586, 603, 607, 613, 637, 643, 649, 663, 710, 741, 749, 752, 757, 786, 788, 794—796, 799, 802, 803, 804—806, 814
см. также гибель
снаряд 48—49, 52, 162, 216, 217, 219, 297, 390, 435, 450, 451, 510, 544, 547, 547, 552, 570, 581, 685, 691—695, 720, 786
сны 165, 227, 229, 234, 240—241, 347, 392, 395, 458, 615, 617, 621, 642, 644, 654, 665—666, 712, 735, 737, 741—742, 766, 792, 809, 810
справка 65, 128, 142, 148, 200, 220, 348, 353, 455, 468, 587, 636, 702, 725, 768
СССР (Советский Союз)19, 58, 96, 100, 154, 165, 168, 394, 520, 636, 682, 721
Сталин, И. В. 62, 77, 79, 93, 153, 155, 158, 212, 230—31, 305, 312, 317, 410, 415, 419—442, 450, 452, 520, 529, 584, 586, 614, 618, 717, 757, 781, 797—98, 800, 802
Сталинград 60, 70, 71, 415—416, 426—440, 576, 717, 761
страдание 72, 137, 139, 195, 212, 294, 297—298, 317, 357—358, 390, 487, 511—512, 573, 580, 583—584, 644, 654, 720, 797

страх 68, 81, 177, 361, 493, 540, 553, 583, 639, 766, 773, 814
см. также боязнь, бояться
субъектность 15
субъективация 15, 416—7
интерсубъективность 17—19
судьба 45, 112, 89, 142, 150, 219, 220, 223, 268, 325, 337, 390, 461, 465, 479, 540, 542, 566, 635, 641, 647, 667, 668, 700, 702, 721, 722, 728, 734, 758, 767, 788, 793
США (Америка) 419, 425, 490, 498, 788,
счастье 56, 58, 61, 138, 186, 188, 250, 306, 357, 372, 375, 380, 382, 383, 390, 392, 421, 429, 434, 446, 514, 544, 561, 565, 615, 640, 659, 664—670, 673—675, 713, 718, 743—744, 789, 798

танк 54, 59, 66, 70—71, 149, 223, 309, 321, 423, 428, 432, 433—434, 435, 446, 450, 541, 564, 577—578, 672, 756
телеграмма 32, 35, 39, 40—43, 45, 48, 50, 51, 94, 114, 130, 131, 138, 142, 143, 193, 195, 200, 215, 237, 268—270, 272, 274, 324, 368, 374, 380, 382, 453, 455, 478, 503—504, 511, 547—548, 550, 569, 672, 675, 685, 687—690, 692, 694, 695, 697, 699, 801
тоска 141, 143, 172, 219, 226, 237, 239, 242, 248, 261, 262, 266, 273, 377, 385, 390, 449, 458—462, 470, 575, 592, 596, 621—622, 643, 652, 672, 673, 735, 738, 741
травма 16, 263, 358, 486, 683
травматическая речь 16, 359—360, 683, 782—784
трофеи и сувениры 157—159, 161, 343, 347, 405—407, 452, 729—730
трудности 37, 56, 221, 315, 328, 374, 393, 421, 513, 575, 639, 681, 716, 739, 796, 799
труп 49, 101, 221, 305, 433, 438, 514, 539, 786
трусость 75, 177, 423, 444, 451, 539, 574
тыл 56, 58, 61, 68, 71, 105, 124, 178, 191, 205, 208, 294, 300, 303, 305, 317—318, 347, 421—422, 424, 432, 443, 506, 509—510, 512, 514—517, 520, 557, 571, 576, 635, 680, 682, 709, 714, 721, 750, 766, 797, 813
убийство, убитый, убивать 50, 57, 60, 66, 79, 96, 98—99, 101. 162, 190, 191, 194, 212, 292—293, 311—312, 319, 353, 414, 432, 434, 442, 456—457, 476, 499, 527, 550, 552, 554, 556, 564, 566, 569, 570, 585 647, 685, 706, 767, 793, 804
см. также смерть, гибель, погибший
ужас 16, 56, 218, 226, 250, 284, 296, 303, 309, 311, 314, 322, 357, 365, 371, 376, 418, 447, 478, 528, 538, 542, 547, 548, 551, 552, 554, 580, 603, 663, 692, 694
Украина 226, 324, 415, 431, 433, 437, 450, 560—562, 617, 626, 670, 753, 774
умирать 56, 145, 200, 212, 261, 284, 359, 407, 495, 519, 538, 544, 550, 569, 576, 649, 683, 751—52, 767, 773, 792, 804, 806
упрек 94, 576, 638, 672, 726
утрата 44, 56, 487, 780, 798—799, 804

фашизм 54—55, 58—59, 60, 205, 317, 438, 440, 442, 444, 463, 518—519, 528, 668
Финляндия 192, 195, 200, 374, 463, 540, 563, 612—613
Франция 185, 228, 294—295, 557
формуляр (письма) 25—26
фото (фотография, фотокарточка) 47, 62, 68, 74, 77, 92, 95, 97, 144, 149, 160, 165, 167, 172, 177—178, 209—211, 213, 216, 219—221, 227, 228, 230, 233, 237, 238, 242—244, 247—248, 326, 334, 349, 388, 393, 394, 395, 397, 398, 408, 409, 528, 562, 571, 614, 618, 639, 652, 656, 662, 663, 665, 667, 669, 701, 706, 708, 717, 726, 728, 729, 735, 743, 771, 772, 773, 780, 788, 793, 804, 807, 810

хлеб 59, 60, 71, 106, 108, 124, 125, 138, 140, 143, 206, 208, 210, 211, 227, 247, 278, 281, 302—304, 306—307, 318, 337, 338, 346, 354, 357, 362, 382, 383, 385, 387, 389, 395, 424, 447, 512—513, 519, 557, 570, 601, 605, 609, 614, 642, 741, 764, 766
холод 43, 53, 81, 137, 139, 141, 145, 148, 200, 204, 218, 220, 222, 225, 230, 294, 300, 301, 304, 307—311, 313—314, 338, 381, 404, 420, 423, 425, 472, 475—476, 478, 505, 511, 512, 544, 548, 587, 650, 741
холокост 319—320, 530—532, 576, 583, 586—587
см. также оккупация и оккупационные режимы, лагеря
храбрость, храбрый 41, 54, 56, 184, 189, 190, 198, 435, 443, 490, 544, 604, 723, 756
хунхузы 196—198, 275

цензура 11, 29, 31, 50, 177, 212, 273, 300, 357, 359, 370, 419, 486, 509, 518, 637, 639, 682, 806, 807
самоцензура 413

чек 111, 165, 168, 398, 405
черный рынок 338, 340
честь 28, 56, 60, 62, 71, 87, 125, 205, 346, 427, 429, 434—435, 436, 442, 470, 474, 489, 496, 567, 577, 799
Чечня 249—241, 252, 326—328, 330—332, 334—337, 339—342, 344, 346, 348, 629—630, 752—753, 775, 807, 813—815
чувства 16, 29, 43, 49, 50, 59, 70, 74, 84, 85, 88, 92, 100, 123, 143, 146, 148, 152, 157, 177, 188, 190, 193, 204, 213, 219, 221—22, 225—33, 238, 241, 244—47, 263, 268, 273—74, 300, 309, 312, 319, 365, 369, 380, 400, 405, 416, 419, 427, 439, 444, 453, 456, 487, 501, 504, 509—10, 519, 574, 596, 606, 636—37, 643, 652, 656—57, 663, 666, 671, 673, 689, 691—92, 720, 722, 727, 734—35, 739, 744, 760, 787, 797, 799, 809

шпиономания 67, 366, 485, 486, 492, 505
штаб 44, 50, 97—100, 196, 198, 203, 253, 262, 269, 274—276, 278, 279, 293, 306, 420, 423, 442, 521, 785, 786, 802

эвакуация и возвращение 136—137, 138, 147, 358, 362—363, 367—376, 379, 575—576
эмоции 12, 18—19, 28—29, 177, 257, 357—58, 537, 539—42, 635—38, 679, 681, 749, 751
эстетика войны 53, 70—71, 183, 195, 250, 333, 348, 547, 659, 738

Содержание

Благодарность 5
Алексей Голубев, Сергей Ушакин. Экс-позиция письма: О правилах чтения чужой переписки 8

I. ВОЕННОЕ ДЕЛО

Елена Рождественская. Война как труд над миром 25
В Российское общество Красного Креста: «Смею предложить мою готовность» (1899) 32
Всеволод Егорьев: «Будем ждать и надеяться, что и нас когда-нибудь пошлют в дело, и мы сделаем его, как следует» (1904) 38
Переписка с гвардейцами-панфиловцами: «Работайте спокойно. Ни шагу дальше врагу ступить не дадим» (1941—1942) 53
Байджур Анарбаев: «Прошу и Вас, дорогие мои земляки, не отстать в соревновании» (1942) 60
Юсуп Матиев: «Прошу Вас не покладая рук работать на оборону нашей страны» (1942) 61
Василий Шапорев: «Милыми может быть каждый, а вот твердыми — нет» (1942) 63
Владимир Умников: «Пристрелил много немцев. Гады притворялись убитыми» (1942—1943) 65
Военнослужащие танковой колонны «Советский Киргизстан»: «Эти боевые машины мы постараемся использовать на полную мощь» (1942—1943) 70
Салман Маматиев: «Тех же Фрицев, Карлов и Гансов, что Вы рубали в первую империалистическую войну, будем бить и мы» (1943) 73
Андрей Грабчак (Буйный): «Делов до чертовой матери, и мы обязаны все эти дела переделать» (1943) 76
Военный врач: «Армия — большая жизненная школа» (без даты) 81
Михаил Савченко: «Сам лично участвую в бою, работа весьма сложная» (1943—1945) 84
Левон Мкртчян: «Пришлось попутешествовать по землям Чингисхана» (1943—1946) 90
Валерий Польский: «Пытаюсь вырваться на войну, но пока не получается» (1987—1988) 96

II. ДЕНЬГИ ВОЙНЫ

Елена Гапова. Жизнь денег на войне 105
Неизвестный автор: «К чему, например, такие жалованья врачам в Красном Кресте?» (1904) 112
Переписка епископа Николая: «Мы были в плену, мы были без денег, и все же» (1905) 116

Письма российских военнопленных: «Нахожусь раненный, оторвало палец. Пришлите денег» (1914—1915) ... 119
Василий Позняк: «Я и на том свете буду считать, что я вам должен» (1915) ... 121
Письма солдат: «Первым долгом постарайтесь прибавить жалованья» (1917) ... 123
Жены красноармейцев: «Я в посылок положила в палец в перчатку 12 рублей денег» (1939) ... 127
Григорий Казанцев: «Мне деньги не нужны, купить нечего и негде. Одна тайга» (1940) ... 131
Андрей Ипатов: «Итак, жду письма, перчаток, чулок, курева, материала для пирогов» (1941—1945) ... 133
Дима К.: «Вышлю вам аттестат на военкомат, где ты и будешь получать деньги» (1943) ... 160
Б.М. Козенко: «Есть у меня коллекция денег восьми государств» (1944) ... 161
Игорь Бояринов: «Не забудь написать, есть ли в городе банк и чековые магазины» (1986) ... 164

III. ВОЕННЫЙ БЫТ

Ирина Реброва. Наука выживать ... 177
Леонид Покровский: «Все это вместе так полезно и так симпатично!» (1900) ... 182
Карл Маннергейм: «Скажи папе, что я достал туфли» (1904—1905) ... 188
Магомет Маллачи-хан: «Едем-едем, а куда в итоге, не знаю» (1914—1915) ... 201
Хамзат Алиев: «Я сегодня получил носовой платок, рукавицы, мыло, другие вещи» (1942) ... 205
Андрей Агапитов: «Когда вернусь с войны, приятно будет вспомнить о фронтовой жизни» (1942—1944) ... 206
Андрей Петров: «Интересно мне узнать, доится ли у нас корова, а если доится, то сколько литров дает?» (1943) ... 214
Николай Чекменев: «Написал трагедию в 4-х действиях "Весна"» (1944) ... 215
Николай Савченко: «Читаю ежедневно газеты, журналы. Люблю отгадывать кроссворды, ребусы» (1944—1945) ... 216
Виталий Бадма-Горяев: «Слышал ансамбль такой "Чингиз-хан" германский? Клевая вещь. Послушай» (1980) ... 235
Дмитрий Войнов: «А по вечерам видак смотрим, если есть свет» (1996) ... 249
Александр Давыдов: «Расстраиваться не из-за чего, у нас здесь тихо и спокойно» (1999—2000) ... 252
Николай Коваленко: «Пояс радикулитный я постараюсь найти» (1999—2000) ... 255

IV. ГНЕТ ВОЙНЫ

Дмитрий Мордвинов. «Все несчастья да несчастья»: о тяготах военного быта ... 261
Зиновий Рожественский: «Все ведь к одной своей развязке роковым путем направляется» (1904—1905) ... 267
Александр Маслов: «Надоела эта Маньчжурия» (1904—1905) ... 275
Федор Кисиль: «Куда ни хожу, Бога прошу сохранить меня от всякого зла» (1915) ... 281
Нестор Калужняцкий: «Умирают люди!» (1916) ... 284

Григорий Горбач: «Вокруг меня беда. Да и только того добра, что нет этому конца» (1915—1916) ... 286
Письма солдат: «Вы нас забыли, что мы есть в окопах» (1917) ... 291
Юсуп Кодзоев: «На фронт возвращают нас. Что будет — одному Аллаху известно» (1941) ... 299
НКВД СССР: «Отмечены упаднические настроения отдельных военнослужащих» (1941—1942) ... 300
НКВД СССР о письмах немецких солдат: «Описывают тяжелые условия войны, массовую завшивленность личного состава, отсутствие каких-либо перспектив» (1942) ... 308
Из районов, освобожденных Красной армией: «Из домашних животных у нас нет ничего, кроме кошки. Все проклятый зверь уничтожил» (1943) ... 315
Чрезвычайной государственной комиссии: «Я так ждала Красную Армию» (1944) ... 319
Клавдия Боркова: «Били нас не немцы, а казаки и пленные, которые продались немцам» (1943) ... 321
Ольга Малиновская: «На калитке была надпись "Украинцам вход воспрещен"» (1944) ... 324
Виталий Зайцев: «Нас просто как бы здесь нет» (1995—1996) ... 326
Сергей Матвеев: «Тут, с одной стороны, вроде и плохо, а с другой — можно столькому научиться» (1999—2000) ... 351

V. ВОЕННОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ

Полина Барскова. «В этом смертном мире пусть мы будем сыты»: военные письма о голоде и сытости ... 357
Светлана и Георгий Сусловы: «Привози сухариков и конфетку» (1942) ... 362
Переписка между семьями Левис, Стахевич и Брик: «Какими источниками вы питаетесь?» (1942—1945) ... 364
Переписка семьи Боришанских-Лурье: «С питанием дело постепенно налаживается» (1941—1942) ... 377
Сайдали Акбаров: «В этом смертном мире пусть мы будем сыты» (1941) ... 388
Всеволод Попов: «Как вы живете, питаетесь?» (1943, 1945) ... 392
Евгений Мальгин: «Пеку на паяльной лампе. Очень удобно» (1986) ... 394

VI. ШТАМПЫ ВОЙНЫ

Йохен Хелльбек. Формовка солдатского «Я» ... 413
Спецсообщения военной цензуры: «Только ярко патриотических настроений отмечено до 70%» (1941—1942) ... 419
Письма участников Сталинградской битвы в газету «Сталинское знамя»: «Сталинград взывает к мести» (1942) ... 426
Письма фронтовиков в газету «Сердало»: «Мы не пожалеем ни сил, ни крови, ни души» (1941—1942) ... 441
Письма красноармейцев в газету «Советская Киргизия»: «Запад горит. Пусть нас освещает пожар» (1941, 1943) ... 444
Марлен Давиташвили: «Коммунистический привет, мои любимые родители» (1943) ... 448
Иван Доброхотов: «Вот вам две благодарности за город Познань и Прорыв обороны на реке Висла» (1943—1945) ... 451

Василий Баженов: «У писем моих непростая дорога» (1943) 453
Александр Заморзаев: «Когда вернемся мы обратно, с ума от радости сойдем» (1944) 455

VII. ВОЕННЫЕ ДОНЕСЕНИЯ

Александр Чащухин. Актер как зритель. Зритель как актер 483
Василий Верещагин: «Если сабля моя не сильна, то хоть карандаш послужит Вам» (1904) 489
Прибалтийские немцы: «Указанные сообщения не соответствуют действительности» (1914—1915) 495
Солдаты Восточного фронта: «Просим вас, господа, убрать отсюда всю эту сволочь» (1917) 503
Военные цензоры: «За последнее время значительно чаще встречаются письма "сознательных" и "товарищей"» (1917) 509
НКВД СССР: «Вследствие трусости участвовать в боях, красноармеец покончил жизнь самоубийством» (1942) 518
Никон и Иван Ермоленко: «Я решил сообщить Чрезвычайной Государственной Комиссии на бывшую мою невестку» (1943—1944) 524
Горские таты: «В чем заключалась роль каждого из этих наймитов?» (1944) 530

VIII. ГНЕВ ВОЙНЫ

Ольга Никонова. Гнев, ужас, злоба: О хронологии и социографии военной ненависти 537
Дмитрий Дараган: «Сегодня мы стреляли по японцам и довольно удачно» (1904) 543
Письма солдат: «Почему вы буржуазию не выколете?» (1917) 556
Письма в РККА: «А зарвавшимся паразитам отомстить» (1939) 560
Письма солдатских матерей: «Благословляю тебя гневом своей Родины» (1941) 564
Тимофей Вербицкий: «При встрече с немцами стараюсь убить гада первым» (1941) 566
Григорий Манаков: «Не убил немца — день пропал. Такое настроение у всех воинов РККА» (1942—1944) 568
Воины Кубани: «Воспитываем людей в духе жгучей ненависти» (1941—1944) 573
Письма красноармейцев в газету «Советский боец»: «Месть моя к ненавистному врагу неистребима» (1945) 579

IX. ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Андрий Заярнюк. Антропологи поневоле: Плен как граница культур 591
Военнопленные в Хамадера: «Я думаю, вам скучно жить в неволе, да и вредно» (1905) 596
Русские военнопленные: «Для нас в Германии не было Сибири» (1915—1916) 600
Военнопленные из австро-венгерских и немецких лагерей: «Нахожусь в плену, с родины ничего не получаю» (1917) 609
Михаил Масарновский: «Вы мне пишите письмо, просто не залазя в политику» (1942) 612

Из немецких трудовых лагерей: «Работа легкая, только тяжело выстоять десять часов» (1941—1943) ... 614
Вильгельм Кромер: «Посылайте по возможности обжаренную на масле муку и сухари» (1942—1943) ... 620
Переписка Ульяны Камянской: «Стараюсь спрашивать по-немецки, потому что по-украински они не понимают» (1942—1944) ... 623
Пленные военнослужащие из Чечни: «Вам, наверное, пришла бумага, что пропал без вести» (1996) ... 628

X. РОМАНЫ ВОЙНЫ — I

Мария Литовская. «Хотя бы поглядеть, какой ты, а то уж позабыла, какой ты был...» ... 635
Жены военнослужащих: «Милый Ваня, теперь бы полежать с тобой» (1939—1940) ... 641
Тамара Пахелюк: «Я тебя жду, как из печки пирога» (1939) ... 648
Нина Бавина: «Ты читай все эти точки и узнай, что пишут строчки» (1939—1940) ... 651
Лидия Прокофьева: «Но виноваты в этом обои» (1942) ... 656
Переписка Раи Клейман и Марка Файнбома: «Я буду принадлежать только тебе. А ты?» (1941) ... 658

XI. РОМАНЫ ВОЙНЫ — II

Константин Богданов. Сюжеты надежды ... 679
Василий Черкасов: «Пусть будет "Шесть раз целую тебя" означать, что шесть япошек уничтожено...» (1904) ... 684
Михаил Мороз: «Твой искренне любящий муж грустно смотрит на той чужой стороне...» (1915—1916) ... 698
Василий Зябкин: «Если я не вернусь, то тебе останется великая память» (1939) ... 701
Семен Кузнецов: «То ли у Вас нет времени написать мне хоть пять слов, то ли Вы на это смотрите хладнокровно?» (1941—1943) ... 702
Александр Стрекаль: «Насчет Б. Таньки скажу, не таясь» (1941—1944) ... 714
Дмитрий Введенский: «Если я тебе не нужен, так и напиши. Я буду знать» (1941—1943) ... 716
Николай: «И я часто вспоминаю Болконского» (1943—1944) ... 720
Анатолий Балашов и Анастасия Антонова: «Пиши и не обижайся» (1944) ... 724
Николай Соловьев: «Да, была у меня жена — автомат» (1944) ... 731
Павел Буравцев: «Наша любовь соединена тонкой ниткой письма» (1985) ... 733

XII. МАТЬ ВОЕННООБЯЗАННОГО

Елена Барабан. Связь с родным ... 749
Петр Выхопеня: «Дорогие Мама! Я не столько болен, сколько тяжело мне на сердце» (1916) ... 755
Александр Милованов: «Прости мне, мать, что я так гордо уехал тогда» (1941) ... 756
Анатолий Лозгачев: «Мама, война наложила на меня суровый отпечаток» (1942) ... 760
Александр Борисов: «Через неделю буду на фронте» (1943) ... 763
Михаил Артемов: «Дорогая мамочка, меня засыпало землей от разрыва артиллерийского снаряда» (1943) ... 764

Алексей Бачурин: «Ты без меня два года жила и устала на все пять лет вперед» (1983—1984) ... 768
Любовь Фурсова: «Кто как не мы, матери, положим на их могилу цветок?» (1987—1991) ... 771
Александр Лемзяков: «Ну, все, мамань, по-прежнему жду ответа» (2000) ... 775

XIII. УТРАТЫ ВОЙНЫ

Ирина Сандомирская. «Мы уезжаем, куда неизвестно, только не скучайтесь»: Читая чужие письма ... 779
Михаил Мишин: «Жизнь на волоске. Вот и все» (1939—1940) ... 785
Аате Питкянен: «Путь моей жизни закончился немного раньше, чем я ожидал» ... 788
Мовли Оздоев: «Трудного до сих пор я не видел» (1943) ... 790
Григорий Павловский: «Война без потерь не бывает, кому-то надо и умирать» (1943) ... 792
Письма о Владимире Решетникове: «Хоронили очень торжественно и давали салют» (1944—1945) ... 793
Переписка семьи Камбалиных: «Тяжела утрата, но теперь уже ничем не поможешь» (1942—1944) ... 797
Переписка семьи Белинских: «И мы сделаем ему тризну» (1942—1945) ... 801
Галина Кашина: «Так себя корю — зачем мы не открыли гроб?» (1986—1987) ... 804
Андрей Никонов: «А после Чечни мне дадут 40 суток отпуска» (1996) ... 813

Источники ... 816

Сведения об авторах проекта ... 823
Авторы введений к рвзделам ... 824
Предметный и именной указатель ... 825

XX ВЕК: ПИСЬМА ВОЙНЫ

Редакторы-составители *С. Ушакин, А. Голубев*
Подготовка документов *Е. Гончарова, И. Реброва*
Дизайнер *А. Рыбаков*
Корректор *М. Смирнова*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 52,5. Тираж 1000. Заказ № 1013

Отпечатано в ООО «Типография «Миттель Пресс»
Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д.14, стр. 6.

ISBN 978-5-444-80571-8

Новое
Литературное
Обозрение

Войны XX века превратили Россию и СССР в страну писем. Обязательная воинская служба, всеобщая грамотность и хорошая организация почтовой службы сделали письма основной формой коммуникации между военнослужащими и их близкими. Массовые мобилизации во время больших и малых войн XX века существенно расширили эту форму общения. Сборник позволяет проследить зарождение и завершение феномена военной корреспонденции на протяжении XX столетия – от первой войны в Южной Африке, когда устойчивая переписка стала возможной, до последней войны на Северном Кавказе, когда письменная корреспонденция была окончательно вытеснена телефонной связью. Представленная здесь вековая экспозиция военных писем не только показывает, как происходит трансформация войны в эпистолярном жанре, но и демонстрирует его историческую динамику. В книгу вошли подборки писем из частных коллекций, архивных и музейных фондов, а также ранее опубликованных, но малодоступных источников. За редким исключением письма представлены целиком, без купюр.

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ